

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

М А Й.

1876.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXXV .

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Большая Садовая, д. № 49—2).

1876.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Первыя страницы русской исторіи. (Продолженіе) Д. О. ЩЕГЛОВА.

Индійскія сказанія. (Окончаніе). И. П. МИНАЕВА.

Иванъ Посошковъ. (Продолженіе). А. Г. БРИГНЕРА.

Объ условіяхъ поступленія на государственную гражданскую службу въ европейскихъ государствахъ В. П. БЕЗОБРАЗОВА.

Торговля и мирныя сношенія русскихъ княжествъ съ Ливоніей въ XIII вѣкѣ. . . И. ТИХОМИРОВА.

Бритическія и библиографическія замѣтки:

Catalog der hebräischen Bibelhandschriften der Kaiserlichen öffentlichen Bibliothek in St.-Petersburg. Von A. Harkavy und H. L. Strack. (Описаніе еврейскихъ Библейскихъ рукописей, хранящихся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, составленное А. Гаркави и Г. М. Стракомъ . . . Г. М. СТРАБА.

Еврейская грамматика В. Гезеніуса. Переводъ профессора К. Коссовича.

Еврейская хрестоматія съ ссылками на грамматику Гезеніуса и глоссаріемъ еврейско-русскимъ, составленная профессоромъ К. Коссовичемъ. . . Его же.

Краткій очеркъ англійскихъ владѣній въ Азіи. Составилъ М. Венюковъ И. М. МИНАЕВА.

Педагогическая литература: учебники и книги для чтенія.

Списокъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, какъ существовавшихъ до 1866 года, такъ и учрежденныхъ въ теченіи 1866—1876 гг., съ показаніемъ на какія изъ этихъ учебныхъ заведеній и въ какомъ количествѣ отпускаются суммы изъ городскихъ доходовъ и земскихъ сборовъ (съ картою).

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты и б) низшія училища.

Отдѣлъ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ. . . (См. на 3-й стр. обѣрки)

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

Russia. Ministerstvo narodnago
" просвѣщенія.

ЧАСТЬ СLXXXV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).

1876.

TO THE
LIBRARY

L451
AA
v.185

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (3-го февраля 1876 года). *Объ отнесеніи евангелическо-лютеранскихъ семинарій къ III разряду, а волостныхъ и приходскихъ школъ Прибалтійскаго края къ IV разряду учебныхъ заведеній по отбыванію воинской повинности.*

Его Императорское Вѣличество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ отнесеніи евангелическо-лютеранскихъ учительскихъ семинарій къ III разряду, а волостныхъ и приходскихъ школъ Прибалтійскаго края къ IV разряду учебныхъ заведеній по отбыванію воинской повинности, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта

Константинь.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ особомъ присутствіи о воинской повинности и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ объ отнесеніи евангелическо-лютеранскихъ учительскихъ семинарій къ III разряду, а волостныхъ и приходскихъ школъ Прибалтійскаго края къ IV разряду учебныхъ заведеній по отбыванію воинской повинности, и соглашаясь въ существѣ съ заключеніемъ его, министра, *мнѣніемъ положилъ:*

1) Евангелическо-лютеранскія учительскія семинаріи, а равно волостныя и приходскія школы въ Прибалтійскомъ краѣ отнести, по

отбыванію воинской повинности: учительскія семинаріи въ III, а волостныя и приходскія школы въ IV разряду учебныхъ заведеній (прилож. къ ст. 53 уст. о воинской повинности).

2) Впредь до изданія въ законодательномъ порядкѣ общаго положенія объ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, свидѣтельства и удостовѣренія, требуемыя ст. 56, 57 и 63 уст. о воинской повинности, выдаются на слѣдующемъ основаніи:

а) Свидѣтельства ученикамъ упомянутыхъ учебныхъ заведеній объ успѣшномъ окончаніи ими курса выдаются въ Лифляндской губерніи — мѣстными уѣздными комитетами сельскихъ школъ, а въ Эстляндской и Курляндской губерніяхъ — училищными совѣтами, съ тѣмъ: во 1-хъ, чтобы при этомъ предсѣдательствованіе во всѣхъ сихъ учрежденіяхъ принадлежало уѣзднымъ предводителямъ дворянства, и во 2-хъ, чтобы означенныя свидѣтельства выдавались не иначе, какъ по надлежащемъ испытаніи въ отношеніи объема познаній по всѣмъ предметамъ (за исключеніемъ русскаго и церковно-славянскаго языковъ), сообразно требованіямъ, установленнымъ для соотвѣствующихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

б) Удостовереніе въ знаніи окончившими курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ и волостныхъ и приходскихъ школахъ русскаго языка, согласно требованіямъ, означеннымъ въ ст. 57 уст. о воинской повинности, производится порядкомъ, установленнымъ по взаимному соглашенію министровъ: военнаго, внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и

в) Удостоверенія преподающимъ въ упомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ изъ лицъ, удовлетворяющихъ общеустановленнымъ для сего условіямъ, въ томъ, что они не оставили соотвѣствующихъ ихъ званію занятій (уст. о воинской повинности ст. 63 п. 3) выдаются учреждениями, упомянутыми въ пунктѣ а, также подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства.

3) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министрами народнаго просвѣщенія и финансовъ, безотлагательно внести въ государственный совѣтъ соображенія о мѣрахъ къ предоставленію губернаторамъ трехъ Прибалтійскихъ губерній средствъ къ наблюденію за школами вѣрренныхъ имъ губерній.

Подлинное мѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателемъ и членами.

2. (17-го февраля 1876 года). *О преобразованіи четырехклассной Шуйской прогимназіи въ шестиклассную.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, о преобразованіи четырехклассной Шуйской прогимназіи въ шестиклассную, согласно съ симъ представленіемъ, *мнѣніемъ положиль:*

1) Четырехклассную Шуйскую (Владимірской губерніи) мужскую прогимназію преобразовать, съ 1-го іюля 1876 года, въ шестиклассную, съ отпускомъ, съ того же срока, на ея содержаніе, сверхъ ассигнуемыхъ нынѣ изъ казны 2,300 руб. и жертвуемыхъ мѣстными земствомъ и городскимъ обществомъ 12,250 руб., еще по *пяти тысячъ семисотъ тридцати пяти* рублей въ годъ изъ государственнаго казначейства, съ тѣмъ: а) чтобы въ 1876 году была отпущена, по расчету съ 1-го іюля, только половина этой суммы и б) чтобы ассигнуемая казною и мѣстными обществами въ полугодовомъ размѣрѣ деньги (10,143 р.) обращены были въ 1876 г. на разныя суммы, условно внесенныя на сей предметъ въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія на сей годъ; на будущее же время всю сумму, которая будетъ отпускатся казною, заносить въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія, а жертвуемая мѣстными обществами деньги показывать, по доходной смѣтѣ сего министерства, пособіемъ государственному казначейству.

2) Могушіе быть отъ штатныхъ суммъ Шуйской мужской прогимназіи остатки раздѣлять на двѣ части: одну, соотвѣтствующую суммѣ, отпускаемой казною, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи мѣстныхъ городского общества и земства для употребленія по ихъ усмотрѣнію на нужды прогимназіи.

Государь Императоръ изложенное мнѣніе Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

3. (17-го февраля 1876 года). *Объ учрежденіи въ г. Троицкосавскѣ реальнаго училища.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Троицкосавскѣ реальнаго училища, *мнѣніемъ положиль:*

1) Учредить въ г. Троицкосавскѣ (Забайкальской области) реаль-

ное училище, съ коммерческимъ отдѣленіемъ въ двухъ старшихъ классахъ.

2) Отпускать на содержаніе сего училища, сверхъ 9,000 руб., жертвуемыхъ Кяхтинскимъ городскимъ обществомъ, еще по *двѣнадцати тысячъ шести сотъ* рублей въ годъ изъ государственнаго казначейства, а всего по двадцати одной тысячѣ шести сотъ рублей въ годъ.

3) Ассигнуемую казною на сей предметъ сумму (12,600 руб.) вносить, съ будущаго 1877 года, въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ суммами, жертвуемыми Кяхтинскимъ городскимъ обществомъ (9,000 руб.), показывая эти послѣднія суммы пособіемъ государственному казначейству.

4) Предоставить министру народнаго просвѣщенія открыть учреждаемое реальное училище въ теченіе настоящаго смѣтнаго года, если онъ изыщетъ для сего, въ добавокъ къ пожертвованію Кяхтинскаго городского общества, потребныя средства въ могущихъ оказаться остаткахъ по смѣтѣ министерства на сей (1876) годъ, съ тѣмъ, чтобы министромъ народнаго просвѣщенія сообщено было, въ свое время, министру финансовъ и государственному контролеру о томъ, на счетъ какихъ именно смѣтныхъ подраздѣленій предположено будетъ отнестись означенный расходъ въ текущемъ году.

5) Могущіе оказаться отъ штатныхъ суммъ Троицкосавскаго реального училища остатки раздѣлять на двѣ части: одну, соотвѣтствующую суммѣ, отпускаемой казною, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи Кяхтинскаго городского общества, для употребленія, по его усмотрѣнію, на нужды училища.

Государь Императоръ изложенное мнѣніе Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

4. (23-го февраля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендій при Варшавскомъ университетѣ.*

На основаніи Высочайше утвержденной программы празднованія въ Варшавѣ 7-го февраля 1873 года 400 лѣтняго юбилея дня рожденія астронома Коперника, Варшавскіе обыватели-распорядители сего праздника открыли подписку на образованіе капитала для учрежденія при Варшавскомъ университетѣ стипендіи имени Николая Коперника, каковая подписка доставила капиталъ въ 15.240 руб

49 коп., а за обращеніемъ онаго въ процентныя бумаги *шестнадцать тысячъ сто семь руб. пятьдесятъ четыре коп.*

Вслѣдствіе представленія о семъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Варшавскомъ университетѣ стипендій изъ процентовъ означеннаго капитала, съ наименованіемъ оныхъ „*стипендіями Николая Коперника*“.

5. (23-го февраля 1876 года). *О принятіи Корочанской шестиклассной прогимназіи подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича и о присвоеніи оной наименованія „Александровской“.*

Корочанское уѣздное земское собраніе, чрезъ посредство Курскаго губернатора, вошло въ ноябрѣ прошлаго года въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о принятіи существующей въ г. Корочѣ шестиклассной прогимназіи подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича и о присвоеніи сей прогимназіи наименованія „*Александровской*“, въ честь Имени Его Высочества.

По всеподданнѣйшему, вслѣдствіе выраженнаго Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ предварительнаго согласія, докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше на сіе соизволилъ.

6. (23-го февраля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Казанской первой гимназіи.*

Душеприкащикъ умершей вдовы надворнаго совѣтника Надежды Петонди, коллежскій совѣтникъ Лебедевъ, представилъ въ Казанское губернское казначейство 5,000 руб. 5¹/₂% билетами государственнаго банка съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала, согласно духовному завѣщанію покойной Петонди, была учреждена при Императорской Казанской первой гимназіи одна стипендія въ память покойнаго мужа ея, надворнаго совѣтника Ѳомы Ивановича Петонди.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе представленія попечителя Казанскаго учебнаго округа, Высочайше соизволилъ какъ на принятіе капитала въ *пять тысячъ рублей*, такъ и на учрежденіе изъ процентовъ съ онаго при Императорской Казанской первой гимназіи одной

стипендіи, съ наименованіемъ ея: „стипендія надворнаго совѣтника
Фомы Ивановича Петонди“.

7. (23-го февраля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи въ мужскомъ училищѣ, находящемся въ Павловскомъ посадѣ.*

Московскій губернаторъ представилъ министерству внутреннихъ дѣлъ ходатайство думы Павловскаго посада объ учрежденіи при мѣстномъ мужскомъ училищѣ стипендіи имени Московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова пѣ память десятилѣтняго служенія его въ настоящей должности. Стипендія эта обезпечивается капиталомъ въ 300 руб., отчисляемнхъ изъ доходовъ Павловскаго посада, проценты съ коего будутъ выдаваться тремъ бѣднымъ и отличнмъ ученикамъ того училища, по окончаніи въ ономъ курса.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія объ этомъ, Высочайше на сіе соизволилъ.

8. (23-го февраля 1876 года). *О формѣ одежды учениковъ Одесскаго коммерческаго училища.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, основанному на представленіи попечителя Одесскаго учебнаго округа и на ходатайствѣ попечительнаго совѣта Одесскаго коммерческаго училища, Высочайше соизволилъ на установленіе для учениковъ этого училища форменной одежды, описаніе которой, при семъ прилагаемое, тогда же удостоилось Высочайшаго утвержденія.

На подлинномъ написано: „Высочайше утверждено 23-го февраля 1876 года, въ С.-Петербургѣ“.

Подписалъ: министръ народнаго просвѣщенія,
графъ *Дмитрій Толстой.*

РОСПИСАНІЕ

Формы одежды учениковъ Одесскаго коммерческаго училища.

1. Полукафтанъ: чернаго сукна, однобортный, не доходящій до колѣнъ, застегивающійся на девять посеребренныхъ пуговицъ съ изображеніемъ герба города Одессы, съ четырьмя такими-же пуговицами свади по концамъ карманныхъ клапановъ; воротникъ (скошенный) и обшлага (прямые) одного сукна съ полукафтаномъ; по верху воротника нашить узкій серебряный галунъ (такой-же какъ у учениковъ

гимназіи); по обшлагамъ и впапанамъ заднихъ кармановъ бѣлаго сукна кантъ.

2. Шаровары: чернаго сукна съ бѣлымъ кантомъ по шву.

3. Пальто: чернаго сукна, двубортное, офицерскаго образца; пуговицы такія-же, какъ на полукафтанѣ; воротникъ отложной съ бѣлымъ вокругъ онаго кантомъ и съ петличками изъ серебрянаго галуна.

4. Кепи: чернаго сукна, по образцу военныхъ кепи, съ бѣлымъ кантомъ по верхней тульѣ; околышъ изъ серебрянаго галуна. На околышѣ, надъ козырькомъ кепи, бѣлый серебряный жезлъ Меркурія.

9. (23-го февраля 1876 года). *О дозволеніи опредѣлять при уездскихъ училищахъ особыхъ врачей и о правахъ ихъ на службу.*

Высочайше утвержденнымъ, въ 24-й день іюня 1863 года, мнѣніемъ государственнаго совѣта предоставлено попечителямъ учебныхъ округовъ, по представленіямъ мѣстныхъ училищныхъ начальствъ, и въ случаѣ дѣйствительной надобности, опредѣлять при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ особыхъ врачей безъ жалованья, но съ правами, предоставленными медицинскимъ чиновникамъ, состоящимъ въ государственной службѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ: распространить приведенный законъ о врачахъ и на городскія по положенію 31-го Мая 1872 года училища, съ тѣмъ, чтобы, кромѣ правъ государственной службы, предоставленныхъ медицинскимъ чиновникамъ, врачи при городскихъ училищахъ имѣли право и на временныя или постоянныя вознагражденія за свой трудъ изъ специальныхъ средствъ тѣхъ училищъ, по усмотрѣнію попечителей учебныхъ округовъ и состоянію таковыхъ средствъ.

10. (23-го февраля 1876 года). *О переводѣ управленія Дерптскаго учебнаго округа изъ Риги въ Дерптъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, основанному на ходатайствѣ попечителя Дерптскаго учебнаго округа, Высочайше повелѣть соизволилъ: управление Дерптскаго учебнаго округа перевести изъ Риги въ Дерптъ, при чемъ:

1) Для большаго обезпеченія преуспѣнія находящихся въ Ригѣ русскихъ учебныхъ заведеній оставить тамъ мѣстопробываніе помощ-

ника попечителя Дерптскаго учебнаго округа, а также состоящаго подъ его предсѣдательствомъ Испытательнаго Комитета.

2) Въ видахъ облегченія попечителя Дерптскаго учебнаго округа въ дѣлѣ осмотра учебныхъ заведеній, поручить помощнику попечителя ревизію учебныхъ заведеній Курляндской губерніи.

3) Предоставить попечителю Дерптскаго учебнаго округа, при кратковременныхъ отлучкахъ его изъ Дерпта, оставлять управление округомъ за собою, а при болѣе продолжительныхъ—передать его помощнику попечителя, съ вызовомъ сего послѣдняго для сего въ Дерптъ;

и 4) На наемъ въ Дерптѣ помѣщенія попечителя и канцеляріи его отпускать ту же сумму по тысячѣ шестисотъ рублей въ годъ, которая ассигнуется на этотъ предметъ въ Ригѣ.

11. (23-го февраля 1876 года). *О наименованіи Севастопольскаго реальнаго училища „Константиновскимъ“.*

Севастопольская городская дума вошла въ министерство народнаго просвѣщенія, чрезъ посредство попечителя Одесскаго учебнаго округа, съ ходатайствомъ о присвоеніи учрежденному въ минувшемъ году въ г. Севастополѣ реальному училищу наименованія „Константиновскаго“ въ честь Имени Государя Великаго князя Константина Николаевича, оказывающаго постоянное высочайшее Свое вниманіе всѣмъ нуждамъ означеннаго города. Его Императорское Высочество на удовлетвореніе сего ходатайства изволило изъявить съ Своей стороны согласіе.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о вышеизложенномъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволило на наименованіе Севастопольскаго реальнаго училища „Константиновскимъ“.

12. (23-го февраля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендій при Таганрогской гимназіи.*

Коллежскій совѣтникъ Маркъ Комнено-Варвацы представилъ директору Таганрогской гимназіи росписку Таганрогскаго отдѣленія государственнаго банка, отъ 27-го ноября 1875 года, за № 505, о взносѣ имъ одного 5% билета государственнаго банка 1-го выпуска № 855, безъ 11-ти купоновъ, въ десять тысячъ рублей, которые онъ пожертвовалъ въ пользу названной гимназіи, съ тѣмъ, чтобы пожертвованный имъ капиталъ въ 10,000 руб. составлялъ вѣчное достояніе

Таганрогской гимназій, а на проценты съ онаго учреждены были при той гимназій *десять стипендій*, по 50 руб. каждая.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, основанному на донесеніи почетителя Одесскаго учебнаго округа, Высочайше соизволилъ какъ на принятіе капитала въ десять тысячъ руб., такъ и на учрежденіе на проценты съ онаго при Таганрогской гимназій десяти стипендій, съ наименованіемъ оныхъ: „стипендіи коллежскаго совѣтника Марка Николаевича Коменго-Варваца“, а равно и на изъявленіе жертвователю Высочайшей благодарности.

13. (23-го февраля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Θεодосійской женской гимназій.*

Θеодосійское городское общество ходатайствовало *объ учрежденіи* при Θεодосійской женской гимназій, на проценты съ пожертвованныхъ вице-адмираломъ Н. М. Соковнинымъ двухъ билетовъ 1-го и 2-го внутреннихъ займовъ съ выигрышами и собранныхъ женою его Л. П. Соковниною 1,065 рублей—одной стипендіи, съ тѣмъ, чтобы выборъ стипендіатки изъ дѣтей бѣдныхъ обывателей г. Θεодосіи зависѣлъ отъ общаго собранія членовъ Θεодосійскаго благотворительнаго общества, а самой стипендіи было присвоено наименованіе „стипендіи имени умершей дочери вице-адмирала Любови Николаевны Соковниной“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на приведеніе изложеннаго ходатайства въ исполненіе.

14. (23-го февраля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Томской мужской гимназій.*

Министерство внутреннихъ дѣлъ доставило въ министерство народнаго просвѣщенія отношеніе генераль-губернатора Западной Сибири, въ которомъ генераль-адъютантъ Казнаковъ, между прочимъ, сообщаетъ, что, по случаю исполнившагбся 11-го ноября прошлаго года пятидесятилѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ бывшаго генераль-губернатора Западной Сибири, генераль-адъютанта Хруцова, чины и сословія этого края, въ томъ числѣ и Томской губерніи, собрали 1,108 руб., для учрежденія при Томской гимназій стипендіи имени Хруцова для уроженцевъ Западной Сибири, и что означенныя деньги уже переданы въ распоряженіе начальства гимназій.

По всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ какъ на принятіе капитала въ 1,108 руб., такъ и на учрежденіе, на проценты съ онаго, при Томской мужской гимназіи одной стипендіи, съ наименованіемъ ея: „стипендія генераль-адъютанта Хруцова“.

15. (23-го февраля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Омской женской гимназіи.*

Чины и сословія Западной Сибири, собравъ, въ память бывшаго генераль-губернатора этого края, генераль-адъютанта Хруцова, всего 5,838 руб., ходатайствовали объ учрежденіи при Омской женской гимназіи на проценты съ 3,038 руб. изъ сего капитала, пяти стипендіи для приходящихъ недостаточныхъ ученицъ означенной гимназіи, а на проценты съ 2,800 руб. стипендіи для одной воспитанницы сего заведенія, съ полнымъ содержаніемъ ея въ мѣстномъ женскомъ пріютѣ „Надежда“ и о присвоеніи симъ стипендіямъ наименованія „стипендіи генераль-адъютанта Хруцова“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на приведеніе изложеннаго ходатайства въ исполненіе.

16. (23-го февраля 1876 года). *О допущеніи производства испытаній на первый классный чинъ въ городскихъ училищахъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: допускать производство испытаній на первый классный чинъ въ четырехклассныхъ, трехклассныхъ и двухклассныхъ городскихъ по положенію 31-го мая 1872 года училищахъ, но въ тѣхъ только мѣстностяхъ, въ которыхъ, или по близости которыхъ, не существуетъ Испытательнаго при учебномъ округѣ комитета, мужскихъ гимназій и прогимназій, гдѣ испытанія сіи должны производиться преимущественно.

17. (23-го февраля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Томской Маріинской женской гимназіи.*

Чины и сословія Западной Сибири, пожертвовавъ капиталъ въ 1,108 руб., ходатайствовали объ учрежденіи при Томской Маріинской женской гимназіи, на проценты съ этого капитала, двухъ стипендіи, въ память бывшаго генераль-губернатора Западной Сибири, генераль-адъютанта Хруцова, съ тѣмъ, чтобы изъ ежегодныхъ процентовъ съ

капитала вносились за стипендіатовъ плата за ученіе въ гимназій, а остальныя деньги употреблялись бы на учебныя для нихъ пособія, и чтобы стипендіямъ симъ было присвоено наименованіе „стипендій генераль-адъютанта Хруцова“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на приведеніе изложеннаго ходатайства въ исполненіе.

18. (23-го февраля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендій при Московскомъ университетѣ и при Елецкой мужской гимназій.*

Начальство Московскаго учебнаго округа, согласно ходатайству Елецкой уѣздной земской управы, вошло къ министру народнаго просвѣщенія съ представленіемъ объ учрежденіи, на счетъ процентовъ съ капитала въ десять тысячъ рублей, пожертвованнаго гвардіи ротмистромъ Вадковскимъ, стипендій: одной при Императорскомъ Московскомъ университетѣ и пяти при Елецкой мужской гимназій, имени жертвователя.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе упомянутыхъ стипендій, съ наименованіемъ оныхъ „стипендіями гвардіи ротмистра Федора Ивановича Вадковскаго“; при этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователя.

19. (23-го февраля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Рижской Александровской гимназій.*

Правленіе вспомогательнаго общества русскихъ купеческихъ приказчиковъ въ г. Ригѣ представило директору Рижской Александровской гимназій билетъ III Рижскаго общества взаимнаго кредита за № 14 въ вѣчный вкладъ, на сумму пятьсотъ рублей, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала учреждена была при названной гимназій одна стипендія имени покойнаго купеческаго приказчика Калининна, какъ одного изъ главныхъ и усерднѣйшихъ учредителей упомянутаго общества.

По всеподданнѣйшему, вслѣдствіе представленія попечителя Дерптскаго учебнаго округа, докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ какъ на принятіе капитала въ пятьсотъ рублей, такъ и на учрежденіе на проценты съ онаго при Рижской Александровской гимназій одной стипендіи, съ

наименованіемъ оной: „стипендія купеческаго приказчика Федора Яковлевича Калинина“.

20. (23-го февраля 1876 года). *О наименованіи учрежденной въ постѣ Карсакова, на островъ Сахалинѣ, первой русской школы Алексіевскою, и о принятіи оной подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества, Государя Великаго князя Алексія Александровича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на наименованіе учрежденной обществомъ русскихъ, живущихъ на Сахалинѣ, въ постѣ Карсакова, по подпискѣ между собою, первой русской школы „Алексіевскою“ и на принятіе оной подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества, Государя Великаго князя Алексія Александровича.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

23-го февраля 1876 года (№ 3). *Утверждаются:* ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Мейковъ* — ректоромъ сего университета, съ 22-го февраля 1876 года по 21-е ноября 1879 года; инспекторъ мѣстныхъ арсеналовъ, профессоръ Михайловской артиллерійской академіи, совѣщательный членъ технического комитета главнаго артиллерійскаго управления и членъ конференціи Михайловской артиллерійской академіи, свиты Его Императорскаго Величества генераль-маіоръ *Гадоминъ* — экстраординарнымъ академикомъ Императорской академіи наукъ по физикѣ, съ 5-го декабря 1875 года, съ оставленіемъ въ занимаемыхъ имъ нынѣ должностяхъ и званіяхъ; *отставные:* гвардіи штабс-ротмистръ баронъ *Вольфъ* и гвардіи подпоручикъ *Томара* — вновь почетными попечителями гимназій: первый — Рижской и послѣдній — Лубенской, оба на три года.

Командируются за границу съ ученою цѣлю: приватъ-доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ *Зенфъ* — на девять мѣсяцевъ, съ 1-го марта 1876 года, кандидатъ Императорскаго университета св. Владиміра *Загоровскій* — на два года.

Увольняются въ отпускъ: экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вельяминовъ-Зерновъ* — за границу и во внутрь Россіи, на одинъ годъ.

III. ВЫСОЧАЙШАЯ НАГРАДА.

Государь Императоръ, въ возданіе отличнаго усердія на пользу народнаго образованія потомственнаго почетнаго гражданина, Колыванскаго 1-й гильдіи купца Захара *Цибумьскаго*, Всемилостивѣйше соизволилъ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, пожаловать его, въ 9 день текущаго апрѣля, орденомъ св. Владимира 3 ст., съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены лицамъ купческаго званія, ст. 204 св. зак. т. I. учр. орд. и др. знак. отлич. (изд. 1857 года).

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (26-го февраля 1876 года). *Правила о стипендіяхъ имени Коперника при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. По поводу 400-лѣтняго юбилея Коперника, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 23-й день февраля 1876 г., учреждаются при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ стипендіи имени Николая Коперника на счетъ процентовъ съ капитала, собраннаго по подпискѣ и заключающагося въ процентныхъ бумагахъ на 16,600 руб. и въ наличныхъ 7 руб. 54 коп.

§ 2. Этотъ неприкосновенный капиталъ находится въ вѣдѣніи Варшавскаго университета и хранится въ одномъ изъ правительственныхъ банковъ, по усмотрѣнію университетскаго правленія. Проценты съ капитала поступаютъ въ спеціальныя средства университета съ исключительнымъ назначеніемъ на стипендіи и денежныя выдачи, означенныя въ § 8.

§ 3. Число и размѣръ стипендій имени Коперника ежегодноно опредѣляются, смотря по надобности.

§ 4. Стипендіи назначаются студентамъ физико-математическаго факультета Варшавскаго университета, по отдѣленію математическихъ наукъ.

§ 5. Назначеніе стипендій зависитъ отъ ректора Варшавскаго университета, по представленію физико-математическаго факультета, и утверждается попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа.

§ 6. Правомъ на полученіе стипендій пользуются всѣ студенты физико-математическаго факультета, отдѣленія математическихъ наукъ, оказывающіе отличные успѣхи по предметамъ: математики, физики, механики и въ особенности астрономіи, при чемъ преимущество дается тѣмъ изъ студентовъ, которые представляютъ вполне удовлетворительныя письменныя работы на одобренныя факультетомъ темы.

§ 7. Въ особенныхъ случаяхъ стипендіи могутъ быть назначаемы (§ 5), по ходатайству физико-математическаго факультета, также и окончившимъ университетскій курсъ студентамъ, причемъ они должны подчиняться общимъ существующимъ для кандидатовъ-стипендіатовъ, правиламъ. При командированіи стипендіатовъ въ другіе университеты или за границу, для усовершенствованія въ наукахъ, университету предоставляется право (§ 5) выдавать таковымъ, въ видѣ ежегоднаго пособія, всю имѣющуюся свободную сумму, но не болѣе 900 руб. въ годъ.

§ 8. Если въ какомъ либо году не окажется достойныхъ кандидатовъ на полученіе стипендій имени Коперника, то университету предоставляется право остающіяся такимъ образомъ свободныя суммы распределять между студентами физико-математическаго факультета, въ видѣ единовременныхъ пособій.

§ 9. Имена студентовъ, удостоенныхъ стипендіи или единовременныхъ пособій изъ означенной стипендіальной суммы, объявляются въ газетахъ 11-го февраля, въ день рожденія знаменитаго астронома.

2. (28-го февраля 1876 года). *Циркулярное предложеніе и. попечителямъ учебныхъ округовъ о предоставленіи лицамъ, окончившимъ курсъ ученія въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, званія учителя народнаго училища безъ особаго на то испытанія.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему въ 23-й день текущаго февраля, Высочайше соизволилъ разрѣшить, чтобы лица, окончившіи курсъ ученія въ высшихъ и среднихъ общеобразовательныхъ заведеніяхъ, получали званіе учителя начальнаго народнаго училища безъ особыхъ для того испытаній, а на основаніи однихъ аттестатовъ или свидѣтельствъ объ окончаніи ими курса, при чемъ, для удостовѣренія въ педагогическихъ способностяхъ такихъ лицъ, требовать отъ нихъ лишь дачи пробнаго урока.

Имѣю честь увѣдомить объ этомъ для руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

3. (6-го марта 1876 года). *Инструкція совѣту инспекціи народныхъ училищъ въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской и Волинской.*

(Утверждена г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. По положенію 26-го мая 1869 года, при управленіи Кіевского учебнаго округа существуетъ совѣтъ инспекціи народныхъ училищъ въ названныхъ выше губерніяхъ.

2. Составъ сего совѣта, предметы и объемъ дѣйствій онаго опредѣляются настоящею инструкціею.

3. Совѣтъ инспекціи состоитъ, подъ предсѣдательствомъ попечителя учебнаго округа или его помощника, изъ всѣхъ наличныхъ инспекторовъ народныхъ училищъ губерній Кіевской, Волинской и Подольской. Въ засѣданіяхъ совѣта инспекціи, по приглашенію попечителя, могутъ участвовать съ правомъ голоса и директоры существующихъ въ округѣ семинарій для образованія учителей народныхъ училищъ, если они во время засѣданія совѣта будутъ находиться въ Кіевѣ.

4. Для составленія совѣта инспекціи, инспекторы два раза въ году: въ началѣ августа и въ началѣ января, съѣзжаются въ Кіевъ, какъ въ городъ, въ которомъ имѣетъ пребываніе попечитель учебнаго округа. Въ экстренныхъ однако случаяхъ, совѣтъ инспекціи, по распоряженію попечителя учебнаго округа, можетъ быть собранъ и во всякое другое время.

5. По приглашенію попечителя, инспекторы народныхъ училищъ участвуютъ съ правомъ голоса и въ засѣданіяхъ попечительскаго совѣта по дѣламъ, касающимся народныхъ училищъ.

6. Разсмотрѣнію и рѣшенію совѣта инспекціи народныхъ училищъ подлежатъ всѣ важнѣйшія дѣла по завѣдыванію и управленію сими училищами, именно:

а) разсмотрѣніе вѣдомостей, ежегодно представляемыхъ смотрителями двухклассныхъ городскихъ училищъ о предстоящихъ въ теченіе года расходахъ изъ суммъ, положенныхъ по штату на содержаніе училищъ;

б) разсмотрѣніе ежегодно представляемыхъ тѣми же смотрителями: росписанія учебныхъ часовъ и распредѣленія времени испытаній;

в) разсмотрѣніе правилъ учебнаго и дисциплинарнаго порядка какъ въ двухклассныхъ городскихъ, такъ и во всѣхъ другихъ начальныхъ народныхъ училищахъ, подчиненныхъ вѣдѣнію инспекціи;

г) выборъ учебныхъ руководствъ изъ числа одобренныхъ министерствомъ.

стерствомъ народнаго просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ, по принадлежности, и опредѣленіе, какія изъ нихъ съ болъшею пользою могутъ быть употребляемы въ училищахъ, подчиненныхъ вѣдѣнію инспекціи;

д) составленіе списковъ книгъ, учебныхъ пособій и классныхъ потребностей, согласно общимъ спискамъ, ежегодно печатаемымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, для руководства училищамъ при снабженіи ими предметами учебно-воспитательныхъ учреждений училищъ, состоящихъ въ вѣдѣніи инспекціи;

е) обсужденіе вообще предположеній и указаніе мѣръ, до улучшенія учебно-воспитательной части въ народныхъ училищахъ относящихся;

ж) разсмотрѣніе представлений отдѣльныхъ инспекторовъ о размѣрѣ постоянныхъ и единовременныхъ пособій, назначаемыхъ начальнымъ училищамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи инспекціи и порученнымъ ея надзору, изъ суммъ, ассигнованныхъ на этотъ предметъ въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія,

з) разсмотрѣніе представлений инспекторовъ о выдачѣ учителямъ начальныхъ народныхъ училищъ денежныхъ пособій;

и) разсмотрѣніе представлений инспекторовъ о размѣрѣ вознагражденія учителей за ихъ особые труды въ курсахъ для взрослыхъ;

і) разсмотрѣніе представлений инспекторовъ о закрытіи училищъ, признаваемыхъ вредными;

к) разсмотрѣніе годичныхъ отчетовъ, представляемыхъ инспекторами, при чемъ обсуждается общее состояніе и направленіе народнаго образованія въ губерніяхъ;

л) изысканіе и обсужденіе способовъ для открытія новыхъ начальныхъ училищъ въ краѣ, согласно съ дѣйствительно обнаружившеюся въ нихъ потребностью и для улучшенія состоянія существующихъ уже училищъ;

м) разсмотрѣніе вопросовъ и недоумѣній, возникающихъ въ дѣятельности инспекторовъ по народнымъ училищамъ;

н) наконецъ, обсужденіе и рѣшеніе всѣхъ вообще дѣлъ по народнымъ училищамъ губерній Киевской, Волынской и Подольской, вносимыхъ въ совѣтъ инспекціи по назначенію попечителя Киевскаго учебнаго округа.

7. Рѣшеніе совѣта инспекціи, въ формѣ протоколовъ на общепринятыхъ для коллегіальныхъ учреждений основаніяхъ, подписываются председателемъ и всѣми наличными членами.

8) Рѣшенія совѣта инспекціи приводятся въ исполненіе не иначе какъ послѣ того, когда предсѣдательствующій отмѣтитъ, въ протоколѣ, что онъ согласенъ на приведеніе означеннаго рѣшенія въ исполненіе.

9) Краткія извлеченія изъ протоколовъ совѣта инспекціи по дѣламъ, имъ слушаннымъ, кромѣ обыкновенныхъ текущихъ, представляются попечителемъ министру народнаго просвѣщенія дважды въ году: въ 15-му сентября и къ 15-му февраля, независимо отъ изображенія дѣятельности означеннаго совѣта въ общемъ по округу годовомъ отчетѣ.

10) Совѣтъ инспекціи ни съ кѣмъ не имѣетъ письменныхъ сношеній, и еслибы въ нихъ встрѣтилась надобность, то они ведутся отъ имени начальства учебнаго округа. Исполненія по рѣшеніямъ совѣта инспекціи производятся въ управленіи учебнаго округа, отъ лица попечителя.

11) Протоколы засѣданій совѣта инспекціи ведутся поочередно наличными инспекторами народныхъ училищъ и вписываются въ особую книгу, которая хранится при дѣлахъ канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

12) Канцелярскіе расходы по засѣданіямъ совѣта инспекціи покрываются изъ суммы 2,400 р., ассигнованной Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 26-го мая 1869 г. на усиленіе средствъ канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

4. (6-го марта 1871 года). *Инструкція инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской.*

(Утверждена г. министромъ народнаго просвѣщенія).

По Высочайше утвержденному 26-го мая 1869 года Положенію о народныхъ училищахъ въ вышеназванныхъ губерніяхъ, надзору инспекторовъ сихъ училищъ подлежатъ слѣдующія учебныя заведенія: 1) двухклассныя училища городскія какъ мужскія (на правахъ уѣздныхъ), такъ и женскія; 2) приготовительные классы и смѣны для обученія дѣвочекъ при означенныхъ двухклассныхъ училищахъ; 3) двухклассныя и одноклассныя женскія училища министерства народнаго просвѣщенія; 4) классы для взрослыхъ; 5) приходскія училища (фундушевыя, волостныя), церковно-приходскія школы и другія училища для первоначальнаго обученія подъ разными наименованіями. содержимыя на счетъ казны или на счетъ мѣстныхъ источниковъ и

бывшіе до закона 26-го мая 1869 г. въ вѣдѣніи губернскихъ директоровъ училищъ; 6) еврейскія училища и частныя учебныя заведенія на степени уѣздныхъ училищъ.

2) При завѣдываніи вышепоименованными училищами, инспекторы, кромѣ упомянутаго положенія 26-го мая 1869 г. и состоявшихся послѣ онаго постановленій или распоряженій, рѣководствуются настоящею инструкціею и тѣми предписаніями, какія могутъ быть даны впоследствии.

3) Настоящею инструкціею опредѣляются: 1) обязанности инспекторовъ по наблюденію за училищами; 2) служебныя отношенія инспекторовъ къ разнымъ учрежденіямъ и лицамъ по дѣламъ, касающимся подвѣдомыхъ имъ училищъ и 3) порядокъ дѣлопроизводства и отчетности со стороны инспекторовъ.

4) Для наблюденія за училищами инспекторы обязаны, каждый въ указанной ему мѣстности, помѣщать училища сколь возможно чаще и внимательно осматривать оныя. Распредѣленіе мѣстностей между инспекторами по районамъ зависитъ отъ попечителя учебнаго округа, который по своему усмотрѣнію, можетъ измѣнять границы этихъ районовъ, равно какъ назначать мѣста для постоянного жительства инспекторовъ. Въ случаѣ продолжительной болѣзни или отсутствія одного изъ инспекторовъ по данному ему отпуску, обязанности его возлагаются попечителемъ округа на другаго изъ наличныхъ инспекторовъ, безъ всякаго за то вознагражденія.

5) Наблюденіе инспекторовъ касается слѣдующихъ предметовъ:

- 1) Личнаго состава училищъ.
- 2) Учебной и воспитательной части училищъ.
- 3) Учебныхъ руководствъ и пособій.

4) Внѣшняго и внутренняго благоустройства училищъ, равно матеріальнаго обезпеченія какъ ихъ, такъ и учителей.

5) Открытія новыхъ или улучшенія существующихъ училищъ, перевода таковыхъ въ случаѣ надобности, изъ одной мѣстности въ другую, или совершеннаго закрытія.

6) Въ отношеніи личнаго состава преподавателей, инспекторъ обращаетъ вниманіе на то: а) имѣютъ-ли они законное право на преподаваніе, б) обладаютъ ли надлежащими нравственными качествами, способностями и познаніями, достаточными для преподаванія предметовъ, указанныхъ для начальныхъ училищъ, и отличаются-ли усердіемъ въ отпращиваніи своихъ обязанностей, в) пользуются-ли должнымъ уваженіемъ со стороны учащихся и общества и г) получаютъ-

ли достаточное вознагражденіе за труды свои. Для сего, кромѣ присутствованія на урокахъ и испытаніяхъ, инспекторъ старается ближе, посредствомъ личныхъ бесѣдъ и удостовѣреній, ознакомиться съ каждымъ изъ преподавателей училищъ.

7) О всѣхъ служащихъ, вполнѣ удовлетворяющихъ первымъ двумъ условіямъ, равно какъ и о тѣхъ, которые получаютъ недостаточное содержаніе, онъ доводитъ до свѣдѣнія попечителя Киевскаго учебнаго округа, или учредителей школъ, по принадлежности, ходатайству вмѣстѣ съ тѣмъ объ ихъ поощреніи.

8) Малоопытныхъ учителей онъ руководитъ своими совѣтами, уваженіями, наблюдая, при слѣдующемъ осмотрѣ училища, на сколько они воспользовались его наставленіями.

9) О лицахъ служащихъ, не соответствующихъ своему назначенію, онъ, согласно предоставленнымъ ему въ этомъ случаѣ правамъ, или представляетъ попечителю Киевскаго учебнаго округа и входитъ съ кѣмъ слѣдуетъ въ надлежащее сношеніе, или въ крайнихъ случаяхъ и самъ подъ личною отвѣтственностію принимаетъ непосредственныя мѣры для ихъ замѣщенія болѣе достойными, съ обязанностию немедленно донести о семъ попечителю округа.

10) Въ видахъ безотлагательнаго замѣщенія открывающихся вакансій учителей народныхъ училищъ, инспекторъ заблаговременно прискиваетъ способныхъ и благонадежныхъ кандидатовъ изъ лицъ, имѣющихъ право на званіе учителя соответственныхъ училищъ.

11) Въ случаѣ неимѣнія вакансій, нѣкоторые изъ кандидатовъ могутъ быть, до времени, распредѣлены по училищамъ, въ качествѣ помощниковъ учителей, частію для облегченія трудовъ учителей въ многолюдныхъ классахъ, частію для собственной ихъ практики и усовершенствованія, при томъ съ ходатайствомъ, гдѣ слѣдуетъ, о вознагражденіи ихъ по мѣрѣ занятій.

12) Относительно учебной части, инспекторъ обязанъ тщательно слѣдить какъ за объемомъ и содержаніемъ, такъ въ особенности за методомъ и характеромъ преподаванія каждаго изъ положенныхъ въ училищахъ учебныхъ предметовъ.

13) Кромѣ обязательныхъ предметовъ, положенныхъ для училищъ, инспекторъ прилагаетъ стараніе, чтобы, по мѣрѣ средствъ и возможности были еще введены церковное пѣніе, гимнастика и нѣкоторые ремесла или мастерства въ тѣхъ училищахъ, въ коихъ означенные предметы не относятся въ числу обязательныхъ.

14) Продолжительность учебнаго періода и времени лѣтнихъ и

зимнихъ вакацій, а равно часы учебныхъ уроковъ, и число послѣднихъ, опредѣляются съ утвержденія попечителя, подлежащимъ инспекторомъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, климату и господствующему роду занятій жителей, если для того или другаго рода училищъ, въ семь отношеніи не имѣется особо установленныхъ правилъ.

15) Инспекторъ неослабно наблюдаетъ какъ за порядкомъ надзора, установленнаго для учащихся, такъ и за принятыми въ училищѣ мѣрами поощренія и взыскаія.

16) Если инспекторъ усмотритъ, что надзоръ за учащимися въ томъ или другомъ училищѣ ведется не съ тою бдительностью, какой слѣдуетъ желать, онъ лично преподаетъ завѣдывающимъ училищами и учителямъ надлежащія въ этомъ отношеніи наставленія и подробныя указанія.

17) Инспекторъ имѣетъ попеченіе о томъ, чтобы при каждомъ училищѣ, по мѣрѣ средствъ, существовали слѣдующія учебно-вспомогательныя учрежденія: а) *библиотека учительская*, состоящая изъ учебныхъ руководствъ, сочиненій по части педагогики и вообще книгъ, могущихъ служить въ дальнѣйшему самообразованію учителей, б) *библиотека ученическая*, состоящая изъ учебныхъ руководствъ, книгъ для чтенія и другаго рода пособій, собственно для употребленія въ классахъ и для чтенія учениками и в) *складъ учебниковъ, пособій и классныхъ принадлежностей*, заготавливаемыхъ заблаговременно училищемъ и предназначенныхъ частью для безмядной раздачи учащимся, частью для продажи болѣе достаточнымъ, въ виду невозможности самимъ учащимся выписывать таковыя изъ столичныхъ или губернскихъ городовъ. Завѣдываніе сими учрежденіями въ одноклассныхъ училищахъ возлагается на учителя, съ надлежащею отвѣтственностію.

18) Относительно всѣхъ этихъ трехъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, инспекторъ наблюдаетъ, чтобы ни въ одно изъ нихъ не приобрѣтались учебныя руководства и пособія въ нимъ, какъ равно книги для чтенія, которыя не были предварительно одобрены министерствомъ народнаго просвѣщенія или духовнымъ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія по принадлежности, согласно спискамъ, ежегодно печатаемымъ въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, или отдѣльно рассылаемымъ по училищамъ.

19) Наибольшее вниманіе инспекторъ народныхъ училищъ оказываетъ на томъ, чтобы изъ числа учебныхъ руководствъ, книгъ для чтенія и другаго рода пособій, приобретенныхъ для училищъ, въ классахъ употреблялись преимущественно такія, которыя заслу-

жили особенно одобрительные отзывы со стороны министерства народного просвѣщенія и духовнаго вѣдомства православнаго исповѣданія.

20) При обзорѣни складовъ учебниковъ, пособій и классныхъ потребностей, предназначаемыхъ для безвѣдной раздачи или продажи учащимся, и при просмотрѣ списковъ тѣхъ изъ нихъ, которые дѣйствительно проданы учащимся, инспекторъ производитъ строгую повѣрку: по той-ли именно цѣнѣ они проданы по которой приобрѣтены училищемъ (при чемъ, впрочемъ, для облегченія и округленія счетовъ, допускается нѣкоторая надбавка долями копѣекъ противъ покупной суммы), а затѣмъ въ исправности-ли вырученныя деньги записаны на приходъ (при чемъ также дозволяется, для сокращенія переписки, окончательно заносить ихъ на приходъ ежегодно два раза передъ наступленіемъ лѣтнихъ вакацій и передъ новымъ годомъ).

21. Всѣмъ находящимся въ означенныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ предметамъ должны вестись описи, съ показаніемъ цѣнъ и другихъ подробностей и съ указаніемъ случаевъ поступленія, и инспекторъ, при обзорѣни училища, обязанъ наблюдать, всегда ли и въ надлежащей ли исправности сіе исполняется. Если все окажется внесеннымъ исправно, онъ удостовѣряетъ таковое внесеніе своею подписью въ самыхъ описяхъ; въ противномъ случаѣ требуетъ немедленнаго исправленія недостатковъ.

22) Инспекторъ наблюдаетъ также, чтобы произведенныя изъ упомянутыхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений временныя выдачи записывались въ особыя тетради, съ отмѣткою учителя, кому именно выданы, когда и въ исправности ли возвращены, при чемъ учитель обязывается въ точности выполнять всѣ тѣ мѣры, какія будутъ указаны ему инспекторомъ для сохраненія учебно-вспомогательныхъ учреждений училища въ цѣлости. Елибы инспекторъ нашелъ нужнымъ за утерянныя или испорченныя предметы съ виновнаго выискать по оцѣнкѣ, то высканныя деньги приобщаются къ суммамъ училища.

23) Если инспекторъ найдетъ, что вышеозначенныя учебно-вспомогательныя учрежденія въ томъ или другомъ училищѣ, по недостатку денежныхъ средствъ, слишкомъ скудны или и вовсе не существуютъ, — то по тѣмъ училищамъ, которыя содержатся на счетъ казны или получаютъ постоянное ежегодное пособіе изъ суммъ министерства народного просвѣщенія, входитъ съ представленіемъ къ попечителю Кіевскаго учебнаго округа объ ассигнованіи нужныхъ суммъ, а по училищамъ, существующимъ на частныя или общественныя средства,

старается склонить къ тому учредителей училищъ; въ обоихъ случаяхъ онъ прилагаетъ къ своему ходатайству списки предметовъ, въ которыхъ наиболѣе нуждается училище, съ указаніемъ цѣнъ ихъ и способовъ приобрѣтенія.

24) При обзорѣннн училищъ, инспекторъ обращаетъ вниманіе и на училищныя зданія, заботясь, чтобы какъ внѣшнее, такъ и въ особенности внутреннее благоустройство ихъ соответствовало, по возможности, ихъ назначенію.

25) По предмету матеріальнаго обезпеченія училищъ, инспекторъ удостовѣряется, достаточно ли таковое для удовлетворенія всѣмъ необходимымъ училищнымъ потребностямъ, а также въ должной ли исправности поступаютъ и расходуются постоянно-отпускаемыя на нихъ суммы.

26) Такъ какъ училища, содержимыя на счетъ казны, или съ постояннымъ пособіемъ отъ оной, представляются сравнительно болѣе обезпеченными, то главное вниманіе инспектора обращается на нужды по устройству помѣщеній и содержанію начальныхъ народныхъ училищъ, содержимыхъ крестьянскими и мѣщанскими обществами, частными лицами, а равно и открываемыхъ православнымъ духовенствомъ.

27) Въ случаѣ усмотрѣнныхъ въ этомъ отношеніи недостатковъ по симъ училищамъ, инспекторъ обращается къ учредителямъ оныхъ съ ходатайствомъ о необходимомъ пособіи для улучшенія оныхъ. При безуспѣшности же такихъ ходатайствъ, если то будетъ зависѣть отъ скудости средствъ самихъ держателей, Инспекторы могутъ испрашивать, на покрытіе наиболѣе существенныхъ нуждъ такихъ училищъ, единовременныя денежныя пособія изъ суммъ, ассигнованныхъ по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія.

28) На училища, которыя содержатся главнымъ образомъ на средства министерства народнаго просвѣщенія, хотя и при нѣкоторомъ пособіи отъ обществъ, инспекторъ испрашиваетъ пособія только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда, наприм., то или другое изъ этихъ училищъ подвергалось какому-либо неожиданному бѣдствію, пожару и т. п., или когда съ теченіемъ времени оно пришло въ такое положеніе, при которомъ не можетъ болѣе удовлетворять своему назначенію, безъ неотлагательной помощи со стороны правительства.

29) Въ ходатайствахъ своихъ о пособіяхъ училищамъ, содержимымъ сельскими и мѣщанскими обществами, частными лицами и учрежденнымъ православнымъ духовенствомъ, инспекторъ указываетъ какъ на состояніе и нужды училищъ, воимъ испрашивается вспомо-

ществованіе, такъ и на время существованія оныхъ, получаемое ими содержаніе, число учащихся, степень приносимой ими пользы и размѣры пособій, въ коихъ они нуждаются.

30) На такихъ же основаніяхъ и тѣмъ же порядкомъ, инспекторъ ходатайствуетъ о выдачѣ единовременныхъ пособій учителямъ, принимая въ соображеніе не только степень усердія учителей, но и другія обстоятельства, какъ то: продолжительность службы, многочисленность семейства, болѣзнь дѣтей и т. п.

31) Согласно Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта 26-го мая 1869 года, инспекторъ можетъ ходатайствовать о выдачѣ денежнаго вспоможенія тѣмъ содержательницамъ частныхъ женскихъ училищъ (пансіоновъ), которыхъ педагогическая дѣятельность способствовала и способствуетъ распространенію въ краѣ образованія въ духѣ русской народности.

32) Такъ какъ, кромѣ денежныхъ пособій, министерство народнаго просвѣщенія по временамъ разсылаетъ въ учебныя округа, для безмезднаго снабженія начальныхъ народныхъ училищъ, учебныя руководства, учебныя пособія и разныя книги для чтенія, то на обязанности инспекторовъ лежитъ, по полученіи таковыхъ, распредѣлять ихъ, по своему усмотрѣнію, или по указанію начальства, между тѣми училищами вѣренныхъ имъ мѣстностей, которыхъ учебно-вспомогательныя учрежденія наиболѣе нуждаются въ пополненіи.

33) Не ограничиваясь надзоромъ за существующими уже училищами, инспекторы обязаны прилагать стараніе къ открытію новыхъ училищъ, преимущественно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ, по административнымъ и другимъ соображеніямъ, усматривается въ нихъ настоятельная потребность.

34) Съ этою цѣлью они вступаютъ въ предварительныя сношенія съ мѣстными должностными лицами, учрежденіями, крестьянскими и мѣщанскими обществами, порядкомъ, какой будетъ признанъ наиболѣе удобнымъ со стороны лица инспекціи.

35) Независимо отъ начальныхъ народныхъ училищъ, которыхъ открытіе обуславливается пособіемъ отъ правительства, въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, инспекторы способствуютъ всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами умноженію числа начальныхъ училищъ, содержащихся вполнѣ на средства мѣстныхъ обществъ и частныхъ лицъ: они склоняютъ къ тому также и общества, рекомендуютъ способныхъ и опытныхъ учителей, способствуютъ успѣшному ходу дѣла своими совѣтами и полезными указаніями.

36) Въ тѣхъ многолюдныхъ селеніяхъ и мѣстечкахъ, гдѣ уже есть начальныя училища съ значительнымъ числомъ учениковъ и гдѣ охота къ ученію замѣтно обнаруживается, но учрежденіе новыхъ училищъ оказывается почему либо неудобноисполнимымъ, инспекторъ заботится объ открытіи при существующихъ училищахъ параллельныхъ отдѣленій, или объ увеличеніи въ нихъ числа классовъ до двухъ. Соображенія свои о томъ онъ представляетъ попечителю учебнаго округа, съ препровожденіемъ общественнаго приговора, въ которомъ, между прочимъ, должно быть пояснено, принимаетъ ли общество расходы на такое распространеніе своего училища на собственный счетъ или проситъ пособія отъ правительства, которое, впрочемъ, можетъ быть назначаемо лишь для тѣхъ мѣстностей, гдѣ имѣющіяся уже училища существуютъ вполне на мѣстныя средства.

37) Попеченія инспектора о распространеніи народнаго образованія должны быть также направлены къ тому, чтобы и крестьянскія дѣвочки, по мѣрѣ возможности, получали необходимыя наставленія въ правилахъ вѣры и обучались грамотѣ. Порядокъ учрежденія особыхъ для нихъ училищъ, а равно и дѣйствій по сему предмету инспектора остается тотъ же, какой указанъ для открытія училищъ для мальчиковъ.

38) Въ случаѣ невозможности учрежденія для дѣвочекъ отдѣльныхъ училищъ, инспекторомъ можетъ быть допущено совмѣстное обученіе дѣвочекъ съ мальчиками, съ соблюденіемъ условій, установленныхъ для сего общими правилами по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія. При этомъ желательно, чтобы въ училищахъ, находящихся въ многолюдныхъ мѣстечкахъ, съ разнороднымъ населеніемъ, для обученія дѣвочекъ были назначаемы особыя смѣны или устраиваемы отдѣльныя помѣщенія.

39) При открытіи начальныхъ народныхъ училищъ въ мѣстечкахъ, въ которыхъ, кромѣ общества крестьянскаго, существуетъ еще общество мѣщанское, состоящее изъ лицъ разныхъ исповѣданій, мѣщанское общество можетъ быть приглашено къ участію въ расходахъ по устройству и содержанію народной школы, если только мѣстное крестьянское общество не выразитъ желанія принять исключительно на себя всѣ тѣ издержки, какими обусловливается открытіе въ известной мѣстности начальнаго народнаго училища, съ пособіемъ отъ правительства. Въ случаѣ участія мѣщанскаго общества въ расходахъ по училищу, дѣти мѣщанъ пользуются правомъ бесплатнаго посѣщенія училища на равнѣ съ дѣтьми крестьянъ. Во всякомъ случаѣ,

будеть ли народное училище открыто въ селеніи или въ мѣстечкѣ если только оно пользуется пособіемъ отъ правительства, дѣти другихъ сельскихъ крестьянскихъ обществъ и дѣти всѣхъ мѣстныхъ жителей; должны быть допускаемы къ обученію въ народномъ училищѣ или бесплатно, по согласію на то того крестьянскаго общества, которое приняло на себя извѣстные расходы по устройству и содержанию училища, или съ самою незначительною платою, съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, въ пособіе тому обществу на покрытіе его расходовъ по училищу.

40) Наконецъ инспекторъ прилагаетъ попеченіе о томъ, чтобы при училищахъ, гдѣ окажется возможнымъ, были устраиваемы особые уроки для взрослыхъ поселянъ, стараясь личными убѣжденіями привлечь ихъ къ ученію и ходатайствуя, въ случаѣ успѣха, объ отпускѣ изъ надлежащихъ источниковъ суммъ, необходимыхъ для вознагражденія учителей за такой трудъ ихъ сверхъ прямыхъ обязанностей.

41) Еслибы, вслѣдствіе личнаго удостовѣренія инспектора, оказалось, что то или другое изъ числа училищъ, находящихся въ его завѣдываніи и подчиненныхъ его надзору, не удовлетворяетъ своему назначенію въ той мѣстности, гдѣ оно существуетъ, тогда какъ въ другой мѣстности оно могло бы принести болѣе существенную пользу; въ такомъ случаѣ инспекторъ, послѣ предварительныхъ непосредственныхъ сношеній съ подлежащими учрежденіями и лицами, о переводѣ училища входитъ съ представленіемъ къ попечителю Киевскаго учебнаго округа, отъ котораго будутъ зависѣть дальнѣйшія распоряженія по этому предмету.

42) Такимъ же образомъ поступаетъ инспекторъ въ случаѣ, еслибы, по особо уважительнымъ причинамъ, потребовалось и совершенное закрытіе того или другаго училища.

43) Инспекторы народныхъ училищъ Югозападнаго края, при осмотрѣ ими церковно-приходскихъ школъ касательно личнаго состава, учебной и воспитательной части, состоянія руководствъ и учебныхъ пособій, внѣшняго и внутренняго благоустройства и матеріальнаго обезпеченія какъ училищъ, такъ и учителей, имѣютъ въ виду тѣ же правила и требованія, какими руководствуются при осмотрѣ вообще народныхъ училищъ.

44) Что же касается мѣръ, могущихъ послужить какъ къ улучшенію школы въ учебно-воспитательномъ, такъ и къ упроченію ея въ матеріальномъ отношеніяхъ, инспекторы, не дѣлая сами никакихъ распоряженій, замѣчанія свои о таковыхъ мѣрахъ представляютъ

попечителю учебнаго округа, для сообщенія епархіальному начальству на его усмотрѣніе и зависящее распоряженіе.

45) Въ виду осмотра церковно-приходскихъ школъ, необходимо имѣть списокъ всѣхъ такихъ школъ въ каждомъ уѣздѣ трехъ губерній Югозападнаго края, съ показаніемъ гдѣ именно находятся школы, кто въ нихъ наставниками, каковы средства, на которыя школы содержатся и въ какое именно время происходитъ ученіе. Посему, при началѣ каждаго года, таковымъ спискомъ, съ указаніемъ въ немъ гг. благочинныхъ и наблюдателей, ближайшему вѣдѣнію которыхъ школы поручены, инспекторы снабжаются отъ духовнаго вѣдомства, по сношенію съ нимъ попечителя учебнаго округа.

46) Для ревизіи церковно-приходскихъ школъ инспекторы пользуются временемъ, какое будетъ ими признано удобнымъ при производствѣ вообще ревизіи училищъ своего района, приглашая къ присутствію при осмотрѣ церковно-приходской школы приходскаго священника, а также наблюдателя и благочиннаго, если эти послѣдніе находятся на лицѣ, или если приглашеніе и прибытіе ихъ въ школу несопряжено съ потерей времени для инспектора.

47) При каждомъ сѣздѣ инспекторовъ для совѣщанія по дѣламъ, касающимся подвѣдомыхъ имъ училищъ, каждый изъ нихъ представляетъ попечителю учебнаго округа отчетъ и объ осмотрѣнныхъ церковно-приходскихъ школахъ, съ указаніемъ какія изъ нихъ признаются лучшими и достойнѣйшими денежной поддержки отъ министерства народнаго просвѣщенія, изъ отпускаемой на этотъ предметъ суммы.

48) Размѣръ пособія и предметъ его назначенія,—на пособіе ли учителю, или на поддержку школы въ учебно-воспитательномъ отношеніи, или на то и другое, опредѣляются въ инспекціи и выдача производится по предварительному сношенію попечителя округа съ епархіальнымъ начальствомъ о неимѣніи къ тому препятствій. Въ случаѣ же необходимости оказать школѣ пособіе немедленно, инспекторъ представляетъ, не ожидая сѣзда, свои соображенія о томъ попечителю округа на усмотрѣніе и зависящее разрѣшеніе.

49) Въ порядкѣ службы инспекторы народныхъ училищъ въ губерніяхъ: Кіевской, Волынской и Подольской непосредственно подчиняются попечителю Кіевского учебнаго округа, къ которому и входятъ съ надлежащими представленіями и донесеніями по завѣдыванію ввѣренныхъ имъ училищъ, равно какъ и съ отчетами по обзоренію сихъ училищъ.

50) Во время нахождения инспекторовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ губерній Киевской, Волынской и Подольской, въ которыхъ будутъ существовать казенныя учительскія семинаріи, учительскія школы и педагогическіе курсы, инспекторамъ предоставляется право обращаться къ директорамъ и начальникамъ сихъ заведеній съ просьбою ознакомить ихъ съ дѣятельностью и состояніемъ сихъ заведеній, а равно право участвовать въ засѣданіяхъ педагогическихъ совѣтовъ оныхъ для сообщенія имъ своихъ соображеній, на основаніи наблюденій и опыта. Учебныя заведенія подобнаго рода, содержимыя на мѣстныхъ средствахъ и существующія на правахъ частныхъ училищъ, подлежатъ по учебной части наблюденію инспекторовъ, наравнѣ съ другими училищами, имъ подвѣдомыми.

Примѣчаніе. Въ отношеніи къ временнымъ педагогическимъ курсамъ для учителей начальныхъ училищъ инспекторы руководствуются существующими о сихъ курсахъ правилами.

51) По дѣламъ текущимъ, касающимся народныхъ училищъ, вся переписка ведется черезъ попечителя Киевскаго учебнаго округа; по дѣламъ же народныхъ училищъ, требующимъ немедленнаго распоряженія и содѣйствія, инспекторамъ предоставляется право входить въ непосредственное сношеніе со всѣми губернскими и уѣздными учрежденіями и частными лицами, посредствомъ сообщеній личныхъ или и письменныхъ, по своему усмотрѣнію

52) Инспекторы народныхъ училищъ имѣютъ казенную печать съ гербомъ губерніи по принадлежности и съ надписью: „инспектора народныхъ училищъ такой-то губерніи“, отправляемые ими за сею печатью казенные пакеты принимаются въ почтовыхъ конторахъ, наравнѣ съ прочими казенными пакетами, бесплатно.

53) Въ виду того, что инспекторы народныхъ училищъ должны находиться въ постоянныхъ разъѣздахъ для обозрѣнія училищъ, лично наблюдать за ихъ дѣятельностью, и руководить оною, имъ ввѣняется въ обязанность избѣгать по возможности переписки съ ввѣренными имъ училищами, а тѣмъ болѣе не обременять ихъ требованіемъ какихъ либо донесеній, особенно срочныхъ, такъ какъ всякія свѣдѣнія объ учащихъ должны быть собираемы предпочтительно на мѣстѣ, при осмотрѣ училищъ. Въ необходимыхъ же случаяхъ, переписка инспекторовъ съ училищами, равно какъ и переписка ихъ съ округомъ производится на счетъ суммъ, назначенныхъ имъ по штату на разъѣзды или вообще на содержаніе.

54) Всѣмъ бумагамъ какъ входящимъ, такъ и исходящимъ ин-

спекторы ведутъ журналы, соблюдая вообще, по отношенію къ дѣлопроизводству, общесуществующіе постановленія и порядки.

55) Назначенное инспекторамъ содержаніе: жалованье по 900 р., столовыхъ 300 р., квартирныхъ 300 р. и на разъѣзды по 500 р. въ годъ инспекторы получаютъ изъ мѣстныхъ казенныхъ палатъ, по собственнымъ ихъ требованіямъ, согласно съ существующими постановленіями.

56) Сумма на содержаніе начальныхъ училищъ, содержимыхъ вполнѣ или частью на средства министерства народнаго просвѣщенія, равно какъ и единовременныя денежныя для нихъ назначенія, по распоряженію г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, ассигнуются изъ мѣстныхъ казенныхъ палатъ въ вѣдѣніе подлежащихъ учрежденій или лицъ, для выдачи учителямъ, по принадлежности, въ назначенные закономъ сроки. При чемъ на обязанность инспектора возлагается наблюденіе за тѣмъ, чтобы какъ своевременный отпускъ этихъ денегъ, такъ и пріемъ и расходваніе ихъ производились согласно установленнымъ правиламъ.

57) Равнымъ образомъ инспекторъ наблюдаетъ, чтобы и въ тѣхъ училищахъ, которыя содержатся на средства другихъ вѣдомствъ и на счетъ сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ, назначенныя для нихъ суммы поступали и расходовались въ надлежащей исправности, принимая въ противномъ случаѣ зависящія отъ него мѣры къ устраненію замѣченныхъ отступленій.

58) За каждый истекшій учебный годъ инспекторъ представляетъ попечителю Кіевскаго учебнаго округа, по установленной формѣ и въ назначенный срокъ, подробный отчетъ о состояніи всѣхъ находящихся во вѣренной ему мѣстности училищахъ, состоящихъ въ его завѣдываніи и порученныхъ его надзору, съ прописаніемъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ въ теченіе года распоряженій и оказавшихся отъ того результатовъ.

59) Независимо отъ сего инспекторы обязаны, по мѣрѣ осмотра ими училищъ, о результатахъ осмотра по каждому изъ училищъ, представлять попечителю округа, для сообщенія министерству народнаго просвѣщенія, краткіе отчеты, согласно существующимъ о семъ распоряженіямъ.

60) Въ случаяхъ, непредвидѣнныхъ настоящею инструкціею инспекторы руководствуются общими по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія узаконеніями и правилами.

5 (13 марта 1876 года). *Циркулярное предложение и пометительная учебная округовъ объ увеличеніи числа существующихъ нынѣ при университетахъ медицинскихъ стипендій.*

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе военнаго министра о мѣрахъ къ увеличенію числа врачей въ Имперіи, и соглашаясь въ существѣ съ заключеніемъ военнаго совѣта, между прочимъ, *мнѣніемъ положили:*

I. Увеличить существующее нынѣ число казенныхъ медицинскихъ стипендій на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Въ университетахъ: Московскомъ, Дерптскомъ, Казанскомъ, Харьковскомъ и св. Владиміра въ Кіевѣ назначить *триста двадцать* казенныхъ медицинскихъ стипендій, по *триста* рублей каждую.

2) Выдачу казенныхъ медицинскихъ стипендій въ размѣрѣ 300 р. начать въ тѣхъ университетахъ, въ коихъ размѣръ этотъ еще не введенъ, съ 15-го августа 1876 года.

3) На содержаніе 320 казенныхъ медицинскихъ стипендіатовъ въ вышеупомянутыхъ пяти университетахъ, ассигновать къ отпуску изъ государственнаго казначейства, новымъ расходомъ, по *сорока тысячъ сорока шести* рублей въ годъ, со внесеніемъ этой суммы въ смѣты министерства народнаго просвѣщенія *отдѣльною статьею*, въ которую затѣмъ перечислить изъ имѣющейся въ распоряженіи названнаго министерства общей стипендіальной суммы *пятьдесятъ пять тысячъ девятьсотъ пятьдесятъ четыре* рубля, по мѣрѣ освобожденія оныхъ отъ расходовъ на содержаніе стипендіатовъ не-медицинскихъ факультетовъ, такъ чтобы предназначаемая нынѣ на выдачу медицинскихъ стипендій сумма, по причисленіи упомянутыхъ 55,954 руб. ко вновь ассигнуемымъ 40,046 руб., составила въ общей сложности *девяносто шесть тысячъ* рублей. На расходы же, по содержанію медицинскихъ стипендіатовъ въ текущемъ году, въ счетъ вышеозначенныхъ 40,046 руб., ассигновать къ отпуску изъ государственнаго казначейства, по разчету съ 15-го августа 1876 года, *пятнадцать тысячъ семнадцать* рублей двадцать пять копѣекъ, которые и внести въ подлежащее подраздѣленіе расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія на 1876 годъ.

4) Въ дополненіе существующихъ о казенныхъ стипендіатахъ правилъ постановить:

а) § 98 общаго устава университетовъ 18-го іюня 1863 года до-

полнить слѣдующимъ примѣчаніемъ: „казенныя медицинскія стипендіи, въ размѣрѣ 300 рублей, выдаются только русскимъ подданнымъ и при томъ не ранѣе 3-го курса“.

б) § 106 того же устава дополнить примѣчаніемъ слѣдующаго содержания: „своекоштные медицинскіе студенты университетовъ: Московскаго, Казанскаго, Харьковскаго и св. Владимира въ Кіевѣ, заявившіе желаніе прослужить, за полный университетскій курсъ, два года, по назначенію начальства, въ вѣдомствахъ военномъ, морскомъ или министерства внутреннихъ дѣлъ, освобождаются вовсе отъ взноса платы“.

в) Ст. 262 уст. служб. прав. (т. III св. зак.) изложить въ слѣдующемъ видѣ: „казенные медицинскіе стипендіаты университетовъ обязаны, по окончаніи полного университетскаго курса, прослужить, по назначенію начальства, въ вѣдомствахъ военномъ, морскомъ или министерства внутреннихъ дѣлъ, по *полтора* года за каждый годъ полученія стипендіи“.

5) Предоставить министерствамъ народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ, военному и морскому составить, по взаимному соглашенію, правила о порядкѣ распредѣленія казенныхъ медицинскихъ стипендій, какъ между отдѣльными вѣдомствами, такъ и по университетамъ о необходимой со стороны сихъ послѣднихъ отчетности касательно стипендій и о перечисленіи казенныхъ медицинскихъ стипендіатовъ, по окончаніи ими полного курса, а равно во время состоянія ихъ на службѣ, изъ одного вѣдомства въ другое.

IV. ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

14-го февраля 1876 года (№ 3). *Утверждаются:* Ректоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, ординарный профессоръ сего университета, тайный совѣтникъ *Рудкинъ*—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора упомянутаго университета, съ 7-го января 1876 года, ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Тихонравовъ*—деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета, на три года, экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета *Якобій*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каедрѣ гигиены, съ 4-го декабря 1875 года, экстраординарный

профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Шпилевскій* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ полицейскаго права, съ 19-го января 1876 года, доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія *Бодуэнъ-де-Куртензъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, съ 20-го декабря 1875 года, доцентъ Императорскаго университета св. Владимира, докторъ зоологій, коллежскій совѣтникъ *Паульсонъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ зоологій, съ 16-го января 1876 года, исправляющій должность директора Александровской гимназій Смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ, надворный совѣтникъ *Сыротчковскій* — въ сей должности, инспекторъ Ченстоховской прогимназій, надворный совѣтникъ *Любарскій* — директоромъ Уфимской гимназій, директоръ училищъ Уфимской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пановъ* — директоромъ народныхъ училищъ Уфимской губерніи, съ 1-го января 1876 года, инспекторъ Архангельской мужской гимназій, статскій совѣтникъ *Протопоповъ* — директоромъ народныхъ училищъ Архангельской губерніи, съ 1-го февраля 1876 года, отставной подпоручикъ *Мессинъ* — членомъ по хозяйственной части Нижегородскаго Александровскаго института, на три года, по выбору дворянства, Суражскій уѣздный предводитель дворянства *Искрицкій* — почетнымъ понечителемъ Суражской прогимназій, на три года, управляющій Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, въ званіи камергера, *Ляжницкій* — почетнымъ директоромъ Варшавскаго музея изящныхъ искусствъ, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ нынѣ должности.

Назначаются: почетный мировой судья Сапожковскаго судебного округа, Рязанской губерніи, коллежскій секретарь *Кормилицынъ* — исправляющимъ должность директора народныхъ училищъ Рязанской губерніи, съ 1-го января 1876 года, съ оставленіемъ въ должности почетнаго мирового судьи, Орловскій губернский предводитель дворянства *Тютчевъ*, Орловскій уѣздный предводитель дворянства *Страховъ*, коммерціи совѣтникъ *Русановъ* и Орловкіе купцы: *Головатовъ* и *Базтинъ* — членами попечительства Александровскаго Орловскаго реальнаго училища, на три года.

Опредѣляются: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій ассесоръ *Каржави* — сверхштатнымъ библиотекаремъ Императорской публичной бібліотеки, съ 9-го января 1876 года, съ отчисленіемъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, сверхштатный

астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, магистръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Глазенапъ*—адъютантъ-астрономомъ сей обсерваторіи съ 1-го января 1876 года, письмоводитель Николаевской главной астрономической обсерваторіи, титулярный совѣтникъ *Линдеманъ*—ученымъ секретаремъ сей обсерваторіи, съ 1-го января 1876 года, сверхштатный астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Левинскій*—вычислителемъ сей обсерваторіи.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: коллежскій ассесоръ *Триполитовъ*, съ откомандированіемъ въ распоряженіе попечителя Одесскаго учебнаго округа, съ 23-го января 1876 года.

Оставляются на службу: по 1-е июля 1877 года: директоръ Острогской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Лысенко*; *на пять лѣтъ:* директоръ Ярославской гимназіи, статскій совѣтникъ *Зволицковъ*, съ 23-го октября 1875 года, ординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Стржедзинскій*, съ 25-го ноября 1875 года, профессоръ богословія Демидовскаго юридическаго лица, протоіерей *Лавровъ*, съ 29-го декабря 1875 года, директоры гимназій: Воронежской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бьлосозоровъ*, Казанской второй, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Имшеникъ* и Калужской, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бабиковъ*, первый съ 6-го, второй съ 18-го и послѣдній съ 19-го января 1876 года.

Увольняются въ отпускъ за границу: почетный смотритель С.-Петербургскаго Рождественскаго городского училища, надворный совѣтникъ *Воронинъ*—на четырнадцать дней, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Гойеръ*—на пятнадцать дней, ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Вершо*—на двадцать восемь дней, ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Чебышевъ-Дмитріевъ*—на двадцать девять дней, учитель Одесскаго коммерческаго училища *Маркевичъ*—на полтора мѣсяца, врачъ Θεодосійскаго учительскаго института *Массаковскій*—на два мѣсяца, учителя Ананьевской прогимназіи: *Полакъ*, *Моисеевъ* и *Назаревскій* и преподавательница Ананьевской женской прогимназіи *Охртменко*—на лѣтнее вакаціонное время 1876 года, учитель Дерптской гимназіи, надворный совѣтникъ *Реймерсъ*—по болѣзни, на лѣтнее вакаціонное время и одну недѣлю, исправляю-

щій должность инспектора Холмской мужской гимназіи, учитель сей гимназіи *Левтинъ*—на два мѣсяца и двадцать четыре дня.

Увольняются, согласно прошеніямъ: вычислитель Николаевской главной астрономической обсерваторіи *Фабриціусъ* — отъ сей должности, съ 17-го января 1876 года, заслуженный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, тайный совѣтникъ *Баршевъ* и исправляющій должность доцента Демидовскаго юридическаго лицея *Соболевскій* — отъ службы; изъ нихъ *Баршевъ* съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Дозволяется носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный: бывшему инспектору народныхъ училищъ Рязанской губерніи, статскому совѣтнику *Смирнову*.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: за отлично-усердную службу: по Московскому учебному округу: учителямъ Орловской гимназіи: статскому совѣтнику *Тихенко* и коллежскому совѣтнику *Горскому* и преподавателямъ женскихъ гимназій: Орловской-Николаевской, состоящему въ VIII классѣ *Валецкому* и Смоленской-Маріинской: *Богословскому* и *Троицкому*; по Казанскому учебному округу: штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Котельничскаго, *Глушкову* и Яранскаго, *Шашкину*, врачамъ: гимназій: Самарской, *Савицкому* и Астраханской, *Дружневскому*, и Сызранскаго реальнаго училища, *Душинкевичу*, учителямъ приготовительныхъ классовъ гимназій: Казанской второй, *Ислентьеву* и Симбирской, *Воронову* и учителямъ уѣздныхъ училищъ: Чистопольскаго, *Травину*, Вольскаго, *Мотову* и Симбирскаго, *Благодарову* и *Савенкову*; за усердіе къ дѣлу народнаго образованія: Сквирскому уѣздному предводителю дворянства *Александровичу*.

Исключаются изъ списковъ умершіе: ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ, членъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Строевъ*, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія статскій совѣтникъ *Забѣлинъ* и почетный директоръ Варшавскаго музея изящныхъ искусствъ *Каршицкій*.

6-го марта 1876 года (№ 4). *Утверждаются:* ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бутлеровъ*—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора сего университета, съ 10-го августа 1875 года, ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета *Стояновъ*—деканомъ юридическаго факультета сего университета, на

три года, учитель Рижской-Александровской гимназіи, состоящій въ VIII классѣ *Шиковъ* — директоромъ Курскаго реальнаго училища, старшій учитель Рижской городской гимназіи *Мевесъ* — инспекторомъ народныхъ училищъ при управленіи дерптскаго учебнаго округа, съ 21-го февраля 1876 года, итальянскій-поданный *Росси* — почетнымъ попечителемъ Одесской второй прогимназіи, на три года, съ 23-го февраля 1876 года, предсѣдатель Волчанской уѣздной земской управы *Любарскій* — почетнымъ попечителемъ Волчанской учительской семинаріи, на три года, съ 9-го января 1876 года.

Переводится на службу по отдомству министерства народнаго просвѣщенія: членъ совѣта и инспекторъ классовъ Оренбургскаго-Николаевскаго института, коллежскій совѣтникъ *Распоновъ*, съ утвержденіемъ директоромъ народныхъ училищъ Оренбургской губерніи, съ 21-го февраля 1876 года.

Перемѣщаются: директоры народныхъ училищъ губерній: Херсонской, *Соловьевъ* и Бессарабской, *Исаинъ* — директорами народныхъ училищъ губерній: первый — Бессарабской и послѣдній — Херсонской.

Прикомандировывается для занятій къ Московскому учебному у: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, кандидатъ Императорскаго Московскаго университета *Поповъ*, съ освобожденіемъ отъ занятій въ департаментѣ народнаго просвѣщенія.

Оставляется на службу на пять мѣтъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лешковъ*, съ 20-го января 1876 года.

Командируется съ ученою мѣстою: директоръ Казанскаго ветеринарнаго института, ординарный профессоръ сего института *Зейфманъ* — на лѣтнее вакаціонное время 1876 года, въ разныя губерніи Россіи.

Продолжается срокъ отъѣзда за границу: ординарному профессору Императорскаго университета св. Владиміра *Иванову* — до 22-го апрѣля 1876 года.

Увольняются въ отъѣздъ: въ Россіи: директоръ Бѣлоцерковскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Самусь* — на десять дней, въ Полтавскую губернію; *за границу, на два мѣсяца:* почетный смотритель Полтавскаго уѣзднаго училища *Черемисиновъ*; *на мѣтнее вакаціонное время 1876 года:* проректоръ Императорскаго Казанскаго университета, ординарный профессоръ сего университета *Леваковскій*, доцентъ Императорскаго Московскаго университета, магистръ *Муромцевъ*, учителя гимназій: Нижегородской, *Омельянскій*, Рипельевской,

Копте и Александровской Смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ, *Бердниковъ*, исправляющій должность учителя Владимірской гимназій *Анспахъ*, учителя прогимназій: Московской первой, *Руже* и Феодосійской, *Ретовскій* и учитель Александровскаго - Орловскаго реального училища *Богомоловъ*; изъ нихъ *Леваковскій* и *Руже* по болѣзни; на *лѣтнее вакаціонное время 1876 года и четырнадцать дней*: учитель гимнастики при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ *Буро*; на *лѣтнее вакаціонное время 1876 года и двадцать восемь дней*: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Виноградовъ*, доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ *Вальцъ* и инспекторъ Дерптской гимназій, коллежскій совѣтникъ *Кольманъ*; изъ нихъ *Виноградовъ* и *Кольманъ* по болѣзни; на *лѣтнее вакаціонное время 1876 года и двадцать девять дней*: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, *Заленскій* и Дерптскаго, *Драгендорфъ*, послѣдній со второй половины мая 1876 года.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, тайный совѣтникъ *Памомбецкій*, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный, директоръ народныхъ училищъ Оренбургской губерніи, статскій совѣтникъ *Крутенникъ*, съ 21-го февраля 1876 года.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: директору народныхъ училищъ Нижегородской губерніи *Овсянникову* и инспекторамъ народныхъ училищъ той же губерніи: *Селитровскому* и *Раевскому* — за постоянно усердное и добросовѣстное исполненіе ими своихъ обязанностей по осмотру училищъ, почетному попечителю Харьковскаго реального училища *Бразомъ* — за пожертвованіе въ пользу сего училища.

Исключается изъ списковъ умершій: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Болъцани*.

13-го марта 1876 года (№ 5). *Утверждаются*: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Васильевъ* — въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, съ 6-го января 1876 года, исправляющій должность директора Аренбургской гимназій, коллежскій ассесоръ *Видеманъ* — въ сей должности и съ оставленіемъ на службѣ еще на пять лѣтъ, съ 12-го февраля 1876 года, предводитель дворянства Еватери-

нославскаго уѣзда, коллежскій секретарь *Яковлевъ* и титулярный совѣтникъ *Ковалевскій* — членами попечительства Еватеринославскаго реальнаго училища, на три года.

Переводятся на службу по откомандованію министерства народнаго просвѣщенія: прикомандированный къ клиническому военному госпиталю Императорской медико-хирургической академіи, докторъ медицины *Ворошиловъ*, съ утвержденіемъ экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета по кафедрѣ физиологіи, съ 28-го февраля 1876 года, состоящій при департаментѣ общихъ дѣлъ министерства путей сообщенія сверхъ штата, коллежскій секретарь князь *Щербатовъ*, съ причисленіемъ къ министерству народнаго просвѣщенія и съ откомандированіемъ для занятій въ Императорскую Публичную бібліотеку, съ 6-го марта 1876 года.

Командируются съ ученою чиню: сверхштатный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Вайнеръ*, съ 15-го мая по 15-е августа 1876 года, на Бѣлое море, ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Мечниковъ*, съ 10-го апрѣля по 1-е августа 1876 года, на Кавказъ.

Увольняются въ отпускъ за границу на мѣнее вакаціонное время 1876 года: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, статскій совѣтникъ *Столтцовъ*, Новороссійскаго, *Цитовичъ*, Дерптскаго: *Бемъ*, *Рюль*, *Митюфъ*, статскіе совѣтники: *Фогель*, *Эттингенъ* и *Мюлау*, экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, *Помяловскій* и Дерптскаго, *Вейраухъ*, помощникъ проректора Императорскаго Московскаго университета *Добровъ*, учителя гимназій: Харьковской первой, *Шерцъ*, Тамбовской, *Гаскъ*, Смоленской, *Кастилонъ*, Николаевской Либавской, *Болотовъ*, старшій, учитель Дерптской гимназіи *Трефнеръ*, учитель приготовительнаго училища Дерптской гимназіи *Гаагъ*, директоръ Тульскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Ладовскій*, штатный смотритель Митавскаго реальнаго училища *Кульбергъ*, учителя реальныхъ училищъ: Тульскаго, *Смирновъ* и Митавскаго, надворный совѣтникъ *Кельтинъ*, учитель Дерптской учительской семинаріи *Ланге* и штатный смотритель Дерптскаго уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ *Бруттанъ*; изъ нихъ по болѣзни: *Помяловскій*, *Болотовъ*, *Гаагъ*, *Ладовскій*, *Смирновъ* и *Бруттанъ*; на мѣнее вакаціонное время 1876 года и четырнадцать дней: старшій учитель Гольдингенской гимназіи *Кельтинъ* и учитель Митавскаго реальнаго училища, коллежскій ассесоръ *Блосфельдъ*; оба по болѣзни; на мѣнее вакаціонное

время 1876 года и двадцать восемь дней: ординарные профессора Императорскаго Дерптскаго университета *Лексисъ* и *Петерсенъ*; на лѣтнее вакаціонное время 1876 года и двадцать девять дней: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Эмельманъ*, по болѣзни; съ 10-го мая по 15-е августа 1876 года: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета *Слудскій*; на четыре мѣсяца: врачъ при Московскихъ уѣздныхъ училищахъ, коллежскій ассесоръ *Кассель*, по болѣзни.

Исключается изъ списковъ умершій: директоръ Херсонской гимназіи *Марковъ*.

20-го марта 1876 года (№ 6). *Утверждаются:* ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Шмидтъ*—вновь проректоромъ сего университета, съ 21-го марта 1876 года, доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ минералогіи и геогнозіи *Штукенбергъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каедрѣ геогнозіи и палеонтологіи, съ 20-го декабря 1875 года.

Назначается: магистръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Азаревичъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лица по римскому праву, съ 13-го марта 1876 года.

Увольняются въ отпускъ въ Россіи: директоръ Вѣлостокскаго реального училища, статскій совѣтникъ *Рончевскій*—съ 20-го іюня по 1-е августа 1876 года, въ Гродненскую губернію, директоръ Острогской учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ *Богатиновъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1876 года, по болѣзни, въ Кіевскую и Волынскую губерніи, директоръ коллегіи Павла Галагана, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шафрановъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1876 года и двадцать девять дней, въ Закавказскій край; *за границу:* на два мѣсяца: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ *Никитенко*, по болѣзни; на лѣтнее вакаціонное время 1876 года: ректоръ Императорскаго Варшавскаго университета, тайный совѣтникъ *Благовѣщенскій*, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Дерптскаго, *Гобманъ* и Харьковскаго, *Владиміровъ* и *Гаттенбергеръ*, экстраординарный профессоръ сего послѣдняго университета *Залъскій*, доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета *Мазимъ*, ассистентъ фізіологическаго института сего университета *Пульсъ*, учителя гимназій: Каменецъ-Подольской, надворный совѣтникъ *Мавродіади* и Орловской: *Помянь*, *Дени*, *До-*

лежель и Щеловитовъ, учителя главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ: *Бонжуръ, Миттелмахеръ, Фишеръ, Фаснахтъ, Иверсенъ, Земанъ, Шлезингъ* и *Нерлингъ*, учителя прогимназій: Рязанской, *Мейеръ* и Кишиневской, *Пятинъ*; изъ нихъ Благовѣщенскій по болѣзни; на *мѣнее* ваканціонное время 1876 года и двадцать восемь дней: доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ *Ланель*, и директоръ Варшавской VI мужской гимназій, завѣдывающій Варшавскими III женскою гимназіею и учительскою семинаріею, титулярный совѣтникъ *Стефановичъ*; послѣдній по болѣзни; на *четыре* мѣсяца: директоръ С.-Петербургской второй прогимназій, коллежскій совѣтникъ *Гобманъ* и врачъ Бердянской гимназій *Гольдштейнъ*; оба по болѣзни; на *мѣнее* ваканціонное время 1876 года и два мѣсяца: членъ отъ правительства при управленіи главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, тайный совѣтникъ *Умрихъ*, по болѣзни.

Исключается изъ списковъ умершій: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вейрихъ*.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книги:

1) *В. А. Беккеръ. Харикль. Сцены изъ жизни древнихъ Грековъ.* Спб., 1876 г.

2) *В. А. Беккеръ. Галль. Сцены изъ римской жизни времени Августа.* Спб., 1876 г.—одобрить для фундаментальныхъ бібліотекъ правительственныхъ гимназій и прогимназій; книгу: *Учебникъ всеобщей географіи.* Составилъ А. Пуликовскій. Изд. 2-е. Спб., 1875 г. Часть первая: 1) Общія понятія изъ математической, физической и политической географіи. 2) Обзоръ Австраліи, Америки, Африки и Азіи по ихъ природѣ и народонаселенію. Цѣна 90 коп. Часть вторая: 1) Обзоръ Европы въ физическомъ отношеніи. 2) Этнографическій и политическій обзоръ Европы. 3) Европейскія государства. 4) Колоніальныя земли Европейцевъ. Цѣна 75 коп. допустить, какъ

пособіе при преподаваніи географіи въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, мужскихъ и женскихъ, и въ реальныхъ училищахъ.

УІ. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: составленныя Д. Тихомировымъ книги: 1) *Букварь для совмѣстнаго обученія чтенію и письму*. Изд. 3-е. Москва, 1875 г. ц. 15 к. и 2) *Руководство для учащихся по букварю для совмѣстнаго обученія чтенію и письму*. Изд. 3-е. Москва, 1875 г. ц. 30 к. допустить первую къ употребленію въ начальныхъ училищахъ, а вторую въ бібліотеки тѣхъ же начальныхъ училищъ.

Брошюры подъ заглавіемъ: *Нализъ котъ Васька*. Москва, 1876 г. цѣна 3 коп. и *Былъ*. Москва 1876 г. цѣна 4 коп. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ, допустить для бібліотекъ народныхъ училищъ.

Журналъ „Воскресные разказы“. Чтеніе для народа и дѣтей. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ. Годъ 2-й, №№ 1—12. Москва 1875 г. цѣна отд. № 3 коп. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ, одобрить для употребленія въ начальныхъ училищахъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Вслѣдствіе представленія попечителя Варшавскаго учебнаго округа, г. министръ народнаго просвѣщенія изволилъ утвердить, 20-го сего марта, съ огражденіемъ неприкосновенности правъ третьихъ лицъ, значущуюся въ домашнемъ духовномъ завѣщаніи бывшаго владѣльца имѣнія Подольской губерніи Леопольда Юсифова *Сулятыцкаго*, отъ 23-го ноября 1874 г., запись на *десять тысячъ* руб. въ пользу бѣдныхъ учениковъ Варшавскихъ учебныхъ заведеній, римско-католическаго исповѣданія.

Согласно ходатайству Тамбовскихъ городского общества и губернскаго земства, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ учредить съ 1-го іюля 1876 года въ г. Тамбовѣ 6-ти-классное реальное часть СLXXXV, отд. 1.

училище съ основнымъ и коммерческимъ отдѣленіемъ въ двухъ высшихъ классахъ и съ механико-техническимъ отдѣленіемъ въ дополнительномъ классѣ, на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 15-го мая 1872 г. устава и штатовъ реальныхъ училищъ, съ принятіемъ всѣхъ расходовъ по содержанію этого училища и по найму для него помѣщенія на средства названныхъ общества и земства.

7-го минувшаго февраля послѣдовало открытіе приготовительнаго класса при Преславльской учительской семинаріи при 10 ученикахъ.

1-го минувшаго февраля, послѣдовало открытіе двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ м. Опошно, Зѣньковского уѣзда, Полтавской губ.

19-го минувшаго февраля, послѣдовало открытіе двухкласснаго женскаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Усольѣ, Соликамскаго уѣзда, Пермской губерніи.

22-го минувшаго марта, послѣдовало открытіе однокласнаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Шпичинецѣ, Летичевскаго уѣзда, Подольской губерніи.

ПЕРВЫЯ СТРАНИЦЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ ¹⁾.

VIII.

Какъ общій выводъ изъ всѣхъ данныхъ, представленныхъ мною относительно арабскихъ географовъ, я могу, надѣюсь, представить слѣдующія положенія:

1) что собственныя имена, находящіяся у нихъ, не имѣютъ никакой цѣны въ историческихъ изслѣдованіяхъ, если они принадлежатъ къ числу такихъ, которые мало употреблялись въ странахъ восточныхъ, какъ Везъ, Арта, Кутаба и т. п.;

2) что несомнѣнную достовѣрность, а потому и значеніе имѣютъ приводимыя у нихъ разстоянія между мѣстами;

3) что разстояніе между Булгаромъ и ближайшимъ къ нему русскимъ городомъ они хорошо знали.

Поэтому Френъ, не обращая вниманія на приводимое арабскими географами извѣстіе о разстояніи Кунабе, Курбаи, Кутабы отъ Булгара, не обращая вниманія на повторяемое ими всѣми извѣстіе о томъ, что эта страна и этотъ городъ суть ближайшія къ Булгару части Русской земли, и основываясь на совушіи, не найденномъ имъ въ рукописяхъ, а предположенномъ, и вслѣдствіе того, разумѣя подъ русскимъ городомъ, ближайшимъ къ Булгару, Кіевъ, — поступилъ вопреки всѣмъ законамъ исторической критики, такъ какъ при этомъ онъ пренебрегъ данными достовѣрными, которымъ онъ предпочелъ данныя, не имѣющія никакой цѣны, или даже, говоря точнѣе — со-всѣмъ и не данныя, а произведеніе своей фантазіи, дѣйствовавшей подъ вліяніемъ норманской теоріи.

При этомъ онъ не замѣтилъ еще одной несообразности. Признавая,

¹⁾ *Продолженіе.* См. апрѣльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1876 годъ.

что арабскіе писатели все-таки хотятъ сказать, что изъ Булгара люди ходятъ не во всѣ части страны, а только въ нѣкоторыя, и именно въ ближайшія, онъ такъ толкуетъ слова ихъ: „тѣ, которые ведутъ торговлю съ ними, идутъ до Кіева, не дальше и здѣсь встрѣчаются съ ними“, то-есть, съ русскими же племенами, живущими выше, дальше. А въ этихъ русскихъ племенахъ самъ онъ видитъ между прочимъ Эрзу. Стало быть, Эрза-Мордва съ береговъ Волги идутъ торговать съ жителями Булгара въ Кіевъ, какъ будто имъ не гораздо удобнѣе и ближе прямо поѣхать въ Булгаръ. И Френъ прибавляетъ еще „не дальше“, но, во первыхъ, и это довольно далеко, а вовторыхъ, дальше Кіева ужъ не было Русской земли; дальше некуда было и идти, тамъ начинались уже не русскія земли.

Вотъ такимъ-то образомъ Френъ установилъ въ русской исторической литературѣ мнѣніе, что восточные купцы ходили изъ Булгара съ торговыми цѣлями въ Кіевъ еще въ X вѣкѣ. Савельевъ еще болѣе укрѣпилъ и разъяснилъ его. Не довольствуясь тѣмъ, что купцы просто ходили изъ Булгара въ Кіевъ, онъ утверждаетъ уже, что „купцы изъ Булгара доходили до Кіева черезъ Мордовскую землю“ и не просто утверждаетъ, а *притискиваетъ эти самая слова арабскимъ писателямъ* ¹⁾.

Не считаю нужнымъ еще разъ доказывать, что они говорятъ противное тому; они говорятъ, что Кутаба ближе къ Булгару, чѣмъ Арзанія, въ которой Савельевъ видитъ Мордовскую землю, что стало быть, въ этотъ городъ и нельзя идти черезъ Арзанію, а можно было бы поступить на оборотъ, можно было бы черезъ Кутабу идти въ Арзанію, но этого никто не дѣлаетъ, потому что жители Арзаніи подозрительны, никого къ себѣ не пускаютъ и даже ничего не разказываютъ о своихъ дѣлахъ; и это разказываетъ Ибнъ-Гаукаль, который самъ былъ въ Булгарѣ, и можетъ быть даже, въ Кутабѣ.

Послѣ этого удивительно ли, что г. Соловьевъ не колеблясь говорить, что „по извѣстію арабскихъ писателей, болгарскіе купцы доходили до Кіева черезъ Мордовскую землю“ и даже старается подкрѣпить это извѣстіе послѣдующими фактами ²⁾, при чемъ, какъ увидимъ ниже, конечно не достигаетъ своей цѣли.

Савельеву не могло не броситься въ глаза, что болгарскіе купцы дѣйствительно далеконько ходятъ торговать съ Русскими, и онъ ста-

¹⁾ Мухам. Нумизм., СХLIII.

²⁾ Ист. Росс., т. I, стр. 283, изд. 4-е.

рается указать по возможности кратчайшій путь, которымъ можно было достигнуть изъ Булгара въ Кіевъ. Онъ находитъ, что путь черезъ Волгу и Днѣпръ былъ бы дѣйствительно затруднителенъ и требовалъ бы много времени. По его мнѣнію, въ одно лѣто нельзя было доѣхать съ товарами изъ Булгара въ Балтійское море, слѣдовало зимовать гдѣ-нибудь ¹⁾. Путь отъ Булгара до Кіева по Волгѣ и Днѣпру былъ не короче пути отъ Булгара къ устьямъ Невы, стало-быть, и вѣдушимъ изъ Булгара въ Кіевъ нужно было также зимовать гдѣ-нибудь.

IX.

Итакъ, Савельевъ отыскиваетъ другой путь. Ближайшій путь отъ Булгара до Кіева онъ указываетъ „по Деснѣ и волокомъ въ Оку“. „Этотъ-то путь“, прибавляетъ онъ, — „разумѣли арабскіе писатели, говоря, что купцы изъ Булгара доходили до Кіева черезъ Мордовскую землю. Мы уже знаемъ, что такое этотъ путь черезъ Мордовскую землю. Посмотримъ на доказательства существованія этого пути. Савельевъ думаетъ, что существованіе его подтверждается кладами съ арабскими монетами VIII, IX и X вѣковъ, вырытыми въ Тульской губерніи. Но Тульская губернія, какъ я надѣюсь доказать ниже, была передъ началомъ Русскаго государства, почти вся населена Финскимъ племенемъ. Граница между Финнами и Славянами проходила по самой западной части ея, такъ что даже часть Бѣлевскаго уѣзда была населена Финнами. Стало быть, всѣ монеты, найденныя въ Тульской губерніи, могли попасть въ землю изъ рукъ Финновъ, жившихъ тамъ, а не изъ рукъ купцовъ, путешествовавшихъ будто бы изъ Булгара въ Кіевъ.

Весьма большой смыслъ при рѣшеніи этого вопроса имѣетъ тотъ фактъ, что клады съ арабскими монетами не продолжаются по предполагаемому Савельевымъ пути далѣе. Ни одной арабской монеты не найдено ни въ Черниговской, ни въ Орловской, ни въ Калужской губерніяхъ, то-есть, тамъ, гдѣ главнымъ образомъ долженъ былъ идти этотъ путь—Десна, верховья Оки и волокъ между ними. Г. Самковасовъ недавно дѣлалъ раскопки въ Черниговѣ и нашелъ тамъ монету, но она была греческая, стало быть, пришла туда не съ востока, черезъ Булгаръ, а изъ Византіи, черезъ Кіевъ. Вообще нигдѣ нѣтъ никакихъ указаній на древнее существованіе этого пути съ Волги въ

¹⁾ М. Н., стр. CLVII.

Кіевъ. Между прочимъ, волокъ между системою Оки и Десны нигдѣ не упоминается, въ то время какъ о другихъ волокахъ, дѣйствительно существовавшихъ (волокъ Двинскій, Новгородскій, Ламскій и проч.), есть много извѣстій.

Между тѣмъ извѣстны нѣкоторые историческіе факты, краснорѣчиво говорящіе, что этого пути не было не только въ X, но и въ XI вѣкѣ. Глѣба Владиміровичъ, князь Муромскій, желая достигнуть Кіева, вслѣдствіе предательскаго зова Святополка изъ Мурома, сначала отправился сухимъ путемъ на Волгу въ пынѣшнюю Тверскую губернію (на устьѣ Тьмы), потомъ слѣдовалъ вверхъ по Волгѣ, и наконецъ, достигъ Днѣпра. На Днѣпрѣ близъ Смоленска онъ и былъ убитъ. Ему было бы вдвое ближе, еслибъ онъ поѣхалъ Окой и Десной; и если онъ не поѣхалъ этимъ путемъ, то значить, этотъ путь еще не существовалъ, что подтверждается и извѣстными словами Мономахова завѣщанія, въ которыхъ онъ, говоря о трудностяхъ перенесенныхъ въ жизни, между прочимъ упоминаетъ о томъ, что онъ два раза ходилъ изъ южной Руси въ сѣверную „сквозъ Вятичи“. Именно Владиміръ Мономахъ былъ одинъ изъ первыхъ, которые проложили этотъ путь,—если не самый первый изъ всѣхъ. О Вятичахъ мы знаемъ, что они упорно отстаивали свою независимость отъ Русскихъ князей. Въ ихъ землю совершилъ два похода Святославъ и только послѣ втораго похода наложилъ на нихъ дань, не смотря на то, что, передъ тѣмъ они, по словамъ лѣтописца, платили дань Козарамъ. Дань, наложенную Святославомъ, Вятичи отказались потомъ платить, такъ что черезъ 15 лѣтъ (въ 881 г.) Владиміръ опять предпринялъ походъ противъ нихъ и снова наложилъ на нихъ дань; но Вятичи опять не покорились, такъ что Владиміръ еще разъ долженъ былъ воевать съ ними. Но и онъ еще не покорилъ ихъ. Владиміръ Мономахъ черезъ полтора столѣтія пишетъ, что и онъ совершилъ еще два похода въ землю Вятичей: „ходимомъ по двѣ зимѣ, на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходихъ первую зиму... Не забудемъ, что еще во второй половинѣ XI вѣка въ странѣ Вятичей умеръ мученическою смертью св. Куриша. Этотъ фактъ показываетъ не только то, что Вятичи были упорные язычники, но и то, что власть Русскихъ князей не достигала туда. Все это намъ объясняетъ, почему во времена Глѣба было невозможно путешествіе черезъ землю Вятичей; еще во времена Мономаха оно было опасно, и тогда только Вятичи были покорены окончательно; Вятичи, по видимому, долго еще сохраняли особенную любовь къ независимости; на это, по крайней мѣрѣ, ука-

зываетъ то, что черезъ столѣтіе послѣ Мономаха Вятичи между всѣми славянорусскими племенами оказали наибольшую стойкость противъ Татаръ (при защитѣ Козельска). Что древняя Русь не знала пути на востокъ черезъ Десну и Оку, въ этомъ убѣждаютъ насъ и слова лѣтописца о путяхъ изъ Россіи въ разныя страны. На востокъ, въ жребій Симовъ, въ Булгары и Хвалисы можно дойти изъ Руси, говоритъ онъ, потому, что изъ одного и того же Оковскаго лѣса Днѣпръ течетъ на югъ, а Волга — на востокъ. Значитъ, лѣтописецъ представлялъ себѣ, что дѣйствительно можно изъ Днѣпра переѣхать въ Волгу, и этого выдумать онъ не могъ; онъ стало быть слышалъ, что этимъ путемъ ѣздили и именно даже въ его время, въ XI вѣкѣ. Путь Глѣба дѣйствительно и подтверждаетъ это. То же подтверждается и археологическими данными. Въ то время, какъ въ бассейнѣ Десны до сихъ поръ не найдено ни одной восточной монеты, равнымъ образомъ и въ верхнемъ теченіи Оки, тамъ, гдѣ жили Вятичи, въ губерніяхъ, лежащихъ по верхнему Днѣпру и притокамъ его, равно какъ по всему теченію Западной Двины, вездѣ открыты клады восточныхъ монетъ. При томъ достойно вниманія, что монеты, найденныя въ губерніяхъ Витебской, Минской, Могилевской, Смоленской, принадлежатъ къ древнѣйшимъ (IX, VIII и даже VII вѣка) ¹⁾, такъ что на основаніи этого факта нужно думать, что эти страны гораздо раньше другихъ мѣстностей, населенныхъ Русскими Славянами, вошли хотя и не въ непосредственную торговую связь съ востокомъ, что здѣсь именно и пролегали торговые пути съ востока и сѣвера на югъ, а путь черезъ Оку и Десну совсѣмъ не существовалъ, что долженъ былъ привнать и г. Соловьевъ, который только тѣмъ, что Вятичи были „удалены отъ главныхъ дорогъ“ (т. III, стр. 60, изд. 3-е), объясняетъ позднее обращеніе ихъ въ христіанство и вмѣстѣ съ тѣмъ позднее присоединеніе къ Русскому государству ²⁾.

Во всякомъ случаѣ путь изъ Булгара въ Кіевъ могъ лежать только черезъ Волгу и Днѣпръ, и разстояніе между ними по этому пути было не менѣе 3000 верстъ, и сократить его нельзя. Переводя это

¹⁾ М. Н., стр. 24 и слѣд.

²⁾ Стараюсь доказать, что пути изъ Кіева въ Булгаръ черезъ Оку и Десну не было, я имѣю въ виду, какъ норманскую теорію, такъ и Гедеоновскую—поляно-русскую, которая старается обратить извѣстіе арабскихъ географовъ въ свою пользу, главнымъ образомъ, при помощи этого пути. Правильное рѣшеніе этого вопроса, какъ увидимъ ниже, вообще имѣетъ очень большое значеніе въ русской исторіи.

разстояніе на дни пути, считая по 25 верстѣ въ день, мы получимъ сто-двадцать дней пути, а не двадцать, какъ говорятъ арабскіе писатели. При этомъ мы не считаемъ еще волока между системою Волги и системою Днѣпра. А этотъ волокъ долженъ былъ принадлежать къ самымъ затруднительнымъ. Перетаскивать суда отъ верховья одной рѣки къ верховью другой можно только тамъ, гдѣ рѣки начинаются изъ болотъ, гдѣ по болотамъ и топямъ проходить и водораздѣльная линія. А гдѣ рѣки начинаются въ мѣстѣ сухомъ и возвышенномъ, начинаются изъ ключей, какъ Днѣпръ и правые притоки Волги, тамъ перетаскиваніе лодокъ изъ одной рѣки въ другую почти совсѣмъ невозможно. У насъ о древнихъ волокахъ вообще существуетъ представленіе не довольно ясное и едва ли всегда согласное съ дѣйствительностью. Воображаютъ, что вездѣ, гдѣ двѣ системы сходятся близко вершинами, можно лодки даже съ товарами перетаскивать изъ одной въ другую. Савельевъ утверждаетъ, что Черноморскіе Руссы везли свои товары съ юга на Волгу черезъ Донъ до Саргела, „перетаскивали здѣсь суда на сушу, и *пройдя съ ними* (?) небольшой волокъ, спустились на нихъ по Волгѣ ¹⁾“. Это взято изъ разказа Масуди о походѣ Руссовъ 912 года. Савельевъ подтверждаетъ свое мнѣніе между прочимъ тѣмъ, что въ наше время раньше постройки желѣзной дороги между Дономъ и Волгою перевозили здѣсь товары сухимъ путемъ на разстояніи 60 верстѣ. Но въ наше время перевозили здѣсь товары на колесахъ и на лошадяхъ. А перетащить лодки съ товарами волокомъ, то есть, таща ихъ по землѣ, дѣло совершенно невозможное не только на разстояніи 60 верстѣ, но и на разстояніи 6 верстѣ. Можно пожалуй допустить, что Руссы 912 года перетаскивали свои лодки изъ Дона въ Волгу гдѣ-нибудь на самомъ короткомъ разстояніи между двумя системами; сильные и энергическіе люди могли на разстояніи пяти-шести верстѣ ихъ перетаскать понемногу на рукахъ. Въ 912 году Руссовъ участвовало въ походѣ 50,000 человекъ; и хотя лодки ихъ вмѣщали каждая по 100 человекъ, стало быть, были значительнаго размѣра, но у древнѣйшихъ Руссовъ можно предположить и такую физическую силу и такую энергію, которая справилась бы съ этимъ затрудненіемъ. Но чтобы то же было возможно въ обыкновенныхъ торговыхъ дѣлахъ, при перевозкѣ товаровъ, это немыслимо. Въ торговыхъ экспедиціяхъ участвуютъ не десятки тысячъ людей, а просто только десятки.

Нужно замѣтить, что волоками у насъ еще до сихъ поръ пользуют-

¹⁾ Тамъ же, стр. LXIII.

ся и въ сѣверной, и въ южной Россіи, именно охотники и рыболовы. Въ сѣверной Россіи (въ Новгородской губерніи) охотникъ не рѣдко перетаскиваетъ лодку изъ одного озера, изъ одного болота въ другое, и дѣло это не представляетъ большихъ затрудненій, если озеро или болото соединены между собою хоть какимъ-нибудь протокомъ, въ которомъ больше грязи, чѣмъ воды, или даже просто топью. Въ такомъ случаѣ лодка дѣйствительно по грязи перетаскивается изъ озера въ озеро. Подобнымъ способомъ пользуются крестьяне деревни Волицкиной (подъ Петербургомъ) для перевозки сѣна съ острововъ, лежащихъ на возморьѣ противъ ихъ деревни. Сѣно они везутъ по взморью на большихъ лодкахъ; но чтобы привезти его изъ середины острова къ берегу, гдѣ стоитъ лодка, для этого лѣтомъ, въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ употребляются сани; по топкому острову въ телѣгѣ везти сѣно нельзя: нагруженная телѣга ушла бы въ трясину до осей; и вотъ крестьянинъ запрягаетъ лошадь въ сани и при двадцати-градусной жарѣ везетъ сѣно въ саняхъ: картина на первый взглядъ весьма странная. Но все это хотя неудобно, однако возможно только въ странахъ топкихъ, болотистыхъ. Въ Малороссіи рыбакамъ также часто приходится переѣзжать изъ озера въ озеро на низменныхъ берегахъ Днѣпра, и въ особенности Десны. Лодка здѣсь составляетъ также необходимую принадлежность самаго дѣла. Но рыбаки не тащатъ ее по землѣ, потому что тамъ и на низменныхъ берегахъ рѣкъ перешейки между озерами все-таки совершенно сухи во время лѣта, а переносить на плечахъ. Для этой цѣли тамъ употребляются особенныя легкія лодки (душегубки).

Вообще допустить, чтобы Руссы изъ системы Волги могли перетаскивать свои суда въ систему Днѣпра, едва-ли есть какая нибудь возможность. Даже сомнительно, чтобы и изъ бассейна Ильменя, изъ Ловати можно было перетаскивать суда въ Днѣпръ хотя бы и при посредствѣ системы Западной Двины, не смотря на извѣстіе Константина Багрянороднаго, что Руссамъ однодеревки были доставляемы въ Кіевъ между прочимъ и изъ Новгорода. Это было невозможно уже по тому одному, что лодки были доставляемы въ Кіевъ въ самомъ простомъ не обдѣланномъ видѣ, безъ рулей и уключинъ. Такія лодки не могли имѣть въ Кіевѣ хоть сколько-нибудь значительной цѣны и сами по себѣ, по своей стоимости и благодаря конкуренціи, такъ какъ онѣ же были доставляемы въ Кіевъ, кромѣ того, прямо съ Днѣпра и притоковъ его, богатыхъ лѣсомъ. Здѣсь для постройки ихъ матеріалъ ничего не стоилъ, спускъ ихъ внизъ къ Кіеву также былъ очень ле-

гокъ. И цѣна ихъ въ Кіевѣ должна была быть очень низка соотвѣтственно дешевизнѣ матеріала, работы и доставки. Очевидно, что въ такомъ случаѣ доставка ихъ изъ Новгорода вверхъ по Ловати, потомъ черезъ волокъ между Ловатью и Двиною, потомъ по Двинѣ и по какому-нибудь ея притоку вверхъ, потомъ еще по волоку—была совершенно невозможна въ экономическомъ отношеніи: она одна стоила бы много больше, чѣмъ постройка и доставка лодокъ изъ бассейна Днѣпра.

И такъ, если Руссы изъ Кіева ѣздили въ Вулгарь съ товарами, то кромѣ 3000 верстъ воднаго пути, они должны были сухопутно перевозить свои товары черезъ волокъ. Такъ именно и дѣлалось дѣло въ этихъ мѣстахъ въ послѣдующее время, о которомъ до насъ дошли положительныя свѣдѣнія. Изъ договора Мстислава Давыдовича Смоленскаго съ Готскимъ берегомъ и Ригою видно, что въ началѣ XIII вѣка товары иностранныхъ и русскихъ купцовъ были перевозимы изъ Западной Двины въ Днѣпръ сухимъ путемъ на колесахъ, и это дѣлалось не самими купцами, а волочанами, жителями верховьевъ рѣкъ, раздѣленныхъ волоками ¹⁾.

Не иначе, или по крайней мѣрѣ не съ бѣльшими удобствами, а съ меньшими, могло происходить дѣло и раньше, въ IX, X и XI вѣкахъ²⁾. Такимъ образомъ путь изъ Кіева въ Днѣпръ если не удлинился, то замедлялся, являлась необходимость двухъ перегрузокъ, и вмѣсто 120 дней онъ, вѣроятно, требовалъ 150. А если мы вспомнимъ, что въ Кіевѣ и лодки не приготавливались, а пригонялись весною съ верховьевъ Днѣпра, если вспомнимъ притомъ, что Руссы, благодаря этому и для торговли въ Константинополь могли отправляться не ранѣе іюня, какъ говоритъ Константинъ Багрянородный (у Штриттера: *mense*

¹⁾ Если тиунъ услышитъ, что латинскіе гости пришли, послать ему людей «*съ колы*» перевезти товаръ.—Который волочанинъ возьметъ латинскій товаръ черезъ волокъ везти, а что пропадетъ отъ того товара, — то платить всѣмъ волочанамъ. Собр. Госуд. Гр., II, стр. 3.—Очевидно, эти волочане были извозчики, работавшіе съ круговою порукой; они перевозили товаръ на телегахъ, а не волокли его по волоку въ лодкахъ.

²⁾ Быть можетъ, въ IX вѣкѣ въ сѣверной Россіи, богатой лѣсами, было и неизвѣстно и невозможно употребленіе колесъ. Въ Олонецкой губерніи до сихъ поръ есть цѣлыя мѣстности, гдѣ употребленіе колесъ невозможно. Тамъ для перевозки тяжестей употребляются длинныя дроги, которыхъ одинъ конецъ укрѣпляется на спинѣ лошади, а другой волочится по землѣ. Не отъ этихъ ли дрогъ, волочимыхъ по землѣ, и произошло названіе волока.

Junio ad Bitetzeba castrum descendunt), то мы легко убѣдимся, что, отправляясь въ Булгарь, они не могли выбраться изъ Кіева раньше іюня. А въ началѣ ноября Волга уже замерзаетъ; стало бытъ, Руссы дѣйствительно и не доѣхали бы до Булгара въ одну навигацію. Вотъ каковъ оказывается этотъ путь изъ ближайшаго русскаго города въ Булгарь. И вотъ какіе результаты увлеченія предвзятою мыслью при ученой работѣ! Ближайшимъ городомъ къ Булгару называется тотъ, въ который нужно ѣхать два года, въ который изъ Булгара было труднѣе попасть, чѣмъ въ Багдадъ.

Со стороны Френа и Савельева это увеличеніе тѣмъ очевиднѣе что въ другихъ случаяхъ они сами вѣрятъ арабскимъ извѣстіямъ о разстояніяхъ; оба они охотно пользуются ими, напримѣръ, для опредѣленія народности и мѣста жительства народа Вису, о которомъ говоритъ Ибнъ-Фодланъ и нѣкоторые послѣдующіе писатели. Вису, это, по ихъ мнѣнію, Весъ, что дѣйствительно весьма правдоподобно. И убѣдились Френъ и Савельевъ въ этомъ сколько сходствомъ именъ, столько и тѣмъ, что разстояніе Вису отъ Булгара, сообщаемое Ибнъ-Фодланомъ, именно три мѣсяца пути, они считаютъ подходящимъ къ Веси, къ Бѣлому озеру ¹⁾). Савельевъ думаетъ, что разстояніе между Булгаромъ и Бѣлымъ озеромъ равняется 1800 верстамъ, и такъ какъ онъ полагаетъ 20 ²⁾ верстъ въ день пути, то оно и требуетъ 90 дней. Но ни онъ, ни Френъ не обращаютъ вниманія на то, что по тѣмъ же самымъ извѣстіямъ уже черезъ 10 дней пути, путешественники, ѣдущіе къ Вису, вѣзжаютъ въ землю Руссовъ, и черезъ 20 дней они должны достигнуть ближайшаго русскаго города; у нихъ выходитъ, что отъ Булгара до Бѣлоозера, на пространствѣ 1800 верстъ, купцы ѣдутъ въ продолженіе 90 дней, а отъ Булгара до Кіева, на пространствѣ 3000 верстъ, съ двумя перегрузками и съ волокомъ, ѣдутъ только въ продолженіе 20 дней. Въ первомъ случаѣ они ѣдутъ 20 верстъ въ день, а въ другомъ—150 верстъ по одному и тому же пути.

X.

Такое отношеніе къ дѣлу было бы понятно, еслибы страна между Кіевомъ и Булгаромъ представляла пустыню, необитаемую степь или

¹⁾ Френъ, Ibn-Fozlan, 218 и слѣд.; Сав., М. Н., СХХІІ и слѣд.

²⁾ Сколько верстъ точно полагаютъ Арабы на одинъ день пути, это трудно рѣшить. И это даже едва ли вездѣ одинаково, такъ что гдѣ дорога лучше, напримѣръ, въ равнинѣ, тамъ больше пути и проходится въ день, а въ горахъ полагается меньше. Вообще этотъ счетъ только приблизительный.

необитаемые и непроходимые лѣса, населенные полудикими бродячими племенами. Въ такомъ случаѣ по неволѣ пришлось бы не обратитъ вниманія на разстояніе между Булгаромъ и Гунабой и видѣть въ Гунабѣ Кіевъ; въ такомъ случаѣ позволительно было бы въ этихъ выраженіяхъ Арабовъ „ближайшій городъ“, „10 дней пути“, „20 дней пути“, видѣть ошибку, описку и т. п. Но и Френу, и Савельеву было хорошо извѣстно, что еслибы жители Булгара поѣхали въ Кіевъ по Окѣ, то они должны были бы еще на Окѣ встрѣтить городъ Муромъ, который былъ къ Булгару, безъ сомнѣнія, ближе, чѣмъ Кіевъ; а еслибы они поѣхали по Волгѣ и Днѣпру, то они встрѣтили бы раньше Кіева Смоленскъ и Любечъ. Савельеву было кромѣ того извѣстно, что многія изъ нынѣшнихъ великорусскихъ губерній, именно Каванская, Владимірская, Ярославская, Новгородская, Тверская, Смоленская, Тульская, Рязанская и Псковская, въ VIII, IX и X вѣкахъ были населены „болѣе или менѣе людьми промышленными, стоявшими на такой степени гражданственности, какой надлежитъ ожидать отъ вліянія торговли внѣшней („съ прикаспійскими мусульманскими и огнепоклонническими владѣніями“), продолжавшейся постоянно болѣе двухсотъ лѣтъ. А на пространствѣ помянутыхъ губерній *были города*—не въ смыслѣ огороженныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ, а въ значеніи торговыхъ поселеній, которыя пользовались извѣстною безопасностью, и въ которыхъ развиты были первыя начала гражданского благоустройства“¹⁾.

Эти строки, принадлежащія г. Григорьеву и приведенныя самимъ Савельевымъ въ его сочиненіи, должны служить исходнымъ пунктомъ для отысканія русскаго города, ближайшаго къ Булгару, и для отысканія самихъ Руссовъ и русскихъ племенъ, на сколько это послѣднее возможно. Ихъ нужно сопоставить съ извѣстіями Арабовъ о торговомъ народѣ Руссахъ, занимавшемъ берега Болги выше Булгаріи, котораго страна начиналась въ 250 верстахъ выше города Булгара, и котораго ближайшій городъ отстоялъ отъ него на 500 верстъ. Оказывается, что жители средней Волги и нижней Оки уже въ VIII столѣтіи вели торговлю съ Востокомъ, которая продолжалась въ IX, X и даже XI вѣкахъ.

Къ такимъ результатамъ пришелъ одинъ ученый на основаніи изслѣдованій нумизматическихъ (г. Григорьевъ). Его выводы принялъ

¹⁾ Григорьева, О кувическихъ монетахъ въ Зап. Од. Об. Ист., т. I, стр. 115—166; цитировано у Савельева, М. Н., ССХХVIII.

другой ученый, найдя их согласными съ своими изслѣдованіями (Савельевъ). То же мы знаемъ отъ гр. Уварова, третьяго ученаго, занимавшагося въ частности археологическими изслѣдованіями касательно страны, орошаемой среднею Волгой. Онъ ¹⁾ пришелъ къ убѣжденію, что „Мера (которую онъ помѣщаетъ на средней Волгѣ и нижней Окѣ) уже съ VII вѣка начинала торговать съ востокомъ“, и что именно ее то арабскіе писатели называютъ Руссами. Почему? Это—другой вопросъ, который мы пока обойдемъ. Теперь будемъ искать, что за городъ разумѣли Арабы подъ именемъ Гунабы, Кутабы и т. д.?

Впрочемъ, предварительно разрѣшимъ себѣ еще одинъ вопросъ, котораго рѣшеніе, впрочемъ, уже подготовлено изысканіями только что названныхъ ученыхъ. Когда востокъ познакомился съ жителями Волги, приходившими торговать въ Булгарь? Вопросъ этотъ потому имѣетъ значеніе, что извѣстія арабскихъ писателей о Россіи отличаются нѣкоторою неподвижностью. Эдриси въ XII вѣкѣ и Абульфеда въ XIV въ сущности только повторяютъ извѣстія Истахри и Гаукала, не прибавляя къ нимъ ничего новаго. И такъ, Ибнъ-Хордадбегъ, Ибнъ-Фодланъ, Истахри, Ибнъ-Гаукаль и Масуди были первыми людьми, познакомившими востокъ съ Руссами, или востокъ зналъ ихъ раньше? Мы могли бы предположить, что названные писатели были первые добывшіе свѣдѣнія о Руссахъ, еслибъ Ибнъ-Фодланъ сообщилъ намъ о томъ, какъ при немъ, или не задолго до его прибытія въ Булгарь, начались торговныя сношенія Руссовъ съ этимъ городомъ, еслибы Масуди, который по всей вѣроятности самъ былъ въ Итилѣ, сказалъ, что при немъ или не задолго до него Руссы поселились въ Итилѣ. Въ дѣйствительности же ни тотъ, ни другой этого не сказали. Ибнъ-Фодланъ нашелъ въ Булгарѣ уже прочно установившіяся торговныя сношенія Руссовъ и Булгарь, и прочно установившіяся торговныя обычаи. Масуди нашелъ Руссовъ въ Итилѣ въ числѣ постоянныхъ жителей этого города, нашелъ, что для Руссовъ существуютъ особенныя судебныя учрежденія. Ибнъ-Хордадбегъ еще въ IX вѣкѣ писалъ, что Руссы иногда возятъ свои товары прямо въ Багдадъ. Въ Итилѣ, кромѣ того, вмѣстѣ съ Руссами жили магометане. Все это должно привести насъ къ мысли, что востокъ не изъ сочиненій Истахри, Масуди, Гаукала познакомился съ Руссами, что онъ зналъ ихъ гораздо раньше, что сами эти писатели могли воспользоваться

¹⁾ Труды 1-го Арх. съезда, стр. 682.

нѣкоторыми общеизвѣстными свѣдѣніями о Руссахъ и занести ихъ въ свои сочиненія.

Иначе это и быть не могло, если торговля жителей Волги съ востокомъ началась еще въ VII или VIII вѣкахъ, какъ согласно утверждаютъ ученые, изслѣдовавшіе этотъ вопросъ. Правда, эти ученые думаютъ, что въ тѣ вѣка эти волжскіе торговцы не назывались еще Руссами, а назывались иначе. Къ этому мнѣнію мы возвратимся; но изъ того, что востокъ зналъ волжскихъ торговцевъ еще съ VII или VIII вѣка, слѣдуетъ, что, быть можетъ, и эти племена Атлава, Артанія и эти города Кунаба, Арта, Талу были тамъ извѣстны также еще съ VII или съ VIII вѣка, что въ IX и X вѣкѣ, быть можетъ, котораго-нибудь изъ нихъ, а можетъ быть, и всѣхъ ихъ уже не было, что, стало быть, всѣ попытки отыскивать ихъ были бы только напрасною тратою времени.

XI.

Въ этомъ мы еще больше убѣдимся, если обратимъ вниманіе на то, что въ странѣ, въ которой, по извѣстіямъ арабскихъ писателей жили Руссы, сохранились несомнѣнные слѣды многихъ исчезнувшихъ городовъ, которыхъ даже имена не дошли до насъ. Такъ, во Владимірской губерніи сохранилось до сихъ поръ 19 населенныхъ мѣстностей, которыя носятъ названія городищъ, городковъ, городцевъ; въ Ярославской такихъ мѣстностей 18 ¹⁾. При многихъ изъ нихъ хорошо сохранились остатки древнихъ укрѣпленій, иногда поражающихъ грандіозностью своихъ размѣровъ; таковы, напримѣръ, остатки въ 45 верстахъ отъ Владиміра при селѣ Осовцѣ, на берегу Клязьмы. Здѣсь еще цѣлы валъ и ровъ въ семь сажень глубины ²⁾. Близъ Ростовскаго озера находится Городокъ на р. Саррѣ, простирающійся на 180 сажень въ длину и отъ 25 до 40 въ ширину, состоящій изъ громадной насыпи, перерѣзанной продольными и поперечными валами ³⁾. Кромѣ того, сохранилось въ тѣхъ же мѣстахъ много остатковъ древнихъ поселеній, которыя въ настоящее время совсѣмъ не населены, находятся гдѣ-нибудь въ лѣсу или въ полѣ и потому не вошли въ Списки населенныхъ мѣстностей.

Кто же можетъ поручиться, что тѣмъ городамъ, которые у Арабовъ называются Кутабы-Курбая и Арта-Арба, именно довелось со-

¹⁾ См. Списки населенныхъ мѣстъ этихъ двухъ губерній.

²⁾ См. *Владим. сборникъ*, изданіе г. Тихомирова, въ главѣ о городищахъ.

³⁾ См. *Труды перваго археологическаго съезда*, стр. 665.

храниться до нашего времени, въ особенности, если сами Арабы-то узнали о нихъ не въ X, а въ VIII или даже въ VII вѣкѣ? Можетъ быть, слѣдн этой Кутабы-Курбая и Арты-Арбы сохранились въ городищахъ, но потеряли свое имя и теперь извѣстны подъ общимъ именемъ городища, городка, или городца. Подобныхъ примѣровъ не трудно найти у насъ въ Россіи и именно въ сѣверо-восточной. Наши лѣтписцы еще въ XIII вѣкѣ упоминають о болгарскихъ городахъ Брасимовѣ, Вислѣ, Чалматѣ, Тукчинѣ, Сабелульм. А между тѣмъ въ настоящее время никакихъ поселеній хотъ только съ положительными именами нѣтъ, хотя, безъ сомнѣнія, какіе-нибудь слѣды ихъ сохранились и извѣстны мѣстному населенію подъ именемъ городищъ, городковъ и т. п. Въ странѣ древняго болгарскаго царства дѣйствительно много городищъ¹⁾. Но напрасно стали бы мы, основываясь на созвучіяхъ, приурочивать къ нимъ имена тѣхъ или другихъ древнихъ болгарскихъ городовъ; изъ этого ничего не вышло бы, въ чемъ легко убѣдиться изъ слѣдующихъ названій, приводимыхъ въ статьѣ г. Невоструева: село Успенское (это древніе Болгары), городища Майпское, Кокрымское, Балмерское, Уткинское, Ундорское, Биллрское, Чибатское, Кандалинское, Камкинское, Чертово, Арбухимское и т. д. Всѣ они, потерявши свои прежнія имена, называются отъ близъ лежащихъ селеній или какихъ-нибудь урочищъ.

Здѣсь произошло то же самое, что произошло съ древне-русскими городищами по средней Волгѣ.

XII.

Но скажутъ, кромѣ именъ городовъ, арабскіе писатели приводятъ еще имена племенъ, на которыя раздѣлялся Русскій народъ. А такихъ племенъ нѣтъ на Волгѣ и не было. Объ именахъ племенъ, съ одной стороны, я уже высказался. Названія славянскихъ племенъ, приводимыя Масуди, достаточно убѣждаютъ насъ, что подобныя названія не могли пройти черезъ рядъ арабскихъ рукописей безъ искаженія. Но другою причиною, по которой мы можемъ узнать въ нихъ имена волжскихъ племенъ, употребляемыхъ нами, служитъ то, что имена народовъ, даваемыхъ имъ другими народами, обыкновенно рѣдко совпадаютъ между собою и съ тѣми именами, которыми на-

¹⁾ Г. Невоструевъ составилъ имъ подробную карту и помѣстилъ ее въ *Труды первой археол. съезда* вмѣстѣ съ своею статьею объ этомъ предметѣ, стр. 521—594.

зываютъ себя сами эти народы. Нагляднымъ доказательствомъ этого служатъ имена Нѣмецкаго народа. Сами себя Нѣмцы называютъ Deutsche, Французы называютъ ихъ Allemands, Англичане—German, Итальянцы — Tedeschi, Славяне — Нѣмцами. Тому, кому заподлинно неизвѣстно, что всѣ эти имена относятся къ одному народу, трудно было бы догадаться, что это именно такъ. Русскій народъ, вѣжеться, имѣеть особенную способность переименовывать названія народовъ; такъ Финновъ-Суомалайненъ мы называемъ Чудью и Чухонцами, Эрзя—Мордвою, Маровъ—Черемисами, Мортъ-Коми—Зырянами, Удмуртовъ—Вотьяками и пр. Конечно, эти имена не составляютъ собственно искаженія подлинныхъ названій этихъ народовъ; они образовались извѣстнымъ историческимъ путемъ посредствомъ заимствованій у другихъ народовъ и отчасти осмысленія; но такъ или иначе употребляемыми нами названія не соотвѣтствуютъ подлиннымъ названіямъ этихъ народовъ. И что можетъ ручаться, чтобы прежнія имена Финскихъ племенъ, Мери, Муромы, Мещеры, какъ называли ихъ наши предки, были согласны съ подлинными именами этихъ племенъ, въ особенности, что можетъ ручаться, чтобы названія, даваемые этимъ племенамъ Арабами, и вѣроятно, заимствованныя ими отъ Булгаръ или Хозаръ, совпадали съ нашими?

На основаніи этихъ соображеній, конечно, было бы гораздо благоразумнѣе совсѣмъ отказаться отъ того, чтобы дѣлать какіе-нибудь выводы на основаніи названій русскихъ городовъ и племенъ, содержащихся въ арабскихъ сочиненіяхъ, отказаться отъ труда найти что-нибудь соотвѣтствующее имъ въ древней или нынѣшней Россіи. Я бы такъ дѣйствительно и сдѣлалъ, еслибъ эти названія раньше не подвергались усиленному „поднятію на дыбы“¹⁾. Чего только изъ нихъ не дѣлали! Кромѣ Кіева, произведеннаго изъ Гунабы-Кутабы-Курбай-Каркобана-Коранатріи-Вай, тутъ явилась и Литва, произведенная изъ Главы, Атлавы и Салаце, и Славія изъ тѣхъ же Главы, Атлавы и Салаце, и наконецъ, просто Славяне все изъ тѣхъ же Главы, Атлавы и Салаце, такъ что Славяне являются здѣсь одною изъ отраслей того племени, къ коему принадлежитъ Эрзя-Мордва, которую видѣли въ Артаніи, Арзаніи.

Впрочемъ, съ тѣмъ, что подъ Артаніе, Арзаніе можно разумѣть

¹⁾ Это выраженіе, употребленное въ первый разъ, кажется, г. Погодинимъ въ переводѣ Эверса, уже получило полное право гражданства въ литературѣ вопроса о началѣ Руси. Такъ часто прибѣгали къ нему наши ученые.

Эрзу-Мордву, какъ я уже высказался, можно согласиться. Только городъ Арту-Арсу-Арбу нельзя искать въ Арзамасѣ. Арзамасъ—городъ не древній и никогда никакого особеннаго значенія онъ не имѣлъ, и потому нѣтъ никакой особенной причины при отысканіи Арты-Арсы-Арбы предпочесть его двумъ Ардатовымъ, существующимъ также въ странѣ Мордвы, въ Нижегородской и Симбирской губерніяхъ или селамъ Большой Арбѣ и Малой Арбѣ, существующимъ въ Казанской губерніи близъ Волги. Всѣ они уже по тому одному не подойдутъ къ Артѣ-Ареѣ-Арбѣ, что они лежатъ слишкомъ близко къ Булгару, тамъ гдѣ жило ближайшее къ Булгару русское племя, городомъ котораго была Гунаба-Кутаба и т. д. Артанія-Арзанія лежала выше. И если ужъ дѣйствительно видѣть въ этихъ именахъ что-нибудь близкое къ дѣйствительному имени одного изъ русскихъ племенъ, то всего ближе оно, именно въ вариантѣ Арзанія, подойдетъ къ Рязани. Рязань—это славянская, ославяненная форма этого имени. Перестановка буквъ, согласной напередъ, гласной назадъ—дѣло обыкновенное у Славянъ въ такихъ случаяхъ: такимъ образомъ у нихъ вмѣсто Альба, Эльба явилось Лаба, вмѣсто Альдейга—Ладога, вмѣсто Ильмень—Лиманъ. Вѣроятно, влѣдствіе этого свойства своего языка Славяне въ до-историческія времена образовали слово брегъ тамъ, гдѣ у Нѣмцевъ явилось слово berg, слово работа тамъ, гдѣ у Нѣмцевъ явилось arbeit, слово рожь тамъ, гдѣ у Французовъ или у Кельтовъ явилось ogge. Влѣдствіе этого свойства славянскаго языка финское Арзанія, Арзанъ должно было обратиться въ Рязань, и потомъ въ Рязань.

Положеніе же Рязани вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію Арзаніи арабскихъ географовъ. Страна эта была не ближайшимъ племенемъ къ Булгару; между Рязанью и Булгаромъ дѣйствительно простирается обширная страна, которая была населена въ древности тѣмъ же самымъ племенемъ, которымъ была населена и Рязанская земля. Изъ Рязани, какъ изъ Арзаніи, нужно спускаться внизъ по водѣ, чтобы дойти до Булгара. Что Рязань находится не на Волгѣ, а на Окѣ, это не можетъ служить достаточнымъ возраженіемъ противъ того, чтобы въ Арзаніи видѣть Рязань. Арабы не имѣли опредѣленнаго представленія о Волгѣ выше Булгара; они ничего не говорятъ о самыхъ большихъ притокахъ ея—Камѣ и Окѣ; для нихъ поэтому всѣ пріѣзжавшіе въ Булгаръ сверху пріѣзжали по Волгѣ, хотя бы они въ самую Волгу-то пріѣхали изъ Оки и даже изъ Камы. Норманисты не стѣсняются

же видѣть въ Артѣ Арзамасъ, хотя онъ стоитъ даже не на Окѣ, а на небольшомъ притокѣ ея Темѣ.

Другое племя русское называется Джелаба, Атлава, Салауйе. Ничего похожего между Финскими племенами мы не знаемъ. Но до насъ дошло и имя города этого племени, который назывался Тлава или Талу. Талу очень походитъ на Тулу, безъ сомнѣнія, больше, чѣмъ на Славу или Литву.

Видѣть въ Главѣ-Талу Тулу, по видимому, не позволяютъ двѣ причины. Впервыхъ, то, что Тула есть городъ, не упоминающійся въ первые вѣка русской исторіи, что относится также и къ Рязани. Но въ виду вышеприведенныхъ словъ г. Григорьева относительно существованія городовъ въ средней Россіи до начала государства, это возрѣніе теряетъ свою силу. Многіе изъ этихъ городовъ совсѣмъ ивчезли, другіе продолжали существовать въ неизвѣстности и только впоследствии сдѣлались извѣстными. При началѣ государства не упоминается, напримѣръ, и Суздаль; въ Лаврентьевской лѣтописи это имя является въ первый разъ въ XI вѣкѣ, а между тѣмъ въ скандинавскихъ сагахъ его имя вездѣ упоминается рядомъ съ Ростовомъ, Муромомъ, Полоцкомъ, городами, которые старше Русскаго государства, и та же самая Лаврентьевская лѣтопись въ XII вѣкѣ называетъ его уже старымъ городомъ вмѣстѣ съ Ростовомъ ¹⁾, и отъ него вся страна заимствуетъ свое имя ²⁾. Новые города въ средней Россіи по Окѣ и Волгѣ только тѣ, которыхъ постройка намъ извѣстна, которые большею частью и имѣютъ имена свои отъ князей, которые ихъ строили, или по крайней мѣрѣ, имѣютъ славянскія названія, таковы: Владиміръ, Ярославль, Судиславль, Юрьевъ, Яропольъ, Переяславъ ³⁾, Всеволожь, Нижній-Новгородъ и др. А города, имѣющіе не славянскія названія, какъ Рязань, Коломна, Москва, Тула, Кострома, Тверь, безъ сомнѣнія, существовали гораздо раньше, чѣмъ сдѣлались извѣстны въ исторіи. Еслибъ они были построены впоследствии славяно-русскими князьями, то они носили бы и славянскія имена, подобно сейчасъ упомянутымъ городамъ. А ихъ имена въ дѣйствительности не славянскія. Съ другой стороны, и постройка ихъ бы-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 160.

²⁾ «Чудь сътвори Богъ въ Суздальской странѣ». П. С. Р. Л., т. VII, стр. 21.

³⁾ Переяславъ, впрочемъ, построенъ на мѣстѣ древнѣйшаго Мерскаго города; быть можетъ даже, что древній финскій городъ только переименованъ. См. Списки нас. мѣстъ Влад. губ. (введеніе).

ла бы обозначена въ лѣтописяхъ, чего въ дѣйствительности не обозначалось.

Другою причиною, не позволяющею въ городѣ Руссовъ-Финновъ видѣть Тулу, служить, по видимому, то, что Тула, находясь въ бассейнѣ верхней Оки, должна была, по общепринятому мнѣнію, входить въ составъ страны Вятичей, занимавшихъ верхнее теченіе Оки; но есть много фактовъ, свидѣтельствующихъ, что поселенія Вятичей при началѣ Славяно-Русскаго государства доходили только до западной границы Тульской губерніи, а большая часть нынѣшней ея площади была заселена Финнами. Такъ многія рѣки Тульской губерніи, если не большинство ихъ, носятъ названія не славянскія, какъ Ула, Зума, Мечъ, Пталь, Пшевь, Солова, Смедва, Тобола, Курца, Ловна, Мордвеза.

Нѣкоторыя изъ этихъ рѣкъ легко могутъ быть объяснены изъ финскихъ корней. Такъ, рѣка Ула, на которой стоитъ гор. Тула, отличается низменностью своихъ береговъ, которые на большомъ протяженіи бываютъ потопляемы въ полоую воду. Въ финскомъ языкѣ корень *ur* именно имѣетъ значеніе потопленія, залитія. Отъ него происходятъ, слѣдовательно, слова *urotan*—заливаю, *urotus*—залитіе, *urra* или *uros*—тоже залитіе, потопленіе, *urromig*—тоже, *urroan* или *urruan*—заливаюсь, погружаюсь ¹⁾. Самое слово Тула легко объяснить изъ финскаго языка, въ которомъ есть нѣсколько словъ, начинающихся съ звуковъ *тул*. *Tuli* значитъ огонь, *tulla*—сѣмя, *tulwa*—розливъ рѣки. Это послѣднее слово, намъ кажется, въ особенности хорошо идущимъ къ гор. Тулѣ, который находится на очень низкомъ мѣстѣ, и кромѣ того, подлѣ него до сихъ поръ есть большой заливъ также рѣки Упы, называемый Поповымъ болотомъ. Подобнымъ образомъ легко объясняется изъ финскаго названіе рѣки Красивой Мечи, которое сбиваетъ съ толку нашихъ топографовъ и географовъ, называющихъ ее то Красивый Мечъ, то Красивая Меча. Дѣйствительное названіе ея просто Мечъ (женскаго рода) или Красивая Мечъ. Изъ славянскаго языка напрасно кто-нибудь сталъ бы объяснять эту Мечъ. Между тѣмъ по фински *Metsä* значитъ роща, лѣсъ и даже лѣса (множ. число). Замѣчательно, что по рѣкѣ Мечи до сихъ поръ сохранились значительныя лѣса въ то

¹⁾ Вся эти слова, равно какъ и слѣдующія ниже, заимствованы мною изъ *Lexicon linguae fennicae, Ренуалла* (Або, 1826). Это словарь языка Финновъ-Суо-малайненъ. Дальше я прибѣгну къ нему еще неоднократно въ частномъ вопросѣ, имѣющемъ гораздо болѣе важное значеніе для рѣшенія общаго вопроса о началѣ Руси, и тогда объясню, почему я имъ пользуюсь.

время, какъ вся окрестная страна представляетъ почти сплошь открытую мѣстность. На финское происхождение этого слова указываютъ еще и то, что существуютъ еще двѣ рѣки съ тѣмъ же именемъ въ Рязанской губерніи, въ Пронскомъ и Воронскомъ уѣздахъ, въ странѣ, бесспорно, населенной финскимъ племенемъ при началѣ Русскаго государства. Рѣка Солова, текущая въ Упу, которая упоминается еще въ XII вѣкѣ, какъ рѣка пограничная, на которой былъ и пограничный острогъ того же имени, имѣетъ соответствующія себѣ въ финскомъ языкѣ слѣдующія слова: solawa молнія, solawa ива, solowa, solewa прямой, продолговатый. Замѣчательна еще одна особенность въ Тульской губерніи. Нѣкоторыя урочища носятъ здѣсь имя Кульма. Это названіе дается такимъ низменнымъ мѣстамъ на берегахъ рѣкъ, которыя имѣютъ видъ угла, мыса или полуострова, ованчивающагося угломъ, „стрѣлкой“ и образуются изгибомъ рѣки или соединеніемъ двухъ рѣкъ ¹⁾. При первомъ взглядѣ на такую мѣстность приходитъ въ голову мысль, что если слово Кульма дано этой мѣстности сообразно съ ея характеромъ, то оно должно означать уголь. Въ нынѣшнемъ финскомъ языкѣ употребляется слово kullma, что значитъ дѣйствительно уголь. Это поразительный примѣръ сохраненія финскаго имени въ неискаженномъ видѣ въ странѣ, ослабнѣвшей 700 лѣтъ назадъ!

Изъ другихъ особенностей Тульской губерніи, указывающихъ на ея первобытное финское населеніе, весьма характеристиченъ остатокъ старины, безъ сомнѣнія глубокой, извѣстный подъ именемъ Коня-Камня, который находится на высокомъ берегу Красивой Мечи, близъ села Козья, въ Ефремовскомъ уѣздѣ. Это большой песчаникъ, поставленный на трехъ меньшихъ камняхъ, также песчаникахъ, и окруженный другими меньшими камнями, также песчаниками. Фигурою своею онъ походитъ на изображенные въ сочиненіи Ворсо „Сѣверныя древности“ два подобные камня, также положенные на меньшихъ камняхъ (dysser, autels druidiques), которые считаются памятниками первобытныхъ обитателей Скандинавіи Финновъ. На островѣ Коневцѣ, на Ладожскомъ озерѣ, существуетъ подобный же камень, гораздо большихъ размѣровъ, и притомъ съ тѣмъ же самымъ именемъ (Конь-Камень). Почитаніе камней было распространено на фин-

¹⁾ Такія двѣ Кульмы я самъ видѣлъ, одну—въ Ефремовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Казанскомъ, образуемую изгибомъ р. Штани, другую — въ Новосильскомъ уѣздѣ, въ селѣ Покровскомъ, образуемую соединеніемъ рѣчекъ Данка и Раковки.

скомъ сѣверѣ; подобныя камни были въ Ростовѣ и Переславлѣ; они были низвергнуты св. Аврааміемъ и св. Иривархомъ. Недалеко отъ Коня-Камня ¹⁾ есть еще двѣ группы камней, также песчаниковыхъ, и также на высокомъ берегу Мечи ²⁾. Третья группа находится въ десяти верстахъ, на высокомъ берегу р. Птани, какъ разъ противъ Кульмы. Въ этихъ мѣстахъ исчезли всякіе слѣды религіознаго почитанія древнихъ Финновъ. Но въ Одоевскомъ уѣздѣ сохранились два камня Башъ и Вашиха (близъ села, которое отъ нихъ получило и имя (Вашево), въ десяти верстахъ отъ города Крапивны), въ которыхъ въ народѣ еще сохраняется уваженіе. Народъ ходитъ еще къ нимъ молиться, при чемъ не совсѣмъ успѣшною оказалась попытка духовенства обратить языческій обрядъ въ христіанскій. Ревнителі вѣры построили на этомъ мѣстѣ часовню. Народъ, дѣйствительно, и молится передъ этою часовнею; иногда приглашаютъ сюда и мѣстное духовенство, которое служитъ молебны передъ часовнею; молящіеся ставятъ свѣчки и вообще молятся по христіански, но тѣмъ не менѣе деревенская женщина, приходи къ священнику, просить его отслужить молебенъ Вашамъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было прежде по разказамъ старожиловъ, и вразумленія цѣлыхъ поколѣній священниковъ, что Вашамъ служить молебны они не могутъ, не вполне достигали цѣли.

Что такое эти Башъ и Вашиха? У языческой Мордвы до сихъ поръ существуетъ цѣлая генеалогія божествъ мужскаго и женскаго пола. Главный богъ называется Чамъ-Пасъ, жена его родоначальница всего поколѣнія второстепенныхъ боговъ, называется Агне-Патяй ³⁾. У христіанской Мордвы слово *Пазъ* значитъ Богъ. Финскія мягкія согласныя *n* и *m*, которыя въ настоящее время въ языкахъ Финновъ рѣшительно преобладаютъ, по мнѣнію финнологовъ, прежде были твердыми *b* и *d* ⁴⁾, и съ теченіемъ времени смягчились, какъ это произошло и въ западной Германіи, гдѣ хотя въ письменномъ языкѣ *b*

¹⁾ Коня-Камень упоминается въ «Росписи довецкимъ сторожамъ», 1571 г. Близъ него стояли сторожа на р. Красивой Мечи.

²⁾ Замѣчательно, что въ этой мѣстности, вообще очень богатой камнемъ, песчаника нигдѣ нѣтъ, а вездѣ исключительно известнякъ, такъ что нужно думать, что всѣ эти камни привезены откуда-нибудь издалека.

³⁾ См. *Корсакова*, Мера Патяй по мордовски значитъ тетка, старшая сестра, старшая двоюродная сестра. См. *Видемана*, Gramatik der Ersa-Mordwinischen Sprache' въ *Mem. de l'Acad. des Sciences*, т. IX, № 1, 1865 г., стр. 141.

⁴⁾ *Томсенъ*, Ueber der Einfluss der Germanischen Sprachen über die Finnische, стр.

и *д* существуютъ, но въ произношеніи уже не отличаются отъ *н* и *т*. Такимъ образомъ, мордовскій Пазъ или Пасъ назывался прежде Базъ или Басъ, и славянское население Тульской губерніи сохранило здѣсь твердое *б* въ то время, какъ финская Мордва измѣнила ее въ *н*, отъ чего мордовскій Пазъ и называется въ Тульской губерніи Башъ; а Башиха — это его жена, которой подлинное имя забыто ¹⁾. Измѣненіе звука *с* въ *ш* также легко объясняется тѣмъ, что у Финновъ *с* до сихъ поръ не имѣетъ той чистоты звука, какую онъ имѣетъ у насъ, у Нѣмцевъ или Французовъ, а есть въ немъ легкой отгѣнокъ звука *ш*, нѣсколько напоминающій тотъ звукъ, которымъ Евреи передаютъ русское *ш*. И судя по всему, этотъ Башъ былъ почитаемъ Финнами почти на границѣ ихъ племени; дальше къ западу дѣйствительно начиналась земля Вятичей. Въ томъ же Одоевскомъ уѣздѣ къ западу отъ Баша существуетъ село Радугощъ, котораго имя наводитъ на нѣкоторыя размышленія. Русскіе Славяне, по изысканіямъ покойнаго И. Д. Вѣльева, не поклонялись богамъ западныхъ Славянъ ²⁾. Но этотъ выводъ основанъ на фактахъ, относящихся къ Россіи, такъ сказать, официальной, къ господствовавшему классу въ древней Россіи, котораго происхожденіе до сихъ поръ и составляетъ загадку, не разгаданную наукою. Религія массы народной намъ мало извѣстна, о ней подъ часъ приходится довольствоваться темными намеками, заключающимися въ какихъ-нибудь остаткахъ старины, въ обрядахъ, пѣсняхъ или мѣстныхъ названіяхъ. Къ числу такихъ остатковъ, содержащихъ въ себѣ намекъ, указаніе на религію Русскихъ Славянъ, кажется, нужно отнести и приведенное названіе Радугощъ. Оно слишкомъ походитъ на имя Радегаста; оно явнымъ образомъ составлено изъ славянскихъ корней, именно изъ тѣхъ же, изъ которыхъ составлено и имя этого бога. Итакъ, не служитъ ли оно остаткомъ поклоненія обитателей верхней Оки Радегасту? Предположеніе это дѣлается тѣмъ достовѣрнѣе, что здѣшніе Славяне Вятичи, по словамъ летописи, пришли въ Россію не прямо съ Дуная, а съ береговъ Вислы, отъ Ляховъ.

Въ такомъ случаѣ почитаніе Баса, Баша съ женою прійдется дѣйствительно почти на границѣ между Финскимъ племенемъ и Вятичами. Къ тому же приводятъ и слѣдующія соображенія: выше я

¹⁾ По извѣстію *Снежирева*, Башъ и Башиха иначе такъ и называются у мѣстнаго населенія Богъ и Божиха. См. Русск. простон. праздн. въ статьѣ о Башѣ и Башихѣ.

²⁾ *Временникъ М. Общ. Ист.*, т. VIII, стр. 58.

уже привесть слѣдующее мѣсто изъ поученія Мономаха: „а въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимѣ, на Ходоту и на сына его, и ко Корьдно ходихъ первую зиму“. Оставляя въ сторонѣ Ходоту и сына его, обращу вниманіе только на Корьдно. Чтò это за имя? Изъ словъ Мономаха можно заключить, что это было важное мѣсто въ землѣ Вятичей, и притомъ наиболѣе удаленное отъ Кіева, такъ какъ походъ, совершенный туда, принадлежитъ къ числу трудныхъ. Стало-быть Корьдно также лежало гдѣ-нибудь въ крайнихъ предѣлахъ земли Вятичей, именно на границѣ его съ Финнами, слѣдовавшими дальше къ востоку. Въ Тульской губерніи сохранилось нѣсколько названій, которыя весьма легко объяснить изъ этого Корьдна; именно тамъ есть пять селъ, которыя называются Скородное, изъ которыхъ четыре находятся въ юго-западномъ углу этой губерніи, тамъ, гдѣ кончалась земля Вятичей, въ уѣздахъ Новосильскомъ и Чернскомъ ¹⁾. Быть можетъ, изъ всѣхъ ихъ только одно носило первоначально это имя, а другія были его колоніями, поселившимися впоследствии въ землѣ Финновъ. Какъ бы то ни было, Скородное—это, по видимому, ничто иное какъ Корьдно ²⁾, которое въ свою очередь очень напоминаетъ древнее имя нынѣшней Гродны, Городно. Прибавка буквы *c* въ началѣ не можетъ затруднить въ этомъ случаѣ филолога. Подобная прибавка явилась во многихъ словахъ, гдѣ первоначально ея не было. Такъ изъ первоначальнаго *кора* еще въ древнее время вышло уже *скора*, которое потомъ перешло въ *шкура*. Въ Тульской и Рязанской губерніяхъ въ настоящее время клѣбная *корка* иначе не называется какъ *скорка*. Въ словахъ *смотрѣть*, *страдать* прибавка относится ко временамъ до-историческимъ, и безъ прибавки эти слова сохранились только въ сербскомъ и словинскомъ (*motriti*) и въ верхне-лужицкомъ (*tradacz*). Еще раньше появилась буква *c* въ словѣ *страхъ*, которое происходитъ отъ общаго арійскаго корня *тр*, сохранившагося въ латинскомъ *terro* и *trepidus*; замѣчательно, что у насъ въ народѣ еще кое-гдѣ употребляется *трацать* вмѣсто *страцать*, и *мотрѣть* вмѣсто *смотрѣть*. Слово *скользить* имѣетъ *c* также не первоначальное; по малорусски *скользить* — *ковзачиця*, по чешски *klauzati*, по чехо-словенски *klzat* ³⁾. Въ Тульской и Рязанской гу-

¹⁾ Списки насел. мѣсть Тульск. губ.

²⁾ Употребленное здѣсь *c* вмѣсто *k* ничего не говоритъ противъ тожества этихъ именъ. Самъ Мономахъ, который говоритъ о Корьднѣ, называетъ себя не Мъномахъ, а Мъномахъ.

³⁾ Корнесловъ Русскаго языка Шимкевича, подъ словомъ *кора*.

берніяхъ есть явные примѣры прибавки *с* въ началѣ названій мѣстностей: въ обѣихъ этихъ губерніяхъ есть села, называемыя Сворнево; эти Скорневы, по всей вѣроятности, происходятъ отъ *корень*, съ приставкою въ началѣ буквы *с*. Въ Тульской губерніи есть село Скнига и другое Скнижа, которыя слишкомъ походятъ на *книгу* и *книжку*, чтобы имъ искать еще другой корень ¹⁾.

Подобнымъ образомъ и въ словѣ Скородное начальное *с* должно быть приставкою. И въ такомъ случаѣ каждое изъ тѣхъ Скородныхъ, которыя находятся въ юго-западномъ углу Тульской губерніи, оказывается подходящимъ подъ Корьдо Владиміра Мономаха и въ географическомъ и въ филологическомъ отношеніи. Этимъ подтверждается мысль, что граница между Вятичами и Финнами проходила именно въ этомъ мѣстѣ по нынѣшнимъ уѣздамъ Новосильскому, Чернскому, Бѣлевскому и Одоевскому; дальше къ сѣверу она уходила въ Калужскую губернію, гдѣ Славянское и Финское племена были отдѣлены одно отъ другаго Голядью, жившею по Угрѣ и Протвѣ.

Судя по всему, на границу именно въ этомъ мѣстѣ между Вятичами и племенемъ Финскимъ указываютъ еще два факта. Къ востоку и западу отъ этой линіи есть одна не довольно значительная, но не лишенная смысла разница въ народномъ говорѣ. Къ востоку

¹⁾ Корень слова *книга* не можетъ не занимать филолога. Онъ очевидно не славянскій; ничего подходящаго къ нему въ славянскомъ языкѣ нѣтъ; Кириллъ и Меодій употребили это слово въ переводѣ библіи. Вѣроятно, оно употреблялось у Волгарь, на языкъ которыхъ было переведено Священное Писаніе. Не привнесъ ли его съ собою на Дунай Булгары, покорившіе Фракійскихъ Славянъ? Эти Булгары, вѣроятно, были родственны Булгарамъ Волжскимъ, которыхъ народность не опредѣлена, но вѣрно то, что они не были пришельцами въ своей странѣ. Стало быть, не были ли они родственны сосѣдямъ своимъ Волжскимъ Финнамъ? У Мордвы-Эрзи бумага называется *коновъ*; это *е* на концѣ могло произойти изъ *и*, по примѣру того, какъ въ великорусскомъ *е* замѣнило древнее *и*, въ родительномъ надежъ (добраго—добрава); въ мордовскомъ языкѣ русское конечное *х* также переходитъ въ *ф*, напримѣръ: грѣхъ по мордовско-мошански *грѣфъ*, пастухъ—пастуфъ, порохъ—порофъ. Не было ли мордовское *коновъ* прежде *коноиъ*? Въ такомъ случаѣ исчезновеніе перваго *о* и превращеніе втораго въ *и* легко могли бы быть объяснены, и нынѣшнее мордовское *коновъ* оказалось бы *книиъ* (монахъ—книихъ). Если это такъ, то слово это должно было быть общимъ и у Волжскихъ Финновъ, и у Булгарь. Съ Булгарами оно перешло на Дунай и тамъ попало въ переводъ библіи, а съ Финнами оно осталось въ Россіи, сохранялось въ имени мѣстности и передѣляно потомъ въ Скнигу и Скнижу, посредствомъ приставки буквы *С*. О томъ, что древняя книга не имѣла вида нынѣшней книги, а имѣла видъ только свернутой бумаги, не считаю нужнымъ распространяться.

отъ нея окончательное *е* смягчается въ *ѣ*, какъ вообще въ великорусскомъ нарѣчїи; такимъ образомъ произносятся рукаѣ, остроѣ и т. п.; къ западу *е* и въ концѣ слышится какъ *е*; такъ произносятся его не смягчая къ юго-западному углу Тульской губерніи, въ большей части Калужской губерніи и въ западной части Орловской, именно, какъ будто тамъ, гдѣ были поселенія Вятичей и вообще Славянъ, такъ что смягченіе *е* въ *ѣ* въ сѣверо-восточной Россіи, быть можетъ, нужно приписать вліянію Финновъ, которыхъ языки почти потеряли нѣкоторыя твердыя гласныя, а въ концѣ словъ совсѣмъ не терять ихъ. Не могло же произойти безъ причины то, что къ востоку отъ линїи, проходящей черезъ уѣзды Новосильскій, Чернскій, Бѣлевскій и Одоевскій, *е* смягчается на востокъ вездѣ до самаго Урала, а на западъ вездѣ слышится въ своемъ чистомъ видѣ ¹⁾.

Другой фактъ, который, по видимому, также указываетъ на черту, отдѣляющую Финновъ отъ Славянъ, состоитъ въ томъ, что въ женскомъ нарѣдѣ къ востоку и западу отъ нея до послѣдняго времени сохранялась значительная разница, по крайней мѣрѣ въ Тульской губерніи. Къ востоку отъ этой границы женщины носили кички прямыя, вертикально поднимающіяся надъ головою, двурогія и значительно высокія, къ западу кички имѣли совсѣмъ другой видъ, въ родѣ тѣхъ, какія до сихъ поръ употребляются въ Курской губерніи. Кичка не поднималась вертикально надъ лбомъ, а отъ лба направлялась къ затылку, слегка поднимаясь, въ родѣ кокошниковъ, употребляемыхъ кормилицами, только не расширялась такъ, какъ расширяются кокошники. Самое слово *кичка*, *кика* по всей вѣроятности финское; оно употреблялось исключительно въ Великой Россіи; Малороссія его не знала. У сохранившей въ Петербургской губерніи Води кичка называется *кука* и отличается такою же высотой, какъ и въ восточной

¹⁾ Несмягченію *е* въ концѣ словъ къ западу отъ этой линїи соответствуетъ несмягченіе ихъ и въ серединѣ передъ мягкими согласными, равно и въ предлогѣ *ея*, который передъ согласными даже переходитъ въ *у*. Это замѣчается и самыми простыми людьми, и на этомъ основаны народныя поговорки, которыми дразнятъ жителей той или другой мѣстности, что съ особенною охотою, впрочемъ, совершенно незлобиво дѣлается рабочими въ столицахъ и солдатами въ полкахъ, гдѣ собираются люди изъ всѣхъ мѣстностей Россіи. Такимъ образомъ Бѣлевскихъ жителей дразнятъ: у Блевѣ у пачи собака.....—Калужскихъ: у насъ у Калугѣ что у перьяхъ, то и гусь; эта послѣдняя поговорка содержитъ въ себѣ намекъ на то, что въ Калугѣ будто бы ѣдятъ галокъ и воронъ наравнѣ съ гусами.

части Тульской губерніи ¹⁾. Это единство головного убора и единство имени для него, безъ сомнѣнія, указываетъ на первоначальное родство народностей, обитавшихъ въ той и другой мѣстности.

Распространяться обо всемъ этомъ нахожу тѣмъ болѣе необходимымъ, что вопросъ о границахъ между Славянскимъ и Финскимъ племенемъ, независимо отъ его отношенія къ частному вопросу о русскомъ племени Атлавія, имѣеть вообще большое значеніе въ начальной русской исторіи, тѣмъ болѣе, что объ этомъ предметѣ высказаны авторитетами науки мнѣнія, несогласныя съ дѣйствительностью. С. М. Соловьевъ предполагаетъ, что жилища Вятичей простирались почти до самой Москвы, до Лопасни, берега которой будто-бы еще были населены Вятичами. Лопасня течеть въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Протвы, гдѣ жила Голядь не только въ IX, но еще въ XI и XII вѣкахъ. Какъ допустить, что Вятичи, во всякомъ случаѣ пришедшіе съ запада или юго-запада и поселившіеся къ юго-западу отъ Голяди, могли черезъ поселенія Голяди подвинуться далѣе на сѣверо-востокъ, чтобы занять узкую полосу земли между Протвой и Лопаснею? Вятичи отличались храбростью; но окончательное покореніе Голяди только въ концѣ XI вѣка показываетъ, что и это племя умѣло защищать свою свободу и свою территорію. Потому оно и не пропустило бы черезъ свои земли небольшую колонію Вятичей. Гораздо естественнѣе и сообразнѣе съ историческими указаніями допустить, что поселенія Голяди именно отдѣляли страну Славянъ отъ страны Финновъ. Подвергаясь нападениямъ съ той и другой стороны, страна Голяди постоянно суживалась, и исторія знаетъ ее въ видѣ продолговатой полосы земли между Угрой и Протвой, отъ Оки до верховьевъ Протвы.

Графъ Уваровъ, руководясь археологическими указаніями, продолжаетъ страну Финновъ и даже одной только Мери на югъ дальше, нежели г. Соловьевъ. Страна Мери у него переходитъ за Оку и въ Тульской и въ Рязанской губерніи. Южнѣе ея къ югу жили все-таки не Славяне, а Финны, если не Меря, то какое-нибудь другое племя, по всей вѣроятности близкое къ тому, котораго остатки теперь называются Эрвею. Его-то арабскіе географы и могли называть Тлава, Атлава, а городъ его — Тлава и Талу, который потомъ (въ XII в.)

¹⁾ *Сверный Архив* 1822 г. ч. I, стр. 240. Статья пастора Цетреуса: Нѣчто о Вотландцахъ.

является въ исторіи подъ именемъ Тулы. Что лѣтописи молчатъ о немъ до этого времени, это не должно никого вводить въ недоумѣніе. Лѣтописи, писанная въ Кіевѣ въ первыя вѣка, молчитъ и о Рязани, и о Муремѣ, и о Ростовѣ. Она, какъ извѣстно, и о Новгородѣ упоминаетъ очень рѣдко, да и то только тогда, когда онъ входитъ въ какое-нибудь сопрیکосновеніе съ Кіевомъ.

Если слова г. Григорьева, что въ этихъ мѣстахъ, и между прочимъ, въ Тульской губерніи существовали города въ древнѣйшее время, справедливы, въ чемъ конечно сомнѣваться нельзя, то Тула имѣетъ наибольшую вѣроятность древняго существованія изъ всѣхъ другихъ городовъ этой губерніи, такъ какъ она все-таки есть древнѣйшій городъ этого края, и ея имя не славянское, что указываетъ на основаніе ея въ то время, когда въ этомъ краѣ Славянъ еще не было. Другіе древніе города этой губерніи Дѣдославль, Одоевъ, Новосиль, Кранивна имѣютъ или корни, или окончанія, или то и другое вмѣстѣ—славянскія, стало быть, построены уже Славянами или Славянорусскими князьями, и построеніе первыхъ славянорусскихъ городовъ въ Тульской губерніи, именно въ западной части ея, въ свою очередь подтверждаетъ мысль о древнѣйшемъ финскомъ населеніи этой страны. Князья Рюрикава дома, господствовавшіе надъ Варягами, именно черниговскіе Ольговичи, распространяя мало по малу свою власть къ востоку, построили эти города съ цѣлью держать въ повиновеніи страну, и съ теченіемъ времени здѣсь появились особыя отрасли рода Ольговичей, князья Одоевскіе и Новосильскіе.

Третье русское племя, лежавшее ниже другихъ по теченію Волги, арабскими писателями даже не названо; названъ только одинъ изъ его городовъ. Но народность его не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Страна его, сосѣдняя со страной Булгаръ, и начиналась въ 250 в. выше города Булгара, а ближайшій городъ его лежалъ въ 500 верстахъ выше этого города. Разстояніе это только приблизительное; оно не позволитъ намъ видѣть въ ближайшемъ къ Булгару русскомъ городѣ такой, который отстоитъ отъ него на 1000 верстъ, а тѣмъ болѣе на 3000 верстъ, какъ Кіевъ, но городъ, отстоящій отъ Булгара 400, 600 и даже 700 верстъ подойдетъ подъ него. Но на такомъ именно разстояніи отъ Булгара находится одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ этого края Муромъ. Къ нему можно приложить то, что Арабы говорятъ о Кутабѣ, Сунабѣ и т. д. Въ Муромѣ, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно ѣздили восточные купцы. Несходство названій объясняется искаженіемъ; и ориенталистамъ ничего не стоитъ прев-

ратить Кутаба или Курбая въ Муромъ¹⁾. Передѣлываютъ же они Лузана въ Нормаше или Ванъ въ Кіевѣ.

Есть, впрочемъ, и на средней, и на верхней Волгѣ населенныя мѣстности, носящія имя и Кіева съ нѣкоторыми измѣненіемъ окончанія, именно Киво и Кивка²⁾ въ Ярославской губерніи, и Ковка въ Тверской, и каждое изъ нихъ скорѣе подойдетъ подъ Курбай, Кутабу арабскихъ писателей, чѣмъ Кіевъ на Днѣпрѣ. Но по всей вѣроятности, и въ нихъ нельзя видѣть этого города. Однако существованіе ихъ въ бассейнѣ средней Волги далеко не лишено смысла: оно служитъ подтвержденіемъ той мысли, что Кіевъ на Днѣпрѣ не былъ центральнымъ городомъ туземнаго славянскаго племени, а только укрѣпленною станціей Волжскихъ Руссовъ въ ихъ торговлѣ съ Византіей, и уже потомъ, благодаря выгодному мѣстоположенію и благоприятному климату, сдѣлался столицею всего государства. Самое имя Кіева, необъяснимое изъ славянскаго языка, легко объясняется изъ языка мордовскаго. *Кі* значить по мордовски дорога, *eo* наиболѣе употребительное окончаніе именъ прилагательныхъ, производимыхъ отъ существительныхъ, напримѣръ: *käv*—камень, *kävev*—каменный, *kele*—широта, *kelev*—широкій, *vir*—лѣсъ, *virev*—лѣсной, *vi*—сила, *viev*—сильный, *ki*—дорога³⁾; Кіевъ, стало быть—дорожный, то есть, такое мѣсто, откуда Руссы пускались *съ дорою*, отправляясь торговать въ Византію.

Вспомнимъ при этомъ то, что сообщаетъ о Кіевѣ Константинъ Багрянородный. Въ продолженіе зимы Руссы свозятъ сюда всякаго рода товары изъ разныхъ городовъ, а весною приходятъ сюда лодки сверху по Днѣпру. Руссы отдѣлываютъ ихъ, оснащаютъ, нагружаютъ и въ іюнѣ мѣсяцѣ пускаются въ дорогу. Именно даже въ X вѣкѣ Кіевъ былъ какимъ-то сборнымъ пунктомъ для отправленія купцовъ въ путь; это — городъ сборный, путевой, дорожный, *Ki-ev*.

Говоря, что подъ Курбай-Кутабой и пр. можно разумѣть Муромъ, я весьма далекъ отъ того, чтобы утверждать положительно, что ближайшимъ къ Булгару русскимъ городомъ былъ именно Муромъ. Это положеніе мнѣ кажется только наиболѣе вѣроятнымъ, особенно въ виду того, что изъ нашихъ собственныхъ источниковъ мы знаемъ, что въ Муромъ пріѣзжали для торговли болгарскіе купцы.

¹⁾ Въ дѣйствительности арабская буква *k* очень походитъ на *m*.

²⁾ См. Списки населенныхъ мѣстъ Ярославской губерніи.

³⁾ *Wiedeman*, Grammat. der. ersa-mord. Sprache (въ словарѣ), *Mem. de l. A. de Sciences*, т. IX, 1866 г.

Но кромѣ Мурома, мы найдемъ на нижней Окѣ или ередней Волгѣ много другихъ мѣстъ, къ которымъ можно отнести то, что арабскіе писатели говорили касательно Курбан-Кутабы и т. д. Это именно тѣ многочисленныя городища, которыя уцѣлѣли или въ развалинахъ, или только въ именахъ, въ губерніяхъ Владимірской, Нижегородской и другихъ, о которыхъ мы говорили выше. Такъ, быть можетъ Курбаю-Кутабою и т. д. назывался городъ на Волгѣ, извѣстный съ XIII вѣка подъ именемъ Городца. Самое имя этого Городца показываетъ, что онъ построенъ на мѣстѣ другаго болѣе древняго города, потерявшаго свое имя. Онъ отстоитъ отъ Булгара приблизительно на 550 верстъ. Вотъ, быть можетъ, сюда-то и ѣздили восточные купцы торговать съ русскими. Или наконецъ, если мы захотимъ искать ближайшаго къ Булгару русскаго города на точно опредѣленномъ разстояніи, 20 дней пути, или 500 верстъ отъ Булгара, то ничто не побуждаетъ насъ предположить, что именно на этомъ разстояніи, гдѣ-нибудь близъ устья Оки, былъ городъ, называвшійся Курбая, Кутаба, Кератія, Карапартія, который въ настоящее время не существуетъ, такъ какъ намъ положительно извѣстно, что многіе изъ городовъ, существовавшихъ въ этой странѣ до начала Русско-Славянскаго государства, исчезли съ лица земли, такъ что теперь и мѣста ихъ нельзя найти. Быть можетъ, и Нижній-Новгородъ построенъ на мѣстѣ одного изъ такихъ городовъ.

Нѣкоторые изъ вариантовъ имени этого, съ такимъ трудомъ находимаго города указываютъ другой путь къ отысканію его. По Ибн-Варди, онъ назывался Керкіанъ, Каркаанъ, Керакертія, по Эдриси — Авертія, Кератія ¹⁾. Имя Кератія весьма напоминаетъ одно изъ трехъ мордовскихъ племенъ — Каратаи. Самъ Френъ сдѣлалъ это сближеніе, но все-таки предпочитаетъ ему сдѣланное имъ же самимъ превращеніе Керкіанн, Керакертія, Авертія, Кератія въ Кіавъ, превращеніе, которое могло быть сдѣлано хотя съ трудомъ, но не съ большимъ (ohne viele Mühe) ²⁾; а въ существованіи Каратаевъ Френъ сомнѣвается, такъ какъ извѣстіе, сообщенное о нихъ Лепехинымъ, не подтверждается другими путешественниками. Но кажется, что существованіе Каратаевъ въ прежнія времена не подлежитъ сомнѣнію. Они исчезли уже въ наши дни, что объясняется

¹⁾ Frähn, Jbn-Fozl, 160.

²⁾ Впрочемъ, г. Гаркази читаетъ здѣсь Каркаанъ и Каркаанія.

³⁾ Ibn. Fodl. стр. 160.

важною способностью мордовской народности ассимилироваться другими сосѣдними народностями¹⁾; есть Мордва и обрусѣлая, и отатаренная; многіе Мордвинны говорятъ на четырехъ языкахъ (своемъ, русскомъ, татарскомъ и чувашскомъ). Такимъ образомъ и произошло исчезновеніе Каратаевъ; они обратились то въ Татаръ, то въ Русскихъ, то въ Мордву—Эрзу или Мокшу. Такимъ образомъ и объясняется то, что тамъ, гдѣ Лепехинъ видѣлъ Мордву, Альквистъ черезъ 100 лѣтъ видѣлъ уже крещеныхъ Татаръ²⁾. Между тѣмъ еще въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія Мордва-Каратаи жили въ Сенгилейскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи³⁾; и потому Кеппенъ, большой авторитетъ въ этомъ дѣлѣ, еще въ пятидесятыхъ годахъ вслѣдъ за Лепехинымъ и Аделунгомъ принималъ три мордовскія племени—Эрзу, Мокшу и Каратаевъ⁴⁾.

Такимъ образомъ очень вѣроятно, что третье Русское племя называлось Каратаи или какимъ-нибудь похожимъ именемъ: Керкіанъ, Каркаянъ и т. п., а городъ его, этотъ предполагаемый и „безъ большаго труда“ превращаемый изъ Керкіяна или Керкіяніи въ Кіевъ, есть ничто иное, какъ дѣйствительно Керкіанъ, Каркаянъ, Кератій, Каратай, то-есть, городъ Каратаевъ. У двухъ другихъ Русскихъ племенъ имена племенъ сходны съ именами городовъ—(Атлавія и Глава, Арванія и Арса); то же правило, можетъ быть, было соблюдено и относительно третьяго племени. Городъ его—Керкіянія, само племя—Керкіанъ, или городъ Каратай, и племя Каратаи. Въ восточной Европѣ въ IX и X вѣкахъ, какъ видно, эти соотвѣтствующія названія городовъ и племенъ были въ большомъ употребленіи. Такимъ образомъ и Руссы имѣли при Азовскомъ морѣ свой городъ, который Арабы называютъ Руссія, Булгары имѣли городъ Булгаръ, Муroma—Муромъ.

Итакъ, всѣ три Русскія племени, называемыя арабскими писателями, составляли ничто иное, какъ три племени волжскихъ Финновъ. Ихъ-то арабскіе писатели называли Русскими, ихъ знали подъ этимъ именемъ. Такой результатъ получается изъ извѣстій арабскихъ писателей, если ихъ читать безъ задней мысли, если у нихъ видѣтъ

¹⁾ См. *Риттиха* Матеріалы для статист. Каз. губ., стр. 217 и слѣд.

²⁾ См. предисловіе къ его *Vors. einer Grammatik der Mokscha-Mord. Sprache*, стр. VII; Альквистъ былъ тамъ въ 1857 или 1856 г.

³⁾ См. *Спб. Вѣдом.* 1845 г., № 268.

⁴⁾ См. Этногр. карту Россіи и при ней статистич. таблицы иногородческаго населенія Россіи.

только то, что у нихъ есть, не прибавляя къ нимъ своихъ составленныхъ заранѣе мнѣній, и если у нихъ брать то, что отличается у нихъ достовѣрностью, именно ихъ извѣстія о положеніи странъ, ихъ пространствѣ и разстояніяхъ, а не ограничиваться фантазированіемъ по поводу искаженныхъ „на тысячу ладовъ“ собственныхъ именъ, содержащихся въ арабскихъ рукописяхъ.

XIII.

Есть еще у арабскихъ писателей одинъ разрядъ извѣстій о Руссахъ, которыя поражаютъ своею точностью и обстоятельностью; это извѣстія, касательно быта Руссовъ, идущія отъ очевидцевъ, изъ которыхъ одинъ (Ибнъ-Фодланъ) оставилъ въ особенности драгоценный очеркъ быта Руссовъ, видѣнныхъ имъ въ Булгарѣ. О достоинствѣ извѣстій Ибнъ-Фодлана распространяться не нужно. Открытіе ихъ составило эпоху въ исторіи изученія востока и начальной исторіи Россіи. Свидѣтельства его такъ важны ¹⁾, что никакая система, стремящаяся объяснить темное начало Русскаго государства, не можетъ обойтись безъ нихъ. Изъ норманистовъ уже самъ Френъ старался согласить ихъ съ другими извѣстіями, касательно начала Россіи. Специально задался этою задачею Кругъ, который старался доказать, что замѣчательнѣйшія черты быта Руссовъ, описанныя Ибнъ-Фодланомъ, составляютъ принадлежность быта Скандинавовъ, и что, стало быть, ихъ Ибнъ-Фодланъ видѣлъ въ Булгарѣ и назвалъ Руссами. Другіе ученые, даже принимая норманскую теорію, видѣли въ Руссахъ Ибнъ-Фодлана Славянъ. Тѣмъ болѣе охотно видятъ въ нихъ Славянъ ученые, доказывающіе, что имя Русь издавна принадлежало днѣпровскимъ Славянамъ, или только склонные къ этой мысли. Потому черты, приписанныя Ибнъ-Фодланомъ Руссамъ, многими уже введены въ характеристику Славянъ относительно религіи, нравовъ, обычаевъ, домашняго быта и т. п. Такимъ образомъ Славянамъ приписаны этнографическія особенности, составляющія принадлежность волжскихъ Финновъ, которыхъ въ дѣйствительности описывалъ Ибнъ-Фодланъ. Тутъ предстоитъ не малая работа будущимъ критикамъ, имѣющимъ отдѣлать дѣйствительно славянское отъ не славянскаго. Г. Котляревскій, между прочимъ, въ свои изслѣдованія о по-

¹⁾ Як. Гриммъ находитъ, что извѣстія Ибнъ-Фодлана составляютъ одинъ изъ самыхъ драгоценныхъ источниковъ для изученія быта Руссовъ, и что для изученія быта Германцевъ нѣтъ источника, который равнялся бы съ извѣстіями Ибнъ-Фодлана.

гребальныхъ обычаяхъ Славянъ внесъ много чертъ, принадлежавшихъ Руссамъ Ибнъ-Фодлана и другихъ арабскихъ писателей. Но, очевидно, въ его совѣстливую мысль закралось сомнѣніе: дѣйствительно ли эти Руссы-Славяне? И для успокоенія себя, для обезпеченія результатамъ своихъ изслѣдованій прочнаго положенія въ области науки, онъ присоединилъ къ нимъ еще особое изслѣдованіе, имѣющее въ виду доказать, что Руссы арабскихъ писателей дѣйствительно ничто иное, какъ Славяне, и именно придиѣпровскіе, и въ то же время, опровергнуть доказательства Круга, что Ибнъ-Фодланъ описывалъ видѣнныхъ имъ въ Булгарѣ Скандинавовъ, и что бытовые черты, приписанныя имъ Руссамъ, составляли принадлежность быта этого народа. Эта послѣдняя задача достигнута г. Котляревскимъ вполне; онъ достаточно доказалъ, что тамъ, гдѣ Кругъ нашелъ сходство между бытомъ Руссовъ и Скандинавовъ, сходство это относится къ такимъ подробностямъ, которыя не составляютъ характеристики Скандинавовъ, а составляютъ общую принадлежность быта народовъ первобытныхъ, мысль, которую высказалъ и Гриммъ, также занимавшійся объясненіемъ Ибнъ-Фодлана.

Собственную мысль о томъ, что Руссы арабскихъ писателей суть диѣпровскіе Славяне, и что черты ихъ быта, описанныя Ибнъ-Фодланомъ, относятся къ быту Славянъ, какъ мысль, построенную на живыхъ основаніяхъ г. Котляревскій, разумѣется, не успѣлъ подкрѣпить никакими прочными доказательствами. Исходный пунктъ его — мнѣніе Френа, что Гунаба, Кутаба есть Кіевъ, и мнѣніе Савельева, что болгарскіе кушцы изъ Булгара ходили въ Кіевъ черезъ Мордовскую землю. Я не стану еще разъ возвращаться къ тому, что мнѣніе Френа есть ошибка, а мнѣніе Савельева есть искаженіе источниковъ ¹⁾. Г. Котляревскій, между прочимъ, думаетъ опереться на мнѣніе Ибнъ-Хордадбега, что Руссы принадлежатъ Славянскому племени. Это мнѣніе дѣйствительно имѣло бы вѣсъ, еслибъ оно было вы-

¹⁾ Не сомнѣваясь въ истинности положеній Френа и Савельева о торговлѣ волжскихъ Булгаръ съ Кіевомъ, г. Котляревскій говоритъ: «съ одной стороны мы видимъ несомнѣнные факты торговыхъ сношеній русскихъ Славянъ съ Булгарами, съ другой—предположенія о торговлѣ Норманновъ съ тѣмъ же народомъ». Въ томъ-то и дѣло, что несомнѣнныхъ фактовъ-то нѣтъ, а есть передѣлка Гунабы—Кутабы въ Кіевъ, и сокращеніе разстоянія Кіева отъ Булгара изъ 3000 верстъ въ 500 верстъ, и превращеніе дѣйствительнаго извѣстія арабскихъ писателей, что изъ Арзаніи ѣздить въ Булгаръ черезъ Гунабу—Курбою въ противоположное, что жители Гунабы—Курбаи ѣздить въ Булгаръ черезъ Арзанію.

сказано известнымъ ученѣмъ этнографомъ, высказано послѣ тщательнаго изслѣдованія. Но свѣдѣнія Ибнъ-Хордадбега о Руссахъ вообще очень ограничены, и этнографомъ онъ, какъ и другіе арабскіе писатели, не былъ. „Этнографія вообще была слабою стороною арабскихъ писателей“; такъ говоритъ ориенталистъ г. Гаркави. И намъ известны факты, весьма убѣдительнымъ образомъ подтверждающіе это мнѣніе. Такъ Ибнъ-Фодданъ, самъ лично бывши въ Булгаріи, повторяетъ нѣсколько разъ, что Волжскіе Булгары были Славяне. Мы знаемъ, что это вѣрно. Абульфѣда утверждаетъ, что Руссы были турецкаго происхожденія ¹⁾. Ахметъ Эль-Котибъ отождествлялъ ихъ съ Норманнами. Ни одно изъ этихъ мнѣній не имѣетъ никакой цѣны, отчасти, благодаря тому, что они своимъ противорѣчіемъ исключаютъ одно другое, а отчасти благодаря тому, что всѣ арабскіе писатели были худыми этнографами. Мнѣніе Ибнъ-Хордадбега въ особенности не можетъ имѣть никакой цѣны еще и потому, что сочиненіе его дошло до насъ, какъ мы уже видѣли „въ безалаберной передѣлкѣ“, а не въ подлинникѣ. Относительно того, что Ибнъ-Хордадбегъ будто бы называетъ Волгу Славянскою рѣкою, въ чемъ г. Котляревскій видитъ также доказательство того, что Руссы арабскихъ географовъ были Славяне, я уже высказался выше, гдѣ и привелъ доказательства, что Ибнъ-Хордадбегъ совсѣмъ не называетъ Волгу этимъ именемъ; это только такъ показалось нѣкоторымъ изслѣдователямъ, именно, благодаря, отчасти „безалаберной передѣлкѣ“, отчасти предвзятой мысли.

Другое доказательство своей мысли г. Котляревскій находитъ у Масуди. По словамъ его, Масуди перечисляетъ славянскія „племена западныя и южныя, восточныя же собираетъ въ одно общее коллективное имя Руси“. Думаетъ такъ г. Котляревскій на основаніи того, что по словамъ Масуди Руссы состоятъ изъ многихъ племенъ, въ числѣ которыхъ есть одно называемое Лудана, которое есть самое многочисленное. Въ Луданѣ онъ видитъ Ладожанъ, потому что Фрэнъ эту Лудану передѣлалъ въ Лудачію, или Лучанъ, жителей Луцка, слѣдуя Лелевелю. Но не говоря ужъ о томъ, что въ дѣйствительности между восточно-славянскими племенами не было ни Ладожанъ, ни Лучанъ, г. Котляревскій не обратилъ вниманія на то, что Масуди, говорящій много и о Славянахъ, и о Руссахъ, нигдѣ ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ не указываетъ на племенное родство

¹⁾ *Rienand*, т. II, стр. 296.

ихъ. Еслибъ онъ считалъ Руссовъ восточными Славянами, то отчего-жь онъ не помѣстилъ ихъ при перечисленіи Славянскихъ племенъ. Отчего существенное, извѣстное ему русское племя Лудану онъ не помѣстилъ между славянскими племенами? Такъ слѣдовало бы по законамъ логики. Если онъ считаетъ Руссовъ частью Славянъ, то зачѣмъ вездѣ ставить ихъ рядомъ, зачѣмъ онъ не удовольствовался тѣмъ, чтобы сказать, что на службѣ Хазарскаго царя находятся Славяне, а прибавилъ сюда еще Руссовъ? Если бы Руссы были однимъ изъ Славянскихъ племенъ, если они составляли какую-нибудь часть всего Славянскаго племени болѣе или менѣе значительную, то подъ именемъ Славянъ слѣдовало бы разумѣть и ихъ; а между тѣмъ Масуди не сдѣлалъ этого, не разумѣвъ Руссовъ подъ общимъ именемъ Славянъ, а поставилъ ихъ рядомъ, какъ два равностепенные предмета; но вѣдь часть рядомъ съ цѣлымъ не ставится.

Г. Котляревскій доказываетъ племенное родство Славянъ и Руссовъ тѣмъ, что Масуди „будто бы всегда ставитъ ихъ (Руссовъ) въ ближайшую связь съ Славянами“.

Руссы и Славяне, говоритъ г. Котляревскій, это его обыкновенное выраженіе; они вмѣстѣ обитаютъ въ одномъ концѣ Итіля, имѣютъ одинаковую религію и обычаи и управляются однимъ судьей (не управляютъ, а судятся), находятся вмѣстѣ на службѣ у Хазарскаго царя.

Но авторъ упустилъ изъ вниманія, что эта *ближайшая* связь ограничивается именно только жизнью Руссовъ и Славянъ въ Итілѣ на службѣ у Хазарскаго царя. А тамъ, гдѣ дѣло дойдетъ до этнографическаго описанія того и другаго народа, связь эта совсѣмъ исчезаетъ; тамъ Масуди о Руссахъ говоритъ отдѣльно и о Славянахъ отдѣльно, о Руссахъ говоритъ одно, о Славянахъ—другое. Что касается до того, что Руссы и Славяне имѣютъ одну религію и обычаи, этого Масуди совсѣмъ не говоритъ. Что, по словамъ Масуди, и Руссы, и Славяне сжигали умершихъ, отсюда еще далеко до единства религіи и обычаевъ. Всѣ почти языческіе народы сжигали умершихъ, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы всѣ языческія религіи и обычаи всѣхъ языческихъ народовъ были одинаковы. Напротивъ того, касательно нравственной и политической стороны жизни Руссовъ и Славянъ Масуди приводитъ черты существенной разницы. Руссы суть „великій народъ, не покоряющійся ни царю, ни закону, отличающійся крѣпкою суровостью нравовъ, жестокостью, а Славяне живутъ подъ властью“ царей; Масуди нигдѣ не говоритъ о суровости ихъ нравовъ, и мы знаемъ, что приписать имъ эту черту нельзя. Далѣе Руссы

и Славяне точно судятся у одного и того же судьи въ Итилѣ; но безъ сомнѣнія, отсюда еще далеко до племеннаго родства ихъ. Судъ въ Итилѣ устроенъ былъ такимъ образомъ, что есть два судьи для христіанъ, два для магометанъ, два для Евреевъ. Всѣ эти судьи судятъ на основаніи своихъ религіозныхъ законовъ; магометанскій—на основаніи Корана, еврейскій—на основаніи Пятикнижія, христіанскій—на основаніи Евангелія. Но язычники не имѣютъ подобныхъ законовъ; они не признаютъ ни Евангелія, ни Пятикнижія, ни Корана, и вотъ для нихъ назначенъ отдѣльный судья, который судитъ ихъ „по закону разума“. Но ему подчинены не одни только Руссы и Славяне, но и „другіе язычники“. Есть ли здѣсь въ самомъ дѣлѣ какое-нибудь указаніе на племенное родство Руссовъ и Славянъ? Въ такомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, слѣдовало бы признать, что племенное родство существовало между всѣми вообще язычниками, жившими въ Итилѣ.

Вообще у Масуди нѣтъ ни одной черты, которая указывала бы на племенное родство и даже на какую-нибудь связь между Руссами и Славянами внѣ Итиля. По законамъ логики и исторической критики, съ полною несомнѣнностью изъ Масуди можно извлечь только то, что онъ различаетъ Руссовъ и Славянъ. Онъ видѣлъ въ нихъ двѣ раздѣльныя народности и нигдѣ ни одною чертою не указалъ на этнографическое единство ихъ, хотя имѣлъ въ тому много поводовъ и случаевъ.

Другія доказательства, на основаніи которыхъ г. Котляревскій въ Руссахъ восточныхъ географовъ видитъ нашихъ Русскихъ Славянъ, относятся къ тѣмъ признакамъ физическимъ или бытовымъ, подъ которыми Руссы представляются въ ихъ сочиненіяхъ.

Ибнъ-Фодланъ говоритъ, что Руссы отличаются румянымъ цвѣтомъ лица и русыми волосами. Г. Котляревскій ссылается на Прокопія, который говоритъ, что Славяне имѣли цвѣтъ лица не совсѣмъ бѣлый и волосы рыжеватые, и на нашу народную поэзію, въ которой русыя кудри представляются идеаломъ красоты. Но такъ смотреть на красоту только великорусская поэзія и смотреть сообразно съдѣйствительнымъ положеніемъ дѣла: изъ десяти Великороссовъ навѣрно семь человѣкъ имѣютъ русые волосы. Въ Малороссіи же изъ десяти человѣкъ по крайней мѣрѣ семь человѣкъ имѣютъ темные волосы, и идеаломъ красоты тамъ считаются „черныя брови“, черный усы; дѣвчина въ народной малорусской пѣснѣ всегда „черноброва“, и „милый чернобровый“. А г. Котляревскій въ Руссахъ Ибнъ-Фодлана видитъ именно Южно-Руссовъ. Стало быть, къ нимъ этотъ признакъ не идетъ. Что

касается до Прокосія, то и онъ не говоритъ, чтобы волосы Славянъ отличались русымъ цвѣтомъ,—они только имѣютъ рыжеватый оттѣнокъ, то-есть, они не такъ черны, какъ волосы Грековъ, что конечно справедливо, а цвѣтъ лица ихъ онъ называетъ очевидно не румянымъ, а смуглымъ, что также справедливо, по крайней мѣрѣ относительно южныхъ Славянъ, которыхъ зналъ Прокосій. Далѣе слѣдуютъ у г. Котляревскаго доказательства, основанныя на бытовыхъ особенностяхъ, гдѣ онъ старается приурочить извѣстія Ибнъ-Фодлана къ днѣпровскимъ Славянамъ. Этихъ доказательствъ я коснусь только мимоходомъ, такъ какъ они въ значительной степени потеряли свой вѣсъ, благодаря нѣкоторымъ позднѣйшимъ открытіямъ и изслѣдованіямъ. Дѣло въ томъ, что исторической критикѣ въ послѣднее время принесла большую помощь археологія. Археологическія изысканія, имѣющія отношеніе къ вопросу о началѣ Руси, начались уже давно. На нихъ главнымъ образомъ основано сочиненіе Савельева: „Мухамеданская нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи“, изданное еще въ 1846 г. Но къ тому времени было сдѣлано довольно собственно нумизматическихъ находокъ, а изслѣдованія бытовыхъ были очень недостаточны, такъ что въ то время Савельевъ могъ еще утверждать, что въ сѣверно-русскихъ курганахъ не было признаковъ сожженія труповъ, и указывать на одинъ случай въ Тверской губерніи, какъ на единственный, исключительный ¹⁾.

XIV.

Впослѣдствіи археологическія изслѣдованія умножились; во Владимірской и Ярославской губерніяхъ разрыто до 10,000 кургановъ, и наконецъ набралась масса данныхъ, способныхъ пролить большой свѣтъ на вопросъ о началѣ Русскаго государства, что отчасти уже и обнаружилось. Гр. Уваровъ, неутомимый археологъ, раскопавшій тысячи кургановъ во Владимірской губерніи, пришелъ къ тому убѣжденію, что, вопервыхъ, курганы эти принадлежали Мерѣ, обитавшей на средней Волгѣ въ VII, VIII, IX и X столѣтіяхъ, во вторыхъ, что эту Мерю видѣли и знали арабскіе путешественники и географы и называли ее Руссами, такъ что гр. Уваровъ находитъ въ мерскихъ курганахъ подтвержденіе словъ Ибнъ-Фодлана и отчасти Ибнъ-Дасты, сказанныхъ имъ о Руссахъ.

¹⁾ Мух. Нум., стр. 116. Впослѣдствіи, впрочемъ, самъ Савельевъ занимался раскопкою кургановъ во Владимірской губерніи и убѣдился въ противномъ тому, что утверждали прежде.

Гр. Уваровъ думаетъ, впрочемъ, что Меря называется у арабскихъ писателей Русью не потому, чтобъ ей има это принадлежало, какъ родовое, а потому, что она находилась подъ властью Руси, составляла въ то время часть Русскаго государства. Въ этомъ случаѣ гр. Уваровъ слѣдуетъ Френу и Савельеву, которые первые высказали это мнѣніе. Справедливо оно или нѣтъ, — къ этому вопросу мы возвратимся. Теперь же обратимъ вниманіе только на результаты археологическихъ изслѣдованій. Самый важный изъ нихъ тотъ, что бытъ обитателей береговъ Волги, восстанавливаемый гр. Уваровымъ по археологическимъ находкамъ, оказывается вполне согласнымъ съ бытомъ Руссовъ, описываемымъ у Ибнъ-Фодлана и Ибнъ-Дасты. Трудюбивый изслѣдователь сумѣлъ отнестись къ своей задачѣ вполне объективно. Никакой предвзятой мысли онъ не предпослалъ своимъ изслѣдованіямъ. А теорія начала русскаго государства, которой онъ слѣдуетъ, скорѣе не благопріятствовала чѣмъ благопріятствовала тому, чтобы въ Руссахъ Ибнъ-Фодлана и Ибнъ-Дасты узнать Мерю. И не смотря на то, результатъ оказался столь поразительный, что послѣ изслѣдованій гр. Уварова вопросъ о томъ, кого видѣлъ Ибнъ-Фодланъ въ Булгарѣ становится вполне рѣшеннымъ. Труды другихъ изслѣдователей-норманистовъ, какъ Крузе, и противниковъ ихъ, какъ г. Котляревскій, оказываются потерявшими почти всякое значеніе. Если у Нормановъ или у Славянъ оказывается что-нибудь напоминающее извѣстія Ибнъ-Фодлана и Ибнъ-Дасты, то съ этихъ поръ все это должно быть считаемо не этнографическимъ признакомъ, а или случайнымъ сходствомъ, или такою чертою, которая была общею для многихъ разноплеменныхъ народовъ на извѣстной ступени развитія. Трудъ гр. Уварова есть большой, основанный на археологическихъ данныхъ комментарий къ извѣстіямъ Ибнъ-Фодлана и Ибнъ-Дасты, преимущественно же Ибнъ-Фодлана.

Всѣ извѣстія Ибнъ-Фодлана, которыя по сущности своей могли имѣть подтвержденіе въ археологическихъ данныхъ, дѣйствительно подтверждены ими.

Ибнъ-Фодланъ говоритъ, что Руссы имѣли русые волосы. Этотъ же признакъ поразилъ многихъ другихъ восточныхъ географовъ и путешественниковъ. И курганы сохранили намъ остатки волосъ, которые, пролежавъ 1000 лѣтъ въ землѣ, еще сохраняютъ свой первобытный русый цвѣтъ; другаго цвѣта, не русыхъ волосъ совсѣмъ не найдено. Замѣтимъ, впрочемъ, что это свидѣтельство кургановъ не особенно важно, такъ какъ и по нынѣшнимъ обитателямъ Ярославской

и Владимірской губерній, потомкамъ, хотя, безъ сомнѣнія, не чистымъ древней Мери и Муромы, мы также можемъ судить, что предки ихъ не были черноволосыми.

Далѣе Ибнъ-Фодланъ говоритъ, что каждый изъ Руссовъ имѣеть при себѣ неразлучно мечъ, ножъ и топоръ. Въ волжскихъ курганахъ найдены мечи, ножи и топоры. Правда, не во всѣхъ курганахъ найдены всѣ эти три вида оружія. Мечей найдено очень мало; но это весьма удовлетворительно объяснено гр. Уваровымъ тѣмъ, что мечи—оружіе дорогое, привозное (по словамъ Ибнъ-Фодлана, они были франкской, то-есть, западно-европейской работы), часто не влялось въ могилу; приобретение мечей было дорого и трудно, и потому они переходили отъ отца къ сыну, что было во всеобщемъ обычаѣ и на западѣ Европы, и на сѣверѣ (мечъ Тирвингъ въ сагѣ Гервары; мѣсто дѣйствія этой саги находится отчасти въ нынѣшней Россіи). Объясненіе гр. Уварова подтверждается тѣмъ, что въ курганахъ нерѣдко попадаются однѣ рукоятки мечей, а самыхъ клинковъ нѣтъ. Можетъ быть, для соблюденія погребальнаго декорума вляли съ покойникомъ на костерь однѣ ножны и рукоятку, а самый клинокъ вынимали, чтобы потомъ придѣлать къ нему новую рукоятку и ножны, что жители береговъ Волги могли сдѣлать и дома; изъ курганныхъ находокъ видно, что ремесла не были имъ чужды. Въ курганахъ найдены влещи, провертки, долота, молотки. Съ другой стороны, и слова Ибнъ-Фодлана, что каждый изъ Руссовъ имѣеть при себѣ мечъ, ножъ и топоръ, по всей вѣроятности, содержать въ себѣ очень естественное, но не вѣрное обобщеніе. Ибнъ-Фодланъ видѣлъ нѣсколько богатыхъ Руссовъ въ Булгарѣ. Можетъ быть, у всѣхъ ихъ онъ дѣйствительно видѣлъ и мечи, и ножи, и топоры, но отсюда далеко до заключенія, чтобы весь народъ былъ вооруженъ также. Невозможно предположить, чтобы весь народъ былъ вооруженъ дорогимъ иностраннымъ оружіемъ, мечами. Что касается до ножей и топоровъ, то по всей вѣроятности, они производились дома, и всякій могъ имѣть это оружіе.

Ножи носимы были, по словамъ Ибнъ-Фодлана, даже женщинами, и курганы вполне подтверждаютъ это, такъ какъ ножи обыкновенно находятся въ нихъ не только при мужскихъ, но и при женскихъ скелетахъ.

Ибнъ-Фодланъ и Эль-Бальхи говорятъ, что Руссы носили короткую куртку. Какого покроя одежда была у древнихъ обитателей Волги, этого курганы не могли разъяснить, такъ какъ одежда покойниковъ

отчасти сгорѣла, отчасти истлѣла. Но въ одномъ изъ кургановъ найденъ глиняный идолъ, и гр. Уваровъ справедливо замѣчаетъ, что одежда, въ которой изображенъ идолъ, не могла быть никакою другою, какъ народною одеждою. И дѣйствительно, идолъ изображенъ въ такой одеждѣ, какую приписываютъ Руссамъ Эль-Бальхи, Ибнъ-Фодланъ и др.; на немъ „надѣта короткая куртка, спускающаяся не много ниже пояса“.

Далѣе Ибнъ-Фодланъ говоритъ, что передъ сожженіемъ на покойника надѣвали кафтанъ изъ русскаго дибаджа, то-есть, изъ парчи. Въ мерскихъ курганахъ найдены многочисленныя остатки парчи очень дорогой; золотые узоры, очень ясно сохранившіеся, были вытканы по шелковой основѣ, что служитъ доказательствомъ, съ одной стороны, того, что обитатели береговъ Волги были дѣйствительно богатымъ народомъ, съ другой—того, что именно ихъ видѣлъ Ибнъ-Фодланъ и называлъ ихъ Руссами.

Ибнъ-Фодланъ прибавляетъ, что покойнику передъ сожженіемъ надѣвали шапку. Курганы сохраняютъ многочисленныя свидѣтельства того, что на средней Волгѣ хоронили покойниковъ въ шапкахъ.

По словамъ Ибнъ-Фодлана, умершаго при немъ покойника хоронили въ суднѣ, на которомъ онъ пріѣхалъ изъ своей страны. Это едва ли можетъ быть принимаемо какъ всеобщій обычай Руссовъ. Вѣроятно, богатаго купца, пріѣхавшаго въ Булгарь, сжигали съ судномъ, потому что судно ему принадлежало и притомъ какъ торговцу. Судно въ этомъ случаѣ имѣетъ такое же значеніе, какъ и всякія другія вещи, съ которыми сожигались покойники, и которыя обозначали ихъ званіе и занятія. Гораздо важнѣе свидѣтельство Ибнъ-Фодлана, что покойника не просто положили въ судно, а посадили его на скамейкѣ, поставленной въ суднѣ, и подперли его подушками. Замѣчательно, что въ могилахъ найдены остатки такихъ скамеекъ: внизу подъ обгорѣвшими костюмами находится помость длиною въ 2 аршина, шириною въ 1¹/₂. Гр. Уваровъ высказываетъ мнѣніе, что это остатки гроба. Но длина 2 аршина слишкомъ мала для гроба, а ширина 1¹/₂ аршина слишкомъ велика. Между тѣмъ для скамейки, о которой говоритъ Ибнъ-Фодланъ, эти размѣры оказываются вполне подходящими. Впрочемъ, еслибы на скамейку просто клали покойника, то длина ея была бы мала, а ширина велика. Но покойника не клали на скамью, а сажали на нее, и притомъ, чтобъ онъ не упалъ, его подпирали подушками. Для этой цѣли, кажется, нельзя даже придумать размѣровъ болѣе удобныхъ, какъ 2 аршина длины и 1¹/₂ ширины.

Далѣе, по словамъ Ибнъ-Фодлана, съ покойникомъ сжигали на одномъ кострѣ домашнихъ животныхъ: собаку, лошадь, быка, курицу и пѣтуха. Мерскіе курганы сохранили многочисленные остатки костей животныхъ и птицъ, сожженныхъ вмѣстѣ съ покойниками.

Ибнъ-Фодланъ представляетъ Руссовъ, прежде всего, купцами. Они пріѣхали и ежегодно пріѣзжали въ Булгарь съ торговыми цѣлями. Курганы свидѣтельствуютъ, что обитатели нынѣшней Владимірской и Ярославской губерній были торговцы. Въ курганахъ найдены вѣсы и гири, — принадлежность людей торговыхъ. Иначе, впрочемъ, и нельзя представлять себѣ древнюю Мерю. Безъ торговли откуда взялись бы у нихъ парчи, франкскіе мечи и разнообразныя металлическія украшенія восточнаго происхожденія ¹⁾, откуда взялись бы у нихъ восточныя и западныя монеты? Присутствіе въ курганахъ вѣсовъ и гирь доказываетъ однако, что Меря вела торговлю не пассивную, а активную, что вполне согласно съ словами Ибнъ-Фодлана.

Ибнъ-Даста говоритъ, что у Руссовъ мужчины носятъ браслеты. Въ курганахъ найдено много браслетовъ бронзовыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ при мужскихъ скелетахъ ²⁾. Ибнъ-Фодланъ говоритъ, что русскія женщины носятъ на шеѣ ожерелья и бусы разныхъ цвѣтовъ, изъ которыхъ самыми дорогими считаются зеленныя. Въ курганахъ найдено множество шейныхъ гривень, ожерельевъ и бусъ всякихъ цвѣтовъ, между прочимъ и зеленого. Объ ожерельяхъ гр. Уваровъ говоритъ, что „они въ точности соотвѣтствуютъ описанію Ибнъ-Фодлана“.

XV.

Вообще археологическія изслѣдованія представили неопровержимыя доказательства того, что Руссы Ибнъ-Фодлана и Ибнъ-Дасты были никакъ другимъ, какъ обитателями нынѣшней Ярославской и Владимірской губерній. Ихъ бытъ, объясненный раскопками, вполне соотвѣтствуетъ быту Руссовъ, описанному этими писателями. Послѣ изслѣдованій гр. Уварова невозможно болѣе сомнѣніе касательно того, въ кому относится извѣстіе Ибнъ-Фодлана. Что оно не относится къ южнымъ Кіевскимъ Славянамъ, это становится аксіомою, приобретенною для нашей исторіи. Нѣкоторыя общія всѣмъ первобытнымъ

¹⁾ Что они были не туземной работы, а привезены съ востока, объ этомъ свидѣтельствуютъ арабскія надписи, сохранившіяся на нихъ. См. *Труды 1-ю арх. съезда*, стр. 660 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 788.

народамъ черты, приписываемыя Ибнъ-Фодланомъ Руссамъ и существовавшія также у днѣпровскихъ Славянъ, не имѣютъ здѣсь никакого значенія; Радимичи, Вятичи, Сѣверяне, Кривичи, по словамъ Нестора, сжигали своихъ покойниковъ. Сожженіе покойниковъ существовало въ свое время почти у всѣхъ первобытныхъ народовъ; но какъ производилось сожженіе? Русскіе Славяне, обитатели Днѣпровскаго бассейна, сжегши покойника, собирали его пепель, влагали его въ „судину малу“—въ сосудъ, въ горшокъ, и ставили его при дорогѣ на столбѣ. Походить ли это хоть сколько-нибудь на то, что описано Ибнъ-Фодланомъ, который говоритъ, что на мѣстѣ сожженія Руссы насыпали круглый холмъ, курганъ. Этотъ-то обычай Руссовъ насыпать курганы и былъ причиною того, что только въ пяти уѣздахъ Владимірской и Ярославской губерній (Переславскомъ, Суздальскомъ, Юрьевскомъ, Владимірскомъ и Ростовскомъ) можно было раскопать до 10.000 кургановъ. А гдѣ курганы въ бассейнѣ Днѣпра? Не многіе, одиночные или расположенные небольшими группами курганы безъ сомнѣнія принадлежать отдѣльнымъ личностямъ¹⁾ и доказываютъ только то, что обычай насыпать курганы не существовалъ среди народа, какъ говоритъ и Несторъ. Такимъ образомъ ужь одинъ обычай погребенія покойниковъ у южныхъ Славянъ не соотвѣтствуетъ тому обычаю, который существовалъ у Руссовъ, по словамъ Ибнъ-Фодлана. А нужно замѣтить еще, что Несторъ приписываетъ обычай погребенія покойниковъ только названнымъ четыремъ славянскимъ племенамъ Россіи; Полянъ же, которыхъ однихъ гг. Геденовъ и Иловайскій называютъ Русью въ противоположность другимъ племенамъ—Древлянамъ, Сѣверянамъ и пр., Несторъ исключаетъ изъ этого числа.

Всѣ другія существенно важныя извѣстія Ибнъ-Фодлана и другихъ арабскихъ писателей также никакимъ образомъ не идутъ ни къ Полянѣмъ, ни къ какому другому южно-славянскому племени. Руссы Ибнъ-Фодлана были торговцы, но гдѣ слѣды торговли южно-русскихъ славянскихъ племенъ, гдѣ извѣстія о нихъ? Несторъ представляетъ ихъ или полудикими, или вполне патриархальными племенами, съ идеей которыхъ не гармонируетъ идея торговцевъ-воиновъ, ходящихъ съ своими товарами до Багдада уже въ IX вѣкѣ. Константинъ Багрянородный говоритъ о торговлѣ Кіевскихъ Руссовъ съ Византіей. Но

¹⁾ Само собою разумѣется, что здѣсь и рѣчи не можетъ быть о курганахъ южной Россіи, принадлежащихъ номадамъ, переходившимъ по ней, или временно обитавшимъ въ ней.

Константинь Багрянородный совершенно ясно говоритъ, что Руссы и приднѣпровскіе Славяне были два разные народа, говорившіе двумя различными языками. Безъ сомнѣнія, такое значеніе имѣютъ приводимыя имъ двойныя названія пороговъ по русски и по славянски. Эти „по русски и по славянски“, *ρωσσιῶν* и *σκλαβινῶν*, показываютъ ясно, что въ Россіи X вѣка было два языка русскій и славянскій, стало быть—были двѣ отдѣльныя народности русская и славянская. И торговлю вели съ Византіей не Славяне, а Руссы ¹⁾.

¹⁾ Гг. Гедеоновъ и Иловайскій, какъ и слѣдовало, обратили должное вниманіе на Константиновы *ρωσσιῶν* и *σκλαβινῶν*, и на два различные ряда именъ пороговъ, русскія и славянскія. Это извѣстіе Константинь въ корнѣ поддѣлываетъ ихъ теорію, и нельзя сказать, чтобъ они объяснили его сколько-нибудь правдоподобно. Г. Гедеоновъ находитъ, что Мерзіусъ неправильно перевелъ *ρωσσιῶν* и *σκλαβινῶν*—*Russarum lingua* и *Sclavorum lingua*. Но еслибъ онъ перевелъ *ρωσσιῶν* и *σκλαβινῶν* смыслъ былъ тотъ же самый; *ρωσσιῶν* по русски, *σκλαβινῶν* по славянски, оба эти выраженія ясно говорятъ, что рѣчь идетъ о двухъ языкахъ. «Гдѣ нѣтъ двухъ народовъ», говоритъ г. Гедеоновъ,—«нѣтъ и двухъ языковъ». Это правда. Но за то, гдѣ есть и два языка, тамъ и два народа. Г. Гедеоновъ, конечно, думаетъ, что Русь и Славяне одинъ народъ. Но Константинь Багрянородный думалъ иначе. Отъ него дошли до насъ не эти только два выраженія «по русски и по славянски»; онъ нѣсколько десятковъ разъ называетъ и самые народы *Ῥῶς* и *Σκλαβοί*, и не только нигдѣ Русь не включаетъ въ число Славянскихъ племенъ—Древлянъ, Кривичей, Драговичей, не только различаетъ вездѣ Русь отъ Славянъ, но вездѣ противопоставляетъ однихъ другимъ, такъ что Руссы у него оказываются народомъ господствующимъ, а Славяне — данниками Руссовъ, *οἱ παχιδῆται αὐτῶν*. Сопоставляя все это съ *ρωσσιῶν* и *σκλαβινῶν* тутъ можно видѣть только два народа, а не одинъ. И какое странное объясненіе придумываетъ г. Гедеоновъ для существованія двухъ рядовъ именъ для пороговъ, изъ которыхъ въ одномъ, въ русскомъ онъ согласенъ видѣть скандинавскія имена! «Вендо-русскіе князья», говоритъ онъ,—«дорожившіе сообществомъ Норманновъ въ морскомъ и ратномъ дѣлѣ, употреблявшіе, *быть можетъ*, и лодмановъ изъ Норманновъ, переняли отъ нихъ и скандинавскія названія пороговъ. Это явленіе не страннѣе и не безпристрастнѣ нынѣшняго употребленія на Руси иноземныхъ названій и словъ: рейдъ, буксиръ, Нордкапъ и т. д. Новгородцы, сами отличные моряки, держались своихъ прежнихъ названій уже по одному соперничеству съ Киевомъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Гедеонова у Константина *ρωσσιῶν* и *σκλαβινῶν* значитъ по кievски и по новгородски. Но, вопервыхъ, Константины, и Кіевъ, и Новгородъ были хорошо извѣстны; онъ могъ бы, если такова была его мысль, и прямо сказать по кievски, и по новгородски. Вотъ-первыхъ, рейдъ, буксиръ существуютъ въ нашемъ языкѣ, потому что флотъ заводилъ у насъ Петръ I, который и столицу Русскаго государства назвалъ нѣмецкимъ именемъ. Вторыхъ, чтѣ знаетъ г. Гедеоновъ о норманскихъ лодманахъ на днѣпровскихъ порогахъ? Развѣ были поселенія ихъ у пороговъ? Вѣдь лодмана бывають только изъ мѣст-

Далѣе, по извѣстіямъ всѣхъ арабскихъ писателей, главными предметами торговли Руссовъ были рабы и мѣха. Рабовъ Руссы, по словамъ Ибнъ-Дасты, доставали посредствомъ набѣговъ на Славянскія земли. Эти набѣги для приобрѣтенія рабовъ, равно какъ походы Руссовъ на востокъ, о которыхъ говоритъ Масуди, совсѣмъ не говорятъ въ пользу кротости нравовъ въ средѣ Руссовъ. А о Полянахъ мы имѣемъ прямое извѣстіе, что они отличались именно кротостью нравовъ. Мѣхами Руссы были богаты потому, что ихъ страна производила ихъ; изъ Арты, по словамъ Истахри и Ибнъ-Гаукала, вывозились соболы и черныя лисицы. И къ странѣ, орошаемой Окой и среднею Волгой, эти слова подходятъ. Она и теперь еще богата лѣсами; несомнѣнно, что тысячу лѣтъ назадъ лѣсовъ было несравненно больше. Стало быть, тамъ было гдѣ водиться пушнымъ звѣрямъ. Было тамъ гдѣ водиться и пчеламъ: и до сихъ поръ еще первобытное пчеловодство существуетъ на средней Волгѣ. А Поляне имя свое получили отъ того, что они жили въ поляхъ, въ странѣ безлѣсной. Откуда тамъ взялись бы мѣха, медъ и воскъ?

Потомъ Ибнъ-Фодланъ рисуеъ картину поразительнаго цинизма Руссовъ въ половыхъ отношеніяхъ. И ничто не даетъ повода сомнѣваться въ вѣрности ея, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ и въ духѣ. А о Полянахъ, кромѣ общаго свидѣтельства лѣтописца о кротости ихъ нравовъ, мы имѣемъ еще нѣкоторое дополненіе касательно отношеній между полами. У нихъ были брачныя обычаи; они имѣли и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ и т. д. Могли ли въ

нихъ жителей. Вчетвертыхъ, если князя, дорожа сообществомъ Норманновъ, переняли отъ нихъ имена пороговъ въ то время, какъ народъ употреблялъ другія имена, то Константину слѣдовало сказать не по русски и не по славянски, а по княжески и по народному. Вообще, куда ни кинь, все влинь.

Г. Иловайскій действительно и принялъ подобное мнѣніе. Онъ думаетъ, что Руссы, славянское племя, господствовавшее надъ другими славянскими племенами, смотрѣли свысока на своихъ данниковъ; что это, по видимому, и было причиною того, что они употребляли свои собственныя, особенныя названія пороговъ; или, наконецъ, предполагаетъ онъ, совсѣмъ и не было двухъ рядовъ названій, а былъ только одинъ рядъ, въ которомъ названія сильно искажены; и слѣдовательно, Константинъ невѣрно представилъ это дѣло. Дѣйствительно, теорія гг. Геденова и Иловайскаго сильно не ладитъ съ извѣстіями Константина. Вывѣтъ они существовать не могутъ; то или другое должно быть отвергнуто; и надобно думать, что извѣстія Константина окажутся прочіе новой теоріи. Константинъ хорошо зналъ дѣла; онъ крестилъ Ольгу, видѣлъ ея свиту и угощалъ ее въ Хрисотриклиніѣ.

такой средѣ происходятъ циническія сцены, описанныя Ибнъ-Фодланомъ? Между тѣмъ Финскія племена средней Волги до сихъ поръ отличаются цинизмомъ, подобнымъ тому, который описывается у Ибнъ-Фодлана. Мордвинъ гораздо охотнѣе женится на дѣвицѣ, которая ужъ имѣла дѣтей, чѣмъ на той, которая сохранила свое дѣвство, потому что имѣвшая дѣтей уже представляетъ нѣкоторую гарантію того, что она будетъ рожать дѣтей, тогда какъ сохранившая свое дѣвство этой гарантіи не даетъ; она можетъ еще оказаться бесплодною. Мордовскія „бесѣды“, „вечерницы“, собранія молодыхъ людей и дѣвицъ, обыкновенно оканчиваются сценами совершенно схожими съ тѣми, которыя описаны у Ибнъ-Фодлана, при чемъ молодыя пары нисколько не стѣсняются присутствіемъ другихъ паръ. Понятія о бракѣ у Черемисъ до сихъ поръ отличаются крайнею грубостью. Если мужъ отлучается, то жена его безъ всякаго стѣсненія входитъ въ половыя сношенія съ кѣмъ хочетъ, и это всѣми признается какъ нѣчто нормальное ¹⁾).

Ибнъ-Фодланъ сообщаетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о религіи и богослуженіи Руссовъ. Они вѣровали въ какого-то главнаго бога, котораго грубое изобрѣтеніе стояло въ Булгарѣ, на мѣстѣ, гдѣ выходили на берегъ Руссы. У главнаго бога были жены и дочери. Это были второстепенныя божества Руссовъ. Ихъ изображенія стояли вокругъ изображенія главнаго бога. Жертвы приносились и главному богу, и его женамъ и дочерямъ. Жертвы отличались грубымъ, такъ сказать, меркантильнымъ характеромъ. Руссъ купецъ, принося жертву, прямо просилъ себѣ только успѣха въ торговлѣ; если торговля шла неудачно, то онъ опять приносилъ жертву и опять просилъ удачи въ торговлѣ. Если же торговля шла хорошо, то онъ опять приносилъ жертву въ благодарность за предполагаемое содѣйствіе божества.

Наши ученые, видя въ Руссахъ Ибнъ-Фодлана Славянъ, не колеблясь относили къ Славянамъ и богослуженіе, и религію Руссовъ. Но спрашивается, есть ли что-нибудь общее между религіей и богослуженіемъ Руссовъ и религіей Славянъ? Гдѣ у Руссовъ Ибнъ-Фодлана Бѣлбогъ, Святovidъ, Радигость, Поревитъ, Чернобогъ и другіе боги, которыхъ обожали вѣжные и западныя Славяне? У Руссовъ Ибнъ-Фодлана ясно видна религіозная система, допускающая одно божество съ женами и съ потомствомъ—дочерьми. Обратимся опять въ страну

¹⁾ Риттль, Матеріалы для этнографіи Россіи, губ. Казанская, 151—154.

средней Волги, и тамъ мы опять найдемъ почти ту же самую религіозную систему, существующую и въ наше время.

У Мордвы и Черемисъ принимается верховный богъ, имѣющій впрочемъ у каждаго изъ этихъ народовъ свое особое названіе. Всѣ другія божества суть ничто иное, какъ нисходящее потомство этого главнаго бога. По мордовскому вѣрованію, у главнаго бога есть дочь, отъ которой произошли три сына и десять дочерей. Эти потомки главнаго бога и служатъ второстепенными божествами. У Черемисъ такихъ второстепенныхъ божествъ болѣе тридцати.

Замѣчательно, что отношеніе волжскихъ племенъ къ своимъ божествамъ отличается тѣмъ же самымъ грубо-меркантильнымъ духомъ, который отмѣченъ Ибнъ-Фодланомъ у Руссовъ. „Жертвоприношеніе у Черемисъ“, говоритъ г. Корсаковъ, — „не есть выраженіе благоговѣйнаго чувства предъ божествомъ, а приносится изъ прагматическаго разчета для полученія необходимыхъ благъ или отогнанія бѣдъ и напастей“¹⁾. У волжскихъ Черемисъ до сихъ поръ сохранилась одна оригинальная особенность, которую Ибнъ-Фодланъ наблюдалъ у Руссовъ. По словамъ его, надъ могилою покойника въ срединѣ самаго кургана Руссы поставили большое дерево халанджъ²⁾, и написали на немъ имя покойника. Писать Черемисы не умѣютъ. Но дерево и именно березу они ставятъ, по примѣру древнихъ Руссовъ, и притомъ въ самой срединѣ могильной насыпи³⁾.

Ибнъ-Фодланъ разказываетъ, что когда нужно было сжигать трупъ умершаго Русскаго въ Булгарѣ, „ближайшій родственникъ этого мертвеца взялъ кусокъ дерева и зажегъ его, *пошелъ задомъ вспять* къ судну, держа въ одной рукѣ кусокъ дерева, а другую на открытомъ задѣ“ и т. д. Это „пошелъ задомъ“ и держаніе руки на открытомъ задѣ для насъ совершенно лишено смысла. Очевидно, это религіозный обычай, значеніе котораго мы не можемъ объяснить. Но

¹⁾ Корсаковъ, Меря, стр. 33.

²⁾ Халанджъ, это по объясненію г. Гаркави букъ или береза. Но букъ не растетъ на Волгѣ; стало быть, въ данномъ случаѣ это береза, которая, по словамъ Савельева, у Мордвы-Эрзы называется киленгъ; см. Мух. Нум. ССХІХ. По Видеману береза у Эрзы называется килей.

³⁾ Меланиковъ, Очерки Мордвы, Русск. Вѣстн. 1867 г., № 9, стр. 246—247. Самое имя волхвъ Славянами, по всей вѣроятности, заимствовано у Финновъ, не смотря на то, что оно употреблено еще въ переводѣ библіи. Такъ объ этомъ думаетъ, между прочимъ, Делевель (Narody na ziemiach slow.); и это мнѣніе очень вѣроятно. Слово волхвъ по фински=welho, съ многими производными.

поразительно то, что обычай этотъ, это хожденіе задомъ и притомъ съ обнаженною спиною до сихъ поръ сохранился у Финскихъ племенъ средней Волги. У языческой Мордвы совершается общественное жертвоприношеніе. Припасы для него собираются въ каждомъ домѣ особенными жрецами, служителями вѣры. Когда такіе жрецы входятъ въ мордовскую избу, здѣсь ожидаютъ ихъ женщины съ приготовленными припасами. Женщины становятся задомъ къ двери съ *плечами* и грудью, *обнаженными* по поясъ. Вошедшіе жрецы читаютъ молитву; тогда женщины закидываютъ на свои обнаженные плечи мѣшки съ разными припасами, и одна за другою *идутъ задомъ* къ жрецамъ, стоящимъ у двери, и т. д. ¹⁾.

Есть еще одна весьма характеристическая черта, передаваемая арабскими писателями касательно Руссовъ, которая, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ быть приписана Финнамъ сѣверо-восточной, Россіи и только имъ однимъ, никому болѣе, ни Славянамъ, ни Скандинавамъ. Ибнъ-Даста говоритъ, что у Руссовъ есть знахари, и знахари эти пользуются такимъ вліяніемъ, что нѣкоторые изъ нихъ „повелѣваютъ царю, какъ будто они начальники ихъ (Руссовъ)“. Вліятельные знахари—это исключительная принадлежность быта Финновъ. Эту принадлежность его знаютъ и наши лѣтописи, и скандинавскія саги. Суздальская земля, по нашимъ источникамъ, два раза была взволнована волхвами—въ 1024 и въ 1070 гг. Скандинавскіе воины ѣздили въ нынѣшнюю сѣверную Россію узнавать свое будущее. О финскомъ волхвѣ Ростіовѣ мы ужъ упоминали. Вообще финскіе волхвы, финское волхвованіе были далеко извѣстны на всемъ сѣверѣ и востокѣ Европы.

У Ибнъ-Дасты есть еще одна особенность, приписываемая имъ Руссамъ, которая очень хорошо идетъ къ обитателямъ средней Волги. Пашень Руссы, говоритъ Ибнъ-Даста, „не имѣютъ, а питаются лишь тѣмъ, что привозятъ изъ страны Славянъ. Единственный промыселъ ихъ—торговля“ и т. д. Прошло со времени Ибнъ-Дасты около 1000 лѣтъ, и до сихъ поръ страна, которую населяли Руссы, страна Мери, нынѣшнія Ярославская и Владимірская губерніи, не имѣетъ въ достаточномъ количествѣ своего хлѣба. Замѣчательно, что изъ всѣхъ мѣстностей Россіи эти двѣ губерніи преимущественно отличаются торговымъ духомъ своихъ жителей. Въ обѣихъ столицахъ до нашихъ дней во всякаго рода торговыхъ заведеніяхъ едва ли не половина тор-

¹⁾ Корсаковъ, Мера, стр. 17.

говаго персонала принадлежить Ярославской губерніи или потомкамъ жителей ея, то есть, такимъ, которые сто-двѣсти лѣтъ назадъ были въ столицы, нажили здѣсь капиталы и приписались въ мѣстному купечеству. Владимірская губернія до сихъ поръ разсылаеть по всей Россіи своихъ офеней, разносчиковъ и всякаго рода другихъ торговцевъ, которые или разносятъ, или развозятъ по Россіи красные или колониальные товары, образа, стальныя вещи, клюкву, ленъ, суздальскія картинки и книжки и т. п. Офенскій языкъ, который до сихъ поръ составляетъ загадку для ученыхъ, очевидно, не есть простая выдуманная тарабарщина. Въ немъ есть слова, которыя несомнѣнно заимствованы офенями въ разныхъ странахъ на востокъ и югъ. Такъ, калымъ у офеней значитъ прибыль, барышъ; а слово это, не знаемъ, какого происхожденія, употребляется на Кавказѣ, и поэтому почти получило право гражданства въ русскомъ языкѣ. Нѣсколько числительныхъ (пять=пенда, десять=деканъ) и одно существительное „востеръ“ несомнѣнно заимствованы у Грековъ (у византийскихъ писателей *χάστρου*, *castrum* обыкновенно и преимущественно употребляется въ значеніи города). Это указываетъ, безъ сомнѣнія, на то, что офенскій языкъ образовался тогда, когда предки нынѣшнихъ офеней вели торговлю и съ Византіей, и съ восточными странами, то есть, тогда, когда жили тѣ войны-торговцы, которыхъ кости въ наше время открыты изъ нѣдръ земли, покрывавшей ихъ въ продолженіе тысячи лѣтъ.

Думаемъ, что всѣхъ этихъ фактовъ, добытыхъ археологическими и этнографическими изслѣдованіями и сопоставленныхъ съ извѣстіями арабскихъ писателей касательно Руссовъ, дѣйствительно, достаточно для того, чтобы въ Руссахъ Ибнъ-Фодлана, Ибнъ-Дасты, Аль-Истахри, Ибнъ-Гаукала, Эль-Бальхи, Ибнъ-Хордадбега видѣть обитателей средней Волги, древнихъ обитателей нынѣшней Владимірской, Ярославской и смежныхъ съ ними губерній.

Теперь мы опять обратимся въ извѣстіямъ арабскихъ писателей касательно разстоянія ближайшаго русскаго города отъ Булгара. Когда всѣ русскіе ученые, за недостаткомъ правильныхъ фактическихъ указаній, въ Руссахъ Ибнъ-Фодлана видѣли южныхъ Славянъ, Полянъ или Сѣверянъ, или Норманновъ, владѣвшихъ, будто бы, южною Русью, тогда было естественно и въ Кутабъ-Карбабъ-Каропарти-Карбабанъ видѣть Кіевъ, передѣлывая эти имена въ Куабу. Но когда человекъ, занимавшійся археологическими изслѣдованіями въ продолженіе не одного десятка лѣтъ, не внесшій въ свои работы ни-

какой предвзвѣтой мысли, даже слѣдующій теоріи, благопріятствующей тому, чтобы въ Кутабѣ-Кирвабанѣ видѣть Кіевъ, но не смотря на то умѣвшій удержаться на почвѣ объективнаго изслѣдованія, неотразимую силою добытыхъ фактовъ былъ приведенъ къ убѣжденію, что Ибнъ-Фодланъ видѣлъ въ Булгарѣ Мерю и ее называлъ Руссами (почему—это другой вопросъ), что точно также Ибнъ-Даста, описывавшій бытъ Руссовъ, въ дѣйствительности описывалъ бытъ Мери; когда археологическія изслѣдованія доказали, что арабскіе писатели, говоря о бытѣ Руссовъ, говорили о томъ, что заподлинно знали; когда извѣстія ихъ, касающіяся быта Руссовъ, подтверждаются въ самыхъ незначительныхъ подробностяхъ или археологическими, или этнографическими изслѣдованіями,—позволительно ли послѣ этого думать, что Арабы такъ грубо ошиблись въ дѣлѣ столь важномъ, какъ опредѣленіе положенія главнаго города Руссовъ, этого предполагаемаго Кіева, чтобы они единогласно назвали его ближайшимъ къ Булгару городомъ, между тѣмъ какъ онъ есть самый дальній, такъ что для того, чтобы доѣхать до него по Волгѣ и Днѣпру, нужно было ѣхать мимо Смоленска и Любеча, а чтобы ѣхать по Окѣ и Деснѣ нужно было проѣзжать мимо Муромъ и Чернигова, не говоря о другихъ древнихъ городахъ, случайнымъ образомъ не упоминаемыхъ при началѣ Русскаго государства ¹⁾.

Изслѣдованія гр. Уварова вполне подтверждаютъ слова Истахри, что Кутаба-Кирвабанъ отстоитъ отъ Булгаръ на 20 дней пути. Такъ или иначе, по той или по другой причинѣ, но арабскіе писатели называютъ Руссами обитателей средней Волги. По словамъ Ибнъ-Дасты, въ этой странѣ, у этихъ торговцевъ Руссовъ было много городовъ, что опять-таки подтверждается археологическими изслѣдованіями. Вспомнимъ о нѣсколькихъ десяткахъ мѣстностей, называемыхъ городищами, городами, городцами. Все это древніе города Мери или Руссовъ Ибнъ-Фодлана и Ибнъ-Дасты. Гр. Уваровъ полагаетъ границею Мерской земли на востокъ рѣку Керженецъ. Отъ устья Керженца до древняго Булгара по Волгѣ съ небольшимъ 250 верстъ. Это какъ-разъ 10 дней пути, въ которые Истахри опредѣляетъ разстояніе отъ

¹⁾ Савельевъ думаетъ, что наиболее употребительнымъ путемъ между Булгаромъ и Кіевомъ былъ еще третій путь внизъ по Волгѣ, потомъ волокомъ до Дона, потомъ внизъ по Дону, по Азовскому, по Черному морю, и наконецъ, вверхъ по Днѣпру. Но этотъ путь еще длиннѣе пути черезъ Волгу и Днѣпръ. И притомъ арабскіе писатели положительно говорятъ, что Руссы приходили въ Булгаръ по Волгѣ не снизу, а сверху.

Булгара до границы Русской земли. Отсчитайте еще 250 верстъ выше устья Керженца по Волгѣ или по Окѣ, чтобы было 20 дней пути, и тутъ вы найдете нѣсколько городковъ, городцевъ или городищъ; одинъ изъ нихъ и будетъ соответствовать этой Кутабъ-Карбабъ-Каракартіи-Каркалягъ-Карзабану. И это будетъ именно въ землѣ Руссовъ, въ землѣ Мери, потому что ее, Мерю, арабскіе писатели называютъ Руссами.

XVI.

Но почему же Мерю арабскіе писатели называютъ Руссами? Или только одну, или еще кого? Люди, воспитанные на норманской теории, съ умомъ которыхъ срослась мысль о томъ, что Руссы Норманы, Варяги, такіе же Варяги, какъ Свей, Гѣте, Урмане и Агняне, никакъ поэтому не могутъ допустить, чтобы арабскіе писатели знали какую-нибудь другую Русь, и если кого называютъ Русью, то только племена, бывшія подъ властью Норманской Руси. Эту мысль пустилъ въ ходъ Френзъ; Савельевъ принялъ и развилъ ее. Съ тѣхъ поръ она сдѣлалась „достояніемъ науки“. „Эрзу“, говоритъ Погодинъ,—„Арабы причисляютъ къ племенамъ Руси. Это значитъ только, что Эрзы, были данниками Руси (то есть, Норманновъ)“. Далѣе: „Если Арабы называютъ Пермь Руссами или Эрзу, Мокшу, то колыми паче они могли называть такъ жителей береговъ Волги, кто бы они ни были—Славяне или Финны, повторяемъ въ десятый разъ“¹⁾.

По мнѣнію гр. Уварова, Арабы подъ именемъ Руси „разумѣли всѣхъ иностранцевъ, приходившихъ изъ Руси торговать въ Болгарахъ, не обращая при этомъ никакого вниманія на племенные отгѣнки (?). Варягъ, Славянинъ или обрусѣвшій Финнъ (Меря, Муромъ, Вель и пр.) были для Арабовъ всё безъ исключенія Руссы“²⁾.

И такъ, предполагаются три причины, вслѣдствіе которыхъ племена, не принадлежавшія дѣйствительно къ Руси, причисляются къ ней Арабами; именно—что племена эти Мордва и Меря или обрусѣли къ тому времени, или подпали подъ власть Руссовъ, или только приходили изъ Руси. Мы не будемъ говорить, что послѣдняя изъ этихъ причинъ не могла имѣть никакого дѣйствія. Арабы, правда, не могли обращать вниманія на племенные отгѣнки. Но въ отгѣнкахъ ли тутъ дѣло, когда рѣчь идетъ о различеніи Славянъ, Финновъ и Норманновъ? Этотъ вопросъ, конечно, не нуждается въ отвѣтѣ. Назван-

¹⁾ Труды 1-го съезда, стр. 140.

²⁾ Тамъ же, 727.

ныя народности не представляютъ оттънковъ одного племени, а составляютъ совершенно различныя племена. А на племенное, этнографическое различіе народовъ Арабы очень обращали вниманіе. Такъ, они хотѣли себѣ уяснить вопросъ, каковаго племени были Руссы, и одни, какъ мы видѣли, причисляли ихъ то къ Славянскому племени, то къ Турецкому. Подобнымъ образомъ и народность Булгаръ Арабы опредѣляли различно. Значить, на племенные различія они обращали вниманіе. Что касается до Руссовъ, самый тотъ фактъ, что Арабы причисляютъ ихъ то къ славянской, то къ турецкой народности, показываетъ уже, что въ Руссахъ Арабы видѣли этнографическую особь, а не случайный аггломератъ племенъ, приходившихъ изъ одной страны и по одной дорогѣ.

Еслибъ этотъ аггломератъ дѣйствительно превратился въ одну народность, обрусѣлъ, или еслибы различныя его части представляли дѣйствительно только оттънки одной народности, въ такомъ случаѣ Арабы дѣйствительно не могли бы обращать на нихъ вниманія. Но дѣло въ томъ, что во время Ибнъ-Фодлана и еще много лѣтъ послѣ, племена, составлявшія тогдашнюю территорию Руси, не обрусѣли, то есть, не ославянились, такъ какъ именно въ этомъ направленіи, въ ославяненіи совершался химико-этнографическій процессъ того времени: не Славяне превращались въ Финновъ и Норманновъ, а на оборотъ. Ко времени Ибнъ-Фодлана процессъ этотъ только что начинался и не имѣлъ никакихъ замѣтныхъ проявленій. При Олегѣ и Игорѣ Русь еще строго отличается и отъ Славянъ, и отъ Полянъ. У Игоря еще въ 944 году въ войскѣ были „Варяги Русь и Поляне, Словѣны и Кривичи и Тѣверцѣ“ и т. д. Разказывая о клятвѣ Игоревой крещеной Руси въ церкви св. Іліи, лѣтописецъ прибавляетъ: „мнози бо бѣша Варязи хрестеяни“. Значить, эта Русь была въ то время не славянскаго рода, по мнѣнію лѣтописца; значить, еще не ославянилась, не потеряла своего собственнаго этнографическаго характера. Это было въ Кіевѣ, въ тогдашнемъ центрѣ русскаго славянства. Тѣмъ менѣе можно думать, чтобы не славянскія племена, жившія по Средней Волгѣ, потеряли въ то время свою народность и обратились въ славянъ. А Ибнъ-Фодланъ видѣлъ Руссовъ въ Булгарѣ 22 годами раньше этой клятвы христіанской Руси въ церкви св. Іліи.

Лѣтописецъ еще въ концѣ XI вѣка писалъ: „се бо токмо Славенемъ языкъ въ Руси, Поляне, Деревляне, Ноугородцы, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане.—А се суть ине языци, иже дань даютъ

Руси: Чудь, Меря, Вель, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Нерова, Лиць". Отсюда прямое слѣдствие, что всё перечисленные племена, между прочимъ жившія по Волгѣ и Окѣ Меря, Мордва, Черемисы, Мурома, не обрусѣли даже къ концу XI вѣка, не говоря уже о началѣ X столѣтія, когда видѣль, Мерю Ибнъ-Фодланъ въ Булгарѣ.

XVII.

Итакъ, остается третья причина, по которой будто бы Арабы могли называть Мерю Руссами,—та, что въ то время Меря вошла въ составъ Русскаго государства. Справедливо ли по крайней мѣрѣ это, дѣйствительно ли въ теченіе X вѣка Меря входила въ составъ Русскаго государства?

Объ отношеніи Меря и Ростова къ Рюрику и преемникамъ его въ лѣтописи существуютъ столь разногласящія между собою извѣстія, что принимать ихъ, не приведя къ согласію—не возможно. Ростовъ принадлежалъ еще Рюрику, который отдалъ его одному изъ своихъ мужей. Первымъ дѣломъ Олега былъ походъ изъ Новгорода на югъ, съ каковою цѣлю онъ ваялъ съ собою вой многи, именно Варяговъ, Чудь, Славянъ (Новгородскихъ) Мерю, Вель и Кривичей. Меря такимъ образомъ участвовала въ походѣ Олега, слѣдствіемъ котораго было завоеваніе всего теченія Днѣпра отъ верховьевъ до Кіева. Послѣ того Олегъ оставилъ дани Славянамъ, Кривичамъ и Мерѣ. О какой дани говорится здѣсь? Меря составляла часть еще Рюрикова государства, въ Ростовѣ сидѣлъ Рюриковъ мужъ. Онъ уже бралъ дань съ Меря. Наложилъ ли Олегъ новую дань на нее? Это кажется неестественнымъ, послѣ того какъ Меря помогла ему овладѣть теченіемъ Днѣпра. Или Олегъ далъ Мерѣ нѣкоторую автономію, освободивъ ее отъ непосредственнаго управленія своихъ мужей и ограничивъ свои отношенія къ ней только данью? Далѣе въ 907 году Олегъ отправляется въ походъ на Византію; въ составѣ его войска опять находится Меря вмѣстѣ со многими другими племенами, между прочимъ съ Чудью, Хорватами, Тиверцами. И мирясь съ Греками, онъ заключаетъ договоръ съ Греками какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени „всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князей и бояръ“, и притомъ беретъ уклады на нѣкоторые города, между прочимъ, на Полоцкъ и Ростовъ,—„по тѣмъ бо градамъ сѣдаху князья подъ Ольгомъ суще“. Итакъ, въ Ростовѣ, у Меря былъ свой князь, какъ и въ Полоцкѣ. Относительно Полоцка мы знаемъ, что это было

справедливо. 70 лѣтъ спустя Владиміръ убилъ самостоятельнаго Полоцкаго князя Рогволода, и хотя лѣтописецъ и говоритъ, что онъ пришелъ изъ заморья, но этому лѣтописцу мы не вѣримъ, во-первыхъ, потому, что знаемъ его наклонность вести изъ-за моря первыхъ государей Россіи, основанную на неправильной мысли, будто тамъ была Русь, во-вторыхъ, потому, что еще при князѣ Олегѣ въ Полоцкѣ былъ свой князь, и очень естественно, что Рогволодъ происходилъ именно отъ этого князя, а не изъ-за моря пришелъ; в-третьихъ потому, что Владиміръ, отпуская отъ себя Рогнѣду, отдалъ ей Полоцкъ, какъ ея родовое владѣніе. Если бы Рогволодъ пришелъ изъ-за моря, то связь его рода съ Полоцкомъ была бы весьма незначительна, и для Рогнѣды было бы все равно, гдѣ бы ни имѣть владѣніе, равно и для Полочанъ было бы безразлично, кто бы ни владѣлъ ими; потомки Рогволода были бы для нихъ люди столь же чуждые, какъ и дѣти Владиміра.

Подобнымъ образомъ мы не можемъ не вѣрить лѣтописцу, что и въ Ростовѣ былъ свой князь, тѣмъ болѣе, что слова лѣтописца въ этомъ случаѣ подтверждаются текстомъ договора. Но въ такомъ случаѣ какъ понять то, что еще Рюриковъ мужъ управлялъ Ростовомъ. Въ такомъ случаѣ откуда бы взялся тамъ свой князь? Потомство боярина не могло возвыситься до положенія княжескаго рода; мы знаемъ, что въ древней Руси этого не бывало; а еслибы это было, то это могло быть только съ нарушеніемъ правъ Кіевскаго князя. Въ такомъ случаѣ между Кіевомъ и Ростовомъ были бы отношенія враждебныя, а не дружественныя. А въ дѣйствительности они были дружественными, какъ нужно думать на основаніи того, что Ростовскій князь послалъ вспомогательное войско Олегу для похода изъ Новгорода на Днѣпръ и изъ Кіева на Царьградъ. Предположеніе, что Олегъ самъ далъ болѣе самостоятельности Мерѣ, такъ что она или выбрала себѣ своего князя, или поступила подъ власть своего прежняго княжескаго рода, у котораго власть была отнята Рюрикомъ, также несостоятельно. Мы знаемъ, что политика нашихъ первыхъ князей была не такова; покореннымъ народамъ автономія не возвращалась. Первые Русскіе князья были собирателями, а не расточителями своей державы.

Согласить эти несогласныя извѣстія нашего лѣтописца съ точки зрѣнія норманской теоріи нѣтъ возможности. Что-нибудь одно: или въ Ростовѣ при Рюрикѣ сидѣлъ мужъ Рюриковъ, или тамъ былъ свой князь при Олегѣ. И такъ какъ послѣднее положеніе имѣеть

надъ собою болѣе твердую почву, то слѣдуетъ отвергнуть то, что будто бы Ростовъ входилъ въ составъ Рюриковой державы, тѣмъ болѣе, что извѣстіе лѣтописца объ этомъ полно несообразностей. Равнымъ образомъ нужно отвергнуть и то, что Олегъ налагалъ дань на Мерю. Меря при Олегѣ—ничто иное, какъ его временные союзники, имѣвшіе своихъ князей и ходившіе съ нимъ сначала на Днѣпръ, а потомъ на Царьградъ. У Олега такихъ временныхъ союзниковъ, не бывшихъ подъ его властью, было довольно, къ нимъ принадлежала и Чудь, и Хорваты, и Тиверцы.

Соглашаются оба эти извѣстія только въ такомъ случаѣ, если мы подъ Руссами, основателями Русскаго государства, будемъ разумѣть единственныхъ, существовавшихъ на землѣ до того времени Руссовъ, именно Руссовъ волжскихъ. И способъ для соглашенія ихъ указывается послѣдующею русскою исторіей.—Владиміру Святому принадлежатъ, и Кіевъ и Полоцкъ, и Новгородъ, и Смоленскъ, и Черниговъ. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ, кромѣ Кіева, сидѣли его мужи. А между тѣмъ при Ярославѣ, преемникъ его, въ Полоцкѣ былъ свой князь Брячиславъ, въ Черниговѣ—Мстиславъ; при Изяславѣ, преемникъ Ярослава, въ Полоцкѣ былъ Всеславъ, въ Черниговѣ—Святославъ; города, входившіе въ составъ Владиміровой державы и управлявшіеся его мужами, при Ярославѣ и Изяславѣ имѣли своихъ князей. Таковъ необходимый результатъ удѣльной системы.

Удѣльная система, по разказу нашего лѣтописца, началась съ Святославомъ, который раздѣлилъ Русь между своими сыновьями. Отчего не было ея и прежде? Отъ того ли что она совсѣмъ не существовала еще, не была введена? Или отъ того, что у первыхъ государей Норманновъ Рюрика и Игоря было только по одному сыну, а у Олега совсѣмъ не было дѣтей! Удивительно было бы и то, и другое. Если удѣльная система не существовала до Святослава, то почему, для чего и откуда онъ заимствовалъ ее? Что это былъ за Петръ I, нововводитель и заимствователь X вѣка? Еслибъ онъ принялъ христіанство, то онъ могъ бы наложить руку и на старыя государственныя учрежденія страны и ввести такія, которыя существовали у христіанъ, какъ сдѣлалъ св. Стефанъ въ Венгріи. Или еслибъ онъ путешествовалъ для изученія порядковъ въ другихъ болѣе образованныхъ государствахъ и самъ въ образованіи далеко ушелъ отъ своихъ соотечественниковъ, то и въ такомъ случаѣ его нововведенія были бы понятны, какъ нововведенія Альфреда Великаго въ Англіи. Но Святославъ новизны не любилъ и надъ современниками не

возвысился въ своихъ понятіяхъ. Онъ и христіанства не принялъ боясь, что дружина станетъ смѣяться надъ нимъ. Итакъ, нужно принять, что удѣльная система существовала на Руси въ принципѣ, но не существовала только на дѣлѣ, потому что русскія княгини до Святослава рождали мало дѣтей, или совсѣмъ не рождали, и только со времени Святослава стали рождать ихъ въ изобиліи. Но что же это за періодическое безчадіе или многочадіе? Вслѣдствіе какой причины вдругъ разрѣшилось безчадіе русскихъ женщинъ?

Всѣ эти несообразности объясняются только тѣмъ, что нашъ лѣтописецъ очень худо зналъ исторію начала Руси и вмѣсто дѣйствительной исторіи писалъ басни. Удѣльная система возникла не при Святославѣ, а принесена Руссами въ Кіевъ изъ Новгорода, а въ Новгородъ — съ Волги. Она существовала у всѣхъ народовъ восточной Европы въ IX и X вѣкахъ, и безъ сомнѣнія, раньше. Угры пришли въ Паннонію подъ начальствомъ семи вождей. Это не были какіе нибудь конфедераты: у первобытныхъ народовъ конфедерацій не бываетъ. Это были вожди, происходившіе отъ одного рода. По словамъ Константина Багрянороднаго, у Печенѣговъ княжеская власть переходила къ братьямъ, даже двоюроднымъ или племянникамъ, съ тою цѣлью, чтобы княжеская власть не оставалась все въ одной части княжескаго рода, чтобы ей были причастны и боковыя линіи, — такъ именно былъ у Печенѣговъ законъ и древній обычай (*νόμος καὶ τόπος παλαιός*)¹⁾. Тотъ же обычай существовалъ и Гунновъ. Аттила потому только сталъ страшенъ для Европы, что соединилъ подъ своею властью всѣхъ Гунновъ, раздѣленныхъ вслѣдствіе удѣльной системы. А послѣ него Гунны, раздѣлившись опять по той же причинѣ, потеряли вскорѣ всякое значеніе, и наконецъ, утратили самобытность. Древніе Руссы принадлежали къ той же цивилизаціи, какъ и Гунны, Угры и Печенѣги. Они отличались отъ этихъ народовъ только тѣмъ, что жили не въ степяхъ, а въ лѣсахъ, прорѣзанныхъ теченіемъ Волги и Оки, и потому были не кочевниками, а вѣроловыми и судоходами грабителями и торговцами, которымъ Волга дала возможность хорошо ознакомиться, какъ съ тѣми странами, откуда она брала свое начало, такъ и съ тѣми, куда она несла свои воды.

Удѣльная система существовала издавна и у Руссовъ, и не всѣ русскія княгини отличались бесплодіемъ. Въ договорѣ Игоря рядомъ съ княгинею Ольгою и Святославомъ, упоминаются другіе члены кня-

¹⁾ De admin. imp., Бонское изд., стр. 165.

жескаго дома—Володиславъ, Передслава и Сфандра, жена Угѣбля. Не иначе, какъ удѣльною системою, можно объяснить и то, что по смерти Рюрика великимъ княземъ сдѣлался не сынъ его Игорь, а родственникъ Олегъ, который былъ старшимъ въ родѣ, и послѣ котораго старшинство перешло въ Игорю. Удѣльною же системою объясняется и то, что Полоцкое княжество, принадлежавшее еще Рюрику, не принадлежало внуку его Святославу и было приобрѣтено его правнукомъ Владиміромъ посредствомъ оружія.

Подобнымъ образомъ и Ростовъ, принадлежавшій еще Рюрику, при Олегѣ отошелъ въ боковую линію, а при Игорѣ, равно какъ при Святославѣ, имѣлъ своихъ князей. То же нужно сказать обо всей вообще волжской Руси, такъ что владѣнія Святослава ограничивались бассейномъ Днѣпра и бассейномъ Волхова; и отправляясь въ Болгарію въ послѣдній разъ, онъ раздѣлилъ между Ярополкомъ и Олегомъ бассейнъ Днѣпра, а Владиміру отдалъ бассейнъ Волхова. Другихъ владѣній онъ не имѣлъ. И именно въ этихъ границахъ представляетъ Русь Константинъ Вагрянородный, современникъ Святослава. По его извѣстіямъ, въ ней были города Кіевъ-Самватасъ, Милиниска (Смоленскъ), Телюца (Любечъ), Чернилога, Вусеградъ, и кромѣ того, Новгородъ. Другихъ городовъ, другихъ областей, принадлежавшихъ къ Руси, Константинъ не зналъ. А онъ долженъ былъ хорошо знать объемъ Россіи; онъ пировалъ со свитой Ольги и могъ узнать даже двойныя имена Днѣпровскихъ пороговъ.

Наконецъ, существованіе у Мери и вообще у волжскихъ Руссовъ собственныхъ князей подтверждается и археологическими изслѣдованіями, и позднѣйшею исторіей края. Близъ Переславскаго озера есть цѣлая группа кургановъ, называющихся князьими могилами. Трудно думать, чтобъ это названіе дано имъ безъ всякой причины. Гораздо вѣроятнѣе, что здѣсь дѣйствительно погребены князья, можетъ быть, и не Ростовскіе, но во всякомъ случаѣ мерскіе, такъ какъ Переславское озеро, судя по результатамъ раскопокъ, было не менѣе важнымъ центромъ политической жизни Мери, чѣмъ и озеро Неро. И есть даже возможность опредѣлить время погребенія князей въ этихъ могилахъ, такъ какъ въ могилахъ найдены монеты восточныя и западныя. Древнѣйшая монета саманидская 905 года, позднѣйшая нѣмецкая 1002—1024¹⁾. Къ этому времени, стало быть, и относятся князьи могилы близъ Переславля. Здѣсь погребены между прочимъ и князья, бывшіе подъ

¹⁾ *Труды 1-го арх. съезда*, стр. 656.

Олегомъ. О времени присоединенія волжской Руси къ Кіевскому государству сохранилось лѣтописное извѣстіе, хотя не у Нестора, по чрезвычайно важное именно потому, что Кіевскій лѣтописецъ знаетъ очень худо исторію отношеній Кіева къ Мерѣ и другимъ волжскимъ племенамъ въ IX и X вѣкахъ Слѣдуя ему, Рюрикъ, владѣеть Мерекю, какъ и всякою другою частью своего государства; въ Ростовѣ у него посаженъ мужъ. Олегъ то устанавливаетъ Мерѣ дань, какъ народу подвластному, то беретъ укладъ на Ростовъ, какъ на такой городъ, гдѣ былъ свой князь; Игорь и Святославъ не имѣютъ никакихъ отношеній къ Мерѣ; а Владиміръ вдругъ отдаетъ Ростовъ Ярославу, а потомъ Борису, а Глѣбу Муромъ. Куда же дѣлись прежніе мерскіе князья, кто отнялъ у нихъ власть, кто земли ихъ присоединилъ къ Русско-Славянской державѣ? Объ этомъ южный лѣтописецъ ничего не знаетъ. Но у Татищева находится драгоценное извѣстіе, согласное съ фактами, представляемыми Несторомъ, и объясняющее ихъ, дающее имъ, съ одной стороны, историческую достовѣрность, съ другой — историческій смыслъ, котораго они лишены подъ перомъ южнаго лѣтописца. По извѣстіямъ Татищева, область средней Волги и нижней Оки покорена Владиміромъ въ 982 г., когда Владиміръ и „градъ Суздаль утвердилъ“ ¹⁾. Владиміръ отправился туда изъ земли Вятчей. Южный лѣтописецъ знаетъ только о двухъ походахъ Владиміра въ землю Вятчей, въ 981 и 982 году, а о походѣ Владиміра дальше на нижнее теченіе Оки и на Волгу до него не дошло извѣстій; по счастью неутомимый, тридцать лѣтъ собиравшій древнія извѣстія касательно русской исторіи В. Н. Татищевъ нашелъ эти извѣстія. И именно это извѣстіе касательно покоренія Мерской и Муромской земли Владиміромъ, будучи вполне согласно съ предыдущими фактами представляемыми Несторомъ, кромѣ того подтверждается и послѣдующею исторіей края и въ свою очередь опять бросаетъ на нее свѣтъ, объясняетъ ее, такъ что безъ него она была бы непонятна.

XVIII.

Вспомнимъ прежде всего, что первые епископы Ростовскіе Фодоръ и Иларіонъ, поставленные туда еще при Владимірѣ, должны были бѣжать изъ Ростова. Смыслъ этого факта можетъ быть только тотъ, что власть Кіевского князя въ Ростовѣ была не крѣпка. Владиміръ

¹⁾ Ист. Россійск., кн. 2, стр. 62.

покорилъ Ростовскую, Суздальскую и Муромскую области, но имѣя точку опоры только въ укрѣпленномъ Суздальѣ, онъ не достигъ прочной и крѣпкой власти ни въ Муромѣ, ни въ Ростовѣ. Еслибъ она была крѣпка, то съ Ростовцами было бы поступлено также, какъ съ Новгородцами, которыхъ крестилъ Добрыня мечемъ, а Пугата огнемъ. Если это не было сдѣлано, если Ростовцы могли выгнать сразу двухъ епископовъ, присланныхъ изъ Кіева, то очевидно Кіевскій князь не имѣлъ еще надъ ними крѣпкой власти.

Далѣе, Владиміръ отдалъ Ростовъ сначала Ярославу, потомъ Борису. Оба они извѣстны своею ревностью къ христіанству. О Борисѣ въ житіи его прямо говорится, что онъ заботился о распространеніи христіанства въ своемъ княжествѣ, а между тѣмъ, еще 50 лѣтъ спустя послѣ смерти Бориса, въ Ростовѣ свончался мученическою смертию епископъ св. Леонтій, котораго язычники сначала изгнали изъ Ростова, а потомъ, когда Леонтій опять возвратился въ городъ, убили. То же было и въ Муромѣ. Владиміръ отдалъ Муромъ Глѣбу, и Глѣбъ отправился туда. Но Муромцы не пустили его къ себѣ, такъ что онъ долженъ былъ жить въ 12 верстахъ отъ города. Глѣбъ, безъ сомнѣнія, какъ и Борисъ, заботился о распространеніи христіанства въ своей области. Между тѣмъ 100 лѣтъ спустя туда пріѣзжаетъ другой князь св. Константинъ и не находитъ въ Муромѣ, никакихъ зачатковъ христіанства. Могло ли это быть, еслибы Муромъ находился подъ крѣпкою властью князей Кіевскихъ? Очевидно нѣтъ.

Въ 1088 году, Болгары овладѣли Муромомъ, будучи выведены изъ терпѣнія Муромцами, которые грабили суда ихъ на Окѣ и Волгѣ. А Кіевская Русь какъ будто и не знала объ этомъ; а Кіевская лѣтопись молчитъ объ этомъ событіи. Его отыскалъ опять таки Таглицевъ ¹⁾.

Всѣ эти факты могутъ быть объяснены только тѣмъ, что Поволжье, покоренное Владиміромъ, еще не вполне вошло въ государственный союзъ съ Русско-Славянскою Кіевскою державою. Укрѣпленный Суздаль принадлежалъ князьямъ Кіевскимъ. Но этого не было достаточно, чтобы держать всю страну въ повиновеніи. Торговые города Ростовъ, Муромъ, и вѣроятно, другіе не признавали власти князей Кіевскихъ. Это были большіе и богатые города. Ростовъ, никогда не бывшій столицею значительнаго княжества, на памяти нашихъ лѣтописей назывался Великимъ; когда и тѣмъ пріобрѣлъ онъ

¹⁾ Росс. Ист. ч. II, стр. 144.

это прованіе? Очевидно, ничѣмъ другимъ, какъ своимъ богатствомъ, плодомъ торговли въ то время, когда онъ еще не входилъ или не вполне входилъ въ составъ Славяно-Русской державы, то-есть, въ VIII, IX, X и XI вѣкахъ. Русскія лѣтописи хорошо знаютъ его, равно какъ другія города этого края, въ то время, когда они уже стали склоняться къ упадку, начиная съ XI вѣка, когда восточная торговля, вслѣдствіе не разъясненныхъ еще причинъ, прекратилась. Но и въ то время эти города еще показывали по временамъ свое прежнее могущество и свой прежній свободолюбивый духъ. Такъ, послѣ смерти Андрея Боголюбскаго, Ростовцы и Суздальцы вооружились противъ его братьевъ. Сто лѣтъ спустя они, вмѣстѣ съ жителями другихъ восточныхъ городовъ, не стерпѣли насилій татарскихъ баскаковъ и перебили ихъ, и нужна была вся политическая мудрость Александра Невскаго, чтобъ отвратить печальныя послѣдствія этого варыва.

Закрѣпленіе Ростовской земли за родомъ князей Кіевскихъ совершилось мало по малу, въ продолженіе XI и даже XII вѣковъ, постройкой цѣлой системы вѣрностей, охватившихъ Ростовскую землю со всѣхъ сторонъ. Ярославъ построилъ городъ, названный по его имени при устьѣ Которосли.

Почему именно устье Которосли избрано для постройки города? На верховьяхъ Которосли стоялъ Ростовъ, древній, богатый, большой городъ, Ростовъ Великій. Значеніемъ своимъ, своимъ богатствомъ и многочисленностью онъ былъ обязанъ торговлѣ, которую онъ велъ съ востокомъ и съ Скандинавскимъ и Финскимъ сѣверомъ. Торговымъ путемъ для него была Которосль, которая въ наше время несудоходна; но 800 лѣтъ назадъ рѣки сѣверо-восточной Россіи были многоводнѣе, чѣмъ теперь. Волга до сихъ поръ все болѣе и болѣе скудѣетъ водою; это фактъ давно замѣченный. Въ былое время ея воды, вмѣстѣ съ водою другихъ рѣкъ, текущихъ въ Каспійское море, было достаточно для того, чтобы гораздо дальше заливать берега Каспійскаго моря. Нынѣшній низменный южный берегъ этого моря, на которомъ расположены Астрабадъ, Решть и проч., былъ еще при началѣ Русскаго государства залитъ водою, которая доходила почти до хребта Эльбурса. И городъ Астрабадъ, который теперь отдѣленъ отъ моря низменною полосой въ 40 верстъ ширины, въ то время былъ приморскимъ городомъ ¹⁾. Во Владимірской губерніи нѣкото-

¹⁾ См. статью *Мельмунова* о южномъ берегѣ Каспійскаго моря въ *Запискахъ Академіи Наукъ*, т. III, прилож. 5, стр. 34.

рѣки рѣки совсѣмъ вьсохли и теперь представляютъ только овраги, суходолы, а между тѣмъ по старинѣ называются рѣками, какъ рѣка Мгѣра въ Суздальскомъ уѣздѣ ¹⁾).

Построивъ городъ при устьѣ Которосли, Ярославъ думалъ сразу взять въ свою фактическую власть Ростовцевъ. Съ этихъ поръ они должны были зависѣть отъ того, кто владѣлъ Ярославлемъ. Если у нихъ были князья изъ древняго рода князей Ростовскихъ, то Ростовцы, разчетливые торговые люди, не могли поддерживать ихъ. Съ этими князьями могло произойти только то, что вь послѣдствіи происходило съ удѣльными князьями сѣверо-восточной, Московской Россіи. Существованіе ихъ, какъ независимыхъ князей, было противно интересамъ жителей ихъ владѣній; и они должны были ступаться, должны были превратиться въ слугъ новаго княжескаго дома. Такіе слуги не по доброй волѣ, а по нуждѣ, какъ сейчасъ увидимъ, дѣйствительно и оказались у князей Ростовско-Суздальскихъ.

Но въ Ростовской землѣ прежніе князья не имѣли большой власти. Не одни волхвы, но и богатые торговцы значительно сдерживали ихъ власть. Князья полновластные не могли удовлетворить ихъ. Ихъ торговые интересы требовали значительной доли самостоятельности, свободы. Здѣсь произошло то, что и вездѣ происходило. Торговое и промышленное населеніе всегда и вездѣ стремилось къ свободѣ не изъ любви къ свободѣ, а изъ любви къ барышамъ. Въ то время, какъ въ древнихъ государствахъ, доставшихся силою меча, въ Вавилонѣ, Ассиріи, Персіи, царская власть шла *crescendo*, въ промышленныхъ государствахъ, въ Финикіи, Карфагенѣ, Аѣинахъ и въ средне-вѣковой Италіи, она шла *diminuendo*. То же было и въ Ростовѣ. Еще Ибнъ-Даста, представляющій государей славянскихъ весьма самостоятельными, отбирающими у славянскихъ дѣвицъ и юношей по одному платью ежегодно, говоритъ, что у Руссовъ, то-есть, у Мери въ Ростовѣ, тяжущіяся стороны могутъ быть недовольны рѣшеніемъ цара, и въ такомъ случаѣ прибѣгаютъ легальнымъ образомъ къ рѣшенію спора оружіемъ. Кромѣ того, мы имѣемъ прямое свидѣтельство и въ нашей лѣтописи, что въ Ростовѣ именно власть княжеская была ограничена, въ томъ мѣстѣ—гдѣ говорится, что въ старыхъ городахъ, къ числу которыхъ причисляется и Ростовъ, люди издавна на вѣча сходятся и т. д.

Потому въ Мерской землѣ сопротивленіе новымъ князьямъ Сла-

¹⁾ Тихомировъ, Владимирскій сборникъ, стр. 59.

вяно-русскимъ оказали не только князья, но и горожане, и весь народъ, защищавшіе не своихъ прежнихъ князей, а свои собственные вольности. Именно народъ относился недоброжелательно къ новой власти. Объ этомъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство лѣтописи, хотя опять не полное. Еще при Ярославѣ въ 1024 году „вѣсташа вѣльсьви въ Суздали, избиваху старую чадь по дьяволу наученію и бѣсованью, глаголюще, яко сии держать гобино. Вѣ мятежъ великъ и голодъ по всей той странѣ“. Лѣтописецъ представляетъ причину мятежа дьявольское наученіе и голодъ. О дьявольскомъ наученіи мы говорить не будемъ; у монаха-лѣтописца оно всегда должно болѣе или менѣе предполагаться въ худыхъ дѣлахъ человѣческихъ. Но историкъ не можетъ довольствоваться этою причиною. Что касается до голода, когда онъ появляется только какъ физическое бѣдствіе, онъ не ведетъ къ мятежу. Голодъ былъ очень нерѣдкимъ явленіемъ въ средніе вѣка, и если народонаселенія не имѣли другихъ причинъ къ волненіямъ, то они безропотно умирали десятками и сотнями тысячъ. Голодъ является поводомъ къ волненіямъ только тогда, когда существуютъ причины, вызывающія ихъ. Такъ, поводомъ къ первой французской революціи былъ тоже голодъ. Но никто не говоритъ, чтобъ онъ былъ причиною революціи. Причины ея были болѣе существенныя, глубоко лежавшія въ бытѣ народа. То же было и въ Суздальской землѣ. У Финновъ пользовались особымъ почетомъ и значеніемъ волхвы.

О Руссахъ, то-есть, о Мерѣ Ибнъ-Даста говорить это самымъ положительнымъ образомъ. Слѣдуя ему, у Руссовъ волхвы повелѣваютъ даже царямъ, такъ какъ будто бы не цари, а волхвы были главными начальниками Руссовъ. Когда Мерская земля подпала подъ власть Кіевскихъ князей-христіанъ, естественно значеніе волхвовъ упало. Но власть моральная, также какъ и власть матеріальная, всегда стремится къ самосохраненію. И мерскіе волхвы ждали случая возвратитъ потерянное значеніе. Такой случай представился въ голодѣ 1024 года. Простой народъ, который всегда больше подчиняется чувству религіозному, чѣмъ политическому, поддался вліянію волхвовъ, и произошелъ „мятежъ великъ“. Мятежъ былъ прекращенъ тѣмъ, что былъ привезенъ хлѣбъ изъ Болгаріи. Но Ярославъ, который въ то время былъ въ Новгородѣ, счелъ нужнымъ пріѣхать въ Суздаль, и „изымавъ волхвы“, нѣкоторыхъ изъ нихъ казнилъ, другихъ сослалъ. Противодѣйствіе волхвовъ этимъ однако еще не было сломлено, тѣмъ болѣе, что масса народа, благодаря ихъ вліянію, была глуха къ хри-

стіанской проповѣди и оставалась при прежнихъ вѣрованіяхъ. Черезъ полстолѣтія волхвы опять возмутили народъ. Поводомъ опять былъ голодъ. Обстоятельство этого мятежа разказано лѣтописцемъ подробно. Въ то время, какъ Янъ Вышатичъ, воевода Святослава, въ 1071 г. собиралъ въ Мерской землѣ дань, волхвы, по разказу лѣтописца, опять стали избивать на этотъ разъ не просто старую чадь, а старыхъ женщинъ, разрѣзывая у нихъ спину, говоря, что онѣ прячуть у себя подъ кожу хлѣбъ и рыбу, вслѣдствіе чего и произошла голодъ. Янъ отправился противъ волхвовъ съ дружиною; волхвы также собрали вооруженную силу, произошла битва, и Янъ одолѣлъ; послѣ того волхвы были выданы ему, а онъ въ свою очередь выдалъ ихъ родственникамъ убитыхъ женщинъ, которые волхвовъ и повѣсили. Въ этомъ разказѣ многія подробности обращаютъ на себя вниманіе. Дань собиралъ воевода Янъ Вышатичъ, притомъ имѣя при себѣ дружину. Это очевидно указываетъ на то, что страна, въ которой собиралась дань, не была вполнѣ подчинена южно-русскимъ князьямъ. Потомъ, что это за дикое ученіе о томъ, что женщины прячуть за кожей хлѣбъ и рыбу, и что это за способъ умерщвленія женщинъ посредствомъ разрѣзыванія имъ спины? Самъ по себѣ разказъ объ этомъ является совершенно непонятнымъ; мысль, что женщины за кожей держатъ хлѣбъ и рыбу, достойна развѣ какихъ нибудь океанійскихъ дикарей-людоѣдовъ. А о Мерѣ, объ обитателяхъ средней Волги, мы знаемъ, что это былъ народъ, достигшій извѣстной степени гражданственности, знавшій ремесла, торговлю, посѣщавшій другія страны и принимавшій у себя иностранцевъ. Разказъ этотъ нѣсколько объясняется позднѣйшими этнографическими изслѣдованіями. Мы уже говорили, что у жителей средней Волги, у некрещеной Мордвы жрецы, знахари, волхвы до сихъ поръ существуютъ; мы говорили, какъ они, собирая съѣстные припасы для жертвоприношенія, входятъ въ дома, и женщины, идя къ нимъ задомъ, передаютъ имъ мѣшки съ припасами. Но мы не прибавили, что когда женщина подходит задомъ къ жрецамъ для передачи припасовъ, то одинъ изъ жрецовъ колетъ ее пять разъ въ спину священнымъ ножомъ, читая при этомъ молитву. Содержаніе молитвы объяснило бы намъ вполнѣ смыслъ этого обряда; къ сожалѣнію, мы ее не знаемъ. Но очевидно, что это укалываніе кожи есть обрядъ, основанный на какомъ-то религіозномъ ученіи. По видимому, волхвы, явившіеся на Волгѣ при Янѣ Вышатичѣ, просто собирали дань съ жителей подъ видомъ припасовъ для жертвоприно-

дѣламъ; и можетъ быть, они дѣйствительно собирали припасы для этой цѣли. И въ то время, не смотря на упорную привязанность Мери къ своей вѣрѣ, христіанство въ странѣ все-таки мало по малу распространялось¹⁾; и между двумя религіями должно было производиться соперничество. Волхвы, собиравшіе дань или припасы для жертвоприношенія, не могли относиться къ христіанству иначе какъ враждебно. Должны были происходить столкновения между послѣдователями двухъ вѣрѣ. Волхвы, вѣроятно, требовали припасовъ и отъ тѣхъ женщинъ, которыя уже приняли христіанство (женщины, какъ извѣстно, всегда были воспримчивѣе къ христіанской проповѣди, чѣмъ мужчины), произошли сцены насилія, и нѣкоторыя женщины были убиты, быть можетъ, тѣми самыми священными ножами, которыми волхвы прокалывали у женщинъ кожу. Народная молва, разказъ христіанскаго лѣтописца, не понимавшаго смысла религіознаго обряда, представила это дѣло въ такомъ видѣ, что волхвы рѣзали у женщинъ кожу за то, что онѣ „держали у себя обиліе“. Во всякомъ случаѣ замѣчательно то, что волхвы могли собрать вооруженную (топорами) силу. Очевидно, народъ поддерживалъ ихъ; народъ не подчинился новой власти, страна, не была покорена.

На этотъ разъ, впрочемъ, Янъ Вышатичъ одолѣлъ. Но это было все-таки частный случай; страна еще не подчинилась южнымъ князьямъ. Разчетъ Ярослава оправдался не вполне. Именно въ то время въ Ростовѣ былъ убитъ святой Леонтій. Это было, по изслѣдованіямъ преосв. Филарета, архіепископа Черниговскаго, въ 1073 году. Преэминіа Леонтію присланъ въ Ростовъ только въ 1078 году. Пять лѣтъ Ростовъ не имѣлъ епископа. Это приводитъ къ мысли, что въ продолженіе этихъ пяти лѣтъ власть южныхъ князей въ Ростовѣ всецѣмъ не существовала. Въ противномъ случаѣ новый епископъ явился бы въ Ростовъ раньше.

Ярославовъ разчетъ не оправдался потому, что Ростовцы, кромѣ Которосли, имѣли другіе пути для своей торговли съ востокомъ. Они могли ѣздить туда по Блязьмѣ, въ которую изъ Ростовской земли текутъ нѣсколько рѣкъ. Продолжателемъ дѣла Ярославова явился

¹⁾ Что христіанство въ то время существовало въ странѣ Мери, это доказываются курганами, въ которыхъ остовы лежали лицомъ на востокъ, въ которыхъ притомъ найдены монеты начала II вѣка вмѣстѣ съ христіанскими предметами, крестиками и образками. См. статью *гг. Уварова* о Мерѣ въ *Трудахъ 1-ю сѣзда*.

Владимиръ Мономахъ, который построилъ Владимиръ на Клязьмѣ: Мысль, руководившая основателя города, была та же, которая руководила Ярославомъ при постройкѣ Ярославля. Ярославъ взялъ въ свои руки сѣверный торговый путь Мери. Владимиръ хотѣлъ запереть и южный путь, ведущій на востокъ. Но, по видимому, мѣсто для построения города было выбрано неудачно. Ниже Владимира съ сѣвера впадаетъ еще нѣсколько рѣкъ; самая Нерль (Суздальская) впадаетъ десять верстъ ниже этого города. И вотъ является новый городъ на Клязьмѣ, Ярополчъ (нынѣшніи Вязники). Когда основанъ Ярополчъ—положительно не извѣстно. Но безъ сомнѣнія, онъ основанъ Ярополкомъ княземъ, какъ Ярославъ—Ярославомъ, Владимиръ—Владимиромъ и т. п. А этимъ краемъ владѣлъ только одинъ сынъ Монаха. Стало быть, ему и нужно приписать построение Ярополча. Ярополчъ запираетъ путь въ Оку почти изъ всѣхъ сѣверныхъ притоковъ Клязьмы, изъ Нерли, Уводи, Тезы. Еслибы потомство Ярополча стало владѣть Мерскою землею, то очень вѣроятно, что Ярополчъ и остался бы центромъ княжеской власти въ сѣверо-восточной Россіи. Но Ярополчъ не долго княжилъ тамъ; послѣ него Мерская земля перешла во власть Юрія Долгорузгаго, который избралъ своею резиденціей Суздаль. Юрій, кромѣ прежняго, еще новымъ способомъ укрѣпилъ свою власть въ краѣ. Владѣя всѣми новопостроенными городами и прибавивъ къ нимъ еще другіе новые города (Юрьевъ, Дмитровъ, Кснятинъ), все-таки по окраинамъ Мерской земли, Юрій задумалъ усилить свою власть посредствомъ призванія въ свое княжество колонистовъ изъ южной Россіи. Эта колонизація могла быть прежде объясняема только хозяйственными соображеніями Юрія, когда можно было еще говорить, что Ростовско-Суздальская земля была страной бѣдною и мало населенною, въ которой рѣдкое народонаселеніе было разсѣяно по непроходимымъ лѣсамъ. Но теперь оказывается, что страна эта въ то время была и богата, и многолюдна, и даже лѣсовъ мѣстами имѣла не столько, какъ впоследствии ¹⁾). Десять тысячъ кургановъ, разрытыхъ въ пяти уѣздахъ, имѣютъ большой смыслъ. Курганы, уцѣлѣвшіе въ продолженіе тысячелѣтія, могли быть насыпаемы только надъ знатными и богатыми людьми ²⁾. И Ибнъ-Фодланъ, рассказывая о тор-

¹⁾ Потому что многіе курганы разрыты въ лѣсахъ, столѣтнія деревья покрывали самые курганы.

²⁾ Подобные курганы сохранились въ Весегонскомъ уѣздѣ, и мѣстные крестьяне говорили Ѡ. Н. Глинкѣ, что за насыпку самаго меньшаго изъ нихъ въ теперешнемъ его видѣ нельзя взять менѣе 500 рублей.

жестокимъ погребеніи умершаго въ Булгарѣ Русса, надъ которымъ былъ насыпанъ курганъ, прибавляетъ, что это былъ знатный человекъ. О другихъ онъ просто говоритъ, что ихъ только сжигаютъ, арабовъ даже и не сжигаютъ, а оставляютъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ и собакамъ. Слѣды сожженія труповъ безъ насыпанія могилъ до сихъ поръ сохранились на финскомъ сѣверѣ, какъ показываютъ изслѣдованія г. Эйхвальда ¹⁾. Они сохранились также въ большомъ количествѣ и въ другомъ краю Россіи, гдѣ также по всѣмъ даннымъ было поселеніе Руси еще до начала Русскаго государства, именно въ Тмутаракани ²⁾ Гр. Уваровъ своими изслѣдованіями прямо приведенъ въ мысли, что Мерская земля была не только богата, но и многолюдна ³⁾.

Стало бытъ, Юрію заботиться объ увеличеніи богатства ⁴⁾ и народонаселенія Мерской земли, страны богатой и многолюдной, не было никакой надобности. И цѣль его при вывозѣ колонистовъ въ Суздальскую землю была другая. Она состояла въ томъ, чтобы мѣстному финскому населенію, упорно державшемуся своей старины, своей вѣры, своей народности, противопоставить населеніе, чуждое мѣстныхъ преданій и тенденцій. Мѣстное населеніе слишкомъ ревниво относилось къ новой княжеской власти, которая въ этнографическомъ смыслѣ была уже властью чуждою. Еще раньше Юрія народность южно-русскихъ князей успѣла ямѣниться вполне. Владиміръ Святой носилъ славянское имя и былъ сынъ отца, носившаго такое же имя; но при господствѣ язычества оба они оставались чистыми Руссами въ смыслѣ Ибнъ-Фодлана. Ихъ образъ жизни, сохраненный для насъ исторіей, убѣдительно говоритъ объ этомъ. И еще Владиміръ относился безразлично къ своимъ подданнымъ Славянамъ и Финнамъ. Этимъ только можно объяснить, почему онъ, ставя города по Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, набиралъ лучшихъ мужей не только отъ Славянъ, Кривичей, Вятичей, но и отъ Чуди ⁵⁾. Дѣло шло о защитѣ

¹⁾ См. Чудскія копи.

²⁾ См. *Ашика* Воспорское царство.

³⁾ См. *Труды* 1-го тома, стр. 666.

⁴⁾ Собственно говоря, увеличивать богатство страны есть надобность всегда и вездѣ до предѣловъ неограниченныхъ. Но въ то время соображенія этого рода были чужды правителямъ странъ.

⁵⁾ Это построеніе городовъ и переселеніе на югъ сѣвернаго населенія лѣтописецъ относитъ къ самому году крещенія Владиміра. Но это дѣло требовало, очевидно для своего исполненія не одного года, особенно, если мы вспом-

государства. Государство это началось въ Чудской странѣ, и въ столѣтній періодъ времени отъ Олега до крещенія Руси еще не получило вполне преобладающаго славянскаго характера. Славянскій элементъ получилъ окончательное преобладаніе только тогда, когда въ новокрещенную южную славянскую Русь принесены были славянскія церковныя книги, и отсюда распространились на всѣ части государства какъ славянскія, такъ и финскія. Съ этого времени, то есть, послѣ Владиміра, начинается построеніе южными князьями городовъ въ Мерской землѣ. Съ этого времени вступили между собою въ соперничество древняя Русь Ибнъ-Фодлана и Ибнъ-Дасты и новая Русь—Кіевская. Уже Ярославъ, по всей вѣроятности, не имѣлъ ничего общаго съ древнею Русью. Уже онъ сознавалъ себя Русскимъ въ томъ смыслѣ, какъ теперь мы сознаемъ себя Русскими. Уже для него Русь была безповоротно Славянскимъ государствомъ, и интересы славянской Руси были единственными государственными интересами. Слѣдствіемъ этого и было то, что онъ рѣшился взять въ свои руки Мерскую землю уже не добромъ, а силою, для чего и былъ построенъ Ярославъ ¹⁾. Юрій Долгорукій былъ еще болѣе чуждъ Мерской землѣ, чѣмъ Ярославъ. Онъ уже не довольствовался постройкою въ ней новыхъ городовъ. Онъ переселилъ въ нее колонистовъ, Славянъ. Въ славянствѣ думалъ онъ найти опору противъ мѣстной народности, и судя по всему, не ошибся. Въ то же время Юрій старался сломить

нимъ, что въ тотъ же годъ Владиміръ и осаждалъ Корсунь, и устраивалъ свой бракъ съ царевною Анною, крестился самъ и крестилъ Кіевлянъ. Безъ сомнѣнія, постройка городовъ задумана, а можетъ быть, и начата раньше.

¹⁾ Есть одна темная подробность въ исторіи Ярослава. Это отношенія его къ брату Судиславу. Ярославъ 20 лѣтъ держалъ его въ порубѣ. За что? Лѣтописи говорятъ, что Судиславъ былъ ослѣвленъ передъ братомъ. Въ чемъ состояла клевета? Въ Костромской губерніи есть городъ Судиславль. Кѣмъ, какимъ Судиславомъ поставленъ онъ? Во всей русской исторіи только одинъ князь носилъ это имя. Не имъ ли былъ построенъ Костромской Судиславль? А если такъ, то съ какою цѣлью? Не задумалъ ли обдѣленный братомъ Судиславъ стать во главѣ Мери для сопротивленія Ярославу? Судиславль стоитъ въ самомъ центрѣ тогдашней Мери, между Ростовомъ и Суздалемъ, съ одной стороны, и Галичемъ, съ другой. По крайней мѣрѣ, трудно думать, чтобы благодушный Ярославъ держалъ безъ достаточной причины брата въ тюрьмѣ. А въ такомъ случаѣ вина Судислава составляла бы истинную haute trahison въ глазахъ Ярослава. Что князья потомки Владиміра могли входить въ союзъ съ финскимъ населеніемъ противъ славянскаго, доказательствомъ этому служить тотъ фактъ, что Все-славъ Полоцкій еще въ 1069 году могъ вооружиться противъ Новгородцевъ въ союзъ съ Водью.

силу и мѣстныхъ старыхъ родовъ, по всей вѣроятности, происходившихъ отъ древняго рода князей мерскихъ, одинъ изъ которыхъ княжилъ въ Ростовѣ при Ольгѣ. Въ Ростовско-Суздальской землѣ, дѣйствительно, былъ силенъ элементъ земскихъ владѣльцевъ, самостоятельный, опиравшійся на собственныя силы. Однимъ изъ такихъ мѣстныхъ владѣльцевъ былъ Кучка, владѣлецъ Москвы¹⁾. Известно, какъ поступилъ съ нимъ и съ его дѣтьми Юрій. Самъ Кучка былъ убитъ, дѣти его оказались потомъ въ числѣ слугъ Юрія, а дочь выдана Юріемъ замужъ за сына, Андрея. Этотъ бракъ Андрея съ дочерью Кучки намъ кажется весьма краснорѣчивымъ фактомъ. Разчетливый Юрій, женивъ сына своего на дочери Кучки, не могъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ безъ важныхъ политическихъ соображеній. Лѣтописи называютъ Кучку бояриномъ. Но что могъ привести Юрію и его роду бракъ его сына съ дочерью одного изъ мѣстныхъ бояръ? Очевидно, что Кучка былъ не просто бояринъ; это былъ земскій владѣлецъ, самостоятельный и пользовавшійся въ краѣ значеніемъ, и владѣніе его, неувѣстная до тѣхъ поръ Москва, была важнымъ политическимъ пунктомъ въ краѣ. Быть можетъ Кучка и былъ представителемъ правъ древнихъ мерскихъ князей. Что его владѣніе не было маловажнымъ пунктомъ, возникшимъ въ XII вѣкѣ или немного ранѣе, это доказывается нумизматическими данными. Въ самой Москвѣ, не говоря о ея губерніи, открыты два клада съ куфическими монетами: одинъ близъ Симонова монастыря, другой—на мѣстѣ храма Спасителя, когда рыли фундаментъ для этого храма въ 1837—1838 годахъ. Монеты, найденныя на мѣстѣ храма Спасителя, особенно важны по своему значенію. Онѣ принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ арабскихъ монетъ, найденныхъ въ Россіи: одна относится къ 862, другая—къ 866 году. Любопытно, что мѣсто, на которомъ построенъ храмъ Спасителя, представляло при рытьѣ фундамента замѣчательную картину нѣсколькихъ слоевъ древностей, погребенныхъ одни подъ другими. Въ глубинѣ 9 аршинъ подъ поверхностью найдены кости мамонта, выше—арабскія монеты, еще выше—кладбище XIV вѣка, потомъ монеты XV и XVI вѣвовъ, еще выше, подъ самою поверхностью—кладбище позднѣйшаго времени²⁾.

¹⁾ Любопытно, что *moska* по фински значить куча (*Multitudo rerum negligenter conservatarum*, см. *Revue*, Lexic. linguae finnicae). Не есть ли фамилія Кучекъ переводъ слова *moska*?

²⁾ *Савельевъ*, Мухом. Нумизм., стр. 123.

Тотъ фактъ, что въ самой Москвѣ найдены два клада въ разныхъ мѣстахъ, и монеты одного клада принадлежать къ IX вѣку, безъ сомнѣнія, указываетъ на значеніе Москвы въ самой глубокой древности. Очевидно, Москва принимала участіе въ сношеніяхъ Руссовъ съ востокомъ; быть можетъ, она была мѣстопребываніемъ одного изъ тѣхъ русскихъ царей, о которыхъ говорятъ восточные писатели, и Кучка былъ потомкомъ этой, господствовавшей въ Москвѣ, династїи. И для Юрія было важно, посредствомъ брака его сына съ дочерью Кучки, перенести на свой родъ права, принадлежавшія этой династїи. Только такимъ образомъ и можно объяснить бракъ Андрея съ дочерью Кучки и послѣдующія отношенія его къ братьямъ ея, то, что одного изъ нихъ Андрей казнилъ, а другой самъ составилъ заговоръ съ цѣлью убить Андрея. Очевидно, сыновья Кучки не были довольны своимъ новымъ положеніемъ, чего, конечно, не было бы, еслибъ они просто были дѣтми мѣстнаго боярина-землевладѣльца. Въ такомъ случаѣ родство ихъ съ Андреемъ и происходящая отсюда близость къ нему вели бы въ улучшенію, а не въ ухудшенію ихъ положенія и значенія.

Захваты Юрія, образцомъ которыхъ служить для насъ захватъ Москвы у рода Кучки и переселеніе въ Мерскую землю южныхъ колонистовъ въ дѣйствительности, фактически укрѣпили власть южныхъ князей въ этой странѣ. Представители національной независимости должны были съ этихъ поръ видѣть, что дѣло ихъ проиграно навсегда. И вотъ произошелъ замѣчательный фактъ, память о которомъ сохранило преданіе. По этому преданію, при распространеніи въ Мерской землѣ христіанства, часть мѣстнаго населенія удалилась изъ страны далѣе внизъ по Волгѣ и тамъ образовала черемисскую народность ¹⁾ или смѣшалась съ нею. Нѣтъ никакой причины не вѣрить этому преданію, оно очень согласно съ сущностью обстоятельствъ, среди которыхъ находилась Меря. Путь внизъ по Волгѣ ей былъ хорошо знакомъ, равно какъ были знакомы и страны, лежавшія между Ростовомъ и Вулгаромъ, населенныя если не очень близкими, то, несомнѣнно, родственными ей народностями. Самое названіе Черемисъ

¹⁾ Космографія XVII в., не напечатанная, гдѣ говорится: «Черемисы, завоная Отаки, тое же глаголются ростовская чернь забѣвшихъ тоже отъ русскаго рещенія и вселившимъ имъ въ болгарскихъ жилищѣ.» *Корсаковъ*, Меря, стр. 31.

Мера, по мнѣнію Кастрена ¹⁾, есть тоже, что Мери, собственно „Мери“ есть передѣланное на славянской ладъ Мара.

Вопросъ въ томъ: когда произошло это выселеніе Мери на нижніе берега Волги? Ростовская чернь избѣгала крещенія. Но изъ свѣдѣній о жизни первыхъ проповѣдниковъ христіанства въ Мерской землѣ мы можемъ заключить, что при нихъ оно было распространяемо исключительно средствами убѣжденія. Не христіанскіе проповѣдники преслѣдовали язычниковъ, а наоборотъ, сами подвергались гоненіямъ съ ихъ стороны. Феодоръ и Иларіонъ были изгнаны, св. Леонтій былъ убитъ, а св. Авраамій провель „тридцать лѣтъ въ своихъ апостольскихъ подвигахъ, подвергаясь опасности со стороны язычниковъ“. Только во время Юрія Долгорукаго „христіанство окончательно утверждается въ Ростовско-Суздальской области“ ²⁾.

Къ этому-то времени и нужно отнести выселеніе Мери въ нижнія поволжскія страны. Приверженцы старины, самостоятельности и язычества убѣдились, что и самостоятельность, и вѣра ихъ должны окончательно пасть, такъ какъ Юрій дѣйствительно успѣлъ взять въ свои руки Мерскую землю построеніемъ новыхъ городовъ въ прибавку къ тѣмъ, которые были построены Ярославомъ, Мономахомъ и Ярополкомъ, равно какъ и поселеніемъ южныхъ колонистовъ; вслѣдствіе этого язычники и переселились дальше на Волгу.

И только съ этого времени страна стала вполнѣ частью Русскаго государства, имѣвшаго центромъ Кіевъ. А до того времени она сохраняла свою особую этнографическую и политическую фizioномію, еще въ продолженіе 200 лѣтъ послѣ Ибнъ-Фодлана. Во время же Ибнъ-Фодлана принадлежность ея къ государству Кіевскому не только не могла быть извѣстна восточному путешественнику, видѣвшему Мери въ Булгарѣ, но даже дѣйствительно не существовала.

Мы вошли въ это болѣе подробное разсмотрѣніе отношеній Мерской земли къ Кіевскимъ князьямъ, чтобы показать, что въ X вѣкѣ она не составляла части южно-русской Кіевской державы; что, стало быть, если арабскіе писатели называютъ ее Русью, то не потому, чтобы она составляла часть русской державы Кіевской, а по какой-нибудь другой причинѣ.

Для доказательства того, что страна средней Волги въ X вѣкѣ

¹⁾ Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker, стр. 133. Кастренъ сопоставляетъ мара съ персидскимъ māre.

²⁾ Слово г. Корсакова въ сочиненіи Мери, стр. 94

представляла политическое тѣло, отдѣльное отъ Кіевскаго государства, арабскіе писатели представляютъ намъ новыя доказательства весьма краснорѣчивыя. Извѣстны разказы ихъ о трехъ походахъ Руссовъ на востокъ. Разказы эти давно извѣстны русскимъ ученымъ, и они заносятъ ихъ въ исторію Россіи, но не пытаются объяснить, кто же были эти Руссы, дѣлавшіе походы, на востокъ и почему походы ихъ, весьма значительные, оставались неизвѣстны на югѣ и не занесены въ нашу лѣтопись. Въ 913 или 914 году Руссы совершали походъ на востокъ въ числѣ 50.000 человекъ. Походъ этотъ огласился на всемъ востокѣ. О немъ сохранились извѣстія у Араба Масуди и Армянина Коганкотваца. А у насъ на Руси онъ остался совершенно неизвѣстнымъ даже современникамъ.

Другой походъ 944 года состоялся, вѣроятно, въ меньшихъ размѣрахъ. Руссы овладѣли страню по теченію рѣки Кура, три раза разбили войска мусульманъ, между прочимъ одинъ разъ разбили тридцатитысячный отрядъ, овладѣли городомъ (Бердаа), который считался однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ мусульманскаго міра, перебили часть его жителей, и это также оставалось неизвѣстнымъ на Руси.

Въ третій разъ въ 969 году Руссы ограбили и разорили Булгарь, Хозранъ, Итиль, Семендеръ; и это осталось неизвѣстно и не занесено въ нашу лѣтопись. Раньше этого Святославъ взялъ пограничное коварское укрѣпленіе Саркель. Это занесено въ лѣтопись; а черезъ нѣсколько лѣтъ разорена вся страна Коварская, при чемъ ограблена и разорена столица ея Итиль, и важнѣйшій торговый городъ Семендеръ, — объ этомъ молчатъ лѣтописи.

Это молчаніе лѣтописей только и можетъ быть объяснено тѣмъ, что Русь восточныхъ писателей, страна средней Волги, Мерская и Муромская земля была въ то время государствомъ отдѣльнымъ отъ южной Руси.

На это же указываетъ и самое время походовъ Руси на востокъ. Въ 913 г. Игорь только что вступилъ на престолъ послѣ Олега. Тотчасъ воротились Древляне. Игорь немедленно (въ 914 году) пошелъ противъ нихъ. Въ слѣдующемъ году (915) пришли Печенѣги. Очевидно, они, какъ и Древляне, хотѣли попытать счастья при новомъ князѣ, надѣясь на его слабость. Игорь сотворилъ съ ними миръ.

А волжская Русь знать этого не знаетъ, торгуетъ съ востокомъ и идетъ въ походъ на Адербиджайнъ въ числѣ 50.000 человекъ.

Въ 943 году Игорь совокуплялъ вой для похода на Царьградъ;

въ 944 г. онъ совокупилъ ихъ и отправился въ походъ, чтобъ отомстить за прежнее положеніе. Но сѣверная Русь въ этого не знаетъ, задумываетъ и исполняетъ свой походъ въ страну рѣки Кура.

• Въ 968 году Святославъ былъ въ Дунайской Булгаріи, которая въ то время занимала всё его помысли. Пришли Печенѣги и едва не взяли Кіева. Кіевляне послали извѣстить объ этомъ Святослава, который прибылъ и прогналъ Печенѣговъ въ поле. Въ это тяжелое для южной Руси время сѣверная Русь, не думая о южной, разворяетъ Булгарію и Козарію; Святославъ, въ свою очередь, проводя 969 г. въ Кіевѣ, не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ сѣверныхъ Руссовъ, дѣлитъ Россію между сыновьями и готовится къ новому походу на Дунай, куда онъ и отправился въ слѣдующемъ году.

Мы не говоримъ ничего о раннихъ походахъ Руссовъ на востокъ VII и IX вѣкахъ; тѣ походы доказываютъ гораздо больше того, что мы теперь имѣемъ въ виду. Мы имѣемъ въ виду только доказать, что сѣверная волжская Русь была въ X вѣкѣ независима отъ южной, составляла отдѣльное политическое тѣло. Такимъ образомъ, если Арабы въ X вѣкѣ называютъ страну средней Волги Русью, и жителей ея—Русью, то это не потому, чтобы жители ея были обрусѣвшіе, то есть, ославянившіеся Финны, и не потому, чтобъ она принадлежала южнымъ русскимъ князьямъ (ни того, ни другаго не было), а потому, что это имя принадлежало странѣ, какъ ея собственное имя, потому что въ X и XI вѣкахъ здѣсь жили Руссы. Это было ея генерическое, этническое имя, не занятое ею ни откуда, потому что и занять-то его было не откуда, такъ какъ въ Скандинавіи никогда, а на среднемъ Днѣпрѣ до конца IX вѣка такой страны не было.

Д. Щегловъ.

ИНДІЙСКІЯ СКАЗКИ ¹⁾.

25.

XXI, 17. *Mahānaradākassapajātaka*m. Въ древности, въ странѣ Videha, въ городѣ Mithila царствовалъ царь *Ango*; у него была дочь по имени *Rujā*; она родилась отъ его главной жены; остальные жены были безплодны. Она была ему мила; ежедневно онъ посылалъ ей двадцать-пять корзинъ, полныхъ цвѣтами, и нѣжныя одѣянія, съ тѣмъ, чтобъ она радилась въ нихъ; во всякой ѣдѣ ей не было мѣры, каждые полмѣсяца онъ давалъ ей по тысячѣ денегъ, съ тѣмъ, чтобъ она раздавала милостыню. У него было три министра: *Vijayo*, *Sunamo*, *Alato*. Однажды онъ въ пятнадцатую ночь (мѣсяца), раннею порою, когда еще не вошла полная луна, собралъ министровъ, разумныхъ, наученныхъ, улыбкою начинающихъ рѣчь, *Vijayo*, *Sunamo*, *Alatako*. И спросилъ ихъ царь: — Да скажетъ каждый свое желаніе; сегодня полнолуніе свѣтлое (мѣсяца *Kattika*), прогнавшее тьму; въ какомъ наслажденіи мы проведемъ эту ночь, это время?

Министры предлагаютъ разное: *Alato* предлагаетъ войну; *Sunamo* наслаждаться пѣніемъ и пляской, *Vijayo*—оказать почтеніе разумному брахману. Предложеніе послѣдняго царь принимаетъ. По предложенію *Alat'a* царь ѣдетъ къ нѣкоему *Guno* изъ роду *Kassapo*, живущему въ саду *Alat'a*.

Guno излагаетъ убѣжденія школы *uccheda*, отрицающей воздаяніе за дѣла. *Alato* признаетъ, что эти положенія вѣрны. Нѣкій рабъ *Vijako* подтверждаетъ его.

Царь, выслушавъ ихъ рѣчь, возвращается къ себѣ и предается страстямъ. Черезъ четырнадцать дней къ нему приходитъ дочь *Rujā*,

¹⁾ Окончаніе. См. апрѣльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1876 годъ.

убѣждать его отказаться отъ этихъ возрѣній; ея слова остаются безъ послѣдствій. Царь ведетъ прежнюю жизнь и обращается на истинный путь, оставляетъ ученіе школы *uccheda*, только послѣ проповѣди *Nāgāda—Mahābrahmā*, явившагося, въ видѣ отшельника, спасти царя.

л. ра нi об — л. ра nām пр.

26.

XXI. 1. 8. *Vidhurapanditajātakam*. Въ древности, въ странѣ *Kuru*, въ городѣ *Indapatta* царствовалъ *Dhananījaya sagabba*, у него былъ разумный министръ *Vidhurapandito*.

Въ Баранаси четыре брахмана товарища отправились въ *Himavanto*—жить отшельниками. Проживъ тамъ довольно долгое время, они отправились въ страну *Ango*, въ городѣ *Kalacampa*; въ этомъ городѣ четыре домохозяина накормили ихъ. За это доброе дѣло одинъ изъ нихъ въ слѣдующемъ перерожденіи сдѣлался богомъ *Sakko*, другой родился въ обители змѣй — царемъ *Vaguno*, третій царемъ *Supanno*, въ обители, около *Simbalidaho*, четвертый сыномъ царя *Dhananījaya*. Четыре же отшельника переродились въ міръ Брахмы.

Разъ въ день *uposath'u* четыре царя сходятся вмѣстѣ, узнаютъ другъ друга, и между ними возникаетъ споръ о томъ, кто нравственнѣе. За разрѣшеніемъ этого вопроса они обращаются къ *Vidhuro*. Отвѣтъ мудреца нравится имъ на столько, что каждый царь даруетъ ему великія награды.

Жена царя змѣй, царица *Vimalādevī*, не видя на шеѣ мужа драгоценнаго камня, спросила:

— Царь, гдѣ твой драгоценный камень?

— Милая, отвѣчалъ царь змѣй, выслушавъ проповѣдь мудреца *Vidhuro*, сына брахмана *Candro*, я, довольный, почтилъ его этимъ драгоценнымъ камнемъ; и не только я, но и богъ *Sakko* почтилъ его небеснымъ одѣяніемъ, царь *Supanno* — золотою гирляндю, царь *Dhananījaya* — тысячею коровъ и проч.!

— Проповѣдникъ онъ, о царь?

Царь восхваляетъ мудреца. Царица получаетъ сильное желаніе послушать мудреца, притворяется больною и говоритъ, что только сердце мудреца можетъ ее излѣчить; не получивъ же сердца мудреца, она умретъ. Въ то время, какъ царь полонъ тревожныхъ мыслей о томъ, какъ удовлетворить желанію жены, къ нему приходитъ, со свитою, его дочь *Irādatī*.

— О чемъ ты размышляешь? Твое лицо словно лотусъ, завядшій

въ рукѣ. Зачѣмъ ты печаленъ, владыка? Не скорби отъ вражескихъ истязаній? Такъ спросила его дочь.

Услыхавъ рѣчь дочери, разъяся въ чемъ дѣло, царь змѣй сказалъ:

— Твоя мать, о *Irandatī*, пожелала сердца мудреца *Vidhiga*; трудно увидать мудреца, кто же его приведетъ сюда?

И сказала онъ ей:—Милая, никто подлѣ меня не способенъ привести мудреца *Vidhiga*; даруй ты жизнь матери, найди мужа, способнаго привести мудреца *Vidhiga*!

И подстрекая дочь, царь сказалъ полстиха:

— Отыскивай такого мужа, который привелъ бы сюда мудреца!

Дочь повинуется отцу. Нарядившись, выходитъ изъ обители змѣй, отправляется къ горѣ *Kālarabbato*. Украшаетъ гору цвѣтами и тамъ на вершинѣ, приятно расплясывая и распѣвая, сказала такой стихъ:

— Кто мудрый между гандхарвами, ракшасами, кимпурисами, людьми, можетъ исполнить-всѣ желанія? Тотъ на долго будетъ моимъ мужемъ!

Въ это время племянникъ великаго царя *Vessavano*, военачальникъ *Rippako*, отправлялся верхомъ на волшебномъ конѣ, величиною въ три *gāvuta*, на сходку яшасовъ, на вершинѣ горы *Kālarabbato*.

Услыхавъ онъ ея пѣснь и влюбился.

— Не безпокойся; буду я твоимъ супругомъ; буду твоимъ, о ты съ безупречнымъ взоромъ; таковъ мой разумъ.

— Не безпокойся, будешь ты моею супругою! сказалъ онъ дочери царя змѣй.

Irandatī ведетъ его къ отцу. *Rippako* сватаетъ дочь у царя змѣй. Царь отдаетъ подѣ однимъ условіемъ, чтобы зять принесъ сердце мудреца. *Rippako* принимаетъ это условіе и отправляется къ дядѣ *Vessavano*, которому описываетъ свое приключеніе. *Vessavano* не вслушался въ его разказъ, а разрѣшалъ въ то время споръ о дворцѣ, возникшій между двумя сынами боговъ (*devarutto*). Когда же *Vessavano* сказалъ одному изъ сыновъ: „ступай и живи въ своемъ дворцѣ“, *Rippako* принялъ эти слова, какъ бы сказанными къ себѣ, и взявъ въ свидѣтели нѣсколькихъ сыновъ боговъ, отправился за своимъ дѣломъ. Онъ рѣшился выиграть мудреца у царя *Dhanatjayo*; а для этого отправляется добыть драгоценный камень, назначенный въ обладаніе царю *Sakkavatti* (владыкѣ вселенной) въ горѣ *Vepkhulla*, около *Rajagaha*.

На вершинѣ этой горы нѣкій *Yakkho*, по имени *Kumbhīro*, вмѣстѣ съ сто тысячами *Kumbhand'ovъ*, охраняетъ тотъ драгоценный камень. Прогнавъ его, *Rupnako* овладѣваетъ драгоценнымъ камнемъ и является въ городъ *Indaratta* къ царю *Dhananījayo* и называетъ себя ученикомъ *Kassāyano*. Царь спрашиваетъ, что онъ можетъ проиграть. *Rupnako* показываетъ ему своего чуднаго коня и драгоценный камень. Показываетъ царю быстроту своего коня, хожденіе коня по водѣ и стояніе коня на своей ладони. Затѣмъ показываетъ камень, и чудныя формы людей, звѣрей, птицъ и все прочее, что въ немъ изображено. Царь въ замѣнъ ставитъ на ставку все, за исключеніемъ своей личности и бѣлаго зонтика. Начинается игра въ кости, въ присутствіи царей: *Rāncala*, *Suraseno*, *Maddo*, *Kekako*, и пр. *Rupnako* прогоняетъ божество-хранителя, мѣшающаго царю проигратъся, и послѣ того царь проигрываетъ.

Выигравъ у царя, *Rupnako* требуетъ, чтобы царь отдалъ ему мудреца *Vidhuro*. Царь отказывается исполнить это требованіе, говоря, что мудрецъ выше всякаго богатства и равенъ ему, а потому не можетъ быть проигранъ. *Rupnako* настаиваетъ спросить самого мудреца о томъ. Царь, *Rupnako* и всѣ другіе цари отправляются къ мудрецу. *Rupnako* спрашиваетъ мудреца—рабъ ли онъ царя, или его родственникъ,—и когда мудрецъ признаетъ себя рабомъ, царь отдаетъ его выигравшему. Передъ уходомъ *Vidhuro* проповѣдуетъ царю и затѣмъ выпрашиваетъ у своего новаго владыки три дня отсрочки; ведетъ *Rupnak'u* въ свой домъ. У него три дворца для трехъ временъ года: *Koṅso*, *Maūro*, *Piyaketo*. Здѣсь онъ поселяетъ *Rupnak'u* и отдаетъ ему своихъ женъ. Самъ же собираетъ своихъ дѣтей и прощается съ ними. Въ эти три дня мудрецъ излагаетъ сыновьямъ ихъ обязанности въ отношеніи царя. Когда прошли три дня, *Vidhuro* идетъ къ царю простаться. Царь, не желая отпускать мудреца, предлагаетъ ему убить его новаго хозяина. Мудрецъ отвергаетъ это и оставляетъ царя; сынъ его *Dhammarālo*, проч. дѣти и жены и жители города выходятъ съ плачемъ проститься съ нимъ.

Rupnako сажаетъ мудреца на своего коня и по воздуху увозитъ его на гору *Kālapabbato*. Семья мудреца и жители города, увидавъ это, приходятъ къ царю; съ плачемъ объявляютъ ему, что *Yakkho* увезъ мудреца, и что если чрезъ семь дней мудрецъ не отыщется, всѣ они предадутъ себя сожженію. Царь успокоиваетъ ихъ, говоря, что мудрецъ быстро освободитъ себя.

Rupnako, приведя мудреца на вершину горы, рѣшается его убить

и отнести сердце въ обитель змѣй. Не желая убивать его рукою, Риппако пронимаетъ различныя страшныя формы, но не можетъ устрашить мудреца. Производитъ вѣтеръ, съ тѣмъ, чтобъ истереть мудреца; а у того и волосъ не двигается. Проникаетъ внутрь горы и производитъ великій шумъ, но и это не дѣйствуетъ на мудреца. Онъ рѣшается его убить и бросаетъ съ вершины горы, внизъ головою. Мудрецъ остается живъ. Риппако повторяетъ то же самое съ нѣкоторыми измѣненіями, нѣсколько разъ. Мудрецъ остается живъ и спрашиваетъ у Риппак'а, зачѣмъ онъ хочетъ его убить. Риппако рассказываетъ ему свое приключеніе, а также зачѣмъ ему нужно сердце мудреца.

Въ отвѣтъ на это мудрецъ проповѣдуетъ Риппак'ѣ. Риппако рассказываетъ и отпускаетъ мудреца, но тотъ требуетъ, чтобъ онъ велъ его въ обитель царя змѣй. Риппако приводитъ его въ Nalinî. Здѣсь мудрецъ проповѣдуетъ сначала царю змѣй, зачѣмъ его женѣ. Царь змѣй спѣшитъ отпустить его домой и отдаетъ дочь Риппак'ѣ, который даритъ мудрецу чудесный драгоцѣнный камень. Риппако, посадивъ мудреца и жену на своего чуднаго коня, приводитъ перваго къ царю Dhanañjaуо, а самъ отправляется къ себѣ. Въ ту же ночь Dhanañjaуо видитъ сонъ, возвѣщающій возвращеніе мудреца. Vidhуго рассказываетъ царю свое приключеніе и даритъ ему чудесный драгоцѣнный камень.

л. ра ãam. пр.—л. ра tãa пр.

27.

XXI. 1. 9. Maha-ummaggañataka. Въ древности, въ Mithilâ царствовалъ Vedeho; у него было четыре мудрыхъ совѣтника: Senako, Pukkusa, Kavindo, Devindo.

Въ день зачатія бодhisатвы, на разсвѣтѣ царь увидалъ такой сонъ: Въ царской опочивальнѣ, по четыремъ угламъ проявились и засіяли четыре огненные столба. Среди нихъ возникъ огонекъ, величиною въ свѣтящійся червячокъ; въ тотъ же мигъ огонекъ, превзойдя всѣ четыре столба, доросъ до міра Браһмы и освятилъ весь *Sakkavâla*; горчичное зернышко, упавшее на землю, было видимо. Боги и весь міръ чтити этотъ свѣтъ гирляндами и благоуханіями. Народъ расхаживалъ среди пламени, и жаръ не касался даже волосныхъ поръ.

Царь устрашился и на другой день спросилъ у мудрыхъ совѣтниковъ о смыслѣ этого сна.

— Не бойся, царь, сказалъ мудрецъ Senako, — этотъ сонъ счастливый и будетъ во преуспѣніи!

— Какимъ образомъ? спросилъ царь.

— Великій царь, сказалъ мудрецъ, — родится пятый мудрецъ, который одолѣетъ насъ, четырехъ мудрецовъ, и сдѣлаетъ не блестящими; мы четверо четыре огненные столба; въ срединѣ возникшій столбъ — пятый мудрецъ, имѣющій народиться; нѣтъ ему подобнаго вождя ни въ мірѣ боговъ, ни въ мірѣ людей!

— Гдѣ же онъ теперь? спросилъ царь.

— Великій царь, отвѣчалъ тотъ же мудрецъ, — онъ или сегодня зачать, или вышелъ изъ чрева матери!

Въ одной изъ деревень, окружающихъ городъ *Mithila*, жилъ цѣховой начальникъ (*setthi*), по имени *Sirivaddhako*; въ тотъ день, когда царь видѣлъ сонъ, *Sumana*, жена цѣховаго начальника, зачала сына; и въ тотъ же день тысяча другихъ сыновъ божьихъ (*devaputo*), оставивъ небо, пріяли зачатіе, въ той же деревнѣ.

На десятомъ мѣсяцѣ *Sumana* родила золотого мальчика. Когда бодхисатва выходилъ изъ чрева матери, невидимо явился богъ *Sakko* и вложилъ въ руку новорожденнаго кусочекъ травы, для того чтобы міръ зналъ о появленіи сѣмьяни Будды.

Мать, увидавъ въ рукѣ мальчика кусочекъ травы, сказала:

— Милый, что ты держишь?

— Траву, матушка, отвѣчалъ мальчикъ и положилъ на руку матери небесную траву. — Матушка, прибавилъ онъ, — кто чѣмъ бы то ни былъ болѣнъ, давайте тому этой травы!

Траву эту исцѣляется отецъ отъ семилѣтней головной боли и многіе другіе недужные. По этой травѣ и дали мальчику имя *Osadhokumâgo* (юноша-травы). Отецъ, узнавъ, что въ одинъ день съ его сыномъ родилась тысяча мальчиковъ, далъ всѣмъ имъ тысячу украшений и послалъ во всѣмъ кормилицъ. Эти мальчики въ послѣдствіи составили свиту (юноши-травы) *Osadh'a*.

Когда *Osadho* былъ семи лѣтъ отъ роду, то онъ постоянно игралъ вмѣстѣ съ однолѣтками; мѣсто ихъ игры постоянно разрушалось мимо проходящими лошадьми, слонами и пр.; дѣти страдали также отъ непогоды; по этому *Osadho* задумалъ выстроить помѣщеніе для игры. Собралъ съ товарищей по *kañârap'u*, нанялъ на эти деньги плотниковъ и подъ непосредственнымъ своимъ наблюденіемъ построилъ чертогъ, съ разными отдѣленіями: для неприютныхъ, для беременныхъ женщинъ, для странствующихъ срамановъ и браһмановъ, для путе-

шественниковъ, для странствующихъ купцовъ, и для ихъ товара. То были внѣшнія помѣщенія; внутри же зданія были залы: для игры, суда и проповѣди. Все зданіе было разрисовано живописцами, окружено озерами искусственными. Дѣянія его стали извѣстны, и въ его зданіи стали сходиться добродѣтельные сраманы и браһманы, сельчане и проч. Сидя въ зданіи, *Osadho* судилъ ихъ.

Прошло семь лѣтъ, и вспомнилъ царь *Vedeho* слова своихъ мудрецовъ, и послалъ отыскать мудреца, долженствовавшаго превзойти мудростью его совѣтниковъ. Посланецъ, вышедшій восточными воротами изъ городу, находитъ семилѣтняго мудреца *Osadho* и доноситъ объ этомъ царю. Царь пожелалъ видѣть мудреца, но четыре совѣтника замѣтили ему:

— Великій царь, не тотъ бываетъ высшимъ мудрецомъ, кто построить зданіе и проч. Кто это сдѣлалъ, немного сдѣлалъ!

Услыхалъ царь ихъ рѣчь и приказалъ посланцу позвать около мудреца семилѣтняго *Osadho* и испытать его мудрость.

Живя тамъ, царскій посланецъ былъ свидѣтелемъ слѣдующихъ судовъ. Послѣ каждаго мудраго дѣла мальчика, посланецъ носилъ извѣстія о томъ царю; царскіе совѣтники отговаривали царя призывать къ себѣ юнаго мудреца.

I. Мясо.

Однажды, когда *Osadho* шелъ въ свой чертогъ, нѣкій соколъ, схвативъ съ латка, въ бойнѣ, кусокъ мяса, поднялся на воздухъ; видя это, мальчики побѣжали за соколомъ, съ цѣлью заставить его выбросить кусокъ мяса; соколъ леталъ во всѣ стороны; мальчики же, слѣдя за нимъ и съ взорами къ верху, спотыкались о камни и другіе предметы и страдали.

Мудрый сказалъ имъ:—Заставлю сокола выронить мясо!

— Заставь, господинъ!

— Такъ, смотрите же! сказалъ мудрый, и не смотря наверхъ, побѣжалъ съ быстротою вѣтра; приблизившись къ тѣни сокола, онъ ударилъ въ ладоши и громко закричалъ; вслѣдствіе его энергіи этотъ звукъ какъ бы проникъ въ чрево сокола и вышелъ оттуда; испуганный соколъ выбросилъ мясо. Мудрецъ, убѣдившись въ этомъ, наблюдая надъ тѣнью, не далъ куску упасть на землю, схватилъ его на воздухѣ.....

II. Быки.

Одинъ человекъ, живущій въ той деревнѣ, послѣ дождя вздумалъ пахать; купилъ въ другой деревнѣ быковъ, привелъ къ себѣ и по-

ставилъ въ своемъ домѣ. На другой день, чтобы пуститься въ путь, онъ привелъ быковъ на пастбище и сѣлъ сзади ихъ. Скучая, онъ приналъ и такъ сидя заснулъ. Въ это время нѣкій воръ, взявъ быковъ, убѣжалъ съ ними. Хозяинъ, пробудившись, не видя быковъ, сталъ оглядаться во всѣ стороны, и усмотрѣвъ бѣгущаго вора, поспѣшилъ за нимъ, со скоростью.

— Куда ведешь моихъ быковъ? спросилъ онъ вора.

— Своихъ быковъ куда захочу, туда и поведу, отвѣчалъ тотъ.

Народъ, слыша ихъ споръ, сталъ собираться. Мудрецъ, услыхавъ ихъ голоса, когда они проходили мимо дверей чертога, призвалъ обоихъ спорящихъ; уразумѣвъ ихъ дѣло, онъ догадался, кто воръ, кто хозяинъ; но и зная, онъ спросилъ:

— О чемъ вы спорите?

Хозяинъ быковъ отвѣчалъ:—Я купилъ этихъ быковъ въ такой-то деревнѣ, изъ рукъ такого-то, привелъ и поставилъ въ свой домъ; затѣмъ пустилъ ихъ на пастбище; тамъ, сей человекъ, увидавъ мою расвѣянность, схватилъ быковъ и бѣжалъ; я, озираясь во всѣ стороны, увидалъ его, поспѣшилъ за нимъ и поймалъ. Жители такой-то деревни знаютъ, что я купилъ этихъ быковъ и владѣю ими.

Воръ сказалъ:— Эти быки родились у меня въ домѣ; онъ все лжетъ!

— Я ваше дѣло по закону разсужу, сказалъ мудрецъ,—хотите вы подчиниться моему рѣшенію.

— Подчиняемся, отвѣчали оба.

Мудрецъ подумалъ: „слѣдуетъ расположить сердце народа“ и затѣмъ спросилъ сперва вора:—Этихъ быковъ ты чѣмъ кормилъ, чѣмъ поилъ?

— Поилъ я ихъ похлебкою, отвѣчалъ тотъ,—кормилъ ежемѣсячно лепешками изъ *tila (sesamum indicum Linn)*.

Затѣмъ спросилъ хозяина быковъ; тотъ отвѣчалъ:

— Откуда мнѣ, бѣдняку, взять похлебки и проч., травую, господинъ, я ихъ кормилъ!

На ихъ отвѣты мудрецъ обратилъ вниманіе народа; приказалъ привести сосуды съ *piuangi (panicum italicum)*; омывъ ростки и намочивъ его водою, сталъ поить быковъ; быки траву побросали. Мудрецъ указалъ на это народу:—Смотрите!

— Ты воръ? спросилъ онъ вора затѣмъ.

— Я воръ, отвѣчалъ тотъ.

— Теперь не дѣлай больше такого!

Люди мудреца взяли вора, прибили его руками и ногами и совершенно его обезсилили.

III. Ожерелье.

Одна бѣдная женщина свила разноцвѣтныя нитки. Снявъ съ шеи это украшеніе, свитое изъ нитокъ, и положивъ его на платье, она спустилась купаться въ озеро, вырытое мудрецомъ. Нѣкая молодая женщина, видя это украшеніе, страстно позавидовала ему.

— Милая, сказала она, — какое прекрасное ожерелье, изъ чего ты его сдѣлала? Я себѣ такое же сдѣлаю! Могу я, навязавъ его на шею, снять мѣрку?

— Снимай мѣрку, отвѣчала прямодушно владѣтельница.

Молодая женщина, навязавъ на шею ожерелье, ушла. Бѣдная же, быстро выйдя изъ воды и надѣвъ платье, побѣжала за нею.

— Куда ты бѣжишь съ моимъ украшеніемъ? спросила она воровку, держа ее за платье.

— Отъ тебя я ничего не брала, отвѣчала та, — на моей шеѣ мое украшеніе!

Слыша это, собрался народъ. Мудрецъ въ это время игралъ съ мальчиками въ чертогѣ и услыжалъ ихъ голоса въ то время, когда онѣ, ссорясь, проходили мимо дверей.

— Что это за шумъ? спросилъ онъ, и узнавъ причину спора, онъ призвалъ обѣихъ женщинъ; по виду узнавъ, какая изъ нихъ воровка, какая нѣтъ, онъ спросилъ о случившемся:

— Хотите подчиниться моему рѣшенію?

— Согласны, господинъ, отвѣчали тѣ.

Мудрецъ спросилъ сперва воровку: — Ты, изготовляя это украшеніе, какимъ благоуханіемъ вымазала его?

— Я постоянно мазала его всевозможными благоуханіями! отвѣчала воровка.

Послѣ этого онъ обратился ко второй.

— Гдѣ мнѣ, бѣдной, взять всякихъ благоуханій, отвѣчала она, — я мазала его постоянно благоуханіями изъ цвѣтовъ *piyangu* (*rapicum italicum*).

Мудрецъ приказалъ принести сосудъ съ водой и бросилъ туда украшеніе; затѣмъ, призвавъ дѣлателя благоуханій, сказалъ ему:

— Понюхай этотъ сосудъ и узнай какой запахъ!

Обнюхавъ сосудъ, тотъ отвѣчалъ стихомъ:

— Нѣтъ здѣсь всякихъ благовоній; несетса чистый запахъ *piyangu*

(*panicum italicum*). Ложь говорить обманщица; правду вѣщаетъ старуха!

Это обстоятельство мудрецъ возвѣстилъ народу; затѣмъ сказалъ (обращаясь къ воровкѣ): Ты воровка; (обращаясь къ старухѣ): ты не воровка!

И заставилъ воровку сознаться....

IV-й судъ сходенъ съ третьимъ.

V. Судъ.

Нѣкая женщина, взявъ сына, пошла къ озеру мудреца выполоскать ротъ; выкупала сына и посадила его на свое платье, затѣмъ сама, выполоскавъ ротъ, спустилась купаться. Въ это время нѣкая *Yakkhini*, увидавъ мальчика, пожелала его съѣсть. Принявъ образъ женщины, она спросила купавшуюся:

— Товарка, какой хорошій мальчикъ! Сынокъ твой?

— Да, милая! отвѣчала мать.

— Покормить его?

— Покорми! отвѣчала мать.

Yakkhini взяла мальчика, и немного поигравъ съ нимъ, принялась бѣжать. Увидавъ это, мать послѣдовала за нею.

— Куда несешь моего сына?

— Откуда ты взяла сына? отвѣчала *Yakkhini*.

— Вотъ мой сынъ! сказала мать.

Стали обѣ тѣ спорить; услыжавъ ихъ споръ, мудрецъ позвалъ обѣихъ къ себѣ:

— Въ чемъ дѣло? спросилъ онъ ихъ, и услыжавъ въ чемъ дѣло, узналъ *Yakkhini* по не моргающимъ, краснымъ глазамъ.

— Покоритесь ли моему рѣшенію?

— Покоримся! отвѣчали женщины.

Мудрецъ провелъ черту и посреди черты положилъ мальчика, приказавъ *Yakkhini* взять мальчика за руки, а матери за ноги, и тянуть его въ разныя стороны.

Мальчикъ, когда его потянули, заплакалъ, мать тотчасъ же бросила тянуть. По этому признаку мудрецъ узналъ—кто изъ двухъ женщинъ мать. Ей и отдалъ мальчика.

VI. Судъ.

Нѣкій человѣкъ по малорослости шаровидный и черный по цвѣту назывался *golakalo* (черный шарикъ). Прослуживъ въ домѣ семь

лѣтъ, онъ женился. Жена его называлась *Dighatála*. Однажды мужъ сказалъ женѣ.

— Напеки, милая, пирожковъ; пойдемъ, повидаемъ родителей!

— Какая тебѣ нужда въ родителяхъ? отказала ему жена.

Три раза онъ ей говорилъ, и наконецъ, заставилъ напечь пирожковъ. Взялъ себѣ необходимое на дорогу и пошелъ съ женою въ путь.

По дорогѣ шли они къ мелкой рѣкѣ; оба боялись воды, а потому и не смѣли переплыть рѣку и стояли на берегу. Въ это время нѣкій бѣднякъ, по имени *Digharitti*, расхаживая по рѣкѣ, пришелъ къ тому мѣсту. Увидавъ его, мужъ и жена спросили:

— Милый, глубока или мелка рѣка?

Угадавъ, что оба боятся воды, бѣднякъ отвѣчалъ:

— Очень глубока и полна злыхъ рыбъ!

— Какъ же ты, милый, ходишь!

— Мы съ здѣшними водяными чудовищами (*sumsumáro* и *makáro*) въ дружбѣ, а потому намъ они не вредятъ!

— Переведи же насъ, милый! сказали мужъ и жена.

Бѣднякъ согласился; накормили его яствами. Позавтракавъ, бѣднякъ спросилъ:

— Кого же я сперва переведу?

— Перенеси сперва подругу, меня потомъ понесешь! сказалъ мужъ.

Бѣднякъ согласился, посадилъ на плечи жену, забралъ дорожное имущество и спустился въ рѣку. Пройди немного, онъ присѣлъ и сталъ такъ подвигаться.

Golakálo, стоя на берегу, размышлялъ:

— Какая глубокая рѣка, даже для такого высокаго; такимъ, какъ я, ея не перейдти!

Бѣднякъ, дойдя до середины рѣки, обратился къ женѣ:

— Милая, я стану тебя кормить, будешь ты жить разряженная и разукрашенная, окруженная рабами и рабынями. Что тебѣ сдѣлаетъ этотъ карликъ? Поступай по моимъ словамъ!

Услыхавъ его, жена нарушила вѣрность къ мужу и въ тотъ же мигъ полюбила бѣдняка.

— Господинъ, если ты меня не бросишь, я исполню твое слово! согласилась она.

Перейдя на другой берегъ вдвоемъ, оставили карлика, весело сказавъ ему:

— Стой тамъ!

И въ виду карлика, покушивая, пошли дальше. Увидавъ это, Gokalo сказалъ:

— Кажется мнѣ, что эти двое, соединившись вмѣстѣ, бросили меня и убѣгаютъ!

Сталь онъ бѣгать въ разныя стороны, спустился немного въ рѣку и со страхомъ тотчасъ же вернулся.

— Буду ли живъ, или умру! разгнѣванный на бѣглецовъ, онъ съ этими словами бросился въ рѣку, и узнавъ, что рѣка мелка, быстро перешелъ ее и догналъ бѣглецовъ.

— Ахъ, ты мерзкій воръ, куда ведешь мою жену?

— Ахъ, ты мерзкій карликъ! Откуда у тебя жена? Эта—моя жена!

И съ этими словами, рослый бѣднякъ взялъ его за шею, повернулъ назадъ и бросилъ. Карликъ, схвативъ за руку жену, сказалъ:

— Стой, куда идешь? Не ты ли моя жена, взятая за семь лѣтъ работы въ домѣ?

Стали они спорить и пришли судиться къ мудрецу.

— Подчинитесь ли моему рѣшенію? спросилъ мудрецъ.

— Подчинимся! отвѣчали оба.

Мудрецъ призвалъ сперва рослаго бѣдняка.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ его.

— Господинъ, мое имя Dighapitthiko.

— Какъ зовутъ твою жену?

Dighapitthiko, не зная настоящаго имени, сказалъ иное.

— Какъ зовутъ твоего отца и твою мать?

— Зовутъ ихъ такъ-то!

— Какъ зовутъ отца и мать твоей жены?

Dighapitthiko по незнанію сказалъ инныя имена. Мудрецъ заставилъ собравшійся народъ запомнить его слова, а самого увести.

Призвали карлика и тѣмъ же способомъ распросили его; такъ какъ онъ зналъ подлинныя имена, то не сбиваясь, разказалъ ихъ. Увели карлика и призвали жену.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ ее мудрецъ.

— Господинъ, имя мое Dighatâlâ.

— Какъ зовутъ твоего мужа?

По незнанію, она сказала иное имя.

— Какъ зовутъ твоего отца и твою мать?

Она сказала настоящія имена.

— Какъ зовутъ отца и мать твоего мужа?

Сбиваясь, она назвала другія имена.

Мудрецъ позвалъ карлика и рослаго, и спросилъ народъ:

— Слова этой женщины согласуются съ словами рослаго или карлика?

— Господинь! отвѣчалъ народъ,—со словами карлика!

— Такъ онъ и мужъ этой женщины, другой же—воръ!

Такъ сказавъ, онъ обратился къ вору, и заставилъ его сознаться.

VII-й судъ сходенъ съ IV-мъ. Дѣло идетъ объ украденной богомъ *Sakko* колесницѣ. Мудрецъ приказываетъ тащить колесницу и приказываетъ хозяину и вору идти за нею. Хозяинъ отстаеетъ, *Sakko* же неутомленіемъ выдаетъ свое божеское естество.

VIII. Палка.

Однажды царь вздумалъ: испытаю мудреца; приказалъ принести палку изъ дерева *Khadiro* (*Acacia Catechu*), отрѣзалъ отъ нея локоть (*vidatthimattam*), приказалъ ее хорошенько окрасить и послалъ въ деревню: — чтобы жители узнали въ этой палкѣ гдѣ верхушка, гдѣ конецъ; если же не узнаютъ, то будутъ наказаны пенею въ тысячу (каршапанъ).

Жители собрались и не могли разгадать; сказали объ этомъ цѣховому начальнику:—Можетъ быть, мудрецъ *Osadha* узнаетъ; позови его и спроси.

Цѣховой начальникъ позвалъ его изъ покоя игры и разказалъ въ чемъ дѣло:—Милый, мы не можемъ разгадать, можетъ быть, ты можешь разгадать!

Мудрецъ подумалъ:—Царь не нуждается знать гдѣ верхушка, гдѣ корень, прислалъ (палку) чтобы испытать меня.

И затѣмъ онъ сказалъ:

— Принесите, разгадаю.

Взявъ въ руки палку, онъ узналъ гдѣ корень, гдѣ верхушка, но чтобы убѣдить народъ, приказалъ принести сосудъ съ водою; перевязалъ нитвой по срединѣ палку, и взявъ нитку за конецъ, положилъ палку на поверхность воды. Корень отъ того, что былъ тяжелѣе, сперва погрузился въ воду.

— Въ деревѣ, что тяжелѣе: корень или верхушка? спросилъ онъ народъ.

— Корень тяжелѣе, мудрецъ! отвѣчалъ народъ.

— Такъ смотрите же, тотъ конецъ сперва погрузился, это корень!

Этимъ способомъ онъ разказалъ гдѣ корень, гдѣ верхушка. Жители такъ и послали царю отвѣтъ:—Эта верхушка, а этотъ конецъ—корень.

IX. Двѣ головы.

Однажды царь, доставъ двѣ головы: женскую и мужскую, послалъ въ деревню съ приказаніемъ, узнать какая женская, какая мужская, если же не узнаютъ, то будутъ наказаны пенею въ тысячу (каршапанъ). Жители не могли разгадать и спросили мудреца; онъ посмотрѣвъ узналъ, что на головѣ мужчины *шишки* прямыя, на женской кривыя, идутъ искривляясь; по этому признаку онъ и разказалъ, какая голова женская, какая мужская.

Такъ жители и отвѣтили царю.

X. Змѣи.

Однажды царь досталъ змѣя-самца и змѣю самку и послалъ въ деревню, чтобъ узнали, какой самецъ, какая самка.

Жители спросили мудреца; онъ взглянувъ узналъ: у змѣя хвостъ толстый, у змѣи тонкій; голова у змѣя толстая, у змѣи тонкая; у змѣя глаза большіе, у змѣи маленькія; если змѣй *обовьется*, то это къ *благополучію*, змѣя—къ *несчастію*.

И по этимъ признакамъ онъ указалъ, что это—змѣй, а это—змѣя.

XI. Пѣтухъ.

Однажды царь прислалъ жителямъ приказъ:—Пришлите мнѣ молодца (букв. быка *usabho*, *rshabho*) бѣлаго, у котораго въ ногахъ орудіе защиты, а на головѣ корона; таковаго, который, не пропуская трехъ временъ, кричитъ; если же не пришлете, будете наказаны пенею въ тысячу.

Жители не догадывались и спросили мудреца; онъ сказалъ:

— Царь приказываетъ вамъ доставить бѣлаго пѣтуха; такъ у него на ногахъ ногти, то поэтому въ ногахъ у него орудіе защиты; на головѣ у него гребень, это его корона; трижды онъ кричитъ, не пропуская трехъ временъ дня, а потому посылайте таковаго пѣтуха.

Тѣ такъ и сдѣлали.

XII. Перль.

Sakko (богъ Индра) подарилъ царю *Kiso* нѣкій перль, онъ былъ въ восьми мѣстахъ искривленъ; нитка (которая была въ немъ) порвалась и никто не могъ продѣть новой нитки.

Однажды царь прислалъ приказъ въ деревню:—Вынуть старую нитку, вдѣнуть новую!

Жители не умѣли ни старой вынуть, ни новой вдѣть и сказали объ этомъ мудрецу.

— Не безпокойтесь, сказалъ мудрецъ,—принесите каплю меду.

Когда же принесли медъ, онъ вымазалъ имъ обѣ стороны перла, тамъ гдѣ были скважины, и ссучивъ шерстяную нитку, концы ея вымазалъ медомъ и вдѣлъ немного въ скважину; (въ такомъ видѣ) онъ положилъ перлъ въ то мѣсто, откуда выходили муравьи (kipilliko), на запахъ меду тѣ вышли изъ норы, и ѣдя въ перлъ старую нитку, захватили конецъ шерстяной нитки; закусивъ его, потянули и вытащили на другую сторону.

— Посылайте перлъ царю, сказалъ мудрецъ жителямъ деревни, когда узналъ, что нитка вдѣта.

Тѣ такъ и сдѣлали. Когда царь узналъ, какимъ средствомъ нитка была вдѣта, то остался очень доволенъ.

XIII. Быкъ.

Въ другой разъ царь, откармливая въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ своего лучшаго быка и выростивъ его, приказалъ вымыть ему рога, намазать ихъ масломъ, выкупать его и такимъ послалъ его въ ту деревню съ слѣдующимъ приказомъ:

— Вы, жители, мудры; этотъ лучший царскій быкъ стеленъ; заставьте его отелиться и съ телкомъ пришлите къ царю, если же не пришлете, будетъ на васъ пеня въ тысячу каршапанъ.

Жители стали думать:—Нельзя этого исполнить, что намъ дѣлать? и спросили мудреца.—На этотъ вопросъ долженъ быть отвѣтъ! подумалъ тотъ.

— Можете ли вы найти одного разумнаго человѣка, способнаго разговаривать съ царемъ? спросилъ мудрецъ жителей.

— Natagati такъ! отвѣчали жители.

— Такъ позовите его!

Призвали разумника и Mahavadho сказалъ ему:

— Ступай распустивъ волосы, крича громко и на разные лады, стань у царскихъ дверей. Кто бы тебя ни спросилъ, ничего не отвѣчай и кричи. Если же тебя позоветъ царь и спросить о причинѣ крика, отвѣчай съ почтеніемъ: „о царь, мой батюшка никакъ не можетъ родить; сегодня уже седьмой день, какъ онъ мучится; будь мнѣ спасителемъ; повѣдай средство какъ ему разрѣшиться“. Царь

тебѣ скажетъ: „что ты болтаешь несообразное; нѣтъ мужчинъ рождающихся!“ Ты на это отвѣтъ: „если, царь, это правда, то какъ же жители такой-то деревни могутъ заставить твоего лучшаго быка отелиться!“

— Хорошо, отвѣчалъ разумникъ, такъ и сдѣлалъ.

Царь спросилъ, кто изобрѣлъ этотъ отвѣтный вопросъ, и услышавъ, что изобрѣлъ его мудрецъ Mahosadho, остался очень доволенъ.

XIV. Похлебка.

Однажды царь, чтобъ испытать мудреца, прислалъ въ ту деревню такой приказъ:—Сварите и пришлите мнѣ осьмичленную кислую похлебку, то есть, съ таковыми признаками: 1) безъ рису, 2) безъ воды, 3) безъ горшка, 4) безъ печки, 5) безъ огня, 6) безъ дровъ, 7) пришлите не съ женщиной и не съ мужчиной, 8) и не по дорогѣ; если же не пришлете, то будетъ на васъ пеня въ тысячу каршпанъ.

Жители не знали, какъ исполнить этотъ приказъ, и спросили мудреца.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ,—возьмите: 1) вмѣсто рису, рисовой муки, 2) вмѣсто воды другой жидкости; 3) вмѣсто горшка, другой какой-нибудь сосудъ; 4) вмѣсто печки, выройте въ стѣнѣ углубленіе; 5) оставьте обыкновенный огонь и возьмите огня, произведеннаго трѣніемъ; 6) вмѣсто дровъ возьмите листьевъ; 7) сваривъ такую кислую похлебку, влейте её въ новый сосудъ, подпеките её и дайте нести къ царю, не съ женщиной и не съ мужчиной, а съ евнухомъ, 8) и пошлите его тропинкой, а не большою дорогою. Царь спросилъ, кто разгадалъ этотъ вопросъ, и услышавъ, что Mahosadho, остался доволенъ.

XV. Песокъ.

Однажды царь съ тою же цѣлью прислалъ въ деревню такой приказъ:—Царь желаетъ качаться, въ царскомъ домѣ старая песчаная веревка изорвалась: свейте песчаную веревку и пришлите; если не пришлете, будетъ на васъ пеня въ тысячу каршпанъ.

Тѣ не знали, что дѣлать — и спросили мудреца: — И на этотъ вопросъ долженъ быть отвѣтный вопросъ, подумалъ онъ, успокоилъ деревенскихъ жителей и призвалъ четырехъ краснорѣчивыхъ мужей.

— Ступайте, сказалъ онъ имъ,—и скажите царю: „царь, жители деревни не знаютъ размѣра веревки: должна ли она быть тонкою или толстою; пришли имъ кусокъ старой песчаной веревки въ локоть и

четыре пальца; осмотрѣвъ его, по этой мѣркѣ они совьютъ новую". Если же вамъ царь скажетъ: „въ моемъ домѣ никогда не было песчаныхъ веревокъ“, отвѣчайте ему: „если ты, царь, не можешь такой веревки свить, какъ жители нашей деревни могутъ свить такую!“

Тѣ такъ и сдѣлали; — Кто выдумалъ этотъ отвѣтный вопросъ? спросилъ царь, и услыхавъ, что Mahosadho; остался доволенъ.

XVI. Прудъ.

Въ другой разъ царь прислалъ жителямъ деревни такой приказъ: — Царь желаетъ позабавиться въ водѣ, пришлите прудъ, покрытый пятью сортами лотусовъ; если не пришлете, будетъ на васъ пеня въ тысячу каршпанъ.

Жители деревни разказали объ этомъ мудрецу. — И на этотъ вопросъ долженъ быть отвѣтный вопросъ, подумалъ тотъ и сказалъ: — Призовите нѣсколько краснорѣчивыхъ человѣкъ!

Призвавъ таковыхъ, онъ сказалъ имъ:

— Ступайте, поиграйте въ водѣ, натрите глаза красными, съ мокрыми волосами, въ мокрыхъ одѣянїяхъ, съ тѣломъ, испачканнымъ грязью, возьмите веревки, палки, камни; идите затѣмъ къ воротамъ царскаго дворца, и, ставъ тамъ, прикажите о себѣ доложить царю; когда васъ допустятъ до царя, взойдите и скажите: „о царь, вслѣдствїе твоего приказа жителямъ деревни прислать прудъ, мы, взявъ большой прудъ, для тебя приличествующій, пришли сюда; но прудъ этотъ оттого, что жилъ въ лѣсу, увидавъ городъ, стѣны, рвы, дворцы и проч., испугался, утрашился, и порвавъ веревки, убѣжалъ въ лѣсъ; мы били его камнями и палками, но не могли вернуть; дай намъ старый прудъ: сопрягши ихъ вмѣстѣ, мы приведемъ его назадъ“. Царь вамъ отвѣтитъ: „Никогда ко мнѣ прежде изъ лѣсу пруды не приходили, и не посылалъ я пруды, для того, чтобы сопречь съ чѣмъ-либо и привести что-либо“. На это вы скажите: „какъ же жители деревни тебѣ пришлютъ прудъ?“

Посланные такъ и сдѣлали; царь, услыхавъ о мудрости Mahosadho, остался доволенъ.

XVII. Садъ.

Опять однажды въ деревню былъ присланъ приказъ: — Желаемъ позабавиться въ саду; нашъ садъ старъ, да пришлютъ намъ жители деревни новый садъ, освѣщенный тѣнью деревъ въ цвѣту.

— И на этотъ вопросъ долженъ быть отвѣтный вопросъ, подумалъ

мудрецъ; успокоилъ жителей, послалъ къ царю людей, научивъ ихъ отвѣчать прежнимъ способомъ.

По разрѣшеніи послѣдней загадки, царь пожелалъ привать къ себѣ мудреца; но изъ зависти *Senako*, его совѣтника, отговаривалъ отъ этого намѣренія. Но царь, не послушавшись совѣтника, отправляется самъ за мудрецомъ. По дорогѣ царскій конь сломалъ себѣ ногу, и царь долженъ былъ вернуться назадъ.

Черезъ нѣкоторое время по совѣту того же *Senak*'и, царь посылаетъ за мудрецомъ посланца со словами:—Мудрый! когда мы шли къ тебѣ, сломалась нога нашего коня, пришли намъ мула и наилучшаго!

Смыслъ этого вопроса былъ таковъ: если послать мула, то самъ мудрецъ придетъ; если послать наилучшаго, то придетъ его отецъ. *Mahosadho* понялъ загадку и сговорился съ отцомъ, какъ дѣйствовать; сперва онъ посылаетъ отца съ подарками къ царю, затѣмъ идетъ самъ; по дорогѣ ловитъ осла.

По приходѣ къ царю, послѣ первыхъ привѣтствій, царь говоритъ:— О, мудрый! познавъ приличное себѣ мѣсто, займи его!

Мудрецъ взглянулъ на отца и тотъ, вслѣдствіе условности этого взгляда, вставъ съ мѣста, сказалъ сыну:

— О, мудрый, садись на это мѣсто.

Mahosadho занялъ мѣсто отца. Разсмѣялись царскіе совѣтники, и самъ царь остался недоволенъ.

— Великій царь, спросилъ мудрецъ,— всегда ли ты считаешь отца выше сына?

И когда царь отвѣтилъ утвердительно, мудрецъ приказываетъ привести пойманнаго имъ осла. Царь оцѣниваетъ осла въ восемь каршпанъ, мула же, могущаго родиться отъ осла и породистой кобылы, онъ считаетъ безцѣннымъ.

— О царь! говоритъ мудрецъ, — затѣмъ ты такъ говоришь? Не сказалъ ли ты сейчасъ, что отецъ всегда лучше сына.

И затѣмъ пристыдивъ царскихъ совѣтниковъ, онъ сказалъ стихъ:

— Если ты думаешь, о, лучший изъ царей, что отецъ всегда лучше сына, вотъ тебѣ осель, вмѣсто мула, ибо осель отецъ мула!

Послѣ этого царь оставляетъ у себя мудреца какъ сына. Испытанія въ мудрости продолжаются.

Въ это время, у южныхъ воротъ города, на берегу пруда, росла пальма, на пальмѣ было воронье гнѣздо, въ гнѣздѣ находился драгоцѣнный перлъ; перлъ отражался въ прудѣ, о чемъ и донесли царю.

Царь спросилъ своего совѣтника *Senak'u*, какимъ образомъ можно достать перль.

— Слѣдуетъ взять его, выпустивъ воду изъ пруда! отвѣчалъ тотъ.

Царь приказалъ ему исполнить это. *Senako* собралъ множество народу, выпустилъ воду, изрылъ землю, но перла все-таки не нашелъ. Дважды повторялъ то же самое *Senako*, и не нашелъ перла. Тогда царь обратился къ мудрецу.

— Не трудно это сдѣлать, сказалъ мудрецъ, — пойдемъ покажу тебѣ!

— Увижу сегодня силу разума мудраго! подумалъ довольный царь, и окруженный множествомъ народа, пошелъ къ пруду.

Ставъ на берегу пруда и рассматривая перль, мудрый догадался:

— Перль не въ прудѣ, а на пальмѣ!

— О царь, въ прудѣ нѣтъ перла!

— Какъ же онъ отражается въ водѣ?

Приказалъ мудрый принести сосудъ съ водой и обратился къ царю:

— Взгляни, царь, перль, который отражается въ прудѣ, видимъ также въ сосудѣ!

— Гдѣ же долженъ находиться перль, о мудрый?

— Царь, и въ прудѣ, и въ сосудѣ видимо отраженіе, но не перль; перль же находится на этой пальмѣ, въ вороньемъ гнѣздѣ!

Приказали взлѣсть человѣку на дерево, откуда и достали перль. Царь остался доволенъ, а *Senako* былъ пристыженъ.

Однажды царь вмѣстѣ съ мудрецомъ гулялъ въ саду, гдѣ на одномъ столбѣ жилъ хамелеонъ. Увидавъ царя, хамелеонъ сошелъ со столба и палъ на землю. Царь спросилъ мудреца о смыслѣ этого дѣйствія. Мудрецъ разъяснилъ, что хамелеонъ поклоняется царю. Въ награду за это царь приказалъ нѣкому человѣку кормить хамелеона мясомъ. Однажды въ день Упошати, человѣкъ этотъ не могъ найти мяса, а потому отпущенныя деньги на пищу хамелеона привязалъ на шею послѣдному. Возгордился хамелеонъ, и, когда увидалъ царя, то не поклонился ему обычнымъ образомъ. Царь спросилъ мудреца:

— Прежде, на вершинѣ столба не висился этотъ хамелеонъ; *Mahosadho*, узнай, почему онъ возгордился?

— Получивъ то, чего прежде не получалъ, палмасаку (мелкая монета), хамелеонъ презрѣлъ царя, Вайдеха, града *Mithila* правителя!

Такъ отвѣчалъ мудрецъ.

Царь призвалъ приставленнаго къ хамелеону человѣка и отъ него узналъ о случившемся.

Въ городѣ *Mithila* жилъ нѣкто по имени *Pinguttaro*; пошелъ онъ въ *Takkasila* и тамъ учился у знаменитаго учителя. По окончаніи ученія, когда *Pinguttaro* собирался уходить, учитель, по обычаю своей семьи, отдалъ за него, какъ за старшаго ученика, свою дочь.

Pinguttaro былъ злополученъ, дѣвушка же счастлива, а потому и не влюбилъ она его. Но *Pinguttaro*, не желая послушаться учителя, женился таки на ней.

Ночью возлегъ онъ на изукрашенное ложе; какъ только пришла красавица и возлегла на ложѣ, онъ слѣзъ съ ложа и легъ на полу; красавица сошла также съ ложа и пошла къ нему; мужъ всталъ и взопелъ опять на ложе; она за нимъ, онъ отъ нея, ибо злополучіе съ счастьемъ не соединимо. Такимъ образомъ они провели семь дней, и затѣмъ, простившись съ учителемъ, пошли домой. По дорогѣ не разговаривали другъ съ другомъ и такъ, не влюбивъ другъ друга, оба пришли въ городъ *Mithilā*.

Увидавъ невдали отъ города плодовитое дерево *Udumbaro* (*Ficus glomerata*), *Pinguttaro*, мучимый голодомъ, взлѣзъ на него и сталъ ѣсть плоды.

Жена, также голодная, подошла къ дереву и сказала:

— Дай мнѣ плодовъ!

— Развѣ у тебя нѣтъ рукъ и ногъ! Лѣзь сама и ѣшь!

Жена взлѣзла, стала ѣсть. Какъ только это замѣтилъ мужъ, быстро спустился съ дерева и убѣжалъ.

Жена сошла внизъ и сѣла подъ деревомъ. Здѣсь увидалъ ее царь, влюбился въ нее и взялъ себѣ въ старшія жены.

Однажды царь и царица *Udumbaradevi*, во время прогулки, повстрѣчали злополучнаго *Pinguttaro*, работающаго на дорогѣ. Увидавъ его, царица рассмѣялась. Разгнѣвался царь и спросилъ: — Чему ты смѣешься?

Царица разказала ему истинную причину своего смѣха; но царь не повѣрилъ ей и тутъ же хотѣлъ ее убить. Испуганная царица стала просить:

— О царь, спреси сперва мудрыхъ!

Царь спросилъ совѣтника *Senako*:

— Вѣришь ли ты ея словамъ?

— Не вѣрю, царь! Кто, такую женщину оставивъ, убѣжитъ?

Услылавъ отвѣтъ, царица еще болѣе устрашилась.

Царь же подумалъ: — Немного знаетъ Senako, спрошу мудреца!
И обратился къ послѣднему съ вопросомъ:

— Жена была красавица, жена была нравственна, и не пожелаю ее человѣкъ! Вѣришь ли ты этому, Mahosadho?

Въ отвѣтъ мудрецъ сказалъ стихъ:

— Вѣрю, великій царь, этому; былъ бездоленъ человѣкъ. Счастье и злополучіе не соединяются никогда!

Остался царь доволенъ такимъ отвѣтомъ, а царица съ его позволенія стала считать мудреца своимъ младшимъ братомъ.

Испытанія въ мудрости продолжаются (л. pa thr — pa thai) и изъ всѣхъ мудрець выходитъ побѣдителемъ.

Начиная съ этихъ поръ, слава боддхисатвы стала велика; размышляя обо всемъ этомъ, царица Udumbarā остановилась на его шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ и подумала: „Мой сынъ становится старъ, нужно его женить!“ Сказала объ этомъ царю; царь, выслушавъ царицу, остался доволенъ и сказалъ: „Прекрасно, скажи же ему объ этомъ!“ Царица возвѣстила сыну (свое желаніе) и послѣ его согласія, сказала: „Милый, приведемъ же дѣвушку!“ Но боддхисатва подумалъ: „Ими приведенная дѣвушка можетъ мнѣ не понравиться, лучше самъ выберу“, а потому и сказалъ: „Царица, не говори ничего царю въ продолженіе нѣсколькихъ дней, я самъ поищу дѣвушку, и скажу тебѣ, какая мнѣ понравилась“.

— Дѣлай такъ! отвѣчала царица.

Сынъ, поклонившись царицѣ, пошелъ въ свой домъ, и подавъ знакъ товарищамъ, переодѣлся въ другое платье, взялъ снарядъ ткача, и выйдя одинъ сѣверными воротами, пошелъ къ сѣверу. Въ это время въ тѣхъ мѣстахъ находилась обѣднѣвшая семья стараго цеховаго начальника (setthi); дочь этого семейства, по имени Amagadevi, была красива и добродѣтельна, имѣла всѣ добрыя примѣты; въ этотъ день она, сваривъ похлебку, взяла ее и вышла изъ дому, съ тѣмъ чтобы идти туда, гдѣ отецъ пахалъ; идя тою дорогою, она была замѣчена боддхисатвою, который подумалъ: „Эта женщина имѣетъ хорошія примѣты; если она не замужняя, то ей надлежитъ сдѣлаться моею женою“ (буквально: служанкою, rādarāgicārika). Дѣвушка же въ свою очередь подумала: „Еслибъ я стала жить въ домѣ такого человѣка, то счумѣла бы устроить хозяйство!“

Боддхисатва подумалъ: „Узнаю, замужемъ ли она или нѣтъ, спрошивъ ее знаками; если она мудра, то пойметъ“. И ставъ поодоль, сжалъ

кулакъ. Дѣвушка, догадавшись, что онъ спрашиваетъ ее о томъ, есть ли у нея мужъ, разжала руку; увидавъ это, бодисатва подошелъ къ ней и спросилъ:

— Милая, какъ тебя зовутъ?

— Господинъ, я названа именемъ того, чего здѣсь нѣтъ теперь, не было прежде и не будетъ.

— Милая, въ мірѣ нѣтъ (безсмертія) *amaram*, а потому тебя зовутъ Амагā.

— Такъ точно, господинъ!

— Милая, кому несешь похлебку?

— Первому божеству, господинъ!

— Первые божества—родители; полагаю, что ты несешь похлебку отцу.

— Такъ точно, господинъ!

— Чтó дѣлаетъ твой отецъ?

— Изъ одного два дѣлаетъ!

— Изъ одного два дѣлать, значитъ — пахать?

— Такъ точно, господинъ!

— Въ какомъ мѣстѣ твой отецъ пашетъ?

— Откуда разъ, пойдя, не возвращаются!

— Мѣсто, куда разъ уйдя, не возвращаются, есть кладбище; у кладбища пашетъ твой отецъ, милая.

— Такъ точно, господинъ!

— Дойдешь ли, милая, сегодня (до отца)?

(Здѣсь въ рукописи пропускъ).

— Если идетъ, не дойду; если не идетъ, то дойду!

— Полагаю, что отецъ твой, милая, пашетъ на берегу рѣки; если вода течетъ, то не дойдешь; если вода остановлена, то дойдешь?

— Такъ точно, господинъ!

Послѣ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ Амагādevī спросила: „Господинъ, не выпьешь ли похлебки?“ Великое существо, подумавъ, что всякій отказъ не благополученъ, согласился: „Да, выпью“.

Дѣвушка сняла горшокъ съ похлебкою; великое существо (въ тоже время) подумало: „Если не вымывъ сосуда и не давъ мнѣ омыть рукъ, подастъ похлебку, тутъ же оставивъ ее, уйду!“ Дѣвушка же, взявъ въ сосудъ воды, подала омыть руки; пустой сосудъ не взяла въ руки, а поставила на землю; потрясла горшокъ и наполнила сосудъ похлебкою; въ горшкѣ осталось немного. Великое существо сказало:

- Отчего, милая, похлебка такая вѣрпкая?
- Оттого, господинъ, что водою не разбавлена!
- Оттого, что рисъ, полагаю, не всосалъ воды?
- Такъ точно, господинъ!

Дѣвушка, отдѣливъ часть для отца, остальное дала великому существу; наѣвшись и выполоскавъ ротъ, тотъ сказалъ:

- Милая, хочу идти въ твой домъ, уважи мнѣ дорогу!
- Хорошо, сказала она, и рассказывая дорогу, произнесла этотъ стихъ:

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мучная и овощная лавка, гдѣ древо *palazo* (*butea frondosa*) съ двойными листьями, въ цвѣту (тамъ остановись и поверни) на ту руку, которою беру; ее называю; которою же не беру, ту не называю; этотъ путь ведетъ къ моей деревнѣ. Узнай этотъ скрытый путь.

Рассказавъ ему такимъ образомъ дорогу, взяла отцовскую похлебку и ушла.

Какъ она рассказала, тою дорогою онъ и пошелъ въ ихъ домъ. Мать, увидавъ его, предложила ему сѣдалище и сказала: — Господинъ, не изготовить ли похлебки?

— Матушка (амша), младшая сестрица *Amagadevi* дала мнѣ немножко похлебки!

Мать поняла, что ради ея дочери пришелъ человекъ. Убѣдившись въ ихъ бѣдности, бодхисатва сказалъ: — Матушка (амша), я ткачъ, нѣтъ ли у васъ чего-либо заштопать?

— Есть, господинъ, отвѣчала она, — да денегъ нѣтъ!

— Объ деньгахъ не безпокойся, матушка; приноси что есть, заштопаю!

Мать принесла старья тряпки; великое существо все принесенное исправилъ; (ибо) дѣятельность людей чистыхъ успѣшна.

— Матушка, уважи путь успѣху!

Старуха рассказала о немъ всей деревнѣ, и великое существо, работая какъ ткачъ, въ первый же день добылъ тысячу. Старуха, изготавивъ ему утренній завтракъ и угощая его, спросила: — Милый, къ вечеру много ли испечь?

— Иготовъ на всѣхъ, сколько въ этомъ домѣ ѣдятъ!

Старуха изготавила ѣду изъ многихъ суповъ съ приправами. Вечеромъ вернулась изъ лѣсу *Amagadevi*, неся на головѣ связку дровъ и въ подолѣ листья; у переднихъ дверей положила она дрова, задними же вошла въ домъ; отецъ ея пришелъ еще позднѣе. Великое существо

поѣлъ (отъ яствъ) разнообразныхъ и вкусныхъ. Дѣвушка же сперва накормила отца съ матерью, потомъ сама поѣла; омыла имъ ноги, а также у великаго существа. Желая овладѣть ею, великое существо прожило тамъ нѣсколько дней. Однажды, съ цѣлью испытать ее, бодисатва сказалъ:

— Милая Amagadevi, возьми полмѣры рису и изготви мнѣ похлебку, пирогъ и хлѣбъ.

— Хорошо, господинъ, согласилась она, и раздѣливъ рисъ, изъ коренныхъ зеренъ изготвила похлебку, изъ среднихъ испекла хлѣбъ, изъ мелкихъ пирогъ, прибавивъ ко всему этому надлежащія приправы, подала великому существу похлебку съ приправами. Взялъ онъ похлебку въ ротъ и не проглатывая держалъ; чтобъ испытать дѣвushку, сказалъ:

— Милая, не умѣя варить, зачѣмъ ты губишь мой рисъ?—И со слюною выплюнулъ на землю.

Дѣвушка, не разсердившись, сказала:

— Если похлебка, господинъ, не хороша, поѣшь пирожка!—И подала ему пирожокъ. Но и съ пирогомъ онъ тоже сдѣлалъ.

— Если не умѣешь печь, такъ зачѣмъ же губишь мое добро?—И какъ бы разсердившись, смѣшалъ три кушанія вмѣстѣ (и этою смѣсью), начиная съ головы, вымазалъ ей все тѣло.

— Ступай, сиди въ дверяхъ!

— Хорошо, господинъ, отвѣчала она, и не сердясь, исполнила его приказаніе.

Узнавъ, что въ ней всякая гордость уничтожена, бодисатва сказалъ: „милая, подойди!“ и по одному слову дѣвушка подошла.

Когда бодисатва шелъ туда, то положилъ въ мѣшокъ платя тысячу каршананъ; вынулъ онъ это платье изъ мѣшка, и передавая его въ руки дѣвushкѣ, сказалъ:

— Милая, выкупайся вмѣстѣ съ подругами, одѣнься въ это платье и пойдемъ!

Она такъ и сдѣлала. Бодисатва, отдавъ родителямъ набранное и принесенное съ собою богатство, успокоилъ ихъ, и взявъ дѣвushку, пошелъ въ городъ. Чобъ испытать ее, онъ оставилъ ее въ домѣ придверника, и сообщивъ объ этомъ женѣ придверника, самъ пошелъ въ свой домъ, призвалъ людей и сказалъ имъ:

— Оставивъ въ такомъ-то домѣ женщину, я пришелъ сюда, возьмите тысячу, ступайте и испытайте ее.

Далъ имъ тысячу и отослалъ ихъ. Тѣ такъ и сдѣлали.

— Не стойте это враха отъ ногъ моего господина!—Такъ отвергла ихъ дѣвушка.

Люди пришли и донесли Бодхисатвѣ; онъ посылалъ ихъ трижды, въ четвертый сказалъ:

— Возьмите ее за руки и приведите хотя бы плачущую!

Тѣ такъ и сдѣлали.

Увидавъ бодхисатву, стоящаго среди великаго блеска, она не узнала его и оглядѣвшись разсмѣялась и заплакала. Бодхисатва спросилъ ее о причинахъ того и другаго. Она отвѣчала ему такъ:

— Увидавъ, господинъ, твое великолѣпіе, я разсмѣялась; не безъ причины достигается такое великолѣпіе; свершивъ доброе въ первомъ бытѣ, ты достигъ этого великолѣпія. О, это воздаяніе за добрыя дѣла! Поэтому я смѣялась. Теперь же, нанеся вредъ чужой вещи, охраняемой и оберегаемой, ты пойдешь въ адъ! Сострадаю къ тебѣ, я плачу.

Узнавъ, что она невинна, бодхисатва сказалъ: — Ступайте, ответьте ее туда!

Отославъ ихъ, надѣлъ нарядъ ткача, пошелъ и ту ночь спалъ съ нею; на другое утро пришелъ въ домъ царя и разказалъ (обо всемъ) царицѣ Udumbaḡā; та пересказала царю. Одѣли Amaraḡeḡvī въ наряды, посадили въ великую колесницу, привели въ домъ бодхисатвы и стали праздновать свадьбу.

Когда стало извѣстно, что жена мудреца въ той же степени, какъ и онъ, разумна, царскіе совѣтники задумали посорить его съ царемъ; главнымъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ былъ Senako; онъ укралъ перлъ изъ діадемы, Pukkuso по его приказанію укралъ золотую цѣпь, Kavindo—шерстяное одѣяніе царя, Devindo—золотыя башмаки. Senako бросилъ перлъ въ горшокъ съ масломъ и отдалъ его въ руки служанкѣ и послалъ ее.

— Покупателямъ не отдавай горшка, если же въ домѣ Mahosadh'и станутъ покупать, отдай масло вмѣстѣ съ горшкомъ.

Пошла служанка къ дому мудреца, приговаривая: „купите масло!“ увидала служанку Amaraḡeḡvī и подумала: „Никуда отсюда не уходитъ это; не даромъ это!“ Позвала служанку, и пробуя масло, опустила въ горшокъ руку, гдѣ и оцупала перлъ. Узнала отъ продавщицы, чья она служанка, кто ея мать, и купила у нея масло вмѣстѣ съ горшкомъ. Все же развѣданное написала на горшеѣ. Тоже самое Amaraḡeḡvī сдѣлала съ другими краденными вещами, подосланными къ ней.

О пропажѣ царскихъ вещей совѣтники доводятъ до царя и обвиняютъ въ кражѣ мудреца. Царь разгнѣвался на мудреца и не принимаетъ его къ себѣ. Мудрецъ бѣжитъ изъ городу и дѣлается горшечникомъ. По его уходѣ городъ взволновался; совѣтники успокаивали жителей: „Не безпокойтесь, развѣ мы не мудрецы?“ И послали, не извѣстивъ о томъ другъ друга, письма къ *Amarâdevi*; она назначила всѣмъ свиданіе въ одно время, и когда они собрались, обрила имъ головы и бросила въ помойную яму. Затѣмъ приноситъ къ царю свои написи и убѣждаетъ его, кто настоящій воръ. Между тѣмъ божество, обитавшее въ зонгѣ царя, задаетъ ему четыре вопроса и грозитъ смертью, если онъ не разрѣшитъ ихъ. Царь обращается къ совѣтникамъ, и никто изъ нихъ не разрѣшаетъ вопроса; тогда онъ посылаетъ отыскать мудреца; посланецъ находитъ его за дѣломъ горшечника и приводитъ къ царю. Всѣ четыре загадки мудрецъ разрѣшаетъ.

1. Бьетъ руками и ногами, по лицу ударяетъ и если, о царь! миль бываетъ, кого ты узнаешь?

Малый ребенокъ съ матерью.

2. Бросить какъ хочеть, возвращенія не желаетъ и если, о царь! и т. д.

То же самое.

3. Другъ друга ложно обзываютъ, въ неправдѣ уличаютъ, а если, о царь! другъ другу милы, кого ты узнаешь?

Супруги.

4. Пищу, питье, одѣяніе, ложе и сѣдалища, все беретъ; и если милы тѣ, по истинѣ берущіе, кого ты узнаешь, о царь!

Благочестивые сраманы и браһманы.

Примирился царь съ мудрецомъ; но совѣтники ссорятъ опять царя съ нимъ и возбуждаютъ на столько подозрѣніе царя, что онъ отдаетъ приказаніе убить мудреца. Мудрецъ, предупрежденный царцею *Udumbaga*, избѣгаетъ убійцъ (*Senako* и пр. совѣтниковъ) и на другой день предстаетъ передъ царемъ, окруженный великою толпою народа; примирается съ царемъ, изобличаетъ навѣты совѣтниковъ и разказываетъ ихъ тайныя преступленія. Разгнѣванный царь прощаетъ совѣтниковъ, только благодаря ходатайству мудреца.

Съ тѣхъ поръ *Mahosadho* сталъ первымъ совѣтникомъ царя, укрѣпилъ городъ и разослалъ во всѣ столицы своихъ шпіоновъ. Въ это время въ странѣ *Ekabalo* былъ царь *Samkharalo*; сталъ онъ воору-

жаться, объ этомъ донесъ мудрецу его шпионъ, живнпій въ той странѣ.

Mahosadho послалъ своего попугая разузнать, что дѣлается въ той странѣ и въ Жамбу-двинѣ. Попугай узналъ все, что дѣлается въ странѣ *Ekabalo* и кромѣ того, подслушалъ, какъ въ странѣ *Kampillo*, въ городѣ *Uttarapañcāla*, царь *Culanibrahmadatto* вмѣстѣ съ своимъ министромъ *Kevatto* задумалъ завоевать всю Жамбу-двину.

Mahosadho, узнавъ объ этомъ, принялъ свои мѣры. Мало по малу *Culanibrahmadatto* въ семь лѣтъ, семь мѣсяцевъ и семь дней завоевалъ всѣ царства, за исключеніемъ города *Mithilā*. Идти же въ этотъ городъ его отговаривалъ министръ *Kevatto*, и царь *Culanibrahmadatto*, окруженный побѣжденными царями, вернулся къ себѣ праздновать побѣду или запить побѣду, но при этомъ онъ задумалъ убить всѣхъ побѣжденных; *Mahosadho* узналъ о его намѣреніи чрезъ своего попугая; чтобы помѣшать убійству, онъ посылаетъ тысячу своихъ воиновъ на пиръ; воины производятъ замѣшательство на пиру и мѣшаютъ царю привести свое намѣреніе въ исполненіе; на воиновъ и на пославшаго ихъ разгнѣвался царь *Culanibrahmadatto*, разгнѣвались побѣжденные имъ цари, и разгнѣвалось все его войско. Вслѣдъ за уходомъ тысячи воиновъ, *Culanibrahmadatto* отдаетъ приказъ о походѣ на городъ *Mithilā*. *Kevatto* уговариваетъ его опять отказаться отъ предпріятія; но, на этотъ разъ совѣтамъ министра не слѣдуютъ. *Culanibrahmadatto* подступаетъ къ *Mithilā* и наводитъ ужасъ на цари и жителей; только *Mahosadho* не тернеть присутствія духа и успокаиваетъ какъ цари, такъ и жителей. Вражеское войско не могло однакоже взять приступомъ города; не сдался городъ и послѣ осады, такъ какъ въ немъ были хлѣбъ, вода и дрова въ изобиліи.

Послѣ таковыхъ наудачъ *Kevatto* предлагаетъ царю требовать у осажденныхъ поединка закона. Борцами должны были выступить *Kevatto* и *Mahosadho*.

— Я старъ, говорилъ своему царю *Kevatto*,—*Mahosadho* молодецъ; увидавъ меня, онъ поклонится, тогда *Vaideho* будетъ какъ-бы побѣжденъ; и побѣдивъ его такимъ образомъ, мы вернемся въ свой городъ и не посраимся. Это и есть поединокъ закона!

Узнавъ объ этомъ *Mahosadho* чрезъ своихъ шпионовъ и согласился на поединокъ. Но и здѣсь *Kevatto* потерпѣлъ неудачу. *Mahosadho* пришелъ на поединокъ съ драгоценнымъ перломъ. Отдавая перлъ сопернику, мудрецъ неловко перебросилъ его; *Kevatto* не могши

удержать пальцами перла, упалъ къ ногамъ мудреца и разбилъ себѣ лобъ; такимъ образомъ то, что готовилъ другому, случилось съ нимъ.

За этимъ цари и все войско побѣжали отъ города *Mithilâ*, и только послѣ разъясненій *Kevatt*'н рѣшились вернуться назадъ къ осажденному городу. Но и на этотъ разъ осаждающимъ не посчастливилось, они бѣжали вторично.

Однажды, черезъ годъ, *Kevatto*, разсматривая свое лицо въ зеркало, увидалъ на лбу рану, вспомнилъ, какъ онъ ее получилъ, и воспыпалъ гѣвномъ на мудреца *Mahosadho*. Задумалъ онъ отомстить мудрецу: привлечь его, вмѣстѣ съ царемъ *Vaideho*, въ свой городъ, убить обоихъ и запитъ побѣду. О своемъ планѣ онъ сообщилъ царю, *Culanibrahmadatt*'н. Тотъ принялъ его предложеніе. Планъ этотъ, кромѣ царя, слышала птица *Salika*, находившаяся въ его снальнѣ.

У царя *Culanibrahmadatt*'н была красавица дочь: *Pancalacandî*. Задумалъ *Kevatto* влюбить въ нее царя *Вайдеха*. Призвалъ пѣвцовъ, заставилъ ихъ сложить пѣсни въ хвалу царевны и послалъ пѣвцовъ въ городъ *Mithilâ*; научилъ ихъ при этомъ такой еще хитрости: „Возьмите большихъ птицъ, ночью взлѣзьте на деревья и пойте тамъ сидя, на разсвѣтѣ навяжите птицамъ на шею музыкальные инструменты, и спускайтесь, ударяя въ инструменты!“ Пѣвцы, пришедъ въ *Mithilâ*, такъ и сдѣлали; народъ заговорилъ, что сами боги воспѣваютъ красоту царевны. Услыхалъ пѣсни, царь *Вайдеха* влюбился въ царевну и послалъ тѣхъ же пѣвцовъ сватать ее у царя *Culanî*. *Culanî* посылаетъ своего мудреца *Kevatto* къ царю *Вайдеха* условиться о днѣ свадьбы и съ приглашеніемъ къ себѣ. *Вайдеха* принялъ приглашеніе, по совѣту своихъ четырехъ совѣтниковъ. Одинъ *Mahosadho* предупреждаетъ царя о грозящей ему опасности, но царь разгнѣвался, и мудрецъ долженъ былъ уступить.

Mahosadho посылаетъ своего попугая развѣдать отъ птицы *Salika* то, что задумалъ *Kevatto* и царь *Culanî*. Попугай соблазнилъ птицу *Salika*, и отъ нея узнавъ о намѣреніяхъ царя и *Kevatt*'н, донесъ мудрецу. Развѣдавъ такимъ образомъ о намѣреніяхъ враговъ, *Mahosadho* принимаетъ свои мѣры. Съ позволенія царя, онъ отправляется сперва одинъ съ войскомъ, въ городъ *Uttarapañcâlo*. По дорогѣ въ разныхъ деревняхъ разставляетъ служителей, съ приказаніемъ имѣть на готовѣ коней и слоновъ. Начиная же отъ *Ганга* до самаго города и царскаго дворца, *Mahosadho* вывелъ тайный ходъ. Затѣмъ выстраиваетъ дворецъ для своего царя, внѣ города, между городомъ *Гангомъ* (л. *rado* пр.—*dou* пр.). Все это онъ успѣлъ сдѣлать въ теченіе четырехъ мѣся-

цевъ. Окончивъ свою работу, мудрецъ послалъ за царемъ. Приходить царь и въ тотъ же день желаетъ отпраздновать свадьбу; но *Culanî*, обманывая его, проводитъ нѣсколько дней, и наконецъ, собравъ войско и побѣжденныхъ царей, идетъ осаждать будущаго зятя; семью же свою запираетъ во дворцѣ.

Когда *Culanî* осадилъ царя Вайдеха, въ его дворцѣ, по распоряженію мудреца, воины тайнымъ ходомъ выводятъ изъ дворца невѣсту, ея мать, бабу и брата, прямо къ Гангу; туда же онъ приводитъ Вайдеха, сажаетъ ихъ на судно и отправляетъ домой; они вернулись благополучно тою дорогою, которую уготовилъ *Mahosadho*.

Самъ же *Mahosadho* остался въ городѣ, и когда на другой день царь *Culanî* подступилъ ко дворцу, онъ объявилъ ему, что царь Вайдеха бѣжалъ. Разгнѣванный *Culanî* отдаетъ приказаніе казнить мудреца; *Mahosadho* объявляетъ, что если его казнятъ, такая же участь постигнетъ плѣнныхъ: мать, жену и сына царя. *Culanî* недоумѣваетъ, какъ могли похитить его семью; тогда мудрецъ показываетъ царю тайный ходъ. *Culanî* приходитъ въ восторгъ отъ мудрости *Mahosadh'* и примиряется съ нимъ.

Съ богатыми подарками *Mahosadho* возвращается въ городъ *Mithilâ*, гдѣ его возвращеніе празднуется царемъ Вайдеха и всѣмъ городомъ. По совѣту мудреца, Вайдеха отсылаетъ въ городъ *Uttara-rañcâla* царскую мать, царицу и царскаго сына.

Между двумя царями устанавливается дружба. По смерти царя Вайдеха, *Mahosadho* отправился къ царю *Culanî*, гдѣ и жилъ въ большомъ почетѣ.

л. ра тһа об.—л. ра dhe. об.

И. Минаевъ.

ИВАНЪ ПОСОШКОВЪ КАКЪ ЭКОНОМИСТЪ ¹⁾.

III.

Мысли Посошкова о земледѣліи.

„Крестьянинъ села Покровскаго“, какъ мы уже замѣтили выше, не былъ крестьяниномъ въ тѣсномъ смыслѣ, а скорѣе могъ считаться промышленникомъ, купцомъ, поставщикомъ правительства, финансовымъ чиновникомъ. Главное его вниманіе было обращено не столько на сельскій трудъ, сколько на устройство фабрикъ или на разныя коммерческія предпріятія. Посошковъ не былъ фیزیократомъ; онъ былъ меркантилистомъ. Сословіе фабрикантовъ и купцовъ, по его мнѣнію, и для государства, и для общества гораздо важнѣе, чѣмъ земледѣльческій классъ. О техникѣ сельскаго труда Посошковъ говоритъ въ своемъ сочиненіи далеко не столь подробно, какъ о промышленности и торговлѣ. Его отзывъ о крестьянахъ оказывается далеко не столь лестнымъ для послѣднихъ, какъ разсужденія о значеніи купцовъ для послѣднихъ.

Крестьяне.

Въ то время, какъ Посошковъ писалъ свою книгу „О скудости и богатствѣ“, положеніе крестьянъ на Руси становилось все хуже и хуже. „Сироты“, смерды, земляне, черные люди, какъ называли крестьянъ въ древней Россіи, отъ конца XVI до втораго десятилѣтія XVIII вѣка подвергались процессу прикрѣпленія къ землѣ. Бывши прежде свободными членами русскаго общества, крестьяне вслѣдствіе раздачи земель служилымъ людямъ при Іоаннѣ Васильевичѣ,

¹⁾ *Продолженіе.* См. апрѣльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

вслѣдствіе опустошительныхъ войнъ, и главнымъ образомъ, вслѣдствіе финансовыхъ и другихъ административныхъ соображеній правительства, мало по малу лишались своихъ правъ. Земля болѣе и болѣе ускользаетъ изъ ихъ рукъ. Прикрѣпленіе ихъ къ землѣ, начавшееся въ концѣ XVI вѣка, развивается на основаніи разныхъ законодательныхъ и административныхъ распоряженій правительствъ въ продолженіе XVII вѣка. Значеніе и положеніе крестьянъ постепенно падаетъ во время царствованія Петра Великаго, и къ первой ревизіи оно доходитъ до того, что по ревизіи крестьяне отчасти были сравнены съ полными холопами, отчасти еще пользовались нѣкоторыми старыми правами, по которымъ они считались самостоятельными членами русскаго общества, а не частною собственностью землевладѣльцевъ. Ихъ положеніе было неопредѣленное. Власть землевладѣльцевъ получила сильное развитіе и при всякомъ удобномъ случаѣ давила старыя крестьянскія права; она успѣла проникнуть во всѣ крестьянскія отношенія. Господа могли ихъ продавать и закладывать безъ земли, могли переводить въ дворовые люди, судить своимъ судомъ, наказывать тѣлесно, брать ихъ имущество, переводить съ оброка на издѣлье и на оборотъ. Такимъ образомъ крестьяне были уже не далеки отъ того, чтобы совершенно сравняться съ рабами, съ полными холопами¹⁾).

Таково было положеніе крестьянъ въ то время, когда Посошковъ писалъ свою главу „О крестьянствѣ“ въ своемъ послѣднемъ и самомъ замѣчательномъ сочиненіи.

Въ своемъ „Отеческомъ завѣщаніи“, писанномъ нѣсколькими годами ранѣе, Посошковъ отличаетъ званіе крестьянина отъ званія холопа. Одна глава этого сочиненія трактуетъ „о земледѣльствѣ“, другая — „о рабскомъ житіи“. Посошковъ считаетъ возможнымъ, что сынъ сдѣлается земледѣльцемъ, преимущественно въ томъ случаѣ, если „весма оскудѣетъ“²⁾). Значитъ, попасть въ крестьянское сословіе считается несчастіемъ, слѣдствіемъ экономическаго упадка. На такой случай Посошковъ даетъ сыну слѣдующій совѣтъ: „Аще отъ твоя скудости чемъ пропитатися не возможеша, то и тогда, сыне мой, въ отчаяніе ни въ уныніе не вдавайся: и ни къ какому воровству и неправедному дѣлу не касайся, и къ воровскимъ людямъ и къ разбойникамъ не прилѣпляйся, и съ мошенниками, ни съ обман-

¹⁾ См. *Бяляева*, Крестьяне на Руси.

²⁾ Отеч. зав., стр. 176.

щики и ни съ каковыми людьми неключимыми не снимайся, но возложи надежду свою на Бога, иди въ земледѣльную работу, и аще цѣну велику или малу возмеш, работай всею правдою безъ лѣности и безъ лукавства“.

Затѣмъ слѣдуютъ разныя нравственныя наставленія о поведеніи работника, поденщика, объ отношеніи его къ господину и къ прочимъ работникамъ. Далѣе въ главѣ о рабскомъ житіи сказано: „Аще же тою черною работою прокормити себя не возможеш... отдашися въ рабы“ и пр., при чемъ Посошковъ считаетъ весьма легко возможнымъ, что сынъ будетъ рабомъ какого-либо крестьянина. Въ такомъ случаѣ отецъ проповѣдуетъ сыну быть безусловно покорнымъ господину, работать усердно и стараться жить „кротко, беззлобно и христіански“¹⁾.

Всѣ эти замѣчанія весьма кратки и касаются не экономической, и не юридической стороны вопроса, а только нравственной и религіозной. О свободномъ, независимомъ отъ какого-либо господина крестьянинѣ не говорится. О значеніи сельскаго труда, о производствѣ сырыхъ продуктовъ для всего общественнаго организма — ни слова. За то о характерѣ крестьянскаго сословія въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ встрѣчаются весьма невыгодные отзывы. „Крестьянское житіе скудно“, сказано въ началѣ главы „О крестьянствѣ“, — „ни отъ чего инаго, токмо отъ своея ихъ лѣности, а потомъ отъ неразмтрѣнія правителей, и отъ помѣщичья насилія, и отъ небреженія ихъ“. По мнѣнію Посошкова, всѣмъ помѣщикамъ должно быть вмѣнено въ обязанность смотрѣть за своими крестьянами, чтобъ они „не гуляли,“, „не лежебочили“. Онъ требуетъ строгаго наказанія „изгулявшихся“ крестьянъ²⁾. Они должны постоянно находиться подъ надзоромъ. Посошковъ пишетъ: „А буде кой крестьянинъ хлѣба напахавъ, да станеть гулять, а впредь ничего не станеть запасать, и таковыхъ, не токмо помѣщикамъ иль прикащикамъ, но и сотскимъ надлежитъ за ними смотрѣть и жестоко наказывать, чтобъ отъ лѣности своей въ скудость не приходили, и въ воровство бы, ни въ пьянство не уклонялись“³⁾.

Двадцать лѣтъ спустя послѣ составленія Посошковымъ его послѣдняго сочиненія, извѣстный историкъ и администраторъ Татищевъ

¹⁾ Отеч. зав., стр. 183.

²⁾ Соч. Пос.. I, 7 и 171.

³⁾ Тамъ же, 185.

написалъ свои „Краткія экономическія, до деревни слѣдующія записки“. Въ нихъ говорится „о поспѣшности къ работѣ“ слѣдующее: „Всего наивыше надлежитъ, дабы лѣтомъ во время работы не малої лѣности и дальняго покою крестьянамъ происходить не могло. Кромѣ однихъ тѣхъ праздниковъ, которые точно положены и освобождены отъ работы, не торжествовать, понеже лѣнныя крестьяне ни о чемъ больше не пекутся, какъ только узнать больше праздниковъ... И необходимо во время работы съ крестьянами старостѣ и прикащику съ великою строгостью и прилежностью обращаться надлежитъ, пока хлѣбъ весь съ поля убранъ будетъ какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянской. Работу же производить слѣлавъ сперва помѣщичью, а потомъ принуждать крестьянъ свою, а не давать имъ то на волю, какъ то есть въ худыхъ экономіяхъ, то не смотря за крестьянскою работою, когда они обращаются въ собственной своей работѣ, понеже отъ лѣности въ великую нищету приходятъ, а послѣ проишаютъ на судьбу жалобу... А въ зиму ревизуетъ художниковъ, что кто слѣлавъ для своей продажи и не были ль праздны; понеже отъ праздности крестьяне не токмо въ болѣзнь приходятъ, но и вовсе умираютъ, спятъ довольно, ѣдятъ много, а не имѣютъ муціону; доброму старостѣ и прикащику всего того смотрѣть надлежитъ, ибо за хорошее смотрѣніе должны получить хорошую заплату, а за нерадѣніе штрафы и наказаніе... Кто въ работѣ лѣнивъ будетъ, тѣхъ сажать въ тюрьму и не давать хлѣба двои или трои сутки“ и пр. ¹⁾).

Такъ писалъ Татищевъ, передовой человекъ своего времени, известный своимъ образованіемъ и проникнутый уваженіемъ къ человѣчеству и желаніемъ добра крестьянамъ. Хозяинъ-помѣщикъ смотритъ на крестьянъ не какъ на людей, имѣющихъ право на какую-нибудь свободу, но какъ на бессознательную рабочую силу; онъ прямо отрицаетъ всякое свободное распоряженіе крестьянина даже въ его крестьянскомъ хозяйствѣ. Онъ заботится о крестьянахъ также, какъ онъ заботится о лошадяхъ и о другихъ домашнихъ животныхъ ²⁾).

И Татищевъ, и Посошковъ считали крестьянъ лѣнныими, не цинимавшими своего собственнаго интереса. Такого же мнѣнія былъ когда-то Катонъ въ отношеніи къ рабамъ, такое же мнѣніе относительно крестьянъ встрѣчается и на западѣ даже въ эпоху литературы просвѣщенія. Когда въ Австріи, во время царствованія Маріи-

¹⁾ *Временникъ М. Общ. Ист.*, VII, Смѣсь, стр. 20—21.

²⁾ См. *Бялева*, Крестьяне на Руси, 306, 308.

Терезіи, правительство мечтало о реформахъ въ отношеніи къ крестьянамъ, чешское дворянство старалось доказать, что нововведенія такого рода для самихъ крестьянъ сдѣлаются гибельными, потому что крестьяне, освобожденные отъ барщины, станутъ содержать менѣе скота, останутся праздными, будутъ „лежебочить“ и тѣмъ сдѣлаются причиною раззоренія своего и своихъ господъ ¹⁾. И въ другихъ государствахъ такой пессимизмъ, столь невыгодныя предположенія относительно радѣнія и рабочей силы крестьянъ тормозили реформы, имѣвшія цѣлю освобожденіе крестьянъ.

Русское правительство, впрочемъ, уже въ XVII вѣкѣ считало себя обязаннымъ слѣдить нѣсколько за сельскими работами крестьянъ и принуждать ихъ къ исполненію своихъ обязанностей. Такъ, напримеръ, относительно Сибири сохранилось нѣсколько наказовъ къ тамошнимъ воеводамъ, въ родѣ слѣдующаго: „вновь пашенныхъ крестьянъ изъ гуляющихъ и охочихъ вольныхъ людей призывать; надзирать по часту, чтобъ крестьяне землю пахали всю сполна, зернью и карты не играли, на винѣ не пропивались, а въ комъ свѣдаютъ какое воровство и старостамъ, и цѣловальникамъ, и десятскимъ про то сыскивать и чинить крестьянамъ наказаніе“ ²⁾. Указъ 1723 года февраля 27-го предписываетъ „помѣщикамъ и прикащикамъ смотрѣть за крестьянами, чтобъ они подъ хлѣбный сѣвъ землю хорошенько снабдѣвали и болѣе хлѣбнаго всякаго сѣву умножали“ ³⁾. Указомъ 11-го мая 1721 были отправлены изъ Остзейскаго края крестьяне въ разныя мѣстности Россіи для обученія русскихъ мужиковъ снимать хлѣбъ съ полей косами, а не серпами ⁴⁾.

Посошковъ также составилъ хотя лишь весьма краткую инструкцію о занятіяхъ крестьянъ. Онъ пишетъ: „Крестьянину надлежитъ лѣтомъ землю управлять неоплошно, а зимою въ лѣсу работати, что надлежитъ про домашній обиходъ или на люди, отъ чего бы какой себѣ прибыльтокъ учинить. А буде при дворѣ своемъ никакой работы пожиточной нѣтъ, то шель бы въ такія мѣста, гдѣ изъ найму люди работаютъ, дабы даромъ времени своего не теряли. И тако творя, никакой крестьянинъ не оскудѣетъ“ ⁵⁾.

¹⁾ См. *Sugenheim*, Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa. St.-Petersburg, 1861, стр. 388.

²⁾ *Лешковъ*, 860.

³⁾ П. С. З., № 4175.

⁴⁾ П. С. З., № 3781.

⁵⁾ Соч. Пос., I, 171—172.

Посошковъ желаетъ, чтобы правительство обращалось съ крестьянами какъ съ несовершеннолѣтними. Такъ на примѣръ, онъ предлагаетъ учить ихъ грамотѣ. Его соображенія на этотъ счетъ достойны особеннаго вниманія. Посошковъ самъ былъ не только грамотнымъ, но даже образованнымъ человѣкомъ. Онъ умѣлъ цѣнить значеніе образованія и для экономическаго состоянія крестьянскаго сословія. Онъ пишетъ: „Паки не малая пакость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ. Аще въ коей деревнѣ дворовъ двадцать или тридцать, а грамотнаго человѣка ни единого у нихъ нѣтъ, и какой къ нимъ не пріѣдетъ съ какимъ указомъ, или и безъ указа, да скажетъ, что указъ у него есть, то тому и вѣрятъ, и отъ того пріемлютъ себѣ излишніе убытки; потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, ни разумѣютъ. И того ради многіе и безъ указу пріѣхавъ пакости имъ чинятъ великія, а они оспорить не могутъ, а и въ поборѣхъ много съ нихъ излишнихъ денегъ емлютъ, и отъ того даровой пріемлютъ себѣ убытокъ. И ради охраненія отъ таковыхъ напрасныхъ убытковъ, видится, не худобъ крестьянъ и поневоля, чтобъ они дѣтей своихъ, кои десяти лѣтъ и ниже, отдавали дьячкамъ въ наученіе грамоты и науча грамотѣ и учили бы ихъ писать. Я чаю не худо бы было такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безъ грамотнаго человѣка, и положить имъ вѣрное опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ, и положить имъ срокъ года на три или на четыре. А буде въ четыре годы дѣтей своихъ не научатъ, такжеже кои робята и впредь подрастутъ, а учить ихъ не будутъ, то какое ни есть положить на нихъ и страхованіе. А егда грамотѣ и писать научатся, то они удобнѣе будутъ не токмо помѣщикамъ своихъ дѣла править, но и Государевымъ дѣламъ угодны будутъ, наипаче въ сотскіе и въ пятидесятскіе вельми будутъ пригодны, и никто уже ихъ не избидить. и ничего съ нихъ напрасно не возьметъ ¹⁾).

Довольно любопытно слѣдующее обстоятельство. Въ сочиненіи „Отеческое Забѣщаніе“ Посошковъ нѣсколько разъ съ особеннымъ презрѣніемъ говоритъ о „Мордвѣ“, замѣчая, что лютеране, которыхъ онъ обвиняетъ въ страшныхъ порокахъ, нисколько не лучше „Мордвы“. Теперь же, говоря о крестьянахъ, Посошковъ предлагаетъ однѣ и тѣ же мѣры относительно крестьянъ, какъ относительно „Мордвы“. И тѣхъ, и другихъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ принуждать

¹⁾ Соч. Пос., I, 175—177.

къ ученію грамотѣ. Въ отношеніи къ тѣмъ и другимъ употребляются однѣ и тѣ же выраженія, что они, какъ безграмотные „беззаступные“, что ихъ обманываютъ и т. п. Только въ отношеніи къ Мордвѣ еще прибавляется, что обученіе грамотѣ можетъ быть удобнымъ средствомъ распространенія между этими язычниками христіанской вѣры. Далѣе къ Мордвѣ и къ крестьянамъ одинаково относится упрекъ Посошкова, что они уничтожаютъ понапрасну множество молодаго лѣсу.

Предложенія Посошкова относительно обученія крестьянъ грамотѣ остались безуспѣшными. Никто не думалъ тогда объ административныхъ и законодательныхъ мѣрахъ на этотъ счетъ. Крестьяне коснѣли въ невѣжествѣ. Ихъ положеніе становилось все хуже и хуже. Ревизіи, рекрутскіе наборы и усложненіе администраціи въ продолженіе XVIII вѣка, все это содѣйствовало къ упадку значенія крестьянскаго сословія и доставляло просторъ тѣмъ продѣлкамъ грамотныхъ людей, о которыхъ говоритъ Посошковъ. Съ одной стороны, они весьма часто бывали жертвами приказныхъ людей, пріѣзжавшихъ „или съ указами или безъ указовъ“; съ другой, они, какъ видно между прочимъ изъ Пугачевского бунта, нерѣдко бывали обманываемы революціонными агентами, пріѣзжающими въ деревни съ поддѣльными грамотами объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія и т. п. Полтора столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ Посошковъ предлагалъ принять мѣры для обученія крестьянъ грамотѣ, и развѣ только въ нынѣшнее время, послѣ великой реформы 1861 года, при содѣйствіи земскихъ учрежденій, мало по малу предположенія Посошкова приводятся въ исполненіе.

И до Посошкова, и послѣ него крестьяне при извѣстныхъ случаяхъ становились весьма опаснымъ элементомъ въ государствѣ: отчаянное экономическое положеніе, въ которомъ они находились, разныя притѣсненія со стороны администраціи, насилія воеводъ и приказныхъ людей, междоусобныя войны въ смутное время и т. д. все это оказывало весьма губельное въ нравственномъ отношеніи вліяніе на крестьянъ. Они часто обращались въ большія разбойническія шайки, доставляли обильный матеріалъ для казачества и въ періоды смуты, какъ напримѣръ, во время возстаній Стеньки Разина, Болотникова и т. п., дѣйствовали за одно съ бунтовщиками противъ органовъ власти.

Въ продолженіе XVII вѣка разбойники нерѣдко ходили толпами. Разбойничали приказчики мелкихъ помѣстій съ своими крестьянами.

и стрѣльцы при удобномъ случаѣ становились разбойниками; бѣглыхъ крестьянъ, не смотря на множество строгихъ указовъ противъ этого зла, была безчисленная масса. Тяжкая подать, воевода, подъячій, земскій староста, разбойникъ, выживали крестьянъ, заставляя ихъ уходить дальше въ Сибирь. „Крестьяне бредутъ врознь“, было обыкновенною жалобою въ XVII вѣкѣ.

И въ то время, когда Посошковъ писалъ свою „Книгу о скудости и богатствѣ“, разбойническія шайки продолжали быть какъ-бы хроническою болѣзнію русскаго общества. Посошковъ прямо обвиняетъ крестьянъ въ солидарности съ разбойниками. ¹⁾ Противъ этого зла Посошковъ предлагаетъ введеніе весьма сложной и чрезвычайно строгой паспортной системы. Если принять въ соображеніе, что подобныя мѣры противъ перехода крестьянъ главнымъ образомъ лишили ихъ свободы и правъ, то нельзя не удивляться тому, что Посошковъ не предвидѣлъ слѣдствій усложненнаго надзора надъ крестьянами. А между тѣмъ эти новые законы и распоряженія оказались чрезвычайно тягостными для крестьянъ; они продолжали бѣгать и часто кончали дѣло грабежами и убійствами. Сыщики, отправляемые правительствомъ и ѣздившіе по уѣздамъ изъ селенія въ селеніе пересматривать и переспрашивать крестьянъ по писцовымъ и переписнымъ книгамъ и наказывать ихъ „внутромъ нещадно“, не помогали. Въ слѣдующія десятилѣтія побѣги крестьянъ и приниманіе бѣглыхъ усилились болѣе прежняго. Отысканіе и возвращеніе бѣглыхъ оказалось почти невозможнымъ, не смотря ни на какія строгости законовъ ²⁾.

Предложенія Посошкова противъ бродяжничества крестьянъ согласны, съ одной стороны, съ духомъ правительственныхъ распоряженій на этотъ счетъ, съ другой—съ образомъ мыслей вельможъ-помѣщиковъ, каковы были Татищевъ или Волюнскій. Послѣдній, въ составленномъ имъ наказѣ для управляющаго имѣніемъ, требуетъ, чтобы крестьяне для своихъ нуждъ отправлялись на ближніе торги не иначе, какъ съ дозволенія прикащика и подъ надзоромъ десятскаго или выборнаго; и ежели десятскій за кѣмъ изъ отправившихся на торгъ замѣтитъ пьянство, или мотовство, или какое-нибудь непотребство, то въ тотъ же день долженъ о томъ объявить прикащику, который, при собраніи лучшихъ крестьянъ, долженъ о виноватомъ розыскать и по ро-

¹⁾ Соч. Пос., I, 207.

²⁾ *Бѣллевъ*, стр. 196—199

зыску учинить по винѣ наказаніе. Далѣе Волинскій пишетъ: „По вся годы свидѣтельствовать бѣдныхъ мужиковъ, отъ чего онъ обѣднѣлъ, и ежели не отъ лѣности и не отъ пьянства припала ему скудность, такихъ ссужать хлѣбомъ всякимъ; а когда потомъ поспѣетъ хлѣбъ, оный данный отъ него взять, а прибыль ему отдать. Также хотя которые отъ своего непотребства и отъ лѣности обнищали, и тѣхъ ссужать однако съ наказаніемъ, дабы впредь даромъ хлѣбъ ѣсть неповадно было. Буде же и за тѣмъ себѣ пользы не сдѣлаютъ, то такихъ брать въ конюхи или въ пашенную работу на мой дворъ, и такихъ лѣнивцовъ или непотребцовъ кормить мѣсячиною невѣяннымъ хлѣбомъ и чтобъ онъ былъ къ непрестанной работѣ и подати за ихъ моими деньгами платить“¹⁾.

Такимъ образомъ изъ замѣчаній Посошкова, Волинскаго, Татищева видно, что въ то время обращеніе съ крестьянами было главнымъ образомъ борьбою противъ лѣности, пьянства, наклонности къ разбою и грабежу въ крестьянскомъ сословіи. Постоянно встрѣчается опасеніе, что крестьянинъ станетъ не только вредить интересу помещика, но отсутствіемъ всякой добродѣтели будетъ содѣйствовать своему собственному оскудѣнію. Поэтому считается необходимою строжайшая опека надъ крестьянами, самый бдительный полицейскій надзоръ, принужденіе всякаго рода, разныя мѣры для предохраненія крестьянина отъ присоединенія къ шайкамъ разбойниковъ. Такъ напримѣръ, Татищевъ въ своей „Духовной“, составленной для сына Евграфа, совѣтуетъ ему заботиться о присканіи хорошаго священника для деревни: „Крестьяне, живучи въ распутной жизни, не имѣя добраго пастыря, въ непослушаніе приходятъ, а потомъ господь своихъ возненавидятъ, подведя воровъ и разбойниковъ, смертельно мучать и тиранятъ, а иныхъ и до смерти убиваютъ. Когдажъ гдѣ есть ученый попъ, и добраго поведенія человѣкъ, къ тому же не имѣющей крайней въ деньгахъ нужды, то конечно приведетъ крестьянъ въ благоденственное и мирное житіе и злодѣяній такихъ въ тѣхъ мѣстахъ мало бываетъ“.

Громадное число указовъ о мѣрахъ противъ „гулящихъ людей“ и разбойниковъ также свидѣтельствуетъ о распространеніи этого зла. Изъ нѣкоторыхъ распоряженій видно, въ какой тѣсной связи состояло сельское населеніе вообще съ разбойниками²⁾. Иногда впрочемъ

¹⁾ *Виллевъ*, I. с. 270

²⁾ См. напр. П. С. З. № 1678 и 2439.

и сами помѣщики разбойничали со своими людьми, нападали на деревни, убивали мужчинъ, насилывали женщинъ и пр. ¹⁾).

Не даромъ и публицисты и правительство считали необходимымъ усиленіе полицейскаго надзора надъ низшимъ классомъ русскаго общества. Волинскій желалъ, чтобы въ его имѣніи десятскіе наблюдали за тѣмъ, чтобы всѣ крестьяне каждую ночь были дома, а если имѣли надобность отлучиться на разстояніе отъ 10 до 20 верстъ, то брали бы отпускные листы; по его мнѣнію, на болѣе чѣмъ на три мѣсяца вообще нельзя было давать отпуска крестьянину; всѣхъ должно принуждать къ общимъ дѣйствіямъ противъ разбойниковъ и проч. Правительство также распорядилось, чтобы крестьяне, когда они хотѣли удалиться болѣе нежели за 90 верстъ отъ своего села, получали паспорта отъ комиссара, отъ земли и отъ полковника квартировавшихъ у нихъ войскъ. Посошковъ предлагалъ совершенно сходныя мѣры, замѣчая при этомъ: „И аще сперва повидится сіе дѣло и трудновато, а егда обыкнетъ, то и тягости никакой не будетъ“ ²⁾).

Посошковъ считаетъ далѣе необходимымъ, чтобы крестьяне помогали другъ другу противъ разбойниковъ. Но и для этой цѣли онъ предлагаетъ принудительныя мѣры, наказанія. Онъ пишетъ: „Нынѣ такъ дьяволъ ихъ (разбойниковъ) умножилъ, аще кой крестьянинъ хотя десятковъ пать-шесть наживетъ, а воры ближніе то увѣдавъ, пришедъ на дворъ, да и совсѣмъ его разорятъ, и, допытываясь денегъ, многихъ и до смерти замучиваютъ, а сосѣди все слышатъ и видятъ, а на выручку къ сосѣду своему нейдутъ и ворами даютъ волю. И ради охраненія отъ таковыя гибели всѣмъ крестьянамъ надлежитъ Великаго Государя указъ сказать новостный: буде съ нынѣшняго времени на дворъ къ кому какіе воровскіе люди придутъ, то не токмо тое деревни жители, и изъ околныхъ селъ и деревень и дворяне изъ своихъ усадьбъ, аще услышатъ шумъ или повѣстку, а на поимку воровъ не пойдутъ, то всѣхъ сусѣдскіи биты кнутомъ, дальнихъ полегче, а ближнихъ по болѣе, да на нихъ же доправитъ того грабленнаго крестьянина убытокъ, колико тѣ воры взяли, сугубо и отдать грабленному“ ³⁾. И въ другомъ мѣстѣ Посошковъ разсказываетъ подробно о великомъ раззореніи, которое „чинилось“ крестьянамъ отъ разбойниковъ. По его мнѣнію, „того ради не можно никакому крестьянину

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., XV; 105, XVI, 19 и 251; XVIII, 183 и пр.

²⁾ Соч. Пос., I, 168 и 169.

³⁾ Соч. Пос., I, 166.

богачу быть". Онъ приходитъ къ такому заключенію: „Аще бы крестьяне жили всѣ въ одну душу, другъ друга береглибъ, и другъ за друга стоялибъ, тобы разбойникамъ и помыслить на нихъ никакъ было, ежели бы ихъ нагло прѣхавъ разбивать и огнемъ жечь. И аще бы и между собою крестьяне жили союзно и другъ другу обидъ не чинили, тобы всѣ крестьяне были сыты, и было житіе ихъ святое ¹⁾).

Но не высоко ставя нравственныя качества крестьянскаго сословія, требуя множества строгихъ мѣръ для содержанія ихъ въ порядкѣ и подчиненіи, Посошковъ въ то же самое время жалуется на притѣсненіе крестьянъ помѣщиками. Онъ пишетъ: „А и сіе не весьма право зрится, еже помѣщики на крестьянъ своихъ налагають бремена, неудобъ носимая, ибо есть такіе безчеловѣчныя дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единого дня, ежебы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряють у нихъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету пригоняють; и который крестьянинъ станетъ мало-мало поситѣ быть, то на него и подати прибавяють. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатится не можетъ, и многіе дворяне говорятъ: крестьянину де не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола. И тако творя царство пустошатъ, понеже такъ ихъ обирають, что у инаго и козы не оставляють. Отъ такового нужды дома свои оставляють и бѣгутъ иные въ Понизовые мѣста, иные жъ и во Украинныя, а иные и въ зарубежныя; тако чужія страны населяють, а свою нусту оставляють. А чтобы до того помѣщикамъ дѣла, что крестьяне богаты, лишь бы онъ пашни не запустилъ; хотя бы у него и не одна тысяча рублевъ была, только бы не воровалъ, и безявочно не торговалъ; что крестьяне богаты, то бы и честь помѣщику ²⁾).

Этими соображеніями Посошковъ затронулъ самую существенную сторону крестьянскаго вопроса. Именно произволь въ отношеніи къ оброкамъ и повинностямъ, со стороны помѣщиковъ на крестьянъ возлагаемымъ, былъ самымъ гибельнымъ слѣдствіемъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. Въ прежнее время подробности отношеній крестьянина къ землевладѣльцу, порядокъ крестьянскихъ работъ, оброки и

¹⁾ Пос. Соч., I, 175.

²⁾ Соч. Пос., I., 182—183.

повинности у большихъ землевладѣльцевъ налагались обыкновенно въ особыхъ уставныхъ грамотахъ или волостныхъ книгахъ. Хотя и общихъ правилъ на счетъ этого не существовало, однако все зависѣло отъ взаимныхъ условій крестьянина и землевладѣльца, особенно въ мелкихъ владѣніяхъ, гдѣ едва ли и были какія уставныя грамоты. При свободномъ переходѣ крестьянъ слишкомъ большой разницы въ отношеніяхъ не было и не могло быть: взаимная нужда въ рабочихъ и въ землѣ естественно устанавливала приблизительно одинакую цѣну на трудъ и на землю ¹⁾). Послѣ прикрѣпленія крестьянъ оброки и повинности крестьянъ нигдѣ не были прямо опредѣлены, ни Уложеніемъ, ни какимъ-либо другимъ извѣстнымъ указомъ, а въ послушныхъ грамотахъ предписывалось крестьянамъ въ общихъ выраженіяхъ: „пашню на помѣщика или вотчинника пахать и доходъ вотчинниковъ ему платить“, или „читать и слушать таково-то и пашню на него пахать и доходъ платить“ ²⁾). Понятно, что было много простора для злоупотребленій, для чрезмѣрнаго обремененія крестьянъ оброками и повинностями. Господская полевая работа производилась смотря по нуждѣ и по соображеніямъ или самого помѣщика, или прикащика. Управление было самовластно и чрезвычайно строго. Имѣя со времени Уложенія полное право наказывать своихъ крестьянъ тѣлесно, помѣщики безпощадно располагали и рабочею силою крестьянъ въ свою пользу. Андрей Ильичъ Безобразовъ, помѣщикъ, въ 1681 г. пишетъ въ одномъ своемъ приказѣ: „бить кнутомъ старосту и бочаровъ (за то, что по ихъ недосмотру сгорѣлъ господскій домъ), води по деревнямъ, только бы чуть живы были, и оковавъ прислать къ Москвѣ на ихъ подводахъ“ ³⁾). Если въ отношеніи къ суду и расправѣ были возможны столь вопіющіе факты, въ барщинѣ, разумѣется, легко могло проявляться то безчеловѣчное обращеніе съ крестьянами, противъ котораго возстаетъ Посошковъ. Нельзя отрицать, что именно въ послѣднее время до составленія Посошковымъ „Книги о скудости и богатствѣ“ ревизія много способствовала развитію владѣльческаго произвола, ибо она, по началамъ своимъ, отрицала прежнія права крестьянъ.

И въ западной Европѣ неопредѣленность отношеній между крестьянами и землевладѣльцами, произволъ со стороны послѣднихъ, осно-

¹⁾ *Блжесовъ*, 93 и 95.

²⁾ Тамъ же, 191.

³⁾ *Блжесовъ*, стр. 249.

ванное на слишкомъ общихъ началахъ право помѣщиковъ относительно барщины — все это заставляло иногда правительство путемъ административныхъ и законодательныхъ мѣръ дѣйствовать въ пользу крестьянъ. Такъ, на примѣръ, несмотря на общую неудачу возстанія крестьянъ въ Германіи въ XVI столѣтіи, эти бунты имѣли хотя одно благопріятное слѣдствіе: правитель Германіи (намѣстникъ императора Карла V), Фердинандъ (впослѣдствіи императоръ Фердинандъ I), принудилъ въ нѣкоторыхъ областяхъ дворянство и духовенство обратить неопредѣленный барщинный трудъ крестьянъ въ точно опредѣленный. Сравнительно цвѣтущее состояніе крестьянскаго сословія въ Англіи главнымъ образомъ обусловливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этой странѣ уже съ XIII вѣка были точно опредѣлены повинности крестьянъ.

Жалкія условія, въ которыхъ находились крестьяне въ Россіи вслѣдствіе возможности произвола въ дѣлѣ барщины, встрѣчаются, впрочемъ, и въ другихъ государствахъ въ продолженіе XVIII вѣка. Въ Австріи также случалось, что въ самую пору жатвы помѣщики заставляли работать крестьянъ на барщинѣ въ продолженіе цѣлой недѣли. Немедленно послѣ перваго раздѣла Польши, Фридрихъ Великій въ присоединенныхъ къ Пруссіи польскихъ земляхъ значительно улучшилъ состояніе крестьянъ превращеніемъ неопредѣленныхъ повинностей въ опредѣленныя. За то можно было считать непростительною ошибкой образъ дѣйствія прусскаго правительства при наслѣдникѣ Фридриха Великаго, Фридрихѣ-Вильгельмѣ II; въ уставѣ о крестьянахъ 1791 года законъ предписывалъ опредѣлить *по возможности* точнымъ образомъ размѣры повинностей крестьянъ, и нигдѣ не было сказано, кому принадлежало право рѣшенія о мѣрѣ возможности; далѣе въ этомъ же уставѣ было сказано, что землевладѣльцы имѣютъ право по своему усмотрѣнію возлагать на крестьянъ *умѣренное* тѣлесное наказаніе, но никто не имѣлъ возможности опредѣлить различіе между умѣреннымъ и неумѣреннымъ тѣлеснымъ наказаніемъ ¹⁾.

Посошковъ былъ правъ, требуя точнаго опредѣленія повинностей и оброковъ крестьянъ путемъ законодательства. Но его предложенія остались тщетными. Правительство до этого только въ видѣ исключенія принимало мѣры къ обезпеченію интересовъ крестьянъ. Такъ,

¹⁾ См. мою статью «Die Hauptmomente der Geschichte des Bauernstandes», въ журналѣ *Baltische Monatschrift* 1864 года.

напримѣръ, Котошихинъ пишетъ: „А какъ бояромъ и инымъ чиномъ даются помѣстья и вотчины: и имъ пишутъ въ жалованныхъ грамотахъ, что имъ крестьянъ своихъ отъ стороннихъ людей отъ всякихъ обидъ и налогъ остерегати и стояти, а подати съ нихъ имати по силѣ, съ кого что мочно взяти, а не черезъ силу, чтобъ тѣмъ мужиковъ своихъ изъ помѣстей и вотчинъ не разогнать и въ нищю не привести, и насилствомъ у нихъ скота и животины никакой и хлѣба всякаго и животовъ не имати“ и пр. ¹⁾.

При характерѣ законодательства, болѣе и болѣе лишавшаго крестьянъ всѣхъ правъ, административныя мѣры, внушенія, надзоръ, не могли имѣть успѣха. Контролировать господскія распоряженія не было законной возможности. Можно было видѣть владѣльческія злоупотребленія со стороны, можно было дѣйствовать на нихъ нравственно, но при отсутствіи законныхъ опредѣленій въ защиту крестьянъ, какихъ желалъ Посошковъ, всѣ старанія правительства на этотъ счетъ не могли имѣть успѣха.

Весьма любопытно въ этомъ отношеніи, что какъ разъ въ то время, когда Посошковъ готовился написать свое сочиненіе „О скудости и богатствѣ“, правительствомъ были приняты мѣры для обезпеченія благосостоянія крестьянъ. Въ инструкціи воеводамъ въ январѣ 1719 года встрѣчается, между прочимъ, слѣдующее распоряженіе—наказъ (№ 31): „Понеже есть нѣкоторые непотребные люди, которые своимъ деревнямъ сами безпутные разорители суть, что ради пьянства или инаго какаго непостояннаго житія (sic) вотчины свои не токмо (не) снабдѣваютъ или защищаютъ въ чемъ, но и разоряютъ, налагая на крестьянъ всякія несносныя тягости, и въ томъ ихъ бьютъ и мучатъ, и отъ того крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгаютъ, и чинится отъ того пустота, а въ государевыхъ податяхъ умножается доимка, того ради воеводѣ и земскимъ комиссарамъ смотрѣть того накрѣпко, и до такого разоренія не допускать, и ежели подлинно явятся въ ихъ вѣдѣніи такіе разорители, и о такихъ разсматривать, и когда для денежныхъ и другихъ сборовъ пойдутъ въ уѣзды земскіе комиссары, и гдѣ найдутъ прямую пустоту, или великое умаленіе, передъ переписнымъ числомъ, крестьянъ, тогда оному комиссару объявлять ему, воеводѣ, которому то обыскивать и свидѣтельствовать съ нимъ, комиссаромъ, тутошними ближними сосѣдями и другими о тѣхъ помѣщикахъ знаемыми людьми и явными свидѣтель-

¹⁾ Котошихинъ, стр. 113—114.

ствы, отъ чего оная пустота явилась, и не было ли тѣмъ крестьянамъ отъ помѣщиковъ таковаго наглаго разоренія; а тѣ обыски съ достовѣрными свидѣльствами присылать въ сенатъ, и буде по сыску и по свидѣтельству такіе разорители своихъ имѣній явятся подлинно, и тѣхъ исправлять велѣтъ ближнимъ сродникамъ и свойственникамъ, и велѣтъ до исправленія вѣдать ихъ деревни онимъ сродникамъ и свойственникамъ; такожь изъ тѣхъ деревень довольствоваться доходами тѣхъ помѣщиковъ, а которые не исправятся, и тѣхъ посылать подъ начальство до исправленія, а которые не исправятся и подъ началомъ будучи, тѣхъ не освобождать, докелѣ же исправятся“ и пр. ¹⁾.

Такія мѣры не могли быть цѣлесообразны. Уже самое открытіе злоупотребленій, насилій, какъ видно, было дѣломъ случая; оно стало возможно лишь послѣ того, какъ разореніе крестьянъ дошло до столь громаднхъ размѣровъ, что убыль населенія бросалась въ глаза развѣзжавшимъ по округу чиновникамъ; безконечная процедура слѣдствія нисколько не обезпечивала улучшенія состоянія крестьянъ въ ближайшемъ будущемъ; правительство, какъ видно, даже и не надѣялось на исправленіе раззорителей, считая весьма легко возможнымъ, что впервые принятія противъ нихъ мѣры не достигнуть желанной цѣли; наконецъ, какъ видно, правительство заботилось о всемъ этомъ не столько изъ общихъ полицейскихъ соображеній, и еще менѣе изъ особеннаго желанія защитить несчастныхъ крестьянъ, сколько руководимое мыслью о доходахъ государства. Именно казенныя выгоды, финансовыя соображенія заставляли правительство принимать мѣры къ прикрѣпленію крестьянъ. Землевладѣльцы, аккуратно выплачивавшіе суммы, слѣдующія казнѣ, всегда могли разчитывать на снисходительность правительства. Такимъ образомъ, правительство, не смотря на желаніе, не имѣло вѣрныхъ средствъ къ пресѣченію владѣльческихъ злоупотребленій. На это нѣкоторымъ образомъ намекаетъ указъ отъ 15-го апрѣля 1721 г.: въ этомъ указѣ государь, признавая всю безнравственность продажи врознь крестьянъ, говорить слѣдующее: „Обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и дѣловыхъ и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь, кто похочетъ купить какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или отъ матери дочь и сына помѣщикъ продаетъ, отъ чего не малой вопль бываетъ; и его царское величество указалъ оную продажу людямъ пресѣчь“.

¹⁾ П. С. З., 3294, № 31.

Но правительство сомнѣвалось въ возможности прекратить такую продажу, и потому тотчасъ послѣ приказанія „пресѣчь оную продажу“, оговаривается: „а ежели невозможно того будетъ вовсе пресѣчь, то бы хотя по нуждѣ и продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь“. Очевидно, все это было лишь предположеніемъ, а не дѣйствительнымъ распоряженіемъ, ибо въ заключеніе сказано: „и о томъ бы при сочиненіи нынѣшняго уложенія изъяснить, какъ высокоправительствующіе господа сенаторы заблагоразсудятъ“¹⁾. Значитъ; желаніе государя легко могло оставаться лишь предположеніемъ. Положеніе крестьянъ становилось все хуже и хуже. Слѣдующія за Петромъ Великимъ правительства путемъ законодательства содѣйствовали дальнѣйшему упадку крестьянскаго сословія. Постепенное уменьшеніе правъ, которыми еще при Петрѣ пользовались крѣпостные дворовые люди и крестьяне, дошло до того, что въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны они толпами уходили отъ помѣщиковъ. Вторая ревизія утвердила всѣ стѣсненія крѣпостныхъ людей и ввела многія новыя. За помѣщиками было утверждено право продавать дворовыхъ людей и крестьянъ кому бы то ни было для отдачи въ рекруты; помѣщики получили право ссылатъ неугодныхъ дворовыхъ людей и крестьянъ въ Сибирь. Хозяева распоряжались ими какъ безгласною частною собственностью. Крестьянинъ не имѣлъ никакихъ правъ какъ человекъ, какъ лицо; личность его совершенно была подавлена и закрыта властью помѣщика; вся жизнь, всѣ способности крестьянина нераздѣльно принадлежали помѣщику. При Екатеринѣ II законодательство довершило бѣдствіе крестьянъ. Жалобы отъ крестьянъ на помѣщиковъ не принимались, и даже сами жалобщики наказывались кнутомъ и ссылкой въ вѣчную каторжную работу въ Нерчинскъ. Крѣпостные люди покупались, продавались, дарились сотнями и тысячами, оптомъ и въ розницу. Въ Малороссіи крѣпостныхъ людей выводили для продажи вмѣстѣ съ баранами и другими животными на ярмарки²⁾. Только въ видѣ исключенія правительство имѣло возможность защитить крестьянъ отъ такъихъ лицъ, какова была Солтычиха. Такія лица встрѣчаются и во время Петра Великаго. Въ 1721 году Василій Головинъ былъ сосланъ на каторгу на 10 лѣтъ за то, что

¹⁾ Именной указъ, объявленный сенату кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ. П. С. З. №3770. См. также *Бяляевъ*, 258.

²⁾ *Бяляевъ*, 279—325.

билъ челоуѣка своего и тотъ во время побоевъ умеръ¹⁾. Но часто ли дурное обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами дѣлалось извѣстнымъ правительству?

Посошковъ хотѣлъ быть защитникомъ крестьянъ. Онъ предлагалъ законодательныя мѣры въ пользу обезпеченія хотя бы нѣкоторыхъ ихъ правъ. Его записка не дошла до того, для котораго она была назначена. Петръ, не узнавъ о мысляхъ Посошкова, скоро умеръ, да и самъ Посошковъ не дожилъ до самаго печальнаго періода развитія крѣпостнаго права на Руси.

Подобно Посошкову и иностранцы, находившіеся въ Россіи при Петрѣ Великомъ, замѣчали, что положеніе крестьянъ становилось невыносимымъ. Такъ, напримѣръ, ганноверскій резидентъ Веберъ говоритъ, что безчеловѣчное обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами имѣло слѣдствіемъ убавленіе производства и общее уныніе въ низшемъ классѣ. Крестьяне, хотя бы сколько-нибудь зажиточные, содержали въ тайнѣ свои денежныя средства изъ опасенія лишиться ихъ чрезъ сребролюбие дворянства. Веберъ прибавляетъ къ этому, что нѣкоторые лица совѣтовали Петру отиѣнить рабство, но что Петръ, будто, возразилъ на это: „такимъ народомъ нельзя управлять иначе, какъ съ крайнею строгостью“²⁾.

Посошковъ, какъ мы видѣли, раздѣлялъ и это мнѣніе Петра, но вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно ему, считалъ необходимымъ болѣе гуманное обращеніе съ крестьянами уже въ видахъ общегосударственныхъ интересовъ. Онъ пишетъ: „крестьянамъ помѣщики не вѣковне владѣльцы, того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ владѣтель—Всероссійскій самодержавецъ, а они владѣютъ временно. И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими, понеже крестьянское богатство—богатство царственное. И того ради мнѣтъ: лучше и помѣщикамъ учинить распоряженіе указное, почему имъ съ крестьянъ оброку и инаго чего имать, и по волику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и инаго какого сдѣля дѣлать, чтобы имъ сносно было государеву подать и помѣщику заплатить, и себя прокормить безъ нужды. Того судьямъ вельми надлежитъ смотрѣть, чтобы помѣ-

¹⁾ *Соловьевъ*, XVIII, стр. 278.

²⁾ *Weber*. Neuverändertes Russland, II, 174.

щики на крестьянъ излишняго сверхъ указу ничего не накладывали, и въ нищету бы ихъ не приводили“¹⁾.

Изъ такихъ соображеній человѣка, который самъ принадлежалъ къ крестьянскому сословію, видно, что въ то время личность крестьянина считалась гораздо болѣе полноправною, чѣмъ впоследствии, чѣмъ, напимѣръ, въ то время, когда Татищевъ составлялъ свои экономическія записки.

Мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ законодательство послѣдующаго времени развивалось именно въ направленіи, указанномъ Посошковымъ. Въ отношеніи же къ крестьянамъ законодательство послѣ Петра Великаго пошло на перекоръ соображеніямъ, желаніямъ, надеждамъ Посошкова. Онъ желалъ болѣе точнаго опредѣленія обязанностей крестьянъ, и тѣмъ самымъ, обезпеченія остальнаго времени крестьянъ, остатка ихъ свободы. „О крестьянахъ“, говоритъ онъ, — „мнится мнѣ, лучше такъ учинить: егда кой крестьянинъ повытокъ свой сполна помѣщику своему заплатитъ, то уже бы никакой помѣщикъ сверхъ уреченнаго числа ни малаго чего не требовалъ съ него, и ничѣмъ бы такихъ не тѣснилъ, токмо смотреть за нимъ, чтобъ онъ даромъ не гулялъ, но какую мочно въ прокормленію своему работу бы работалъ. И отъ такого порядка, кои разумные крестьяне, могутъ себѣ и хорошіе пожитки нажить“²⁾. Такого закона не только не было издано, но даже все законодательство послѣдующаго времени имѣло противоположный характеръ и достигало противоположной цѣли, то есть, давая просторъ произволу помѣщиковъ, разоряло крестьянъ.

Въ какой мѣрѣ Посошковъ былъ настоящимъ посредникомъ между обществомъ и государствомъ, какъ тщательно онъ занимался разборомъ такого рода вопросовъ, видно изъ слѣдующихъ его замѣчаній. Для опредѣленія повинностей и оброковъ крестьянскихъ онъ считаетъ необходимымъ самое точное опредѣленіе размѣровъ крестьянскаго двора. Онъ спрашиваетъ: что должно считать крестьянскимъ дворомъ? Что должно служить предметомъ налога? Онъ занимается этимъ вопросомъ весьма основательно, и притомъ замѣчаетъ: „Я, истинно, о семъ много размышлялъ како бы право крестьянскіе поборы съ нихъ собирать, чтобы Его Императорскомъ Величеству было прибыльно, а имъ бы было нетягостно, и сего здравѣе не обрѣтохъ: что прежде расположить крестьянскіе дворы по владѣнію земли имъ данная, чѣмъ

¹⁾ Соч. Пос., I, 183—184.

²⁾ Соч. Пос., I, 185.

кой владѣть, и колико онъ на то своей землѣ хлѣба высѣть про себя“¹⁾. Не безъ основанія онъ въ нѣсколько сильныхъ выраженіяхъ порицаетъ именно дворянъ за то, что они еще не позаботились о болѣе рациональномъ устройствѣ податной системы. Но мнѣнію Посошкова и „высокія господа“ и „мелкіе дворяне“ должны были давно мѣстѣ всесторонне обсудить эти вопросы и представить о результатахъ своихъ совѣщаній докладъ Государю, „чтобы крестьянству было не тягостно“; Посошковъ, такъ сказать, считалъ возможнымъ нѣчто въ родѣ *assamblée des notables*; онъ мечталъ какъ-бы о зачаткахъ парламентаризма; при содѣйствіи дворянства и по утверженію Государемъ долженъ былъ, по его мнѣнію, состояться законъ о крестьянахъ, законъ, которымъ рѣшилась бы судьба громаднаго большинства русскаго народа.

Тѣ самые вопросы, которые занимали Посошкова, и не были рѣшены въ продолженіе всего XVIII вѣка, и въ настоящее время принадлежать еще отчасти къ важнѣйшимъ задачамъ законодательной дѣятельности правительства. Введеніе болѣе рациональныхъ началъ въ податную систему и нынѣ служитъ предметомъ заботъ законодателей, которые при этомъ случаѣ, главнымъ образомъ, руководствуются тѣми же соображеніями, которыми полтора столѣтія тому назадъ руководствовался Посошковъ. Послѣдній возстаетъ противъ бывшаго тогда въ ходу способа опредѣленія крестьянскихъ податей. Онъ пишетъ: „Я невѣмъ, что господа дворяне смотрятъ: крестьянами владѣютъ, а что то именовать крестьянина ничего того не разумѣютъ, но токмо ворота да городьбу числятъ; а иные дымъ избной считаютъ. И яко дымъ на воздухъ исчезаетъ, тако и исчисленіе ихъ ни во чтожность обращается. А и во счисленіи душевномъ нечаю жъ я проку быть, понеже душа вещь неосязаемая и умомъ не постижимая и цѣны неимуцая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя. Въ душевномъ слѣдованіи труда много подъято, а казны, чаю, тысячь десятка два-три истощилось на него, обаче чаю я, что она вся туне пропала, и трудъ весь ни по что; ибо поборъ сей несостоятеленъ“ и пр.²⁾ Такимъ образомъ, подвергнувъ нѣкоторымъ образомъ критикѣ ревизію и подушную подать, Посошковъ продолжаетъ: „Крестьянамъ и радѣтельнымъ разореніе чинится не малое и отъ того, что двороваго расположенія прямаго у нихъ нѣтъ: кои сильныя помѣщики, тѣ пи-

¹⁾ Соч. Пос., I, 182.

²⁾ Соч. Пос., I, 185.

шуть дворовъ по пяти и по шти и по десяти въ одинъ дворъ, то тѣмъ легко и жить, а кои средніе могутъ, тѣ дворы по два и по три вмѣстѣ сваливають, а одними воротами ходять, а прочія ворота заборомъ забирають, то и тѣмъ крестьянамъ не весьма тягостно; а кои бѣдные и безпомощные помѣщики, то у тѣхъ крестьянъ всѣ дворы цѣлыми дворами писаны. И отъ такового порядка тѣи крестьяне отъ несносныхъ поборовъ во всеконечную нищету приходять, а богатые и сильныя бояре своихъ токмо крестьянъ оберегаютъ отъ поборовъ, а о прочихъ не пекутся“¹⁾. Объясняя затѣмъ весьма подробно, какимъ образомъ должно поступать при опредѣленіи размѣровъ двора, онъ приходитъ къ тому заключенію, что слѣдуетъ, „расположить дворы не по воротамъ, ни по дымамъ, но по владѣнію земли и по засѣву ихъ на отведенной имъ землѣ. И аще тако во всей Россіи устроено будетъ, то ни богатому, ни убогому обиды ни малыя не будетъ, но всякой по своей мочи, какъ Великому Государю, такъ и помѣщику своему будетъ платить“²⁾.

Какъ видно, соображенія Посошкова имѣютъ нѣкоторое сходство съ мыслями его знаменитаго современника, строителя и защитника крѣпостей и экономиста Вобана, (*Vauban, Projet d'une dîme royale*). Во всѣхъ государствахъ опредѣленіе предмета, съ котораго собиралась подать, въ теченіемъ времени становилось все болѣе и болѣе точнымъ. Но лишь въ новѣйшее время были усовершенствованы способы составления кадастровъ. Посошковъ именно требуетъ такого усовершенствованія въ финансовой администраціи относительно крестьянъ и относительно поземельной собственности вообще. При этомъ онъ надѣется на достиженіе двухъ цѣлей. *Вопервыхъ*, онъ желаетъ „охраненія крестьянъ отъ помѣщиковъ“, желаетъ, чтобы крестьянамъ было „сносно“; онъ до такой степени считаетъ личность крестьянина полноправною, что предлагаетъ давать свободу тѣмъ крестьянамъ, которые донесутъ судьямъ о взиманіи съ нихъ лишнихъ поборовъ, между тѣмъ какъ, по его мнѣнію, крестьянъ, умалчивающихъ о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ, слѣдуетъ наказывать кнутомъ— „колико ударовъ уложено будетъ“³⁾. Посошковъ хочетъ, чтобы поборы были „легкостнѣ“ онъ требуетъ слѣдующее: „Буде кой помѣщикъ будетъ на крестьянъ своихъ налегать и наложить сверхъ указаннаго числа

¹⁾ Соч. Пос., I, 185—186.

²⁾ Тамъ же, I, 187—188.

³⁾ Соч. Пос., I, 188.

или излишнюю работу наложить, и еще тѣ крестьяне дойдутъ до суда, и у такого помѣщика тѣхъ крестьянъ отнять на государя и землю, то на то смотря, и самый ядовитый помѣщикъ сократитъ себя и крестьянъ разорять не станетъ" ¹⁾. *Восторжась* же. Посошковъ разчитываетъ на гораздо большіе доходы для казны: „Интересъ Его Императорскаго Величества вельми будетъ множиться“. *Втретьихъ*, онъ надѣется на уравниеніе экономическаго положенія крестьянъ, принадлежавшихъ бѣднымъ, и крестьянъ, принадлежавшихъ богатымъ помѣщикамъ. „Аще по вышесказанному крестьянскіе дворы управятся, то каково за сильными лица будетъ крестьянамъ жить, таково и за самыми убогими быть, и къ прежнему бѣгать крестьянамъ будетъ уже не для чего, потому что вездѣ равно будетъ жить“ ²⁾.

О деревенскихъ постройкахъ.

Страшное зло, отъ котораго страдало въ Россіи и городское, и сельское населеніе, были частые пожары. И въ лѣтописяхъ, и въ сказаніяхъ иностранцевъ встрѣчаются многія данныя о страшно опустошительныхъ дѣйствіяхъ огня. Уже довольно рано были приняты кое-какія мѣры противъ этой опасности. Были опредѣлены нѣкоторыя правила осторожности, были въ Москвѣ введены объѣзды, было запрещено топить мыльни лѣтомъ; было предписано ставить на избахъ бочки съ водою у дымницъ и т. п. Далѣе законъ старался предписывать нѣкоторыя правила о частныхъ зданіяхъ ³⁾.

Впрочемъ, въ отношеніи къ мѣрамъ предупрежденія почти ничего не было сдѣлано до Посошкова. Тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ его соображенія на этотъ счетъ, свидѣтельствующія опять-таки о необыкновенной наблюдательности и солидности его сужденія. „Къ крестьянскаго житія охраненію“, говоритъ онъ,—„надлежитъ приложить и сіе, ежебы и дворы ихъ перестроити, дабы имъ свободнѣе и покойнѣе было жить; понеже отъ тѣсноты крестьянство вельми разоряется: потому въ тѣснотѣ аще у кого одного загорится дворъ, то вся деревня выгоритъ, и иногда одного и двора не останется. И такъ погораютъ, что у инаго ни хлѣба, ни скота не останется. И отъ того во всеконечную скудость приходятъ. Аще бо селитьбою ихъ

¹⁾ Соч. Пос., I, 190.

²⁾ Тамъ же, 188.

³⁾ См. нѣкоторыя данныя о полиціи относительно пожаровъ у *Лешкова*, Русскій народъ и государство, и 527—537. *Erman's Archiv*, X, и т. п.

не тѣснили, то бы гибели имъ такой не было. И отъ такого ихъ разоренія надлежитъ имъ учинить охраненіе: дворы ихъ велѣтъ строить пространнѣе, и не сплошь дворъ подлѣ двора, но съ переступкою, гнѣздами, и улицы сдѣлать широкія на пространныхъ мѣстахъ саженъ по тридцати шириною, а и гдѣ тѣсное мѣсто, то и тутъ бы меньше двадцати саженъ улицъ не дѣлать: того ради, аще у кого загорится, то всѣ бы сосѣди бѣжали отнимать; егда межъ дворовъ будутъ промежки свободныя, то со всѣхъ сторонъ отнимать будетъ свободно, и тѣмъ двумъ дворамъ вовсе горѣть не дадутъ, потому что сосѣды по прежнему не кинутся за уборомъ домовъ своихъ, но всѣ будутъ отнимать у того, у кого загорѣлось. И въ нынѣшнемъ селеніи никоими дѣлы во время запаленія сосѣдамъ помощи подать не можно, понеже всѣ мечутся за своими уборами; обаче не вся убраться могутъ, но у всѣхъ не безъ погибели бываетъ. И тако вси погибаютъ, а отъ того и въ самую нищету^о приходятъ". Затѣмъ слѣдуютъ болѣе или менѣе подробныя соображенія о способѣ построекъ „гнѣздами". Къ этому Посошковъ даже прибавилъ рисунокъ ¹⁾.

Мысли Посошкова встрѣчаются и въ законодательствѣ того времени. Посошковъ требуетъ перестройки всѣхъ деревень „какъ мочно хотя не вдругъ, но помаленьку" и предлагаетъ весьма точный чертежъ, изъ котораго видно, что, по его соображеніямъ, между дворами должны были оставаться „промежки", а за дворами должны были находиться „жоноплянники". Извѣстно что какъ разъ въ то самое время, когда Посошковъ писалъ свою „Книгу о скудости и богатствѣ", правительство обнародовало относительно сельскихъ построекъ предписаніе точъ въ точъ сходное съ предложеніями Посошкова. Изъ сенатскаго указа 3-го апрѣля 1724 года видно, что 26-го іюля (7-го августа 1722 года было „опубликовано во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ о строеніи въ погорѣлыхъ селахъ и деревняхъ по чертежу, и чертежи при указахъ разосланы". Въ 1724 же году правительство жалуется на то, что не смотря на такое предписаніе, крестьяне погорѣлыхъ мѣстъ строятъ дворы „по старому обыкновенію,

¹⁾ Тутъ нельзя не обратить вниманія на слѣдующую, впрочемъ, незначительную несообразность въ текстѣ, изданномъ г. Погодинымъ. Въ концѣ VIII-й главы въ двухъ словахъ еще разъ упомянуто (стр. 189) о постройкѣ гнѣздами «якоже о томъ во осьмой главѣ изъяснится», между тѣмъ какъ въ восьмой главѣ, объ этомъ предметѣ не говорится, а только въ VII главѣ, стр. 172—173.

не оставляя между дворовъ огородовъ и коноплянниковъ". Поэтому предписывается строго наблюдать за тѣмъ, чтобы „до прежняго строенія сплошь дворовъ отнюдь не допускали ¹⁾).

Къ сожалѣнію, указъ съ чертежемъ отъ 26-го іюля 1722 года не сохранился. Именно сравненіе чертежей могло бы представить доказательство, что Посошковъ состоялъ въ нѣкоторой непосредственной связи съ правительствомъ. Или онъ могъ находиться подъ прямымъ вліяніемъ вышеупомянутаго указа, или же онъ какимъ-либо путемъ внушилъ правительству мысль о необходимости такого указа и сдѣлался такимъ образомъ виновникомъ этой весьма важной, хотя, и какъ видно не только изъ указа 1724 года, но также изъ характера сельскихъ построекъ нынѣшняго времени, совершенно безуспѣшной законодательной мѣры. Рѣшить этотъ любопытный вопросъ мы пока не въ состояніи. Принимая, однако, во вниманіе, что Посошковъ, весьма хорошо знакомый съ современными ему законами, на этотъ разъ не говоритъ ни слова о существованіи такого закона: поэтому мы можемъ считать вѣроятнымъ, что мысль Посошкова о реформѣ сельской архитектуры сдѣлалась въ частностяхъ извѣстною кому-нибудь изъ вліятельныхъ лицъ и превратилась въ указъ. Этотъ указъ явился 26-го іюля 1722 года. Посошковъ писалъ книгу „О скудости и богатствѣ“ отъ 1721 до 1724 года. Когда именно онъ писалъ главу „о крестьянствѣ“—неизвѣстно.

Какъ бы то ни было, ни старанія Посошкова, ни мѣры правительства для обезпеченія успѣха борьбы съ „Вулканусомъ“, какъ выражался въ то время Виниусъ о частыхъ пожарахъ,—не имѣли успѣха. И до сихъ поръ дома въ деревняхъ не строятся гнѣздами, какъ предлагалъ Посошковъ. Деревянные дома представляютъ собою непрерывную цѣпь горючаго матеріала. Въ губерніяхъ Казанской, Пензенской, Самарской, Саратовской, главнымъ образомъ вслѣдствіе этого обстоятельства, на каждый пожаръ приходится среднимъ числомъ отъ 10 до 13 домовъ ²⁾. Мнѣніе Посошкова и досихъ поръ еще вѣрно въ томъ отношеніи, что „и тако вси погибають, и отъ того въ самую нищету приходять“.

О межеваніи.

Посошковъ уже до составленія книги „О скудости и богатствѣ“ занимался вопросомъ о межеваніи. Ему приписывается составленіе не-

¹⁾ П. С. З., №4490.

²⁾ См. соч. Вильсона, Статистическія свѣдѣнія о пожарахъ въ Россіи (С.-Петербургъ, 1865), стр. 4 и 12.

большаго сочиненія, списокъ котораго находится въ библиотекѣ Императорской Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: „Книга о размѣреніи земли пашенной по росписанію крестьянскаго тягла десятинъ, пятинъ, четвертей, полчетвертей и поль-полчетвертей и менши, описанное какъ государевыхъ сель, такъ и черныхъ волостей, помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ по качеству къ плодоносію доброй, средней и худой земли“¹⁾). На какомъ основаніи это сочиненіе приписывалось Посошкову—покуда остается неизвѣстнымъ. По независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ не имѣвъ возможности заняться чтеніемъ и разборомъ этой рукописи, мы не можемъ ничего сказать по этому вопросу; но такъ какъ, впрочемъ, Посошковъ о межеваніи говоритъ весьма подробно въ восьмой главѣ своего сочиненія „О скудости и богатствѣ“, и изъ этихъ соображеній видно, что онъ былъ весьма хорошо знакомъ съ этимъ предметомъ, то мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что Посошковъ былъ авторомъ того сочиненія, о которомъ упомянуто въ V томѣ *Записокъ Императорской Академіи Наукъ*. Если-жъ авторомъ этой записки былъ Посошковъ, то по всей вѣроятности, выраженные въ восьмой главѣ сочиненія „О скудости и богатствѣ“ мысли по крайней мѣрѣ значительною долею могутъ считаться повтореніемъ того, что было сказано въ вышеупомянутой рукописи. Посошковъ въ отношеніи ко многимъ предметамъ любилъ въ разныхъ сочиненіяхъ повторять однѣ и тѣ же мысли. Такъ, напримѣръ, его доношеніе къ Яворскому отчасти сходно съ первой главою сочиненія „О скудости и богатствѣ“, а доношеніе къ боярину Головину сходно со второю главою этой книги; глава „о приказныхъ порядкахъ“ въ „Отеческомъ завѣщаніи“ сходна нѣкоторымъ образомъ съ содержаніемъ главы „о правосудіи“ въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ и т. п.

Вопросъ о межеваніи и о составленіи кадастра могъ считаться весьма важнымъ предметомъ заботъ правительства во время Посошкова. Это видно, между прочимъ, изъ множества указовъ „о размежеваніи пустошей“, „о межеваніи спорныхъ земель“ и т. п. По мѣрѣ того, какъ развивалось сознаніе о значеніи поземельной подати, правительство должно было стараться усовершенствовать приемы межеванія, болѣе точно опредѣлять доходность земель, однимъ словомъ—заняться составленіемъ кадастра для всей имперіи.

Восьмая глава сочиненія Посошкова „О скудости и богатствѣ“

¹⁾ См. *Записки Императорской Академіи Наукъ*, т. V, 62—63.

имѣть по одному списку заглавіе „О дворянѣхъ, о крестьянѣхъ и о земляныхъ дѣлахъ“, по другому только „О земляныхъ дѣлахъ“. Тутъ прежде всего говорится о вредѣ чрезмѣрнаго дробленія помѣщичьихъ земель. „Въ тѣхъ дробныхъ дѣлахъ“, говоритъ Посошковъ, — „кромѣ ссоры да бѣды, иного нѣтъ ничего, и за ссорами общія земли многія и пустѣютъ и дернѣютъ и лѣсомъ поростають. И въ томъ запустѣніи царскій интересъ малится, потому что отъ пустой земли никакого дохода не бываетъ. А у кого земля собственная, то онъ ее разчищаетъ и распахиваетъ и навозомъ навозиваетъ, и годъ отъ года и худая земля добрѣетъ, такожде и сѣнные покосы расквашиваютъ, и отъ того Царскаго Величества интересъ умножается“. Посошковъ предполагаетъ положить предѣлъ чрезмѣрному дробленію земель; такъ какъ однако общія владѣнія не бываютъ „безъ вражды и другъ другу безъ обиды“, то Посошковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже считаетъ необходимымъ продажу такихъ имѣній и распределеніе вырученныхъ денегъ между родственниками. Въ такомъ случаѣ „и браниться будетъ не о чемъ“, потому что на деньгахъ и малія дробинки раздѣляютъ часто“.

Далѣе Посошковъ жалуется на писцовъ, переписчиковъ и дозорчиковъ, которые, относясь къ своей обязанности весьма недобросовѣстно, „пишутъ и пишучи, не то чтобъ ее смѣрять, но и глазами не выдавъ, пишутъ все по крестьянскимъ сказкамъ, и въ иной пустоши напишутъ четвертей 50 въ полѣ, а въ дву потому жъ. И егда кто станетъ сѣять, ажно во всѣхъ трехъ поляхъ толико не высѣетъ“. Посошковъ по собственному опыту знаетъ, въ какой степени такіа показанія чиновниковъ бывали случайными, произвольными, неправильными и несправедливыми. Онъ говоритъ: „А въ иной пустоши, видѣлъ я, написано 6 четвертей, а высѣвается ржи въ одномъ полѣ по 20 четвертей, а лѣсу будетъ больше трехъ верстъ. И въ такомъ расположеніи только одна смута. И всякой деревнѣ и пустошамъ мѣра, да прозваніе, а при какой признакъ та земля, или съ какою землею смежна, ничего того не пишутъ, и раздѣленія межамъ не чинятъ. И отъ того многое множество ссоръ и убійства чинятся. И иные, забывъ страхъ Божій, взявъ въ руки святую икону, и на голову положа дернину, да отводятъ землю, и въ такомъ отводѣ смертне грѣшатъ, и много и того случается, еже отводя землю и неправдою между полагаая, и умирали на межѣ“¹⁾.

¹⁾ Соч. Пос., I, 191—193.

Можно представить себѣ, что подобный образъ дѣйствій чиновнаго люда долженъ былъ казаться дикимъ, вопіющимъ Посошкову, строгому защитнику правосудія, любившему во всемъ правильность, аккуратность, добросовѣстность. Потому-то онъ, порицая образъ дѣйствій писцовъ и доворщиковъ, не ограничивался этимъ, но самъ занялся составленіемъ руководства для межеванія земель. Его подробное объясненіе этого предмета показываетъ въ немъ отличнаго знатока дѣла. Мы намѣрены представить лишь образчикъ этихъ правилъ, предлагаемыхъ Посошковымъ. Онъ пишетъ между прочимъ: „А по прямому разсужденію надлежитъ всѣмъ жилымъ землямъ и пустошамъ учинить межи недвижимыя, а буде съ кѣмъ не раздѣлила ни рѣка, ни ручей, ни иная какая недвижимая признака, то присмотрить какую ни есть признаку, коея бы нарушить нельзя было, а буде нѣтъ таковыя признаки, то и на чистомъ мѣстѣ мочно дѣлать недвижимая признака, либо выкопать яма глубокая аршина въ три или въ четыре, и широтою такожде, и навозити ее полну каменья и накласть бугромъ, чтобъ матерья земли выше было, и на то копанье насыпать земли аршина на два или больше, и тотъ бугоръ вѣковий утиномъ и будетъ. И отъ того утину протянуть вверхъ по межѣ прямо до поворотки, и подъ ту вервь поставить мореходный компасъ, и куды укажетъ компасовая стрѣлка сѣверная, такъ именно и записать, и смѣрять по верви, колико отъ того утину до поворотки сажень, то такъ и записать“ и пр.—Далѣе Посошковъ предлагаетъ на межахъ посадить „деревцовъ“: „около коей земли сажены березки, то березы бѣ тутъ и были, а около коей земли сосенки или елки или дубъ или вязы и осины, то около той земли одни бы они и были.... и дерево кое насажено такъ и записать, а другаго рода въ тѣмъ деревьямъ не присаживать... И буде кое дерево посаженое подсохнетъ, та наки посадить такоежь... и годы два-три или пять-шесть перемѣшкавъ, наки всякому межевщику межъ своихъ осматривать, нѣтъ ли межахъ какое поврежденіе“.... Затѣмъ слѣдуютъ весьма подробныя указанія о наказаніяхъ тѣмъ, которые портятъ межи, объ осмотрѣ деревьевъ на межахъ, и о разныхъ приемахъ межеванія ¹⁾. Любопытно слѣдующее предложеніе Посошкова: „Аще и съ трудностью потрудиться о семъ, обаче въ роды родовъ безсорно бѣ было житіе. И егда Богъ и сіе благо дѣло совершить, то мнитца мнѣ, не худо бы и напечатать ихъ книгъ сотницу другую и по городамъ ра-

¹⁾ Соч. Пос., I, 193—196.

зослать. И еще гдѣ пожаръ учинится, то въ другомъ мѣстѣ она будетъ, и межевальный трудъ не погибнетъ, и смятенія о землѣ нигдѣ и ни убого не будетъ: она будто въ зеркалѣ всѣмъ зрима". Объяснивъ подробно, какимъ способомъ должно составлять чертежи отдѣльными участкамъ, Посошковъ замѣчаетъ: „И егда чертежъ правильно написанъ будетъ, то по чертежу мочно будетъ всякому человѣку, кто въ размѣрѣ силу знаетъ, и не бывъ на землѣ, скажетъ колико въ ней десятинъ и коликія четвертные пашни“. Онъ считаетъ необходимымъ, чтобы были „написаны всякой земли особливые чертежи, и всякая пустошь обмежеванная написана бѣ была на особливомъ листу“; затѣмъ онъ продолжаетъ: „И еще тако вся Россійская земля размежуется, то упокоятся всѣ земляныя ссоры: нельзя будетъ ни сажень кому чужой земли присвоить, но всякой будетъ, еще убогъ, и еще кто и ябедовать и нахиловать, а будетъ своимъ владѣть; и сильнымъ безмочныхъ тѣснить по прежнему будетъ не мочно, развѣ отнять все, и то будетъ явно всѣмъ, что чужимъ завладѣлъ и буде кто и покусится между заровнять, или холмъ на чужую землю перенести, то всякой человѣкъ будетъ вѣдать: потому что однимъ днемъ того не сдѣлать, а и сдѣлать не одному человѣку, и того ради будетъ славно и явно. И будо бы кто и сдѣлалъ, то и послѣди сыскать мочно, развѣ чертежи и книги всѣ пропадутъ, то тогда мочно обида чинить. Итого ради книги надлежитъ сдѣлать печатныя, а и чертежей по два-три мочно сдѣлать и положить ихъ одну книгу чертежную въ Москвѣ, а другую въ Санктпетербургѣ, а третью въ томъ городѣ, кому та земля присудна ¹⁾).

Все это Посошкову кажется необходимымъ ради кореннаго измѣненія податной системы.

О поземельной подати.

Поземельная подать существовала съ давнихъ поръ. Земля была опредѣлена по *десятинамъ, четямъ, сохамъ и вытнямъ*. Величина этихъ мѣръ была различна въ различныхъ мѣстахъ и въ разное время. Впрочемъ, поземельная подать не имѣла большаго значенія въ финансовомъ управленіи. Другіе доходы казны преобладали. Посошковъ желалъ привлечь преимущественно поземельную собственность къ участию въ платежѣ налоговъ ²⁾. Онъ пишетъ: „И тако всѣхъ гос-

¹⁾ Соч. Пос., I, 198 и 199.

²⁾ См. Исторію финансовыхъ учрежденій Россіи гр. Д. Толстаго, стр. 7 и слѣд.

подъ, великихъ и мелкихъ дворянъ дачи обмѣрить подлинною правдивою мѣрою, а не по прежнему глазомѣромъ, чтобы ни лишку и ни недомѣру противъ дачъ не было. Велики надлежитъ во всѣхъ межеваньяхъ мѣра четвертной пашнѣ полагать самая правдивая, да еще Его Императорское Величество повелитъ вмѣсто душегубства душевныхъ поборовъ брать съ земли, по чему съ четверти положено будетъ, то чтобы ни убогому, ни богатому обиды не было¹⁾.

Такимъ образомъ Посошковъ позволяетъ себѣ строгую критику существовавшей при немъ податной системы. Онъ называетъ подушную подать „душегубствомъ“ и желаетъ замѣнить ее поземельною податью; онъ обвиняетъ финансовое управленіе въ томъ, что при прежней системѣ, при отсутствіи строгихъ порядковъ межеванія и кадастра было много „обидъ“.

Всѣ эти вопросы не разъ съ тѣхъ поръ занимали экономистовъ и правителей. Наука политической экономіи и теории финансовъ совершенно въ духъ мыслей Посошкова высказалась противъ подушной подати²⁾. Физиократы, писавшіе немногимъ позже Посошкова, также указали на необходимость существенной перемѣны податной системы, обращая особенное вниманіе на поземельную подать. Въ новѣйшее время принципъ взиманія налоговъ съ дохода получаетъ все большее и большее значеніе въ финансовомъ управленіи, совершенно согласуясь съ убѣжденіями, высказанными Посошковымъ. Къ такимъ же заключеніямъ приходитъ и администрація у насъ въ Россіи, особенно послѣ тщательныхъ наблюденій, произведенныхъ надъ состояніемъ крестьянскаго сословія въ новѣйшее время.

Посошковъ, по своему обыкновенію, не ограничивается общимъ предложеніемъ реформъ въ законодательствѣ. Онъ входитъ въ частности. „И измѣривъ помѣстные и вотчинныя земли, обложить ихъ платежемъ съ земли, по чему онъ Великій нашъ Государь укажетъ имать съ четверти или съ десятины на годъ, со всѣхъ владѣтелей земли Россійской, которая останется за раздачею къ крестьянскимъ дворамъ подъ пашню ихъ и подъ сѣнокосъ, въ помѣщичьихъ поляхъ и въ пустошахъ и въ лѣсахъ и въ болотахъ; потому что всякая земля, коя отдѣлена будетъ къ крестьянскимъ дворамъ, съ той земли

¹⁾ Соч. Пос., I, 200.

²⁾ См., напримѣръ, Rau, Lehrbuch der polit. Oekonomie, Bd. III. 2-te Hälfte. стр. 192. (Heidelberg, 1877); также Эмингаузъ (Emminghaus) въ *Reutsch*, Handwörterbuch. Leipzig, 1866. стр. 517.

будутъ платить крестьяне по дворовому своему окладу, и того ради ту землю за помѣщиками и числить не надлежитъ. И буде положить мѣра десятины длиннику 80 сажень, а поперечнику 40 сажень ¹⁾, и съ такой десятины, мнится мнѣ, что можно съ пахотныхъ земли по осьми копѣекъ взять на годъ, а съ сѣновосной по шти копеекъ, а съ лѣсныхъ по четыре копѣйки, а съ болотныхъ по двѣ копѣйки. И я чаю, что на каждый годъ денежнаго сбору тысячъ ста по два-три рублевъ будетъ приходить, или и гораздо больше, и тотъ земляной сборъ будетъ прочень, и никогда онъ не умалится, токмо годъ отъ году прибывать будетъ. Буде кто лѣса расчислитъ и пахотными полями устроить, то у того дачи прибудеть, а буде кто лѣсъ вырубя, да хлѣбъ снавъ паки запуститъ, и на землю прибавлять дачи не для чего, потому что она паки подъ лѣснымъ угодемъ будетъ. И аще кто и болото обсушитъ и устроить сѣновосъ, то и тамо прибудеть же сбору. И того ради земскимъ комиссаромъ на всякой годъ надлежитъ осматривать, буде кто прибавитъ пашни или сѣновосу, то и окладу на него надлежитъ прибавить. И по тому расположенію никто даромъ землею владѣть не будетъ, но всѣ будутъ плательщики ²⁾.

И при этомъ случаѣ Посошковъ оказывается вѣрнымъ подданнымъ и горячимъ патріотомъ. Онъ хорошо понимаетъ необходимость финансовыхъ пожертвованій со стороны каждаго подданнаго. Поэтому онъ, въ видѣ обезпеченія общихъ интересовъ, столько же желаетъ привлечь другихъ къ усиленному платежу налоговъ, сколько и самъ былъ готовъ платить болѣе прежняго, лишь бы распределение податей было рационально, то-есть, соотвѣтствовало бы имуществу и доходамъ каждаго. И тутъ, какъ при нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, обнаруживается нѣкоторое нерасположеніе Посошкова къ высшимъ классамъ общества: „А нынѣ есть много такихъ, что за инымъ помѣщикомъ земли пустошей десятка два-три есть, и по окладу въ нихъ четвертей тысяча-мѣста будетъ, и тѣ пустоши отдають подъ пахоту и подъ сѣновосъ изъ найма, и на вѣждо годъ десятковъ по пяти-шти берутъ, а Великому Государю не дасть онъ ни деньги. Кто есть я? и за мною съ полтора-четвертей есть, а платежу моему нѣтъ съ нихъ Великому Государю ни малаго. И буде въ Руси вся земля измѣрить прямо и исчислить де-

¹⁾ 3200 квадр. саж., нынѣ десятина 2400 кв. с.

²⁾ Соч. Пос., I, 202.

сятинами, то я чаю, десятинь миллионовъ десятеа два-три и больше будетъ; и аще обложить кругомъ алтына по два съ десятины, тысячь сотъ пять шесть будетъ того сбору, и того платежа никому по-тратить или въ платежѣ похитрить будетъ не возможно; потому что не единны десятины утаить будетъ не возможно“¹⁾).

Изъ этихъ соображеній мы видимъ, въ какой солидарности съ интересомъ казны находился Посошковъ. То обстоятельство, что при платежѣ податей публика столь часто относилась недобросовѣстно къ выгодамъ казны, стараясь утаить предметъ налога, кажется Посошкову доказательствомъ сильной нравственной порчи общества. Всею душою желая помочь государству въ достиженіи цѣлей послѣдняго, онъ не разчитываетъ на содѣйствіе самаго состоятельнаго класса Русскаго народа. „Только чаю“, замѣчаетъ онъ,—„сильныя лица будутъ всячески сіе дѣло препинать, понеже они обыкли по своей волѣ жить, и не такъ они любятъ дать, какъ себѣ взять“. Въ качествѣ ревностнаго сторонника правительства, Посошковъ ожидаетъ, что „сильныя лица... будутъ препятся чинить“, но въ то же время онъ надѣется, что „Великій Государь переломить ихъ древнее упрямство“²⁾).

Посошковъ хорошо понимаетъ, что такая реформа сопряжена съ значительными затрудненіями. Онъ ожидаетъ, что особенно въ первое время даже будетъ недостатокъ въ людяхъ опытныхъ въ межеваніи. Онъ признаетъ, что трудно всю землю размежевать, по „послѣди всѣмъ оно любезно и покойно будетъ“. За то онъ надѣется, что земляная подать „тверже подушнаго сбору“, что она „постоянна и прибыльна“. „Землю“, онъ замѣчаетъ,—„сотвори Богъ недвижиму, и владѣніе земли аще и переходитъ изъ рукъ въ руки, обача она стоитъ недвижимо; того ради и поборъ аще съ нея учинить, можетъ онъ недвижимымъ быть, и состоятеленъ онъ будетъ“³⁾). Затѣмъ онъ старается опредѣлить точнѣе финансовый результатъ предлагаемой имъ операціи.

Посошковъ, опытный въ вычисленіяхъ, считая десятину въ 3200 квадратныхъ саженой, находитъ, что въ каждой квадратной верстѣ по $78\frac{1}{8}$ десятинь. Считая „кругомъ съ пахатныя и съ сѣнокосныя и съ болотныя земли по грошу съ десятины“, онъ ожидаетъ сбору „милліонъ мѣста другой во всякій годъ, и тотъ сборъ не оскудѣетъ,

¹⁾ Соч. Пос., I, 20, 3.

²⁾ Тамъ же, 204.

³⁾ Соч. Пос. I, 203—204.

но токмо мало по малу отъ расчистки лѣсовъ будетъ приполниться“. Сбору отъ 1 до 2 милліоновъ рублей по 2 копѣйки за десятину соотвѣтствуетъ количество 50 до 100 милліоновъ десятинъ. Разумѣется, эта цифра есть результатъ приблизительной оцѣнки, а не точнаго измѣренія, однако она довольно хорошо согласуется съ дѣйствительностью. Тенгоборскій насчитываетъ въ Россіи 90 милліоновъ десятинъ пахатныхъ полей и 60 милліоновъ десятинъ луговъ. Принимая въ соображеніе, что съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Посошковъ, до Тенгоборскаго территория Россіи расширилась чрезъ пріобрѣтеніе различныхъ земель, напримѣръ польскихъ, татарскихъ и турецкихъ цифра у Посошкова оказывается довольно близкою къ дѣйствительности.

Посошковъ желаетъ, чтобы были измѣряемы и обложены всѣ, безъ исключенія, земли: имѣнія дворянъ, дворы „крестыанскіе и всякихъ чиновъ людей и прочихъ у градскихъ жителей и у приказныхъ канцеляристовъ и у прочихъ служителей приказныхъ, и у самыхъ судей.. дабы на землѣ Его Императорскаго Величества никто даромъ не жилъ“. Такимъ образомъ, по мнѣнію Посошкова, всѣ землевладѣльцы считаются какъ бы откупщиками государю. Поземельная подать, такъ сказать, имѣетъ значеніе арендной платы. Такой взглядъ на отношеніе подданныхъ къ государю, собственнику всѣхъ земель, соотвѣтствуетъ еще нынѣ господствующему на востокѣ, въ Турецкой имперіи.

Посошковъ считаетъ главнымъ основаніемъ поземельной подати количество земли. Онъ говоритъ прежде всего о межеваніи, а затѣмъ только обращаетъ вниманіе на доходъ съ земли. То обстоятельство, что онъ предлагаетъ брать иную подать съ пахатныхъ полей, иную съ сѣнокосовъ и т. д., уже показываетъ, что онъ мечталъ о чемъ-то въ родѣ кадастра. Особенно замѣтенъ этотъ взглядъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Посошковъ говоритъ о поземельной подати съ такихъ земель, гдѣ происходятъ занятія садоводствомъ. Онъ замѣчаетъ: „А съ огородныя земли и съ подгородныя, на которыхъ земляхъ овощи садятъ и сѣютъ, и сады загородныя разведены, также измѣрять въ дробныя сажени, и мнится, съ тѣхъ загородныхъ огородовъ съ десяти сажень по копѣйкѣ можно имать“¹⁾. Значитъ, въ то самое время, когда Посошковъ считалъ достаточнымъ, чтобы съ каждой десятины пахатной земли уплачивалось по 8 копѣекъ, съ сѣнокосной

¹⁾ Соч. Пос., I, 207—208.

по 6 копѣекъ и пр., съ такихъ „огородныхъ и подгородныхъ“ земель онъ предлагаетъ взимать по 320 копѣекъ, то-есть, въ пятьдесятъ разъ больше, чѣмъ съ пахатныхъ земель.—Какъ видно, Посошковъ имѣлъ болѣе или менѣе точныя понятія о теоріи поземельнаго дохода, хотя въ наукѣ развитіе этой теоріи послѣдовало гораздо позже, благодаря изслѣдованіямъ Рикардо, Тюнена и проч.

Что касается до примѣненія въ практикѣ предложеній Посошкова относительно поземельной подати, то и въ настоящее время русское законодательство занято рѣшеніемъ тѣхъ самыхъ вопросовъ, которыми довольно тщательно занимался когда-то Посошковъ. Раньше или позже, но сколько можно судить при настоящемъ положеніи дѣла объ этомъ предметѣ, главныя основанія предложеній Посошкова должны осуществиться. Отмѣна подушной подати должна считаться лишь вопросомъ времени. Болѣе тщательное распредѣленіе поземельнаго налога, привлеченіе всѣхъ къ участию въ платежѣ онаго, развитіе значенія этого налога между доходами государственными, все это, мало по малу, уже съ нѣкотораго времени составляетъ весьма важный предметъ заботъ правительства. Посошковъ въ этомъ отношеніи понималъ не только нужды и потребности своего вѣка, но и слѣдующихъ за нимъ поколѣній.

Напротивъ того, крестьянскій вопросъ былъ затронутъ Посошковымъ лишь слегка, главнымъ образомъ потому, что развитіе крестьянскаго состоянія относится значительною долею ко времени послѣ Посошкова. Между тѣмъ какъ въ отношеніи къ крестьянамъ онъ скорѣе былъ консерваторомъ и не ожидалъ еще большаго упадка крестьянскаго быта, по вопросу о поземельной подати онъ былъ прогрессистомъ, далеко опередившимъ свой вѣкъ.

IV.

Мысли Посошкова о финансахъ.

Разбирая понятія Посошкова о состояніи земледѣльческаго сословія, мы уже имѣли случай видѣть, въ какой мѣрѣ Посошковъ понималъ необходимость всѣхъ пожертвованій со стороны и каждого въ пользу казны, какъ онъ умѣлъ цѣнить значеніе финансовъ для государства, и какъ онъ мечталъ объ устройствѣ по возможности болѣе правильнаго отношенія хозяйства государственнаго къ общественному хозяйству.

Уже въ первой главѣ, въ которой мы подвергали разбору нѣкоторыя обще-экономическія понятія Посошкова, мы указали на то обстоятельство, что скромный крестьянинъ-экономистъ постоянно имѣлъ въ виду тѣсную связь между выгодами казны и экономическимъ состояніемъ общества. Едва ли многіе современники Посошкова въ Россіи столь ясно понимали необходимость доставленія казнѣ весьма значительныхъ средствъ для покрытія издержекъ государства. Едва ли многіе государственные люди, а также и представители публики, платящей налоги, столь ясно, какъ Посошковъ, сознавали необходимость весьма осторожнаго и рациональнаго взиманія податей.

Мы имѣли случай видѣть, что Посошковъ былъ во многихъ отношеніяхъ просвѣщеннымъ посредникомъ между правительствомъ и обществомъ въ области хозяйственной полиціи. И при обсужденіи финансовыхъ вопросовъ, онъ постоянно старался согласовать интересъ государственнаго бюджета съ благосостояніемъ публики. Хотя у него еще не встрѣчается самаго слова „финансы“, хотя, и даже весьма часто, онъ смѣшиваетъ понятіе о „царскомъ интересѣ“ съ понятіемъ о благосостояніи народа, онъ во многихъ случаяхъ весьма точно и опредѣленно рассуждаетъ о соотношеніи между финансами и экономическимъ бытомъ частныхъ лицъ.

Уже въ первыхъ сочиненіяхъ Посошкова мѣстами затрогиваются финансовые вопросы. Въ донесеніи боярину Головину (1701 г.) довольно подробно говорится о расходахъ для содержанія войска, о военномъ бюджетѣ. Въ не дошедшихъ до насъ „денежныхъ письмахъ“ Посошкова говорилось о монетной системѣ и ея значеніи для государственнаго хозяйства. Гораздо подробнѣе однако говорится о разныхъ финансовыхъ вопросахъ въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“. Последняя глава этой книги, „о царскомъ интересѣ“, цѣликомъ посвящена этимъ вопросамъ, а кромѣ того, и въ другихъ главахъ встрѣчаются разныя рассужденія о финансовыхъ предметахъ. Такъ, напримѣръ, въ главѣ „о правосудіи“ говорится о контролѣ надъ цѣловальниками, бурмистрами и сборщиками, въ главѣ „о земляныхъ дѣлахъ“ о поземельной подати, въ главѣ „о купечествѣ“ — о монетахъ и т. п.

Посошковъ имѣетъ высокое понятіе о значеніи нравственности для матеріальнаго благосостоянія государства. Въ началѣ книги „О скудости и богатствѣ“ онъ говоритъ: „То бо есть самое царства украшеніе и прославленіе и честное богатство, аще правда, яко въ земскихъ лицахъ, тако и въ мизирныхъ, она насадится и твердо вкоренится, и вси, яко богати, тако и убози, между собою любовію

имуть жить, то всякихъ чиновъ люди по своему бытію въ богатствѣ довольни будутъ. Понеже правда никого обидить не пускаетъ, а любовь принудить другъ другу въ нуждахъ помогати; и тако вси обогатятся, а царскія сокровища со излишествомъ наполнятся; и аще и поборъ какой прибавочный случится, то не морщася, платить будутъ“¹⁾.

Предлагая, чтобы крестьяне при продажѣ скота или хлѣба и т. п. платили десятую часть цѣны государю въ видѣ пошлыны, Посошковъ замѣчаетъ въ главѣ „о духовенствѣ“: „И отцамъ духовнымъ твердо дѣтямъ своимъ духовнымъ заказывать, чтобы отнюдь ничего не таили: и буде правдою будутъ яко Богу, тако и царю отдѣлять десятину, то Богъ ихъ благословитъ всякимъ изобиліемъ и пр.“²⁾. Весьма рѣзко осуждаетъ Посошковъ образъ дѣйствій недобросовѣстныхъ людей, занимающихся торговлею и уклоняющихся отъ платежа опредѣленныхъ закономъ пошлынь. Съ ожесточеніемъ говоритъ онъ о безцеремонномъ обращеніи сильныхъ, богатыхъ людей съ цѣловальниками и сборщиками казны, которые „къ богатымъ людямъ прикоснуться не имѣютъ“, потому что сильные люди „сборщиковъ чуть живыхъ оставляютъ“³⁾.

Еще до Посошкова объ этой обязанности всѣхъ сословій участвовать въ платежѣ налоговъ довольно обстоятельно говорилъ Крижаничъ. Въ тронной рѣчи, составленной послѣднимъ какъ бы для царя Алексѣя Михайловича, царь говоритъ, между прочимъ⁴⁾: „Вы мораете (должны) радо и охотно пріемать всякія наши заповѣди: а именно объ поборехъ: когда коли кратъ мы вамъ заповѣмъ, всегда вы будете повинны давать поборъ: на посилокъ (на поддержку) наша казны, ко всякимъ потребамъ. А мы вамъ супроть тому обѣщаемъ: яко поборовъ не хотимъ выпрошать безъ нужи. А должны будутъ поборъ давать всѣ посадники и всѣ кметы, никого не изнимаю. То есть наипервые наши королевски посадники и нашихъ королевскихъ селъ кметы и селаны. А за тѣмъ всяки церковны, княжески, властельски и боярски посадники и кметы“⁵⁾. Готовностью платить налоги, говоритъ Крижаничъ въ другомъ мѣстѣ, подданные

¹⁾ Соч. Пос., I, 2—3.

²⁾ Соч. Пос., I, 23.

³⁾ Тамъ же, I, 116.

⁴⁾ Крижаничъ, I, 328.

⁵⁾ Крижаничъ, I, 328.

лучше всего избѣгнуть всѣхъ бѣдствій финансовыхъ крутыхъ мѣръ, оказывающихъ вредное вліяніе на благосостояніе народа, каковы „кабаки“, „злые пѣнази“ и т. п. ¹⁾). Какъ видно, Крижаничъ превосходилъ Посошкова и ясностью понятія объ обязанностяхъ подданныхъ платить налоги, и точностью указанія на вредныя финансовыя мѣры.

О расходахъ государства.

Посошковъ говоритъ лишь въ одномъ мѣстѣ и къ тому же въ одномъ изъ самыхъ раннихъ сочиненій, а именно въ донесеніи боярину Головину „О распутномъ поведеніи“. Тутъ онъ нѣсколько подробнѣе занялся составленіемъ военнаго бюджета. Весьма тщательно вычисляетъ онъ, дорого ли обойдется предложенная имъ организація войска. Онъ полагаетъ устроить пѣхоты 50.000 чел., по 10 руб. жалованья каждому, далѣе 10 четвертей хлѣба на человѣка (по 50 к. четверть) и подъемныхъ три рубля на человѣка. Такимъ образомъ, расходы на содержаніе пѣхоты, по его мнѣнію, должны быть: 500.000 р. + 250.000 р. + 150.000 р. Итого 900.000 р. Затѣмъ:

ружье по 2 руб.	100.000 р.
богинеты по 50 коп.	25.000 „
пороху 5 фунт. по 10 к. фунтъ .	25.000 „
пулекъ 5 „ „ 3 „ „	7.000 „
	<hr/>
	157.500 р.

Кормъ на три мѣсяца, по рублю на человѣка, Посошковъ считаетъ 150.000 руб. Значить, всѣ три суммы вмѣстѣ: 900.000 + 157.500 + 150.000 = 1,207.500 р.

Не довольствуясь этимъ, Посошковъ вычисляетъ, сколько стоило бы содержаніе 10.000 человѣкъ пѣхоты, еслибы каждый стрѣлецъ получалъ по 30 рублей и хлѣба—20 четвертей и подъемныхъ 5 рублей. Это составило бы 450.000 р.

ружье по 6 рублей	60.000 „
бердыши или богинеты по 60 к. .	6.000 „
ножи „добрые“ по 20 коп.	2.000 „
пороху по 3 фун. по 20 к. фунтъ .	6.000 „
„пулей“ по 3 фунта.	900 „
корму	45.000 „
	<hr/>
Итого	569.000 р.

¹⁾ Крижаничъ, I, 370.

Такими выкладками Посошковъ старается доказать, что содержаніе менѣе многочисленнаго, но состоящаго изъ лучшихъ стрѣлковъ и снабженныхъ лучшимъ оружіемъ войска обходится дешевле, чѣмъ содержаніе войска многочисленнаго даже въ томъ случаѣ, когда жалованье солдатамъ, умѣющимъ стрѣлять въ цѣль, будетъ стоить втрое дороже содержанія обыкновенныхъ солдатъ.

Въ концѣ записки, составленной для Головина, Посошковъ возвращается къ этимъ финансовымъ вопросамъ, и въ особенномъ приложеніи сообщаетъ „исчисленіи казны, что иметца противъ вышесказаннаго расположенія“. Мы позволимъ себѣ привести краткое извлеченіе изъ этой смѣты въ доказательство того, какъ подробно Посошковъ занимался вопросомъ о нуждахъ государства.

20.000 человекъ пѣхоты по 25 р. жалованья и по 4 руб. подъемныхъ	929.800 р.
<hr/>	
20.000 копейныхъ солдатъ по 16 р. жалованья .	320.000 „
хлѣба по 16 четвертей, по 50 коп. четверть . .	160.000 „
подъемныхъ по 3 рубля	60.000 „
копья съ бердышами и пр. по 1 рублю . . .	20.000 „
	<hr/>
	560.000 р.
<hr/>	
„работнымъ“ людямъ 20.000 руб. по 8 р. жалованья, хлѣба по 8 четвертей, подъемныхъ рублей по 2 рубля	280.000 р.
кирки, топоры и пр. по 50 коп.	10.000 „
„для нужной обороны“ по рогатинѣ, по 30 коп.	6.000 „
	<hr/>
	296.000 р.
<hr/>	
конницы 10.000 человекъ по 60 рублей	600.000 р.
хлѣба ему и коню по 40 четвертей	200.000 „
на коня по 10 рублей	100.000 „
ружье по 8 рублей	80.000 „
пара „пистолей“ по 4 рубля	40.000 „
„остръ“ по 1 рублю	10.000 „
пороху и пулекъ	31.500 „
	<hr/>
	1,061.500 р. ¹⁾

¹⁾ У Посошкова, по ошибкѣ, 1,171.500 р.

конейщиковъ и лучшихъ стрѣльцовъ 10.000, по	
40 рублей годоваго жалованья	400.000 р.
хлѣба по 40 четвертей	200.000 „
на коня по 8 рублей.	80.000 „
на подъемъ по 8 рублей.	80.000 „
на оружіе по 5 рублей	50.000 „
	<hr/>
	810.000 р.

Значить, расходы на содержаніе войска въ 60.000 чел. составляютъ сумму около $3\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей и т. д. ¹⁾).

Устройство финансовъ въ то время, когда Посошковъ писалъ о военномъ бюджетѣ, при критическомъ положеніи, въ которомъ находилось государство, было дѣломъ самымъ важнымъ. Правильной финансовой организациі еще не существовало. Правительство всѣми мѣрами старалось умножить доходы государства, которые весьма значительною долей употреблялись на содержаніе войска и флота. Къ сожалѣнію, о тогдашнемъ состояніи финансовъ имѣются лишь отрывочныя данныя. Такъ напримѣръ, цифры, сообщенныя въ сочиненіи г. Соловьева, еще не могутъ дать намъ яснаго понятія о финансовомъ состояніи Россіи въ то время. Вотъ что сказано тамъ на счетъ финансовъ въ 1710 году: „27-го января 1710 г. государь велѣлъ въ первый разъ сличить приходъ съ расходомъ: оказалось во всѣхъ губерніяхъ доходу 3,051.796 рублей; по табелямъ губернаторскимъ среднихъ доходовъ 3,016.590 р., изъ общаго сложеннаго трехъ годовъ перечня треть 3,133.879 р. Расходъ на армію простирался до 1,252.525 рублей, на флотъ до 444.288 р., на артиллерію и припасы до 221.799 р., рекрутамъ 30.000 р., на оружейныя дѣла 84 104 р. и т. д.“ ²⁾). Какъ кажется, фактическіе расходы, какъ видно изъ этихъ официальныхъ данныхъ, были менѣе значительны, чѣмъ цифры, встрѣчающіяся въ военномъ бюджетѣ, составленномъ Посошковымъ. Это обстоятельство удивляетъ насъ тѣмъ болѣе, что смѣта Посошкова относится къ 1701 году, тогда какъ официальныя цифры о расходахъ въ сочиненіи г. Соловьева относятся къ 1710 году. Въ какой мѣрѣ, однако, въ продолженіе царствованія Петра увеличивались размѣры бюджета, видно изъ слѣдующихъ цифръ. Въ 1710 году доходы составляли сумму около 3 милліоновъ, въ 1722 г. — 7,859.833 руб., а въ 1725 г. — 10,186.707 р.

¹⁾ Соч. Пос., I, 289—291.

²⁾ Соч., Ист. Рос., XVI, 44.

Къ этому же времени относится чрезвычайно значительное увеличеніе размѣровъ бюджетовъ и прочихъ европейскихъ государствъ; главнымъ образомъ причиной этого явленія были войны Людовика XIV и громадныя расходы Франціи для содержанія двора и войска. Въ Англіи въ 1685 г. доходы составляли сумму 1,400.000 фунт. ст.; въ 1709 году они достигли уже цифры 7 милліоновъ фунт. ст. Въ Австріи при Фердинандѣ доходы были $7\frac{1}{2}$ мил. гульденовъ; въ 1733 году мы встрѣчаемъ цифру 42 милліоновъ гульденовъ и т. п.

Результатомъ такого усиленія потребностей, нуждъ, расходовъ государствъ, а главнымъ образомъ, слѣдствіемъ развитія системы постоянныхъ войскъ было усложненіе финансовой системы, изобрѣтеніе новыхъ средствъ для доставленія казнѣ необходимыхъ денежныхъ средствъ, во многихъ случаяхъ поврежденіе экономическихъ интересовъ общества посредствомъ чрезмѣрной строгости при взиманіи налоговъ, обусловливаемой недостаточнымъ пониманіемъ общественно-хозяйственнаго организма.

Въ настоящее время развитіе государственнаго права, гласность, печать, сила и вліяніе общественнаго мнѣнія, все это содѣйствуетъ болѣе просвѣщенному, болѣе рациональному управленію финансами. Въ эпоху Посошкова такихъ способовъ къ финансовымъ реформамъ не существовало. Поэтому такія болѣе или менѣе подробныя записки о финансовыхъ вопросахъ, какъ глава „о царскомъ интересѣ“ въ книгѣ „О скудости и богатствѣ“, могутъ считаться драгоценнымъ матеріаломъ для исторіи мнѣній, господствовавшихъ въ нѣкоторой части общества относительно тогдашняго управленія финансами. Тутъ мы встрѣчаемъ мнѣніе благонамѣреннаго, вѣрнаго подданнаго, понимающаго необходимость доставленія казнѣ весьма значительныхъ денежныхъ средствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отзывъ публициста, желающаго обратить вниманіе правительства на всѣ неудобства финансоваго управленія и предлагающаго существенныя реформы, даже коренное преобразованіе податной системы. Такая перемѣна кажется необходимою Посошкову и ради умноженія казны, и ради обезпеченія интереса частнаго богатства. Онъ и тутъ является настоящимъ посредникомъ между обществомъ и государствомъ.

О собираніи налоговъ.

Уже въ главѣ „О политико-экономическихъ понятіяхъ Посошкова“ мы имѣли случай указать на старанія его убѣдить правительство въ томъ, что при солидарности государственнаго и общественнаго

хозяйства необращеніе вниманія на интересы общества при собираніи налоговъ по необходимости должно вредить и интересу казны. Наполнить казну, не обращая вниманія на народное богатство и его сохраненіе, Посошковъ считаетъ дѣломъ негруднымъ: гораздо болѣе сложною задачей кажется ему обогащеніе народа путемъ разумнаго и гуманнаго управленія, путемъ просвѣщеннаго законодательства и энергическаго, но притомъ либеральнаго полицейскаго надзора.

Петръ Великій, какъ мы видѣли, раздѣлялъ эти мнѣнія Посошкова. Онъ зналъ, что при собираніи налоговъ чиновники иногда поступали безчеловѣчно. Поэтому въ именномъ указѣ отъ 25-го августа 1713 года Петръ, „милосердуя о народахъ государствъ своихъ, ревнуя искоренить неправедныя, бѣдственныя, всенародныя тягости и похищеніе лукавыя государственныя казны“, изъявилъ сожалѣніе о томъ, что „возрастають на тягость всенародную, и умножаются для лукавыхъ пріобрѣтеній и похищеній государственныхъ интересовъ великія неправды и грабительства, и тѣмъ многіе всякихъ чиновъ люди, а наипаче крестьяне приходятъ въ разореніе и бѣдность“. Поэтому Петръ изъявилъ намѣреніе „искоренить повредителей интересовъ государственныхъ и во всякихъ государственныхъ дѣлахъ неправды и тягости, а именно въ сборахъ“ и т. д. Онъ приказалъ при сборахъ поступать „съ великимъ радѣтельнымъ осмотрѣніемъ, безъ всякихъ лукавыхъ вымысловъ и беспосудно, ища государственной прибыли безъ тягости народной“. За нарушеніе этого указа Петръ ослушникамъ грозилъ смертною казнью и конфискованіемъ имущества ¹⁾. Въ другомъ указѣ того же года предписывается строго, чтобы при сборѣ подушной подати съ сибирскихъ мастеровыхъ людей, ихъ „ни въ чемъ не привлекали и не волочили и не убитчили и нигдѣ бѣ ихъ не держали, потому что безъ нихъ... пробыть не возможно“ ²⁾.

Искоренить зло грабежа въ финансовомъ управленіи оказалось невозможнымъ. Поэтому Посошковъ не переставалъ говорить о необходимости принятія мѣръ для „истребленія обидниковъ... и явныхъ и потаенныхъ грабителей“ ³⁾.

Посошковъ проповѣдуетъ въ интересѣ казны крайнюю осторожность не только въ отношеніи къ плательщикамъ податей, но даже

¹⁾ П. С. З., № 2707.

²⁾ П. С. З., № 2727.

³⁾ Соч. Пос., I, 3.

и въ отношеніи къ лицамъ, состоящимъ въ нѣкоторой официальной связи съ финансовымъ управленіемъ. Онъ самъ когда-то находился въ такомъ положеніи. Онъ былъ „у водочнаго строенія“ въ Москвѣ, и тутъ именно, какъ писалъ Меншиковъ, „приличился въ ратушѣ въ воровствѣ“¹⁾. Не имѣя возможности судить о томъ, на сколько такое обвиненіе было справедливо, мы, однако, не можемъ сомнѣваться въ томъ, что Посошкову, по собственному опыту, была известна вся затруднительность положенія бурмистровъ, цѣловальниковъ, весьма часто раззоряемыхъ несправедливымъ привлеченіемъ къ суду и носившихъ страшную отвѣтственность за недоимки.

Въ главѣ „О правосудіи“ онъ пишетъ: „Я и сего не могу разумѣть, чего ради бурмистровъ и иныхъ сборщиковъ весьма требуютъ и недочеты безвременно правятъ? Буде какой человекъ какимъ недоразумѣніемъ нѣсколько казны утратитъ или и на свою потребу взялъ, и у отчету въ платежѣ не достанетъ, то мнѣ мнится, надлежитъ у него взять сказки, какъ онъ тѣ деньги заплатитъ. И буде скажетъ, что вскорѣ заплатитъ, то и добро такъ; а буде скажетъ въ годъ или въ два или въ три, то безвременно раззоритъ его не надобно, но взять на немъ на тѣ деньги по указу процентъ. И отъ того великому государю пополненіе интереса, а люди будутъ цѣлы, и промысловъ своихъ не отдадутъ; а безвременные платежи яко на крестьянъ, тако и купечеству, явное раззореніе, царству—истощеніе, а не собраніе. Царская собранія не истощатся, аще и не круто будутъ собратися, всячески свое мѣсто наполнять, а крутое собраніе не собраніе, а раззореніе. И буде на комъ и недочетъ какой явится, то только для извѣстія надлежитъ писать въ коллегію, чтобъ тамъ явно было, на комъ что останется недостаточныя казны. И отъ такого порядка казнѣ великаго государя будетъ великое пополненіе и царственное украшеніе, понеже никто раззоренъ не будетъ, и въ нищету пригнанъ не будетъ же, и домъ его цѣлъ будетъ. А по прежнему уставу за недоимку дворъ и пожитки отберутъ, да оцѣнивъ вполъ или втреть или въ десятую долю, да и продадутъ; и тако со всѣмъ его раззорятъ“²⁾.

Все это легко объясняется точкою зрѣнія Посошкова, его личнымъ опытомъ, однако *audiatur et altera pars*. Изъ писемъ знаменитаго прибыльщика Курбатова видно, какая безграничная недо-

¹⁾ Устряловъ, Ист. Петра Вели., I, стр. IX.

²⁾ Соч. Пос., I, 72.

бросовѣтность господствовала среди бурмистровъ и прочихъ представителей финансоваго управленія. Въ 1705 году Курбатовъ писалъ о безпорядкахъ въ финансовомъ управленіи Москвы, что „отъ бурмистровъ премногія явились кражи вашей казны“, что „бурмистры пишутъ въ книги съ великимъ уменьшеніемъ“. Курбатовъ спрашиваетъ: „И такимъ клятвопреступникамъ, крадущимъ вашу казну, что чинить? Да повелите мнѣ ваше величество, въ страхъ прочимъ о самыхъ воровству производителяхъ учинить указъ, да воспріимуть смерть, безъ страха же исправить трудно; ей, ей, государь, превеликое чинится на Москвѣ и въ городахъ въ сборахъ воровство. Подъячіе ратушскіе превеликіе воры и всякое вышеозначеннымъ ворами чинятъ въ ихъ посползовеніяхъ помоществованіе и берутъ премногія взятки“. При этомъ Курбатовъ приводитъ разные примѣры, какія средства употребляли частные люди для собственныхъ выгодъ противъ выгодъ казны. Въ слѣдующемъ году Курбатовъ опять повторилъ свои жалобы Изъ его донесеній видно, какія чувствительныя потери для казны были сопряжены съ этою недобросовѣстностью служащихъ. „За градскими бурмистры“, пишетъ онъ, — „премногое воровство чрезъ мое бѣднаго усиліе сыскано: въ одномъ Ярославѣ украдено до 40,000 рублей. На Псковичей Ниеифора Ямскаго и Михаила Сарпунова съ сыномъ и на иныхъ лучшихъ людей доносятъ, что во время точию Шведской войны украдено ими пошлинъ и питейной прибыли съ 90,000 рублей и больше... Одни Ярославцы и Псковичи готовы дать 20,000 рублей, чтобъ только избѣгнуть обличенія отъ меня“. Безпрестанно доносилъ Курбатовъ о нерадѣніи бурмистровъ, притѣсненіи ими убогихъ, казнокрадствѣ и пр. ¹⁾).

Положеніе было весьма затруднительное: съ одной стороны, Курбатовъ обвинялъ подданныхъ, что они неохотно платятъ подати, и что „кому мочно платить сто рублей, тотъ платитъ пятнадцать, а убогіе отягчены“ ²⁾); съ другой — отчаянная борьба, которую началъ Петръ Великій съ казнокрадами, дѣйствительно легко могла повести къ разнымъ лишнимъ притѣсненіямъ, гибельнымъ для народнаго благосостоянія, и къ несправедливому обвиненію и привлеченію къ суду невинныхъ. Съ одной стороны, учрежденіе новыхъ должностей прибыльщиковъ и фискаловъ было вызвано необходимостью умноженія государственныхъ доходовъ, а съ другой — обличенія, доносы,

¹⁾ Соловьевъ, XVI, стр. 10—13.

²⁾ Соловьевъ, XVI, 10.

подметныя письма давали просторъ произволу чиновниковъ и не могли не оказывать вреднаго вліянія и на нравственный и матеріальный бытъ народа. Въ какой мѣрѣ недовѣріе, съ одной стороны, и нечестность, съ другой, были общимъ явленіемъ, видно изъ того обстоятельства, что иногда фискалы доносили другъ на друга, — что столь замѣчательные сановники, какъ Нестеровъ, Виніусъ и Курбатовъ были подъ судомъ, — что и самъ Посошковъ, столь твердо стоявшій за „правду“ и за „царскій интересъ“, былъ компрометированъ и считался „обличившимся въ воровствѣ“. Не даромъ Петръ Великій жаловался: „Нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти еще есть, и дѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды“¹⁾. Впрочемъ, и самъ Петръ сознавалъ, что обвиненія въ воровствѣ бывали иногда несправедливыми. Такъ, напримѣръ, къ Меншикову Петръ однажды обратился съ упрекомъ: „Ты мнѣ представляешь плутовъ какъ честныхъ людей, а честныхъ людей выставляешь плутами“²⁾.

Поэтому были необходимы, съ одной стороны, строгость, съ другой — осторожность: строгость въ преслѣдованіи виновныхъ, осмотрительность въ обвиненіи. Посошковъ также требовалъ строгости: „Безъ страха“, говоритъ онъ, — „не думаю, чтобы можно было тотъ злой корень истребить: если какая-нибудь земля сильно задержитъ, то нельзя на ней сѣять пшеницы, пока этого тернія огнемъ не выжгутъ; такъ и въ народѣ злую застарѣлость зломъ надобно и истреблять“. Финансовыя реформы Петра Великаго, по мнѣнію ганноверскаго резидента Вебера, должны были встрѣтить многія затрудненія вслѣдствіе такой закоренѣлой „неправды“ въ народѣ, на которую такъ часто и такъ сильно жаловался Посошковъ³⁾. Однако, въ то же время Посошковъ требовалъ осторожности въ обращеніи съ народомъ, именно въ финансовомъ управленіи. Весьма краснорѣчиво онъ говоритъ въ главѣ „О правосудіи“: „Въ поборѣхъ за гривну изъ человѣка хотять душу вытянуть, а гдѣ многія тысячи погибають напрасно, того нимаю не смотрять, не внимають тому, какъ бы въ чемъ прокъ сдѣлать къ пополненію царственнаго интереса богатства; но токмо то считають, что на лицо принимаютъ; то и въ прибыль почитають. А что тѣмъ собираніемъ своимъ бѣдъ надѣлають людямъ, понеже са-

¹⁾ *Сол.*, XVIII, 137.

²⁾ *Сол.*, XVI, 251.

³⁾ *Weber*, I, 57.

тому великому государю надѣлають убытковъ множество, то ничего того не смотря и не радѣють о томъ. Самое основаніе собранію то радѣтельное, еже Его Императорскому Величеству ето потщится казну собирать, а людей не разорить“¹⁾.

Изъ множества данныхъ видно, въ какой мѣрѣ низшія сословія страдали отъ такой излишней строгости финансовыхъ чиновниковъ и до Посошкова, и при немъ. Въ 1618 году съ Бѣлоозерцевъ взыскивались таможенные недоборныя деньги, и взысканіе производилось съ такою суровою строгостью, „что многіе лутчіе съ правожовъ разбѣглися безвѣстно съ женами и дѣтьми, покиня дома свои пустыне“. Въ 1673 году было постановлено, что если головы и цѣловальники не были замѣчены въ воровствѣ и утайкахъ, то недоборныхъ денегъ на нихъ не взыскивать. Ежегодно до 3.000 лицъ во всѣхъ городахъ исполняли городскія таможенныя службы; эти 3.000 лицъ принадлежали къ самымъ богатымъ гражданамъ, но и они весьма часто при этомъ случаѣ раззорались, какъ видно весьма ясно изъ челобитной Нижегородцевъ 1674 года, въ которой они писали слѣдующее: „По указу великаго государя служить они въ Нижнемъ Новгородѣ и Нижегородскомъ уѣздѣ въ таможенныхъ и на крупичныхъ дворахъ въ головахъ, и въ земской избѣ въ старостахъ, и въ приказной избѣ для всякой покупки, и на укусуномъ дворѣ, и великаго государя у оханной низовой рыбной ловли, и въ ловцахъ, и про великаго государя изъ посадовъ у рыбнаго выбору и за отдачами, и у свѣжія рыбы, и на конской площадкѣ, и у Пермскаго лодейнаго солянаго промысла, и у бань въ цѣловальникахъ, и у тюремъ въ сторожахъ, . . . и отъ того-де многіе посадскіе люди изъ Нижнему врознь бредуть, а достальныя въ конецъ поубаюють“¹⁾.

Не даромъ Посошковъ требовалъ болѣе осторожнаго обращенія съ бурмистрами и цѣловальниками, жалуюсь на то, что служившихъ въ Новгородѣ заставляли ѣздить въ Петербургъ для представленія отчетовъ по нѣскольку лѣтъ сряду, и что „отъ того людямъ чинится великое разореніе и народное оскудѣніе“. Далѣе онъ жалуется на то, что такіе отчеты требуются иногда по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. „Десять лѣтъ спустя“, замѣчаетъ Посошковъ,—„я не знаю, какой счетъ прямой будетъ? только приказнымъ людямъ покормки; а въ скоромъ отчетѣ и разоренія бы не было служителемъ, и отслужи

¹⁾ Соч. Пос., I, 106.

²⁾ Хлѣбниковъ, 287.

всякой бы за свой промыселъ принялся, и отъ такова управленія никогда бы во всеконечное убожество купеческіе люди не приходили бы¹⁾.

Ещё яснѣе эта мысль о необходимости щадить экономическія силы народа выражена въ слѣдующемъ: „И кои люди держатъ на откупу кабаки или что и иное, и аще и срокъ пройдетъ платежу, то не по него, ни по поручиковъ посылать отнюдь не надобно, потому что въ томъ излишнемъ задержаніи умножаться будетъ царской интересъ. А посылками судьи промышленникамъ чинятъ великія убытки, а Царскому Величеству не прибыль чинятъ, но токмо препятіе Его Величества интересу. Сего судьямъ прилежно надлежитъ смотрѣть, буде дѣло важное и вельми нужное; а буде и важное, да къ скорости не нужное, то мочно ему и просрочить. Во всякомъ дѣлѣ надобно смекать, что ему великому государю прибытокъ былъ, а напраснобъ ничего не пропадало“²⁾. „Мнится мнѣ“, говоритъ Посошковъ далѣе,—„паче всякаго дѣла надлежитъ старатися о правомъ судѣ, и аще правосудіе у насъ оставится, то всѣ люди будутъ боятися неправды: всему добру основаніе—нелицеприятный судъ! Тогда и собраніе казны будетъ сугубо“³⁾.

Иностранцы, находившіеся въ Россіи при Петрѣ Великомъ, также довольно часто сожалѣли о томъ что, чиновники слишкомъ мало обращали вниманія на народное богатство при собираніи налоговъ. Такъ, напримѣръ, Перри въ сильныхъ выраженіяхъ говоритъ о разныхъ продѣлкахъ губернаторовъ и цѣловальниковъ, о произволѣ и насиліи при собираніи налоговъ, о вредѣ дѣятельности прибыльщикова и т. п.⁴⁾. Штраленбергъ замѣчаетъ, что губернаторы всевозможными способами раззоряли ввѣренныя ихъ управленію страны; такъ, напримѣръ, чиновники, отправляемые ими для сбора податей, являлись съ требованіями казны обыкновенно въ то время, когда крестьяне, въ самую горячую рабочую пору, не имѣли наличныхъ денегъ и вслѣдствіе того должны были продавать своихъ лошадей и коровъ, и свой хлѣбъ за половинную цѣну. Лишенные скота и возможности продолжать хозяйство, крестьяне поэтому бѣжали иногда даже за границу. Штраленбергъ насчитываетъ до 100.000 человекъ бѣжавшихъ въ Польшу, Литву, Турцію и Татарію и т. д.⁵⁾.

¹⁾ Соч. Пос., I, 70—71.

²⁾ Тамъ же, I, 72.

³⁾ Тамъ же, I, 73.

⁴⁾ *Perry*, 300, 403.

⁵⁾ *Strahlenberg*, 238.

Не даромъ въ послѣдствіи итальянскій экономистъ Дженовези довольно наглядно и остроумно объяснилъ значеніе разумнаго и справедливаго распредѣленія налоговъ слѣдующимъ образомъ: „На спинѣ человѣкъ можетъ носить довольно тяжелое бремя, тогда какъ носить на носу предметъ хотя бы въ одинъ фунтъ вѣсу было бы невыносимо“¹⁾.

При Петрѣ Великомъ правительство придумывало разныя новыя источники для доставленія казнѣ матеріальныхъ средствъ. Задачею прибыльщиковъ было открытіе новыхъ источниковъ дохода. Слѣдствіемъ того было весьма значительное усложненіе финансовой системы. Посошковъ жалуется на такую многосложность и пестроту разныхъ поборовъ. Въ главѣ „о царскомъ интересѣ“ онъ говоритъ: „И нынѣ многіе вымышленники, хотя сборы пополнить, вымыслили поземельныя, подушныя, хомутейныя, прикольные, съ судовъ водяныхъ, посаженныя, мостовыя, пчельныя, банныя, кожныя, покосовшинныя и съ подводчиковъ десятыя, и называютъ то собраніе мелочными сборами; наполнится казна можетъ, токмо людямъ турбащія великая; мѣлочной сборъ мѣлокъ онъ и есть“²⁾.

Посошковъ былъ правъ. Число разныхъ новыхъ налоговъ, введенныхъ при Петрѣ Великомъ, было весьма значительно. Изобрѣтательность правительства на этотъ счетъ была изумительна. Прибыльщики указывали новыя источники дохода, и правительство брало вездѣ, гдѣ только можно было взять, чтобы вынести тяжелую Шведскую войну. Рыбныя ловли, бани, хомутный сборъ, мачтовыя деревья и пр. были отданы на откупъ; были введены сборы на дубовые гробы, пошлина на бороду и усы; съ извозчиковъ велѣно брать десятую долю съ наемной платы³⁾; явились и мельничный сборъ, и мостовыя деньги, и гербовая бумага, и повышеніе цѣны на соль, и проч.⁴⁾ Безконечный рядъ распоряженій, инструкцій, указовъ, относящихся къ финансовому управленію, указываетъ на усиленную дѣятельность правительства въ этомъ отношеніи. Все это весьма легко могло сдѣлаться чрезвычайно тягостнымъ для общества, между

¹⁾ *Wirth*, *Nationalökonomie*, II, 348.

²⁾ Соч. Пос., I, 212—220.

³⁾ П. С. З., № 2032. «Съ подводчиковъ десятую», говоритъ Посошковъ.

⁴⁾ П. С. З., №№ 1176, 1353, 1426, 1500, 1501, 1514, 1528, 1570, 1580, 1581, 1607, 1628, 1637, 1773, 1789, 1816, 1965, 1994, 1995, 1999, 2001, 2002, 2007, 2014, 2045, 2123, 2350, 2411, 2558, 2786, 2832, 4193, 4196 и пр.

тѣмъ какъ финансовый результатъ этихъ многочисленныхъ сборовъ былъ не особенно важенъ.

Посошкову, между прочимъ, не нравится налогъ, собираемый для содержанія самого государя. „Еще же“, пишетъ онъ,— „къ тѣмъ мѣлочнымъ сборамъ приложимъ и иной сборъ, иже Царскому Величеству весьма неприличный: такому великому монарху, и на весь свѣтъ славному, и великому императору, собирають ему на нужные расходы со всякаго сбора по деньгѣ на рубль, и сей сборъ паче всѣхъ сборовъ моему мнѣнiю противенъ; понеже царь нашъ всесовершенный самодержецъ, и не токмо отъ своихъ рабовъ, но и отъ иныхъ своихъ сосѣдей зазнѣнъ быти не можетъ. Онъ нашъ государь подобенъ Богу, еже восхоцетъ можетъ сотворити, и казну свою можетъ со излишествомъ наполнити, и никакая нужда денежная коснуться его не можетъ“¹⁾.

О такомъ налогѣ, составлявшемъ полпроцента всѣхъ сборовъ, мы нигдѣ не нашли указанiй. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что расходы на содержанiе русскаго двора, по показанiю Фокеродта, составляли сумму 50.000 рублей²⁾. Такъ какъ мы знаемъ, что доходы простирались въ концѣ царствованiя Петра до 10 миллiоновъ, то стало быть, расходы на содержанiе двора дѣйствительно составляли полпроцента всего бюджета. Это отношенiе соотвѣтствуетъ показанiю Посошкова о собиранiи на нужные расходы государя „со всякаго сбора по деньгѣ на рубль“.

Что касается до отдѣльныхъ налоговъ, то Посошковъ обращаетъ особенное вниманiе на поземельную подать, на пошлину при продажѣ и покупкѣ разнаго рода товаровъ, на соляную регалию и на доходъ съ хлѣбнаго вина.

Поземельная подать.

О поземельной подати, на сколько она сдѣлалась предметомъ наблюдений и соображенiй Посошкова, мы уже говорили въ предыдущей главѣ. Можно удивляться тому, что его замѣчанiя на этотъ счетъ встрѣчаются исключительно въ главѣ „о земельныхъ дѣлахъ“, между тѣмъ какъ въ главѣ „о царскомъ интересѣ“, посвященной именно вопросамъ финансового управленiя, ни слова не сказано о поземельной подати, хотя ея значенiе во всемъ бюджетѣ, по мнѣнiю Посошкова, было весьма

¹⁾ Соч. Пос., I, 220.

²⁾ *Herrmann*, *Zeitgenössische Berichte*. Leipzig 1872, стр. 117.

большое. Посошковъ ожидаетъ, что поземельная подать будетъ весьма важною доходною статьею. Въ введеніи въ книгу „О скудости и богатствѣ“ онъ пишетъ: „А и сіе не токмо не право, но и весьма гнило, еже землямъ достовѣрнаго измѣренія и межъ не сдѣлано, и колико ея подъ рукою монарха нашего есть, а платежа съ нее и малаго нѣтъ. Дворяне накупаютъ пустошей да въ наймы отдаютъ, и многія деньги на каждой годъ кортомы (sic) съ нея берутъ, а великому государю ни по деньгѣ на годъ не платятъ. Россійское царство на пространѣйшемъ мѣстѣ стоитъ, и многонародно оно есть, а собраніе казны въ царскія сокровища весьма негобзовито собирается, ибо въ военное время не достааетъ того собранія на военные расходы; а пространства земли въ немъ толико, еже исчислити неможно, а нѣтъ съ нея ни малаго собранія. Аще бы съ нея учиненъ платежъ по ней самой малой, чтобъ лише никто на ней даромъ не жилъ, то и одного землянаго платежа миллионное собраніе бы было, и было бы оно недвижимо; земля самый гобзовитый данникъ ему великому нашему монарху была бы и никогда измѣны бы ему не было. И аще прямо вся собранія исправятся, и собиратели будутъ прямо собирать, то тако мочно нашему великому государю довольну казною быть и безъ знаметныхъ (?) поборовъ, еже на каждаый годъ миллиона по два-три за всякими расходы въ царскихъ сокровищахъ и оставатися будетъ“¹⁾.

Посошковъ, какъ мы видѣли, хотѣлъ замѣнить подушную подать поземельною. И самъ Петръ сталъ замышлять о введеніи кадастра, желая собирать налоги сообразно съ доходами плательщиковъ оныхъ. Это стремленіе, на примѣръ, обнаруживается въ указѣ 1705 года, въ которомъ предполагалось ввести переписныя книги для купцовъ, посадскихъ и слободскихъ людей; правительство старалось узнавать, кто какимъ ремесломъ или какою работою промышляетъ, сколько кто нанимаетъ земли, и сколько каждый наемщикъ платитъ найма²⁾. Какъ видно, тутъ было начало проекта о сборѣ съ обывателей податей соразмѣрно съ промысломъ каждаго, соразмѣрно и съ поземельнымъ владѣніемъ. 5-го февраля 1722 года Петръ приказалъ: „посадскихъ переписать и которые вышли въ деревни и иныя мѣста въ дворцовыя и помѣщичковы для укрѣпленія, всѣхъ взять въ посады; а платить сверхъ промысловъ, учинить анштальтъ, примѣняясь

¹⁾ Соч. Пос., I, стр. 8.

²⁾ П. С. З., № 2076.

къ другимъ государствамъ, и свое мнѣніе предложить¹⁾). Для сельскихъ обывателей Петръ предполагалъ учредить подать, соразмѣрную съ поземельнымъ владѣніемъ. Посему въ регламентѣ камеръ-коллегии онъ вмѣнилъ въ обязанность этому высшему финансовому управленію— позаботиться о составленіи земскихъ или грунтовыхъ переписныхъ книгъ, которыя могли бы служить прямымъ основаніемъ распредѣленію и взиманію податей съ уѣздныхъ жителей. Такія книги должны были составлять, начиная съ отдѣльныхъ помѣстій или погостовъ и восходя отъ нихъ къ дистриктамъ, а отъ послѣднихъ ко всей провинціи. Для единообразія въ составленіи особенныхъ или частныхъ и общихъ земскихъ книгъ, высшее финансовое управленіе должно было снабдить мѣстныя управленія (земскія конторы) образцами переписныхъ книгъ. Книги, составленныя мѣстнымъ управленіемъ, должны были поступить на ревизію и регулированіе высшаго управленія. Подати на земскихъ обывателей должны были быть налагаемы по состоянію почвы, по климату и особеннымъ обстоятельствамъ и хозяйственнымъ отношеніямъ каждой провинціи, по цѣнѣ полевыхъ плодовъ въ той мѣстности, и по другимъ основаніямъ, опредѣляющимъ различіе въ доходѣ съ поземельнаго владѣнія²⁾).

Все это вполне соответствовало духу предложеній Посошкова въ главѣ „о земляныхъ дѣлахъ“. Но все это осталось проектомъ. Скоро послѣ того Петръ умеръ. Осуществленіе мысли о кадастрѣ и о поземельномъ налогѣ осталось дѣломъ будущности.

О пошлинѣ съ продажи и покупки разныхъ предметовъ.

Уже въ среднихъ вѣкахъ Кастильскій король Альфонсъ XI ввелъ въ своихъ владѣніяхъ пошлину, уплачиваемую въ видѣ извѣстной доли цѣны каждаго продаваемого предмета. Въ 1342 г. она составляла 21 часть цѣны предмета или около 5%, а въ 1742 г. достигла 10% цѣны предмета. Эта подать, извѣстная подъ названіемъ „alcavala“, оказалась чрезвычайно губительною для всего экономическаго быта народа, затрудняя на каждомъ шагѣ мѣну и вредя такимъ образомъ промышленности и торговлѣ. Тѣмъ не менѣе это учрежденіе сохранялось въ Италіи до XIX вѣка³⁾).

¹⁾ П. С. З., № 3898.

²⁾ См. соч. *Кранихфельда*, Финансовая система и учрежденія Петра Великаго, въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1845, ч. XLVII, стр. 52—53.

³⁾ *Rühls*, *Mittelalter*, стр. 560.

Нѣчто въ этомъ родѣ существовало и въ Россіи. Сборъ, состоявшій въ извѣстныхъ процентахъ съ цѣны товара, встрѣчается въ разныхъ видахъ. По новоторговому уставу 1667 года, съ продажи товаровъ вѣскихъ опредѣляется окладъ пошлинъ въ 5% съ цѣны, а съ невѣскихъ по 4%. По наказу большой Московской таможи, со всякихъ вѣскихъ товаровъ съ покупателей взымались перекупныя пошлины по 1½ деньги съ рубля; ежели же товаръ купленъ у иноземцевъ, то по 2 деньги съ рубля. Съ хлѣба и другихъ удобоизмѣряемыхъ произведеній сельскаго хозяйства взымалась помѣрная пошлина въ 5%. Въ отвращеніе злоупотребленій по сбыту хлѣба и недобора помѣрной пошлины, продажа дозволялась только на торгахъ, и отнюдь не на дворахъ. За утайку же хлѣба или за показаніе цѣны ему ниже настоящей, для уменьшенія самаго платежа пошлинъ, полагалось наказаніемъ взятіе хлѣба въ казну безповоротно. Первая покупка товаровъ въ уѣздѣ у производителей, бывшая прежде безпошлинною, обложена Петромъ Великимъ тѣми же сборами. Покупатели въ семь случаевъ должны были платить за первыхъ продавцовъ или производителей, свободныхъ отъ платежа пошлинъ. За утайку этой пошлины правительство грозило страшными наказаніями. Такія пошлины назывались зауѣздными уставными пошлинами. Онѣ составляли 5% съ цѣны товара за уѣздныхъ продавцовъ и 5% за покупателя ¹⁾. Очевидно, такая пошлина, во первыхъ, тормозила нѣкоторымъ образомъ торговые обороты; во вторыхъ, она весьма часто подавала поводъ къ продѣлкамъ разнаго рода. Утайка этой пошлины не представляла особенныхъ затрудненій. Посошковъ въ своей книгѣ „О скудости и богатствѣ“ въ разныхъ главахъ говоритъ объ этой пошлинѣ, которую онъ находитъ вполне цѣлесообразною. Однако изъ замѣчаній его, дающихъ намъ возможность подробнѣе узнать о частностяхъ этого финансоваго учрежденія, видно, что пошлина платилась особенно неохотно, и что поэтому примѣры утайки ея были весьма часты.

Посошковъ выражаетъ въ главѣ „о духовности“, желаніе, чтобы духовенство оказывало нравственно вліяніе на общество, убѣждая всѣхъ и каждого платить добросовѣстно эту пошлину: „А кой хлѣбъ надлежитъ продать помѣщику или крестьянину, и съ того хлѣба отдѣляли бѣ десятую часть великому государю на пошлину; такожде и отъ скота, который опредѣленъ будетъ продать, то и съ тоя цѣны

¹⁾ П. С. З., № 2033, *Кранихфельдъ*, 41 и 42.

также отдѣлять десятую часть въ пошлину, а кую скотину употребить кто себѣ на пищу, то и съ тое скотины отдѣлить десятую долю на церковь на пищу служителямъ церковнымъ и въ богадѣльни, также и въ меду, и въ маслѣ, и рыбѣ, и въ ящахъ, и во всякихъ прибыткахъ, отъ всего неизмѣнно при себя употребляемаго отдѣлять въ церкви десятая доля, а отъ продажнаго отдѣлять великому государю въ пошлину десятая же часть¹⁾.

Во главѣ „о царскомъ интересѣ“ говорится объ этомъ же предметѣ гораздо подробнѣе, а именно съ финансовой точки зрѣнія. „А въ сборѣ царскаго интереса“, пишетъ Посошковъ,—„не весьма право дѣется; ибо покушаются съ одного вола по двѣ и по три кожи сдирать, а по истинной правдѣ не могутъ и единныя кожи цѣлыя содрати, и елико не нудятся, токмо лоскуты содираютъ, и въ томъ царскаго величества интересу поврежденіе чинится великое, понеже хощутъ излишнюю пошлину взять, да въ томъ и истинную свою потеряли. Ибо, по торговому уставу, въ которомъ городѣ товаръ какой собирается, то повелѣно съ крестьянъ пошлинъ брать по пяти копѣекъ съ рубля, а кто собираетъ, то съ тѣхъ велѣно явочныхъ денегъ по пяти денегъ съ рубля, да отвозныхъ по пяти денегъ съ рубля; и того станеть по гривнѣ съ рубля, и куды тотъ товаръ отвезутъ и продадутъ, то наки съ продажи берутъ по пяти копѣекъ съ рубля. Нынѣ вмѣсто тѣхъ пятнадцати копѣекъ съ иныхъ товаровъ ни по деньгѣ съ рубля на сойдеться, потому что многіе покупаютъ у себя на дому, а иные покупаютъ отъѣхавъ. И тако первая пять копѣекъ, кое было надлежало взять съ крестьянства и пропадетъ, а тотъ купецъ продаетъ тайно же, та и другая пять копѣекъ пропадетъ, и тотъ второй купецъ, привезши въ свой городъ тайно, въ свою лавку или по инымъ раскладеть. И тако въ мѣлкую продажу онъ изойдетъ, то и третья пять копѣекъ пропадетъ. А буде кто какого товара не можетъ тако тайно учинить, то онъ возьметъ выписъ на свое имя, и кто у него купитъ, и тотъ по той чужой выписи повезеть, и буде удасться продать безошлино, то тое выписъ назадъ отвозить, и какъ ни есть съ тѣмъ бурмистромъ сладятся, да и выписъ о земь. И того ради многіе отпускныхъ выписей и въ книги не записываютъ. А буде кто тайно товару своего продати не можетъ, то токмо одну пошлину заплатитъ по пяти копѣекъ съ продажи, а та вся пропала; а буде кто и тайно избудеть, а откуду тотъ

¹⁾ Соч. Пос., I, 26 и 27.

товаръ поднять нельзя платежной выписи не явивъ, то возьметъ платежную выпись гдѣ въ маломъ городѣ или въ селѣ, гдѣ тотъ товаръ никогда не бывалъ, и цѣну напишетъ малую, и съ той малой цѣны возьмутъ у него по договору съ рубля по двѣ копѣйки, а съ правдивыя продажи едва и по копѣйки съ рубля сойдется ли. И тако вмѣсто многихъ разныхъ пошливъ пятикопѣчныхъ никому одной пятикопѣчной пошлины не сойдется; и вмѣсто пятиалтынныхъ едва сойдется ли и по копѣикѣ съ рубля. И того ради нельзя быть сборамъ пошлиннымъ великимъ потому, что вся пошлина на переводъ идетъ ¹⁾.

Изъ этихъ замѣчаній Посошкова видно, что предметъ, о которомъ онъ говоритъ столь подробно, былъ весьма хорошо извѣстенъ ему по собственному опыту. И въ качествѣ купца, а также и въ качествѣ представителя „царскаго интереса“, Посошковъ испыталъ всѣ неудобства этой запутанной системы внутреннихъ таможенныхъ пошливъ, всю произвольность, которую она часто допускала, всѣ злоупотребленія, вызванныя этимъ изобрѣтеніемъ сравнительно низкой степени культуры ²⁾.

Однако Посошковъ, подвергая критикѣ существовавшее при немъ весьма неудобное финансовое учрежденіе, не былъ въ состояніи предложить коренную реформу его. Соображенія на этотъ счетъ Посошкова оказываются неудовлетворительными. Онъ предлагаетъ нѣкоторое упрощеніе существовавшей системы, но въ сущности тутъ нѣтъ ничего новаго. „По моему мнѣнію“, пишетъ онъ, — „вышеупомянутые древняго устава пошлинные многоплодные сборы и нововымышленные мѣлочныя сборы отставить, да уставить единъ самый государственный правдивый сборъ, иже съ Христова воплощенія установленный, то есть, десятинный же имать пошлины по гривнѣ съ рубля, а не по пяти алтынѣ. И учинить бы тотъ сборъ постоянный и недвижимый и никогда ненарушимый, чтобъ со всякаго товару взять пошлины

¹⁾ Соч. Пос., I, 219.

²⁾ Уже множество названій этихъ пошливъ показываетъ намъ степень многосложности и запутанности этого сбора; вотъ нѣкоторыя изъ этихъ названій: тамга, вѣсечее, коятарное, подъемное и припускъ, рукозобная пошлина, помѣрное, восмичнее, пятенное, писчее и поводное, гостинное, поворотное и анбарное, порядное, головщина, отвозъ и т. д.; между заславными пошлинами: мытъ, побержное, отводъ, шестовина, перевозъ, мостовщина и т. д. См. о происхожденіи этихъ сборовъ въ сочиненіи графа Дм. А. Толстаго, Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи, стр. 72 и слѣд.

единожды по гривнѣ съ рубля, и уже бы съ того товара въ другой рядъ или въ третій отнюдь бы ничего никогда нигдѣ не имать“¹⁾. Посошковъ ожидаетъ, что при такомъ устройствѣ пошрины будетъ вдвое или втрое больше „настоящаго сбора ея“.

Нѣсколькими страницами дальше онъ говоритъ подробнѣе объ этой пошринѣ: „Еже бы брать пошрина всякая по вышеписанному на кореню, то всѣ тѣ сборы управить одна таможня. И откуда какой товаръ кто ни станетъ поднимать, и почему онъ будетъ тутъ на торгу купленъ, или на дому у себя, или въ деревню отѣхавъ, обаче по прежнему уже пошрины утайтъ нельзя будетъ; почему онъ ни купить, а пошрину дастъ полную по гривнѣ съ рубля, и уже никонми дѣлы и отбить отъ платежа не возможно будетъ; потому что безъ платежныя выписи²⁾ нельзя ему никогда того товару повезти. Того ради что еще безъ платежныя выписи куда ни поѣдетъ, то взять будетъ тотъ товаръ на великаго государя безповоротно“. Затѣмъ слѣдуютъ у Посошкова многія частности о доносахъ и наказаніяхъ по случаю утайки этой пошрины и о разныхъ правилахъ контроля. Эти подробности менѣе интересны; онѣ однако показываютъ, что Посошковъ былъ столь же опытнымъ купцомъ, какъ и финансовымъ чиновникомъ. Едва ли мѣры, предлагаемыя Посошковымъ, были вполне цѣлесообразными? Утайка пошрины и при осуществленіи его предложеній была легко возможна. Доносы, награжденіе доносчиковъ, наказаніе купцомъ виновниковъ, всѣ эти средства азійско-варварскаго уголовного судопроизводства не достигали желанной цѣли, не обезпечивали достаточно интереса казны: тѣмъ не менѣе Посошковъ вновь и вновь предлагаетъ ихъ употребленіе. Болѣе практичнымъ оказывается его предложеніе „пятнать“ товаръ, за который десятипроцентная пошрина была уплачена. Разумѣется, не всѣ товары, а развѣ лишь нѣкоторые, допускали такую операцію „перепятнанія таможеннымъ пятномъ“: „А буде кто соберетъ скота быковъ или коровъ, то на всякой скотинѣ на правой бедрѣ выжигать цифирными словами число рублямъ, колько за кое скотину дано рублевъ, а колько за рублями копѣекъ лишку, то тѣми жъ цифирными словами выжигать на правой лопаткѣ, а коя скотина куплена ниже рубля, то личить копѣйками и выжигать такожде на правой лопаткѣ. И у лошадей такожде цѣну выжигать рубли на правой бедрѣ, а копѣйки на правой лопаткѣ. И

¹⁾ Соч. Пос., I, 220.

²⁾ То-есть, акцизная квитанція или бандероль.

за такимъ порядкомъ нельзя будетъ ни единыя скотины, ни лошади, не заплатя пошлины и не заплативъ оной, ни продать, ни купить; и отпуская ту скотину бурмистрамъ писать въ книги, и именно сколько какой скотины, и коей что цѣна, а лошадямъ и годы писать и при-
мѣты“¹⁾.

Посошковъ, кажется, не могъ предвидѣть многосложности и запутанности бюрократическихъ приемовъ, необходимыхъ для приведенія въ исполненіе его предложенія. Чѣмъ болѣе сложны были операціи контроля, тѣмъ болѣе онѣ могли подавать поводъ, съ одной стороны, къ разнаго рода притѣсненіямъ публики чиновнымъ людомъ, съ другой—къ разнымъ продѣлкамъ со стороны купцовъ и таможенныхъ чиновниковъ. Тѣ самыя неудобства, на которыя такъ часто обращалъ вниманіе Посошковъ, такимъ образомъ не только не устранялись, а усиливались. Проектируемая имъ регламентація контроля надъ уплатою этой пошлины свидѣтельствуетъ, что публика при Петрѣ Великомъ привыкла къ чрезвычайно сложнымъ приемамъ бюрократическаго организма, считала эти приемы необходимыми и даже во многихъ случаяхъ видѣла въ усложненіи ихъ удобнѣйшее средство къ разнаго рода реформамъ. Эта система пошлинъ внутри государства оказалась вообще на практикѣ несостоятельною. Впослѣдствіи многіе такіе сборы были отмѣнены правительствомъ, и благодаря такой мѣрѣ торговые обороты внутри государства сдѣлались болѣе свободными, болѣе оживленными. Законодательство послѣдующаго времени развивалось въ духѣ противоположномъ предложеніямъ Посошкова.

Кромѣ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, Посошковъ предлагаетъ пошлину съ вывозныхъ товаровъ. Его замѣчанія на этотъ счетъ, впрочемъ, весьма кратки. Любопытно при этомъ случаѣ, что о вывозѣ русскихъ товаровъ за границу говорится въ выраженіяхъ, изъ которыхъ видно, что эта операція находилась почти исключительно въ рукахъ иностранцевъ. Только въ заключеніе своихъ замѣчаній Посошковъ говоритъ: „А буде кои и Русскіе люди похотятъ какой-либо товаръ везти за рубежъ сами, то и съ тѣхъ товаровъ также брать пошлина накладная неизмѣнно сполна“. Значить, Посошковъ считалъ не особенно вѣроятнымъ, чтобы русскіе купцы брались, независимо отъ иностранцевъ, за внѣшнюю торговлю.

О способѣ взиманія пошлины съ вывозныхъ товаровъ Посошковъ

¹⁾ Соч. Пос., I, 227.

не говорить подробно. Какъ кажется, онъ ожидалъ, что эта пошлина будетъ уплачиваема не въ самую пору вывоза, то есть, въ пограничной таможенѣ, но гораздо раньше. По крайней мѣрѣ онъ замѣчаетъ: „И почему съ какого товара обложено будетъ накладныя пошлины имать, то надлежитъ всѣмъ купецкимъ людямъ объявить, чтобы они про ту накладную пошлину вѣдали, и торгуясь со иноземцы, прикладывали бѣ ту накладную пошлину къ истинной своей цѣнѣ, чтобы имъ въ томъ пошлинномъ платежѣ изъяну не было. А будетъ кто продасть товаръ свой безъ приставки той накладныя пошлины, то та пошлина доправлена будетъ на продавцѣ сполна“¹⁾.

А. Брикнеръ.

¹⁾ Соч. Пос., I, 230.

ОБЪ УСЛОВІЯХЪ ПОСТУПЛЕНІЯ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАЖДАНСКУЮ СЛУЖБУ ВЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ.

Статья вторая ¹⁾.

Сдѣланный нами въ первой статьѣ общій очеркъ условій поступленія на государственную гражданскую службу въ разныхъ европейскихъ государствахъ долженъ быть пополненъ нѣкоторыми свѣдѣніями, вновь нами полученными.

Дѣйствовавшій до сихъ поръ въ Великобританіи, на основаніи королевскаго повелѣнія 1870 г., и нами описанный, порядокъ опредѣленія и испытанія на службу былъ, какъ мы говорили, предметомъ изслѣдованія особой комиссіи, учрежденной министерствомъ Дизраели. На основаніи работъ этой комиссіи, состоялось королевское повелѣніе, отданное въ тайномъ совѣтѣ въ февралѣ 1876 г. и измѣняющее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дѣйствовавшій доселѣ порядокъ. Это королевское повелѣніе заключается въ слѣдующемъ:

„Принимая въ соображеніе, что гражданское управленіе Ея Величества получило въ послѣдніе годы значительное развитіе;

что постоянные чиновники, занятые дѣлопроизводствомъ, хотя и распредѣлены въ вѣдомствахъ по разнымъ департаментамъ и отдѣленіямъ, но имѣютъ въ нѣкоторой степени много общихъ имъ всѣмъ обязанностей;

что до сихъ поръ нѣсколько разъ принимались мѣры и, между прочимъ, по королевскому повелѣнію 4-го іюня 1870 г., для распредѣленія чиновниковъ на разряды сообразно съ различными ихъ обязанностями, и что было установлено вообще два разряда, высшій и низшій, къ которымъ и допускались кандидаты, на основаніи выдержанныхъ ими испытаній;

¹⁾ См. статью первую въ февральской книжкѣ нынѣшняго года.

что изъ доходящихъ до правительства свѣдѣній и изысканій комисіи, для того учрежденной, оказывается необходимость сдѣлать нѣкоторыя новыя измѣненія въ классификаціи должностныхъ лицъ и ихъ обязанностей, и въ порядкѣ ихъ опредѣленія, вознагражденія и повышенія,

Ея Величество, согласно съ мнѣніемъ своего тайнаго совѣта, повелѣваетъ:

1) Устанавливается низшій разрядъ должностныхъ лицъ на гражданской службѣ. Онъ будетъ состоять изъ старшихъ и младшихъ клерковъ (дѣлопроизводителей), опредѣляемыхъ по разнымъ вѣдомствамъ гражданской службъ.

2) При распространеніи штатовъ какого-либо вѣдомства будетъ всегда прилагаемо стараніе, чтобы новыя должности были, на сколько это возможно, по роду занятій исполняемы клерками низшаго разряда (получающими меньшее содержаніе, чѣмъ высшій разрядъ).

3) Должности, которыя не могутъ быть занимаемы чиновниками низшаго разряда, исключаются изъ настоящаго повелѣнія, и относительно опредѣленія къ нимъ кандидатовъ остается въ силѣ порядокъ, до сихъ поръ дѣйствовавшій ¹⁾.

4) На нынѣ находящихся на службѣ чиновниковъ, ихъ движеніе и жалованье настоящее повелѣніе никакого дѣйствія не имѣетъ. Но на вновь открывающіяся вакансіи должны быть опредѣляемы клерки низшаго разряда, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда комиссія государственнаго казначейства (завѣдующая опредѣленіемъ всѣхъ чиновниковъ) не убѣдится, что число чиновниковъ высшаго разряда (съ высшими окладами) не превосходитъ въ данномъ вѣдомствѣ числа ихъ, необходимаго для отправленія службы.

5) Комиссія гражданской службы (производящая государственные экзамены) будетъ, въ опредѣленные сроки, назначать испытанія съ конкурсомъ для кандидатовъ на должности низшаго разряда, для старшихъ клерковъ (sen clerks) этого разряда, по предметамъ, указаннымъ въ регламентѣ II, а для младшихъ клерковъ (boy clerks) по сокращенной программѣ этихъ предметовъ. Кандидаты на должности старшихъ клерковъ должны имѣть не менѣе 17 и не болѣе 20 лѣтъ; кандидаты на должности младшихъ клерковъ—не менѣе 15 и не болѣе 17 лѣтъ.

¹⁾ Порядокъ испытаній, установленный королевскимъ повелѣніемъ 1870 г. и описанный въ нашей первой статьѣ.

6) До наступленія срока испытаній, комиссія гражданской службы опредѣляетъ число вакансій постоянныхъ клерковъ, имѣющихъ открытыя въ теченіе ближайшихъ шести мѣсяцевъ. Это число увеличивается на десять процентовъ и сообщается на одобреніе государственнаго казначейства. Затѣмъ оно уменьшается на все количество кандидатовъ, выдержавшихъ испытанія въ предъидущій срокъ и оставшихся не опредѣленными на службу. Полученная такимъ образомъ цифра вакансій, которыя должны быть замѣщены конкуррентами на ближайшихъ испытаніяхъ, публикуется при объявленіи о нихъ во всеобщее свѣдѣніе.

7) Послѣ испытаній, изъ кандидатовъ, признанныхъ комиссіей гражданской службы достойными къ опредѣленію на службу, составляется списокъ кандидатовъ, выдержавшихъ испытанія съ наибольшимъ успѣхомъ, до предѣла опубликованной цифры вакансій.

8) Всѣ лица, занесенныя въ этотъ списокъ, остаются въ немъ до тѣхъ поръ, пока они не будутъ опредѣлены къ мѣстамъ по какому либо вѣдомству, и пока кандидаты на мѣста старшихъ клерковъ не достигнутъ крайняго 25-лѣтняго возраста (установленнаго для старшихъ клерковъ), а кандидаты на мѣста младшихъ клерковъ не достигнутъ 19-лѣтняго возраста.

9) Изъ этихъ списковъ кандидатовъ, комиссія гражданской службы снабжаетъ постоянными и временными клерками всѣ вѣдомства по ихъ увѣдомленіямъ объ открывающихся вакансіяхъ. Комиссія, при выборѣ изъ списковъ рекомендуемыхъ ею кандидатовъ, руководствуется вообще старшинствомъ ихъ (по успѣхамъ испытаній); но комиссія можетъ также отдать преимущество такимъ кандидатамъ, которые выказали на экзаменахъ особенныя способности по нѣкоторымъ предметамъ, спеціально нужнымъ для службы на открывшихся вакансіяхъ, если въ этомъ смыслѣ будетъ выражено желаніе со стороны какого-либо вѣдомства.

10) Поступившій на вакансію кандидатъ не можетъ оставаться на испытаніи ¹⁾ долѣе года, если до истеченія его начальство не увѣдомитъ комиссію гражданской службы, что онъ утверждёнъ въ должности. Каждое вѣдомство обязано сообщать комиссіи о причинахъ неутвержденія въ должности рекомендованныхъ ею кандидатовъ. На мѣсто такихъ кандидатовъ комиссія рекомендуетъ дру-

¹⁾ До окончательнаго утвержденія въ должности, всѣ поступающіе на службу въ Великобританіи находятся нѣкоторое время на испытаніи.

гихъ, а кандидатовъ, признанныхъ не достойными утвержденія въ должности, или вовсе исключаетъ изъ списковъ, или же можетъ по своимъ соображеніямъ опредѣлять для испытанія въ другія вѣдомства.

11) Младшіе клерки не могутъ оставаться на мѣстахъ долѣе 19-лѣтняго возраста; по прослуженіи двухъ лѣтъ, съ своего поступленія на службу (въ случаѣ же поступленія на службу по достиженіи 17 лѣтъ, послѣ прослуженія одного года), они имѣютъ право просить о допущеніи ихъ къ испытаніямъ на должность старшихъ клерковъ, если ихъ начальство дастъ одобрительные о нихъ отзывы комиссіи гражданской службы. Такіе кандидаты имѣютъ право на одну четвертую часть всего числа вакансій старшихъ клерковъ, и изъ нихъ составляется списокъ кандидатовъ, отдѣльный отъ кандидатовъ по общимъ конкурсамъ, открытымъ для публики. Открывающіяся вакансіи замѣщаются поочередно, то кандидатами изъ упомянутаго списка младшихъ клерковъ, то изъ общаго списка кандидатовъ.

12) Въ видѣ исключенія, допускаются къ преимущественному (передъ всякими другими кандидатами) опредѣленію на мѣста этого, нынѣ учреждаемаго низшаго разряда клерковъ, писцы, которые состояли уже на службѣ до 1870 г., если они выдержатъ испытанія въ комиссіи гражданской службы и будутъ признаны ею достойными, и если какое-либо вѣдомство заявитъ комиссіи свое желаніе, ради особенной пользы службы, замѣстить свои вакансіи такими писцами, служащими въ этомъ самомъ вѣдомствѣ.

13) Годовое жалованье старшихъ клерковъ (низшаго разряда) начинается съ 80 фунт. стерл. и, посредствомъ возвышенія на 15 ф. с. черезъ каждые три года, можетъ быть увеличено до 200 ф. с. Въ тѣхъ должностяхъ, на которыхъ требуется ежедневно не менѣе 7 часовъ занятій, жалованье можетъ быть назначено сперва въ 90 ф. с. и доведено посредствомъ прибавокъ до 250 ф. с.

14) Для упомянутаго возвышенія окладовъ требуются всякій разъ засвидѣтельствованіе со стороны ближайшаго начальника относительно удовлетворительнаго во всѣхъ отношеніяхъ поведенія клерка и согласіе главнаго начальника.

15) Жалованье младшихъ клерковъ начинается съ 14 шил. въ недѣлю и можетъ быть ежегодно возвышаемо на одинъ шиллингъ въ теченіе всей ихъ службы.

16) Экстраординарное добавочное содержаніе до 100 ф. ст. (въ годъ) можетъ быть назначаемо клеркамъ, несущимъ какія-либо осо-

бенныя обязанности, связанныя съ исключительною отвѣтственностью, или—поставленнымъ для надзора за другими. Количество такихъ экстраординарныхъ окладовъ по каждому вѣдомству опредѣляется его главнымъ начальникомъ, по соглашенію съ государственнымъ казначействомъ.

17) Эти экстраординарные оклады назначаются въ уваженіе личныхъ достоинствъ и заслугъ, а не старшинства лѣтъ службы.

18) Переходъ изъ низшаго разряда службы, устанавливаемого настоящимъ повелѣніемъ, въ высшій разрядъ допускается только въ видѣ исключенія, не иначе какъ послѣ 10 лѣтъ службы, по особенной рекомендаціи главнаго начальника вѣдомства и по полученіи спеціальнаго аттестата отъ комиссіи гражданской службы.

19) Ниже низшаго разряда клерковъ старшихъ и младшихъ могутъ находиться на службѣ только писцы, которыхъ занятія состоятъ лишь въ переписываніи бумагъ (и вообще въ физической работѣ, для которой достаточно практическаго навыка и не нужно умственнаго образованія). Они по возможности вознаграждаются только за дѣльно“.

Это королевское повелѣніе разрѣшаетъ только одинъ изъ вопросовъ, возбужденныхъ комиссіей, учрежденною для пересмотра дѣйствующаго въ Великобританіи съ 1870 г. и уже описаннаго нами прежде законодательства о порядкѣ опредѣленія на гражданскую службу. Вслѣдъ за этимъ распоряженіемъ ожидаютъ дальнѣйшія мѣры къ устраненію замѣченныхъ комиссіей и нами указанных (въ первой стетѣ) недостатковъ упомянутаго законодательства. Но вопросъ, разрѣшаемый приведеннымъ королевскимъ повелѣніемъ, очень важенъ самъ по себѣ и уже давно сосредоточивалъ на себѣ вниманіе правительства и публики. Это повелѣніе окончательно выдѣляетъ изъ всего личнаго состава службы низшій разрядъ должностныхъ лицъ и проводитъ рѣзкую грань между нимъ и высшимъ разрядомъ, въ которомъ находящіяся на службѣ лица могутъ разчитывать на дальнѣйшее движеніе въ бюрократической іерархіи и достигать первостепенныхъ положеній въ государственномъ управленіи. Для этого разряда требуется, согласно программамъ государственныхъ экзаменовъ, производимыхъ комиссіей гражданской службы, вообще университетское образованіе. Для опредѣленія въ низшій разрядъ служащихъ, устанавливаемый новѣйшимъ королевскимъ повелѣніемъ, требуется выдержаніе государственнаго экзамена изъ предметовъ низшаго образованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ воспрещается (безъ выдержанія го-

сударственнымъ экзаменомъ высшаго разряда на общемъ основаніи) всякое дальнѣйшее движеніе по государственной службѣ лицъ, служащихъ въ этомъ разрядѣ (кромѣ исключительныхъ случаевъ, обставленныхъ, какъ мы видѣли, весьма затруднительными условіями). Этою мѣрою обозначена граница между двумя категоріями лицъ, состоящихъ на государственной службѣ: 1) способныхъ и годныхъ для настоящей государственной дѣятельности, и могущихъ на нее разчитывать, и 2) способныхъ и подготовленныхъ къ исполненію только матеріальной канцелярской работы, которая не требуетъ высшаго научнаго образованія и исполнима при однихъ элементарныхъ свѣдѣніяхъ и при практической опытности (рутинѣ), приобретенной на службѣ. Подобное же дѣленіе чиновниковъ на два класса существуетъ, какъ мы объ этомъ говорили, въ Австріи, и необходимость этой классификаціи признана нынѣ всюду. Для высшей категоріи чиновниковъ въ Великобританіи университетское образованіе фактически обязательно, вслѣдствіе научныхъ требованій, связанныхъ съ государственными экзаменами, установленными для этой категоріи.

Практическія цѣли, которыхъ Великобританское правительство надѣется достигнуть посредствомъ этой мѣры, заключаются вообще въ сбереженіи умственныхъ силъ въ бюрократической сферѣ. Люди съ высшимъ образованіемъ (такъ называемые клерки высшаго разряда) не будутъ болѣе употребляемы на канцелярскія обязанности, которыя съ успѣхомъ могутъ быть выполняемы лицами, стоящими на гораздо болѣе низкомъ умственномъ уровнѣ. При этомъ можетъ быть численно сокращенъ личный составъ высшей категоріи должностныхъ лицъ, сдѣланъ болѣе строгій имъ выборъ, и молодые люди, подготовившіе себя къ государственной дѣятельности продолжительнымъ научнымъ образованіемъ и съ отличіемъ удовлетворившіе строгимъ требованіямъ государственныхъ экзаменовъ по высшему разряду, не будутъ болѣе обязаны начинать службу прохожденіемъ нѣсколькихъ лѣтъ въ механической канцелярской работѣ, тяжелой для людей умственно развитыхъ и даже пагубной для дальнѣйшаго развитія ихъ умственныхъ силъ. Въ то же время посредствомъ учрежденія новаго низшаго разряда чиновниковъ открывается путь дѣятельности и выгоднаго заработка для молодыхъ людей, мало способныхъ или не докончившихъ своего образованія, вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ; нѣкоторые изъ послѣднихъ, наиболѣе даровитые и трудолюбивые, могутъ докончить свое образованіе во время службы и, выдержавъ государственные экзамены высшаго разряда,

перейти въ этотъ разрядъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы (какъ это объяснено въ королевскомъ повелѣніи). Совокупно со всѣмъ этимъ, великобританское правительство надѣется на очень выгодные для государственнаго казначейства финансовыя результаты этой реформы, вслѣдствіе замѣны на большей части мѣстъ клерковъ высшаго разряда низшимъ разрядомъ, которому присвоены гораздо меньшіе оклады жалованья и вслѣдствіе общаго при этомъ сокращенія штатовъ по всѣмъ вѣдомствамъ. Между тѣмъ, при этихъ условіяхъ могутъ быть возвышены всѣ оклады, а они (какъ это можно было видѣть выше) значительно крупнѣе окладовъ, существующихъ въ другихъ европейскихъ государствахъ на подобныхъ ступеняхъ государственной службы.

Общественное мнѣніе въ Англіи отнеслось очень сочувственно къ принятой правительствомъ мѣрѣ (какъ объ этомъ можно судить по передовой статьѣ въ „Times“ 14-го февраля). Комиссія, учрежденная для пересмотра порядка опредѣленія на государственную службу, предложила цѣлый рядъ другихъ еще преобразованій, которыя, по всей вѣроятности, будутъ въ скоромъ времени приведены въ исполненіе. Эти преобразованія относятся, между прочимъ, къ высшему разряду клерковъ. Для опредѣленія въ этотъ разрядъ комиссія предлагаетъ установить два экзамена: первоначальный, по сокращенной общей программѣ, для всѣхъ безъ изыятія кандидатовъ, и окончательный экзаменъ (по программамъ полнаго университетскаго образованія) для кандидатовъ, съ успѣхомъ выдержавшихъ первоначальный экзаменъ. Изъ списка кандидатовъ, признанныхъ комиссіей достойными по окончательному экзамену, разныя вѣдомства будутъ имѣть право выбора, не стѣсняясь старшинствомъ ихъ по экзаменационному конкурсу. Этимъ путемъ предполагается примирить права на мѣста, истекающія для кандидатовъ изъ экзаменовъ, съ правомъ начальника на личный выборъ подчиненныхъ ему должностныхъ лицъ. Въ числѣ прочихъ предположеній комиссіи должно упомянуть о проектируемомъ ею правилѣ, чтобъ было признано основнымъ принципомъ движенія по государственной службѣ и повышенія съ низшихъ мѣстъ на высшія, что повышение никогда не должно быть послѣдствіемъ старшинства лѣтъ службы, а *единственно личными достоинствами и заслугами*.

Самый крупный пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ, изложенныхъ въ первой статьѣ, относится къ Пруссіи, для которой мы вынуждены были въ то время руководствоваться только печатными и устарѣвши-

ми источниками. Съ тѣхъ поръ мы получили отъ члена германскаго рейхстага, извѣстнаго профессора Марквардзена очеркъ нынѣ дѣйствующаго порядка опредѣленія на государственную гражданскую службу въ Пруссіи; этотъ порядокъ былъ нѣсколько измѣненъ въ послѣдніе годы и потому нижеизлагаемыми свѣдѣніями должно быть пополнено и исправлено все, сказанное нами о Пруссіи въ первой статьѣ. Государственные экзамены составляютъ коренное условіе поступленія на государственную службу по всѣмъ безъ изыятія ея частямъ; эти экзамены весьма различны, смотря по роду службы. Вообще государственные экзамены раздѣляются на двѣ категоріи: для высшаго разряда государственной службы и для низшаго (для всѣхъ подчиненныхъ исполнительныхъ должностей, не допускающихъ никакого дальнѣйшаго повышенія занимающихъ ихъ лицъ); для высшаго разряда экзамены различны по разнымъ отраслямъ: судебной, административной, дипломатической и по различнымъ техническимъ отраслямъ (горной, инженерной, медицинской и проч.). Требования государственныхъ экзаменовъ высшаго разряда вообще соотвѣтствуютъ высшему (университетскому) образованію и сверхъ того заключаютъ въ себѣ спеціальныя научныя свѣдѣнія, нужныя для каждой отдѣльной отрасли; экзамены низшаго разряда, сверхъ элементарнаго общаго образованія, требуютъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ свѣдѣній по каждому особому вѣдомству. По судебной части установлены два экзамена: первый — по окончаніи университетскаго курса, и второй — послѣ четырехлѣтней приговорительной службы при судахъ и прокуратурѣ. Только послѣ успѣшнаго выдержанія этого окончательнаго экзамена, молодые люди допускаются въ опредѣленію на всѣ судебныя и прокурорскія должности. Для административной части также два экзамена, изъ которыхъ первый совпадаетъ съ судебнымъ, по окончаніи университетскаго курса. Второй экзаменъ производится послѣ четырехлѣтней подготовительной службы въ судебныхъ или административныхъ учрежденіяхъ, и выдержавшіе этотъ экзаменъ считаются способными ко всякимъ административнымъ мѣстамъ, кромѣ техническихъ. Однако, въ дѣйствительности второй административный экзаменъ сталъ выходить изъ употребленія, ибо въ послѣдніе годы молодые люди не допускаются болѣе въ администраціи къ подготовительной службѣ, а опредѣляются прямо на мѣста, на дѣйствительную службу, если они выдержали высшій судебный экзаменъ. Проектъ преобразованія административныхъ экзаменовъ былъ представленъ прошлаго года правительствомъ ландтагу, оставался въ немъ

безъ движенія и теперь снова ему представленъ. Вышеуказанныя условія одинаково дѣйствуютъ въ Пруссіи и для службы въ министерствахъ и въ высшихъ центральныхъ учрежденіяхъ, и въ низшихъ провинціальныхъ; только для службы въ высшихъ судахъ необходимо четырехлѣтнее пребываніе на подготовительной службѣ въ низшихъ судахъ. Къ государственнымъ экзаменамъ молодые люди не допускаются иначе, какъ послѣ трехлѣтнихъ занятій въ университетахъ. Молодые люди, воспитывавшіеся въ военныхъ школахъ (кадетскихъ корпусахъ) и почему—либо не поступающіе на военную службу, подчинены тѣмъ же условіямъ (государственнымъ экзаменамъ) для опредѣленія на гражданскую службу, какъ и всѣ прочіе кандидаты. Для перехода изъ военной службы на гражданскую установлены въ Пруссіи весьма точныя правила. Значительное число низшихъ мѣстъ (не допускающихъ повышенія по службѣ) раздаются въ награду военнымъ, прослужившимъ, сверхъ срока воинской повинности, въ званіи унтеръ-офицеровъ. Опредѣленіе военныхъ на административныя должности высшаго разряда, если случалось, то въ видѣ особаго и очень рѣдкаго изъятія; вообще же офицеры, желающіе опредѣлиться на гражданскія должности, подчинены общимъ требованіямъ государственныхъ экзаменовъ. Нѣкоторыя спеціальныя мѣста (въ точности указанные, напримѣръ, почтмейстеровъ), однако же, не связанныя съ дальнѣйшимъ движеніемъ по государственной службѣ, предназначены преимущественно для старыхъ офицеровъ, выслужившихъ свои пенсіоны и сохраняющихъ свои военные чины на этихъ мѣстахъ. Дипломатическая служба составляетъ исключеніе; по особымъ королевскимъ повелѣніямъ опредѣляются на дипломатическія должности офицеры генеральнаго штаба и генералы.

Къ тому, что было сказано въ первой статьѣ о Франціи, нужно присовокупить, что въ прошедшемъ году комиссія, учрежденная національнымъ собраніемъ для реформы государственной службы, уваживала въ весьма энергическихъ выраженіяхъ на необходимость закона, который сдѣлалъ бы обязательными нѣкоторыя условія образованія для опредѣленія на службу въ министерствахъ. Комиссія объясняла нынѣшній плохой личный составъ службы главнѣйше отсутствіемъ такого закона, существующаго во всей остальной Европѣ. Она, между прочимъ, рекомендовала учрежденіе государственныхъ экзаменовъ и конкурсовъ. При этомъ заслуживаетъ вниманія, что комиссія, сообразно съ порядкомъ, который теперь водворяется болѣе и болѣе вездѣ, указывала на пользу раздѣленія всѣхъ должно-

стей на два разряда: высшій и низшій, который не требовалъ бы отъ кандидатовъ высокаго уровня образованія, но изъ котораго и не было бы перехода въ высшій разрядъ. Предположенія комисіи остались пока безъ всякихъ послѣдствій ¹⁾.

Въ самое недавнее время, по поводу дарованія частнымъ или вольнымъ университетамъ права раздавать ученые степени, возбужденъ былъ и въ Бельгіи (въ преніяхъ парламента) вопросъ о государственномъ экзаменѣ и объ узаконеніи условій образованія, обязательныхъ для поступленія на государственную службу. Въ Бельгіи, какъ мы объ этомъ говорили, нѣтъ до сихъ поръ никакихъ установленныхъ закономъ условій образованія для поступленія на службу и либеральная партія, находящаяся нынѣ въ оппозиціи, указывала правительству на необходимость опредѣленія этихъ условій законодательнымъ путемъ. Пренія, происходившія въ бельгійскомъ парламентѣ по этому предмету, не имѣли до сихъ поръ никакихъ послѣдствій.

Вл. Безобразовъ.

¹⁾ См. Le Budget de l'Etat, par C. Vraye. Paris 1875 (p. 193).

ТОРГОВЫЯ И МИРНЫЯ СНОШЕНІЯ РУССКИХЪ КНЯЖЕСТВЪ СЪ ЛИВОНІЕЙ ВЪ XIII ВѢКѢ.

Въ древней Руси по среднему теченію Западной Двины лежало княжество Полоцкое, называвшееся такъ по своему стольному городу Полоцку. Положеніе города и княжества на берегахъ большой рѣки, впадающей въ Балтійское море, и предприимчивое населеніе должны были создать значительную торговлю. И дѣйствительно мы видимъ, что уже въ XII вѣкѣ Полоцкіе, Витебскіе и даже Смоленскіе купцы ѣздили на Готландъ; видимъ, что Полочане отвоевываютъ у туземныхъ жителей нижняго теченія Двины, Ливовъ, берега этой рѣки, съ цѣлю охранять и держать въ своихъ рукахъ торговлю съ иноземными купцами и не допускать, чтобы на этомъ пути иноземцы подвергались какимъ либо непріятностямъ со стороны дикарей. „Двина, какъ большая торговая дорога къ морю“, говоритъ Бѣляевъ, — „естественно должна была обратить на себя вниманіе предприимчивыхъ и преданныхъ торговлѣ Полочанъ“ ¹⁾. Въ землѣ Ливовъ было два удѣльныхъ полоцкихъ княжества — Герсикъ и Кокенгаузенъ, въ которыхъ сидѣли князья изъ рода Полоцкихъ князей. Построеніе полоцкихъ городовъ въ этой землѣ, по мнѣнію Бѣляева, „главнымъ образомъ вызывалось необходимостію для поддержанія власти Полотска надъ тамошними туземцами и для обезпеченія торговаго пути по Двинѣ“ ²⁾. Но вотъ, во второй половинѣ XII столѣтія появляются на берегахъ Двины Нѣмцы, мало по малу приводятъ жителей этого края въ подчиненіе и силою принуждаютъ ихъ принимать христіанство; въ началѣ XIII вѣка они покоряютъ полоцкія колоніи, и однимъ словомъ, дѣлаются полными хозяевами какъ страны, такъ и самыхъ жителей и совершенно, такъ сказать, оттираютъ Полочанъ отъ моря. Что тогда пришлось дѣлать

¹⁾ Разказы изъ Русской Исторіи. IV: Исторія Полоцки, стр. 98.

²⁾ Ibid., стр. 16.

Полоцкимъ князьямъ? Неужели и Полоцкіе купцы должны были отказаться отъ возможности вести торговлю съ заморскими купцами? Конечно, ни Полоцкіе князья, ни Полоцкіе купцы не могли на это согласиться. Съ другой стороны, Нѣмцы, приходя къ берегамъ Двины и впоследствии завоевавъ ихъ у туземцевъ, конечно, имѣли не одну только цѣль — привести не просвѣщенный народъ къ вѣрованію во Христа; безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ крестоносцами шли въ Ливонію и купцы, которые смотрѣли на нее какъ на рынокъ для сбыта своихъ товаровъ. Но этотъ рынокъ былъ и тѣсенъ, и при враждебныхъ отношеніяхъ туземцевъ къ пришельцамъ, мало безопасенъ, и безъ сомнѣнія, люди, стоявшіе во главѣ Германскаго племени въ Ливоніи, Рижскій епископъ и магистръ ордена, должны были позаботиться съ своей стороны удовлетворить купцовъ, найти для нихъ болѣе безопасный и болѣе обширный рынокъ для сбыта товаровъ. А какой рынокъ могъ быть безопаснѣе для Нѣмцевъ, какъ не сосѣднія съ Ливоніей русскія княжества, къ которымъ была, кромѣ того, отличная дорога по Двинѣ, и жители которыхъ были и гораздо просвѣщеннѣе сосѣднихъ Литовцевъ и болѣе свѣдунци въ торговлѣ, такъ какъ еще до прибытія Нѣмцевъ вели торговлю съ иноземными купцами. И такъ, торговые интересы и Русскихъ и Нѣмцевъ сходились; отъ этого уже съ самаго начала XIII вѣка мы видимъ попытки съ той и другой стороны установить болѣе или менѣе правильныя и прочныя торговыя сношенія между собою. Со стороны Русскихъ участіе въ этой торговлѣ принимали не одни только Полочане, но и витебскіе и смоленскіе купцы. Разсмотримъ отдѣльно сношенія каждаго изъ трехъ названныхъ городовъ, и начнемъ съ Полоцка.

Первое упоминаніе о мирныхъ сношеніяхъ Ливоніи съ Полоцкомъ мы встрѣчаемъ у Генриха Латыша подъ 1210 годомъ. Подъ этимъ годомъ записано: „Ливонская церковь въ то время была поставлена въ неблагопріятныя условія, среди многихъ народовъ и Русскихъ, и Литовцевъ, которые всѣ заключили союзъ, чтобъ уничтожить ее. Поэтому Рижане рѣшили послать къ Полоцкому князю пословъ, чтобы заключить съ нимъ какой-нибудь миръ. И посланъ былъ Рудольфъ фонъ-Эрихо съ нѣкоторыми другими“ ¹⁾ Но они до Полоцка не дошли. Черезъ нѣсколько времени вновь былъ отправленъ рыцарь Арнольдъ съ товарищами попытать, не заключить ли Полоцкій князь мира, и не откроетъ ли онъ рижскимъ купцамъ дорогу въ свою

¹⁾ Script. rer. Liv, II, 142, 144.

землю. Полоцкимъ княземъ тогда былъ Владиміръ. Онъ принялъ по слову дружелюбно, и радуясь миру съ своими сосѣдами, послалъ съ нѣмецкими послами въ Ригу Лудольфа Смольнянина (судя по имени, онъ былъ Нѣмецъ, и вѣроятно, иноземный торговый гость въ Смоленскѣ), человѣка благоразумнаго и богатаго, чтобъ онъ заключилъ мирный договоръ. Когда послы возвратились въ Ригу и объявили волю князя, то всѣ Рижане обрадовались, и заключенъ былъ вѣчный миръ ¹⁾. Но этотъ вѣчный миръ оказался далеко не вѣчнымъ, и уже весной 1212 года Полоцкій князь послалъ къ епископу звать его на съѣздъ, назначивъ ему день и мѣсто — у Герсика. На этомъ съѣздѣ предметами обсужденія были слѣдующіе предложенные княземъ вопросы: чтобы поговорить о бывшихъ его (князя) данникахъ Ливонцахъ, поговорить между собою о свободной дорогѣ по Двинѣ и возобновить миръ съ цѣлю легче сопротивляться Литовцамъ. Епископъ явился въ сопровожденіи своихъ мужей, пришли на корабляхъ и купцы. На этомъ съѣздѣ рѣшено было, чтобы между Полоцанами и Нѣмцами былъ постоянный миръ, и чтобы дорога по Двинѣ навсегда оставалась открытою для купцовъ. По заключеніи мира, князь, въ сопровожденіи купцовъ (вѣроятно, нѣмецкихъ) и своего войска, съ радостію возвратился въ свою отчину, въ Полоцкъ ²⁾. Таковы были сношенія Полоцкаго князя Владиміра, одного изъ самыхъ заклятыхъ враговъ Нѣмцамъ, съ Ливоніей. Послѣ его смерти, Полоцкъ болѣе и болѣе теряетъ свое значеніе и сперва подчиняется Смоленскимъ князьямъ, а съ 1235 г. имъ окончательно завладѣваютъ князья Литовскіе. Прослѣдимъ дальнѣйшія сношенія Полоцкихъ князей съ Нѣмцами. Послѣ битвы Русскихъ съ Татарами при Калкѣ, которую Генрихъ Латышъ относитъ къ 1222 году, русскіе князья Смоленскій, Полоцкій и нѣкоторые другіе прислали своихъ пословъ въ Ригу просить мира. И возобновленъ былъ миръ, говоритъ ливонскій лѣтописецъ, на всемъ, на чемъ уже давно былъ заключенъ ³⁾. Наконецъ, въ 1229 году, въ годъ смерти Альберта, знаменитаго устроителя Ливоніи, заключенъ былъ Смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ торговый и мирный договоръ, который имѣлъ одинаковое значеніе и для Полоцка, какъ это видно изъ словъ: „тая правда Ла-

¹⁾ Ibid. 146. Бонвель (Russisch-livländische Chronographie, стр. 25 и 26) посольство Эрихо относитъ къ іюлю мѣсяцу, Арнольда къ Августу и Лудольфа въ Ригу—укъ зима 1210 г.

²⁾ Script. rer. Liv., II, 166, 178.

³⁾ Ibid., 266: Et renovata est pax per omnia, quae jam dudum ante facta fuerat.

тинескому взъати оу Роуской земли... ѥ оу Полотьского князѣ вълѣсти" ¹⁾). Объ этомъ договорѣ мы скажемъ подробнѣе при изложеніи сношеній Смоленскихъ князей съ Ливоніей, а теперь продолжимъ наше обозрѣніе сношеній Полоцка съ Нѣмцами. Отъ 1229 г. до 1254 г. ни въ русскихъ, ни въ ливонскихъ источникахъ нѣтъ никакихъ указаній на эти сношенія. Изъ буллы, данной папою Иннокентіемъ IV 23-го мая 1254 г., и подтвержденной 20-го августа 1264 г. папою Урбаномъ IV, мы узнаемъ, что какой-то „свѣтлѣйшій русскій князь Константинъ, по своей княжеской щедрости“ подарилъ Нѣмецкому ордену въ своемъ княжествѣ Русскомъ нѣкоторыя земли, крѣпости и деревни въ нихъ. Эти крѣпости: „Allecten, Calre, Selen, Medene, Nitzzegale“ ²⁾). Отъ 1264 г. сохранилась перемирная грамота, заключенная Литовскимъ княземъ Герденемъ съ Нѣмцами отъ лица Полоцкихъ и Витебскихъ князей. Изъ этой грамоты намъ извѣстно, что между Полочанами и Нѣмцами произошло размирье, и Нѣмцы захватили нѣсколько земель, принадлежащихъ Полочанамъ. На основаніи этого договора, Нѣмцы обязывались отступить отъ этихъ земель: „верху того, про ту пакость, што ся в розмирьи створило, какъ имъ отъ обую сторону отступить, што Руськая земля словеть Полочская; отъ тое земли местерю и братья его отступить с всею правдою.... Местерь также братья его отступили, што словеть Полочская земля со всею правдою“. Русскіе, съ своей стороны, должны были навсегда отступить отъ земель, уступленныхъ Нѣмцамъ княземъ Константиномъ. „Князь Герденъ кланяется всемъ темъ, кто видить сую грамоту, тие люди, што ныне живи суть, а темъ, кто напосле приидуть, тѣмъ вѣдомо буди, какъ миръ есмы створили промежи местеря и с ратьманы Рижьскими, и с Полочаны и Видѣбляны тако;

¹⁾ Русско-Ливонскіе акты, 440.

²⁾ Liv- Esth- und Curländisches Urkundenbuch v. *Bunge*. I, 351, 484, 485. Нѣкоторыя изъ мѣстностей можно опредѣлить; такъ Медене, нынѣшнее Меддумъ, находится подъ 55° 47' 7" с. шир. къ ю. отъ Динабурга. Въ Ковенской губерніи есть мѣстечко на Нѣманѣ Алексота, сильно напоминающее наше Allecten. Selen или Selonia, Литовская земля, находилась въ Семпгаліи. Что касается до Calve и Nitzzegale,—то неизвѣстно, гдѣ они помѣщались. Въ Ковенской губерніи есть много мѣстечекъ съ окончаніемъ гола: Ремигола, Вендзегола, Бейзагола, Эйрагола, Бетыгола и др. Кто такой былъ князь Константинъ,—неизвѣстно. Бовнелъ въ своей книгѣ колеблется опредѣлить его происхожденіе. Можетъ быть, говорить онъ,—сынъ Ростислава, братъ Глѣба и Теодора; можетъ быть, сынъ Брячислава, зять Александра Невскаго; наконецъ, онъ считаетъ Константина сыномъ Товтивила. *Stronographie*, 239.

како грамота написано, тако имъ надо всею землею отступити, што есть Лотыгольская земля, какъ не вступатися на тую землю, што князь Константинъ далъ мѣстерю съ своею братьею, съ своею грамотою и съ печатью, како боле того на ту землю не поискывати... А старому миру стояти князя Гердена, князь тихъ, кто по немъ будетъ што повленани на рѣзне и што словеть Лотыгольская земля, отъ того ся отступили с всею правдою". Кромѣ того, въ этой же грамотѣ излагается нѣсколько торговыхъ условій: „Немечькому гостю в Полочскую волно ехати торговати, купити и продати. Также Полочаномъ и Видиблянину волно гостити в Ригу и на Готьскы берегъ. А где будетъ кто кому виноватъ, в томъ городе правити, где тотъ чловѣкъ живеть; инде суда ему не искати, в которой волости чловѣкъ извинитися (провинится), ту ему правда дати (дать судъ), или вина его“. Эта грамота писана въ Ригѣ въ 1264 году „по Роже(нь)и Божии дни за три дни“¹⁾. Рядомъ съ этою грамотою въ Русско-Ливонскихъ актахъ помѣщена грамота Полоцкаго князя Изяслава, безъ обозначенія года. Въ этой грамотѣ Полоцкій князь заключаетъ договоръ съ Нѣмцами на слѣдующихъ условіяхъ. „Полочаномъ Видиблянномъ волное торгованье въ Ризе, на Готьскомъ березѣ, и в Любце. А рубежа не дѣяти. А кому с кымъ тяжа, судъ дати безъ перевода. А суженаго не посуживати (пересуживать). А где кому годно, ту тяжеться. Поручники, и долъжикы, и холопы выдати. А што ся въ рать дѣяло, и въ рубежахъ, про то вамъ не мѣцати, ни намъ вамъ мѣцати. Чего ся есме отступили въ Ризе, к тому вамъ не приискывати ни людеи, ни земли, ни воды, ни борти“. Судя по этимъ словамъ, этотъ договоръ написанъ послѣ договора князя Гердена. Последнее сношеніе Полоцка съ Нѣмцами было въ концѣ XIII въ при князѣ Витенѣ. По случаю голода Полоцкій епископъ Іаковъ, напоминая о дружественныхъ отношеніяхъ прежнихъ Полоцкихъ князей съ Нѣмцами, проситъ ихъ пропустить хлѣбъ въ Полоцкъ: „А нынѣ абы сте пустили жито у Полотеско“. За тѣмъ выражается готовность съ стороны епископа содѣйствовать всеми мѣрами къ удовлетворенію Нѣмцевъ въ случаѣ обиды со стороны Русскихъ и желаніе видѣть то же самое и со стороны Нѣмцевъ: „Аже будетъ Полочанинъ чимъ

¹⁾ По Боннелю эта грамота написана не въ 1264 г., а въ 1263 г.; см. Chronographie 76, 91, 92, 239. По какому случаю было размирье, тоже неизвѣстно; можетъ быть, въ отмщеніе за походъ подъ Дерптъ, предпринятый Русскими князьями въ 1262 г. зимою. Въ этомъ походѣ принималъ участіе и Полоцкій князь Товтивилъ; см. лѣт. Нов. I и IV, Воскр. и Соф. подъ 6770 г.

виновать Рижанину, я затѣмъ не стою своими дѣтми, исправу дамъ. Аже будетъ Рижанинъ чимъ виновать Полочанину, вы дайте имъ исправу такоже. А язъ вамъ кланяюся, дѣтемъ своимъ, и благословляю и Бога молю“¹⁾).

Обращаемся къ Витебску. О самостоятельныхъ сношеніяхъ Витебскихъ князей съ Нѣмцами до насъ свѣдѣній не дошло; можетъ быть, этихъ сношеній вовсе не было. Таеъ какъ Витебскъ былъ сначала удѣльнымъ княжествомъ Полоцка, а потомъ подпалъ подъ власть Смоленскихъ князей, то съ одной стороны, мы видимъ, что Полоцкіе князья стоятъ за интересы Витебска, также какъ за свои; выговариваютъ для Витеблянъ то же, что для себя; съ другой стороны—архіепископъ Рижскій съ жалобами на Витеблянъ обращается къ Смоленскому князю.

Первое упоминаніе о сношеніи Витеблянъ съ Нѣмцами находится въ договорѣ Мстислава Давидовича 1229 года; договоръ, заключенный этимъ княземъ, имѣетъ силу и въ Витебскомъ княжествѣ: „тая правда Латинескому възати оу Русской земли... й оу Витьбеского князѣ вѣлсти“²⁾). Князь Гердень въ 1264 году свободу торговли выговариваетъ какъ для Полочанъ, таеъ и для Витеблянъ. „Полочаномъ и Видиблянину волно гостити въ Ригу и на Готьскы берегъ“ Самая договорная грамота заключена отъ имени Полочанъ и Витеблянъ: „Миръ есмы створили промежи местеря и с ратьманы Рижьскими, и с Полочаны и Видьбляны“. А Изяславъ, князь Полоцкій, въ своей грамотѣ прямо говоритъ: „Полотескъ Видьбескъ одно есть... а Изяславъ со мною одно“...³⁾). Далѣе мы имѣемъ двѣ грамоты — одну отъ Рижскаго архіепископа Іоанна I (1273—1285)⁴⁾ къ Оедору (вѣроятно, Ростиславичу), а другую отъ рижскихъ ратмановъ и горожанъ къ Витебскому князю Михаилу Константиновичу. Въ первой грамотѣ, безъ означенія года, архіепископъ Рижскій жалуется на несправедливость Витеблянъ, оклеветавшихъ Рижанъ въ ограбленіи Гѣлмика, купца изъ Мюнстера. Архіепископъ отрицаетъ фактъ, говоритъ о невинности Рижанъ и дѣлаетъ упрекъ князю, что его намѣстникъ слушаетъ всякаго человѣка: „А та правда есть промѣжи васъ и насъ, кдѣ ся тязя

¹⁾ Русско-Ливонскіе акты, № XXXVIII, 19, 20.

²⁾ Ibid, 440.

³⁾ Ibid, № XXVъ, XXVъ, 12, 13. Изяславъ былъ, вѣроятно, князь Витебскій. Происхожденіе князей Полоцкихъ въ XIII ст. вообще темно.

⁴⁾ Русско-лив. акты, № XXXVIII, 19, 20.

почнуть, ту концяти“. Въ заключеніе онъ обращается съ просьбой стоять за правду, какъ положено было при крестномъ цѣлованьи: „И нынѣ я молюся вамъ, както мовите стояти у тои правдѣ, и у крестномъ человани; аже иметь жялобитися кто на Рижяны, или Гѣлмию или кто иньи, и вы шлите к намъ, а мы правду дамы по Божьи правдѣ“. И такъ, въ этой грамотѣ говорится о несоблюденіи договорныхъ грамотъ Витебскимъ княземъ. Еще больше несправедливостей дѣлалъ князь Витебскій Михаилъ, какъ это видно изъ грамоты къ нему отъ рижскихъ гражданъ и ратмановъ, относящейся, по всей вѣроятности, къ 1300 году. Здѣсь высчитываются слѣдующія увлоненія со стороны князя отъ договоровъ: 1) Во время осады города врагами одинъ Нѣмецъ, торговавшій въ Витебскѣ, пошелъ изъ города въ неприятельскій станъ купить дѣвокъ, но дорогой заблудился и зашелъ къ монастырю; тутъ выскочили четыре человѣка, схватили его и били; на другой день князь сковалъ его и отнял у него воску на три берковца. 2) На пиру одинъ Нѣмецъ убилъ другаго; убійца убѣжалъ къ князю; по требованію Нѣмцевъ князь выдалъ „разбойника“, но взялъ его товаръ и товаръ другихъ Нѣмцевъ. 3) Князь захватилъ товаръ одного Нѣмца, который отправился торговать въ Смоленскъ, и у котораго товаръ лежалъ въ одной клѣтѣ съ товаромъ убійцы, и по просьбѣ хозяина отказался возвратить его. 4) Князь велѣлъ на торгу кричать: „гость со гостемъ не торгуй!“ и когда Нѣмецъ, запродавшій снѣхъ соли до этого приказанія, началъ вѣсить соль, то его схватили, били и потомъ разграбили его имѣнія на четыре капи воску (капъ = 12 пудовъ). 5) Нѣмцы прислали своихъ коней изъ Смоленска въ Витебскъ, и князю понравился конь, принадлежащій Уерлаху¹⁾; князь предлагалъ за него десять изроевъ, но люди отказались его продать; наконецъ князь добился коня подъ условіемъ, что онъ проводитъ Нѣмцевъ изъ Смоленска сквозъ Касплю²⁾, а лодки даже до Полотска; но приставъ, назначенный княземъ, обманулъ ихъ. 6) Княжескій братъ торговалъ съ нѣмцемъ Ильбрантомъ на 30 изроевъ; изъ нихъ 17 отдалъ, а 13 нѣтъ. 7) При проѣздѣ нѣмецкихъ купцовъ изъ Витебска въ Смоленскъ, напала на нихъ Литва и отняла у нихъ товаръ³⁾.

¹⁾ Герлахъ былъ Рижскій гражданинъ.

²⁾ Каспля—село и озеро на волокѣ, раздѣляющемъ Западную Двину отъ Днѣпра въ Смоленскомъ княжествѣ; см. Географію Начальной Лѣтописи, *Н. Барсова*.

³⁾ Разбои Литовцевъ были часты, и имъ помогали Русскіе, какъ это засвидѣтельствовано оофициальными документами; нѣмецкимъ купцамъ иногда даже запрещалось ѣздить съ товарами въ Русь. См. Bunge, I, 566, 567, 575.

„Аже бы ся то дѣяло при отци твоємъ Костянтинѣ“, замѣчаетъ грамота, — тая бы обида николи же была нашей братьи, какъ ся тогда удѣяло“. 8) Наконецъ вѣсы не вѣрны, и князь лишнее бралъ. Грамота эта заканчивается моленіемъ къ князю: „И нынѣ мы ся вамъ молимъ всемъ сердцемъ, княжо, както есть миръ доконцанъ и крестъ челованъ на старыи миръ, тако и ныне, княжо, отложи лишнее и всяку неправду: ать стоитъ старый миръ твердо, како доконцано“. Въ заключеніе выражается готовность жаловаться Божьему суду на князя, если онъ не отложитъ неправды: „И ныне, княжо, то буди тебе ведомо: аже не отложишь лишнего дѣла и всякое неправды, мы хочомъ Богу жаловати ся, и темъ, кто правду любить, а кривду ненавидить. Мы свое обиды не положимъ, а боле не можемъ терпети“. Эта грамота важна для насъ потому, что она рисуетъ намъ изнанку торговли, указываетъ на большое своеволие и нарушеніе договорныхъ грамотъ со стороны князей, которые даже сами не стыдились не платить денегъ своимъ кредиторамъ. При нѣкоторыхъ статьяхъ сказано, какъ нужно дѣлать по договору; такъ, послѣ изложенія первой обиды замѣчено: „миръ доконцанъ на стырый миръ, и на томъ крестъ челованъ, както намъ вашей братьи правда дати, а обиды не створити, ни малу ни велику“. Послѣ второй обиды сказано: „Ты самъ ведаешъ, както не тако есть миръ доконцанъ межи земле. Аже другъ друга убить до смерти, а имуть того челоуѣка, кто разбой учинилъ, тому дати вина, по его дѣлу; а товаръ его свободѣнъ своему племени“¹⁾. Какъ увидимъ ниже изъ грамоты Мстислава Давидовича, Нѣмцы были правы, упрекая князя Михаила въ несоблюденіи крестнаго цѣлованія.

Наконецъ, о сношеніяхъ съ Ливонскими Нѣмцами Смоленска первое упоминаніе относится къ 1222 году, когда Смоленскій князь, вмѣстѣ съ Полоцкимъ, заключилъ мирный договоръ съ Нѣмцами. Зимомъ 1228 года, Смоленскій князь Мстиславъ Давидовичъ послалъ своихъ пословъ, попа Еремѣя и умнаго мужа Пантелѣя, въ Ригу и Готландъ, чтобъ они заключили договоръ. Договоръ этотъ и былъ заключенъ не ранѣе апрѣля мѣсяца 1229 г., послѣ смерти архіепископа Альберта при епископѣ Николаѣ, вступившемъ на мѣсто Альберта въ мартъ или апрѣль 1229 г., при магистрѣ Ордена Волквинѣ и пробстѣ Іоаннѣ. Грамоту эту все купечество скрѣпило своею печатью. При составленіи этого договора особенно трудились: Ролберъ изъ Касселя,

¹⁾ Русско-Лив. акты, № XLIX, 25—28.

Божій дворянинъ, и Тумашъ Смольнянинъ. Этотъ договоръ имѣлъ дѣлюю возстановить миръ между Смольнянами и Нѣмцами, такъ какъ было не мирно между ними, „ажбы миръ твердъ былъ, тако былъ князю любо и Рижанѣмъ всемъ ѿ всемоу Латинескому языку и всемъ темъ, кто на Оустоко морѣ ходитъ“. Этотъ договоръ состоитъ изъ 37 статей и заключаетъ въ себѣ постановленія относительно торговли, уголовного и гражданскаго права. Разсмотримъ подробнѣе содержаніе этой грамоты: 1) За убійство свободнаго человѣка платится десять гривенъ серебра, за убійство холопа—одна. 2) За поврежденіе частей тѣла по 5 гривенъ серебра, за вышибенный зубъ три гривны серебра 3). За ударъ деревомъ до крови и синяковъ и за рану безъ увѣчья 1¹/₂ гривны серебра, за ударъ по уху, по лицу, за ударъ батогомъ—³/₄ серебра; попу и послу платится вдвое. 4) Если Русскій провинится въ Ригѣ или на Готландѣ, то не сажать его въ дыбу или колоду; если Нѣмецъ провинится въ Смоленскѣ, не бросать его въ погребъ; если не будетъ по виноватомъ поручителей, то можно его заковать въ желѣзо. 5) Долгъ Русскій въ Смоленскѣ платитъ сначала Нѣмцу, а Нѣмецъ въ Ригѣ и Готландѣ—Русскому. 6) Иноземецъ получаетъ свои долги и въ томъ случаѣ, когда его должникъ осужденъ на разграбленіе. 7) Нѣмецъ даетъ въ долгъ Русскому, а если этотъ умретъ, не заплативъ долга, то за него долженъ платить наслѣдникъ; то же должны дѣлать и Нѣмцы въ Ригѣ на Готландѣ. 8) Въ тяжбѣ должно быть два свидѣтеля—одинъ Русскій, другой Нѣмецъ. 9) Нельзя ни Русскому въ Русской землѣ, ни Нѣмцу въ Ригѣ или на Готландѣ противъ воли испытывать отвѣтника желѣзомъ или вызвать на поединокъ. 10) Мѣстнымъ властямъ не должно вступаться въ ссоры и драки иноземныхъ гостей между собою. 11) Если кто застанетъ иноземнаго гостя у своей жены, то за то платится 10 гривенъ. 12) За насиліе свободной женщинѣ платится столько же, если только она не была прежде замѣчена въ развратѣ; за насиліе рабѣ, если будутъ свидѣтели, платится гривна серебра. 13) Если Русскій свяжетъ безъ вины Нѣмца, или Нѣмецъ Русскаго, то за срамъ платится три гривны серебра. 14) Если Русскій будетъ долженъ Нѣмцу, а платить откажется, то кредиторъ можетъ взять дѣтскаго у тиуна; то же дѣлается и для Русскаго въ Ригѣ и на Готландѣ. 15) Если тиунъ услышитъ о прибытіи нѣмецкихъ гостей на волокъ, то онъ тотчасъ посылаетъ приказъ волочанамъ проводить товаръ, потому что тутъ бываетъ много пакости для Нѣмцевъ и Смольнянъ отъ поганыхъ. 16) Когда пріѣдутъ на волокъ, то Нѣмцы должны метать жребій—кому идти напередъ;

смоленскій купецъ ѣдетъ послѣ. 17) Когда нѣмецкіе купцы пріѣдутъ съ волока въ городъ, то дають княгинѣ поставъ частины (полотна), а тіюну перстатыя рукавицы готскія. 18) Если при переправѣ черезъ волокъ водочанинъ потеряетъ что-либо изъ товара, то отвѣчаютъ всѣ волочане. 19) Въ городѣ торговать иновознымъ купцамъ можно свободно, и противъ этого никто не можетъ ничего сказать. 20) Ни Нѣмца въ Смоленскѣ, ни Русскаго въ Ригѣ и на Готландѣ не задерживать, если онъ захочетъ ѣхать съ товаромъ въ другой городъ. 21) Если Русскій купить товаръ у Нѣмца, или Нѣмецъ у Русскаго, и возьметъ къ себѣ, то продавшій ни въ какомъ случаѣ не обязанъ брать товара назадъ а купившій долженъ платить; Нѣмецъ долженъ судиться только у Смоленскаго князя, Русскій—только въ Ригѣ и на Готландѣ. 22) Русскому нельзя приставить дѣтскаго къ Нѣмцу, не объявивши напередъ старостѣ нѣмецкому; Нѣмцу не ставить бирюча къ Русскому. 23) Если Русскій объявитъ притязаніе на нѣмецкій товаръ въ Ригѣ или на Готландѣ, то онъ долженъ вести дѣло судебнымъ порядкомъ; то же долженъ дѣлать и Нѣмецъ на Руси. 24) Вѣсовщику латинскій купецъ платитъ за взвѣшиваніе товара съ 24-хъ пудовъ смоленскую куну. 25) Если латинскій купецъ купить гривну золота и дастъ вѣсить, то платитъ вѣсовщику ногату смоленскую; если продастъ, то ничего не платитъ. 26) Если купитъ Нѣмецъ серебряные сосуды, то платитъ вѣсовщику отъ гривны серебра по ногатѣ Смоленской; при продажѣ не платитъ ничего. 27) Если латинскій купецъ купить гривну серебра, то даетъ вѣсовщику двѣ векши, при продажѣ не платитъ. 28) Если латинскій купецъ отдастъ серебро плавить, то платитъ съ гривны серебра смоленскую куну ¹⁾. 29) Для повѣрки вѣсовъ хранится двѣ капи: одна въ церкви Богородицы на горѣ, а другая въ латинской церкви. 30) Нѣмецъ можетъ купить въ Смоленскѣ всякій товаръ, а Русскій—въ Ригѣ и на Готландѣ. 31) Путь изъ Смоленска до Риги и Готскаго берега и назадъ безъ мыта. 32) Купца не принуждать ѣхать на войну; если самъ захочетъ, можетъ ѣхать. 33) Съ воромъ и русскій и нѣмецкій купцы могутъ разправляться по своей волѣ. 34) Ни Русскому въ Ригѣ или на Готландѣ, ни Нѣмцу въ Смоленскѣ пересуда не дѣлать; какое судебное

¹⁾ «Предки наши», говоритъ Карамзинъ,—давая имъ (Нѣмцамъ) свободу и права въ Россіи, не забывали собственныхъ выгодъ: такимъ образомъ, увольняя чужеземныхъ гостей, *продавцовъ* серебра и золота, отъ всякой пошлины, хотѣли чрезъ то умножить количество ввозимыхъ къ намъ металловъ драгоценныхъ. И. Г. Р., III, 129. по изд. Эйхерманн.

дѣло окончено въ Смоленскѣ, того не возобновлять въ Ригѣ и на Готландѣ, и на оборотъ. 35) Волочане свѣряютъ пудъ, данный имъ Нѣмцами, съ тѣмъ, который лежитъ въ нѣмецкой божницѣ. 36) Епископъ Рижскій, магистръ и всѣ владѣльцы земли дали Двину вольною отъ низу и до верху; по водѣ и по берегу латинскимъ и русскимъ купцамъ ѣздить свободно вверхъ и внизъ. 37) Если у купца разобьется судно или челнъ, то ему свободно привезти свой товаръ къ берегу, и потонувшій товаръ онъ можетъ доставить своими людьми изъ воды на берегъ; если ему понадобится больше помощи, то можетъ нанять при свидѣтеляхъ и долженъ платить столько, сколько обѣщаль, но не больше ¹⁾).

Значеніе договора Мстислава Давидовича безспорно велико; на немъ основывались всѣ послѣдующіе частные договоры князей Полоцкихъ и Смоленскихъ; всякій договоръ, заключенный послѣ 1230 г., есть ни больше, ни меньше какъ повтореніе договора Мстислава Давидовича, его слабая копія. Такимъ образомъ этотъ договоръ служитъ прототиномъ всѣхъ послѣдующихъ договоровъ Смоленскихъ и Полоцкихъ князей въ XIII столѣтіи; нѣкоторые князья даже не дѣлали особыхъ договоровъ, а прямо доканчивали по старому докончанію Мстислава Давидовича. По словамъ нѣмецкихъ лѣтописей, этотъ договоръ былъ выгоденъ для Нѣмцевъ; факты подтверждаютъ это: мы видѣли изъ грамоты архіепископа Іоанна I къ князю Ѳеодору и жалобы рижскихъ гражданъ къ Витебскому князю Михаилу, какъ Нѣмцы стояли за исполненіе статей этого договора, и какой громкій вопль подняли они по случаю неисполненія его княземъ Михаиломъ. Русскіе по этому договору пользовались во всемъ одинаковыми правами съ Нѣмцами.

Подтверженіе и повтореніе этой грамоты находится въ договорѣ, заключенномъ около 1250 года неизвѣстно какимъ княземъ, который называетъ себя сыномъ Мстислава Романовича и братомъ Мстислава. Нѣкоторыя статьи впрочемъ прибавлены здѣсь вновь; такъ прибавлено: „оже оурѣвѣтъ бороды Немъчиць бояриноу, или коуноемъчи, дати ему пять гривень сѣрѣбра“ ²⁾)... Аже оубьютъ тивоуна княжа, городьского 20 гривень сѣрѣбра како и послуо... Аже въедеть братъ мои который въ Смолньскѣ, а учитьсѣ вамъ свада съ ихъ моужьми, вамъ сѣ въ-

¹⁾ Русско-Лив. акты, 420 — 457. О времени заключенія договора у *Боннелл* 50, 66, 67.

²⁾ *Ibid.*, 451—453.

дати с ними самѣмъ; или гость ис которое земле приедеть въ мои Смолньскъ, а боудѣтъ вы с нимъ свада, а вѣдаите съ с ними сами“.

Отъ князя Ѳеодора Ростиславича мы имѣемъ двѣ грамоты. Одна изъ нихъ отъ 18/27-го мая 1284 года; въ ней опять подтверждается свободный путь для торговли: „а вашоу гостеву сѣмо боуди поути чистъ; а нашоу гостеву боуду въ вамъ поути чистъ; а роубѣжа не дѣлати; ни намъ всѣбе въ Смоленскѣ, ни вамъ всебе в Рязѣ и на Гоцьскомъ березѣ коупьцомъ“¹⁾. Въ другой грамотѣ Ѳеодоръ Ростиславичъ извѣщаетъ о томъ, что онъ судилъ Нѣмца Биреля съ Армановичемъ за нѣмецкій колоколъ. Армановичъ былъ признанъ виновнымъ и выданъ Нѣмцамъ и съ дворомъ²⁾. Эта грамота относится тоже къ 1284 году. Наконецъ, въ концѣ 1299 или началѣ 1300 года, вѣроятно—по смерти Ѳеодора Ростиславича (+ 1299), заключенъ былъ мирный договоръ его племянникомъ Александромъ Глѣбовичемъ. Въ этой грамотѣ князь желаетъ сохранить съ Нѣмцами ту же дружбу, въ какой они находились съ его отцомъ Глѣбомъ и съ дядей Ѳеодоромъ: „Како есте были въ л(ю)ви съ отцомъ моимъ Глѣбомъ і с моимъ стремемъ Федоромъ, тако будете і со мною въ любви. А язъ тоѣже любви хочю с вами. Гость ко мнѣ пуцаите, а путь имъ чистъ. А мои мужи к вамъ ѣдутъ, а путь имъ чисто“³⁾. Желаніе князя исполнилось, какъ это видно изъ приписки, найденной академикомъ Куникомъ на готландской копіи договорной грамоты 1229 г. Эта приписка гласитъ: „Се язъ князь Смоленскій Олександръ докончалъ есмь се Немци по давному докончанью, како то докончали отци наши, дѣди наши. На техъ же грамотахъ целовалъ есмь крестъ, а се моя печать“⁴⁾.

Изъ этого краткаго очерка видно, что сношенія Руси съ Западной Европой въ XIII вѣкѣ велись непрерывно. Главнымъ предметомъ этихъ сношеній была торговля, составлявшая, такъ сказать, насущную потребность Русскихъ. Этимъ объясняется частое заключеніе мирныхъ

¹⁾ *Bunge Urkundenbuch* I, 605, 606, № CDXCII.

²⁾ Русско-Ливонскіе акты, № XXXVII, 19. Боннель на основаніи того, что Артемій здѣсь названъ окольнымъ, а въ предыдущемъ договорѣ онъ называется уже намѣстникомъ, полагаетъ, что грамота о судѣ надъ Армановичемъ была раньше написана, чѣмъ договорная грамота Ѳеодора Ростиславича съ Нѣмцами, и относитъ написаніе ея между 1-мъ марта и 18-мъ мая; см. *Russisch-Liwländische Chronographie*, 124, 125, 86.

³⁾ *Ibid.*, № XLVII, 23.

⁴⁾ *Боннель*, *Russisch Liwländische Chronographie*, 137; ср. Русско-Лив. акты, 413.

договоровъ, въ которыхъ всегда повторяется непрѣмное условіе — свободный путь купцамъ и недѣланіе рубежа. Изъ договоровъ видно, что князья не довольствовались тѣмъ, что у нихъ торговали Нѣмцы, а желали, чтобъ и русскіе купцы входили болѣе или менѣе въ непосредственныя сношенія съ центромъ торговли на сѣвѣрѣ Европы — Визби, и чтобъ имъ былъ возможенъ доступъ въ Любекъ и другіе торговые города европейскіе, и всевозможными мѣрами старались обезпечить эту торговлю.

И. Тихомировъ.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Catalog der hebräischen Bibelhandschriften der Kaiserlichen öffentlichen Bibliothek in St. Petersburg. Von A. Harkavy und H. L. Strack 1875, St. Petersburg, C. Ricker. XXXIII+296 S. (Описание еврейскихъ Библейскихъ рукописей, хранящихся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, составленное А. Гаркави и Г. М. Стракомъ).

Кодексы и надгробные камни, найденные и собранные покойнымъ А. С. Фирковичемъ, уже 36 лѣтъ все болѣе и болѣе возбуждаютъ вниманіе ученыхъ: но всѣ обнаруженныя о нихъ доселѣ свѣдѣнія имѣютъ, съ одной стороны, слишкомъ фрагментарный характеръ, а съ другой — лишены надлежащей критики, такъ что по печатнымъ отзывамъ не было возможности вѣрно судить о достоинствѣ коллекцій А. С. Фирковича въ ученое отношеніи. Теперь только Императорская Публичная Библиотека издала подробное описаніе еврейскихъ библейскихъ рукописей.

Эти рукописи для ученаго міра были любопытны преимущественно потому, что во многихъ изъ нихъ находятся приписки, которыя А. Фирковичъ и нѣкоторые ученые относили къ первымъ вѣкамъ Р. Х. Въ изданномъ Императорскою Публичною Библиотекѣ каталогѣ развѣ навсегда доказано, что въ петербургскихъ еврейскихъ кодексахъ нѣтъ ни одной приписки, которая была бы древнѣе X вѣка. Самая древняя встрѣчается въ рукописи послѣднихъ пророковъ 916 года. Всѣ приписки, которыя, по выставленнымъ въ нихъ годамъ, относятся къ болѣе отдаленной эпохѣ, или недостоверны, или совсѣмъ новы. Упомянутые документы въ особенности поражаютъ слѣдующими поддѣлками. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ означеніе года прибавлено позднѣйшею рукой, таковы, напримѣръ, годы: 781, 848, 888, 920, 923, 939, 1038, 1088 (см. стр. 34, 79, 83, 48, 99, 15, 144, 148), въ другихъ буквы, употребленныя для означенія года, замѣнены иными посредствомъ подскобковъ, или прибавленія малой черточки.

Одна приписка была написана въ году $\overline{athr} \overline{lw}$ Селевкид., то-есть, $1000 + 400 + 200 + 30 + 6 = 1636$ Сел. = 1325 по Р. X. Это число передѣлано подскобленіемъ въ $\overline{amr} \overline{lw}$, то-есть, въ $1000 + 40 + 200$ Сел. = 929 по Р. X., или, если соединить \overline{lw} съ предшествующими цифрами, въ 1276 г. Сел. = 965 по Р. X. Другіе примѣры приводятся на стр. 43, 74, 95, 141, 192. Чернила часто очевидно свѣжи; буквы одинаковы съ употребляемыми нынѣ крымскими Караймами. Въ именахъ *Манун* и *Бейк* нынѣ Караймы вѣсто конечной формы буквъ *n* и *k* употребляютъ обыкновенную (круглую); тѣ же самыя круглыя буквы находятся на концѣ этихъ двухъ именъ въ нѣкоторыхъ припискахъ, выдаваемыхъ за очень древнія.

Къ этимъ, такъ сказать, внѣшнимъ доказательствамъ ¹⁾ присоединяются внутреннія. Во многихъ припискахъ, начиная съ конца VIII вѣка, городъ Кафа упоминается какъ жилище Караймской общины (см. стр. 141); между тѣмъ Н. Мурзавичъ въ своей „Исторіи Генуэзскихъ поселеній въ Крыму“ (Одесса, 1837), на стр. 6, 7, говоритъ: „Генуэзцы, избравъ выгодное приморское мѣсто, недалеко отъ того, гдѣ была древняя Феодосія, при древнемъ же урочищѣ именованшемся Кафа, положили основаніе селенію того же имени. И Кафа (Сафа) до того времени [до XIII вѣка] ничтожное пристанище рыболововъ, вскорѣ оправдала древнее свое названіе Феодосіи — Божій даръ“.

Село га-іегудимъ (Чуфуть-Кале) упоминается только въ припискахъ петербургской коллекціи (подъ годами: 604, 639, 764, 933, 959), но въ древнихъ документахъ это названіе извѣстной крымской мѣстности нигдѣ не встрѣчается: первоначальное ея названіе есть Кирверъ (съ 1321 года), позднѣе Кале (см. катал., стр. 19, 75).

Слово Сефарадъ нигдѣ въ еврейской литературѣ не обозначаетъ Пантикапеона или Босфора, на что уже И. С. Реджіо обратилъ вниманіе въ еврейскомъ журналѣ *Ціонъ* I, 139; въ петербургскихъ же рукописяхъ это имя встрѣчается въ припискахъ подъ годами: 604, 781, 981, 992.

Поддѣлки въ рукописяхъ обыкновенно дѣлаются, чтобы увеличить ихъ продажную цѣну; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что поддѣлывателя петербургскихъ приписокъ, главнымъ образомъ, руководила совершенно иная цѣль. Онѣ вызваны вараймскимъ фанатизмомъ и дол-

¹⁾ Ср. также еврейскій журналъ *га-манидъ* 1876, № 2 и слѣд. (письмо г. Чернаго).

жны были служить доказательствомъ, что Караимы со времени персидскаго царя Камбиза жили и дѣйствовали въ Крыму независимо отъ Равванитовъ, что они одни настоящіе Израильтjане, никогда не слѣдовавшіе талмудическимъ предписаніямъ, и наконецъ, что предки ихъ нисколько не были причастны смерти Иисуса Христа. Лишь въ X столѣтїи (957 г. по Р. X.) три равванитскіе миссіонера прибыли будто изъ Іерусалима и побудили 200 крымскихъ (караимскихъ) семействъ ¹⁾ принять неизвѣстный до тѣхъ поръ въ Крыму талмудизмъ. О всемъ этомъ А. Фирковичъ не разъ говоритъ и въ напечатанныхъ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ (такъ, напримѣръ, въ татарскомъ письмѣ къ главному караимскому наставнику Бобовичу, 1839 г.).

Если Израильтjане переселились въ Крымъ въ до-талмудическія времена, то они никакъ не могли имѣть равванитскаго лѣтосчисленія книги Седеръ Оламъ, по которому персидское владычество надъ Палестиною продолжалось только 34 года, а не 185 лѣтъ (съ 516 г. до 331 г. до Р. X.), какъ это было въ дѣйствительности. Годъ 4000 равванитской эры по сотвореніи міра соотвѣтствуетъ 240 году эры христіанской: безъ упомянутой же ошибки онъ соотвѣтствовалъ бы 89 году (240—251). Крымскіе Евреи (предки Караимовъ), по Фирковичу, сперва употребляли вѣрную, старую (крымскую) эру отъ сотворенія міра, а не равванитскую, о которой они будто бы узнали нѣсколько столѣтїй позже отъ Евреевъ Равванитовъ, прїѣхавшихъ изъ Матархи и другихъ городовъ. Доказательствомъ того должна была служить, между прочимъ, одна надгробная надпись (№ 5 Азіатскаго музея), которая гласитъ такъ:

И это надгробный камень на могилѣ
Эсеири, дочери Соломона, который
я поставилъ у ея изголовья, которая умерла
въ [4]536 году. Да будетъ
душа ея связана въ узлѣ жизни—по сотвореніи,
то-есть, [4]385 по Матархейцамъ.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ каталога, на стр. 101 (ср. 108), ошибочно сказано, что документъ, который свидѣтельствуетъ объ этомъ событіи, пропалъ. Онъ находится въ Императорской Публичной бібліотекѣ и очевидно написанъ новой караимскою крымскою рукой.

Годъ [4]385 обыкновенной эры по сотвореніи міра есть годъ 625 (385+240) по Р. Х., или годъ [4]536 мнимой Крымской эры.

Извѣстный академикъ А. А. Куникъ уже въ 1863 г. (См. *Bulletin de l'Académie Imp. des sciences de St. Petersbourg*, t. V. 1863, col. 357; VII. 1864, с. 392, 402) призналъ, что послѣдняя строка вырѣзана позднѣйшею рукою. Мало того, самое слово *мицра* „по сотвореніи“ изсѣчено не первымъ каменотесцемъ, который непременно поставилъ бы его непосредственно послѣ словъ „въ [4]536 году“. Тщательно рассматривая этотъ камень, я замѣтилъ, что въ четвертой строкѣ число *th q l w*, [4]536, не первоначальное. Вѣрное число есть *hrhw*, 5236 по сотвор. м. = 1476 по Р. Х. (5236+240—4000). Позднѣйшая рука передѣлала *h* (5000) и *r* (200) въ *th* (400) и *q* (100), что ускользнуло отъ вниманія Д. А. Хвольсона (см. его „Восемнадцать еврейскихъ надгробныхъ надписей изъ Крыма“ (С.-Пб. 1866, стр. 22).

Мнимое крымское лѣтосчисленіе находится въ 5 припискахъ, изъ которыхъ ни одна не заслуживаетъ довѣрія (см. кат., стр. XXIV).

Кромѣ упомянутой эры, въ припискахъ употребляется другая, которая не подтверждается ни однимъ достовѣрнымъ документомъ, именно эра „по нашемъ изгнаніи“. Сличеніе 11 приписокъ и 5 надгробныхъ камней ясно доказываетъ, что эта эра, по мнѣнію ея изобрѣтателя, начинается 696 годомъ до Р. Х., или что подъ изгнаніемъ должно понимать изгнаніе 10 колѣнъ изъ Самаріи. Эту эру употребляли, по словамъ Фирковича, изгнанники Израильскаго царства и во время плѣна въ Ассиріи, и послѣ переселенія въ Крымъ, которое случилось при Камбизѣ (катал., стр. XXIV—XXVII). Самое существованіе эры отъ изгнанія служить, по А. Фирковичу, доказательствомъ, что Караймы, мнимые потомки этихъ изгнанниковъ, не имѣютъ ничего общаго съ палестинскими Равванитами.

Д. А. Хвольсонъ, въ отчетѣ 1859 г. (кат. стр. XI—XII) и въ упомянутомъ сочиненіи, стр. 98 и слѣд., говоритъ подробно о большой важности этой эры „какъ въ отношеніи библейской, такъ равно египетской и ассирійско-вавилонской хронологіи“. Жаль, что памятники, на которыхъ основываются его слова, отнюдь не достовѣрны. О припискахъ ср. катал. стр. XXIV—XXV; что же касается до 5 надгробныхъ надписей, то я ограничусь здѣсь слѣдующими замѣтками, дополняющими сказанное въ каталогѣ. Два камня хранятся въ Азіатскомъ музеѣ. № 2, который А. С. Фирковичемъ и Д. А. Хвольсономъ отнесенъ къ 89 г. по Р. Х., гласитъ такъ:

Цадокъ Левить ¹⁾ сынъ Мойсея
умеръ 4000 по сотвореніи [по крымской эрѣ],
785 по нашемъ изгнаніи.

Третья строка также вырѣзана на камнѣ; во второй вмѣсто *d a*, то-есть, *daleth alaphim* (четыре тысячи) первоначально стояло *r t*, то-есть, *resch teth* (двѣсти десять). [5]209 г. по Равванитской эрѣ соответствуетъ 1449 году по Р. Х.

Надгробныя надписи Чуфуть-вальскаго кладбища, большею частью, изсѣчены въ нишахъ (углубленіяхъ) передней стороны камня, сдѣланныхъ для возможнаго предохраненія буквъ отъ дождя и пр.; первая же надпись Азіатскаго музея прямо ²⁾ изсѣчена на плоской поверхности камня безъ подобнаго предуготовленія.

Рабби Мойсей Левъ умеръ
въ 726 г. по нашемъ изгнаніи.

Относительно этихъ двухъ строчекъ, которыя вовсе не имѣютъ древняго вида (годъ 726 по изгн. [*th sch kw*, 400+300+20+6]=30 по Р. Х.), я еще недоумѣваю: онѣ или совсѣмъ новы, или слово „по нашемъ изгнаніи“ прибавлено въ нихъ позднѣйшею рукой, которая, по видимому, и передѣлала *h sch kw*=5326 по сотв. м. (=1566 г. по Р. Х.)

Покойный А. Фирковичъ, какъ извѣстно, велѣлъ отпилить восемь надписей отъ надгробныхъ камней и послалъ ихъ въ Эрмитажъ: нынѣ они въ Азіатскомъ музеѣ. На камняхъ въ Чуфуть-Кале теперь находятся копии, надъ каждой изъ которыхъ прибавлено слово „копія“. Надгробныя надписи съ именами Буки бенъ Исаакъ (702 г. по изгнаніи=6 по Р. Х.) и Пинхасъ бенъ Буки (751 по изгн.=55 по Р. Х.) имѣются въ Чуфуть-Кале только въ копіяхъ ³⁾: оригиналы же ихъ ни въ С.-Петербургѣ, ни въ другомъ мѣстѣ, на сколько мнѣ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, не существуютъ; вѣроятно они и никогда не существовали.

¹⁾ Слово «Левить» надъ строкою прибавлено, можетъ быть, другою рукой.

²⁾ Г. Хольсонъ, XVIII надгр. надп. стр. 7, прим. 2: «большая часть надписей заключается въ изсѣченныхъ на надгробныхъ камняхъ нишахъ. Поддѣлыватель фальшивыхъ надписей легко могъ бы сберечь этотъ бесполезно разтраченный на *ниши* трудъ».

³⁾ Этими свидѣніемъ я обязанъ г. Эранну Дейнардъ, который жилъ у покойнаго А. Фирковича въ Чуфуть-Кале больше двухъ лѣтъ и самъ выдалъ эти копія. Фирковичъ ему сказалъ, что оригиналы находятся въ С.-Петербургѣ.

Пятаго камня съ эрою по изгнаніи я не успѣлъ отыскать въ Чуфуть-Кале. Въ книгѣ Абнэ зикаронъ (Вильна, 1872), текстъ стр. 7, № 25, гласитъ такъ:

И это камень который я поставилъ
у его изголовья, на могилу Р.
Иосифа бенъ Р. Ильи, умершаго
въ 4280 г. по сотв. м.,
1065 по нашему изгнаніи. Да почіетъ душа его въ блаженствѣ.

Такъ какъ всѣ другіе памятники, которые свидѣтельствуютъ объ эрѣ по изгнаніи, не достовѣрны, то я вполне убѣжденъ, что послѣдняя строка прибавлена другою рукой. Въ четвертой строкѣ вѣроятно было не *darp* (4280), но *harp*—5280 по сотв. м.—1520 по Р. X.

Не смотря на всѣ поддѣлки, Петербургская коллекція еврейскихъ Библейскихъ рукописей, имѣетъ высокое значеніе для науки. Самый драгоценный ея кодексъ есть рукопись пророковъ 916 года съ такъ называемою вавилонскою пунктуациею, который нынѣ въ полномъ своемъ составѣ изданъ подъ моимъ руководствомъ фотолитографическимъ способомъ.

Слѣдующее за нимъ мѣсто принадлежитъ полному экземпляру Библии, написанному въ Египтѣ въ 1009 г. по Р. X. Это самая древняя рукопись всего Св. Писанія изъ всѣхъ находящихся нынѣ въ публичныхъ библіотекахъ Европы.

О достоинствѣ коллекціи въ другихъ отношеніяхъ вкратцѣ сказано на стр. XXIX—XXXII.

Сравнивая с.-петербургскія рукописи съ хранящимися нынѣ въ Чуфуть-Кале (см. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1875, март, IV, стр. 5 и слѣд.; *Zeitschrift für lutherische Theologie* 1875, стр. 585—618), нельзя не признать, что, не обращая вниманія на драгоценные кодексы годовъ 916 и 1009, Чуфуть-кальскіе библейскіе манускрипты имѣютъ значительно болѣшую важность.

Такъ какъ въ описаніи еврейскихъ Библейскихъ рукописей Императорской публичной библіотеки часто упоминаются надгробныя надписи, то я считаю небезполезнымъ прибавить здѣсь нѣсколько словъ о 5 другихъ камняхъ, хранящихся въ Азіатскомъ музеѣ, ибо многіе еще думаютъ, что эти памятники дѣйствительно древни; надгробныя же надписи, будучи достовѣрными, могли бы подкрѣпить подлинность нѣкоторыхъ приписокъ въ кодексахъ.

Въ камнѣ № 3, третья строка „*daleth alaphim w'zad*“, 4090 по

крымской эрѣ = 179 (90 + 89) по Р. Х., очевидно передѣлана. Что было въ началѣ, узнать невозможно, такъ что о вѣкѣ этой надписи можно судить только по аналогіи прочихъ чуфуть-кальскихъ памятниковъ.

На камнѣ № 4 сказано, что Гиллель бенъ Р. Мойсей умеръ въ 4216 году (*drino*) по сотв. м., то-есть 305 (216+89) по Р. Х. Первоначально не было *d*, а *h*, то-есть, 5000. Слѣдовательно эта надпись вырѣзана въ 5216 г. по сотв. м. = 1456 (5216+240—4000) по Р. Х.

Севергелинъ, дочь Р. Леви, (см. камень № 5) умерла въ 5181 (*hqpa*) году по сотв. м. = 1421 по Р. Х., не въ [4]581 (*th q pa*) г. по крымской эрѣ = 670 (581+89) по Р. Х.

Тохтамышъ умеръ въ 5289 г. по сотв. м. (*hrpt*) = 1529 по Р. Х. На камнѣ № 7 нынѣ читаемъ *thqpt*, 589 по кр. э. = 678 по Р. Х. ¹⁾

Енай бенъ Элиасафъ (кам. № 8) умеръ въ 5230 г. по сотв. м. (*hrl*) = 1470 по Р. Х. Нынѣ на камнѣ имѣется *th r l*, 630 по кр. эрѣ = 719 по Р. Х.

Г. М. Стракъ.

Еврейская грамматика В. Гезеніуса. Переводъ профессора К. Коссовича. С.-Пб. 1874, XV, 600.

Еврейская хрестоматія съ ссылками на грамматику Гезеніуса и глоссаріемъ еврейско-русскимъ, составленная профессоромъ К. Коссовичемъ. С.-Пб. 1875; XVI, 362.

Преподаваніе еврейскаго языка въ духовныхъ семинаріяхъ, независимо отъ культурнаго его значенія, необходимо потому, что это подлинный языкъ книгъ Ветхаго Завѣта и, слѣдовательно, безъ него, молодой человѣкъ, поступающій въ духовную академію, былъ бы лишень возможности слѣдить надлежащимъ образомъ за изученіемъ Священнаго Писанія. Не смотря на то, преподаваніе упомянутаго языка въ семинаріяхъ до сихъ поръ было сопряжено съ большими затрудненіями, происходившими отъ отсутствія учебниковъ. Всѣ пособия на русскомъ языкѣ для изученія подлинныхъ памятниковъ сло-

¹⁾ Имя Тохтамышъ впервые встрѣчается во второй половинѣ 14-го столѣтія, какъ имя извѣстнаго хана Золотой Орды (подробно объ этомъ см. въ статьѣ «Тохтамышъ и Фирковичъ» А. А. Куника, которая скоро появится въ свѣтъ). Что касается камня Чуеуль-кальскаго № 16 (Абнэ Зикаронъ, текстъ стр. 5), я нисколько не сомнѣваюсь, что вмѣсто *d a q 'g*, 4173 по кр. эрѣ = 262 по Р. Х., было въ началѣ *h a r 'g*, 5273 по сотв. м. = 1513 по Р. Х.

ва Божія состояли до сихъ поръ изъ краткой еврейской грамматики и хрестоматіи, составленныхъ покойнымъ протоіереемъ Павскимъ; но на свою грамматику самъ протоіерей Павскій смотрѣлъ не какъ на учебникъ, а какъ на конспектъ (см. Предисл.), употреблявшійся имъ при преподаваніи; хрестоматія же его представляетъ не болѣе какъ мѣста, выбранныя изъ разныхъ книгъ Священнаго Писанія, безъ всякихъ грамматическихъ поясненій и безъ глоссарія. Такая скудость необходимыхъ пособій была, безъ сомнѣнія, причиною того, что доселѣ еврейскій языкъ преподается только въ немногихъ изъ 52 семинарій, да и въ тѣхъ удѣляется на его необязательное преподаваніе только два года въ заключительныхъ классахъ (обыкновенно по два урока въ недѣлю).

При общемъ современномъ подъемѣ уровня просвѣщенія въ Россіи, св. синодъ счелъ необходимымъ водворить въ духовныхъ училищахъ преподаваніе еврейскаго языка, и съ этою цѣлью поручилъ извѣстному оріенталисту и профессору К. А. Коссовичу, перевести на русскій языкъ грамматику Гезеніуса и составить еврейскую хрестоматію, съ приложеніемъ къ ней грамматическихъ поясненій и глоссарія.

Выборъ грамматики Гезеніуса для перевода въ высшей степени основателенъ и удаченъ по той простой причинѣ, что изъ множества отличныхъ еврейскихъ грамматикъ на нѣмецкомъ языкѣ это единственный трудъ, который можетъ быть полезенъ и для ученика, и для преподавателя, такъ какъ элементарныя свѣдѣнія постоянно въ немъ сопровождаются болѣе подробными филологическими поясненіями. Та и другая часть грамматики, высшая и элементарная, не сливаются вмѣстѣ, но идутъ параллельно, давая преподавателю полную возможность пройти съ своими учениками часть элементарную и потомъ сообщить имъ, съ помощью той же книги, дополнительныя свѣдѣнія. Къ тому же подобный трудъ способенъ образовать и преподавателей (что очень желательно), ибо всякій, получившій хорошее общее образованіе можетъ достигнуть, съ помощью означенной книги, знанія еврейскаго языка и безъ учителя.

Переводя грамматику Гезеніуса, г. Коссовичъ не ограничился ролью простаго переводчика. Имѣя въ виду ясность изложенія и удобство для учащихся, онъ расширилъ нѣкоторымъ образомъ рамку своего подлинника, что и необходимо было сдѣлать при совершенномъ почти отсутствіи на русскомъ языкѣ другихъ сочиненій по части еврейской филологіи, тѣмъ болѣе что книга Гезеніуса изобилуетъ указаніями и даже намеками на разныя лингвистическія данныя, которыя не по-

лучили въ ней дальнѣйшаго развитія. Все это переводчикъ замѣнилъ обстоятельнымъ и точнымъ объясненіемъ. Кромѣ того, простыя ссылки на разныя мѣста еврейскаго текста Священнаго Писанія почти вездѣ замѣнены у него выписками съ присоединеніемъ къ нимъ надлежащаго перевода. Наконецъ, въ этомъ трудѣ нерѣдко встрѣчаются и самостоятельныя филологическія изысканія, принадлежащія собственно г. Коссовичу, см., напримѣръ, стр. 135, 187, 211 и др. Подобныя дополненія отмѣчены въ книгѣ квадратными скобками [].

Но одна грамматика, каковы бы ни были ея достоинства, не можетъ привести къ живому знанію языка, сохранившагося только въ письменныхъ памятникахъ. Для разумнѣя послѣднихъ требуется особая дисциплина, разъясняющая въ самыхъ памятникахъ языка путемъ конкретнаго анализа тѣ же явленія, которыя излагаются въ синтетической системѣ грамматики. Этой-то дисциплинѣ должна удовлетворять хорошая хрестоматія; удовлетворяетъ же ей она, когда, дѣйствительно ознакомивъ начинающаго съ духомъ языка и со всѣмъ разнообразіемъ грамматическихъ формъ, даетъ ему этимъ самымъ возможность систематически изучать всѣ памятники данной письменности. Еврейская хрестоматія, такимъ образомъ, должна служить предверіемъ къ полному и систематическому изученію еврейскихъ книгъ Ветхаго Завета.

Мы смѣло можемъ привѣтствовать и этотъ трудъ г. Коссовича, какъ вполне соответствующій своему назначенію. Составляя свою хрестоматію, г. Коссовичъ: 1) выбралъ статьи, съ одной стороны, доступныя пониманію начинающаго учиться, съ другой—представляющія каждая сама по себѣ нѣчто цѣльное; 2) сопровождалъ выбранныя статьи постоянными указаніями на грамматическія правила и 3) для объясненія значенія словъ, находящихся въ текстѣ, составилъ обстоятельный глоссарій, заключающій въ себѣ какъ всѣ слова, такъ и употребительныя ихъ формы, а также ссылки на грамматическія правила, объясняющія ту или другую форму слова. Въ выборѣ статей г. Коссовичъ руководствовался двумя лучшими современными еврейскими хрестоматіями, Гезеніуса и Брюкнера, и отчасти хрестоматіей Павсаго; нѣкоторыя же статьи внесены имъ въ хрестоматію по собственному выбору. Что касается объяснительной части, то передавая въ ней все существенное, заключающееся въ трудѣ Гезеніуса, г. Коссовичъ не пропустилъ ни одного мѣста изъ избранныхъ имъ священныхъ текстовъ, которое, безъ надлежащаго толкованія, могло бы вставаться для начинающаго сколько-нибудь неудобопонят-

нымъ. Всѣ эти толкованія обнаруживаютъ въ переводчикѣ глубокое знакомство съ еврейскимъ языкомъ и съ трудами Эвальда, Делича, Кейля и другихъ современныхъ гебраистовъ. Между чисто элементарными замѣчаніями нерѣдко встрѣчаются въ хрестоматіи, особенно въ глоссаріи, и такія, которыя затрогиваютъ область высшей филологіи; въ глоссаріи же не рѣдко дѣлаются сближенія съ корнями арійскихъ языковъ. Все это способно возбуждать даровитыхъ юношей къ самостоятельнымъ дальнѣйшимъ занятіямъ еврейскимъ языкомъ и языкознаніемъ вообще.

Кромѣ ссылокъ на грамматику Гезеніуса, въ хрестоматіи г. Коссовича довольно часто встрѣчаются ссылки и на большую грамматику Эвальда, такъ какъ это произведение, по словамъ г. Коссовича, съ которымъ мы совершенно согласны, не можетъ не быть въ настоящее время настольною книгою у всякаго серьезно занимающагося еврейскимъ языкомъ, особенно же у преподавателя.

Въ предисловіи къ хрестоматіи уважаемый авторъ подробно говоритъ о методахъ, которымъ слѣдуютъ обыкновенно при преподаваніи еврейскаго языка. Вообще, педагогическіе методы въ лингвистикѣ, какъ и во всякомъ другомъ знаніи, вырабатываются опытомъ, особенный же строй еврейскаго языка требуетъ и особенныхъ педагогическихъ приемовъ; тѣмъ не менѣе, самый лучший методъ только тогда увѣнчивается успѣхомъ, когда учащій самъ основательно знаетъ свой предметъ и, искренно любя его, старается съ тою же любовью передавать его своимъ ученикамъ. При этомъ послѣднемъ условіи, еврейская хрестоматія г. Коссовича всегда будетъ полезна, какимъ бы методамъ ни слѣдовалъ преподаватель. Кстати, мы бы позволили себѣ здѣсь указать на замѣчательное, по части еврейской методики, сочиненіе Грефенгана: „Учебный планъ преподаванія еврейскаго языка“ (Dr. Aug. Gräfenhan, Unterrichtsplan für das Hebräische in Secunda, Braunschweig, 1872) и на нашу статью объ этомъ трудѣ въ *Berliner Zeitschrift für das Gymnasialwesen*, 1873, p. 863—870.

Этимъ мы ограничиваемъ наши замѣтки ѓ трудахъ г. Коссовича, ибо предѣлы статьи не позволяютъ намъ входить въ болѣе обстоятельныя подробности. Выразимъ лишь желаніе, чтобы г. Коссовичъ, составившій съ такимъ знаніемъ дѣла глоссаріи для своей хрестоматіи, принялъ на себя трудъ составленія полного еврейско-русскаго словаря, съ такими же сближеніями семитскихъ и индо-европейскихъ корней, какія сдѣланы имъ въ глоссаріи.

Г. М. Стрѣкъ.

Краткій очеркъ англійскихъ владѣній въ Азіи. Составилъ М. Венюковъ С.-Петербургъ. 1875.

Г. Венюковъ давно извѣстенъ какъ авторъ многихъ сочиненій о различныхъ азіатскихъ странахъ. Въ настоящемъ сочиненіи онъ выбралъ предметомъ своего изслѣдованія англійскія владѣнія въ Азіи, иными словами—взялся описать значительное пространство этой части свѣта. Едва ли нужно указывать, какъ удаченъ, своевремененъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какими трудностями сопряженъ такой выборъ. Самъ авторъ въ предисловіи прекрасно опредѣляетъ свою задачу въ слѣдующихъ словахъ: „Потребность знанія современнаго состоянія Англо-Азіатской имперіи у насъ растетъ, и чтобы хотя отчасти удовлетворить ей, я рѣшился издать предлагаемый краткій военно-статистическій очеркъ Англійской Азіи“. Книга г. Венюкова въ своемъ родѣ есть единственная въ русской литературѣ, а потому именно она заслуживаетъ полнаго вниманія и безпристрастной критики.

Многихъ у насъ, въ настоящее время, интересуеетъ Индія; но не у всякаго есть досугъ и возможность знакомиться съ богатою и разнообразною литературою по этой части. Для такихъ-то читателей и составленъ настоящій компендіумъ. Для тѣхъ же, кто пожелалъ бы ближе познакомиться съ Индіей, въ концѣ книги предлагаются библиографическія указанія (стр. 172, Источники для изученія Индіи). „Для желающихъ расширить свои познанія“, говоритъ авторъ въ предисловіи, — „я указалъ въ концѣ книги небольшой рядъ сочиненій признаннаго достоинства“. Къ сожалѣнію, „Источники для изученія Индіи“ поражаютъ нѣкоторою странностію выбора. Мы позволяемъ себѣ это замѣтить потому, что авторъ разбираемаго сочиненія самъ заявляетъ о себѣ: „Нѣкоторое личное знакомство съ Англійскою Азіей помогло мнѣ въ этомъ случаѣ ориентироваться среди подавляющаго обилія источниковъ“. Весьма естественно ожидать, что авторъ, лично знакомый съ описываемыми имъ странами, будетъ рекомендовать своимъ читателямъ книги дѣйствительно „признаннаго достоинства“, а не такія, которыя случайно попались ему на глаза, или почему-либо забрели на полки его бібліотеки: поэтому насъ весьма удивляетъ, что такой опытный авторъ, какъ г. Венюковъ, географъ и военный писатель, перечисляя свои источники и рекомендуя книги для ближайшаго ознакомленія съ Индіей, приводитъ сочиненія такихъ авторовъ, какъ Trotter, Meadows Taylor, Valbezen (почему бы уже и не книги Louis Jacolliot?), и многія другія, также, должно быть — „признаннаго достоинства“, а между

тѣмъ совершенно забываетъ о многочисленныхъ „отчетахъ“ (Records) англійскихъ чиновниковъ, о тѣхъ Gazetteer'ахъ, гдѣ собраны обстоятельныя и точныя свѣдѣнія о современной Индіи, — тѣ свѣдѣнія которыя каждый читатель въ правѣ искать въ *военно-статистическомъ обзорѣ*, хотя бы даже и *краткомъ*; къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія передаются авторомъ не всегда съ желаемою точностью, а весьма часто и совершенно искаженными.

Книга г. Венюкова преимущественно назначается для читателей, еще только желающихъ ознакомиться съ англійскими владѣніями въ Азіи, такихъ читателей, которые или не захотятъ, или не будутъ въ состояніи провѣрить всѣ факты, сообщаемые авторомъ, а потому во всякой подобной книгѣ главную заслугу автора должно составлять умѣнье сгруппировать такіе факты и данныя, за точность которыхъ онъ можетъ поручиться. Этими достоинствами отличаются многіе изъ англійскихъ трудовъ; напримѣръ, *Bradshaw's Through route Overland Guide to India*, хотя и короче военно-статистическаго очерка или обзора г. Венюкова и написанъ съ совершенно иною цѣлью, но тѣмъ не менѣе даже и послѣ этой книги можетъ быть прочтенъ съ пользою. Во многихъ отношеніяхъ, Бредшау окажется страннымъ образомъ полнѣе и точнѣе книги извѣстнаго нашего географа.

Воздерживаясь пока отъ произнесенія общаго приговора книгѣ г. Венюкова, мы позволимъ себѣ высказать нѣсколько частныхъ замѣчаній. Почти каждая страница этой книги, къ сожалѣнію, можетъ подать поводъ къ различнымъ недоразумѣніямъ; но во избѣжаніе длинноты, мы воснесемъ только нѣкоторыхъ пунктовъ въ отдѣльныхъ главахъ. Начнемъ съ замѣчанія, которое можетъ показаться автору и многимъ читателямъ придирчивымъ, хотя и касается вопроса не послѣдней важности. При внимательномъ чтеніи книги г. Венюкова, невольно бросается въ глаза нѣкоторая странность въ написаніи собственныхъ именъ. Множество извѣстнѣйшихъ географическихъ именъ совершенно не узнаваемы въ книгѣ г. Венюкова (въ военно-статистическомъ-то очеркѣ?!). Оказывается, по ближайшемъ разсмотрѣніи, что г. Венюковъ, по непонятной забывчивости, впалъ въ ту же ошибку, какой не сумѣли избѣжать и нѣкоторые отечественные истолкователи, поправители и дополнители Риттерова „Землеописанія“; и онъ, подобно имъ, испестрилъ свою книгу такими географическими и другими именами, которыя врядъ ли найдешь на мѣстѣ или въ исторіи. Извѣстно, что Англичане до сихъ поръ держатся двоякой транскрипціи восточныхъ именъ и словъ. Въ старые годы они исключительно

передавали восточныя имена и слова по слуху, переписывая ихъ латинскою азбукою, согласно съ родною орфографіей. Такъ, они писали, а нѣкоторые и до сихъ поръ пишутъ: *Uhour, Umballa*; но имена эти произносятся Алваръ, Амбала и туземными азбуками такъ и пишутся. Систему эту нельзя назвать фонетическою; сами Англичане жалуются на такой способъ передачи восточныхъ именъ и соглашаются, что это самая ненаучная, произвольная и въ то же время непослѣдовательная система. Писалось, напримѣръ, *Sikh, Manu*, но врядъ ли кому приходило въ голову произносить эти слова такъ, какъ пишетъ ихъ г. Венюковъ: *Сейкъ, Мему*. Долго Англичане держались этой системы и только въ послѣдніе годы мало по малу принялись передавать восточныя слова по другой системѣ, именно—передать въ транскрипціи не тотъ звукъ, каковой ухо слышитъ, а то начертаніе восточной азбуки, что видитъ глазъ. И эта система не вполне научна, но за то менѣе сбивчива и произвольна, а потому все-таки предпочтительнѣе первой. Все это, конечно, давно извѣстно г. Венюкову, но тѣмъ не менѣе въ его книгѣ—обиліе неслыханныхъ именъ. Мы встрѣчаемъ тутъ и „Баба Нанукъ“ вмѣсто Нанакъ, и „Амритсиръ“ вмѣсто Амритсаръ, и „Кшетриевъ“ вмѣсто Кшатриевъ, и множество иныхъ курьезовъ. О многихъ именахъ трудно даже рѣшить, по какой системѣ они перепорчены. Откуда авторъ подобралъ Хасовъ, Лакнавъ, Серинагуръ, Бхутисовъ, Бутисовъ тожь, Дравидасовъ и т. д.? Почти на каждой страницѣ встрѣчаются такія имена, и это въ военно-статистическомъ очеркѣ! Нужно надѣяться, что наши военные будутъ изучать географію Индіи не по одной этой книгѣ.

Нельзя отрицать, что авторъ сообщаетъ много новаго, но это новое очень рѣдко вѣрно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ относится слишкомъ довѣрчиво къ источникамъ, очевидно не заслуживающимъ никакого довѣрія. Такъ, напримѣръ, на стр. 25 начинается IV-я глава, озаглавленная: „Племенной составъ населенія Англійской Азіи“. На немногихъ страницахъ (25—32) собрано столько невѣрныхъ или неточныхъ извѣстій, что рѣшительно недоумѣваешь о томъ, какия же книги читалъ авторъ до написанія этихъ страницъ. Откуда онъ взялъ, что въ Индіи только два племени: Тамульское и Арійское? Какія это и гдѣ эти „указанія—впрочемъ, очень шаткія—что уже въ 3001 г. до Р. Х. Арійцы занимали господствующее положеніе въ Индустанѣ“. Какое это Тамульское племя, или раса, или горныя тамульскія племена гималайскаго подножія, „извѣстныя своими хищническими наклонностями“ (стр. 29)? Г. Венюковъ, не будучи ориен-

талистомъ, конечно, можетъ утверждать, что бирманскій языкъ „по родству корней напоминаетъ (?) семейство діалектовъ тамульскихъ“ (стр. 30); по всей вѣроятности, онъ только не задумался передать смѣлые выводы какой-нибудь книги, прочтенной имъ передъ написаніемъ этой главы; но вѣдь въ англійской литературѣ существуетъ множество дѣльныхъ и осмотрительныхъ изслѣдованій какъ по этнографіи, такъ и о языкахъ обоихъ Индѣйскихъ полуострововъ; авторъ, очевидно, не зналъ ихъ и все-таки написалъ свою IV-ю главу, и вотъ это-то непростительно. V-я глава, странно озаглавленная „Религіозный составъ населенія“, равно какъ и многія изъ послѣдующихъ,— того же характера и избилуютъ того же рода неточными и невѣрными свѣдѣніями. Иногда автору удается въ немногихъ строкахъ собрать столько невѣрнаго, непонятнаго, что читаешь и не знаешь, съ чего начать опроверженія, и невольно спрашиваешь себя при этомъ, когда же, наконецъ, скажется это „нѣкоторое личное знакомство“ съ описываемыми странами? Въ главѣ V-й (на стр. 33) авторъ хотъ и приводитъ какія-то слова подъ видомъ цитаты изъ Ведъ, но очевидно, онъ не потрудился прочесть о религіяхъ Индіи самыхъ общедоступныхъ и извѣстныхъ книгъ; результатомъ этого небреженія явился предъ русскими читателями весьма странный „Религіозный составъ населенія“ (Индіи). Въ этой главѣ разказывается, между прочимъ, что *брамины*, они же жрецы, *жреческое сословіе* и даже *браманиты* (см. стр. 36) „руководятъ развитіемъ народа“, и что „Англичане, по необходимости, признаютъ за жреческимъ сословіемъ, нерѣдко очень невѣжественнымъ, силу“ (33). Но увь, такой авторитетъ едва ли и снился этимъ представителямъ *жреческаго сословія*, таскающимъ на своихъ плечахъ паланкины и тяжести! О религіи „браманитовъ“ утверждается, что „въ корнѣ своемъ это ученіе монотеистическое“ (стр. 33), или далѣе, что „догматъ единобожія однако же выродился мало по малу въ обоготвореніе множества второстепенныхъ духовъ, а прежде всего въ ученіе о Троицѣ“. Желательно было бы, чтобы авторъ разъяснилъ, когда и какъ такой процессъ свершился? Люди, хотя бы немного почитавшіе Веды, будутъ, конечно, очень изумлены этимъ открытіемъ г. Венюкова. Также оригинально и ново то, что утверждается о буддистахъ. О нихъ мы узнаемъ, что они „признаютъ всѣхъ людей равными предъ богомъ и закономъ“ (стр. 35). Извѣстно однакоже, что буддисты именно бога-то и не признаютъ; въ этихъ немногихъ словахъ имъ приписывается совершенно противоположное основнымъ догматамъ ихъ религіи. Въ

главѣ VI-й, говоря о раздѣленіи народа на сословія и объ общинномъ устройствѣ, авторъ счелъ возможнымъ передать намъ только то, что говорится объ этомъ въ законахъ Ману, да и это-то малое сообщается не всегда вѣрно. Изъ многочисленныхъ путешествій, изъ работъ сэра Генри С. Мэна давно ужъ извѣстно, что ни тѣхъ частъ, ни многого другаго, о чемъ говорить Ману, нѣтъ въ Индіи. Но, кромѣ того, положительно неизвѣстно, существовало ли когда-либо такое общество, которое нарисовано въ законахъ Ману. Всѣми учеными признается за несомнѣнно вѣрное, что въ этихъ законахъ сохранились отрывки очень древняго обычнаго права; но былъ ли этотъ кодексъ составленъ за 1300 лѣтъ до Р. Х., какъ это съ чьихъ-то словъ утверждаетъ авторъ,—этого, конечно, никакой ученый не рѣшится утверждать.

Приведенныхъ примѣровъ, случайно выбранныхъ на нѣсколькихъ страницахъ книги, совершенно достаточно, чтобы выяснитъ общій характеръ настоящей компилятивной работы г. Венюкова. Такіе и еще болѣе важныя промахи и недосмотры можно было бы найдти почти на каждой ея страницѣ; но врядъ ли нужно приводить ихъ, опровергать разныя утверженія автора, его цифры и года и подтверждать все это ссылками на источники несомнѣнной важности. Думаемъ, что такая работа, предпринятая по поводу нѣкоторыхъ книгъ, будетъ всѣми признана за бесполезную. Но въ виду подобныхъ случаевъ въ нашей ученой литературѣ позволяемъ себѣ предложить читателю такой вопросъ: полезно или вредно—если какой-нибудь пользующійся извѣстностью авторъ беретъ писать руководство къ изученію предмета, мало извѣстнаго ему самому, и съ литературою котораго онъ знакомъ плохо? Съ своей стороны, мы думаемъ, что работа, исполненная при такихъ условіяхъ, хотя бы она была единственная въ литературѣ, положительно вредна.

И. Минаевъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Учебники и книги для чтенія.

Сборникъ правилъ русскаго правописанія, составленный на основаніи филологическихъ розысканій академика Я. К. Грота, *Иваномъ Вальковымъ*. (Спб. 1875).

Г. Вальковъ, въ своихъ орфографическихъ нововведеніяхъ, опирается на авторитетъ академика Я. К. Грота, но почтенный академикъ печатно отвергнулъ свою солидарность съ „Сборникомъ правилъ русскаго правописанія“. Онъ очень хорошо понимаетъ, что иное дѣло академическое изслѣдованіе, и иное—книга для учебныхъ цѣлей. Онъ знаетъ, что и послѣднее филологическое розысканіе не можетъ имѣть мѣста въ учебникѣ, если оно еще не усвоено и не практикуется педагогіей и литературой. Иначе съ появленіемъ каждаго новаго академическаго мемуара по предмету филологіи мѣнялись бы или этимологія и синтаксисъ, или орфографія, и преподаватель русскаго языка, въ погонѣ за послѣдними изслѣдованіями и розысканіями, никогда не выучилъ бы своихъ учениковъ граматикѣ. Учебникъ долженъ принимать въ себя только положительное, твердо-установленное знаніе, уже не подлежащее спорамъ и недоумѣніямъ и раздѣляемое кругомъ образованныхъ людей. То, что мы говоримъ, есть азбука педагогіи, и авторамъ учебныхъ руководствъ и пособій слѣдовало бы почаще справляться съ ея наставленіями.

Какія же орфографическія измѣненія предлагаетъ „Сборникъ“? Числомъ ихъ одиннадцать, изъ которыхъ укажемъ важнѣйшія:

1) „Когда послѣ *ж, ш, ц*, ясно слышится при произношеніи звукъ *о*, то какъ въ этомъ словѣ, такъ и во всѣхъ отъ него производныхъ, должно писать буку *о*, на примѣръ: *жжонка, жшованый, жжожиль, ржоте*“ (§ 3, стр. 14).

2) „Буку *ъ* на концѣ словъ писать не должно“ (§ 7, стр. 15).

часть СЛХХV, отд. 3.

3) „Въ словахъ: апофеозъ, Ѳедоръ, Ѳома, Аѳины и т. п. должно писать *ѳ*, а не *ѳ*“ (§ 11, стр. 16).

4) „Въ окончаніяхъ родительнаго и винительнаго падежей единственнаго числа именъ существительныхъ (перешедшихъ въ этотъ разрядъ изъ прилагательныхъ) на *ой* и *ое* должно писать *ова* (а не *ою*), напримѣръ, мороженое—мороженова, пирожное—пирожнова, животное — животнова“ (§ 20, стр. 19).

5) „Въ причастіяхъ страдательныхъ должно писать два *н* только тогда, когда обѣ эти буквы ясно слышны при произношеніи: слышанный, видѣнный; но —вѣремый, сожженный, испеченный § 63, стр. 29)“. Для правильнаго примѣненія этого правила нужно оцѣнивать, правильно ли произношеніе, или нѣтъ. Кто же будетъ оцѣнщикомъ? Иногда мы слышимъ отъ другихъ ясно, но неправильно выговоренное слово; иногда и сами произносимъ очень внятно, но совершенно фальшиво. Намъ, напримѣръ, ясно слышатся два *н* въ словѣ сожженный, и г. Вальковъ не слышитъ того, что мы слышимъ: какъ же намъ быть при различіи нашихъ слуховъ?

6) „Въ предлогахъ *без* и *чрезъ* передъ буквами: *к*, *з*, *п*, *ѳ*, *х*, *ц*, *ч*, *ш* и *щ*, вмѣсто *з* должно писать *с*, напримѣръ: беспечный, череполосный“ (§ 75, стр. 34).

7) „Въ словахъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ, двѣ согласныя сряду должно писать только тогда, когда такое удвоеніе слышно при произношеніи; но слова иноязычныя, при произношеніи которыхъ у насъ слышно только одно изъ находящихся въ чужомъ языкѣ двухъ согласныхъ, должно писать безъ удвоенія этой послѣдней; напримѣръ, *масса*, *касса*, *ванна*, но—*класъ*, *металъ*, *граматика*, *коралъ* и пр.“ (§ 83, стр. 36). Но здѣсь опять то же затрудненіе, какъ въ пунктѣ 5-мъ. Въ словѣ *класъ*, *металъ* я слышу явственно двѣ согласныя, точно такъ же, какъ явственно слышу одну согласную въ словахъ: *класъ* (колосъ), *металъ* (бросалъ). Притомъ одно и то же слово иностранное, напримѣръ, французское, весьма часто произносится знающимъ французскій языкъ не одинаково съ тѣмъ, кто не знаетъ его. Кому же предоставить рѣшеніе вопроса?

Кромѣ выписанныхъ нововведеній, въ „Сборникѣ“ есть и другія ореографическія правила, довольно странныя. Напримѣръ:

„Въ началѣ прилагательныхъ и числительныхъ, имѣющихъ смыслъ существительныхъ собственныхъ, принято писать большую букву, напримѣръ, *Австрійская имперія*, *Черное море*, *Вторая гимназія*“ (§ 4, стр. 10). „Не прилагательныя: *австрійская* и *черное*, и не числи-

тельное *второе* имѣютъ сами по себѣ смыслъ собственныхъ именъ, а въ соединеніи съ существительными *имперія, море, гимназія*“.

„Въ собственныхъ названіяхъ, состоящихъ изъ двухъ словъ, оба слова должно писать съ большой буквы, напримѣръ: *Русскій Вѣстникъ, Петербургскій Листокъ*“ (§ 11, стр. 12). Если такъ, то почему же *Австрійская имперія, Черное море, Вторая гимназія* пишутся только съ большою буквою въ первомъ словѣ? Вѣдь и они тоже собственныя имена. Какое въ этомъ отношеніи различіе между *Австрійскою имперіей* и *Петербуржскимъ Листкомъ*? *австрійскій* — прилагательное, какъ и *петербургскій*; *имперія*—существительное нарицательное, какъ и *листокъ*.

„Звукъ *с*, стоя передъ *б, в, д, з*, произносится какъ *з*, но пишется черезъ *с*, напримѣръ: *сбить, сгорѣть, слобный, свывать*“ (§ 5, стр. 14). Но вѣдь и *з*, стоя передъ *д*, произносится какъ *с*, напримѣръ, *зданіе*: неужели нужно писать *с* и въ этомъ словѣ?

Точно такое же правило относительно звука *з*: „звукъ *з*, стоя въ концѣ словъ передъ *ь* и заканчивая слово, произносится какъ *с*, но пишется какъ *з*, напримѣръ: *лѣзть, везти, грязь, изморозь*“ (стр. 17, пунктъ 5). Послѣ этого вмѣсто „вкосъ“ ученикъ напишетъ „вкозь“, по такому расчету: окончательный звукъ въ этомъ нарѣчій хотя произносится какъ *с*, но писать надобно *з*.

Не разумнѣ ли было, минуя произношеніе, основать оба послѣднія орфографическія правила на составѣ или производствѣ или измѣненіи словъ, то-есть, связать въ первомъ правилѣ, что глаголь *сбить* образованъ изъ глагола *бить* и предлога *съ*, а не *зъ*, котораго не имѣется, слѣдовательно, надо писать *с*, какъ бы ни произносился этотъ звукъ; а во второмъ,—что *везти* въ настоящемъ *везу*, а не *весу* слѣдовательно, надобно писать *з*, какъ бы этотъ звукъ ни произносился.

Что касается до пресловутаго *ь*, то неупотребленіе его въ концѣ словъ, по мнѣнію составителя сборника, не представляетъ никакого неудобства; ибо 1) отъ учителя зависитъ направить дѣло такъ или иначе, то-есть, допустить правописаніе безъ *ь* въ концѣ словъ или нѣтъ, и 2) если даже и предположить, что это необходимое измѣненіе въ нашемъ письмѣ не скоро еще будетъ принято всѣми, то ученикъ, привыкшій писать безъ *ь*, всегда, въ случаѣ надобности, можетъ проставлять *ь* въ концѣ словъ, а также, если это будетъ необходимо, легко можетъ приучить себя къ письму съ *ь*.

Не думаемъ, чтобы г. Вальковъ серьезно почиталъ эти причины

основательными. Хорошо пойдетъ дѣло, если оно будетъ зависѣть отъ личнаго произвола! Тогда у насъ явится столько ореографій, сколько учительскихъ головъ. Сверхъ того, какое безжалостное отношеніе къ учащимся, обрекающее ихъ на двойную процедуру: сначала выучить писать безъ ъ, а потомъ, въ случаѣ надобности, разучивать, или на оборотъ: сначала привыкать къ ъ, а потомъ, если это будетъ необходимо, отвыкать отъ ъ.

Любопытно также приводимое г. Вальковымъ вычисленіе, что ъ и ь составляютъ болѣе двадцатой части всего печатаемаго. Здѣсь выступаетъ на сцену экономическая точка зрѣнія—сбереженіе мѣста и времени. Но что же дѣлать съ широкою натурой русскаго человѣка, которая любитъ просторъ даже въ печати и не бережетъ времени, вѣроятно, по поговоркѣ: счастливые часовъ не наблюдаютъ! А ужь если мы задумаемъ экономичать, то экономіей своей напомнимъ или Крыловскаго мельника, или прежнихъ помѣщиковъ, которые, разстроивъ состояніе на пирахъ и балахъ, хотѣли поправлять его сбереженіемъ свѣчныхъ огарковъ. Англичане пишутъ свои слова именно такъ, какъ ихъ не должно выговаривать, Французы вмѣсто одной буквы *e* ставятъ двѣ, три, четыре, пять буквъ, тѣ и другіе постоянно употребляютъ *th* тамъ, гдѣ мы боимся употребить скромную *оту* и хотимъ замѣнить ее *фертомъ*, можетъ быть, потому, что онъ, какъ выразился Ломоносовъ, смотритъ бодрѣе. Не взирая на это, не думаемъ, чтобы Французы и Англичане были бѣднѣе насъ и въ матеріальномъ и въ умственномъ отношеніи. У Нѣмцевъ въ словѣ *Шекспиръ* десять буквъ, а у насъ только восемь. И однакожь надобно удивляться, какъ это Нѣмцы, теряя время на писаніе двухъ лишнихъ буквъ, такъ основательно изучили Шекспира. И какъ это мы, Русскіе, при всемъ досугѣ, остающемся у насъ отъ недисанія двухъ буквъ, такъ еще мало знакомы съ Шекспиромъ, или и вовсе его не знаемъ! Отсюда и понятно, что иная экономія пуце мотовства и раззоренія. А вся бѣда кроется въ нашей неудержимой наклонности къ учебнымъ и ученымъ проектамъ и преобразованіямъ.

Хрестоматія для изученія образцовъ русской словесности, съ примѣчаніями, руководящими вопросами и біографическими очерками. Составилъ Н. Бунаковъ. Три отдѣла: 1-й (1872), 2-й (1873), 3-й (1874). Воронежъ.

Составитель распредѣлилъ матеріалъ на четыре отдѣла, сообразно ступенямъ, которыя можно отличить въ постепенномъ изученіи словесности. Первый отдѣлъ содержитъ въ себѣ выборъ прозаическихъ

и поэтических произведений небольшого объема, для начального логического и стилистического разбора. Второй — сочинения большого объема и более серьезного содержания, при чтении которых, к логическому и стилистическому разбору присоединяется разъяснение отличительных свойств родов и видов литературных произведений. Третий дает материал для ознакомления с важнейшими представителями отечественной литературы, с их значением и характеристическими особенностями, а также с биографическими очерками наших писателей, важное историческое значение которых не подлежит сомнению. Четвертый, еще не вышедший, послужит дополнением ко 2-му и 3-му, то-есть, представит сочинения таких мировых поэтов, как Гомеръ, Софокль, Шекспиръ, знакомство с которыми обязательно для каждого образованного человека.

Выбор материала целесообразен и осмотрителен. Можно было бы не помещать только одной статьи: „О нравственной цели литературных произведений“, Баратынского (отдѣлъ 2-ой, стр. 108). Статья эта, написанная умным человеком, в отпоръ критикамъ, осуждавшим его поэму „Цыганка“ (въ первомъ изданіи „Наложница“), не согласуется съ настоящимъ понятіемъ о сущности поэтических произведений, да еслибъ и согласовалась, то по отношенію къ юношеству, она никакъ не въ состояніи доказать, что подобнаго рода поэмы могутъ возбуждать и питать нравственное чувство.

О руководящихъ вопросахъ можно замѣтить, что они выказываютъ заботливость составителя исчерпать ими содержание и значеніе помещенныхъ сочиненій, но что нѣкоторые между ними принадлежатъ или къ труднымъ или неплодотворнымъ и мелкимъ, напримеръ: Какія новыя черты обнаруживаются въ Городничемъ въ моментъ торжества? (3-й отд. стр. 208). Какая будущность ждетъ Молчалина? (3-й отд. стр. 116), и т. п.

Но какъ эти вопросы, напечатанные мелкимъ шрифтомъ, назначаются для учителя и предоставлены его выбору, то строго относиться къ нимъ не слѣдуетъ, въ виду хорошаго состава книги.

Астрономическій атласъ Брунса, профессора университета и директора Лейпцигской обсерваторіи; переводъ съ нѣмецкаго *Е. А. Омсеговой*. Изданіе 2-е, исправленное подъ редакціей *Р. Н. Гришина*. Съ приложен. 12-ти таблицъ, гравированныхъ и литографированныхъ Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Спб. 1875.

Въ текстъ атласа Брунса (какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводѣ) вошло сжатое изложеніе всего курса математической географіи.

въ объемѣ программъ гимназій и реальныхъ училищъ. Въ существующихъ у насъ учебникахъ математической географіи дается понятіе объ опредѣленіи положенія свѣтила на небесномъ сводѣ относительно главныхъ плоскостей полярныхъ координатъ, говорится о составленіи и существованіи звѣздныхъ каталоговъ и картъ, кратко описываются важнѣйшіе изъ астрономическихъ инструментовъ и приборовъ; но самыхъ каталоговъ, а также рисунковъ астрономическихъ инструментовъ въ учебникахъ нашихъ нигдѣ не прилагается, хотя бы въ формѣ образчиковъ. Этотъ существенный недостатокъ, на который постоянно указывали преподаватели математической географіи, вполне устраняется появленіемъ на русскомъ языкѣ атласа Брунса. Въ изданіи этомъ помѣщены: каталогъ неподвижныхъ звѣздъ (до 4-й величины включительно), каталогъ наиболее яркихъ звѣздныхъ кучъ и туманностей, а также перечень кометъ съ рисунками чѣмъ-либо изъ нихъ особенно замѣчательныхъ. Числовыя данныя въ каталогахъ приведены въ 1875 году, сопровождаются годовыми измѣненіями и тщательно свѣрены съ оригиналомъ. Звѣздныя карты (на 3-хъ листахъ), схематическое изображеніе солнечной системы (табл. IV), изображеніе поверхности луны (табл. VI) и множество рисунковъ, относящихся къ планетамъ, звѣзднымъ кучамъ, туманностямъ и кометамъ, или поясняющихъ важнѣйшія изъ описываемыхъ въ математической географіи явленій, даютъ преподавателямъ возможность сдѣлать нагляднѣе, а слѣдовательно и интереснѣе, изложеніе предмета, весьма важнаго въ курсѣ среднихъ учебныхъ заведеній, но трудно поддающагося усвоенію учащимися. Талантливый составитель этого атласа не упускаетъ изъ виду и исторической стороны астрономіи, предмета для учащихся весьма назидательнаго и интереснаго (напримѣръ, авторъ говоритъ объ открытіи Ньютономъ закона всемірнаго тяготѣнія, объ усовершенствованіи инструментовъ, объ открытіи Нептуна астрономомъ Леверрье и проч.).

Послѣднее изданіе этого атласа, какъ по полнотѣ научнаго содержанія, такъ и по внѣшности, не уступаетъ лейпцигскому оригиналу. Переводъ сдѣланъ съ большою точностію, почти подстрочно и притомъ съ полнымъ знаніемъ дѣла; редакція сочла полезнымъ устранить излишнюю, мѣстами, сжатость оригинала поясненіями и дополненіями въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ; такъ, напримѣръ, число астероидовъ, перечисленныхъ въ подлинникѣ до 117, доведено въ переводѣ до 139,—по октябрь 1874 года (въ русскихъ календаряхъ за 1875 годъ число это доведено только до 125). Неточности ориги-

нала—напримѣръ, въ перечисленіи именъ директоровъ обсерваторій, а также въ довольно подробномъ описаніи Пулковской обсерваторіи, извѣстной автору по прежнимъ ея описаніямъ,—отчасти исправлены; вкравшіяся въ переводъ опечатки весьма подробно обозначены въ концѣ предварительныхъ объясненій; изъ недосмотровъ, не оговоренныхъ въ упомянутыхъ опечаткахъ, можно указать только на весьма немногіе, напримѣръ, на пропускъ экваторіала въ Мельбурнской обсерваторіи, въ Австраліи (стр. 42, столб. 2) и немногіе другіе. Такъ какъ редакція атласа приняла на себя трудъ указать въ подстрочныхъ замѣткахъ нѣкоторыя измѣненія и усовершенствованія по исторіи развитія астрономіи, а также обозначить некрологи тѣхъ астрономовъ, о которыхъ упоминается въ атласѣ,—какъ, напримѣръ, Ганзена и Кетле, скончавшихся въ 1874 году, то для полноты этихъ свѣдѣній, мы считаемъ не лишнимъ присовокупить, что изъ упомянутыхъ Брунсомъ астрономовъ, въ 1872 г., августа 5-го дня скончался Делоне (директоръ Парижской обсерваторіи); въ 1873 г.—Донатти (директоръ обсерваторіи во Флоренціи); наконецъ, въ 1874 году скончался въ Ганноверѣ, на 80-мъ году своей жизни, одинъ изъ старѣйшихъ нашихъ астрономовъ, бывший директоръ Дерптской обсерваторіи, Н. Медлеръ. При слѣдующихъ изданіяхъ этого атласа, редакція можетъ также пополнить новѣйшими свѣдѣніями послѣднюю главу предварительныхъ объясненій, а именно отдѣлъ объ „Обсерваторіяхъ“ (стр. 40—43), заимствуя новѣйшія данныя изъ весьма замѣчательнаго сочиненія „Les observatoires en Europe et en Amérique, par André et Rayet“, 1874 г., обнародованнаго послѣ выхода въ свѣтъ нѣмецкаго изданія атласа Брунса. Въ настоящее время астрономами André et Rayet напечатаны уже слѣдующіе отдѣлы: „Histoire des observatoires de l'Angleterre“, а также de l'Ecosse, d'Irlande et des colonies anglaises. Особаго вниманія заслуживаетъ послѣдній томъ, въ которомъ сообщаются мало извѣстныя до сихъ поръ свѣдѣнія объ астрономической сѣти обсерваторій, устроенныхъ Англичанами въ Африкѣ, Индіи, Австраліи и Канадѣ. Можно было бы указать также на нѣкоторыя усовершенствованія въ устройствѣ астрономическихъ инструментовъ, обнародованныя послѣ выхода въ свѣтъ атласа Брунса въ подлинникѣ (то-есть, послѣ 1872 г.); но издатели перевода этого сочиненія на русскій языкъ, конечно, упомянуть о главнѣйшихъ усовершенствованіяхъ по этой части при слѣдующихъ изданіяхъ ихъ атласа.

Изъ всего этого видно, что второе (именно оно, а не первое,

испещренное множествомъ крупныхъ недосмотровъ и неточностей) издание атласа Брунса 1875 г. подъ редакціею г. Гришина, можетъ считаться весьма полезнымъ приобрѣтеніемъ для нашей учебной литературы.

Географическій атласъ Европейскихъ государствъ для черченія при пособіи геометрическихъ фигуръ, съ приложеніемъ сѣтей, *Н. Шипова*. 1873. Цѣна 35 коп.

Чертежи полушарій и няти частей свѣта при пособіи геометрическихъ фигуръ съ примѣрными сѣтами. Составилъ учитель географіи Херсонской гимназіи *Н. Шиповъ*. Херсонъ. 1874. Цѣна 30 коп.

Мысль г. Шипова—дать руководство для черченія картъ при помощи геометрическихъ фигуръ и сѣтей—хорошая и полезная мысль. Но нельзя сказать, чтобы исполненіе ея было удовлетворительно.

Составитель объявляетъ на заглавномъ листѣ той и другой тетрадей, что онъ имѣлъ въ виду требованія Министерства народнаго просвѣщенія, которыя изложены въ планахъ преподаванія предметовъ гимназическаго курса. Но 1) онъ значительно погрѣшаетъ противъ требованія простоты и несложности. Память учениковъ не должна быть обременяема большимъ количествомъ меридіановъ и параллелей и численныхъ ихъ обозначеній. Въ какой степени это требованіе мало исполнено, примѣромъ можетъ служить сѣтъ Америки. Она слишкомъ сложна и, сверхъ того, страдаетъ еще другимъ недостаткомъ, общимъ всему атласу. 2) На каждомъ чертежѣ должно помѣщаться только то, что необходимо знать ученику. Но почти каждый чертежъ въ атласѣ Европейскихъ государствъ заключаетъ въ себѣ много лишняго (Швеція, Данія, Италія, Баварія и Саксонія), много городовъ и мѣстностей, не вносимыхъ обыкновенно въ учебники. 3) Въ атласѣ не мало ошибокъ какъ въ номенклатурѣ, такъ, что еще хуже, въ самыхъ чертежныхъ обозначеніяхъ.

Въ Австраліи озеро Торренсъ не совсѣмъ на мѣстѣ; Вандемінова земля вмѣсто Вандименова; мысъ Говъ вмѣсто Гоу. Въ Африкѣ не вѣрно обозначены теченія обоихъ Ниловъ въ верховьяхъ, а точно также и теченіе Замбези. Вмѣсто Батурстъ читается Батуреть. Въ Америкѣ городъ Лима стоитъ не на мѣстѣ. Въ Азіи мысъ Комаринъ вмѣсто Коморинъ и почти всѣ рѣчныя теченія обозначены не точно (въ верховьяхъ) и т. д.

Тоже самое и въ географическомъ атласѣ Европейскихъ государствъ. На Пиринейскомъ полуостровѣ мысъ Оринтегалъ вмѣсто Ортегалъ; въ Австріи невѣрно обозначено теченіе рѣки Тиссы, опущена

рѣка Сава; Трояу вмѣсто Тропау. Въ Турціи рѣка Сиреть вмѣсто Сереть. Въ Голландіи Немвегенъ вмѣсто Нимвегенъ и пр.

Не было также необходимости вмѣсто общей карты Балканскаго полуострова помѣщать отдѣльно Турцію и Грецію, и равнымъ образомъ чертить отдѣльно Пруссію (то-есть, сѣверную Германію), а потомъ на другой картѣ: Баварію, Саксонію, Баденъ и Виртембергъ.

Не смотря на эти недостатки, изданіе г. Шипова можетъ быть безполезнымъ пособіемъ въ рукахъ преподавателя.

Собраніе геометрическихъ задачъ построенія, составилъ по Векею, Каталану, Рейноду и другимъ А. Буцевичъ. Спб. 1874 г. in 8°, VIII + 145, цѣна 75 коп.

Книга, заглавіе коей выписано нами, состоитъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: планиметріи и стереометріи, изъ которыхъ первая подраздѣляется на 7 главъ, а вторая — на 2; какъ въ тотъ, такъ и въ другой изъ этихъ отдѣловъ входятъ только задачи на построенія.

Но задачи на построенія, относящіяся къ стереометріи, или построенія въ пространствѣ, по приѣмамъ элементарной геометріи, то-есть, циркулемъ и линейкою, производимы быть не могутъ и должны быть отнесены собственно въ начертательной геометріи, курсъ которой въ классическихъ гимназіяхъ не проходится. Ни одинъ изъ учениковъ гимназій, даже изъ оканчивающихъ курсъ, не рѣшитъ построеніемъ, на примѣръ, слѣдующихъ задачъ, предлагаемыхъ г. Буцевичемъ:

№ 1106. „Описать шаровую поверхность даннаго радіуса, проходящаго черезъ точку А и касающую двѣ шаровыя поверхности“. 1107. „Описать шаровую поверхность, касающую двѣ данныя и одну изъ нихъ (Ст) въ опредѣленной ея точкѣ“ и т. д.

1109. „Описать шаровую поверхность даннаго радіуса, касающую три шаровыя поверхности“ и т. д.

Никто изъ преподавателей, даже въ выпускномъ классѣ гимназій, подобныхъ задачъ учащимся и предлагать не станетъ, ибо вопросы такого рода не соотвѣтствуютъ утвержденной программѣ гимназій по предмету геометріи. Что же касается до задачи подъ № 1110: „описать шаровую поверхность, касающую четыре данныя шаровыя поверхности равныхъ радіусовъ, центры которыхъ не лежатъ ни въ одной плоскости, но по три на одной прямой“, — то эта задача изложена, во первыхъ, непонятно, а во вторыхъ, для построенія она невозможна, ибо заключаетъ въ себѣ противорѣчивыя условія.

Ни Векель, ни Каталанъ, имена которыхъ цитируетъ г. Буцевичъ на заглавномъ листѣ своей книги, подобныхъ задачъ на построения въ пространствѣ не предлагали ни въ элементарныхъ курсахъ, ни въ сборникахъ задачъ, относящихся къ начальной геометріи.

Если Каталанъ въ изданныхъ имъ *Théorèmes et problèmes de géométrie élémentaire* (Paris, 1858) и даетъ нѣкоторыя задачи, относящіяся къ построениямъ на поверхности шара (*Livre VII*), то эти построения, какъ извѣстно, производятся сферическимъ циркулемъ, *compas sphérique*, и относятся къ сферической геометріи, которая въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія въ полномъ ея объемѣ не проходится.

Что же касается до Рейно (Reynaud), котораго г. Буцевичъ называетъ Рейнодомъ, то въ предисловіи къ своему изданію „*Théorèmes et problèmes de géométrie par le baron Reynaud* (Paris, 1838), онъ ясно говоритъ: „*Lorsque les données et les inconnues sont dans un même plan, la géométrie élémentaire fournit le moyen d'exécuter sur ce plan les constructions qui conduisent à la solution de la question proposée. Mais, lorsqu'un problème conduit à considérer des points et des lignes situés d'une manière quelconque dans l'espace, il faut recourir à de nouvelles méthodes qui constituent la partie des Mathématiques, nommée Géométrie descriptive*“ etc. Сдѣланныхъ нами указаній, мы полагаемъ, уже достаточно, чтобы заключить, что „Собраніе геометрическихъ задачъ“ г. Буцевича къ курсу гимназій и прогимназій Министерства народнаго просвѣщенія не подходитъ.

Разсмотримъ, однако, не окажется ли этотъ сборникъ задачъ болѣе подходящимъ въ другихъ отношеніяхъ къ учебному курсу среднихъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству народнаго просвѣщенія.

Заключая въ себѣ статьи, къ гимназическому курсу не относящіяся, сборникъ этотъ не содержитъ въ себѣ того, что вообще для курса среднихъ учебныхъ заведеній существенно необходимо, а именно: въ немъ нѣтъ задачъ изъ численныхъ приложений къ геометріи, которыя, по указаніямъ учебныхъ плановъ и программъ для преподаванія геометріи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣютъ весьма важное значеніе, какъ для всего учебнаго курса математики, такъ и для экзаменовъ переходныхъ и окончательныхъ. Вслѣдствіе пропуска этого обязательнаго для курса отдѣла, разбираемый нами сборникъ задачъ оказывается одностороннимъ.

Хотя въ изданіи г. Буцевича и обозначено, что его собраніе за-

дачь составлено по Векелю, но не трудно замѣтить, что въ сборникѣ этомъ система Векеля совершенно извращена.

Векель не даетъ полнаго рѣшенія задачъ: онъ предлагаетъ только намеки на тѣ основныя задачи, помощью которыхъ можетъ быть произведено требуемое построеніе, а также указываетъ на главныя теоремы, помощью которыхъ доказывается вѣрность рѣшенія; вся остальная работа предоставляется самодѣятельности учащагося и его самостоятельному мышленію. Въ методѣ Векеля главная мысль обращена не на механизмъ работы учащагося, а на развитіе и на укрѣпленіе его математическаго соображенія. Совершенно противоположную систему находимъ мы въ сборникѣ задачъ г. Буцевича: большаю часть предлагаемыхъ имъ задачъ рѣшается въ сборникѣ сполна, съ мельчайшими подробностями, помощью условнаго обозначенія различныхъ геометрическихъ величинъ и дѣйствій надъ ними. При помощи этихъ условныхъ знаковъ, учащійся узнаетъ не только какую прямую ему надо продолжить и на какую длину, но даже въ какую сторону (стр. VI). Такого же рода условныя знаки показываютъ ему, что онъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, долженъ провести перпендикуляръ, и при этомъ обозначается даже изъ какой точки и къ какой прямой (стр. V), или, при описываніи окружностей, указывается, какая точка должна быть принята за центръ и какая прямая за радіусъ (стр. IV). Для ученика, заучившаго эти геометрическіе гіероглифы г. Буцевича, развивающая умственная работа надъ рѣшеніемъ геометрическихъ задачъ приводится къ простому вычерчиванію геометрическихъ фигуръ по даннымъ указаніямъ, то-есть, обращается въ графическую, чертежную, безъ всякаго напряженія мысли и безъ практики для соображенія. Векель всегда старался избѣгать такого излишества въ указаніяхъ— „wenn die Lösung dem Schüler so zu sagen in den Mund gelegt wird“. Рѣшивъ сотни задачъ по указаніямъ г. Буцевича, учащійся, будучи предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ, не будетъ въ состояніи приступить къ рѣшенію даже легкихъ задачъ.

Сборники математическихъ задачъ съ подробными рѣшеніями признаны въ педагогическомъ отношеніи вообще столь же вредными, какъ и изданія классиковъ съ подстрочными переводами: такого рода изданія устраняютъ для учащагося необходимость самостоятельнаго труда. Учебная математическая литература подтверждаетъ наше мнѣніе: всѣмъ извѣстна та популярность въ учебныхъ заведеніяхъ, которою въ свое время пользовалось „Собраніе алгебраическихъ задачъ

Мейеръ-Гирша“, но которое всѣми преподавателями, какъ въ Германіи; такъ и у насъ, было немедленно устранено изъ класснаго употребленія, какъ только Саксомъ было напечатано подробное рѣшеніе этихъ задачъ.

Наконецъ, изданіе г. Буцевича заключаетъ въ себѣ не мало недосмотровъ и неточностей, напримѣръ:

а) Знакоположеніе, имъ принятое, оказалось для учащихъ весьма сбивчивымъ; фигурою \square у него обозначается и квадратъ, и прямоугольникъ, и параллелограммъ, и безразлично всякій многоугольникъ (стр. III и IV) и, наконецъ, даже параллелепипедъ.

Такимъ же образомъ знакъ \triangle обозначаетъ и треугольникъ (стр. III, 104, 105) и пирамиду (стр. IV).

Для обозначенія площадей фигуръ, напримѣръ, площади круга, особаго знака не имѣется.

б) Постановка знаковъ препинанія весьма странна; напримѣръ:

На стр. VIII „... при указаніи на какую-нибудь задачу изъ планиметріи (:) (двоточіе?) можетъ встрѣтиться вопросъ“.

Стр. 46, зад. 197. Зная сумму ($n - 1$) угла даннаго многоугольника объ n сторонахъ (;) (точка съ запятою) опредѣлить неизвѣстный уголъ“.

Стр. 72, зад. 549. „Описать окружность, проходящую черезъ двѣ данныя точки А и В и такъ (,) (запятая) пересѣкающую окружность“ и т. д.

с) Особаго оглавленія отдѣловъ нѣтъ, такъ что не легко отыскать задачи, которыя соответствовали бы извѣстнымъ требованіямъ,

д) Опечатокъ или указаній на неточности въ изложеніи не обозначено, хотя ихъ не мало, напримѣръ, на стр. 133, въ зад. 1020; на стран. 60, въ рѣшеніи зад. 447 въ строкѣ II должно быть OB ($v - \rho$), а не OA ($v - \rho$); и т. д.

е) Изложеніе не отличается математическою точностію, такъ, напримѣръ, на стр. 1 читаемъ:

1) „Геометрическимъ мѣстомъ называется положеніе всѣхъ точекъ, удовлетворяющихъ извѣстнымъ условіямъ; такъ, напримѣръ, прямая, проведенная между двумя точками А и В, есть геометрическое мѣсто точекъ, сумма разстояній которыхъ до А и В наименьшая“.

2) Въ предложеніи подъ № 958, стр. 128 задачу нельзя считать вѣрною, ибо „наименьшее разстояніе между двумя пересѣкающимися прямыми“ и будетъ самая точка ихъ пересѣченія, слѣдовательно, его и искать нечего.

з) Въ № 963 (а также и во многихъ другихъ) не показано, что рѣшеніе по предложенной задачѣ не всегда возможно

ф) Для каждой изъ задачъ г. Буцевичъ показываетъ только одинъ способъ рѣшенія, не указывая на возможность рѣшить данную задачу и другими приемами.

г) Предложивъ рѣшеніе задачи, авторъ оставляетъ его безъ доказательства и даже не указываетъ теоремъ, на основаніи которыхъ могла бы быть доказана вѣрность рѣшенія; вслѣдствіе этого многія невѣрныя рѣшенія задачъ оставлены безъ исправленій, такъ, напримеръ, въ задачѣ 78 (стр. 10) авторъ предлагаетъ: „На данной прямой найдти такую точку, чтобы разность ея разстояній до двухъ точекъ, данныхъ по разнымъ сторонамъ этой прямой, была бы *наименьшей*“. Въ рѣшеніи поставлена ссылка на предыдущую задачу (то-есть, № 77); сдѣлавъ построеніе по этому указанію, найдемъ *наибольшую*, а не *наименьшую* разность искомымъ линій, слѣдовательно, получится рѣшеніе диаметрально противоположное требуемому. Безъ доказательства и авторъ, и учащіеся остаются въ томъ ложномъ убѣжденіи, что задача подъ № 78 рѣшена вѣрно.

Изъ русской жизни и природы. Разказы для дѣтей *Е. Н. Водовозовой*. Изданіе 2-е; исправленное и дополненное. Съ 10-ю рисунками художника *Н. Павлова*. Сиб. 1875.

Книга эта не содержитъ въ себѣ ничего особенно плохаго. Авторъ настолько владѣетъ рѣчью и тѣмъ предметомъ, о которомъ пишетъ, что не впадаетъ ни въ какія грубыя ошибки. Что же касается до идей, подъ влияніемъ которыхъ написана книга, то онѣ такъ обобщены и такъ лишены всякой рѣзкости, что подходятъ къ разряду такъ называемыхъ *азбучныхъ* истинъ, то-есть мыслей совершенно вѣрныхъ, но слишкомъ общихъ и малосодержательныхъ.

Но нельзя признать за книгою и никакихъ особенныхъ достоинствъ. Для составленія хорошей дѣтской книги требуется или совершенное простодушіе, въ силу котораго самому автору были бы интересны познанія, предлагаемыя дѣтямъ, или же высокій художественный талантъ, который можетъ создавать произведенія, равно интересныя и понятныя для всѣхъ возрастовъ. Если же дѣтскія книги пишутся и безъ простодушія и безъ таланта, какъ это обыкновенно бываетъ, то онѣ содержатъ смѣсь вещей понятныхъ для дѣтей, но нисколько не занимательныхъ, съ такими, которыя, пожалуй, занимательны, но не понятны, изложены такъ, что могутъ интересовать только взрослыхъ, а не дѣтей.

Въ книгѣ г-жи Водовозовой, на основаніи идеи, что нужно зна-комить дѣтей съ природою, есть много разказовъ о самыхъ обыкно-венныхъ явленіяхъ и произведеніяхъ природы, — разказовъ, по на-шему мнѣнію, мало любопытныхъ и не содержащихъ никакого науч-наго элемента. Таковы, напримѣръ, разказы *Лягушка*, *Дождевой червякъ* и многіе подобныя. Сейчасъ видно, что интересъ этихъ разказовъ искусственный, надуманный. Что же касается до разказовъ „Изъ рус-ской жизни“, то всѣ они имѣютъ хорошую нравственную цѣль, именно: должны возбуждать состраданіе къ бѣднымъ, слабымъ и несчастнымъ. Но недостатокъ художественнаго, то-есть полнаго, цѣлостнаго пони-манія жизни дѣлаетъ эти разказы безсвязными и мертвенными. Такъ, напримѣръ, въ большомъ разказѣ *Моя няня* не дано никакого раз-витія религіозному элементу, который, очевидно, былъ очень силенъ въ лицѣ (вѣроятно, дѣйствительно-существовавшемъ), которое отъ себя ведетъ разказъ. вмѣсто того, есть подробности, совершенно не-складныя, сочиненныя безъ всякаго чувства правды. Такъ, напримѣръ, старушка - няня съ восторгомъ разказываетъ, какъ, когда она была дѣвочкой, мальчикъ - баринъ, въ первый разъ, объяснилъ и доказалъ ей, что земля не стоитъ на трехъ китахъ, что это невозможно, и что даже китъ вовсе не рыба, а млекопитающее (стр. 376). Какая грубая психологія и какое непониманіе того, что можетъ быть инте-ресно для дѣвочки-нищенки, которою тогда была эта няня!

Языкъ книги г-жи Водовозовой довольно простъ и легокъ, но часто попадаютъ мѣста, писанныя совершенно книжнымъ языкомъ, и сама няня разказываетъ по временамъ слогомъ нашихъ журналовъ. Но строй рѣчи граматически правиленъ, и только правописаніе не вездѣ твердо; напримѣръ, часто стоитъ *e* вмѣсто *ъ*: *терпеть* (стр. 1), *ши-пенье* (стр. 2), *замезли* (стр. 91) и т. д. Впрочемъ, это, можетъ быть, опечатки.

Бальфуръ-Стьюртъ, профессоръ физики въ Owens College, въ Манчестерѣ.

Краткій учебникъ физики. Переводъ *Сергія Ламанскаго*. Съ 146-ю ри-сунками въ текстѣ и одною спектральною таблицею. Спб. 1875.

„Краткій учебникъ физики“ Бальфуръ-Стьюрта, изданный на рус-скомъ языкѣ, переведенъ, какъ замѣчаетъ въ предисловіи г. Ламан-скій, съ нѣмецкаго и, затѣмъ, свѣренъ съ послѣднимъ изданіемъ англійскаго оригинала „Lessons in Elementary Physics“ 1874 года.

Учебникъ этотъ, въ переводѣ, содержитъ 357 страницъ, in 8°, и подраздѣленъ на девять книгъ или отдѣловъ, обнимающихъ всѣ части

физики; каждый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ главы, число коихъ простирается до 47-ми. Къ книгѣ приложенъ алфавитный указатель именъ ученыхъ и такой же указатель содержанія.

Существенное отличіе учебника Бальфуръ - Стьюрта отъ другихъ учебниковъ физики состоитъ въ томъ, что авторъ, на основаніи новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій, рассмотрѣлъ всѣ главнѣйшіе физическіе дѣятели: теплоту, свѣтъ, магнетизмъ и проч., какъ различные виды энергіи, и старался при этомъ провести законы ея чрезъ всѣ отдѣлы физики. Въ большей части подобныхъ учебниковъ законъ сохранения силы или энергіи рассматривается обыкновенно при изложеніи вопроса о переходѣ механической работы въ теплоту, или при опредѣленіи механическаго эквивалента теплоты; между тѣмъ авторъ настоящаго учебника примѣнилъ этотъ законъ ко всѣмъ физическимъ явленіямъ и дѣятелямъ, и такимъ образомъ придалъ разнымъ отдѣламъ физики болѣе тѣсную связь и болѣшую послѣдовательность. Кромѣ того, онъ старался и успѣлъ описать въ своемъ учебникѣ, въ сжатомъ видѣ, всѣ важнѣйшіе результаты физическихъ изслѣдованій новѣйшаго времени, избѣжавъ при этомъ излишнихъ подробностей и сохранивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, требуемую ясность въ элементарномъ изложеніи. Но, желая быть общедоступнымъ, онъ въ то же время сумѣлъ сохранить строго научный характеръ, что составляетъ весьма важное достоинство въ элементарномъ руководствѣ.

Въ текстѣ помѣщены 146 хорошо выполненныхъ рисунковъ и въ концѣ книги приложена спектральная таблица.

Переводъ сдѣланъ съ полнымъ знаніемъ предмета и изложеніе повсюду ясно и правильно.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

СПИСОКЪ ВЫСШИХЪ И СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, КАКЪ СУЩЕСТВОВАВШИХЪ ДО 1866 ГОДА, ТАКЪ И УЧРЕЖДЕННЫХЪ ВЪ ТЕЧЕНІИ 1866—1876 ГГ., СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ НА КАКІЯ ИЗЪ ЭТИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ И ВЪ КАКОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ ОТПУСКАЮТСЯ СУММЫ ИЗЪ ГОРОДСКИХЪ ДОХОДОВЪ И ЗЕМСКИХЪ СБОРОВЪ.

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Существовавшія до 1866 года.

	Суммы, отпускаемыя: изъ городскихъ доходовъ.	изъ земскихъ сборовъ.
Университеты: С.-Петербургскій.		
Московскій	8.572 р.	
Казанскій.		
Харьковскій.		
Св. Владиміра въ Кіевѣ.		
Новороссійскій въ Одессѣ.	5.935 р.	
Дерптскій.		
Варшавская ветеринарная школа ¹⁾ .		

Учрежденныя въ теченіи 1866 — 1876 гг.

Варшавскій университетъ.

¹⁾ Варшавская ветеринарная школа и всѣ другія учебныя заведенія Варшавскаго учебнаго округа подчинены вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія на основаніи Высочайшаго указа 15-го мая 1867 года объ учрежденіи Варшавскаго учебнаго округа, вмѣсто существовавшей до того времени правительственной комиссіи народнаго просвѣщенія въ Царствѣ, которой были подчинены эти заведенія.

Суммы, отпускаемыя:
изъ городскихъ доходовъ. изъ земскихъ сборовъ.

Императорскій историко-филологическій институтъ въ С.-Петербургѣ.

Историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ (спеціальные классы) въ Москвѣ.

Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.

Казанскій ветеринарный институтъ.

Харьковскій ветеринарный институтъ.

Дерптскій ветеринарный институтъ.

Демидовскій юридическій лицей въ Ярославлѣ.

Лицей Цесаревича Николая въ Москвѣ.

Примѣчаніе. Въ числѣ учрежденныхъ съ 1866 по 1876 годъ вышнихъ учебныхъ заведеній показаны и такія, которыя, будучи преобразованы изъ другихъ учебныхъ заведеній, совершенно измѣнились въ своей организаціи. Къ такимъ изъ вышепоказанныхъ высшихъ учебныхъ заведеній принадлежать: а) Варшавскій университетъ, преобразованный по уставу 8-го іюня 1869 г. изъ Варшавской Главной Школы; б) Историко-филологическій институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, преобразованный по уставу 21-го апрѣля 1875 г. изъ Нѣжинскаго лицея князя Безбородко; в) Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ (спеціальные классы) въ Москвѣ, преобразованный по уставу 16-го декабря 1872 г. изъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ; г) Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, преобразованный по уставу 8-го іюня 1869 г. изъ политехническаго и земледѣльческаго института; д) Харьковскій и е) Дерптскій ветеринарные институты, преобразованные по положенію 8-го мая 1873 г. изъ Харьковскаго и Дерптскаго ветеринарныхъ училищъ и ж) Демидовскій юридическій лицей въ Ярославлѣ, преобразованный по уставу 25-го декабря 1874 г. изъ Демидовскаго лицея.

СРЕДНІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Гимназіи, существовавшія до 1866 года.

С.-Петербургскій учебный округъ.

Первая С.-Петербургская.

Вторая „

Третья „

Четвертая „

Суммы, отпускаемыя:
изъ городскихъ доходовъ. изъ земскихъ сборовъ.

Пятая С.-Петербургская.

Шестая ”

Кронштадтская.

Олонецкая.

Вологодская.

Новгородская.

Псковская.

Училища въ С.-Петербургѣ: Св. Петра.

Св. Анны.

Реформатское.

Московский учебный округъ.

Первая Московская.

Вторая ¹⁾ ”

Четвертая ”

Пятая ”

Смоленская.

Тверская.

Ярославская.

Костромская.

Нижегородская.

Нижегородскій Александровскій институтъ.

Владимірская.

Рязанская.

Тудьская.

Калужская.

Орловская.

Казанскій учебный округъ.

Вятская.

Первая Казанская Императорская.

Вторая Казанская.

Симбирская.

Самарская.

Саратовская.

Астраханская.

¹⁾ Третья Московская гимназія, какъ бывшая до 1868 г. реальною, показана ниже.

Суммы, отпускаемыя:
изъ городскихъ изъ всенскихъ
доходовъ. сборовъ.

Оренбургскій учебный округъ.

Уфимская.

Пермская 143 руб.

Екатеринбургская.

Харьковскій учебный округъ.

Пензенская.

Тамбовская.

Воронежская.

Курская.

Первая Харьковская 1.399 „

Вторая.

Третья.

Новочеркасская.

Усть-Медвѣдицкая.

Одесскій учебный округъ.

Кишиневская.

Ришельевская въ Одессѣ 4.500 „

Вторая Одесская 371 „

Херсонская.

Екатеринославская 2.500 руб.

Таганрогская.

Симферопольская.

Керченская Александровская 8.110 „

Кіевскій учебный округъ.

Первая Кіевская.

Вторая.

Нѣжинская.

Черниговская.

Новгородъ-Сѣверская.

Полтавская 200 „

Подольская.

Житомирская.

Виленскій учебный округъ.

Витебская.

Могилевская.

Суммы, отпускаемыя:
 изъ городскихъ
 доходовъ. изъ земскихъ
 сборовъ.

Минская.
 Слуцкая.
 Гродненская.
 Виленская.
 Ковенская.
 Шавельская.

Дерптскій учебный округъ.

Митавская.
 Либавская Николаевская 1.964 руб.
 Рижская губернская.
 Дерптская.
 Перновская. 3.825 „
 Аренбургская.
 Ревельская губернская.
 Рыцарское Домское училище въ Ревелѣ.

Варшавскій учебный округъ.

Первая Варшавская
 Вторая „
 Третья „
 Четвертая „
 Пятая „
 Шестая „
 Сѣдлецкая.
 Вѣльская.
 Холмская.
 Люблинская.
 Радомская.
 Кѣлецкая.
 Петроковская.
 Калишская.
 Плоцкая.
 Ломжинская.
 Сувальская.
 Мариампольская.

Суммы, отпускаемыя:
изъ городскихъ доходовъ изъ земскихъ сборовъ.

Восточная Сибирь ¹⁾.
Иркутская.
Западная Сибирь.
Тобольская.
Томская.

Гимназіи, учрежденныя въ теченіе 1866—1876 гг.

С.-Петербургскій учебный округъ.

Гимназія при Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ, въ С.-Петербургѣ.

Гимназія Императорскаго Человѣколюбиваго общества, въ С.-Петербургѣ.

Царскосельская Николаевская	10.000 р.
Архангельская	401 „

Московский учебный округъ.

Третья Московская.

Шестая „

Гимназическіе классы Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, въ Москвѣ.

Александровская Смоленскаго земства въ г. Вязьмѣ	10.644 р.
Елецкая.	

Казанскій учебный округъ.

Третья Казанская.

Оренбургскій учебный округъ.

Троицкая	5.000 р.
Оренбургская.	
Уральская.	

Харьковскій учебный округъ.

Вѣлгородская	5.000 р.	5.000 р.
------------------------	----------	----------

¹⁾ Учебныя заведенія въ Восточной и Западной Сибири и въ Туркестанскомъ краѣ не подчинены окружному начальству, но состоятъ въ вѣдѣніи мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ.

	Суммы, отпускаемыя:	
	изъ городскихъ доходовъ.	изъ земскихъ сборовъ.
Сумская		11.416 р.
Изюмская		22.000 „
<i>Одесскій учебный округъ.</i>		
*Ананьевская ¹⁾	3.000 р.	9.000 „
Третья Одесская.		
Николаевская.		
Бердянская Александровская	14.860 „	3.800 „
*Мариупольская	12.000 „	
<i>Кіевскій учебный округъ.</i>		
Кіево-Подольская.		
Коллегія Галагана.		
Лубенская		24.360 р.
Немировская.		
<i>Дерптскій учебный округъ.</i>		
Ревельская Александровская.		
Лифляндская общественная въ г. Фел- линѣ.		
Рижская Александровская.		
Рижская городская.		
Гольдингенская.		
<i>Восточная Сибирь.</i>		
Красноярская.		
<i>Западная Сибирь.</i>		
*Омская.		

Примѣчаніе. Въ числѣ гимназій, учрежденныхъ съ 1866 по 1876 г., показаны также преобразованныя въ теченіе этого времени изъ реальныхъ гимназій: Архангельская, Третья Московская, Николаевская, Немировская и Рижская городская.

Прогимназіи, существовавшія до 1866 г.

С.-Петербургскій учебный округъ.

Введенская въ С.-Петербургѣ.

¹⁾ Знакъ * означаетъ, что учебное заведеніе предполагается къ открытію въ 1876 году.

Суммы, отпускаемыя:
изъ городскихъ изъ земскихъ
доходовъ. сборовъ.

Виленскій учебный округъ.

Виленская.
Брестская.
Бобруйская.
Гомельская.

Варшавскій учебный округъ.

Первая Варшавская.
Грубешовская.

Прогимназіи, учрежденныя въ теченіе 1866—1876 гг.

С.-Петербургскій учебный округъ.

Вторая С.-Петербургская.

Третья.

Четвертая.

Пятая.

Шестая.

Нарвская 2.686 р.

Московскій учебный округъ.

Первая Московская.

Вторая.

*Сергіевопосадская	3.000 р.	2.000 р.
Серпуховская		11.000 "
Коломенская	4.000 "	2.000 "
Егорьевская	3.000 "	3.000 "
Рязанская.		
Касимовская	3.500 "	3.000 "
Шуйская.	4.000 "	8.250 "
Рыбинская	11.550 "	3.000 "
Ржевская	2.000 "	
Бѣльская		3.000 "
Рославльскія		3.750 "

Казанскій учебный округъ.

*Алатырская		5.000 "
Вольская	10.000 "	
Царицынская	6.000 "	2.000 "

Суммы, отпускаемыя:
изъ городскихъ изъ земскихъ
доходовъ. сборовъ.

Оренбургскій учебный округъ.

Мензелинская.		
*Стерлитамакская ;	4.000 р.	3.000 р

Харьковскій учебный округъ.

Пензенская.		
Елатомская.		
*Лебедянская	3.000 р.	5.000 р.
Воронежская.		
Корочанская Александровская		10.772 "
Ахтырская	500 "	2.000 "
Харьковская.		
Старобѣльская	2.000 "	11.160 "
Каменская.		
Нижнечирская.		

Одесскій учебный округъ.

Кишиневская.		
Первая Одесская.		
Вторая.		
Херсонская.		
*Вознесенская	4.500 р.	1.500 р.
Павлоградская	1.500 "	5.000 "
*Ростовская (на Дону).		
Феодосійская	5.850 "	3.000 "
*Ялтинская	3.500 "	
*Евпаторійская	2.000 "	2.000 "

Кіевскій учебный округъ.

Кіевская	4.466 р.	
Златопольская.		
Прилуцкая	2.000 "	3.200 "
Глуховская	2.699 "	9.094 "
Суражская	800 "	2.500 "
Острогская.		

Виленскій учебный округъ.

Мозырская.

Суммы, отпускаемыя:
изъ городскихъ доходовъ. изъ земскихъ сборовъ.

Варшавскій учебный округъ.

Вторая Варшавская.

Пудгуская.

Замостская.

Сандомирская.

Пинчовская.

Ченстоховская.

Восточная Сибирь.

*Енисейская.

Якутская.

Владивостокская.

Туркестанскій край.

*Ташкентская въ Сыръ - Дарьинской области.

*Въ Вѣрномъ въ Семирѣчинской области.

Реальная училища, существовавшія до 1866 г.

С.-Петербургскій учебный округъ.

Седьмая С.-Петербургская реальная гимназія.

Московскій учебный округъ.

Третья Московская реальная гимназія.

Одесскій учебный округъ.

Николаевская реальная гимназія . . . 3.100 руб.

Кіевскій учебный округъ.

Бѣлоцерковская реальная гимназія.

Ровенская реальная гимназія.

Виленскій учебный округъ.

Пинская реальная гимназія.

Бѣлостокская реальная гимназія.

Динабургская реальная гимназія.

Дерттскій учебный округъ.

Митавское реальное училище.

Варшавскій учебный округъ.

Варшавская реальная гимназія.

Влоцлавская реальная гимназія.

Примѣчаніе. По изданіи Высочайше утвержденнаго 15-го мая 1872 года устава реальныхъ училищъ, изъ вышепоказанныхъ реальныхъ гимназій: С.-Петербургская, Бѣлоцерковская, Ровенская, Пинская, Бѣлостокская, Динабургская, Варшавская и Влоцлавская преобразованы въ реальные училища; реальныя же гимназіи: Третья Московская, Николаевская и Рижская городская, изъ которыхъ образованы гимназіи по Высочайше утвержденному 30-го іюля 1871 года уставу, замѣнены реальными училищами въ Москвѣ и Николаевѣ, а въ Ригѣ при трехъ высшихъ классахъ городской гимназіи учреждены реальныя отдѣленія.

Реальныя училища учрежденныя въ теченіе 1866—1876 гг.

С.-Петербургскій учебный округъ.

Суммы отпускаемыя:
изъ городскихъ доходовъ. изъ земскихъ соб. развѣ.

2-е С.-Петербургское реальное училище.

Кронштадтское	3.820 р.	
Псковское	1.000 "	3.330 р.
Новгородское	600 "	2.600 "
Череповское	1.000 "	1.000 "
* Вологодское	3.000 "	3.500 "

Московскій учебный округъ.

Тверское	3.000 "	
Костромское	1.500 "	2.430 "
Иваново-Вознесенское	5.000 "	
Муромское	4.000 "	3.000 "
Зарайское	4.000 "	
* Скопинское	9.000 "	5.000 "
Тульское	2.500 "	3.000 "
Калужское	7.000 "	3.000 "
Орловское	5.000 "	
Ливенское	2.000 "	3.000 "

Казанскій учебный округъ.

Сарапульское	17.940 "
------------------------	----------

	Суммы, отпускаемыя:	
	изъ городскихъ доходовъ.	изъ земскихъ сборовъ.
Казанское.		
Сызранское	5.000 р.	.
* Вольское	1.500 „	1.500 р.
Саратовское	1.300 „	
<i>Оренбургскій учебный округъ.</i>		
* Пермское	6.000 „	7.500 „
Красноуфимское		15.000 „
Екатеринбургское Алексѣевское.	6.000 „	11.000 „
<i>Харьковскій учебный округъ.</i>		
Харьковское.		
Сумское.		
Курское		7.500 „
* Воронежское.		
<i>Одесскій учебный округъ.</i>		
Кишиневское	4.600 „	7.000 „
Одесское.	4.000 „	
* Херсонское	3.000 „	3.500 „
Екатеринославское	5.140 „	4.500 „
Ростовское (на Дону) Петровское	22.100 „	6.000 „
Нахичеванское.	27.950 „	
Мелитопольское		12.550 „
Севастопольское Константиновское.	5.000 „	
<i>Кіевскій учебный округъ.</i>		
Кременчугское.	10.000 „	5.250 „
Кіевское.		
Новозыбковское		10.000 „
<i>Виленскій учебный округъ.</i>		
Виленское.		
<i>Варшавскій учебный округъ.</i>		
Ловичское.		
<i>Восточная Сибирь.</i>		
* Троицкосавское	9.000 „	

Среднія спеціальныя заведенія, учрежденныя въ теченіе 1866 — 1876 гг.

С.-Петербургскій учебный округъ.

Учительскій институтъ въ С.-Петербургѣ.

Московскій учебный округъ.

Учительскій институтъ въ Москвѣ.

Казанскій учебный округъ.

* Учительскій институтъ въ Казани.

Харьковскій учебный округъ.

* Учительскій институтъ въ Бѣлгородѣ.

Одесскій учебный округъ.

Учительскій институтъ въ Феодосіи.

Коммерческое училище въ Одессѣ.

Кіевскій учебный округъ.

Учительскій институтъ въ Глуховѣ.

Еврейскій учительскій институтъ въ Житомирѣ.

Виленскій учебный округъ.

Учительскій институтъ въ Вильнѣ.

Еврейскій учительскій институтъ въ Вильнѣ.

Варшавскій учебный округъ.

Высшее ремесленное училище въ Лодви.

Примечаніе. Изъ вышепоказанныхъ среднихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній: а) Одесское коммерческое училище только со времени преобразованія его на основаніи Высочайше утвержденнаго 26-го ноября 1870 года положенія получило окончательное устройство, поставившее его въ ряду среднихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, и б) Лодзинское высшее ремесленное училище и Виленскій и Житомирскій еврейскіе учительскіе институты учреждены: первое въ 1869 г. взамѣнъ Лодзинской реальной гимназій, а послѣдніе два въ 1873 г. взамѣнъ Виленскаго и Житомирскаго раввинскихъ училищъ.

Учительскія семинаріи, существовавшія до 1866 г.

Виленскій учебный округъ.

Молодечнанская въ м. Молодечнѣ въ Вилейскомъ у. Виленской г.

Дерптскій учебный округъ.

Дерптская въ Дерптѣ.

Варшавскій учебный округъ.

Варшавская въ Варшавѣ.

Сѣнницкая въ п. Сѣнницѣ Ново-Минскаго у. Варшавской г.

Бѣльская въ г. Бѣлѣ Сѣдлецкой г.

Холмская въ г. Холмѣ Люблинской г.

Солецкая въ п. Солецѣ Илжецкаго у. Радомской г.

Вымыслинская въ с. Вымыслинѣ Липновскаго у. Плоцкой г.

Вейверская въ с. Вейверахъ Маріампольскаго у. Сувальской г.

Учительскія семинаріи, учрежденныя въ теченіе 1866—1876 гг.

*С.-Петербургскій учебный округъ.*Суммы, отпускаемыя:
изъ городскихъ доходовъ. изъ земскихъ сборовъ.

С.-Петербургская (земская) въ С.-Петербургѣ.

Гатчинская въ г. Гатчинѣ С.-Петербургской г.

Псковская въ г. Псковѣ.

Новгородская (земская) въ Новгородѣ.

Череповская въ г. Череповцѣ Новгородской г.

8.000 р.

Тотемская въ г. Тотмѣ Вологодской г.

Вытегорская въ г. Вытегрѣ Олонецкой г.

Московскій учебный округъ.

Московская женская (содержится на средства братства св. Маріи въ Москвѣ).

Поливановская въ с. Поливановѣ Подольскаго у. Московской г.

Алферовская въ с. Алферовѣ Вяземскаго у. Смоленской г.

Торжковская въ г. Торжкѣ Тверской г.

Училище для приготовленія учительницъ (земское) въ Твери.

Новинская въ с. Новомъ Мологскаго у. Ярославской г.

Суммы, отпускаемыя:
изъ городскихъ изъ земскихъ
доходовъ. сборовъ.

Костромская женская (земская) въ Ко-
стромѣ.

Киржачская въ з. г. Киржачѣ Влади-
мирской г.

Рязанская (земская) въ Рязани.

Карачевская въ г. Карачевѣ Орлов-
ской г.

Казанскій учебный округъ.

Вятская (земская) въ Вяткѣ.

Казанская въ Казани.

* Казанская татарская учительская
школа въ Казани.

Казанская женская (земская) въ Казани.

Порѣцкая въ с. Порѣцкомъ Алатыр-
скаго у. Симбирской г.

Самарская въ Самарѣ.

Самарская женская (земская) въ Са-
марѣ.

Вольская въ г. Вольскѣ Саратовской г.

Оренбургскій учебный округъ.

Уфимская татарская учительская шко-
ла въ Уфѣ.

*Елисаветинская въ с. Елисаветинѣ Бе-
лебеевского у. Уфимской г.

Харьковскій учебный округъ.

Пензенская въ Пензѣ.

Тамбовскій Екатерининскій учительскій
институтъ въ Тамбовѣ.

Воронежская въ Воронежѣ.

Курская (земская) въ Курскѣ.

Бѣлгородская въ г. Бѣлгородѣ Кур-
ской г.

Волчанская въ г. Волчанскѣ Харьков-
ской г.

Суммы, отпускаемыя:
изъ городскихъ доходовъ. изъ земельныхъ сборовъ.

Одесскій учебный округъ.

Симферопольская татарская учительская школа въ Симферополѣ.

Преславльская въ с. Преславлѣ Бердянскаго у. Таврической г.

Новобугская въ м. Новомъ-Бугѣ Херсонскаго у.

Херсонская въ Херсонѣ.

Байрамчская въ м. Байрамчѣ Аккерманскаго у. Бессарабской г.

Кіевскій учебный округъ.

Острогская въ г. Острогѣ Волынской г.

Коростышевская въ м. Коростышевѣ Радомысльскаго у. Кіевской г.

Черниговская (земская) въ Черниговѣ.

Виленскій учебный округъ.

Несвижская въ г. Несвижѣ Минской г. 200 руб.

Свислочская въ м. Свислочѣ Волковыскаго у. Гродненской г.

Поневѣжская въ г. Поневѣжѣ Ковенской г.

Полоцкая въ г. Полоцкѣ Витебской г.

Дерптскій учебный округъ.

Прибалтійская русская въ Ригѣ.

Варшавскій учебный округъ.

Ленчицкая въ г. Ленчицѣ Калишской г.

Андреевская въ г. Андреевѣ Кѣлецкой г.

Восточная Сибирь.

Иркутская въ Иркутскѣ.

Красноярская въ Красноярскѣ.

Западная Сибирь.

Омская въ г. Омскѣ Акмолинской области.

Изъ вышесказаннаго видно, что а) изъ городскихъ доходовъ отпускается всего на содержаніе 70 учебныхъ заведеній 332.206 р., а именно: на содержаніе 1 университета 8.572 р., 15 гимназій—70.773 р., 23 прогимназій—86.551 р., 30 реальныхъ училищъ—166.110 руб. и 1 учительской семинаріи—200 руб. и б) изъ земскихъ сборовъ отпускается всего на содержаніе 57 учебныхъ заведеній 345.981 руб., а именно: на содержаніе 1 университета 5.935 руб., 9 гимназій—88.720 руб., 23 прогимназій—104.226 руб., 23 реальныхъ училищъ—139.100 руб. и 1 семинаріи—8.000 руб. Такимъ образомъ, въ общей сложности, изъ городскихъ доходовъ и земскихъ сборовъ отпускается ежегодно на содержаніе 127 высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній 678.187 руб.

ЖЕНСКІЯ ГИМНАЗИИ И УЧИЛИЩА 1-го РАЗРЯДА.

Существовавшій до 1866 г. Учрежденныя въ теченіе 1866—1876 гг.

С.-Петербургскій учебный округъ.

Вологодская Маріинская гимназія. Кронштадтская гимназія.
Архангельское Маріинское училище 1-го разряда.
Петрозаводское Маріинское.
Новгородское.
Псковское Маріинское.

Московскій учебный округъ.

Тверская Маріинская гимназія. Рыбинская Маріинская гимназія.
Ярославское училище 1-го разряда. Владимірская.
Елецкая.
Костромское Григоровское. Вяземская.
Нижегородское Маріинское.
Тульское.
Калужское.
Орловское.
Смоленское.

Казанскій учебный округъ.

Вятское училище 1-го разряда.
Казанское.
Самарское.

Оренбургскій учебный округъ.

Уфимское училище 1-го разряда. Пермская гимназія.
Екатеринбургское. Оренбургская.
* Уральская.

Существовавшія до 1866 г.

Учрежденныя въ теченіе 1866 —
1876 гг.*Харьковскій учебный округъ.*

Тамбовское училище 1-го разряда:	Пензенская гимназія.
Воронежское Маринское.	Усть-Медвѣдичая.
Курское Маринское.	Сумская.
Харьковское Маринское.	
Новочеркасское.	

Одесскій учебный округъ.

Екатеринославская Маринская гимназія.	Кишиневская гимназія.
Таганрогское Маринское училище 1-го разряда.	Одесская Маринская.
Симферопольское.	Херсонская.
Николаевское Маринское.	Елисаветградская.
	Ѳеодосійская.
	Керчь-Еникольская.
	Бердянская.
	Ростовская на Дону.

Кіевскій учебный округъ.

Полтавское Маринское училище 1-го разряда.	Черниговская гимназія.
	Кіевская.
	Женское графа Д. Н. Блудова училище въ Острогѣ.

Виленскій учебный округъ.

Виленское Маринское высшее женское училище.

Дерптскій учебный округъ.

Рижская Ломоносовская гимназія.

Варшавскій учебный округъ.

Первая Варшавская гимназія.	Четвертая Варшавская.
Вторая.	Сѣдлецкая.
Третья.	
Холмское 6-ти классное женское училище.	
Люблинская гимназія.	

Существовавшія до 1866 г. Учрежденныя въ теченіе 1876 — 1866 гг.

Радомская гимназія.
Калишская.
Плоцкая.
Сувальская.

Восточная Сибирь.

Иркутская.

Западная Сибирь.

Томская Маріинская гимназія.
Омская гимназія почетныхъ гражданаъ Поповыхъ.

Всѣ показанныя здѣсь женскія училища 1-го разряда преобразованы въ теченіе 1866 — 1876 гг. въ женскія гимназіи.

ЖЕНСКІЯ ПРОГИМНАЗІИ И УЧИЛИЩА 2-ГО РАЗРЯДА.

Существовавшія до 1866 г. Учрежденныя въ теченіе 1866 — 1876 гг.

С.-Петербургскій учебный округъ.

Опочецкое училище 2-го разряда.	Лугская прогимназія.
Грязовецкое.	Порховская.
Тотемское.	Старорусская.
Великоустюгское.	Боровичская.
Яренское.	Тихвинская.
Устьснсольское.	Устюженская.
	Череповская.
	Бѣловская.
	Вытегорская.

Московскій учебный округъ.

Кологривское училище 2-го разряда.	Крапивненская прогимназія.
Нерехтское Маріинское.	Коломенская.
Ростовское.	Дмитровская.
Кашинское.	Новоторжская.
Дорогобужское.	Галичская.
Масальское.	Арзамасская Екатерининская.
	Касимовская.

Существовавшія до 1866 г.

Учрежденныя въ теченіе 1866 —
1876 гг.

Мещовское.
 Жиздринское.
 Карачевское.
 Ефремовское.
 Скопинское.
 Муромское.
 Вязниковское.
 Шуйское.
 Переславское.
 Александровское.
 Богородское.
 Павловско-посадское.
 Серпуховское.

Сапожковская.
 Ливенская.
 Рославльская.

Казанскій учебный округъ.

Слободское училище 2-го разряда.
 Котельничское.
 Елабужское.
 Чистопольское.
 Алатырское.
 Курмышское.

Орловская прогимназія.
 Яранская.
 Нолинская.
 Уржумская.
 Сарапульская.
 Бугурусланская.
 Сызранская.
 Царицынская.

Оренбургскій учебный округъ.

Мензелинское училище 2-го раз-
 ряда.
 Бирское.
 Челябинское.
 Троицкое.

Оренбургская прогимназія.
 Кунгурская.
 Камышловская.
 Ирбитская.

Харьковскій учебный округъ.

Козловское училище 2-го разряда.
 Липецкое.
 Воронежское Николаевское.
 Бѣлгородское.
 Изюмское.
 Каменское.

Саранская прогимназія.
 Пензенская.
 Усманская.
 Задонская.
 Новохоперская.
 Богучарская.

Существовавшія до 1866 г.

Нижнечирское.
Урюпинское.

Учрежденныя въ теченіе 1866—
1876 гг.

Павловская.
Острогожская.
Бирючинская.
Валуйская.
Волчанская.
Бупянская.
Зміевская.
Богодуховская.
Ахтырская.
Лебединская.
Грайворонская.
Суджанская.
Дмитріево-Сванская.
Фатежская.
Обоянская.
Борочинская.
Ново-Оскольская.
Старо-Оскольская.

Одесскій учебный округъ.

Нахичеванское училище 2-го раз-
ряда.

Павловская въ Аккерманѣ про-
гимназія.
Ананьевская Маринская.
Александрійская.
Бобринецкая.
Херсонская Маринско-Александ-
ровская.
Алешковская.
Мелитопольская.
Перекопская.
Армяно-Базарская.
Евпаторійская.
Севастопольская.

Кіевскій учебный округъ.

Новгородъ - Сѣверская прогим-
назія.

Существовавшія до 1866 г.

Учрежденныя въ теченіе 1866 —
1876 гг.

Глуховская.
Кролевецкая.
Сосницкая.
Роменская.
Зеньковская.
Кобелякская.
Кременчугская.
Золотоношская.
Переяславская.
Бѣлоцерковская.
Златопольская.
Немировская.

Дерптскій учебный округъ.

Ревельская прогимназія.

Варшавскій учебный округъ.

Варшавская прогимназія.
Петроковская.
Сандомирская.

Ломжинская прогимназія.
Ловичская.
Кѣлецкая.
Замостская.

Восточная Сибирь.

Енисейская прогимназія.
Красноярская.
Нижнеудинская.
Киренская.
Верхнеудинская.
Троицкосавская.
Читинская.
Нерчинская.

Западная Сибирь.

Тюменское училище 2-го разряда. Туринская прогимназія.
Ялуторовское.
Курганское.

Существовавшія до 1866 г. Учрежденныя въ теченіе 1866—
1876 гг.

Ишимское.

Тарское.

Каинское.

Петропавловское.

Семипалатинское.

Всѣ показанныя здѣсь женскія училища 2-го разряда преобразованы въ 1866—1876 гг. въ женскія прогимназіи.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ С.-Петербургскаго университета въ 1875 году: личный составъ преподавателей; вакантныя каѳедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; награды за сочиненія на предложенныя темы; ученые труды преподавателей; испытанія на ученые степени и званія; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащихся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Въ С.-Петербургскомъ университетѣ къ 1-му января 1876 года состояло штатныхъ преподавателей: по историко-филологическому факультету: ординарныхъ профессоровъ — 8, экстраординарныхъ — 4, доцентовъ — 6; по физико-математическому: ординарныхъ профессоровъ—11, экстраординарныхъ — 5, доцентовъ — 2; по юридическому: ординарныхъ профессоровъ—9, экстраординарныхъ—2, доцентовъ—5; по факультету восточныхъ языковъ: ординарныхъ профессоровъ — 6, экстраординарныхъ — 3, доцентовъ — 5, лекторовъ — 4; сверхъ того состояло при университетѣ вообще: 1 профессоръ богословія и 4 лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ. Общее число преподавателей къ 1876 году было: 1 профессоръ богословія, ординарныхъ профессоровъ — 34, экстраординарныхъ—14, доцентовъ —18, лекторовъ—8; всего 75. Независимо отъ сего состояло при университетѣ 4 преподавателя, изъ нихъ 2—по каѳедрѣ зоологіи и по одному по римской словесности и японскому языку. Приватъ-доцентовъ было 9, именно: 2—по математикѣ, 2—по физикѣ, 2—по зоологіи, 1—по ботаникѣ и 1—по зендскому языку. Преподавательскихъ вакансій къ концу 1875 года было—9: 1 доцентскій окладъ по философіи, 1 доцентскій— по физико-математическому факультету, 2 оклада экстраординарнаго профессора по каѳедрамъ исторіи славянскихъ законодательствъ и исторіи законодательствъ древнихъ и новыхъ, 1 доцентскій окладъ

по юридическому факультету и 3 доцентских — по факультету восточных языковъ.

Въ 1875 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій—26; физико-математическій—28, юридическій—25, факультетъ восточныхъ языковъ — 19. Для усиленія учебной дѣятельности слушателей университетскихъ лекцій служили практическія ихъ занятія подъ руководствомъ профессоровъ и преподавателей, заключавшіяся въ слѣдующемъ: по предмету славянской филологіи у профессора Срезневскаго слушатели упражнялись въ палеографическихъ работахъ по памятникамъ, съ цѣлю приучить работающихъ дѣлать вѣрные снимки съ памятниковъ и списывать ихъ палеографически. По русской словесности, подъ руководствомъ профессора Сухомлинова, изъ числа избравшихъ этотъ предметъ спеціальностію, представили свои труды студенты: *Морозовъ*—„Костровъ, его жизнь и литературная дѣятельность“ и *Шенрокъ*—подробный и основательный разборъ сочиненія Шишкова „О старомъ и новомъ слоgѣ“. По русской исторіи, подъ руководствомъ профессора Бестужева-Рюмина, студенты занимались изученіемъ источниковъ, и однимъ изъ сихъ студентовъ, *Казанскимъ*, составлено замѣчательное „Обозрѣніе договорныхъ грамотъ Тверскихъ князей“. По всеобщей исторіи, подъ руководствомъ доцента Васильевскаго, студенты IV курса занимались чтеніемъ и историко-критическимъ изученіемъ „Германіи“ Тацита, а доцентъ Соколовъ одинъ разъ въ недѣлю производилъ со студентами IV курса на дому бесѣды объ источникахъ древней исторіи. По предмету теории и исторіи изящныхъ искусствъ студенты, подъ руководствомъ доцента Прахова, занимались изученіемъ памятниковъ по снимкамъ, составляющимъ классическій отдѣлъ музея скульптуры Императорской академіи художествъ и собраній Эрмитажа. По греческому языку и словесности, подъ руководствомъ профессоровъ Дестуниса и Люгебиля, студенты III и IV курсовъ занимались переводомъ и объясненіемъ Аристотелевой „Піитики“ въ теченіе обоихъ полугодій; студентъ *Эренштедтъ* представилъ работу подъ заглавіемъ „Observationes Antiphontae“, обнаруживающее отличное знакомство съ аттическими ораторами. По латинскому языку, подъ руководствомъ профессора Помяловскаго, происходили практическія занятія со студентами III и IV курсовъ, и состояли въ разборъ древнихъ надписей, имѣющихъ важное значеніе для изученія римскихъ религіозныхъ древностей; при этомъ, такъ какъ слушателямъ были розданы литографированные снимки съ подлинниковъ, студенты приучались изучать палеографическія особен-

ности надписей; кромѣ того, студенты, спеціально занимающіеся древними языками, писали упражненія на данныя имъ въ началѣ года темы, и разбору этихъ упражненій были посвящены особныя лекціи. Изъ этихъ работъ особенно выдаются труды студента *Галлера* „Словарь и грамматика въ Monumentum Ancusarum“. По философіи, сверхъ общихъ лекцій, читался спеціальныи курсъ объ Аристотелевой „Метафизикѣ“; студенты-спеціалисты читали съ профессоромъ текстъ „Метафизики“, при чемъ дѣлались объясненія филологическія и философскія по поводу языка и содержанія ея. Кромѣ того, студенты занимались чтеніемъ „Критики чистаго разума“ Канта, при чемъ дѣлались замѣчанія относительно логическаго плана, принциповъ и разныхъ частныхъ философскихъ вопросовъ, заключающихся въ этомъ сочиненіи. По физикѣ, хотя практическія занятія студентовъ не считались обязательными, тѣмъ не менѣе число занимавшихся доходило до 60-ти; занятія были распределены на 5 дней въ недѣлю; занимались студенты всѣхъ курсовъ, кромѣ 1-го, которымъ объясняемы были внѣ лекцій приборы, показываемые на лекціяхъ, и производились нѣкоторые опыты. По химіи студенты II, III и IV курсовъ разряда естественныхъ наукъ, избравшіе своею спеціальностію этотъ предметъ, ежедневно занимались въ лабораторіи химическими изслѣдованіями, подъ руководствомъ профессоровъ, и результаты этихъ изслѣдованій были большею частію напечатаны. Занятія со студентами по неорганической химіи, подъ наблюденіемъ профессора Менделѣева, происходили ежедневно; часть этихъ работъ, въ особенности работы студента Кахидера, напечатаны. Подъ руководствомъ профессора Бутлерова, въ отдѣленіи органической химіи происходили постоянныя самостоятельныя занятія студентовъ. Полученные результаты частію напечатаны, а частію готовятся къ печати и будутъ помѣщены въ журналахъ Русскаго химическаго общества, физическаго общества и другихъ изданійхъ. Такъ, студентъ Вышнеградскій напечаталъ замѣтки: а) объ уплотненіи азоамилена, и б) о трехъ новыхъ пинаколинахъ; студентъ Лебедевъ — объ уплотненіи амилена Флавицкаго; студентъ Казанцевъ — о дѣйствиі іодоворода на ацетинъ; стипендіатъ Вагнеръ — статью о дѣйствиі цинкетина на искусный альдегидъ. Въ аналитическомъ отдѣленіи химической лабораторіи практическія занятія студентовъ II и III курсовъ по анализу происходили подъ наблюденіемъ профессора Меншуткина, при содѣйствіи трехъ лаборантовъ. При 50-ти постоянныхъ мѣстахъ въ качественномъ отдѣленіи были двѣ очереди. Успѣхи студентовъ въ этихъ занятіяхъ совершенно удовле-

творительны. Въ аналитическомъ отдѣленіи химической лабораторіи лаборантами сдѣланы слѣдующія изслѣдованія: Любавинымъ—а) о глюксалѣ и глюксалинѣ, б) объ измѣненіи альдегидъ-амміака и о дѣйствиіи уриметиламина на альдегидъ; Потылицынымъ—о взаимномъ вытѣсненіи галюидовъ; Еленевымъ—о сжимаемости углеводовъ; студентомъ Прибытскимъ — изслѣдованіе аллена. Кромѣ того, въ работахъ профессора Меншуткина принимали участіе 3 студента.—По морфологіи и систематикѣ растений занятія профессора Бекетова со студентами и слушателями университета состояли въ опредѣленіи растений Петербургской флоры по сухимъ экземплярамъ, что давало возможность ближе и основательнѣе ознакомиться со многими формами этой флоры. Привать-доцентъ Гоби и съ помощію его студенты достигли полнаго успѣха въ своихъ занятіяхъ. По анатоміи и физиологіи растений подобныя же занятія происходили подъ руководствомъ профессора Фаминцына.—Практическія занятія студентовъ подъ руководствомъ профессора Кесслера въ зоологическомъ кабинетѣ были двоякаго рода: съ одной стороны, они знакомились съ животными, находящимися въ кабинетѣ, для лучшаго пониманія общаго курса зоологіи и для экзамена по этому курсу, а съ другой—упражнялись, подъ руководствомъ привать-доцента Гримма, въ анатоміи животныхъ и въ производствѣ микроскопическихъ наблюденій. — Въ зоотомическомъ кабинетѣ, подъ руководствомъ профессора Вагнера, происходили ежедневно практическія занятія студентовъ по зоологіи и гистологіи. — Въ физиологическомъ кабинетѣ, подъ руководствомъ профессора Овсянникова и привать-доцента Бакста, происходили практическія занятія троякаго рода: а) по гистологіи—со студентами II курса, б) по экспериментальной физиологіи—со студентами того же курса, и в) студенты III и IV курсовъ, избравшіе физиологію своею спеціальною, занимались разработкою нѣкоторыхъ вопросовъ по экспериментальной физиологіи, преимущественно относящихся до отправленій нервной системы и по физиологіи органовъ чувствъ. Изъ работъ, произведенныхъ въ физиологическомъ кабинетѣ, напечатаны слѣдующія: *В. Великая*—„О строеніи спиннаго мозга миноги“, *М. Аванасьева*—„Объ окончаніи нервовъ въ органахъ осязанія рыбъ“ и *Я. Чистосердова*—„О вліяніи тройничнаго и глазодвигательнаго нервовъ на глазъ у собаки и кролика“. Кромѣ того, были представлены самостоятельныя изслѣдованія четырьмя студентами.—По астрономіи и геодезіи, подъ руководствомъ профессора Савича, студенты упражнялись въ производствѣ астрономическихъ наблюденій на малой академической обсер-

ваторіи и занимались вычисленіемъ астрономическихъ наблюдений.— Въ кабинетѣ практической механики студенты и кандидаты разряда математическихъ наукъ, подъ руководствомъ профессора Окатова, занимались изученіемъ измѣрительныхъ приборовъ и кинематическихъ моделей; небольшія машины-двигатели, находящіяся въ этомъ кабинетѣ, пускаемы были въ ходъ. Въ мастерской кабинета изготовлено было нѣсколько моделей средствами кабинета: модель тѣла, въ которомъ свобода движеній стѣснена однимъ линейнымъ уравненіемъ между поступательными и вращательными скоростями; модель винта съ переменнымъ шагомъ при одной гайкѣ. — Въ геологическомъ кабинетѣ студенты, подъ руководствомъ профессора Иностранцева, ежедневно занимались изслѣдованіями и практическими работами. Такъ, кандидатъ *Дочуаевъ* занимался разработкою матеріаловъ своихъ экскурсій по Смоленской губерніи, и напечаталъ: а) статью объ осушеніи болотъ вообще и въ частности объ осушеніи Полѣсья и б) замѣтку о мѣсторожденіи желѣзныхъ красокъ въ селѣцѣ Потемкинѣ, Смоленской губ.; кандидатъ *Лукино* занимался изученіемъ мелофоровъ береговъ Енисея; г. *Патаминъ* изучалъ фельзиты и фельзитовые порфиры верховьевъ рѣки Енисея; студентъ *Чохтра* изучалъ граниты верховьевъ Енисея; г. *Романовскій* окончилъ изслѣдованіе лавъ р. Тунки; кандидатъ *Смутскій* занялъ бытъ разработкою матеріаловъ своей экскурсій въ Олонецкой губерніи; магистръ *Шмаллаузенъ* изслѣдовалъ ископаемыя растенія изъ Сибири. — Въ минералогическомъ кабинетѣ, подъ руководствомъ доцента Ерофѣева, студенты разряда естественныхъ наукъ занимались преимущественно по кристаллографіи. Студенты-специалисты производили кристаллографическія вычисления и занимались черченіемъ кристалловъ, а также упражнялись въ опредѣленіи удѣльнаго вѣса минераловъ и въ изслѣдованіи ихъ кристаллической формы. — По агрономіи, подъ руководствомъ профессора Совѣтова, студенты разрабатывали отдѣльные вопросы, и затѣмъ дѣлали письменное сообщеніе въ особыхъ бесѣдахъ. Въ свободное отъ лекцій время, профессоръ, вмѣстѣ съ студентами, посѣщалъ сельскохозяйственный музей министерства государственныхъ имуществъ и дѣлалъ съ ними нѣсколько экскурсій по окрестнымъ фермамъ. Изъ представленныхъ работъ особеннаго вниманія заслуживаютъ труды студента *Дмитріева* — объ измѣненіяхъ, происходящихъ въ органическихъ веществахъ при гніеніи ихъ въ почвѣ, и студента *Лавриновича* — объ ирригаціи. Профессоръ гражданскаго права, при изложеніи этой науки, постоянно приводилъ практическіе примѣры и ком-

ментировать статьи самих источниковъ, при чемъ указывалъ толкованія ихъ въ нашей судебной практикѣ и важнѣйшія положенія въ рѣшеніяхъ гражданскихъ кассационныхъ департаментовъ. Профессоры русскаго уголовного права, при изложеніи своего предмета, также знакомили слушателей какъ съ судебною практикою вообще, такъ и въ особенности съ рѣшеніями кассационныхъ департаментовъ. Доцентъ Фойницкій продолжалъ давать студентамъ темы, по которымъ ими представлены были рефераты. Отъ реферата, составляющаго необходимое условіе хорошей отмѣтки на экзаменѣ, требовались: знакомство съ литературой вопроса на томъ изъ иностранныхъ языковъ, которымъ владѣеть студентъ, или, по крайней мѣрѣ, на русскомъ; выясненіе заданной темы въ связи съ общими началами науки; самостоятельная разработка сыраго историческаго, догматическаго или уголовно-статистическаго матеріала по тѣмъ пунктамъ заданной темы, на которые специально указывалъ профессоръ; систематичность въ изложеніи мыслей и послѣдовательность въ умозаключеніяхъ. Въ случаѣ неудовлетворительности работы, она возвращалась студенту для исправленія. По международному праву требовалось самостоятельное изученіе студентами источниковъ и литературы предмета. Преподаваемые въ специальныхъ (3-мъ и 4-мъ) курсахъ административнаго разряда предметы, какъ-то: политическая экономія, статистика, полицейское право и финансовое право находились въ равныхъ же условіяхъ съ предыдущими предметами юридическаго факультета, а потому въ устроенномъ профессоромъ Янсономъ статистическомъ кабинетѣ производились постоянныя практическія занятія со студентами. Профессоръ Янсонъ, кромѣ назначенныхъ по росписанію часовъ, посвящалъ для практическихъ занятій со студентами послѣобѣденное время по 4 раза въ недѣлю. Каждый студентъ обязанъ былъ сдѣлать по крайней мѣрѣ одну работу по сырому статистическому матеріалу. Для работъ этихъ давалась каждому тема, и нѣкоторыя работы вышли весьма интересны. Практическія занятія студентовъ по этому предмету заключались и въ ознакомленіи ихъ со многими новыми источниками по экономической статистикѣ Россіи, большею частію неизданными рукописными матеріалами и картами, которые доставлялись авторами. Кромѣ того, нѣкоторые сравнительно-статистическіе этюды были сдѣланы по печатнымъ матеріаламъ студентами IV курса по статистикѣ столицъ. По политической экономіи, въ I курсѣ административнаго разряда, подъ руководствомъ профессора Вредена, происходило чтеніе и толкованіе А. Смита съ

поясненіями и самостоятельными рефератами слушателей; въ III и IV курсахъ того же разряда студенты докладывали свои изслѣдованія по теоріи, литературѣ и законодательству въ области страхова- нія. По финансовому праву доцентъ Лебедевъ одинъ часъ въ недѣлю посвящалъ практическимъ занятіямъ, состоявшимъ въ извлеченіяхъ изъ указанныхъ студентамъ книгъ и изъ рефератовъ, обсуждаемыхъ потомъ присутствующими. Особеннаго вниманія заслуживаютъ рефе- раты студентовъ *Грединера*, *Штимица*, *Гертиха* и *Кононовича*. По предмету церковнаго права студенты занимались подъ руководствомъ профессора Горчакова. Окончившій курсъ юридическаго факультета кандидатъ *Суворовъ*, посвятившій себя специальному изученію цер- ковнаго права, напечаталъ изслѣдованіе „О находѣ по русскому праву“ и нѣсколько статей въ Церковно-общественномъ Вѣстникѣ; кандидатъ *Востоковъ* представилъ разсужденіе подъ заглавіемъ „Свя- тѣйшій синодъ и его отношеніе къ государственнымъ учрежденіямъ при императорѣ Петрѣ I“; студентъ *Лебедевъ* представилъ работу „О соборахъ русской церкви въ патриаршій періодъ“; студентъ *Покров- скій*—разсужденіе подъ заглавіемъ: „Коммиссія духовныхъ училищъ“. Сочиненіе перваго отличается обиліемъ матеріаловъ, имъ собранныхъ, и правильностью научной конструкціи, въ которой предметъ пред- ставленъ; диссертация втораго — правильностію воззрѣнія на важное и обширное значеніе коммисіи духовныхъ училищъ въ исторіи рус- скаго церковнаго права, занимательностію и тщательною обработкою предмета въ изложеніи. По факультету восточныхъ языковъ студенты, являясь на лекціи, должны предварительно подготовиться надлежа- щимъ образомъ, то-есть, разобрать и уяснить себѣ, при помощи сло- варей и грамматикъ, на сколько это возможно, текстъ переводимаго на лекціи автора, безъ чего профессорская лекція не будетъ имѣть надлежащаго значенія. Студентамъ весьма часто приходится переписывать восточные тексты для перевода ихъ на лекціяхъ; на обязан- ности студентовъ лежитъ также составленіе лекцій по исторіи и ли- тературѣ на основаніи подлинныхъ источниковъ. Студенты занима- лись, подъ руководствомъ профессоровъ, переводами.

Для соисканія наградъ медалями предложены были на 1875 годъ студентамъ слѣдующія темы: въ историко-филологическомъ факуль- тетѣ — „Николай Мистикъ и нѣкоторыя его письма“, „Разсмотрѣть языкъ метаморфозъ Апулея“, „Wiserunck, сочиненіе Николая Рея изъ Нагловицъ“, „Разборъ свидѣтельства Константина Багрянороднаго о южныхъ Славянахъ“; въ физико-математическомъ — „Изложить теорію

весьма малыхъ колебаній маятника въ зависимости отъ сопротивленія воздуха и движенія земли около оси“ и „Исторія развитія цвѣтени“; въ юридическомъ—„О практической и теоретической дѣятельности юристовъ вообще“ и „О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ сравнительно съ законами Салическихъ Франковъ“; въ факультетѣ восточныхъ языковъ—„Изложить по Камилу-Мубаррада борьбу Мугалаба съ Азравидами“. За представленныя на означенныя темы сочиненія награждены: золотыми медалями студенты: III курса историко-филологическаго факультета Станиславъ *Пташицкій*, IV курса того же факультета Тимофеей *Флоринскій* и Константинъ *Гротъ*, IV курса физико-математическаго факультета Николай *Зининъ*, IV курса юридическаго факультета Сергѣй *Ведровъ* и IV курса факультета восточныхъ языковъ Владиміръ *Игнатьевъ*; серебряными—IV курса историко-филологическаго факультета Платонъ *Виноградовъ*, IV курса физико-математическаго факультета—Станиславъ *Оржежковскій*, Порфирій *Стратоновичъ* и Иванъ *Пуцинъ*, IV курса юридическаго факультета—Савватій *Мальцовъ* и Маріанъ *Липинскій* и III курса того же факультета Александръ *Трифоновъ*; почетнаго отзыва—III курса историко-филологическаго факультета Михаилъ *Кеммерлингъ* и IV курса юридическаго факультета Козьма *Смирновъ*.

Въ 1875 году преподаватели и другія лица вѣдомства С.-Петербургскаго университета напечатали и приготовили къ выпуску въ свѣтъ слѣдующіе учено-литературные труды: профессора: *В. Г. Рождественскій*—напечаталъ въ Христіанскомъ Читеніи: а) вступительную лекцію, читанную 20-го декабря въ С.-Петербургскомъ университетѣ; б) о книгахъ новозавѣтныхъ неканоническихъ, употреблявшихся въ христіанской церкви II и III вѣковъ; в) „О религіозно-нравственномъ воспитаніи, какъ основѣ истиннаго просвѣщенія“; приготовилъ къ печати: „Фрейзингенскіе фрагменты италійскаго перевода Посланій св. Апостола Павла“ и „Великіе Каппадокійцы—св. Василій, св. Григорій Назіанзинъ и св. Григорій Нисскій, какъ толкователи священнаго писанія“; *И. И. Срезневскій*—продолжалъ постоянно заниматься разработкою древняго языка, письма и словесности и издавать свои наблюденія при Запискахъ академіи наукъ, въ сборникѣ, выходящемъ подъ названіемъ „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“, — окончилъ восьмимъ выпускомъ второй томъ этого сборника. Изъ отдѣльныхъ трудовъ напечаталъ, между прочимъ, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*—сводъ своихъ наблюденій и мнѣній о работахъ по изученію древняго рус-

скаго языка и словесности, а въ Братской Помочи—біографію сербскаго писателя В. С. Караджича; *М. И. Сугомлиновъ* — издалъ въ свѣтъ 2-й томъ Исторіи російской академіи; *О. Ѡ. Миллеръ*—печаталъ отдѣльныя статьи въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, и по порученію Академіи Наукъ составилъ разборы сборника русскихъ пѣсенъ Кирѣевского и сборника бѣлорусскихъ пѣсенъ Шеина; *Г. С. Дестунисъ* — приготовилъ къ печати комментарий на первую книгу Исторіи войны Проконія Кессарійскаго, писателя VI вѣка по Р. Х.; *К. I. Любиль*—помѣстилъ нѣсколько критическихъ статей въ журналъ *Zeitschrift für Phylologie und Pädagogie* и приготовилъ къ печати переводъ сочиненія Курціуса „Начертаніе греческой этимологіи“; *И. В. Помяловскій* помѣстилъ въ Извѣстіяхъ Императорскаго археологическаго общества (т. VIII) обзоръ италійской археологической литературы за 1873 годъ и приготовилъ къ печати переводъ сочиненія Ф. А. Вольфа „Darstellung der Alterthumswissenschaft“; *В. В. Бауеръ*—работалъ надъ составленіемъ курса новой исторіи и участвовалъ въ критическомъ отдѣлѣ издаваемого В. П. Безобразовымъ „Сборника государственныхъ знаній“; *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*—сверхъ нѣсколькихъ статей въ періодическихъ изданіяхъ, помѣстилъ въ журналъ Древняя и новая Россія монографію „В. И. Татищевъ“; *М. И. Владиславлевъ* — помѣстилъ нѣсколько статей въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; *А. И. Веселовскій*—напечаталъ въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія — „Опыты по исторіи развитія христіанской легенды“, въ Вѣстникѣ Европы — „Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ“, въ *Russische Revue* „Constantinische Sagen und Fragmente eines bysantinischen Epos im Russischen“ и въ Филологическихъ Запискахъ „Параллели къ сказанію о Новгородскомъ раѣ“; *П. Л. Чебышевъ*—читалъ въ засѣданіи Парижскаго математическаго общества о результатѣ изысканій, сдѣланныхъ имъ относительно предѣла степени цѣлыхъ функцій, а во время пребыванія въ Москвѣ читалъ тамъ о доказательствѣ параллелограмма силъ на основаніи теоремы Цева, распространенной на сферическіе треугольники. Записки по этимъ предметамъ напечатаны въ изданіяхъ Парижскаго и Московскаго математическихъ обществъ; *І. И. Сомовъ* представилъ въ Академію Наукъ мемуаръ „О свойствахъ силъ, сохраняющихъ величины и направленія, когда точки приложенія, будучи связаны неизмѣнно, получаютъ какое-нибудь перемѣщеніе“, и напечаталъ 4-е изданіе Начальной алгебры съ дополнительными статьями, содержащими курсы дополнительнаго класса

реальных училищ; *А. Н. Коркин*—приготовилъ въ печати статью о квадраточныхъ формахъ, для журнала *Mathematische Annalen Neumann's*, составляющую продолженіе предыдущихъ работъ объ этомъ предметѣ; *Ю. В. Соколий*—приготовилъ въ печати статью „О лежандровыхъ функціяхъ въ приложеніи къ охлажденію шара“; *М. Θ. Окатовъ*—напечаталъ „Обзоръ основныхъ началъ механики вѣщественныхъ точекъ“; *А. Н. Савичъ*—напечаталъ въ *Запискахъ Академіи Наукъ*: а) статью о вычисленіи солнечныхъ затмѣній по способу Гаусса, и б) результаты своихъ наблюденій надъ положеніями планетъ въ 1875 году; *К. Ф. Кесслеръ*—напечаталъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Русскіе рѣчные раки“ въ *Трудахъ энтомологическаго общества*, и описаніе рыбъ, привезенныхъ изъ Китая г. Пржевальскимъ; *Ф. В. Осляниковъ*—напечаталъ: въ *Berichte der math. phys. Classa der Königl. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften*—„Ueber einen Unterschied in den reflectorischen Leistungen der verlängerten und des Rücken-Markes der Kaninchen“, въ *Бюллетенѣ Академіи Наукъ*—„Recherches sur quelques propriétés physiologiques du cervelle“, и въ *Протоколахъ общества естествоиспытателей*—„Объ образованіи мочевины въ работающихъ мышцахъ“; *А. С. Фамининъ*—напечаталъ въ изданіяхъ Академіи Наукъ предварительную замѣтку „О зародышевыхъ пластахъ въ растительномъ царствѣ“; *А. Н. Бекетовъ*—издавалъ *Труды общества естествоиспытателей*; *Д. И. Менделѣевъ*—напечаталъ: „О температурѣ и составѣ слоевъ воздуха“, „Кoeffициентъ расширенія воздуха“, „По поводу открытія Галлія“, „Замѣчаніе о гидратѣ солей“, и „Объ упругости газовъ“; *А. М. Бутлеровъ*—напечаталъ: „О пентаэтиленѣ“, „О превращеніи нѣкоторыхъ углеводородовъ этиленнаго рода въ алкоголи“, „О молочномъ соевѣ растенія *Synanethum acutum*“, „О медіумическихъ явленіяхъ“ (въ *Русск. Вѣстн.*), и печатаетъ 3-е изданіе книги „Пчела, ея жизнь и главные правила шелковаго пчеловодства“; *Н. А. Меншуткинъ*—напечаталъ въ *Журналѣ химическаго общества* „Диметилпарабановая кислота и сукундциаловые эфиры“, и „Ислѣдованіе діалуровыхъ солей“ и редактировалъ 7-й томъ *Журнала русскаго химическаго общества*; *А. А. Иностранцевъ*—напечаталъ: „Объ опредѣленіи непрозрачныхъ минераловъ, входящихъ въ составъ горныхъ породъ“, „Объ ислѣдованіи желѣзныхъ рудъ въ Кромскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи“, „О земнокаменныхъ породахъ Олонецкой губерніи“, „О кварцитахъ“, „О конгломератахъ“ и „Объ источникахъ южнаго берега Крыма“ и печатаетъ ислѣдованіе подъ заглавіемъ: „Геологическій очеркъ Повѣнецкаго

уѣзда Одонской губерніи и его рудныхъ мѣсторожденій“; *А. В. Сопотовъ* — редактировалъ сельско-хозяйственный журналъ Труды Императорскаго вольнаго экономическаго общества, въ которомъ и помѣщалъ свои статьи. Кромѣ того, въ названномъ обществѣ сдѣлалъ сообщеніе: о способахъ испытанія годности посѣвныхъ сѣмянъ, о кормовой травѣ *Galega officinalis* и друг.; *А. Д. Градовскій* — окончилъ печатаніемъ вторую часть своего сочиненія „Германская конституція“ и приготовилъ къ печати второй томъ „Началъ русскаго государственнаго права“; *И. Е. Андреевскій* — напечаталъ вторымъ изданіемъ второй томъ „Полицейскаго права“; *А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ* — надалъ сочиненіе „Русское уголовное судопроизводство по судебнымъ уставамъ 20-го ноября 1864 года“; *Н. С. Таланцевъ* — редактировалъ Журналъ гражданскаго и уголовнаго права; *В. И. Сергеевичъ* — напечаталъ: въ Сборникѣ государственныхъ знаній — статью „О земскихъ соборахъ“ и въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* — разборъ книги г. Затыркевича „О вліяніи борьбы словій и народовъ на образованіе Русскаго государства“; *М. И. Горчаковъ* — въ Сборникѣ государственныхъ знаній напечаталъ статью подъ заглавіемъ „Научная постановка церковно-суднаго права“ и семь критическихъ статей на вновь вышедшія книги, относящіяся до церковнаго права; окончилъ составленіе и редакцію 3-го тома „Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству Православнаго исповѣданія“ и занимался, между прочимъ, изслѣдованіемъ о 50-й главѣ печатной кормчей книги (о степеняхъ родства по отношенію въ брачному союзу). Эта глава съ XVII вѣка по настоящее время составляетъ, по общимъ воззрѣніямъ, основной, самый важный послѣ каноновъ Вселенской церкви, законодательный памятникъ и источникъ для опредѣленія степеней родства по отношенію къ браку въ отечественной Православной церкви. Между тѣмъ происхожденіе этой главы съ XVII вѣка до нашего времени составляло загадку для ученыхъ и встрѣчало затрудненія въ разъясненіяхъ даже такихъ авторитетныхъ въ церкви и высокоученыхъ іерарховъ, каковъ былъ покойный преосвященный митрополитъ Московскій Филаретъ. Профессору Горчакову удалось отыскать остававшійся до сихъ поръ неизвѣстнымъ греческій текстъ той таблицы степеней родства, которая помѣщена въ 50-й главѣ Кормчей книги. Составленіе этой таблицы, по найденному списку, принадлежитъ великому хартофилаксу Константинопольской церкви, іеродіакону Мануилу, названному въ спискѣ „Олсантиновъ“, жившему въ первой половинѣ XVI столѣтія. Таблица Мануила

дополнена Захарієм Скардалиємъ, жившимъ во второй половинѣ XVI вѣка; Ю. Э. Ясонъ—напечаталъ въ Вѣстникѣ Европы статью „Населеніе Петербурга по переписи 1869 года“ и отправилъ нѣсколько небольшихъ статей на французскомъ языкѣ въ Парижъ для Journal de la Société statistique de Paris. Къ ученымъ трудамъ его относятся также занятія его въ качествѣ жюри 5-й секціи международнаго географическаго конгресса въ Парижѣ; Э. Р. Вреденъ—сообщилъ докладъ о нормѣ рабочаго дня, напечатанный въ протоколахъ съѣзда машиностроителей 1875 года, и приготовилъ къ печати „Начальный учебникъ политической экономіи“; Ф. Ф. Мартенсъ—издалъ 2-й томъ „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами“, въ Военномъ Сборникѣ напечаталъ обширную статью подъ заглавіемъ „Брюссельская декларация объ обычаяхъ и законахъ войны“, во II томѣ Сборника государственныхъ знаній и въ Журналѣ гражданского и уголовного права напечаталъ статьи по вопросамъ международнаго права, и оканчиваетъ печатаніе третьяго тома „Сборника трактатовъ и конвенцій“; В. В. Григорьевъ—напечаталъ сборникъ его статей по исторіи, этнографіи и географіи, подъ заглавіемъ „Россія и Азія“; И. Н. Березинъ—приготовилъ къ печати второй томъ составленной имъ Турецкой хрестоматіи, и напечаталъ IV, V и VI выпуски Русскаго энциклопедическаго словаря; К. А. Коссовичъ—напечаталъ „Еврейскую хрестоматію съ филологическими примѣчаніями и сравнительнымъ глоссаріемъ“ и приготовилъ къ печати объясненія древнѣйшихъ памятниковъ арамейскаго языка и ихъ отношенія къ языкамъ арійскимъ; К. П. Паткановъ—напечаталъ: „Матеріалы для изученія армянскихъ діалектовъ, выпускъ I—говоръ Нахичеванскій, выпускъ II—нарѣчіе Мущское“, и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—„Ванскія надписи и значеніе ихъ для исторіи Передней Азіи“; Д. А. Хвольсонъ—напечаталъ статьи: „О вліяніи географическаго положенія Палестины на судьбу древнееврейскаго народа“ и „Послѣдняя пасхальная вечеря Иисуса Христа и одинъ день его смерти“; приготовилъ къ печати—2-ю часть статьи „Исторія ветхозавѣтнаго текста и очеркъ древнѣйшихъ его переводовъ по ихъ отношеніямъ къ подлиннику и между собою“, и „Объясненіе разказа въ 14 главахъ 1-й книги Моисея о походѣ Ходорлогомера въ Палестину во время патріарха Авраама, посредствомъ клинообразныхъ надписей“; В. Θ. Гирсаъ—вмѣстѣ съ барономъ Розеномъ издалъ первый выпускъ Арабской хрестоматіи; К. Θ. Голстунскій—приготовилъ для печати калмыцкій текстъ законовъ, составлен-

ныхъ Башуръ-Хунъ-Танджіемъ, съ дополненіями къ нимъ калмыцкаго хана Дондукъ-Даши, который будетъ изданъ съ русскимъ переводомъ и примѣчаніями; доценты: *В. Г. Васильевскій*—напечаталъ: въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*—„Варяго-русская дружина въ Константинополѣ“ и „Два письма императора Михаила Дука къ Всеволоду Ярославичу“ и въ журналъ Древняя и Новая Россія—„О Варяго-руссахъ“; *Е. Е. Замысловскій*—помѣстилъ статьи: въ Сборникѣ государственныхъ знаній—о сочиненіи архимандрита Леониды „Благовѣщенскій іерей Сильверстъ и его писанія“, въ журналъ Древняя и Новая Россія—о трудѣ Ю. В. Толстаго „Московія Джона Мильтона“ и „Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ и его сочиненіе о Россіи въ XVI вѣкѣ“, въ разборѣ о присужденіи наградъ графа Уварова—разборъ сочиненія Н. Барсова „Очерки русской исторической географіи, географія начальной лѣтописи“; *И. Е. Троицкій*—напечаталъ диссертацию на степень доктора богословія подъ заглавіемъ „Изложеніе вѣры церкви Армянскія, начертанное Нерсесомъ, каеоликосомъ Армянскимъ, по требованію боголюбиваго государя Грековъ Мануила. Историко-догматическое изслѣдованіе въ связи съ вопросомъ о возсохраненіи армянской церкви съ православною“; приготовилъ къ печати—„Письма и другія сочиненія Ареопы, архіепископа Кесарійскаго, писателя X вѣка“, доселѣ еще неизданныя, но заслуживающія изданія, по своему значенію не только для церковной, но и для политической и литературной исторіи Византіи въ X вѣкѣ, *А. В. Праховъ*—напечаталъ въ Вѣстникѣ Европы статью подъ заглавіемъ „Мивель-Анджело Буонаротти, зодчій, ваятель и живописецъ“, въ журналѣ Пчела помѣстилъ цѣлую серію статей по исторіи и теоріи искусства, приготовилъ къ печати изслѣдованіе по исторіи новѣйшаго искусства подъ заглавіемъ „Классицизмъ въ искусствѣ. Жанъ-Луи Давидъ“; *Е. И. Золотаревъ*—приготовилъ къ печати работу, которая служитъ продолженіемъ напечатаннаго уже его сочиненія „Теорія цѣлыхъ комплексныхъ чиселъ“; *К. И. Мамшиевъ*—напечаталъ 2-й томъ курса гражданскаго судопроизводства и 1-й томъ втораго изданія того же сочиненія, въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права помѣстилъ статьи „Объ ученой разработкѣ торговаго права въ Россіи“; *И. Я. Фойтцкій*—напечаталъ въ Сборникѣ государственныхъ знаній статью „Моменты исторіи законодательства печати“, составляющую первую часть предпринятаго имъ труда о законодательствѣ печати; по порученію Высочайше учрежденнаго комитета составилъ подробную записку „Объ историческомъ развитіи

и современномъ состояніи тюрьмы и ссылки, какъ въ Россіи, такъ и за-границей“; по порученію министерства юстиціи обрабатываетъ и издаетъ въ свѣтъ статистику подсудимыхъ и осужденныхъ въ судебныхъ мѣстахъ, дѣйствующихъ по уставамъ 20 ноября 1864 г., входящую въ „Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ“, который публикуется означеннымъ министерствомъ; *В. А. Лебедевъ* — напечаталъ въ Сборникѣ государственныхъ знаній статью „Земскія повинности и мѣстные налоги“ и разборъ сочиненія Лоренца Штейна „Lehrbuch der Finanzwissenschaft“, баронъ *В. Розенъ* — занимался составленіемъ каталога арабскихъ рукописей института восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; лекторы: *И. И. Флѣри* — напечаталъ 4-мъ изданіемъ „La grammaire en action abrégée“, 4-мъ же изданіемъ „Разказы и описанія, избранныя изъ лучшихъ русскихъ авторовъ“ и печатаетъ въ Парижѣ сочиненіе подъ заглавіемъ „Rabelais et son oeuvre“; *А. А. фонъ-Видертъ* — приготовилъ къ печати: новое изданіе стихотвореній Кольцова (на нѣмецкомъ языкѣ), дополненное и исправленное, съ приложеніемъ статьи „О значеніи русскихъ пѣсней Кольцова въ обще-европейской литературѣ“ (на русскомъ языкѣ), „Бюргеръ, народный поэтъ Германіи XVIII вѣка“ и замѣтку по поводу двухъ біографій, на русскомъ языкѣ; *К. И. Тернеръ* — напечаталъ въ лондонскомъ журналѣ Athenaeum нѣсколько разборовъ новыхъ книгъ; *Мирза-Шафи-Гашигъ* — приготовилъ къ печати Персидскую грамматику на персидскомъ языкѣ съ переводомъ на французскій; *Никол. Доржневъ* — приготовилъ къ печати разговоры на народномъ монголо-бурятскомъ языкѣ; преподаватели: *И. И. Захаровъ* — занимался составленіемъ и печатаніемъ Маньчжурской грамматики; *Ниси-Токузеро* — напечаталъ статью „Взглядъ на реформы въ Японіи“; приватъ-доценты: *К. Д. Бобылевъ* — напечаталъ въ Журналѣ русскаго химическаго общества: а) замѣтку о нѣкоторыхъ изометрическихъ поверхностяхъ вращенія, б) о распредѣленіи электричества въ проводникахъ, находящихся въ неограниченной діэлектрической средѣ, в) о силахъ, движущихся между наэлектризованными проводниками, находящимися въ діэлектрической жидкости, г) о теоремѣ Ливилля въ электродинамикѣ, и въ журналѣ Repertorium der Physik von Carl — „Ueber die Gestalt und die Lage der interferenzstreifen in Tamin's interferenzapparat“; *К. А. Поссэ* — напечаталъ въ журналѣ Nouveles Annales de Mathematique — статью „Sur les quadratures“ и въ журналѣ Jahrbuch der Fortschritte der Mathematik von C. Ortmann — рефераты по сочиненіямъ, изданнымъ въ

Россіи по части математики и механики; *Н. И. Бакстъ* — окончилъ первую часть обширнаго изслѣдованія „О механизмахъ инерваціи сердца“, которая печатается въ Мемуарахъ Саксонской академіи; *А. Брандтъ* — напечаталъ въ Бюллетенѣ академіи наукъ статью „Zur Kenntniss der weiblichen Sexualdrusen der Insecten“, которая составляетъ предварительное сообщеніе къ обширной работѣ, печатаемой въ Извѣстіяхъ Московскаго общества любителей естествознанія, подъ заглавіемъ „Сравнительныя изслѣдованія надъ яйцевыми трубочками и яйцомъ насѣкомыхъ“; *О. А. Гриммъ* — напечаталъ „Объ искусственномъ разведеніи стерлядей“ и переводъ съ дополненіями руководства Экснера „Къ микроскопическому изслѣдованію животныхъ тканей“ и печатаетъ первую часть „Изслѣдованія Каспійскаго моря и его фауны“ и переводъ „Основъ сравнительной анатоміи“ Гогенбауера — Публичныя лекціи въ помѣщеніи Владимірскаго уѣднаго училища читали слѣдующія лица: профессора: Бекетовъ — по ботаникѣ, Бауеръ — по новой исторіи, Бестужевъ-Рюминъ — по русской исторіи, Веселовскій — по исторіи итальянской латературы, приватъ-доцентъ Гриммъ — по зоологіи и лаборантъ Боргманъ — по физикѣ.

Совѣтъ С.-Петербургскаго университета имѣлъ въ теченіе 1875 года 14 засѣданій. Утверждены въ степени доктора — магистры: *Иванъ Бодуэнъ-де-Куртензъ* — сравнительнаго языкованія и *Клементій Тимирязевъ* — ботаники, а преподаватель *И. Н. Захаровъ*, пріобрѣвшій извѣстность своими учеными трудами, возведенъ въ степень доктора манчжурской словесности. Утверждены въ степени магистра: доцентъ Варшавскаго университета *Юсіфъ Перволюкъ* — славянской филологіи, кандидаты *Дмитрій Бяляевъ* и *Леопольдъ Воеводскій* — греческой словесности, докторъ философіи Іенскаго университета *Владиміръ Ковалевскій* — геогнозіи и минералогіи, кандидатъ *Иванъ Дитятинъ* — государственнаго права и кандидатъ *Карль Залеманъ* — персидской словесности. Въ степени кандидата и званіи дѣйствительнаго студента утверждено: кандидата — 144, въ томъ числѣ по историко-филологическому факультету — 17, по физико-математическому — 40, по юридическому — 84, по факультету восточныхъ языковъ — 3; дѣйствительнаго студента — 57, именно: по историко-филологическому факультету — 2, по физико-математическому — 8, по юридическому — 45, по факультету восточныхъ языковъ — 2. Для приготовленія къ профессорскому званію находились за-границею, на счетъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, магистры: *Дмитрій Бяляевъ* — по древней филологіи, *Модестъ Богдановъ* — по зоологіи и *Иванъ Шмальгаузенъ* — по ботаникѣ.

Для приготовления къ экзамену на степень магистра состояло при университетѣ стипендіатовъ: а) на счетъ общей стипендіальной суммы университета—12, на счетъ суммъ министра народнаго просвѣщенія—3, на счетъ различныхъ учреждений—2, на счетъ жертвуемой частнымъ лицомъ суммы—5. Съ этою же цѣлю оставлено при университетѣ безъ стипендій—15 кандидатовъ.

Командированы были съ ученою цѣлю слѣдующіе преподаватели: заслуженный профессоръ *Кесслеръ*, для ихтіологическихъ изысканій на Кавказѣ и для присутствованія, въ качествѣ депутата отъ университета, на празднованіи 25-тилѣтняго юбилея Кавказскаго общества сельскаго хозяйства. Ученою цѣлю путешествія было—возможно близкое ознакомленіе съ рыбами, водящимися въ бассейнахъ рѣкъ Ріона, Куры и Аракса. Въ путешествіи этомъ профессоромъ Кесслеромъ сдѣлано много интересныхъ зоологическихъ наблюденій и собраны очень значительныя коллекціи птицъ, пресмыкающихся, рыбъ, моллюсковъ и раковъ, которыя переданы въ университетскій зоологическій кабинетъ; профессоръ *Янсонъ*—въ Парижъ, для участія на бывшемъ тамъ международномъ географическомъ конгрессѣ и географической выставкѣ. Г. Янсонъ состоялъ въ качествѣ жюри 5-й секціи международнаго географическаго конгресса и въ этой же секціи былъ предсѣдателемъ 2 засѣданія; профессоръ *Вреденъ*—въ Парижъ, для участія въ этомъ же конгрессѣ; экстраординарный профессоръ *Минаевъ*, возвратившійся въ концѣ 1875 года изъ двухлѣтней командировки, успѣлъ въ это время совершить весьма интересную поѣздку. Онъ началъ свое путешествіе съ острова Цейлона и въ продолженіе семи мѣсяцевъ успѣлъ объѣхать весь островъ. Главною его задачею былъ осмотръ буддійскихъ монастырскихъ библіотекъ и наглядное знакомство съ архитектурными памятниками, во множествѣ разсѣянными по всему острову. Встрѣчая вездѣ въ монастыряхъ радушный пріемъ и самую предупредительную помощь, профессоръ Минаевъ могъ, при содѣйствіи монаховъ, осмотрѣть наиболѣе важныя книгохранилища, а также пріобрѣсти списки нѣкоторыхъ весьма любопытныхъ и въ Европѣ неизвѣстныхъ литературныхъ памятниковъ. При осмотрѣ архитектурныхъ памятниковъ онъ обращалъ особенное вниманіе на собраніе надписей, изъ которыхъ весьма многія относятся къ IV и III вѣку до Р. Хр. Ту же цѣль, археологическо-литературную, г. Минаевъ преслѣдовалъ во время путешествія по сѣверной Индіи. Имѣя въ своемъ распоряженіи только одинъ годъ, онъ объѣхалъ часть Бенгальскаго резидентства, главнымъ образомъ Бикаръ,

Непальскую долину, древнее вудское царство, Камаонъ, Гарванъ (британскій и независимый), Пенджабъ и Ражпутану. И въ Непалѣ, особенно же въ посѣщенныхъ имъ британскихъ владѣніяхъ, онъ старался сходиться съ народомъ, для ознакомленія съ ихъ мѣстными говорами и устною литературою. Всюду, и даже въ Непалѣ, эти попытки не остались безъ результатовъ. Несмотря на крайнюю подозрительность независимаго правительства, г. Минаеву удалось найти въ Непалѣ очень древнюю хронику Непальскаго царства, сдѣлать тамъ собраніе пѣсенъ и нѣкотораго иного матеріала, какъ для изученія языка, такъ и мѣстнаго буддизма. Въ Пенджабѣ и Ражпутанѣ, по недостатку времени, онъ долженъ былъ обратить исключительное вниманіе на ознакомленіе съ любопытною сектою жайновъ, владѣющею громадною и очень древнею литературою. Доцентъ *Смирновъ* командированъ былъ, на 4 мѣсяца, въ Константинополь. Время это онъ употребилъ: а) на посѣщеніе турецкихъ библиотекъ съ цѣлію отысканія какихъ-либо матеріаловъ касательно исторіи Крыма, б) на посѣщеніе высшихъ и другихъ учебныхъ заведеній, на обзоръ нѣкоторыхъ образовательныхъ учреждений, какъ-то музеевъ, выставокъ и проч. а также на сношеніе съ нѣкоторыми, пользующимися у Турокъ репутаціею ученыхъ и образованныхъ людей, лицами, для ближайшаго ознакомленія съ современнымъ состояніемъ школьной науки и литературной образованности Константинопольскихъ Турокъ. Независимо отъ этого, постоянное обращеніе съ Турками само по себѣ составляло цѣль его поѣздки, въ видахъ провѣрки теоретическихъ научныхъ данныхъ путемъ наблюденія надъ фактами разговорной османской рѣчи. Доцентъ баронъ *Розенъ* командированъ былъ для сличенія и списанія нѣкоторыхъ рукописей, хранящихся въ Британскомъ музеѣ и Оксфордскихъ библиотекахъ. Лаборантъ химической лабораторіи *Шмидтъ* — для ознакомленія съ порядкомъ веденія дѣлъ въ лучшихъ вновь устроенныхъ заграничныхъ лабораторіяхъ.

По финансовой смѣтѣ къ отпуску изъ государственнаго казначейства на содержаніе С.-Петербургскаго университета ассигновано было 352,008 руб. 85 коп., именно: на содержаніе личнаго состава — 200.233 руб., на хозяйственныя расходы и учебныя пособія — 77.350 руб., на стипендіи и пособія студентамъ — 74.425 руб. 85 коп. Специальныя средства университета находились въ слѣдующемъ положеніи: остаточныхъ отъ 1874 года — 19.421 руб. 94¹/₂ коп.; въ теченіе 1875 года поступило — 39.037 руб. и перечислено изъ суммы на содержаніе личнаго состава, для вознагражденія приватъ-доцен-

товъ—4.000; израсходовано въ 1875 году—33.442 руб. 5 коп.; затѣмъ въ остаткѣ къ 1876 году—29.016 руб. 89¹/₂ коп. Главныя статьи расхода изъ специальныхъ средствъ были слѣдующія: на содержаніе сверхштатныхъ преподавателей и приватъ-доцентовъ—10.599 руб. 99 коп., на напечатаніе сочиненій преподавателей и диссертаций на ученые степени—6.408 руб. 25 коп., на ученые командировки и путешествія—5.250 руб., двухпроцентнаго вычета въ пользу ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія—780 руб. 74 коп., на изготовленіе медалей, на медицинскую часть, пособия на погребенія, расходы по кабинетамъ, лабораторіямъ и канцеляріи—11.183 руб. 81 коп.

Студентовъ къ 1-му января 1875 года состояло на лицо—1,123; въ теченіе года вновь поступило—494 (изъ казенныхъ гимназій—240, изъ частныхъ гимназій—8, изъ духовныхъ семинарій—154, изъ училищъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій—3, изъ Гатчинскаго Николаевскаго института—4, изъ Гатчинскаго Николаевскаго Института—4, изъ Нижегородскаго Александровскаго института—2, изъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ—1, изъ училища правовѣдѣнія—3, изъ Александровскаго лицея—1, изъ лицея цесаревича Николая—3, изъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи—1, изъ другихъ университетовъ—37, изъ бывшихъ студентовъ С.-Петербургскаго университета—36); вышло: до окончанія курса—237 (по прошеніямъ—119, за смертію—5, за невнесеніемъ платы—62, за неуспѣшностію—13, выслушавшихъ полный университетскій курсъ, но не державшихъ окончательнаго испытанія—38), по окончаніи курса—231; затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось—1.149, которые распредѣлены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ—138, на юридическомъ—551 (по разряду юридическихъ наукъ—514, по разряду административныхъ наукъ—37), на физико-математическомъ—416 (по разряду математическихъ наукъ—187, по разряду естественныхъ наукъ—229), на факультетѣ восточныхъ языковъ—44. Постороннихъ слушателей къ 1-му января 1876 года было—76. Изъ числа 1.123 студентовъ въ первой половинѣ 1875 года освобождено было вполнѣ отъ взноса платы—358 и освобождено отъ взноса половинной платы—39 студентовъ; во второй половинѣ 1875 года освобождено отъ взноса платы изъ числа 1.149 студентовъ—328 и отъ взноса половинной платы—30 студентовъ. Стипендіями казенными и на счетъ пожертвованныхъ суммъ пользовались 357 студентовъ на сумму болѣе 84 т.

руб. На пособія студентамъ произведены были выдачи на 3.939 руб. 72 коп., въ размѣрѣ отъ 10 до 70 рублей.

Учебно-вспомогательныя учрежденія С.-Петербургскаго университета къ 1-му января 1876 года находились въ слѣдующемъ положеніи: Въ университетской библіотекѣ состояло 51,073 сочиненія въ количествѣ 119,654 волюмовъ, цѣнностію на 266,968 руб.; въ томъ числѣ; книгъ русскихъ — 20,310 волюмовъ, книгъ на иностранныхъ языкахъ—80,779, періодическихъ изданій: русскихъ—5,848 волюмовъ и иностранныхъ—11,296 волюмовъ, рукописей на русскомъ языкѣ—220, на иностранныхъ языкахъ — 715; плановъ, гравюръ, эстамповъ и рисунковъ — 486. Для наблюденія за правильнымъ ходомъ дѣлъ библіотеки составлена изъ членовъ совѣта особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ профессора Совѣтова, а для обревизованія библіотеки назначена также особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ профессора Андриѣвскаго. Въ кабинетѣ практической механики: приборовъ 38, моделей, коллекцій чертежей—52, справочныхъ книгъ—204 тома въ 246 экзѣмплярахъ, всего на сумму 9,346 руб. 26 коп. Кабинетъ имѣетъ двоякую цѣль: служить пособіемъ при изученіи статики и практической механики, и доставлять средства для научныхъ работъ на практической механикѣ. По отношенію къ первой цѣли, кабинетъ доставляетъ нынѣ большой ресурсъ инструментовъ, моделей, чертежей и справочныхъ книгъ для лекцій статики и практической механики. Наиболѣе трудные чертежи и модели изъ кинематики изготовлены подъ наблюденіемъ профессора Окатова, частію въ самомъ кабинетѣ, частію въ здѣшнихъ мастерскихъ, частію въ Парижѣ, Берлинѣ и Цюрихѣ. Принадлежащіе университету разные астрономическіе и геодезическіе инструменты сохраняются въ астрономической обсерваторіи; число ихъ — 16, цѣнностію на 4,500 руб. Въ физическомъ кабинетѣ приборовъ и инструментовъ — 676, всего на сумму 28,645 руб. Кабинетъ этотъ въ 1874—75 академическомъ году перенесенъ въ новое, находящееся на дворѣ университета, помѣщеніе въ зданіи, ему принадлежащемъ. Новое помѣщеніе представляетъ болѣе простора и гораздо болѣе удобствъ для занятій, чѣмъ прежде. Въ немъ есть отдѣльныя комнаты для спеціальныхъ занятій магистрантовъ, лаборантовъ и преподавателей физики при университетѣ; въ немъ есть также комнаты для практическихъ занятій подъ руководствомъ лаборантовъ и профессора. Остается желать, чтобы его коллекціи пополнились надлежащимъ образомъ, а въ особенности, чтобы было значительное число приборовъ въ двухъ и

трехъ экземплярахъ для студенческихъ занятій. Въ химической лабораторіи—4,206 номеровъ на сумму 15,332 руб. 82¹/₂ коп. Въ технической лабораторіи—619 номеровъ приборовъ, на 3,687 руб. 53 коп. Въ минералогическомъ кабинетѣ—9,321 номеръ, въ числѣ 9,230 экземпляровъ, на сумму 14,120 руб. Въ геологическомъ и палеонтологическомъ кабинетѣ: окаменѣлостей русскихъ—3,961 экземпляръ, заграничныхъ—897 экземпляровъ, горныхъ породъ русскихъ—454, заграничныхъ—1,516, приборовъ—20 и книгъ—605, всего цѣнностію на 12,303 руб. Въ ботаническомъ кабинетѣ: микроскоповъ—19, стѣнныхъ таблицъ для лекцій—100, гелиостатъ Зильбермана—1, приборъ Найта—1, живыхъ растений въ саду и оранжереѣ—4,500 экземпляровъ, въ гербаріи—5,000 экземпляровъ, всего на сумму 17,803 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ: сухихъ препаратовъ—480 на 2,895 руб., спиртовыхъ препаратовъ—220 на 275 руб., микроскоповъ—10 на 1.177 руб., мелкихъ инструментовъ—140, коллекція мелкихъ бразильскихъ калибри въ числѣ 53 экземпляровъ, коллекція русскихъ птицъ преимущественно С.-Петербургской губерніи въ количествѣ 170 экземпляровъ, коллекція хивинскихъ животныхъ и коллекція разнообразныхъ Средиземноморскихъ моллюсковъ и червей,— всего на 4,743 рубля 45 копѣекъ. Въ физиологическомъ кабинетѣ всего имущества имѣлось въ наличности на 6,487 рублей 84 коп. Въ агрономическомъ кабинетѣ—686 препаратовъ, моделей, книгъ и другихъ предметовъ. Въ 1875 году кабинетъ приобрѣлъ богатую коллекцію шерстей отъ доцента Берлинскаго университета Гартмана. Эта коллекція состоитъ изъ 12 витринъ, содержащихъ въ себѣ 334 образца шерсти. Въ ней собрана шерсть всѣхъ породъ овецъ, разводимыхъ не только во всѣхъ странахъ Европы, но и въ Азіи, Америкѣ, Африкѣ и Австраліи. Въ основаніе классификаціи шерстей Гартманомъ приняты виды употребленія шерсти. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей—1,507 томовъ археологическихъ сочиненій; монетъ: золотыхъ—28, серебряныхъ—2,797, мѣдныхъ—2,173, бронзовыхъ—1, всего въ музеѣ на 18,780 руб. Въ мюнцъ-кабинетѣ—8,971 монета и медаль на 13,300 руб.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Продолжаемъ обзоръ состоянія народныхъ училищъ Владимірской губерніи по свѣдѣніямъ за первую половину 1876 года.

По Александровскому уѣзду изъ 28 училищъ насчитывается по

успѣхамъ 9 весьма хорошихъ и 8 весьма слабыхъ; изъ остальныхъ въ 6 успѣхи могутъ быть названы порядочными, а въ прочихъ 5—неудовлетворительными. Въ училищахъ въ селлахъ Никульскомъ, Макаровѣ и въ деревнѣ Павловичахъ, содержимыхъ на средства земства, учебная часть поставлена правильно и хорошо: дѣти по всѣмъ предметамъ разумно, толково и послѣдовательно передаютъ пройденное. Въ Никульскомъ преподаетъ священникъ Чижовъ, и его училище во всемъ уѣздѣ—лучшее изъ всѣхъ, содержимыхъ духовенствомъ. Въ Макаровѣ учителемъ студентъ Владимірской семинаріи Извольскій, очень удовлетворительно ведущій учебную часть, а въ Павловичахъ учитель Орловъ, благодаря серьезному взгляду на свои обязанности и тому опыту, который онъ успѣлъ приобрести, будучи нѣкоторое время учителемъ въ Западномъ краѣ, неутомимъ по усердію и очень хорошо ведетъ учебное дѣло. Въ селѣ Дубровѣ по закону Божію священникъ Пospѣловъ и учитель Райпольскій сдѣлали очень много хорошаго въ короткій срокъ существованія училища: оно открыто лишь въ ноябрѣ 1874 года, а познанія учениковъ очень удовлетворительны по всѣмъ предметамъ. Затѣмъ идутъ училища въ Воскресенскѣ, Александровской слободѣ, Коробановѣ, Новоселѣ-Кудринской и Шеметовѣ, которыя содержатъ на свой счетъ г. Барановъ и щедро оплачиваетъ преподавателей. Въ Воскресенскѣ мѣстному священнику Покровскому жалованья полагается 100 р., а учительницѣ 700 р., но школа оставалась въ продолженіе 8 мѣсяцевъ безъ учителя; съ занятіемъ вакансіи съ января мѣсяца г-жею Калачевскою, не смотря на непродолжительное время занятій, ученики оказали успѣхи по всѣмъ предметамъ. Преподавательница, обладающая педагогическимъ тактомъ, умѣетъ держать школу въ хорошемъ порядкѣ. Въ Александровской слободѣ законоучителемъ священникъ Радугинъ, учительницей г-жа Силина, получающая 800 р.; учащихся 45 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ. Преподаваніе идетъ вообще правильно и способствуетъ развитію дѣтей; но выборъ статей для чтенія дѣлается наставницею преимущественно по естественной исторіи, и потому для уравниванія сообщаемыхъ свѣдѣній преподавательницѣ предложено выбирать также статьи по исторіи и географіи. Въ Коробановѣ училище состоитъ изъ двухъ отдѣленій; въ старшемъ учится 35 мальчиковъ, а въ младшемъ 135, которые раздѣлены на 4 смѣны. Законоучитель священникъ Пospѣловъ получаетъ 300 р., учитель Клыковъ, имѣющій званіе учителя уѣзднаго училища по предметамъ исторіи и географіи и состоявшій на этой должности въ Верейскомъ уѣздномъ училищѣ около 2-хъ

лѣтъ, состоитъ на окладѣ 1200 р. Преподаваніе идетъ очень хорошо, въ особенности по Закону Божію; по русскому языку и ариметикѣ отвѣты дѣтей отличаются сознательностью; въ нравственномъ направленіи училище поставлено прекрасно. Въ Новоселкѣ-Кудринской священникъ Елпатьевскій, который получаетъ 120 р., не только преподаетъ Законъ Божій, но заботливо слѣдитъ и за воспитательною частію училища и въ этомъ отношеніи оказываетъ видимое вліяніе на учащихся. Преподавательницей, съ жалованьемъ 800 р., состоитъ г-жа Опалина и ведетъ свое дѣло съ полнымъ успѣхомъ. Всѣхъ учащихся здѣсь 43 мальчика и 7 дѣвочекъ. Въ Шеметовѣ Закону Божію обучаетъ священникъ Минервинъ, получающій по 1 руб. за урокъ; прочимъ предметамъ обучаетъ учительница Александрова, кончившая курсъ въ Московской женской гимназій, и получаетъ окладъ въ 800 р. Учащихся 50 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ, которые по познаніямъ дѣлятся на три группы. Отвѣты учениковъ, особливо старшей группы, по всѣмъ предметамъ отличаются обдуманностью и отчетливостью; но на внѣшній порядокъ школы, къ сожалѣнію, обращается слишкомъ мало вниманія: учащіеся являются въ грязной, оборванной одеждѣ, съ грязными лицами и отвѣчаютъ посѣтителемъ, сидя. Состоящая при г-жѣ Александровой помощница, опредѣленная на эту должность лично г. Барановымъ, оказалась неудовлетворительною, почему г. инспекторъ просилъ г-жу Александрову не допускать ее до преподаванія. Въ Махринскомъ училищѣ учительницею состоитъ г-жа Кузьмина, получающая также отъ г. Баранова 700 р., а законоучителемъ священникъ Соловьевъ на жалованьи 100 р. Училище это при 42 мальчикахъ и 12 дѣвочкахъ идетъ очень слабо по всѣмъ предметамъ; правда, что до поступленія г-жи Кузьминой училище въ продолженіе 8 мѣсяцевъ оставалось безъ учителя, но и нынѣшняя преподавательница, по наблюденію г. инспектора, не имѣетъ прочныхъ и основательныхъ свѣдѣній по предметамъ, входящимъ въ курсъ начальнаго народнаго училища и не обладаетъ педагогическимъ тактомъ. Также, какъ въ Махрѣ, слабо ученіе идетъ въ школахъ селъ Яма, Шаропова, Покрова, Никольскаго, Шимахтина, Скоморохова, Малыгина. Почти во всѣхъ этихъ училищахъ наставниками состоятъ священники, изъ которыхъ многіе сами сознавались, что при всемъ усердіи одно лицо совершенно не въ состояніи исполнять въ одно и то же время обязанности и священника, и наставника безъ ущерба которой-либо одной изъ нихъ. Въ школѣ въ с. Александровѣ, содержимой на счетъ г-жи Барановой, которая жертвуетъ

на этотъ предметъ до 1000 р., а также въ Мячковѣ, гдѣ учитъ г-жа Есипова, особенно хорошо идетъ русскій языкъ; въ послѣднемъ успѣшно преподается и ариметика, равно какъ въ училищахъ Баринскомъ и Константиновскомъ. Законъ Божій особенно хорошо и толково ведется въ Зиновьевѣ и Корелѣ. Въ Андреевскомъ училищѣ законоучителемъ и учителемъ состоялъ одинъ студентъ Владимірской семинаріи, но такъ какъ онъ преподавалъ Законъ Божій неудовлетворительно, то г. инспекторъ возложилъ обученіе этому предмету на мѣстнаго священника. Въ с. Опаринѣ училище открыто въ 1873 году стараніями мѣстнаго церковнаго причта, въ которомъ одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ Садиковъ обучаетъ Закону Божию, другой священникъ Ястребцовъ—чтенію, а діаконъ Покровскій—аритметикѣ; учащихся 27 мальчиковъ и одна дѣвочка, которые раздѣлены на три группы. Познанія старшей группы удовлетворительны по Закону Божию и по чтенію; въ аритметикѣ дѣти овладѣли только механизмомъ четырехъ правилъ. Не получая ни съ какой стороны пособія, училище со дня открытія содержится на счетъ основателей, на средства которыхъ приобрѣтаются книги, бумага, перья и проч.; при осмотрѣ училища, преподаватели объявили, что они намѣрены прекратить занятія, если земство не окажетъ какого-либо пособія скромному ихъ училищу; въ виду такого заявленія, г. инспекторъ отнесся въ училищный совѣтъ, прося объ изысканіи средствъ на поддержку этого училища, столь необходимаго для той мѣстности. Въ Большихъ-Вескахъ учащихся 35 мальчиковъ, но во время осмотра училища въ мартѣ мѣсяцѣ, на лицо было лишь 10, потому что, по словамъ учителя, мальчики ужъ начали помогать своимъ семействамъ въ домашнихъ работахъ. Ученики раздѣлены на двѣ группы, и изъ 5 старшей группы только одинъ отвѣчалъ порядочно изъ всѣхъ предметовъ; остальные очень слабы, такъ что, сравнительно, младшіе идутъ успѣшнѣе старшихъ, такъ какъ послѣдніе до поступленія въ школу обучались у такъ-называемыхъ мастеровъ, и учителю приходится много трудиться надъ исправленіемъ недостатка прежняго ученія. Въ Макаровѣ, гдѣ обучается 8 мальчиковъ и 3 дѣвочки, мѣстный священникъ заболѣлъ и съ великаго поста прекратилъ занятія по училищу. Училища Александровскаго уѣзда снабжены книгами и разными учебными пособиями вообще весьма не ровно; въ иныхъ, и именно содержимыхъ на средства г. Баранова, ихъ въ избыткѣ, тогда какъ другія училища терпятъ крайній недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ книгахъ; выборъ книгъ для земскихъ школъ, произво-

димый г. Барановымъ, какъ членомъ мѣстнаго училищнаго совѣта, не всегда удовлетворителенъ. Большая часть училищъ помѣщается удобно и хорошо, и многимъ изъ нихъ помѣщеніе нанимается на счетъ г. Баранова, тогда какъ жалованье учителямъ идетъ отъ земства; въ селѣ Дубровѣ училище помѣщается въ наемномъ домѣ за 50 р., которые платитъ учитель изъ своего 200-рублеваго жалованья; въ Зиновьевѣ и Скомороховѣ школы помѣщаются однако въ кухняхъ при домѣ священниковъ; въ с. Махрѣ училище состоитъ изъ двухъ комнатъ, отдѣленныхъ одна отъ другой холодными сѣнями, что препятствуетъ наблюденію за занятіями учащихся; въ с. Поминовѣ училище, находясь при домахъ священника Явканскаго, которому земство платитъ 100 р., имѣетъ помѣщеніе очень темное и тѣсное, но еслибы земство не поскупилось затратить небольшую сумму на починку того дома, который выстроенъ мѣстнымъ сельскимъ обществомъ на церковной землѣ для помѣщенія богадѣльни, то школа учень удобно могла бы помѣститься въ томъ же довольно просторномъ домѣ.

23-го іюня 1875 года происходило испытаніе въ двухклассномъ образцовомъ училищѣ въ селѣ Васильевскомъ, Шуйскаго уѣзда. Въ училищѣ этомъ 79 мальчиковъ, изъ коихъ 23 во второмъ и 56 въ первомъ классѣ. Вслѣдствіе испытанія, изъ 15 учениковъ старшаго отдѣленія перваго класса признаны достойными перевода въ слѣдующій классъ 10 мальчиковъ, а изъ 7 учениковъ старшаго отдѣленія втораго класса окончили полный курсъ ученія 5. Преподавателями училища состоятъ: священникъ Благосклоновъ, старшій учитель студентъ Владимірской семинаріи Любимовъ, который обучаетъ географіи съ исторіей во второмъ классѣ и ариѳметикѣ въ обоихъ классахъ, и младшій учитель, также студентъ Владимірской семинаріи, Виноградовъ, обучающій русскому языку и пѣнію въ обоихъ классахъ. При преподаваніи всѣ наставники строго держались программы, изданной министерствомъ народнаго просвѣщенія для сельскихъ и низшихъ училищъ, и старались въ точности выполнить ее, чего съ полнымъ успѣхомъ достигъ преимущественно законоучитель. Отвѣты учениковъ при испытаніи изъ Закона Божія по всѣмъ частямъ этого предмета были вполне основательны, благодаря усердію и педагогической опытности наставника. За то изъ русскаго языка познанія учениковъ оказались не въ такой степени удовлетворительными, какъ слѣдовало ожидать отъ пятилѣтняго курса ученія. Ученики путемъ совершенно практическимъ довольно хорошо ознакомлены съ правилами этимологіи и синтаксиса, но у нихъ замѣтенъ недостатокъ навыка къ выразительному

ченію, къ правильному и связному изложенію на письмѣ не только своихъ мыслей, но и содержанія прочитаннаго. Такъ, при испытаніи была прочитана ученикамъ басня Крылова для письменнаго изложенія, и изъ 7 учениковъ, экзаменовавшихся на право полученія свидѣтельства объ окончаніи курса, почти ни у одного не оказалось работы вполнѣ удовлетворительной. Равнымъ образомъ и изъ ариметики тѣмъ же ученикамъ заданы были двѣ письменныя задачи и требовалось объяснить самый способъ рѣшенія; при повѣркѣ оказалось, что хотя пятеро рѣшили задачи вѣрно, но ни одинъ не могъ дать требуемое объясненіе, такъ какъ они не были къ тому приучаемы. Вообще преподаваніе ариметики идетъ довольно слабо сравнительно съ другими предметами. Успѣхи учениковъ по исторіи и географіи оказались порядочными, а на экзаменѣ отвѣты ихъ были довольно полны и осмысленны, благодаря объяснительному чтенію историческихъ и географическихъ статей изъ книги Водовозова, которая собственно принята въ руководство при обученіи русскаго языка. Въ нравственномъ отношеніи училище находится въ отличномъ состояніи: наставники своимъ безукоризненнымъ поведеніемъ и дружескимъ согласіемъ между собою подають добрый примѣръ ученикамъ. Помѣщеніе училища содержится опрятно и пока не требуетъ никакихъ исправленій. Библіотека удовлетворительна и по мѣрѣ денежныхъ средствъ постепенно пополняется новыми книгами и учебными пособиями.

Въ Судогодскомъ уѣздѣ всего 15 училищъ; изъ нихъ 2 городскихъ, а остальные 13 сельскихъ, изъ которыхъ 10 получаютъ пособіе отъ земства и 3 отъ частныхъ лицъ; сельскія же общества только 4 училищамъ дають средства на содержаніе, и то въ очень ограниченномъ размѣрѣ, всего 390 руб. 87 к. Изъ числа частныхъ лицъ, которыя оказываютъ содѣйствіе народному образованію въ уѣздѣ изъ своихъ средствъ, должно назвать въ особенности учредителя Нечаевского училища, г. Касаткина, который ежегодно жертвуетъ на него до 900 р., и попечителя Тучковской школы, ковровскаго купца Герасимова, который построилъ прекрасный домъ подъ школу съ меблированной квартирою для учителя, прибавилъ 50 р. въ годъ ему на жалованье и обѣщаетъ оказать училищу еще новое денежное пособіе; попечители училищъ Ярцевскаго — купецъ Федоровскій, Дубасовскаго — потомственный почетный гражданинъ Комисаровъ и Тихановскаго — крестьянинъ Иванъ Ильичевъ, устроили на свой счетъ училищныя помѣщенія и пополняютъ своими средствами ихъ недостатки; московскій купецъ Кузнецовъ, купившій и отстроив-

шій домъ въ с. Славцевѣ для Крестовоздвиженскаго сельскаго училища, также пожелалъ содержать его на свой счетъ. Въ учебномъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ Судогодское двухклассное городское училище; къ сожалѣнію, продолжительная и опасная болѣзнь опытнаго учителя г. Яхонтова заставила его на время прекратить школьныя занятія, а другому учителю при всемъ стараніи невозможно было вести съ равнымъ успѣхомъ всѣ предметы въ обоихъ классахъ. Затѣмъ, весьма успѣшно идетъ ученіе въ школахъ Нечаевской, Ярцевской и Новониколаевской; остальные же сельскія училища гораздо слабѣе, что можно объяснить частою перемѣною учителей, получавшихъ весьма незначительное содержаніе, и притомъ не своевременно; по ходатайству училищнаго совѣта, съ 1875 года земство назначило учителямъ жалованье въ размѣрѣ 150 р., и сверхъ того при многихъ школахъ имѣются для нихъ готовыя квартиры. Что касается помѣщеній школьныхъ, то они почти вездѣ, за исключеніемъ Дубавскаго, имѣющагося быть перестроеннымъ, удобны и просторны. Всѣ училища снабжены достаточнымъ количествомъ учебниковъ. Кромѣ постоянныхъ школъ, въ уѣздѣ есть еще четыре временныя, существующія лишь въ зимнее время, и притомъ не всегда въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Такъ, въ деревнѣ Синцовѣ обучалось 7 мальчиковъ и 3 дѣвочки, въ Избицахъ—10 мальчиковъ и въ двухъ деревняхъ Васильевыхъ, въ одной—10 мальчиковъ, а въ другой—6 мальчиковъ. Отдаленность деревень отъ училищъ даетъ возможность пришлымъ грамотнымъ крестьянамъ, отставнымъ солдатамъ, мѣщанамъ, брать на себя обязанность учителей, и если набирается достаточное число дѣтей, эти учителя поселяются на всю зиму и подражаются выучить дѣтей читать (преимущественно по церковному) и писать, за что родители учениковъ прокармливаютъ ихъ, и кромѣ того, вознаграждаютъ 2, 3 рублями за зиму. Въ трехъ первыхъ деревняхъ занимались обученіемъ грамотные крестьяне, а въ послѣдней—ковровскій мѣщанинъ, обучившій дѣтей только церковному чтенію.

Въ Ковровскомъ уѣздѣ 20 училищъ, не включая сюда школы при желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. На счетъ городского общества содержится одно, на счетъ земства—9, сельскими обществами содержится 5, и затѣмъ 5 частныхъ школъ существуютъ частью на счетъ учащихся, частью на счетъ самихъ преподавателей. Изъ нихъ лучшими по устройству и успѣхамъ преподаванія можно считать городское (93 мальчика и 38 дѣвочекъ), гдѣ, кромѣ законоучителя священника, преподаютъ еще два учителя, а также сельскія—Алексин-

ское, Бѣльковское, Финляндское, Березовецкое (содержимыя отъ земства) и Череецкое (содержимое отъ обществъ и частныхъ лицъ). Наряду съ этими училищами есть нѣсколько и такихъ, въ которыхъ преподаваніе ведется на старинный ладъ, то есть, дѣтей учатъ только церковному чтенію и лишь немного гражданскому и письму: такъ, въ училищахъ Воскресенскомъ, Назарьевскомъ, Хотимльскомъ и Хоздниковскомъ, изъ которыхъ два первыя содержатся сельскими обществами, а два послѣднія—частныя. Главнымъ двигателемъ народнаго образованія въ Ковровскомъ уѣздѣ является духовенство: большинство училищъ открыто его заботами, притомъ большею частью безкорыстными; изъ числа ихъ назовемъ священника с. Ряполова Николая Васильевича Соловьева, который основалъ здѣсь частную школу въ 1872 году и обучаетъ въ ней 21 мальчика и 14 дѣвочекъ (школа помѣщается въ наемномъ домѣ удобно и просторно за 15 р., и родители учениковъ только отопляютъ школу), и священника с. Зименковъ Авксентія Алексѣевича Рождественскаго, также имѣющаго школу въ своемъ приходѣ. Въ виду полезной и безкорыстной дѣятельности этихъ лицъ, училищный совѣтъ обратился къ мѣстному земству съ ходатайствомъ объ отпускѣ содержанія на школы въ названныхъ селахъ. Вообще должно замѣтить, что Ковровское земство не вполне разчетливо распредѣляетъ свои расходы на народное образованіе: оно затрачиваетъ въ 8 школахъ 1600 р. на жалованье и 1140 р. на наемъ квартиръ, отопленіе и другіе предметы; между тѣмъ, еслибъ эти послѣдніе расходы было предложено взять на себя сельскимъ обществамъ тѣхъ деревень, гдѣ находятся училища, а земскія средства шли бы преимущественно на жалованье учителямъ, то и число училищъ въ уѣздѣ могло бы быть увеличено. Кромѣ постоянныхъ школъ, въ уѣздѣ было и 2 временныхъ — въ селѣ Ряхахъ, гдѣ два отставные солдата, подъ наблюденіемъ мѣстнаго священника, обучали 22 мальчика.

Въ Меленковскомъ уѣздѣ существуютъ 18 училищъ; изъ нихъ 16 поставлены прочно, благодаря просвѣщенной дѣятельности председателя училищнаго совѣта и уѣздной земской управы, В. С. Мингалова; этимъ училищамъ земство даетъ пособіе въ размѣрѣ 150 руб. каждому на жалованье учителю съ тѣмъ, чтобъ общество, имѣющее у себя училище, давало для него помѣщеніе и отопленіе; вмѣстѣ съ тѣмъ земство предложило желающимъ изъ мѣстнаго священства принять на себя обязанность преподаванія, на что и согласились 8 священниковъ, при чемъ нѣкоторые преподаютъ бесплатно. Кромѣ 16

земскихъ школъ, въ уѣздѣ есть 2 частныя. Въ учебномъ отношеніи лучшее училище есть двухклассное городское, въ которомъ обучается 90 мальчиковъ, и кромѣ законоучителя, имѣется еще два учителя съ жалованьемъ каждому по 250 р.; изъ сельскихъ школъ преподаваніе успѣшно идетъ въ Драчевской, Верхозерской, Баташевской, Шиморовской и особенно въ Гусевской; это послѣднее училище, обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи учредителемъ, г. Мальцевымъ, разрослось до 85 учениковъ; вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія для такого количества учащихся г. Мальцевъ изъявилъ готовность перестроить школьный домъ, а самую школу обратить въ двухклассное образцовое училище; открытіе этого двухкласснаго училища дѣйствительно послѣдовало 27-го іюня 1875 г. въ присутствіи гг. директора и инспектора народныхъ училищъ; при этомъ произведенъ былъ экзамень ученикамъ бывшаго однокласснаго училища для образованія изъ нихъ 2-го класса; оказалось, что 14 мальчиковъ могутъ составить младшую группу 2-го класса; изъ остальныхъ же положено образовывать параллельное отдѣленіе объ 1-мъ классѣ. Изъ 18 училищъ уѣзда только 5 помѣщены тѣсно и не совсѣмъ удобно. Усмотрѣнный г. инспекторомъ недостатокъ учебниковъ въ училищахъ уже исправленъ: ихъ было такъ мало, что г. предсѣдатель совѣта разомъ выписалъ на сумму болѣе 500 р.

Муромскій уѣздъ богатъ числомъ школъ; всѣхъ ихъ 33, но всѣ онѣ въ неудовлетворительномъ состояніи. Главною причиною такого положенія вещей слѣдуетъ считать слишкомъ незначительный окладъ преподавателямъ. Не смотря на то, что изъ 4 городскихъ училищъ два содержатся на счетъ земства, а 28 сельскихъ школъ получаютъ отъ него пособіе, средства училищъ весьма ограничены, ибо сельскія общества не помогаютъ имъ съ своей стороны, и только тремъ училищамъ (Поздняковскому, Липинскому и Красновскому) даютъ весьма незначительную субсидію; частныхъ жертвователей также нѣтъ. При томъ и мѣстное духовенство довольно равнодушно къ народному образованію, труды по которому мало вознаграждаются. Тѣмъ не менѣе и здѣсь есть такія духовныя лица, которыя, не смотря на скудное содержаніе, съ усердіемъ и любовью занимаются этимъ дѣломъ, при чемъ все свое вознагражденіе по школъ предоставляютъ своимъ помощникамъ; такихъ примѣровъ можно назвать до семи въ уѣздѣ. Кромѣ того, единственное частное училище въ уѣздѣ, въ селѣ Климовѣ, существуетъ съ 1874 года, благодаря лишь энергіи и усердію состоящаго въ немъ учителемъ и законоучителемъ діакона И. П.

Давыдовскаго, который и помѣстилъ его у себя въ домѣ; въ его училище собирается до 25 мальчиковъ. Не только въ сельскихъ школахъ, но даже и въ городскихъ, ничтожность учительскихъ окладовъ составляетъ существенное препятствіе успѣхамъ учебнаго дѣла; при осмотрѣ школъ г. инспекторомъ, въ двухъ городскихъ Муромскихъ училищахъ, Срѣтенскомъ и Предтеченскомъ, не оказалось преподавателей, и трудно было найти лицъ для замѣщенія этихъ должностей, такъ какъ учительскій окладъ въ 120 р. не соответствуетъ дороговизнѣ жизни въ Муромѣ. Впрочемъ, на время отсутствія учителей занятія, на нихъ лежавшія, были распределены между преподавателями другихъ училищъ, которые и приходили на уроки въ послѣобѣденное время; и все-таки, не смотря на полное усердіе преподавателей, Муромскія городскія школы находятся въ неудовлетворительномъ состояніи; нынѣ Муромское городское общество признало возможнымъ соединить два содержимыя имъ училища въ одно, увеличивъ при этомъ окладъ жалованья учителямъ, а именно: законоучителю вмѣсто 60—90 р., учителю вмѣсто 120—240 р. и помощнику 150 р.; тому же примѣру слѣдуетъ и земство, при чемъ оба училища для удобства будутъ помѣщены въ разныхъ частяхъ города. Изъ сельскихъ училищъ лучшими по успѣхамъ должно считать Окуловское, Яковцевское, Карачаровское, Монаковское мужское, Красновское и Клинское; къ болѣе слабымъ слѣдуетъ отнести четыре школы: Казаковскую, Дубровскую, Черновскую и Жайскую; неуспѣхъ двухъ первыхъ происходитъ отъ неумѣлости учителей, тогда какъ напротивъ, въ двухъ остальныхъ учителя хотя и способные и опытные люди, но имѣютъ весьма плохихъ помощниковъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что для улучшенія училищъ Муромскаго гѣзда необходимо или увеличить сумму, отпускаемую земствомъ, или же привлечь къ пожертвованіямъ сельскія общества; при настоящемъ же положеніи дѣлъ почти нѣтъ возможности требовать отъ преподавателей болѣе сильныхъ усилій, тѣмъ болѣе, что училища вообще отличаются многочисленностью (какъ напримѣръ, въ Яковцевской школѣ 101 мальчикъ и 3 дѣвочки, въ Карачаровской 115 мальчиковъ и 22 дѣвочки). Осматривая училища, г. инспекторъ старался приглашать мѣстныхъ священниковъ къ занятію должности законоучителя, на что многими и изъявлено согласіе. Изъ 33 училищъ только 15 имѣютъ удовлетворительныя помѣщенія, другія же отличаются или тѣснотой, или неудобствомъ и грязнымъ содержаніемъ. Въ виду того, что многія школы нуждаются въ учебныхъ пособіяхъ, земство выдало на этотъ пред-

метъ 250 р. Кромѣ вышеупомянутыхъ 33 училищъ, въ Муромскомъ уѣздѣ имѣется три образцовыхъ двухклассныхъ училища. Въ томъ изъ нихъ, которое находится въ Зяблицкомъ погостѣ, обучается 69 мальчиковъ. Такъ какъ училище основано только въ 1873 году, то во 2-мъ классѣ образовалась только первая группа, и въ 1875 г. не было еще выпуска учениковъ. Изъ испытанія учениковъ въ Законѣ Божіемъ видно, что хотя священникъ Соколовъ ведетъ очень усердно свое дѣло, но слишкомъ придерживается книжки, и дѣти совсѣмъ не умѣютъ передать заученнаго своими словами. Что же касается преподаванія учителей Фальковскаго, занимающагося съ 1-ю и 3-ю группами перваго класса, и въ особенности Лебедева, обучающаго 2-ю группу 1-го класса и 1-ю группу 2-го класса, то по приемамъ ихъ видно, что они весьма способные и умѣлые учителя, а потому и успѣхи дѣтей у перваго по всѣмъ предметамъ довольно удовлетворительные, а у послѣдняго вполне удовлетворительные. Г. Лебедевъ особенно хорошо ведетъ объяснительно чтеніе въ обѣихъ своихъ группахъ. Въ училищѣ этомъ, въ присутствіи г. инспектора, было произведено годовое испытаніе; во дню испытанія въ 1-мъ классѣ учащихся было 54 мальчика, въ томъ числѣ въ младшемъ 26, въ среднемъ 14 и старшемъ 14, и изъ нихъ 11 перешло въ слѣдующій классъ; во 2-мъ классѣ экзаменовалось 8 мальчиковъ, изъ коихъ, кромѣ одного, всѣ могли быть зачислены въ старшую группу этого класса. Вообще ученики этого училища, особенно 2-го класса, оказали успѣхи вполне удовлетворительные. Вереевское двухклассное образцовое училище находится въ условіяхъ мѣстной жизни, не совсѣмъ благоприятствующихъ учебному дѣлу; не смотря на то, что экзаменъ въ этомъ училищѣ, произведенный въ присутствіи г. инспектора, назначенъ былъ ранѣе, чѣмъ въ другихъ школахъ, именно въ началѣ іюня мѣсяца, изъ 60 человекъ 1-го класса на лицо было лишь 32, и изъ старшей группы, въ которой считается 20 мальчиковъ, по этому случаю экзаменовалось только 9; изъ нихъ переведено въ слѣдующій классъ 7 мальчиковъ. Не явились на испытаніе преимущественно дѣти деревень сосѣдней Костромской губерніи. Во 2-мъ классѣ подверглись испытанію изъ 9 мальчиковъ 8, и трое изъ нихъ удостоены свидѣтельствъ только благодаря особенному усердію учителя этого класса г. Снегиревскаго, такъ какъ, судя по познаніямъ учениковъ въ началѣ года, трудно было ожидать, чтобы кто-нибудь успѣлъ приготовиться къ испытанію на полученіе свидѣтельства объ окончаніи курса. Успѣхи учениковъ изъ Закона Божія въ обѣихъ

классахъ оказались болѣе слабые, нежели изъ другихъ предметовъ, на что и было обращено вниманіе законоучителя. Изъ географіи и исторіи познанія учениковъ 2-го класса были прежде до того ограничены, что въ одинъ годъ они не могли сознательно усвоить полный курсъ этихъ предметовъ; за то всѣ, за очень малымъ исключеніемъ, отвѣчали прекрасно по русскому языку и ариметикѣ, и только двое изъ 1-го класса были очень слабы въ этомъ послѣднемъ предметѣ, почему и не могли быть переведены въ слѣдующій классъ. Въ Халунскомъ двухклассномъ образцовомъ училищѣ на экзаменѣ въ присутствіи г. инспектора явилось изъ 1-го класса 53 мальчика и 27 дѣвочекъ. Изъ нихъ почти всѣ пробыли болѣе двухъ лѣтъ въ этомъ классѣ, а потому хотя учитель и представилъ 7 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ, могущихъ по его убѣжденію перейти во 2-й классъ, но по испытаніи они оказались на столько еще слабыми, что пришлось оставить ихъ въ томъ же классѣ. Въ трехъ группахъ 2-го класса учениковъ было 36 мальчиковъ и 3 дѣвочки; изъ 12 мальчиковъ и одной дѣвочки старшей группы по испытаніи удостоились свидѣтельствъ 10 мальчиковъ и 1 дѣвочка, при чемъ ихъ успѣхи по Закону Божію, географіи и исторіи были очень хороши, а по русскому языку и ариметикѣ значительно слабѣе, что, впрочемъ, зависитъ оттого, что и самъ учитель 2-го класса г. Виноградовъ не совсѣмъ освоился съ преподаваніемъ этихъ предметовъ, а частію также оттого, что въ этомъ классѣ труднѣе заниматься съ тремя группами, нежели въ 1-мъ. Родители учащихся присутствовали на испытаніи, съ живымъ интересомъ слѣдили за ходомъ, и такимъ образомъ, сами могли убѣдиться на дѣлѣ, какъ значительно слабѣе отвѣчали ученики, пропустившіе болѣе другихъ уроковъ.

— Въ дополненіе къ представленнымъ въ мартовской книжкѣ свѣдѣніямъ о народныхъ школахъ въ Смоленской губерніи, сообщаемъ извѣстіе объ осмотрѣ г. директоромъ народныхъ училищъ 7 школъ въ городахъ Вязьмѣ, Рославлѣ, Смоленскѣ и Дорогобужѣ.

Въ Вяземскомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ обучается 67 мальчиковъ; изъ нихъ 53 въ 1-мъ классѣ, раздѣленномъ на два отдѣленія, и 14 во 2-мъ классѣ. Во время осмотра училища законоучитель не былъ еще утвержденъ, а на лицо состояло два учителя: завѣдующій училищемъ г. Варгасовъ и г. Шубяковъ. Первый изъ преподавателей занимается старшимъ классомъ и ведетъ ученіе живо, занимая всѣхъ учениковъ на столько, что они по неволѣ должны быть внимательными, такъ какъ наставникъ безпрестанно спрашиваетъ ихъ

и заданный урокъ, и вновь объясняемое, предлагая постоянно то тому, то другому ученику продолжать отвѣтъ товарища. Толково ведетъ дѣло и г. Шубяковъ. Вообще оба преподавателя по подготовкѣ своей и пониманію дѣла удовлетворяютъ своему назначенію. При училищѣ есть библіотека, на которую обращено было вниманіе завѣдывающаго училищемъ, чтобъ онъ занялся пересмотромъ книгъ и изъять тѣ изъ нихъ, которыя не соотвѣтствуютъ учебнымъ цѣлямъ заведенія, какъ, на примѣръ, Римская исторія Роллена, въ переводѣ В. Тредяковскаго и т. п. Училище временно помѣщается въ общественномъ домѣ, и помѣщеніе его не можетъ считаться удовлетворительнымъ. Въ оказаніи необходимыхъ денежныхъ пособій училищу большое участіе принимаетъ мѣстный городской голова, который состоитъ почетнымъ смотрителемъ его. Въ Рославлѣ приходскихъ училищъ два: дворянское и городское. Дворянское училище имѣетъ весьма скудные средства на свое содержаніе, всего 225 р. Учащихся въ немъ 40 человѣкъ. Законъ Божій преподаетъ хорошо и съ успѣхомъ священникъ К. Вишневскій, получающій 40 р. жалованья; наставникомъ прочихъ предметовъ г. Иванъ Зуевъ, съ окладомъ въ 120 рублей; у него ученіе также идетъ хорошо, за исключеніемъ ариметики, при преподаваніи которой, желательны были бы болѣе практическіе приемы. Дѣти посѣщаютъ училище неисправно. Городское училище по большому числу учениковъ дѣлится на три отдѣленія; кромѣ законоучителя, священника Полубинскаго, при каждомъ отдѣленіи есть свой наставникъ: г. Полозовъ, Дмитрій Зуевъ и Моисеевъ. Всѣхъ дѣтей обучается 144, изъ коихъ въ старшемъ отдѣленіи 47, въ среднемъ 47 и въ младшемъ 39. Законоучитель ведетъ дѣло успѣшно, и жаль, что наставникъ занимается только съ дѣтьми двухъ старшихъ отдѣленій и не принимаетъ участія въ занятіяхъ съ дѣтьми младшаго отдѣленія. Также хорошо идетъ учебная часть и другихъ учителей, но по ариметикѣ опять замѣчено было отсутствіе практическихъ приемовъ, при чемъ указано было на необходимость быстрого счисленія на счетахъ, коего можно достигъ, начиная учить счисленію на счетахъ не только съ средняго отдѣленія, какъ это ведется въ училищѣ, но и съ младшаго. Въ училищѣ замѣчены неопрятность и сильная порча мебели, на что и обращено вниманіе штатнаго смотрителя. Ремесленное училище въ Смоленскѣ открыто въ маѣ мѣсяцѣ 1874 года на капиталъ въ 20.000 р., пожертвованный почетнымъ гражданиномъ Пестриковымъ; кромѣ того, оно получаетъ ежегодное пособие отъ города, земства и Смоленскихъ купческаго и мѣщанскаго сословія по

ихъ назначенію. Училище имѣеть свой уставъ, утвержденный на законномъ основаніи. При обзорѣннн училища въ маѣ 1875 года, всѣхъ учениковъ въ немъ было 27, изъ коихъ только двое приходящихъ, остальные всѣ живутъ въ училищѣ. Преподавателей пока два: законоучитель священникъ Цвѣтковъ, получающій жалованья 120 рублей, и учитель Пузыревскій, который вмѣстѣ съ тѣмъ и смотритель заведенія, получающій за преподаваніе 120 р. и за вторую должность 300 р. Оба наставника занимаются усердно и съ нѣкоторымъ успѣхомъ, но при всемъ ихъ стараніи трудно ожидать вполне удовлетворительнаго хода учебнаго дѣла въ училищѣ, въ которомъ вниманіе совѣта почти исключительно обращено на ремесла, отчего ученикамъ приходится, можно сказать, учиться только со словъ преподавателей, потому что за занятіями ремеслами имъ нѣтъ времени готовить уроки. Изъ ремеселъ дѣти занимаются столярнымъ, слесарнымъ, кузнечнымъ и отчасти токарнымъ. По учебной части учащіяся раздѣлены на два отдѣла; въ младшемъ по Закону Божию пройдены необходимыя молитвы, Символъ вѣры, заповѣди и двенадцатые праздники; по русскому и церковно-славянскому читаютъ, пишутъ и изъ ариѳметики ознакомились съ двумя дѣйствіями; въ старшемъ кромѣ вышесказаннаго прошли уже вкратцѣ священную исторію Ветхаго Заветъа, изъ русскаго языка проходили Родное Слово годъ 2-й, знаютъ изъ ариѳметики 4 правила, изъ географіи общее обзорѣніе Россіи и водныя сообщенія, а изъ русской исторіи оканчиваютъ царствованіе Петра Великаго. Училище помѣщается временно въ зданіи, которое нѣсколько тѣсновато, но для него отстраивается домъ. Сверхъ казенныхъ и общественныхъ училищъ, въ Смоленскѣ существовало частное училище г-жи Полянскон, но закрыто ею съ 1-го іюля 1875 года. Предъ закрытіемъ въ немъ обучалось 6 учениковъ обоого пола и ученіе шло удовлетворительно; кромѣ начальныхъ предметовъ, дѣтей учили чтенію по французски и по нѣмецки. Училище это существовало съ разрѣшенія мѣстнаго уѣзднаго совѣта. Такоее-жъ училище содержится въ г. Дорогобужѣ г-жею Савицкою. Здѣсь 22 учащихся обоого пола; ученіе идетъ весьма удовлетворительно, но такъ какъ въ школѣ нѣтъ особаго законоучителя, то г. директоръ училищъ просилъ вести преподаваніе этого предмета по крайней мѣрѣ подъ наблюденіемъ священника.

— Г. инспекторъ народныхъ училищъ Казанской губерніи сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о краткосрочныхъ педагогическихъ курсахъ, которые учреждены были въ 1875 году для сельскихъ учителей Тетюшскаго уѣзда.

Всѣхъ учителей собралось на эти курсы 12, въ томъ числѣ трое инородцевъ Чувашей. Занятія происходили подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ г. инспектора, утромъ и вечеромъ: утреннія состояли въ томъ, что кто-либо изъ руководителей знакомилъ слушателей съ методами преподаванія различныхъ предметовъ, и тотчасъ послѣ этого слушатели давали практическіе уроки въ школѣ, сформированной изъ учениковъ приходскаго училища и состоявшей изъ трехъ отдѣленій. Вечернія занятія посвящены были обсужденію утреннихъ практическихъ уроковъ, при чемъ особенное вниманіе было обращено на тѣ приемы, которые оказались неудачными.

Г. инспекторъ имѣлъ возможность ознакомиться предварительно со всеми сельскими школами Тетюшскаго уѣзда и на сѣздѣ старался указывать преимущественно на тѣ недостатки, которые чаще всего были подмѣчаемы имъ при осмотрѣ этихъ школъ. Особенно плохо шло у преподавателей обученіе чтенію по звуковому методу. Не трудно было замѣтить, что они сами недостаточно сознательно усвоили себѣ этотъ методъ, хотя въ каждомъ училищѣ находятся необходимыя для того руководства. Г. инспекторъ поставилъ себѣ задачей растолковать учителямъ, какъ могутъ они пользоваться упомянутыми руководствами, чтобъ успѣшнѣе достигнуть цѣли. Членъ училищнаго совѣта штатный смотритель г. Бѣляевъ подробно объяснилъ слушателямъ, какъ слѣдуетъ вести объяснительное чтеніе въ различныхъ отдѣленіяхъ народной школы, какимъ характеромъ должны отличаться бесѣды, предшествующія этому чтенію, и т. д. По объяснительному чтенію дано было практикантами 7 уроковъ: уроки эти отличались однимъ недостаткомъ, а именно преподаватели, при объясненіи читаемыхъ статей, старались сообщить какъ можно болѣе свѣдѣній о предметахъ, встрѣчающихся въ нихъ, а потому не успѣвали сдѣлать значительной части того, что было ими предположено. Руководители старались объяснить имъ, что они должны ограничиваться только такими свѣдѣніями, которыя положительно необходимы для правильнаго и точнаго пониманія статьи. Особенное вниманіе обращено было также на церковно-славянское толковое чтеніе: одинъ изъ руководителей познакомилъ собравшихся учителей съ тѣмъ, какъ онъ ведетъ его въ своей школѣ, и затѣмъ далъ два пробные урока. Въ такомъ же порядкѣ шли занятія и по остальнымъ предметамъ. Г. инспекторъ свидѣтельствуетъ, что всѣ лица, участвовавшія на сѣздѣ, относились къ этимъ занятіямъ съ полнымъ сочувствіемъ.

ОТДѢЛЪ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

DE VERGILII AENEIDOS I, 390—401.

In oratione Veneris, consolantis Aeneam filium, qui post tempestatem Iunone auctore immissam ad Africam delatus erat, et spem facientis de receptis in tutum sociis eius leguntur haec:

Namque tibi reduces socios classemque relatam
Nuntio et in tutum versis aquilonibus actam,
Ni frustra augurium vani docuere parentes.
Aspice bis senos laetantis agmine cygnos,
Aetheria quos lapsa plaga Iovis ales aperto
Turbabat caelo; nunc terras ordine longo
Aut capere aut captas iam despectare videntur:
Ut reduces illi ludunt stridentibus alis,
Et coetu cinxere polum cantusque dedere,
Haud aliter puppesque tuae pubesque tuorum
Aut portum tenet, aut pleno subit ostia velo.
Perge modo, et, qua te ducit via, dirige gressum.

Egregia sunt omnia et quibus nec addi quidquam velis nec demi-
excepto quod versibus 395 — 398 referuntur res prorsus diversae et
quae nullo modo concinnari inter se possint. Apparet enim non posse
eodem tempore cygnos ex aethere depulsos terras capere (id est occu-
pare) vel captas despectare et reversos ad caelum versari in aethere.
Difficultatem hanc ut tollerent, diversa admodum eademque mirifica
commenta prompserunt viri docti, de quibus vix est operae referre.
Nempe quidam rati suut *capere* idem esse atque *eligere*, qua explica-
tione nihil proficitur, cum manifestum sit, cygnos in aethera reversos
nullo iam terrae occupandae teneri desiderio, sed laetari se in ea loca
rediisse, ex quibus deturbati erant ab aquila; cui avi perpetuas esse
inimicitias cum cynorum genere narrant veteres. Accedit, quod plane

abundat illud ordine (i. e. *agmine*) longo, si *capere* idem est quod *eligere*. Alii existimarunt ab interpolatore adiectum v. 398:

et coetu cinxere polum cantusque dedere.

At hercule ne stultissimum quidem grammatarum eo perversitatis provectum est probabile, ut versum prorsus contrarium eis qui praecedent adiceret. Leniore usus remedio quam illi, qui nodum quem solvere posse se desperabant ense finderent, Perlcampius coniecit scribendum esse in v. eodem *lacum* pro *polum*. Sed ut omittam ne sic quidem satis inter se congruere vv. 395, 6 cum 397, 8, neque hanc coniecturam carere violentia, non magis perspicitur cur librarii vocabulum usitatissimum et facillimum mutarint rariore multo et insolentiore, quod totius loci everteret sententiam. Equidem etsi probe cognitum habeo multa in libris manu scriptis reperiri vitia, quorum originis nulla possit reddi ratio, non existimo licere uti tanta violentia coniectandi, nisi quando lenioribus remediis nullus omnino est locus. Quam legem nisi observaveris, non erit mirum, artem criticam, cui semper multum obtrebant rerum ignari, in contemptum venire etiam peritorum. Denique vix est memoria dignum, quod Ribbeckius vv. 395, 396 statuit ita posse restitui, ut scriberetur:

nunc terras ordine longo

aut capere aut capsos iam respectare videntur.

In his *capsos* de coniectura est positum Ribbeckii: nam codices plerique omnes habent *captas*, Palatinus *captus*, sed *u* in *o* mutata, ex deterioribus unus *captos*, alius a prima manu *acceptos*, a secunda *aut captas*. *Respectare* extat in libro Palatino, cum in ceteris fere sit *despectare*. Ribbeckii commentum, ut oportebat fieri, omnium, quantum mihi constat, doctorum explosum est consensu. Nam ut praeteream, admisso eo nihilo magis expediri difficultatem, quae inest in vv. 397, 8, utque ne tangam, quam sit alienum a probabilitate Vergilium usum esse in epico carmino vocabulo *capsus* (i. e. *saepta*), quod vix semel bisve in tota reperitur prosa latina, omnino non opus erat cynis in terram delatis saepto aliquo, cum non esset timendum eis, ne in terram eos sequeretur aquila. Praeterea facile apparet, quam invenusta sit saeptorum mentio, quamque inconcinne sint iuncta illa:

nunc terras ordine longo

aut capere aut capsos iam respectare videntur.

Reliqua hominum doctorum commenta, quorum maxima pars in Weidneri et Forbigeri commentariis memoratur (pgg. 172 sqq.; 98 sqq.), afferre non est tanti.

Quae cum ita sint, quid mihi de loco illo statuendum esse videatur, quam brevissime potero, exponam.

Aio igitur omnes hoc versus tales, quales supra sunt adscripti, venisse a Vergilio, sed in concinnandis eis Varium et Tuccam, editores aeneidos, carminis a Vergilio non perfecti, non magis perspexisse sententiam eius quam in loco secundi aeneidos libri (vv. 407—424), de quo nuper dixi in menstribus Januariis horum actorum pgg. 31 — 34. Namque ut ibi peccatum est versibus, qui adscripti erant margini exemplaris Vergiliani, in locum translatis alienum, ita hic erratum servatis eis quae utique erant recidenda. Certum enim mihi est et exploratum, Vergilium cum dubitaret, naves Troianas aut in portu versantes aut intrantes portum, utrum melius compararet cycnis in terram aufugientibus an post digressum aquilam in aethera redeuntibus, adscripsisse margini versus 397, 8, quos cur postea ab eo esse adiectos existimem haec est causa.

Comparanti naves Troianorum dissipatas et rursus collectas cum cycnis promptissimum apparet fuisse, ut eos prius in aethere versatos, mox in terram tutam delatos fingeret. Verum idem cum reputaret, cycno, nobilissimo alite, magis dignam esse habitationem aetheream et reversarum ad caelum avium mentionem venustiore fore eandemque Troianis magis honorificam, simul ad ornatum carmini addendum efficacissimam futuram memoriam cycnorum cantus, in quo celebrando plurimi fuerunt omnium temporum poetae, adscripti sunt ab eo ad locum incohatum vv. 397, 8, ut substituerentur nimirum illis quae sunt:

nunc terras ordine longo
aut capere aut captas iam despectare videntur.

quando ultimam imponeret carmini manum. Quod ne fieret, cum morte immatura Vergilii esset prohibitum, mansit locus imperfectus. Culpandi tamen Varius et Tucca, quod data ab amico venia recidendi quidquid displiceret non sunt usi, qua quidem et alias magis abstinuerunt quam Vergilii carmini expediebat. Apparet autem duplici modo potuisse ab eis locum emendari, abiectis aut hisce:

nunc terras ordine longo
aut capere aut captas iam despectare videntur,

aut eis quae sequuntur:

ut reduces illi plaudunt stridentibus alis,
et coetu cinxere polum cantusque dedere.

Versus priore loco positos si omittas, post *caelo* punctum erit ponendum. Notum autem, haud ita paucos in aeneide inveniri hexametros,

quibus, cum integer constet sensus, pedes aliquot desint. Quos Vergilium imperfectos reliquisse, quia non contigit ei ad umbilicum adducere (ut Horatii verbis utar) carmen suum constat inter plerosque: et alienum est ab omni probabilitate, eum noluisse supplere versus, de quibus agitur, cum neque apud Homerum aut Ennium, quos plurimum imitatus est Vergilius, neque apud reliquos antiquitatis epicos versus non ad finem perducti reperiat exemplum.

Apparet autem, recisa iam dittographia hoc Vergilii simile eadem arte eademque cura excellere, qua reliqua omnia, ita quidem ut prius diligentia praestet, alterum venustate. Quod ut explicem, paucis opus erit verbis. Ac primum quidem aquila comparatur cum tempestate subito exorta, apertum caelum, quod non est, ut multi credunt „nullum usquam praesidium praebens“ sed „serenum“, ut supra v. 155, cum eo maris habitu, qui fuerat ante tempestatem (cf. vv. 34, 5). Deinde si servaris proxima, capientes (i. e. occupantes) terras cycni cum navibus ostia subeuntibus, captas iam respectantes cum tenentibus portum conferuntur. Ceterum pro *despectare* nescio an rectius legatur *respectare*, cum Weidnerus subtiliter moneat, cycnos in terram fugatos, cum delati sint, etiam plaudere alis, et a respectantibus pennas rostris solere agitari. Sin sequentia retinueris, reduces i. e. reversi in aethera, aquilae digressu tutum, et laetitiam animi plausu et cantu significantes cycni cum classe Troianorum perinde in loco securo versante nec minus utique quam illi exultante depulso periculo componuntur. Ceterum ubi polus memoratur, solem maxime respici apparet, cuius cycni ut aquilae sunt amantes.

Lucianus Mueller.

Г. МОДЕСТОВЪ КАКЪ КРИТИКЪ И УЧЕНЫЙ ¹⁾.

Въ примѣчаніи къ стр. 147-й I-го тома *Исторіи римской литературы*, составленной г. Модестовымъ, мы читаемъ:

„Когда я говорилъ своимъ слушателямъ объ антагонистахъ Ричля, я и не воображалъ, что скоро появится въ свѣтъ такая ожесточенная книга противъ него, какую чрезъ нѣсколько времени выпустилъ Бергъ подъ заглавіемъ: *Auslautendes D im alten Latein. Ein Beitrag zur lateinischen Grammatik von Theodor Bergk*. Въ нападкахъ Бергка есть безспорно много справедливаго, но нельзя не осудить его за тотъ ужасный тонъ, съ какимъ онъ нападаетъ на человѣка, самны ошибки котораго были поучительны“. Читая эти строки можно было бы подумать, что г. Модестовъ самое невинное существо въ этомъ отношеніи, что онъ въ своихъ отзывахъ соблюдаетъ самый приличный тонъ, никогда никого не бранить и голословно не обвиняетъ.

Оставляя пока въ сторонѣ тѣ мѣста въ исторіи литературы г. Модестова, гдѣ онъ напрягаетъ всѣ усилія, чтобы уничтожить подобное предположеніе со стороны своихъ читателей, мы не можемъ не остановиться на послѣднемъ произведеніи его, произведеніи, по тону, направленію, поверхностности и незрѣлости сужденій напоминающемъ ту статью, въ которой онъ высказалъ нѣкогда мнѣніе, будто знаменитые профессора Берлинскаго университета, Гауптъ и Бёкъ (*Boeckh*), никуда не годятся,—статью, вызвавшую отвѣтъ профессора Люгебиля, подъ заглавіемъ: *Геніальные люди и наука*.

¹⁾ Мы получили возраженіе г. Модестова на замѣтку г. Верта объ одномъ славянскомъ имени, открытомъ г. Модестовымъ въ помпейскихъ надписяхъ. Извиняемся предъ почтеннымъ профессоромъ, что за недостаткомъ мѣста вынуждены отложить это возраженіе до слѣдующей (іюньской) книжки. *Ред.*

Произведеніе г. Модестова помѣщено въ *Извѣстіяхъ Кіевскаго университета* и носить заглавіе: „Ученая литература по латинской филологіи въ 1874 и 1875 гг. въ Россіи и за границей. А) Русская литература“.

Статья, о которой говоримъ мы, замѣчательна едва ли не тѣмъ только, что г. Модестовъ безъ разбора и съ величайшимъ ожесточеніемъ набрасывается рѣшительно на всѣхъ: чуть не каждую книгу называетъ онъ „безобразной“ (стр. 2 и 20), „безцеремонной“, „недобросовѣстной“ (стр. 20), „незрѣлой“ (стр. 9), чуть ли не всякое мнѣніе величаетъ „чепухой“ (стр. 11), „вадоромъ“ (стр. 19), „безтолковщиной“ (стр. 21), „невѣжествомъ и наглостью“ (стр. 22), „нелѣпостью“ (стр. 9), чуть не всякаго автора называетъ „жалкимъ“ (стр. 20), „потѣшнымъ человѣкомъ“ (стр. 20), „высказывающимъ мысли его головой не переваренныя“ (стр. 9); онъ нападаетъ даже на такихъ, которые ничего не написали, какъ на примѣръ, на г. Іонина (стр. 4).

Слѣдующія замѣтки имѣютъ цѣлью выставить въ надлежащемъ свѣтѣ отзывы г. Модестова о первомъ томѣ „Сборника статей по классической филологіи“ (извлеченія изъ *Журн. Мин. Нар. Просв.*). Затѣмъ мы предполагаемъ себѣ и другую задачу. Г. Модестовъ (стр. 1) скорбитъ, между прочимъ, о томъ, „что ученая критика, никогда не процвѣтавшая въ нашемъ отечествѣ, въ послѣдніе годы совсѣмъ сошла со сцены нашей періодической печати и труды русскихъ ученыхъ по классической филологіи перестали, наконецъ, находить для себя какую бы то ни было оцѣнку даже въ томъ журналѣ, который завелъ у себя специальный отдѣлъ классической филологіи“. Въ словахъ этихъ слышится сожалѣніе г. Модестова о томъ, что въ журналѣ нашемъ не появлялось еще отзыва объ его трудахъ (*hinc illae lacrimae*), а потому, съ цѣлью пополнить сколько-нибудь этотъ пробѣлъ, мы намѣрены теперь же заняться однимъ изъ сочиненій, вышедшихъ изъ подъ его пера.

Г. Модестовъ говоритъ (стр. 9): „Наши учителя обыкновенно или не читаютъ статей классическаго отдѣла (*Журн. Мин. Нар. Просв.*), или относятся къ нимъ съ большимъ недоумѣніемъ, тѣмъ болѣе, что они не видятъ въ числѣ его сотрудниковъ ни одного имени съ значеніемъ въ русской наукѣ или даже хотя бы просто въ русской литературѣ“. Жаль, что г. Модестовъ не указалъ, какихъ именно сотрудниковъ имѣетъ онъ въ виду. Вѣроятно самого себя онъ причисляетъ къ числу лицъ, имѣющихъ значеніе въ русской литературѣ.

Вѣдь указываетъ же онъ съ извѣстною гордостью (*Ист. рим. лит.*, I, р. 471), что „маститый“ нѣмецкій профессоръ Герлахъ посвятилъ ему свою послѣднюю книгу, вышедшую въ Базелѣ 1872 подъ заглавіемъ: „Griechischer Einfluss in Rom im V Jahrhundert der Stadt“ и скорбитъ, что отечественная литература вовсе не приучила его къ такому вниманію. Г. Модестовъ называетъ подобное вниманіе „лестнымъ“, благоразумно умалчивая о томъ, что въ Германіи каждый протестовалъ бы противъ того, но о Герлахѣ намъ еще придется говорить ниже.

Что же касается того, будто нашъ отдѣлъ классической филологіи не читается учителями, ибо они не видятъ въ числѣ его сотрудниковъ „ни одного имени съ значеніемъ въ русской наукѣ“, то мы можемъ замѣтить объ этомъ только слѣдующее: читателю научнаго журнала можетъ и должно быть совершенно безразлично, кто именно написалъ помѣщенный въ немъ статьи, лишь бы только статьи эти заключали въ себѣ истину, были интересны по новизнѣ и свѣжести предмета и соответствовали существующимъ у насъ потребностямъ.

Общество классической филологіи никакъ нельзя винить въ томъ, что оно не имѣетъ въ своемъ обладаніи статей „представителей русской науки“. Оно приглашало всѣхъ русскихъ филологовъ принять участіе въ его дѣятельности и присылать въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* свои произведенія. Если, по мнѣнію г. Модестова, журналъ не напечаталъ доселѣ ни одной статьи такого лица, „которое имѣло бы значеніе въ русской наукѣ“, то это вина не его, а этихъ лицъ, не доставившихъ ему своихъ произведеній. Мы думаемъ, что даже г. Модестовъ, обладающій столь громадными способностями, будь онъ редакторомъ названнаго отдѣла, не могъ бы напечатать того, чего у него не имѣется: *ultra posse nemo obligatur*, говорили въ средніе вѣка.

Перейдемъ теперь къ отзывамъ г. Модестова о различныхъ статьяхъ классическаго отдѣла, при чемъ мы будемъ придерживаться порядка, соблюдаемаго самимъ рецензентомъ.

Статья г. Миллера „Жизнь и сочиненія Гаія Луцилія“ встрѣчаетъ вообще одобреніе со стороны г. Модестова (стр. 3 сл.); онъ находитъ только, что авторъ черезъ чуръ рѣзко отзывается объ изданіи Герлаха, которое „цѣлую четверть столѣтія не имѣло себѣ соперника въ Германіи“. Къ этому мы можемъ присоединить отзывъ г. Модестова о статейкѣ нижеподписавшагося; на стр. 12 г. Модестовъ гово-

реть, между прочимъ, слѣдующее: „двѣ библиографическихкія статьи, изъ которыхъ одна (авторъ Вертъ) написана въ похвалу (с'est le mot) Луц. Миллеру и заключаетъ въ себѣ прославленіе его изданія отрывковъ Луцілія, а другая“ и т. д. Противъ этого мы имѣемъ сказать: 1) что не всякому удастся такъ бранить, какъ г. Модестову; 2) что въ сущности мы сказали то же самое, что и самъ г. Модестовъ, который (стр. 3) называетъ изданіе Л. Миллера „наиболѣе удовлетворяющимъ современнымъ требованіямъ“. Мы сдѣлали, впрочемъ, нѣчто болѣе, чѣмъ г. Модестовъ, а именно указали на то, чѣмъ изданіе Л. Миллера отличается отъ изданій его предшественниковъ, между прочимъ, и Герлаха. При этомъ нельзя было намъ, хотя и мимоходомъ, не упомянуть о тѣхъ недостаткахъ, которыми изобилуетъ книга Герлаха. Вотъ это-то послѣднее обстоятельство и не понравилось г. Модестову. Какъ осмѣлились мы затронуть „знаменитаго, маститаго ученаго“ (какъ г. Модестовъ называетъ Герлаха въ своей *Ист. рим. лит.*, I, стр. 14, 213, 471), посвятившаго свѣтилу Кіевскаго университета свою книгу! Если г. Модестовъ ¹⁾, который такъ рѣдко снисходитъ до похвалы, говорить, что изданіе Герлаха было „шагомъ впередъ“, то какъ осмѣлились мы утверждать, что „Герлахъ не знаетъ метрики“?... Но что же дѣлать! Примѣровъ самыхъ грубыхъ просодическихъ ошибокъ у Герлаха приходится искать не долго:

На стр. 6 встрѣчаемъ мы у него слѣдующій гексаметръ:

Nunc praetor tuus est; meus si decesserit homo.

На стр. 37 находится у него такой же гексаметръ:

Idem epulo cibus atque epulatio Jovis!

Удивительно ли послѣ этого, что Гауптъ публично заявилъ, что изданіе Герлаха есть самая худшая филологическая книга въ XIX столѣтіи?

Пристрастіе г. Модестова къ Герлаху или незнаніе его доходить до того, что въ своей *Ист. рим. лит.*, I, стр. 216, онъ преспокойно перепечатываетъ слѣдующую чепуху, находящуюся у Герлаха (*Lucil. sat. rel. p. 17*):

Quo me habeam pacto, tametsi non quaeri', docebo.
Quando in eo numero mansti, quo in maxima nunc est
Pars hominum, ut perisise velis, quem visere nolue—
Ris cum debueris. Hoc Nol- (!!) et Debueris te

¹⁾ *Ист. Рим. Лит.*, I, стр. 213.

Si minu' delectat, quod τεχνον Isocratium est O—
 Χληράδεςque simul totum ac συμμετρακιδές:
 Non operam perdo. Si tu hic...

Сравнимъ теперь съ этими стихами то, что находится въ изданіи Л. Миллера (стр. 26):

Quo me habeam pacto, tametsi non quaeri', docebo,
 quando in eo numero mansti, quo in maxima nunc est
 pars hominum () () — () () — () () — () () — ()
 ut periisse velis, quem visere nolueris, cum
 debueris: hoc nolueris et debueris te
 si minu'delectat, quod τεχνον Eisocratiumst
 ληράδεςque simul totum ac συμμετρακιδές,
 non operam perdo. si tu hic () () — () () — ()

Довольно комично послѣ этого утверждать, какъ дѣлаетъ это г. Модестовъ, что изданіе Герлаха въ теченіе цѣлой четверти столѣтія не имѣло соперниковъ въ Германіи. Стало бытъ, если по совершенно случайнымъ причинамъ въ Германіи послѣ Герлаха никто не издавалъ Луцілія, то это означаетъ, что Герлахъ не имѣлъ соперниковъ? Мы до сихъ поръ предполагали, что о соперничествѣ можно говорить только тогда, когда нѣсколько лицъ пробовали свои силы на одномъ и томъ же дѣлѣ.

По поводу разбора Фелькелева изданія Цезаря, разбора, принадлежащаго г. Гофману, г. Модестовъ (стр. 4) говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ этомъ разборѣ *Ричль* называется *Ритчелемъ*, а *Гней* Помпей называется *Кнеемъ*, чего филологъ позволять себѣ не долженъ“. Хотя въ сущности г. Модестовъ совершенно правъ, называя невѣрнымъ правописаніе *Кней*, однако, крайне неосторожно съ его стороны играть огнемъ, ибо онъ рискуетъ обжечься. На его мѣстѣ мы не стали бы говорить объ имени *Gnaeus* и не упрекали бы другихъ въ невѣрномъ употребленіи этого имени по слѣдующей причинѣ: извѣстная надпись на гробницѣ Луція Корнелія Сципіона Бородатаго (см. Corp. Inscr. Lat. I, № 30): *Cornelius Lucius Scipio Barbatus Gnaivod patre prognatus, fortis vir sapiensque etc.* переведена на стр. 49 *Ист. рим. лит.* г. Модестовымъ вотъ какъ: „Луцій Корнелій Сципіонъ Бородатый, сынъ *бравато* отца, мужъ храбрый и мудрый“ и т. д. Очевидно, г. Модестовъ смѣшалъ здѣсь старинную форму имени *Gnaeus* съ прилагательнымъ *gnavus*. Впрочемъ, въ дополненіяхъ и поправкахъ къ своей книгѣ, на стр. 470, онъ замѣтилъ: „*Gnaivod Корссенъ* (Ueber Aussprache, Vocalismus etc. 2-е изд., I, p. 79) считаетъ древнѣйшею формою творительнаго падежа собствен-

наго имени *Spicus*¹⁾ или *Gneus*²⁾. Изъ этого слѣдуетъ заключить, будто только Корсенъ открылъ (и то лишь во второмъ изданіи своего труда), что *Gnaivod* не прилагательное, но имя собственное (*praeposmen*). Однако, это было извѣстно уже изъ самой надписи и никто³⁾ до г. Модестова не думалъ понимать ее иначе, хотя и не всякому удалось (какъ говоритъ онъ въ *Ист. рим. лит.*, I, стр. 48) „читать эпитафію не безъ сердечнаго трепета на томъ самомъ саркофагѣ, которому было 2100 лѣтъ“. Для читателей г. Модестова было бы интереснѣе вѣрное объясненіе эпитафіи, чѣмъ то, что онъ самъ видѣлъ ее въ Ватиканскомъ музеѣ.

А вотъ, между прочимъ, чего онъ не видѣлъ: эпитафія на гробницѣ Л. Сципіона въ сатурническомъ размѣрѣ составлена не тотчасъ послѣ смерти Сципіона, но вырѣзана на камнѣ уже позднѣе, взамѣнъ другой, начертанной красною краскою, надписи, остатки коей сохранились на той же гробницѣ. Что эпитафія въ сатурническихъ стихахъ произошла въ позднѣйшее время, видно по нѣкоторымъ особенностямъ языка, какъ напримѣръ, эпитафія сына Сципіона Бородатаго носить гораздо болѣе старинный характеръ³⁾.

Отъ старой надписи уцѣлѣли до настоящаго дня слѣдующіе остатки:

(L. CORNELI)O CN. F. SCIPIO.

CN. F. означаетъ именно *Gnaei filius*⁴⁾, такъ что никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что *Gnaivod* abl. отъ *Gnaeus*.

Затѣмъ на стр. 5-й, г. Модестовъ распространяется о статьѣ г. Гвоздева: „Образованность и литературные нравы въ римскомъ обществѣ временъ Плинія Младшаго“. Эта статья заслужила особенную милость со стороны г. Модестова; иначе не могло и быть.

„Она написана“ говоритъ Модестовъ, „на тему, заданную мною въ 1868 году для конкурса студентамъ Казанскаго университета и по плану, данному также мною и воспроизведенному г. Гвоздевымъ.“

¹⁾ Очевидно, г. Модестовъ дѣлаетъ здѣсь ту же ошибку, въ которой упрекаетъ г. Гофмана. Римляне никогда въ своей литературѣ не писали *Spicus* или *Cajus* (какъ пишетъ г. Модестовъ, стр. 27 *Ист. рим. лит.*), а всегда сокращали *Sp.* и *C.*

²⁾ Напр. Е. Л. Шнейдеръ въ *Ausführliche Gramm. d. lat. spr.*, изданной уже въ 1819 г. (!), говоритъ на стр. 51 *Gnaevod* i. e. *Gnaevo*, *Gnaevo*.

³⁾ Ср. *Ritschl*, *Rhein. Mus.*, IX, p. 9 sqq.

⁴⁾ Ср. *Corp. Inscr. Lat.* I p. 16 и *Ritschl*, *Prisc. Lat. Mon. Tab.* XXXII.

буквально". Понятно, что г. Модестову долженъ нравиться планъ работы, если планъ этотъ принадлежитъ ему самому. Съ своей стороны не можемъ согласиться ни съ его похвалами, ни съ его порицаніями. Напрасно упрекаетъ онъ г. Гвоздева за то, что этотъ авторъ будто смѣшиваетъ ямбы съ сатирами; напротивъ, г. Модестовъ вѣжески не знаетъ, что ямбическія стихотворенія древнихъ часто имѣли сатирической характеръ; далѣе напрасно онъ увѣряетъ, что ученый не имѣетъ права считать *гендекасиллабы* заглавіемъ стихотворенія. Если Горацийъ называетъ всегда извѣстный родъ своихъ стихотвореній *ямбами* ¹⁾, а не *эподами*, какъ мы называемъ ихъ теперь, то почему же Плиній не могъ назвать свои стихотворенія по размѣру, въ которыхъ они были написаны?

На стр. 6—11 г. Модестовъ нападаетъ съ яростью, не знающею никакихъ границъ, на статьи, присланныя изъ Лейпцига. Мѣриломъ прозорливости и зрѣлости сужденія нашего Scioppius XIX столѣтія можетъ служить то обстоятельство, что онъ называетъ статьи эти трудами нѣмецкихъ студентовъ (стр. 6), ни на одну іоту не стоящими выше трудовъ кievскихъ студентовъ и т. д. На это мы можемъ возразить, что здѣсь въ Петербургѣ ни для кого не было тайной, что всѣ безъ исключенія статьи, присланныя изъ Германіи для нашего отдѣла классической филологіи, проходили черезъ руки Ричля и имъ самимъ были исправлены. Въ авторитетѣ Ричля самъ г. Модестовъ врядъ ли будетъ сомнѣваться, такъ какъ онъ самъ не разъ называетъ его въ своей *Исторіи римской литературы* ²⁾ первостепеннымъ филологомъ нашего столѣтія.

Первая изъ упомянутыхъ статей, подвергающаяся нападенію, хотя и менѣе сильному, чѣмъ другія, носитъ названіе: „Римская эпопея во времена Имперіи. I. Маркъ Анней Луканъ“. Г. Модестовъ совершенно вѣрно угадалъ что авторъ ея нѣмецъ. Это извѣстный издатель Клавдіана Ludwig Jeer, но никакъ не „лейпцигскій студентъ“. „Статья эта“, говоритъ онъ, „очевидно, нѣмецкаго издѣлія: объ этомъ свидѣтельствуютъ—крайне сухой тонъ“ (понятно, авторъ никого не бранить), „исключительное занятіе автора источниками да пособіями, кодексами да схолиями, полное незнакомство его съ французскою ученою литературой“ и т. д. Г. Jeer сообщаетъ именно то, что необходимо знать филологу, желающему заниматься специальнымъ изученіемъ ка-

¹⁾ Ср. Hor. Carm. I 16, 3 и 24; Epod 14, 71; Epist. I 19, 23.

²⁾ Напр. I стр. 147.

кого нибудь писателя и чего именно напрасно русской филологъ будетъ искать въ *Истории римской литературы* г. Модестова.

Послѣ этого (стр. 7) особенное неудовольствіе г. Модестова возбуждаетъ статья подъ заглавіемъ: „Латинская орфографія“. Она принадлежитъ Вильгельму Брамбаху, автору известной книги „Die Neugestaltung der lateinischen Orthographie in ihrem Verhältniß zur Schule“. (Leipzig 1868).

Можно соглашаться или не соглашаться съ мнѣніями автора этой статьи, но на какомъ основаніи г. Модестовъ находитъ (стр. 9), что онъ „не мастеръ своего дѣла“, „высказываетъ мысли, его головой не переваренныя“ и т. д., этого мы рѣшительно не постигаемъ. Въ подтвержденіе своего рѣзкаго сужденія, г. Модестовъ приводитъ только одно мѣсто; на стр. 325 говоритъ Брамбахъ слѣдующее: „образцомъ для нынѣ пишущихъ по латыни и для грамматическихъ учебниковъ должна служить звуковая степень развитія молодой латыни въ періодъ высшаго ея совершенства (отъ Нерона до Адріана)“. По поводу этого мѣста г. Модестовъ (стр. 9.) восклицаетъ: „Что это за молодая латынь? Какое основаніе такъ называть латинскій языкъ, начиная со времени философа Сенеки и кончая Тацитомъ? Есть ли у автора статьи какое-либо пониманіе періодовъ латинскаго языка и литературы? ¹⁾ Откуда онъ взялъ, что латынь отъ Нерона до Адріана представляетъ собой періодъ высшаго совершенства?“

Слова подчеркнутыя нами какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ о логикѣ г. Модестова. Брамбахъ, для отличія отъ классической латыни, называетъ *молодою* латынью безъ сомнѣнія латинскій языкъ упадка, или вообще время императоровъ. Этотъ обширный періодъ литературы, обнимающій писателей отъ Сенеки до Клавдіана и Боэція, имѣлъ конечно различныя подраздѣленія, не сходныя между собою. Почему же не назвать литературу время отъ Нерона до Адріана періодомъ высшаго совершенства времени *упадка*? Развѣ изъ этого слѣдуетъ, что Брамбахъ назвалъ латынь отъ Нерона до Адріана періодомъ совершенства латинскаго языка *вообще*? ²⁾

Далѣе нельзя не обратить вниманіе на одно мѣсто, относящееся также къ статьѣ г. Брамбаха, гдѣ г. Модестовъ представляетъ явныя доказательства того, что онъ не имѣетъ никакого понятія объ исторіи

¹⁾ Последній вопросъ можно скорѣе предложить самому г. Модестову.

²⁾ Ср. *Brambach*. Neugestaltung der lateinischen Orthographie p. 14 sq., гдѣ авторъ защищаетъ подробности свое подраздѣленіе.

филологіи. На стр. 8-ой мы читаемъ: „Ореографія латинская, всѣмъ намъ извѣстная, какъ и всякая другая заключаетъ въ себѣ не мало несообразностей; но она образовалась не въ одинъ годъ, а существуетъ въ новой Европѣ четыре столѣтія и установлена она не Нѣмцами, а Итальянцами и Французами, которымъ вообще принадлежитъ постройка первоначальнаго зданія классической филологіи. При всемъ множествѣ филологическихъ книгъ въ Германіи, Нѣмцы въ наукѣ сравнительно все-таки новички, и не будь въ XVI-мъ столѣтіи во Франціи Бюдэ, Этьенъ, Скашеровъ, Казобоновъ, Сомезовъ и мн. др., не будь затѣмъ въ Голландіи Липсіевъ, Гейнзіевъ, Гроновіевъ, Перизоніевъ, Гемстергейзовъ, не будь даже въ Англій Бентлея и др., не было бы въ Германіи ни Нибура, ни Вольфа, ни Бѣка, ни Германа, ни Ричля, труды которыхъ стоятъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ трудовъ ихъ иноземныхъ предшественниковъ“. Читатель видитъ во первыхъ, что весь вопросъ опять-таки сводится къ національностямъ, между тѣмъ какъ до науки имъ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла. Что Гроновъ не былъ Голландецъ ¹⁾, почти не стоитъ упоминать. Вѣдь бѣда въ томъ, что г. Модестовъ забываетъ, что *post hoc* не есть *propter hoc*. Смѣло можно сказать, что если бы исчисленные имъ французскіе, голландскіе и др. филологи не существовали, то всѣ выше упомянутыя нѣмецкія знаменитости могли бы достигнуть тѣхъ же самыхъ научныхъ результатовъ, какіе ими теперь достигнуты, а достигли они ихъ потому именно, что работали совершенно независимо отъ своихъ предшественниковъ.

Лишь въ концѣ прошлаго столѣтія, филологія какъ наука была создана Фр. Авг. Вольфомъ; система его была развита его учениками и послѣдователями: возникли науки метрики, сравнительной и исторической грамматики, систематической исторіи литературъ, между тѣмъ, какъ уже до Вольфа наука археологіи была создана Винкельманомъ. Спора нѣтъ: множествомъ отдѣльныхъ открытій мы обязаны филологамъ, принадлежащимъ не къ германской націи, но для оцѣнки и пониманія общаго хода филологіи въ XIX столѣтіи важны не подробности, но методъ. Благодаря именно тому, что нѣмецкая филологія вездѣ доходила до первоначальныхъ источниковъ, оставляя совершенно въ сторонѣ теоріи и мнѣнія прежнихъ филологовъ, къ какимъ бы они націямъ ни принадлежали, благодаря этому, повторяемъ мы, и можно было достигнуть того, что достигнуто теперь.

¹⁾ Онъ родился въ Гамбургѣ въ 1611 году.

Если нѣмецкіе филологи должны ступеваться, по мнѣнію г. Модестова, передъ филологами другихъ націй, то чѣмъ же объяснить то обстоятельство, что такое огромное число изданій классиковъ въ Парижѣ, Оксфордѣ и т. д. принадлежить именно Нѣмцамъ? Почему Французы и Англичане, столь ревностно отстаивающіе свое національное достоинство, обратились къ иноземной помощи? Впрочемъ зачѣмъ прибѣгать къ косвеннымъ доказательствамъ, когда сами французскіе ученые прямо и откровенно признаютъ преимущество нѣмецкой филологіи. Для примѣра приведемъ отзывъ, принадлежащій столь восхваляемому самимъ г. Модестовымъ ¹⁾ Гастону Буассье, который (въ *Revue des deux Mondes*, p. 870, 15 Juin, 1868) говоритъ слѣдующее: „Il est certain, que nous ne pouvons regarder sans tristesse les progrès qu’ont faits la philologie et l’histoire depuis le milieu du siècle dernier; c’est le plus souvent hors de chez nous qu’ils se sont accomplis. La création de la philologie comparée et de la science des religions, le renouvellement des textes classiques, l’intelligence plus vive et plus vraie des littératures primitives et populaires, feront la gloire de notre époque. Malheureusement la France n’a pas toujours pris la part qui lui revenait dans ces travaux. Notre pays, sur lequel autre fois le monde entier avait les yeux, a cessé d’être le centre du mouvement scientifique. Les nations qui veulent s’instruire s’adressent à d’autres que nous. Oxford emprunte ses professeurs à l’Allemagne et lui demande les philologues pour la publication des textes qui sortent de ses presses; Naples s’est mise à l’école de Hegel; Pise, Florence, Milan, accoutumées à vivre autrefois de l’imitation de la France, ont aujourd’hui les yeux fixés sur Bonn, Goettingue ou Berlin“.

Вслѣдствіе того, что въ нашемъ столѣтіи стали обращаться къ первоначальнымъ источникамъ, вслѣдствіе того, что изучали надписи, не подлежащія такимъ искаженіямъ, каковымъ въ столь значительной мѣрѣ подвергались рукописи подъ вліяніемъ теорій грамматиковъ, и былъ поднятъ вопросъ о томъ, рачіонально ли писали мы то или другое слово или имя, такъ, какъ писали его въ средніе вѣка? Въ изданіяхъ своихъ ученые должны стараться возстановить по возможности текстъ въ той формѣ, которая ему была дана самимъ авторомъ, а потому для нихъ совершенно безразлично, какъ писалъ то

¹⁾ Лекціи по исторіи римской лит. I стр. 469.

или другое слово хоть бы и самый знаменитый филологъ прежнихъ временъ.

Точно также, рѣшаясь писать по латини, мы не можемъ ссылаться на то, что тотъ или другой филологъ употребилъ известную конструкцію, если доказано, что Римляне ее не употребляли: въ этомъ отношеніи авторитетъ не имѣетъ никакого значенія. Вотъ почему выраженіе г. Модестова, будто „ореографія установлена не Нѣмцами, а Итальянцами и Французами“ неумѣстно, ибо рѣчь идетъ здѣсь не о нѣмецкомъ, итальянскомъ или французскомъ языкахъ, а весь вопросъ въ томъ, какъ писали древніе.

Если будемъ держаться этого, по нашему глубокому убѣжденію, единственно вѣрнаго принципа, то естественно возникаетъ вопросъ, правописаніе *какою* столѣтія слѣдуетъ принимать за образецъ? Объ этомъ можно спорить. Брамбахъ въ своей статьѣ стоитъ за правописаніе приблизительно перваго столѣтія императоровъ: если г. Модестовъ не согласенъ съ нимъ, то пусть опровергнетъ мнѣніе г. Брамбаха; бранить же этого ученаго не за что, тѣмъ болѣе что бранныя слова, относящіяся къ Брамбаху, не умаляютъ его заслугъ и не высаятъ авторитетъ г. Модестова. Что касается до подробностей, то пусть нашъ профессоръ докажетъ, что древніе классическаго періода писали не Vergilius, но Virgilius, не condicio, но conditio, не intellego, но intelligo, и мы охотно примемъ это правописаніе не взирая на то, что г. Модестовъ не Италианецъ и не Французъ.

О библиографической статьѣ по поводу Риббекова изданія отрывковъ драматической поэзіи Римлянъ (Scaenicae Romanorum poesis fragmenta secundis curis recensuit Otto Ribbeck Leipzig 1871—1875) г. Модестовъ (стр. 10) между прочимъ говоритъ слѣдующее: „Эта статья, написанная безъ всякаго знакомства съ тѣмъ, что сдѣлано по отношенію къ этому изданію Риббека въ русской литературѣ (?),—а сдѣлано столько (??), что настоящая статья можетъ почитаться излишнею—очевидно есть произведеніе тоже какого либо лейтцискаго студента или Herr'a Doctor'a, при помощи которыхъ редакція Журн. Мин. Нар. Просв. думаетъ посвятить русскую публику въ тайны классической филологіи. Въдѣ эти жалкіе люди, посылающіе издѣлія своей крохотной учености въ русскій казенный журналъ, въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что намъ безъ нихъ нѣтъ спасенія, что они знакомятъ насъ Богъ вѣсть съ какими чудесами“. Авторъ этой статьи, подписанной О. Р., никто иной какъ (кто бы вы думали, читатель?)—Отто Риббекъ, тотъ самый Отто Риббекъ, котораго г. Модестовъ въ
часть CLXXXV, отд. 5.

своей *Исторіи римской литературы* (I стр. 149, ср. стр. 101) называетъ „наиболѣе компетентнымъ собирателемъ остатковъ римскаго сценическаго искусства“...

Г. Модестовъ совершенно правъ: „difficile est satiram non scribere“; но только содержаніемъ сатиры должно быть нѣчто другое, чѣмъ полагаетъ нашъ ученый: темой для нея можетъ послужить прозорливость и основательность самого г. Модестова.

Объ упомянутой нами сейчасъ статьѣ г. Модестовъ говоритъ, что она можетъ почитаться совершенно излишнею, потому что она написана „безъ всякаго знакомства съ тѣмъ, что сдѣлано по отношенію къ этому изданію Риббека въ русской литературѣ“. Признаемся откровенно, намъ неизвѣстно, чтобы по отношенію къ изданію Риббека было сдѣлано въ русской литературѣ что нибудь *существенное*, дѣйствительно заслуживающее вниманія. Развѣ предположить, что г. Модестовъ имѣетъ тутъ въ виду то, что написано имъ самимъ? Если предположеніе это вѣрно, то читатель можетъ успокоиться; то, что пишетъ г. Модестовъ, не обладающій, какъ окажется ниже, даже самыми элементарными познаніями въ латинскомъ языкѣ, можно смѣло оставить безъ вниманія. Впрочемъ, въ изданной имъ *Исторіи римской литературы* мы тщетно искали какого нибудь упоминанія о трудахъ русскихъ ученыхъ, относящихся къ критической обработкѣ отрывковъ драматической поэзіи Римлянъ.

Остается еще упомянуть о переводѣ статьи Риббека, которая была написана на нѣмецкомъ языкѣ. Статья эта въ русскомъ переводѣ начинается такъ: „Какъ въ *древнія*, такъ равно и въ новѣйшія времена не было недостатка въ заявленіяхъ, выражавшихъ сожалѣніе о томъ, что такъ называемая классическая литература времени Августа отгѣснила на задній планъ произведенія республиканскаго періода и тѣмъ самымъ произвела паденіе столь многихъ сочиненій, въ высшей степени интересныхъ для исторіи римскаго духа“. Г. Модестову въ только что приведенномъ отрывкѣ не нравятся два слова: *древнія* и *паденіе*. Намъ кажется, что онъ не достаточно вникнулъ въ смыслъ цитированнаго имъ мѣста. Говоря, что уже въ *древнія* времена сожалѣли о томъ, что литература времени Августа отгѣснила на задній планъ произведенія республиканскаго періода, Риббекъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ въ виду времена Фронтонна и его послѣдователей; вотъ почему онъ и продолжаетъ по нѣмецки: „und dadurch eben den Verfall von Werken verursachte“ и т. д. Во времена Фронтонна названныя сочиненія еще не были утрачены, но были только въ пре-

небреженіи; поэтому Риббекъ и употребляетъ слово „Verfall“ *паденіе, упадокъ*. Можетъ быть выборъ слова „паденіе“ неудаченъ и было бы лучше замѣнить его словомъ *пренебреженіе*, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что весь переводъ сдѣланъ дурно.

Затѣмъ, въ доказательство, что переводъ дѣйствительно сдѣланъ дурно, г. Модестовъ приводитъ другое мѣсто, свидѣтельствующее только этимъ, до какой мелочной придирчивости доходитъ его критика. Вотъ оно: „О комической поэзіи мы можемъ судить только по одному роду, а именно—*fabula palliata*, зависящей совершенно отъ греческихъ оригиналовъ новѣйшей аттической комедіи“.

По поводу этого г. Модестовъ замѣчаетъ (стр. 11): „Не знающій нѣмецкаго языка и совершенно незнакомый съ предметомъ переводчикъ вообразилъ, что *fabula palliata* есть какой-то новый видъ комедіи нашего времени и зависитъ отъ какой-то новѣйшей аттической комедіи. Какъ извѣстно греческая классическая комедія раздѣлялась грамматиками на три вида: древнюю (*ἀρχαία*, *prisca* или *antiqua*), среднюю (*μέση*, *media*) и новую (*νέα*, *nova*). По нѣмецки эта новая комедія называется *neue*; отсюда малограмотный переводчикъ и вывелъ свою *новѣйшую* аттическую комедію“.

Г. Модестовъ ошибается, предполагая, что новая аттическая комедія называется *только* *νέα*; Фринихъ р. 344 говоритъ: *παρά τιν τῶν νεωτέρων κομῶδων οἷς καὶ αὐτοῖς οὐ παύσεον*. Но этимъ мы никоимъ образомъ не стараемся извинить переводчика. Можетъ быть г. Модестовъ совершенно правъ утверждая, что было бы лучше сказать: „*fabula palliata* зависитъ отъ оригиналовъ *новой* аттической комедіи“. И поэтому, въ крайнемъ случаѣ, слѣдовало бы заключить, что переводчикъ не достаточно владѣетъ русскимъ языкомъ; приписывать же ему сумасшедшую мысль, будто *fabula palliata*—произведение *нашего* времени и зависитъ отъ какой-то теперешней аттической комедіи, значить умышленно должно истолковывать чужія слова, ибо нѣтъ никакой необходимости слово *новѣйшій* понимать въ смыслѣ *самый новѣйшій*. Если мы говоримъ: Сципіонъ Младшій, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что послѣ него не жилъ никакой Сципіонъ.

Наконецъ, г. Модестовъ придирается и къ тому, что въ статьѣ (стр. 420) было сказано: „Издатель пообѣщалъ исторію римской трагедіи, которую нужно *замѣнить* *quaestionum scaenicarum* 1-го изданія“. Нельзя не видѣть, что передъ *quaestionum scaenicarum* выпало существительное; если не ошибаемся, то опущено слово *matrisa*.

Какъ слабы вообще доводы г. Модестова видно изъ того, что онъ ловить на опечаткахъ!

Прежде, чѣмъ разстаться съ составленнымъ г. Модестовымъ обзорѣмъ русской филологической литературы, не можемъ не остановиться на замѣчаніяхъ его еще объ одной статьѣ помѣщенной, не въ отдѣлѣ классической филологии, но въ первой части *Журн. Мин. Нар. Просв.*, о статьѣ г. Люгебиля, озаглавленной: „О руководствѣ: Жизнеописанія Корнелія Непота по Фельверу“.

Всякій безпристрастный человѣкъ не найдетъ ничего „страннаго“ въ томъ, что г. Люгебиль излагаетъ мотивы, которые побудили его къ изданію названной книги. Подобнаго рода объясненія самого автора объ изданномъ имъ трудѣ вовсе не составляютъ рѣдкаго или даже небывалаго явленія въ литературѣ, какъ находить это г. Модестовъ. Во всякомъ случаѣ г. Люгебиль поступилъ прямо и откровенно, что гораздо лучше, чѣмъ поручать рекомендацію своей книги другому лицу, которое при случаѣ могло бы за это разсчитывать на похвалу со стороны восхваленнаго имъ автора,—явленіе, къ сожалѣнію вовсе не рѣдкое въ литературѣ.

Что же касается до книги г. Люгебиля, то познакомившись съ нею обстоятельно, нельзя не признать ее въ высшей степени полезнымъ пособіемъ для преподаванія латинскаго языка въ третьемъ классѣ гимназій. Всякій, кто занимается преподаваніемъ въ этомъ классѣ, знаетъ, съ какими трудностями приходится бороться именно вслѣдствіе того, что общепринятыя тексты часто испещрены нарушеніями тѣхъ синтаксическихъ правилъ, которыя только что были объяснены ученикамъ. Упрекать г. Люгебиля въ безцеремонномъ обращеніи съ однимъ изъ произведеній древности не будетъ никто, кому извѣстно, что Корнелій Непотъ дошелъ до насъ далеко не въ подлинникѣ, что это не болѣе какъ извлеченіе изъ него, а мѣстами крайне неумѣлая и жалкая передѣлка. Если подобная передѣлка была предпринята во времена императоровъ для потребностей тогдашнихъ школъ, то мы, въ виду потребностей школъ нашихъ, имѣемъ полное право не довольствоваться работою тогдашнихъ компиляторовъ. Г. Модестовъ ссылается на сужденіе о Непотѣ такихъ ученыхъ какъ Эразмъ, Ламбинъ и Муреть, но онъ забываетъ, что: 1) названные ученые не могли въ свое время судить о многомъ такъ, какъ мы судимъ теперь, обладая совершенно другими средствами и пособіями и 2) существуетъ не мало писателей и сочиненій, превозносимыхъ нѣкогда до небесъ,

и которые нынѣ въ совершенномъ пренебреженіи ¹⁾). Что касается, наконецъ, сдѣланныхъ г. Люгемилемъ измѣненій въ слогѣ Непота или Фѣлькера, то именно то обстоятельство, что г. Модестовъ, стараясь доказать неумѣстность этихъ измѣненій, могъ сослаться только на одно мѣсто—на стр. 1 изданія г. Люгебиля (гдѣ perfecta вмѣсто plusquamperfecta Фѣлькера не взирая на увѣренія г. Модестова совершенно вѣрны ²⁾),—то это обстоятельство лучше всего свидѣтельствуетъ въ пользу г. Люгебиля и обнаруживаетъ некомпетентность г. Модестова въ вопросахъ, о которыхъ онъ взялся судить.

Послѣ всего сказаннаго нами, невольно рождается вопросъ: что же даетъ г. Модестову право принимать столь надменный тонъ въ своихъ отзывахъ о работахъ другихъ лицъ? Мы убѣдились, что въ статьяхъ, подвергнутыхъ имъ разбору, вовсе не заключается такихъ недостатковъ, которые оправдывали бы подобную суровость приговоровъ. По крайней мѣрѣ г. Модестовъ не сумѣлъ отыскать дѣйствительно находящихся въ нихъ ошибокъ: все, что онъ приводитъ или относится къ такимъ мелочамъ, о которыхъ и говорить не стоитъ, или же доказываетъ незнаніе ³⁾ самого г. Модестова.

Если поэтому статья, помѣщенная въ отдѣлѣ классической филологіи *Журн. Мин. Нар. Просв.*, не даютъ г. Модестову права выражаться о нихъ столь безцеремонно, то слѣдуетъ предположить, что онъ самъ, въ своихъ трудахъ, достигъ идеала ученаго, такого ученаго, „для котораго“, по собственному его выраженію, „занятіе наукой не арена для приобрѣтенія доходныхъ мѣстъ и разныхъ наградъ, а подвигъ жизни, высочій нравственный долгъ“ (стр. 8): кто строгъ въ отношеніи къ другимъ, тотъ, безъ сомнѣнія, прежде всего, долженъ быть строгъ и къ самому себѣ.

¹⁾ Для примѣра упомянемъ о «Картинѣ Кивита» (Cebetis tabula).

²⁾ Если кто изъ читателей пожелаетъ провѣрить насъ, то предупреждаемъ, что слѣдуетъ прочесть всю 1-ую главу, а не только слова, приведенныя г. Модестовымъ.

³⁾ Даже тамъ, гдѣ г. Модестовъ и правъ, онъ, отъ излишняго рвенія, хватаетъ иногда, какъ говорится, черезъ край и утверждаетъ такія вещи, которыя крайне легко можно опровергнуть. Такъ, на примѣръ, на стр. 20, онъ утверждаетъ, что ни Pauly, ни Bachg не писали о Горациѣ. Между тѣмъ Беру принадлежатъ статьи о Горациѣ, помѣщенныя въ *Heidelberger Jahrbücher*, 1863, стр. 706 сл. и 1865, стр. 10 сл., а Фр. Паули издалъ въ Прагѣ схолиастовъ Горациа, Аврона и Порфиріона (1858, въ двухъ томахъ), и выпустилъ въ свѣтъ изданіе Горациа въ Лейпцигѣ въ 1855 году.

Послѣднее размышленіе побудило насъ завѣсть произведеніями нашего суроваго судьи. Перелистывая сочиненія г. Модестова мы безъ труда могли убѣдиться, что имѣемъ дѣло съ одною изъ тѣхъ не рѣдко встрѣчающихся личностей, которыя видятъ спицу въ глазу ближняго, не замѣчая бревна въ своемъ собственномъ глазу.

Вышедшая въ 1864 г. монографія г. Модестова: „Тацитъ и его сочиненія“, могла бы представить обильный матеріалъ для характеристики его какъ филолога и знатока латинскаго языка. Мы не останавливаемся на ней однако, ибо совершенно справедливо могли бы возразить намъ, что въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ г. Модестовъ имѣлъ время выучиться латинскому языку. Вотъ почему мы займемся только послѣдними произведеніями его пера, а именно статейкой его: „Объ одномъ славянскомъ имени въ Помпейскихъ надписяхъ“ и первымъ томомъ *Исторіи римской литературы*.

Что касается до упомянутой статьи, то уже въ мартовской книгѣ этого журнала, мы, какъ полагаемъ, совершенно ясно для каждаго доказали, что г. Модестовъ нивакого славянскаго имени въ помпейскихъ надписяхъ не открылъ, но при этомъ ни однимъ словомъ не упомянули о поразительномъ незнакомствѣ автора съ главнѣйшими основами латинской грамматики, обнаружившемся въ переводѣ одной латинской надписи. Объ этомъ ужасномъ переводѣ не упомянуто въ нашей статейкѣ потому, что не о томъ шло въ ней дѣло; но теперь не излишне возвратиться къ нему, для уясненія познаній г. Модестова.

На стр. 1-й (отдѣльнаго оттиска Трудовъ 3-го археологическаго съѣзда), между прочимъ, сказано буквально:

„Сюда относятся слѣдующія надписи:

1) у Zangem. № 821, p. 50:

A. SVETTIVM· CERTVM· AED· O· V· F·
SCRIBIT· PARIS· IDEM· ROGAT
AETATIS· D· г. p. IARIN...

то-есть, A. Suetitium Certum aedilem oro vos faciatis. Scribit Paris, idem rogat. Aetatis dignum. (rei publicae) Jarinus). По русски это значитъ: „Прошу васъ сдѣлать эдиломъ А. Светтія Церта. Пишетъ Парисъ. Также предлагаетъ его (sic!), достойнаго по лѣтамъ (sic!) общественной должности, Яринъ“.

Не говоря уже о томъ, что переводъ этотъ не соотвѣтствуетъ знакамъ препинанія, поставленнымъ самимъ г. Модестовымъ, прежде

всего поражаютъ въ немъ слова: „также его предлагаетъ“, что по латыни слѣдовало бы по крайней мѣрѣ выразить: *eundem rogat*, ибо, очевидно, г. Модестовъ считалъ *idem* сперва за *acc. sing. gen. masc.* Мы говоримъ: *сперва*, потому что г. Модестовъ въ доставленныхъ имъ въ Петербургъ оттискахъ надъ словами: „также предлагаетъ“ перомъ написалъ: „онъ же предлагаетъ“, такъ что теперь выходитъ: „онъ же предлагаетъ его... Яринъ“. Теперь, значить, г. Модестовъ считаетъ *idem* за *nom. sing. gen. masc.* Хотя такое открытіе и сдѣлало бы честь ученику перваго класса гимназій, мы тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ наши усилія, не можемъ понять, что значать слова: „онъ также предлагаетъ Яринъ“. Если г. Модестовъ хочетъ этимъ сказать, что: *Яринъ также предлагаетъ его*, то мы должны возразить, что *Яринъ также* можно было бы выразить по латыни только черезъ: *Jarinus (et) ipse* или *Jarinus quoque* или *etiam*, и что въ надписи нѣтъ ни малѣйшаго слѣда какого-нибудь слова, которое соотвѣтствовало бы русскому „его“. Еслибы надпись уцѣлѣла вполнѣ, въ чемъ мы имѣемъ полное основаніе сомнѣваться, то *idem* можно бы было понимать только какъ *acc. sing. gen. neutr.* и можно было бы перевести означенное мѣсто: *то же самое предлагаетъ Яринъ*.

Другую, можетъ быть еще болѣе грубую ошибку, сдѣлалъ г. Модестовъ переведя *aetatis* „по лѣтамъ“. Если родительный падежъ часто встрѣчающійся въ надписяхъ при *dignus*, находитъ свое объясненіе въ греческомъ языкѣ, то *aetatis*, какъ толкуетъ его г. Модестовъ, идетъ въ разрѣзъ съ правилами какъ латинскаго, такъ и греческаго синтаксиса. Какъ слѣдуетъ понимать *aetatis*, сдѣлается яснымъ изъ сравненія съ другою надписью (*Corp. Inscr. Lat. IV, № 720*), гдѣ значитъ:

L. POPIDIVM. SECVNDVM.
AED. IVVENEM. INNOCVAE. AETATIS. D. R. P. ¹⁾

то-есть, *aetatis* можетъ быть здѣсь только *gen. qualit.*, а такъ какъ родит. падежъ качества безъ прилагательнаго не употребляется, то необходимо предположить, что въ № 821 съ правой стороны стерлось нѣсколько словъ, на что, кромѣ того, указываетъ также слово *idem* и неясный конецъ надписи, почему издатели и сомнѣваются въ томъ, можно ли въ уцѣлѣвшихъ неясныхъ остаткахъ буквъ узнать начало имени *Jarinus*.

¹⁾ Ср., кромѣ того, *C. I. L. IV, № 709, 785* и.

Наконецъ „scribit Paris“ переведено г. Модестовымъ: „*пишетъ Парисъ*“. Какъ во многихъ другихъ случаяхъ, такъ и въ этомъ, наиболѣе буквальный переводъ слѣдуетъ считать самымъ невѣрнымъ. Еслибы г. Модестовъ былъ настоящій филологъ, то ему слѣдовало бы задать себѣ вопросъ, что такое значить: „*пишетъ Парисъ*“. Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы сообщить здѣсь тѣ результаты, къ которымъ мы пришли изъ сравненія многихъ другихъ подобныхъ надписей.

Сперва мы замѣтили, что главнымъ образомъ въ программахъ о предстоящихъ выборахъ чрезвычайно часто встрѣчается одна и та же формула, а именно: scribit (обыкновенно въ сокращенномъ видѣ scr.) съ слѣдующимъ затѣмъ именемъ. Приведемъ всѣ замѣченные нами случаи изъ 4-го тома Corp. I. L.:

Scr. Infantio находится въ №№ 120, 230, 709, 785 а, 789, 984.

Scr. Issus № 234.

Scr. Fructus № 387.

Scr. Florus cum Fructo № 581.

Scri. Ascaules № 636.

Scr. Florillus № 803.

Scr... № 1165 (имя стерлось).

Scribet (= Scribit) Venus № 1536.

Scr. Protog(enes) № 2975.

Потомъ безъ упомянутой программы читается въ неполныхъ надписяхъ:

Scr. Issus № 225.

Scr. Livius Severus № 2993 а

Scr. Melicertes 2993 п.

Наконецъ рядомъ съ надписью, заявляющею большими буквами о предстоящихъ гладиаторскихъ играхъ, находятся подъ № 1190 слѣдующія слова, написанныя сравнительно очень маленькими буквами:

Scr. Secundus dealbante Vict(or)e adstante Vestino.

Эти послѣднія слова навели насъ на слѣдующее объясненіе столь часто встрѣчающагося слова scribit.

По всей вѣроятности для избѣжанія поддѣлки, законъ требовалъ, чтобы во всѣхъ публичныхъ объявленіяхъ называлось не только то лицо, отъ котораго объявленіе исходило, но и то, которое по чьему-либо порученію изображало его на стѣнѣ, а то обстоятельство, что не рѣдко попадаются надписи безъ названія имени лица, начер-

тавшаго надпись, объясняется тѣмъ, что множество этихъ надписей сохранилось не вполне, а лишь частями.

Это предположеніе наше относительно слова scribit подтверждается еще и тѣмъ, что уже въ такъ называемомъ Sc. de bacchanalibus встрѣчаются слова (Corp. Inscr. Lat. I, № 196): Sc(ribendo) arg(ueunt) M. Claudi(us) M. f., L. Valeri(us) P. f., Q. Minuci(us) C. f., и наконецъ тѣмъ, что и въ греческихъ надписяхъ часто упоминается γραμματεὺς¹⁾.

Перейдемъ теперь къ другому труду г. Модестова, а именно къ его *Лекціямъ по исторіи римской литературы*.

Принимая въ соображеніе то обстоятельство, что трудъ г. Модестова пополняетъ чувствительный пробѣлъ въ русской филологической литературѣ, нельзя не назвать книгу эту вообще полезною. Съ другой стороны, вслѣдствіе именно того, что г. Модестовъ гонится, какъ говорится, за двумя зайцами, то-есть, что онъ не только желаетъ приспособить свое руководство къ потребностямъ студентовъ, но и хочетъ сдѣлать его доступнымъ для большинства публики, весьма естественно, что онъ не достигаетъ ни той, ни другой цѣли. Стремленіемъ г. Модестова угодить вкусу публики объясняется фельетонный характеръ его книги, не рѣдко поверхностное отношеніе къ дѣлу, умалчиваніе о многихъ, для филологовъ необходимыхъ вещахъ и т. п. Какъ на одну изъ наименѣе удовлетворительныхъ частей разбираемаго сочиненія уважемъ здѣсь только на стр. 128 — 152, гдѣ рѣчь идетъ о Плавтѣ.

Впрочемъ, главная наша цѣль, при разсмотрѣннн сочиненія г. Модестова—показать, на столько ли обладаетъ онъ глубиною познаній, и на столько ли уберется онъ отъ ошибокъ, чтобы имѣть право относиться съ безпощадною строгостью къ другимъ.

Естественно, что во всякой книгѣ, болѣе или менѣе носящей характеръ компиляціи, слѣдуетъ, для провѣрки познаній автора, обращаться къ тѣмъ ея мѣстамъ, которыя вѣроятнѣе всего принадлежатъ ему самому. Вотъ почему мы главнымъ образомъ остановимся на переводахъ г. Модестова изъ латинскихъ писателей.

¹⁾ Ср. Boeckh, Staatshaushaltung d. Ath. I, стр. 252; K, Fr. Hermann, Lehrbuch d. griech. Staatsalterth. (изд. 4-го стр. 373 и 433, изд. 5-го стр. 491 и 565. Впрочемъ γραμματεὺς у Грековъ и scriba въ sc. de bacch. были оофициальныя личности, между тѣмъ какъ въ Помпейскихъ надписяхъ мы имѣемъ дѣло, можетъ быть, съ частными лицами.

Но прежде чѣмъ заняться этими не рѣдко изумительными переводами г. Модестова, мы не можемъ не остановиться на нѣсколькихъ другихъ пунктахъ, явно обнаруживающихъ шаткость его свѣдѣній.

Вопервыхъ, неприятно поражаютъ сокращенія въ родѣ слѣдующихъ: стр. V ¹⁾: In. R. N. и стр. 113: Varr. de lin. lat. Въ сокращеніяхъ, какъ извѣстно, придерживаются того правила, что ставятъ или начальную букву собираемыхъ словъ (напримѣръ, C. I. L. = Corp. Inscr. Lat.) или же, если это недостаточно понятно, пишутъ *est* согласныя до слѣдующей гласной буквы; lingua поэтому можно сокращать: или l. или ling., Inscriptiones—или I., Inscr. или Inscript., но никоимъ образомъ ни In., ни Ins., ни Insc., ни Inscrip. и т. д. Подобаешь ли поэтому г. Модестову упрекать другихъ въ малограмотности, этотъ вопросъ мы опять таки предоставляемъ рѣшить читателю.

Какъ вамъ нравится далѣе правописаніе *magnifacere* (въ одномъ словѣ!) стр. 216?

Другой курьезъ находится на стр. 48-й, гдѣ мы читаемъ: „Есть обозначенія городовъ на монетахъ въ творит. един. на *d*, какъ *Vepeventod* (*влияніе осскаго языка (sic)*)“.

Послѣднія три слова бросаютъ яркій свѣтъ на филологическое образованіе г. Модестова. Даже для учениковъ нашихъ гимназій уже болѣе не тайна, что языки латинскій, греческій, нѣмецкій, кельтскій, санскритскій и т. д. составляютъ вѣтви одной общей индо-европейской семьи, и что конечное *d* твор. пад. ед. ч. въ латинскомъ языкѣ есть общее достояніе этой индо-европейской семьи, утраченное только нѣкоторыми индо-европейскими языками, между прочимъ и позднѣйшимъ латинскимъ, но сохранившееся въ древне-бактрійскомъ, древне-латинскомъ и греческомъ ²⁾. Если въ *Rigveda* VII, 49, 1, значитъ: *salilasya madhyât yanti* (изъ середины моря они приходятъ), то *madhyât* г. Модестовъ, вѣроятно, сочтетъ также „влияніемъ осскаго языка“.

Все, что во 2-й лекціи г. Модестова (стр. 21—28) сказано о латинскомъ алфавитѣ, заимствовано болѣе или менѣе буквально изъ перваго изданія извѣстной книги Корсена (*Ausspr. Vocalism. etc.*).

¹⁾ Уже выше было сказано, что мы говоримъ теперь лишь о первомъ томѣ лекцій г. Модестова.

²⁾ Въ послѣднемъ въ нарѣчіяхъ на—*os*.

Что г. Модестовъ воспользовался не вторымъ изданіемъ этой книги ¹⁾, было причиной нѣкоторыхъ неточностей; такъ, напримѣръ, все, что говорится о буквѣ *x*, слѣдуетъ измѣнить по второму изданію; на стр. 26-й *abdoucit* въ надписи (*Corp. Inscr. Lat. I, № 30*) г. Модестовъ принимаетъ безъ всякаго основанія за *abduxit*. Впрочемъ, и первымъ изданіемъ г. Модестовъ не сумѣлъ воспользоваться какъ слѣдуетъ, что видно изъ слѣдующаго: у Корсена (стр. 6) сказано: *Diese Geltung behielt das Schriftzeichen C in den Bezeichnungen* (Корсенъ подразумѣваетъ подъ этимъ сокращеніемъ) *für die Namen Gaius und Gnaeus* (*Quint. I, 7, 28; Ter. Maur. p. 2402*). Г. Модестовъ выражаетъ это такъ (стр. 27): „Слѣды этого значенія и остались въ правописаніи (!) нѣкоторыхъ собственныхъ именъ, какъ *Cajus* (Гайюсъ) и *Spejus* (Гнейюсъ)“. Корсенъ хотеть сказать, что Римляне и въ позднѣйшее время писали *C=Gaius* и *CN=Gnaeus*, между тѣмъ какъ г. Модестовъ утверждаетъ, что Римляне и въ позднѣйшее время, если не начальными буквами выражали имя, писали *Cajus* и *Spejus*. Любопытно было бы узнать, гдѣ г. Модестовъ встрѣчалъ названныя формы собственныхъ именъ? Мы, съ своей стороны, не смотря на увѣренія г. Модестова, и впредь несокращенную форму будемъ писать какъ Римляне, то-есть, *Gaius* и *Gnaeus* ²⁾.

Столь же невѣрно и то, что говорится на стр. 27 и сл. объ отношеніи между буквами *C* и *K*.

На стр. 49 мы наталкиваемся на новый вырѣзъ: „Но окончаніе на согласную не требовалось въ древнѣйшей латыни“. Дѣло вотъ въ чемъ. Уже до возникновенія римской литературы настала такой періодъ, когда стали утрачиваться конечныя согласныя словъ, и лишь стараніями ученыхъ грамматиковъ удалось возстановить большую ихъ часть, между тѣмъ, какъ нѣкоторыя сокращенія сохранились до классическаго времени, какъ напримѣръ, *amavege* вмѣсто *amaverunt*, *amavege* вмѣсто *amaveris* etc. Въ народномъ же языкѣ никогда не были возстановлены прежнія конечныя согласныя, чѣмъ и объясняются многія явленія въ теперешнихъ романскихъ языкахъ и частое смѣшеніе падежей въ плебейскихъ надписяхъ. Если г. Модестовъ хотѣлъ сказать именно это, то онъ долженъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, выразиться яснѣе и понятнѣе.

¹⁾ Это тѣмъ страннѣе, что самъ г. Модестовъ на стр. 27 говоритъ, что послѣ выхода въ свѣтъ 2-го изданія книги Корсена, изданіе 1858 г. не можетъ быть употребляемо.

²⁾ Знакъ *j* для согласной вмѣсто *i* Римляне также не знали.

На стр. 33, 34 и 35 говорится о законахъ, приписываемыхъ римскимъ царямъ. Г. Модестовъ упоминаетъ о послѣднихъ такъ, какъ будто всѣ преданія, сохранившіяся у Ливія, Діонисія, Плутарха и т. д., не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнiю, и вслѣдствіе того смотритъ недоброжелательно на тѣхъ ученыхъ, которые скептически относятся къ древнѣйшей римской исторіи. Въ такихъ случаяхъ г. Модестовъ, вѣроятно, нисколько не сомнѣвается въ томъ, напримѣръ, что Тарквиній Гордый былъ сынъ Тарквинія Приска и что первый изъ нихъ уже при вступленіи Сервія Туллія на престолъ былъ взрослымъ человекомъ, такъ что Сервій могъ ему дать въ жены свою дочь; далѣе г. Модестову также, вѣроятно, кажется неоспоримымъ фактомъ, что тотъ же самый Тарквиній Гордый послѣ 44-лѣтняго царствованія Сервія Туллія самъ еще правилъ государствомъ 24 года, и потомъ еще жилъ въ изгнаніи въ продолженіи 15 лѣтъ. Вѣдь все это факты, сообщаемые историками.

Но оставимъ въ сторонѣ это довѣріе г. Модестова къ подлинности извѣстій о римскихъ царяхъ и перейдемъ къ мнѣнію нашего ученаго о просодіи Плавта. Мы не вѣрили своимъ глазамъ, когда на стр. 145 прочли слѣдующее: „Просодія Плавта не знаетъ долготы, устанавливаемой положеніемъ“! И это сказано, нужно замѣтить, безъ всякаго ограниченія... Если г. Модестовъ серьезно держится подобнаго мнѣнія, то можно смѣло утверждать, что онъ не читалъ ни одного стиха Плавта въ подлинникѣ. Много было высказано странныхъ и невѣроятныхъ мнѣній о просодіи Плавта, но увѣреніе г. Модестова превосходитъ всѣ эти странности своею нелѣпостью. Впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть, г. профессоръ (ученики коего пишутъ, будто бы, сочиненія лучше Риббека—самаго компетентнаго собирателя отрывковъ драматической поэзіи Римлянъ) сдѣлалъ новое научное открытіе; въ такомъ случаѣ мы нетерпѣливо желаемъ, чтобы онъ поскорѣе подѣлился имъ съ ученымъ міромъ.

Въ ожиданіи этого взглянемъ на его переводы съ латинскаго на русскій языкъ.

Неточностей, недосмотровъ, грубѣйшихъ ошибокъ здѣсь такое множество, что мы затрудняемся въ выборѣ.

Начнемъ съ стр. 73. Здѣсь перепечатана извѣстная эпитафія, посвященная памяти Луція Сципіона, сына Сципіона Бородатаго:

Hinc oino plorume cosentiont R(omane):
 Duonoro optumo fuisse viro...
 Lucium Scipione etc.

Начало этой эпитафii г. Модестовъ переводить такъ:

„Наибольшая часть Римлянъ согласны въ одномъ (sic!), что это былъ лучший человекъ изъ хорошихъ, Луцiй Сципионъ“.

Unum (оно) г. Модестовъ, очевидно, принимаетъ за средний родъ ед. ч. Хотя и встрѣчаются мѣста (у Cic. и Liv.), гдѣ consentire употребляется с. асс. для выраженiя того, съ чѣмъ кто согласенъ, однако, въ этомъ мѣстѣ unum имѣеть совершенно другое значенiе, а именно, какъ unus или unus omnium часто служитъ для усиленiя превосходной степени, такъ и здѣсь unum слѣдуетъ отнести къ ор-tuno(m) и считать его за асс. sing. gen. masc. Вслѣдствiе того нужно переводить: что здѣсь похороженный (hunc) Луцiй Сципионъ былъ наилучшимъ человекомъ изъ хорошихъ, (въ этомъ) согласны и т. д.

На стр. 77 и сл. мы находимъ переводъ извѣстныхъ стиховъ Горация (Ер. II, 1, 139 sqq.):

Agricolae prisci, fortes parvoque beati,
 Condita post frumenta levantes tempore festo
 Corpus et ipsum animum spe finis dura ferentem
 Cum sociis operum, pueris et coniuge fida,
 Tellurem porco, Silvanum lacte piabant,
 Floribus et vino Genium, memorem brevis vitae.

Эти стихи г. Модестовъ передаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Въ старину земледѣльцы, люди крѣпкіе и довольные малымъ, послѣ убора жатвы, облегчая праздничнымъ временемъ свое тѣло и сямый духъ, переносящій тяжелый трудъ лишь въ надеждѣ его окончанiя, приносимъ, вмѣстѣ съ своими помощниками въ работѣ—дѣтьми и вѣрными женами, въ жертву Землѣ свинью, Сильвану—молоко, а Генію, напоминаемо о кратковременности жизни, цвѣты и вино“.

По поводу этого перевода мы имѣемъ замѣтить: 1) что beati значить осчастливленные, 2) festo tempore не abl. instr., но temporis, почему нужно было бы перевести: въ праздничное время, 3) piare не значить „приносить въ жертву“, но „умилостивлять“ и 4) memog не значить „напоминатель“, но „помнящій“.

Послѣ этого Гораций продолжаетъ:

Fescennina per hunc inventa licentia morem
 Versibus alternis opprobria rustica fudit,

а г. Модестовъ переводить:

„Эти праздники (?) породили вольность Фесценнинъ, бросающихъ (?) въ отвѣтныхъ стихахъ деревенскія колкости“.

Уже не говоря о томъ, что это никакъ нельзя назвать перево-

домъ, но скорѣе объясненіемъ, подобное объясненіе даже не соотвѣтствуетъ словамъ Горация. *Mos* не значитъ „праздники“, а что касается того, чтобы Фесценнины бросали что бы то ни было, то Горацию и въ голову не приходило этого.

На стр. 116 стихи Энія (Cic. Tusc. V, 17, 49):

A sole exoriente supra Maeotis paludes
Nemo est, qui factis me aequiperare queat.

переданы въ слѣдующемъ видѣ:

«Нѣтъ никого отъ востока, что дальше болотъ Меотійскихъ,
Кто бы своими дѣлами могъ бы сравняться со мной».

Каждый видитъ, что въ пентаметрѣ не соблюденъ размѣръ и что переводъ гексаметра, по малой мѣрѣ, неудаченъ. *Supra* здѣсь = *trans* и выражаетъ: *надъ* солнце восходить.

На стр. 106 приведенъ одинъ изъ отрывковъ Невія ¹⁾, въ которомъ говорится объ одной вѣтряной женщинѣ:

Quase pila
In choro ludens datatim dat se et communem facit.
Alii adnutat, alii adnictat, alium amat, alium tenet.
Alibi manus est occupata, alii percellit pedem,
Anulum alii dat spectandum, a labris alium invocat etc.

Вотъ переводъ г. Модестова:

«Словно мячикъ
Въ ягрѣ, она кругомъ всѣмъ отдается, общая для всѣхъ:
Одному киваетъ; другому мигаетъ, любить одного, тѣшится съ другимъ;
Беретъ за руку одного, тому на ногу наступаетъ,
Тому даетъ смотрѣть кольцо, а этого зоветъ губами».

Г. Модестовъ воображаетъ, вѣроятно, что это стихи, но мы не видимъ здѣсь рѣшительно никакого размѣра; впрочемъ, это мало-важно въ сравненіи съ ошибочностью перевода. Если Невій говоритъ: *alibi est manus occupata*, то онъ подразумѣваетъ, конечно, руку женщины. Но даже и это блѣднѣетъ въ сравненіи съ слѣдующимъ перломъ: *a labris* = „губами“. Предлогъ *a* могло бы означать „сейчасъ“ послѣ (см. Handl. Tursell., I, p. 47), какъ *a balneo* = послѣ купанья (выкупавшись), *a pugna* = послѣ битвы и т. д., такъ что *a labris* слѣдовало бы перевести: *поцѣловать одного*; но все-таки гораздо вѣроятнѣе принять здѣсь *цѣлуя*, а въ буквальномъ переводѣ: „съ губъ одного зоветъ другаго“.

¹⁾ Ribbeck, Com., p. 17.

Цицеронъ, ссылаясь (Tusc. IV, 2, 3) на Катона, называетъ послѣдняго *gravissimus auctor*, что г. Модестовъ (стр. 68) переводитъ: „важнѣйшій писатель“. Цицеронъ употребляетъ *gravis* въ смыслѣ „вѣскій, достовѣрный“, а *auctor* у Цицерона нигдѣ не значитъ „писатель“¹⁾; въ указанномъ мѣстѣ слѣдовало бы перевести: свидѣтель, порука или источникъ.

На стр. 63 стихи Горація (Ер. II, 1, 86 и сл.):

Jam Saliare Numaе carmen qui laudat et illud,
Quod mecum ignorat, solus vult scire videri...

переведены: „Вотъ человѣкъ (!), который превозноситъ Салийскій гимнъ Нумы и хочетъ *показать* (!), что онъ одинъ знаетъ то, въ чемъ онъ такой же невѣжда, какъ и я“

Какъ видно, г. Модестовъ дѣлаетъ изъ приведенныхъ словъ Горація цѣлое предложеніе, между тѣмъ какъ у Горація главное предложеніе слѣдуетъ далѣе. Сверхъ того нужно принять къ свѣдѣнію, что *videri* г. Модестовъ переводитъ не (*по*)*казаться*, но „*показать*“!!

На стр. 117 стихи Эннія:

Musae, quae pedibus magnum pulsatis Olimpum,
Musas quas Graei memorant, nos Casmenarum...

переведены такъ:

«Музы, вы, что въ великій Олимпъ стучите своими ногами²⁾,
Музы, которыхъ Латины *подъ видомъ* Камень *почитаютъ*».

Мы привели латинскіе стихи такъ, какъ слѣдуетъ, а не такъ, какъ приводитъ ихъ г. Модестовъ. Послѣдній ставитъ во вторыхъ стихѣхъ послѣ *Musae* запятую, а послѣ *Casmenarum* — точку. Отдѣляя запятою *Musae* отъ *quas vocant* г. Модестовъ не имѣетъ права перевести: „Музы, которыхъ“ и т. д. Наконецъ, *memorant* не значитъ „почитаютъ“. Вотъ какъ слѣдовало бы перевести второй стихъ: „Вы, которыхъ Греки называютъ музами, а мы (обозначаемъ именемъ) Камень“...

На стр. 118 представляется нашимъ глазамъ опять новый образецъ неудачнаго перевода и явное доказательство того, что г. Модестовъ не въ состояніи понять латинскую рѣчь.

Въ сохранившихся у Сис. De div. I, 20, 40 отрывкахъ Эннія, ве-

¹⁾ См. *Krebs*, *Antibarbarus* s. v.

²⁾ Этотъ стихъ не гексаметръ, но гептаметръ.

сталка Илія, дочь Энея, разказываетъ другой женщинѣ видѣнный ею сонъ. Отрывокъ начинается слѣдующими словами:

Excita cum tremulis anus attulit artubus lumen,
 Talia commemorat lacrimans, *exterrita somno*:
 «Euridica prognata, pater quam noster amavit,
 Vires vitaeque corpus meum nunc deserit omne.
 Nam me visus homo pulcher *per amoena salicta*
 Et ripas raptare locosque novos: ita sola
 Postilla, germana soror, errare *videbar*
*Tarda*que *vestigare* et quaerere te neque posse
Corde capessere: semita nulla pedem stabilibat.
 Exin *compellare* pater me voce videtur
 His verbis: «o gnata, tibi sunt ante ferendae
 Aermnae, post ex fluvio fortuna resistet».
 Haec ecfatus pater, germana, repente recessit.

Эти стихи г. Модестовъ переводитъ такъ:

«Лишь пробудившись, старуха внесла къ ней дрожащей рукою
 Свѣтъ, какъ она начинаетъ *из испуга отъ сна* со слезами:
 «Дочь Эвридикей, которую *общій* любилъ нашъ родитель!
 Силы и жизнь въ моемъ тѣлѣ теперь какъ бы вовсе исчезли.
 Вижу я сонъ, что прекрасный мужчина меня увлекаетъ
 На берегъ къ *ивамъ* приятнымъ, къ мѣстамъ незнакомымъ; потому я
 Вижу, родная сестра, что хожу я одна и не скоро
Слѣдъ нахожу и ищу я тебя, но и *съ душою* собратъся
 Я не могу и нога моя ищетъ напрасно тропинки.
Вдругъ слышу голосъ отца я, который меня *призываетъ*
 Въ этихъ словахъ: «много, дочь моя, горя тебѣ придется
 Перенести, но за тѣмъ изъ рѣки тебѣ счастье возстанетъ».
 Только, родная, отецъ мой лишь это сказалъ, вдругъ исчезъ онъ».

Въ этомъ переводѣ не менѣе 9-ти ошибокъ:

- 1) Выражаясь: „въ испугѣ отъ сна“ мы подразумеваемъ подъ словомъ „сонъ“ сновидѣніе, а послѣднее выражается по латини *somnium*; *exterrita ex somno* значить: отъ испуга проснувшись.
- 2) „Общій“ (нашъ родитель)—прибавлено г. Модестовымъ и притомъ прибавлено неудачно. Впервыхъ, невѣроятно, чтобы молодая еще Илія имѣла сестрою дряхлую старуху (*anus — tremulis artubus*); вовторыхъ, ничего неизвѣстно о томъ, чтобы Эвридика была женою Энея; наконецъ, и слова *germana soror* вовсе не говорятъ противъ нашего предположенія, ибо нѣтъ причины понимать ихъ буквально.
- 3) *Per* не значить „къ“, но „по“.
- 4) *Salictum* не значить ива, но: мѣсто, засаженное ивами.

5) Videbar не значитъ „я вижу“, но такъ какъ videbar=mihi videbar, то слѣдовало бы перевести: мнѣ казалось, будто я и т. д.

6) „И не скоро слѣдъ нахожу“ соответствуетъ, по мнѣнію г. Модестова, латинскимъ словамъ: *tardaue vestigare*; нужно бы было перевести: „и (медленными) нерѣшительными шагами ступая (*tarda*), я старалась отыскать“.

7) *Corde capessere* (т. е. *te*) крайне неудачно переведено „собраться съ духомъ“, что по латыни слѣдовало бы выразить *me colligere* или тому подобнымъ глаголомъ; поэтому *animo te capessere* по *rotegam* нельзя перевести иначе, какъ: я не могла своимъ воображеніемъ (*animo*) схватить тебя = ты не представилась (во снѣ) моему воображенію.

8) *Erip* не значитъ „вдругъ“, но „потомъ“.

9) *Compellare* нельзя перевести глаголомъ „призывать“ тѣмъ болѣе что, какъ видно изъ стоящихъ предъ тѣмъ словъ отца, послѣдній вовсе и не призываетъ къ себѣ свою дочь. *Pater compellare me voce videtur his verbis* г. Модестовъ долженъ бы былъ выразить: „Отецъ, казалось, обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами“.

На стр. 123 мы встрѣчаемъ стихъ Эннія:

Progreditur telis exercitus asper utrimque,

переведенный такимъ образомъ:

«Войско съ обѣихъ сторонъ *свирѣпствуетъ* страшно оружіемъ».

Какъ *progredere*, такъ и *asper* относится только къ внѣшнему виду войскъ; о свирѣпствѣ же Энциіи и не думалъ говорить.

На стр. 150 приведенъ отрывокъ изъ Цецилія, ованчивающійся словами:

*ita omnis meos dolos, fallacias,
Praestigias praestrinxit commoditas patris.*

Г. Модестовъ переводитъ: „всѣ мои лукавства, всѣ обманы, хитрости напрасны предъ отцовскою *нѣжностью*“. *Commoditas* значитъ здѣсь „снисходительность“, а не „нѣжность“.

На стр. 154 Теренцій въ прологѣ къ комедіи *Adelphi*, говоритъ, что гордится тѣмъ, что нравится Сципіону и Лелію,

*Quorum opera in bello, in otio, in negotio
Suo quisque tempore usus est sine superbia,*

„услугами которыхъ“, значитъ въ переводѣ г. Модестова, „всякій изъ насъ въ свое время *охотно* пользовался во время войны, во

время отдыха и во время трудов". *Sine superbia* не можетъ значить: „охотно“; оно имѣетъ и здѣсь, какъ всегда, смыслъ: „безъ гордости“ или вольнѣе: „не стѣсняясь“. „Если ваша гордость“, говоритъ Эний, „не мѣшала пользоваться услугами этихъ людей, почему же бы и мнѣ ими не пользоваться?“

На стр. 150 находится отрывокъ изъ Цецилія:

Is demum miser est, qui aegritudinem suam nequit occultare.

что г. Модестовымъ переведено такъ:

„Совсѣмъ несчастенъ тотъ, кто горести своей не можетъ скрыть“. *Demum* не значить „совсѣмъ“ но „наконецъ“, а въ соединеніи съ извѣстными словами оно соотвѣтствуетъ русскому *только*, напримѣръ: *heri demum cognovi*—только вчера я узналъ; *is demum* поэтому = только тотъ.

На стр. 190 сл. помѣщенъ переводъ одного довольно пространнаго отрывка, сохранившагося у Геллія (N. A. VII, 3). Въ этомъ переводѣ находится цѣлый рядъ неточностей и ошибокъ. Хотя было бы гораздо удобнѣе и понятнѣе для читателя, если бы мы выписали всю рѣчь сполна, но, для сбереженія мѣста, ограничимся выпиской отдѣльныхъ словъ или мѣстъ подлинника, сопоставляя съ ними переводъ г. Модестова и, гдѣ нужно, оправдывая нашъ переводъ краткими замѣчаниями.

Ferocia „жестокость“. Катонъ говоритъ: „*Scio solere plerisque hominibus rebus secundis—superbiam atque ferociam augescere. Ferocia* здѣсь—высокомѣріе, смѣлость.

Quo maiore opere dico „вотъ почему я особенно настаиваю“. Отчего было не перевести буквально, гораздо ближе: тѣмъ болѣе я настаиваю?

Atque ego quidem arbitror „я также думаю“. Опять новое открытіе для науки: *atque—quidem* = также! *Atque—quidem* составляетъ въ латинскомъ извѣстную формулу для перехода, которую по русски можно выразить: „далѣе“, а при мѣстоименіяхъ: „что касается до (меня, его и т. п.)“.

Sed enim id metuere, si nemo esset homo, quem vereremur, et, quidquid luberet faceremus, ne sub solo imperio nostro in servitute essent— „но потому что мы станемъ дѣлать все, что намъ вздумается, что при господствѣ насъ однихъ они должны будутъ сдѣлаться нашими рабами“. Это чрезвычайно вольный переводъ и не было никакой причины перевести не такъ, какъ выразился Катонъ: „Однако они боя-

лись того, чтобы имъ не пришлось быть подъ нашею властью (и) въ нашемъ рабствѣ, если не будетъ никого, кого мы боялись бы и если мы станемъ дѣлать все, что намъ вздумается“.

Cogitate quanto nos inter nos privatim cautius facimus—„подумайте, съ какой осторожностью мы поступаемъ въ нашихъ частныхъ отношеніяхъ“. Quanto cautius значить: сколь осторожнѣе.

На стр. 194 сл. помѣщенъ переводъ довольно большого, сохранившагося у Геллія (N. A. III, 7) отрывка изъ 4-й книги *Началъ* (Origines) Катона. Какъ выше, такъ и здѣсь мы приведемъ только тѣ мѣста изъ перевода, которыхъ не можемъ одобрить.

Roenus—colles—prior—occupat—„занимаетъ заранѣ холмы“. Русское нарѣчіе *заранѣ* выражаетъ сравненіе двухъ дѣйствій одного и того же лица; здѣсь же сравнивается дѣйствіе Кароагенянъ и Римлянъ, поэтому слѣдовало бы перевести: Кароагенянинъ предупреждаетъ Римлянъ, занявъ холмы.

Milites romani—in locum insinuant—„Римскіе солдаты уклоняются въ мѣстность“. Катонъ нарочно употребляетъ слово *insinuare*, чтобы выразить, что Римляне въ гористой мѣстности шли по извилистымъ дорогамъ.

Hostes profecto, fortissimus quisque—ad occurrendum et pugnandum in eos praevertentur—„Непріятель конечно отправитъ имъ на встрѣчу и для нападенія на нихъ самыхъ храбрѣйшихъ солдатъ“. Предлогъ *in* слѣдуетъ отнести къ глаголу *praeverti*, а послѣдній значить: главнымъ образомъ (*prae*—)обратить вниманіе на кого, преимущественно обратиться противъ кого; поэтому слѣдуетъ перевести: самая храбрая часть непріятелей обратится, конечно, главнымъ образомъ противъ нихъ, для того чтобы и т. д.

Uno illo negotio sese alligabunt—„(которые) всѣ свои усилія употребляютъ на это дѣло“. Если бы г. Модестовъ сказалъ по крайней мѣрѣ: всѣ свои силы (то-есть, военныя), то его переводъ болѣе соответствовалъ бы словамъ Катона. Вѣрный переводъ будетъ слѣдующій: вслѣдствіе (завязавшагося) одного этого дѣла они (то-есть, самая храбрая часть непріятельской арміи) всѣ будутъ заняты—для другой цѣли ихъ нельзя будетъ употреблять.

Omnes cum uno—„всѣ до одного!“ Послѣднее, какъ извѣстно, выражается по латини черезъ *omnes ad unum*. *Omnes cum uno cadunt* значить въ этомъ мѣстѣ: всѣ падаютъ вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ (Цедиціемъ).

Sed idem benefactum quo in loco ponas, nimium interest. „Чрез-

вычайно важно знать, какъ ты цѣнишь одно и то же доброе дѣло⁴. Катонъ, сравнивая ниже подвигъ Цедиція съ подвигомъ Леонида, хотеть сказать: „Относительно славы, возникающей вслѣдствіе какого нибудь подвига, чрезвычайно важно, *идь* совершенъ этотъ подвигъ. Имя Леонида превозносится до небесъ, потому что Леонидъ—Грекъ, между тѣмъ какъ имя Цедиція забыто, потому что онъ—Римлянинъ“. Точь въ точь такую же мысль высказываетъ Салюстій Cat. 8.

Неумѣлый переводчикъ совершенно искажилъ смыслъ словъ Катона.

Посмотримъ теперь какъ переводить г. Модестовъ извѣстные стихи Горація (Sat. I 10, 53 sq.):

Nil comis tragici mutāt Lucilius Atti?

Non ridet versus Enni gravitate minores?

„Развѣ *отжливый* ¹⁾ Луцилій ничего не измѣняетъ у трагика Атти? Развѣ онъ не смѣется надъ стихами Эннія, которымъ *не достаётъ важности*?“

Вѣжливость, пожалуй, то качество, которое менѣ всего можно приписывать Луцилію; *comis* здѣсь значить скорѣе „благодушный“; но это маловажно въ сравненіи съ крайне неудачнымъ переводомъ словъ: *versus Enni gravitate minores*. Горацій употребилъ ихъ въ смыслѣ: *versus Enni, qui minores sunt, quam gravitatis (Enni) est, (quam postulat gravitas Enni, decet gravitatem etc.)*. Вотъ почему нужно перевести: „Л. смѣется надъ (тѣми) стихами Эннія, которые не соотвѣтствуютъ (обычному) высокому (высокопарному) слогу его“. Только при такомъ переводѣ дѣлается понятнымъ, что Луцилій смѣется не надъ *всѣми* стихами Эннія.

Какъ вамъ нравится на стр. 228 остроумный переводъ слѣдующаго стиха Титинія (Ribb. Com. p. 117):

Ego me mandatam meo viro male arbitror, переданнаго въ такомъ видѣ:

„За *дурнаго* мужа, полагаю, меня выдали“.

Не смотря на авторитетъ г. Модестова, мы и впредь будемъ считать *male* за нарѣчіе. Точный переводъ Титиніева стиха будетъ: „къ несчастью (моему), я полагаю, меня выдали за моего мужа“.

На той же страницѣ переводится: *nihil hic est—vobis quaesti—* „вамъ бы не было работы“. *Quaestus* значить здѣсь „заработокъ“.

На стр. 235 *morigeratio*—„пріятность въ обхожденіи“, что нельзя

¹⁾ v. 65 Горацій сопоставляетъ *comis* съ *urbanus*: ср. также Sat. I 4, 90.

не назвать обогащеніемъ словаря. *Morigeratio* значить — угождение, уступчивость.

На стр. 259 мы находимъ отрывокъ изъ рѣчи Гая Гракха (Gell. N. A. XI 10); въ этомъ переводѣ мы замѣтили слѣдующій курьезъ: *Tragoedus gloriae sibi ducebat talentum magnum ob unam fabulam datum esse*— „трагикъ сталъ хвалиться тѣмъ, что за одну пьесу получилъ *полный* талантъ“. Известно, что у древнихъ былъ не одинъ только родъ таланта, ср. Festus p. 359: *talentorum non unum genus. Atticum est sex milium denarium, Rhodium et cistophorum quatuor milium et quingentorum denarium*. Между прочимъ упоминаются таланты аттический, эгинскій, эвбейскій, вавилонскій и т. д. Всѣ они имѣли болѣе или менѣе различный вѣсъ и цѣну¹⁾. *Magnum talentum* поэтому значить „тяжелый“ или даже „большой“ талантъ въ отличіе отъ легкаго (ср. *Hultsch. Metr.* p. 109). „Полный“ не можетъ значить *magnum*.

На слѣдующей страницѣ находится переводъ другаго отрывка изъ Гракха (Gell. X 3). Здѣсь разказывается, что Каленцы, узнавъ о жестокомъ поступкѣ одного римскаго сановника, немилосердно наказавшаго квестора города Теана, М. Марія, за то, что послѣдній не достаточно поспѣшилъ принять мѣры для очистки бани, сдѣлали постановленіе (*edixerunt*), *ne quis in balneis lavisse vellet, cum magistratus romanus ibi esset*. Г. Модестовъ переводитъ послѣднія слова: „чтобы во время пребыванія у *нихъ* римскаго сановника никто не смѣлъ мыться въ банѣ“. *Ibi* должно относиться къ слову бани, а не къ слову Каленцы; поэтому *ibi* слѣдовало перевести *въ ней* (въ банѣ); тогда лишь смыслъ будетъ не искаженъ, а переданъ вѣрно.

На той же страницѣ г. Модестовъ перевелъ: *ex Asia*—въ (sic!) Азію!!

На стр. 261 г. Модестовъ представляетъ явное доказательство своего невнанія латинскаго синтаксиса. А именно, слова Гракха (у схолиаста ср. Cic. Opp. ed. Orelli. V 2, p. 365): *Si vellem apud vos verba facere et a vobis postulare,—ut pateremini hoc tempore me quiescere, haud scio an lubentibus a vobis hoc impetrassem*—переведены такъ: „если бы я захотѣлъ обратиться къ вамъ и потребовать отъ васъ, чтобы вы позволили мнѣ на это время успокоиться,—то я не думаю, чтобы вы съ большою охотой согласились на мою просьбу“. Г. Модестовъ, не понявъ этого мѣста, придалъ ему смыслъ совершенно противополож-

¹⁾ Ср. *Hultsch, Metrologie* pp. 109, 142, 147, 173 etc.

ный. Граекъ хотѣлъ сказать: „то вы, вѣроятно, охотно согласились бы на мою просьбу“. Г. Модестову, очевидно, не по силамъ такой переводъ съ латинскаго на русскій. На страницѣ 18-й своего обзорѣ русской филологической литературы совершенно вѣрно замѣчаетъ онъ, что филологомъ можно назвать только „специалиста, хорошо знакомаго съ древнимъ языкомъ, писателями и надписями“ и (прибавимъ мы), главнымъ образомъ, съ *грамматикой*. Слѣдовательно...

На стр. 361 сказано: „Многіе писатели“, что, какъ воображаетъ г. Модестовъ, должно соответствовать латинскому: *complures scriptores*. *Complures* значитъ: нѣсколько (писателей и т. д.).

На стр. 371 красуется перлъ всѣхъ этихъ переводовъ, которые вполне могутъ быть поставлены на одну доску съ знаменитыми переводами г. Клеванова. Слова Фронтонa: *inter tela volantia—inter classica* ¹⁾ et *tubas* переводитъ г. Модестовъ: „среди летающихъ стрѣлъ, среди звуковъ трубъ и барабановъ!!!“

Мы не имѣли ни досуга, ни желанія подробно разсматривать всю книгу г. Модестова, а ограничились лишь довольно поверхностнымъ ея перелистываніемъ; полагаемъ, впрочемъ, что сказанное нами достаточно уясняетъ, до какой степени г. Модестову, болѣе чѣмъ кому другому, необходимы скромность и снисходительность въ отношеніи къ работамъ другихъ ²⁾. Удивительно ли если, въ виду рѣзкихъ нападокъ на цѣлый рядъ достойныхъ уваженія ученыхъ, нападокъ, сдѣланныхъ человѣкомъ, обладающимъ столь ограниченными и сла-

¹⁾ *Classicum* (*signum*), что знаетъ каждый ученикъ 8-го класса гимназій, читавшій Ног. Ерод. 2, обозначаетъ военный сигналъ—звукъ трубы и иногда трубу. Барабановъ же у древнихъ Римлянъ и Грековъ еще не было.

²⁾ Г. Модестовъ, какъ извѣстно, имѣетъ привычку ни одного неодобрительнаго отзыва о своихъ сочиненіяхъ не оставлять безъ отвѣта. Быть можетъ, онъ вознамѣрится возражать и намъ, при чемъ, по своему обыкновению, будетъ прибѣгать къ различнымъ, не относящимся къ дѣлу доводамъ, къ громкимъ, но въ сущности ничего не доказывающимъ фразамъ, будетъ говорить только о менѣе поражающихъ своихъ промахахъ, о тѣхъ, которымъ и мы сами не придаемъ особеннаго значенія, а самые капитальные обойдетъ молчаніемъ. Скажемъ поэтому заранее, чтобы онъ обратилъ вниманіе свое на слѣдующихъ замѣченныхъ нами диковинахъ: барабаны, *horrescit exercitus, exterrita somno*, «подъ видомъ камня», *ego quidem—я также*, *denum—совсѣмъ*, *Enni gravitate minores, male, magnum talentum, sine superbia, haud scio an, ex Asia, a labris—губами*, *idem—acc. sing. g. masc., praeverti, complures—многіе*, *quo in loco ponas, atque—quidem—также*, *compellare—призывать*, *corde capessere etc.*

БЫМИ ПОЗНАНІЯМИ, НЕВОЛЬНО ПРИПОМИНАЕШЬ ИЗВѢСТНЫЕ МѢТКІЕ СТИХИ ЮВЕНАЛА:

Quis tulerit Gracchos de seditione querentes?
Quis caelum terris non misceat et mare caelo,
Si fur displiceat Verri, homicida Miloni,
Clodius accuset moechos, Catilina Cethegum,
In tabulam Sullae si dicant discipuli tres?

Э. Вергъ.

СРАВНЕНІЯ ИЗЪ ЭНЕИДЫ ВЕРГИЛІЯ.

Бывшій профессоръ Харьковскаго университета, И. Я. Кронебергъ, въ изданной имъ Амалтеѣ—сборникѣ статей, относящихся къ древней классической словесности, между прочимъ, помѣстилъ, въ переводѣ изъ Гёте, содержаніе Илиады, въ которомъ отмѣчены курсивомъ и сравненія, какія встрѣчаются у Гомера, и по этому случаю предпослалъ о значеніи таковыхъ сравненій слѣдующія мысли:

«...„Сравненія открываютъ пѣтическое достоинство сочиненія... воображеніе пріятно на нихъ покоится; посредствомъ ихъ поэтъ возвышаетъ насъ на свою точку зрѣнія; мы обозрѣваемъ прошедшее и внимательноѣ становимся къ послѣдующему.... Мы находимъ наслажденіе въ томъ, если, при взглядѣ на природу, ея явленія и произведенія, замѣчаемъ сочувствіе любимыхъ или уважаемыхъ нами особъ, ихъ впечатлѣнія и ихъ сужденія... въ сравненіяхъ, въ коихъ отражается природа, открывается намъ сердце поэта, его образъ мыслей и чувствованій; а чрезъ то, время, отдѣляющее насъ отъ него, исчезаетъ, онъ становится намъ ближе и любви достойнымъ. Мы съ радостію удостоверяемся, что природа и ея явленія во всякое время и подъ всякимъ небомъ на сердце человѣческое одинаково дѣйствуютъ, и что преимущественно чрезъ участіе въ чувствованіяхъ, производимыхъ страшными, прекрасными и пріятными явленіями неба и земли, люди сближаются и соединяются узами любви и дружбы.... Удостовереніе, что всё, что насъ въ природѣ восхищаетъ, трогаетъ и увеселяетъ, точно также дѣйствовало на другихъ до насъ, и дѣйствовать будетъ послѣ насъ, расширяетъ наше бытіе и поселяетъ въ немъ блаженное чувство вѣчнаго и неизмѣнимаго.

„Итакъ, въ сравненіяхъ преимущественно обнаруживается воображеніе и сердце поэта; и если эпическій поэтъ скрывается за драматическимъ діалогомъ и дѣйствующимъ повѣствованіемъ, то въ сравненіяхъ онъ является всегда лирическимъ, ибо тутъ обнаруживается

его чувство, точка зрѣнія и сужденія, и тогда онъ пріобрѣтаетъ себѣ любовь, похвалу и удивленіе.

„...Сравненія выражаютъ собою символику происшествій поэмы, ихъ поясняющую, и безъ сомнѣнія, должно почитать оригинальною и счастливою мыслью, что въ изложеніи содержанія поэмъ указываются также и сравненія—пѣстическое достоинство относительно воображенія и чувства“.

Руководимый такими мыслями незабвеннаго для меня ученаго профессора, я извлекъ изъ Энеиды Вергилія всѣ сравненія, числомъ болѣе ста, въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ онѣ въ поэмѣ, предпославъ каждому изъ нихъ вкратцѣ то обстоятельство или происшествіе, къ которому приводится сравненіе, какъ его символика. Дѣйствительно, это картинное и отчетливое изображеніе столь многообразныхъ явленій природы физической и мѣткое сравненіе ихъ съ явленіями духовной природы человѣка возбуждаютъ и удивленіе и особенную привязанность къ безсмертному пѣвцу Энея. Не даромъ усвоено ему названіе — „Princers poetarum“!

Въ переводѣ сравненій я придерживался лучшаго перевода Энеиды г. Шершеневича, имѣя подъ рукою и переводъ на французскій языкъ, сдѣланный подъ редакцію Низара.

Я привелъ изъ текста Энеиды, въ томъ же послѣдовательномъ порядкѣ, всѣ мѣста, въ коихъ выражены сравненія; а въ концѣ всѣ сравненія сведены подъ рубрики, чтобы можно было видѣть, изъ какихъ сферъ поэтъ заимствовалъ картинныя свои уподобленія, — а именно:

- 1) Изъ мифологіи.
- 2) Изъ жизни народной, частной и домашней.
- 3) Изъ атмосферныхъ явленій.
- 4) Изъ природы неорганической.
- 5) Изъ царства растеній.
- 6) Изъ царства животныхъ, и
- 7) Изъ сферы художественныхъ произведеній.

Больше всего сравненій—изъ атмосферныхъ явленій (27) и изъ царства животныхъ (39).

Изъ I-й книги.

1) Нептунъ укрощаетъ морскую бурю, воздвигнутую Эоломъ, и на легкой колесницѣ скользитъ по вершинамъ усмирненныхъ волнъ. Сравненіе: съ народнымъ мятежомъ: буйная чернь волнуется; уже летятъ

камни и блещутъ пожарные факелы; уже, въ ярости, берутся за оружіе; вдругъ предъ толпой предстаетъ величавый ликъ почтеннаго и заслуженнаго мужа — остановились, затихли, слушаютъ со вниманіемъ. Могучимъ словомъ онъ укрощаетъ умы и смягчаетъ сердца. Такъ укротилась морская буря, когда изъ нѣдръ волнъ показался Нептунъ.

*Ac veluti magno in populo cum saepe coorta est
Seditio, saevitque animis ignobile volgus;
Iamque faces et saxa volant; furor arma ministrat;
Tum pietate gravem ac meritis si forte virum quem
Conspexere, silent, arrectisque auribus adstant;
Ille regit dictis animos, et pectora mulcet.*

v: 148—153.

2) Венера успокоиваетъ Энея, что корабли его, разбѣянные бурей, не погибли, но одинъ за другимъ спѣшатъ къ пристани. Сравненіе: съ стаей лебедей, которыхъ разогналъ орель, но которые, погружась въ воздухъ, длинною вереницей спускаются къ землѣ, изъясняя радость шумомъ крыльевъ и крикомъ.

*Adspice bis senos laetantis agmine cunos
Aetheriâ quos lapsa plagâ Jovis ales aperto
Turbabat coelo: nunc terras ordine longo
Aut capere, aut captas jam despectare videntur.
Ut reduces illi ludunt stridentibus alis,
Et coetu cinxere polum, cantusque dedere.*

v: 393—398.

3) Эней подходитъ къ Кареагену и съ высокаго холма удивляется необыкновенной дѣятельности новостроющейся столицы. Сравненіе: съ работою пчелъ на полевыхъ цвѣтахъ въ ясные дни первой весны, когда готовятъ новые рои, или когда, облѣвъ соты, наливаютъ ихъ сладкимъ нектаромъ, или когда принимаютъ ношу однѣ отъ другихъ, или когда дружнымъ натискомъ выгоняютъ лѣнливыхъ трутней. Кипитъ работа и пахнутъ тминомъ душистые соты.

*Qualis apes aestate novâ per florea rura
Exercet sub sole labor, cum gentis adultos
Educunt fetus, aut quum liquentia mella
Stipant et dulci distendunt nectare cellas,
Aut onera accipiunt venientum; aut agmine facto,
Ignavum fucos pecus a praesepibus arcent.
Fervet opus, redolentque thymo fragrantia mella.*

v: 430—436.

4) Приходить въ строящемся храму и Дидона, красоты несрав-

ненной, сопровождаемая толпою юныхъ спутницъ, радуясь и поощряя работы. Сравненіе: съ Діаной, сопровождаемою хоромиъ нимфъ, на берегахъ Еврота или на вершинахъ Цинта; черезъ плечо перевѣшенъ у нея колчанъ, и головою превышаетъ она всѣхъ богинь. Грудь Латоны волнуется чувствомъ тихой радости.

Qualis in Eurotae ripis aut per iuga Cynthi
Exercet Diana choros, quam mille secutae
Hinc atque hinc glomerantur Oreades; illa pharetram
Fert humero gradiensque deas supereminet omnis:
Latoniae tacitum pertentant gaudia pectus.

v: 498—502.

5) Явился и Эней передъ Дидоной, лицомъ богу подобный: мать Венера украсила его розовою юностью, одарила его красотою волосъ и блескомъ очей. Сравненіе: съ слоновою костью, рукою художника украшенною; съ серебромъ или паросскимъ мраморомъ, оправленнымъ въ золото.

Quale manus addunt ebori decus, aut ubi flavo
Argentum Pariusve lapis circumdatur auro.

v: 591—92.

Изъ II-й книги.

1) Два змія-великана, приплывъ по морю къ берегу, устремляются къ Лаокоону, и обвивъ его и сыновей его чешуйчатыми своими кольцами, грызутъ ихъ и обливаютъ слюною и чернымъ ядомъ. Онъ силится развязать узы и издаетъ страшные крики, доходящіе до сводовъ небесныхъ. Сравненіе: съ ревомъ быка, когда, раненный у жертвенника, реветъ, убѣгаетъ и отрясаетъ отъ шеи невѣрный топоръ.

Qualis mugitus fugit cum saucius aram
Taurus et incertam excussit cervice securim.

v: 223—4.

2) ...Троя горить; съ вершины дома отца своего, Эней видитъ кровавое пламя пожара, слышитъ трескъ и оглушительное паденіе зданій, крикъ людей и звукъ оружія. Сравненіе: съ пламенемъ, раздуваемымъ яростнымъ вѣтромъ и пожирающимъ жатву; или съ стремительнымъ потокомъ, который, низвергаясь съ горной вершины, затопляетъ поля, стелетъ тучныя пашни, труды земледѣльцевъ, и опрокидывая лѣсъ, уноситъ его. Пастухъ, ставъ на высокое темя утеса смотреть съ изумленіемъ.

In segetem veluti cum flamma furentibus austris

Incidit, aut rapidus montano flumine torrens
 Sternit agros, sternit sata laeta boumque labores
 Praecipitisque trahit silvas; stupet inscius alto
 Accipiens sonitum saxi de vertice pastor.

v: 304—8.

3) Возбужденные Энеемъ храбрые юноши устремляются на вѣрную смерть, на пожаръ и оружіе. Сравненіе: съ хищными волками, которые, будучи терзаемы мучительнымъ голодомъ, рыщутъ по полю, объятые ночью мглою, а оставленные ими волчата ожидаютъ ихъ прихода съ засохшею пастью.

..... lupi ceu
 Raptores atra in nebulâ, quos improba ventris
 Exegit caecos rabies catulique relictî
 Faucibus exspectant siccis...

v: 355—58.

4) Среди пылающей Трои, съ дружиною Энея повстрѣчался Андрогей, сопровождаемый толпою Грековъ, и принявъ ихъ за своихъ, поощряетъ ихъ къ убійствамъ и грабежу. Догадавшись, что очутился между врагами, онъ остановился, прикусилъ языкъ и попытался назадъ. Сравненіе: съ путникомъ, наступившимъ на змѣю: она шипитъ и поднимаетъ блестящую свою шею; путникъ въ ужасѣ отступаетъ.

Improvisum aspris veluti qui sentibus anguem
 Pressit humi nitens trepidusque repente refugit
 Attollentem iras et caerulea colla tumentem.

v: 379—81.

5) Эней и сподвижники его, увидѣвъ Кассандру, влекомую Греками, бросились и отбили ее; разгнѣванные Греки нападаютъ на нихъ со всѣхъ сторонъ и неистовый Аяксъ, и оба Атриды, и все войско. Сравненіе: съ вихремъ, въ которомъ столкнулись и борются противные вѣтры; дѣла шумятъ и стонутъ; море взволновано до дна.

Adversi rupto ceu quondam turbine venti
 Confligunt, Zephyrusque Notusque et laetus Eois
 Euris equis: stridunt silvae, saevitque tridenti
 Spumans atque imo Nereus ciet aequora fundo.

v. 416—19.

6) Прискакалъ и Пирръ къ порогу Пріамова замка, въ мѣдной бронѣ, сверкая мечомъ и шлемомъ. Сравненіе: съ змѣей на солнцѣ, когда напитанная черною отравой, проведя зиму подъ землею, и надѣвъ новую блестящую кожу, вьется на солнцѣ, поднявъ голову и шила трехконечнымъ жаломъ.

Qualis ubi in lucem coluber mala gramina pastus,
 Frigida sub terrâ tumidum quem bruma tegebat;
 Nunc, positis novus exuviis, nitidusque iuventâ,
 Lubrica convolvit sublato pectore terga
 Arduus ad solem et linguis micat ore trisulcis.

v. 471—75.

7) Наконецъ, Данайцы, отбивъ тараномъ двери Пріамова дворца, врываются въ него, умерщвляютъ стражу и наполняютъ собою дворецъ. Сравненіе: съ пѣнистою рѣкою, прорвавшею крѣпкую плотину и широкимъ разливомъ затопляющею поля и уносящею скоть и загоня.

Non sic, aggeribus ruptis cum spumeus amnis
 Exit oppositasque evicit gurgite moles,
 Fertur in arva furens cumulo camposque per omnis
 Cum stabulis armenta trahit.

v. 496—99.

8) Гекуба и дочери ея столпились у жертвенника, обнимая домашнихъ пенатовъ. Сравненіе: съ стремительно-свучившимися голубками, въ черную бурю.

Praecipites atrâ ceu tempestate columbae.

v. 516.

9) Эней увидѣлъ, что пламя охватило весь Иліонъ—совершенное паденіе Трои. Сравненіе: съ многолѣтнимъ ясенемъ, на горной вершинѣ; подъ частыми ударами топоровъ, онъ стоитъ еще, потрясая только косматою своею вершиной; наконецъ, подрубленный окончательно, издаетъ послѣдній стонъ и — падаетъ на склонъ горы громадное дерево.

Ac veluti summis antiquam in montibus ornum
 Quum ferro accisam crebrisque bipennibus instant
 Erguere agricolae certatim; illa usque minatur
 Et tremefacta comam concusso vertice nutat;
 Vulneribus donec paulatim evicta, supremum
 Congemuit, traxitque jugis avolsa ruinam.

v. 626—31.

Изъ III-й книги.

1) На зовъ Полифема сбѣжались къ берегу другіе циклопы изъ горъ и лѣсовъ, возвышаясь головами до самаго неба. Сравненіе: съ лѣсомъ высокихъ дубовъ, посвященныхъ Юпитеру, или — съ рощею кипарисовъ, Діанѣ посвященною.

..... quales cum vertice celso
 Aëriae quercus aut coniferae cyparissi
 Constiterunt, silva alta Iovis lucusve Dianae.

v. 679—81.

Изъ IV-й книги.

1) Сердечная страсть жжетъ несчастную Дидону, и, какъ безумная, бродить она съ нею повсюду. Сравненіе: съ ланью, уязвленной мѣткою стрѣлою охотника; она мчится по лѣсамъ и рощамъ и носить съ собою смертоносную стрѣлу.

..... qualis coniectâ cervæ sagitta,
 Quam procul incautam nemora inter Cresia fixit
 Pastor agens telis liquitque volatile ferrum
 Nescius; illa fugâ silvas saltusque peragrat
 Dictæcos: hæret lateri letalis arundo.

v. 69—73.

2) Эней, окруженный отрядомъ охотниковъ, побѣждаетъ всѣхъ своею красотой. Сравненіе: съ Аполлономъ, когда онъ, оставивъ холмистую Ликію и берега Ксанона, посѣщаетъ матерній Делосъ и водить хоры: вокругъ алтарей поютъ гимны критяне, дріопы и раскрашенные агаѳирсы; самъ онъ идетъ по вершинѣ Цинта; вѣтка лавровая и золотая нить удерживаютъ развѣвающіяся кудри; за плечомъ звенятъ стрѣлы.

Qualis ubi hibernam Lyciam Xanthique fluenta
 Deserit, ac Delum maternam invisit Apollo
 Instauratque choros, mixtique altaria circum
 Cretesque Dryopesque fremunt, pictique Agathyrsi:
 Ipse iugis Cynthi graditur, mollique fluentem
 Fronde premit crinem fingens atque implicat auro;
 Tela sonant umeris.

v. 143—49.

3) Юпитеръ шлетъ Меркурія къ Энею. Меркурій летитъ; остановился на вершинѣ Атласа и оттуда стремглавъ низвергнулся къ Средиземному морю (въ Карѳагенъ). Сравненіе: съ птицею, которая, летая вокругъ прибрежныхъ рыбныхъ скалъ, завидѣвъ добычу — стремительно бросается за нею.

..... toto praeceps se corpore ad undas
 Misit: avi similis, quæ circum littora, circum
 Piscosos scopulos, humilis volat aequora iuxta.

v. 253—55.

4) Дидона, узнавъ о приготовленіяхъ Энея къ побѣгу, приходитъ въ ярость и отчаяніе. Сравненіе: съ неистовствомъ Вакховой жрицы, возбужденной ночными оргіями, оглашающими Киѳеронъ.

. qualis commotis excita sacris
Thyias, ubi audito stimulant trieterica Baccho
Orgia, nocturnusque vocat clamore Cithaeron.

v. 301—3.

5) Дидона укоряетъ Энея: „Нѣтъ, не богиня—мать твоя, но дикія скалы Кавказа родили тебя и гирѳанскіе тигры вскормили тебя грудью!“

Nec tibi diva parens, generis nec Dardanus auctor,
Perfide; sed duris genuit te cautibus horrens
Caucasus Нурсанаеque admorunt ubera tigres.

v. 364—6.

6) Эней уходитъ изъ Карфагена: засуетились Троянцы вокругъ кораблей, рубятъ въ лѣсу снасти и весла, все тащатъ къ берегу и готовятся выступить въ море; спѣшатъ изъ города и толпами стремятся на пристань. Сравненіе: съ муравьями, которые тащатъ въ свои норы зерна отъ вороха, запасаясь на зиму; идетъ полевъ черная рать и уноситъ добычу узкою тропинкой, пробираясь въ травѣ; эти тащатъ на плечахъ большія зерна, тѣ гонятъ и понуждаютъ другихъ; вся дорожка кипитъ работой.

Ac veluti ingentem formicae farris acervum
Cum populant, hiemis memores tectoque reponunt:
It nigrum campis agmen praedamque per herbas
Convectant calle angusto; pars grandia trudunt
Obnixae frumenta umeris; pars agmina cogunt
Castigantque moras: opere omnis semita fervet.

v. 402—7.

7) Дидона послала сестру свою, Анну, умолять Энея. Тотъ остается непоколебимъ; ни просьбы, ни слезы не останавливаютъ его. Рокъ и велѣнье Бога противятся его чувству. Сравненіе: съ столѣтнимъ дубомъ, котораго альпійскіе вѣтры усиливаются низвергнуть, ударяя въ него то съ той, то съ другой стороны; шумитъ великанъ и далеко вокругъ земля покрылась его листьями и вѣтвями, но самъ онъ стоитъ упираясь въ скалы; и сколько вершиной поднимается къ небу, столько корнями достигаетъ ада. Такъ и герой, осажденный со всѣхъ сторонъ неистощимыми просьбами и терзаемый внутреннею борьбою сердца, остается въ мысли непреклоненъ и нѣмыя слезы текутъ напрасно.

Ac veluti annoso validam cum robore quercum
 Alpini Boreae nunc hinc, nunc flatibus illinc
 Erugere inter se certant: it stridor et altae
 Consternunt terram, concusso stipite, frondes:
 Ipsa haeret scopulis; et quantum vertice ad auras
 Aetherias, tantum radice in Tartara tendit:
 Haud secus assiduis hinc atque hinc vocibus heros
 Tunditur et magno persentit pectore curas:
 Mens immota manet; lacrimae volvuntur inanes.

v. 441—49.

8) Дидонѣ опротивѣль свѣтъ; она мучится и желаетъ смерти; даже и во снѣ ей кажется, что ее преслѣдуетъ Эней, что она всегда одинока и въ отдаленныхъ странахъ, по пустыннымъ до-рогамъ, ищетъ Тирійцевъ. Сравненіе: съ безумнымъ Пентеемъ, убѣ-гавшимъ отъ фурій и видѣвшимъ два солнца и двойныя Фивы; или— съ безумнымъ Орестомъ, уходившимъ отъ матери, съ факелами и черными змѣями въ рукахъ; а Проклятіе и Мечь сидятъ у его порога.

Eumenidum veluti demens videt agmina Pentheus
 Et solem geminum et duplicis se ostendere Thebas,
 Aut Agamemnonius scenis agitatus Orestes,
 Armatam facibus matrem et serpentibus atris
 Cum fugit, ultricesque sedent in limine Dirae.

v. 469—73.

9) Дидона упала на одръ; прибѣжали подруги, видятъ мечъ, ды-мящуюся кровь и обагренныя руки царицы. Дворецъ оглашается кри-комъ; молва пронеслась по городу; плачъ, вздохи, вой женскій раздаются въ домахъ и воздухъ оглашается стономъ. Сравненіе: какъ будто въ Карфагенъ или древній Тиръ вторглись непріатели и пламя пожара охватило и дома и храмы боговъ.

Non aliter, quam si immissis ruat hostibus omnis
 Carthago, aut antiqua Tyros, flammaeque furentes
 Culmina perque hominum volvuntur perque deorum.

v. 669—71.

Изъ V-й книги.

1) Эней, прибывъ къ берегамъ Сициліи, къ владѣніямъ Агеста, приноситъ жертвы на могилѣ отца своего. Вдругъ изъ подъ могилы вышелъ огромный змѣй, коснулся алтарей и тихо обвилъ могилу: хребеть испещренъ разноцвѣтнымъ узоромъ и чешуя блеститъ золо-томъ. Сравненіе: съ радугой, разливающейся, въ противоположной солн-цу сторонѣ, яркіе цвѣты на черномъ фонѣ тучъ.

..... seu nubibus arcus
Mille iacit varios adverso sole colores.

v. 88—9.

2) Эней учреждаетъ игры въ честь отца: а) бѣгъ кораблей. Пустились разомъ... Сравненія: не съ такимъ стремленіемъ летятъ колесницы на ристалищѣ и не такъ живо сѣдови ихъ потряхиваютъ волнующимися вожжами, или, нагибаясь, учащаютъ удары лошадямъ.

Non tam praecipites biuugo certamine campum
Corripuere ruuntque effusi carcere currus;
Nec sic immissis aurigae undantia lora
Concussere iugis pronique in verbera pendent.

v. 144—47.

3) Корабль Мнестей, избѣжавъ опасности у скаль, гдѣ уже застѣлъ одинъ изъ кораблей, и ударивъ дружно веслами, вышелъ въ открытое море и плавно несется на распущенныхъ парусахъ. Сравненіе: съ дикимъ голубемъ, свившимъ гнѣздо въ ущельи скалы для милыхъ малютокъ: внезапно испуганный вылетаетъ онъ изъ гнѣзда съ громкимъ хлопаньемъ крыльевъ; но поднявшись въ открытое небо, летитъ плавно, не двигая крыльями.

Qualis spelunca subito commota columba,
Cui domus et dulces latebroso in pumice nidi,
Fertur in arva volans plausumque exterrita pennis
Dat tecto ingentem; mox aere lapsa quieto,
Radit iter liquidum celeris neque commovet alas.

v. 213—17.

4) Клоантъ призвалъ на помощь морскихъ боговъ и корабль его быстро мчится къ берегу. Сравненіе: съ вѣтромъ, съ летучею стрѣлою.

..... Noto citius volucrique sagittâ.

v. 213—17.

5) Корабль Сегеста снялся, наконецъ, со скаль и поврежденный, безъ весель, едва тащился въ пристань на открытыхъ парусахъ, осыпaeмый градомъ насмѣшекъ. Сравненіе: съ змеемъ, котораго переѣхало мѣдное колесо колесницы или котораго путникъ поразилъ ударомъ тяжелаго камня: разъяренный, переднею частью вьется, хочетъ бѣжать, поднялъ голову, сверкаетъ глазами, шипитъ и выставилъ жало; уязвленная часть приковала его къ землѣ и тщетно вьется онъ на одномъ и томъ же мѣстѣ.

ЧАСТЬ CLXXXV, ОТД. 5.

4

Qualis saepe viae deprensus in aggere serpens,
Aerea quem obliquum rota transit aut gravis ictu.
Seminecem liquit saxo lacerumque viator;
Nequidquam longos fugiens dat corpore tortus,
Parte ferox, ardensque oculis et sibila colla
Arduus attollens; pars vulnere clauda retentat
Nixantem nodis seque in sua membra plicantem.

v. 273—79.

6) Составанье въ бѣгѣ. Пустились... Сравненіе: съ разразившимся дождемъ. Впереди всѣхъ бѣжитъ Низъ. Сравненіе: съ вѣтромъ, съ молніею.

Effusi nimbo similes..
..... ventis et fulminis ocior alis.

v. 317, 319.

7) Кулачный бой. Противъ Дареса выступилъ Ентеллъ. Тщетно Даресь старается одолѣть противника. Ентеллъ стоитъ неподвижно, поводя глазами и уклоняясь въ сторону отъ ударовъ. Сравненіе: съ непріателемъ, безуспѣшно бьющимъ машинами высокія стѣны города; или—съ войскомъ, осадившимъ крѣпкій лагерь непріятельскій, и тщетно нападающимъ на оный то съ той, то съ другой стороны, напрасно испытывая всѣ мѣста и всѣ средства къ успѣху.

... velut celsam oppugnat qui molibus urbem,
Aut montana sedet circum castella sub armis,
Nunc hos, nunc illos aditus, omnemque pererrat
Arte locum et variis assultibus irritus urget.

v. 439—42.

8) Ентеллъ поднялъ руку; Даресь, избѣгая его удара, поскользнулся и упалъ; Ентеллъ, промахнувшись, также грянулся о землю всюю громадою своего тѣла. Сравненіе: съ паденіемъ высокой сосны, съ корнемъ вырванной бурей, на Идѣ высокой или на Эримантѣ. Поднявшись отъ земли, Ентеллъ догналъ Дареса и сыплетъ въ него удары и правою и лѣвою рукою, безъ отдыха. Сравненіе: съ ударами града по кровлямъ домовъ.

.... ut quondam cava concidit aut Erymantho
Aut Idâ in magnâ radicibus eruta pinus.

.....
Nunc dextrâ ingeminans ictus, nunc ille sinistrâ;
Nec mora, nec requies: quàm multâ grandine nimbi
Culminibus crepitant, sic densis ictibus heros
Creber utraq̃ue manu pulsat versatque Dareta.

v. 448—9, 457—60.

9) Стрѣльба изъ луковъ... Стрѣла Ацеста, пуценная на воздухъ, загорѣлась и, очертя путь яркимъ пламенемъ, исчезла въ воздухъ. Сравненіе: съ падающею звѣздой, на огненной нити несущейся.

..... coelo seu saepe refixa
Transcurrunt crinemque volantia sidera ducunt.

v. 528—9.

10) Бѣгъ дѣтей на лошадяхъ. . . То разсыплются, то соменутся; то бѣгаютъ и сплетаются кругами, то строятся въ ряды; то сражаются, то мирно несутся. Сравненіе: съ обманчивыми путями безвыходнаго Критскаго лабиринта, или—съ игрою дельфиновъ въ водахъ Карпата или Ливійскаго моря.

Ut quondam Cretâ fertur labyrinthus in altâ
Parietibus textum caecis iter ancipitemque
Mille viis habuisse dolum, qua signa sequendi
Falleret indeprensus et irremediabilis error:
Haud alio Teucrum nati vestigia cursu
Impediunt, texuntque fugas et proelia ludo,
Delphinum similes, qui per maria humida nando
Carpathium Libycumque secant luduntque per undas.

v. 588—95.

Изъ VI-й книги.

1) Эней находитъ въ густомъ лѣсу, на тѣнистомъ ясенѣ, золотую вѣтку, отъ легкаго колебанія звучащую плодами. Сравненіе: съ аме-лою, и въ зимній холодъ свѣже-зеленѣющей на чуждомъ ей деревѣ и золотистымъ плодомъ своимъ окружающею нѣжныя вѣтки.

Quale solet silvis brumali frigore viscum
Fronde virere nova, quod non sua seminat arbos,
Et croceo fetu teretis circumdare truncos.

v. 205—7.

2) Эней и Сивилла спустились въ адъ. Шли въ темнотѣ ночной, объятые мглой. Сравненіе: такова дорога ночью въ лѣсу, при слабомъ свѣтѣ неполной луны, когда небо покрыто туманомъ и черная ночь отнимаетъ цвѣтъ у предметовъ.

Quale per incertam lunam sub luce maligna
Est iter in silvis, ubi coelum condidit umbra
Juppiter et rebus nox abstulit atra colorem.

v. 270—72.

3) У береговъ Коцита, у перевоза Харонова, встрѣтили они безчисленное множество душъ, умоляющихъ о перевозѣ. Сравненіе: съ

числомъ листьевъ, падающихъ въ лѣсахъ въ осеннее время, или—съ безчисленнымъ множествомъ перелетныхъ птицъ, которыхъ наступающее холодное время года гонить черезъ море въ теплыя страны.

Quam multa in silvis autumni frigore primo
Lapsa cadunt folia, aut ad terram gurgite ab alto
Quam multae glomerantur aves, ubi frigidus annus
Trans pontum fugat et terris immittit apricis.

v. 309—12.

4) Эней увидѣлъ Дидону съвозъ туманныя тѣни. Сравненіе: съ новородившимся мѣсяцемъ, котораго и видятъ, и не видятъ. Эней заговорилъ съ ней съ нѣжною любовью. Дидона глядѣла въ землю уныло и дико, стояла безмолвно и неподвижно. Сравненіе: съ глухою свалой или съ неподвижнымъ утесомъ Марнезійскимъ.

... qualem primo qui surgere mense
Aut videt aut vidisse putat per nubila lunam,
.....
Quam si dura silex aut stet Marpesia cautes.

v. 453—4, 471.

5) Эней три раза усиливался обнять тѣнь отца; три раза тѣнь уходила отъ его объятій. Сравненіе: съ дыханьемъ вѣтра, съ мимо-летнымъ сномъ.

Par levibus ventis volucrique simillima somno.

v. 702.

6) У береговъ Леты Эней увидѣлъ несмѣтное множество летающихъ душъ. Сравненіе: съ пчелами, въ ясный день снующими съ цвѣтка на цвѣтокъ и роємъ вьющимися вокругъ бѣлыхъ лилій; все поле оглашается ихъ жужжаньемъ.

Ac veluti in pratis ubi apes aestate serena
Floribus insidunt variis et candida circum
Lilia fundantur; strepit omnis murgure campus.

v. 707—9.

7) Анхизъ, въ Елисейскихъ поляхъ, показываетъ Энею его потомковъ, будущихъ Римлянъ: вотъ Ромуль, основатель Рима, который властью сравнится съ землею, а величьемъ духа съ Олимпомъ. Онъ одинъ опояшетъ себя стѣною семь холмовъ, счастливый поколѣніемъ героевъ. Сравненіе: съ Цибелю, матерью боговъ: она несется по городамъ фригійскимъ на высокой колесницѣ, ликуя рожденіемъ боговъ, обнимая сто внуковъ, всѣхъ небожителей, всѣхъ обитающихъ въ небѣ высококъ.

..... qualis Berecynthia mater
 Invehitur curru Phrygias turrata per urbes,
 Laeta deum partu, centum complexa nepotes,
 Omnes coelicolas, omnes supera alta tenentis.

v. 785—8.

Изъ VII-й книги.

1) Юнона посылаетъ фурію Аллекто возбудить Амату, супругу царя Латина, противъ Троянцевъ. Амата убѣждаетъ царя отдать дочь за Турна, а Энею отказать. Но увидѣвъ, что Латинъ не соглашается, предается бѣшенству и какъ безумная мечется по городу. Сравненіе: съ кубаремъ, который дѣти, для забавы своей, гонятъ плетью въ передней: то бѣгаетъ онъ широкимъ кругомъ, то, понуждаемый ударами ремня, скачетъ путемъ неровнымъ; дѣти стоятъ и удивляются летучей игрушкѣ: удары плети еще больше подгоняютъ ее.

Ceu quondam torto volitans sub verbere turbo,
 Quem pueri magno in gyro vacua atria circum
 Intenti ludo exercent; ille actus habena
 Curvatis fertur spatiis: stupet inscia supra
 Impubesque manus, mirata volubile buxum:
 Dant animos plagae.

v. 378—83.

2) Та же фурія воспламеняетъ во снѣ и Турна: воспрянувъ отъ сна, въ великомъ страхѣ и облитый потомъ, онъ хватается за оружіе; гнѣвъ, жажда желѣза и безуміе брани кровавой овладѣли имъ. Сравненіе: съ трескучимъ пламенемъ отъ сухихъ прутьевъ, охватившимъ котелъ съ водою: вода кипитъ, пѣнится и переливается черезъ край; густой паръ вьется надъ котломъ.

... Magno veluti cum flamma sonore
 Virgea suggeritur costis undantis aëni
 Exsultantque aestu latices: furit intus aquai
 Fumidus atque altae spumis exuberat amnis:
 Nec iam se capit unda; volat vapor ater ad auras.

v. 462—66.

3) Война началась отъ пустаго случая: Асканій убилъ оленя; поселяне вооружились; началось дѣло дубинами, а дошло до мечей. Сравненіе: съ волненіемъ моря: начинается мелкою рябью, потомъ, разыгравшись, бѣгутъ волны выше и выше, а наконецъ, расколыхавшись, поднимаются валы морскіе отъ дна до облаковъ.

Horrescit strictis seges ensibus....

Fluctus uti primo coepit cum albescere vento,
Paulatim sese tollit mare et altius undas
Erigit, inde imo consurgit ad aethera fundo.

v. 526, 528—30.

4) Возбужденные Аматою и Турномъ народъ и чернь, мужья и жены, окружили дворець Латина и требуютъ беззаконной войны, противной опредѣленіямъ судьбы и волѣ боговъ. Латинъ остается непоколебимъ. Сравненіе: со скалою въ морѣ: стоитъ громада неподвижно, отражая отъ ребръ своихъ и бушующія волны, и гремящіе камни.

Ille velut pelagi rupes immota resistit;
(Ut pelagi rupes, magno veniente fragore),
Quae sese, multis circum latrantibus undis
Mole tenet: scopuli nequidquam et spumea circum
Saxa fremunt laterique illisa refunditur alga.

v. 586—90.

5) На помощь Турну идутъ союзники: ... два брата, Катиллъ и Корась, съ отрядомъ аргивской дружины; несутся въ первыхъ рядахъ, среди множества сгущенныхъ копій. Сравненіе: съ двумя центаврами, быстрымъ бѣгомъ спускающимися съ снѣжныхъ вершинъ Гомола и Отриты; предъ ними лѣсъ черный разстѣпается и съ великимъ трескомъ ложатся кустарники.

Ceu duo nubigenae cum vertice montis ab alto
Descendunt Centauri, Homolen Othrymque nivalem
Linquentes cursu rapido: dat euntibus ingens
Silva locum et magno cedunt virgulta fragore.

v. 674—77.

6) Далѣе ведетъ свои дружины Мессапъ, укротитель коней, Нептунова отрасль. Идутъ стройными рядами и въ пѣсняхъ своихъ воспѣваютъ царя. Сравненіе: со стаей бѣлоснѣжныхъ лебедей, когда они, возвращаясь съ своихъ пастбищъ, несутся въ небесахъ и, протянувъ длинныя шеи, поютъ громкія пѣсни; рѣка оглашается ихъ пѣніемъ и далеко воды Азіи вторятъ эхо. То не бранное войско съ шумомъ несется въ поле: то птицъ голосистыхъ стая съ неба на воды спускается.

Ceu quondam nivei liquida inter nubila cysni,
Cum sese e pastu referunt, et longa canoros
Dant per colla modos; sonat amnis et Asia longè
Pulsa palus.
Nec quisquam aeratas acies ex agmine tanto

Misceri putet; aëriam sed gurgite ab alto
Urguri volucrum caucasum ad littora nubem.

v. 699—705.

7) Далѣ идутъ Сабинцы, и другіе, и другіе, многіе... Сравненіе: съ несмѣтнымъ множествомъ волнъ Либійскаго моря, катящихся къ берегу, когда налжеть на море бурный Оріонъ; или — съ густою жатвою зрѣющихъ нивъ, на поляхъ Герма или на пожелтѣвшихъ нивахъ Либійскихъ.

Quam multi Libycæ volvuntur marmore fluctus,
Saevus ubi Orion hibernis conditur undis;
Vel cum sole novo densae torrentur aristae
Aut Hermi campo aut Lyciae flaventibus arvis.

v. 718—21.

Изъ VIII-й книги.

1) Эней крайне озабоченъ возставшею противъ него грозой; онъ волнуется, прибѣгаетъ то къ той, то къ другой мысли и въ умѣ своемъ перебираетъ всѣ средства. Сравненіе: такъ отраженный водою въ мѣдномъ сосудѣ лучъ солнца или полной луны трепещетъ, бѣгаетъ по стѣнамъ съ мѣста на мѣсто и, взлетѣвъ къверху, ударяетъ уже въ высокій потолокъ.

Sicut aquae tremulum labris ubi lumen aënis
Sole repercussum aut radiantis imagine lunae
Omnia pervolat latè loca; iamque sub auræ
Erigitur summique ferit laquearia tecti.

v. 22—25.

2) Чудовище Капъ, извергавшій дымъ и пламя (сынъ Вулкана), втянулъ за хвосты (чтобы скрыть слѣдъ), въ огромную свою пещеру, лучшихъ быковъ и телицъ изъ стада Геркулесова и входъ въ пещеру завалилъ необъятнымъ камнемъ. На голосъ другихъ быковъ геркулесовыхъ отозвались быки, заключенные въ пещерѣ и тѣмъ открыли вора. Не могли проникнуть во входъ пещеры, Геркулесъ взбѣжалъ на вершину ея и торчавшую на ней огромную скалу сдвинулъ съ корнемъ и сбросилъ съ горы, и такимъ образомъ открылъ отвратительное логовище чудовища, упитанное кровію и усѣянное костями жертвъ его. Сравненіе: съ разверзшеюся землею и открывшимся адомъ — бездонное царство блѣдныхъ тѣней, богамъ ненавистное; встрепенулись тѣни, пораженные свѣтомъ.

Non secus ac si qua penitus vi terra dehiscens
Infernas reseret sedes, et regna recludat

*Pallida, dis invisa, superque immane barathrum
Cernatur, tepident immisso lumine Manes.*

v. 423—6.

3) Венера проситъ Вулкана сдѣлать Энею оружіе и щитъ. Тотъ колеблется; она заключаетъ его въ нѣжныя объятія бѣлоснѣжныхъ рукъ своихъ. Уловка подѣйствовала: жгучее пламя овладѣло имъ и проникло до костей. Сравненіе: съ молніею, разсѣкающею тучи.

*Non secus atque olim, tonitru cum rupta coeusco
Ignea rima micans percurrit lumine nimbos.*

v. 391—2.

4) Озабоченный просьбою Венеры, Вулканъ поднимается въ полночь съ мягкой постели, спѣшитъ въ кузницу и раздаетъ работу цѣлопамъ. Сравненіе: такъ рано встаетъ хлопотливая хозяйка, которой досталось на долю поддерживать жизнь прялою и тонкою тканью, раздуваетъ въ пеплѣ скрытый огонекъ, чтобъ отнять у ночи время для работы, и при свѣтѣ ночной свѣтильни раздаетъ кудели при-слугѣ своей, чтобъ и честь хозяина поддержать и воспитать своихъ дѣтвей.

*..... cum femina primum,
Cui tolerare colo vitam tenuique Minerva
Impositum, cinerem et sopitos suscitatur ignis
Noctem addens operi famulasque ad lumina longo
Exercet penso, castum ut servare cubile -
Conjugis et possit parvos educere natos.*

v. 408—13.

5) Выходитъ изъ воротъ конная рать Энея... Въ срединѣ дружины скачетъ и юный Паллантъ (сынъ Евандра), красуясь цвѣтною мантией и раскрашеною броней. Сравненіе: съ лучезарнымъ Луциферомъ, когда онъ, болѣе всѣхъ свѣтилъ любимый Венерою, поднимаетъ на небѣ свой свѣтлый ликъ и гонитъ ночныя тѣни.

*Qualis ubi Oceani perfusus Lucifer unda,
Quem Venus ante alios astrorum diligit ignis,
Extulit os sacrum coelo, tenebrasque resolvit.*

6) Венера доставила Энею панцырь, мѣдный, кровавый, огромный, блестящій. Сравненіе: съ сизымъ облакомъ, лучами солнца ярко освѣщеннымъ.

*..... qualis cum caerulea nubes
Solis inardescit radiis longeque refulget.*

7) Венера доставила Энею оружіе Вулкана. Огнемогущій начер-

тилѣ на щитѣ будущіе подвиги и войны Рамлянъ... Въ числѣ подвиговъ была и Авдіійская морская битва. Сравненіе: подумашь, будто Циклады, сорвавшись со дна морскаго, свободно несутся, или горы высокія сходятся съ горами. Такъ герои устремляются на громадныхъ башняхъ пловучихъ.

..... pelago credas innare revolsas
 Cycladas aut montis concurrere montibus altos:
 Tanta mole viri turrítés puppibus instant.

Изъ IX-й книги.

1) Шла Турнова рать по широкому полю, красуясь конами и золотомъ пышной одежды. Первые отряды вель Мессапъ, а послѣдніе Тирровы сыновья; въ срединѣ же несется предводитель Турнъ, сверкая оружіемъ и превышая всѣхъ головою. Сравненіе: съ седмиръчнымъ Гангомъ, когда онъ, укротивъ свои притоки, течеть, глубокой, тихо; или—съ Ниломъ, когда онъ, напоивъ поля плодороднымъ иломъ, возвращается въ свое ложе.

Seu septem surgens sedatis amnibus altus
 Per tacitum Ganges aut pingui flumine Nilus,
 Cum refluit campis et iam se condidit alveo.

v. 30—32.

2) Турнъ осадилъ Троянцевъ въ лагерѣ. Эней, оставляя ихъ, далъ приказаніе не выходить въ поле, но защищаться только въ окопахъ. Напрасно Турнъ вызываетъ ихъ въ поле, скачетъ на конѣ вокругъ окоповъ, ища мѣста для приступа, досадуеть, гнѣвается... Сравненіе: съ голоднымъ волкомъ, который въ глубокую полночь, на дождѣ и холодѣ, рыщетъ вокругъ овчарни; полной овецъ, и не можетъ вломиться; агнята жмутся къ матерямъ съ бляньемъ; раздраженный звѣрь еще болѣе злится, голодъ мучить его и кровавая пасть давно уже засохла.

Ac veluti pleno lupus insidiatus ovili
 Cum fremit ad caulas ventos perpessus et imbris
 Nocte super media; tuti sub matribus agni
 Balatum exercent: ille asper et improbus ira
 Saevit in absentis; collecta fatigat edendi
 Ex longo rabies, et siccae sanguine fauces.

v. 59—64.

3) Низъ и Евріалъ рѣшились пробиться сквозь ряды осаждавшихъ, чтобы дать знать Энею объ опасности Троянцевъ. Ночью вошли они

въ лагерь Турновъ и безпощадно убиваютъ сонныхъ непріятелей. Сравненіе: съ голоднымъ львомъ, ворвавшимся въ полную овчарню; бѣшеный голодь давно мучитъ его; онъ рветъ и терзаетъ кроткихъ овецекъ, онѣмѣвшихъ отъ страха, и издаетъ ревъ окровавленною пастью.

*Impastus ceu plena leo per ovilia turbans —
Suadet enim vesana fames manditque trahitque
Molle pecus mutumque metu tremis ore cruento.*

v. 339—41.

4) Евріаль убитъ; мечъ разсѣкаетъ бѣлую грудь; онъ падаетъ на землю, кровь полилась по прекраснымъ его членамъ, голова повисла на плечо. Сравненіе: съ увядающимъ алымъ цвѣткомъ, подрѣваннымъ плугомъ, или съ макомъ, наклонившимъ свои головки, отягченныя дождемъ.

*Purpureus veluti cum flos succisus aratro
Languescit moriens; lassove papavera collo
Demisere caput, pluvia cum forte gravantur.*

v. 435—37.

5) Геленоръ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, бросается на вѣрную смерть,—туда, гдѣ наиболѣе видитъ сгущенныхъ противъ него копій. Сравненіе: съ звѣремъ, когда онъ, окруженный густою цѣпью охотниковъ, злится на копья, и не видя спасенія, сильнымъ прыжкомъ свачеть чрезъ рогатины.

*Ut fera, quae, densa venantum saepta corona,
Contra tela furit seseque haud nescia morti
Inicit et saltu supra venabula fertur.*

v. 551—3.

6) Лигъ, вырвавшись изъ среды непріятелей, прибѣжалъ къ лагерю и лѣзетъ на стѣну онаго. Турнь догналъ и оторвалъ его, съ не малою частью самой стѣны. Сравненіе: съ орломъ, уносящимъ въ когтяхъ своихъ зайца или бѣлопераго лебедя; или—съ хищнымъ волкомъ, похитившимъ у овцы ягненка, которая ищетъ его съ частымъ блеаньемъ.

*Qualis ubi aut leporem aut candenti corpore cuspium
Sustulit alta petens pedibus Jovis armiger uncis,
Quaesitum aut matri multis balatibus agnum
Martius a stabulis rapuit lupus.*

v. 563—66.

7) Закиѣла самая жаркая битва; поле покрыто оружіемъ, звучать отъ ударовъ щиты и шлемы. Сравненіе: такъ сѣчетъ землю крупный

дождь, или море — крупный градъ, когда Юпитеръ нагонитъ страшную грозу и разверзнетъ тучи.

Quantus ab occasu veniens pluvialibus Haedis
Verberat imber humum; quam multa grandine nimbi
In vada praecipitant, cum Juppiter horridus austris
Torquet aquosam hiemem et coelo cava nubila rumpit.

v. 668—71.

8) Пандаръ и Битій, гордые силою своего оружія, растворили ворота, вѣренныя ихъ охраненію, и приглашаютъ непріятеля въ стѣны; сами же стали у воротъ, справа и слѣва, съ оружіемъ въ рукахъ и въ высокихъ косматыхъ шлемахъ. Сравненіе: съ двумя дубами, на прекрасныхъ берегахъ Пада или Атеза, которые поднимаютъ до неба неостриженные свои головы и высокою вершиною машутъ.

Quales aerae liquentia flumina circum,
Sive Padi ripis, Athesim seu propter amoenum,
Consurgunt geminae quercus intonsaque coelo
Attollunt capita et sublimi vertice nutant.

v. 679—82.

9) Турнь поразилъ дровикомъ Битіа: громадный человекъ свалился, земля застонала и зазвенѣлъ огромный щитъ. Сравненіе: такъ пала нѣкогда громадная плотина, построенная у береговъ Байевъ: упавъ, она врѣзалась въ море; море взволновалось, а черная пыль поднялась столбомъ; дрогнувъ Прохитъ высокій, дрогнувъ Инаримъ, по волѣ Зевеса гнетущій Тифей.

Talis in Euboico Baiarum littore quondam
Saxeo pila cadit, magnis quam molibus ante
Constructam ponto iaciunt: sic illa ruinam
Prona trahit penitusque vadis illisa recumbit,
Miscent se maria et nigrae attolluntur harenae;
Tum sonitu Prochyta alta tremit durumque cubile
Inarime Jovis imperiis imposta Typhoeo.

v. 710—16.

10) Пандаръ, увидѣвъ паденіе брата, послѣшилъ затворить ворота, оставивъ за лагеремъ въ жестокой сѣчѣ часть своихъ (Троянцевъ), и затворивъ въ лагерѣ и часть Рутуловъ; безумный не видѣлъ, что задержалъ въ лагерѣ и самого Турна. Сравненіе: съ огромнымъ тигромъ средь робкаго стада.

Immanem veluti pecora inter inertia tigrim.

v. 730.

11) Совершивъ въ лагерѣ многія убійства, Турнъ долженъ былъ подумать и объ отступленіи; отступаетъ въ рѣкѣ медленно и не охотно, пылая гнѣвомъ и злобою. Сравненіе: со львомъ, окруженнымъ толпою охотниковъ, сыплющихъ въ него копыя и стрѣлы: уstraшеннѣй онъ отступаетъ мало-по-малу, оскаливъ зубы и страшно сверкая глазами; смѣлость и злоба не позволяютъ ему обратиться въ бѣгство, а копыя и охотники не даютъ ему возможности, какъ хотѣлось бы ему, броситься впередъ.

..... seu saevum turba leonem
 Cum telis premit infensis, at territus ille,
 Asper, acerba tuens, retro redit et neque terga
 Ira dare aut virtus patitur nec tendere contra,
 Ille quidem hoc cupiens potis est per tela virosque.

v. 792—6.

Изъ X-й книги.

1) Юпитеръ созываетъ совѣтъ боговъ. Венера жалуется, Юнона оправдывается. Всѣ небожители зашумѣли отъ разногласія. Сравненіе: съ шумомъ въ дремучемъ лѣсу отъ перваго порыва вѣтра; пошелъ между вѣтвями глухой ропотъ, предвѣщающій мореходцамъ близкую бурю.

..... seu flamina prima
 Cum deprensa fremunt silvis et caeca volutant
 Murmura venturos nautis prodentia ventos.

v. 97—99.

2) Рутулы тѣснятъ лагерь; Троянцы защищаются копыями, стрѣлами, камнями. Въ срединѣ защищающихся красуется — любовь и забота Венеры, сынъ Энеевъ, съ прекрасною открытою головкой. Сравненіе: съ алмазомъ, оправленнымъ въ золото, — украшеніемъ чела или шеи; или — съ бѣлою слоновою костью, искусною рукой вправленною въ черное дерево или въ терпентинъ орикскій.

Qualis gemma micat, fulvum quae dividit aurum,
 Aut collo decus aut capiti; vel quale per artem
 Inclusum buxo aut Oricia terebintho
 Lucet ebur.

v. 134—37.

3) Эней съ союзною ратью приближается къ лагерю. Троянцы, завидѣвъ его со стѣнъ лагера, подняли крикъ, долетающій до сводовъ небесныхъ. Сравненіе: съ кривомъ журавлей, когда они, взвивъ

шись подъ облака, летять съ шумомъ по воздушному океану и переликаются между собою, убѣгая бурнаго Нота.

..... quales sub nubibus atris
Strymoniae dant signa grues atque aethera tranant
Cum sonitu fugiuntque notos clamore secundo.

v. 264—66.

4) Турнь и его Рутулы дивились такому крику Троянцевъ, между тѣмъ и сами увидѣли пристающій къ берегу флотъ Энея; отъ гребня шлема льются огни и золотой щитъ извергаетъ пламя. Сравненіе: съ кровавымъ роковымъ свѣтомъ кометы въ ясную ночь; или — съ блескомъ знойнаго Сиріуса; онъ несетъ засуху, голодъ и болѣзни и зловѣщимъ своимъ свѣтомъ печалитъ видъ неба.

Non secus ac liquida si quando nocte cometae
Sanguinei lugubre rubent aut Sirius ardor,
Ille sitim morbosque ferens mortalibus aegris,
Nascitur et laevo contristat lumine coelum.

v. 272—75.

5) Сошлись рати троянская и латинская; разгорѣлась битва: то тѣ погоняютъ, то другіе: бьются при самомъ входѣ въ Аввонію; густые ряды стоятъ противъ рядовъ, ноги сомкнулись съ ногами. Сравненіе: съ борьбою двухъ противныхъ вѣтровъ съ равными силами; они ни сами другъ другу, ни тучи, ни море не уступаютъ,—длится сомнительный бой; вся природа въ борьбѣ.

..... magno discordes aethere venti
Proelia ceu tollunt animis et viribus aequis;
Non ipsi inter se, non nubila, non mare cedit.
Anceps pugna diu, stant obnixa omnia contra.

v. 356—59.

6) Паллантъ словами и примѣромъ возобновляетъ битву и мужество сподвижниковъ его сливается въ одну неодолимую силу, радуя сердце Палланта. Сравненіе: съ пастухомъ, зажегшимъ дурную траву въ полѣ въ разныхъ мѣстахъ: разгорѣвшись, огонь сливается и охватываетъ поле широкимъ трескучимъ пламенемъ. Пастухъ, сидя на высокомъ холмѣ, любитъ торжествующимъ огнемъ.

Ac velut optato ventis aestate coortis
Dispersa immittit silvis incendia pastor,
Correptis subito mediis extenditur una
Horrida per latos acies Volcania campos:
Ille sedens victor flammam despectat ovantis.

v. 406—9.

7) Паллантъ отваживается вступить въ битву съ Турномъ: „или добычей похваюсь, или—славною смертію!“ Сказавъ это, выступилъ онъ на средину поля. Сердца Аркадцевъ забились отъ страха. Турнъ соскочилъ съ колесницы и пѣшій готовится къ схваткѣ. Сравненіе: съ львомъ, который, завидѣвъ съ высокой скалы, далеко въ полѣ, вола, готоваго къ битвѣ, самъ скачетъ къ нему.

.... utque leo, specula cum vidit ab alta
Stare procul campis meditantem in proelia taurum,
Advolat: haud alia est Turni venientis imago.
v. 454—56.

8) Узнавъ о гибели Палланта, Эней приходитъ въ ярость и производитъ опустошеніе въ рядахъ непріятелей. Сравненіе: съ Эгеономъ, который, по преданію, имѣлъ сто раменъ и сто рукъ, пятьдесятъ грудей и ртовъ, извергавшихъ пламя, когда противъ ударовъ молній Зевеса онъ шумѣлъ пятидесятью щитами и обнажалъ столько же мечей. Такъ побѣдитель Эней свирѣпствуетъ на всемъ пространствѣ битвы, лишь только нагрѣлся въ крови мечъ его. Сѣтъ убійства по полю. бранному вождь Дарданскій, бушуетъ подобно горному потоку или черному вихрю.

Aegaeon qualis, centum cui brachia dicunt
Centenasque manus, quinquaginta oribus ignem
Pectoribusque arsisse, Iovis cum fulmina contra
Tot paribus streperet clipeis, tot stringeret enses
v. 565—68

..... torrentis aquae vel turbinis atri
More furens.

v. 603.

9) Юпитеръ позволяетъ Юнонѣ увести Турна съ поля битвы и на время укрыть отъ грозящей опасности. Она принимаетъ видъ Энея, уходящаго отъ Турна, и такимъ образомъ съ поля битвы увлекаетъ его въ ладью, которая уходитъ съ нимъ въ море. Сравненіе: такъ, говорятъ, носятъ тѣни умершихъ; или — такъ видѣнья во снѣ мочать усыпленные чувства.

Morte obita qualis fama est volitare figuras
Aut quae sopitos deludunt somnia sensus.

v. 641—2.

10) Мѣсто уведеннаго Юноной съ поля битвы Турна занялъ Мезенцій. На него Тирренцы (на прежняго ихъ тирана) обратили свое мщеніе и копьа. Онъ отбивается, умерщвляетъ многихъ и остается

невредимъ. Сравненіе: съ утесомъ, вдавшимся въ широкое море; онъ противится ярости волнъ и вѣтровъ, и отражая всю силу неба и моря, стоятъ неподвижно.

.. velut rupes, vastum quae prodit in aequor,
Obvia ventorum furiis expostaque ponto,
Vim cunctam atque minas perfert coelique marisque,
Ipsa immota manens.

v. 693—6.

11) Никто не посмѣлъ съ обнаженнымъ мечомъ схватиться съ Мезенціемъ, и только издали летали въ него копья и враги преслѣдовали его громкимъ крикомъ. Сравненіе: съ дикимъ вепремъ, согнаннымъ псами съ лѣсистыхъ горныхъ вершинъ и очутившимся среди сѣтей; онъ останавливается, яростно хрюкаетъ, страшно оцетиняся; никто не смѣетъ ни напасть на него, ни подступить къ нему; только издали бросаютъ въ него копья и пугаютъ крикомъ: безстрашный, медленно поворачивается онъ во всѣ стороны, срежеша зубами и отряхая копья.

Ac velut ille canum morsu de montibus altis
Actus aper, multos Vesulus quem pinifer annos
Defendit multosque palus Laurentia, silva
Pastus arundinea, postquam inter retia ventum est,
Substitit infremuitque ferox et inhorruit armos;
Nec cuiquam irasci propiusque accedere virtus,
Sed iaculis tutisque procul clamoribus instant,
Ille autem impavidus partis cunctatur in omnis
Dentibus infrendens et tergo decutit hastas.

v. 707—15.

12) Мезенцій, окруженный врагами (см. предыдущее, 10 и 11), увидѣвъ Акрона, разносившаго въ рядахъ ужасъ, съ пурпурнымъ гребнемъ на шлемѣ и въ багряной одеждѣ, — что невѣста подарила, — бросился въ чашу враговъ и повергъ несчастнаго Акрона: онъ бьется по черному праху и кровь обагрываетъ его доспѣхи. Сравненіе: съ голоднымъ львомъ, бродящимъ вокругъ высокихъ загоновъ: увидѣвъ бѣгущую козу или оленя, гордо возносящаго рога, отъ радости разверзаетъ страшный зѣвъ и, поднявъ гриву, устремляется къ добычѣ; впившись въ чрево клыками онъ налегаетъ на жертву и моетъ алчную пасть въ черной крови.

Impastus stabula alta leo ceu saepe peragrans,
Suadet enim vesana fames, si forte fugacem
Conspexit capream aut surgentem in cornua cervum,

Gaudet hians immane comasque arrexit et haeret
Visceribus super incumbens, lavit improba taeter
Ora cruor.

v. 723—28.

13) Потрясающа огромнымъ копьемъ, носится въ битвѣ неукротимый Мезенцій. Сравненіе: съ бурнымъ Оріономъ, несущимся по водамъ Нереея, пролагающимъ себѣ дорогу среди морскихъ волнъ, превышая ихъ плечомъ; или, вырвавъ на высяхъ горныхъ многолѣтній вѣзъ, несетъ его по сушѣ, скрывая голову среди тучъ.

..... Quam magnus Orion
Cum pedes incedit medii per maxima Nerei
Stagna viam scindens, umero supereminet undas,
Aut summis referens annosam montibus ornum
Ingrediturque solo et caput inter nubila condit.

v. 763—67.

14) Эней сразился съ Мезенціемъ и, раненный въ бедро, Мезенцій отступаетъ; сынъ его Лавръ, ставъ противъ Энея, обезпечиваетъ отступление. На Энея посыпались копьа; прикрываясь щитомъ, онъ выдерживаетъ бурю. Сравненіе: съ градомъ, разразившимся изъ тучи: всѣ земледѣльцы убѣгаютъ съ поля и путникъ скрывается подъ безопасный кровъ на берегу рѣки или подъ нависшій утесъ, до появленія солнца, чтобъ снова начать работу, или продолжать путь.

Ac velut effusa si quando grandine nimbi
Praecipitant omnis campis diffugit arator,
Omnis et agricola et tuta lotat arce viator,
Aut amnis ripis aut alti fornice saxi,
Dum pluit in terris, ut possint sole reducto
Exercere diem....

v. 803—8.

Изъ XI-й книги.

1) Несутъ къ царю Евандру на носилкахъ сына его Паланта, сраженнаго въ битвѣ, прекраснаго юношу. Сравненіе: съ цвѣткомъ вѣжной фіалки или томнаго гіацинта, сорваннымъ рукою дѣвицы; и свѣжесть и красота остались еще, но уже мать-земля не питаетъ его.

Qualem virgineo demessum pollice florem
Seu mollis violae seu languentis hyacinthi,
Cui neque fulgor adhuc nec dum sua forma recessit;
Non iam mater alit tellus virisque ministrat.

v. 68—71.

2. Латинъ послышалъ къ Диомаду, царю Аргивскому, просить помощи противъ Энея. Возвратившійся посолъ принесъ царю и собранному народному собранію—грустный отвѣтъ: Диомедъ собственными несчастіями, какія постигли и его вмѣстѣ съ другими за разореніе Трои, убѣждаетъ Латина не только не продолжать съ Энеемъ роковой войны, но всѣми мѣрами постараться—помириться съ нимъ. Въ народномъ собраніи пробѣжалъ всеобщій ропотъ и неудержимое негодованіе. Сравненіе: съ ропотомъ рѣчныхъ водъ, останавливаемыхъ подводными камнями: глухой шумъ задерживаемыхъ волнъ оглашаетъ оба берега.

..... seu saxa morantur
Cum gurgidos amnis: fit clauso gurgite murmur
Vicinaeque fremunt ripae crepitantibus undis.

v. 297—99.

3) Эней двинулъ свою армію къ столицѣ Латина: въ городѣ произошло смятеніе—крикъ, плачь, гнѣвъ, бѣганье. Сравненіе: съ крикомъ стаи птицъ, садящихся на вершины высокой рощи; или — съ крикомъ голосистыхъ лебедей, сликающихся на стоячихъ водахъ рыбной Падузы.

Haud secus atque alto in luco cum forte catervae
Consedere avium piscosove omne Padusae
Dant sonitum gausi per stagna loquacia cunei.

v. 456—58.

4) Кипучій Турнъ устремляется въ битву. Сравненіе: съ конемъ, сбросившимъ узду и вырвавшимся изъ конюшни въ открытое поле; то бѣжитъ онъ къ табуна лошадиному, то погружается въ рѣку, гдѣ привыкъ купаться; ржетъ, игривый, подыавъ голову высоко, а грива развѣвается по воздуху.

Qualis ubi abruptis fugit praesepia vinclis
Tandem liber equus campoque potitus aperto
Aut ille in pastus armentaque tendit equarum
Aut assuetus aquae perfundi flumine noto
Emicat arrectisque fremit cervicibus alte
Luxurians luduntque iubae per colla, per armos.

v. 491—97.

5) Кипитъ битва: то одна сторона побѣжитъ, то другая. Сравненіе: съ приливомъ и отливомъ моря; то устремляется оно на сушу, бросаетъ на скалы пѣнистыя волны и затопляетъ широкій песчаный beachъ CLXXXV, отд. 5.

регъ; то возвращается назадъ, уноситъ и поглощаетъ камни и оставляетъ берегъ открытымъ.

Qualis ubi alterno procurrens gurgite pontus
Nunc ruit ad terras scopulosque superiacit unda
Spumeus extremamque sinu perfundit harenam:
Nunc rapidus retro, atque aestu revoluta resorbens
Saxa fugit littusque vado labente relinquit.

v. 624—28.

6) Среди кровавой сѣчи летаетъ амазонкой и разноситъ убійства, съ колчаномъ стрѣлъ за плечомъ, Камилла, въ сопровожденіи избранныхъ своихъ спутницъ и сподвижницъ. Сравненіе: словно Фракійскія амазонки, несущіяся на окровавленныхъ поляхъ Термодонта, сопровождая царицу свою Ипполиту, или воинственную Пентезилею, оглашая воздухъ женскимъ своимъ воемъ и стукомъ полуденныхъ щитовъ своихъ.

Quales Threiciae cum flumina Thermodontis
Pulsant et pictis bellantur Amazones armis,
Seu circum Hippolyten seu cum se Martia curru
Penthesilea refert magnoque ululante tumultu
Feminea exsultant lunatis agmina peltis.

v. 659—63.

7) Камилла, героиня, вскочивъ на коня, преслѣдуетъ Лигурійца и, догнавъ, поражаетъ его смертельно. Сравненіе: такъ ястребъ, слетѣвъ съ высокой скалы, преслѣдуетъ голубя и, схвативъ, раздираетъ его когтями своими; летать по воздуху перья и каплетъ кровь.

Quam facile accipiter saxo sacer ales ab alto
Consequitur pennis sublimem in nube columbam
Comprensamque tenet pedibusque eviscerat uncis;
Tum cruor et volsae labuntur ab aethere plumae.

v. 721—25.

8) Тархонъ, прищпоривъ коня, ринулся въ средину враговъ и схвативъ Венела умчалъ его на конѣ съ собой; на бѣгу, сломивъ съ копыа его желѣзный наконечникъ, ищетъ открытаго мѣста, гдѣ бы нанести ему смертельную рану; плѣнникъ отбивается руками и силъ противится силой. Сравненіе: съ орломъ, схватившимъ змію: онъ уноситъ ее, впившись когтями, а она, израненная, извивается, поднимаетъ высокую чешуйчатую голову и шипитъ своимъ жаломъ; орелъ терзаетъ ее еривымъ клювомъ, разсѣкая воздухъ крыльями.

Utque volans alte raptam cum fulva draconem
 Fert aquila implicuitque pedes atque unguibus haesit,
 Saucius et serpens sinuosa volumina versat
 Arrectisque horret squamis et sibilat ore
 Arduus insurgens, illa haud minus urguet obunco
 Luctantem rostro, simul aethera verberat alis.

v. 751—56.

9) Аррунсъ, брошеннымъ копьемъ, успѣль, наконецъ, поразить страшную героиню Камиллу и самъ, отъ радости и испуга, скрывается. Сравненіе: съ волкомъ, который, убивъ пастуха или корову и чувствуя свою дерзость, самъ спѣшитъ укрыться въ лѣсъ, поджавши хвостъ, не ожидая пока, съ дубинами въ рукахъ, стануть преслѣдовать его.

Ac velut ille, prius quam tela inimica sequantur,
 Continuo in montis sese avius abdidit altos
 Occiso pastore lupus magnove iuvenco,
 Consciens audacis facti, caudamque remulcens
 Subiecit pavitantem utero silvasque petivit.

v. 309—13.

Изъ XII-й книги.

1) Турнь не покоряется; неудачи еще болѣе раздражаютъ его. Сравненіе: со львомъ африканскихъ степей; тяжело раненный, начинаетъ онъ новую битву, потрясаетъ косматою гривой, ломаетъ стрѣлу, въ него вшившюся, и рыкаетъ кровавою пастью.

..... Poenorum qualis in arvis,
 Saucius ille gravi venantum vulnere pectus,
 Tum demum movet arma leo gaudetque comantis
 Excutiens cervice toros fixumque latronis
 Impavidus frangit telum et fremit ore cruento.

v. 4—8.

2) Лавинія плачетъ, яркій румянецъ разлился по щекамъ ея. Сравненіе: съ слоновою костью, на которую прольешь нечаянно кровавый пурпуръ; или — съ пучкомъ бѣлыхъ лилій, перемѣшанныхъ съ красными розами.

Indum sanguineo veluti violaverit ostro
 Si quis ebur aut mixta rubent ubi lilia multa
 Alba rosa.

v. 67—69.

3) Раздраженный Турнь готовится къ поединку съ Энеемъ; ланиты его пеляютъ, изъ глазъ сыплются искры. Сравненіе: съ бы-

комъ, готовящимся къ первому бою; онъ издаетъ страшный ревъ, испытываетъ на деревѣ силу своихъ роговъ, хлещетъ ими по воздуху, разбрасываетъ ногою песокъ и дышетъ жаромъ предбитвеннымъ.

Mugitus veluti cum prima in proelia taurus
Terrificos ciet atque irasci in cornua tentat
Arboris obnixus trunco ventosque lacessit
Ictibus et sparsa ad pugnam proludit harena.

v. 103—6.

4) Юнона, опасаясь за Турна, посылаетъ нимфу Ютурну (сестру Турнову) разстроить поединокъ его съ Энеемъ. Та показываетъ Рутуламъ слѣдующее чудо: птица Юпитерова, спустившись съ высоты эфирной, гонитъ стадо береговыхъ птицъ и схвативъ на водѣ прекраснаго лебедя, уноситъ его; но птицы, спустившись въ видѣ облака, преслѣдуютъ похитителя, и крикомъ и натискомъ своимъ принуждаютъ его выпустить на воду, изъ когтей своихъ, тяжелую добычу и скрыться за облаками. Авгуръ воодушевилъ Рутуловъ, объяснивъ, что спасенный лебедь означаетъ Турна, а скрыпшійся орелъ—Энея, оставляющаго Италию. Поединокъ не состоялся и война возобновилась.

... volans rubra fulvus Iovis ales in aethra
Littoreas agitabat aves turbamque sonantem
Agminis aligeri, subito cum lapsus ad undas
Cycnum excellentem pedibus rapit improbus uncis.
Arrexere animos Itali cunctaeque volucres
Convertunt clamore fugam mirabile visu
Aetheraque obscurant pennis hostemque per auras
Facta nube premunt, donec vi victus et ipso
Pondere defecit praedamque ex unguibus ales
Proiecit fluvio penitusque in nubila fugit.

v. 247—56.

5) Турнь, замѣтивъ, что увели съ поля битвы раненнаго Энея, приходитъ въ большую ярость: вскакиваетъ на колесницу, мчатся по рядамъ непріятельскимъ, убиваетъ, топчетъ; брызжутъ копыта кровью и мечутъ песокъ, съ кровью смѣшанный. Сравненіе: съ жаждущимъ крови Марсомъ, когда онъ у водъ холоднаго Эбра, гремя и потрясая щитомъ, напускаетъ разъяренныхъ коней и съеть убійства: кони, мчась по широкому полю, обгоняютъ Зефиръ и Ноть; отъ ударовъ копытъ стонутъ фракійскія поля; вокругъ летаютъ лики Страха, Гнѣва, коварной Хитрости, спутники божества.

Qualis apud gelidi cum flumina concitus Hebri
Sanguineus Mavors clipeo intonat atque furentis
Bella movens immittit equos: illi aequore aperto
Ante Notos Zephyrumque volant; gemit ultima pulsu
Thrace pedum circumque atrae Formidinis ora
Iraeque Insidiaequae, dei comitatus, aguntur.

v. 331—36.

6) Куда ни проложить себѣ дорогу Турнѣ, войска уступаютъ и обращаются въ бѣгство. Сравненіе: съ Бореємъ, гонящимъ къ берегу волны Эгейскаго моря, или съ напоромъ вѣтра, гонящаго тучи.

Ac velut Edoni Boreae cum spiritus alto
Insonat Aegaeo sequiturque ad littora fluctus;
Qua venti incubuere, fugam dant nubila coelo.

v. 365—67.

7) Эней, изцѣленный отъ раны, снова устремляется въ битву. Сравненіе: съ бурною тучею, проливнымъ дождемъ разразившеюся надъ моремъ и приближающею къ берегу: увы! вѣщія сердца бѣд-ныхъ земледѣльцевъ уже трепещутъ; туча ляжетъ широкимъ опустошеніемъ на ихъ жатвы и сады: уже вѣтры рвутся впередъ и доносятъ до нихъ шумъ бури.

Qualis ubi ad terras abrupto sidere nimbus
It mare per medium: miseris, heu, praescia longe
Horrescunt corda agricolis, dabit ille ruinas
Arboribus stragemque satis, ruet omnia late,
Ante volant sonitumque ferunt ad littora venti.

v. 451—55.

8) Та же Ютурна (сестра Турна, нимфа), предвидя опасность брату въ пылу сраженія, столкнула съ колесницы возницу и, схвативъ вожди, уноситъ его изъ среды битвы, оббѣгаетъ съ нимъ поле вокругъ, то тамъ, то здѣсь покажется съ нимъ, но не допускаетъ его вступить въ битву, мчится съ нимъ подальше отъ непріятеля. Сравненіе: съ полетомъ черной ласточки, которая, гоняясь за пищею для крикливыхъ дѣтей своихъ, то летаетъ между постройками и подъ кровлями богатаго своего хозяина, то носится надъ берегомъ влажнаго болота, то снова возвращается подъ кровлю.

Nigra velut magnas domini cum divitis aedes
Pervolat et pennis alta atria lustrat hirundo
Pabula parva legens nidisque loquacibus escas
Et nunc porticibus vacuis, nunc humida circum
Stagna sonat.

v. 473—77.

9) Эней и Турнъ свирѣствуютъ въ битвѣ. Сравненіе: съ двумя огнями, нацупенными съ противоположныхъ сторонъ на сухую рошу или съ стремительными водопадами, которые, съ шумомъ низвергаясь съ высокихъ горъ, врываются въ море, опустошая все предъ собою.

Ac velut immissi diversis partibus ignes
Arentem in silvam et virgulta sonantia lauro,
Aut ubi decursu rapido de montibus altis
Dant sonitum spumosi amnes et in aequora currunt
Quisque suum populatus iter.

v. 521—25.

10) Эней осадилъ столицу Латина; въ городѣ страхъ, смятеніе, раздоръ: одни требуютъ отворить ворота Энею; другіе, съ оружіемъ въ рукахъ, бѣгутъ на стѣны, для защиты ихъ. Сравненіе: съ роемъ пчелъ, которыхъ нашелъ пастухъ въ расщелинѣ скалы и выкуриваетъ ѣдимъ дымомъ: пчелы въ трепетѣ бѣгаютъ по восковому своему лагерю и громкимъ жужжаніемъ выражаютъ свое раздраженіе; дымъ врывается въ щели, глухой ропотъ отдается въ скалѣ.

Inclusas ut cum latebroso in pumice pastor
Vestigavit apes fumoque implevit amaro;
Illae intus trepidae rerum per cerea castra
Discurrunt magnisque acuunt stridoribus iras:
Volvitur ater odor tectis, tum murmure caeco
Intus saxa sonant, vacuas it fumus ad auras.

v. 587—92.

11) Турнъ, узнавъ о стѣсненіи города, оставляетъ сестру, мчится стремительно къ городу, разсѣвая непріятельскіе ряды, и останавливаетъ битву, изъявляя готовность на поединокъ съ Энеемъ. Сравненіе: съ огромнымъ камнемъ; сорванный бурей съ вершины горы, подмытый дождемъ, или подрытый годами, катится грозный утесъ съ ужасною силою, свачетъ и увлекаетъ съ собою лѣсъ, скотъ, и людей.

Ac veluti montis saxum de vertice praecipit
Cum ruit avolsum vento, seu turbidus imber
Proluit aut annis solvit sublapsa vetustas;
Fertur in abruptum magno mons improbus actu
Exsultantque solo, silvas, armenta virosque
Involvens secum.

v. 684—89.

12) Эней, узнавъ о готовности Турна вступить съ нимъ въ поединокъ, оставляетъ осаду города и немедленно съ радостію спѣшитъ ему на встрѣчу, страшно потрясая оружіемъ. Сравненіе: съ

Аеономъ, съ Эриесомъ, или — съ главою горъ, Апенниномъ, покры-
тыми шумящимъ лѣсомъ ясеней и гордо поднимающимъ въ воздухъ
ледяную свою вершину.

Quantus Athos aut quantus Eryx aut ipse, coruscis
Cum fremit illicibus, quantus, gaudetque nivali
Vertice se attollens pater Appenninus ad auras.

v. 701—3.

13) Поединокъ Энея съ Турномъ. Сравненіе: съ боемъ двухъ бы-
ковъ, устремляющихся рогами одинъ на другаго; испуганные пастухи
посторонились; робкое стадо стоитъ въ безмолвіи и ожидаетъ; кто
останется вождемъ его и за кѣмъ оно будетъ слѣдовать; они нано-
сятъ себѣ тяжкія раны, ударяя въ упоръ рогами, и кровь широкими
струями омываетъ ихъ шеи и плечи; вся роща оглашается ихъ ре-
вомъ.

Ac velut ingenti Sila summove Taburno
Cum duo conversis inimica in proelia tauri
Frontibus incurrunt, pavidum cessere magistri,
Stat pecus omne metu mutum massantque iuvencae,
Quis nemori imperitet, quem tota armenta sequantur;
Illi inter sese multa vi vulnera miscent
Cornuaque obnixa infigunt et sanguine largo
Colla armosque lavant; gemitu nemus omne remugit.

v. 715—22.

14) Эней и Турнъ вступили въ поединокъ. Мечъ Турновъ, год-
ный для другой битвы, въ битвѣ съ Энеемъ распался на части, какъ
хрупкій ледъ: обломки его блестятъ на желтомъ пескѣ. Въ безпамят-
ствѣ, Турнъ обращается въ бѣгство: но окруженный съ одной сто-
роны плотною стѣною Троянцевъ, а съ другихъ—широкимъ болотомъ
и высокою городскою стѣною, онъ бѣгалъ кругами, или бросался то
въ ту, то въ другую сторону. Эней же, хотя еще замедляемый ра-
ненною своею ногой, преслѣдовалъ его съ жаромъ, нога за ногою.
Сравненіе: съ оленемъ, котораго охотникъ, захвативъ на островѣ или
окруживъ стрѣлками, гонитъ гончими собаками: испуганный, стра-
шась и засады и крутаго берега, онъ пробѣгаетъ тысячью извилинъ
взадъ и впередъ, а проворная собака преслѣдуетъ его съ открытою
пастью, и вотъ-вотъ готова уже вцѣпиться въ него зубами, но хва-
таетъ ими—пустой воздухъ. Поднимается крикъ; имъ огласились бе-
рега и воды, и небо взгремѣло тревогой.

Mortalis mucro, glacies ceu futilis, ictu
Dissiluit.

Inclusum veluti si quando flumine nactus
 Cervum aut puniceae saeptum formidine pennae
 Venator cursu canis et latratibus instat,
 Ille autem insidiis et ripa territus alta,
 Mille fugit refugitque vias, at vividus Umber
 Haeret hians, iam iamque tenet similisque tenenti
 Increpuit malis morsuque elusus inani est.
 Tum vero exoritur clamor ripaeque lacusque
 Responsant circa et coelum tonat omne tumultu.

v. 740, 749—57.

15) Юпитеръ, чтобъ порѣшить наконецъ сомнительную борьбу между Энеемъ и Турномъ, вызываетъ изъ ада одну изъ фурій и посылаетъ ее на землю, чтобъ противустала она вліанію Ютурны, сестры Турновой. Она летитъ и мчится на землю быстрымъ вихремъ. Сравненіе роковаго ея полета съ полетомъ стрѣлы, пущенной изъ натянутой тетивы, стрѣлы, какую бранный Парезъ посылаетъ, намазанную ядомъ,—оружіе смертоносное. Свиснетъ она и летитъ въ воздухъ невидимкой. Слетѣвъ на землю, къ мѣсту битвы между Троянцами и Турномъ, фурія принимаетъ видъ той птицы, которая, сидя въ ночное время на могилахъ или на оставленныхъ развалинахъ, издаетъ зловѣщій стонъ.

Non secus ac nervo per nubem impulsa sagitta,
 Armatam saevi Parthus quam felle veneni,
 Parthus, sive Cydon, telum immedicabile, torsit,
 Stridens et celeris incognita transilit umbras.

Alitis in parvae subitam collecta figuram,
 Quae quondam in bustis aut culminibus desertis
 Nocte sedens serum canit importuna per umbras.

v. 858—59, 862—64.

16) Убѣгающій отъ Энея Турнъ увидѣлъ случайно огромный камень, лежавшій на полевой межѣ. Его едва могли бы поднять 12 челоуѣкъ, какихъ теперь производитъ земля. Схвативъ торопливо камень и разбѣжавшись съ нимъ, герой со всего размаха пустилъ его въ Энея. Но въ этомъ усиліи онъ уже не узнаетъ самъ себя. Колѣна его гнутся, холодная кровь застываетъ въ жилахъ, и камень, катаясь по пустому пространству, не достигаетъ цѣли и не наноситъ удара. Сравненіе Турнова безсилія: съ тѣмъ сновидѣніемъ, когда мы хотимъ бѣжать и не можемъ; дѣлаемъ разныя усилія и остаемся неподвижны; силы не дѣйствуютъ, голоса нѣтъ.

Ac velut in somnis, oculos ubi languida pressit
 Nocte quies, nequiquam avidos extendere cursus
 Velle videmur et in mediis conatibus aegri
 Succidimus; non lingua valet, non corpore notae
 Sufficiunt vires nec vox aut verba sequuntur.

v. 908—12.

17) Эней сверкаетъ роковымъ копьемъ и, улучивъ время, грянулъ имъ съ размаху въ Турна. Сравненіе: не такъ шумить камень, пущенный изъ стѣнобитной машины; не съ такимъ трескомъ разятъ молніи. Подобно черному вихрю, летитъ пика, гибель несущая, пробиваетъ щитъ и панцырь и врѣзывается въ бедро. Пораженный ударомъ, Турнъ, великанъ, припавъ на колѣно, склоняется долу.

..... Murali concita numquam
 Tormento sic saxa fremunt nec fulmine tanti
 Dissultant crepitus. Volat atri turbinis instar
 Exitium dirum hasta ferens.

v. 921—24.

Ив. Боровиковскій.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Сего 4-го МАЯ вышла и разослана подписчикамъ V-я,
МАЙСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Содержаніе книги: I. Записки Гарновскаго: дворъ Екатерины II въ 1788 г.—II. Подлинная переписка Екатерины II съ кн. Потемкинымъ.—III. Воспоминанія Н. Г. Левшина 1807 г.—IV. Ссылка Сперанскаго въ 1812 г., историческій очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ.—V. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ, 1831—1834 гт.—VI. А. Н. Сѣровъ: его замѣтки и очерки о музыкѣ.—VII. Моя жизнь и археологическіе труды, рассказъ акад. Э. Г. Солнцева.—VIII. Изъ эпохи крымской войны: кн. М. Д. Горчаковъ и бой на р. Черной.—IX. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) Подметное воззваніе Левенгаупта въ 1708 г.—2) Рассказы свѣтл. кн. П. М. Волконскаго о временахъ Павла;—3) Найденшъ, семейное преданіе о лейбъ-медикѣ Вилліе;—4) Посланіе К. Н. Батюшкова къ А. И. Тургеневу;—5) Самоубійство Герштейнцвейга-отца въ 1848 г.—6) Замѣтка о портретѣ князя П. А. Зубова и проч. и проч. X. Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Къ этой книгѣ приложены: I. Заглавный рисунокъ профессора Шарлемани: Представители державной власти въ Россіи, гравир. акад. Л. А. Страновъ.—II. Портретъ кн. Платона Зубова, гравироваль на мѣди акад. Помалестинъ, отпечатанъ въ Парижѣ.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1876 г. продолжается.

При вышедшихъ книгахъ приложены: портреты Лжедмитрія I-го, Михельсона, князя Платона Зубова, писателя В. Г. Бѣлинскаго, императрицы Екатерины II, кавказскаго дѣятеля Клугенау; чертежи: Крестьянинъ Телушкинъ на лицидѣ Петропавловскаго собора въ 1830 г., снимокъ съ указа 1725 г. съ подписями сподвижниковъ Петра Великаго и заглавный рисунокъ профессора Шарлемани.

Цѣна за 12 книгъ съ гравированными портретами русскихъ дѣятелей, снимки и рисунки—**ВОСЕМЬ** руб. съ перес.

Главная Контора „Русской Старины“ въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42.

Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева.

«Русская Старина» 1870 г. (два изд.), 1871 г., 1872 г. (два изданія), 1873 г. 1874 г. и 1875 г. разошлись сполна; но отпечатано и еще можно получить третье изд. перваго тома «Русской Старины» 1870 года. — двенадцать книгъ, въ трехъ томахъ, съ портретами, снимками и рисунками. Цѣна 8 руб. съ пересылкой, а въ хорошемъ переплетѣ 11 руб. съ пересылкой.

РУССКІЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

издаваемый

ПРОФЕССОРОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА И. БЕРЕЗИНЫМЪ,

посвященный

Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Выпускъ VIII, тетрадь 2, буквы В, Г, Н, О и П.

Цѣна за полное изданіе въ 16 выпускахъ 60 руб., за половину изданія (8 вып.) 30 руб. Отдѣльно: годъ первый (I, II и III вып.) 13 руб., годъ второй (IV, V и VI вып.) 13 руб., годъ третій (VII, VIII, IX и X вып.) 16 руб.

Подписка принимается у издателя, Офицерская, 60.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

De Vergilii Aeneidos I, 390 — 401 Л. МИЛЛЕРА.

Г. Модестовъ какъ критикъ и ученый . . Э. А. ВЕРГА.

Сравненія изъ Энеиды Вергилія. И. БОРОВИКОВСКАГО.

Къ этой книгѣ приложена карта (на двухъ листахъ) учебныхъ заведеній
министерства народнаго просвѣщенія.

РЕДАКТОРЪ Е. ФЕОКТИСТОВЪ

(Вышла 1-го мая)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогическія и научныя, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкою въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того желающіе могутъ приобретать въ редакціи Журналь Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875-й (последній съ Мартовской книжки) платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

І Ю Н Ъ.

1876.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СІ. XXXV

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Большая Садовая, д. № 49—2)

1876.

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1874 годъ.

Правительственныя распоряженія.

Отзывъ особой комиссіи, разсматривавшей сочиненіе Я. Е. Гуревича, удостоенное преміи императора Петра Великаго, при третьемъ присужденіи ея въ 1876 году,

Первыя страницы русской исторіи. (Окончаніе.) Д. Θ. Щеглова.

Городское населеніе Новгородской области въ XVI вѣкѣ А. К. Ильинскаго.

Ведійскіе этюды В. Θ. Миллера.

Опыты по исторіи развитія христіанской легенды. А. Н. Веселовскаго.

Русско-византійскіе отрывки В. Г. Васильевскаго.

О практическихъ упражненіяхъ при подаваніи новой русской исторіи въ университетахъ. А. Г. Бриенера.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обѣртки.)

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛХХХV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).

1876.

ИЗВЛЧЕНІЕ ИЗЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1874 ГОДЪ.

Имѣю счастье представить Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшій отчетъ мой по управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія за 1874 годъ съ слѣдующими къ оному приложеніями, заключающими въ себѣ объяснительныя къ отчету свѣдѣнія и статистическія данныя.

Изложенныя въ настоящемъ отчетѣ статьи обнимаютъ собою дѣятельность всѣхъ учебныхъ заведеній министерства отъ университетовъ до начальныхъ училищъ, а также всѣхъ ученыхъ учреждений и ученыхъ обществъ, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства.

І. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

1) Высшія учебныя заведенія.

А. Университеты.

Въ 8-ми университетахъ имперіи, находящихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія: С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, Киевскомъ св. Владимира, Новороссійскомъ, Дерптскомъ и Варшавскомъ къ 1-му января 1875 года состояло всего преподавателей 586: *штатныхъ* 522 (въ томъ числѣ ординарныхъ профессоровъ 267, экстраординарныхъ 72, доцентовъ съ прозекторами 134, преподавателей 7, помощниковъ прозекторовъ 12, лекторовъ 30) и *сверхштатныхъ* 64 (въ томъ числѣ ординарныхъ профессоровъ 6, экстраординарныхъ 2, преподавателей 15, помощниковъ прозектора 1 и привать-доцентовъ 40).

Сравнительно съ предыдущимъ годомъ, общее число штатныхъ преподавателей въ университетахъ въ теченіе 1874 года увеличилось на 22 человѣка и вслѣдствіе того число профессорскихъ и доцентскихъ вакансій, для занятія которыхъ требуются высшія ученныя сте-

часть CLXXXV, отд. 1.

пени доктора и магистра, уменьшилось на 17, и остальных преподавательскихъ вакансій на 5. Такое приращеніе числа профессоровъ въ нашихъ университетахъ слѣдуетъ, конечно, приписать усиленнымъ мѣрамъ, принятымъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія для приготовленія профессоровъ; но оно вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно указываетъ и на ту научную силу, которою обладаютъ уже наши университеты въ мѣрѣ, достаточной для того, чтобы развивать изъ себя стремленіе къ наукѣ и поддерживать любовь къ научнымъ занятіямъ въ молодыхъ людяхъ, посѣщающихъ университетскія аудиторіи. Мѣру количества этихъ научныхъ силъ опредѣляютъ слѣдующія данныя: въ 1874 году въ нашихъ университетахъ, кромѣ 522 штатныхъ преподавателей, было еще 64 сверхштатныхъ преподавателя и, сверхъ того, изъ числа окончившихъ курсъ молодыхъ людей приготовлялось при университетахъ 89 человекъ къ испытаніямъ на высшія ученныя степени и къ занятію потомъ профессорскихъ должностей.

Въ числѣ 64 лицъ, занимающихъ сверхштатныя преподавательскія должности, было 8 имѣющихъ высшую ученую степень доктора и 40 допущенныхъ къ преподаванію съ званіемъ привать-доцента, требующимъ, кромѣ ученой степени кандидата, защищенія особой диссертациі *pro venia legendi*. При недостаткѣ въ штатныхъ доцентахъ, протирившемся въ 1874 году до 71, привать-доценты имѣли особое значеніе, съ одной стороны замѣняя штатныхъ доцентовъ и дополняя преподаваніе по нѣкоторымъ предметамъ, имѣющимъ уже штатныхъ преподавателей, а съ другой—представляя собою надежный контингентъ лицъ, предназначающихъ себя въ близкомъ будущемъ къ занятію профессорской должности. На вознагражденіе привать-доцентовъ, не получающихъ никакого содержанія, употреблено было въ 1874 году въ университетахъ: С.-Петербургскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Кіевскомъ св. Владимира 14,850 руб. изъ остатковъ отъ личнаго состава и 9,400 руб. изъ специальныхъ средствъ означенныхъ университетовъ.

Изъ числа 89 лицъ, спеціально приготовляющихся къ профессорскому званію, находилось въ 1874 году за границей 9 человекъ: отъ С.-Петербургскаго университета 4, Московскаго 3, Казанскаго 1 и Дерптскаго 1. Въ числѣ остальныхъ 80 человекъ состояло при С.-Петербургскомъ университетѣ 42, при Харьковскомъ 10, Кіевскомъ св. Владимира 9, Московскомъ 7, Варшавскомъ 6, Казанскомъ 4 и Новороссійскомъ 2. По спеціальностямъ изучаемыхъ предметовъ между ними было 29 юристовъ, 23 историко-филолога, 19 физико-ма-

тематиковъ, 7 медиковъ и 2 восточныхъ филолога. Изъ общаго числа 89 профессорскихъ кандидатовъ получали содержаніе 71, именно изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія 45, изъ общей стипендіальной суммы 12, изъ специальныхъ университетскихъ средствъ 6, изъ суммы, пожертвованной Демидовымъ,—6, изъ суммъ IV отдѣленія собственной Вашего Императорскаго Величества канцеляріи — 1 и суммъ духовнаго вѣдомства—1; затѣмъ 18 человекъ приготовлялись къ профессорской должности на свой счетъ и въ этомъ числѣ 1, изъ командированныхъ за границу. Сравнительно съ предыдущимъ годомъ, число приготовляющихся къ профессорской должности на свой счетъ увеличилось въ 1874 году на 7 человекъ, что слѣдуетъ приписать изданному въ 1873 году постановленію о распространеніи на своекоштныхъ профессорскихъ кандидатовъ тѣхъ же правъ, какими пользовались до того времени только профессорскіе кандидаты, получающіе стипендіи. Въ настоящемъ же отчетномъ году для предупрежденія случаевъ уклоненія лицъ, приготовляющихся къ профессорскимъ должностямъ, отъ дѣйствительнаго и своевременнаго занятія этихъ должностей, мною предложено попечителямъ учебныхъ округовъ на будущее время отъ молодыхъ людей, оставляемыхъ при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію на счетъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія и выдержавшихъ въ продолженіе трехъ лѣтъ магистерскій экзаменъ, требовать обязательной выслуги въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ двухлѣтняго срока за каждый годъ полученія стипендіи.

Въ теченіе 1874 года 70 молодыхъ ученыхъ, въ томъ числѣ многіе изъ приватъ-доцентовъ и лицъ, приготовляющихся къ профессорскимъ должностямъ, удостоены были высшихъ ученыхъ степеней: доктора— по медицинскому факультету 28 и по прочимъ факультетамъ—19 и магистра—23 человека по всѣмъ факультетамъ, кромѣ медицинскаго.

Приливъ ученыхъ силъ доставилъ возможность, кромѣ пополненія вакантныхъ кафедръ, сдѣлать еще слѣдующія улучшенія по учебной части. Въ Московскомъ университетѣ, при кафедрѣ врачебной діагностики учреждена была особая пропедевтическая клиника на 16 кроватей, отдѣленныхъ отъ терапевтической факультетской клиники, и такимъ образомъ дана возможность профессору успѣшно руководить студентамъ, начинающимъ изучать медицину, въ способѣ обозначенія болѣзненныхъ явленій и опредѣленія болѣзней. Въ Казанскомъ университетѣ учреждена новая кафедра психіатріи съ назначеніемъ профессору, состоящему и директоромъ Казанскаго дома умалишенныхъ,

полнаго содержанія ординарнаго профессора. Въ университетахъ: Варшавскомъ и Киевскомъ введены особые курсы—въ первомъ судебной медицины для студентовъ юридическаго факультета, а въ послѣднемъ—химіи для студентовъ медицинскаго факультета. Историко-филологическій факультетъ Киевскаго же университета расширилъ въ 1874 году объемъ преподаванія введеніемъ въ историко-филологическомъ факультетѣ обязательнаго для студентовъ слушанія политической экономіи и статистики въ томъ же размѣрѣ, какъ и въ юридическомъ факультетѣ. Признавая полезнымъ примѣнить эту мѣру и къ историко-филологическому факультету всѣхъ университетовъ, я предложилъ ее на обсужденіе остальныхъ университетовъ, изъ коихъ Московскій университетъ послѣдовалъ уже примѣру Киевскаго, а Дерптскій университетъ имѣлъ по уставу своему, въ числѣ предметовъ историко-филологическаго факультета, политическую экономію и статистику. Сверхъ того, въ Дерптскомъ университетѣ, Высочайше утвержденнымъ 3-го іюля 1874 года мнѣніемъ Государственнаго совѣта постановлено учредить съ 1 января 1875 года въ историко-филологическомъ факультетѣ новую кафедру древне-классической филологіи и греческихъ и римскихъ древностей и въ физико-математическомъ—кафедрой физической географіи и метеорологіи, а въ медицинскомъ факультетѣ при патологическомъ институтѣ—должность особаго профессора.

Ученая дѣятельность профессоровъ нашихъ университетовъ выразилась въ теченіе 1874 года въ многочисленныхъ видахъ. Независимо отъ обычнаго чтенія лекцій въ университетскихъ аудиторіяхъ, чтенія публичныхъ лекцій по разнымъ отраслямъ науки въ различныхъ университетскихъ городахъ (такія лекціи читали 51 профессоръ), изданія значительнаго количества ученыхъ трудовъ, внесшихъ богатый вкладъ въ сокровищницу науки ¹⁾, профессора принимали участіе въ ученой дѣятельности не только ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетахъ, но и въ различныхъ ученыхъ съѣздахъ и экспедиціяхъ, происходившихъ въ теченіе 1874 года какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и за границей. На конгрессѣ ботаниковъ во Флоренціи находились профессора: С.-Петербургскаго университета — Фаминцинъ и Варшавскаго—Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ, первый изъ нихъ въ качествѣ эксперта (*membre du jury*) на международной выставкѣ садоводства,

¹⁾ Труды эти поименованы въ приложеніи къ отчету и напечатаны частью отдѣльно, и частью въ разныхъ русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ и въ ученыхъ запискахъ, издаваемыхъ некоторыми университетами.

устроенной при конгрессѣ. На 2-й съѣздъ ориенталистовъ въ Лондонѣ приглашены были профессора С.-Петербургскаго университета Григорьевъ и Паткановъ и послѣдствіемъ этого съѣзда было избраніе С.-Петербурга мѣстомъ для 3-го международнаго съѣзда ориенталистовъ, имѣющаго быть, съ соизволенія Вашего Императорскаго Величества, въ будущемъ 1876 году. Въ съѣздѣ ученыхъ въ Стокгольмѣ, имѣвшемъ предметомъ изысканія по антропологии доисторической и въ Инспрукскомъ филологическомъ съѣздѣ принимали участіе: въ первомъ—профессоръ С.-Петербургскаго университета Григорьевъ и во второмъ—профессоръ С.-Петербургскаго же университета Люгебиль, находящійся нынѣ въ заграничной командировкѣ для разбора въ Германскихъ и Итальянскихъ бібліотекахъ греческихъ списковъ, необходимыхъ для его работъ по греческой фонетикѣ. Въ русскихъ съѣздахъ: археологическомъ въ Кіевѣ и сельско-хозяйственномъ въ Харьковѣ принимали участіе: въ первомъ—профессоры: С.-Петербургскаго университета—Миллеръ, Московскаго — Поповъ, Тихомировъ, Казанскаго — Ойрсовъ, Бодуэнъ-де-Куртенэ, Корсаковъ, Новороссійскаго—Григоровичъ, Дерптскаго—Бривнеръ и Варшавскаго—Павинскій, Никитскій, Самохвасовъ, Яковлевъ и Мѣржинскій. Въ Харьковскомъ сельско-хозяйственномъ съѣздѣ, устроенномъ трудами общества испытателей природы при Харьковскомъ университетѣ, кромѣ членовъ этого общества, участвовали профессора Кіевскаго университета — Гарничъ-Гарничій и Теофилактовъ. Важное для науки и рѣдкое астрономическое явленіе, прохожденіе въ ноябрѣ 1874 года планеты Венеры черезъ дискъ солнца, подверглось со стороны нашихъ ученыхъ многочисленнымъ наблюденіямъ, къ которымъ дѣлались уже въ теченіе двухъ лѣтъ предварительныя приготовленія. Университеты наши относительно этихъ наблюденій оказали существенное содѣйствіе Николаевской главной Пулковской обсерваторіи, руководившей этимъ дѣломъ. Наблюденія за этимъ явленіемъ производились со стороны университетовъ: Московскаго — профессоромъ Бредихинымъ на берегахъ Чернаго моря и кандидатомъ Церосскимъ въ Кяхтѣ, Харьковскаго — профессоромъ Оедоренко въ Харьковѣ и магистрантомъ Порѣцкимъ въ Астрахани, Казанскаго — астрономомъ-наблюдателемъ Виноградскимъ и кандидатомъ Предтеченскимъ въ Читѣ, Кіевскаго—профессоромъ Хандриковымъ на югѣ Россіи, Новороссійскаго—астрономомъ-наблюдателемъ Блокомъ въ Керчи, Дерптскаго—профессоромъ Шварцомъ въ Нерчинскѣ и Варшавскаго—доцентомъ Тачаловымъ въ Нахичевани. Большая часть этихъ лицъ, для обезпеченія большаго

успѣха, приготовлялись къ наблюденіямъ на Главной Пулковской обсерваторіи.

Изъ командировокъ съ ученою цѣлію, исполненныхъ въ теченіе 1874 года профессорами по порученію русскихъ университетовъ, особенно выдающеюся является командировка на востокъ въ Индію, на одинъ годъ, профессора С.-Петербургскаго университета Минаева, который пользуется европейскою репутаціей, какъ одинъ изъ лучшихъ знатковъ буддизма. До сего времени профессоръ Минаевъ — первый изъ Русскихъ, отправившихся въ Индію съ ученою цѣлію, да и изъ европейскихъ ученыхъ индологовъ никто не ѣзжалъ еще на востокъ съ цѣлію ознакомиться на мѣстѣ съ богатствами буддійской литературы. Въ теченіе 1874 года путешествіе профессора Минаева ограничилось островомъ Цейлономъ, гдѣ до сихъ поръ буддизмъ особенно силенъ, и гдѣ успѣлъ онъ осмотрѣть монастыри и разныя монастырскія бібліотеки и вообще познакомиться съ современнымъ состояніемъ буддизма. Для доставленія нашему ученому индологу полной возможности успѣшно выполнить свою задачу, командировка его продолжена еще на одинъ годъ.

Но болѣе всего оживленію ученой дѣятельности университетовъ способствовали состоящія при нихъ различныя ученныя общества. Возбуждая и разъясняя научные вопросы по всѣмъ отраслямъ наукъ, общества эти въ значительной мѣрѣ содѣйствуютъ приложенію научныхъ данныхъ къ дѣлу и научному изученію различныхъ мѣстностей Имперіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно отличаются общества естествоиспытателей, состоящія при университетахъ: С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, Кіевскомъ и Новороссійскомъ, которыя, въ теченіе короткаго періода своего существованія, снаряжая ежегодно ученныя экспедиціи, успѣли сдѣлать весьма много для основательнаго изученія Россіи въ естественнo-историческомъ отношеніи. Изъ различныхъ ученыхъ экспедицій, снаряженныхъ означенными обществами въ теченіе 1874 года, имѣетъ особенное значеніе ученая экспедиція, совершенная, по порученію общества естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ университетѣ въ Арало-Каспійскій край и состоявшая изъ членовъ общества Барботтаде-Морни, Богданова, Бутлерова, Аленицына и Гримма. Главною задачею этой экспедиціи поставлено было производство изслѣдованій, которыя могли бы выяснить зоологическія и геологическія отношенія Арало-Каспійскаго края и повести къ рѣшенію вопроса о томъ, въ какую эпоху и вслѣдствіе какихъ причинъ произошло уменьшеніе

древняго Арало-Каспійскаго бассейна и распаденіе его на моря Аральское и Каспійское. По ходатайству моему, на покрытіе расходовъ по экспедиціи назначено было изъ суммъ государственнаго казначейства 10,000 руб., и сверхъ того, намѣстникъ Кавказскій, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ и Туркестанскій генераль-губернаторъ К. П. Кауфманъ оказали съ своей стороны полное содѣйствіе экспедиціи въ достиженію ея ученыхъ цѣлей. По приказанію Его Императорскаго Высочества назначенъ былъ конвой изъ 30-ти казаковъ для сопровожденія членовъ экспедиціи отъ форта Александровскаго до урочища Самъ, гдѣ расположенъ Оренбургскій обсерваціонный отрядъ; для плаванія въ Каспійскомъ морѣ предоставлена была въ распоряженіе членовъ паровая шкуна „Хивинецъ“, и для работъ въ заливахъ моря пароходъ „Красноводскъ“ или паровой баркасъ. Экспедиція эта окончена вполне успѣшно; привезенныя ею богатныя коллекціи уже разрабатываются, но потребуется еще много труда для всесторонняго и полнаго ихъ изученія, прежде чѣмъ выяснятся совершенно опредѣленно всѣ результаты изслѣдованія этой далекой окраины Россіи, представляющей почти непочатое поле для естественно-историческихъ разысканій. На разработку коллекцій, добытыхъ экспедиціею, по моему ходатайству, отпущено уже въ распоряженіе С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей 8,000 руб. изъ суммъ государственнаго казначейства и такимъ образомъ доставлена возможность русскимъ ученымъ разслѣдовать основательно естественную исторію Арало-Каспійской страны и тѣмъ рѣшить одинъ изъ интереснѣйшихъ ученыхъ вопросовъ нашего времени, относительно исторіи земли въ ближайшія къ намъ геологическія эпохи; рѣшеніе этого вопроса ближе всего и должно было лежать на русскихъ ученыхъ.

Изъ числа существующихъ при университетахъ ученыхъ обществъ, общество испытателей природы при Харьковскомъ университетѣ получило въ 1874 году новый уставъ, въ которомъ, сравнительно съ прежнимъ, сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и дополненія, касающіяся внутренняго порядка распредѣленія занятій общества и точнѣе опредѣляющія кругъ его дѣйствій.

Учебно-вспомогательныя учрежденія университетовъ, независимо отъ пополненія ихъ изъ суммъ, назначенныхъ по штатамъ, получили въ теченіе 1874 года слѣдующія приращенія. Для С.-Петербургскаго университета приобрѣтена весьма замѣчательная минералогическая коллекція академика Эйхвальда за 6,000 руб., изъ коихъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 26 марта 1874 года миѣнія Государствен-

наго совѣта, 2,000 руб. отнесены на счетъ остатковъ отъ личнаго состава университета, а 4,000 руб.—на средства государственнаго казначейства. Коллекція состоитъ изъ 30,000 экземпляровъ, описанныхъ въ книгѣ Эйхвальда: „*Lethea Rossica*“, представляющей для каждаго русскаго геолога первое подспорье при опредѣленіи окаменѣлостей; значительную часть окаменѣлостей представляютъ виды, встречающіеся исключительно въ этой коллекціи. Другая, тоже замѣчательная минералогическая коллекція досталась С.-Петербургскому университету чрезъ пожертвованіе послѣ смерти преосвященнаго Нила, архіепископа Ярославскаго; цѣнность ея опредѣляется въ 3,500 руб. Въ Дерптскомъ университетѣ на счетъ остаточныхъ штатныхъ суммъ въ количествѣ 3,371 руб. 76 коп. усилены средства анатомическаго и фармацевтическаго института, физическаго кабинета и акушерской и медицинской клиники. Изъ того же источника употреблено въ Харьковскомъ университетѣ—1,000 руб. на факультетскія клиники и 270 руб. на кабинеты физиологическій и судебно-медицинскій, и въ Новороссійскомъ университетѣ—1,630 руб. на астрономическую обсерваторію и учебныя пособія.

Улучшенія въ помѣщеніяхъ для учебно-вспомогательныхъ учреждений сдѣланы были слѣдующія: Въ С.-Петербургскомъ университетѣ приведены къ окончанію работы въ зданіи Jeu de paume, принадлежащемъ университету, по устройству на чердакѣ павильона для спектроскопическихъ наблюденій, съ употребленіемъ на этотъ предметъ изъ хозяйственныхъ суммъ до 1,250 руб. Въ смѣту Московскаго университета къ внесеннымъ прежде 162,000 руб. прибавлено, на основаніи Высочайше утвержденнаго 9 іюля 1874 года мѣнія Государственнаго совѣта, еще 19,500 руб. на постройку двухъ каменныхъ зданій для анатомическихъ театровъ и Екатерининской больницы, съ отпускомъ этой суммы изъ государственнаго казначейства въ теченіе трехъ лѣтъ. Зоологическій музей того же университета, вслѣдствіе значительнаго обогащенія его предметами въ послѣдніе годы, страдалъ тѣсною: въ музей не доставало отдѣльныхъ комнатъ для работъ, для энтомологическихъ собраній, для склада дублетовъ и вещей. Нынѣ оказалось возможнымъ устранить этотъ недостатокъ, благодаря пожертвованію, сдѣланному членами Императорскаго Московскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи Губонинымъ 15,000 и Пермскимъ 10,000 р. на улучшение и расширеніе зоологическаго музея. Въ Дерптскомъ университетѣ на постройку барака для хирургической клиники, въ дополненіе къ от-

пущеннымъ въ 1873 году 15,000 р., назначено Высочайше утвержденнымъ 24 ноября 1874 года мнѣніемъ государственнаго совѣта на тотъ же предметъ еще 8,000 руб., сумма эта оказалась достаточной только для вѣншной отдѣлки барака; на внутреннее же устройство и снабженіе его всѣмъ необходимымъ требуется еще до 8,000 руб., на что послѣдовало разрѣшеніе уже въ 1875 году. Соображенія, изложенныя мною во всеподданнѣйшемъ отчетѣ по осмотру Кіевскаго университета, о необходимости построить новыя клиники для Кіевскаго университета, удостоились Высочайшаго одобренія Вашего Императорскаго Величества. Министръ финансовъ, съ которымъ я вхождалъ въ сношеніе по этому предмету, изъявилъ свое согласіе на отпускъ потребной для постройки суммы 150,000 руб. изъ государственнаго казначейства, съ разсрочкою на три года, и представленіе по этому предмету будетъ внесено въ Государственный совѣтъ, по рассмотрѣніи строительныхъ смѣтъ въ техническо-строительномъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Значительное увеличеніе штатной суммы на содержаніе университетовъ произошло только въ одномъ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ, на основаніи Высочайше утвержденного 3 іюля 1874 года мнѣнія Государственнаго совѣта, назначенная ежегодная прибавка 21,750 р., начиная съ 1 января 1875 года, въ томъ числѣ на усиленіе личнаго состава съ прибавленіемъ двухъ профессоровъ, одного прозектора и шести ассистентовъ при клиникахъ 8,750 руб., на патологическій и фармацевтическій институты, метеорологическую обсерваторію и химическій кабинетъ съ лабораторією 4,000 руб. и на хозяйственныя и другіе расходы — 9,000 руб. Такое прибавленіе было существенно необходимо: оно дало возможность учредить двѣ важныя кафедры древней филологіи и физической географіи, назначить особаго прозектора при патологическомъ институтѣ и шесть ассистентовъ при разныхъ кабинетахъ и институтахъ, усилило крайне недостаточныя средства нѣкоторыхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений, а также хозяйственныя средства по содержанію университетскихъ зданій. Въ Новороссійскомъ университетѣ учрежденіе должности секретаря по студентскимъ дѣламъ, на основаніи Высочайше утвержденного 5 февраля 1874 года мнѣнія государственнаго совѣта, повело также къ незначительному увеличенію штата на 800 руб. Наконецъ въ Казанскомъ университетѣ по Высочайше утвержденному 14 іюня 1874 года мнѣнію Государственнаго совѣта къ штату содержанія прибавлено 2,000 руб.; но прибавка эта касается собственно возвышенія размѣра

стипендій 20 сибирскихъ стипендіатовъ, состоящихъ при университетѣ съ 200 до 300 руб.

Общее число учащихся во всѣхъ 8-ми университетахъ составляло въ 1-му января 1875 года 5,692 человѣка, въ томъ числѣ студентовъ 5,368 и частныхъ слушателей 324. По факультетамъ студенты распредѣлялись въ слѣдующей пропорціи: на медицинскомъ факультетѣ было 1,983 (болѣе 37%), на юридическомъ 1,875 (около 35%), физико-математическомъ 472 (болѣе 8%), на богословскомъ 85 и на факультетѣ восточныхъ языковъ 46 (на обоихъ послѣднихъ вмѣстѣ болѣе 2%). Сравнительно съ предыдущимъ годомъ, общее число учащихся въ университетахъ уменьшилось на 403 человѣка: студентовъ на 321 и частныхъ слушателей на 82 человѣка. Отдѣльно по факультетамъ число студентовъ увеличилось на 61 человѣкъ въ медицинскомъ факультетѣ и на 24 въ физико-математическомъ; на факультетахъ: историко-филологическомъ, богословскомъ и восточныхъ языковъ, вмѣстѣ взятыхъ, уменьшеніе числа студентовъ составляетъ всего 32 человѣка, но на юридическомъ факультетѣ уменьшеніе это доходитъ до 374 человѣкъ, что, между прочимъ, объясняется значительнымъ числомъ окончившихъ курсъ по этому факультету въ 1874 году, составлявшимъ изъ 1,087 человѣкъ, окончившихъ курсъ, 599 человѣкъ, то-есть, болѣе половины числа окончившихъ курсъ по всѣмъ другимъ факультетамъ. Вообще же причина уменьшенія числа студентовъ, замѣчаемаго уже нѣсколько лѣтъ сряду, заключается въ томъ обстоятельствѣ, что, съ временнымъ уменьшеніемъ числа окончивающихъ курсъ въ гимназіяхъ, по случаю введенія новой гимназической реформы, уменьшился и ежегодный приливъ студентовъ изъ гимназій, а между тѣмъ ежегодная убыль студентовъ продолжалась въ размѣрѣ, превышавшемъ прибыль. Привода этотъ фактъ, имѣющій временное значеніе, я не могу не обратить при этомъ вниманія на то обстоятельство, что въ послѣдніе три года ежегодная убыль студентовъ становится съ каждымъ годомъ все менѣе и менѣе, и въ то же время постепенно увеличивается съ каждымъ годомъ число вновь поступающихъ въ университеты, какъ видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

	Общее число студентовъ.	Вновь поступило студентовъ.	ВЫВЫЛО.				
			Пооконч. курса.	Дооконч. курса.	Всего.	Къ.убылъ, студентовъ.	
Къ 1-му января 1872 г.	6779	Въ 1872 г. —	1446	1118	992	2110	664
> > > 1873 >	6115	> 1873 > —	1451	1118	759	1877	426
> > > 1874 >	5689	> 1874 > —	1455	1087	689	1776	321
> > > 1875 >	5368	> За всѣ 3 г.	4352	3323	2440	5763	1411

Если приведенныя цифры указываютъ, что въ послѣдніе три года началось уже постепенное, хотя еще незначительное, приращеніе числа вновь поступающихъ въ университеты, то отношеніе за тѣ же годы числа окончившихъ полный курсъ къ числу выбывшихъ до окончанія курса представляетъ уже несомнѣнное доказательство развивающагося все болѣе и болѣе между студентами стремленія къ болѣе основательному изученію науки. Выбыло въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ изъ всѣхъ университетовъ 5,763 человѣка, въ томъ числѣ по окончаніи курса 3,323 (17% общаго числа) и до окончанія курса 2,440 (13% общаго числа). При этомъ выбывшіе по окончаніи курса составляли въ 1872 году 16%, въ 1873 году 18% и въ 1874 году 19%, а выбывшіе до окончанія курса въ 1872 году 14%, въ 1873 году 12,4% и въ 1874 году 12,07% общаго числа, или, что тоже, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ число успѣвающихъ студентовъ увеличилось на 3% и въ то же время число занимающихся неудовлетворительно уменьшилось почти на 2%. Увеличилось въ 1874 году, сравнительно съ предыдущимъ годомъ и число отличныхъ сочиненій, представленныхъ студентами на заданныя факультетами темы и удостоенныхъ награжденія золотыми и серебряными медалями; въ 1873 году присуждена была такая награда за 40 сочиненій, а въ 1874 году за 50, изъ нихъ 29 золотыхъ медалей и 21 серебряная, кромѣ того 4 сочиненія удостоены были почетнаго отзыва и 14 сочиненій награждены денежными преміями. На значительное число успѣвающихъ между студентами указываютъ и цифры числа студентовъ, получавшихъ въ 1874 году стипендіи, единовременныя пособія и пользовавшихся льготою освобожденія отъ платы за ученіе. Стипендіи выдаются только студентамъ, отличнымъ по успѣхамъ въ наукахъ; для освобожденія отъ платы за ученіе требуются также хорошіе успѣхи и единовременныя пособія даются, за немногими исключеніями, только прилежнымъ и успѣвающимъ студентамъ. Между тѣмъ въ 1874 году стипендіи выданы были 1,506 студентамъ на сумму 351,272 руб., единовременныя пособія въ размѣрѣ отъ 10 до 100 р. 2,310 студентамъ на сумму 60,585 руб. и отъ платы за ученіе освобождено было за первую половину 1874 года 2,215 и за вторую половину 2,027 студентовъ. Такимъ образомъ число стипендіатовъ составляло 28% общаго числа студентовъ, число получившихъ единовременныя пособія 43% и освобожденныхъ отъ платы за ученіе въ первую половину года 41% и во вторую половину 37% общаго числа. Сопоставляя эти процентныя отношенія съ условіями успѣшнаго ученія,

постановленными для получения вышеозначенныхъ льготъ и принимая, что въ числѣ освобожденныхъ отъ платы за ученіе было значительное число лицъ, получавшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ единовременныя пособія и стипендіи, можно безошибочно положить, что число успѣвающихъ между одними недостаточными студентами, получавшими стипендіи, пособія и освобожденными отъ платы за ученіе, составляло въ 1874 году не менѣе двухъ третей общаго числа студентовъ. Затѣмъ нельзя предполагать, что и изъ остальной трети достаточныхъ студентовъ, не пользовавшихся никакими льготами, не было между ними успѣвающихъ въ наукахъ. Представляя наглядное доказательство успѣшности ученія значительнаго числа студентовъ, приведенное мною изчисленіе процентнаго отношенія льготныхъ студентовъ въ университетахъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣннымъ подтвержденіемъ того положенія, что въ настоящее время наибольшій контингентъ студентовъ доставляютъ нашимъ университетамъ лица недостаточнаго состоянія, и что поэтому, въ виду недостатка въ медікахъ, преподавателяхъ для всѣхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и вообще въ способныхъ дѣятеляхъ для всѣхъ родовъ службы, необходимо, по моему мнѣнію, и на будущее время поддерживать учащихся въ университетахъ стипендіями и пособиями, сохранить нынѣшнюю умѣренную плату за ученіе и освободить отъ этой платы всѣхъ недостаточныхъ студентовъ, заслуживающихъ того прилежаніемъ и успѣхами въ наукахъ. Правительство наше вполне понимаетъ такое положеніе нашихъ университетовъ въ настоящее время и съ этою цѣлю назначило въ разное время университетамъ немаловажныя суммы исключительно на стипендіи и пособія недостаточнымъ студентамъ и встрѣчало въ этомъ отношеніи постоянное сочувствіе и дѣятельное содѣйствіе разныхъ учреждений и частныхъ лицъ; въ 1874 году на стипендіи и пособія употреблено было 411,857 р. и въ этомъ числѣ 248,630 руб. изъ государственнаго казначейства, а остальные 163,227 руб. покрыты были средствами правительственныхъ и частныхъ учреждений и процентами съ капиталовъ, пожертвованныхъ частными лицами. Въ 1874 году число стипендій увеличилось на 47 и число единовременныхъ пособій на 915, а общая выдача суммы, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, увеличилась на 45,165 руб. Относительно распредѣленія стипендій въ большемъ размѣрѣ между факультетами историко-филологическимъ, физико-математическимъ и медицинскимъ, приготовляющими учителей и медиковъ, нѣкоторые попечители учебныхъ округовъ уже представили

свои соображенія вслѣдствіе предложенія моего, сдѣланнаго по Высочайше одобренному замѣчанію комиссіи, разсматривавшей отчетъ по министерству народнаго просвѣщенія за 1872 годъ; но окончательный выводъ изъ этихъ соображеній сдѣланъ будетъ мною по исполненіи учрежденною нынѣ при министерствѣ народнаго просвѣщенія особою комиссіей для пересмотра университетскаго устава возложенной на нее задачи.

Освобожденіе отъ платы за ученіе, выдача стипендій и единовременныхъ пособій, награды медалями и преміями служили въ значительной мѣрѣ поощреніемъ студентовъ къ научнымъ занятіямъ; въ не меньшей мѣрѣ поддерживали между студентами стремленіе къ правильнымъ и постояннымъ научнымъ занятіямъ разныя контрольныя мѣры, какъ-то: репетиціи, испытанія переводныя и окончательныя и обязательныя для студентовъ всѣхъ факультетовъ особыя практическія занятія внѣ лекцій, которыя происходили подъ руководствомъ профессоровъ въ 1874 году на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, которыя мною изложены уже въ моихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ за прежніе годы. Могу только присовокупить, что рвеніе профессорско-руководителей этими занятіями и усердіе студентовъ въ этомъ дѣлѣ не только не уменьшаются, но растутъ и все болѣе и болѣе крѣпнутъ съ каждымъ годомъ. Говоря о студентахъ, долгомъ считаю доложить Вашему Императорскому Величеству, что и въ теченіе 1874 года не было ни въ одномъ университетѣ ни одного случая преданія студентовъ университета суду. Фактъ этотъ, во всякомъ случаѣ, показываетъ, что въ средѣ учащейся молодежи не было совершено ни одного важнаго проступка, требовавшаго созванія университетскаго суда.

Представляя взглядъ мой, въ главныхъ чертахъ благопріятный вообще для ученой дѣятельности университетовъ и для умственнаго и нравственнаго уровня слушателей университетскихъ лекцій, я тѣмъ не менѣе далекъ отъ мысли видѣть въ жизни нашихъ университетовъ за 1874 годъ во всемъ совершенство. Въ этой жизни есть, конечно, стороны, нуждающіяся въ улучшеніи, исправленіи или дополненіи. Поэтому на Высочайше учрежденную при министерствѣ народнаго просвѣщенія особою комиссію для пересмотра университетскаго устава возложено мною, предварительно пересмотра, ознакомиться ближайшимъ образомъ на мѣстѣ съ нынѣшнимъ состояніемъ русскихъ и иностранныхъ университетовъ во всѣхъ отношеніяхъ и затѣмъ уже, на основаніи добытыхъ этимъ путемъ фактическихъ дан-

ныхъ и матеріаловъ, предварительно собранныхъ по университетамъ, приступить къ самому пересмотру устава, дабы такимъ образомъ сохраненіемъ въ немъ и прибавленіемъ къ нему всего того, что необходимо для поддержанія университетской науки на должной высотѣ, и устраненіемъ изъ него того, что затрудняетъ развитіе науки въ какомъ-либо отношеніи, улучшить университетскій уставъ и придать ему возможное совершенство.

Въ довершеніе очерка дѣятельности университетовъ долгомъ считаю присовокупить, что медицинскіе факультеты университетовъ, кромѣ медиковъ, удостоили въ теченіе 1874 года: на фармацевтическомъ отдѣленіи—званія магистра фармаціи 2, званія провизора 203 и званія аптекарскаго помощника 281 человекъ; на акушерскомъ отдѣленіи — званія акушера — 2 и званія повивальной бабки 351 лицо.

Сочувствіе общества къ дѣятельности университетовъ выразилось и въ 1874 году значительными пожертвованіями, изъ коихъ важнѣйшими были:

а) Пожертваніе 8,918 руб., сдѣланное представителями акціонерныхъ банковъ краткосрочнаго кредита, принимавшими участіе въ банковомъ сѣздѣ 1873 года, на учрежденіе при С.-Петербургскомъ университетѣ стипендіи имени тайнаго совѣтника Ламанскаго.

б) 13,160 руб., представленные въ С.-Петербургскій университетъ на учрежденіе стипендіи имени генераль-лейтенанта Максимовича.

в) 6,000 рублей на учрежденіе стипендіи имени сенатора Долгополова и 6,000 руб. на стипендію же имени Кривцова въ Московскомъ университетѣ.

г) 28,515 рублей на учрежденіе при Московскомъ университетѣ каведры антропологии отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Фонъ-Мекка.

д) 51,600 рублей для выдачи процентовъ съ этого капитала на стипендіи студентамъ Варшавскаго университета и 9,000 руб. для выдачи изъ процентовъ каждыя два года преміи за лучшее конкурсное сочиненіе медицинскаго содержанія, по присужденію Варшавскаго университета, отъ г. Хойнацкаго.

е) 7,000 рублей отъ г-жи Корвинъ-Шимановской на выдачу изъ процентовъ стипендій студентамъ Варшавскаго университета.

Въ заключеніе отчета моего по университетамъ, имѣю счастье доложить Вашему Императорскому Величеству, что, согласно Высочайше одобренному и раздѣляемому также мною мнѣнію комисіи,

разсматривавшей отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1873 годъ, о пользѣ, каковую могло бы принести учрежденіе при Новороссійскомъ факультетѣ, въ дополненіе къ нынѣ существующимъ тремъ факультетамъ, еще четвертаго медицинскаго факультета, мною предложено попечителю Одесскаго учебнаго округа представить мнѣ соображенія какъ о суммѣ, которая потребуется на содержаніе новаго медицинскаго факультета и на первоначальное устройство его учебно-вспомогательныхъ учреждений съ проектомъ штата, такъ равно и соображенія о возможности размѣщенія аудиторій, кабинетовъ, лабораторій и клиникъ будущаго медицинскаго факультета въ зданіяхъ университета. По полученіи этихъ свѣдѣній, я не премину дать этому важному дѣлу дальнѣйшее движеніе.

В. Институты: а) Императорскій С.-Петербургскій историко-филологическій, б) Историко-филологическій князя Безбородко, в) Лазаревскій восточныхъ языковъ (спеціальные классы) и г) Денидовскій юридическій лицей.

а) *Императорскій С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ* въ С.-Петербургѣ, учрежденный для приготовленія учителей древнихъ языковъ, русскаго языка и словесности и исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а также и другихъ вѣдомствъ, составляя часть университета, соотвѣтствующую историко-филологическому факультету, отличается отъ этого факультета тѣмъ, что чтеніе лекцій въ институтѣ болѣе примѣнено къ будущему спеціальному назначенію студентовъ; кромѣ приобрѣтенія теоретическихъ свѣдѣній по предметамъ историко-филологическимъ, студенты знакомятся здѣсь съ теоріей и исторіей педагогики и упражняются подъ руководствомъ наставниковъ гимназій, состоящей при институтѣ, въ учительской практикѣ.

По уставу институтъ состоитъ изъ общаго отдѣленія, въ которомъ студенты перваго и втораго курса слушаютъ вмѣстѣ всѣ предметы въ институтѣ; съ третьяго же курса начинается уже раздѣленіе студентовъ на спеціальныя отдѣленія. До настоящаго отчетнаго года было такихъ спеціальныхъ отдѣленій три: древнихъ языковъ, русскаго языка и словесности и исторіи. Въ 1874 году, по представленію конференціи института, мною разрѣшено ограничиться въ настоящее время только двумя спеціальными отдѣленіями: древнихъ языковъ и русскаго языка и словесности въ виду того, что, съ одной стороны, въ учителяхъ древнихъ языковъ и русскаго языка оказы-

вается большая потребность, чѣмъ въ учителяхъ исторіи, и что съ другой стороны, обязанности послѣднихъ, въ случаѣ надобности, могутъ быть возложены и на окончившихъ курсъ по отдѣленію древнихъ языковъ съ большою пользою для дѣла, чѣмъ, на оборотъ, порученіе окончившимъ курсъ по разряду исторіи преподаванія древнихъ языковъ. Другое существенное распоряженіе, приведенное въ исполненіе съ 1874 года, вызвано было необходимостью поднять въ институтѣ уровень изученія новыхъ языковъ, изъ которыхъ до сихъ поръ одинъ только нѣмецкій языкъ считался обязательнымъ для студентовъ. При различномъ составѣ студентовъ, поступающихъ изъ гимназій и духовныхъ семинарій, уровень знанія новыхъ языковъ въ институтѣ весьма различенъ: студенты изъ духовныхъ семинарій, составляющіе большинство, гораздо слабѣе учившихся въ гимназіяхъ, а чрезъ то обученіе новымъ языкамъ въ каждомъ курсѣ отдѣльно встрѣчало значительныя затрудненія, а одинъ изъ языковъ и большею частію французскій оставался въ совершенномъ пренебреженіи. Для устраненія этихъ неудобствъ изученіе новыхъ языковъ въ институтѣ устроено въ 1874 году на другихъ основаніяхъ: обязательнымъ для каждаго студента оставленъ не нѣмецкій языкъ, какъ было прежде, а одинъ изъ новыхъ языковъ: нѣмецкій или французскій, по выбору; для новыхъ языковъ, вмѣсто четырехъ курсовъ, учреждены только два отдѣленія: младшее для студентовъ всѣхъ курсовъ, начинающихъ изученіе языка, и старшее для такихъ студентовъ, которые могутъ прямо приступить къ упражненіямъ въ переводахъ. При этомъ устройствѣ желающіе безъ различія курсовъ получаютъ возможность учиться обоимъ новымъ языкамъ, и самое изученіе должно пойти успешнѣе, такъ какъ каждое отдѣленіе состоитъ изъ студентовъ одинаковыхъ болѣе или менѣе по силѣ знанія новыхъ языковъ. Относительно специальныхъ занятій по философіи сдѣлано было въ 1874 году также весьма полезное нововведеніе: въ третьемъ курсѣ одна лекція въ недѣлю употреблялась исключительно на чтеніе со студентами метафизики Аристотеля, чтобы доставить имъ возможность ознакомиться въ подлинникѣ съ этимъ философомъ и чрезъ то дополнить свои знанія, прибрѣтенныя на лекціяхъ философіи.

По примѣру 1873 года, когда въ первый разъ изъ числа молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ институтѣ и уже занимавшихъ учительскія мѣста, трое отправлены были за границу для усовершенствованія въ древнихъ языкахъ и приготовленія къ профессорскимъ должностямъ въ университетахъ, въ 1874 году съ тою же цѣлію от-

правлены въ Лейпцигъ еще два бывшихъ студента института изъ учителей гимназій *Фотель* и *Абрамовъ*.

Практическія занятія студентовъ въ гимназій при институтѣ, достигшей въ 1874 году уже шестикласснаго состава, состояли, какъ и прежде, въ присутствіи на урокахъ, даваемыхъ наставниками-руководителями гимназій, въ личномъ преподаваніи уроковъ подъ наблюденіемъ наставниковъ и въ посѣщеніи вечернихъ бесѣдъ, которыя происходили одинъ разъ въ недѣлю и посвящались обсужденію наставниками уроковъ, данныхъ студентами въ теченіе недѣли, ознакомленію студентовъ съ послѣдовательнымъ ходомъ и программой гимназическаго преподаванія, и разбору употребляемыхъ въ гимназіяхъ учебниковъ.

Въ теченіе 1874 года вновь поступило въ институтъ 43 студента; но желающихъ поступить было 71 человекъ. Выбыло изъ института до окончанія курса 8 человекъ и по окончаніи курса 22, изъ послѣднихъ назначены: 15 — учителями древнихъ языковъ, 4 — учителями русскаго языка, 2 — учителями русскаго и древнихъ языковъ и исторіи.

Общее число студентовъ къ 1-му января 1875 года составляло 122; въ томъ числѣ было 102 штатныхъ студентовъ и 20 стипендіатовъ разныхъ вѣдомствъ.

Библіотека института въ теченіе 1874 года увеличилась на 1478 названій и 4028 томовъ; такъ что въ настоящее время въ ней состоитъ 6,577 названій и 13,000 томовъ; увеличеніе это главнымъ образомъ произошло отъ присоединенія къ ней изданій Нарышкинской библіотеки, пожертвованной институту. Въ продолженіе года изъ библіотеки выдано было для чтенія 1091 сочиненіе.

б) *Историко-филологическій институтъ князя Безбородко*, преобразованъ изъ бывшаго въ Нѣжинѣ лиція князя Безбородко, на основаніи Высочайше утвержденного 20 ноября 1874 года мнѣнія Государственнаго совѣта; при чемъ за институтомъ въ память значительнаго пожертвованія, сдѣланнаго княземъ Безбородко, братомъ и внукомъ его на содержаніе въ Нѣжинѣ училища высшихъ наукъ, сохранено названіе князя Безбородко, и на расходы по его содержанію, въ дополненіе къ 14,250 р., покрываемымъ изъ средствъ пожертвованнаго капитала, назначено еще изъ государственнаго казначейства 73,914 руб., всего же 88,164 руб. Институтъ предполагено устроить на одинаковыхъ основаніяхъ съ Императорскимъ филологическимъ институтомъ въ С.-Петербургѣ и задачей его поставить часть CLXXXV, отд. 1.

приготовленіе, по примѣру послѣдняго, учителей древнихъ языковъ, русскаго языка и словесности и исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній, допустивъ при этомъ только такія отступленія, которыя потребуются по мѣстнымъ условіямъ. Согласно съ этими главными основаніями, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составленъ былъ уставъ историко-филологическаго института князя Безбородко, удостоившійся утвержденія Вашего Императорскаго Величества уже въ 1875 году. Относительно цѣли своей, состава, и продолжительности учебнаго курса, объема и способа преподаванія, устройства практическихъ занятій студентовъ, правъ и преимуществъ служащихъ лицъ, уставъ этотъ вполне сходенъ съ уставомъ Императорскаго историко-филологическаго института, отличающійся отъ него только нѣкоторыми частностями, каковы: учрежденіе при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко должности почетнаго попечителя изъ рода наслѣдниковъ князя Безбородко, подчиненіе института не министру народнаго просвѣщенія непосредственно, какъ въ С.-Петербургѣ, а попечителю Кіевскаго учебнаго округа, имѣющему по близости Нѣжина къ Кіеву большую возможность, чѣмъ министр народнаго просвѣщенія, чаще посѣщать институтъ и лично слѣдить за его дѣятельностью, что особенно важно въ первое время открытія института. Дополнительные суммы, слѣдующія на содержаніе института, назначены къ отпуску съ 1-го января 1875 года, съ тѣмъ, чтобы суммы, могущія образоваться до открытія института, употреблялись, по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія, на первоначальное обзаведеніе института. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду необходимости расширить помѣщеніе будущаго института, приступлено въ 1874 году къ передѣлкѣ лицейскаго дома, на что назначено особо къ отпуску изъ государственнаго казначейства 54,208 руб., а графиня Мусина-Пушкина, рожденная графиня Куселева-Безбородко, въ виду расширенія лицейскаго помѣщенія, уступила принадлежавшій ей въ Нѣжинѣ участокъ земли, прилегающій къ зданію Лицея. Сдѣланы были въ 1874 году и другія приготовленія къ открытію института, директоромъ его назначенъ профессоръ Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лавровскій и отъ покойнаго тайнаго совѣтника Штейнмана приобрѣтена для будущаго института специальная классическая бібліотека, состоящая изъ значительнаго числа сочиненій по древней филологіи. Съ окончаніемъ постройки, новый институтъ предположено открыть еще въ нынѣшнемъ 1875 году и открытіе это отзовется, несомнѣнно, въ близкомъ будущемъ,

благотворными послѣдствіями для нашихъ гимназій, страдающихъ до сихъ поръ недостаткомъ въ учителяхъ, такъ какъ опытъ показалъ уже, что одинъ Императорскій историко-филологическій институтъ въ С.-Петербургѣ и историко-филологическіе факультеты всѣхъ университетовъ не могли до сихъ поръ приготовить въ достаточномъ числѣ для гимназій учителей древнихъ языковъ и для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній учителей русскаго языка и исторіи.

Съ приготовленіями къ открытію института началось и постепенное упраздненіе лицея князя Безбородко въ Нѣжинѣ; въ 1874 году не было уже въ немъ приема студентовъ въ 1-й курсъ и оставлены были только второй и третій курсы для того, чтобы доставить желающимъ возможность окончить курсъ лицея; на этихъ двухъ курсахъ къ 1-му января 1875 года было 69 студентовъ, а число окончившихъ лицейскій курсъ въ 1874 году составляло 31 человекъ.

в) *Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ* въ Москвѣ существуетъ съ 1815 года, благодаря значительнымъ пожертвованіямъ на его содержаніе братьевъ Лазаревыхъ. Нынѣшнее устройство, по которому институтъ заключаетъ въ себѣ два отдѣленія: низшее, равняющееся курсу гимназій министерства народнаго просвѣщенія, и высшее специальное, состоящее изъ трехъ курсовъ и соответствующее университетскому факультету восточныхъ языковъ, дано Лазаревскому институту восточныхъ языковъ съ 1871 года, когда и произошло открытіе перваго специального курса. Въ 1874 году институтъ, относительно специальныхъ курсовъ, дошелъ до полного своего состава и далъ первый выпускъ. Въ число учебныхъ предметовъ специального отдѣленія института входятъ: словесности: русская, персидская, арабская и армянская, языки: турецкій, татарскій, грузинскій и исторія востока; всѣ эти предметы преподаются въ университетскомъ объемѣ и потому университетское отдѣленіе Лазаревскаго института можетъ значительно содѣйствовать находящемуся въ С.-Петербургѣ восточному институту при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и факультету восточныхъ языковъ при университетѣ относительно приготовленія образованныхъ ориенталистовъ, въ которыхъ у насъ чувствуется такой недостатокъ для распространенія образованія на юго-восточныхъ окраинахъ Россіи и вообще для службы на востокѣ.

г) *Демидовскій юридическій лицей*, преобразованный 30 августа 1870 года изъ плохой юридической школы на новыхъ началахъ, поставившихъ это учебное заведеніе на одинаковую степень съ юридическими факультетами университетовъ, руководствовался сначала

временнымъ уставомъ и штатомъ и уже въ 1874 году подучилъ постоянный уставъ и штатъ, удостоившіеся Высочайшаго утверженія 25 декабря. По постоянному уставу въ составъ учебнаго курса входятъ всѣ главныя юридическія каѳедры университетовъ, не исключая и церковнаго законовѣдѣнія. Общая сумма содержанія по новому штату простирается, считая здѣсь и 3,000 руб. на каѳедру церковнаго законовѣдѣнія, до 49,335 руб., изъ которыхъ 34,463 р. 12 коп. отнесены на суммы государственнаго казначейства и 15,871 р. 88 к. на счетъ доходовъ съ имѣнія и капитала, пожертвованныхъ въ 1803 году Демидовымъ на учрежденіе и содержаніе въ Ярославлѣ училища высшихъ наукъ, въ память чего и за преобразованнымъ въ 1870 году лицеемъ сохранено названіе Демидовскаго. Въ настоящемъ отчетномъ году Демидовскій юридическій лицей дошелъ уже до полнаго состава. Всѣ каѳедры въ лицей, благодаря своевременному приготовленію профессоровъ, заняты, за исключеніемъ каѳедры энциклопедіи права, но и этотъ предметъ читался безмездно директоромъ лицея. Число студентовъ къ 1-му января 1875 года дошло до 215, цифры довольно значительной, если принять во вниманіе, что лицей заключаетъ въ себѣ только одинъ юридическій факультетъ. Первый выпускъ преобразованнаго лицея происходилъ въ 1874 году: окончили полный курсъ 43 студента и 1 посторонній слушатель; вновь поступило въ лицей 55 студентовъ. Число окончившихъ курсъ составляетъ 20% общаго числа студентовъ; но еще болѣе благопріятнымъ представляется въ 1874 году отношеніе числа успѣвшихъ къ неуспѣвшимъ отдѣльно по курсамъ: изъ 74 студентовъ перваго курса перешли во второй курсъ 56, изъ 44 студентовъ втораго курса въ третій 30 и изъ 47 третьяго курса въ четвертый 41, всего перешедшихъ 165 и оставленныхъ безъ перевода 29 студентовъ, то-есть, первые составляютъ 85% и послѣдніе только 15% общаго числа подвергавшихся испытанію, за исключеніемъ студентовъ четвертаго курса, которые всѣ безъ исключенія выдержали успѣшно окончательное испытаніе.

Изъ числа 215 студентовъ 29 получали въ 1874 году стипендіи въ разныхъ размѣрахъ отъ 63 до 250 рублей; такихъ стипендій было выдано въ 1874 году на 5,666 р. 10 коп.; изъ этихъ стипендій двѣ: одна имени купца Топленникова въ размѣрѣ 127 р. 40 к., а другая имени статскаго совѣтника Соколова въ 63 р. 70 к. учреждены въ 1874 году. Изъ суммъ государственнаго казначейства на стипендіи употреблено было 4,000 рублей; независимо отъ постоянныхъ стипендій, выдано было единовременныхъ пособій нуждающимся студен-

тамъ на 876 р. 48 коп. „Изъ 215 студентовъ освобождены были отъ платы за ученье 185 студентовъ, считая въ числѣ освобожденныхъ и 29 стипендіатовъ, то есть, 86⁰/₀ общаго числа; вносили половинную плату 8-мъ студентовъ, то есть, около 3⁰/₀ и полную плату 22 студента, то есть, около 10⁰/₀ общаго числа. Здѣсь, какъ и въ университетахъ, представляется тотъ же фактъ, именно, что огромное большинство учащихся принадлежитъ къ лицамъ недостаточнаго состоянія; то же явленіе подтверждается какъ въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, такъ и еще болѣе въ историко-филологическихъ институтахъ: С.-Петербургскомъ и Нѣжинскомъ, гдѣ всѣ студенты безъ изъ исключенія получаютъ воспитаніе на казенный счетъ, или на счетъ различныхъ вѣдомствъ.

Къ 1-му января 1875 года бібліотека Демидовскаго юридическаго лица состояла изъ 5,760 названій въ 11,784 томахъ. На пополненіе бібліотеки въ 1874 году употреблено было, кромѣ штатныхъ суммъ, еще 2,000 руб. изъ остаточныхъ суммъ.

В. Ветеринарные институты: Дерптскій, Харьковскій и Казанскій.

Ветеринарные институты Дерптскій и Харьковскій руководствуются однимъ общимъ уставомъ 8-го мая 1873 года, значительно возвысившимъ эти институты въ научномъ отношеніи, расширившимъ учебный курсъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа профессоровъ, и усилившимъ средства содержанія, которыя простираются нынѣ до 71,460 руб., по 35,700 р. на каждый институтъ. Оба института въ теченіе 1874 г. были уже вполне организованы по новому уставу. Незначительныя отступленія отъ устава заключаются только въ томъ, что при Харьковскомъ институтѣ остается еще второй разрядъ бывшаго ветеринарнаго училища, оставленный до окончанія курса находившимися въ немъ воспитанниками. При Дерптскомъ же ветеринарномъ институтѣ чтеніе нѣкоторыхъ вспомогательныхъ предметовъ, какъ естественныхъ наукъ и общихъ предметовъ, которые студенты института по уставу должны бы были слушать въ университетѣ вмѣстѣ съ студентами послѣдняго, производилось, съ моего разрѣшенія, по ходатайству институтскаго совѣта, въ самомъ институтѣ посторонними преподавателями по найму, съ вознагражденіемъ ихъ изъ остаточныхъ суммъ, а съ 1-го января 1875 года Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, эта мѣра, допущенная мною временно, была узаконена и на вознагражденіе преподавателей вспомо-

гательныхъ предметовъ при Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ назначено, въ дополненіе къ штатной суммѣ, къ отпуску изъ государственнаго казначейства ежегодно по 1,500 руб.

Въ теченіе 1874 года въ обоихъ институтахъ окончили полный курсъ 25, въ Дерптскомъ 8 и въ Харьковскомъ 17 съ званіемъ ветеринара; въ послѣднемъ, кромѣ того, изъ окончившихъ курсъ по второму разряду 12 получили званіе ветеринарнаго помощника. Высшей ученой степени магистра ветеринарныхъ наукъ удостоено только 1 лицо — Харьковскимъ институтомъ.

Вновь поступило въ 1874 году 78 студентовъ: въ Дерптскій институтъ 6 и въ Харьковскій 72; къ 1-му января 1875 года состояло въ обоихъ институтахъ 217 студентовъ: въ Харьковскомъ 191 ¹⁾ и въ Дерптскомъ 26.

Изъ общаго числа 217 студентовъ получали стипендіи 71, то есть, 32%: въ Харьковскомъ институтѣ — 46 и въ Дерптскомъ — 25; на стипендіи вообще употреблено было 6,876 руб. и на единовременныя пособія 821 руб., въ томъ числѣ изъ государственнаго казначейства назначено по штату 6,000 руб. Отъ платы за ученіе освобождено было 85 студентовъ, то есть, 39% общаго числа: въ Дерптскомъ — 25 и въ Харьковскомъ — 60.

Въ Дерптскомъ институтѣ заняты были всѣ каѳедры, а въ Харьковскомъ къ концу 1874 года считались двѣ вакансіи: одна ординарнаго профессора и одна доцента. Въ видахъ расширенія помѣщеній Харьковскаго ветеринарнаго института, на основаніи Высочайше утвержденнаго 14-го іюня 1874 года мѣрнія государственнаго совѣта, назначено изъ суммъ государственнаго казначейства 2,736 р. на уплату за участіе земли, отошедшей подъ институтъ, и внесено въ смѣту 1875 года на строительныя работы въ зданіяхъ института 8,352 р. Сверхъ того на улучшеніе кабинетовъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учреждений, независимо отъ суммъ, назначенныхъ по штату, употреблено было въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ изъ остаточныхъ суммъ 3,732 руб. 68 коп.

Изъ профессоровъ Дерптскаго и Харьковскаго ветеринарныхъ институтовъ въ теченіе 1874 года, командированы были: профессоръ Дерптскаго института Иессенъ въ С.-Петербургъ, для участія въ трудахъ комиссіи для повѣрочныхъ опытовъ чумопрививанія, доцентъ

¹⁾ Кромѣ того, по второму разряду 18 въ третьемъ курсѣ, съ выпускомъ которыхъ въ 1875 году закроется и второй разрядъ.

того же института Зомеръ— во внутреннія губерніи Имперіи, для изслѣдованія болѣзней скота, и доцентъ Харьковскаго института Поповъ— въ разныя губерніи Россіи, для осмотра конныхъ и овечьихъ заводовъ.

Ветеринарный институтъ въ Казани открытъ былъ во второй половинѣ 1874 года, на основаніи Высочайше утвержденнаго 31-го мая 1873 года мѣрнія государственнаго совѣта. Казанскій институтъ устроенъ во всемъ сходно съ институтами Харьковскимъ и Дерптскимъ, имѣеть одинаковый съ ними штатъ содержанія, но, по немѣрнію собственнаго дома, получаетъ еще по 5,000 руб. въ годъ на наемъ помѣщенія изъ суммъ государственнаго казначейства. Отпускъ этой суммы начался съ 1-го января 1875 года; съ того же времени опредѣлены были директоръ института и нѣкоторые профессора, которымъ и поручены были всѣ приготовленія къ открытію института, какъ то: наемъ дома, снабженіе его мебелью и другими необходимыми предметами, устройство кабинетовъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій; необходимыя издержки по всемъ этимъ предметамъ покрыты были изъ сбереженій, образовавшихся ко времени открытія института изъ суммы, отпущенной въ полномъ количествѣ на содержаніе института. На первое время открытъ былъ только первый курсъ; для чтенія въ немъ ветеринарныхъ предметовъ, признано было возможнымъ ограничиться только тремя профессорами, изъ которыхъ одинъ занимаетъ и должность директора. Изъ вспомогательныхъ предметовъ студенты перваго курса слушали только законъ Божій, физику и химию въ Казанскомъ университетѣ вмѣстѣ съ студентами послѣдняго; способъ же введенія остальныхъ вспомогательныхъ предметовъ, предоставленъ взаимному обсужденію профессоровъ физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ Казанскаго университета и Казанскаго ветеринарнаго института. Для обезпеченія въ будущемъ преподаванія зоофизиологіи, одного изъ важнѣйшихъ ветеринарныхъ предметовъ, по выбору совѣта института, командированъ за границу на два года докторъ медицины Навалихинъ и совѣтъ имѣеть уже въ виду двухъ лицъ для занятія должностей доцента фармаціи и ученаго кузнеца. Въ совѣтѣ института въ первое же время его существованія составлены были правила для студентовъ, опредѣляющія условія приема въ институтъ, способы контроля за занятіями учащихся, взиманія и распредѣленія платы за ученіе, и обозначающія права и обязанности студентовъ. Правила эти, по утвержденіи ихъ попечителемъ учебнаго округа, были напечатаны для всеобщаго свѣдѣнія.

Всѣхъ студентовъ въ новомъ институтѣ было къ 1-му января 1875 года 75-ть; изъ нихъ 28 (37%) освобождены были отъ платы за ученіе. Стипендій въ теченіе перваго года не было никому назначаемо изъ опредѣленной на этотъ предметъ штатной суммы 3,000 р.; но, въ замѣнъ того, выдано было 41 студенту единовременныхъ пособій на 1760 руб. въ размѣрѣ отъ 20 до 75 рублей. Считаю излишнимъ входить въ подробныя доказательства того, какое огромное значеніе должно оказать учрежденіе новаго ветеринарнаго института для экономическаго быта восточной Россіи и ограничусь только однимъ указаніемъ, что издержки по содержанію новаго института будутъ составлять ничто въ сравненіе съ тѣми огромными выгодами, которыя, съ увеличеніемъ рациональныхъ средствъ врачебно-ветеринарной помощи, будутъ получать ежегодно наше сельское хозяйство, которое до сихъ поръ лишено было всякой возможности вести свои дѣла сколько нибудь правильно при своемъ явномъ безсиліи противъ страшнаго бича сютскихъ надежъ, ежегодно разоряющихъ и разстраивающихъ даже и благоустроенныя хозяйства на всемъ пространствѣ Имперіи.

Пособіемъ тремъ вышеозначеннымъ ветеринарнымъ институтамъ служить въ нѣкоторомъ отношеніи и существующая въ Варшавѣ Варшавская ветеринарная школа, стоящая по учебному курсу нѣсколько ниже ветеринарныхъ институтовъ и потому не причисленная къ разряду высшихъ учебныхъ заведеній. Въ школѣ этой къ 1-му января 1875 года было 90 студентовъ; изъ окончившихъ въ ней курсъ въ 1874 году 8 человекъ удостоены были званія ветеринара и, по особому испытанію 1 ветеринаръ признанъ былъ достойнымъ высшей ученой степени магистра.

Г. Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.

Въ двухъ отдѣленіяхъ института: сельско-хозяйственномъ и лѣсномъ было къ 1-му января 1875 года 58 студентовъ; 38—въ сельско-хозяйственномъ и 20—въ лѣсномъ, въ теченіе 1874 года поступило вновь въ студенты 30 человекъ и окончили курсъ 10 человекъ; изъ числа окончившихъ курсъ двое оставлены были при институтѣ для усовершенствованія въ наукахъ. Сверхъ того, на основаніи правилъ объ испытаніяхъ, изъ прежде окончившихъ курсъ подвергались испытанію и удостоены званія лѣсничаго 3 и агронома 1. Въ преподавательскомъ составѣ института произошли въ 1874 году слѣдующія

улучшенія: исправляющій должность профессора практической и земледѣльской механики и геодезіи Зелинскій, съ полученіемъ высшей ученой степени доктора астрономіи и геодезіи, утвержденъ въ должности профессора, и такимъ образомъ въ 1874 году, при полномъ составѣ преподавателей, оставались только двѣ профессорскія каѳедры, занятія пока доцентами. До 1874 года въ отдѣленіи лѣсномъ преподаваніе всѣхъ спеціальныхъ лѣсныхъ наукъ, за исключеніемъ ботаники съ энтомологіей, возложено было на одного профессора. Такое соединеніе въ одномъ лицѣ нѣсколькихъ предметовъ, хотя и принадлежащихъ къ одной отрасли науки, представляло важныя неудобства: отъ одного лица нельзя требовать основательнаго въ одинаковой мѣрѣ знанія нѣсколькихъ предметовъ, а между тѣмъ лѣсоводство составляетъ въ Привислянскомъ краѣ важный предметъ и въ спеціалистахъ по этому предмету чувствуется сильный недостатокъ. Въ этихъ видахъ, по ходатайству моему, при каѳедрѣ лѣсоводства учреждена еще одна доцентура на основаніи Высочайше утвержденного 23-го ноября 1874 года положенія комитета по дѣламъ Царства Польскаго, съ вознагражденіемъ доцента изъ суммы, образовавшейся отъ упраздненія при институтѣ должности механика, за передачею механическаго заведенія института въ арендное содержаніе.

Учебно-вспомогательныя учрежденія института получили въ 1874 году приращеній на 3,564 руб., важнѣйшія изъ этихъ приращеній были: по естественно-исторической коллекціи на 711 руб., по собранію земледѣльческихъ орудій и машинъ на 776 руб. и по библиотекѣ на 1,233 руб. Къ 1-му января 1875 года библиотека института состояла уже изъ 6,682 названій въ 10,586 томахъ, цѣностию на 24,340 рублей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

21. (16-го марта 1876 года). *Объ учрежденіи въ г. Бѣлевѣ четырехклассной мужской прогимназіи.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Бѣлевѣ четырехклассной мужской прогимназіи, *мнѣніемъ положилъ:*

1) Учредить въ г. Бѣлевѣ (Тульской губерніи), съ 1-го іюля 1877 года, четырехклассную мужскую прогимназію, съ отпускомъ, съ того же срока, на ея содержаніе, сверхъ 2.000 руб., жертвуемыхъ Бѣлевскими земствомъ и городскимъ обществомъ, еще по *двѣнадцати тысячѣ пятисотъ пятидесяти руб.* въ годъ, изъ государственнаго казначейства, съ тѣмъ: а) чтобы въ 1877 году была отпущена, по разчету съ 1-го іюля, только половина этой суммы, и б) чтобы ассигнуемая казною деньги (12.500 руб.) вносились въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства народнаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ суммами, жертвуемыми мѣстными земствомъ и городскимъ обществомъ (2.000 руб.), причемъ эти послѣднія суммы показывались бы пособіемъ государственному казначейству; и

2) Могущіе быть отъ штатныхъ суммъ Бѣлевской мужской прогимназіи остатки раздѣлять на двѣ части: одну, соотвѣтствующую суммѣ, отпускаемой казною, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую—оставлять въ распоряженіи мѣстныхъ земства и городского общества, для употребленія, по ихъ усмотрѣнію, на нужды прогимназіи.

Государь Императоръ, изложенное мнѣніе Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

22. (9-го апрѣля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендій имени статскаго совѣтника Козловскаго.*

Докторъ, статскій совѣтникъ Козловскій духовнымъ завѣщаніемъ своимъ, утвержденнымъ С.-Петербургскимъ окружнымъ судомъ, поручилъ душеприказчикамъ своимъ образовать изъ оставшихся послѣ его смерти капиталовъ непривосновенный фондъ съ доходомъ въ 3.000 руб. на учрежденіе пяти стипендій при университетахъ: С.-Петербургскомъ, Варшавскомъ, Кіевскомъ и Дерптскомъ по 300 руб. каждая и пяти стипендій по 200 руб. каждая для воспитанниковъ гимназій изъ уроженцевъ Виленской, Минской, Витебской и Могилевской губерній и Царства Польскаго, съ тѣмъ, чтобы остальные 500 руб. были обращены въ пособіе окончившимъ курсъ стипендіатамъ.

Вслѣдствіе сего душеприказчики Козловскаго представили въ министерство народнаго просвѣщенія росписку государственнаго банка въ передачѣ ими на храненіе капитала въ *пятьдесятъ тысячъ* руб., заключавшагося въ 6% билетахъ комиссіи погашенія долговъ, ходатайствуя объ испрошеніи Высочайшаго повелѣнія на учрежденіе упомянутыхъ стипендій имени жертвователя.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при университетахъ и гимназіяхъ десяти стипендій на условіяхъ, изложенныхъ въ завѣщаніи жертвователя, съ наименованіемъ оныхъ „стипендіями доктора, статскаго совѣтника Юрія Юрьевича Козловскаго“.

23. (9-го апрѣля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Екатеринославской гимназій.*

Состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, тайный совѣтникъ Дунинъ-Борковскій, представилъ въ министерство народнаго просвѣщенія четыре закладныхъ листа земскаго банка Херсонской губерній на одну тысячу семьсотъ пятьдесятъ руб., собранные бывшими сослуживцами его по званію Екатеринославскаго губернатора, для учрежденія изъ процентовъ съ этого капитала стипендіи имени Дунина-Борковскаго при Екатеринославской гимназій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемиловѣйше соизволилъ какъ на принятіе представленнаго тайнымъ совѣтникомъ Дунинымъ-Борковскимъ капитала въ одну тысячу семьсотъ пятьдесятъ рублей, такъ и на учрежденіе на проценты съ этого капитала при Екатеринославской

гимназіи одной стипендіи, съ наименованіемъ ея: „стипендія тайнаго совѣтника Дунина-Борковского“.

24. (9-го апрѣля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Новочеркасской мужской и Маріинской Донской женской гимназіяхъ.*

Прокуроръ Новочеркасскаго окружнаго суда прислалъ директору училищъ Донской области выписку изъ духовнаго завѣщанія умершаго генераль-маіора Данилова, по которому покойный Даниловъ опредѣлилъ: „участокъ земли въ 400 десятинъ, состоящій въ 34 отдѣлѣ Хоперскаго округа подъ № 495, названный Павло-Даниловскимъ, по смерти его, продать и вырученныя за оный деньги положить въ государственный банкъ на вѣчность, съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала употреблять на воспитаніе мальчика или дѣвочки изъ бѣдныхъ его родныхъ“, а впоследствии бѣдныхъ вообще сиротъ Донской области, преимущественно съ Дону Раздорской станицы. Въстѣ съ тѣмъ, наследница Данилова представила и всѣ документы на завѣщанную землю.

Вслѣдствіе представленія о томъ попечителя Харьковского учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на принятіе завѣщаннаго генераль-маіоромъ Даниловымъ участка земли въ 400 десятинъ въ учебное вѣдомство и затѣмъ продажу онаго, согласно волѣ завѣщателя, такъ и на учрежденіе на проценты съ вырученнаго отъ продажи ея капитала по одной стипендіи при Новочеркасской мужской и Маріинской Донской женской гимназіяхъ, съ наименованіемъ оныхъ „стипендія Павла Ивановича Данилова“.

25. (9-го апрѣля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Кронштадтской женской гимназіи.*

Потомственный почетный гражданинъ, Павелъ Петровичъ Синебрюховъ, представивъ въ попечительный совѣтъ Кронштадтской женской гимназіи двѣ облигаціи Кронштадтскаго городского общества, серіи первыя за №№ 0014 и 0015, по номинальной цѣнѣ на одну тысячу руб., ходатайствовалъ объ учрежденіи на проценты съ сего капитала при названномъ учебномъ заведеніи одной стипендіи его имени.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на удовлетвореніе изложеннаго ходатайства.

26. (9-го апрѣля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ.*

Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что жители Томской губерніи, въ ознаменованіе исполнившагося 11-го ноября 1875 года 50-тилѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ, бывшаго генераль-губернатора Западной Сибири, генераль-Адъютанта Хрущова, собрали между собою, по добровольной подпискѣ, капиталъ въ *шесть тысячъ* руб. на учрежденіе изъ процентовъ онаго, при медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета, одной стипендіи имени генераль-адъютанта Хрущова, для студентовъ изъ уроженцевъ Западной Сибири, окончившихъ курсъ въ Томской гимназій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія объ этомъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Московскомъ университетѣ, изъ процентовъ означеннаго капитала, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендію генераль-адъютанта Хрущова“.

27. (9-го апрѣля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи имени Софіи Семеновны Савиной.*

Министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія, что дворянинъ Черниговской губерніи Иванъ Яковлевичъ Дуинъ-Барковский, желая почтить память покойной матери своей Софіи Семеновны Савиной благотворительнымъ дѣломъ, представилъ въ Черниговскую губернскую земскую управу *пять тысячъ* руб. на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала стипендіи для воспитанниковъ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній: университета, медико-хирургической академіи или технологическаго института.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія объ этомъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе изъ процентовъ означеннаго капитала одной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендію Софіи Семеновны Савиной“, причемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователя.

28. (9-го апрѣля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при пансіонѣ Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища.*

Генералы, штабъ и оберъ-офицеры и классные чиновники отдѣльнаго корпуса жандармовъ, пожертвовавъ капиталъ въ четыре тысячи

семьсотъ пятьдесятъ руб., ходатайствовали объ учрежденіи, на ежегодныя проценты съ этого капитала, при пансіонѣ Виленскаго Маринскаго высшаго женскаго училища одной стипендіи, имени бывшаго шефа жандармовъ, генераль-адъютанта графа П. А. Шувалова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, Высочайше соизволилъ на приведеніе изложеннаго ходатайства въ исполненіе.

29. (9-го апрѣля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургскомъ университетѣ.*

Душеприкащикъ по завѣщанію умершей вдовы статскаго совѣтника Маріи Федоровны Макиной представилъ въ правленіе С.-Петербургскаго университета капиталъ въ *шесть тысячъ* руб., заключающійся въ облигаціяхъ С.-Петербургскаго городского кредитнаго общества, на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала, при означенномъ университетѣ, одной стипендіи имени покойнаго мужа завѣщательницы.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія объ этомъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при С.-Петербургскомъ университетѣ, изъ процентовъ означеннаго капитала, одной стипендіи съ наименованіемъ оной „стипендію статскаго совѣтника Владиміра Павловича Макина.

30. (9-го апрѣля 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи въ Острожской (Воронежской губ.) женской прогимназіи.*

Попечительный совѣтъ Острожской (Воронежской губерніи) женской прогимназіи ходатайствовалъ объ учрежденіи при названномъ учебномъ заведеніи, на проценты съ собраннаго при открытіи онаго капитала въ 320 руб., стипендіи, имени члена совѣта, Владиміра Николаевича Тивяшова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

9-го апрѣля 1876 года (№ 4-й). *Утверждаются:* экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный

статскій совѣтникъ *Сухомлиновъ* — ординарнымъ академикомъ сей академіи по отдѣленію русскаго языка и словесности, съ 6-го февраля 1876 года; въ званіи камергера, статскій совѣтникъ *Зыбинъ* — почетнымъ попечителемъ Нижегородскаго Александровскаго института, на три года, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій ассесоръ *Герашеневскій* — вновь почетнымъ попечителемъ Кишиневской гимназіи, на три года, съ 31-го марта 1876 года, майоръ *Уманецъ* — почетнымъ попечителемъ Новозыбковскаго реальнаго училища, на три года.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю: хранителю минералогическаго кабинета Императорскаго Московскаго университета *Милашевичу* — по 1-е іюля 1876 года.

Командируется за границу: инспекторъ татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа, надворный совѣтникъ *Радловъ* — на два мѣсяца (Высоч. пов. 23-го февраля 1876 года).

Командируются за границу съ ученою цѣлю: директоръ Кишиневской гимназіи, надворный совѣтникъ *Колловичъ* — съ 25-го іюня по 20-е августа 1876 года, директоръ главной физической обсерваторіи, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ статскій совѣтникъ *Вильдъ* — на два мѣсяца (Высоч. пов. 17-го марта 1876 года); заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета *Гвартовскій*, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, *Бабухинъ* и Св. Владиміра, *Бецъ*, экстраординарный профессоръ университета Св. Владиміра *Баранецкій*, доцентъ сего университета *Базаровъ* и лекторъ Императорскаго Московскаго университета *Мамъ* — на лѣтнее ваканціонное время 1876 года, доцентъ Казанскаго ветеринарнаго института *Леманъ* — съ 20-го мая по 15-е августа 1876 года, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, *Менделѣвъ* и Московскаго, *Троицкій* и доцентъ Московскаго университета *Стороженко* — съ 15-го мая по 15-е августа 1876 года, ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ, тайный совѣтникъ *Гротъ*, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра *Караваявъ*, ординарный профессоръ сего университета *Томса*, экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета *Бодуэнъ-де-Куртенэ*, доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Іерусалимскій* и доцентъ Дерптскаго ветеринарнаго института, статскій совѣтникъ *Клеверъ* — на

лѣтнее вакаціонное время 1876 года и двадцать восемь дней, ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владимира *Эрардтъ*—съ 15-го мая по 1-е сентября 1876 года, ординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института *Стржедзинскій* — съ 1-го мая по 15-е августа 1876 года, учитель Мелитопольскаго реальнаго училища *Александровскій*—на лѣтнее вакаціонное время 1876 г. и два мѣсяца, ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владимира *Хронцевскій* — съ 1-го сентября по 25-е декабря 1876 года, доценты Императорскаго Московскаго университета: *Богословскій* и *Снегиревъ*—съ 1-го мая по 1-е сентября 1876 года, ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владимира *Феофилактовъ*—съ 1-го іюня по 1-е октября 1876 года, ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ *Берманъ*—на четыре мѣсяца и двадцать дней, доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Смирновъ*—съ 15-го мая по 1-е октября 1876 года, учитель Таганрогской гимназій *Дьяконовъ* и учитель Ананьевской шестиклассной прогимназій *Охрѣменко*—съ 1-го мая по 1-е октября 1876 года, магистръ Императорскаго университета Св. Владимира *Тарасовъ* — на два года.

Продолжается срокъ отпуску: исправляющему должность учителя Иркутской гимназій, коллежскому ассесору *Боголюбскому* — въ Россіи, съ дозволеніемъ отправиться за границу, по 1-е сентября 1876 г., ординарному академику Императорской академіи наукъ, тайному совѣтнику *Никитенко* — за границу, по 1-е сентября 1876 года, по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ за границу: почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Шуйскаго, Графъ *Толстой* и Кузнецкаго, губернскаго секретарь *Иконниковъ* — на шесть мѣсяцевъ; послѣдній по болѣзни.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію: окружный инспекторъ Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сахаровъ*.

III. ВЫСОЧАЙШАЯ НАГРАДА.

Государь Императоръ, въ 26-й день текущаго апрѣля, Всемилоствѣйше соизволилъ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, пожаловать кандидата на судебныя должности

при прокурорѣ Московскаго окружнаго суда, губернскаго секретаря Дмитрія *Соницова*, орденомъ Св. Анны 3-й степени, во вниманіи къ усердію его на пользу Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

6. (22-го ноября 1875 года). *Учебный планъ Лифляндской общественной гимназіи, въ городѣ Феллини.*

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

I. Программа предметовъ преподаванія.

Лифляндская общественная гимназія имѣетъ цѣлью дать своимъ воспитанникамъ основательное общее образованіе, подготовляющее къ успѣшнымъ научнымъ занятіямъ въ университетахъ. Она раздѣляется на семь классовъ.

Для поступленія въ младшій классъ требуются обыкновенныя элементарныя познанія: свободное чтеніе, нѣсколько правильное орфографическое писаніе и ариметика до дробей. Въ латинскомъ языкѣ — правильное склоненіе именъ существительныхъ и прилагательныхъ. Въ русскомъ языкѣ: чтеніе и нѣсколько свободное, хотя еще и неправильное писаніе и знаніе извѣстнаго количества словъ.

Седьмой классъ (Septima).

Годичный курсъ.

Знаніе Божіе. Священная исторія ветхаго завѣта. Передъ великими праздниками, относящимися къ нимъ исторіи новаго завѣта. Содержаніе трехъ первыхъ частей катехизиса, безъ объясненія Лютера. Ученіе наизусть незначительнаго числа библейскихъ текстовъ и приблизительно отъ четырехъ до шести церковныхъ пѣсней, главнымъ образомъ, въ связи съ праздничными временами церковнаго года. 3 урока.

Латинскій языкъ. Правильная часть этимологій. Склоненіе, правила о родѣ, сравнительная степень, мѣстоименія, имена числительныя, правильное спряженіе, какъ обыкновенныхъ глаголовъ, такъ и отложительныхъ; предлоги. Устные и письменныя упражненія въ переводахъ, примыкающія къ грамматическому курсу. Заучиваніе словъ. 6 уроковъ.

Нѣмецкій языкъ. Чтеніе и передача прочитаннаго. Заучиваніе наизусть. Упражненія въ правописаніи. Граматическое толкованіе частей рѣчи; важнѣйшія правила флексіи, управленіе предлогами, главныя начала ученія о предложеніяхъ. 4 урока.

Русскій языкъ. Упражненіе въ чтеніи, переводы и передача прочитаннаго по избранной книгѣ, для заучиванія словъ и изреченій. Писаніе по диктовкѣ. Ученіе правильныхъ склоненій и главнѣйшихъ видовъ спряженія. 4 урока.

Ариѳметика. Повтореніе четырехъ правилъ съ именованными и простыми числами. Лѣтосчисленіе. Счисленіе дробными числами. Сравненіе мѣръ и монетъ. Тройное правило при употребленіи заключительнаго способа рѣшенія. Усиленное упражненіе въ устномъ рѣшеніи задачъ. 3 урока.

Естествовъдѣніе. Описаніе нѣкоторыхъ животныхъ и растений, въ особенности туземныхъ; лѣтомъ растений и насѣкомыхъ, зимою позвоночныхъ животныхъ: объясненіе системъ естественной исторіи, изученіе терминологіи. 2 урока.

Исторія. Вытописаніе греческой старины. 2 урока.

Географія. Объясненія общихъ понятій физической и математической географіи. Изученіе родины. 2 урока.

Чистотисаніе. 2 урока.

Шестой классъ (Sexta).

Годичный курсъ.

Законъ Божій. Священная исторія новаго завѣта. Общія основанія раздѣленія Библии и очередь библейскихъ книгъ. Двѣ послѣднія части катехизиса, безъ объясненія Лютера, и объясненія къ первымъ тремъ частямъ катехизиса. Ученіе извѣстнаго количества библейскихъ текстовъ. Повтореніе выученныхъ въ VII классѣ церковныхъ пѣсней, съ изученіемъ, приблизительно, четырехъ новыхъ. 3 урока.

Латинскій языкъ. Повтореніе правильной и изученіе неправильной этимологіи съ постоянными упражненіями въ переводахъ. При случаѣ нѣкоторыя правила синтаксиса. Accus. с. Inf. и Abl. absol. Заучиваніе словъ и предложеній. Еженедѣльное письменное упражненіе и попеременно „extemporale“. 6 уроковъ.

Нѣмецкій языкъ. Чтеніе, устная, а иногда и письменная передача прочитаннаго. Чтеніе наизусть стихотвореній по избранной

книгѣ. Упражнения въ правописаніи съ обращеніемъ особаго вниманія на употребленіе знаковъ препинанія. Повтореніе пройденнаго въ VII классѣ курса грамматики, съ нѣкоторыми дополненіями. Правила о простомъ распространенномъ предложеніи. Болѣе легкія формы сложнаго предложенія. Спряженія. 3 урока.

Русскій языкъ. Правильная часть этимологіи съ устными и письменными упражненіями. Упражненіе въ чтеніи. Переводы и устные разказы по избранной книгѣ. Упражненіе въ письмѣ подъ диктовку. Заучиваніе наизусть прозаическихъ статей и болѣе легкихъ стихотвореній. Еженедѣльно письменное упражненіе и попеременно „extempore“. 5 уроковъ.

Ариметика. Повтореніе счисленія дробными числами. Десятичные дроби. Сложное тройное правило съ приведеніемъ къ единицѣ. Такъ называемыя гражданскія ариметическія правила. Устное рѣшеніе задачъ. 3 урока.

Естествознаніе. Продолженіе и расширеніе курса VII класса. Важнѣйшія иностранныя животныя и растенія. 2 урока.

Исторія. Древняя исторія. 2 урока.

Географія. Топическая географія съ ознакомленіемъ съ важнѣйшими государствами и городами. 2 урока.

Чистописаніе. 2 урока.

Пятый классъ (Quinta).

Годичный курсъ.

Законъ Божій. Объясненіе катехизиса съ важнѣйшими ссылочными мѣстами въ священномъ писаніи. Повтореніе влученныхъ въ VII и VI классахъ церковныхъ пѣсней, съ изученіемъ приблизительно четырехъ новыхъ. 2 урока.

Латинскій языкъ. Повтореніе этимологіи. Главнѣйшія правила синтаксиса. Чтеніе Корнелія Непота, или прозаическихъ (историческихъ) статей по латинской хрестоматіи. Во второмъ полугодіи, кромѣ того, чтеніе „Tigocinia poetica“. Заучиваніе словъ. Упражненія въ обратномъ переводѣ прочитанныхъ статей. Еженедѣльно письменное упражненіе и попеременно „extempore“. 7 уроковъ.

Греческій языкъ. Упражненіе въ чтеніи, этимологія до правильнаго спряженія включительно, въ связи съ устными и письменными переводами, примыкающими къ грамматическому курсу. Заучиваніе словъ. Во второмъ полугодіи также еженедедно письменныя упражненія и попеременно „extempore“. 4 урока.

Нѣмецкій языкъ. Чтеніе и разборъ прозаическихъ и поэтическихъ статей, по избранной книгѣ, въ связи съ устною передачею содержанія. Упражненіе въ правописаніи. Знаки препинанія. Ученіе наизустъ стихотвореній. Ученіе о предложеніяхъ. Черезъ каждыя двѣ недѣли небольшое сочиненіе описательнаго или повѣствовательнаго содержанія. 3 урока.

Русскій языкъ. Неправильная часть этимологій. Переводы съ русскаго на нѣмецкій языкъ, по хрестоматіи, въ связи съ упражненіемъ въ пересказѣ прочитаннаго. Переводъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ. Упражненія въ правописаніи. Заучиваніе наизустъ стихотвореній. Еженедѣльные письменныя упражненія и попеременно „extempore“. 5 уроковъ.

Математика. Повтореніе ариметики. Объ отношеніяхъ и пропорціяхъ. Четыре правила алгебры. Извлеченіе квадратныхъ и кубическихъ корней. Приготовительное преподаваніе геометріи. 4 урока.

Естествознаніе. Повтореніе и расширеніе преподаванія зоологій и ботаники. Важнѣйшія начала минералогіи, систематическое обозрѣніе трехъ царствъ природы. 2 урока.

Исторія. Средняя исторія. 2 урока.

Географія. Физическая географія Европы. 2 урока.

ЧЕТВЕРТЫЙ КЛАССЪ. (Quarta).

Годичный курсъ

Законъ Божій. Изложеніе Царства Божія въ ветхомъ завѣтѣ, на основаніи текста священнаго писанія. Заучиваніе наизустъ нѣкоторыхъ псалмовъ и важнѣйшихъ пророчествъ о Мессіи. Церковныя пѣсни. 2 урока.

Латинскій языкъ. Синтаксисъ падежей. Важнѣйшія правила о времени и наклоненіи. Устные и письменныя упражненія въ переводѣ съ нѣмецкаго на латинскій языкъ. Черезъ каждыя двѣ недѣли письменныя упражненія, и, кромѣ того, приблизительно 4 „Extemporalia“. Чтеніе Юлія Цезаря „de bello gallico“. Овидія *Метаморфозы*. Ознакомленіе съ главнѣйшими правилами просодіи и метрики. Упражненіе въ обратномъ переводѣ прозаическихъ и ученіе наизустъ поэтическихъ отрывковъ. 8 уроковъ.

Греческій языкъ. Повтореніе пройденнаго изъ грамматики въ V классѣ съ дополненіями; глаголы на *тѣ* и неправильные глаголы. Предлоги. Устные и письменныя упражненія, примыкающія къ изу-

ченію грамматики. Заучиваніе словъ и краткихъ изреченій. Переводы изъ „Греческой книги для первоначальнаго обученія“—Якобса. Еже-недѣльное письменное упражненіе и попеременно „extempore“. 5 уроковъ.

Нѣмецкій языкъ. Полное обозрѣніе этимологій и ученіе о пред-ложеніяхъ. Упраженіе въ составленіи періодовъ. Чтеніе и разборъ прованческихъ и поэтическихъ статей по избранной книгѣ. Заучиваніе наизусть стихотвореній (въ особенности балладъ Шиллера, Уланда и проч.). Черезъ каждыя двѣ недѣли сочиненіе, пока еще преимуще-ственно описательнаго и повѣствовательнаго содержанія. 3 урока.

Русскій языкъ. Повтореніе этимологій. Переводы съ Русскаго на Нѣмецкій языкъ, по хрестоматіи, въ связи съ упражненіями въ пересказѣ прочитаннаго. Переводы съ нѣмецкаго на русскій языкъ. Упраженіе въ правописаніи. Заучиваніе наизусть стихотвореній. Че-резъ каждыя двѣ недѣли письменное упражненіе, и кромѣ того, по крайней мѣрѣ 4 раза въ полугодіе „Extemporalia“. 5 уроковъ.

Математика. I-я часть планиметріи. Возвышеніе въ степени и извлеченіе корней. Рѣшеніе уравненій 1-й степени съ одною неиз-вѣстною. 4 урока.

Исторія. Обзоръ новой исторіи. 2 урока.

Географія. Физическая географія вѣввропейскихъ частей свѣта. 2 урока.

Третій классъ (Tertia).

Годичный (эвентуально-двухгодичный) курсъ.

Заковъ Божій. Изложеніе Царства Божія въ новомъ завѣтѣ по тексту священнаго писанія. Заучиваніе наизусть нѣкоторыхъ важ-нѣйшихъ мѣстъ изъ евангелій, какъ напримѣръ, проповѣди на горѣ и т. д. и подробное изученіе отрывковъ при чтеніи священнаго пи-санія. Церковныя пѣсни. 2 урока.

Латинскій языкъ. Повтореніе правилъ о падежахъ. Продолженіе синтаксиса. Письменныя упражненія черезъ каждыя двѣ недѣли, и каждую недѣлю „extempore“. Упраженія въ переводахъ съ нѣ-мецкаго на латинскій языкъ. Метаморфозы Овидія, Курцій или Сал-люстій, Цицерона: Laetius или Cato major или рѣчи „in Catilinam“. Упраженія въ обратныхъ переводахъ, заучиваніе наизусть нѣкто-рыхъ отрывковъ изъ Овидія. 8 уроковъ.

Греческій языкъ. Повтореніе этимологій. Синтаксисъ. Черезъ каж-дья двѣ недѣли письменное упражненіе, а по усмотрѣнію попере-

мѣнно „extemporale“.—Анабазисъ Ксенофонта. Во второмъ полугодіи, кромѣ того, Одиссея Гомера. Упражнения въ обратныхъ переводахъ. Заучиваніе наизусть переведенныхъ отрывковъ изъ Одиссеи. 6 уроковъ.

Нѣмецкій языкъ. Важнѣйшія начала просодіи. Чтеніе образцовыхъ прозаическихъ статей и эпическихъ поэмъ (Nibelungenlied, Sid, Hermann und Dorothea etc.) Черезъ каждыя двѣ недѣли сочиненіе (болѣе легкіе опыты по предварительному разбору темы въ классѣ.) 2 урока.

Русскій языкъ. Важнѣйшія правила синтаксиса. Объясненіе важнѣйшихъ древне-славянскихъ формъ. Переводы съ русскаго на нѣмецкій языкъ и обратно. Чтеніе и правильное произношеніе стихотвореній, а также передача ихъ содержанія. Черезъ каждыя двѣ недѣли письменное упражненіе, а по усмотрѣнію попеременно „extemporale“. 5 уроковъ.

Математика. II-я часть планиметріи. Уравненія I и II степени съ одной и нѣсколькими неизвѣстными. Логарифмы. Неопредѣленныя степени. Уравненія и прогрессіи. 4 урока.

Исторія. Подробное изученіе древней исторіи. 2 урока.

Географія. Обзорнѣе политической географіи. 1 урокъ.

Географія Россійской имперіи. 2 урока.

Второй классъ (Secunda).

Годичный (эвентуально-двухгодичный) курсъ.

Закоуъ Божій. Подробный разборъ катехизиса и объясненіе важнѣйшихъ характеристическихъ признаковъ различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Чтеніе новаго завѣта въ самомъ текстѣ. 3 урока.

Латинскій языкъ. Окончаніе синтаксиса. Устные упражненія въ переводахъ съ нѣмецкаго на латинскій языкъ. Черезъ каждыя двѣ недѣли письменныя упражненія, еженедѣльно „extemporale“, *Виргилій—Энеида*, *Титъ Ливій*, рѣчи *Цицерона*. 8 уроковъ.

Греческій языкъ. Систематическое изложеніе синтаксиса. Черезъ каждыя двѣ недѣли письменное упражненіе, а по усмотрѣнію попеременно и „extemporale“. Чтеніе *Одиссеи Гомера*, *Ксенофонта Сулгор.* или *Hellen*, или *Memorabilia*, *Плутарха*, *Аріана*, *Геродота*. 6 уроковъ.

Нѣмецкій языкъ. Ученіе о родахъ поэзіи. Упражнения въ логическомъ распредѣленіи матеріала темъ. Черезъ каждыя три недѣли со-

чиненія (самостоятельныя изложенія, хриі). Ученіе о слогахъ. Чтеніе драматическихъ сочиненій—Лессинга, Шиллера, Гете, Уланда. Упражненія въ устномъ изложеніи мыслей. 2 урока.

Русскій языкъ. Систематическое изложеніе синтаксиса. Чтеніе и разборъ стихотвореній и образцовыхъ прозаическихъ статей. „Extemporalia“ и устныя упражненія въ переводахъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ. Упражненіе въ устномъ изложеніи (передача прочитаннаго). Черезъ каждыя двѣ недѣли письменное упражненіе, попеременно съ краткими, самостоятельными сочиненіями (письма, описанія, разказы и т. п.) 5 уроковъ.

Математика. Стереометрія. Правила о сложныхъ процентахъ на проценты. Комбинаціи, переложенія и варіаціи, неопредѣленные уравненія; исчисленіе вѣроятностей, биномъ Ньютона. Прямолинейная тригонометрія. 5 уроковъ.

Исторія. Подробное изученіе средней исторіи. 2 урока.

Исторія Россіи. I-я часть до Петра Великаго. 2 урока.

Первый классъ (Prima).

Двухгодичный курсъ.

Исторія церкви. Аугсбургское вѣроисповѣданіе. Подробный разборъ христіанской догматики и нравоученія. 2 урока.

Латинскій языкъ. Черезъ каждыя двѣ недѣли письменныя упражненія; кромѣ того, въ теченіе полугодія, во крайшей мѣрѣ, два самостоятельныхъ латинскихъ сочиненія историческаго или философскаго содержанія. Ежемѣсячныя „extemporalia“. Устныя упражненія въ переводѣ съ нѣмецкаго. Упражненія въ латинской рѣчи. Гораций—Оды и нѣкоторыя сатиры или ars poetica, Цицерона Tuscul. disp.; Тацита лѣтописи, Германія. Квинтиліана — Institutiones, lib. X. 8 уроковъ.

Греческій языкъ. Повтореніе грамматики. Черезъ каждыя двѣ недѣли письменное упражненіе, а по усмотрѣнію, попеременно „extemporalia“. Чтеніе Иллады Гомера, Платона, или Демосеена, или Фукидида, Софокла или Еврипида. 6 уроковъ.

Нѣмецкій языкъ. Исторія литературы. Краткій обзоръ риторики. Устныя упражненія. Ежемѣсячно сочиненіе. Чтеніе „Nibelungenlied“ въ подлинникѣ. 3 урока.

Философская пропедевтика. 1 урокъ.

Русскій языкъ. Чтеніе и разборъ образцовыхъ стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ. Устные переводы съ нѣмецкаго на русскій

языкъ и „extemporalia“. Устные упражненія. Черезъ каждыя двѣ недѣли письменное упражненіе, попеременно съ самостоятельными сочиненіями, историческаго и философическаго содержанія. 4 урока.

Математика. Повтореніе геометріи, аналитическая геометрія; сферическая тригонометрія и математическая географія. 3 урока.

Физика. Понятія о твердыхъ, жидкихъ и воздухообразныхъ тѣлахъ. Важнѣйшія начала статики и правила о силахъ. О звукѣ, о теплородѣ, о свѣтѣ. Магнетизмъ и электричество. 2 урока.

Исторія. Подробное изученіе новой исторіи со включеніемъ отечественной. 2 урока.

Исторія Россіи. Въ первый годъ: русской исторіи II-я часть отъ Петра Великаго до настоящаго времени. Во второй годъ: повтореніе всей русской исторіи. 2 урока.

Пѣніе въ 3-хъ отдѣленіяхъ. По 2 часа въ недѣлю.

Гимнастика въ 6-ти отдѣленіяхъ. По 2 часа въ недѣлю.

НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.

Рисованіе въ 3-хъ отдѣленіяхъ. По 2 часа въ недѣлю.

Еврейскій языкъ для воспитанниковъ двухъ старшихъ классовъ, въ 2-хъ отдѣленіяхъ. 2 урока въ недѣлю.

Французскій языкъ. Въ VI классъ (Sexta) упражненія въ чтеніи. Заучиваніе словъ и краткихъ изреченій, по избранной книгѣ. Упражненія въ правописаніи. Изученіе важнѣйшихъ грамматическихъ формъ. 2 урока.

Въ V-мъ классъ (Quinta). Правильная часть этимологіи, устные и письменныя упражненія, примыкающія къ грамматикѣ. Заучиваніе словъ и краткихъ изреченій. Упражненія въ правописаніи. Переводы съ французскаго на нѣмецкій и обратно. 2 урока.

Въ IV-мъ классъ (Quarta). Неправильная часть этимологіи. Переводы съ французскаго и обратно. Упражненія въ правописаніи. Черезъ каждыя двѣ недѣли письменныя упражненія. 2 урока.

Въ III-мъ классъ (Tertia). Повтореніе этимологіи. Важнѣйшія правила синтаксиса. Переводы съ французскаго на нѣмецкій и обратно. Письменныя упражненія, попеременно „extemporalia“. 2 урока.

Во II-мъ классъ (Secunda). Общій синтаксисъ. Переводы съ нѣмецкаго на французскій и обратно. Письменныя упражненія „extemporalia“. 2 урока.

Въ I-мъ классѣ (Prima). Разборъ образцовыхъ стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ. Переводы съ нѣмецкаго на французскій. Письменные упражненія, попеременно самостоятельныя сочиненія, „extemporalia“. 2 урока.

Примѣчаніе. Православнымъ воспитанникамъ законъ Божій преподается одновременно съ остальными и въ равномъ числѣ уроковъ.

II. Сроки приѣма, перевода изъ класса въ классъ и выпуска учениковъ.

1) Для преподаванія въ Лифляндской общественной гимназіи, во всѣхъ классахъ полагается годичный курсъ, кромѣ I-го класса съ двухгодичнымъ курсомъ¹⁾.

2) Поэтому приѣмъ и переводъ изъ класса въ классъ должны производиться, по возможности, однажды въ году, въ то самое время, какъ начинается курсъ въ каждомъ классѣ.

3) Впрочемъ, приѣмъ допускается и въ серединѣ курса, если вновь принимаемые воспитанники достаточно подготовлены; переводъ же изъ одного класса въ другой, въ серединѣ курса, допускается только въ отдѣльныхъ, особенно уважительныхъ случаяхъ.

4) Для начала годичнаго курса, равно для приѣма и для перевода изъ одного класса въ другой, назначается пока тотъ же самый срокъ, который принятъ во всѣхъ прочихъ гимназіяхъ Дерптскаго учебнаго округа, т. е. январь мѣсяцъ каждаго года. Впрочемъ, дозволяется измѣнить этотъ срокъ, именно, еслибы отбываніе воинской повинности того потребовало, и перенести его на августъ мѣсяцъ.

5) Хотя во всякомъ классѣ, за исключеніемъ I-го, полагается только годичный курсъ, однако, для прохожденія трехъ высшихъ классовъ полагается правиломъ, чтобы воспитанники употребили на нихъ пять лѣтъ, оставаясь, кромѣ I-го, также и въ III-мъ классѣ въ теченіе двухъ лѣтъ.

6) Для выпуска воспитанниковъ, выдержавшихъ экзаменъ для перехода въ высшій классъ съ правомъ на поступленіе въ военную службу вольно-опредѣляющимися, и для выпуска воспитанниковъ I-го класса, окончившихъ полный курсъ наукъ и намѣреющихся поступить въ университетъ, полагается два срока въ году, въ іюнѣ и декабрѣ, въ концѣ учебныхъ полугодій.

¹⁾ Курсъ III класса тоже можетъ быть, въ случаѣ надобности, двухлѣтнимъ.

III. Главныя руководствующія начала воспитанія.

Лифляндская общественная гимназія предположила себѣ цѣлью внушить своимъ воспитанникамъ основательныя познанія, приучить ихъ къ точному примѣненію изученнаго и стремиться къ возможно-равномѣрному развитію всѣхъ душевныхъ силъ, и намѣрена осуществить эту цѣль умѣстнымъ ограниченіемъ объема и предметовъ обученія, методическимъ преподаваніемъ, совокупнымъ усиліемъ всѣхъ учителей, дѣйствующихъ въ одномъ направленіи подъ руководствомъ директора филологически образованнаго и опытнаго въ педагогикѣ.

Ближайшею задачею учебнаго заведенія, конечно, будетъ развитіе ума, доводя воспитанниковъ до яснаго мышленія, до точности понятій, до мѣткаго и осмотрительнаго сужденія, преподаваніемъ какъ древнихъ языковъ, такъ равно и математики. Тѣмъ не менѣе, воспитаніе должно быть направлено также и на развитіе характера и души. Приучая воспитанниковъ напрягать свои силы въ благоразумной мѣрѣ, требуя отъ нихъ прилежанія, безпрекословнаго повиновенія и добросовѣстнаго исполненія обязанностей, учебное заведеніе можетъ укрѣплять въ питомцахъ своихъ силу воли, а на развитіе души оно приобрѣтетъ вліяніе преподаваніемъ закона Божія, исторіи и природнаго языка, поставляя себѣ при этомъ задачею—вызывать сочувствіе юношества ко всему высокому и достопочтенному, страхъ Божій и уваженіе къ людямъ, дабы тѣмъ водворять въ юной душѣ истинное благочестіе, привязанность къ порядку, уваженіе къ начальству, повиновеніе властямъ и любовь къ отечеству.

Съ гимназіею будетъ соединенъ пансіонъ. Вводимый въ пансіонѣ порядокъ и выборъ воспитателей будутъ направлены къ тому, чтобы приучить воспитанниковъ къ добровольному повиновенію всѣмъ законамъ и требованіямъ общежитія. Если, съ одной стороны, необходимо бережно обращаться съ индивидуальностью мальчиковъ, давать ей благоразумное развитіе и открывать юношеству просторъ, необходимый для здраваго развитія личной самобытности воспитанника, то, съ другой стороны, не менѣе существенно внушить воспитанникамъ убѣжденіе, что задача жизни отдѣльнаго человѣка и его счастья могутъ быть осуществлены только подъ условіемъ неограниченной преданности общему благу и при подчиненіи своей воли высшему закону.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ УЧЕВНОМУ ПЛАНУ.

Вѣдомость о числѣ недѣльныхъ уроковъ по классамъ и предметамъ преподаванія.

ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ.	Классы.							Итого.
	VII	VI	V	IV	III	II	I	
Законъ Божій	3	3	2	2	2	3	2	17
Латинскій языкъ	6	6	7	8	8	8	8	51
Греческій языкъ	—	—	4	5	6	6	6	27
Нѣмецкій языкъ	4	3	3	3	2	2	3	20
Философическая пропедевтика.	—	—	—	—	—	—	1	1
Русскій языкъ	4	5	5	5	5	5	4	33
Математика	3	3	4	4	4	5	3	26
Естествознаніе	2	2	2	—	—	—	2	8
Исторія	2	2	2	2	2	2	2	14
Исторія Россіи	—	—	—	—	—	2	2	4
Географія	2	2	2	2	1	—	—	9
Географія Россійской Имперіи	—	—	—	—	2	—	—	2
Числописаніе	2	2	—	—	—	—	—	4
Итого	28	28	31	31	32	33	33	216
Пѣніе	2	2	2	2	2	2	2	6
Гимнастика	2	2	2	2	2	2	2	12
Рисованіе	2	2	2	2	2	2	2	6
Французскій языкъ	—	2	2	2	2	2	2	12
Еврейскій языкъ	—	—	—	—	—	2	2	4
Итого	34	36	39	39	40	43	43	256

необязательные
предметы.

Примѣчаніе. Православнымъ воспитанникамъ законъ Божій преподается одновременно съ остальными и въ равномъ числѣ уроковъ.

7. (10-го апрѣля 1876 года). *Лазаретныя правила историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Прибавленіе къ правиламъ для студентовъ института.

1) Пріемъ студентовъ въ лазаретъ совершается не иначе какъ по предъявленіи записки отъ дежурнаго наставника и зависитъ каждый разъ отъ заключенія состоящаго при институтѣ врача о степени важности болѣзни. Внезапно занемогавшіе отъ острыхъ болѣзней могутъ быть приняты въ лазаретъ помощникомъ декара.

2) Со времени поступления въ лазаретъ, больной долженъ безпрекословно повиноваться распоряженіямъ врача, какъ равно и дѣйствующаго по его инструкціямъ помощника лекаря.

3) Курить въ палатахъ вовсе запрещается.

4) Больной можетъ принимать посѣтителей, если въ тому не встрѣчается препятствій со стороны врача.

5) Посѣтители больного студента всякій разъ испрашиваютъ дозволеніе дежурнаго наставника, который выдаетъ имъ билетъ для входа въ лазаретъ.

6) Билетъ передается посѣтителемъ помощнику лекаря, который безъ такового билета не долженъ пускать къ больнымъ.

7) Одновременно въ лазаретъ допускается не больше трехъ посѣтителей, почему у дежурнаго наставника имѣется только три билета.

8) Большое число посѣтителей можетъ быть допущено только съ разрѣшенія директора и то лишь въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ.

9) Если въ лазаретѣ находятся больные, страдающіе прилипчивыми болѣзнями или же такими, которыя требуютъ совершенной тишины, то посѣтители въ лазаретъ вовсе не допускаются.

10) Посѣтителямъ запрещается приносить что-либо больнымъ.

11) Посѣщеніе больныхъ допускается только отъ 11 часовъ утра до 6 час. пополудни.

12) Посѣтители не должны оставаться долго у больныхъ и по первому приглашенію помощника лекаря удаляются изъ лазарета.

13) Студенты института могутъ посѣщать своихъ со товарищей въ лазаретѣ, подчиняясь наравнѣ съ прочими посѣтителями всѣмъ вышеизложеннымъ правиламъ.

8. (10-го апрѣля 1876 года). *Правила для студентовъ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Ньюжиги.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Студенты историко-филологическаго института князя Безбородко, свободно предназначая себя къ высокому званію педагоговъ, должны прежде воспитать самихъ себя такъ, чтобы впоследствии собственнымъ примѣромъ имѣть доброе вліяніе на тѣхъ, кто будетъ ввѣренъ ихъ педагогическимъ заботамъ. Имѣя это въ виду, институтъ, съ своей стороны, указываетъ, въ видѣ правилъ, на тѣ обязанности,

неисполненіе которыхъ со стороны студентовъ начальство института считаетъ прямымъ доказательствомъ нежеланія или неспособности студента посвятить себя педагогической дѣятельности. Правила эти могутъ быть раздѣлены на два разряда: въ первому относятся тѣ изъ нихъ, которыя предписываются уставомъ историко-филологическаго института князя Безбородко, Высочайше утвержденнымъ 21-го апрѣля 1875 г., во второму относятся тѣ правила, которыя, въ силу § 41 Высочайше утвержденного устава, составлены конференціею института и утверждены министромъ народнаго просвѣщенія.

Правила перваго разряда.

1) Въ институтъ принимаются молодые люди, достигшіе 17-ти лѣтняго возраста, которые или имѣютъ аттестаты въ знаніи предметовъ полнаго курса гимназій и представляютъ одобрительныя свидѣтельства о своемъ поведеніи, или же, при такихъ же свидѣтельствахъ, съ успѣхомъ окончили курсъ въ IV классѣ духовныхъ семинарій. Всѣ поступающіе въ институтъ подвергаются повѣрочному испытанію изъ предметовъ, назначенныхъ конференціею, и во всякомъ-случаѣ изъ древнихъ языковъ (§ 38 устава).

2) При приѣмѣ воспитанниковъ наблюдается, чтобы они не имѣли какого либо природнаго недостатка, препятствующаго быть учителемъ и чтобы состояніе здоровья и тѣлосложеніе ихъ были вполнѣ благонадежны (§ 39 устава).

3) Каждый поступающій въ институтъ въ число штатныхъ воспитанниковъ, обязывается подпискою прослужить по окончаніи курса не менѣ шести лѣтъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, по назначенію министра. Обязанность службы стипендіатовъ, содержимыхъ на счетъ другихъ вѣдомствъ, зависитъ отъ усмотрѣнія послѣднихъ (§ 40 устава).

4) Студенты института обязаны повиноваться начальству института и соблюдать какъ въ институтѣ, такъ и внѣ онаго порядокъ, установленный особыми для учащихся правилами, составленными конференціею и утвержденными министромъ народнаго просвѣщенія. При поступленіи въ институтъ, каждый студентъ обязывается подпискою въ соблюденіи означенныхъ правилъ (§ 41 устава).

Правила втораго разряда.

Правила, касающіяся нравственныхъ обязанностей и вообще поведенія студентовъ внутри и внѣ института.

5) Студенты историко-филологическаго института князя Безбо-родко должны исполнять христіанскія обязанности. Институтъ тре-буетъ, чтобы студенты: вопервыхъ, ежегодно были у исповѣди и святаго причащенія; вовторыхъ, чтобы въ воскресные и праздни-чные дни, въ которые учащіеся увольняются отъ классныхъ занятій, присутствовали при Божественной литургіи; вътретийхъ, чтобы еже-дневно являлись къ утренней молитвѣ въ 7^{1/2} часовъ.

Примѣчаніе. Чтеніе какъ утреннихъ, такъ и вечернихъ мо-литвъ, а равно и молитвъ передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, возлагается на одного изъ студентовъ ежедневно по очереди. Послѣ утренней молитвы читается Евангеліе на греческомъ языкѣ. Чтеніе молитвъ начинается не раньше прихода настав-ника въ столовую. До окончанія молитвы послѣ обѣда и ужина, студентамъ воспрещается выходить изъ столовой безъ особаго на то разрѣшенія.

6) Студентамъ строго воспрещается принимать какое бы то ни было участіе въ тайныхъ обществахъ и въ формированіи тайныхъ кружковъ. Главный и общій отличительный признакъ подобныхъ обществъ и кружковъ есть обязательная для всѣхъ участниковъ тайна организаціи (см. ст. о взысканіяхъ пунктъ е).

7) Студенты обязаны строго держаться установленнаго въ инсти-тутѣ порядка относительно времени, назначеннаго для молитвъ, учебныхъ занятій, обѣда, ужина и проч. Порядокъ этотъ слѣдующій:

Въ 7 часовъ утра студенты встаютъ.

Въ 7^{1/2} часовъ утра утрення молитва и чай.

Отъ 8^{1/2} до 2 часовъ лекціи.

Въ 2 часа обѣдъ.

Отъ 4 до 5 или 6 часовъ дополнительныя лекціи.

Въ 6 часовъ чай.

Въ 9^{1/2} часовъ ужинъ, вечерняя молитва.

Въ 10 часовъ открываются спальни.

Въ 11 часовъ всѣ студенты ложатся спать.

8) Студенты поочередно исполняютъ обязанности дежурнаго по кухнѣ.

9) Какъ въ самомъ институтѣ, такъ и внѣ онаго, студенты обя-заны вести себя благопристойно, соблюдать полное приличіе въ вѣж-номъ видѣ и вѣжливость въ обращеніи не только съ посторонними лицами, но и между собою. При встрѣчѣ съ начальствомъ инсти-

тута, преподавателями и наставниками студенты обяваны дѣлать поклонъ.

10) Посѣщеніе студентовъ посторонними лицами дозволяется лишь въ свободное отъ занятій время до 9 часовъ вечера, съ разрѣшенія дежурнаго наставника.

11) Въ общественныхъ мѣстахъ студентамъ воспрещается играть въ какую бы то ни было игру, а въ институтѣ допускаются игры, разрѣшаемыя начальствомъ онаго.

12) Ни въ камерахъ, ни въ другихъ мѣстахъ института, ни подъ какимъ видомъ не дозволяется держать оружія, пороха, крѣпкихъ напитковъ, запрещенныхъ книгъ и игральныхъ картъ.

13) Каждый студентъ долженъ помнить, что чистота есть одинъ изъ признаковъ благовоспитаннаго человѣка и одно изъ необходимыхъ условій здоровья, а потому всѣ студенты въ назначенное время непременно обяваны ходить въ баню и постоянно заботиться о чистотѣ тѣла.

14) Каждый студентъ обяванъ содержать въ порядкѣ и опрятности одежду, бѣлье, постель и вообще всѣ вещи, ему принадлежащія. Таковая же обязанность и относительно камеры возлагается на всѣхъ живущихъ въ ней студентовъ.

15) Для сохраненія чистоты воздуха въ камерахъ, куреніе табаку строго воспрещается: курить дозволяется только въ одной особо отведенной для куренія комнатѣ.

16) Въ учебные дни студенты могутъ отлучаться изъ института, только въ свободное отъ занятій время съ 2 до 6 часовъ по полудни, въ праздничные и воскресные дни—послѣ Божественной литургии до 11 часовъ вечера.

17) Съ разрѣшенія директора, по довлду дежурнаго наставника, въ вакаціонное время студентамъ дозволяется ночевать внѣ института у родителей или родственниковъ; а въ теченіе учебнаго времени, это дозволяется лишь въ особенно важныхъ случаяхъ.

18) Если студентъ, не получившій вышеупомянутаго разрѣшенія, будетъ оставленъ на ночь, по случаю болѣзни, родителями, родственниками или знакомыми, то оставившіе немедленно извѣщаютъ начальство института, а нездоровый перевозится въ институтскую больницу; въ случаѣ же невозможности, оставляется на мѣстѣ, съ разрѣшенія начальства.

19) Студенты не должны посѣщать такія общественныя заве-

денія, въ которыхъ легко могутъ уронить свое нравственное достоинство.

20) Въ зданіи института студенты онаго подлежатъ полицейскимъ установленіямъ на общемъ основаніи.

21) Каждый студентъ обязанъ возвращаться въ институтъ въ назначенному часу и непременно явиться лично дежурному наставнику.

22) Чувствующій себя нездоровымъ долженъ обратиться къ дежурному наставнику, который немедленно выдаетъ записку о принятіи его въ больницу. Неимѣющій отъ дежурнаго наставника записки въ больницу не принимается.

Правила, касающіяся обязанностей по учебной части.

23) Студенты обязываются непременно посѣщать всѣ лекціи и не уклоняться отъ другихъ занятій, назначаемыхъ по усмотрѣнію начальства, быть на репетиціяхъ, представлять своевременно всѣ письменныя работы, задаваемые имъ профессорами и преподавателями.

24) Студенты должны заблаговременно, до прихода профессора, быть въ аудиторіи. Во время лекцій не дозволяется ни входить въ аудиторію, ни выходить изъ нея. Вообще студенты не должны дозволить себѣ ничего такого, что могло бы помѣшать преподаванію. На вопросы преподавателей студенты отвѣчаютъ, стоя.

25) Репетиціи, назначаемыя тѣмъ или другимъ профессоромъ, не могутъ ни въ какомъ случаѣ служить оправданіемъ студенту въ его неисправности по работамъ, требуемымъ другими профессорами и преподавателями.

26) Кромѣ исправнаго приготовленія лекцій, студенты должны заниматься чтеніемъ и изученіемъ сочиненій, рекомендуемыхъ профессорами и преподавателями по той или другой наукѣ.

27) Студенты всѣхъ четырехъ курсовъ обязываются домашнимъ чтеніемъ указанныхъ профессорами и преподавателями сочиненій древнихъ авторовъ греческихъ и римскихъ и отчетомъ въ срокъ, назначенный профессорами и преподавателями.

28) Студенты обязываются подавать въ извѣстный срокъ письменныя упражненія.

29) Въ часы, свободные отъ учебнаго времени въ институтѣ, студенты могутъ давать уроки въ частныхъ домахъ, но не иначе, какъ съ вѣдома и разрѣшенія начальства.

30) Какъ учебныя книги, такъ и книги изъ библіотеки, утра-

ченныя студентомъ, должны быть пріобрѣтены самимъ студентомъ и возвращены въ бібліотеку или куплены бібліотекаремъ на счетъ утратившаго.

31) Каждый студентъ ежегодно подвергается экзамену для перевода въ высшій курсъ и обязанъ представлять всѣ свои письменныя работы по тому предмету, изъ котораго экзаменуется.

32) Переэкзаменовка ни подъ какимъ видомъ не допускается.

33) Студентъ, не выдержавшій экзамена изъ какого-либо предмета, если конференція не признаетъ возможнымъ ходатайствовать о переводѣ его въ слѣдующій курсъ или объ оставленіи его на второй годъ въ томъ же курсѣ, увольняется изъ института со свидѣтельствомъ на званіе уѣзднаго учителя, при чемъ за время пребыванія въ институтѣ обязуется прослужить уѣзднымъ учителемъ по разчету, считая $1\frac{1}{2}$ года службы за каждый годъ пребыванія въ институтѣ.

34) Оставленіе на другой годъ въ томъ же курсѣ допускается только съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, по особому ходатайству конференціи.

35) Студентъ, не подвергавшійся экзамену по случаю болѣзни, допускается къ экзамену только съ разрѣшенія конференціи.

36) Студентамъ, подающимъ до конца перваго курса прошенія объ увольненіи изъ института, выдаются увольнительныя свидѣтельства, съ означеніемъ срока ихъ обязательной службы, съ тѣмъ, чтобы они немедленно оставили институтъ и готовились къ экзамену на званіе уѣзднаго учителя внѣ института; при чемъ документы ихъ должны оставаться въ правленіи института до истребованія попечителемъ учебнаго округа, въ который означенные молодые люди будутъ опредѣлены на службу. Поступающіе молодые люди предупреждаются, что, въ случаѣ подачи ими прошенія объ увольненіи изъ института, имъ не дозволяется оставаться въ институтѣ, до полученія мѣста учителя уѣзднаго училища.

37) Если студентъ захочетъ оставить институтъ до окончанія полнаго курса, то обязуется уплатить за содержаніе свое сумму, по разчету, со дня утвержденія студентомъ по день оставленія института, полагая на cadaго студента по 400 р. въ годъ.

38) Студенты должны имѣть въ виду, что основательное знаніе древнихъ языковъ есть необходимое условіе для полученія правъ и

преимуществъ, опредѣленныхъ въ §§ 42—45 устава института, къ какому бы разряду студентъ ни принадлежалъ.

39) Студенты IV курса обязаны, по распоряженію начальства, заниматься въ гимназіи при институтѣ практическими уроками подъ руководствомъ наставниковъ-руководителей гимназіи и подъ наблюдениемъ профессоровъ и преподавателей института.

Взысканія.

За неисполненіе своихъ обязанностей студенты, смотря по степени виновности, подвергаются:

а) замѣчаніямъ и выговорамъ отъ наставника, отъ инспектора, отъ директора;

б) лишенію права отлучаться изъ института;

в) выговору директора отъ лица всей конференціи и въ ея присутствіи, съ предостереженіемъ, что, въ случаѣ неисправленія, студентъ подвергнется исключенію изъ института;

г) исключенію изъ института по представленію конференціи и съ утвержденія попечителя учебнаго округа;

д) за потерянные студентомъ вещи дѣлается вычетъ изъ третнаго не въ зачетъ жалованья, получаемого при опредѣленіи на мѣсто;

е) за принадлежность къ какому-либо тайному обществу или кружку, даже безъ преступной цѣли, виновные подвергаются немедленному исключенію изъ института, съ воспрещеніемъ вступать вновь въ какое либо гражданское или военное учебное заведеніе и съ подчиненіемъ ихъ въ мѣстахъ жительства или родины надзору полиціи.

9. (17-го апрѣля 1876 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени доктора статскаго совѣтника Юрія Юрьевича Козловскаго.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Душеприказчики Козловскаго дѣйствительный статскій совѣтникъ Игнатій Игнатьевичъ Войткунскій и присяжные повѣренные Емельянъ Александровичъ Борщовъ и Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ учреждаютъ изъ наличнаго капитала, оставшагося послѣ Козловскаго, согласно его духовному завѣщанію, неприкосновенный фондъ, въ размѣрѣ, приносящемъ 3.000 руб. годоваго дохода. Фондъ этотъ

образуется посредствомъ взноса на храненіе въ государственный банкъ на вѣчныя времена 6⁰/₁₀ билетовъ комиссіи погашенія государственныхъ долговъ на номинальную сумму 50.000 руб., записанную въ государственную долговую книгу подъ именемъ капитала доктора Ю. Ю. Козловскаго.

Примѣчаніе. Вышеупомянутый фондъ числится въ составѣ специальныхъ суммъ Императорскаго Варшавскаго университета, а проценты выдаются по требованію душеприкащиковъ изъ государственнаго банка или его конторъ.

2) Изъ доходовъ капитала доктора Козловскаго выдаются ежегодно: пять университетскихъ стипендій въ 300 руб. каждая студентамъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Варшавскаго, Кіевскаго и Дерптскаго и пять гимназическихъ стипендій по 200 руб. каждая воспитанникамъ гимназій. Выдача денегъ стипендіатамъ производится звонкою монетою или по курсу оной.

3) Остальная за выдачею стипендій часть ежегоднаго дохода, за удовлетвореніемъ изъ нея почтовыхъ расходовъ по пересылкѣ денегъ стипендіатамъ и расхода на уплату за храненіе капитала въ банкѣ, обращается на выдачу пособій оканчивающимъ университетскій или гимназическій курсъ стипендіатамъ.

4) Лица, пользующіяся означенными стипендіями, именуются, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 9-го апрѣля 1876 года, „стипендіатами доктора, статскаго совѣтника Юрія Юрьевича Козловскаго“.

5) Преимущественно назначаются стипендіатами лица, поименованныя въ завѣщаніи Козловскаго. Выборъ прочихъ стипендіатовъ, а также назначеніе пособій предоставляются усмотрѣнію и распоряженію душеприкащиковъ, съ соблюденіемъ ими условій, въ завѣщаніи на этотъ предметъ установленныхъ.

6) Стипендіатами Козловскаго могутъ быть уроженцы Виленской, Минской, Витебской и Могилевской губерній и Царства Польскаго, происходящіе изъ семействъ того же края, христіанской вѣры безъ различія вѣроисповѣданія, притомъ бѣдные и нуждающіеся, а не сыновья достаточныхъ родителей. Преимущество на полученіе стипендій имѣютъ поименованныя въ завѣщаніи Козловскаго: Станиславъ и Рафаиль Игнатьевичи Радзивиловичи, Станиславъ Людвиговичъ Фіорентини, сынъ лекаря Рымовича и сыновья Витольда Игнатьевича Козловскаго.

7) Распоряженія душеприкащиковъ по назначенію стипендій и присужденію пособій производятся по журнальнымъ ихъ постановленіямъ, которыя вносятся въ особую книгу. Кромѣ сей книги, душеприкащики ведутъ еще двѣ шнуровыя книги: одну приходорасходную и другую для записки стипендіатовъ, съ подробнымъ обозначеніемъ ихъ именъ, отчествъ, фамилій, лѣтъ и происхожденія.

8) Стипендіаты или лица, имѣющія объ нихъ попеченіе, обязаны представлять душеприкащикамъ непосредственно по окончаніи учебнаго года свидѣтельства учебныхъ заведеній, въ которыхъ стипендіаты воспитываются, объ успѣхахъ ихъ въ наукахъ и о поведеніи, о чемъ дѣлаются душеприкащиками подлежащія отмѣтки въ книгѣ стипендіатовъ.

9) Каждогодно въ январѣ душеприкащики сообщаютъ для свѣдѣнія совѣту Варшавскаго университета выписку изъ своей приходорасходной книги о движеніи суммъ и выдачѣ стипендій и пособій за истекшій учебный годъ, съ указаніемъ лицъ, пользующихся стипендіями и получившихъ пособия, а также учебныхъ заведеній, въ коихъ означенныя лица воспитываются.

10) Дѣйствія душеприкащиковъ по выбору стипендіатовъ и назначенію пособій продолжаются, согласно волѣ завѣщателя, до конца жизни послѣдняго изъ нихъ, такъ что обязанности, возложенныя завѣщателемъ на трехъ душеприкащиковъ, переходятъ полноправно по смерти одного или двухъ изъ нихъ на остающихся или остающагося въ живыхъ.

11) Послѣ смерти послѣдняго изъ душеприкащиковъ обязанности по выбору стипендіатовъ и назначенію пособій переходятъ на совѣтъ Императорскаго Варшавскаго университета, куда должны поступить и книги душеприкащиковъ. Засимъ совѣтъ обязуется выдавать стипендіи до окончанія курса наукъ тѣмъ стипендіатамъ, которые бывъ еще назначены душеприкащиками, не окончили при ихъ жизни начатаго ученія. На этомъ основаніи стипендіаты, оканчивающіе курсъ гимназическихъ наукъ уже по смерти послѣдняго душеприкащика, если пожелаютъ продолжать науки, сохраняютъ право на стипендіи въ одномъ изъ поименованныхъ въ статьѣ 2 университетовъ.

10) (8-го мая 1876 года). Дополненіе къ ст. 19-й правилъ о подробностяхъ учебнаго дѣла въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

(Утверждено г. министромъ въ видѣ опыта на четыре года).

Таблица числа недѣльныхъ уроковъ по обязательнымъ и необязательнымъ предметамъ въ трехклассныхъ женскихъ прогимназіяхъ.

А. Предметы обязательные:	Классы.			Всего.
	I	II	III	
Законъ Божій	2	2	4	8
Русскій языкъ	4	4	3	11
Арифметика	4	4	4	12
Географія	2	2	2	6
Исторія	—	—	2	2
Естественная исторія и физика	—	—	—	—
Чистописаніе	2	2	1	5
Руководѣлія	2	2	3	7
Итого	16	16	19	51
Б. Не обязательные				
<i>или а)</i>				
Нѣмецкій языкъ	5	5	4	14
Французскій языкъ	5	5	4	14
Рисованіе	2	2	2	6
Педагогика	—	—	—	—
Итого	12	12	10	34
а вмѣстѣ съ обязательными	28	28	29	85
<i>или б)</i>				
Одинъ изъ новыхъ иностранныхъ языковъ	5	5	4	14
Латинскій языкъ	6	6	6	18
Греческій языкъ	—	—	5	5
Итого	11	11	15	37
а вмѣстѣ съ обязательными	27	27	34	88

Примѣчаніе 1-е. Согласно циркуляру министерства народнаго просвѣщенія, отъ 27-го марта 1875 г., не обязательные предметы могутъ быть изучаемы ученицами и въ отдѣльности,

а равно и группироваться инымъ образомъ (не измѣняясь однако же въ числѣ уроковъ по классамъ), смотря по взглядамъ родителей и родственниковъ ученицъ на пользу, ожидаемую ими отъ изученія таковыхъ предметовъ.

Прижъчаніе 2-е. Съ открытіемъ въ трехъклассныхъ женскихъ прогимназіяхъ четвертаго и послѣдующихъ классовъ, число уроковъ въ нихъ должно располагаться по утвержденной уже министерствомъ таблицѣ 31-го августа 1874 года.

У. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

27-го марта 1876 года (№ 7). *Утверждаются:* товарищъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, тайный совѣтникъ *Толстой* и старшій редакторъ центрального статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ *Майковъ*—членами археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, съ 13-го марта 1876 года, ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Эмельманъ*—деканомъ юридическаго факультета сего университета на три года, съ 4-го марта 1876 года, исправляющій должность директора Полоцкой учительской семинаріи *Бълецкій*—въ сей должности, смотритель Сквирскаго двухъкласснаго городского училища, надворный совѣтникъ *Гребенниковъ*—инспекторомъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, съ 1-го марта 1876 года, адъютантъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, коллежскій ассессоръ *Ромбергъ*—старшимъ астрономомъ сей обсерваторіи.

Командируется: сверхштатный учитель С.-Петербургской пятой гимназіи, надворный совѣтникъ *Шумбахъ*—съ 15-го апрѣля по 1-е іюля 1876 года, въ Ялту.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: исправляющій должность директора Мозырской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Носовичъ*—на двѣ недѣли, въ Кіевъ, по болѣзни, директоръ Преславльскаго учительской семинаріи, титулярный совѣтникъ *Паховскій*—на лѣтнее вакаціонное время 1876 года, въ С.-Петербургъ и на Кавказъ; за границею: на восемь дней: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь князь *Кантакузенъ* графъ *Сперанскій*;

на двадцать одинъ день: учитель Одесскаго коммерческаго училища *Марксевичъ*; на двадцать восемь дней: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета *Рюль*, съ 12-го апрѣля 1876 года; на тѣмное вакаціонное время 1876 года: экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета *Гаусманъ*, исправляющій должность экстраординарнаго профессора сего университета *Гершельманъ*, ординарные профессора историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ *Фохтъ* и *Будиловичъ*, директоръ Дерптскаго ветеринарнаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Унтербергеръ*, исправляющій должность доцента Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, коллежскій ассессоръ *Окромчаделовъ-Серебряковъ*, исправляющіе должность инспекторовъ мужскихъ гимназій: Варшавской VI, *Семеновичъ* и Радомской, коллежскій совѣтникъ *Смородиновъ*, учителя гимназій: Харьковской первой, *Тацль*, Каменецъ-Подольской: коллежскій совѣтникъ *Воиничиъ* и состоящіе въ VIII классѣ: *Васильевъ*, *Жукъ* и *Чехаъ*, Тверской, *Веверъ* и *Голейшовскій*, Симферопольской, *Кацмаръ* и *Горкуновъ*, Варшавской II мужской, *Шенбергъ*, Люблинской мужской, *Куликовъ-Суринъ* и *Алексѣевичъ*, Сѣдлецкой мужской, *Горошевичъ* и *Шулякевичъ*, завѣдывающій Варшавскою IV женскою гимназіею, учитель сей гимназіи *Мокіевскій-Зубокъ*, учителя женскихъ гимназій; Симферопольской, *Шебедевъ* и *Билимкевичъ* и Варшавской III, *Никольскій*, учитель Петровскаго Ростовскаго (на Дону) реальнаго училища *Кожмаръ*, законоучитель Златопольской прогимназіи, священникъ *Кашиинскій*, учителя прогимназій: Каменской, *Кабеле* и Варшавской II мужской, *Маковельскій*, завѣдывающій Замостскою женскою прогимназіею, учитель сей прогимназіи *Славицкій*, штатный учитель Варшавской 3-хъ классной женской прогимназіи, коллежскій секретарь *Баласный*, классныя дамы женскихъ гимназій: Варшавской IV, *Машковская* и Люблинской, *Бородина* и *Беровская*, надзирательница Сувалеской женской гимназіи *Афанасьева* и надзирательница Замостской женской прогимназіи *Гаврилова*; изъ нихъ по болѣзни: Унтербергеръ, Семеновичъ, Смородиновъ, Тацль, Шенбергъ, Горошевичъ, Шулякевичъ, Мокіевскій-Зубокъ, Никольскій, Славицкій, Машковская, Афанасьева и Гаврилова; на тѣмное вакаціонное время и до 21-го августа 1876 года: учитель Симферопольской мужской гимназіи *Марекъ*, по болѣзни; на тѣмное вакаціонное время 1876 года и двадцать восемь дней: ординарные профессора Императорскаго Дерптскаго университета *Тейгмюллеръ* и *Гершельманъ*, экстраординарный профессоръ Императорскаго Казан-

скаго университета *Пашутинъ* и учителя гимназій: Ярославской, *Колляковский* и Симферопольской, *Пузиновскій*; послѣдніе двое по болѣзни; на мѣнее вакаціонное время 1876 года и двадцать девять дней: старшій учитель Рижской городской гимназій *Дюбуа*; на четыре мѣсяца: учительница Ярославской женской гимназій *Гамбурица*, по болѣзни.

Увольняются отъ службы, за выслугою срока: ординарные профессеры Императорскаго Казанскаго университета дѣйствительные статскіе совѣтники: *Зедерштедтъ* и *Козловъ*.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: Мировому посреднику 1-го участка Витебскаго уѣзда *Михайлову*—за полезную его дѣятельность по усилению способовъ народнаго образованія.

10-го апрѣля 1876 года (№ 8). *Утверждаются:* экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Менишуткинъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета, по кафедрѣ технической химіи, съ 22-го марта 1876 года, доцентъ Дерптскаго ветеринарнаго института, докторъ *Бруннеръ*—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Дерптскаго университета по кафедрѣ сельскаго хозяйства и технологіи, доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ математики *Золотаревъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета, по кафедрѣ математики, съ 22-го марта 1876 года, лекторъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Видертъ*—преподавателемъ нѣмецкаго языка въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, съ 11-го марта 1876 года, съ оставленіемъ на службѣ при университетѣ, потомственный дворянинъ *Образцовъ*—почетнымъ попечителемъ Ржевской мужской прогимназій, на три года.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія: директоръ Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища, надворный совѣтникъ *Рошинъ*, съ увольненіемъ, согласно прошенію, отъ настоящей должности, съ 1-го апрѣля 1876 года.

Назначается: директоръ Динабургскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Тумлевъ*—директоромъ Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища.

Увольняются въ отпускъ за границу: на пятнадцать дней: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Шведовъ*; на двадцать одинъ день: учитель Ломжинской гимназій *Кершъ*; на двадцать восемь дней: доцентъ института сельскаго хозяйства въ Новой Александріи *Армфельдъ*; на мѣнее вакаціонное время

1876 года: экстраординарный профессор Императорскаго Варшавскаго университета *Андреевскій*, доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Чупровъ*, исправляющіе должность доцентовъ Императорскаго Варшавскаго университета: протоіерей *Дьячанъ* и *Ломанскій*, начальникъ Кѣлецкой учебной дирекціи, статскій совѣтникъ *Копыловъ*, директоры мужскихъ гимназій: Кѣлецкой, статскій совѣтникъ *Ганфъ* и Плоцкой, *Фединскій*, управляющій Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, въ званіи камергера, *Ляхницкій*, директоръ С.-Петербургскаго реформатскаго училища *Шульце*, инспекторъ сего училища *Тидеманъ*, инспекторъ-руководитель Вейверской учительской семинаріи; надворный совѣтникъ *Юркевичъ-Пузановскій*, учителя гимназій: Николаевской - Царкосельской, состоящій въ VIII классѣ, *Дюкро*, Елецкой, *Финкъ*, Костромской, *Блюссъ* и *Горель*, Керченской-Александровской, *Шушака*, Плоцкой мужской, *Эльмановичъ* и Петроковской мужской, *Громаковскій*, исправляющій должность учителя Пензенской гимназій *Шейхъ*, учителя реальныхъ училищъ: Петроковскаго-Ростовскаго (на Дону), статскій совѣтникъ *Матъе*, Одесскаго, коллежскій ассессоръ *Кальсада*, *Синицынъ*, *Бучинскій* и *Ньмецъ* и Влоцлавскаго, *Сладкопѣвцевъ*, учителя прогимназій: С.-Петербургской второй, *Канскій*, Воронежской, *Волескій*, Брестской, *Кауженъ*, Одесской второй, *Намисъ*, Варшавской 1-й мужской, *Стефановичъ*, Грубешовской мужской, *Долинскій* и *Лѣсковацкій* и Пултуской мужской, *Гвоздецкій*, учитель главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.Петербургѣ *Амкерманъ*, учителя С.-Петербургскаго реформатскаго училища: *Лозіеръ*, *Гартманъ*, *Гале*, *Петрикъ* и *Кульбергъ*, помощникъ классныхъ наставниковъ Варшавской 1-й мужской гимназій *Панасинскій*, учитель Одесскаго уѣзднаго училища *Эйтнеръ*, классныя дамы женскихъ гимназій: Калишской, *Степанова* и Радомской, *Федорова*, классная дама Замостской женской прогимназій *Боровская* и учитель Лодзинскаго однокласснаго городского начальнаго общаго училища *Брейтигамъ*; изъ нихъ по болѣзни: Дьячанъ, Копыловъ, Ляхницкій, Эльмановичъ, Громаковскій, Сладкопѣвцевъ, Стефановичъ, Долинскій, Лѣсковацкій, Гвоздецкій, Панасинскій, Степанова, Федорова и Брейтигамъ; на мѣтнее вакаціонное время 1876 года и четырнадцать дней: учителя Витебской гимназій: коллежскій совѣтникъ *Воано* и состоящій въ VIII классѣ *Антоненко*; на мѣтнее вакаціонное время 1876 года и пятнадцать дней: преподавательницы Херсонской Маринской женской гимназій: *Марія Гозадинова* и *Елена Гозадинова*, обѣ по болѣзни; на мѣтнее вакаці-

онное время 1876 года и двадцать восемь дней: директоръ Варшавской V мужской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Хорошевскій*, учитель Вологодской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Ринси* и врачъ Одесской 2-й прогимназіи *Брейдель*, всѣ трое по болѣзни; на *лѣтнее вакаціонное время 1876 года и двадцать девять дней*: директоръ Варшавской IV мужской гимназіи, надворный совѣтникъ *Бульмерингъ*, и учителя гимназій: Костромской, *Батыръ* и *Вороновъ* и Варшавской 1-й мужской, статскій совѣтникъ *Роде*; всѣ, кромѣ Батыря, по болѣзни; на *два мѣсяца*: учитель Боронежской гимназіи, надворный совѣтникъ *Гиттерманъ*, съ 15-го іюня 1876 года; на *четыре мѣсяца*: учитель Екатеринбургскаго уѣзднаго училища *Всеволодовъ*, по болѣзни.

Объявляется *признательность министерства народнаго просвѣщенія*: мировымъ посредникамъ: 1-го участка Острогскаго уѣзда, *Ерофьеву* и 2-го участка Заславскаго уѣзда, *Осмаловскому* — за труды ихъ и усердіе въ устройствѣ хозяйственной части въ народныхъ училищахъ, находящихся въ ихъ участкахъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Книги подъ заглавіями: *Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Состав. Д. Назаровъ*, инспекторъ Московской 5 гимназіи. Москва. 1875 г. Цѣна 40 к. — включить въ каталогъ учебныхъ пособій по этому предмету.

2) *Природа. Популярный естественно-историческій сборникъ. Книга I. Съ 6 таблицами и 130 политипажамъ въ текстѣ.* 1874 г. — одобрить для пріобрѣтенія въ бібліотеки гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ, а также для наградъ ученикамъ.

3) Книгу: *Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго. Е. Блявскаго*, преподавателя 5-й Московской гимназіи. Москва. 1875 г. — одобрить какъ руководство церковно-славянскаго языка въ гимназіяхъ.

4) Книги, подъ заглавіями: *Поэзія, лекціи, читанная въ Сорбоннѣ П. Альберомъ*, переведенныя учениками Ставропольской гимназіи и изданныя подъ редакціей М. Краснова. Ставрополь. 1873 г. Цѣна 60 к. — одобрить для ученическихъ библиотекъ гимназій и реальныхъ училищъ (для учениковъ старшихъ классовъ).

5) Изданія С.-Петербургскаго отдѣла славянскаго благотворительнаго комитета: а) *Славянскій сборникъ т. I*. С.-Петербургъ. 1875 г. — рекомендовать для фундаментальныхъ, а также для ученическихъ библиотекъ (для старшаго возраста) среднихъ учебныхъ заведеній.

б) *Этнографическая карта славянскихъ народностей*, М. О. Мирковича, съ статистическими таблицами распредѣленія Славянъ по государствамъ и народностямъ, по вѣроисповѣданіямъ, азбукамъ и литературнымъ языкамъ, съ объяснительною запискою А. С. Будиловича. С.-Петербургъ. 1875 г. — рекомендовать для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія въ видѣ класснаго пособія при преподаваніи исторіи и географіи.

6) Изданныя редакціей журнала „Здоровье“ книги: *Здоровье. Научно-популярный медицинскій журналъ*. Т. I. годъ первый 1874 г.

7) *Очеркъ основъ санитарной дѣятельности* А. Доброславина, адъюнктъ-профессора Императорской медико-хирургической академіи. С.-Петербургъ. 1874 г. — рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ гимназій, прогимназій, учительскихъ семинарій и институтовъ.

8) Книги, подъ заглавіями: *Простая, двойная, атакійская и другія старыя системы счетоводствъ банковаго, комиссіоннаго, заграничнаго и внутренняго, оптоваго, мелочнаго и жывнаго торгова*. Составилъ О. Езерскій. Полная наглядная практика въ двухъ сводахъ вѣрномъ и утаечномъ. Двѣ части, въ одномъ томѣ. Изд. 2-е. Дрезденъ. 1875 г. — допустить въ фундаментальныя библиотеки реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

9) *Историческія и поэтическія сказанія о русской землѣ въ хронологическомъ порядкѣ событій. Пособіе при изученіи отечественнаго языка и исторіи*. Составилъ О. Гиляровъ, преподаватель 3-го военнаго Александровскаго училища. Москва. 1872 г. Цѣна 1 руб. — одобрить для приобрѣтенія въ ученическія библиотеки для низшихъ и среднихъ классовъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

10) Составленныя учителемъ нѣмецкаго языка при училищѣ Св. Анны въ С.-Петербургѣ Артуромъ Броне книги:

а) *Нѣмецкая грамматика для русскихъ гимназій и реальныхъ училищъ*. С.-Петербургъ. 1875 г. — рекомендовать, какъ учебное руководство, для гимназій и реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

б) *Elementargrammatik der deutschen Sprachen für untere Classen deutschen Schulen im Russland*. S.-Petersburg. 1875 г. — рекомендовать, въ качествѣ учебнаго руководства, для низшихъ классовъ училищъ, находящихся при Лютеранскихъ церквяхъ въ Россіи.

в) *Grammatik der deutschen Sprache für obere Classen deutschen Schulen im Russland*. S.-Petersburg. 1875 г. — одобрить, въ томъ же смыслѣ, для высшихъ классовъ вышеозначенныхъ заведеній.

11) Книгу: *Синтаксисъ нѣмецкаго языка для реальныхъ училищъ и гимназій*. Составилъ примѣнительно къ новой программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія, К. Кюссе, преподаватель нѣмецкаго языка при Новгородской гимназій. Спб. 1875 г. Цѣна 50 к. — рекомендовать для употребленія, въ видѣ учебнаго руководства, въ гимназіяхъ, мужскихъ и женскихъ, и въ реальныхъ училищахъ.

12) Книгу: *Начальная алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ*. Составилъ А. Леев. Въ 2-хъ частяхъ. Ч. I, курсъ алгебры, ч. II, собраніе алгебраическихъ задачъ. Четвертое изданіе, значительно переработанное. Спб. 1875 г. — включить въ каталогъ учебныхъ пособій по этому предмету для курса среднихъ учебныхъ заведеній.

13) Составленная И. Гавриловичемъ, наставникомъ-руководителемъ при гимназій Императорскаго историко-филологическаго института книги: *Письменная упражненія. Руководство къ веденію и составленію ученическихъ сочиненій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ*. Второе исправленное изданіе. Спб. 1875 г. Цѣна 1 рубль.

14) *Стилистическія задачи для четырехъ низшихъ классовъ*. — *Разказы, описанія, сравненія и переводы*. — Изданіе второе, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1875 г. Цѣна 60 коп. — одобрить первую изъ означенныхъ книгъ, какъ пособіе, а вторую какъ руководство для среднихъ учебныхъ заведеній.

15) *Примѣненіе стилистическихъ задачъ въ связи съ преподаваніемъ грамматики и чтеніемъ хрестоматіи*. Спб. 1875 г. Цѣна 30 коп. — одобрить какъ руководство для родителей и преподавателей — для основныхъ библіотекъ.

16) *Темы, расположеніе и матеріалы*, для сочиненій въ старшихъ классахъ. Выпускъ первый. Спб. 1876 г. Цѣна 80 коп. — одобрить

какъ пособіе для сочиненій учащихся въ старшихъ классахъ гимназій (мужскихъ и женскихъ), реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій.

17) Книгу: *Пособіе для практическихъ занятій при первоначальномъ изученіи русскаго языка въ гимназіяхъ*. Книга 3-я, составилъ М. Николенко. Изданіе 2-е. Спб. 1874 г. — включить въ каталогъ учебныхъ пособій для употребленія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

18) Книгу: *Начала начертательной геометріи. Руководство для реальныхъ училищъ*. Составилъ К. Мамышевъ. Изданіе 2-е (съ таблицами чертежей). Спб. 1875 г. Цѣна 80 коп. — одобрить для употребленія въ реальныхъ училищахъ въ видѣ руководства.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: изданныя постоянною комиссіею по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ брошюры подъ общимъ заглавіемъ: „*Народныя Чтенія*“.

1) *Александръ I Благословенный*, съ 10 раскрашенными картинками. Спб. 1873 г.

2) *Отечественная война*. Чтеніе первое. *Бородино*, съ 8 раскрашенными картинками. Спб. 1874 г.

3) *Отечественная война*. Чтеніе второе. *Блѣсто Французовъ*, съ 7 раскрашенными картинками. Спб. 1874 г. — первую изъ вышеозначенныхъ брошюръ допустить, а двѣ послѣднія одобрить для народныхъ школъ и библіотекъ, а равно и для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

4) Составленную Н. Соловьевымъ - Несмѣловымъ и А. Волковымъ книгу: *Христоматія. Сборникъ для чтенія*. Часть II. По родному языку, съ матеріаломъ для виѣкласныхъ занятій. Изданіе 2-е исправленное. Спб. 1875 г. Цѣна 30 коп. — допустить для употребленія въ начальныхъ школахъ и городскихъ училищахъ.

5) Брошюры — „*Купецъ Иголкинъ и его подвигъ*“. (Историческая былъ времянь Петра I-го), съ 4 картинками. *Михневича*. Спб. 1873 г. Цѣна 10 коп. — одобрить для библіотекъ начальныхъ народныхъ

училищъ и допустить къ употребленію для чтенія учениками сихъ училищъ.

6) „Куликовская битва“. *Рождественскаго* (съ 5 картинами) Спб. 1874 г. Цѣна 5 коп. — признать заслуживающею одобренія со стороны ученаго комитета.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

28-го минувшаго марта послѣдовало открытіе однокласнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Багриновцахъ, Литинскаго уѣзда, Подольской губерніи.

25-го минувшаго марта послѣдовало открытіе однокласнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ м. Ново-Константиновѣ, Литинскаго уѣзда, Подольской губерніи.

25-го истекшаго марта Романкауцкое сельское училище, Хотинскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, преобразовано въ однокласное образцовое училище вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. При преобразованіи сего училища, было на лицо 65 учащихся.

О ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМІЙ
ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

На третье соисканіе учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія премій Императора Петра Великаго, въ срокъ 1-го ноября 1875 года, представлено въ ученый комитетъ девять сочиненій: *пять* по разряду гимназій и *четыре* для народнаго чтенія. Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, учреждены были три особыя коммисіи: первая—по синтаксису латинскаго языка, подъ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета В. Х. Лемониуса, изъ слѣдующихъ лицъ: экстраординарнаго профессора по кафедрѣ римской словесности въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ И. В. Помяловскаго, преподавателя латинскаго языка въ томъ же университетѣ Г. И. Лапшина и директора 3-й С.-Петербургской прогимназіи М. П. Костева. Вторую коммисію—по древней исторіи Греціи и Рима, подъ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета В. Г. Васильевскаго, составляли: членъ ученаго комитета И. И. Белларминовъ, доцентъ по кафедрѣ всеобщей исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ Ѳ. Ѳ. Соколовъ и наставникъ-руководитель по исторіи въ гимназіи при историко-филологическомъ институтѣ І. И. Шиховскій. Въ третьей коммисіи—по исторіи Россіи для народа, подъ предсѣдательствомъ ординарнаго профессора по кафедрѣ русской исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ К. Н. Бестужева-Рюмина, находились: правитель дѣлъ ученаго комитета П. И. Савваитовъ, членъ особаго отдѣла того же комитета В. Г. Ав-

сѣенко и доцентъ по кафедрѣ русской исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ Е. Е. Замысловскій.

Заключенія комиссій, разсматривавшихъ представленныя на соисканіе премій сочиненія, вмѣстѣ съ подробными отзывами объ этихъ сочиненіяхъ, были представлены въ ученый комитетъ, который, въ засѣданіяхъ 8-го и 16-го марта и 12-го апрѣля, обсудивъ донесенія комиссій и разборы соискательныхъ сочиненій, опредѣлили:

1) Согласно съ заключеніемъ комиссій, разсматривавшей сочиненія по древней исторіи Греціи и Рима, присудить *малую премию*, въ 500 рублей, автору сочиненія: *Исторія Греціи и Рима*. Въ двухъ частяхъ. *Часть I. Исторія Греціи* (печатный экземпляръ безъ заглавнаго листа). *Часть II. Исторія Рима* (рукопись), подъ девизомъ: „Historia testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae, nuncia vetustatis. Cicero, De oratore II. 9“,—съ условіемъ, чтобы, при изданіи этого сочиненія, авторъ воспользовался замѣчаніями, сдѣланными въ комиссіи и одобренными ученымъ комитетомъ. По вскрытіи пакета съ означеннымъ девизомъ, авторомъ удостоеннаго преміи сочиненія оказался преподаватель исторіи и географіи въ С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ *Я. Г. Гуревичъ*.

2) Всѣ прочія сочиненія, какъ не удовлетворяющія предложеннымъ для нихъ условіямъ, отъ присужденія премій устранить.

3) Въ вознагражденіе трудовъ гг. предсѣдателей комиссій: В. Х. Лемониуса, В. Г. Васильевскаго и К. Н. Бестужева-Рюмина, и членовъ: И. В. Помяловскаго, Г. И. Лапшина, М. П. Костева, Ѳ. Ѳ. Соколова, И. И. Беллярминова, І. И. Шиховскаго, П. И. Савваитова, В. Г. Авсѣенко и Е. Е. Замысловскаго, занимавшихся разсмотрѣніемъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій, выдать имъ учрежденныя на сей предметъ золотыя медали.

На основаніи § 12 положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго, опредѣленіе ученаго комитета было представлено на утвержденіе г. министра народнаго просвѣщенія и его сіятельствомъ утверждено.

ОТЗЫВЪ ОСОБОЙ КОММИССИИ, РАЗСМАТРИВАВШЕЙ СОЧИНЕНІЕ Я. К. ГУРЕВИЧА, УДОСТОЕННОЕ ПРЕМИИ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО, ПРИ ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ЕЯ ВЪ 1876 ГОДУ.

Исторія Греціи и Рима. Часть I. *Исторія Греціи* (печатный экземпляръ безъ заглавнаго листа). **Часть II. *Исторія Рима*** (рукопись), подъ девизомъ: «*Historia testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae, nuncia vetustatis. Cicero, De oratore II, 9*».

Сочиненіе подъ вышеприведеннымъ девизомъ заслуживало внимательнаго, всесторонняго и подробнаго разбора. Оно, безспорно, обладаетъ немаловажными достоинствами и обнаруживаетъ въ авторѣ большую ревность и стараніе, довольно широкое знакомство съ новѣйшими и лучшими трудами по исторіи классической древности, педагогическій тактъ и опытность, которые не допускаютъ его слишкомъ выходить за границы необходимаго, а также нѣкоторый талантъ литературнаго изложенія.

Согласно съ назначеніемъ учебника для старшихъ классовъ гимназій и съ тою цѣлью, ради которой систематическій курсъ древней исторіи отнесенъ къ VIII классу, авторъ обращаетъ вниманіе на политическія учрежденія, на государственное развитіе въ Греціи и Римѣ и отводитъ относящимся сюда отдѣламъ значительное мѣсто. Точно также не оставлены безъ вниманія умственная дѣятельность и художественное творчество. Отдѣлы, въ которыхъ объясняется значеніе греческихъ мѣоовъ для поэзіи и искусства (стр. 23—24), излагаются мѣнія о происхожденіи Гомеровыхъ поэмъ (стр. 30—32), говорится о происхожденіи греческой драмы и объясняется тѣсная связь трагедій Эсхила съ эпохою грево-персидскихъ войнъ и т. д. (см. стр. 115—118) и вообще характеризуется отраженіе политической и нравственной жизни аѳинскаго общества въ сферѣ искусства и поэзіи,—эти отдѣлы прямо прикованы къ требованіямъ, высказаннымъ въ объяснительной запискѣ къ учебнымъ планамъ, и такъ какъ они составлены и изложены вообще весьма удовлетворительно, то, можно сказать, составляютъ лучшее украшеніе и главное до-
часть CLXXXV, отд. 1.

стоинство книги. Замѣтимъ только, что соотвѣтствующія по содержанію страницы въ Римской исторіи нѣсколько уступаютъ въ отдѣлкѣ и достоинствѣ и потребуютъ, вѣроятно, пересмотра.

Полезно и похвально также и то, что авторъ считалъ нужнымъ знакомить своихъ будущихъ читателей или же учениковъ — съ самими классическими терминами, обозначающими различные институты, учрежденія и должности. Мы думаемъ, что въ этомъ отношеніи не повредило бы даже и большее обиліе греческихъ и латинскихъ словъ, чѣмъ теперъ замѣчаемое въ книгѣ.

Всякій, даже самый строгій судья, а особенно судья, знакомый съ состояніемъ русскаго учебнаго дѣла и съ русской педагогической литературой, признаетъ, что сочиненіе, съ девизомъ изъ Цицерона, обладаетъ еще однимъ отрицательнымъ достоинствомъ, которое, однако, встрѣчается гораздо рѣже положительныхъ, и что въ этомъ отношеніи оно выгодно отличается отъ многихъ другихъ произведеній, принадлежащихъ нерѣдко даровитымъ авторамъ. Мы разумѣемъ отсутствіе грубыхъ ошибокъ, рѣзкихъ и бьющихъ въ глаза промаховъ, подрывающихъ авторитетъ учебника и роняющихъ его достоинство. Это далеко не значитъ, чтобы разбираемая нами книга была совершенно свободна отъ ошибокъ; напротивъ, мы увидимъ, что по количеству ихъ гораздо больше, чѣмъ можно бы желать и ожидать, но эти ошибки принадлежать большею частью къ разряду мелкихъ или же извинительныхъ.

Гораздо важнѣе общіе недостатки книги, которыхъ никакъ нельзя пройти молчаніемъ. Видно, что появленіе труда на свѣтъ было нѣсколько ускорено срокомъ представленія его къ соисканію преміи, и потому авторъ или совсѣмъ не далъ себѣ труда познакомиться ближе съ самими источниками, т. е. съ греческими и римскими историческими твореніями, или же только случайно и бѣгло въ нихъ заглядывалъ. Конечно, нельзя требовать отъ учебника, чтобы онъ былъ самостоятельнымъ ученымъ трудомъ; можно даже сказать, что такая претензія, предъявляемая школьной книгой, была бы неумѣстна: учебникъ долженъ передавать науку въ ея современномъ состояніи, держась общепризнанныхъ истинъ, избѣгая всего спорнаго. Но тѣмъ не менѣе мы убѣждены, что только тотъ, кто самъ близко знакомъ съ древними авторами, въ состояніи написать вполне хорошій учебникъ древней исторіи. Тотъ, кто осудилъ себя на совершенно рабское отношеніе къ новѣйшимъ руководителямъ, тотъ принужденъ бываетъ идти ощупью, знать, понимать и объяснять только

приблизительно, догадываясь о смыслѣ выражений новыхъ ученыхъ; при этомъ онъ постоянно подвергается опасности быть введеннымъ въ заблужденіе, усвоить даже у хорошаго руководителя не лучшія его стороны, а именно его недостатки и промахи. Въ извѣстной степени, это замѣчается въ разбираемомъ нами трудѣ. Авторъ его, очевидно, знакомъ съ греческой исторіей Курціуса, о достоинствахъ которой не можетъ быть никакого спора; но не подлежитъ все-таки сомнѣнію, что часть ошибокъ, которыя намъ придется указать ниже, бедетъ свое начало отъ неосторожнаго пользованія этимъ авторитетомъ и почтеннымъ сочиненіемъ.

Непріятно поражаетъ въ книгѣ, посвященной Греціи и Риму и назначенной для классическихъ гимназій, очень часто повторяющіеся случаи искаженія греческихъ именъ и словъ въ произношеніи или же написаніи. Нашъ авторъ всюду пишетъ Апполонъ или Апполонъ; Поссейдонъ, Отиотида, Этійская земля (8); елиссейскія поля (15); демъ колонъ (κολωνός) однажды называетъ *колонномъ* (19), другой разъ *колонами*; пишетъ βασιλεύς, приводя отдѣльное слово, λαός, γερόντες, δῆμιόβροχοι, πατρίς, χερσοτενία и т. д. Очень можетъ быть, что часть погрѣшностей здѣсь падаетъ на корректора или типографію; но едвали этимъ можно оправдать, и едвали этимъ можно объяснить замѣтную систематичность въ нарушеніи того, что требуется правилами греческаго языка. — Κυνός (собака) на стр. 151 намъ кажется чѣмъ то уже совсѣмъ непонятнымъ.

Авторъ невнимательно относится къ Илиадѣ и Одиссеѣ, о которыхъ такъ часто и такъ много ему приходилось говорить. Всѣ Гомеровскіе стихи, приводимые въ учебной книгѣ, переведены весьма отдаленно и невѣрно. Удивительно, что сочинитель не счелъ нужнымъ обращаться въ этихъ случаяхъ къ Гнѣдичу. Мы имѣемъ полное право сказать, что у Гомера нѣтъ такихъ стиховъ, какіе приписываются ему на страницѣ 26-й: „Народъ не имѣетъ ни участія въ совѣтѣ, ни значенія въ битвахъ“. Это, вѣроятно, стихъ: οὐτ' ἐν πολέμῳ ἐναρτίθμιος, οὐτ' ἐν βούλῃ, — но онъ относится къ одному лицу, а не къ цѣлому народу. Также невѣрно передается на 25-й страницѣ смыслъ стиха: „οὐκ ἀγαθὸν πολιορκανίη κτλ.

Самымъ важнымъ недостаткомъ книги должна быть признана несообразность ея въ изложеніи разныхъ періодовъ исторіи греческой и римской. Общій законъ, которымъ руководствуется авторъ, есть тотъ, что о древнемъ, малоизвѣстномъ и темномъ времени говорится обширно и подробно, а о томъ времени, которое уже богато хоро-

шими источниками, извѣстно намъ изъ подробныхъ разказовъ самихъ древнихъ писателей, повѣствуется въ нашей русской книгѣ гораздо короче. Отношеніе, на самомъ дѣлѣ, должно было быть обратнымъ. Слѣдующіе примѣры могутъ служить образцомъ, до какой, можно сказать, уродливости доходить здѣсь эта несоразмѣрность. Древнему устройству Спарты и законодательству Ликурга посвящено почти десять страницъ; здѣсь повторены тѣ разказы, которые обыкновенно сообщаются еще дѣтямъ; здѣсь сгруппированы въ цѣльную картину тѣ черты, которыя извѣстны намъ изъ позднѣйшаго времени. Десять страницъ, во всякомъ случаѣ, роскошь совершенно излишняя. Между тѣмъ, въ томъ же самомъ учебникѣ почти ничего не сказано о правленіи 400 въ Аѣинахъ и совсѣмъ не упоминается о битвѣ при Коронѣ 394 года.

Мы не рѣшаемся поставить въ большую вину автору учебника того, что онъ въ первоначальной исторіи развитія аѣнскихъ государственныхъ учрежденій охотнѣе держится взглядовъ Дункера и Курціуса, вошедшихъ и въ наиболѣе распространенные нѣмецкіе учебники, чѣмъ болѣе строгихъ и воздержныхъ выводовъ Грота съ его лучшими послѣдователями; но все-таки мы не можемъ признать совершенно удовлетворительнымъ изложеніе относящихся къ этому вопросу отдѣловъ. Если геліасты допускаются уже при Солонѣ въ четырехтысячномъ составѣ, если говорится о пританахъ Солоновскаго совѣта и указывается, сколько разъ въ годъ собиралась еклесія послѣ Солона: то это суть, въ крайнемъ случаѣ, только безъ повѣрки принятыя результаты или, лучше, гипотезы науки. Но когда говорится о литургическихъ *симморіяхъ* во время Перикла (стр. 109), когда Периклу приписывается учрежденіе платы за участіе въ народномъ собраніи (стр. 107): то это уже — прямо ошибки и невѣрности.

Слѣдуетъ указаніе дальнѣйшихъ частныхъ ошибокъ и промаховъ:
Страницы 2) Не упомянуть большой Пагасейскій заливъ.

Еллада употребляется какъ названіе Средней Греціи; но такъ какъ это же слово послѣ принимается въ болѣе широкомъ значеніи (стр. 8 и 11), то необходимо было бы присовокупить здѣсь какую-нибудь оговорку (напримѣръ, Еллада въ тѣсномъ смыслѣ).

Эпиръ, сказано, большая часть нынѣшней Албаніи, что не точно.

3) Гора *Пеліонъ* названа хребтомъ, котораго южная часть будто бы соединяется съ Отрисомъ.

Гора *Ета* продолжена до мыса *Сунія*.

Авторъ торопится съ первыхъ страницъ заявить, что такія и такія страны греческія никакого значенія не имѣли. Онѣ являются слабыми и ослабѣвшими сразу, между тѣмъ какъ всякая земля имѣла нѣкоторую силу и нѣкоторое значеніе. Автору нужно поскорѣе объяснить игемонію Аѳинъ и Спарты; между тѣмъ нельзя хорошо понять политической исторіи Греціи, если всѣ прочія земли считать за нули. „Этолы и Акарнаны, а также Локры Озольскіе жили отдѣльными слободами и не имѣли никакого политическаго значенія въ исторіи Греціи“.

4) „Фокейскій союзъ лишенъ всякой политической силы“. „Разборы въ союзѣ ослабляли силу Аргивянъ“. Несовсѣмъ отчетливо и ясно то, что въ этомъ смыслѣ говорится и о Віотійскомъ союзѣ.

5) Очень рано также является „сильная испорченность нравовъ въ Коринѣ“, хотя здѣсь авторъ и слѣдуетъ, быть можетъ, Дункеру, объяснившему въ этомъ смыслѣ извѣстное изреченіе о Коринѣ.

Міфы греческіе разказаны нѣсколько спутанно и съ ошибками. Авторъ имѣетъ въ виду ученія объясненія міфовъ, чего ему, конечно, нельзя поставить въ упрекъ, но самъ какъ будто смѣшиваетъ разные предполагаемые фазы въ развитіи міфовъ.

8) *Прометей* является въ нашемъ учебникѣ титаномъ и въ тоже время *смертнымъ*, между тѣмъ какъ послѣ (на стр. 14) сообщается надлежащее, вѣрное понятіе о титанахъ. Вслѣдъ за другими, авторъ постоянно говоритъ о какихъ-то демонахъ тьмы, злыхъ демонахъ и даже темныхъ духахъ, съ которыми ведутъ войны Зевсъ, Аѳина, Аполлонъ. Но при этомъ слѣдовало бы имѣть въ виду и даже указать, что такія представленія чужды Гомеру, Гезіоду и трагикамъ, и что только нѣкоторые слабые слѣды объясняются такимъ образомъ при помощи сравнительной міеологіи и арійской гипотезы. Развитие греческаго антропоморфизма объяснено неудовлетворительно и несовсѣмъ ясно (стр. 11).

12) Зевсъ неправильно названъ *старцемъ*: такимъ его Греки никогда не представляли.

14) Не слѣдуетъ вводить въ греческую міеологію *фавновъ*.

15) У Гомера Ахиллъ говоритъ о царствованіи надъ тѣнями мертвыхъ въ домѣ Аида, а не въ Елисіи, какъ это выходитъ изъ связи изложенія въ учебникѣ.

21) Въ разказѣ о Троянской войнѣ не упомянуто, что Агамемнонъ былъ старшій вождь.

24) „Фидій создалъ статую Зевса по стихамъ Гомера“; но трудно будетъ это понять, незнающему въ чемъ дѣло, читателю.

25) „Жертвоприношенія царей имѣли государственннй, не жре-
ческий характеръ“. Слово не жреческий — лишнее, тѣмъ болѣе, что
самоу автору пришлось его опровергнуть, когда онъ дошелъ до
„архонта-царя“.

31) Въ примѣчаніи слишкомъ опредѣленно говорится о древнѣй-
шей надписи, относящейся къ 40-й олимпіадѣ. Слѣдовало сказать:
„ученные относятъ древнѣйшія греческія надписи приблизительно къ
40-й олимпіадѣ“. Олимпіады переводятся на годы до Р. Х. не всегда
вѣрно. 40-я олимпіада соотвѣтствуетъ 620 году до Р. Х., а въ учеб-
никѣ стоитъ 610-й годъ.

На 39-й страницѣ 77-я олимпіада, бывшая въ 472-мъ году, отне-
сена къ 570-му году.

36) „Въ Делосской амфиктіоніи участвовало 12 острововъ“. Этого
не видно ни изъ авторовъ, ни изъ надписей. Вѣроятно, участниковъ
было больше.

39) „Именемъ побѣдителя на бѣгѣ обозначались олимпіады, т. е.
четырехлѣтіе, протекавшее отъ однихъ игръ до другихъ“. Олимпіада
значитъ олимпійскій праздникъ. Именемъ побѣдителя обозначали
олимпіаду, но не четырехлѣтній промежутокъ, а праздникъ.

48) Названіе *στρατηγός αυτοκράτωρ*, встрѣчающееся какъ политиче-
скій терминъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, неправильно и про-
извольно отнесено къ царямъ спартанскимъ. Цари спартанскіе были
прирожденные *στρατηγοί*, а не получали титула *στρατηγός αυτοκράτωρ*.

Описавъ могущество ефоровъ, авторъ въ заключеніе говоритъ:
„Такимъ образомъ Спарта стала чисто аристократическимъ государ-
ствомъ“. Власть ефоровъ именно не давала Спартѣ быть чисто ари-
стократическимъ государствомъ. Спарта была чисто аристократиче-
скимъ государствомъ, если принять въ соображеніе періоковъ (періой-
ковъ) и илотовъ; но авторъ не о томъ говоритъ, а объ ефорахъ,
которые выбирались изъ всѣхъ гражданъ Спарты и внутри самой
Спарты были, такъ сказать, замѣною демократическаго элемента
или уступкою демократическому элементу.

51) *Бразидъ* по какой-то странной модѣ, распространенной въ
русскихъ учебникахъ, и здѣсь называется *царемъ*.

52) „Спартанцы проводили жизнь въ буднѣ“—выраженіе неудоб-
ное; а также слишкомъ много сказано, когда говорится, что они,
Спартанцы, были лишены семейной жизни.

53) „Фидонъ чеканилъ золотую монету“. Древніе говорятъ только о серебряной.

58) „Синекиа (συνεικη) или такъ называемый панаэиней“. — Συνεικια (а не συνοικη) и παναθηναια (а не панаэиней)—два разныхъ праздника.

59) Слишкомъ положительно говорится объ ограниченіи власти пожизненныхъ архонтовъ послѣ Кодра. Вѣрнѣе выраженія, употребляемая въ одномъ изъ лучшихъ учебниковъ (die tast als Könige betrachten kann, Д. Мюллеръ). А чѣмъ казалось *демосу* правленіе пожизненныхъ архонтовъ, мы тѣмъ менѣе можемъ знать, что намъ неизвѣстно, какой тогда былъ *демосъ*.

60) „48 притановъ, избравшихся ежегодно евпатридами изъ 48 навкларій“. „Пританы навкларовъ“ упоминаются у Геродота. Навкларовъ было 48, а притановъ навкларовъ—должно быть *меньше*.

61) „Килонъ принялъ отвѣтъ оракула за указаніе на день *ежегоднаго празднованія въ Афинахъ олимпійскихъ игръ*“. Лучше было бы въ разказѣ о Килонѣ прямо слѣдовать Фукидиду, чѣмъ, напримѣръ, Курціусу: тогда все было бы яснѣе и проще; тогда можно было бы и не утверждать, что именно *Темистокль*, тираннъ Мегорскій, завладѣлъ Сароническимъ заливомъ (стр. 63).

62) „Крайняя распущенность и развратъ до Солона“ — крайне произвольная и слишкомъ крупная фраза.

„Солонъ, прикинувшись сумасшедшимъ“—неловко—„въ костюмѣ больного“—неловко и невѣрно—„явился въ народное собраніе“.

Мы думаемъ, что всѣ такія подробности, обыкновенно сообщаемыя при первоначальномъ преподаваніи исторіи, слѣдовало бы въ серьезномъ учебникѣ для старшаго возраста спокойно опускать, не соблазняясь Плутархомъ.—Это прямо относится и къ разказу о трофеяхъ Мильтіада, смущавшихъ Темистокла (стр. 24) и во многомъ другому.

Гектиморіи смѣшиваются съ владѣльцами заложенныхъ земель.

73) О расширеніи улицъ Писистрадѣмъ и потомъ Иппархомъ говорится совсѣмъ напрасно;

75) а статуи Армодія и Аристокитона помѣщенцы авторомъ въ *Акрополѣ* произвольно.

78) Объясненіе *дикастерій* словомъ *декурія*, декуріи—сомнительно и не достигаетъ цѣли.

76 и 77) Авторъ учебника увлекся статьею проф. Куторги „Клисеонъ Аѣинскій“ и въ трехъ мѣстахъ говоритъ о двухъ родахъ ра-

бовъ въ Аѳинахъ: о рабахъ покупныхъ и о δούλοι μέτοικοι. Вся эта гипотеза основана на одной строкѣ Аристотеля о Клизеенѣ:

πολλοὺς δ' ἀφύλετευσε ξένους καὶ δούλους μετοίκους.

Слѣдуетъ ли переставить δούλους на мѣсто ξένους или нѣтъ, все равно; но конечно никакихъ особнхъ δούλοι и μέτοικοι не было въ Аѳинахъ до Клизеена.

89) Мать Креза названа Гречанкой вопреки Геродоту.

93) Къ удивленію, мы должны сказать, что Мараѳонское сраженіе разказано дурно и совсѣмъ не по Геродоту, а по другимъ позднѣйшимъ и плохимъ учебникамъ (Корнелій Непотъ и проч.).

Подробность о мраморной глыбѣ совсѣмъ не заслуживала мѣста въ учебникѣ.

96) Забѣчаніе о военной *опытности* Леонида лишнее, такъ какъ оно не имѣетъ никакого основанія; а 6000 человекъ потери Персовъ при Фермопилахъ — цифра произвольная.

Сбивчиво и неотчетливо говорится о событіяхъ при Артемизіи и о кораблекрушеніяхъ персидскаго флота.

97 и 98) Еврибиадъ названъ царемъ опять на основаніи ложной привычки.

101) *Остракизмъ*Themistokla пропущенъ.

„Themistoklъ получилъ приказаніе явиться въ Спарту“ — невѣрно.

102) Мы не будемъ спорить противъ точнаго указанія года рожденія Геродота (584), потому что на это есть прямое, хотя слишкомъ мало авторитетное, указаніе въ источникахъ (Памфила у Авла Геллія); но 408-й годъ, какъ годъ смерти Геродота, если онъ не стоитъ вмѣсто 418-го по опечаткѣ, мы прямо отвергаемъ. Есть основаніе думать, что Геродотъ не дожилъ до Сицилійской катастрофы Аѳинянъ (VII, 170).

104) „Периклъ пользовался *совета*ми Анаксагора при управленіи *исударствомъ*“: пустое и неосновательное предположеніе.

107) Уже выше было замѣчено, что вопросъ о жалованьяхъ при Периклѣ изложенъ неточно и неполнѣ правильно.

„Флотъ аѳинскій при Периклѣ крестировалъ въ Архипелагѣ, наблюдая за персидскими кораблями“ — нужно прибавить: „которые совсѣмъ въ немъ не имѣли права появляться“, или же „не появлялись“; т. е. фраза не совсѣмъ обдуманная и точная.

108) Безпорядочно, до нельзя кратко говорится о важныхъ событіяхъ — игемоніи Аѳинянъ на сушѣ, битвахъ при Танагрѣ и Коронѣ (446 года).

115) Не *Аттоса*, а Атосса.

118) „Спарта, оттѣсненная на второй планъ“, говорится послѣ разказа о перемиріи 445 года. Но самый ходъ и смыслъ событій, какъ онъ представляется въ учебникѣ, показываетъ, что Спарта не была оттѣснена на второй планъ.

119) Неизвѣстно, откуда взяты цифры, по которымъ оказывается, что Аѳиняне были сильнѣе, чѣмъ Пелопоннискцы, даже на сушѣ. Фукидидъ и самъ Перикль держались другаго взгляда.

О сраженіи при *Сивоталъ* (432) не упомянуто.

121) „Перикль нѣкоторые города опустошилъ, *нѣкоторые* взявъ въ Пелопоннисъ“. Слегка неточно.

122. Но „*Всѣ плыныя* митиленскіе казнены“ — это просто преступно; нельзя взводить такой вины на Аѳинянь.

124) *Бразидъ* остается въ *царскомъ* достоинствѣ.

126) „6000 Аѳинянь погибло въ Сициліи“. Цифра едвали не преувеличена.

О войнѣ въ Малой Азіи слишкомъ кратко и не совсѣмъ отчетливо.

128) О мирѣ 404-го года тоже сообщаются неполнѣе и неаккуратныя свѣдѣнія; уничтоженіе законовъ Солона и введеніе правленія 30-ти не входило прямо въ условія этого мира.

129) Переводъ мѣста, принадлежащаго Фукидиду, сдѣланъ неудовлетворительно.

142) О походахъ Агезилая въ Азіи говорится слишкомъ кратко и неясно.

143) „Главное преимущество арміи Епаминонда было то, что онъ сформировалъ ее изъ однихъ гражданъ ѳиванскихъ, сражавшихся за свою свободу и отечество, въ то время, когда война сдѣлалась по всей Греціи ремесломъ наемниковъ, сражавшихся лишь для наживы и безъ всякаго патріотизма“. — Значитъ: спартанскихъ гражданъ не было при Левктрахъ?

144) „Епаминондъ не участвовалъ въ убіеніи олигарховъ. Но на другой день послѣ умерщвленія олигарховъ онъ явился на площадь съ организованнымъ имъ отрядомъ“. — Мы не знаемъ, откуда взяты эти подробности. О походахъ Епаминонда въ Пелопоннисъ слѣдовало сказать лучше и точнѣе.

146) „Демагоги, которые грабили казну въ Аѳинахъ“. — Аѳинскую казну въ IV вѣкѣ было очень трудно грабить.

147) Слишкомъ ярко описывается экономическое и нравственное

состояніе Аѳинъ около 350 года: „всѣ деревья срублены, чрезмерная роскошь, мотовство, корыстолюбіе, тщеславіе и другіе пороки“.

155) Слишкомъ кратко говорится о 346-мъ годѣ.—Кратко о кореніи Греціи Филиппомъ.

— Не Дмитрій, а Димитрій.

170) Триттіи, городъ Ахаіи, вмѣсто Тритѳи, *Tritata*.

178) Разказывается о какомъ-то вмѣшательствѣ Римлянъ въ войну Птолемея Филопатора съ Антиохомъ Великимъ. Тутъ ошибка на 50 лѣтъ.

179) Антиохъ Епифанъ названъ преемникомъ Антиоха Великаго. Собственно онъ не былъ прямымъ преемникомъ: въ промежуткѣ было цѣлое царствованіе.

Римская исторія.

Мы должны сначала сдѣлать общее замѣчаніе, что Римская исторія, и особенно вторая ея половина, составлена съ видимою торопливостью, и это весьма вредно отразилось на ея достоинствѣ. Изложеніе исторіи Греціи комиссія въ концѣ концовъ признаетъ удовлетворительнымъ и несомнѣнно лучшимъ въ сравненіи съ существующими учебниками и пособіями; но она не можетъ съ такою же увѣренностью и положительностью повторить подобный же отзывъ и въ отношеніи ко второй половинѣ. Къ счастью, Римская исторія представлена только въ рукописи, и потому есть не только надежда, но и совершенно основательная увѣренность, что при печатаніи этой части многіе ея недостатки будутъ сглажены и уничтожены.

Листъ 2) Лигурійскій народъ Таврины названъ Гальскимъ.

— *Frento* рѣка названа Френтою.

— Транзименское озеро.

3) *Ариминіумъ* вм. Ариминумъ (*Ariminum*).

6) „Етруски поселились въ Етруріи только тогда, когда вытѣснены были изъ сѣвера Галлами“—крупная неточность—лѣтъ на 500. Часто преувеличенно говорится о крѣпости союза латинскихъ городовъ.

14) *Milites* отъ *mille ires*; взято у Моммсена, который однако въ позднѣйшихъ изданіяхъ отказался отъ такого производства.

16) *Velati* можно было опустить, а объ *agger Servii Tullii* слѣдовало сказать.

18) Консулы по истеченіи года давали отчетъ предъ народнымъ центуриатскимъ собраніемъ.

19) Говоря съ ненужною подробностью о неизвѣстномъ времени, авторъ выбираетъ между разными гипотезами смѣло. По гипотезѣ соединяетъ quaestores — казначеевъ съ quaestores — слѣдователями. По гипотезѣ выдѣляетъ особый патриціанскій сенатъ. Устройство Римской республики является въ учебникѣ съ перваго момента со-всѣмъ готовымъ.

20) Избраніе диктатора въ куріатскомъ собраніи—неизвѣстно, и въ историческое время не такъ, и, слѣдовательно, не нужно было говорить.

Тарквинія, Веа, вмѣсто Tarquinii, Veii.

22) О процентахъ говорится не съ древней точки зрѣнія. „Высокіе проценты— $\frac{1}{12}$ капитала въ годъ“. Это очень милостивые проценты для древняго времени. Постоянно считаетъ по годамъ съ Р. X. Не предупреждая читателей, въ срединѣ разказа о сецессіи in Sacrum montem пишетъ 259-й годъ. Это ab urbe condita вмѣсто 495 года до Р. X: явное недоразумѣніе. Sacrum mons показана „верстахъ въ 20 отъ Рима“. Эта гора была въ трехъ римскихъ миляхъ, а въ учебникѣ разчитано по нѣмецкимъ милямъ. На листѣ 53 (на оборотѣ) сказано наоборотъ: Римляне приказали Кароагенянамъ переселиться на двѣ мили отъ берега моря. У древнихъ сказано: decem milia passuum. Авторъ учебника долженъ былъ относиться внимательнѣе и осторожнѣе къ своимъ пособіямъ.

На 23-мъ листѣ описываются права и власть трибуновъ народныхъ такъ, что будто съ перваго же момента, съ установленія народного трибуната, вся власть трибуновъ была опредѣлена.

26 и 27). Вторая сецессія плебеевъ, 449 года, описана невѣрно. По учебнику, народъ ушелъ сначала на Священную гору, потомъ на Авентинъ; по древнимъ — наоборотъ.

27) Отмѣчены cognomina лицъ, жившихъ въ малоизвѣстное древнее время, лицъ полуисторическихъ: Луцій Валерій Потитъ, Маркъ Горацій Барбатъ; на листѣ 24 Спурій Кассій Висцеллинь. А praenomina и nomina Суллы не названы. Съ листа 81 (на оборотѣ) до конца, вездѣ, гдѣ встрѣчается имя Суллы, онъ называется просто Суллою. Не названы praenomina Красса и Цезаря. Скорѣе слѣдовало сказать: Люцій Корнелій Сулла, Маркъ Лициній Крассъ, Гай Юлій Цезарь, чѣмъ Люцій Валерій Потитъ, Маркъ Горацій Барбатъ, Спурій Кассій Висцеллинь.

29) (на оборотѣ) Названы войны Горація съ Сабинами, Валерія съ Эквами; сказано, что Горацій совершенно покорилъ Сабиновъ,

между тѣмъ, какъ Сабинны покорены, полтора ста лѣтъ спустя, Маниемъ Куріемъ Диктаторомъ, въ 290 году. Это дѣйствительное покореніе Сабинновъ не упомянуто въ своемъ мѣстѣ, на листѣ 37; а упомянуты неисторическія войны, разказы о которыхъ не имѣютъ никакого значенія.

Не упомянуто, что Камиллъ былъ покорителемъ Вейевъ. Камиллъ упомянутъ въ первый разъ на 30-мъ листѣ, когда сказано объ избраніи его въ диктаторы во время нашествія Галловъ. Не упомянуты граепопен и попен Камилла. Не упомянута рѣчка Аллія, гдѣ Римляне потерпѣли пораженіе отъ Галловъ.

31) „Лициній Столонъ и Секстія Латеранъ рѣшились добиться званія народныхъ трибуновъ, чтобы затѣмъ стремиться“ и пр. — Для такого краткаго курса совершенно достаточно было бы начать дѣятельность Лицинія и Секстія прямо съ тѣхъ законовъ, которые ими были предложены; вкратцѣ изложить законы. Время Лицинія и Секстія все еще полуисторическое; по крайней мѣрѣ, вѣрныхъ извѣстій нѣтъ.

Между тѣмъ, постоянно въ учебникѣ разказывается съ мнимыми подробностями о малоизвѣстномъ времени, а о времени вполнѣ историческомъ кратко, съ пропускомъ самыхъ важныхъ и существенныхъ фактовъ.

31) (на оборотѣ) Патриціи названы *дворянствомъ*.

33) (на оборотѣ) Послѣ множества существенныхъ ошибокъ уже не ставимъ въ вину автору учебника, что онъ разказываетъ о первой самнитской войнѣ, придерживаясь фактовъ Т. Ливія.

34) „Публий Децій Мусъ *Старшій*“.

35) (на оборотѣ) „Л. Папирій Курсоръ Старшій“ и т. д. Это прозвища произвольныя.

35) Невѣрно о покореніи Лаціи Римлянами: „только немногіе города получили полное право римскаго гражданства“. Напротивъ того, большая часть латинскихъ городовъ тогда же получила полное право римскаго гражданства.

38) О походѣ Пирра въ Италію разказано очень слабо. Не пропущены фразы о Пиррѣ и Фабриціи, а пропущено большое и важное сраженіе при Аскулѣ (279).

37) (на оборотѣ) „Маниій Курій“. Впрочемъ, можетъ быть — вина переписчика.

45) (на оборотѣ) „Луताцій *Катуллъ*“ Catulus.

48) (на оборотѣ) „Терренцій Варронъ“.

38—43) Не дурно о различіи между Римомъ и Каррагеномъ и о римскомъ военномъ устройствѣ. Пропущено о вторженіи Галловъ 225 года и почти совсѣмъ пропущено о покореніи Галловъ цизальпийскихъ Римлянами.

47) „Перевѣсъ морской силы былъ въ это время не на сторонѣ Римлянъ“ — въ 218 году. Это невѣрно. Перевѣсъ морской силы во всю вторую пуническую войну былъ на сторонѣ Римлянъ, что было очень важнымъ обстоятельствомъ. — Вторая пуническая война разказана весьма слабо.

50) „Подъ предводительствомъ Фабія Кунгатора и молодаго полководца Марцелла римскіе легіоны въ скоромъ времени вытѣснили Аннибала изъ Капуи и овладѣли ею такъ же, какъ и другими городами Южной Италіи, которые сдались было Аннибалу. Скоро Римляне стали дѣйствовать наступательно. Союзный съ Аннибаломъ городъ Сиракузы былъ завоеванъ консуломъ Клавдіемъ Марцелломъ (212 г.). Въ то же время Римляне начали свои нападенія на Капуу, и городъ этотъ, оставленный Аннибаломъ безъ помощи, долженъ былъ сдаться (211 г.)“. Такимъ образомъ Римляне сначала покорили Капуу, потомъ Сиракузы, потомъ опять Капуу. „Молодому“ Марцеллу было въ 212 году около 60 лѣтъ. По Плутарху, въ 208 году онъ былъ *ὄπερ ἐτήχοντα*.

52 и слѣдующіе листы) Весьма слабо и слишкомъ кратко обо всѣхъ слѣдующихъ войнахъ послѣ второй пунической.

Два слова сначала о войнѣ съ Филиппомъ, два слова о войнѣ съ Персеемъ, два слова о покореніи Македоніи и Греціи. Затѣмъ о третьей пунической войнѣ сказано достаточно. Потомъ о Виріатѣ и Нуманціи. Потомъ о войнѣ съ Антиохомъ. Такой порядокъ неудобенъ. Война съ Антиохомъ непременно должна быть разказана на своемъ мѣстѣ, послѣ войны съ Филиппомъ. Только до крайности краткое изложеніе этихъ важныхъ и хорошо извѣстныхъ событій можетъ допустить такую перестановку. Лучше было сократить страницы о царскомъ періодѣ и первомъ времени республики, чѣмъ до такой степени сокращать разказъ объ историческомъ времени.

52) (на оборотѣ) „Городъ Коринѣъ, въ которомъ негодование на вышательство Римлянъ въ дѣла Греціи обнаружилось заточеніемъ и даже умерщвленіемъ римскихъ пословъ“ и проч.

L. Aurelius Orestes и Sex. Julius Caesar не были ни заточены, ни умерщвлены.

60) (на оборотѣ) „Консулы, по истеченіи срока своей должности,

получали въ управленіе провинціи и носили названіе проконсуловъ. Ихъ не слѣдуетъ, впрочемъ, смѣшивать съ проконсулами, которымъ, по истеченіи срока службы, предоставлялось на слѣдующій годъ начальство надъ войскомъ“. Этого различенія и понять нельзя. Нивакого различія между первыми и вторыми нѣтъ.

64) (на оборотѣ) „До какой степени женщины пристрастились къ нарядамъ, доказываетъ лучше всего то, что около половины II вѣка до Р. Х. (165 г.) онѣ произвели было явную демонстрацію съ цѣлью добиться отмены закона (Примѣчаніе. Законъ этотъ былъ изданъ незадолго предъ тѣмъ, по предложенію народнаго трибуна Опція), по которому римской женщинѣ запрещалось носить на себѣ въ видѣ украшеній болѣе унціи золота и пр. Римскія женщины — тысячами сходились къ мѣсту, гдѣ происходило народное собраніе“ и пр.

Во-первыхъ, Опціевъ законъ былъ отмененъ въ 195 году, а не въ 165, слѣдовательно въ началѣ II вѣка, а не въ срединѣ. Ужь не ввела ли въ заблужденіе автора учебника какая нибудь опечатка?

Во-вторыхъ, установленъ былъ Опціевъ законъ въ 215 году, во время самое тяжкое для Рима. Постановленія этого закона были слишкомъ суровы, и послѣ побѣды надъ Карфагенянами, во время полнаго господства и величія Рима нелѣпо было стѣснить римскихъ матронъ такими жестокими ограниченіями.

Въ-третьихъ, maximum золота положена была semuncia, а не uncia.

Въ-четвертыхъ, женщины, какъ уже ясно изъ разказа самаго учебника, въ самомъ дѣлѣ произвели демонстрацію, а не только: „произвели было явную демонстрацію“. И какая демонстрація неявная?

Въ-пятыхъ, матронамъ римскимъ почти всѣ въ Римѣ въ этомъ дѣлѣ сочувствовали; на ихъ сторонѣ, очевидно, и сочувствіе историка (Тита Ливія).

И слѣдовательно, нивакихъ заключеній относительно паденія нравственности въ Римѣ изъ этого событія выводить нельзя.

68) (на оборотѣ) „Маркъ Порцій Катонъ—показалъ себя въ различные періоды (аннибаловской) войны въ Италіи, Испаніи, Греціи и Македоніи равно отличнымъ солдатомъ, офицеромъ и, наконецъ, главнокомандующимъ“. М. Порцій Катонъ не былъ главнокомандующимъ въ аннибаловскую войну.

78) О Гаѣ Гракхѣ разказано слабо, такъ что даже не упомянуто, что Гай Гракхъ два года былъ трибуномъ народнымъ. Изъ разказа учебника даже слѣдуетъ, что Гай Гракхъ былъ трибуномъ только одинъ годъ.

81) (на оборотѣ) Битва при Верцеллахъ отнесена къ 102 году.— Она была въ 101.

— Не упомянуто о томъ, что Югурту взятъ въ плѣнъ именно Сулла.

82) Столь важное событіе, какъ война съ Итальянцами (*bellum Marsicum*), разказано такимъ образомъ: „Вражда ихъ (Марія и Суллы) усилилась, когда Сулла блистательно окончилъ неудачно начатую Маріемъ такъ называемую союзническую войну, то есть войну противъ зависимыхъ отъ Рима итальянскихъ народовъ, требовавшихъ уравниня ихъ въ правахъ съ Римлянами“. И болѣе ничего. Ни слова не сказано о томъ, что Итальянцамъ дано было римское гражданство. Кромѣ того, Марій и Сулла не были врагами до 88 г.; Сулла не былъ во главѣ оптиматовъ до того-же года (а въ учебникѣ сказано, что Сулла сталъ во главѣ оптиматовъ тотчасъ послѣ побѣды при Верцеллахъ); Марій не начиналъ войны съ союзниками; Марій никакихъ неудачъ въ войнѣ съ союзниками не потерпѣлъ.

Однимъ словомъ, авторъ учебника сообщаетъ смутныя понятія обо всемъ этомъ времени; между тѣмъ онъ на 24-хъ листахъ разказываетъ исторію Рима до *децемвировъ*, то есть, исторію такого времени, отъ котораго никакихъ вѣрныхъ извѣстій не сохранилось. А на 83 листѣ фраза, будто бы сказанная Помпеемъ, нашла себѣ мѣсто.

85) Имени Тиграна нѣтъ въ учебникѣ.

86) (на оборотѣ) и 88 (на оборотѣ) Товарищъ Цицерона въ консульствѣ С. Antonius названъ Маркомъ Антоніемъ. Это важно, потому что о заговорѣ Катилины въ учебникѣ разказано съ подробностью.

87) (на оборотѣ) Если уже такъ подробно сказано о Цицеронѣ, то слѣдовало рѣчь *pro lege Manilia s. de imperio Sp. Pompeii* не называть рѣчью *pro Manilio*.

92) О походѣ Красса на Паряевъ сказано только: „Крассъ отправился намѣстникомъ въ Сирію и тамъ погибъ въ войнѣ съ однимъ изъ сосѣднихъ народовъ (Паряеве)“.

Что касается послѣдней части, посвященной Римской имперіи, то мы полагаемъ, что въ этомъ отдѣлѣ автору слѣдовало нѣсколько подробнѣе и точнѣе изложить вопросъ о римскомъ провинціальномъ устройствѣ, о колоніяхъ и муниципіяхъ. Того, что объ этомъ сказано на листѣ 114 (на оборотѣ), совершенно недостаточно; а такого рода выраженія, какъ на листѣ 103 (на обор.), что: „для провинцій не

было лучшаго правителя чѣмъ Тиберій“, могутъ только повести къ недоразумѣніямъ.

Золотому вѣку римской литературы посвящено достаточное число страницъ и, по объему, этотъ отдѣлъ вполне удовлетворителенъ; но его изложенеіе требуетъ пересмотра и нѣкоторыхъ исправленій. Замѣтно, что авторъ оканчивалъ свое сочиненеіе довольно торопливо; признакомъ этого служить уже шероховатость языка, не замѣчаемая въ предыдущихъ частяхъ. „Горацій проникся глубокимъ уваженіемъ къ великому духу Греціи“. — „Политическія смуты оторвали на время Горація отъ научныхъ занятій“, — слова и обороты не совсѣмъ удачны. — „Ливій хочетъ обратить вниманіе своихъ читателей главнымъ образомъ на то, на какихъ краяхъ воспитывалось величіе Рима и какія средства способствовали его величію и какъ затѣмъ постепенно увеличивавшееся паденеіе нравовъ привело Римлянъ къ современной ему эпохѣ“. Эта фраза, хотя и напоминаетъ нѣсколько строкъ изъ древняго писателя, но только не изяществомъ и точностью рѣчи. — Въ отдѣлѣ о христіанствѣ: „Во главѣ пресвитеровъ каждой общины съ конца перваго вѣка стоялъ епископъ, который былъ судьей и рѣшителемъ возникавшихъ между христіанами недоразумѣній и несогласій“. Все это неточно и невѣрно.

Въ характеристикѣ Тацита, какъ писателя, говорится о какомъ-то скорбномъ и даже элегическомъ тонѣ, которымъ будто бы проникнуты всѣ его произведенія. Онъ „съ особою любовью останавливается на тѣхъ немногихъ свѣтлыхъ личностяхъ, которыя, какъ перлы, выдавались надъ низкимъ уровнемъ общественной нравственности, какъ на примѣръ, на личности Сенеки, наставника Тацита“. Примѣръ неудачный во всѣхъ отношеніяхъ, и при томъ соединенный съ невѣрнымъ и неизвѣстно откуда взятымъ извѣстіемъ объ отношеніяхъ Тацита къ Сенецѣ.

Объ императорахъ III вѣка совсѣмъ ничего не сказано: цѣлое столѣтіе почти совсѣмъ пропущено. Между тѣмъ оба Севера и императоры Иллирійскаго дома, какъ Аврелианъ, *restitutor imperii*, Пробъ, а съ другой стороны борьба съ ново-персидскимъ царствомъ и съ Германцами, особенно съ Готами — во всякомъ случаѣ заслуживали упоминанія. — Впрочемъ пропускъ объясняется, быть можетъ, поспѣшностью автора, и еще можетъ быть исправленъ и восполненъ.

Не смотря на вышеуказанные общіе недостатки сочиненія и на всѣ частныя промахи и ошибки, комиссія полагаетъ, что оно все-таки можетъ быть полезнымъ приобрѣтеніемъ для нашихъ учебныхъ

заведеній. Она не можетъ скрывать отъ себя совершенно неблаго-ательнаго положенія русской учебной литературы и оставаться совершенно безучаствою къ настоятельнымъ потребностямъ гимназическаго преподаванія. Она готова допустить ту мысль, что если разсмотрѣнное ею сочиненіе будетъ исправлено съ надлежащимъ вниманіемъ, по крайней мѣрѣ во второй, рукописной части, если всѣ указанныя ошибки въ этой части будутъ уничтожены, если въ концѣ будетъ приложенъ списокъ опечатокъ и нѣсколько наиболѣе нужныхъ поправокъ къ исторіи Греціи: то книга можетъ быть дана въ руки учениковъ какъ руководство. Во всякомъ случаѣ, ея составитель, показавшій и усердіе и знаніе и талантъ, но, быть можетъ, по необходимости принужденный работать спѣшно, заслуживаетъ поощренія. Трудъ его доступенъ для дальнѣйшаго усовершенствованія и, при доброй волѣ и усердіи, изъ него можетъ выработаться вполне хорошее гимназическое руководство. На основаніи такихъ соображеній коммиссія высказывается за присужденіе составителю разсмотрѣннаго сочиненія малой преміи.

ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ ¹⁾.

XIX.

Мысль, высказываемая норманистами, что страну средней Волги Арабы называютъ Русью потому, что она принадлежала князьямъ варягорусскимъ, княжившимъ въ Кіевѣ, рассматриваемая только сама въ себѣ, является крайне несостоятельною. Положимъ даже, что Ростовъ, Суздаль, Муромъ и другіе города Поволжья и Поочья принадлежали Рюрику и его преемникамъ; положимъ даже, что тамъ не было своихъ князей; но и въ такомъ случаѣ обитатели этихъ городовъ не получили бы у Арабовъ имени Руссовъ, еслибы оно не принадлежало имъ раньше.

Для доказательства, или лучше сказать, для объясненія своей мысли норманисты прибѣгали къ разнымъ сравненіямъ, между прочимъ говорили, что еслибы какой-нибудь Нѣмецъ, русскій подданный, пріѣхалъ въ Кяхту торговать съ Китайцами, то у Китайцевъ онъ не могъ бы имѣть другаго имени, какъ „Русскій“. Китайцы не могли бы замѣтить того, что въ дѣйствительности онъ не Русскій, а Нѣмецъ; имъ было бы достаточно того, что онъ пріѣхалъ изъ Россіи, и они сочли бы его за Русскаго; это совершенно справедливо. Но на Волгѣ въ Булгарѣ и Итилѣ дѣло было не въ такомъ положеніи. Тамъ жители средней Волги были извѣстны гораздо раньше X вѣка; по мнѣнію Савельева, они начали торговать съ Востокомъ въ VIII вѣкѣ, а по мнѣнію гр. Уварова—въ VII. О нихъ на Востокѣ уже составилось опредѣленное понятіе, они уже имѣли тамъ какое-нибудь имя. Можно ли предположить, что съ того времени, какъ Рюрикъ прислалъ своего мужа въ Ростовъ, это имя вдругъ измѣнилось? Почему оно измѣнилось бы? Сказали ли жители средней Волги торговцамъ Булгара и Итиля:

¹⁾ Окончаніе. См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за май 1876 года.

до сихъ поръ вы звали насъ NN, теперь не зовите такъ, а зовите Руссами потому, что мы вошли въ составъ государства Варяго-Руссовъ? Или наконецъ, сами жители Ростова, Муромъ, Курбаи и пр. вдругъ перестали звать себя прежнимъ именемъ, а назвали Руссами? Развѣ это бываетъ? Греки за 150 лѣтъ до Р. Х. потеряли свободу и вошли въ составъ Римскаго государства. Но имя свое они сохранили, и въ первые вѣка христіанства имя ихъ было еще болѣе извѣстно и славно, чѣмъ имя Римлянъ. Мало того, когда центръ Римской имперіи былъ перенесенъ въ Византію, жители Византіи, Греки, стали называть себя Римлянами; но тѣ народы, которые знали ихъ подъ именемъ Грековъ, не перемѣнили ихъ названія на своихъ языкахъ, и Византійскіе Греки только сами называли себя Римлянами, а западная Европа и Славяне звали ихъ Греками. Армяне 2000 лѣтъ назадъ потеряли свою независимость; съ XIV столѣтія они ни разу не возвратили ея себѣ. Но имя ихъ не исчезло ни на востокѣ, ни на западѣ. Теперь страна ихъ раздѣлена между Россіей и Турціей. Но ни Русскими, ни Турками не называютъ ихъ нигдѣ; ихъ довольно много въ Персіи, гдѣ они занимаются банкирскими дѣлами. Но и тамъ знаютъ ихъ подъ именемъ Армянъ, а не Русскихъ или Турокъ. Ломбардія и Венеція въ нашемъ столѣтіи до послѣдняго времени принадлежали Австріи; но кто и когда называлъ Ломбардцевъ и Венеціанцевъ Австріяцами, кто отъ называлъ имъ въ имени Итальянцевъ? Ирландія 700 лѣтъ принадлежитъ Англіи, но не потерявъ своей народности, она не потеряла и имени. Корсика около 100 лѣтъ принадлежитъ Франціи, но стали ли черезъ это Корсиканцы Французами? Примѣры эти можно еще значительно умножить. Не дѣлая этого, обращу вниманіе на слѣдующее. Положимъ, что въ наше время кто-нибудь начнетъ описывать бытъ, нравы, обычаи, занятія Корсиканцевъ или Ирландцевъ, какъ Ибнъ-Фодланъ и Ибнъ-Даста описывали бытъ волкскихъ жителей; скажетъ ли онъ, что онъ описываетъ бытъ нравы и пр. Французовъ и Англичанъ? Или описывалъ бытъ Грузинъ, скажетъ ли кто-нибудь, что онъ описываетъ бытъ Русскихъ? Намъ скажутъ, что нынѣшній писатель, который возьмется за это дѣло, будетъ болѣе или менѣе человѣкъ близкій къ наукѣ и знакомый съ этнографіей; онъ сумѣетъ отличить Грузина отъ Русскаго, Корсиканца отъ Француза, Ирландца отъ Англичанина. Ибнъ-Фодланъ, Ибнъ-Даста и другіе арабскіе писатели не были научнымъ образомъ столько образованы, какъ нынѣшніе писатели,—это правда. Но вслѣдствіе этой причины они могли развѣ не знать, что Поволжье подпало

подъ власть Руссовъ, но не должны были перемѣнять имя народа издавна извѣстнаго на востоѣ. Они должны были дать ему то имя, которымъ его называлъ въ то время востокъ. Востокъ не могъ называть его иначе, какъ тѣмъ именемъ, подъ которымъ онъ былъ ему извѣстенъ въ IX, VIII и VII вѣкахъ. И если онъ въ концѣ IX и въ X вѣкѣ называлъ ихъ Руссами, то это значитъ, что и въ началѣ IX и въ VIII и въ VII называлъ ихъ также Руссами. Къ такому заключенію приводитъ насъ разсмотрѣніе дѣла самого въ себѣ, послѣ того какъ разъяснено, что народъ, торговавшій въ VIII и IX вѣкахъ по нижней Волгѣ и дальше на востокъ и называемый Арабами въ началѣ X вѣка Руссами, началъ эту свою торговую дѣятельность около двухъ вѣковъ раньше.

Къ тому же заключенію мы придемъ, если мы дадимъ себѣ трудъ обратить вниманіе на то, какъ вообще арабскіе писатели относятся къ названіямъ народовъ и странъ? Нужно замѣтить, что слово Русъ у нихъ собственно означаетъ не народъ Руссовъ, а страну; напримеръ, по словамъ Ибнъ-Фодлана, Волга течетъ изъ Руса и Булгара: очевидно, тутъ рѣчь о странѣ, а не о народѣ.

XX.

Но у арабскихъ писателей есть одна особенность, рѣзко бросающаяся въ глаза. Названія странъ у нихъ остаются неизмѣнными, какимъ бы политическимъ перемѣнамъ онѣ ни подвергались; это отчасти объясняется цѣлями арабскихъ географовъ. Это были, какъ мы уже видѣли, описатели странъ, имѣвшіе первоначально въ виду распространеніе ислама съ оружіемъ въ рукахъ. Они главнымъ образомъ должны были знать и описывать страну, ея положеніе, разстояніе, климатъ и другія физическія свойства ея. Обитатели ея стояли для нихъ на второмъ планѣ. Перемѣна именъ странъ поведла бъ ихъ къ путаницѣ; потому-то разнымъ странамъ они и даютъ постоянно тѣ имена, подъ которыми они узнали ихъ первоначально. Такъ Испанію они узнали подъ именемъ Андалузій—имени, происшедшаго изъ имени Вандаловъ, владѣвшихъ частью ея. Испанія потомъ подпала подъ власть самихъ Арабовъ, и европейскіе писатели нашли для этого времени подходящее ей названіе—Кордовскій Калифатъ; но арабскіе писатели не знаютъ этого имени; они знаютъ свой неизмѣнный Андалусъ. Ибнъ-Хордадбегъ въ IX вѣкѣ, Масуди и Саидъ Ибнъ-Батриегъ въ X употребляютъ это имя: Испанія потомъ освободилась отъ ига мусульманъ. Въ XIV вѣкѣ Пиренейскій полуостровъ былъ занятъ

тремя могущественными христіанскими государствами Кастиліей, Арагоніей и Португаліей. Владѣнія магометанъ ограничивались въ то время только незначительною частью полуострова на югѣ, съ столицею Гренадою. Кордова, прежняя столица, которая однако тоже находится на югѣ Испаніи, уже въ XIII вѣкѣ была завоевана Кастильцами. Но Абульфѣда, писавшій свое географическое сочиненіе въ XIV вѣкѣ, не принимаетъ этого во вниманіе. Для него Испанія остается по прежнему Андалусомъ, хотя ему хорошо извѣстны политическія перемѣны, происходившія на полуостровѣ. Для него Андалусъ—это необходимый, неизмѣнный географическій терминъ, и въ Андалусу онъ одинаково относитъ и Саракосту, и Баршелуну, и Бургомъ, и Толантеле (Тоledo), и Кортобу, принадлежавшіе христіанамъ, и Малаку, и Горнату (Гренаду), принадлежавшія магометанамъ.

Тому же самому правилу они слѣдуютъ и вездѣ. Узнали они почему-то о Ломбардіи, вѣроятно, еще въ то время, когда она составляла могущественное королевство, то есть, въ VII и VIII вѣкахъ. Послѣ этого Ломбардія входила и въ составъ Франческаго государства, и въ составъ королевства Италіи, входила въ составъ монархіи Оттона I, Германскаго императора, и раздѣлялась на отдѣльныя маленькія государства. Но для Арабовъ она оставалась тѣмъ же, чѣмъ и была, какъ они узнали ее первоначально; въ ихъ понятіи она оставалась прежнимъ могущественнымъ государствомъ, особою большою народностью, которую Масуди еще въ X вѣкѣ подъ именемъ Нузабарды ставитъ рядомъ съ Франками, Славянами, Турками, Хазарами, и наконецъ, Гогомъ и Магогомъ въ числѣ отдѣльныхъ представителей потомства Іафетова. Только Абульфѣда въ XIV вѣкѣ узналъ наконецъ, что Ломбардія есть только часть верхней Италіи, лежащая между Венеціей и Генуею ¹⁾.

Подобнымъ образомъ Арабы, знавшіе вѣроятно издавна Египеть подъ его собственнымъ именемъ Мизраимъ (Мизра), сохраняютъ за нимъ это имя, не смотря ни на какія политическія перемѣны, которымъ онъ подвергался. Изъ-подъ власти Грековъ Египеть перешелъ подъ власть преемниковъ Магомета,—тѣмъ не менѣе Арабы зовутъ его по прежнему Мизра; арабскіе государи отнимали его другъ у друга; онъ принадлежалъ и Багдадскимъ калифамъ, и Фатимидамъ. Тѣмъ не менѣе онъ все остается у нихъ Мисрою, не смотря на то, что во время господства Арабовъ арабская народность въ Египтѣ получила

¹⁾ См. *Рено*, т. II, стр. 308 и слѣд.

даже численный перевѣсъ надъ другими, такъ что Египетъ дѣйстви-тельно сталъ арабскою страню и по правительству, и по массѣ жи-телей. Потомъ въ XII вѣкѣ Египетъ подпалъ подъ власть Турокъ; но арабскіе писатели знаютъ его опять подъ именемъ Мисры ¹⁾).

Это-то свойство арабскихъ географовъ въ каждой странѣ видѣтъ прежде всего страну, а не жителей, и вмѣстѣ съ тѣмъ, имя одинъ разъ усвоенное странѣ оставлять неизмѣннымъ, какимъ бы полити-ческимъ переменамъ она ни подвергалась, не позволило бъ имъ пере-мѣнить имя Поволжья и Поочья, еслибъ они даже и подпали подъ власть какого-нибудь другаго государства. И если они называютъ ихъ въ IX и X вѣкахъ Русью, то принимая во вниманіе, что востокъ еще въ VIII и даже въ VII вѣкѣ зналъ эту страну, мы должны ду-мать, что и въ этихъ вѣкахъ она также называлась Русью и не могла называться иначе.

Это дѣлаетъ намъ понятнымъ, почему ориенталисты, не ослѣп-ленные норманскою теоріей и желаніемъ вести начало Русскаго государства отъ Германскаго племени, какъ Гаммеръ, Доссонъ и от-части Хвольсонъ, въ волжской Руси арабскихъ географовъ видятъ самостоятельную Русь, получившую свое имя не въ XI вѣкѣ отъ ка-кого-нибудь другаго народа, а носившую его гораздо раньше XI вѣка, потому что оно принадлежало ей какъ ея собственное имя. Ориента-листы знаютъ это свойство арабскихъ писателей, знаютъ, что они не перемѣнили бъ имени страны, орошаемой среднею Волгою и ниж-нею Окой, еслибъ она даже и подпала подъ власть какого-нибудь другаго народа.

Что имена странъ и народовъ нынѣшней и сѣверо-восточной Россіи, будто бы подпавшихъ подъ власть Норманновъ въ IX вѣкѣ, не перемѣнились въ это время на востокѣ вообще, и въ частности, у арабскихъ писателей,—въ этомъ мы можемъ убѣдиться изъ одно-го отдѣльнаго факта, представляемаго въ сочиненіи Ибнъ-Фодла-на. По его словамъ, въ трехтысячномъ разстояніи отъ Булгара жи-ветъ народъ Вису, имя котораго въ другихъ арабскихъ рукописяхъ является въ видѣ Вишъ. Ориенталисты, начиная съ Френа, въ этомъ Вису, Вишъ согласно видятъ Несторову Весь, чтд дѣйствительно бо-лѣе чѣмъ вѣроятно. Но вѣдь Весь, по словамъ Нестора и по ученію норманистовъ, еще раньше вошла въ составъ государства Варяго-Руссовъ (Норманновъ), чѣмъ Меря; Весь уже въ 862 г. досталась

¹⁾ Рено, II, 139 и слѣд.

Норманну Синеусу, а Меря только послѣ смерти Синеуса, послѣ 864 г., вошла въ составъ государства Рюрикова (Синеусъ умре—и прія власть Рюрикъ; и раздая мужемъ своимъ грады: овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣло озеро). Почему же ни болгарскій царь Балтаварь, отъ котораго Ибнъ-Фодланъ получилъ извѣстія о Веси, ни самъ Ибнъ-Фодланъ, не называютъ Веси Руссами, а Мерю называютъ? Если Мерю они потому называютъ Руссами, что она въ то время входила въ составъ государства Руссовъ, то и Весь тогда же входила въ составъ его: они должны бѣ и ее называть Руссами. А если они не называютъ ея этимъ именемъ, то значить и Мерю они не потому называютъ Руссами, что она входила въ составъ государства Варяго-Русскаго, а по другой причинѣ,—потому, что это имя принадлежало ей раньше, какъ ея собственное, ни откуда не заимствованное.

XXI.

Подтверженіемъ этой мысли служить еще одинъ замѣчательный, но до сихъ поръ недостаточно разъясненный фактъ изъ первоначальной русской исторіи, на который также проливаютъ свѣтъ извѣстія арабскихъ писателей.

Мы видѣли, что они помѣщаютъ Русь на средней Волгѣ. Но они не ограничиваютъ ее одною среднею Волгой. Изъ разказа Масуди о походѣ Руссовъ 914 года года мы видѣли, что исходнымъ пунктомъ ихъ было Азовское море. Какъ они туда попали со средней Волги? Отвѣтъ на это мы находимъ у другихъ арабскихъ писателей. Руссы жили на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей. Тамъ они имѣли постоянную осѣдлость, укрѣпленные пункты, имѣли тамъ городъ, который Димешки, Эдризи, Али-бенъ-Саидъ и Ибнъ-ель-Варди называютъ „Русія“, что можетъ быть просто значить городъ русскій. Эдризи точно опредѣляетъ положеніе этого города, говоря, что онъ лежитъ на большой рѣкѣ, вытекающей изъ горы Кукайя, и отстоитъ отъ Матехры (Тмутаракани) на 27 миль. Муккадези прибавляетъ, что мѣсто жительства Русскихъ находится на нездоровомъ островѣ, и что число ихъ простирается до 100 тысячъ человекъ. Кромѣ того, Масуди прямо говоритъ, что море Черное называлось моремъ Русскимъ, потому что, кромѣ Руссовъ, тамъ никто не плаваетъ. Извѣстіе Муккадези о числѣ жителей имѣетъ тотъ особый смыслъ, что уясняетъ характеръ русскихъ поселеній на Черномъ или Азовскомъ морѣ. Сто тысячъ человекъ, очевидно, не могутъ, или по крайней мѣрѣ, не могли составлять особой народности въ X вѣкѣ на берегу Чер-

наго или Азовскаго моря. Это, очевидно, только колонія другаго народа: изъ стотысячнаго населенія, очевидно, нельзя бы было набрать пятидесятитысячное войско, какое съ береговъ Азовскаго моря въ 914 году отправилось въ Каспійское море.

Очевидно, населеніе этой колоніи состояло главнымъ образомъ изъ взрослыхъ мужчинъ, какъ внослѣдствіи въ Тмутаракани, и временныхъ обитателей береговъ моря, пришедшихъ сюда изъ своей метрополи, изъ страны, лежавшей по средней Овѣ и Волгѣ. Существованіе южной приморской Руси не отвергаютъ ни защитники норманской теоріи, ни изобрѣтатели Приднѣпровской Руси. Г. Геденовъ собралъ много извѣстій греческихъ, арабскихъ, русскихъ, даже западныхъ касательно ея существованія ¹⁾. Г. Соловьевъ, приведя также нѣсколько свидѣтельствъ арабскихъ и греческихъ, прибавляетъ: „Такія согласныя свидѣтельства оспаривать трудно, а главное нѣтъ нужды“ ²⁾. Потому и я не буду доказывать существованіе южной приморской Руси. Гораздо важнѣе вопросъ о томъ, какимъ образомъ попала туда эта Русь. Ни норманская, ни средне-днѣпровская теорія не могутъ удовлетворительно объяснить этого. Норманисты говорятъ, что эта Русь—Тмутараканское княжество—было завоевано Святославомъ во время его похода на Кавказъ. Но, вѣрнѣе, это—только предположеніе, не подтверждаемое словами лѣтописи, а вѣторныхъ, этому противорѣчить свидѣтельство Масуди, что еще въ 914 году Руссы отсюда, съ береговъ Азовскаго моря, отправились въ походъ на востокъ, этому же противорѣчить и письмо Димискія къ Святославу, гдѣ говорится, что отецъ Святослава Игорь, будучи разбитъ Греками, съ десятью лодками убѣжалъ къ Востфору Киммерійскому. Эти слова показываютъ, что въ Востфорѣ Киммерійскомъ уже въ то время было мѣсто, гдѣ Русскій князь могъ найти пристанище, то есть, было русское владѣніе. По мнѣнію г. Геденова, Руссы-Славяне также присоединены вполне къ Днѣпровской Руси при Святославѣ, хотя обитали они тамъ еще ранѣе ³⁾, но какъ они туда попали, почему они предпочли Востфоръ устью Днѣпра или какому-нибудь другому мѣсту болѣе близкому къ Киеву, этого г. Геденовъ не объясняетъ, и объяснить это едва ли возможно.

Между тѣмъ существованіе Руси на средней Волгѣ и Овѣ легко

¹⁾ Отрывки изъ изслѣд. о варяж. вопросѣ, стр. 53 и слѣд.

²⁾ Исторія Россіи, т. I, 337 (изд. IV-e).

³⁾ Тамъ же, стр. 66 и слѣд.

разъясняетъ дѣло. Здѣсь жило Финское племя; оно заселяло не только Волгу, Оку и ихъ притоки, но и верховья Дона и лѣвыхъ притоковъ его въ нынѣшнихъ губерніяхъ Тульской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Саратовской. Еще до сихъ поръ остатки Финскаго племени существуютъ почти во всѣхъ этихъ губерніяхъ; даже въ Астраханской губерніи до сихъ поръ сохранилась Мордва. По верховьямъ Дона и притокамъ его въ губерніяхъ Тульской, Рязанской и Тамбовской сохранились старыя городища и курганы ¹⁾, которые указываютъ на связь прежняго населенія этого края съ Руссами средней Волги и Оки. Еще болѣе остатковъ старинныхъ поселеній было въ этомъ краю въ XIII вѣкѣ, какъ видно изъ путешествія митрополита Пимена, описатель котораго, діаконъ Игнатій, именно свидѣтельствуетъ о древнихъ поселеніяхъ по берегамъ Дона, уже въ то время пришедшихъ въ запустѣніе. Руссы, которые ѣздили на своихъ лодкахъ до Персіи и Азербиджайна, могли ль оставить безъ своихъ посѣщеній страны, лежащія по нижнему теченію Дона, котораго верхнее теченіе они уже населяли? Разумѣется, нѣтъ; и результатомъ этого было то, что они рано узнали устье Дона и Азовское море. Азовское море вмѣстѣ съ Чернымъ представляло имъ широкое поле и для торговли, и для грабежа. Сѣверные и южные берега Чернаго моря были покрыты богатыми, но худо защищенными греческими городами. И вотъ они позаботились даже приобрѣсти себѣ точку опоры, вслѣдствіе чего и явился городъ Русія, потомъ исчезнувшій съ лица земли, а затѣмъ—Тмутаракань. Самое имя Тмутаракани, напоминаетъ города, основанные въ странѣ Финскаго племени, какъ *Тамбовъ*, *Елаѣма*, *Темниковъ*, *Тотьма*, равно какъ нѣкоторыя рѣки, впадающія въ Волгу, какъ *Тьма*, *Тьмака*, и проч. ²⁾. Соеобщеніе центральной Руси съ приморскою производилось посредствомъ южныхъ притоковъ Оки и Волги, посредствомъ волоковъ и притоковъ Дона, равно и посредствомъ самаго

¹⁾ См. списки населенныхъ мѣстъ губерній: Тамбовской и Рязанской и статью *Гедеонова въ Труды 1-го съезда* о древностяхъ въ Веневскомъ и ближайшихъ къ нему уѣздахъ.

²⁾ Любопытно, что и лежащая противъ Тмутаракани Керчь прежде носила имя, которое, по видимому, финскаго происхожденія. Надпись на Тмутараканскомъ камнѣ начинается такъ: Мърилъ князь Глѣбъ по леду отъ *Кърчева* до Тмutorакани. Имя Кърчевъ есть то же, что корчева, имя города Тверской губерніи. Кажется, оба они происходятъ отъ мордовскаго Керже, лѣвый, отъ котораго происходитъ также названіе рѣки Керженца. Керчь, если смотреть на нее изъ Тмутаракани, дѣйствительно была отъ нея влѣво.

Дона. Что этотъ путь дѣйствительно существовалъ и былъ извѣстенъ еще во времена сравнительно позднія, это доказывается какъ путешествіемъ митрополита Пимена, такъ и тѣмъ замѣчательнымъ фактомъ, что со времени раздѣленія Руси на удѣлы Тмутаракань обыкновенно была соединена съ Рязанско-Муромскимъ княжествомъ, вслѣдствіе чего и могло появиться недоразумѣніе, что Тмутаракань была на мѣстѣ Рязани. Только водное сообщеніе по притокамъ Оки и Дона сокращало разстояніе между Рязанью и Тмутараканью. Еслибъ его не было, то въ Тмутаракань было бы гораздо удобнѣе ѣхать изъ Переяславлѣ или изъ Чернигова, чѣмъ изъ Рязани или Муромъ, и она была бы причислена къ какому-нибудь изъ этихъ княжествъ, а не къ Рязани. И это соединеніе ея съ Рязанью, равно какъ существованіе воднаго сообщенія между ними, указываетъ на то, что Тмутаракань колонизована не съ береговъ Днѣпра, а съ береговъ Оки. Къ той же мысли приводитъ и еще одинъ фактъ, который до сихъ поръ не объясненъ удовлетворительно. Въ 834 году Ховары, которые гораздо раньше этого вступили довольно въ близкія сношенія съ Византіей, просили императора Теофила помочь имъ въ постройкѣ крѣпости. Императоръ прислалъ имъ строителя Петрона, который съ своими людьми прибылъ въ Донъ и построилъ крѣпость Саркель. Противъ кого назначалась эта крѣпость? Эверсъ думаетъ, что назначеніемъ ея было охранять Казарію отъ Печенѣговъ и держать въ повиновеніи отдаленныя Славянскія земли, платившія дань Хозарамъ, но самъ же находитъ, что столь незначительная крѣпость не могла достигнуть этихъ цѣлей. Намъ кажется, что цѣль эта была недостижима еще по другой причинѣ: отъ Славянъ, обитавшихъ по Днѣпру, Сожи, верховьямъ Оки, крѣпость была очень отдаленна; а Печенѣги не были народомъ мореходнымъ, не по Дону они должны были ѣхать, чтобы нападать на Хозарскую землю. И гдѣ они жили въ первой половинѣ IX вѣка? Между Дономъ и Днѣпромъ жили еще Угры; а Печенѣги жили дальше ихъ къ востоку. И только въ 898 году, гонимые изъ страны между Дономъ и Днѣпромъ Печенѣгами, Угры прошли мимо Кіева. Только тогда Печенѣги заняли ихъ мѣсто; да и то еще неизвѣстно, перешли ли они совсѣмъ за Донъ, къ западу отъ него, или отчасти кочевали и къ востоку отъ Дона.

Между тѣмъ существованіемъ Руси на нижней Окѣ, средней Волгѣ и по всему пространству отъ Оки до южныхъ степей легко объясняется построеніе Саркела. Руссы, по словамъ Табари, были врагами всему міру. Также изображаетъ ихъ и патріархъ Фо-

тій. Что они нападали на Византійскія и Козарскія владѣнія, мы это знаемъ. На Византію они нападали изъ устьевъ Дона и изъ Азовскаго моря, на Козаръ и вообще на побережье Каспійскаго моря— съ Волги и съ Дона. Руссы были судоходны. Если они на кого -нибудь нападали, то нападали на корабляхъ. Если они предпринимали походъ на Греческую имперію, то изъ верховьевъ Дона и его приточевъ суда ихъ спускались къ Азовскому морю и грабили берега Крыма или Малой Азіи (см. житія Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго). Впослѣдствіи, когда они овладѣли Днѣпромъ, то изъ устьевъ Днѣпра они предпринимали походъ на самую Византію (походы Олега и Игоря). Но въ 834 году они еще не владѣли Днѣпромъ; и вотъ Козары и Греки придумали удерживать ихъ посредствомъ крѣпости, построенной на Дону въ томъ мѣстѣ, гдѣ всѣ притоки его, кромѣ Донца (а на Донцѣ Руссы не жили), уже соединились съ нимъ. Всякое русское судно, спускавшееся къ морю, должно было проѣхать мимо Саркела, стало быть, могло быть болѣе или мѣнѣе удержано. Построеніе Саркела было болѣе выгодно для Грековъ, чѣмъ для Козаръ, такъ какъ въ страну Козаръ Руссы могли вторгаться другимъ путемъ. И этимъ преимущественно нужно объяснять, что Греки такъ охотно построили ее, а не искусствомъ Козаръ въ этомъ дѣлѣ. Построить крѣпость въ родѣ тѣхъ, какія существовали въ IX вѣкѣ, Козары безъ сомнѣнія могли, какъ могли они укрѣпить Итиль. Но крѣпость на Дону была нужна не столько имъ, сколько Грекамъ. Съ тѣхъ поръ Руссы не могли такъ легко нападать на Византійскія владѣнія по берегамъ Чернаго моря. И быть можетъ, это затрудненіе, сдѣланное Руссамъ, и было причиною того, что они рѣшились овладѣть другимъ путемъ въ Черному морю, Днѣпромъ, что они и сдѣлали. Дѣйствительно, первыя владѣнія Руссовъ на Днѣпрѣ ограничивались только теченіемъ самого Днѣпра. Страны, лежавшія по правымъ и лѣвымъ притокамъ его, покорены уже послѣ. И первыя дѣйствія Руссовъ послѣ того, какъ они овладѣли теченіемъ Днѣпра, были продолженіемъ предыдущихъ дѣйствій. Походы Олега и Игоря были такими же походами, какъ походъ Бравалина или походъ 861 г., только въ увеличенныхъ размѣрахъ. И это болѣе раннее появленіе Руси на устьяхъ Дона, на Азовскомъ морѣ, на берегахъ Крыма и Малой Азіи доказываетъ, что Русь Черноморская существовала раньше Руси Киевской, что, стало быть, она не могла быть колоніей Киева, а была колоніей какой-нибудь другой Руси, существовавшей раньше.

XXII.

Вопросъ о томъ, когда въ первый разъ проявила себя Русь въ нынѣшней Россіи, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ ея, въ Кіевѣ ли, на Волгѣ ли, или на Азовскомъ морѣ, есть одинъ изъ самыхъ капитальныхъ въ общемъ вопросѣ о началѣ Руси, не только въ хронологическомъ, но и въ этнографическомъ отношеніи. Если Руси не было ни на Волгѣ съ Окою, ни на Азовскомъ морѣ до Рюрика, то конечно, оказавшаяся потомъ тамъ Русь можетъ быть производима отъ Несторовой варяжской Руси. Если жъ она проявила себя раньше Рюрика, то производить ее отъ Несторовой Руси будетъ уже нельзя, хотя норманисты, предвидя, что рано или поздно дѣло до этого дойдетъ, уже приготовили себѣ отступленіе, и притомъ не одно. Норманисты защищаютъ свою теорію, какъ хорошій полководецъ защищаетъ вѣренную ему страну. Побѣжденные на одной позиціи, они отступаютъ и укрѣпляются дальше на другой; выбитые изъ этой, они укрѣпляются въ третьей. Собственно Несторовой Руси такой же, какъ Гте, Агняне, Сvei и Урмане, уже давно не оказалось. Это знали еще первые изслѣдователи вопроса, Тунманъ и Шлецеръ, и потому объясняли Несторову Русь Рослагеномъ, и Рослагенъ оказался неудовлетворительнымъ. Тогда на подкрѣпленіе явились гребцы Rodhsi. Теперь и Rodhsi оказались несостоятельными. И въ этомъ мѣстѣ теоріи образовалась брешь, еще не задѣланная. Шлецеръ нашелъ несогласнымъ съ легендой о признаніи существованія Кіевской варяжской Руси. И Кіевскую Русь онъ призналъ Русью *sui generis*. Г. Соловьевъ сознаетъ, что хронологія нашей лѣтописи не можетъ удовлетворить изслѣдователя, и требуетъ, чтобы вопросъ о призваніи лѣтописи былъ отдѣленъ отъ хронологическихъ данныхъ лѣтописи. Такимъ образомъ, когда и будетъ доказано, что Русь существовала въ Россіи раньше 862 г., и въ такомъ случаѣ норманисты могутъ еще утверждать, что все-таки эта Русь была норманская. Г. Кунигъ, по видимому, не согласенъ съ этимъ; онъ приготовилъ другой путь отступленія и еще защищаетъ прежнюю позицію. Извѣстію Табари о Руси VII вѣка онъ не вѣритъ; а еслибы оно оказалось справедливымъ, то онъ заранѣе объявляетъ Руссовъ Табари Русью *sui generis*. Эта „Русь *sui generis*“, то-есть, признаніе ее норманистами служитъ, по нашему мнѣнію, весьма замѣчательною характеристикою норманской теоріи. Норманская теорія походитъ на того человѣка классической притчи, который оказалъ услугу

самой смерти, за что смерть обещалась не приходиться къ нему, не предупредивъ его напередъ черезъ особеннаго близкаго ей посланца. Наконецъ смерть пришла, и услужившій ей человекъ обратился къ ней съ упрекомъ: зачѣмъ она не предупредила его? „Какъ не предупредила“, отвѣчаетъ смерть; — „еще пять лѣтъ назадъ я послала къ тебѣ лихорадку, мою племянницу, потомъ послала кровавый поносъ, который мнѣ двоюродный братъ; наконецъ я послала къ тебѣ чахотку, которая мнѣ родная сестра“.

Эта Русь *sui generis* — предвѣстница смерти норманской теоріи. Истина имѣетъ свойство пробиваться наружу. Несторъ, или точнѣе, позднѣйшій сводчикъ лѣтописей, затемнилъ ее своею теоріей, и теорію его приняли. Но то изъ одного, то изъ другаго источника являются факты несогласные съ нею. Для устранения этихъ не желанныхъ въ теоріи фактовъ и прибѣгаютъ къ Руси *sui generis*. Между тѣмъ Русь *genetis nestoriani* нигдѣ не оказывается. И вообще теорія не укрѣпляется, но слабѣетъ. Подпоры ея мало по малу падаютъ. Упалъ Рослагенъ, упали Rodhsi, упалъ норманизмъ въ нарицательныхъ именахъ и отчасти въ собственныхъ, и кончится все это тѣмъ, что Русь норманская сама должна будетъ упасть и уступить свое мѣсто одной изъ Русей *sui generis*.

Такою Русью, конечно, можетъ быть только дѣйствительная Русь, о которой мы имѣли бы положительныя и достовѣрныя извѣстія, а не одни предположенія, какъ о Руси днѣпровской. Такая Русь давно извѣстна. Ее зналъ Эверсъ. За невниманіе въ ней онъ упрекалъ еще Карамзина. Но въ то время эта Русь опиралась только на литературныя свидѣтельства, да и то на немногія и не самыя важныя. Потомъ открыты были Ибнъ-Фодланъ, Ибнъ-Даста, раскопаны курганы, комментаріи къ этимъ писателямъ. Но послѣдователи безвѣстнаго сводчика утверждаютъ, что все это десятый вѣкъ, что и въ курганахъ погребены Норманны ¹⁾, такъ что дѣло остается, по видимому, въ прежнемъ положеніи, то-есть, что нѣтъ еще будто бы никакихъ указаній на Русь иначе, какъ въ Скандинавіи, а въ Россіи не было Руси до второй половины IX вѣка. Не возвращаясь болѣе къ результатамъ археологическихъ и нумизматическихъ изслѣдованій, что народъ, называвшійся на востокѣ Руссами, жилъ на средней Волгѣ и даже торговалъ съ востокомъ еще въ VIII и даже VII вѣкѣ,

¹⁾ Гравъ Уваровъ, кромѣ собственно мерскихъ кургановъ, нашелъ на берегахъ Волги еще курганы норманскіе.

обратимся къ письменнымъ источникамъ, указывающимъ на Русь въ нынѣшней Россіи до 862 года. Къ нимъ принадлежатъ извѣстія Табари и житія св. Кирилла и Стефана Суроожскаго.

Атъ-Табари прямо свидѣтельствуеть, что еще въ VII вѣкѣ Руссы опустошали страны, лежація у подошвы Кавказа; его свидѣтельство сохранилось не въ видѣ какой-нибудь бѣглой случайной замѣтки. Онъ обстоятельно говоритъ объ отношеніяхъ Дербентскаго владѣтеля Шахриара къ Арабамъ, которымъ онъ предложилъ вмѣсто дани защищать страны ислама отъ нападенія Руссовъ. Но Табари не вѣрять; почему? Г. Куникъ не вѣрять потому именно, что онъ дошелъ до насъ не въ подлинникѣ, а въ персидскомъ переводѣ и въ сокращеніи. Но тутъ нѣтъ причины отказываться отъ извѣстія, которое само по себѣ достовѣрно. Подобнымъ образомъ Эверсъ въ первый разъ узналъ о волжскихъ Руссахъ изъ персидскаго перевода Истахри; и что же? сообщенныя въ переводѣ свѣдѣнія оказались ли ложными? Нисколько; они оказались тѣми же самыми, которыя содержатся и въ подлинномъ сочиненіи Истахри, у Гаукала и другихъ. Восточные писатели относились съ уваженіемъ къ литературному дѣлу; переводчикъ и эпитоматоръ не позволяли себѣ произвольно измѣнять смыслъ подлинника. Если это бывало, то не вслѣдствіе легкомысленнаго отношенія къ дѣлу, а вслѣдствіе недостаточныхъ или невѣрныхъ свѣдѣній переводчика или эпитоматора. Но Табари или его эпитоматоръ вообще весьма правильно представляли себѣ положеніе того края, о которомъ они говорили. Владѣтель Дербента въ VII вѣкѣ, по ихъ словамъ, находился между двумя врагами — Хазарами и Руссами. Что Хазары жили близь Дербента, это мы знаемъ; что Руссы жили на берегу Чернаго и Азовскаго моря, именно близь устьевъ Кубани, это мы также знаемъ; что Руссы были врагами всему міру, какъ говорить Табари, это также вѣрно. Намъ извѣстно, что они дѣйствительно нападали и на Персію, и на Гиліанъ, и на Хазарію, на Булгарію, Крымъ, Малую Азію, Византію. Вообще, у Табари нѣтъ ни одного извѣстія, которое было бы неправдоподобно; нѣтъ ни одного даннаго, гдѣ было бы видно его незнаніе.

Заподозривается еще ¹⁾ извѣстіе Табари о Руссахъ, потому что его разказъ о Руссахъ приведетъ въ формѣ разговора между Шахриаромъ и Абдуррахманомъ, арабскимъ полководцемъ. Но это только особенная форма историческаго изложенія. Подобныхъ сочиненныхъ

¹⁾ У г. Гаркави.

разговоровъ множество у писателей всѣхъ вѣковъ и народовъ; но въ нихъ сочинена только форма, а сущность не сочинена. У нашего лѣтописца вездѣ подобныя разговоры, начиная съ знаменитаго: „Земля наша велика и обильна, а народа въ ней нѣтъ“. И еслибы не было другихъ причинъ отвергать призваніе князей, то мы не сдѣлали бы этого потому только, что разказъ о немъ взложенъ въ діалектной формѣ. Въ разказѣ о смерти Бориса самому Борису приписывается разговоръ съ дружиной, а Святополку—разговоръ съ Пушьтой и Вышеградскими боярами. Но эта форма нисколько не заподозриваетъ того факта, что Борисъ не хотѣлъ вооружиться на брата, а Святополкъ замыслилъ убить его и привелъ въ исполненіе свой замыселъ. Подобнымъ образомъ мы вѣримъ и Табари, если находимъ, что разказъ его по сущности своей правдоподобенъ и согласенъ съ извѣстіями другихъ источниковъ.

Мы не находимъ никакой причины отвергать даже свидѣтельство персидскаго историка Шагирь-Эдина, говорящее, что въ VI вѣкѣ Руссы платили дань Персидскому царю Нуширвана. Это извѣстіе, какъ и извѣстіе Табари, противорѣчитъ только нашей неслладной легендѣ о призваніи, а никакому дѣйствительному историческому факту или извѣстію не противорѣчитъ.

Далѣе, въ житіи св. Кирилла, просвѣтителя Славянъ, говорится, что раньше 860 года, когда онъ занялся переводомъ священныхъ книгъ, онъ былъ въ Хазаріи и на пути туда въ Херсони, въ Крыму. Здѣсь онъ видѣлъ евангеліе и псалтырь, писанныя „рошпскими письмени“, и нашелъ человѣка, который понималъ эти письма. Извѣстіе это считаютъ подложнымъ (Бодявскій и др.)¹⁾. На какомъ основаніи? Все на томъ же, что раньше 862 года Руссовъ не было въ Россіи. Дѣйствительно, съ точки зрѣнія норманской теоріи это извѣстіе должно быть отвергнуто. Раньше 860 года не было Руссовъ въ Россіи, стало быть не для кого тамъ было существовать переводу на русскій языкъ и священныхъ книгъ. Это извѣстіе одинаково несогласно ни съ скандинавскою, ни съ днѣпровскою теоріей. Норманистъ долженъ отвергнуть его потому, что тутъ подразумѣвается Русь въ Россіи до 862 года, а также и потому, что Скандинавы до начала XI вѣка не были христіанами и до XVI вѣка не имѣли перевода священныхъ книгъ на свои языки. Гг. Геденовъ и Иловайскій должны отвергнуть его

¹⁾ Недавно открытъ и арабскій текстъ сочиненія Табари, но что это за текстъ, какое его содержаніе и происхожденіе, пока неизвѣстно.

потому, что Славяне до 860 года не имѣли перевода священныхъ книгъ.

Это извѣстiе согласно только съ извѣстiями арабскихъ писателей о Руси Волжской и Черноморской, съ курганными раскопками и съ нѣкоторыми другими историческими данными. На Волгѣ и Азовскомъ морѣ была Русь. Эта Русь была языческая. О ея религiи мы имѣемъ извѣстiя Ибнъ-Фодлана. Но раскопки кургановъ между Волгой и Окой показали замѣчательный фактъ, до тѣхъ поръ даже не подозреваемый историками. Во многихъ курганахъ покойники найдены погребенными по христіанскому обычаю, лицомъ на востокъ, и кромѣ того, найдены предметы, показывающіе, что покойники принадлежали къ христіанской вѣрѣ, крестики, образки и т. п. ¹⁾

Графъ Уваровъ, единственный пока изслѣдователь касательно этого предмета, думаетъ, что и способъ погребенiя, и находеніе въ курганахъ христіанскихъ предметовъ, не имѣютъ того значенiя, чтобы погребенные въ этихъ курганахъ принадлежали къ христіанской вѣрѣ. Въ своей мысли онъ основывается, главнымъ образомъ, на томъ, что въ такихъ могилахъ, вмѣстѣ съ крестиками и образками, находятся другіе предметы изъ домашней утвари, и между прочимъ, оружіе. Онъ говоритъ, что новообращенные не поставили бы въ могилу христіанина домашнюю утварь и оружіе. Отъ чего же? Утварь и оружіе были полагаемы въ могилу вмѣстѣ съ покойникомъ не въ видѣ какаго-нибудь религіознаго символа, а только какъ принадлежность званiя человека. У насъ покрываютъ же лошадей, везущихъ покойника, бумажными щитами съ изображеніемъ герба покойника и впереди погребальной колесницы несутъ подушки съ его орденами. Конечно, этотъ обычай не совсѣмъ согласенъ съ духомъ христіанства; но и языческаго въ немъ ничего нѣтъ. Это проявленіе обыкновенной человѣческой суетности. Отъ чего же не возможно было проявленіе этой суетности и у обитателей ордней Волги? Отъ чего знаменитый воинъ христіанинъ не могъ быть положенъ съ мечемъ или топоромъ, хорошей стрѣлкой—съ лукомъ и стрѣлами, франтъ съ браслетомъ на рукѣ и сергомъ въ ухѣ, купецъ—съ вѣсами и гирами, домовитая хозяйка—съ ключами или серпомъ, кухонною посудой или иглой, шорникъ—съ шиломъ и т. д., когда все это составляло общій народный обычай этой страны?

Еслибъ и дѣйствительно въ могилахъ съ христіанскими предме-

¹⁾ Меряне и ихъ быть, гр. Уварова, въ *Трудахъ 1-ю Арх. съезда*, 688—697.

тами найдены были какіе символы язычества, и въ такомъ случаѣ это не имѣло бы того значенія, какое гр. Уваровъ приписываетъ домашней утвари и оружію. Извѣстно, что погребальныя языческіе обычаи долгое время удерживались во многихъ странахъ послѣ обращенія ихъ къ христіанству. Объ этомъ сохранились многочисленныя свидѣтельства. Лютичи долгое время на могилы покойниковъ набрасывали кучи хвороста, Чехи, спустя 200 лѣтъ послѣ принятія христіанства, еще хоронили покойниковъ въ лѣсахъ и поляхъ, а не близъ церкви, какъ требовало духовенство; похороны сопровождалась трезной и языческими игрищами. У насъ еще Стоглавный соборъ вооружался противъ трезнѣ и игрищъ на могилахъ покойниковъ. Владиміръ Святой былъ вынесенъ изъ дома, въ которомъ умеръ, по языческому обычаю, черезъ разломанный полъ ¹⁾. Въ Галицкой Руси еще въ XVI вѣкѣ самъ христіанскій священникъ давалъ въ руки покойнику „перевозную монету“ ²⁾.

Что касается до того, что нѣкоторые христіанскіе курганы на Волгѣ находятся въ одномъ мѣстѣ съ языческими, это не можетъ ввести насъ въ недоумѣніе, послѣ того какъ мы знаемъ, что во всѣхъ почти странахъ первоначально христіанскіе покойники погребались на старыхъ языческихъ кладбищахъ. Самому гр. Уварову извѣстно увѣщаніе Бамбергскаго епископа Оттона, обращенное къ христіанамъ Поморанамъ (Лютичамъ) о томъ, чтобъ они не хоронили своихъ покойниковъ на языческихъ кладбищахъ. Но онъ выводитъ изъ него то заключеніе, что этого совмѣстнаго погребенія христіанъ и язычниковъ не могло быть у обитателей Волги. Напротивъ, оно доказываетъ лишь то, что новообращенные христіане сами по себѣ не только безразлично относились къ мѣсту погребенія, но даже предпочитали старыя языческія кладбища. Нельзя же думать, чтобъ увѣщаніе епископа Оттона къ Поморанамъ было извѣстно у христіанъ на Волгѣ и даже имѣло ожидаемое имъ дѣйствіе. Притомъ не надобно забывать, что увѣщаніе Оттона относится къ XII вѣку, а средне-волжскіе курганы во всякомъ случаѣ относятся ко времени болѣе раннему.

У христіанъ на Волгѣ это погребеніе покойниковъ на языческихъ кладбищахъ тѣмъ естественнѣе, что откуда бы они ни приняли христіанство, во всякомъ случаѣ страна ихъ была далека отъ своей ре-

¹⁾ См. *Котляревскаго*, Погреб. об. Слав., 124 и другія.

²⁾ Тамъ же, 152.

лигиозной метрополіи. Въ Скандинавіи въ самой до VI вѣка господствовало язычество. Слѣдовательно, ближайшими христіанскими странами къ средней Волгѣ были Закавказье и Византійская имперія; но ближайшія они все-таки сравнительно, а разсматриваемыя безотносительно, они были очень отдалены отъ средняго теченія Волги. Очень вѣроятно, что тамъ не было и правильно организованной іерархіи, что тамошняя іерархія, священники, были туземнаго происхожденія, слѣдовательно, сами не были чужды остатковъ языческихъ вѣрованій.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ нельзя допустить того, чтобы присутствіе въ курганахъ крестиковъ и образковъ не имѣло того значенія, которое съ ними соединено какъ съ символами христіанства. Носить ихъ какъ простыя украшенія, какъ предполагаетъ гр. Уваровъ, могли какіе-нибудь дивари Океаніи въ XVII и XVIII вѣкѣ, не имѣя никакого понятія о ихъ символическомъ значеніи. Но обитатели средней Волги должны были хорошо знать христіанство. Не говоря о томъ, что они грабили христіанскія страны, вспомнимъ, что они жили въ Итилѣ, рядомъ съ христіанами.

Можно, впрочемъ, допустить, что христіанство было исповѣдуемо на Волгѣ тайно, какъ согласенъ признать и гр. Уваровъ. Съ этимъ былъ бы вполне согласенъ тотъ фактъ, что впоследствии въ этой странѣ христіанство подвергалось ожесточенному преслѣдованію. Но позднѣйшее преслѣдованіе можно объяснить отчасти, а можетъ быть и главнымъ образомъ, политическими причинами. Въ первое время, когда христіане были немногочисленны, когда прозелиты новой вѣры состояли исключительно изъ обыкновенныхъ членовъ общества, въ то время волхвы могли относиться къ нему съ нѣкоторою терпимостью; но когда христіанство появилось въ странѣ подъ эгидою власти, когда началась дѣятельная пропаганда съ содѣйствіемъ этой власти, и волхвы увидѣли, что ихъ вѣрѣ и ихъ вліянію угрожаетъ серьезная опасность, тогда и они, съ своей стороны, повели дѣятельную агитацію съ цѣлью противодѣйствія христіанству, и въ первое время, когда власть южныхъ князей на Волгѣ была слаба, противодѣйствіе ихъ было успѣшно.

Во всякомъ случаѣ, тайно или не тайно, исповѣдывалось на Волгѣ христіанство, но оно существовало тамъ въ то время, къ которому относятся курганы. Вопросъ въ томъ, когда оно началось тамъ, къ сожалѣнію, съ точностью опредѣлить этого нельзя. Время кургановъ простирается отъ VIII до XI вѣка. Древнѣйшая восточная

монета, найденная въ курганахъ, относится къ 699 году, позднѣйшія восточныя относятъ къ началу XI вѣка, позднѣйшія западныя—ко второй половинѣ XI вѣка. Къ этому времени относятся и курганы. Курганы гр. Уваровъ раздѣляетъ на древнѣйшіе и позднѣйшіе. Въ древнѣйшихъ трупы сожженные, въ позднѣйшихъ трупы погребены не сожженные. Христіанскіе предметы находятся какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ (стр. 696—697). Въ одномъ курганѣ крестъ найденъ вмѣстѣ съ обломкомъ куфической монеты: къ сожалѣнію, время монеты не опредѣлено, быть можетъ, потому, что она недостаточно хорошо сохранилась. Въ другомъ курганѣ крестъ найденъ съ цѣлою куфическою монетою, которой время также не опредѣлено. Въ третьемъ курганѣ найденъ образокъ вмѣстѣ съ западною монетою императора Оттона I (X вѣка) ¹⁾.

Потому, намъ кажется, нѣтъ причины думать, чтобы христіанскіе курганы относились только къ самому позднему періоду. Напротивъ, судя потому, что они попадаются и при сожженныхъ, и при погребенныхъ трупахъ, равно какъ судя по монетѣ императора Оттона и по обломку куфической монеты, можно думать, что они восходятъ къ X и даже IX вѣку ²⁾, что они современны обоимъ періодамъ погребенія—и посредствомъ сожженія, и посредствомъ погребенія въ тѣсномъ смыслѣ. Что христіане были сожигаемы подобно язычникамъ, это объясняется и малочисленностью ихъ, вслѣдствіе чего хоронить ихъ приходилось язычникамъ, и привязанностью самихъ христіанъ къ древнему способу погребенія. Бывали примѣры, что народы, недавно обращенные въ христіанство, не только слѣдовали языческимъ погребальнымъ обычаямъ, но просто, нисколько не стѣняясь, продолжали приносить жертвы прежнимъ языческимъ богамъ. Еще въ XIII вѣкѣ новообращенные „сосѣди Поляковъ“, Пруссы, обѣщались папскому легату архидіакону Іакову, что они не будутъ сожигать или хоронить покойниковъ вмѣстѣ съ лошадьми или людьми; эти-то неофиты, между прочимъ, могли продолжать приносить жертвы идолу Курко ³⁾.

Существованіе христіанства въ Руси Волжской, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ колоніи ея, Руси Черноморской, объясняетъ намъ, какое еван-

¹⁾ Меряне, *гр. Уварова*, 825.

²⁾ По мнѣнію Размуссена, въ обломкахъ попадаются большею частью монеты первыхъ калифовъ Абасидовъ. *De orientis Commercio*, стр. 57, то есть, монеты VIII вѣка.

³⁾ *Котляревскій*, стр. 132, 3. У Петра Дюсбурга, изданіе *Гарткноха*, стр. 467—468.

геліе и какой псалтырь св. Кирилль видѣлъ въ Херсоніи. Это были первыя священныя книги Руси Волжской и Черноморской. Что между древнѣйшими не славянскими Руссами были христіане, это намъ извѣстно изъ другаго источника. Нашъ лѣтописецъ разказываетъ, что Игорева Русь въ 945 г. принимала присягу въ церкви св. Іліи. Правда, лѣтописецъ думаетъ, что это была Русь Варяжская, Норманская: „мнози бо было Варязи христіане“, прибавляетъ онъ. Но его мнѣніе для насъ не важно, такъ какъ мы знаемъ, что оно было ошибочно; Варяжской Руси никогда не было. Въ этомъ случаѣ онъ ошибся двукратно. Сами Варяги, Норманны, къ которымъ, будто бы, относилась Русь, въ то время еще не были христіанами. Христіанство стало распространяться въ Швеціи только въ началѣ XI вѣка. Болѣе ранняя попытка къ этому св. Аснгарія осталась безуспѣшною.

Что Руссы имѣли письма, съ помощью которыхъ могло быть переведено на ихъ языкъ Священное Писаніе, это мы знаемъ изъ двухъ источниковъ. Ибнъ-Фодланъ говоритъ, что Руссы надъ могилою покойника сдѣлали надпись на деревѣ. Это онъ самъ видѣлъ, это фактъ несомнѣнный. Другое извѣстіе принадлежатъ Эль-Надиму. Эль-Надимъ также самъ видѣлъ кусокъ дерева, на которомъ были вырѣзаны русскія письма, коихъ изображеніе онъ же и представляетъ. Сочиненіе Эль-Надима относится къ 987 или 988 году. Случай, давшій Эль-Надиму возможность видѣть русскія письма, былъ такой: Какой-то кавказскій владѣтель послалъ къ Русскому царю посольство; въ какомъ году было отправлено посольство и съ какою цѣлью, это осталось неизвѣстнымъ. Но одного изъ членовъ посольства видѣлъ потомъ Эль-Надимъ. Во всякомъ случаѣ фактъ, сообщаемый Эль-Надимомъ, говоритъ въ пользу того, что у Руссовъ въ X вѣкѣ были письма. Остатковъ письменъ не найдено ни въ курганахъ, ни надъ курганами, но это объясняется матеріаломъ, на которомъ писали. Это было дерево, и по всей вѣроятности, очень мягкое, потому что на немъ не только писали, но и вырѣзывали буквы. Извѣстіе это весьма согласно съ характеромъ страны Руссовъ; дѣйствительно, на средней Волгѣ сама природа предлагаетъ этотъ матеріалъ для письма ¹⁾.

¹⁾ Быть можетъ, кусокъ дерева, видѣнный Эль-Надимомъ, былъ даже не самымъ деревомъ, а корой его, лубкомъ. Эль-Надимъ Арабъ, не знакомый ни съ какими деревьями сѣвера, а выдавшій большую часть мягкотѣлую пальму, могъ и лубокъ принять за самое дерево. При разказѣ Эль-Надима невольно приходитъ на умъ суздальское лубочное печатаніе изображеній и даже книгъ. Откуда ведетъ свое начало это печатаніе, это вырѣзываніе буквъ и изображеній на

Если-жь у Руссовъ въ X вѣкѣ существовали письма, и какъ видно изъ словъ Ибнъ-Фодлана, они были во всеобщемъ употребленіи даже въ началѣ X вѣка, то отсюда слѣдуетъ, что они необходимо должны были употребляться и въ IX. Письменность не распространяется быстро. Въ особенности нужно много времени, чтобъ она могла войти во всеобщее употребленіе, такъ чтобы надпись на могилѣ считалась дѣломъ необходимымъ, и безъ нея не оставялась даже могила человѣка, умершаго на чужой сторонѣ. Очевидно, спутники русскаго человѣка, умершаго въ Булгарѣ при Ибнъ-Фодланѣ, то есть, вообще торговцы, пріѣзжавшіе въ Булгарѣ изъ Руси, были люди грамотные; для нихъ была сдѣлана надпись на могилѣ покойника, чтобъ они могли всегда отыскать могилу, и между ними же нашелся человѣкъ, который и сдѣлалъ надпись. Сопоставимъ этотъ фактъ съ тѣмъ, что мы видимъ въ настоящее время. Еще теперь наши старые торговцы, въ наши дни доживающіе свой вѣкъ, за исключеніемъ столицъ и самыхъ важныхъ торговыхъ городовъ, въ значительной долѣ люди совершенно безграмотные. Это значитъ, что въ началѣ нашего столѣтія и въ концѣ прошлаго въ нашемъ торговомъ сословіи грамотность была распространена очень мало, послѣ того какъ почти 900 лѣтъ тому назадъ принесена къ намъ славянская письменность. Можно ли послѣ того думать, чтобы письменность, существовавшая у Руссовъ въ началѣ X вѣка, не существовала у нихъ въ IX и VIII? Вспомнимъ при этомъ еще слѣдующій фактъ.

Св. Стефанъ изобрѣлъ алфавитъ для Зырянъ. Но судя по всему, онъ не то, что изобрѣлъ, а усовершенствовалъ существовавшій у нихъ прежде алфавитъ. Таково мнѣніе объ этомъ г. Саввантова, изучавшаго этотъ вопросъ (*Труды 1-ю сѣзда*, стр. 413). Но древніе Руссы на ступеняхъ цивилизаціи стояли выше, чѣмъ Зыряне. Они были, дѣйствительно, наиболѣе образованнымъ народомъ Россіи въ VIII, IX и X вѣкахъ. Стало быть, существованіе у нихъ письменъ является, дѣйствительно, логическою необходимостью. И извѣстіе житія св. Кирилла оказывается вполне согласнымъ съ фактами. Святой Кириллъ могъ видѣть евангеліе и псалтырь, писанные русскими письменама, потому что въ IX вѣкѣ Руссы имѣли уже письма, и даже между ними были христіане, какъ слѣдуетъ думать на основаніи кур-

лубкахъ? Не восходить ли оно къ такому же вырвзыванію Руссовъ, древнихъ обитателей Суздальской страны? Извѣстно, что разныя специальности въ промышленности нерѣдко восходятъ къ глубокой древности.

ганных раскопокъ и присяги Игоревыхъ воиновъ въ церкви св. Иліи. Извѣстіе должно быть принято, потому что нѣтъ никакой причины отвергать его.

Третье извѣстіе о Руси, существовавшей въ нынѣшней Россіи, содержится въ преданіи о чудесахъ св. Стефана Сурожскаго, сохранившемся въ разныхъ редакціяхъ только на русскомъ языкѣ, но первоначально составленномъ, безъ всякаго сомнѣнія, на греческомъ. Слѣдующее преданію, русскій князь Бравалинъ, ограбивъ греческіе города въ Крыму отъ Корсуна до Керчи, явился въ Сурожъ, и въ то время, какъ воины его грабили городъ, самъ взомель въ Софійскую церковь и принялся грабить драгоценныя вещи, лежавшія на гробницѣ св. Стефана. Тогда совершилось чудо: лицо Бравалина повернулось назадъ, послѣ чего онъ отдалъ все награбленное, приказавъ сдѣлать то же своимъ воинамъ, освободилъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ другихъ городахъ полуострова, и принялъ крещеніе. Кто былъ этотъ Бравалинъ, откуда? По однимъ извѣстіямъ, онъ былъ русскимъ княземъ изъ Новгорода, по другимъ—русскимъ же княземъ изъ Кіева. По Новгородской лѣтописи, онъ былъ предводитель Славянъ Новгородскихъ. Но въ лѣтописи тутъ же говорится, что именно по этому случаю „начатся прозывать Русская земля“. Это значитъ, что въ греческомъ подлинникѣ, откуда авторъ выписалъ преданіе, рать Бравалина названа русскою, какъ и въ рукописи Румянцевскаго музея, описанной Востоковымъ, или вообще это нападеніе приписано Руси, какъ въ Демидовскомъ хронографѣ. Разногласіе русскихъ источниковъ, выводящихъ Бравалина то изъ Кіева, то изъ Новгорода, показываетъ еще, что въ греческомъ подлинникѣ его княжество совсѣмъ не обозначено, а названъ онъ просто русскимъ княземъ, и уже Русскіе, заноса извѣстіе въ лѣтописи или составляя на основаніи греческаго подлинника отдѣльное сказаніе о чудесахъ при гробѣ св. Стефана, дѣлали его то княземъ Кіевскимъ, то Новгородскимъ, сообразно съ тѣмъ, какъ и гдѣ они представляли себѣ Русь того времени.

Время похода Бравалина Демидовскій хронографъ и Новгородская лѣтопись относятъ къ 852 году; а рукопись Румянцевскаго музея не опредѣляя его точно говоритъ: по смерти святаго мало лѣтъ минувшю приде рать и т. д., то-есть, относитъ событіе ко времени, близко слѣдовавшему за смертію св. Стефана, который, по всей вѣроятности, умеръ еще въ VIII вѣкѣ, такъ какъ онъ родился въ самомъ началѣ этого вѣка, въ 701 или въ 702 году,—и уже въ 750 году былъ сдѣланъ Сурожскимъ архіепископомъ. Если мы предполо-

жимъ, что онъ достигъ самаго преклоннаго возраста, 80 или 90 лѣтъ, то и годъ смерти его придется между этими годами VIII столѣтія; стало быть, нападеніе Бравалина на Сурожь, случившееся въ скоромъ времени послѣ смерти св. Стефана при преемникѣ его Филаретѣ, на основаніи рукописи нужно относить къ концу VIII или самому началу IX вѣка. Такимъ образомъ, въ опредѣленіи года событія, два источника разногласятъ съ третьимъ. Которому-жъ изъ нихъ нужно вѣрить, и даже нужно ли вѣрить хоть одному изъ нихъ? Норманисты (Карамзинъ, Погодинъ и г. Куникъ), съ послѣдовательностью свойственно имъ вездѣ въ подобныхъ случаяхъ, не вѣрятъ ни одному. Они думаютъ, что Бравалинъ князь бранливый — Оскольдъ или одинъ изъ его сподвижниковъ, и такимъ образомъ относятъ событіе къ 866 году. На какомъ основаніи? На томъ, что Греки будто бы Руссовъ, какъ враговъ, не знаютъ раньше 866 года ¹⁾.

Причина весьма недостаточная.

Но откуда видно, что Греки знаютъ Руссовъ въ качествѣ своихъ враговъ, только съ 866 года? Въ извѣстіяхъ греческихъ писателей (Льва Грамматика, Кедрина, Георгія Амартола и др.) о нападеніи Руссовъ на Византію при патриархѣ Фотіѣ не сказано, чтобъ оно было первымъ нападеніемъ ихъ даже на Византію, а еслибъ это давно было сказано, то раньше нападенія на Византію можно еще допустить нападенія ихъ на другія отдаленныя части Греческой имперіи, или даже только на города, населенные Греками, но не принадлежавшіе къ Греческой имперіи, какъ города Таврическаго полуострова. Нельзя даже и представить себѣ, чтобы Руссы, кто бы они ни были — Финны или Норманны, сразу предприняли походъ на Византію, на Царьградъ, не попробовавъ сначала удачи на ближайшихъ греческихъ городахъ. Такое предпріятіе было бы совершеннымъ безуміемъ со стороны людей, совершенно незнакомыхъ съ какими-нибудь частями имперіи, съ народомъ, населявшимъ ее, съ моремъ, ведущимъ къ самой Византіи. Между тѣмъ, другіе источники показываютъ что раньше 866 года

¹⁾ Г. Куникъ думаетъ даже, что походъ Бравалина есть ничто иное какъ, походъ Владиміра подъ Корсунь, на томъ основаніи, что будто бы подробности легендъ о св. Стефанѣ и объ обращеніи Владиміра сходны между собою. Въ томъ то и дѣло, что сходства между ними очень мало. О Владимірѣ ни Несторъ, ни кто другой не говорилъ, чтобъ онъ ограбилъ всѣ города южнаго берега Крыма, чтобъ онъ грабилъ гробницы святыхъ, чтобъ у него лицо повернулось назадъ, и т. п. Подробности обѣихъ легендъ ясно говорятъ о томъ, что въ нихъ идетъ рѣчь о двухъ разныхъ лицахъ и о двухъ разныхъ событіяхъ.

Руссы не были неизвѣстны Грекамъ. Патріархъ Фотій въ окружномъ посланіи называетъ Руссовъ народомъ, который часто былъ предметомъ народнаго говора (τὸ ἔθνος παρὰ πολλοῖς πολλάκις θρολλοῦμενον), народомъ, превосходящимъ всѣ другіе народы грубостью и кровожадностью (εἰς ἁμότητα καὶ μακροσίαν). Чѣмъ-нибудь приобрѣли же себѣ эту репутацію Руссы. Патріархъ Фотій въ другомъ мѣстѣ (въ одной изъ бесѣдъ) говоритъ, что Руссы замаскировали свой походъ на Византію, такъ что застали Грековъ въ расплохъ: императоръ въ это самое время даже отправился было въ походъ противъ мусульманъ, и уже съ похода возвратился назадъ. Итакъ Руссы раньше Оскольдова похода знали Черное море и приобрѣли у Грековъ репутацію дикаго и кровожаднаго народа. Не торговлей и не службой приобрѣтена эта репутація, а грабительскими походами, въ числу которыхъ принадлежить и походъ Бравалина.

Вообще отвергать этотъ походъ или относить его ко времени послѣ 852 года нѣтъ никакой причины. Достоверность событія не подлежитъ никакому сомнѣнію, ровно какъ и то, что оно произошло не позже 852 года. Нужно только опредѣлить, когда именно оно произошло, въ 852 ли году, или вскорѣ послѣ смерти св. Стефана, то-есть, который источникъ достовернѣе—Румянцевская ли рукопись, или Демидовскій хронографъ вмѣстѣ съ Новгородскою лѣтописью. Вопросъ этотъ рѣшить очень, по видимому, не трудно. Въ Демидовскомъ хронографѣ и въ Новгородской лѣтописи о событіи упоминается вскользь, мимоходомъ, безъ обозначенія подробностей, и приуроченіе событія, во первыхъ, къ царствованію Михаила III, и во вторыхъ, къ началу имени Руси, какъ справедливо замѣтилъ г. Куникъ, дѣйствительно напоминаетъ Несторово: „наченшу Михаилу царствовати начаса прозывати Русса земля“. Новгородская лѣтопись почти тоже самое выраженіе (наченшу въ Грецѣхъ Михаилу царствовати, начатся презивати Русская земля) и предпосылаетъ своему краткому разказу о походѣ Бравалина. Достоиню вниманія еще слѣдующее не смотря на то, что у Нестора походъ Оскольда относится только къ 14-му году царствованія, первое появленіе русскаго имени относится къ 852 году, къ самому (предполагаемому) началу царствованія Михаила. Это показываетъ, что и до Нестора дошли какіе-то темные слухи о томъ, что имя Руссовъ сдѣлалась у Грековъ извѣстнымъ при началѣ царствованія Михаила. И только за недостаткомъ положительныхъ свѣдѣній о какомъ-нибудь другомъ событіи Несторъ, сказавъ, что Русская земля стала извѣстна съ начала царствованія Михаила,—от-

дѣльный фактъ, въ которомъ, по его мнѣнію, проявилось это, относить къ самому концу этого царствованія и притомъ ошибочно.

Точно также ошибочно относится къ началу царствованія Михаила и нападеніе Руссовъ на Сурожъ и южный берегъ Крыма Демидовскимъ хронографомъ и Новгородскою лѣтописью. Авторы ихъ, какъ и Несторъ, были сбиты съ толку слухами, относившими къ одному времени появленіе Руссовъ на исторической аренѣ и начало Михайлова царствованія. Несторъ приплелъ сюда походъ Оскольда, хотя весьма нескладно, такъ что начало Михайлова царствованія, съ котораго будто бы начинается извѣстность Руси, остается у него ни при чемъ; а авторы краткихъ извѣстій въ Демидовскомъ хронографѣ и Новгородской лѣтописи приплели сюда походъ Бравалина.

Изъ всѣхъ источниковъ, говорящихъ объ этомъ походѣ, наиболѣе достовѣрнымъ долженъ быть признанъ тотъ, изъ котораго переведена, или на основаніи котораго составлена рукопись Румянцевскаго музея. Это потому, во первыхъ, что этотъ источникъ имѣетъ въ виду одну только цѣль — разказать о чудѣ, совершившемся при гробѣ св. Стефана, не заботясь о томъ, чтобы доказать имъ какое-нибудь историческое положеніе, какъ два другіе источника, изъ коихъ одинъ имѣетъ въ виду доказать, что тогда именно сдѣлалось извѣстно въ первый разъ имя Руссовъ, и въ то же время провести свою мысль, что эти Руссы были изъ Новгорода—вѣроятно—мѣста жительства автора—другой желаетъ провести мысль, что первые Руссы, нападавшіе на Грековъ, были изъ Кіева, также, по всей вѣроятности, его родины или мѣста жительства. Фантазировать такимъ образомъ они могли потому, что въ источникѣ, которымъ они пользовались, владѣніе Бравалина не было опредѣлено точно, равно какъ и время событія. Рукопись Румянцевскаго музея осталась вѣрна своему источнику, который знаетъ только то, что Бравалинъ былъ русскій князь, и что грабилъ онъ гробницу св. Стефана Сурожскаго не много лѣтъ спустя послѣ смерти святаго, и говорить только то, что знаетъ, не мудрствуя лукаво.

Вовторихъ, въ первоначальномъ источникѣ, какъ и въ Румянцевской рукописи, самое событіе разказывается со всѣми подробностями, указывающими на то, что авторъ его былъ современникъ, и вѣроятно, очевидецъ событія. Говорится что церковь, подвергшаяся грабежу, называлась Софійскою; перечисляются вещи, награбленныя Бравалиномъ, лежавшія на самой гробницѣ: царское одѣяло, жемчугъ, золото, драгоценные камни, золотыя кадила и пр.; называется тогдашній архіепископъ Сурожа (Филаретъ); разказывается, какъ онъ вмѣстѣ

съ духовенствомъ пришелъ въ церковь крестить Бравалина и т. д. Очевидно, тутъ авторъ не фантазируетъ, а говоритъ о томъ, что знаетъ, о томъ, что онъ, быть можетъ, самъ видѣлъ.

Вообще разказъ Румянцевской лѣтописи свидѣтельствуеъ о томъ, что онъ принадлежитъ очевидцу или современнику, и описаніе событія дышетъ неподдѣльною истиною, такъ что не вѣрить ему нельзя. Ни въ какомъ отношеніи оно не можетъ быть даже сравниваемо съ бѣглыми замѣтками Демидовскаго хронографа или Новгородской лѣтописи. Потому и время событія нужно опредѣлять по этой рукописи, а не по двумъ другимъ уцѣлѣвшимъ источникамъ. Бравалинъ грабилъ гробницу святаго Стефана не въ 852 году, не говоря ужъ о 866, а мало лѣтъ минувшу по смерти святаго, то-есть, въ концѣ VIII вѣка или въ началѣ IX-го. — И отвергать свидѣтельство этого источника норманисты должны съ помощью какихъ-нибудь другихъ доказательствъ, а не простымъ утвержденіемъ, что Греки не знали Руссовъ, какъ враговъ, до 866 года, или что будто бы подробности легенды о св. Стефанѣ и о крещеніи Владиміра сходны между собою. А до сихъ поръ извѣстіе Румянцевской лѣтописи о походѣ Бравалина остается историческимъ источникомъ, заключающимъ въ себѣ самое признаки своей достовѣрности. И источникъ этотъ ясно говоритъ, что еще около 800 года существовала Русь гдѣ-то въ близкомъ или далекомъ сосѣдствѣ съ Таврическимъ полуостровомъ, населенная народомъ, привычнымъ къ мореходству и грабительству.

XXIII.

То же самое мы найдемъ въ цѣломъ ряду источниковъ, представляемыхъ скандинавскою литературою, къ сожалѣнію до сихъ поръ не пользующеюся у насъ достаточнымъ кредитомъ. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о достоинствахъ и недостаткахъ скандинавскихъ сагъ, какъ историческаго источника, посмотримъ на содержаніе ихъ, на сколько оно имѣетъ отношенія къ первоначальной исторіи Россіи.

Въ сагѣ о Герварѣ и Гейдрекѣ разказывается, что въ Гардарикѣ послѣ Одина царствовалъ сынъ его Сигурламія, потомъ сынъ Сигурламія Свавурламія, потомъ Ангримъ, пиратъ, женившійся на Эйварѣ, дочери убитаго имъ Свавурламія. Сынъ Ангрима, Ангакторъ женился на Свавѣ, дочери Альдейгибургскаго государя Біортмара. Отъ этого брака произошла Гервара, знаменитая воительница, вышедшая замужъ за Говунда, владѣтеля Ютунгеймскаго. Отъ нихъ родился Гейдрекъ, государь Рейдготіи. Между тѣмъ по смерти Ангалтира, убитаго въ

сраженіи съ шведскимъ богатыремъ Гіальмаромъ, въ Гардахъ сдѣлался государемъ Роллафъ. Гейдрекъ женился на дочери Роллафа, Гергердѣ. А сынъ Роллафа, Герлаугъ, наслѣдовалъ отцу въ Гардахъ. Отъ Гейдрека произошелъ знаменитый шведскій государь Иваръ Видфамій, у котораго была дочь Ауда, вышедшая замужъ за Гререка, государя Зеландскаго. Иваръ измѣнически убилъ Гререка, послѣ чего Ауда уѣхала съ сыномъ Гаральдомъ Гильдатаномъ въ Гарды, гдѣ и вышла снова замужъ за царя Радбарда. Иваръ пошелъ войною на Радбарда, но подѣзжая къ странѣ Гардовъ, утонулъ. Тогда Радбардъ послалъ съ войскомъ Гаральда во владѣнія Ивара, и Гаральдъ завладѣлъ всею Швеціей и Даніей. Отъ Радбарда и Ауды родился Рандверъ, отецъ Сигурда Ринга, который потомъ вступилъ въ борьбу съ дядею Гаральдомъ Гильдетаномъ, убитымъ въ Бравальскомъ бою, послѣ чего Сигурдъ овладѣлъ Швеціей и Даніей.

Въ сагѣ о Ральфѣ сынъ Гауретва говорится о Галфданѣ, царствовавшемъ въ Гардахъ, о дочери его Аловѣ, о стольникѣ царя Торфѣ Желѣзномъ щитѣ и о 12-ти богатыряхъ, жившихъ при дворѣ Галфдана. Въ сагѣ о Гаугнурольфѣ говорится о Гардскомъ же царѣ Раггвидѣ, о его дочери Ингигердѣ, вышедшей замужъ за Датчанина Ральфа, о войнахъ гардскихъ правителей въ странѣ, орошаемой Западною Двиной, и т. д. Кромѣ того, въ этой сагѣ говорится, что при Шведскомъ королѣ Эринѣ, современникѣ Реггвида, жилъ Гонигардецъ *Имій*, человекъ огромнаго роста и силы и опытный въ битвахъ. Въ сагѣ объ Олафѣ Тригвесонѣ разсказывается, что престарѣлый Ганонъ, къ которому убѣжала жена Астрида, мать Олафа, съ сыномъ, отдалъ ее на попеченіе, вмѣстѣ съ братомъ Олафомъ, купцамъ, отправлявшимся въ Гарды; купцы должны были отвезти ихъ туда къ брату Астриды, Сигурду, который жилъ въ большомъ почетѣ при государѣ Гардскомъ. Въ сагѣ объ Олафѣ Святомъ говорится о Норвежцѣ Гудлейкѣ, который велъ торговлю съ Гардами, отъ чего и самъ получилъ названіе Гардскаго. Однажды онъ, по порученію Олафа, накупилъ для него въ Гардахъ разныхъ рѣдкостей: шелковыхъ тканей, дорогихъ мѣховъ и одежды, а также и столовую утварь. Въ сагѣ о заселеніи Норвегіи упоминается Голмгардскій государь Эймундъ, у котораго была дочь Алинія, вышедшая замужъ за Галфдана, государя Норвежскаго, отъ котораго произошелъ знаменитый Гаральдъ Гаарфагеръ. Въ сагѣ объ Орварѣ-Оддѣ упоминается Голмгардскій государь Квилланъ, человекъ неизвѣстнаго происхожденія, которому были подвластны Морь—владѣтель Мората, Радстовъ—вла-

дѣтель Радстофы, Худваль—владѣтель Суздаля, Палтесъ—владѣтель Палтескіюборга, Кеппморъ—владѣтель Кепугарда, и наконецъ, Галмейръ, подначальный Квиллану, владѣтель самого Голмгарда.

Очень много извѣстій о Россіи у Саксона Граматика въ его Датской исторіи. Сочиненіе Саксона Граматика важно потому, что оно собственно есть ни что иное, какъ извлеченіе изъ самъ, и притомъ, безспорно, древнихъ; такъ какъ самое сочиненіе Саксона Граматика писано еще въ XII вѣкѣ.

Саксонъ Граматикъ, вопервыхъ, разказываетъ о походе Одина или Отина въ Россіи, гдѣ онъ хотѣлъ жениться на дочери Русскаго царя, Риндѣ, слѣдуя совѣту Финна Ростіюфа, который предсказалъ ему, что отъ Ринды онъ будетъ имѣть сына, который отомститъ за смерть другаго сына Отинова, предъ тѣмъ убитаго. Не смотря на то, что Отинъ получилъ двѣ пощечины отъ Ринды ¹⁾, онъ, наконецъ, достигъ своей цѣли ²⁾.

Изъ Датскихъ царей, имѣвшихъ отношенія къ Россіи, Саксонъ Граматикъ разказываетъ о Фротонѣ, седьмомъ королѣ Даніи, что онъ пошелъ войною на Траннона, русскаго тирана (*Ruthenae gentis tyrannum*), и уничтожилъ его флотъ съ помощію военной хитрости, провертѣвъ въ ночное время щели въ русскихъ корабляхъ, и такимъ образомъ пустивъ ихъ ко дну. Послѣ того Фротонъ, возвратившись въ Данію, потребовалъ отъ Русскихъ дани, но послы его, отправленные въ Россію съ этою цѣлью, были умерщвлены, и разгнѣванный Фротонъ снова отправился въ Россію и взялъ тамъ города Роталу и Палтиску, при чемъ, государь Палтиски Вессапій былъ умерщвленъ. Фротонъ III, пятнадцатый король Даніи, велъ войну съ Гуннами. Союзниками Фротона были Норвежцы и Славяне, союзниками Гунновъ—Восточные ³⁾. Царь Восточныхъ Олимаръ начальствовалъ надъ флотомъ въ то время, какъ самъ царь Гунновъ предводительствовалъ сухопутнымъ войскомъ. Датчане сначала покорили нѣкоторые острова, „лежащіе между Даніей и Востокомъ“, и слѣдуя дальше, напали на нѣсколько русскихъ кораблей. Послѣ того они поплыли на встрѣту Олимару. Произошла битва; русскіе корабли были нескладны и велики и на веслахъ худо ходили. Потому Датчане, не смотря на численное превосходство Русскихъ — побѣдили

¹⁾ Ant. R., т. II, стр. 438.

²⁾ Saxonis Gr., *Historia Danica*, Навпіае, 1839, стр. 126 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, стр. 231 и слѣд.

ихъ. Кровопротіе было большое, потому что трупы убитыхъ Русскихъ, вмѣстѣ съ обломками ихъ щитовъ и копій, загроудили весь заливъ, въ которомъ происходила битва, такъ что для Фротона, желавшаго послѣ побѣды возвратиться домой, явилось *inaudited navigationis impedimentum*, состоявшее въ томъ, что трупы и обломки мѣшали его кораблямъ ѣхать. Здѣсь погибли, прибавляетъ Саксонъ Граматикъ, всѣ Русскіе цари, кромя Олимара и Дага. Наконецъ дѣло дошло и до битвы съ Гертами. Олимаръ въ это время уже перешелъ на сторону Датчанъ. Битва происходила гдѣ-то на берегу трехъ рѣкъ. Кровопротіе опять было столь велико, что три главныхъ рѣки Россіи покрылись трупами такъ, что образовался какъ бы мостъ, по которому можно было переходить. На землѣ было покрыто трупами пространство въ три дня пути. Битва продолжалась семь дней. Датчане побѣдили, послѣ чего Фротонъ отдалъ во власть Олимара Голмгардъ, а подъ власть Энева—Кѣнугардъ. Фротонъ былъ такъ счастливъ въ своихъ войнахъ, что распространилъ свое государство отъ Рейна до предѣловъ Россіи, которая входила въ составъ его владѣнія, такъ какъ Олимаръ и Эневъ были подвластные ему Русскіе цари ¹⁾.

Сынъ Фротона Фридлевъ воспитывался въ Россіи и былъ тамъ еще въ то время, когда умеръ его отецъ. Послѣ него былъ царемъ Фротонъ IV, при которомъ жилъ знаменитый воинъ Старкатеръ. Старкатеръ отправился въ Россію, побѣдилъ Русскихъ, открылъ убѣжище скрывшагося Русскаго государя Флокка и приобрѣлъ здѣсь несмѣтную добычу. Въ другой свой походъ въ Россію Старкатеръ побѣдилъ нѣкоего Визинна, злаго богатыря, который жилъ гдѣ-то у русской горы Анафіаль (*apud russiam rupes, quae Anafial dicitur*). Послѣ Фротона и его преемниковъ Ингелла, Фротона V, Галдона, Сивальда и Сигара, Даніей управляли пять правителей. При нихъ сдѣлалъ на Данію нападенье Рѣтонъ русскій пиратъ. Отъ его имени, по словамъ Саксона Граматика, произошло слово рѣторанъ, означающее жестокіе грабежи. Рѣтонъ погибъ въ битвѣ съ Датчаниномъ Боркаромъ. Сынъ этого Боркара Галдонъ, отправился въ Россію,

¹⁾ Подъ Восточными разумѣются у Саксона Граматика Русскіе, обитатели той восточной страны *Austrewegr*, которая часто упоминается въ сагахъ. Что подъ Восточными нужно разумѣть именно Русскихъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ мѣстѣ, видно изъ того, что въ одномъ мѣстѣ Олимаръ называется царемъ Восточныхъ, въ другомъ — царемъ Русскимъ; см. *Sax. Gr. Hist. Danica*, *Navniae*, 1839, I, стр. 231 и 235.

предложилъ жителямъ, съ которыми воевалъ Шведскій король Алверъ, помощь и былъ принятъ ими съ честью. Здѣсь ему приходилось биться съ роднымъ братомъ (по матери) Гильдигеромъ, котораго онъ не зналъ. Гильдигеръ зналъ, что Галдонъ братъ его, и долго не хотѣлъ биться съ нимъ; наконецъ однако онъ долженъ былъ рѣшиться на это и получилъ смертельную рану. Галдонъ этотъ женился на Гуротѣ, послѣдней отрасли Датскаго королевскаго дома, и отъ нихъ родился Гаральдъ, Гильдетанъ, извѣстный своею враждою съ племянникомъ, Шведскимъ королемъ Рингомъ, которая окончилась знаменитою Бравальскою битвою. Въ этой битвѣ Рингу, между прочими, помогалъ Регнальдъ, сынъ Русскаго царя Радбарта. Регнеръ, одинъ изъ преемниковъ Гаральда Гильдетана, пошелъ войною на Геллеспонтиковъ, жившихъ гдѣ-то на границахъ Россіи ¹⁾, побѣдилъ и потомъ убилъ царя ихъ Діана. Но дѣти этого Діана, Діанъ и Даксонъ, зятя Русскаго царя, получивъ помощь отъ тестя, пошли войною на Регнера; Регнеръ побѣдилъ ихъ; Діанъ былъ убитъ, а Даксонъ спасся бѣгствомъ, послѣ чего страна ихъ была отдана Регнеромъ въ управленіе сыну Витсеру. Россія также подпала подъ власть Регнера, и Русскій царь также спасся бѣгствомъ. Это было около половины IX вѣка ²⁾. Даксонъ еще разъ попробовалъ счастья, которое на этотъ разъ и улыбнулось ему. Онъ измѣннически напалъ на Витсерка, отнялъ у него свои владѣнія, взялъ его въ плѣнъ, и послѣ неуспѣшной попытки привлечь его на свою сторону, казнилъ. Тогда Регнеръ поспѣшилъ въ Россію, взялъ въ плѣнъ Даксона и въ кандалахъ отправилъ его въ Утгардію.

Здѣсь оканчиваются извѣстія Саксона Граматика о древнѣйшихъ сношеніяхъ Датчанъ съ Россіей.

Позднѣйшія извѣстія, да и то очень краткія и незначительныя, отдѣляются отъ приведенныхъ выше извѣстій двумя вѣками. Такъ, о королѣ Эрикѣ, царствовавшемъ около 1100 года, говорится, что онъ черезъ Россію путешествовалъ въ Грецію. Замѣчательно, что раньше этого у Саксона Граматика нѣтъ извѣстій о путешествіи

¹⁾ Геллеспонтиками они называются потому, что они жили гдѣ-то при проливѣ, который будто бы соединялъ Балтійское море съ Средиземнымъ; см. Сакс. Гр., т. I, стр. 451, прим. 1.

²⁾ Регнеръ началъ свое царствованіе въ то время, какъ западнымъ римскимъ императоромъ былъ Людовикъ Благодетельный, и по видимому, начало царствованія Регнера относится уже къ концу царствованія Людовика, такъ какъ еще второй предъ Регнеромъ Датскій царь Гемингъ заключилъ миръ съ Людовикомъ; см. тамъ же, стр. 439.

Скандинавовъ въ Грецію черезъ Россію. Пресловутый великій водный путь, который, по словамъ нашего лѣтописца, будто бы велъ изъ Варягъ въ Греки Саксону неизвѣстенъ. Въ *Antiquités Russes* первое извѣстіе о путешествіи Скандинавовъ въ Грецію черезъ Россію относится также ко времени Владиміра, именно въ сагѣ объ Олафѣ Тригвесонѣ. Последнее извѣстіе Саксона Граматика относится къ половинѣ XII вѣка; онъ разказываетъ, что Свенъ III, одинъ изъ соискателей датскаго престола, соперникъ Канута V и Вальдинара I, ограбилъ въ Шлезвигѣ иностранные корабли и роздалъ русскіе товары солдатамъ вмѣсто платы, послѣ чего иностранцы перестали пріѣзжать въ Шлезвигъ, и богатый торговый городъ превратился мало по малу въ бѣдную деревню ¹⁾.

Откуда происходитъ невнимательность русскихъ ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о началѣ Руси, ко всѣмъ этимъ многочисленнымъ и обстоятельнымъ извѣстіямъ? Въ то время, какъ они изслѣдуютъ съ величайшею внимательностью какое-нибудь даже не извѣстіе, а только мнѣніе, случайно высказанное тѣмъ или другимъ писателемъ, подвергая его критикѣ и исторической, и филологической, здѣсь оставляется безъ всякаго вниманія цѣлая масса извѣстій прямыхъ, положительныхъ, согласныхъ между собою и не противорѣчащихъ никакому факту заподлинно извѣстному. Саги, говорятъ, отличаются легендарнымъ, мифическимъ характеромъ; но это не даетъ права историку игнорировать ихъ. Всѣ древнія преданія болѣе или менѣе отличаются мифическимъ характеромъ; но это не мѣшаетъ отдѣлать въ нихъ историческій элементъ отъ мифическаго. Ромулъ, конечно, не былъ сыномъ Марса и не волчицею вскормленъ, тѣмъ не менѣе имя его неразрывно связано съ основаніемъ Рима. Руссы, нападавшіе на Царьградъ при Михаилѣ III, конечно, были побѣждены не бурей, даже, какъ оказывается—они совсѣмъ не были побѣждены, тѣмъ не менѣе походъ ихъ на Царьградъ есть историческій фактъ; Олегъ умеръ, безъ сомнѣнія, не отъ коня, тѣмъ не менѣе онъ умеръ, и именно въ 912 году. Если мифическій характеръ преданій исключаетъ ихъ изъ числа историческихъ источниковъ, то должна быть отвергнута вся первоначальная исторія Греціи и Рима, потому что и та, и другая исторія основана почти исключительно на преданіяхъ. Геродотъ писалъ исторію Греціи уже послѣ Персидскихъ войнъ; а Титъ Ливій—во время Августа цезаря, и конечно, не изъ анналовъ понтификовъ

¹⁾ Т. II, стр. 713.

заимствовалъ онъ свѣдѣнія о происхожденіи и воспитаніи Ромула, о Нумѣ и нимфѣ Эгеріи и т. д. Мало того, мифическаго элемента довольно даже у Тацита и Светонія (ихъ полныя вѣры разказы о предзнаменованіяхъ); не исключать же поэтому ихъ сочиненій изъ числа историческихъ источниковъ. Тогда съ чѣмъ же мы останемся?

Скандинавскія саги, которыхъ значенія мы впрочемъ не преувеличиваемъ, видя въ нихъ не болѣе какъ преданіе со всѣми его недостатками, тѣмъ - то именно и драгоцѣнны для историка, что они чужды всякой системы, всякой ложной учености, неосновательныхъ предположеній, чѣмъ болѣе или менѣе страдаютъ всѣ другіе источники касательно древнѣйшей исторіи Россіи и русскіе, и греческіе, и латинскіе, и арабскіе. Скандинавскія саги—это безыскусственный продуктъ народныхъ скандинавскихъ воззрѣній на ихъ собственную прошлую судьбу и на отношенія ихъ страны къ сосѣдямъ и между прочимъ къ Россіи. Мы не вездѣ вѣримъ генеологической преемственности, представляемой сагами; мы готовы допустить, что многія изъ лицъ древнѣйшей русской исторіи, цари, богатыри не назывались тѣми именами, которыя имъ приписываются въ сагахъ; многое въ нихъ безспорно перепутано; однимъ лицамъ приписаны дѣйствія, совершенныя другими; подробности событій измѣнены или разукрашены народною фантазіей и народнымъ самообольщеніемъ; но при всемъ этомъ нельзя же думать, чтобы преданія, какъ бы они ни были искажены, ни на чемъ не основаны; нельзя же думать, чтобы народныя преданія возникли и передавались изъ рода въ родъ безо всякой причины, нельзя думать, чтобы народъ могъ создать изъ ничего цѣлую систему своихъ отношеній къ другому, рядомъ съ нимъ существовавшему народу. „Обвинять саги въ поддѣлкахъ“, говорилъ покойный И. Д. Бѣляевъ,— „мы не имѣемъ никакого права“. Безъ сомнѣнія, не имѣемъ; нельзя предположить никакой причины, никакой цѣли для такихъ поддѣлокъ. Еслибы саги были произведеніемъ одного лица, то мы могли бы еще предположить, что оно въ формѣ преданій желало изложить свою теорію, свои догадки о предыдущей судьбѣ своего народа и его отношеніяхъ; но саги суть произведеніе цѣлаго народа; ихъ составляли тѣ, которые участвовали въ разказываемыхъ событіяхъ, тѣ, которые, возвратившись изъ дальняго похода, въ долгій зимній вечеръ описывали близкимъ людямъ свои походы, конечно—въ большинствѣ случаевъ не безъ хвастовства.

Съ другой стороны, приравнивать саги къ обыкновеннымъ сказкамъ—также нѣтъ никакой причины. Въ сказкахъ рѣчь идетъ о не-

бывалыхъ странахъ, городахъ, рѣкахъ, лицахъ; въ сагахъ этого нѣтъ. Географія ихъ, правда, не отличается отчетливостью; но они знаютъ только дѣйствительно существующія земли и даютъ имъ названія, дѣйствительно существовавшія или такія, которыя мы можемъ объяснить. Такъ, въ Россіи они знаютъ рѣки Вину (Сѣверную Двину) и Двину (Западную Двину), знаютъ города Ростовъ, Суздаль, Муромъ, Палтескію, Голмгордъ. А мы изъ своихъ источниковъ знаемъ, что эти города дѣйствительно существовали до начала Русскаго государства и почти всѣ назывались тѣми же самыми именами. Только Новгороду саги даютъ другое имя; но наука уже отчасти объяснила происхожденіе его ¹⁾. Кромѣ того, скандинавскіе источники упоминаютъ о другихъ городахъ, о существованіи которыхъ ничего неизвѣстно нашей лѣтописи. Такъ, въ географическомъ сочиненіи XII вѣка Бука Эрлендсона упоминаются, кромѣ приведенныхъ городовъ, еще Сирнесъ и Гади, отвергать существованіе которыхъ мы не имѣемъ никакой причины, хотя и не имѣемъ никакихъ указаній на положеніе одного изъ нихъ Сирнеса. Что касается до Гади, его имя очень напоминаетъ Гдовъ, котораго не славянское имя указываетъ на древность его существованія. Очень вѣроятно, что его русское окончаніе явилось уже впоследствии, какъ приспособленіе не русскаго имени къ русскому языку. Это приспособленіе, осмысленіе слова продолжается и до сихъ поръ; только теперь народъ передѣлываетъ уже его корень, а не одно только окончаніе. Вся окрестная страна называетъ Гдовъ уже не Гдовомъ, а Вдовомъ, и Гдовскій уѣздъ—Вдовскимъ. Разумѣется, эти названія Вдовъ и Вдовскій понятнѣе и сручнѣе русскому чело-вѣку, чѣмъ Гдовъ и Гдовскій. Что область Гдова принимала участіе въ доисторической жизни сѣверной Россіи, на это мы имѣемъ указаніе въ многочисленныхъ тамошнихъ курганахъ, изъ коихъ нѣкоторые разрыты и въ нихъ найдены арабскія и англо-саксонскія монеты VIII, IX и X вѣка, какъ въ курганахъ Оки и Волги ²⁾. Такимъ образомъ скандинавскія саги знаютъ древнѣйшую Русь, подчасъ быть можетъ, лучше, нежели наши собственные древнѣйшіе источники.

¹⁾ По мнѣнію Далана, Holmgard происходитъ отъ шведскаго слова Holm—островъ, такъ что Holmgardus значитъ островной городъ. Штраленбергъ думаетъ, что самое Holmgard, Holmgardus есть передѣланное эстонское Ulimarogia. Ulima по эстонски значитъ верхняя земля, а rogia названіе страны къ югу отъ Финскаго залива и къ востоку отъ Пейпуса. См. Nord- und Ostliche Theile Europas, стр. 95 и 167.

²⁾ См. *Гдовско-Имбургскій Листокъ*, 1872 г., №№ 3 и 15.

Они знаютъ и о торговлѣ (сага объ Олафѣ Святомъ) древней Руси, чего нашъ лѣтописецъ и не подозрѣвалъ. Приведенныя выше названія Финна Ростіофа, совѣтовавшаго Одину жениться на дочери Русскаго царя, и русской горы Анафіала, судя по всему, едва ли могутъ быть отнесены къ вымышленнымъ. Ростіофъ напоминаетъ названіе города Ростова, а Анафіаль—названіе того Анфала, который въ XIV вѣкѣ былъ сторонникомъ Василья Дмитріевича въ Двинской землѣ. Въ разказѣ Саксона Граматика о войнахъ Фротона въ Россіи Руссы представляются народомъ мореходнымъ, хотя и уступающимъ въ искусствѣ Скандинавамъ. Представленіе Руссовъ моряками согласно съ дѣйствительностью, съ положительными свидѣтельствами русскихъ, арабскихъ и византійскихъ писателей. Гунны Саксона Граматика, которымъ Руссы сначала были союзниками, и къ которымъ они находились, по видимому, въ подчиненномъ отношеніи, а потомъ обратили свое оружіе противъ нихъ, судя по всему, были никѣмъ другимъ, какъ Хозарами, искусными въ мореплаваніи; и этотъ разказъ Саксона Граматика объясняетъ намъ темное извѣстіе лѣтописи о томъ, что Славянскія племена Россіи платили дань Хазарамъ; разказъ саги Гаугнурольфовой о Гардскомъ царѣ Гертрюггѣ, который семь лѣтъ воевалъ въ странѣ, орошаемой Западною Двиной, объясняетъ намъ это возстановленіе государства съ двумя народностями, безъ сомнѣнія, лучше, чѣмъ разказъ нашего лѣтописца о томъ, что Рюрикъ раздавалъ своимъ мужамъ не принадлежавшія ему города и между прочимъ Полоцкѣ. Наконецъ, самое представленіе сагъ объ особенностяхъ страны Руссовъ прямо говоритъ, что слагатели сагъ знали ее, были въ ней, а не придавали ей сказочнымъ образомъ всякія на удачу взятія свойства. Русскія рѣки такъ широки, что на нихъ умѣщаются цѣлыя флоты, которые здѣсь же на рѣкахъ вступаютъ между собою въ битву. Скандинаву, не бывшему въ Россіи, не можетъ въ голову прійти такое представленіе о рѣкѣ, потому что въ своихъ странахъ—въ Швеціи, Норвегіи и Даніи, онъ не видалъ такихъ рѣкъ; тамошнія рѣки отличаются самыми ограниченными размѣрами даже тамъ, гдѣ они текутъ по приморской низменности и впадаютъ въ море.

Вообще, чѣмъ болѣе мы изучаемъ саги, тѣмъ у насъ является болѣе довѣрія къ нимъ, въ томъ разумѣется смыслѣ, что они, будучи народнымъ преданіемъ, тѣмъ не менѣе имѣютъ подъ собою историческую основу,—что въ нихъ за мѣрами, хронологическими ¹⁾ и генеа-

¹⁾ Въ сагахъ собственно хронологіи нѣтъ; но тѣмъ не менѣе событія причастъ CLXXXV, отд. 2.

логическими невѣрностями, преувеличеніями и даже искаженіями можно все-таки найдти историческую истину.

Попробуемъ теперь извлечь изъ сагъ какое-нибудь указаніе относительно занимающаго насъ предмета, то-есть, относительно положенія древнѣйшей Россіи. Начнемъ съ безспорнаго. По общепринятому мнѣнію, саги знаютъ нашу сѣверную Русь въ доисторическое, такъ называемое „дюрюиковское время“, но знаютъ ее подъ именемъ Holmgard, Гардарикія, Гардовъ, что совершенно справедливо, знаютъ они здѣсь города Голмгардъ и Альдейгіобургію. Что это за имена? Альдейгіобургія, это Ладога, въ этомъ всё согласны. Голмгардъ есть Новгородъ. Но почему же Новгородъ такъ назывался? Имя Голмгардъ скорѣе напоминаетъ Холмогоры, гор. Холмъ Псковской губерніи, или Красный Холмъ, Тверской. Выше мы привели мнѣніе Штраленберга, что оно есть ничто иное какъ измѣненное эстонское Ulimagugia—верхняя Россія. Во всякомъ случаѣ имя Голмгардъ не есть туземное; имя Новгорода, судя по смыслу слова Ulima, Ulimagogia, также не можетъ быть туземнымъ именемъ его. Равнымъ образомъ имя Гардарикія, Гардарикъ не было туземнымъ въ странѣ. Оно образовано изъ шведскихъ корней Gard и rik, и значитъ страна городовъ. Скандинавы и Константинополь звали Miklagard, что значитъ великій городъ,—подобно нашимъ предкамъ, которые также не употребляли подлиннаго, туземнаго имени этого города, а звали его Царьградомъ. Самое имя Голмгардъ для Новгорода было не всеобщимъ на скандинавскомъ сѣверѣ. По словамъ Штраленберга, такъ называли его только Шведы, Датчане же звали его Austrogard, что значитъ восточный городъ. И если впоследствии въ скандинавской литературѣ, въ сагахъ имя Holmgard получило преобладаніе, то безъ сомнѣнія, только потому, что сношенія Шведовъ съ древнѣйшею Россіей были болѣе часты, чѣмъ сношенія Датчанъ.

Далѣе названіе Голмгардъ и Гардарикія очень древни: они употребляются въ самыхъ древнихъ сагахъ. А между тѣмъ Новгородъ былъ городомъ новымъ: онъ очевидно получилъ преобладаніе надъ какимъ-то старымъ городомъ. Принадлежало ли имя Holmgard только новому городу, или оно принадлежало и старому? Перенесеніе названій съ однихъ городовъ на другіе или съ однихъ странъ на другія

урочиваются къ извѣстнымъ царствованіямъ, чрезъ что они приурочиваются и къ извѣстному времени. Допускаемъ, что это приурочиваніе въ большинствѣ даже случаевъ не вѣрно.

у Скандинавовъ было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Такъ, въ позднѣйшее время они Россіей называли придиѣпровскую Русь, а въ древнѣйшее время, какъ мы покажемъ, совсѣмъ другую страну. Кеттордъ, позднѣйшее имя Кіева, также первоначально относилось къ странѣ, лежавшей далеко отъ Кіева, въ Финляндіи. Безъ сомнѣнія, и на Новгородъ подобнымъ образомъ было перенесено имя Голмгардъ съ какого-то другаго города. Далинь говоритъ, что Голмгардомъ первоначально называлась вся страна, лежащая между озерами Ладожскимъ и Пейпусомъ.

Спрашивается: какое же было собственное названіе этой страны въ древнѣйшее время? Нашъ лѣтописецъ даетъ ей названіе страны Славянъ; но такое названіе она могла имѣть только въ позднѣйшій періодъ до-рюриковской эпохи, когда Славяне проникли уже сюда, что не могло относиться къ очень древнему времени. Выселеніе Славянъ съ Дуная въ Россію относятъ къ половинѣ VII вѣка ¹⁾. Трудно думать, чтобы раньше, чѣмъ въ сто лѣтъ, съ Дуная они могли достигнуть до береговъ Ильмена, стало быть—поселеніе ихъ въ этой странѣ не могло быть ранѣе половины VIII вѣка, а по всей вѣроятности его нужно отодвинуть и еще на полустолѣтіе, такъ что появленіе Славянъ въ странѣ Приильменской, по всей вѣроятности, не восходитъ далѣе начала IX вѣка. А до того времени здѣсь могла жить только одна народность финская. И до сихъ поръ еще она живетъ и на западъ, и на сѣверъ, и на востокъ, и даже на югъ отъ Ильмена. Стало быть, странно Славянъ эта мѣстность не могла называться. До подлиннаго древнѣйшаго имени ея насъ доведетъ то названіе, которое по преимуществу даютъ ей саги. Голмгардъ есть ничто иное, какъ передѣланное Скандинавами на свой ладъ *Ulimarugia*. Съ этимъ мнѣніемъ Штраленберга согласны и самъ Далинь, и Ире ²⁾. *Ulima* по эстонски значитъ верхняя страна, а *Rugia*—это подлинное названіе этой страны. Такъ именно думаютъ Штраленбергъ, Далинь и Ире. Но *Rugia* есть дѣйствительное названіе этой страны, узнанное Скандинавами отъ Эстовъ; это, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ изъ эстонской прибавки къ нему *Ulima*. И очень естественно, что Скандинавы сначала узнали ближайшую къ себѣ страну Эстонию и отъ жителей ея узнали о слѣдующей сосѣднею съ нею странѣ, *Rugia*. Эта „*Rugia*“ есть ничто иное, какъ измѣненное на эстонскій ладъ Русь, Руса, Руссія. Каковъ бы

¹⁾ *Эверса* Предвар. изслѣдованія, главы I и II.

²⁾ См. *Glossarium Sveogothicum* подъ словомъ *Holmgard*.

ни былъ дѣйствительный корень слова Русь, но несомнѣнно то, что онъ совпадаетъ съ финскимъ корнемъ, обозначающимъ красный цвѣтъ. Въ финскомъ языкѣ существуютъ слова: *guskia* — блѣднокрасный, *gusko* — темнокрасный, *gusorra* — тоже темнокрасный. Повторяемъ, отъ чего бы ни происходило слово Русь, но въ представленіи обитателей ея Финновъ теперь, какъ и прежде, понятіе ея должно тѣсно связываться съ понятіемъ о красноватомъ цвѣтѣ, какъ напримѣръ, съ понятіемъ о Черниговѣ связано понятіе о черномъ цвѣтѣ, съ понятіемъ о городахъ Бѣлевѣ, Бѣломъ, Бѣльскѣ понятіе о бѣломъ цвѣтѣ, съ понятіемъ „Нѣмецъ“ понятіе о нѣмотѣ, косноязычїи, невнятности.

Связь съ словомъ Русь понятія о красномъ цвѣтѣ была тѣмъ необходимою, что обитатели ея, по свидѣтельству несомнѣнныхъ историческихъ указаній, отличались русымъ цвѣтомъ своихъ волосъ. Такъ представляютъ ихъ арабскіе писатели, также представляли ихъ себѣ и Греки, которые самое названіе Руси производили отъ *ροστος* — красный, такъ какъ корень, обозначающій красный цвѣтъ и въ греческомъ и въ финскомъ языкѣ, одинъ и тотъ же *рус* ¹⁾. Отъ Грековъ заимствовали это представленіе о связи между именемъ Русь и краснымъ цвѣтомъ и латинскіе писатели, напримѣръ Лиутирандъ ²⁾. Невозможно допустить, чтобъ это всеобщее представленіе осталось чуждымъ Эстамъ, ближайшимъ сосѣдямъ Руссовъ. Но финскій корень *рус* въ эстскомъ является въ видѣ *руи* (*rig*). До сихъ поръ *rige* по эстонски значить желтый, оранжевый, то есть, тоже красноватый ³⁾. Сообразно съ этимъ и названіе *красной* страны изъ Руса, Руссія у Эстовъ измѣнилось въ Ругія. Подобное измѣненіе составляетъ не единственный примѣръ въ исторїи. Такъ въ нашемъ же народномъ названїи *с* измѣнилось въ *ш* (мадьярское *орощь*, англійское *russian*—произносится роисіанъ) и въ *т* (латинское *Ruthenus*); въ названїи Французовъ ихъ собственное *ç* въ другихъ языкахъ является то въ видѣ *и* (нѣмец-

¹⁾ Онъ тотъ же самый, кромѣ того въ русскомъ (русый), нѣмецкомъ (*goll*), французскомъ (*roux, rouge*), и быть можетъ, въ латинскомъ (*rixus* и *guber*). Вообще въ финскомъ языкѣ много корней общихъ съ языками индо-европейскими, что и даетъ поводъ ученымъ (г. Европеусу) причислять Финновъ не къ Монгольскому, а къ Кавказскому племени.

²⁾ См. *Relatio de legatione Constantinopolitana* у *Лертуа*, т. I, стр. 347 и слѣд. Русскихъ, говорить онъ, *Graeci a qualitate corporis rusios nominant*.

³⁾ См. *Wiedemann, Estnisch-deutsche Wörterbuch*. Филологически это измѣненіе легко объяснить даже только на одномъ корнѣ *рос*. Въ немъ *с* перемѣнилось и въ *ш* (рушкими письмены) и въ *ж* (рыжій—*rouge*), а *ж* и *з* извѣстно легко замѣняются другъ другомъ.

кое Франзоze, русское Французъ), то въ ч (италианское francese, англійское french), то въ з (Византійское φραγγος).

Эта примѣняемость народныхъ именъ въ языкахъ другихъ народовъ приводитъ насъ еще къ одному факту, по видимому не лишенному смысла, но совсѣмъ осталяемому безъ вниманія учеными. Иорнандъ въ числѣ другихъ сѣверныхъ народовъ, покоренныхъ Германрихомъ упоминаетъ Rosas. Кто такіе эти Росае? Чтó это за имя, одинъ разъ появившееся въ исторіи и потомъ исчезнувшее? Это, очевидно, тѣ же самыя обитатели Руссиа, Россіи, Ругиі. Слово Росае, Роце ужъ никакъ не дальше отъ слова Россы, Руссы, чѣмъ Руотци. И если слова Руотци отождествляли съ Россъ, Руссъ, то конечно, еще съ большимъ правомъ можно отождествлять Росае и Россы ¹⁾).

Далѣе, въ средневѣковыхъ нѣмецкихъ хроникахъ предки наши называются то Руссами, то Ругами, Rugi. Такъ между прочимъ Ольга называется regina Rugorum. Откуда это имя? Иначе какъ изъ эстонскаго Rugia, rug, равнаго финскому gus, его объяснить нельзя.

Такимъ образомъ древнѣйшее имя сѣверной финской Руси, подлинное названіе ея—Русь, съ измѣненіями его, легко объясняемыми,

¹⁾ Замѣчательно еще то, что въ нѣкоторыхъ изданіяхъ это Rosas и слѣдующее за нимъ слово Thadzans являются въ другомъ видѣ, именно Roscathaisantes; въ одномъ изданіи есть просто Cathaisantes. Чтó это за Катезанты или Роскатезанты? Cathaisantes очень напоминаютъ греческое καθίζοντες, чтó латинскими буквами слѣдовало бы написать Cathizantes. Если мы раздѣлимъ Roscathaisantes на два слова (на чтó мы имѣемъ право, потому что въ древнихъ рукописяхъ слова стояли слитно, и издатели по своимъ соображеніямъ раздѣляли ихъ, отчего и произошло въ этомъ случаѣ то, что въ одномъ изданіи мы читаемъ два слова Rosas Thadzans, въ другомъ одно Roscathaisantes), то получимъ Ros cathaisantes. Древніе Германцы общій индо-европейскій коренной звукъ и передѣлывали въ ай, напримѣръ, вмѣсто латинскаго и русскаго tri у нихъ является trei (drei), вмѣсто *vin* wein, вмѣсто *sui*, sui—schwein. Слѣдую этому закону Готы должны были и греческое καθίζοντες передѣлать въ Cathizantes. Такимъ образомъ Roscathaisantes получаетъ смыслъ; это греческое Ῥως καθίζοντες; Русь сидячая, осѣдая, чтó тѣмъ болѣе кажется вѣроятнымъ, что Грекамъ извѣстна и Русь бродячая Ῥως βρομίται, и намъ кромѣ того извѣстно, что Русь дѣйствительно раздѣлялась на двѣ части: одна на средней Волгѣ и нижней Окѣ была осѣдая, отъ которой намъ осталось множество городищъ и кургановъ, другая на Азовскомъ морѣ, Тамани, бродячая, по преимуществу грабительская, которая появлялась въ своихъ набѣгахъ то въ Персіи, то въ Крыму, то въ Малой Азіи, Русь, не составлявшая даже народа, а бывшая сбродомъ удальцовъ, которыхъ не нравилась сидячая жизнь на Окѣ и Волгѣ. Отъ этой Руси, по всей вѣроятности, произошла Бродяжка, загадочная дружина, которой существованіе однако не подлежитъ сомнѣнію.

пробивается наружу вездѣ. Существованіе его объясняетъ намъ и то, почему въ исторіи Саксона Граматика ей не дается другаго имени. Саксонъ Граматикъ писалъ на основаніи сагъ. Въ нихъ сѣверная Россія большею частью называется Голмгардъ. Но онъ это Голмгардъ почти вездѣ передѣлалъ на Россію. Онъ правильно понялъ истинное положеніе дѣла. У него Голмгардъ только часть Россіи наравнѣ съ Кепугардомъ; и имя это оставлено только тамъ, гдѣ идетъ дѣло именнo только о части, а гдѣ дѣло касается всей страны, тамъ она называется Russia, при чемъ само собою разумѣется, что и Голмгардъ былъ тою же самою Россіей, частью ея. И Саксонъ Граматикъ имѣлъ для этого достаточныя причины, такъ какъ даже въ уцѣлѣвшихъ сагахъ (а Саксонъ Граматикъ зналъ ихъ больше, чѣмъ сколько дошло до насъ) собственное имя Руси не разъ пробивается наружу. Въ сагѣ объ Эгилѣ Сухорукомъ говорится: „Былъ царь по имени Гертрюггъ, который владычествовалъ на востокѣ въ Россіи; это страна обширная и замѣчательная множествомъ жителей, лежащая между Гардрикеей и Гуналандіей“¹⁾. Здѣсь Русь отличается отъ Гардарика. И еслибы мы не знали никакого другаго отношенія между этими двумя странами, то мы такъ и считали-бы ихъ за двѣ отдѣльныя страны; но такъ какъ мы изъ Саксона Граматика знаемъ, что Голмгардъ былъ частью Россіи, и кромѣ того, знаемъ мнѣніе наиболѣе компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ ученыхъ, что въ самомъ словѣ Голмгардъ скрывается названіе Руги, что, какъ мы видѣли есть ничто иное, какъ та же Русь,—то мы и поставлены въ необходимость согласить это противорѣчіе. Согласить его не трудно. Извѣстно, что названія многихъ странъ употреблялись и въ болѣе обширномъ, и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Такъ, древняя Персія имѣла два такіа названія: Персія въ обширномъ смыслѣ была страню отъ Архипелага до бассейна Инда, и Персія въ тѣсномъ смыслѣ была только страню къ сѣверо-востоку отъ Персидскаго залива. Эллада въ общемъ смыслѣ была вся страна отъ Олимпа до Матапана, Эллада въ тѣсномъ смыслѣ была страна отъ хребта Эты до Коринесскаго залива; была и во Франціи особенная Франція въ тѣсномъ смыслѣ, герцогство Франція, владѣніе Гуго Капета, и т. д. Въ наше время еще строго различается Китай въ обширномъ смыслѣ, и Китай въ тѣсномъ смыслѣ, равно какъ Персія въ обширномъ смыслѣ. То же было и въ древней Руси. Древняя Русь въ обширномъ смыслѣ занимала всю страну Финскаго племени отъ

¹⁾ Ant. R., стр. 212.

Наровы ¹⁾ до страны Булгаръ и Буртасовъ и до Азовскаго моря, а Русь въ тѣсномъ смыслѣ—только страну средней Волги и нижней Оки, которая и была первоначальною Русью. Исходя изъ этого, мы легко поймемъ слова и Саксона Граматика, и саги объ Эгилѣ Сухорукомъ; противорѣчiе между ними соглашается. Сага говорить о Руси въ тѣсномъ смыслѣ, Саксонъ Граматикъ—о Руси въ смыслѣ обширномъ.

Другое мѣсто сагъ, гдѣ является Русь подъ собственнымъ именемъ, находится въ сагѣ о Галерданѣ сынѣ Эйстена, гдѣ говорится такъ: „Однажды случилось, что погибъ большой купеческiй корабль, бурю пронесенный мимо Балагардскихъ береговъ съ востока, такъ что никто изъ людей послѣ того не былъ отысканъ; почему и говорили, что корабль былъ разбитъ бурю. Но потомъ въ ту же осень случилось, что ко двору пришли два человѣка высокаго роста, но бѣдно одѣтые. Они имѣли на головахъ опущенныя шляпы (*demissos petasos*), и потому лицъ ихъ хорошо разглядѣть было нельзя. Они подходятъ къ царю Эйстену Альдейгиборгскому и почтительно привѣтствуютъ его, такъ какъ онъ былъ вообще привѣтливъ, и на вопросъ его, кто такiе, отвѣчали, что оба они называются Гримами, родомъ изъ Россiи, и въ кораблекрушенiи потеряли свое имущество“. Мѣсто это извѣстно и защитникамъ норманской теорiи. И. Д. Бѣляевъ еще въ 1852 году обратилъ на него вниманiе, равно какъ и на слова саги объ Эгилѣ Сухорукомъ о положенiи Россiи между Гардарикiей и Гуналандiей, и оба эти мѣста онъ старался истолковать въ пользу норманской теорiи, находя, что въ нихъ имя Руси придается той странѣ великановъ *Rizaland*, которая упоминается въ сагахъ и находилась будто бы по обоимъ берегамъ сѣверной части Ботническаго залива; но впервыхъ, это страна чисто мiеическая, ввторыхъ, въ сагахъ сама она представляется не принадлежащею къ скандинавскому мiру; она была только покорена Скандинавами, а своего имени имъ не передала. Впрочемъ, Бѣляевъ пришелъ только съ подтвержденiемъ къ мысли, первоначально высказанной другимъ, именно Бутковымъ. Бутковъ первый указалъ на *Rizaland*, какъ на родину Несторовой Руси, утверждая, что страна эта, которой имя означаетъ ничто иное какъ страна великановъ, первоначально называлась страню Руссовъ—*Russaland*, и не подѣляя однако ничѣмъ своего положенiя. Въ дѣйствительности въ сагахъ имя Россiи, *Russia*

¹⁾ Нарова въ древности называлась Нерова; тутъ ясенъ тотъ же самый корень, какъ и въ названiи озера Неро, а окончанiе ва по фински значить вода.

или Ryzaland строго отличается от имени Rizaland; и Rizaland не только не есть позднѣйшее имя, а напротивъ древнѣйшее. Оно сначала замѣняется именемъ Ютунгейма, а потомъ нѣмѣйшимъ названіемъ страны Финляндія, а имя Ryssaland, Ryzaland, употребляясь извѣдка въ древнихъ сагахъ, въ послѣдствіи становится постояннымъ именемъ нашего отечества.

И трудно допустить, чтобъ изъ двухъ именъ, изъ которыхъ одно соотвѣтствуетъ этнографическому составу страны Ryssland, страна Руссовъ, а другое носить на себѣ явно легендарный характеръ, какъ Rizaland, страна великановъ,—трудно допустить, чтобы дѣйствительное этнографическое имя было вытѣснено изъ употребленія легендарнымъ, мифическимъ. Изъ самой сущности дѣла слѣдуетъ, что оно должно было идти обратнымъ путемъ. Именно первыя, древнѣйшія представленія народовъ о чужихъ странахъ и народахъ, отличаются мифическимъ характеромъ, какъ представленія Грековъ о Пигмеяхъ, блаженныхъ Гипербореяхъ или Амазонкахъ, или представленіе нашихъ предковъ о Самоѣди, живущей внутри горъ. Съ теченіемъ времени представленія эти очищаются, разъясняются; соотвѣтственно этому и мифическія имена странъ замѣняются этнографическими. Именно такъ было и у Скандинавовъ. Въ сагѣ о Гейдрекѣ Премудромъ говорится, что сѣверная Финляндія, какъ передается въ древнихъ книгахъ, прежде называлась Ютунгеймомъ, то-есть, страню великановъ. Стало быть, потомъ это имя вышло изъ употребленія; а замѣнившее ее имя Финляндія есть ничто иное какъ имя этнографическое.

Основаніе, на которомъ Вѣляевъ и Бутковъ строили свое мнѣніе о томъ, что въ обоихъ приведенныхъ мѣстахъ слово Руссія относится къ скандинавской Россіи, къ Ризаланду, состоитъ въ томъ, что въ сагахъ подъ именемъ Гуналандіи разумѣется страна, извѣстная въ послѣдствіи подъ именемъ Обонежской пятинны. Въ такомъ случаѣ сѣверная Финляндія, дѣйствительно, если и не находилась бы между Гардаракіей и Гуналандіей, то по крайней мѣрѣ граничила бы съ ними. Но дѣло въ томъ, что это мнѣніе ни на чемъ не основано и противорѣчитъ дѣйствительности. Гуналандіей никогда не называлась страна, лежащая около Онежскаго озера. Издатели историческаго сборника *Scriptores rerum Islandorum* (то-есть, Копенгагенское общество сѣверныхъ антикваріевъ, составленное изъ людей, безъ сомнѣнія, въ цѣломъ мѣрѣ наиболѣе компетентныхъ относительно всѣхъ вопросовъ, касающихся древней скандинавской литературы),

слово Hunaland, Гуналандія, производятъ отъ двухъ народовъ Гунновъ и Гундовъ, „которые жили на Волгѣ“ ¹⁾. Здѣсь же въ сосѣдствѣ Булгарь и Хозаровъ была черная гора, „turkvidr ille Normannogim“. Но этотъ народъ Гунны, который учеными издателями названнаго сборника отождествляется съ Квенами, Kvenig, или по датски Kveneg, потомъ переселился въ другія страны, въ Квенландію, *лежащую къ сѣверу отъ Швеціи въ собственномъ смыслѣ*, и въ Германію. Вслѣдствіе того и эти страны въ позднѣйшихъ сагахъ также называются Hunaland. Или, быть можетъ, говорятъ ученые издатели, „имя Гуналандъ было только перенесено на другіе народы“, то-есть, на Квенновъ и жителей сѣверной Германіи. Это послѣднее мнѣніе гораздо правдоподобнѣе перваго: Квены, во всякомъ случаѣ, народъ не многочисленный и никогда не имѣвшій вакого-нибудь особаго значенія въ средѣ сосѣдей, не могъ на предполагаемомъ прежнемъ своемъ мѣстѣ быть столь многочисленнымъ и сильнымъ народомъ, каковымъ онъ представленъ у Саксона Граматика. Повторныхъ, самое переселеніе его изъ страны сосѣдней Болгарамъ и Хозарамъ, изъ страны съ хорошимъ климатомъ и почвою, въ бесплодную сѣверную часть нынѣшней Швеціи или Германіи представляется невозможностью; обыкновенно въ противоположномъ направленіи двигались переселявшіеся въ то время народы. Готы пришли изъ предѣловъ Балтійскаго моря въ южную Россію. Нѣмецкія племена, двинувшіяся въ великое переселеніе, также все искали лучшихъ странъ и богатствъ, накопленныхъ южными народами, жившими подъ вліяніемъ древней цивилизаціи. Ничего подобнаго не представляли ни сѣверная Швеція, ни сѣверная Германія. Гораздо вѣроятнѣе, что древніе Гунны скандинавскихъ сагъ были дѣйствительные Гунны, которые первоначально сдѣлались извѣстны Европѣ, живя на юго-востокѣ Россіи. А потомъ когда Скандинавы потеряли слѣды ихъ, имя ихъ было перенесено на Квенновъ и на какихъ-нибудь жителей сѣверной Германіи.

Во всякомъ случаѣ имя Гуналандъ никогда не принадлежало странѣ около Онежскаго озера. А въ приведенныхъ строкахъ изъ саги объ Эгилѣ Сухорукѣ ихъ нельзя относить ни къ сѣверной Германіи, ни къ сѣверной Швеціи, потому что тутъ рѣчь идетъ о странѣ, лежащей на востокѣ, гдѣ царствовалъ Гертруггъ. Подъ восточными странами саги разумѣютъ всегда только страны, лежащія къ востоку отъ Балтійскаго моря. Такъ смотрятъ на дѣло и издатели Scripto-

¹⁾ См. т. XII, стр. 293.

rum rerum Islanduorum. Когда идетъ рѣчь о Гуналандіи и при этомъ прибавляется „на востокѣ“, ab oriente, въ такомъ случаѣ, говорятъ они, Hunalandia sedem suam antiquissimam recuperat ¹⁾, то-есть, въ такомъ случаѣ подъ нею должна быть понимаема эта древняя Гуналандія, лежащая на юго-востокѣ Россіи, такъ что въ приведенномъ мѣстѣ саги Россія, лежащая между Гардарикіей и Гуналандіей, должна лежать прямо за границами Гардарикіи къ юго-востоку. Если мы положимъ, что Гардарикія обнимала страну, лежащую по бассейну Ильмена, то-есть, по притокамъ его Мстѣ, Ловати, Шелони, и доходила до водораздѣльной линіи между бассейнами Ильмена и Волги, то прямо за этою линіей къ юго-востоку должна начинаться Россія. А такъ какъ она была странюю обширною и замѣчательною своимъ многочисленствомъ, то мы должны вести ее далеко. Дѣйствительно, она и будетъ обширна, если мы доведемъ ее до Гуналандіи, до юго-восточной Россіи; и въ такомъ случаѣ она займетъ все теченіе Волги, по крайней мѣрѣ до устьевъ Оки, то-есть, она обниметъ, между прочимъ, и ту мѣстность, гдѣ сохранились многочисленные курганы и городища, именно губерніи Ярославскую, Владимірскую, Нижегородскую и сосѣднія.

Извѣстіе о кораблекрушеніи, которому подверглись два Грима, не указываетъ намъ съ такою точностію положенія древнѣйшей Россіи; но и изъ него можно вывести заключенія весьма важныя. Во-первыхъ, оно показываетъ, что имя Россіи употреблялось жителями ея раньше періода времени, извѣстнаго нашему лѣтописцу, который ничего не знаетъ о томъ времени, когда въ Ладогѣ были собственные государи. Во-вторыхъ, и въ этомъ извѣстіи Руссія указывается опять-таки гдѣ-то на востокѣ, а не на западѣ, не въ странѣ Rivaland, какъ толковалъ это мѣсто Бѣляевъ. По словамъ саги, погибъ купеческій корабль, пронесенный бурей мимо Балагардскихъ береговъ (*navis mercatoria litus Balagardicum saeva tempestate ab oriente praetervecta*). Дѣло идетъ, очевидно, о Ладожскомъ озерѣ. Еслибъ онъ съ востока пронесенъ былъ бурей въ Финскомъ заливѣ, то во-первыхъ, онъ, можетъ быть, и не погибъ бы, буря вынесла-бъ его въ открытое море, и тамъ по окончаніи бури онъ пошелъ бы своею дорогою. Во-вторыхъ, еслибъ онъ и погибъ тамъ, то людямъ, спасшимся отъ кораблекрушенія, далеко было-бъ идти въ Ладогу искать пристанища у тамошняго государя, такъ какъ бурей ихъ могло вытѣснить на

¹⁾ Тамъ же, стр. 294.

берегъ только гдѣ-нибудь у Ревеля, Гельсингфорса или Нарвы, или, наконецъ, у Стокгольма. Далѣе — все-таки тутъ же въ Ладогѣ говорили, что корабль разбитъ бурей, тутъ вообще были разговоры объ этомъ путешествіи, тутъ же всѣ думали, что всѣ пассажиры погибли въ бурѣ. Все это ясно указываетъ на то, что кораблекрушеніе случилось на Ладожскомъ озерѣ. По Ладожскому озеру его несло бурей отъ востока къ западу ¹⁾). Откуда-жь онъ вышелъ, гдѣ жили торговцы, которымъ принадлежали товары и самый корабль? Восточные берега Ладожскаго озера, равно какъ берега рѣкъ, впадающихъ въ него съ востока и юго-востока, Свири и Сяси, никогда не были населены торговымъ и многочисленнымъ населеніемъ. Но и Свирь, и Сясь посредствомъ очень незначительныхъ волоковъ, верховьями своими соединены съ системами Шексны и Мологи, гдѣ теперь существуютъ каналы Маринскій и Тихвинскій. А Шексна и Молога ведутъ прямо въ сердце древнѣйшей Руси, въ ту самую мѣстность, гдѣ сохранилось такъ много кургановъ и городищъ, въ южную половину Ярославской губерніи. Погибшій на Ладожскомъ озерѣ большой купеческій корабль и шелъ оттуда, и торговцы, которые везли товары, оказались родомъ изъ Руси. Ясно, что Русь была гдѣ-нибудь за Ладожскимъ озеромъ, такъ что вѣдущіе оттуда въ Финскій заливъ должны были переѣзжать озеро; къ ней, къ этой Руси, вели рѣки, впадающія въ Ладожское озеро или въ озеро Онежское. Такое положеніе именно и занимаетъ та древняя Русь, богатство которой, приобретенное черезъ торговлю, открываютъ намъ курганы, которая несомнѣнно находилась въ торговыхъ связяхъ не только съ востокомъ, но и съ западомъ, потому что въ курганахъ найдены германскія и англо-саксонскія монеты, и вещи, открытыя тамъ, мечи, сѣкиры, пряжки, по мнѣнію археологовъ, были, между прочимъ, западной работы.

Есть и еще нѣкоторыя указанія на древнюю Русь, находившуюся въ нынѣшней сѣверной Россіи, которыя мы находимъ въ скандинавскихъ источникахъ. Отъ XII вѣка сохранилась любопытная исланд-

¹⁾ Замѣчательно, что на берегу Ладожскаго озера, именно къ востоку отъ устья Волхова, существуетъ село Бѣлый Костеръ (См. карту Ладожскаго озера, изд. военно-топографическаго депо). Костеръ на языкѣ оееней значитъ городъ (сравни византийское *καστρον*), такъ что въ переводѣ на русскій Бѣлый Костеръ будетъ значить Бѣлый городъ; то же самое значитъ и шведское Гардъ, и *Bilagarð* есть тотъ же Бѣлый городъ. Языкъ оееней, равно какъ ихъ торговля, по видимому, служатъ остатками языка и торговли древнихъ Руссовъ.

ская карта земнаго круга (не шара, а именно круга, orbis terrarum), воспроизведенная въ Antiquités russes. Это карта не въ нашемъ смыслѣ, а карта въ смыслѣ того времени. Земля представлена какъ кругъ, раздѣленный на три части Европу, Азію и Африку. Въ Европѣ сѣверныя страны представлены ближе къ окружности круга, южныя ближе къ центру. Но чертежей нѣтъ, а гдѣ картографъ предполагаетъ мѣсто страны, тамъ написано только ея имя. На самомъ сѣверѣ съ западной стороны написаны Tile (то есть, ultima Thule) и Исландія, на сѣверо-востокѣ Беармія, далѣе къ югу въ одномъ мѣстѣ другъ за другомъ—Норвегія, Готландъ, Швеція и Россія и Scythia frigida, —потомъ еще далѣе къ югу послѣ нѣкотораго промежутка Кію, то есть, Кіювіа, Кіевъ, какъ объясняетъ Рафнъ. Отсюда прямой выводъ тотъ, что древнюю Русь Скандинавы представляли на сѣверѣ далеко отъ Кіева и близко отъ Готланда и Швеціи. Собственно говоря, еслибы наши норманисты нашли гдѣ-нибудь въ скандинавской литературѣ хоть какой-нибудь намекъ на норманскую Русь, то тутъ было бы подтвержденіе ихъ теоріи. Но такъ какъ они такого намека не нашли, и весьма основательно совсѣмъ отказались отъ исканія Руси норманской, то Русь исландской карты и не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ нашею русскою Русью, но не южною, а сѣвальною. Она лежитъ далеко отъ Кіева, и близко отъ Швеціи. И достойно вниманія то, что такое представленіе о положеніи Руси имѣли въ скандинавскомъ мірѣ именно въ то время, когда у насъ самихъ имя Руси по преимуществу давалось югу, странѣ, лежащей по Днѣпру. Въ это время скандинавскій источникъ эту страну Кіювію совсѣмъ выдѣляетъ изъ Руси, ставитъ ее далеко отъ Руси. Онъ знаетъ ее, но не называетъ Русью, а Русь полагаетъ на сѣверѣ, между Швеціей, Готландіей, съ одной стороны, и холодною Скиоіею—съ другой. Это, по видимому, противорѣчитъ тому, что въ другихъ скандинавскихъ источникахъ того же времени, именно въ сагѣ объ Олафѣ Тригвесонѣ, имя Руси дается Кіеву, а сѣверная Русь называется Гардарикіей ¹⁾. Но въ сагѣ объ Олафѣ Тригвесонѣ разсказывается, что самъ онъ былъ въ Кіевѣ во время Владиміра Святаго. Стало быть, онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и слагатель саги, должны были знать, что Кіевъ дѣйствительно въ то время назывался Русью. А исландская карта XII вѣка составлена на основаніи древнѣйшихъ свѣдѣній Скандинавовъ о восточныхъ странахъ. Въ X и XI вѣкахъ Исландія составляла особый скандинав-

¹⁾ Ant. R., т. I, стр. 211.

скій міръ, жившій своею жизнью и не принимавшій участія въ дѣлахъ своей метрополи Скандинавіи. Въ то время Исландцы направили дѣятельность свою въ другую сторону, въ Америку, гдѣ до сихъ поръ сохраняются ихъ постройки съ руническими надписями. И потому въ исландской картѣ XII вѣка нельзя видѣть ничего другаго, кромѣ представленія Исландцевъ о Россіи, относящагося къ IX вѣку и даже къ вѣкамъ предыдущимъ. Еслибы карта была составлена на основаніи Скандинавовъ о Россіи въ X, XI и XII вѣкахъ, то мѣсто Россіи было бы тамъ, гдѣ помѣщенъ Кіевъ, и самъ Кіевъ не былъ бы исключенъ изъ нея.

На этомъ мы и остановимся въ изученіи скандинавской литературы, и сдѣлаемъ теперь выводы изъ всего предыдущаго.

Скандинавскія саги знаютъ Русь гораздо раньше половины IX вѣка, называютъ ее этимъ именемъ и помѣщаютъ къ востоку отъ бассейна Ильменя, между этимъ бассейномъ и нижнею Волгою, то есть, тамъ же, гдѣ помѣщаютъ ее и арабскіе писатели.

Руссовъ Скандинавы знаютъ какъ мореходовъ, какъ грабителей и какъ торговцевъ, то есть, также, какъ ихъ представляли и арабскіе писатели.

Скандинавы то воевали, то мирились съ Руссами, наконецъ, стали вступать къ нимъ въ службу, какъ видно изъ саги объ Олафѣ Тригвесонѣ, и въ особенности, изъ Эймундовой саги и нѣкоторыхъ другихъ, что могъ узнать и нашъ лѣтописецъ. Содержанія этихъ сагъ мы не приводимъ, такъ какъ онѣ и безъ того имѣютъ общую извѣстность, и смыслъ ихъ одинаково всѣми понимается.

Что касается до положенія древнѣйшей Россіи, или другими словами, что касается до древнѣйшаго имени нашего отечества, наиболѣе компетентные ученые, изучавшіе литературу сагъ, извлекли изъ нея именно то мнѣніе, что оно въ самой глубокой древности называлось Россіей, Руссіей, Русью; стало быть, это имя ея не заимствовано ни откуда. Такъ именно говоритъ Штраленбергъ ¹⁾. Также говоритъ и Сумъ; по его словамъ „эта (то есть, древнѣйшая) Россія должна находиться въ срединѣ нынѣшней Россіи, и очень вѣроятно, что нынѣшняя Рязань есть ея остатокъ (Ueberrest davon) ²⁾“. Вспомнимъ

¹⁾ «Und hieraus wird nun zu erscheinen, dass unter allen diesen Nahmen sonderlich bei denen National-Einwohnern keiner mehr gebräuchlicher und älter gewesen, als der Name Russia». Das Nordöstliche Europe, стр. 170.

²⁾ Geschichte der Däner. Переводъ *Gräter'a*, Leipzig, 1803, I, 224.

при этомъ Арзаніе арабскихъ писателей, которыхъ Сумъ не зналъ. Безъ ихъ помощи онъ пришелъ къ своему выводу! Вспомнимъ при этомъ еще разъ Саксона Грамматика. Онъ также былъ замѣчательнымъ ученымъ своего времени. И по его мнѣнію, основанному на сагахъ, наше отечество также первоначально называлось Русью; стало быть, этого имени оно ни откуда не заимствовало. Только позднѣйшіе скандинавскіе ученые, которымъ, какъ и нѣмецкимъ ученымъ, понравилась та мысль, что Россія ведетъ и свое начало, и свое имя изъ Скандинавіи, повѣрили ученіямъ нашихъ норманистовъ, будто Россія получила свое имя и своихъ первыхъ государей изъ Швеціи. И трудно было имъ не повѣрить этому. Имъ говорили, что эти факты сообщаетъ нашъ лѣтописецъ, а лѣтопись безспорно по идеѣ своей болѣе достовѣрна, чѣмъ сага. Быть можетъ, до нихъ дошло, что нашъ лѣтописецъ былъ очевидцемъ описанныхъ имъ событій, какъ утверждаетъ г. Погодинъ. Трудно въ самомъ дѣлѣ предпочесть извѣстія сагъ извѣстіямъ очевидца-лѣтописца! Мы теперь достаточно знаемъ, какой очевидецъ и какой лѣтописецъ былъ Несторъ. Лѣтописцемъ и отчасти очевидцемъ онъ былъ только для времени внуковъ и отчасти сыновей Ярослава. А для княженія Ярослава онъ уже не лѣтописецъ, а собиратель преданій. Касательно же предыдущихъ княженій онъ не имѣлъ другихъ источниковъ, кромѣ преданій, весьма далекихъ отъ полноты и вѣрности. А о призваніи князей изъ-за моря, по всей вѣроятности, и самъ-то онъ не имѣлъ никакого представленія, и сказка эта сочинена впоследствии. Но скандинавскіе ученые заимствовали отъ нашихъ норманистовъ другой взглядъ на нашу начальную лѣтопись. Не смотря на то, и они не могутъ закрыть глаза передъ тѣмъ фактомъ, что въ сагахъ древнѣйшая Россія называется не только Гардарикомъ, но и Россіей, и они должны признаться, что на основаніи сагъ отечествомъ Одина была не Гардарикія, а Россія ¹⁾. И Россія эта была близъ верховьевъ Дона, то-есть почти тамъ же, гдѣ ее полагаетъ и Сумъ.

Заключу эту часть моего изслѣдованія краткимъ сравненіемъ скандинавскихъ сагъ и нашей начальной лѣтописи, какъ источниковъ для исторіи древнѣйшей Руси. Какой изъ этихъ источниковъ содержитъ въ себѣ болѣе достовѣрныя и полныя свѣдѣнія объ этомъ періодѣ ея? Самая постановка этого вопроса въ глазахъ норманиста покажется проявленіемъ научнаго легкомыслія, а между тѣмъ, я надѣюсь представить

¹⁾ См. *Antiquités Russes*, I, 14.

довольно вѣсскія довазательства въ пользу того мнѣнія, что саги знаютъ первоначальную исторію гораздо вѣрнѣе и полнѣе, чѣмъ наша начальная лѣтопись.

1. Саги представляютъ древнѣйшую Россію, какъ страну торговую, въ которой собирались богатства сосѣднихъ странъ, болѣе образованныхъ. Такою она и была еще въ IX, и по крайней мѣрѣ, въ VIII вѣкѣ. Это историческая аксіома. Наша начальная лѣтопись объ этомъ ничего не знаетъ.

2. Саги знаютъ въ древнѣйшей Россіи города, которыхъ имена совсѣмъ не встрѣчаются въ лѣтописи. Лѣтопись при предполагаемомъ его началѣ государства знаетъ только Ладогу, Новгородъ, Ростовъ, Муромъ и Полоцкъ. Саги знаютъ еще Суздаль, знаютъ Гади (Гдовъ) и неизвѣстный намъ до сихъ поръ Сирнесь. Существованіе въ нашемъ отечествѣ многихъ городовъ до половины IX вѣка есть также историческая аксіома. И можно утверждать по крайней мѣрѣ только то, что извѣстія сагъ въ этомъ случаѣ ближе къ этой аксіомѣ, чѣмъ извѣстія нашей лѣтописи.

3. Саги знаютъ, что въ этихъ городахъ были особые государи; онѣ знаютъ даже, что государи эти имѣли своимъ главой одного изъ своей среды, что подтверждается, какъ текстомъ договоровъ Ольга и Игоря, такъ и послѣдующею исторіей страны. Лѣтопись объ этихъ государяхъ ничего не знаетъ, не смотря на то, что въ нее занесены тексты упомянутыхъ договоровъ.

4. Саги говорятъ о близкихъ родственныхъ связяхъ между владѣтелями древнѣйшей Россіи и Скандинавіи. Наша лѣтопись, не зная о существованіи владѣтелей древнѣйшей Россіи, не можетъ знать и о родственныхъ связяхъ ихъ съ владѣтелями Скандинавіи. Между тѣмъ сами же норманисты женскія имена нашей лѣтописи, какъ Малфредъ, ведутъ изъ Скандинавіи, и бракъ Ярослава съ Ингигердою признаютъ какъ историческій фактъ, хотя наша лѣтопись и о немъ ничего не знаетъ.

5. Наша лѣтопись знаетъ скандинавскую Русь, такую же часть скандинавскаго міра, какъ Швеція, Норвегія или Готія. Саги не знаютъ этой Руси. И ея дѣйствительно не было.

Выводъ изъ этого тотъ, что наша лѣтопись, или точнѣе, наша сага о началѣ Русскаго государства, внесенная въ послѣдующую лѣтопись, знаетъ то, чего не было и не знаетъ того, что было. Скандинавскія саги, наоборотъ, знаютъ то, что было и не знаютъ того, чего не было.

Д. Щегловъ.

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ ВЪ XVI ВѢКѢ.

Предлагаемый очеркъ есть отрывокъ изъ введенія къ приготовляемому изслѣдованію „о прямыхъ налогахъ Московскаго государства въ XVI вѣкѣ“.

Такъ какъ значеніе податной системы и вліяніе ея на разныя стороны быта не могутъ быть оцѣнены иначе, какъ только сравнительно съ измѣненіями, которымъ въ разное время подвергались податные классы въ ихъ количествѣ, составѣ и платежныхъ силахъ, то мы и нашли необходимымъ, прежде чѣмъ приступить къ изученію самой системы налоговъ XVI вѣка, опредѣлить, на сколько позволяютъ источники, численность, составъ и размѣръ платежныхъ силъ податныхъ классовъ.

Разнообразіе условий, при которыхъ происходило развитіе податныхъ классовъ въ разныхъ частяхъ территоріи русской, побуждаетъ насъ сдѣлать этотъ обзоръ по группамъ — сообразно съ характеромъ формъ экономическаго быта, развившихся подъ вліяніемъ этихъ условий. Настоящій очеркъ посвященъ изслѣдованію исторически старѣйшей изъ группъ — Новгородской.

I.

До сихъ поръ вопросъ объ экономическомъ отличіи древне-русскихъ городскихъ поселковъ отъ сельскихъ не подвергался серьезному разсмотрѣнію въ нашей исторической наукѣ. До сихъ поръ вниманіе ея было обращено исключительно на опредѣленіе чисто внѣшнихъ отличій — главнымъ образомъ внѣшняго типа поселковъ и правительственнаго значенія ихъ въ областной жизни.

По этимъ вопросамъ наука выработала нѣсколько положеній, которыя можно считать окончательно рѣшенными и неоспоримо вѣрными. 1) По внѣшнему типу городъ отличался отъ всѣхъ остальныхъ

поселковъ тѣмъ, что былъ „узрѣленнымъ пунктомъ народнаго поселенія“, съ постоянными жителями, состоявшими изъ служилыхъ людей, помѣщавшихся въ острогъ ¹⁾). На высшей степенн своего развитія, городъ, кромѣ острога, имѣлъ при себѣ и посадь, раскинутый у стѣнъ острога и населенный посадскими людьми ²⁾). „Посадамъ называлось то, что теперь мы привыкли называть городомъ, и названіе *посадской человекъ* означало то же, что теперь мѣщанинъ“ ³⁾). 2) Военное значеніе города вытекаетъ изъ присутствія въ немъ острога. Это центръ высшей мѣстной военной власти, средоточіе военныхъ силъ окружной мѣстности; это — „фортеція“, къ которой въ военномъ отношеніи тянула окружающая мѣстность. 3) Въ административномъ и судебномъ отношеніи городъ имѣлъ такое же центральное значеніе для приписаннаго къ нему уѣзда. Здѣсь помѣщались высшія уѣздныя административныя и судебныя учрежденія: намѣстники, а позднѣе губныя старосты и дѣловальники, дьяки и низшіе чины администраціи и судебного вѣдомства. „Въ городахъ древней Россіи“, говоритъ Н. И. Костомаровъ ⁴⁾), — „происходило сопркосновеніе народа съ властью; тамъ была склада военной силы, которой порученъ край для охраненія; туда стекались государственные доходы, вносимые краемъ; наконецъ, тамъ жители края искали убіжища во время военныхъ опасностей“.

Этими признаками исчерпывается весь объемъ существующаго представленія объ отличіи городскихъ поселковъ отъ сельскихъ. Отличіе это внѣшнее, зависящее отъ дѣятельности исключительно служилаго класса.

Болѣе важное отличіе, — экономическое, зависѣвшее исключительно отъ дѣятельности посадскаго населенія, до сихъ поръ остается не рѣшеннымъ вопросомъ. Правда, Н. И. Костомаровъ называетъ посады „пунетами торговой и промышленной дѣятельности“ ⁵⁾), но не опредѣляетъ точно — въ какой мѣрѣ имъ присущъ былъ этотъ характеръ. Между тѣмъ существуетъ мнѣніе, — весьма распространенное, вполне отрицающее этотъ характеръ. „Посадское населеніе городовъ“, говоритъ г. Дитятинъ о XVI —

¹⁾ Сборникъ *ис. знаій*, т. II, отд. II, стр. 48. Рецензія *Θ. И. Леонтовича* на книгу г. Самоковскаго «О городахъ древней Россіи».

²⁾ Тамъ же, стр. 50—51.

³⁾ *Костомаровъ*, Очеркъ дом. жизни Русск. народа, стр. 8.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 8.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 8.

XVII вѣкѣ ¹⁾, вовсе не состояло исключительно изъ торговцевъ и промышленниковъ; значительную долю его составляли земледѣльцы. Отсюда понятно, и особенно если принять во вниманіе, что въ селахъ и даже деревняхъ имѣли мѣсто и промышленность и торговля, — что городское населеніе за такой періодъ времени очень и очень немногимъ отличалось отъ сельскаго населенія какъ въ экономическомъ отношеніи, такъ и вообще по характеру и образу жизни, а стало быть, и по развитію“. Если принять во вниманіе, что, по мнѣнію г. Дитятина, и за весь предшествующій періодъ посадское населеніе было „такимъ же по преимуществу, если не исключительно, земледѣльческимъ населеніемъ, какъ и все остальное населеніе тогдашней Руси“ ²⁾, то выходитъ, что городъ-посадъ въ продолженіе всей древней исторіи — вплоть до XVIII вѣка — сохранилъ характеръ „по преимуществу, если не исключительно, земледѣльческой“, тогда какъ, по мнѣнію г. Костомарова онъ былъ „пунтомъ торговли и промышленной дѣятельности“.

Въ виду такого кореннаго разногласія, первымъ и важнѣйшимъ вопросомъ при опредѣленіи экономическаго характера посадовъ является вопросъ о занятіяхъ посадскихъ людей, при чемъ весь интересъ сосредоточивается на вопросѣ: какъ великъ былъ процентъ торгово-промышленнаго населенія городскихъ посадовъ сравнительно съ пашеннымъ населеніемъ ихъ? Какъ велики были вообще торгово-промышленныя силы страны, главнымъ средоточіемъ которыхъ были городскіе посады?

Рѣшеніе этихъ вопросовъ въ примѣненіи къ XVI вѣку встрѣчаетъ нѣкоторое затрудненіе, благодаря особенностямъ древне-русскаго быта, не совмѣстимымъ съ нашими понятіями. Дѣло въ томъ, что при названіи поселковъ городами древняя Русь руководилась не экономическими признаками ихъ, а указанными нами чисто внѣшними — именно: военно-административнымъ значеніемъ ихъ въ отношеніи къ приписанному къ нимъ округу — уѣзду. Поэтому, съ одной стороны, офиціальное названіе поселка городомъ часто стоитъ въ полномъ противорѣчій съ экономическимъ понятіемъ о поселкахъ того рода. Такъ, Демань ³⁾ и Высокій ⁴⁾ въ продолженіе всего почти XVI вѣка ⁵⁾

¹⁾ Устройство и управленіе городовъ Россіи, I, стр. 129.

²⁾ Тамъ же, стр. 113.

³⁾ Новг. писц. книги (1500 г.), т. II, стр. 499.

⁴⁾ Арх. Мин. Юстиціи, писц. книга № 706.

⁵⁾ Доп. къ акт. истор. т. I, № 2.

слыли подъ названіемъ городовъ, между тѣмъ какъ въ нихъ не было ни острога, ни посада, и все населеніе состояло изъ намѣстника, его тиуна и церковнаго сторожа. Вслѣдствіе этого же преобладанія, при названіи поселковъ городами, внѣшнихъ признаковъ надъ экономическими замѣтно, съ другой стороны, въ самомъ территоріальномъ распредѣленіи этого рода поселковъ полное несоотвѣтствіе съ экономическими потребностями и экономическимъ развитіемъ страны. Въ однѣхъ мѣстностяхъ ихъ было слишкомъ много—какъ, напримѣръ, по южной границѣ Россіи, хотя промышленно-торговое движеніе въ этомъ районѣ не отличалось ни силою, ни объемомъ; въ другихъ мѣстностяхъ было ихъ крайне мало—какъ, напримѣръ, въ области Великаго Новгорода, хотя извѣстно, что все значеніе ея для древней Россіи основывалось именно на широтѣ промышленно-торговаго развитія ¹⁾).

Очевидно, было бы большою ошибкою для всѣхъ мѣстностей принимать города за единственныхъ представителей той формы экономической дѣятельности, которую мы называемъ городскою, и по количеству ихъ судить о размѣрахъ этой дѣятельности въ отдѣльныхъ областяхъ русской территоріи. Если въ однѣхъ мѣстностяхъ количество ихъ вполнѣ исчерпывало потребность страны въ экономической дѣятельности этого рода, то въ другихъ оно, очевидно, было ниже уровня этой потребности и дополнялось поселками разныхъ названій, но съ городскимъ характеромъ экономической дѣятельности. Къ числу послѣднихъ принадлежала и область Великаго Новгорода въ XVI вѣкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, Новгородская область, не смотря на ея громадный объемъ, который, по примѣрному исчисленію К. А. Неволіна, равнялся 282,127 квадратнымъ верстамъ ²⁾, на всемъ своемъ пространствѣ въ XVI вѣкѣ имѣла всего четырнадцать городовъ, изъ которыхъ притомъ только десять были городами-посадами, а остальные четыре были или городищами, или острожками. Мало того, и эти десять были распредѣлены по пятинамъ далеко не равномерно. Не считая самого Великаго Новгорода, какъ столицы, на долю Водской пятины приходилось 6 городовъ, а на долю Шелонской—2 (и одно городище); въ Деревской пятинѣ (всѣ 4 города были острожками или городищами, а Бѣжецкой и Обонежской не было ни одного города. Громадное пространство въ 171,119 евадр. верстъ было совсѣмъ лишено городовъ.

¹⁾ Объясненіе этого явленія въ указанной статьѣ *Леонтовича*.

²⁾ Пятины и погосты Новг. въ *Записк. Русск. Географ. Общ.*, т. VIII, стр. 57.

Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ: какія формы поселковъ выражали присутствіе и объемъ городской экономической дѣятельности въ тѣхъ пятнахъ, гдѣ городовъ совсѣмъ не было или было недостаточно, какая форма замѣняла въ нихъ эту форму дѣятельности?

За исходную точку въ рѣшеніи этого вопроса должны быть приняты указанія самихъ источниковъ, которые часто самымъ названіемъ, приложеннымъ къ поселку, указываютъ на его городской характеръ. Большинство такихъ поселковъ, дѣйствительно, оказывается и по составу, и по занятіямъ жителей совершенно отличнымъ отъ сельскихъ и можетъ быть рассматриваемо или какъ поселки городскіе, или какъ переходная форма отъ сельскихъ къ городскимъ. Таковы, прежде всего, поселки, отличенные отъ сельскихъ именами, относящимися къ тѣмъ или другимъ внѣшнимъ городскимъ признакамъ, а именно: *посады*—название которыхъ происходитъ отъ имени городского поселка при острогѣ,—и *ряды* или *рядки*, название которыхъ происходитъ отъ имени городскихъ торговыхъ зданій (лавокъ, амбаровъ и проч.), построенныхъ, по сохранившемуся до сихъ поръ обычаю, въ рядъ.

Еще И. Д. Вѣляевъ довольно удачно замѣтилъ, что „рядокъ былъ предшественникомъ, починкомъ города“¹⁾. Дѣйствительно, на всѣхъ ступеняхъ своего развитія рядки въ томъ или другомъ отношеніи сохранили близость свою къ городамъ. Такъ, простѣйшій видъ рядка находится въ полномъ соотвѣтствіи съ городской формой расположенія торговыхъ зданій. Въ древне-русскихъ городахъ рядами назывались разнаго рода торговыя зданія, расположенныя въ рядъ, иногда соединенныя даже въ одномъ зданіи. Въ Московской Руси во всякомъ значительномъ городѣ были „ряды“, дѣлившіеся на группы по роду товаровъ, служившихъ предметомъ торговли. Въ Коломенѣ во второй половинѣ XVI вѣка были ряды: большой суконный, пушной и колпачный, сермяжный, овчинный, желѣзный, рогожный, рогожный (другой), соляной, иконный, рыбный, большой щепетинный, малый щепетинный и др., всего 31 рядъ²⁾. Въ Можайскѣ въ концѣ XVI вѣка были ряды: большой, старый пушной, сапожный, овчинный, пирожный, рыбный и др., всего 18 рядовъ разныхъ названій³⁾. Судя по сохранившимся описямъ, такіе же ряды были въ Казани⁴⁾, Пе-

¹⁾ Разказы изъ русской исторіи, II (изд. 2-е), стр. 27.

²⁾ Приготовленное Н. В. Калачовымъ изданіе «писцовыхъ книгъ XVI вѣка», т. I, отд. I, стр. 314—318 (1577—1578 г.).

³⁾ Тамъ же, стр. 631—632 (1595—1598 г.).

⁴⁾ Тамъ же, № 396, л. 11—24 (1594—1597 г.).

реяславль Рязанскомъ ¹⁾, Муромъ ²⁾ и во множествѣ другихъ городовъ. Такіе же ряды были и въ Псковѣ ³⁾ и Великомъ Новгородѣ.

Полной описи Великаго Новгорода до насъ не дошло, но несомнѣнно, мѣстная торговля въ немъ въ XVI вѣкѣ производилась въ рядахъ. Начиная съ конца XV вѣка упоминанія о нихъ идутъ непрерывно въ продолженіе всего XVI вѣка и дажѣ. Подъ 1494 г. занесено извѣстіе, что въ Новгородѣ „выгорѣша ряды вси до великаго мосту—мало не до половины“ ⁴⁾. Въ 1508 г. великій князь Василій Ивановичъ, приславъ въ Новгородъ своего боярина Бобра, „велѣлъ ему урядити въ Новгородѣ торги и ряды и улицы розмѣрять по московски“ ⁵⁾. Въ 1541 г. опять горѣли всѣ ряды до Великаго моста и до Волхова ⁶⁾. Во время разгрома Новгородскаго, Иванъ IV „повелъ по всему Новгороду по всѣмъ торговымъ рядамъ и по всѣмъ улицамъ въ мѣновыхъ торжѣхъ у градскихъ торговыхъ людей и въ лавкахъ всякой товаръ грабити“ ⁷⁾. Въ 1605 г. загорѣлись лавки въ Рыбнивахъ на Торговой сторонѣ „и погорѣли всѣ ряды и мостъ Великій и половина гостина двора—700 лавокъ“ и проч. ⁸⁾. Наконецъ, отъ 1612 г. сохранилось нѣсколько купчихъ, которыя сообщаютъ и названіе нѣкоторыхъ изъ рядовъ, а именно: просольный рыбный рядъ, кожаный, желѣзный, бѣлѣный, перечный, ветошный, ременный, серебряный, рукавичный и большой ⁹⁾. Очевидно, Великій Новгородъ XVI вѣка представляетъ вполне развитую рядовскую форму расположенія торговыхъ зданій, хотя въ другихъ городахъ Новгородской области, въ Корѣлѣ, Ладогѣ, Орѣшкѣ,—еще въ 1569 г. мѣстная торговля производилась „въ дворехъ и противъ дворовъ на улицахъ“ ¹⁰⁾, въ амбарахъ и щербетахъ.

Вотъ эта - то форма расположенія торговыхъ зданій и послужила первообразомъ тѣхъ поселковъ, которые въ XVI вѣкѣ и ранѣе на-

¹⁾ А. М. Ю., писц. кн. № 152, л. 82—101 (1565—1568 г.).

²⁾ Акты юридич. № 229.

³⁾ А. М. Ю., писц. кн. № 355, л. 30—152 (1585—1587 г.).

⁴⁾ П. С. Р. Д. т. III (II-я Новг.), стр. 146.

⁵⁾ Тамъ же, т. III (II-я Новг.) стр. 150.

⁶⁾ Тамъ же, т. III (III-я Новг.) стр., 261 и 259.

⁷⁾ Тамъ же, т. IV (IV-я Новг.), стр. 136.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 264.

⁹⁾ Акты отн. до юр. быта, т. II, № 15, I—X.

¹⁰⁾ Арх. Мин. Иностр. Д., по Новг. № 7 стар. каталога, лл. 240, 300, 502.

зывались рядами. Типъ этого рода поселковъ наилучше обрисовывается въ описи Млевскаго ряда 1551 года ¹⁾.

Въ 1546 г. Млевскій рядокъ показанъ съ населеніемъ въ 15 дворовъ тяглыхъ, 5 церковныхъ и 5 пустыхъ (а по старому письму всего 25 дворовъ) ²⁾, но въ 1551 году всѣ дворы исчезли, кромѣ церковныхъ. Въ этомъ году онъ представлялъ по описи ³⁾ такой видъ: „Въ Егорьевскомъ погостѣ во Млевѣ погостъ, а въ немъ церковь Егорей великой, а на палатѣхъ два предѣла... да теплая церковь верховный аностоль Петръ и Павелъ. Да на церковной же землѣ дворы: 2 двора поповыхъ, 1 дворъ діакона, 1 дворъ церковнаго сторожа, 1 дворъ діака“. Какъ средство содержанія, при этихъ дворахъ показана пашенная и сѣвოსная земля. Другихъ жителей, кромѣ церковнослужителей, не показано. „Да во Млевѣ жъ на погостѣ у ряду ⁴⁾ на рѣцѣ Метѣ на острову 225 лавокъ по старому письму. А ставятъ тѣ лавки помѣщикове крестьяне — двухъ (помѣщиковъ) Крюковыхъ да трехъ Дуровыхъ: а даютъ въ тѣхъ лавкахъ прїѣзжимъ гостемъ торговати до Петрова дни и по Петровѣ дни — всего двѣ недѣли, а на великаго князя берутъ съ лавки по 4 алтыны. А земля подъ лавками и подъ торгомъ и гдѣ крестьяне ставятся съ хлѣбомъ и со всякимъ товаромъ — на 7 коробей, а взята та земля у Крюковыхъ на 3½ коробьи, а у Дуровыхъ — на 3½ же коробьи. А нишѣ по новому письму... 332 лавки большихъ и среднихъ и меньшихъ (прибыло 107 лавокъ), а поземъ съ нихъ имали ровно, (что) и напередъ сего шло съ тѣхъ лавокъ царю и великому князю, — съ лавки по 4 алтыны; а на церкви къ Егорью святому и ко всему собору на Млеви сказывали священники и старосты и содѣе, что де шло напередъ сего на темьянъ, на ладанъ и на свѣчи по 4 деньги въ московское число. Да у тѣхъ же лавокъ и у торгу поставлены два амбарца овсеные да двѣ хлѣбни да баня; а позему съ нихъ идетъ царю и великому князю по 4 алтыны съ хоромины, а къ церквамъ по 4 деньги съ хоромины въ московское

¹⁾ Млевскій рядокъ числился: по разметному списку 1546 года (Акты Археогр. Эксп., I, № 205) и по писцовой книгѣ 1582 г. (А. М. Ю., кн. № 713) въ Деревской пятинѣ, а по писцовымъ книгамъ 1551 (А. М. И. Д., по Новг., № 10) и 1583 г. (А. М. Ю., кн. № 964) — въ Бѣжецкой.

²⁾ Акты Арх. Эксп., т. I, № 205.

³⁾ А. М. И. Д., по Новг. № 10, л. 4 и 5.

⁴⁾ Должно читать «у ряду», т. е., *въ ряду*, какъ это показываютъ аналогичные случаи, приводимые нами дальше.

число". Между 1551 и 1582 гт. при рядѣ образовался поселокъ въ 27 дворовъ, но въ 1582 г. онъ уже оказывается пустымъ. Дворы также названы рядкомъ: „Рядокъ Млевскій пустъ, а въ немъ 27 дворовъ пустыя“¹⁾. Лавки однако же продолжали существовать и оказываются въ числѣ „живущихъ“. „На повестѣ на ряду“, говорится въ описи 1582—1583 гг.²⁾, — „2 деревни, 6 дворовъ церковныхъ, да ихъ же поземныхъ 4 двора; да 10 келей старцевъ... Во Млевѣ жъ на р. Метѣ на берегу торгъ, а на немъ 96 лавокъ безъ затворовъ, а торгуютъ въ нихъ, прѣвзая з городовъ, торговые люди всякими товарами з году на годъ о Петровѣ дни двѣ недѣли; да на торгу жъ 8 шалаши плетеные, а торгуютъ въ нихъ солью; да 13 шалашей, а торгуютъ въ нихъ събѣстными припасы. А ставятъ тѣ лавки и шалаши собою торговые люди. Да на торгу жъ 45 мѣсть лавочныхъ. А отхѣрено подъ лавки и подъ торгъ 14 четей (==7 коробьятъ). А берутъ съ лавки по 4 алтына, а приплавать“³⁾.... сбирати и всякихъ оброковъ изъ Новгорода дьяки“.

Еще яснѣе обрисовывается нервинный типъ рядковъ въ описи двухъ рядковъ Богословскаго монастыря въ Удомлѣ 1551 года⁴⁾. Самый монастырь былъ „ровной, а не община“, и имѣлъ 2 церкви деревянныя и 6 келей моваховъ; да за монастыремъ 4 двора церковныхъ безъ пашни и 13 двориковъ старцевъ и старицъ безъ пашни и безъ позему. Пашни монастырской было 2 короби въ одномъ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 20 копенъ. „Да у монастыря жъ на церковной землѣ на монастырской торговые люди изставиши лавки послѣ прежнихъ писцовъ Ив. Дан. Вельяминова съ товарищи:“ 6 лавокъ безъ затвору и 1 прилавокъ безъ затвору принадлежали 7 крестьянамъ изъ сосѣднихъ деревень; 1 лавка съ перерубомъ принадлежала двумъ крестьянамъ изъ сосѣдней деревни; 12 лавокъ, 1 прилавокъ и 2 амбара принадлежали 15 крестьянамъ сосѣднихъ деревень; 1 лавка — 3 крестьянамъ, 2 амбара съ прилавками — также принадлежала крестьянамъ. Кромѣ того, 1 лавка принадлежала Новгородцу, 1 амбаръ — 3 Новгородцамъ, 1 лавка — Новоторжцу, 1 лавка и 1 амбаръ съ прилавокъ — (крестьянамъ?) съ Удомельскаго стану; наконецъ, 1 лавка и 1 амбаръ пусты. Всего безъ пустыхъ — 23 лавки, 6 амбаровъ

¹⁾ А. М. Ю., писц. кн. № 718.

²⁾ А. М. Ю., писц. кн. № 964.

³⁾ Въ подлинникѣ вылиняло. Неволинъ читаетъ *тамъ же*. Пятины, прил. XII, стр. 337.

⁴⁾ А. М. И. Д., по Новгор. № 10, л. 165 об. — 169.

и 2 прилава (=31, а съ пустыни 33), изъ которыхъ двѣ лавки и одинъ амбаръ принадлежали горожанамъ, а остальные 28 торговыхъ зданій—крестьянамъ окрестныхъ деревень.

„А въ другомъ ряду стоятъ житницы новаци тѣхъ же лавокъ торговыхъ же людей, а въ нихъ сыплютъ привозный хлѣбъ и всякой желкой товаръ, да изъ нихъ торгуютъ же“: 3 житницы крестьянъ окрестныхъ деревень, да 1 житница съ прилавокъ одного крестьянина и 2 житницы также одного крестьянина; вромѣ того, 2 житницы принадлежали двумъ Новгородцамъ и одна—(рядовичу) изъ ряда Котлована. Всего 9 житницъ и 1 прилавокъ. „Да у тѣхъ же лавокъ и у житницъ дворнишко гостинное торговыхъ людей на приѣздѣ, а въ немъ дворникъ Онитка Захаровъ. А поему положено съ тѣхъ лавокъ: съ лавки, которые з затворомъ и съ амбаровъ и съ житницъ по 5 денегъ въ новгородское число (и царю и великому князю въ казну по 1 алтыну..., а въ церкви къ Ивану Богослову— по 4 деньги въ московское число), а съ лавки безъ затвора: поему жъ имати по 7 денегъ въ московское число (и царю и великому князю въ казну по 4 деньги съ лавки, а въ церкви по 3 деньги въ московское число“).

Въ 1582 г. послѣ пожара при этомъ монастырѣ (Троицкомъ, бывшемъ Богословскомъ) „на ряду“ считалось 10 дворовъ не пашенныхъ безъ упоминанія о лавкахъ ¹⁾.

Изъ этихъ двухъ описей видно, что рядокъ въ простѣйшемъ своемъ видѣ есть не болѣе, какъ рядъ торговыхъ зданій, — торговая площадь съ настроенными торговыми помѣщеніями для временнаго армарочнаго рынка. Писецъ считаетъ за Богословскимъ монастыремъ два ряда, но эти два ряда — не два отдѣльные поселка, а не болѣе какъ два *ряда* торговыхъ зданій: „а въ другомъ ряду“, говоритъ писецъ,— „стоятъ житницы *позади тѣхъ же лавокъ*“. Въ 1583 г. писецъ называетъ Млевскій рядокъ просто „торгомъ“—именемъ, вполне выражающимъ существенное отличіе того вида рядковъ, который представляетъ собою Млевскій рядокъ.

За рядами были всѣ признаки городской торговой площади:

ряды лавокъ, амбаровъ, амбарцовъ, прилавокъ, шалашей—для людей, которые сочли нужнымъ и удобнымъ имѣть постоянное помѣщеніе для своихъ товаровъ на площади;

гостинный дворъ, который въ Богословскомъ ряду описывается

¹⁾ А. М. Ю., кн. № 964; *Неволинъ*, О пятинахъ, приложенія, стр. 335.

какъ „гостинное дворишко торговыхъ людей на приѣздъ“¹⁾,—людей, не считавшихъ нужнымъ обзаводиться восточными помѣщеніемъ и предпочитавшихъ на время ярмарочныхъ съѣздовъ пользоваться дворомъ, устроеннымъ для личнаго помѣщенія, а также и для помѣщенія товаровъ всѣхъ приѣзжихъ людей;

торговая площадь, гдѣ останавливались окрестные жители, не нуждавшаяся совсѣмъ ни въ какихъ помѣщеніяхъ, площадь, „гдѣ (какъ въ Млевскомъ ряду) крестьяне ставятся съ хлѣбомъ и со всякимъ товаромъ“, продающимся съ возовъ.

Отъ города рядки этого вида отличались только тѣмъ, что не имѣли при себѣ приселка. Съ внѣшней точки зрѣнія, рядокъ Богословскаго монастыря можно, конечно, считать состоящимъ при монастырѣ; но въ сущности онъ ничѣмъ не былъ связанъ съ нимъ. Единственная связь ихъ заключалась въ томъ, что рядокъ находился „у монастыря на церковной землѣ“, но самыя лавки не принадлежали монастырю, такъ какъ ихъ „оставили торговые люди“, такъ что—не пожелаай эти торговые люди поддерживать свои лавки,—и рядокъ не существуетъ. Даже „поземь“, какъ плата владѣльцу за пользованіе землей, принадлежащей ему, является въ отношеніи къ рядкамъ установленіемъ, независимымъ отъ владѣльца площади, на которой они стояли: въ Богословскомъ ряду поземь была регулирована весьма точно,—и не въ пользу одного только владѣльца земли, но также и въ пользу правительства, считавшаго себя въ этомъ случаѣ собственникомъ той самой земли, которая составляла монастырскую вотчину, но на которой помѣстился рядокъ. Мало того, въ Млевскомъ ряду „поземь“ является простою уступкой правительствомъ части своихъ доходовъ въ пользу мѣстной церкви. Млевскій рядокъ помѣщался совершенно отдѣльно отъ погоста—на острову, на землѣ, отобранной правительствомъ у пяти сосѣднихъ помѣщиковъ и совсѣмъ не принадлежавшей погосту, и не смотря на то, къ погостской церкви „и ко всему собору“ съ той земли шелъ поземь въ томъ же самомъ размѣрѣ, каковыя обязаны были въ отношеніи къ

¹⁾ Изъ этого видна разница между «гостинными дворами» и «рядами». Н. И. Костомаровъ, по видимому, смѣшалъ ихъ: иначе онъ не сказалъ бы, что въ Новгородѣ «не видно существованія мелочныхъ лавокъ» (Р. народопр., II, стр. 234). Судя по числу сгорѣвшихъ во «всѣхъ рядахъ и на мосту великомъ» лавокъ, мелочныхъ лавокъ было въ В. Новгородѣ въ 1606 г. около 700 (П. С. Р. Л., III [III-я Новг.], стр. 264), часть которыхъ, быть можетъ, должна быть отчислена и на долю «половинн гостина двора».

Ивану Богослову рядки, помѣщавшіеся на принадлежащей ему землѣ. Очевидно, въ отношеніи къ Млевскому вѣдому повсюду является добровольною уступкой правительства части своихъ доходовъ, или лучше сказать, добровольно выраженнымъ согласіемъ на обязательный со стороны владѣльцевъ лавокъ взносъ въ пользу мѣстной церкви, согласіемъ, основаннымъ на томъ, что единогласно „сказывали священники и староста и соціяе, что де шло напередъ сего въ церкви въ Егерью святому и во всему собору на темянь, на ладанъ и на свѣчи по 4 деньги въ московское число“ съ лавки.

Лишенный поселка, рядокъ, конечно, не могъ быть постояннымъ рынкомъ, а имѣлъ значеніе только рынка временнаго, ярмарочнаго. Въ Млевскомъ рядкѣ была двухнедѣльная ярмарка на Петровъ день, въ Богословскомъ — неизвѣстно, но быть можетъ, въ день Ивана Богослова или и въ другіе дни. Въ это время торговые люди ближайшихъ городовъ, рядковъ и погостовъ съѣзжаются и производятъ торговлю отчасти въ принадлежащихъ имъ помѣщеніяхъ, отчасти въ наемныхъ. Должно, однакожъ, замѣтить, что процентъ торговыхъ людей, имѣвшихъ собственныхъ торговыхъ помѣщенія, былъ весьма незначителенъ въ половинѣ XVI вѣка. Въ Богословскомъ рядку изъ всѣхъ 41 торговыхъ помѣщеній торговымъ людямъ принадлежало всего 9 торговыхъ помѣщеній — именно 5 Новгородцамъ, 1 Новоторжцу, 2 или 3 съ Удомельскаго стана и 1 рядовичу Котлованскому. Остальные 32 торговыхъ помѣщенія принадлежали крестьянамъ изъ окрестныхъ деревень, изъ которыхъ только 6 крестьянъ, имѣвшихъ свои 6 житницъ, можно считать людьми, производившими торговлю хлѣбомъ; остальные 26 помѣщеній были предназначены для отдачи въ наемъ торговымъ людямъ, не имѣвшимъ собственныхъ торговыхъ помѣщеній. Въ Млевскомъ рядку въ половинѣ XVI в. даже всѣ торговые помѣщенія были предназначены для послѣдней цѣли. Окрестные крестьяне — владѣльцы 225 по старому и 332 по новому писму — сами, какъ можно заключать изъ словъ писца, совсѣмъ не занимались торговлей, а отдавали принадлежавшія имъ лавки въ наемъ пріѣзжимъ гостямъ: „а ставить тѣ лавки“, говоритъ писецъ, — „помѣщикове крестьяне (изъ окрестныхъ деревень)...., а даютъ въ тѣхъ лавкахъ пріѣзжимъ гостямъ торговати“. Только въ 1583 г. — или потому, что торговые люди нашли болѣе выгоднымъ и удобнымъ имѣть свои торговые помѣщенія, чѣмъ пользоваться наемными, или наоборотъ, потому, что при уменьшившемся торговомъ движеніи арендная плата не покрывала издержекъ, связанныхъ съ поддержаніемъ зданій, и крестьяне перестали поддержи-

вать ихъ,—мы находимъ этотъ порядокъ неизмѣнившимся: всѣ 96 лавокъ и 16 шалашей въ этомъ году принадлежали тѣмъ купцамъ, которые сами же и вели торговлю на ярмаркѣ: „а ставить тѣ лавки и шалаша“, говорится въ описи,—„собою торговые люди“. Самый торгъ торговые люди перевели на болѣе удобное мѣсто—съ острова на берегъ, ближе къ погосту, такъ что самый погостъ съ 2 церквями въ этомъ году оказывается уже „на ряду“.

Такимъ образомъ, рядокъ въ своемъ простѣйшемъ видѣ былъ совершенно отдѣльнымъ отъ поселковъ явленіемъ. И по формѣ, и по значенію онъ былъ простымъ торговою площадью, рядомъ лавокъ, амбаровъ и другихъ торговыхъ зданій, вырваннымъ изъ населенной мѣстности и переставленнымъ на пустынную площадь безъ дворовъ и людей, кромѣ церквей и церковнослужителей. Въ опредѣленное время года на эту площадь съѣзжаются торговые люди, производятъ мѣну товаровъ и удаляются; рядокъ остается совершенно пустъ, и только настроенные лавки, амбары и всякаго рода торговныя помѣщенія даютъ знать, что это — рядокъ.

Второй видъ рядковъ составляетъ полную противоположность первому. Какъ въ первомъ случаѣ рядокъ является простымъ рядомъ лавокъ, амбаровъ и всякихъ торговыхъ зданій безъ поселка, такъ во второмъ рядокъ является исключительно поселкомъ, безъ какого бы то ни было рода торговыхъ зданій и рынка. Это такая же первичная форма промысловаго поселка, какъ первая — торговаго; въ первомъ — одни только торговныя зданія и рынокъ, во второмъ — одни только дворы не пашенныхъ—промышленныхъ и торговыхъ людей безъ торговыхъ зданій.

По составу населенія этотъ видъ рядковъ довольно разнообразенъ. Вообще поселки этого вида можно раздѣлить на пашенные и не пашенные, хотя дѣленія этого нельзя провести строго, такъ какъ чаще всего пашенное и не пашенное населеніе было перемѣшано.

Къ пашеннымъ принадлежать:

I. Въ *Деревской пятинѣ*—три рядка по даннымъ 1495 года.

„Въ Михайловскомъ погостѣ въ Смердахъ на р. на Березаѣ рядокъ Новой 10 дворовъ (11 человекъ), сѣютъ ржи 25 коробей, а сѣна косятъ 130 копенъ“; доходъ шелъ архангельскимъ попамъ съ городища, а нынѣ — имъ не идетъ ¹⁾.

„Въ Рутинѣ на вопчей землѣ на погостѣ церковь Егорей ве-

¹⁾ Новг. писц. книга, т. I, стр. 176—177.

дикій" и 4 двора церковныхъ безъ пашни ¹⁾). Находящійся при немъ поселокъ, жители котораго названы „рядовичами“, былъ также въ общемъ владѣніи: на великаго князя жеребѣ было 8 дв. (13 чел.), „а по нему дають великому князю 3 гривень 4 деньги; да тѣ же рядовичи пашуть селница на роземѣ, а дають съ него оброку въ волость 1 гривну 5 денегъ“ ²⁾); на жеребѣ 3 братьевъ князей Кропоткиныхъ было 6 дв. (7 чел.), по нему съ нихъ 2 гр. 1 д. ³⁾); на ихъ же жеребѣ 3 дв. (6 чел.) пашенныхъ (сѣютъ ржи 2 коренныхъ, сѣна 20 копень), а 3 дв. (3 чел.) не пашенныхъ, по нему съ нихъ 12 денегъ ⁴⁾); на жеребѣ помѣщика Костянтинова 10 дв. (12 чел.), сѣютъ ржи 6 коробей безъ четки, сѣна 93 копы, по нему съ нихъ 6¹/₂ гр. 3 д. ⁵⁾); на жеребѣ Отлева помѣщика 6 дв. (7 чел.), по нему съ нихъ 1¹/₂ гр. 3 д. ⁶⁾). Всего въ Егорьевскомъ Кучинскомъ ряду было пашенныхъ 21 дворовъ (31 человекъ), да не пашенныхъ 15 дворовъ (17 человекъ)=36 дворовъ (48 человекъ).

„На Березайскомъ ряду“ (въ Березайскомъ погостѣ) дворы за помѣщикомъ Ярышкинымъ — 10 дв. (11 чел.), сѣютъ ржи 11¹/₂ коробей, сѣна косать 80 копень, доходъ помѣщику ⁷⁾).

II. Въ *Блужской* пятинѣ — два ряда по даннымъ 1551 года и одинъ рядокъ по даннымъ 1581—1582 годовъ.

„Въ Нивольскомъ Удомельскомъ погостѣ у озера у Удомли рядокъ Юшкова десятка, дворовъ въ немъ и съ пустыми 12, а обещъ въ нихъ 15“.

„Да въ Удомлѣ жъ рядокъ Корманой на р. Съезу у Тима озера въ Спасскомъ погостѣ, дворовъ въ немъ пашенныхъ 16 и съ пустыми обещъ 9“ ⁸⁾).

Въ Богородицкомъ погостѣ на Бѣлой за помѣщикомъ Ив. Горд. Загряскимъ „рядокъ Витча на р. Мстѣ“ съ церковью и 5 дворами церковными безпашенными. „На ряду же дворъ помѣщиковъ, да въ 5 дворѣхъ живутъ люди его, да крестьянъ 26 дворовъ да 8 (въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 449.

²⁾ Тамъ же, стр. 412.

³⁾ Тамъ же, стр. 423.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 428.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 438.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 445.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 509.

⁸⁾ А. М. И. Д., по Новг. № 10, л. 153 и 154 об.

итоги показано 14 дв.) дворовъ пустыхъ; пашни пахотной 25 чети, да перелогомъ 40 чети¹⁾.

Въ не пашеннымъ рядкамъ принадлежать:

I. Въ *Деревской пятинѣ*—по даннымъ 1495 года одинъ рядокъ.

Въ Бѣльскомъ погостѣ въ Лишинахъ Воскресенскаго новгородскаго монастыря „рядокъ на р. Мстѣ 10 дв. (10 чел.) не пашуть“²⁾.

II. Въ *Бѣжецкой пятинѣ*—по описи 1581—1582 гг. „погостъ Никольской въ Маркиничяхъ на р. Мстѣ“, а въ немъ монастырскихъ (2 мель) и 4 двора церковные пусты. „Да на погостѣ жъ на церковной землѣ 5 дворовъ пустыхъ рядовичъ торговыхъ людей“; пашня—церковная, Погостъ Богородицкой на Бѣлой 7 дворовъ церковныхъ и 2 двора пустыхъ, „да на церковной же землѣ дворя рядовичъ, 1 дв. и 1 дв. бобыль, „да пустыхъ 21 дворъ рядовскихъ бобыльскихъ“³⁾.

Сюда же должны быть отнесены, упоминаемые въ платежной книгѣ Новгородскихъ пятинъ 1587 г.⁴⁾, рядки съ неизвѣстнымъ составомъ населенія: Ровный съ 3 дв. и Псковецъ съ 2 дв., которые въ этомъ году опустѣли: „рядовичи разошлись отъ государевыхъ отъ лѣсовыхъ запасовъ“.

III. Въ *Обонежской пятинѣ* по описи 1582—1583 годовъ—два ряда пустыхъ.

„Никольскаго Медвѣдскаго монастыря рядокъ на р. Сяси Межутки, а въ немъ 22 двора пусты, а жили въ немъ крестьяне не пашенные и рыбные ловцы, разошлись отъ войны безвѣстно въ 82—83 году, пашни перелогомъ 20 четей, сѣна 105 копенъ..., а угоды было у нихъ одна тона монастырская въ вешнюю пору на монастырь мелкую рыбу“ (ловили)⁵⁾.

Рядокъ Спасскаго Хутынскаго монастыря; онъ былъ при монастырѣ, при погостѣ и при монастырской слободѣ, но числился отдѣльно отъ нихъ, какъ видно изъ описи. Монастырь, а за монастыремъ дворъ конюшенной да 3 двора и 4 мѣста дворовъ служныхъ пусты. „Да Веденя Пречистой Богородицы на Горѣ (на погостѣ) на монастырской же землѣ дворя монастырскихъ слугъ безпашенныхъ, а слуги ѣдятъ и пьютъ монастырское 52 дв. (по счету Неволина 50), да 6 дв. и 11 мѣстъ дворовъ пусты. Да за монастыремъ же на погостѣ у Веденя на

¹⁾ А. М. Ю., писц. кн. № 961; *Неволинъ*, О пят., прил., стр. 282.

²⁾ Писц. новг. книги, II, стр. 424.

³⁾ А. М. Ю., кн. № 962; *Неволинъ*, прил., стр. 314 и 282.

⁴⁾ А. М. И. Д., по Новг. № 11, л. 593—594.

⁵⁾ А. М. Ю., кн. № 963, л. 230; *Неволинъ*, прил., стр. 144.

Горѣ на монастырской же землѣ, что былъ рядокъ посадскихъ черныхъ тяглыхъ людей, 12 дворовъ пусты, да 6 мѣстъ дворовыхъ пусты, а платили съ тѣхъ дворовъ государю царю и великому князю оброки всякіе по книгамъ въ Великомъ Новгородѣ¹⁾.

IV. Въ Водской пятинѣ.

Рядокъ Лидна; по разметному списку 1546 г. въ немъ было 3 дворовъ живущихъ и 2 пустыхъ, а по старому письму всего 5 дв.²⁾ По описи 1569 г.: „за (помѣщикомъ) Гр. Ѳ. Папинымъ Сабуровымъ, по отдѣльной ноугородскихъ писцовъ половины Водскіе пятинны Юрья Дмитріева съ товарищи, въ помѣстьѣ за 6 обожь: рядокъ Лидна на берегу Ладожскаго озера, а въ немъ живутъ рыбные ловцы—всего 26 дв. (34 чел.) да 1 дв. пустъ (а передъ отписью 1567—68 г. въ ряду Лидвѣ въ прибыли 17 дв., значить, въ 1567—1568 г. было всего 9 дв.), пашни средней земли 10 четей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 200 копенъ, да на Ладожскомъ озерѣ рыбныя ловли—5 тонъ“ (оброкъ и пищальныя деньги правительству; доходъ помѣщика годовой—2 бочки рыбы)³⁾.

Рядокъ Клѣти на р. Ижерѣ имѣлъ въ 1500 г. 8 дв. рыболововъ⁴⁾; по разметному списку въ 1546 г.—9 дв. и 5 дв. пустыхъ, а по старому письму было 14 дв.⁵⁾.

Рядокъ Новинка имѣлъ по разметному списку въ 1546 г. 7 дв. и 5 дв. пустыхъ а по старому письму было 12 дворовъ⁶⁾.

Населеніе остальныхъ рядковъ Водской пятинны по даннымъ 1546 и 1569 годовъ представляетъ такія цифры:

По разметному списку 1546 г.⁷⁾

Рядъ Черный—9 дв. жив., 7 пуст. (по ст. п. было 6 дв.).

Рядъ Сухой Велцы—8 дв. жив., 10 дв. пустыхъ (по ст. п. было 15 дв.) «и изъ тѣхъ 8 дв. жилцы разошлись отъ казеннаго наряду».

Рядъ Креницы Медвѣдскаго мона-

По описи 1569 г.⁸⁾

«Медвѣдскаго Никольскаго монастыря рядки, а въ нихъ живутъ рыбные ловцы». Кобона, половина Креницы Черной, а въ нихъ «на монаст. на землѣ» 42 дв., да 1 дв. пустъ, да 2 мѣста дв., пашни у нихъ въ разныхъ мѣстахъ 15 дес., сѣна 660 коп..., да

¹⁾ А. М. Ю., кн. № 963; *Неволинъ*, прил., стр. 136.

²⁾ Акты Арх. Эксп., I, № 205.

³⁾ А. М. И. Д., по Новг. № 7, л. 257 об., стр. 265—268.

⁴⁾ *Временникъ общ. ист. и др.*, кн. II, стр. 344.

⁵⁾ Акты Арх. Эксп., I, № 205.

⁶⁾ Тамъ же.

⁷⁾ Тамъ же.

⁸⁾ А. М. И. Д., по Новг. № 7, л.

стыря — 20 дв. ж., 9 пуст. (по ст. п. было 17 дв.) ¹⁾.

Рядъ Креницы Ф. Я. Побѣдицаго — 23 дв. ж., 18 пуст. (по ст. п. было 27 дв.) ¹⁾.

Всего 80 дворовъ живущихъ, 44 пустыхъ (по старому письму было 65 дворовъ).

Изъ же рыбныя ловли: на Ладожскомъ порогѣ, на Ладожскомъ озерѣ и рѣкѣ Кобовѣ.

«Въ Городенскомъ же погостѣ рядки вел. князя, а въ нихъ дворы тяглые»: Сухая Велца, Меньшая Велца, половина р. Креницы ¹⁾, всего 48 дв. рыбныхъ дощцовъ, да пустыхъ 6 дв., да 4 мѣста дв., а пашни въ разныхъ мѣстахъ 32 дес., сѣна 2016 коп.; рыбныя ловли на Ладожскомъ порогѣ и на Ладожскомъ озерѣ.

Всего 88 дворовъ, да 7 дворовъ пустыхъ, да 6 мѣстъ дворовыхъ, а при нихъ пашни 47 десятинъ и сѣна 2676 копенъ и рыбныя ловли.

Изъ этого обзора видно, что рядки втораго вида отличались чисто промысловымъ характеромъ, и что населеніе ихъ состояло главнымъ образомъ изъ торговыхъ людей и рыбныхъ ловцовъ съ примѣсю пашенныхъ. Выводъ этотъ, однако, не ко всѣмъ пятинамъ приложимъ въ одинаковой степени. Населеніе рядковъ Водской пятины состояло исключительно изъ рыбныхъ ловцовъ; населеніе рядковъ Обонежской пятины состояло изъ рыбныхъ ловцовъ и не пашенныхъ крестьянъ и посадскихъ. Въ Бѣжецкой и Деревской пятинахъ, напротивъ, рыбныхъ ловцовъ совсѣмъ не было, и все населеніе рядковъ слагалось изъ двухъ элементовъ: не пашеннаго — крестьянъ и торговыхъ людей, и пашеннаго. Три рядка съ населеніемъ въ 16 дворовъ состояли исключительно изъ перваго; пять рядковъ съ населеніемъ въ 74 дв. состояли исключительно изъ втораго, и наконецъ, одинъ рядокъ представлялъ

¹⁾ Сопоставленіе этихъ выраженій о р. Креницѣ показываетъ, что рядокъ былъ одинъ, но находился въ общемъ владѣніи у великаго князя съ Медвѣдскимъ монастыремъ. Въ окладной книгѣ Водской пятины 1500 г. (*Временникъ*, кн. II, стр. 34) говорится: «да того же монастыря Никольскаго (съ Медвѣдца) въ великаго князя ряду въ Креницахъ въ дворцовомъ въ Федоровскомъ Яковля сына Пободицаго въ вопчемъ — на монастырской землѣ поземщиковъ рыбныхъ ловцовъ не пашенныхъ людей» 17 дв. (21 чел.). Следовательно, р. Креницы дѣлились на двѣ половины: половину, принадлежавшую великому князю — дворцу, и половину, принадлежавшую Медвѣдскому монастырю. Первая могла называться половиною Ф. Я. Пободицаго только потому, что до конфискаціи ея въ пользу великаго князя она принадлежала Пободицкому, и по обычаю, существовавшему въ XVI в. («вольностью Посохнова, волостью Есиповой» и пр., Новг. писц. кн., I, 18, 23), называлась его именемъ.

смѣшанное населеніе — въ 21 дворѣ пашенныхъ и 15 дворѣ непашенныхъ.

Должно замѣтить, что, не говоря уже о пашенныхъ рядкахъ, населеніе которыхъ только пашней и жило, при всѣхъ рядкахъ рыболовческихъ, подробныя описи, которыхъ сохранились, показана пашня. Такъ, при 6 рядкахъ рыболовческихъ Водской пятинны и при рядкѣ третьяго вида этой же пятинны Дубнѣ, всего съ населеніемъ въ 154 двора, показано 62 десятины (47 десятинъ и 10 частей въ полѣ, а дву потомужъ, то-есть, 30 четей, что равно 15 десятинамъ) ¹⁾. При рядкѣ Межуткахъ въ Обонежской пятинѣ считалось 20 четей безъ прибавки „въ полѣ, а въ дву потомужъ,—значить 10 десятинъ на 22 двора „крестьянъ непашенныхъ и рыбныхъ ловцовъ“. Всего на 176 дворѣ приходилось 72 десятины пашни, то есть, менѣе $\frac{1}{2}$ десятины ($\frac{2}{3}$ или около $\frac{2}{7}$) на дворъ. Между тѣмъ мы видѣли, что въ чисто пашенныхъ рядкахъ (въ Вѣжецкой пятинѣ) полагалось: въ рядкѣ Юшкова десятка на 12 дворѣ—15 обещъ, въ рядкѣ Корманомъ на 16 дв.—9 обещъ. Полагая на обжу 25—30 четей ($8\frac{1}{2}$ —10 четей въ полѣ, а въ дву потому жъ) ²⁾, будемъ имѣть: въ первомъ—по $31\frac{1}{4}$ — $37\frac{1}{2}$ четей на дворъ, то есть, около $15\frac{1}{2}$ — $18\frac{1}{2}$ десятинъ; во второмъ—около 14—17 четей на дворъ, то есть, 7— $8\frac{1}{2}$ десятинъ. Дальше мы увидимъ, что деревенское хозяйство въ Водской пятинѣ обыкновенно довольствовалось и 5 десятинами, минимумомъ двороваго надѣла. Итакъ, принимая, что для исключительнаго занятія земледѣліемъ нужно минимумъ 5—8 десятинъ на дворъ, въ названныхъ 8 рядкахъ причитавшіяся на 176 дворѣ 72 десятины могли быть распределены только между $14\frac{1}{2}$ —9 дворами, при чемъ остальные $161\frac{1}{2}$ —167 дворѣ должны были остаться не только безъ пашни, но и безъ выгона. Въ ихъ распоряженіи оставалась одна только луговая земля, которой числилось на 2981 копенъ сѣна. Количество сканиваемого сѣна на десятинѣ луговой земли можно принять для Водской и Обонежской пятиннахъ 10—20 копенъ на десятину ³⁾. Слѣдова-

¹⁾ Карамзинъ: Ист. Г. Р., IX, пр. 816; стр. 148.

²⁾ А. М. Ю., кн. № 962 л. 72—74: $\frac{3}{4}$ обжи= $7\frac{1}{2}$, $3\frac{1}{4}$ обжи= $25\frac{1}{2}$ четей въ полѣ, а въ дву потому; значить, 4 обжи= $33\frac{1}{2}$ четей въ полѣ, а въ дву потомужъ, то есть, ровно 100 четей въ 4 обжахъ, а въ одной обжѣ — 25 четей. — А. М. И. Д., по Новг. № 7, л. 527: «За городскимъ пригашникомъ Турубаровымъ пашни середня земля 10 четей въ пахи, а въ дву потомужъ, 1 обжа», — значить, въ 1 обжѣ 30 четей.

³⁾ А. М. И. Д., по Новг. № 7, л. 596: «лугу десятинна, сѣно ставитъ 10 коп.»—

тельно, 2981 копна могла получаться съ 298—149 десятинь, и надворь въ полномъ составѣ рядковъ (въ 176 дворовъ) приходится около $2\frac{4}{5}$ десятины на дворъ. Все же количество пашенной и луговой земли въ 7 рядкахъ было 370 — 221 десятинь, и на дворъ приходилось немного болѣе 2 — 1 десятинь. Очевидно, предположеніе о возможности вести хозяйство, основанное на земледѣліи, на $\frac{1}{2}$ десятинь пашенной земли — не мыслимо. Наоборотъ, луговой земли было весьма достаточно для каждаго отдѣльнаго хозяйства, ибо на каждый дворъ приходится около 17 копень, — тогда какъ въ деревенскомъ хозяйствѣ нормальнымъ количествомъ было 10—25 копень на крестьянскій дворъ ¹⁾).

Отсюда можно сдѣлать два вывода: 1) Пашенная земля въ разсмотрѣнныхъ рядкахъ рыболовческихъ ни въ какомъ случаѣ не была въ общемъ пользованіи рядовичей; пользоваться ею, какъ исключительнымъ предметомъ занятій, могло только незначительное меньшинство населенія — 10 или 15 дворовъ изъ 176 дворовъ. 2) Напротивъ того, луговая земля была въ общемъ пользованіи, и каждое отдѣльное хозяйство, каждый дворъ, могъ имѣть въ ней участіе.

Къ третьему виду рядковъ относятся тѣ изъ поселковъ этого имени, которые представляютъ разсмотрѣнными нами первичныя формы объединенными въ одну—въ форму промышленнаго торговаго поселка съ рынкомъ и торговыми зданіями. Очевидно, это есть дальнѣйшее развитіе формъ первыхъ двухъ видовъ, послѣдняя ступень въ постепенномъ приближеніи ихъ къ типу городского посада. Нѣкоторые изъ рядковъ этого вида уже ни по внѣшнему типу, ни по занятіямъ жителей нисколько не отличались отъ городскихъ посадовъ.

Переходъ первыхъ двухъ видовъ въ третій совершался: въ рядкахъ перваго вида, состоявшихъ изъ однихъ только торговыхъ зданій и неимѣвшихъ жителей, чрезъ появленіе поселка при рынкѣ.

А. М. Ю., кн. № 739, л. 1—18: «4 дес., сѣна мелкаго 40 коп.»; «4 дес., сѣна мелкаго 80 коп.»; «2 дес., сѣна мелкаго 40 коп.»; «2 дес., сѣна мелкаго 14 коп.». Встрѣчаются и гораздо болѣе крупныя цѣны; такъ: «1 дес., сѣна на 25 коп.»; «3 дес., сѣна крупнаго 90 коп.»; «4 дес., сѣна мелкаго 100 коп.»; « $6\frac{3}{4}$ дес., сѣна крупнаго $336\frac{1}{2}$ коп.—по 50 коп. въ десятину» и т. п.

¹⁾ А. М. И. Д., Новг., № 7, л. 45: 2 дв., по старому письму сѣно 20 коп., по новому письму сѣно 30 коп.; л. 64: починокъ въ 1 дв. (5 чел.) сѣна 10 коп.; л. 325, 326 об., 336: 1 дв. 25 коп., 1 дв. 3 коп., 3 дв. 13 коп., и т. д.; обыкновенный поповскій надѣлъ—20—25 коп. (л. 391, 243), а бывало и 8, и 15, и 10 (лл. 517, 596, 679).

Такъ, Млевскій рядокъ, какъ мы видѣли, до 1546 и въ 1546 г. представляетъ поселокъ изъ 20—15 дворовъ, по всей вѣроятности, съ торговыми зданіями ¹⁾, и значить, принадлежитъ къ третьему виду; въ 1551 г. ни одного изъ дворовъ не осталось, и рядокъ состоялъ изъ однихъ только торговыхъ зданій—значить, приобрѣлъ типъ перваго вида; потомъ, въ промежутокъ между 1551 и 1582 гг., при лавкахъ появляется снова поселокъ въ 27 дворовъ, которые къ 1582 г. исчезаютъ, и въ 1583 г. онъ представляетъ по прежнему типъ перваго вида ряда. Такимъ образомъ два раза Млевскій рядокъ переходилъ изъ перваго вида въ третій и два раза возвращался къ первому.

Въ рядкахъ втораго вида, имѣвшихъ поселокъ, но не имѣвшихъ торговыхъ зданій, переходъ совершался чрезъ появленіе при поселкѣ послѣднихъ. Способъ этого перехода наилучше обрисовывается въ описи ряда Лоцемли (Бѣжецкой пятины) 1550—1551 года ²⁾.

Въ волости Лоцемли издавна былъ погостъ Михайловскій съ церковью этого имени, 4 церковными дворами и при нихъ пашенною и сѣнокосною землею, служившею средствомъ содержанія церковнослужителей. Кромѣ того, упоминается (въ числѣ владѣльцевъ появившихся позднѣе лавокъ) два крестьянина-помѣщика Семенскаго „съ погоста“. Такимъ образомъ населеніе погоста состояло изъ 4 дв. церковныхъ, 2 дв. крестьянскихъ, и быть можетъ, еще усадища названнаго помѣщика. Въ такомъ положеніи погостъ находился до 1548 г.

Въ этомъ году, по неизвѣстнымъ причинамъ—вслѣдствіе ли усилившагося торговаго движенія окружной мѣстности, или вслѣдствіе закрытія какого-нибудь ближайшаго рынка и возникшей отсюда необходимости замѣнить его открытіемъ новаго—въ этомъ году на погостную церковную землю являются предприниматели, крестьяне и торговые люди не только изъ ближайшихъ къ погосту деревень, но и изъ Ворожбы и изъ Городеца (близъ Бѣжеца) и въ два года (1548 и 1549) 11 человекъ ставятъ 15 лавокъ (въ итогѣ описи ошибочно означено 16). Прежде всего упомянутые два крестьянина помѣщика Семенскаго „съ погоста“ поставили каждый по 2 лавки; другіе два крестьянина того же помѣщика поставили также каждый по 2 лавки, а одинъ—1; четыре человека крестьянъ разныхъ помѣщиковъ

¹⁾ Это можно предполагать на основаніи показанія писцовой книги Бѣжецкой пятины 1551 г. (А. М. И. Д., по Новг. № 10 л. 4 об.), что «по старому письму» было 225 лавокъ. Трудно предположить, что такое громадное количество лавокъ появилось въ теченіе только трехъ лѣтъ, прошедшихъ отъ 1546 г.

²⁾ А. М. И. Д., по Новг. № 10 л. 30—302.

поставили каждый по 1 лавкѣ; наконецъ, крестьянинъ Кушниковъ „з Городецка“ поставилъ 1 лавку, крестьянинъ Братцовъ съ Ворожбы — 1 лавку; итого 11 человекъ поставили 15 лавокъ. Въ 1551 г. наѣхали писцы и обложили всѣ эти лавки, по обычаю, „поземомъ“ въ пользу правительства и въ пользу мѣстной церкви (по 3 деньги каждому). „А стали тѣ лавки“, говоритъ писецъ, — „на погостѣ на буевищѣ, не на пашенной землѣ, а послѣ имъ приказано ставити впередъ лавки, хто похочетъ въ той же поземъ, прибыльные не на пашенной землѣ, на буевищѣ. А приказали тѣ лавки вѣдати на царя и в. князя до указу сыну боярскому И. П. сыну Толстого да съ нимъ старостѣ Ширяйку Овсянникову сыну Неклюдову крестьянину Оникіева, и подъ лавки впередъ мѣста давати въ мѣру и писати тѣхъ людей на списокъ по именамъ хто поставитъ нову лавку“.

Изъ этой описи видно, что погостъ Лощемля до заведенія лавокъ былъ поселкомъ втораго вида, а послѣ заведенія — очень близко стоялъ къ рядкамъ перваго вида, такъ какъ изъ 15 лавокъ 11 принадлежало людямъ, ничѣмъ не связаннымъ съ поселкомъ. Отличіе его отъ того и другаго состояло только въ томъ, что въ немъ былъ собственный поселокъ изъ 2 дворовъ, владѣвшихъ 4 лавками. Это зерно, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, могло, конечно, и количественно и качественно развиться до той степени, при которой поселокъ экономически становится городомъ. Этому могло содѣйствовать, при равенствѣ всѣхъ другихъ условий, уже и то обстоятельство, что дальнѣйшее развитіе рынка самимъ правительствомъ было поставлено въ полную независимость отъ личной воли владѣльца занятой имъ земли и было поручено охранѣ и покровительству людей, непосредственно заинтересованныхъ въ успѣхахъ торговой дѣятельности поселка, мѣстныхъ выборныхъ властей. „А приказали, говорится въ описи, — тѣ лавки вѣдати на царя и великаго князя (то есть на государство)... сыну боярскому Толстому да съ нимъ старостѣ Неклюдову... и подъ лавки впередъ мѣста давати“ — не сказано: съ согласія причта, которому принадлежала земля занятая и предполагавшаяся къ занятію рынкомъ.

Впрочемъ, судьбы Лощемльскаго ряда послѣ 1551 года намъ не извѣстны. За то многіе рядки одного съ нимъ вида, хотя и не достигнутые дошедшими до насъ описями въ ихъ зародышномъ состояніи, являются, къ половинѣ и концу XVI вѣка, съ такими количественно развитыми поселками, что могутъ выдержать къ своей выгодѣ сравненіе съ городами средней руки того же времени.

Вотъ составъ этого вида рядковъ:

I. Въ *Обонежской пятинѣ*.

Рядокъ *Сермаки*, который въ 1583 г. описывается такъ: „Во владичѣ вочинѣ рядокъ Сермаки по р. Ояти, а живутъ въ немъ торгove и мастеровые люди молотчи и рыболове—всего 18 дв. (18 чел.) живущихъ, хоромы ставятъ послѣ нѣмецкой войны; да 29 мѣстъ дворовыхъ: хоромы обжгли нѣмецкіе люди, а крестьяне сошли отъ войны безвѣстно въ 1572 и 1582 гг.; да на томъ же ряду 24 моста, что были анбары (а елали въ нихъ всякіе товары), пусты: пожгли нѣмецкіе люди“¹⁾.

II. Въ *Водской пятинѣ*.

Рядокъ *Дубно*. Въ разметномъ спискѣ 1546 г.²⁾ по платежу пищальныхъ и ямчужныхъ денегъ онъ былъ соединенъ съ Сумскомъ и тремя деревнями, и вмѣстѣ съ ними представлялъ населеніе въ 35 дв. живущихъ и 10 пустыхъ (а по старому письму было 33 двора). Но въ 1569 г. въ немъ считалось 40 дв. рыбныхъ ловцовъ и при нихъ пашни, сѣнные повосы и рыбныя ловли (показаны вмѣстѣ съ угодьями другихъ рядковъ); кромѣ того, въ немъ было 19 амбаровъ³⁾.

Рядокъ *Сванскій Волочекъ*. Въ описи 1500 г. говорится: „а купилъ его князь великій у Валаамскаго монастыря, а продалъ его въ оброкъ и во всѣ потуги къ городу Корѣлѣ; а по Волочку живутъ люди рядовые, торговые и рыбные ловцы“. Показано, однако, только 26 дв. (33 чел.) рядовыхъ людей и 29 дв. (34 чел.) рыбныхъ ловцовъ, всего 55 дв. (67 чел.), а о торговыхъ ни слова. Кромѣ того, было въ немъ: 1 дворъ Валаамскаго монастыря, и 4 дв. пустыхъ. А по старому письму было 37 дв. (77 чел.)⁴⁾. Эта цифра населенія въ 55 дв. по описямъ держалась во все продолженіе XVI вѣка. По разметному списку 1546 г. въ Волочекѣ числилось также 55 дв.⁵⁾; въ 1569 г. въ немъ числилось: 3 дв. (5 челов.) церковныхъ 51 дв. (63 ч.) рядовичей (въ томъ числѣ „по наказу царя и в. князя дяковъ изъ Сакульскаго погоста выведенъ торговый человекъ С. Ермолинъ на пустой дворъ) и 4 амбара, принадлежащіе 4 мѣстнымъ торговымъ людямъ;

¹⁾ А. М. Ю., кн. № 963 *Неволинъ*, Пятины, прил. стр. 149.

²⁾ Акты Арх. Эксп., I, № 205.

³⁾ А. М. И. Д., по Новг. № 7, л. 373—389.

⁴⁾ *Временникъ*, кн. 12, стр. 7—8.

⁵⁾ Акты Арх. Эксп., I, № 205.

кромя того, 1 дв. Валаамскаго монастыря, и 1 мѣсто Коневскаго монастыря. „А угодыя въ ряду“: 14 тонь на Ладожскомъ озерѣ ¹⁾.

III. Въ *Евжеиной пятинѣ*:

Вышній Волочекъ. По разметному списку 1546 г. ²⁾ въ немъ было 73 дв. тяглыхъ, 13 церковныхъ и 9 пустыхъ (а по старому писъму было 62 двора); но въ 1583 г. ³⁾ онъ имѣлъ такой составъ по описи: „Погостъ на Вышнемъ Волочкѣ на р. Ленѣ въ Николоскомъ погостѣ церковь Николы чудотворца“, 7 дв. церковныхъ, да 7 келей нищихъ; при дворахъ — пашня, „да на р. Ленѣ островокъ промежь заводей данъ въ Николѣ чудотворцу на темьянъ да и ладанъ, а приставають къ нему суды. Да по берегу р. Лени на Николской землѣ лавки: 5 лавокъ да 2 амбара, торгуютъ въ лавкахъ и въ амбарахъ хлѣбы и колачи, и солью, и мясомъ и рыбою... На Вышнемъ на Волочкѣ по конецъ посаду амбаръ ямчужной да у амбара дворъ ямчужнаго мастера (а амбаръ сталъ и дворъ ямчужнаго мастера и гдѣ дрова кладуть и соръ ссыпають не на тяглыхъ мѣстахъ). На Вышнемъ на Волочкѣ дворы тяглые рядовичъ и посадскихъ людей — всего и ихъ... на ряду тяглыхъ пашенныхъ и не пашенныхъ 45 дв. (46 чел.), да въ тѣхъ же дворахъ бобблей не пашенныхъ 24 человекъ, да 12 дв. во лготѣ... да 22 мѣста дворовыхъ пустыхъ (а запустили тѣ мѣста тому, сказываютъ, лѣтъ съ 30), да 9 мѣстъ — дворы водою отмыли, да 7 мѣстъ дворовыхъ занято подъ суды подъ народъ, коли суды проводятъ съ переволоки на пристаня для наряду, какъ кладуть нарядъ въ суды и изъ судовъ. Да на посадѣ же подлѣ низовскихъ лавокъ дворъ таможенной. Пашни рядовскіе посадскіе въ разныхъ полосахъ пахатной 24 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, да перелогу и поросли 40 четь въ полѣ а въ дву потому жъ, сѣно въ нивкахъ, опроче 7 поженъ (царевыхъ и великаго князя; изъ нихъ на 6 ставится 200 копенъ, которыя косятъ тѣже волочане изъ оброку), 1156 копенъ... „А по старому писъму было 37 дворовъ... „Да... противъ посаду за р. Леною въ Деревской пятинѣ на землѣ Лопухина были дворцы не пашенные... а приписаны были къ Вышнему Волочку, а нынѣ мѣста дворовые“ — всего 22... (Тутъ недостаетъ листовъ; бытъ можетъ, мѣстъ дворовыхъ было больше; описи амбаровъ и лавокъ также не достаетъ; судя по оброку въ 28 алтынъ — съ торговаго мѣста по 1 алтыну). Лавокъ и амбаровъ 28, а по старому писъму 35“.

¹⁾ А. М. И. Д., по Новг. № 7, л. 508—515.

²⁾ Акты Арх. Эксп., I, № 205.

³⁾ Арх. М. Ю. кн. № 964, л. 12—29.

Боровичи по разметному списку 1546 г. ¹⁾ имѣли 99 дв. тяглыхъ, 4 дв. церковныхъ и 12 дв. пустыхъ и 2 мѣста дворовыхъ (а по старому письму 112 дв. пустыхъ и 5 дв. церковныхъ); но въ 1583 г. Боровичи описываютъ такъ ²⁾: „Погостъ Петровскій и Борисоглѣбскій въ Боровичахъ, на погостѣ на ряду“ церковныхъ дворовъ 12 (14 чел.) (по старому письму 10 дв.), имѣвшихъ 14 четей пашни; да имъ же дана (противъ того, что у нихъ взято ихъ церквями посадскіе не-тяглыя земли и отдано къ Якову Боровицкому чудотворцу къ монастырю $\frac{1}{3}$ пустоши Заполя (4 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ), а тое $\frac{2}{3}$ пустоши писана за рядовичи Боровицкаго погоста противъ ихъ рядовскія посадскія земли (что у нихъ взята и отдана къ Яковлевскому монастырю). „Въ Боровичахъ же на ряду церковныхъ Петровскихъ и Борисоглѣбскихъ дворовъ на поземахъ на церковной землѣ — и всего (на) церковной землѣ на поземехъ 4 дв. пусты да 19 мѣстъ дворовыхъ (на одномъ мѣстѣ нынѣ поставленъ емчужной анбаръ; въ одномъ дворѣ пустомъ нынѣ пріѣзжая живутъ намѣстничьи недѣльщики), (а по старому письму было на церковной землѣ поземныхъ 18 дв. да 7 мѣстъ дворовыхъ). „Да на ряду въ Боровичахъ царя и в. князя дворовъ пашенныхъ тяглыхъ торговыхъ людей—всего на ряду царя и в. князя тяглыхъ пашенныхъ и не пашенныхъ торговыхъ людей $23\frac{1}{2}$ дв. (43 чел.), да 58 мѣстъ дворовыхъ, да 4 дв. пустыхъ (по старому письму было дворовъ тяглыхъ пашенныхъ и торговыхъ людей 94 дв.). Всего живущихъ пашенныхъ и не пашенныхъ $23\frac{1}{2}$ дв. (43 чел.) (а по старому письму было тяглыхъ и Петровскихъ поземныхъ 115 дв. (122 чел.), а къ нимъ пашни пахотныхъ $7\frac{1}{2}$ четей въ полѣ, а въ дву потому жъ, до перелогу $25\frac{5}{6}$ четей, а въ дву потому жъ; сѣна 130 копець. „Въ Боровичахъ же на ряду на церковной землѣ, а иные на царя и в. князя землѣ, лавки—всего въ Боровичахъ на ряду рядовичъ торговыхъ людей живущихъ 14 лавокъ да амбара да 3 прилавки да 15 лавокъ пустыхъ да 13 мѣстъ лавочныхъ да 10 мѣстъ амбарныхъ (а по ст. письму было 42 лавки да прилавокъ да 11 амбаровъ).

Волочекъ на Дерожковъ въ 1546 г. ³⁾ имѣлъ 37 дв. тяглыхъ, 13 церковныхъ и 3 дв. пустыхъ (по ст. письму было 49 дв.). Въ 1583 г. онъ описывается такъ ⁴⁾: „На ряду на Волочкѣ на Дерожковѣ“ 2 цер-

¹⁾ Акты Арх. Эксп., I, № 205.

²⁾ А. М. Ю., кн. 962, л. 66—84.

³⁾ Акты Арх. Эксп., I, № 205.

⁴⁾ А. М. Ю., кн. № 962, л. 190.

кви, Никольская и Рождественская, 7 дв. церковныхъ да 5 келей старцевъ, да на церковной земли 2 дв. бобыльскихъ (2 чел.) да 4 дв. и 8 мѣстъ дворовыхъ пустыхъ; при церковныхъ дворахъ пашня. „На ряду жъ на Волочкѣ на Держковѣ царя и в. князя дворы, что были Онтонова монастыря, 3¹/₂ дв. живущихъ да 8¹/₂ дв. пустыхъ (а по старому письму было 12 дв.), пашни паханные 5 четей да перелогомъ 15¹/₂ четей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 120 копенъ. Да на ряду жъ на Волочкѣ на Держковѣ дворы царя и в. князя, что было 5 человѣкъ своеземцевъ, всего живущихъ 1³/₄ дв. (4 чел.), а пустыхъ 10¹/₄ дв., да 5 мѣстъ дворовыхъ; а по ст. письму быто 17 дв. (живущихъ), да тѣхъ же (17) дворовъ пашни паханой 5 четей, да перелогомъ 26 четей въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 120 копенъ. Да на ряду жъ на Волочкѣ на Держковѣ было церковныхъ покровскихъ (погостскихъ) поземныхъ 6 дв., и нынѣ на тѣхъ на дворовыхъ мѣстахъ поставлены двѣ церкви — Покровская и Рождественская, а старыя церковныя мѣста, берегъ водою отмыло. Да на ряду жъ на Держковѣ что были дворы своеземцевы двухъ человѣкъ 3 мѣста дворовыхъ, а пашни у нихъ нѣтъ... а по новому письму пусто и хоромъ нѣтъ. На Волочкѣ на Держковѣ на Никольской церковной землѣ 4 лавки живущихъ да 7 лавокъ пустыхъ (а по старому письму было 11 лавокъ), а оброкъ съ нихъ давали Никольскому игумену съ попы на темьянъ и на ладанъ... а по новому письму дати имъ съ тѣхъ 4 лавокъ Никольскимъ попомъ съ лавки по 2 алтына 1 деньги.“

Рядокъ *Бѣлый* въ 1546 года имѣлъ 22 дв. тяглыхъ и 9 церковныхъ, а по старому письму было 26 дв. тяглыхъ и 8 дв. церковныхъ ¹⁾). Въ 1583 г. онъ описывается такъ: „Погостъ Прокофьевской на Бѣлой на р. Мстѣ на усть рѣки Бѣлой... 9 дворовъ церковныхъ да 3 мѣста келейныя. На Бѣлой же на погостѣ на церковной землѣ на поземъ за попы: 1 дворъ жилой да 22 двора пустыхъ, да 6 мѣстъ дворовыхъ (а жили въ тѣхъ дворахъ торговые люди, а запусѣли тѣ дворы отъ повѣтрія; на Бѣлой же на церковной землѣ 2 мѣста дворовыхъ пашенныхъ людей (пашни перелогомъ 10 чети въ полѣ а въ дву потому жъ, сѣна 30 копенъ). На той же на церковной землѣ зелей-амбаръ да дворъ емчужнаго мастера. Да на томъ же ряду 1 лавка жилая да 23 лавки пустыхъ да прилавокъ (пустой), а торговали въ нихъ торговые люди рядовичи того же погосту всякимъ товаромъ, да на томъ же ряду 5 амбаровъ пустыхъ тѣхъ же рядовичъ“ ²⁾).

¹⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 205.

²⁾ А. М. Ю., кн. № 961, л. 32.

Сюда же долженъ быть отнесенъ и рядокъ *Котлованъ*. По разметному списку 1546 года, въ томъ году въ немъ не было уже ни одного двора: всѣ бывшіе до 1546 г. 31 дворъ татмій, 5 дворовъ церковныхъ и 15 дворовъ пустыхъ — считались въ этомъ году запустѣвшими ¹⁾. Но въ 1550—1551 г. мы снова встрѣчаемъ въ немъ поселокъ, и притомъ съ торговымъ значеніемъ, хотя и съ неизвѣстнымъ количествомъ дворовъ. Въ томъ году, какъ мы впереди видѣли, въ Богословскомъ рядку занималъ житницу рядовичъ „изъ ряда Котлована“.

IV. Въ *Деревской пятинѣ*. По описи 1582—83 года ²⁾:

„Погостъ (Никольскій) Полоновской у озера Селигера воеванъ и жженъ“ (литовскими людьми) съ 3 дв. церковными да попъ живетъ въ крестьянскомъ дворѣ. „На погостѣ жъ на Полоновѣ государя царя и в. князя *рядъ Полоновской* берегомъ возлѣ озера Селигера жженъ и воеванъ“, а не жженныхъ 14 дворовъ (14 чел.). „Того жъ посаду дворы воеваны и сожжены“ — всего 10 дв., „а люди тѣхъ дворовъ живутъ туто жъ на посадѣ не въ женныхъ дворахъ... „Туто жъ на посадѣ дворы сожжены, а люди тѣхъ дворовъ побиты отъ войны литовскихъ людей“—5 дв. „а люди тѣхъ побиты и въ полонъ пойманы и отъ войны безвѣстно нѣтъ 12 человекъ... Туто жъ въ посадѣ двѣ лавки колачныхъ“ (въ итогѣ: „да на рядку же подлѣ озера Селигера двѣ лавки товарныхъ“), да 6 амбаровъ не жженныхъ, да 2 амбара сожжено. Оброкъ съ лавокъ и амбаровъ въ государеву казну— съ лавки и съ амбара по 5 алтынъ безъ 2 денегъ.

Къ этого же вида рядкамъ должны быть отнесены и всѣ рядки Деревской пятинны, данныя о которыхъ содержатся въ разметномъ спискѣ 1546 году. Хотя разметный списокъ и не говоритъ о торговыхъ мѣстахъ въ нихъ—не потому, что ихъ не было, а потому, что онъ имѣлъ дѣло только съ надворнымъ населеніемъ,—но они несомнѣнно были. Объ этомъ можно заключить, съ одной стороны, изъ того, что многіе изъ нихъ имѣли на столько значительное населеніе, что численностью превосходили самыя развитыя въ торговомъ отношеніи рядки Бѣжецкой пятинны и даже многіе изъ городовъ; съ другой стороны, изъ того, что всѣ они (кромѣ Яжелбицкаго и Едровскаго, находившихся на главной сухопутной дорогѣ изъ Торжка въ Новгородъ) были расположены на томъ же самомъ торговомъ пути (на р. Мстѣ), который

¹⁾ Акты Арх. Эксп., I, № 205.

²⁾ А. М. Ю. кн., № 723: *Несоминь*, Пятинны, прил., стр. 274—275.

создалъ промышленно-торговое значеніе рядковъ Бѣжецкой пятинны, и значить, были поставлены въ одинаковыя съ послѣдними условія для своего развитія, что должно было въ свою очередь обусловить и одинаковый характеръ этого развитія.

Населеніе рядковъ Деревской пятинны, по показанію разметнаго списка ¹⁾, было въ 1546 г. слѣдующее:

Р. *Великопорожскій* на р. Мстѣ состоялъ изъ 36 дв. тяглыхъ и 6 дв. церковныхъ живущихъ, да 27 дв. и 28 мѣсть дворовыхъ пустыхъ, а по стар. письму было 95 дв. тяглыхъ и 3 дв. церковныхъ.

Р. *Лжелицкій* по большой дорогѣ въ Новгородъ состоялъ изъ 58 дв. тяглыхъ 6 дв. церковныхъ и 7 пустыхъ, а по ст. письму было 61 дв. тяглыхъ и 4 церковныхъ.

Р. *Едровскій* на большой дорогѣ въ Новгородъ состоялъ изъ 34 дв. тяглыхъ, 3 церковныхъ и 3 пустыхъ, а по ст. письму было 35 дв.

Р. *Березовъ* на р. Мстѣ состоялъ изъ 149 дв. тяглыхъ, 7 церковныхъ и 12 пустыхъ, а по ст. письму было 161 дв. тяглыхъ и 4 церковныхъ.

Р. *Потертълецъ* на р. Мстѣ состоялъ изъ 13 дв. тяглыхъ, да 5 дворовъ водой снесло, а по ст. письму было 18 дв.

Р. *Семинской* на р. Мстѣ погорѣлъ весь, а по ст. письму было 20 дворовъ.

Р. *Крунай* въ Боровичахъ на р. Мстѣ состоялъ изъ 58 дв. тяглыхъ и 11 церковныхъ, а по ст. письму было 71 дворъ.

Должно замѣтить, что въ разметномъ спискѣ недостаетъ послѣднихъ листовъ — именно: конца списка рядковъ Деревской пятинны и всей Обонежской ²⁾. Въ Деревской пятинѣ мы находимъ по писцовой книгѣ 1581—1582 г. ³⁾ недостающими: рядковъ въ погостѣ *Сытенскомъ* не пашенный, бывший въ этомъ году еще жилымъ, и *Маринъ рядокъ* на р. Березѣ на большой дорогѣ, бывший въ этомъ году деревней. Но такъ какъ ихъ населеніе до 1546 и въ 1546 г. неизвѣстно, то для выводовъ мы и ограничимся только данными о рядкахъ съ извѣстнымъ количествомъ населенія.

Осмотръ состава населенія только что описанныхъ рядковъ приводитъ къ заключенію, что третій видъ рядковъ представляетъ высшую форму развитія, до которой могли дойти поселки этого рода.

¹⁾ Акты Арх. Эксп., I, № 205.

²⁾ Для Обонежской пятинны имѣются данныя за 1566 и 1582—1583 годы.

³⁾ А. М. Ю., кн. №№ 914 и 959; *Неволинъ*, Пятинны, прилож. IX.

Городской посадъ былъ крайнимъ восходящимъ пунктомъ этой формы развитія, и рядки третьяго вида — послѣднею ступенью къ нему.

Разсматриваемые въ совокупности, рядки этого вида по составу своего населенія утеряли уже всякую связь съ сельскими поселками. Только въ Волочкѣ на Держковѣ въ 1582—1583 гг. показано одно только пашенное населеніе. Но очевидно, опись встала его въ періодъ полнаго паденія: изъ 37 дворовъ въ немъ оставалось въ этомъ году всего $5\frac{1}{4}$ дворовъ, и изъ 11 лавокъ—всего 4. Очевидно, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, одна часть населенія должна была оставить промышленно-торговую дѣятельность и обратиться къ земледѣлію, а другая принуждена была совсѣмъ выселиться изъ ряда. Въ остальныхъ рядахъ хотя и невозможно точно опредѣлить процентное отношеніе пашеннаго населенія къ не пашенному, такъ какъ описи не означаютъ количества того и другаго отдѣльно, но по приблизительному разчету перевѣсъ былъ на сторонѣ не пашеннаго. Въ Боровичахъ считалось пашенныхъ и непашенныхъ $23\frac{1}{2}$ дворовъ. Изъ нихъ должно выдѣлить тѣхъ рядовичей, которые владѣли торговыми мѣстами; такихъ, по числу торговыхъ мѣстъ, было 8 дворовъ „всего въ Боровичахъ на рядку“, говорится въ описи,—„рядовичъ торговыхъ людей (то-есть, жителей Боровичъ) живущихъ 4 лавки да анбаръ да 3 прилавка“. Значитъ, на долю пашенныхъ приходится $5\frac{1}{2}$ дворовъ и при нихъ пашни паханой $7\frac{1}{2}$ четей въ полѣ, а въ дву потомужь (= $22\frac{1}{2}$ чети), то-есть, на дворъ по 4 чети или по 2 десятины, и сѣна 130 копенъ—на каждый пашенный дворъ около 24 коп., на каждый рядовой—пашенный и не пашенный дворъ около 5 коп. Да за ними жъ $\frac{2}{3}$ пустоши Заполя, въ которыхъ, судя по количеству пашни и сѣна въ $\frac{1}{3}$, было, кромѣ переложной пашни, 30 копенъ сѣна. Всего сѣна 160 копенъ, то-есть, на каждый пашенный дворъ по 26 копенъ, на каждый рядовской дворъ—по 7 копенъ. Въ Вышнемъ Волочкѣ изъ всѣхъ 57 дворовъ живущихъ торговыхъ людей, судя по числу торговыхъ мѣстъ, было 35 дворовъ. На долю пашенныхъ приходится 22 двора и при нихъ пашни паханой 24 чети въ полѣ а въ дву потомужь (= 72 чети), то-есть, на дворъ по $3\frac{1}{4}$ чети или по $1\frac{5}{8}$ десятины. Что касается до луговой земли, то количество добываемаго съ нея сѣна было гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Боровичахъ. На собственныхъ пожняхъ Волочане скашивали 1156 копенъ, то-есть, на каждый пашенный дворъ по $52\frac{1}{2}$ копны, на каждый рядовской и пашенный и не пашенный дворъ по 20 копенъ. Но кромѣ того, Волочане снимали у казны на оброкъ 6 пожень, на которыхъ стави-

лось 200 копенъ. Итого, вмѣстѣ съ прежними 1156 копнами, на каждый пашенный дворъ приходится $61\frac{1}{2}$ копна, на каждый рядовской — почти по 24 копы. Между тѣмъ въ Бѣжецкой пятинѣ земледѣльческое хозяйство $1\frac{1}{2}$ — 2 четами въ полѣ, а въ дву потому жъ, то-есть, $4\frac{1}{2}$ — 6 четами или $2\frac{1}{4}$ — 3 десятинами паханой земли и 20 — 50 копнами сѣна на дворъ ¹⁾. Значить, въ Боровичахъ и пашенный, и сѣновосный надѣлъ былъ ниже нормы, при которой возможно исключительное занятіе земледѣліемъ. Въ Вышнемъ же Волочкѣ, хотя сѣна и было достаточно какъ для пашенныхъ, такъ и для всѣхъ рядовскихъ дворовъ, но пашни было такъ мало, что, полагая для веденія самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства необходимымъ $2\frac{1}{4}$ — 3 десятины на дворъ, земледѣліемъ, какъ исключительнымъ занятіемъ, могло заниматься только 10 — 12 дворовъ: остальные 12 — 10 дворовъ, которые мы предположили въ числѣ пашенныхъ, должны были остаться совсѣмъ безъ пашни. Такимъ образомъ и здѣсь приложимо одно изъ двухъ предположеній: или не всѣ предположенныя нами 22 двора были пашенными, или всѣ 22 двора были пашенными, но занимались земледѣліемъ не исключительно, а только какъ подспорьемъ при другихъ занятіяхъ. Относительно Вышняго Волочка мы останавливаемся на первомъ предположеніи, такъ какъ число дворовъ, которые по нормальному разчету должны были остаться безъ пашни (12 дв.), точно соотвѣтствуетъ числу дворовъ, которые названы „во лготѣ“, и которыхъ было именно 12 дворовъ. Значить, въ Вышнемъ Волочкѣ изъ 57 дворовъ было всего 10 дворовъ пашенныхъ, а не пашенныхъ — 47 дворовъ. Наконецъ, рядки Бѣлый, Сванскій Волочокъ и Сермаки совсѣмъ не имѣли пашеннаго населенія и состояли изъ дворовъ торговыхъ, мастеровыхъ людей, рыболовей и принадлежащихъ имъ торговыхъ зданій.

Вотъ и всѣ поселки Новгородской области, извѣстные по памятникамъ XVI вѣка подъ названіемъ „рядковъ“.

Если мы сведемъ итоги по всѣмъ четыремъ пятинамъ относительно поселковъ, принадлежащихъ къ разряду рядовскихъ, то нельзя прежде всего не обратить вниманія на то обстоятельство, что большая часть поселковъ, названныхъ въ источникахъ „рядками“, при-

¹⁾ А. М. Ю., кн. № 962: въ деревняхъ Егорьевскаго погоста въ Минцахъ: 12 дв.— $25\frac{1}{2}$ четей въ полѣ, а въ дву потому жъ,—355 коп.; 8 дв.— $18\frac{1}{2}$ четей—195 коп.; 5— $6\frac{2}{3}$ —190; 9— $13\frac{1}{3}$ —275; 5—10—270; 10— $12\frac{2}{3}$ —190; 9— $14\frac{1}{2}$ —309; 7—10—165; 44— $35\frac{1}{3}$ —707, и пр.

наддежить къ числу не пашенныхъ—рыболовческихъ и торгово-ремесленныхъ, или же, по крайней мѣрѣ, съ преобладающимъ не пашеннымъ населеніемъ. Именно, изъ всѣхъ, считающихся въ четырехъ пятинахъ 40 рядковъ — 35 было не пашенныхъ или же съ преобладающимъ непашеннымъ населеніемъ. Исключеніе составляютъ пять рядковъ Деревской и Бѣжецкой пятины съ населеніемъ въ 74 двора исключительно пашенныхъ людей.

Возникаетъ вопросъ: почему простой пашенный поселокъ безъ всякихъ рядовскихъ признаковъ могъ быть названъ рядкомъ? Сохранившіеся источники не даютъ отвѣта на этотъ вопросъ, но можно предположить двѣ причины: съ одной стороны, опись могла застать названные рядки въ періодъ ихъ паденія и превращенія въ деревни, при чемъ переходъ совершался всегда однимъ и тѣмъ же путемъ—путемъ изчезновенія промышленнаго элемента изъ состава населенія и обращенія поселка изъ не пашеннаго въ пашенный. Такое превращеніе можно наблюдать на нѣкоторыхъ изъ рядковъ Деревской пятины: на Потерпѣломъ, который въ 1546 г. назывался рядкомъ, а въ 1582 г. сталъ деревней подъ именемъ „деревня Потерпѣлый рядъ“¹⁾; точно также упоминаемая въ 1582 г. „деревня Марьяинъ рядокъ на р. Березаѣ“ самымъ своимъ именемъ показываетъ, что когда-то была рядкомъ²⁾. Съ другой стороны, можно предположить, что правительство имѣло намѣреніе при названныхъ деревняхъ открыть рынокъ и населить промышленными и торговыми людьми — охочими и сведенцами, и опись, сообразно съ этимъ желаніемъ, назвала ихъ рядками, хотя намѣреніе еще и не было исполнено. На это предположеніе наводитъ тотъ фактъ, что вообще въ XVI вѣкѣ насильственные переселенія и произвольныя перемѣщенія рынокъ были въ ходу. Припомнимъ такіе крупныя факты, какъ выселеніе торговыхъ людей изъ Новгорода и Пскова и наполненіе ихъ сведенцами, также насильственное переселеніе волостныхъ людей въ новопостроенный Архангельскъ, выселеніе въ Сибирь, далѣе перенесеніе торговъ изъ Холмогоръ въ Архангельскъ, и проч. Въ малыхъ размѣрахъ эти мѣры практиковались и въ отношеніи къ мелкимъ поселкамъ. Такъ, въ описи Сванскаго Волочка 1569 года сказано: „да по наказу царя и великаго князя дьяковъ изъ Сакульскаго погоста выведенъ (въ Сванскій Волочекъ) торговой человекъ

¹⁾ А. М. Ю., кн. № 959, *Неволинъ*, Пятины, прил., стр. 248.

²⁾ Тамъ же.

С. Ермолинъ на пустой дворъ“¹⁾. Во всякомъ случаѣ названіе чисто пашенныхъ сельскихъ поселковъ рядками едва ли можетъ быть признано явленіемъ нормальнымъ. Самое количество этого рода поселковъ въ сравненіи съ количествомъ не пашенныхъ поселковъ, названныхъ однимъ и тѣмъ же именемъ,—количество, относящееся почти какъ 5 къ 35, показываетъ, что это есть явленіе исключительное, объясненіе котораго кроется или въ предшествовавшей, или въ послѣдующей исторіи ихъ.

Несомнѣнно, что рядки образовывались и непосредственно изъ деревень, и притомъ, по видимому, даже не чрезъ переходъ изъ одной формы—сельской въ другую—рядовскую, а посредствомъ простаго переименованія. Такъ, Кобона и Вельца, называемые въ 1569 году рядками, въ окладной книгѣ 1500 г. являются деревнями, хотя составъ населенія и въ томъ и въ другомъ году существенно не измѣнился, сохраняя характеръ преимущественно рыболовческой. Въ деревнѣ Вельцѣ въ 1500 г. былъ 1 дворъ помѣщика, 1 дворъ крестьянина и 7 дворовъ не пашенныхъ людей рыбныхъ ловцовъ²⁾; въ 1569 г. она является рядкомъ, и кромѣ рыбныхъ ловцовъ, другаго населенія не имѣла. Точно также деревня Кобона, съ 1 дворомъ пашеннымъ и 6 дворами не пашенныхъ людей рыбныхъ ловцовъ³⁾, въ 1569 г. является рядкомъ съ одними рыболовческими дворами. Наконецъ, какъ бы въ поясненіе способа перехода деревни въ рядокъ, въ разметномъ спискѣ 1546 г. рядокъ Лидна является не самостоятельнымъ, а находящимся еще *въ деревнѣ*: „рядъ въ деревнѣ въ Лиднѣ“, „въ ряду въ деревнѣ въ Лиднѣ“⁴⁾. Мы не знаемъ, изъ какого населенія состояла деревня Лидна. Но по точному значенію выраженія „въ деревнѣ“, нужно полагать, что рядокъ появился позднѣе, какъ приселокъ къ пашенной деревнѣ. Этотъ новый приселокъ, благодаря благоприятному положенію при Ладожскомъ озерѣ, вскорѣ подавилъ пашенное населеніе и въ 1569 г. является самостоятельнымъ, и какъ мы впереди видѣли, чисто рыболовческимъ рядкомъ. Изъ этихъ фактовъ можно было бы заключить, что, для переименованія деревни въ рядокъ, поселку достаточно было освободиться отъ пашеннаго элемента: Вельца, Кобона и Лидна, по видимому, именно

¹⁾ А. М. И. Д., по Новг. № 7, л. 514.

²⁾ *Временникъ*, кн. 11, окладомъ выше, стр. 26.

³⁾ Тамъ же, стр. 33.

⁴⁾ Акты Арх. Эксп., I, № 205, стр. 190.

этому обстоятельству одолжены своимъ переименованіемъ. Но мы видѣли, что рядки даже на высшей ступени своего развитія не были вполне свободны отъ пашеннаго населенія. Вообще, рядки, какъ переходная форма отъ сельскихъ поселковъ къ городскимъ, были, естественно, подвержены большимъ колебаніямъ въ развитіи этихъ формъ, и смотря по условіямъ времени и мѣста, приближались то къ сельскимъ, то къ городскимъ, то представляли среднее между тѣми и другими.

Должно замѣтить, что рядки не только по названію, но можно сказать, и по типу были *исключительно* принадлежностью Новгородской области и нигдѣ въ остальной Россіи не встрѣчаются. Нѣчто подобное рядкамъ представляютъ „слободы“ Московской Руси, но далеко не во всей своей совокупности, а именно:

1) Однородное съ рыболовческими рядками Водской пятины явленіе представляютъ спеціально рыболовческія слободы Московской Руси. Напримѣръ, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ за Троицкимъ монастыремъ числились слободы: „Слободка на Старомъ городищѣ, а сельцо Старое городище тожь, а въ ней живутъ бобыли безъ пашни, кормятся рыбными ловлями 4 двора, да 1 дворъ монастырскій, а въ немъ живутъ слуги монастырскіе“,—да слободка Вагманова „а въ ней живутъ бобыли на монастырской землѣ, кормятся рыбными ловлями“—13 дворовъ¹⁾. Очевидно, населеніе такое же, какое мы видѣли въ рядкахъ Лиднѣ, Кобонѣ и др., съ тою только разницею, что въ рядкахъ было населеніе тягловое, а въ описанныхъ слободахъ—бобыльское.

2) Однородное рядкамъ съ торговымъ и мастеровымъ населеніемъ, но безъ торговыхъ зданій, явленіе представляютъ слободы съ такимъ же населеніемъ. Такъ, въ Зубцовскомъ уѣздѣ за Чудовымъ монастыремъ была „слобода Терешкова, на р. Волгѣ“, а въ ней было 4 двора церковныхъ, 4 вельи нищихъ, 1 дворъ монастырскій и пріѣздъ, 1 двора слуги монастырскаго да не пашенныхъ торговыхъ и мастеровыхъ людей 14 дворовъ да 7 дворовъ бобыльскихъ²⁾; въ Костромскомъ уѣздѣ была за Богоявленскимъ монастыремъ слободка Андреевская, а въ ней числилось 5 дворовъ церковныхъ, 1 дворъ приващиковъ, 1 дворъ монастырскаго конюха да не тяглыхъ мастеровыхъ людей 19 дворовъ³⁾.

¹⁾ Сотная 1580 г. А. М. Ю., отд. II, по Бѣлозерскому уѣзду № 186/857.

²⁾ Сотная 1596 г. Тамъ же, по Зубцовскому уѣзду № 19/4837.

³⁾ Сотная 1594—95 гг. Тамъ же, по Костромскому уѣзду № 413/5140.

Очевидное сходство съ рядками Хутынского монастыря и Моркиничей. Въ концѣ XVI вѣка и въ Новгородской области стали появляться подобныя же слободы и съ этимъ названіемъ: по крайней мѣрѣ, въ писцовой книгѣ 1582—1583 г. въ Обонезненной пятинѣ появляется „слободка Вежинта, стала пость письма (1566 г.?), а живутъ въ ней не пашенные торговые люди 8 дворовъ“¹⁾, точно также слобода Новопечерскаго монастыря въ Шелонской пятинѣ и др. Но это, очевидно, перенесеніе московскихъ поселеній на новгородскую почву.

Этимъ и исчерпывается сходство рядовскихъ поселковъ съ слободскими. Остальныя формы тѣхъ и другихъ поселковъ не имѣютъ между собою ничего общаго. Съ одной стороны, мы совсѣмъ не встрѣчаемъ въ XVI вѣкѣ такихъ слободскихъ типовъ, которые представляютъ рядки Млевскій и Богословскій, равно какъ и такихъ, какъ Вышній Волочекъ, Боровичи и др., словомъ, не встрѣчаемъ слободъ съ торговыми зданіями, отдѣльными отъ поселковъ или совмѣстными. Съ другой стороны, не только между рядовскими, но и между какого бы то ни было рода новгородскими поселками не встрѣчается того типа поселковъ, который въ Московской Россіи назывался также слободскимъ и былъ самый распространенный между ними, но съ населеніемъ чисто служилымъ, напримѣръ, слободы стрѣлецкія, казачьи, пищальниковъ, воротниковъ и т. п., также дворцовыхъ садовниковъ, огородниковъ, бобровниковъ и т. п., или съ такимъ населеніемъ, какое, напримѣръ, представляетъ „владычная слобода“ Рязанскаго епископа въ Переяславлѣ Рязанскомъ, состоявшая изъ 44 дв. дѣтей боярскихъ владычныхъ: 4 дворовъ конюховъ владычныхъ, 8 дворовъ истопниковъ, 8 поваровъ, 11 портныхъ, серебряниковъ и овчинниковъ, 2 кирпичниковъ, 6 хлѣбниковъ, 5 солоданиковъ, 7 огородниковъ, бочарниковъ и плотниковъ, 3 сторожей, 4 маслениковъ, 4 рыболовей, 3 водовозовъ, 9 извозчиковъ, да 9 дворовъ пашенныхъ людей, которые пашутъ на владыку²⁾. Большая часть этихъ элементовъ была, конечно, и въ новгородскомъ населеніи, но частью они не были сгруппированы по московски въ отдѣльные поселки, а были смѣшаны съ остальнымъ населеніемъ: такъ, пищальники, воротники и т. п. были и въ новгородскихъ городахъ, но не были соединены въ отдѣльныя слободы; частью хотя и были сгруппированы топографиче-

¹⁾ А. М. Ю., кн. № 963, л. 65.

²⁾ Сотня 1567—1568 гг.

ски, но не назывались слободами: такъ служилые люди и дворня архіепископа Новгородскаго жили отдѣльно въ Чудинцевой улицѣ и на островку, но эти двѣ мѣстности не получили названія слободъ. Исключеніе составляютъ одни ямы, одинаково и въ новгородскихъ, и въ московскихъ областяхъ называвшіеся слободами, но вѣроятно, потому, что самое учрежденіе ихъ относится къ московскому періоду. Впрочемъ, къ концу XVI вѣка московскія формы поселковъ, какъ мы уже выше замѣтили, стали появляться и въ Новгородской области.

Вообще, можно сказать, что общимъ признакъ слободъ была—специализація занятій жителей ихъ, безъ различія какого бы рода они ни были—промышленнаго или не промышленнаго. Этотъ характеръ совершенно отдѣляетъ ихъ и отъ городовъ, и отъ селъ, и выдѣляетъ ихъ въ особую группу, одинаково удаленную и отъ городскихъ, и отъ сельскихъ поселковъ (не говоримъ о частныхъ исключеніяхъ).

Напротивъ того, совмѣстное разсмотрѣніе состава населенія всѣхъ трехъ видовъ рядковъ убѣждаетъ, что поселки этого имени были переходною формою отъ селъ къ городамъ и заключали въ себѣ признаки тѣхъ и другихъ. Если здѣсь и можетъ быть рѣчь о специализаціи занятій, то только промышленнаго свойства. Общій же признакъ рядковъ, напротивъ, далекъ отъ специализаціи даже промышленной. Населеніе рядковъ слагалось, главнымъ образомъ, но не исключительно, изъ не пашенныхъ элементовъ—торговыхъ, мастеровыхъ людей и рыболовей, но съ примѣсью, хотя и незначительнаго процента, пашеннаго населенія. На низшей ступени своего развитія рядокъ является простою деревней, какъ рядки Карманой, Юшкова десятка, Новый, Березайскій и Витчя; на высшей ступени своего развитія онъ является посадомъ и ничѣмъ экономически не отличается отъ города.

Современники видѣли особенно тѣсное соотношеніе между рядкомъ и посадомъ и часто употребляли то и другое названіе, какъ вполне тождественныя и замѣняющія другъ друга. Такъ, въ описи 1582—1583 г. Вышній Волочокъ является въ одно и то же время и рядкомъ и посадомъ, а жители его и рядовичами, и посадскими: „на Вышнемъ Волочкѣ по конецъ посаду“, говорится въ описи,—анбаръ ямчужный...; на Вышнемъ же Волочкѣ двory тяглые рядовичъ и посадскихъ людей...; да на посадѣ же дворъ таможенной...; пашни рядовскія посадскія“ столько-то. Точно также о Боровичахъ говорится, что его церковнымъ дворамъ „на погостѣ, на ряду“ дана $\frac{1}{3}$ пустоши „противъ того, что у нихъ взято ихъ церковныя посадскія нетяглыя земли“, а $\frac{2}{3}$ той пустоши

писана „за рядовичи Боровицкаго погоста противъ ихъ рядовскія посадскія земли“; въ Боровичахъ же по конецъ Боровицкаго ряду ниже посадскихъ дворовъ монастырь Яковлевской. Въ пустомъ ряду Хутынскаго монастыря 12 дворовъ были прежде населены „посадскими черными тяглыми людьми“. Наконецъ, рядъ Полоновской является съ этимъ именемъ только при заглавномъ названіи поселка, въ описи котораго приступаетъ писецъ, и въ итогѣ описи; самый же рядъ описывается какъ посадъ: „того жъ посаду дворы воеваны и сожжены“; „туто же на посадѣ дворы сожжены“ и пр. Наконецъ, интересно сопоставить: въ описи говорится: „туто же въ посадѣ 2 лавки калачныхъ“; въ итогѣ: „да на ряду же 2 лавки товарныхъ“.

Очевидно, какъ напрасна была бы попытка открыть какое-нибудь различіе въ понятіяхъ современниковъ между рядкомъ и посадомъ: лавки находились „въ посадѣ — въ ряду“, рядокъ-посадъ имѣлъ жителей „рядовичей-посадскихъ“, земля при поселкѣ называется землей „рядовскою-посадскою“. Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, что и наоборотъ, посадскіе люди въ городскихъ посадахъ безразлично назывались и рядовичами, и посадскими людьми. Знакомство съ составомъ населенія поселковъ, извѣстныхъ по описямъ подъ именемъ *посадовъ*, можетъ только окончательно убѣдить въ полномъ тождествѣ ихъ съ рядами.

Въ писцовой книгѣ Бѣжецкой пятины 1550 — 1551 года ¹⁾ такъ описывается „посадецъ“ при Пятницкомъ женскомъ монастырѣ: „Въ Удомлѣ монастырекъ убогой Пятница святая (такъ ново), а поставленъ на той землѣ, что Никола святой въ Удомлѣ на стану; а въ монастырѣ старица: черницъ 10, а бѣлицъ 5 въ томъ же монастырѣ. А дворниковъ за монастыремъ на посадцѣ — 4 двора церковныхъ безъ пашни; да за монастыремъ же на посадцѣ стоятъ дворники торговыхъ людей: дворъ М. Гришинъ сѣдельникъ, дворъ И. Ондрушинъ; а потому даютъ къ Пятницѣ въ домъ на темьянъ, на ладанъ и на свѣчи съ двора по 1 алтыну въ годъ“. Посадъ Тихвинскій (Обонезской пятины) имѣлъ въ 1582—1583 гг. болѣе сложный составъ. Самый монастырь имѣлъ 36 келій, да за монастыремъ 1 дворъ конюшенный и 1 дворъ гостинный. Въ посадѣ Тихвинскомъ 2 церкви и 8 дворовъ церковныхъ, да 31 дворъ монастырскихъ слугъ; дворы торговыхъ людей (торгуютъ хлѣбомъ, солью, калачами и пр.) всего 53 двора; дворы мастеровыхъ людей — портныхъ и сапожниковъ — всего 22 двора; бо-

¹⁾ А. М. И. Д., по Новг. № 10, л. 170—171.

быльскихъ дворовъ 31. Лавки и амбары торговыхъ людей, а торгуютъ въ нихъ солью, хлѣбомъ и калачами, всего 50 лавокъ ¹⁾.

Изъ этихъ описей можно вывести такое опредѣленіе посада. Посадамъ назывался торгово-промышленный поселокъ съ торговыми зданіями или безъ нихъ. Значить, посадъ соотвѣтствовалъ ряду втораго и третьяго видовъ, въ которыхъ также непремѣннымъ условіемъ является присутствіе поселка. Изъ этого видно, что въ формальномъ отношеніи названіе рядокъ обнимало болѣе широкій кругъ явленій, чѣмъ посадъ, такъ какъ рядками назывались одни торговые зданія безъ всякаго поселка при нихъ, посадомъ же — только поселокъ съ торговыми зданіями или безъ нихъ — безразлично. Но въ отношеніи къ рядкамъ втораго и третьяго вида посадъ представлялъ полное тождество и формальное, и по составу поселенія. Пятицкій посадецъ былъ совершенно тождественъ съ рядкомъ Моркиничъ (какъ и посадецъ въ Бѣжецкой пятинѣ), въ которомъ также, кромѣ 5 дворовъ торговыхъ людей, не было никакого другаго населенія; посадъ Тихвинскій — совершенно одинаковаго состава съ рядкомъ Сермаки (также въ Обонежской пятинѣ), такъ какъ и въ немъ жили одни только „торговые и мастерове люди и рыболовы“ ²⁾, и онъ имѣлъ 24 амбара.

Такимъ образомъ, и рядки, и посады, какъ названія поселковъ, и въ понятіяхъ современниковъ и по составу населенія принадлежали къ одной и той же категоріи поселковъ съ преобладающимъ, а часто даже и съ исключительно не пашеннымъ населеніемъ.

Всего поселковъ съ такимъ характеромъ считалось въ Новгородской области въ XVI вѣкѣ 42, но распредѣлены они были весьма неравномѣрно. Между тѣмъ какъ на долю Водской пятинны приходилось 10 рядковъ, на долю Бѣжецкой — 15 рядковъ и 1 посадецъ, на долю Деревской — 12, въ Обонежской пятинѣ было всего 3 рядка и 1 посадъ, а въ Шелонской пятинѣ не считалось ни одного. Изъ этого видно, что рядки были не только исключительно новгородское явленіе, но и въ самой Новгородской области область распространенія этого названія торгово-промышленныхъ поселковъ была весьма ограничена. Именно, область распространенія этого имени за торгово-про-

¹⁾ *Временникъ Общ. Ист. и Др.*, кн. 6: писц. книга. Обонежской пятинны.

²⁾ Рыболовческое населеніе во всѣхъ городахъ Новгородской области непосредственно входило въ составъ посаднаго населенія. Въ г. Корвяѣ оно составляло даже большинство.

мышленными поселками была ограничена главными торговыми путями изъ западной Европы и изъ средней Россіи въ Новгородъ. Это имя встрѣчается по большой сухопутной дорогѣ изъ Новгорода въ Торжокъ и на озерѣ Селигерѣ (въ Деревской пятинѣ), по р. Мстѣ (въ Деревской и Бѣжецкой пятинахъ), по р. Волхову и Ладожскому озеру (въ Водской и Обонежской пятинахъ) и по рѣкѣ Невѣ (въ Водской пятинѣ).

Всѣ мѣстности, лежавшія въ сторонѣ отъ этого пути, не выработали для своихъ торгово-промышленныхъ поселковъ никакого особаго имени, которое отличало бы ихъ отъ остальныхъ волостныхъ поселковъ — погостовъ, сель и т. п. Между тѣмъ названные пути не были единственными торговыми путями Новгородской области: по Шелонской пятинѣ по р. Шелони шелъ путь во Псковъ, по р. Свири и Онежскому озеру шелъ путь на Двину. Необходимо должны были быть и здѣсь, какъ и по рѣкамъ Мстѣ и Волхову, пункты, которые служили отчасти складочными мѣстами для движущихся товаровъ, а отчасти — рынками для сбыта продуктовъ мѣстной производительности. Причину же, по которой они не получили, подобно такимъ же пунктамъ по главному торговому пути, спеціальнаго названія, сообразнаго съ характеромъ ихъ дѣятельности, можно предполагать въ слабости этой дѣятельности, въ слабости самаго торговаго движенія по названнымъ путямъ сравнительно съ путями, расположенными на главномъ пути. Спеціальная дѣятельность поселковъ, расположенныхъ по этому послѣднему пути, на столько выдвигала ихъ изъ массы остальныхъ поселковъ, что спеціальное названіе ихъ является и для окрестнаго населенія, и для правительства простымъ вопросомъ удобства. Напротивъ того, спеціальная дѣятельность поселковъ, расположенныхъ у второстепенныхъ торговыхъ путей, на столько была слаба, случайна и временна, что не подавляла собою представленія о принадлежности поселка къ волостямъ и потому не вызывала потребности выдѣлить его изъ послѣднихъ особымъ именемъ. Поэтому-то можно предположить, что многіе изъ поселковъ не только по р. Шелони и Онежскому озеру, но и по рѣкамъ Мстѣ, Волхову и Невѣ, благодаря незначительности своей промышленно-торговой дѣятельности, и не назывались рядками, хотя отличались чисто рядовскимъ характеромъ.

Впрочемъ, этому разграниченію не должно придавать характера строгой опредѣленности. Самъ XVI вѣкъ, какъ мы видѣли, не выработалъ точной нормы для разграниченія рядковъ отъ остальныхъ поселковъ. Крайняя неопредѣленность отношеній во всѣхъ сферахъ народной

жизни, разнообразіе и смѣшанность явленій областныхъ особенностей, быстрота перехода ихъ изъ однихъ формъ въ другія— всѣ эти черты, присущія древне-русскому обществу, не могли содѣйствовать образованію въ людяхъ XVI вѣка строгой опредѣленности въ разграниченіи явленій. Людныя поселки Шелонской пятины—Ужинь, Взвядь, во все продолженіе XVI вѣка назывались погостами, хотя имѣли чисто рядовской характеръ и въ XVII вѣкѣ получили, благодаря ему, имя рядковъ; людное село Грузино и многіе изъ значительныхъ погостовъ Обонежской пятины не были никогда извѣстны подъ другими именами, хотя могли конкурировать съ многими поселками, извѣстными подъ именемъ рядковъ. Поэтому, за исходный пунктъ въ изысканіи поселковъ съ рядовскимъ характеромъ мы принимали не названіе, а составъ поселка и его населенія.

Прежде всего въ Шелонской пятинѣ въ писцовой книгѣ 1645—1647 гг. ¹⁾ называется три рядка, Пшага ²⁾, Новая Руса тожь, Ужинь и Взвядь ³⁾. Всѣ эти три рядка были наиболѣе людными изъ поселковъ Шелонской пятины, а два послѣднихъ въ продолженіе всего XVI вѣка назывались погостами. По описи 1500—1501 гг. на погостѣ Ужинскомъ на Ильменѣ считалось дворовъ тяглыхъ (стоятъ на царя и в. князя землѣ, а живутъ въ нихъ рыболове) 90 дворовъ, да бобьльскихъ дворовъ не тяглыхъ 13 дворовъ (а по старому письму было всего 72 двора) — и у тяглыхъ дворовъ пашня, сѣютъ на ней 27 коробей ржи и 90 коробей овса, да сѣна 2.700 копенъ, да вопче съ Взважанами (перемѣняся по годамъ косятъ) 1.000 копенъ ⁴⁾; по описи 1523 — 1524 гг. въ немъ было 81 дворъ (143 чел.; между ними названы 2 сапожника и 1 кузнецъ), „и тотъ погостъ послѣ писма погорѣлъ и люди съ него разошлись“ (дана по этому поводу льгота отъ податей на 2 года); пашни не показано ⁵⁾. Погостъ Взвядь на р. Ловати, а на погостѣ „дворы тяглеые стоятъ на царя и в. князя землѣ, а живутъ въ нихъ рыболове“—всего 112 дворовъ (а по старому письму было 88 дворовъ); „а угодыя у нихъ гдѣ сѣно косятъ

¹⁾ Описаніе документовъ и бумагъ А. М. Ю., т. I, № 1807.

²⁾ Въ Описаніи «Пшага»; въ разметномъ спискѣ (Акты Арх. Эксп., I, № 205): «Новая Руса на Пшагѣ» Р. Пшага—р. Мшага; это простая замѣна губныхъ звуковъ.

³⁾ Въ Описаніи: Взварь—очевидная ошибка чтенія: такого имени въ Шелонской пятинѣ мы не встрѣчали.

⁴⁾ А. М. Ю., кн. № 706, л. 50—51.

⁵⁾ Тамъ же, л. 188—189.

и животу на выпускъ по болотамъ“ ставится сѣна 4.480 копенъ; да они же косятъ островъ Желѣзно на устьѣ р. Перемати—1.500 копенъ; да воцпе съ Ужинцами 1.000 копенъ; еще 2 озера воцпе съ мѣстными помѣщиками ¹⁾; по описи 1523—1524 гг. въ немъ числились 88 дворовъ (130 чел.) ²⁾.

Что касается до Новой Руси, то единственное о ней упоминаніе въ продолженіе всего XVI вѣка находится только въ разметномъ спискѣ 1546 г. ³⁾. Въ этомъ году въ ней считалось 27 дворовъ церковныхъ, 1 дворъ в. князя и 131 дворъ людей тяглыхъ (пустыхъ 71 дворъ тяглый и 25 дворищъ пожарныхъ); а по старому письму было, кромѣ дворовъ церковныхъ, 1 дворъ в. князя и 120 дворовъ тяглыхъ. Можно предполагать, что списокъ помѣщаетъ Новую Русу въ число городовъ. Объ этомъ можно заключить изъ системы, принятой спискомъ относительно обозначенія городовъ и волостныхъ поселковъ. При имени первыхъ не всегда обозначалось названіе, подъ которымъ они извѣстны были официально: только Яма, Ладога, Орѣшекъ и Корѣла названы „городами“; при именахъ остальныхъ городовъ этого названія нѣтъ, а просто сказано: „въ Новгородѣ въ Великомъ, въ Русѣ въ Старой, въ Порковѣ“ столько-то дворовъ. Между тѣмъ при именахъ волостныхъ поселковъ *непрерывно* прибавлялось ихъ названіе; такъ „на Свиноръѣцкомъ погостѣ, на Мусецкомъ погостѣ, на Михайловскомъ погостѣ на Узѣ, на Дубровенскомъ погостѣ“ и пр., — „рядъ Клѣти, рядъ Новинка, рядъ Креницы, рядъ Яжолбицы“ и пр. При Новой Русѣ, какъ и при городахъ, не поставлено никакого названія: „въ Новой Руси на Пшагѣ“ столько-то дворовъ. Должно при этомъ принять во вниманіе, что Старая Руса является съ этимъ именемъ въ первый разъ только въ этомъ разметномъ спискѣ (1546 г.). а въ лѣтописяхъ, сколько намъ извѣстно, только 1552 г. ⁴⁾; до этого же времени по лѣтописямъ она слыла подъ именемъ просто „Русы“. Не смотря на эти доводы, трудно допустить, чтобъ единодушное молчаніе источниковъ о Новой Русѣ, какъ о городѣ, было случайно, тѣмъ болѣе, что мѣстность, въ которой она находилась ⁵⁾, въ продолженіе XVI вѣка не разъ обращала на себя

¹⁾ Тамъ же, л. 52.

²⁾ Тамъ же, л. 191.

³⁾ Акты Арх. Эксп., I, № 205.

⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., т. III (III-я Новг.), стр. 251.

⁵⁾ *Семеновъ*, Геогр. словарь, III: село Новая Руса при соляномъ озерѣ Мшагѣ, въ 36 верстахъ отъ Новгорода.

вниманіе лѣтописцевъ по важности событій, которыя на ней разыгрывались, напримѣръ, при походахъ Ивана III и Ивана IV на Новгородъ и во время Ливонской войны. Кромѣ того, завѣщаніе Ивана IV, составленное имъ въ 1572 г. ¹⁾ и содержащее, между прочимъ, подробный перечень городовъ и дани городищъ Новгородской области, о Новой Русѣ не упоминаетъ ни слова. Если съ этимъ фактомъ сопоставимъ тотъ, что въ 1523—1524 гг. Новая Руса называлась еще Новою Солью („въ Голинскомъ погостѣ в. князя островъ на Шелонѣ, а косятъ его Усолицы Новыи Соли со Мшаги“ ²⁾), то очевидно, самое имя города за Новою Русой ограничивается небольшимъ періодомъ времени—лѣтъ въ 30—40 (между 1524 и 1572 гг.). На этомъ основаніи, не отнимая за Новою Русой характера городского поселка, мы причисляемъ ее къ поселкамъ рядовскимъ.

Кромѣ этихъ трехъ поселковъ съ ясно обозначеннымъ рядовскимъ характеромъ, въ Шелонской пятинѣ, по описямъ разныхъ временъ, было нѣсколько поселковъ, близкихъ по характеру къ рядкамъ то втораго, то третьяго вида. Къ рядкамъ втораго вида близки:

По описи 1498 года: Въ погостѣ Опотцкомъ в. князя, что была Росткина монастыря, 2 двора церковныхъ; „а люди непахотные промышляють торгомъ и извозомъ“—всего (по старому письму 12 дв. 15 чел. (изъ нихъ 1 гончаръ и 1 швецъ), а старая доходу давали монастырю позему и оброку 2 гривны, а съ промысловъ в. князю 2 же гривны); а по новому письму 13 дворовъ (23 чел. „а положено на нихъ оброку и за поземъ 5 гривенъ“ ³⁾); по разметному списку 1546 г. въ немъ считалось 2 двора церковныхъ и 3 тяглыхъ (а по ст. письму было 2 дв. церк. и 13 тягл.) ⁴⁾. Въ погостѣ Дубровенскомъ было 3 двора церковныхъ „а люди непахотные промышляють торгомъ и извозомъ“—всего (пост. письму было 4 дв. 6 чел., а оброку давали 1 гр., а помѣщикамъ давали позему 15 ден.), а по Новгородскому письму 5 дв. (6 чел.), (а оброку и за поземъ 2 гр., „а помѣщикомъ позему на нихъ не имати“ ⁵⁾); по разметному списку 1546 г. въ немъ было 4 двора

¹⁾ Доп. въ Акт. Истор., I, № 222.

²⁾ А. М. Ю., кн. № 706, л. 226. Не должно смѣшивать эту Новую Соль со слободой солеваровъ, называвшеюся также Новою Солью и находившеюся въ Моревской волости. Доп. къ акт. ист., I, № 26 (1530 годъ).

³⁾ А. М. И. Д., по Пскову, № 2, л. 23.

⁴⁾ Атты Арх. Эксп., I, № 205.

⁵⁾ А. М. И. Д., по Пскову, № 2.

церковныхъ и 3 двора нищихъ старцевъ (а по ст. письму было 3 дв. церковныхъ и 6 дворовъ тяглыхъ ¹⁾).

По описи 1500—1501 г.: Погостъ Голинскій воцпе в. князю съ Никольскимъ монастыремъ, а на немъ 1 дворъ в. князя (въ немъ 2 конюха), а людей тяглыхъ 19 дворовъ (29 чел.), пашенныхъ да 29 дворовъ (39 чел.), не пашенныхъ рыболовей, пашни 30 коровъ, сѣна 800 копенъ, 9 обежъ ²⁾. На погостъ Березскомъ было 8 дв. (10 чел.), не пашенныхъ людей (изъ нихъ 1 дегтарь, 2 швеца портныхъ, 1 сапожникъ и 1 плотникъ) ³⁾.

По описи 1583—1584 гг. въ Бѣльскомъ погостѣ было 7 дворовъ не пашенныхъ ⁴⁾.

Къ рядкамъ третьяго вида близки:

По описи 1538—1549 гг. на погостѣ Пожеревицкомъ было 4 двора церковныхъ, „да на церковной землѣ 18 дворовъ живущихъ да 2 двора пусты; да на погостѣ жъ, на церковной землѣ стоятъ 22 анбара, а торгуютъ въ нихъ привъзжая изъ города рядовичи; а даютъ съ тѣхъ дворовъ и съ анбаровъ на церковь на темьянъ да на ладанъ 4¹/₂ гривны“ ⁵⁾; въ 1584—1585 гг., на Пожеревицкомъ погостѣ было 5 дворовъ церковныхъ, на ихъ огородахъ 26 дворовъ бобыльскихъ; да на церковной же землѣ, на погостѣ, 15 дворовъ; пашни не показано; да на погостѣ же церковной земли 17 анбаровъ прежде съ нихъ давали оброкъ на церква, а нынѣ въ казну“ ⁶⁾.

По описи 1583—1584 гг. въ погостѣ Карачуницкомъ было 12 дворовъ не пашенныхъ, да 3 лавки, а торгуютъ въ нихъ хлѣбомъ и калачами и солью и инымъ мелкимъ товаромъ ⁷⁾.

Такимъ образомъ въ Шелонской пятинѣ можно считать 10 рядовскихъ поселковъ, и изъ нихъ три (и съ Новою Русой) относятся къ рядкамъ третьяго вида, и 7—къ рядкамъ втораго вида. Пашенные встрѣчаются только въ погостахъ Ужинскомъ и Голинскомъ. Въ Ужинскомъ погостѣ и пашенная, и сѣнокосная земля дѣлилась по числу дворовъ на участки, такъ что всѣ 90 дворовъ, кромѣ рыбныхъ ловель, занимались, какъ подспорьемъ, и земледѣлемъ: „а пашни у тяглыхъ дворовъ:

¹⁾ Акты Арх. Эксп., I, № 205.

²⁾ А. М. Ю., кн. № 706, л. 18.

³⁾ Тамъ же, л. 23.

⁴⁾ А. М. Ю., кн. № 735.

⁵⁾ А. М. И. Д. по Новг. № 5, часть 1.

⁶⁾ *Неволима*, Пятинны, прил., стр. 109.

⁷⁾ А. М. Ю., кн. № 735, л. 30.

пашутъ ниву въ пазбищѣ на царя и в. князя землѣ... въ сухіе лѣта, коли вода мала, сѣютъ на ней 27 коробовъ ржи, да они жъ пашутъ у погоста въ полѣ на водопойнѣ на паздбѣ 90 участковъ полосами, а сѣютъ на тѣхъ участкахъ 90 коробовъ овса коли вода борзо сойдесть; да у нихъ же 90 участковъ кошенныхъ полосами жъ, а ставится на тѣхъ на всѣхъ участкахъ сѣна 2700 копенъ, на участоѣ по 30 копенъ“, да пожни общія съ Взважанами по годамъ 1000 копенъ ¹⁾. Значить, на каждый дворъ приходится около $\frac{1}{3}$ короба ржи, 1 коробъ овса и 30 копенъ сѣна, да въ два года по $11\frac{1}{3}$ копы. Въ Голинскомъ погостѣ считалось 19 дворовъ пашенныхъ и каждый изъ нихъ засѣвалъ немного болѣе $1\frac{1}{2}$ коробей; сѣно же на каждый пашенный дворъ приходилось по 42 копы, на каждый погостской—пашенный и не пашенный — по 17 копенъ на дворъ.

Поселки Обонежской пятины съ рядовскимъ характеромъ по составу своему составляютъ полную противоположность такимъ же поселкамъ Шелонской пятины. Большинство ихъ принадлежало къ рядкамъ перваго и третьяго вида, и только два поселка относятся ко второму; при этомъ пашенныхъ людей совсѣмъ не было.

Къ рядкамъ перваго вида принадлежало 5 поселковъ.

По описи 1566 г. „монастырь Климецкой на островѣ *Климецкомъ* среди Онега озера въ Ужскомъ наволоѣ “значится новоприбылымъ“ съ 1 кельей игумена и 26 кельями старцомъ, да за 2 версты отъ монастыря дворъ коровницкій съ дворомъ коровника; по жалованной грамотѣ дано имъ въ угодье земли по 5 верстъ вокругъ монастыря и рыбныя ловли въ Онежскомъ озерѣ ²⁾. По описи 1583 г. въ немъ, кромѣ братскихъ келей и церковныхъ, было 6 келей слугъ монастырскихъ, „да за монастыремъ дворъ гостинной на прѣздъ“ ³⁾.

По описи 1566 г. въ Егорьевскомъ погостѣ въ Толву Вяжицкаго монастыря „на Повѣнцѣ на полуобезной землѣ на писменной поставлены анбары соляные и солницы торговыхъ людей лутчихъ и среднихъ и молодыхъ (а въ писцовыхъ книгахъ Ю. К. Сабурова ⁴⁾) были неписменные и оброкъ царю и в. князь былъ не положенъ, а имали оброкъ игуменъ съ братією—съ амбара и салницы по алтыну), всего

¹⁾ А. М. Ю., кн. № 706, л. 50—51.

²⁾ А. М. И. Д. по Олонцу № 1, л. 268.

³⁾ А. М. Ю., кн. № 963, л. 1029—1030.

⁴⁾ Ю. К. Сабуровъ описывалъ Обонежскую пятину въ 1496 г. *Неволинъ* Пятины, стр. 11—12.

8 салницъ. А се анбары соляные торговыхъ людей и лучшихъ же и среднихъ и молодыхъ на той же полуобезной землѣ — всего анбаровъ лутшихъ людей 7, а среднихъ—6, а молодыхъ — 4. А се анбары стоятъ на монастырской землѣ—всего лутчихъ людей анбаровъ 11, а среднихъ—7, а молодыхъ—9. А се анбары стоятъ на царя и в. князя землѣ Шунскаго (сосѣдняго) погоста—всего лутшихъ людей анбаровъ 2, а среднихъ—3, а молодыхъ—5 (крестьянъ царевыхъ и в. князя). Да Вяжицкаго жъ монастыря въ Толуѣ подъ погостомъ въ губѣ на монастырской землѣ по письму Сабурова было 18 дворовъ торговыхъ людей, и тѣхъ дворничковъ лѣтъ съ 30 (значить, примѣрно съ 1530-хъ годовъ), сказали крестьяне—пусты, не папуть ихъ и не косятъ: пришелъ камень луда ¹⁾, а оброку шло съ нихъ въ цареву казну 14 алтынъ И всего салницы и амбары стоятъ на царя и в. князя землѣ и на монастырской лутчихъ и среднихъ и молодыхъ людей 62“ (оброкъ съ сихъ царю) ²⁾. По описи 1583 г. „въ деревнѣ на Повѣницѣ на царя и в. князя землѣ да на монастырской землѣ Вяжицкаго монастыря 44 анбара да 1 салница торговыхъ людей изъ тей, а сыплютъ въ нихъ рожь и овесъ и соль и всякіе товары кладуть разныхъ волосъ“ (оброкъ въ государеву казну) ³⁾.

Соловецкаго монастыря по описи 1566 г. „на Сумѣ рѣкѣ на берегу салницы монастырской, а кладуть въ нихъ сало монастырское, и ихъ крестьяне закупаютъ, а стоятъ на монастырской землѣ—7 салницъ. Лавки на Сумѣ рѣкѣ и въ Вармѣ и въ Колежмѣ и подъ избами анбарцы торговыхъ людей, а въ нихъ держать товаръ всякой мягкой ноугородской тутошніе люди, а иные отдають изъ бразги въ Сужѣ рѣкѣ 9 лавокъ, 9 чулановъ, 1 чуланецъ“ ⁴⁾. Въ 1583 г. осталось 7 салницъ и 10 лавокъ и анбаровъ и всѣ считались пустыми ⁵⁾.

Погостъ Покровскій на Вытегрѣ за Онегомъ озеромъ по описи 1566 г. состоялъ изъ 7 дворовъ церковныхъ, 9 келей старцевъ и 12 келей старицъ „Да и погосты жъ лавокъ, а въ нихъ торгуютъ тогожъ погоста крестьяне всякимъ мягкимъ товаромъ—всего среднихъ лавокъ 5, а молодыхъ людей — 1 лавка“, да въ этомъ году „прибыло

¹⁾ Списки населенныхъ мѣстъ Арханг. губ. стр. XXII: Луда—голые гранитные острова въ Онежскомъ заливѣ. *Пушкаревъ*, Арх. губ., прил., стр. 13: маленький, голый: гладкій каменный островокъ.

²⁾ А. М. И. Д. по Олонцу № 1, л. 304—311.

³⁾ А. М. Ю., кн. № 963.

⁴⁾ А. М. И. Д., по Олонцу № 1.

⁵⁾ А. М. Ю., кн. № 963.

анбаровъ — всего среднихъ людей 7 анбаровъ“; да анбары стоятъ на землѣ Хутынскаго монастыря—всего среднихъ людей 16 амбаровъ (оброкъ царю)¹⁾.

По описи 1583 г. на Вытегорскомъ погостѣ, кромѣ церковныхъ дворовъ и 20 келей нищихъ старицъ, было: 1 лавка живущая „тутошнихъ людей, а торгуютъ всякимъ товаромъ“, да 5 лавокъ пусты....; „да на погостѣ жъ амбары стоятъ на в. князя землѣ на р. Вытегрѣ тутошнихъ царя и в. князя крестьянъ, а въ нихъ сыплютъ хлѣбъ и соль и всякой товаръ кладутъ тутошніе крестьяне и пріѣзжіе торговые люди“—всего 4 анб. да 3 анб. пусты; да на мон. Хутынскаго землѣ 2 анбара живущихъ да 4 анбара пусты (оброкъ царю)²⁾.

Въ погостѣ Никольскомъ Андомскомъ по описи 1566 г., кромѣ 2 дворовъ монастырскихъ, 7 церковныхъ и 31 кельи старцевъ и старицъ, было 7 дворовъ бобыльскихъ безпашенныхъ и дворъ таможенной („русиновскій“), „а въ немъ живутъ таможники“³⁾. Въ 1583 г. въ немъ было кромѣ дворовъ церковныхъ и келей нищихъ и монахинь, для 17 дворовъ бобыльскихъ и 4 кельи разныхъ монастырей на пріѣздъ, но о таможенномъ дворѣ не упоминается⁴⁾.

Къ рядкамъ втораго вида по описи 1583 г. принадлежали.

„Слободка Вежице (въ помѣстьи) стала послѣ писма (прежняго), а живутъ въ ней не пашенные торговые люди“—8 дв. (8 чел.) (оброкъ царю)⁵⁾.

Пустое село Грузино Деревяницкаго монастыря, а въ немъ было: 8 дв. церковныхъ, 15 келей и 8, дв. а жили въ нихъ нищіе, да дворъ зеленой да дворъ пушкарской, да 1 дворъ пустъ ставленъ на пріѣздъ выборнымъ головамъ, да 43 дв., „а жили въ нихъ мастеровые люди и торговые середніе люди, торговали мелкими товарами“⁶⁾.

Наконецъ, къ рядкамъ третьяго вида относятся также два поселка—погосты Шуйскій и Шальскій.

Погостъ Никольскій на р. Шуѣ по описи 1566 г. состоялъ изъ 1 кельи игумена, 9 келей старцевъ и 3 келей старицъ; „а на погостѣ Шуѣ прибыло анбаровъ, а въ нихъ торгуютъ пріѣзжая Ноугородцы и тутошніе жилцы всякимъ мягкимъ товаромъ“—всего 6 анбаровъ (об-

¹⁾ А. М. И. Д., по Олонцу № 1.

²⁾ А. М. Ю., кн. № 963.

³⁾ А. М. И. Д., по Олонцу № 1.

⁴⁾ А. М. Ю., кн. № 963.

⁵⁾ А. М. Ю., кн. № 963, л. 65.

⁶⁾ А. М. Ю., кн. № 963; *Неволинъ*, Пят., прил. стр. 140.

рокъ царю); „да за монастыремъ 1 дворъ середняго да 1 дворъ „добраго челоуѣка, а у него амбаръ. А въ тѣхъ у нихъ амбарахъ мягкая руклядь новгородская всякая и хмѣль и рыба и соль“ ¹⁾ Въ описи 1583 г. при погостѣ не значится никакихъ торговыхъ зданій и жителей, кромѣ церковныхъ дворовъ ²⁾).

Погость Спасской на р. Шалѣ по описи 1566 г. принадлежалъ къ типу рядковъ перваго вида и имѣлъ: 1 келью игумена, 14 келей старцевъ и 6 келей старицы; „да на погостѣ жъ амбарцы молодыхъ людей (а торгуютъ рыбою и мелкими товарами) царя и в. князя крестьянъ“ — всего 11 амбаровъ ³⁾. Но въ 1583 г. въ немъ было уже: 6 дворовъ торговыхъ людей, „а торгуютъ всякимъ товаромъ—рыбою и отъѣзжая“, 1 дв. монастырскій и 3 дв. бобыльскихъ безпашенныхъ, да 1 дв. таможенный и 11 амбаровъ, „а торгуютъ въ нихъ рыбою и солью и всякимъ мелкимъ товаромъ“ (оброкъ царю) ⁴⁾.

Итакъ, въ Обонежской пятинѣ было 9 поселковъ съ рядовскимъ характеромъ, и изъ нихъ только въ одномъ (с. Грузинѣ) встрѣчаются мастерские люди: остальные 8 были исключительно торговыми.

Но даже и въ тѣхъ пятинахъ, въ которыхъ, какъ въ Бѣжецкой и Водской, достаточно было, по видимому, рядковъ собственно такъ называемыхъ, встрѣчается не мало поселковъ съ ихъ характеромъ, но безъ ихъ имени. Не пашенный элементъ вообще былъ сравнительно довольно сильно развитъ въ населеніи Бѣжецкой, Водской и Деревской пятинъ, но онъ въ значительной степени падаетъ на долю бобыльскаго населенія, жившаго вольно-наемнымъ трудомъ и только отчасти промыслами. Потому, мы здѣсь отмѣтимъ только тѣ изъ поселковъ, которые по своему составу принадлежали несомнѣнно къ числу рядовскихъ.

Къ рядкамъ перваго вида въ Бѣжецкой пятинѣ могутъ быть отнесены 5 поселковъ: погосты Бродскій, Коства и Воскресенскій Осѣченскій и монастыри Кушеверскій и Рождественскій. Погость Егорьевскій въ Бродахъ по описи 1581—1582 г. состоялъ изъ 6 дв. церковныхъ и 5 келей нищихъ, „да на церковной землѣ 7 лавокъ“ (оброкъ съ сихъ къ погосту) ⁵⁾. Погость Коства по описи 1551 г. со-

¹⁾ А. М. И. Д., по Олонцу № 1, л. 197—198.

²⁾ А. М. Ю., кн. № 963, л. 933.

³⁾ А. М. И. Д., по Олонцу № 1.

⁴⁾ А. М. Ю., кн. № 963.

⁵⁾ А. М. Ю., кн. № 961.

стоялъ изъ 7 дв. церковныхъ и 4 дв. бобыльскихъ; да на погостѣ же было 2 лавки окрестныхъ крестьянъ ¹⁾. Въ Кушеверскомъ монастырѣ по описи 1581—82 г. было 4 кельи монашескихъ, дворець конюшенный, дворець коровей и дворець, а въ немъ живутъ монастырскіе дѣтеныши, да дворъ гостинный ²⁾.

Въ Петровскомъ и Борисоглѣбскомъ погостѣ въ Боровичахъ Рождественскій монастырь по описи 1581—1582 г. имѣлъ 2 кельи монашескихъ пустыхъ, келья чернаго дьякона и келья братская, да за монастыремъ 5 дв. церковныхъ, да бобыльскихъ 3 дв. (изъ нихъ 1 сѣдельникъ) да пустыхъ дворовъ мон., церк. и боб. 21 дв. „Да на монастыри жъ 12 лавокъ пусты да за монастыремъ 2 лавки пусты, а въ нихъ пріѣзжая торгуютъ Ноугородцы въ осенинахъ по три праздника: на Рождество Пречистыя, да на Николинъ день, да на Покровъ св. Богородицы, а оброну даютъ Рождеству на темьянъ и на ладонь и на свѣчи“ ³⁾.

Въ Осѣченской волости Воскресенскій погостъ на оз. Судомли и на Клецимѣ съ 5 дв. церковными 4 кельями нищихъ, 1 дв. волостнымъ, 1 дв. таможеннымъ, съ 20 дворцами (24 чел.) бобыльскими не пашенными; „дана погостѣ жъ у Воскресенья торгъ, а торгуютъ по воскресеньямъ одиново въ недѣлю мелкими товары—хлѣбы и галачи и солью и мыломъ, а пріѣзжаютъ торговые люди изъ Торжку, а тутошніе дворные люди (имѣютъ) 5 лавокъ... а торгуютъ въ нихъ по воскресеньямъ пріѣзжіе и тутошніе люди; а ставили тѣ лавки дворцовыя Осѣченскія волости крестьяне“ (оброкъ сходитъ съ лавки по 2 алт.) ⁴⁾.

Въ Водской пятинѣ къ рядкамъ перваго вида принадлежалъ по описи 1569 г. одинъ только монастырь Богоявленскій на р. Веряжѣ, при которомъ былъ дворъ гостинъ ⁵⁾.

Въ Деревской пятинѣ не видно ни одного поселка этого вида.

Къ рядкамъ втораго вида въ Бѣжецкой пятинѣ по описи 1582—1583 г. можно отнести одинъ только погостъ на Козловѣ на р. Судомлѣ въ Плавахъ, а въ немъ было 4 дв. церковныхъ, 8 келей нищихъ и 13 дв. не пашенныхъ ⁶⁾.

Въ Водской пятинѣ къ рядкамъ втораго вида принадлежало 5 поселковъ: 3 погоста, 1 сельцо и Васильевскій островъ. Погостъ Ми-

¹⁾ А. М. И. Д., по Новгор. № 10.

²⁾ А. М. Ю., кн. № 961.

³⁾ А. М. Ю., кн. № 962.

⁴⁾ А. М. Ю., кн. 964; *Несоминъ*, Пят., прил., стр. 359.

⁵⁾ А. М. И. Д., по Новг. № 7, л. 44.

⁶⁾ А. М. Ю., кн. № 964.

хайловскій Сакульскій по описи 1569 г. имѣлъ 8 дв. церковныхъ и 3 дв. старцевъ; „на погостѣ жъ дворы торговыхъ и мастеровыхъ людей стоять на церковной землѣ, а нынѣ отписаны на цари и в. князя и положенъ на нихъ оброкъ“—всего 15 дв. (19 чел.) (изъ нихъ 2 сапожника, 1 портной мастеръ, 1 плотникъ, 4 япанечника и 1 жерновникъ), а имъ дано подъ огороды церковнаго лугу въ длину 35 саж., а попер. 4 саж. ¹⁾.—Погостъ Михайловскій на Порогѣ по описи 1500 г. имѣлъ 2 дв. церк., да в. князя оброчныхъ 6 дв. (12 чел.) пашенныхъ да 6 дв. (6 чел.) не пашенныхъ ²⁾.—Погостъ Никольскій Ижерскій въ 1500 г. былъ съ 3 дв. церковными; „да на церковной жъ землѣ 1 дв. торговой человекъ безъ пашни, даетъ попу 2 гривенки темьяну позему; да онъ же даетъ и рядовичи, что у Клѣти на р. Ижерѣ, въ ихъ оброкъ 2 деньга“ ³⁾. Сельцо на усть Охты на Невѣ по описи 1500 г. имѣло 4 дв. (7 чел.) пашенныхъ, а не пашенныхъ людей поземщиковъ 14 дв. (15 чел.) ⁴⁾. На Васильевѣ островѣ на устьѣ Невы по описи 1500 г.: в. князя ловцы, а пашни у нихъ есть,—пашенныхъ 5 дв. (7 чел.), а не пашенныхъ ловцовъ поземщиковъ 9 дв. (10 чел.) ⁵⁾; за кн. А. А. Ростовскимъ - Хохолковымъ 8 дв. (10 чел.) пашенныхъ, а не пашенныхъ 7 дв. (7 чел.) поземщиковъ; всего пашенныхъ 13, а не пашенныхъ 16 дв. ⁶⁾. Въ 1546 г. на немъ было два оброчныхъ двора (по ст. письму 4 дв.) по платежу ямчуги приписанныхъ къ р. Клѣти ⁶⁾. Кроме того на пристаняхъ Коневского монастыря по описи 1500 г. жило не пашенныхъ людей рыбныхъ ловцовъ и перевозчиковъ 17 дв. (было по ст. письму 4 дв.) ⁷⁾.

Въ Деревской пятинѣ было нѣсколько погостовъ съ не пашенными дворами — особенно погосты Буховской (4 дв. пашенныхъ, 12 дв. не пашенныхъ ⁸⁾), Устьяны (9 дв. пашенныхъ, 9 не пашенныхъ ⁹⁾), Жабенскій (5 дв. пашенныхъ, 4 не пашенныхъ ¹⁰⁾), сельцо Тулитово (5

¹⁾ А. М. И. Д. по Новг. № 7, л. 596—599.

²⁾ *Временникъ*, кн. II, стр. 91 и 95.

³⁾ Тамъ же, стр. 341.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 120.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 344.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 372.

⁷⁾ Акты Арх. Эксп., I, 205.

⁸⁾ А. М. И. Д. по Новг. № 7, л. 672—673.

⁹⁾ *Неволинъ*, Пят., прил. стр. 211.

¹⁰⁾ Тамъ же, стр. 204.

дв. пашенныхъ, 10 не пашенныхъ ¹⁾ и мн. др., но неизвѣстно, къмъ они были населены: бобылями или людьми ремесленными, торговыми и рыболовами.

Къ рядкамъ третьяго вида только въ одной Бѣжецкой пятинѣ по описи 1582—1583 гг. можно отнести одинъ погостъ—Тростны. Погостъ Михайловскій Тростны на р. Тифинѣ съ 3 дв. церковными и 2 кельями нищихъ; „да на погостѣ жъ на церковной землѣ дворы, а живутъ въ нихъ не пашенные люди 8 дв., да 6 дв. ихъ пусты (разошлись въ 1581—1582 г. безвѣстно) (оброкъ съ дворовъ—къ церкви); на погостѣ жъ въ Тростныхъ лавки были торговыхъ людей, а нынѣ стоятъ пусты“—всего 5 лавокъ да 2 анбара, да во дворехъ 4 лавки да 25 мѣстъ лавочныхъ.. На погостѣ жъ за серебрянымъ мастеромъ за Клеусомъ Севастьяновымъ (велѣно ему дати взявъ 7 нѣмецкихъ городовъ помощниковъ—у И. Медюкова съ сыномъ и племянники)... всего 14 дворцовъ безпашенныхъ, да 11 дв. безпашенныхъ пустыхъ“. Да въ Тростныхъ же 3 слободки ставлены на помѣстной землѣ.

Въ Водской и Деревской пятинахъ совсѣмъ не было поселковъ, которые можно было бы отнести къ типу рядковъ третьяго вида.

Нельзя, конечно, думать, что собранныя нами данныя вполнѣ выражаютъ количество промышленно-торговыхъ силъ волостей Новгородской области. Мы принимали въ соображеніе только тѣ изъ поселковъ, которые представляютъ по составу своего населенія сгруппированные пункты торгово-промышленныхъ силъ и выдѣляются изъ массы остальныхъ волостныхъ поселковъ именно тѣмъ, что въ нихъ оказываются сгруппированными тѣ самыя силы, которыя въ остальныхъ поселкахъ представляются разбѣянными и теряющимися въ массѣ земледѣльческаго населенія. Послѣднихъ было, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, также не мало, особенно въ Деревской и Бѣжецкой пятинахъ; но такъ какъ они не выдѣлялись количественно изъ земледѣльческаго населенія, то писцы и обозначали ихъ просто именемъ не пашенныхъ тяглыхъ или не пашенныхъ бобыльскихъ дворовъ безъ ближайшаго опредѣленія ихъ занятій.

Но и данныя о поселкахъ съ сгруппированными торгово-промышленными силами нельзя считать вполнѣ выражающими количество этихъ силъ въ каждой пятинѣ порознь. Только данныя, касающіяся Водской, Обонежской и Бѣжецкой пятинъ, могутъ быть названы при-

¹⁾ Тамъ же, стр. 228.

близительно полно выражающими дѣйствительное количество торгово-промышленнаго населенія волостей, такъ какъ отъ этихъ пятинъ дошли до насъ довольно обстоятельныя описи въ полномъ ихъ составѣ, хотя и разныхъ годовъ. Данныя же, касающіяся Шелонской и Деревской пятинъ, можно назвать вполне случайными, такъ какъ ни за одинъ годъ не существуетъ полной описи этихъ пятинъ, и цифры, приводимыя нами, взяты изъ отрывочныхъ описей, производившихся въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ пятинъ, въ разное время и съ различными дѣлями, руководившими и самымъ подборомъ явленій, заносимыхъ въ опись. Но не смотря на неполноту, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, случайность данныхъ, они имѣютъ очень важное значеніе въ томъ отношеніи, что даютъ понятіе объ общемъ характерѣ торгово-промышленныхъ поселковъ въ отдѣльныхъ волостяхъ, какъ и о самой степени развитія промышленно-торговой дѣятельности волостей въ разные періоды времени.

Всего 75 торгово-промышленныхъ поселковъ, распредѣлявшихся такимъ образомъ: 12 поселковъ перваго вида, изъ которыхъ на долю Водской пятины приходился 1, Обонежской—5 и Бѣжецкой—7 поселковъ, а на долю Шелонской и Деревской—ни одного; 38 поселковъ втораго вида, изъ которыхъ на долю Водской пятины приходилось 14, Обонежской—4, Бѣжецкой—9, Шелонской—7 и Деревской—4 поселковъ, и 24 поселка третьяго вида, изъ которыхъ на долю Водской пятины приходилось 2, Обонежской—4, Бѣжецкой—7, Шелонской—3 и Деревской—8 поселковъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе XVI вѣка въ разные годы его въ пятинахъ было: въ Водской пятинѣ 1 поселокъ перваго вида, 14—втораго вида и 2—третьяго, то-есть, изъ 17 рядовскихъ поселковъ 14 не имѣли совсѣмъ торговыхъ зданій; въ Обонежской пятинѣ 5 поселковъ перваго вида, 4—втораго и 4—третьяго, то-есть, изъ 13 рядовскихъ поселковъ только 4 не имѣли торговыхъ зданій; въ Бѣжецкой пятинѣ 7 поселковъ перваго вида, 9—втораго и 7—третьяго, то-есть, изъ 23 рядовскихъ поселковъ всего 9 не имѣли торговыхъ зданій; въ Шелонской пятинѣ ни одного поселка перваго вида, 7—втораго и 3—третьяго, то-есть, изъ 10 рядовскихъ поселковъ 7 не имѣли торговыхъ зданій; въ Деревской пятинѣ также ни одного поселка перваго вида, 4—втораго и 8—третьяго, то-есть, изъ 12 рядовскихъ поселковъ всего 4 не имѣли торговыхъ зданій. Отсюда видѣнъ общій характеръ рядовскихъ поселковъ каждой изъ пятинъ отдѣльно; такихъ поселковъ считалось:

	Безъ торговыхъ зданій.	и	Съ торговыми зданіями.
Въ Водской.	около 82 ^o / _o		около 18 ^o / _o
„ Обонежской.	„ 31 ^o / _o	„	„ 69 ^o / _o
„ Бѣжецкой.	„ 39 ^o / _o	„	„ 61 ^o / _o
„ Шелонской.	„ 70 ^o / _o	„	„ 30 ^o / _o
„ Деревской.	„ 33 ^o / _o	„	„ 67 ^o / _o

Такимъ образомъ, въ Деревской, Бѣжецкой и Обонежской пятинахъ рядовскихъ поселковъ съ торговыми зданіями было вдвое (61—69) больше, чѣмъ рядовскихъ поселковъ безъ торговыхъ зданій (31—39), а въ Водской и Шелонской пятинахъ, наоборотъ, рядовскихъ поселковъ безъ торговыхъ зданій было въ 2¹/₂ — 4¹/₂ раза больше, чѣмъ рядовскихъ поселковъ съ торговыми зданіями. Эта противоположность обнаруживается еще ярче изъ сравненія самаго количества торговыхъ зданій обоихъ половинъ въ поселкахъ, которые имѣли ихъ. Въ разное время въ продолженіе XVI вѣка въ Шелонской и Водской пятинахъ, не считая Новой Русы, было 45—48 торговыхъ зданій, при 118—123 дворахъ, то-есть, немного болѣе 2¹/₂ дворовъ на 1 торговае зданіе. Если мы положимъ на Новую Русу ровно по 2 двора на 1 торговое зданіе, то въ Новой Русѣ было около 60—65 торговыхъ зданій; а всего въ Шелонской и Водской пятинахъ въ разное время въ продолженіе XVI вѣка перебивало около 179—189 торговыхъ зданій на всѣ 27 поселковъ, числившихся въ этихъ пятинахъ. Между тѣмъ только въ Обонежской и Бѣжецкой пятинахъ, не считая Деревской, за то же время было отъ 530—366 торговыхъ зданій на всѣ 36 рядовскихъ поселковъ. Если для Деревской пятины мы приѣмемъ отношеніе количества торговыхъ зданій по количеству дворовъ, то же, какое и для Новой Русы, то-есть, 2 двора на 1 торговое зданіе (дальше мы увидимъ, что это — нормальное отношеніе въ рядовскихъ поселкахъ по р. Мстѣ), то въ ней должно было быть около 230—170 торговыхъ мѣстъ. Значитъ, во всей восточной половинѣ Новгородской области, обнимающей пятины Обонежскую, Бѣжецкую и Деревскую, можно полагать для XVI вѣка около 760 — 530 торговыхъ зданій на 48 рядовскихъ поселковъ, то-есть, сравнительно съ Шелонскою и Водскою пятинами поселковъ было почти вдвое больше, а торговыхъ зданій — втрое и четверо.

Изъ этихъ цифръ видно, что характеръ рядовскихъ поселковъ западной половины Новгородской области (Шелонской и Водской пятины) былъ по преимуществу промышленный, характеръ же рядовскихъ

поселковъ восточной половины—по преимуществу торговыхъ. Ближайшій осмотръ состава рядовскаго населенія наглядно убѣждаетъ въ вѣрности этого положенія. Для большей точности (конечно, только относительной) мы исключимъ изъ разчетовъ всѣ поселки съ неопредѣленнымъ населеніемъ.

Все населеніе рядовскихъ поселковъ, какъ видно изъ подробныхъ описей ихъ, распадается на три разряда: 1) пашенныхъ людей, 2) рыболововъ и 3) людей мастеровыхъ и торговыхъ, съ примѣсю въ двухъ поселкахъ извошниковъ. Гдѣ третій разрядъ смѣшанъ въ описи съ пашеннымъ или рыболовческимъ населеніемъ, тамъ мы опредѣляли его количество по количеству торговыхъ зданій.

Въ Шелонской пятинѣ по описи 1500 г. было въ погостѣ Ужинскомъ 50 дв. рыболововъ пашенныхъ, въ п. Взвадѣ 112 дв. рыболововъ не пашенныхъ, въ погостѣ Голинскомъ 29 дв. рыб. не паш. и 19 дв. паш.; въ погостахъ Опоцкомъ, Дубровенскомъ и Березскомъ было 26 дв. торговыхъ и мастеровыхъ людей; по описи 1584 г. въ Пожеревицкомъ и Карачуницкомъ погостахъ было 27 дв. третьяго разряда.

Въ Водской пятинѣ по описи 1469 г. въ рядкахъ Лиднѣ, Креницахъ, Черномъ, С. Вельцѣ, М. Вельцѣ, Кобонѣ и Дубиѣ было 125 дв. рыболововъ безпаш., 10 дв. паш., 19 двор. торговыхъ людей; по описи 1500 года въ рядкахъ Клѣтахъ, Сванскомъ Волочкѣ, п. М.: Порожскомъ, п. Ижорскій, с. Охтѣ, Васильевскомъ Островѣ и пристаняхъ Коньскаго монастыря было 10 дв. паш., 13 дв. паш. рыб., 84 дв. рыб. не паш., 33 дв. маст. и торг. людей; по описи 1569 г. въ погостѣ Сакульскомъ было 15 дв. маст. и торг. людей.

Въ Обонежской пятинѣ до 1582 г. въ р. Межуровѣ было 22 дв. крестьянъ не паш. и рыбныхъ ловцовъ; по сдѣланному нами выше разчету, рыбныхъ ловцовъ пашенныхъ было около 3 дворовъ, остальные 19 дв. относятся къ третьему разряду; въ рядкѣ Хутынскаго монастыря 12 дв. третьяго разряда; въ р. Сермакахъ 47 дв., изъ нихъ 24 дв. торг. людей, 23 — мастеровыхъ и рыболовей; если предположимъ, что послѣднихъ было пополамъ — 10 дв. маст. и 13 рыб., то будетъ 13 дв. не паш. рыб. и 34 дв. третьяго разряда. Въ сл. Вещицахъ, с. Грузинѣ и погостахъ Шуйскомъ и Шальскомъ было 59 дв. торг. и маст. людей; въ посадѣ Гихвинскомъ 75 дв. 3 разряда.

Въ Бѣжецкой пятинѣ 3 рядка пашенныхъ имѣли 54 дв., Моркиначи и Богородицкой Бѣлый 6 дв. третьяго разряда. По описи 1582 — 1583 гг. въ Волочкѣ Держковѣ было $5\frac{1}{4}$ дв. (было 35 дв.)

паш., въ Боровичахъ, Вышнемъ Волочкѣ и Вѣломъ было $15\frac{1}{2}$ дв. паш. и 66 дв. торг. и маст. людей (было всего 156 дв.). Въ рядку Котлованѣ было 31 дв. третьяго разряда; п. Тростны — 22 дв. третьяго разряда; въ посадѣ Пятницкомъ 2 дв. третьяго разряда.

Такимъ образомъ въ продолженіе XVI вѣка было въ:

		Д в о р ы			
		Пашен- ныхъ людей.	Рыболововъ пашен- ныхъ.	не пашен- ныхъ.	Торговыхъ и масте- ровыхъ людей.
Шелонской вт.	8 поселкахъ	19	90	141	53
Водской >	15 >	20	13	209	67
Обонежской >	8 >	—	3	18	199
Бѣлицкой >	12 >	75	—	—	127
		114	106	363	446
		469			

Изъ этой таблицы видно, что въ Шелонской и Водской пятинахъ пашенныхъ считалось 39 дв., рыболововъ пашенныхъ и не пашенныхъ 453 дв., а торговыхъ и мастеровыхъ людей 120 дв., то есть, пашенные составляли около $6\frac{1}{2}\%$, рыболовы— 74% , а торговые и мастеровые люди—около $19\frac{1}{2}\%$ всего населенія 23 поселковъ. Между тѣмъ въ Обонежской и Бѣжецкой пятинахъ считалось 75 дв. пашенныхъ, 16 дв. рыболововъ пашенныхъ и не пашенныхъ и 326 дв. торговыхъ и мастеровыхъ людей, то есть, пашенные составляли 18% , рыболовы—около 4% , а торговые и мастеровые люди— 78% населенія 20 поселковъ. Такимъ образомъ восточная и западная половины Новгородской области по характеру занятій рядовскаго населенія представляютъ полную противоположность другъ другу: въ западной приходится: рыболововъ — 74% , торговыхъ и мастеровыхъ людей — $19\frac{1}{2}\%$, а пашеннаго населенія — $6\frac{1}{2}\%$; въ восточной оказывается: рыболововъ — 4% , торговцевъ и мастеровыхъ — 78% , а пашеннаго населенія — 18% . Рядовское населеніе западной половины почти *исключительно* состояло изъ рыболововъ, а рядовское населеніе восточной половины почти *исключительно* — изъ торговыхъ и ремесленныхъ людей.

Введеніе въ расчетъ пропущенныхъ, по причинѣ неопредѣленности занятій жителей, поселковъ всѣхъ четырехъ пятинъ можетъ только усилить эти впечатлѣнія полной противоположности, такъ какъ въ Шелонской и Водской пятинахъ пропущено всего 4 поселка съ населеніемъ въ 134—150 дв., тогда какъ въ Обонежской и Бѣжец-

кой пятинахъ пропущено 12 поселковъ исключительно торговыхъ съ 496—245 торговыми зданіями, которые уже своимъ количествомъ показываютъ на преимущественное развитіе въ этихъ пятинахъ торговой дѣятельности.

Такимъ образомъ, сравненіе западной половины Новгородской области съ восточною по количеству рядовскихъ поселковъ съ торговыми зданіями сравнительно съ количествомъ рядовскихъ поселковъ безъ торговыхъ зданій, по количеству самыхъ торговыхъ зданій въ рядовскихъ поселкахъ той и другой половины, и наконецъ, по составу населенія поселковъ убѣждаетъ насъ, что характеръ рядовскаго населенія двухъ половинокъ представляетъ полную противоположность, не смотря даже на то, что процентныя отношенія, выражающія эту противоположность, не могутъ быть названы вполне точными и свободными отъ произвольнаго толкованія. Одна только область точно опредѣленнаго и извѣстнаго можетъ твердо констатировать фактъ противоположности Шелонской и Водской пятинъ остальнымъ тремъ восточнымъ пятинамъ, такъ какъ, за вычетомъ рядковъ съ неясно опредѣленными занятіями населенія, каковы Сермаки, Богородицкой Бѣлый и Котлованъ (съ 79 дв.), процентное отношеніе все-таки мало измѣняется: въ восточной половинѣ окажется 73% торговыхъ и мастеровыхъ людей, 22% пашеннаго населенія, и 5% рыболововъ; а въ западной половинѣ будетъ 19½% торговцевъ и мастеровыхъ, 6½% пащенныхъ людей и 74% рыболововъ.

Эта противоположность двухъ половинокъ Новгородской области по характеру рядовскихъ поселковъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ распредѣленіемъ торговыхъ путей по пятинамъ и со степенью оживленности торговыхъ сношеній по нимъ. Водской патиной принадлежалъ исключительно передаточный торговый путь изъ Балтійскаго моря въ рѣки Волховъ и Свирь (при незначительномъ участіи Обонежской пятинны, измѣряемомъ разстояніемъ между Свирью и Волховомъ, которое было около 69 верстъ ¹⁾); Обонежской патиной исключительно — торговый путь на Сѣверную Двину; Обонежской и Водской патинамъ совмѣстно — торговый путь по р. Волхову; Бѣжецкой и Деревской патинамъ (на протяженіи 99 верстъ и Обонежской) совмѣстно — торговый путь по р. Мстѣ; наконецъ, Шелонской патиной исключительно — торговый путь по р. Шелони въ Псковъ. Рѣка Луга

¹⁾ Списки населенныхъ мѣстъ С.-Петербургской губ., № 3228: Сермакса отъ Новой Ладоги съ 69 верстахъ.

несомнѣнно, а р. Ловать вѣроятно служили также торговыми путями, но какъ полныхъ описей Шелонской и Деревской пятины не сохранилось, то мы и не знаемъ, были ли по нимъ рядовскіе поселки.

Если разсмотримъ характеръ рядовскихъ поселковъ и степень ихъ населенности по каждому изъ этихъ торговыхъ путей, то получимъ ясное понятіе, съ одной стороны, о размѣрахъ торговаго движенія каждаго изъ этихъ путей сравнительно съ прочими, съ другой — о самомъ вліяніи ихъ на характеръ расположенныхъ при нихъ поселковъ.

Наиболѣе выдѣленнымъ отъ другихъ — былъ торговый путь, пролежавшій чрезъ Обонежскую пятину на Сѣверную Двину. Этотъ путь былъ въ двухъ отношеніяхъ весьма важенъ для Новгорода: 1) по торговымъ сношеніямъ собственно съ Обонежскою пятиною, гдѣ, какъ видно изъ описи, Новгородцы главнымъ образомъ запасались мѣхами: этотъ товаръ здѣсь получилъ даже и названіе „Ноугородское“ („держать товаръ всякой мягкой ноугородской тутошнихъ люди; мягкая рухлядь всяка ноугородская“). Для мѣнновой торговли здѣсь были открыты слѣдующіе рынки:

	1566	1582 — 1583	
		по вѣсному отарому	новому
Рядокъ Сермаки на р. Свири		{ 47 дв.	18 дв. торг.
близъ Ладожскаго озера	—		
На озерѣ Онежскомъ: погосты:	2 дв. торг.		6 дв. торг.
Новвѣнецкій, Вытегорскій, Ан-	109 торг. зд.	—	63 торг. зд.
домскій Шуйскій Шальскій и	—	—	1 дв. гост.
монастырь Климецкой	1 дв. тамож.	—	1 дв. тамож.
			24 дв.

Такимъ образомъ торговый путь Обонежской пятины, пройдя 180 верстъ р. Свирью ¹⁾, вступалъ въ Онежское озеро, служившее главнымъ рынкомъ Новгородцевъ въ мѣнновой торговлѣ ихъ съ туземцами. По главнымъ развѣтвленіямъ озера было расположено 6 рынковъ съ 109—63 торговыми зданіями для складки и распродажи товаровъ—хлѣба, соли, хмѣля, мягкой рухляди и пр.

Вовторыхъ, этотъ путь важенъ былъ для Новгорода, какъ наиболѣе удобное средство торговыхъ сношеній его съ Сѣверною Двиною. Русскимъ онъ былъ извѣстенъ еще въ XV вѣкѣ: въ 1496 г. писецъ Сабуровъ пооброчилъ волочекъ, служившій перепутьемъ между этимъ путемъ и рѣками Онегой и Сѣверною Двиною. Но иностранцамъ онъ

¹⁾ Пушкиревъ, Олон. губ., стр. 21.

былъ, кажется, совсѣмъ неизвѣстенъ. По крайней мѣрѣ баронъ Герберштейнъ, описывая путешествіе толмача Григорія Истома, отправившагося въ 1496 г. въ Данію чрезъ Новгородъ, Обонежскую пятину, устья Сѣверной Двины, Бѣлое море и т. д., совсѣмъ не знаетъ, какъ онъ добрался до послѣдняго и только замѣчаетъ: „Сперва“ (Истома съ посольствомъ) прибыли изъ Новгорода къ устьямъ Двины и къ Potivulo очень трудною дорогою. Истома говорилъ, что этотъ путь, который онъ никогда не перестаетъ клясть за перенесенныя во время его непріятности и труды, тянется 300 миль“¹⁾. О посредствующихъ звеньяхъ пути изъ Новгорода на Сѣверную Двину Герберштейнъ умалчиваетъ—конечно, потому, что не зналъ ихъ. Писцовыя книги 1566 и 1583 гг. дають возможность знать и эти звенья. Въ первой изъ нихъ находится такое мѣсто: „Погость Водлозерскій за Онегомъ. На Мышьихъ Черевехъ волочекъ Кенской“²⁾, а чрезъ тотъ волочекъ торговые люди Ноугородской земли ходятъ съ товаромъ въ Заволоцкую землю и изъ Заволоцкія земли въ Ноугородскія земли водянымъ путемъ въ судахъ; а великаго князя крестьяне той волости на Мышьихъ Черевехъ чрезъ тотъ волочекъ товаръ волочатъ изъ найму, а найму емлютъ 3 беремени по денгѣ (а на тотъ волочокъ писецъ Ю. К. Сабуровъ (1496 г.) положилъ оброку 4 гривны). И тотъ волочекъ нынче путь, а гости тою дорогою не ѣздятъ: ѣздятъ новою дорогою“³⁾. Чтобы добраться до р. Мышьихъ Черевъ изъ Новгорода, нужно предварительно пройти уже описанный нами путь и изъ озера Онеги подняться р. Водлой до соединенія ея съ р. Мышьими Черевами. Дальнѣйшій путь на Сѣверную Двину современнымъ исследователемъ описывается такъ: „Обыкновенно для плаванія въ Двину изъ Водлы поднимаются вверхъ по Череву, потомъ перевозятъ товары и суда сухимъ путемъ до озера Волошева; изъ него суда идутъ по р. Волошѣ, по озеру Свиному, р. Почѣ, озеру Кену и р. Кенѣ, впадающей въ р. Онегу, по коей суда достигаютъ до пристани Маркомусы; потомъ товары перевозятся сухимъ путемъ до пристани Шелеховской на р. Ельцѣ, по которой уже слѣдуютъ въ р. Двину“⁴⁾. Однако, судя по названію волочка Кенскимъ, можно предполагать, что въ древности онъ былъ гораздо длиннѣе: по види-

¹⁾ Записки о Московіи, стр. 174—175.

²⁾ Въ подлинникѣ: *Кемжой*. Считаемо ошибкой, такъ какъ очевидно происхождение названія волочка отъ Кенозера, которымъ онъ оканчивался.

³⁾ А. М. И. Д. по Олонцу, № 1, л. 412.

⁴⁾ *Пушкаревъ*, Олонецкая губ., стр. 23—24.

тому, онъ шелъ отъ р. Черевы не до озера Волошева, а до озера и рѣки Кены, обходя озеро Волошево, р. Волошу, озеро Свиное, р. Почь, и вступающая непосредственно въ Кенозеро и чрезъ р. Кену въ р. Онегу и далѣе. Во всякомъ случаѣ этотъ путь и въ настоящее время очень труденъ: кромѣ двухъ волоковъ, на пути встрѣчаютъ, начиная отъ Пудожа, болѣе десяти пороговъ, изъ которыхъ нѣкоторые „громадны“, какъ напримѣръ, Мышы Черевы, Сиговець, Гладкинскій и др.¹⁾ Быть можетъ, вслѣдствіе именно этихъ трудностей, на которыя жаловался и Истома, этотъ путь еще до 1566 г. былъ оставленъ торговыми людьми и найденъ другой, болѣе удобный и близкій, который описывается въ писцовой книгѣ Заонежской половины 1582—1583 г.²⁾

„Погостъ Покровскій на Вытегрѣ. Въ томъ погостѣ на Вытегрѣ Нѣмецкой волочекъ, а воятъ на немъ соль и всякій товаръ государевы и царевы и в. князя и монастырскіе крестьяне Покровскаго погоста—съ Гостина берега до Гостина берегу 40 верстъ; а иные крестьяне, опричь тѣхъ государевыхъ и монастырскихъ крестьянъ, никто волоку не возить“ (оброкъ съ волока платятъ въ Великомъ Новгородѣ). Судя по тому, что Герберштейну около 1517—1525 г. совсѣмъ не былъ извѣстенъ путь (первый) изъ Великаго Новгорода на Сѣверную Двину, между тѣмъ какъ только описанный названъ *Нѣмецкимъ* — названіе, показывающее, что этотъ путь былъ главнымъ въ торговыхъ сношеніяхъ Нѣмцевъ съ Сѣверною Двиною,—открытіе этого послѣдняго пути должно быть приурочено къ началу Бѣломорской торговли, то есть ко времени около 1553—1555 гг., когда къ устью св. Николая потянулись Англичане — чрезъ Сѣверный океанъ и Бѣлое море, а Нѣмцы — чрезъ Новгородскія владѣнія по новгородскому водному пути. По крайней мѣрѣ въ 80-хъ годахъ XVI в. этотъ путь былъ хорошо, хотя и не совсѣмъ точно, извѣстенъ иностранцамъ. У Флетчера встрѣчается такое мѣсто: „Онега встрѣчается выше города Каргополя съ Волокомъ (Voloock), который впадаетъ въ Финскій заливъ близъ Ямы. Такимъ образомъ, отъ порта св. Николая можно, какъ дѣлаютъ это Русскіе, дойти водою до Финскаго залива и оттуда въ Зундскій проливъ“³⁾. Очевидно, Флетчеръ принялъ *Волокъ* за названіе рѣки, впадающей въ Финскій заливъ. Для насъ важно указаніе, что этотъ волокъ встрѣчается съ р. Онегой *выше* г. Каргополя. Выше г. Каргополя

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ А. М. Ю., кн. № 963; *Неволики*: Пятинъ, прил., стр. 176.

³⁾ La Russie au XVI siècle, стр. 16.

въ 3 верстахъ начинается озеро Лаче¹⁾). Значить, Нѣмецкій волочекъ начинался въ погостѣ Вытегорскомъ на р. Вытегрѣ, а оканчивался у озера Лача, часть берега котораго, у входа р. Онеги, служившая пристанищемъ для гостей, и называлась „Гостиннымъ берегомъ“. Мы не знаемъ посредствующихъ звеньевъ между этимъ Гостиннымъ берегомъ на Лачозерѣ и другимъ Гостиннымъ берегомъ на р. Вытегрѣ; но судя по разстоянію между тѣмъ и другимъ, опредѣленному въ описи въ 40 верстѣ, этихъ звеньевъ могло и не быть. По примѣрному исчисленію на картѣ, Лачозеро отстоитъ отъ Онежскаго около 100 нынѣшнихъ 500 саженныхъ верстѣ, что составитъ около 50 древнихъ 1000 саженныхъ верстѣ. Близость этой цифры къ показанной въ описи даетъ поводъ думать, что путь изъ Онежскаго озера въ озеро Лаче шелъ верстѣ 10 по р. Вытегрѣ и затѣмъ волокомъ до озера Лача, далѣе по р. Онегѣ и по пути, описанному Пушкаревымъ, до р. Емцы и въ Сѣверную Двину.

Такимъ образомъ, и въ самостоятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ Великаго Новгорода съ Обонежьемъ, и въ сношеніяхъ его съ Двиной Онежское озеро сохраняло значеніе центра, въ которомъ неизбежно сосредоточивалось торговое движеніе и съ Двины, и съ Ладожскаго озера. Этимъ объясняется то явленіе, что во всей Обонежской пятинѣ, исключая мѣстностей, примыкающихъ къ Ладожскому озеру и р. Волхову, только по одному Онежскому озеру и встрѣчаются рынки.

Столько же выдѣленнымъ отъ другихъ былъ торговый путь и по р. Шелони. Не смотря на скудость свѣдѣній о рядовскихъ поселкахъ, расположенныхъ по этому пути, и изъ имѣющихся данныхъ видно, что они были исключительно торговаго характера. Именно, чисто торговыхъ поселковъ, съ незначительною примѣсью извозчиковъ, по р. Шелони считалось 4 (Опоцкой, Дубровенской, Пожеревицкой и Карачуницкой), съ населеніемъ въ 45 дворовъ и 20 торговыхъ зданій, да промышленныхъ и торговыхъ 2 (Березайской и Бѣльской), и по всей вѣроятности, Новая Руса съ населеніемъ въ 135 дворовъ. Такимъ образомъ, на всемъ 120-ти-верстномъ протяженіи р. Шелони²⁾ было расположено 7 рядовскихъ поселковъ съ населеніемъ въ 180 дворовъ торговыхъ и мастеровыхъ людей не пашенныхъ. Изъ этого видно, что близость рядовскихъ поселковъ по р. Шелони къ рядовскимъ поселкамъ по озеру Онежскому основывалась только на одина-

¹⁾ *Пушкаревъ*, Олон. губ., стр. 91.

²⁾ Книга Большаго Чертежа, стр. 172.

ковости ихъ значенія въ экономической жизни страны; по вѣдшему же типу они принадлежали къ совершенно разнымъ группамъ: рядовскіе поселки Обонежской пятинны — въ группѣ рядковъ перваго вида, а поселки по р. Шелони — къ группѣ рядковъ втораго и третьяго видовъ.

При первомъ взглядѣ на карту Новгородскихъ пятинъ нельзя не замѣтить, въ отношеніи къ расположенію водныхъ торговыхъ путей, одной особенности, составляющей рѣзкое отличіе Новгородской области отъ Московской Руси, именно: въ первой нѣтъ такого широкаго развѣтвленія рѣчныхъ системъ, какое замѣчается въ послѣдней. Въ противоположность послѣдней, въ Новгородской области рѣчныя системы оказываются сконцентрированными въ трехъ пунктахъ — въ озерахъ Онежскомъ, Ладожскомъ съ протокомъ ея чрезъ р. Неву въ Финскій заливъ, и Ильменскомъ. Пункты эти соединяются между собою протоками и почти безъ всякихъ развѣтвленій: ни Свирь ¹⁾, ни Волховъ не имѣютъ значительныхъ притоковъ, которые связывали бы съ нимъ болѣе или менѣе отдаленныя мѣстности. Къ этимъ же тремъ пунктамъ стягиваются и рѣчные потоки, питающіе озера и служащіе путями сообщенія съ ними, какъ въ Онежское озеро — Водла и Вытегра; въ Ладожское — соединяющая его съ Онежскимъ р. Свирь, а также рр. Оять, Паша, Сясъ и соединяющая ее съ Ильменемъ р. Волховъ; въ оз. Ильмень — Шелонь, Ловать и Мста ²⁾. Но и эти рѣки не имѣютъ значительныхъ притоковъ и почти безъ всякихъ развѣтвленій въ стороны. Такимъ образомъ всѣ эти озерныя и рѣчныя системы, составляя единственные пути сообщенія въ древней Россіи, могли быть въ непосредственномъ пользованіи лишь немногихъ мѣстностей, наиблизе расположенныхъ къ узкой полосѣ, занятой центральными озерами и сходящимися съ ними главными рѣчными притоками.

Эта концентрація въ расположеніи рѣчныхъ системъ, это отсутствіе развѣтвленій въ рѣчныхъ путяхъ сообщенія составляетъ весьма важный фактъ, объемлющій замѣчаемую исключительно только въ Новгородской области особенность: скученность городскихъ поселеній лишь только по главнымъ рѣчнымъ системамъ и полное отсутствіе

¹⁾ Оять сливается со Свирью всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ впаденія последней въ Ладожское озеро.

²⁾ Р. Луга была также весьма близка своими верховьями къ оз. Ильменю. Въ древности суда доходили изъ Финскаго залива до ея верховья, потомъ переходили 25 верстъ волокомъ до р. Мшаги и наконецъ Мшагой и Шелонью спустились въ Ильмень. Списки нас. мѣстъ С.-Петербургской губ., стр. XXI.

ихъ въ остальной территоріи. Въ этомъ отношеніи замѣчается два явленія, характеризующія значеніе центральныхъ озеръ и рѣчныхъ путей, ведущихъ къ нимъ, въ экономической жизни страны:

1) Въ центрахъ торговыхъ путей сосредоточиваются главные торгово-промышленныя силы страны, достигаютъ высшей степени своего развитія и приобрѣтаютъ высшую форму торгово-промышленныхъ поселковъ—городскую. На Ладожскомъ озерѣ, въ которое сходятся пути изъ Финскаго залива, изъ Обонежья и изъ Ильменя, находимъ на западномъ и южномъ берегахъ его три большіе торгово-промышленные центра—города Корѣлу, Орѣшекъ и Ладогу; на оз. Ильмень, куда сходились пути изъ Ладожскаго озера, изъ Финскаго залива (посредствомъ Ладожскаго озера съ р. Волховомъ и посредствомъ р. Луги), изъ Пскова (по р. Шелони) и изъ средней Россіи (по р. Мстѣ)¹⁾,—находимъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ самою широтой ихъ сношеній, два значительнѣйшіе города Новгородской области—Великій Новгородъ и Старую Русу. Это сосредоточеніе на сравнительно незначительномъ пространствѣ важнѣйшихъ центровъ торгово-промышленныхъ силъ, въ высшей формѣ ихъ развитія—городской, должно было повліять особеннымъ образомъ на характеръ рядовскихъ поселковъ, находящихся въ томъ же районѣ. Такъ какъ окружная мѣстность находила полное удовлетвореніе своей потребности въ рынкѣ въ городскихъ постоянно (а не временно только, какъ въ рядкахъ) открытыхъ торгахъ, то поэтому въ ней и замѣчается почти полное отсутствіе рынковъ и торговыхъ поселковъ. На Ладожскомъ озерѣ только въ Сванскомъ Волочкѣ (26 дв.), погостѣ Саловульскомъ (15 дв.) и погостѣ Николаѣ Ижерскомъ (1 дв.) насчитывается 42 двора торговыхъ и мастеровыхъ людей при 4 анбарахъ, въ рядкѣ Сермаки (и Свири) 47 дворовъ и 24 анбаровъ, да въ рядкѣ Дубнѣ 19 анбаровъ при такомъ же, быть можетъ, количествѣ торговыхъ дворовъ—рыболововъ; на оз. Ильмень не замѣчается ни одного торгово-ремесленнаго поселка. Въ замѣнъ торгово-ремесленныхъ поселковъ здѣсь является нигдѣ болѣе не встрѣчаемая форма рядовскихъ поселковъ—съ *исключительно* рыболовческимъ населеніемъ. Такъ, даже въ упомянутыхъ нами Сванскомъ Волочкѣ и рядкѣ Дубнѣ большинство населенія состояло изъ рыболововъ; въ первомъ считалось 29 дв. рыболововъ, во второмъ всѣ 40 дв. показали собственно рыболовами, но быть можетъ, изъ нихъ 19 дв.

¹⁾ Н; упоминаемъ р. Ловати, о торговомъ значеніи которой въ XVI в. ничего неизвѣстно.

занимались при рыболовствѣ и торговлей; тогда на дома занинимавшихся исключительно рыболовствомъ остается 21 дв. Остальные рядовскіе поселки, расположенные вокругъ Ладожскаго озера (по р. Невѣ), по западному и южному берегамъ озера и по Волкову на 23 версты отъ Ладоги ¹⁾, представляютъ исключительно рыболовческое населеніе съ незначительною лишь примѣсью пашеннаго. Принимая цифры 1546 г. „по старому письму“ равными цифрамъ 1500 г., а цифры 1583 г. „по старому письму“ равными цифрамъ 1569 (близость тѣхъ и другихъ можно видѣть изъ подробныхъ описей, приведенныхъ нами впереди), будемъ имѣть:

	1546 г.	П о п и с ь м у старому новому		1569 г.
		д в о р о в ь.		
Васильевскій островъ, Охта	61 паш. и не паш. рыбол.			
Рядки Клѣти и Новинка	22 рыбол.	14	рыбол.	
Рядки Лидна, Кобона, Креницы, Черный, Сухая и Меньшая Вельцы, приставъ Кюневскаго монастыря, пог. Михайловъ Порожскій.	99 рыбол.	63	рыбол.	154 рыбол.
Погосты Николай Ижорскій и Сакульскій, рядки Сванскій Волочекъ и Дубно	27 ряд. 62 рыбол.	26 ряд. 64 рыбол.		около. 40 ряд. 66 рыбол. 23 анбаровъ
Рядки Межутки и Сермаки	—	—		47 ряд. 22 рыбол. 24 анбаровъ
	224 рыбол.	141	рыбол.	202 рыбол.
	27 ряд.	26	ряд.	87 ряд. 47 анбаровъ

Такимъ образомъ, только послѣ открытія бѣломорской торговли и оживленія вслѣдствіе этого сѣвернаго пути, проходившаго чрезъ Ладожское озеро и Обонежье, число торговыхъ и мастеровыхъ людей въ населеніи рядковъ по Ладожскому озеру стало увеличиваться. До того времени замѣчается полное преобладаніе рыболовческаго населенія: въ 1546 г. по старому письму не рыболовческаго населенія было всего около 10⁰%, а рыболовческаго—90⁰%, по новому письму—не ры-

¹⁾ Крайнимъ предѣломъ здѣсь служить погостъ Михайловской на Порогѣ, который отстоятъ отъ Новой Ладоги на 23 версты. *Неволина*, Пятины, стр. 122; Списки нас. мѣсть С.-Пбургской губ., № 2775.

боловческаго населенія было 16%, а рыболовческаго—84%; наконецъ, въ 1569 г. стало 30% не рыболовческаго и 70% рыболовческаго населенія. За 60—70 лѣтъ XVI вѣка не рыболовческое населеніе увеличилось почти на 20%. Что касается до населенія по озеру Ильмену, то данныя о немъ имѣются только отъ 1500 г. Судя по тѣмъ даннымъ, населеніе вѣрнѣе всего состояло также почти исключительно изъ рыболововъ, съ тѣмъ отличіемъ отъ Ладожскаго, что здѣсь оно было сосредоточено въ немногихъ, но весьма людныхъ пунктахъ. По западному и южному берегамъ Ильменя считается всего 3 поселка (Ужвинскій, Взвадь и Голинскій погосты), но въ нихъ считалось 231 дворъ не пашенныхъ рыболовей и 19 пашенныхъ, всего 250 дворовъ рыболовческихъ, то есть, 3 поселка Шелонской пятины равны были по количеству рыболовческаго населенія 16 поселкамъ Водской пятины.

2) На рѣчныхъ путяхъ, ведущихъ къ этимъ центрамъ торгово-промышленныхъ силъ страны, находимъ поселки, предназначенные почти исключительно, съ одной стороны, для питанія этихъ центровъ доставкою предметовъ волостнаго производства, а съ другой — для передачи продуктовъ, вырабатываемыхъ этими центрами, тѣмъ мѣстностямъ, кои въ нихъ нуждаются. Поэтому, здѣсь мы находимъ поселки почти съ исключительно торгово-промышленнымъ характеромъ, чистую форму торгово-промышленныхъ посадовъ—рядовскую. Мы видѣли уже населеніе двухъ изъ этихъ путей — Обонежскаго и Шелонскаго. Такое же населеніе имѣли и два другіе — по рр. Волхову и Мстѣ, хотя далеко не въ одинаковомъ размѣрѣ.

Волховъ имѣетъ теченія—изъ оз. Ильменя въ Ладожское озеро— всего 207 верстъ ¹⁾. Изъ нихъ около 27 верстъ приходится на долю чисто рыболовческихъ поселковъ ²⁾. О рядовскомъ населеніи остальныхъ 180 верстъ имѣются данныя только отъ 1582—1583 г. По этимъ даннымъ оказывается, что 93½ версты по р. Волхову были совсѣмъ лишены рядовскихъ поселковъ, и только въ ближайшихъ къ Новгороду мѣстностяхъ начинаетъ замѣчаться нѣкоторое торговое и промышленное оживленіе. Рядовскіе поселки встрѣчаются: въ 81½ верствѣ ³⁾ отъ Новгорода село Грузино съ 43 дворами мастеровыхъ и торговыхъ людей, въ 35 верстахъ ⁴⁾ слобода Вежице съ 8 дв., и ря-

¹⁾ Списки насел. мѣстъ С.-Пб. губ., стр. 15.

²⁾ Отъ пог. Михайловскаго на Порогъ до устья Волхова.

³⁾ *Пушкаревъ*, Новгородская губ., стр. 30.

⁴⁾ Въ погостъ Коломенскомъ; *Неволинъ*, Пят., стр. 121.

докъ Хутинскаго монастыря въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новгорода¹⁾, съ 12 дв. Всего на 81^{1/2}-верстномъ пространствѣ (не считаемъ пространства отъ В. Новгорода до истока Волхова изъ оз. Ильмена) было 3 поселка съ рядовскимъ характеромъ и населеніемъ въ 63 двора. Въ 1583 г., однако, и эти всѣ три поселка оказываются пустыми кромѣ слободы Вежище, въ которой по прежнему считалось 8 дворовъ.

Въ совершенно иномъ положеніи находилась въ XVI вѣкѣ рѣка Мста. Извѣстно, что Великій Новгородъ до половины этого вѣка былъ единственнымъ городомъ, при посредствѣ котораго вся восточная и средняя Россія вела торговля сношенія съ западною Европой. Сюда стекались со всѣхъ концовъ Россіи предметы, назначенные для иѣны на западно-европейскія произведенія; сюда же стекались со всего побережья Балтійскаго и Нѣмецкаго морей товары, назначенные для обмѣна на предметы туземнаго производства. Путемъ внѣшняго ввоза и вывоза были рѣки Волховъ и Луга, путемъ внутренняго ввоза и вывоза была р. Мста и сухопутная большая дорога отъ Великаго Новгорода чрезъ Бронницы до Вышняго-Волочка и далѣе. Естественно, что степень оживленности сношеній по тому и другому пути была не одинакова. Сношенія съ западною Европой могли происходить только въ періодъ свободы балтійскаго побережья отъ льда, въ періодъ навигаціи; притомъ же самая безостановочность передвиженія товаровъ, назначенныхъ для оптовой распродажи, на главный рынокъ — въ Великій Новгородъ, не могла производить никакого вліянія на торгово-промышленную дѣятельность попутныхъ мѣстностей и могла содѣйствовать развитію только класса людей, живущихъ предложеніемъ личныхъ услугъ — извозчиковъ, драгилей, лодмановъ и пр. Напротивъ того, сношенія съ восточною и среднею Россіей производились безостановочно круглый годъ; въ Новгородѣ круглый годъ были открыты мѣстныя торговля общины и иностранныя гостинные дворы; притомъ же, по внутреннему пути двигались товары, назначенные не только для оптовой торговли, но также и для розничной продажи, товары, которые находили весьма выгодный сбытъ на мѣстныхъ попутныхъ рынкахъ, и такимъ образомъ, являлись главнымъ продуктомъ, питающимъ широкую торговую дѣятельность Великаго Новгорода. Поэтому на внутреннемъ пути мы находимъ весьма значительное количество промышленныхъ поселковъ и чрезвычайно сильное развитіе ярмарочныхъ рынковъ.

¹⁾ Въ 10 верстахъ отъ Новгорода. *Пушкарскъ*, Новгород. губ., стр. 28

Для сношеній Великаго Новгорода съ среднею и восточною Россіей служили, какъ мы впереди видѣли, двѣ дороги—сухопутная и рѣчная. Сухопутная шла отъ Великаго Новгорода чрезъ Бронницы въ Вышній Волочекъ и далѣе. На своемъ протяженіи она два раза соединялась съ рѣчнымъ путемъ: у рядка Березая рѣкою Березаемъ и у Вышняго Волочка непосредственно. На этомъ пути мы находимъ два значительные рядовскіе поселка: Яжелбицкій и Едровскій, съ населеніемъ въ 1546 г. по старому письму въ 96 дворовъ, а по новому письму въ 92 двора. Рѣчная дорога шла по р. Мстѣ вплоть до Вышняго Волочка и далѣе; кромѣ того, со Мсты у Млевскаго рядка волокомъ прииѣрно до Топольска шель путь на р. Мологу и далѣе; отъ Березова рядка на Мстѣ возможенъ былъ переходъ по р. Березаю на большую новгородско-вышневолоцкую сухопутную дорогу. На этихъ дорогахъ мы находимъ, во первыхъ, всѣ рядки Деревской пятины, кромѣ двухъ названныхъ и Волоковскаго; вовторыхъ, всѣ рядовскіе поселки Бѣжецкой пятины, кромѣ погостовъ Тростны, Плавскаго и Бродскаго и монастыря Кушеверскаго, отстоявшихъ на значительное разстояніе отъ названныхъ, связанныхъ рѣчными путями съ Мологой, и кромѣ неизвѣстно гдѣ находившихся рядковъ Вовнаго и Псковца. Въ остальныхъ, по описаніямъ разныхъ временъ (цифры 1551 г. „по старому письму“ мы относимъ къ 1546 г., такъ какъ описей въ промежуткѣ между этими годами неизвѣстно ¹⁾), а Морозовъ, какъ мы ниже увидимъ, а съ нимъ, вѣроятно одновременно ²⁾, и Рябчиковъ производили опись позднѣе), считалось:

	1546 г.		1551 г.	1582—1583 гг.	
	по письму старому	новому		по письму старому	новому
Рядки Великопорожскій, Березовскій, Потерплецкій, Сеглинскій и Кбунай (Дер. пят.); Котлованъ (Вѣж. пят.)	396 дв.	256 дв.	—	—	—
В. Волочекъ, Боровичи, Бол. Держковъ, Вѣлий	249 дв.	231 дв.	—	191 дв.	66 дв. торг. 21 дворъ паш. 58 торг., маст. дв. 1 дворъ тамож.

¹⁾ Названіе двухъ половинокъ пятины вменемъ описчиковъ ихъ только и понятно при предположеніи одновременности описи.

²⁾ *Исволингъ*, Пятины, стр. 15—16.

	1546 г.		1551 г.		1582—1583 гг.	
	по письму старому	новому			по письму старому	новому
Новый, Рутинскій, Бе- резаѣвскій (Дер. пят.) . . .	10 дв.					
	не паш.					
Млевскій (Бѣж. пят.) . . .	56 дв.					
	паш.					
Лощемля, Кретва, пос. Пятницы, Богоявленскаго монастыря	25 дв.	15 дв.	—	—	—	4 дв.
	—	225 торг.	336 торг.	—	—	157 торг.
Рядки Юшкова десятка и Кармаевой	—	здан.	здан.	—	—	здан.
	—	—	4 дв. пашен.	—	—	—
Витчи	—	—	57 торг. зд.	—	—	—
	—	—	1 дв. гост.	—	—	—
Мореничи и Рожест- венскій монастырь	—	—	28 дв. паш.	—	—	—
	—	—	—	—	—	26 дв. пашен.
Богородицкой на Бѣлой и Воскресенской Осѣчен- ской	—	—	—	—	5 дв.	—
	—	—	—	—	14 торг здан.	—
Всего	—	—	—	—	1 дв.	—
	—	—	—	—	5 лав.	—
	—	—	—	—	1 дв. там.	—
	734 дв.	502 дв.	32 дв.	196 дв.	118 дв.	
		225 торг.	393 торг.	144 торг.	220 торг.	
		здан.	здан.	здан.	здан.	
						2 дв. там.

Изъ этой таблицы видно, что характеръ поселковъ по внутреннимъ путямъ сообщенія совершенно противоположенъ характеру поселковъ по р. Волхову, Ладожскому озеру и р. Невѣ. Не говоря ужъ о полномъ отсутствіи, въ населеніи первыхъ, рыболовческаго элемента, составляющаго въ населеніи вторыхъ основную единицу, должно замѣтить, что самое населеніе по внутреннимъ путямъ сообщенія — по крайней мѣрѣ въ тѣхъ поселкахъ, которые описаны, — является чѣмъ-то случайнымъ и несамостоятельнымъ. Основною единицею въ составѣ поселковъ по этимъ путямъ являются торговцы мѣста; дворы торговыхъ и мастеровыхъ людей являются какъ-бы только состоящими при нихъ. Такимъ образомъ основной характеръ рядовскихъ поселковъ по внутреннимъ путямъ сообщенія былъ чисто торговый, и сравненіе ихъ съ поселками по вѣшнему пути сообщенія можетъ быть произведено только по отношенію къ торговому развитію поселковъ, то есть, по отношенію къ количеству торговыхъ мѣстъ въ нихъ.

Такъ какъ по вѣшнему пути сообщенія торговая роль лишь

только въ незначительной степени выпадала на долю рядовскихъ поселковъ, главнымъ же образомъ она принадлежала городамъ, которыхъ здѣсь было три,—то при сравнительномъ изученіи торговаго значенія путей въ расчетъ необходимо должны быть введены и города. По описи 1569 г. поселковъ съ торговыми мѣстами по р. Волхову, Ладожскому озеру и р. Невѣ считалось всего:

Въ Сванскомъ Волочкѣ при	51 дв.	4 анбара.			
Въ Дубнѣ	40	" 19	"		
Въ Сермаксахъ	47	" 24	"		
Въ Корѣлѣ	404	" 22	"	13 щербетей=	35 торг.
Въ Орѣшкѣ	136	" 36	" 12	" =	48 торг.
<small>{ Заисключеніемъ дворовъ церковныхъ и своеземцевыхъ.</small>					
Въ Ладогѣ	106	" 15	"		

Всего въ 6 поселкахъ 784 дв. 120 анб. 25 щербетей = 145 торг. зд.

Данныя относительно поселковъ съ торговыми мѣстами по р. Мстѣ относятся къ 1583 г., но съ ссылками во многихъ случаяхъ на „старыя книги Ивана Морозова“¹⁾. Хотя время описи Бѣжецкой пятины Иваномъ Морозовымъ и неизвѣстно²⁾, но принимая во вниманіе, что, съ одной стороны, ссылки всегда дѣлаются на ближайшую по времени въ отношеніи къ составляемой описи, а съ другой,—что Морозовъ не могъ производить опись позже конца 70-хъ годовъ и раньше половины 50-хъ, такъ какъ писцовыя книги 1581—1582 года уже ссылались на это письмо какъ на „старое“, а въ 1551 г. производилъ опись Бѣжецкой пятины Нелединскій³⁾,—принимая все это во вниманіе, можно съ большою вѣроятностью предполагать, что данныя описи до 1583 г. („по старому письму“) почти одновременны даннымъ 1569 г. Поэтому же мы вводимъ въ расчетъ и данныя 1551 года относительно тѣхъ поселковъ, о состояніи которыхъ не сохранилось свѣдѣній въ продолженіе 60-хъ годовъ XVI вѣка, предполагая, что за 10—15 лѣтъ, протекшихъ между описями 1651 года и Морозовскою, не могло произойти никакихъ капитальныхъ перемѣнъ: рядокъ Млевскій даже черезъ 32 года послѣ описи 1551 года уменьшился всего на половину (на 179 торговыхъ мѣсть), и изъ нея боль-

¹⁾ А. М. Ю. кн. № 962, л. 72; *Неволинъ*, Пятины, прилож. XI.

²⁾ *Неволинъ*, Пятины, стр. 16.

³⁾ Тамъ же.

шую часть должно отнести къ 1570 г., ко времени разгрома Ивановъ IV всей западной и ближайшихъ волостей восточной половины Новгородской земли. По даннымъ 1551—1569 гг. всякихъ рядовскихъ поселковъ по р. Мстѣ и Бѣжецкому волоку считалось всего:

Въ Вышнемъ Волочкѣ.	}	при 191 дворахъ	130	торговыхъ мѣстъ.		
Въ Боровичахъ.						
Въ Волочкѣ Держковѣ						
Въ Бѣломѣ						
Въ Млевскомъ	"	—	"	336	"	"
Въ Лоцемлѣ						
Въ Коствѣ	}	" 4	"	57	"	1 дв. гост.
Въ посадѣ Пятницкомъ.						
Въ Богословск. монастырѣ						
Въ рядкѣ Юшкова десятка	}	" 28	"	—	"	"
Въ Карманомъ						
Въ Морвиничахъ	}	" 5	"	14	"	"
Въ Рождественск. монаст.						

Всего въ 13 поселкахъ 228 дворовъ, 537 торговыхъ мѣстъ и 1 дворъ гостинный.

Итакъ, на Ладожскомъ пути на каждый изъ торговыхъ поселковъ приходилось по 131 двору и по 24 торговыхъ мѣста; на Мстинскомъ пути, наоборотъ, на каждый изъ поселковъ приходилось по 17 дворовъ и по 41 торговому мѣсту, то-есть, на первомъ на каждое торговое мѣсто приходилось почти по 6 дворовъ, на второмъ, наоборотъ, на каждый дворъ приходилось почти $2\frac{1}{2}$ торговыхъ мѣста. Отношенія измѣнятся, если мы исключимъ изъ расчетовъ Млевской рядокъ, какъ представлявшій по количеству торговыхъ мѣстъ исключительное явленіе въ ряду другихъ поселковъ. Въ 12 поселкахъ останется 228 дворовъ и 201 торговыхъ мѣстъ, то-есть, на каждый поселокъ придется по 19 дворовъ и безъ немногаго (безъ $\frac{1}{4}$) 17 торговыхъ мѣстъ или почти на каждый дворъ по одному торговому мѣсту, тогда какъ на Ладожскомъ пути приходилось только на каждые 6 дворовъ по одному торговому мѣсту. Не должно забывать, что мы не знаемъ количества торговыхъ мѣстъ въ такихъ большихъ поселкахъ, какъ Великопорожскій, Березовскій, Крутая и другихъ Деревской пятины. Между тѣмъ, судя по количеству населенія, а также и по положенію ихъ на томъ же пути, который создалъ торговое значеніе Боровичей, Бѣлаго и Волочковъ Вышняго и Держ-

кова,—они не могли уступать послѣднимъ по количеству торговых мѣстъ. Но такъ какъ мы не имѣемъ данныхъ о нихъ за взятые нами годы (1551—1569), а данныя до 1546 г. и 1546 г. не касаются количества торговых мѣстъ, то опредѣленіе послѣдняго возможно только приблизительное. Для большей достовѣрности выводовъ мы ограничимся опредѣленіемъ количества торговых зданій до 1546 г. и въ 1565 г. только въ рядкахъ, расположенныхъ непосредственно по р. Мстѣ, а нормальное отношеніе количества дворовъ къ количеству торговых мѣстъ выведемъ изъ данныхъ только о такихъ поселкахъ, которые, находясь на томъ же пути, близки были къ поселкамъ съ неопредѣленнымъ количествомъ торговых мѣстъ и по количеству населенія. Таковы были: Вышній Волочекъ, Боровичи, Волочекъ Держковъ и Бѣлый, въ которыхъ въ 1582—1583 г. считалось по старому письму 191 дворъ при 130 торговых мѣстахъ, по новому письму 87 дворовъ при 58 торговых мѣстахъ—значить, и въ томъ и въ другомъ по 1¹/₂ двора на 1 торговое мѣсто. Впрочемъ, это отношеніе нѣсколько колебалось въ примѣненіи къ каждому изъ названныхъ поселковъ порознь, такъ какъ находимъ, что

въ Вышн. Волочкѣ.	{	по ст. п. было 37 дв. 35 лав. около 1 л. на 1 дв.
		по нов. п. " 57 " 35 " " 1 около 2 "
въ Боровичахъ.	{	по ст. п. " 94 " 54 " " 1 " 2 "
		по нов. п. " 24 " 18 " " 1 " 1 "
въ Вол. Держковѣ	{	по ст. п. " 35 " 11 " " 1 " 3 "
		по нов. п. " 5 " 4 " " 1 " 1 "
въ Бѣломъ.	{	по ст. п. " 25 " 30 " " ¹ / ₅ " 1 "
		по нов. п. " 1 " 1 " " 1 " 1 "
<hr/>		
Всего.	{	по ст. п. " 191 " 130
		по нов. п. " 87 " 58

Поэтому, для большей вѣроятности, мы примемъ за нормальное—болѣе скромное отношеніе 2 дворовъ на 1 торговое мѣсто. Основываясь на этой нормѣ, мы находимъ, что на р. Мстѣ до 1546 г. и въ 1546 г. было расположено 531—468 торговых мѣстъ, распредѣлявшихся между поселками: пятью Деревской патины (Великопорожскимъ, Берзовскимъ, Потерпѣлецкимъ, Сеглинскимъ и Крупаемъ) съ 365 дв. по старому письму то-есть, около 182 торговых мѣстъ, и съ 256 дворами по новому письму то-есть, около 128 торговых мѣстъ; четырьмя разсмотрѣнными Бѣжецкой патины (Вышнимъ Волочкомъ, Боровичами, Волочкомъ Держковымъ, Бѣлымъ) съ 249 дво-

часть CLXXXV, отд. 2.

рами по старому письму, то-есть, около 124 торговыхъ мѣстъ, и съ 231 дв. по новому письму, то-есть, около 115 торговыхъ мѣстъ. Кромѣ того, на Мстѣ были расположены рядовскіе поселки: Моркинчи, Рождественскій монастырь, Богородицкій Бѣлый, Лишинскій и Млевскій. Однако, данныя объ нихъ всѣ относятся къ 1581—1583 г., кромѣ рядковъ: Лишинскаго, упоминаемаго въ 1500 г., и Млевскаго, упоминаемаго на всемъ протяженіи отъ „старога письма“ 1546 г. до 1583 г. Нельзя сказать утвердительно, что рядовскіе поселки, упоминаемые только въ 1581—1583 г., существовали и въ 1545 г. и до этого года. Поэтому мы введемъ въ расчетъ только несомнѣнно существовавшіе въ 1546 г. и до этого года поселки: Лишинскій, въ которомъ было въ 1500 г. 10 дворовъ не пашенныхъ безъ обозначенія торговыхъ мѣстъ, и Млевской, въ которомъ до 1546 г. считалось 25 дворовъ, въ 1546 г.—15 дворовъ и въ 1551 г. „по старому письму“—ни одного двора и 225 торговыхъ мѣстъ. Эти цифры мы и приѣмемъ за основныя въ нашемъ расчетѣ количества торговыхъ мѣстъ по рѣкѣ Мстѣ до 1546 г. и въ 1546 г. Принимая количество торговыхъ мѣстъ въ 1551 г. „по старому письму“ равнымъ количеству ихъ въ 1546 г. и до этого года, мы имѣемъ: въ 1546 г. въ Деревской пятинѣ 6 рядовскихъ поселковъ съ 375 дворами и около 182 торговыхъ мѣстъ по старому письму, и съ 256 дворами и около 128 торговыхъ мѣстъ по новому письму; въ Бѣжецкой пятинѣ, 5 рядовскихъ поселковъ съ 274 дворами и около 349 торговыхъ мѣстъ по старому письму, и съ 246 дворами и около 340 торговыхъ мѣстъ по новому письму. Всего по р. Мстѣ въ 1546 году было расположено 11 поселковъ съ 649 дворами и около 531 торговыхъ мѣстъ по старому письму и съ 502 дворами и около 468 торговыхъ мѣстъ по новому письму.

Всего теченія р. Мста имѣетъ 399 верстъ ¹⁾; изъ нихъ около 99 верстъ (отъ впаденія р. Мды въ Мсту до впаденія послѣдней въ озеро Ильмень) можно разсматривать, какъ пространство, обезпеченное въ торговомъ отношеніи близостью Новгорода ²⁾, чѣмъ и объясняется, что на этомъ пространствѣ не встрѣчается торговыхъ поселковъ. На остальномъ 200-верстномъ пространствѣ было расположено 11 рядовскихъ поселковъ, то-есть, на каждыя 20 верстъ по

¹⁾ *Пушкаревъ*, Новгород. губ., стр. 55.

²⁾ По изгонной книгѣ рядковъ Моркинчи, находившіяся у впаденія Мды въ Мсту, въ разстояніи 100 верстъ отъ Новгорода (*Неволинъ*, Пятины, стр. 190). На этомъ пространствѣ Н. И. Костомаровъ указываетъ «значительное торжище» въ Бронницахъ (Сѣверно-русскія народоправства, прил. II, 236).

одному поселку; торговыхъ же мѣстъ на каждый поселокъ приходилось по 48 до 1546 г. и по 42^{1/2} въ 1546 г., то-есть, на каждую версту болѣе чѣмъ 2 торговые мѣста. Такимъ образомъ население каждыхъ 20 верстъ по р. Мстѣ для сбыта своихъ произведеній и для производства мѣны ихъ на предметы городской промышленности располагало отдѣльнымъ рынкомъ, снабженнымъ 48—42 торговыми помѣщеніями и при нихъ площадью, на которой могло помѣститься неограниченное количество шалашей, палатокъ и всякихъ временныхъ помѣщеній и воевъ для производства торговли. Такое обиліе торговыхъ поселковъ, связанныхъ притомъ между собою чрезвычайно удобнымъ, полноводнымъ путемъ, давало рѣкѣ Мстѣ въ продолженіе первой половины XVI вѣка значеніе сплошнаго огромнаго рынка, вполнѣ вознаграждавшаго отсутствіе городовъ и вполнѣ замѣнявшаго ихъ.

Къ концу XVI вѣка положеніе дѣлъ измѣнилось. Данныя, относящіяся къ 1583 г. по старому Морозовскому письму, которое мы, какъ уже впереди замѣчено, считаемъ одновременнымъ описи 1568—1569 г., показываютъ, что паденіе рядовскихъ торговыхъ поселковъ началось уже въ 60-хъ годахъ, но въ весьма незначительныхъ размѣрахъ. Съ особенною же ускорительною быстротою пошло оно послѣ 1569 г.—въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. Населеніе по рѣкѣ Мстѣ представляло въ это время картину полнаго запустѣнія. Четыре поселка Бѣжецкой пятины (Вышній Волочекъ, Боровичи, Волочекъ Держковъ и Бѣлый), имѣвшіе въ 1546 г. населеніе въ 231 дв., въ 1583 г. по старому письму уже имѣли 191 дв. и 130 торговыхъ мѣстъ, а по новому письму изъ нихъ осталось всего 87 дв. и 58 мѣстъ торговыхъ. Въ Млевскомъ рядку изъ 336 торговыхъ зданій, считавшихся въ 1551 г., въ 1583 г. осталось всего 157, или точнѣ говоря, 112 торговыхъ мѣстъ при 4 дворахъ. О Липинскомъ рядкѣ совсѣмъ не упоминается послѣ 1500 г. Изъ рядковъ Деревской пятины Сеглинскій еще въ 1546 г. погорѣлъ весь безъ остатка ¹⁾, Потергѣлицы еще въ 1581—1582 г. былъ деревней и находился въ помѣстномъ владѣніи ²⁾, Великопорожскій въ 1587 г. имѣлъ 2^{1/2} дв., и въ этомъ году „рядовичи разошлись безвѣстно отъ государевыхъ лѣсовыхъ запасовъ“ ³⁾; о рядкѣ Крупаѣ послѣ 1546 г. нигдѣ не упоминается. Что касается до Березовскаго рядка, то онъ существовалъ еще въ 1611 г., но судя по

¹⁾ Акты Арх. Эксп., I, № 205.

²⁾ А. М. Ю., кн. № 959.

³⁾ А. М. И. Д. по Новг. № 11, л. 593.

количеству причитавшихся съ него за 2 года пшальныхъ и при- судныхъ денегъ, население его въ томъ году состояло не болѣе какъ изъ 7 дворовъ ¹⁾. Такимъ образомъ изъ всѣхъ 11 рядковъ, расположенныхъ по р. Мстѣ и считавшихъ въ 1546 г. 502 двора жителей, въ 80-хъ годахъ осталось не болѣе 7, съ населеніемъ всего около 100 дворовъ. Изъ остальныхъ рядовскихъ поселковъ по Мстинскому пути въ 1583 г. совсѣмъ не упоминаются или упоминаются какъ пустыя: посадки Коства, и Пятницвй, рядка Юшкова десятка, Карманой, Маркиничи, Лощемля, Котлованъ и 3 каменныхъ рядка Деревской патины. Рядки Псковецъ и Ровойой, до 1587 г. считавшіе 5 дв., въ этомъ году оказываются пустыми: „рядовичи разошлись безвѣстно отъ государевыхъ лѣсовыхъ запасовъ“ ²⁾. Рядовскіе поселки, уцѣлѣвшіе или вновь появившіеся въ 1583 г., болѣею частію оказываются расположенными на волокъ между Мстой и Мологою; таковы: Богословскаго монастыря, Кушеверскаго, Рождественскаго, погосты Бродскій, Осѣченскій, Плавскій, Тростный и рядки Богородицкаго, Бѣлаго и Витчи. Всего считалось въ нихъ 72 двора съ 37 торговыми мѣстами и 1 дворомъ гостиннымъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ 80-хъ годовъ по Мстинскому пути изъ всѣхъ числившихся въ продолженіе XVI вѣка 31 рядовскихъ поселковъ осталось живущихъ всего не болѣе 16, съ населеніемъ около 172 дворовъ, тогда какъ до 1546 г. считалось около 736 дворовъ.

Если судить по сохранившимся отъ 1583 г. свѣдѣніямъ о трехъ (единственныхъ) торгово-промышленныхъ поселкахъ по р. Волхову, то можно прійти къ заключенію, что конецъ XVI вѣка былъ вообще неблагопріятенъ для развитія этого рода поселковъ. И по р. Волхову изъ упомянутыхъ 63 дворовъ мастеровыхъ и дворовыхъ людей въ 1583 г. осталось всего 8 дворовъ. Очевидно, почиочныя городскія формы, какими были рядовскія, въ концѣ XVI вѣка пришли къ полному упадку. Это отразилось и на городахъ и привело къ паденію вообще торговли и промышленности Новгородской области въ концѣ XVI вѣка.

А. Ильинскій.

¹⁾ Доп. къ А. Ист. 1, № 161. Въ Яжелбицкомъ ряду въ этомъ году считалось 15 дв., да даточныхъ взято 10 человекъ; полагая на долю послѣднихъ 5 дв., будетъ всего 20 дв. Причиталось съ нихъ поземныхъ денегъ за 2 года 79 р. съ лишнимъ. Между тѣмъ съ Березовскаго рядка за тѣ же 2 года причиталось всего 25¹/₂ р. Изъ этого можно заключать, что население Березовскаго рядка было на ²/₃ меньше Яжелбицкаго, то-есть, состояло приблизительно изъ 7 дворовъ.

²⁾ А. М. И. Д. по Новг. № 11, л. 593—594.

ВЕДІЙСКІЕ ЭТЮДЫ.

По поводу изслѣдованія Ф. Ф. Фортунатова: *Samaveda-Aranyaka-Samhita*. Москва, 1875 г.

Между недавними вкладами въ русскую ученую литературу заслуживаетъ особеннаго вниманія изслѣдованіе г. Ф. Фортунатова. Явившись оно въ Германіи, Франціи и Англии, оно представляло бы только дальнѣйшее звено цѣпи ученыхъ работъ, посвященныхъ Ведамъ, имѣло бы предшественниковъ и вызвало бы рядъ специальныхъ рецензій. У насъ же оно представляетъ явленіе исключительное, неожиданное, не смотря на то, что уже лѣтъ пятнадцать тому назадъ вошло въ обычай въ ученыхъ сочиненіяхъ толковать о высококомъ значеніи ведійскихъ гимновъ для языка, сравнительной мѣологии и древнѣйшей исторіи быта. До сихъ поръ нельзя было указать ни на одно русское изслѣдованіе, написанное специалистомъ по ведійской литературѣ. Все знакомство съ Ведами въ ученомъ мірѣ почерпалось изъ нѣмецкихъ переводовъ нѣкоторыхъ гимновъ Ригъ-Веды, переводовъ Бенфея (въ *Orient und Occident*) и Куна въ извѣстномъ сочиненіи его: *Herabkunft des Feuers und des Göttertranks*.

На этихъ переводахъ и на изслѣдованіяхъ нѣмецкихъ мѣологовъ Куна, Шварца, Зонне, Моннгардта и др. основаны всѣ сближенія по сравнительной мѣологии, разсѣяныя въ трудахъ русскихъ ученыхъ. Книга г. Фортунатова впервые вноситъ въ русскую науку изученіе Ведъ изъ первыхъ рукъ, въ самомъ текстѣ ихъ, и вноситъ достойнымъ образомъ, обнаруживая въ авторѣ основательное знаніе языка и ведійской литературы, критическій тактъ и строгій методъ языковѣда. Авторъ издалъ ведійскій еще не изданный текстъ по парижскимъ и лондонскимъ рукописямъ, предпослалъ ему обширное введеніе, разъясняющее нѣкоторые важные вопросы, касающіеся Самаведы (стр. 1—62), и снабдилъ его переводомъ и обширнымъ комментариемъ, представляющимъ много новыхъ и цѣнныхъ данныхъ для толкованія

отдѣльныхъ словъ и грамматическихъ формъ¹⁾. Не предполагая писать полнаго разбора книги г. Фортунатова, мы останавливаемся въ настоящей статьѣ лишь на нѣкоторыхъ вопросахъ языка и мифологіи Ведъ, и преимущественно такихъ, гдѣ мы расходимся со взглядомъ или толкованіемъ автора. Иногда намъ придется дополнять ведійскій комментарий г. Фортунатова, иногда предлагать другое толкованіе текста, иногда касаться ведійской мифологіи, не стѣсняясь рамками, представляемыми разбираемою книгой, и рядъ подобныхъ замѣтокъ, вызванныхъ *первымъ* русскимъ изслѣдованіемъ по Ведѣ, сгруппировали мы подъ заглавіемъ ведійскихъ этюдовъ.

I.

Понятіе о уагна въ Ведахъ.

На первыхъ страницахъ введенія г. Фортунатовъ разсматриваетъ отношеніе между четырьмя Ведами и по поводу происхожденія *yagus*, жертвенныхъ формулъ, составляющихъ содержаніе *Yagurveda*, останавливается на теоріи Гауга о древности такъ называемыхъ *нивидовъ* (*nivid*). Считаая краткія изреченія нивидъ остаткомъ древнѣйшаго періода религіи Индусовъ, Гаугъ полагаетъ, что изъ гимновъ Ригъ-Веды наиболѣе древни тѣ, которые связаны съ жертвоприношеніемъ, между тѣмъ какъ другіе, выражающіе просто поэтическое міровоззрѣніе или прославленіе боговъ, относятся ко временамъ болѣе позднимъ. Г. Фортунатовъ справедливо не признаетъ большой древности за *нивидами*, но идетъ еще дальше, не соглашаясь съ теоріей Гауга въ самомъ принципѣ. „Не обрядъ и не жертвы были первою ступенью въ развитіи богослуженія“, говоритъ онъ (на стр. 5),— „но словесное богочитаніе, гимнь... *Жертва у народовъ индо-европейскихъ явилась послѣ словесія и молитвы*“. Въ подтвержденіе этой мысли приводятся два факта изъ исторіи языка: „Въ эпоху совмѣстной жизни“, по мнѣнію автора, „индо-европейское племя, вѣроятно, не знало еще жертвы, хотя устная поэзія несомнѣнно существовала, и вотъ позднѣе, когда отдѣльные индо-европейскіе народы получили надобность въ новомъ словѣ для выраженія новаго понятія, они обратились или къ словамъ, выражавшимъ „дѣйствіе“, или къ тѣмъ, первоначальное

¹⁾ Въ изслѣдованію объ *Aranyak-Sanhita* приложена глава изъ сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, въ которой авторъ останавливается на самыхъ трудныхъ вопросахъ сравнительнаго языковеденія. Разборъ этой статьи не входитъ въ планъ нашихъ замѣтокъ.

значеніе которыхъ было „закальваніе“, „возліаніе“ и т. д., или же къ другимъ, уже употреблявшимся въ значеніи богопочитанія, и притомъ именно словеснаго, *такъ какъ лишь этотъ видъ богослуженія былъ до тѣхъ поръ извѣстенъ*. Дальнѣйшее доказательство своей мысли г. Фортунатовъ видитъ въ томъ (стр. 7), что санскритское слово *уагна* и славянское *жрѣти* происходятъ отъ глагольныхъ корней, выражавшихъ „чествованіе“, „почитаніе“.

Какъ г. Фортунатовъ не соглашается съ Гаугомъ въ принципѣ, такъ и мы не можемъ въ принципѣ сойтись съ г. Фортунатовымъ. По его теоріи выходитъ, что былъ періодъ въ жизни индо-европейскаго племени, когда люди обращались къ богамъ съ восхваленіями, прославляли ихъ силу и могущество, но еще не знали жертвоприношеній. Лишь впоследствии (въ силу неизвѣстныхъ намъ причинъ) они стали обращаться къ богамъ съ просьбами, поддерживая эти просьбы матеріальными приношеніями въ видѣ животной или растительной жертвы. Здѣсь а ргіогі допускаетъ такой періодъ, который противорѣчитъ исторіи умственнаго развитія—переходъ отъ идеальныхъ отношеній къ божеству къ матеріальнымъ. Племя Индоевропейцевъ какъ бы выдѣляется изъ цѣлаго ряда другихъ племенъ, которыя на первобытной ступени культуры смотрятъ на боговъ совершенно матеріально и полагаютъ, что просьба безъ вещественной придачи не имѣетъ смысла ¹⁾.

Противъ мысли г. Фортунатова говоритъ характеръ большей части древнихъ гимновъ Ригъ-Веда. Въ нихъ боги изображаются въ видѣ могущественныхъ людей, съ человѣческими страстями и потребностями. Они воюютъ, какъ воюютъ люди, развѣзжаютъ на колесницахъ и питаются жертвами. Жертвы для нихъ также необходимы, какъ пища для людей: упиваясь до опьяненія сомой и пожирая жертвенныхъ быковъ, Индра крѣпнетъ въ силахъ, какъ наившійся и напившійся человѣкъ, и получаетъ возможность сражаться съ змѣемъ Вритрой. Люди относятся къ богамъ вполне реально и съ большою долей наивной практичности: чѣмъ лучше, богаче жертва,

¹⁾ Напримѣръ, Карены, потчующіе боговъ арракомъ (*Тейлоръ*, Первобыт. культура, II, 433); Ирокезы, которые просятъ бога войны: для тебя, духъ Аріскій, мы убиваемъ эту (человѣческую) жертву, чтобы ты могъ насытиться мясомъ и послышалъ намъ съ этихъ поръ удачу и побѣду надъ врагами (*ibid.*, 430); Зулу, которые убѣждены доселѣ, что души предковъ подаютъ жаренаго вола (427); Караобы, которые слышатъ, какъ по ночамъ духи жуютъ выставленную для нихъ пищу, и т. д.

тѣмъ лучше и дары, на которые имѣеть право разчитывать жертвователь¹⁾). Какъ обжорство до сихъ поръ считается самымъ высшимъ благомъ жалкой жизни дикаря, такъ было и у Индусовъ, что можно видѣть изъ потчиванія боговъ, въ которомъ человѣкъ совѣтуетъ богу наѣсться до того, что утроба раздуется какъ море (RV, I, 30, 3. VIII 1, 23). Если такія понятія о богахъ встрѣчаемъ мы во множествѣ гимновъ Ригъ-Веды, что, конечно, хорошо извѣстно г. Фортунатову, то намъ становится непонятнымъ взглядъ, что въ эпоху, еще болѣе отдаленную, эпоху общей жизни индо-европейскихъ народовъ, люди смотрѣли на боговъ чище и не потчивали ихъ жертвами, ограничиваясь одними поэтическими восхваленіями.

Противъ мысли г. Фортунатова говорить культъ Агни. Агни въ древнѣйшихъ гимнахъ уже называется *жрецомъ* и *посломъ* боговъ. Его роль состоитъ въ посредничествѣ между ними и людьми: сожигая своимъ пламенемъ матеріальную жертву, онъ переноситъ ее къ богамъ въ видѣ дыма и пара, и такимъ образомъ, кормитъ боговъ. Онъ называется поэтому ртомъ и языкомъ боговъ. Кормленіе огня принадлежитъ къ индо-европейскимъ обычаямъ и существовало еще въ періодъ индо-европейской жизни. Остатки его можно найти еще и теперь въ нѣкоторыхъ обрядахъ у крестьянъ въ Германіи и Славянскихъ земляхъ.

Итакъ, трудно себѣ представить, чтобы былъ когда-нибудь такой періодъ жизни индо-европейскаго племени, когда жертвоприношеніе не существовало. Какъ скоро человѣкъ представлялъ себѣ боговъ въ человѣческомъ видѣ, онъ неминуемо долженъ былъ прійти къ понятію о жертвѣ. Самое пріятное въ жизни дикаря—сытая пища, а потому нельзя думать, что, относясь къ богамъ какъ къ людямъ и надѣляя ихъ человѣческими потребностями, человѣкъ отказывалъ имъ въ началѣ въ главномъ своемъ удовольствіи — въ пищѣ, довольствуясь одними хвалебными пѣснями. Странно думать, что до этой мысли дошли люди только въ послѣдствіи и усвоили ее себѣ до такой степени, что отъ идеальнаго словеснаго чествованія дошли, какъ Индусы, Греки и Славяне, до человѣческихъ жертвоприношеній.

¹⁾ Можно вполне согласиться съ слѣдующими словами профессора Вебера о ведійской жертвѣ: «Das Opfer ist ein Vertrag, den man mit dem angerufenen Gotte schliesst: er erhält seinen Theil, und ist dafür in Ehren verpflichtet den Wunsch des Opferers zu erfüllen: *dehî me d'ādāmi te*, das mihi do tibi. Vs. 3, 50. (См. Indische Studien, X, 322, въ статьѣ: Zur Kenntniss des Vedischen Opferrituals).

Но нельзя думать, что жертва предшествовала гимну, что когда-нибудь человекъ приносилъ жертву, не сопровождая это дѣйствіе словами и прославленіемъ. Чтобы жертва была дѣйствительна, нужно было, по понятіямъ Индусовъ, непременно назвать бога, которому она приносилась, дабы между богами не произошло недоразумѣнія. Точныя предписанія на этотъ счетъ, даваемыя въ *Aitareya Brahmanam*, всего лучше характеризуютъ этотъ взглядъ и необходимость славословія при жертвѣ. Итакъ, все, что можно сказать о жертвѣ и гимнѣ—это то, что они одинаково древни, ибо взаимно пополняютъ другъ друга и равно необходимы по понятіямъ древнихъ язычниковъ.

Но доказываютъ ли предположеніе г. Фортунатова два слова, которыя онъ разбираетъ?

Yagna имѣетъ въ Ведахъ два значенія—*славословіе* и *жертвоприношеніе*. „Нельзя думать, конечно“, говоритъ авторъ (стр. 6),—что значеніе *славословія* произошло отъ значенія *жертвоприношенія*, ибо въ такомъ случаѣ было бы непонятно, почему позднѣйшій языкъ удержалъ лишь послѣднее изъ этихъ значеній и совершенно утратилъ первое. Корень, лежащій въ *yagna* есть *gau*, чтить, откуда санскр. гл. *yaḥ* и греч. ἄζομαι, ἄγιος. Можно предположить, поэтому, что *yagna* въ Ведахъ сохраняетъ общее значеніе „богопочитаніе“, точно также какъ и глаголъ *yaḥ*, повидѣе „приносить жертву“, здѣсь значить еще вообще „чтить боговъ“ какъ гимнами, такъ и жертвою“.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Ведахъ *yagna* очень часто, но далеко не вездѣ, имѣетъ значеніе „чествованія“. Съ другой стороны, есть довольно мѣстъ, гдѣ *yagna* имѣетъ совершенно матеріальное значеніе жертвы. Конечно, подъ *yagna* разумѣтся матеріальная пища, когда въ I, 34, 3 говорится о смѣшеніи *yagna* съ медомъ, или когда боги приглашаются наполнить утробу *yagnena svagam krtena* (то-есть, хорошо изготовленной жертвой) (I, 152, 5), или когда боги являются и садятся на *barhis* вокругъ жертвы. Спрашивается, которое изъ обихъ значеній первоначальное—*sacrificium* или *celebratio*? Думаемъ вмѣстѣ съ г. Фортунатовымъ, что коренное значеніе „чествованія“ (отъ *yaḥ*—чтить) было первоначальнымъ, но не усматриваемъ повода выводить отсюда, что чествованіе предшествовало жертвоприношенію. Если корень не выражаетъ чего-нибудь матеріальнаго, то это еще не значить, чтобы въ жизни не совершалось матеріальное чествованіе въ видѣ жертвоприношенія. Отъ общаго понятія „чествованія“ до разныхъ видовъ чествованія, а между прочимъ и до жертвъ, встрѣ-

чавшихся въ жизни, переходъ огромный. Г. Фортунатовъ слишкомъ поспѣшилъ сдѣлать бытовой выводъ изъ грамматики. Если Индусы и Эранцы вмѣсто выраженія кормленія боговъ говорили чествованіе, мы не имѣемъ еще права утверждать, чтобы въ жизни чествованіе не сопровождалось кормленіемъ. Хотя *уадна* не значитъ кормленіе, но о кормленіи боговъ говорится во множествѣ гимновъ. Намъ кажется, что переходъ между древнѣйшимъ и позднѣйшимъ значеніемъ *уадна* можетъ быть выраженъ нашимъ словомъ: потчиваніе, которое свое древнее значеніе потчиванія, чествованія смѣнило на современное — приглашеніе ѣсть, угощеніе.

Такъ же мало убѣдительности въ переходѣ значеній другаго слова, приведеннаго г. Фортунатовымъ, именно *жрѣти*. Можно вполне согласиться съ нимъ, что первоначальное значеніе этого слова было „славить“ (прусское *girtwei*), но вмѣстѣ съ тѣмъ безъ всякаго противорѣчія предполагать, что это славленіе, чествованіе въ древнѣйшемъ быту заключалось именно въ потчиванія боговъ жертвою, которое обыкновенно сопровождалось прославленіемъ могущества божества и просьбой о помощи.

Нельзя, по нашему мнѣнію, ссылаться и на то, что въ такъ называемомъ праязыкѣ индоевропейскомъ не было слова для *жертвы*, такъ что каждый народъ выбралъ себѣ особое слово, для выраженія этого понятія. Отсутствие общаго слова еще не доказываетъ, чтобы въ индоевропейскомъ періодѣ *жертвы* не были извѣстны. Идя этимъ путемъ, мы съ такимъ же правомъ могли бы доказывать, напримѣръ, что въ этомъ періодѣ люди еще ничего не предпринимали съ своими покойниками, ибо нѣтъ общаго индо-европейскаго слова, которое выражало бы понятіе погребенія или сожиганія умершихъ. Вообще намъ кажется, что необходима большая осторожность въ заключеніяхъ изъ отдѣльныхъ словъ къ быту, особенно если дѣло идетъ о томъ темномъ и отдаленномъ періодѣ, когда предки современныхъ индо-европейскихъ народовъ составляли одинъ народъ.

II.

Культъ Сомы.

Разбирая значеніе Самоведы, г. Фортунатовъ касается въ нѣсколькихъ словахъ культа *сомы*, составляющаго главное назначеніе этого сборника. Происхожденіе культа *Сомы*, по мнѣнію г. Фортунатова, объясняется такимъ образомъ, что человѣкъ, замѣтивъ опя-

нающее дѣйствіе этого напитка, приписалъ ему божественную силу, вслѣдствіе чего Сомѣ обратился въ бога, а добываніе его стало священнымъ дѣйствіемъ. То же мнѣніе о происхожденіи этого культа высказалъ американскій санскритологъ Whitney ¹⁾).

Съ перваго взгляда это объясненіе кажется вполне естественнымъ. Мы знаемъ, изъ многихъ примѣровъ, почерпнутыхъ изъ разныхъ культуръ, что состояніе опьяненія считалось и доселѣ считается вѣщимъ, пророческимъ, и приобрѣтеніе такого состоянія у многихъ народовъ составляетъ религіозную церемонію. Такъ въ Вестъ-Индскомъ архипелагѣ жрецы вдыхали порошокъ *коубы*, для того чтобы въ состояніи опьяненія вступать въ сношенія съ духами; на р. Амазонѣ племѣ Омагва до новѣйшаго времени вызывало необыкновенныя видѣнія, употребляя нѣкоторые наркотическія растенія. Даріенскіе Индѣйцы кормили дѣтей сѣменами *daturae sanguineae*, чтобы вызвать у нихъ пророческій бредъ, и т. п. ²⁾). Можно на основаніи примѣровъ другихъ народовъ допустить, что и племя Индоевропейцевъ на ранней ступени развитія могло обоготворять, на подобіе фетишъ, опьяняющую траву, но мы сейчасъ увидимъ, что это предположеніе не въ состояніи вполне объяснить происхожденіе и широкое развитіе культа Сомы. Дѣло въ томъ, что *soma*, обозначая обыкновенно сокъ растенія (*Ascl. acida* или *sarcostema viminale*) имѣетъ еще другое значеніе—значеніе „мѣсяца“, котораго отношеніе къ первому далеко не представляется яснымъ. Во всей позднѣйшей литературѣ—въ Брахмавахъ (напримѣръ, Satapat. Br. I 6.4.5. и др. Adbhutabrahmana Самаведы—Weber, Omina und Portenta стр. 334), Пуранахъ ³⁾), эпосѣ и т. д., Soma является постоянно божествомъ мѣсяца, властителемъ созвѣздій (*nakṣatradhipatiḥ*) и сѣверной страны свѣта (Soma uttarayāṁ-Śadvinçabr IV. 4). Въ Taitt. Sanh. II 3,5,1 мы читаемъ преданіе о любви мѣсяца (*soma* къ звѣздѣ Rohini, очень распространенное въ позднѣйшей литературѣ (см. Ind. Sagen von Holtmann, I, стр. 311 слѣд.), а въ 10-й книгѣ Ригъ-Веды о свадьбѣ его съ Sūryā (гимнъ 85-й Sūryāvivaḥa). Является вопросъ, въ какомъ отношеніи находится значеніе *мѣсяца* къ значенію *сока*, былъ ли сокъ сомы возведенъ съ

¹⁾ *Journal of the Amer. Orient. Society*, VI, 299.

²⁾ См. многочисленные примѣры, собранные у Тэйлора, Первобыт. Культура, II, 452 слѣд.

³⁾ Ср. Viṣṇu Purāna, кн. I, гл. 22, р. 35 переводъ Вилсона: Brahma appointed Soma to be monarch of the stars and planets of Brahmans and of plants of sacrifices and of austere devotions.

земли на небо и чествуемъ въ видѣ мѣсяца, или на оборотъ, мѣсяцъ низведенъ на землю и воплощенъ въ известномъ растеніи?

Обыкновенно принято считать значеніе мѣсяца второстепеннымъ, такъ какъ оно явилось позднѣе. Такъ Веберъ въ примѣчаніи къ одному мѣсту изъ 13-й книги Kaucikasutra (Omina und Portenta, стр. 409) замѣчаетъ: „Soma als König der Pflanzen ist zunächst nicht der Mond, sondern die personificirte Soma pflanze. Die Beziehung auf den Mond ist wie bei dem Worte Soma überhaupt, erst eine secundäre, ob uach freilich alterthümlich genug“.

Однако, если мы согласимся съ этимъ положеніемъ, мы не будемъ въ состояніи объяснить нѣкоторыхъ стиховъ Ригъ-Веды, гдѣ Soma дѣйствительно является мѣсяцемъ съ его известнымъ вліаніемъ на природу.

Гимны часто изображаютъ Soma въ такихъ яркихъ чертахъ космическаго божества, что только съ крайнею натяжкой можно видѣть въ немъ свѣтлотекущій наркотическій сокъ. Подобно Индрѣ, онъ вооруженъ страшными орудіями (IX, 76, 2; IX 61, 309), онъ убійца Вритры, демонъ мрака (vṛtrahan или vṛtrahantama (I 95, 5, IX, 24, 6) и разрушитель городовъ (rigbhid IX 88. 4). Онъ разгоняетъ мракъ (I, 91, 22), освѣщаетъ ночи (VI, 33, 3), производитъ солнцу свѣтъ (VI, 44, 23; IX, 97, 41) и возводитъ это свѣтило на небо (IX 107, 7). Подобно божеству ночнаго неба Варунѣ, Soma имѣетъ тысячу глазъ (sahasraśaktas = звѣздѣ, IX, 20, 1, 2), и дискъ его сравнивается въ одномъ мѣстѣ (IX, 96, 6) съ топоромъ, вонзеннымъ въ дерево (картина полукруга луны среди облачныхъ деревьевъ). Въ народной Amharšavedѣ (XI, 6, 7), сохраняющей часто древнѣйшія представленія, читаемъ слѣдующій стихъ, въ которомъ Сомъ отождествляется съ мѣсяцемъ: „Сомъ богъ да освободитъ меня, онъ, котораго зовутъ мѣсяцемъ“.

Въ R. V. I 91, 22 должно видѣть въ Сомѣ мѣсяцъ, когда поэтъ обращается къ нему съ слѣдующимъ восклицаніемъ: „Ты, о Сомъ! произвелъ всѣ эти растенія, ты—воды, ты—коровъ, ты протянулъ пространную воздушную сферу, ты свѣтомъ отогналъ тьму“²⁾. Если союзникомъ Сомы является Индра (IV, 28; VI, 72), и они вмѣстѣ

¹⁾ См. Muir, Original Sanscrit Texts, V, 217 и слѣд.

²⁾ Avamīma ośadhīh soma viśvas Avam apo āganayas tvam gaḥ tvam a tatant-horv antarikṣam tram gyotīṣa vitamo vavartha; см. разборъ 33-го стиха 3-ей декады въ Ag. Sanh.

возвращают зарю и солнце, убивают Вритру, то трудно сказать— является ли здѣсь Сома помощникомъ Индрѣ, какъ мѣсяцъ, помощникъ солнца, или какъ опьяняющій сокъ, воодушевляющій Индру на подвиги.

Можно было бы значительно увеличить число ведійскихъ примѣровъ, въ которыхъ Сома имѣетъ космическое значеніе; но и этихъ достаточно для установленія факта, что такъ называемое второстепенное значеніе *мѣсяца* также древне, какъ первоначальное, и слѣдовательно, преобладаніе значенія *сома* еще не указываетъ на его первоначальность.

На рѣшеніе этого вопроса проливаетъ особенный свѣтъ 85-й гимнъ 10-й книги, если мы даже допустимъ вмѣстѣ съ Ротомъ (Коммент. къ Нируктѣ, стр. 147), что въ немъ изображаются сравнительно довольно позднія воззрѣнія на Сому. „Черезъ Сому“, говорится здѣсь (ст. 21,— „сильны Адитьи, черезъ Сому велика земля, и Сома помѣщенъ среди этихъ звѣздъ. 3. Сому думаетъ пить (человѣкъ), когда выжимаютъ растеніе, но *отъ Сома, которую брахманы знаютъ* (то есть, мѣсяцъ), не вкушаетъ никто. 4. Охраняемый охранами (?) и стерегомый могуществомъ (?), ты, Сома, стойшь, слушая каменный прессъ, но никто земной не вкушаетъ тебя. 5. Когда, о богъ! пьютъ тебя, ты снова затѣмъ наполняешься. Ваго хранитель сомы: мѣсяцъ, (*mensis*) есть часть года“ (?) ¹⁾. Изъ этихъ, хотя и не вполне ясныхъ, стиховъ можно вывести заключеніе, что въ ведійскомъ періодѣ существовало сознаніе объ отношеніи небеснаго сомы (мѣсяца) къ земному—растенію. Можно думать, что брахманы еще сознавали символическій характеръ культа сомы, и постоянно занимаясь этимъ культомъ, не забывали однако той космической потенціи, которая лежала въ основаніи символа ²⁾. Убѣжденіе, что есть двоякаго рода Сома, не измышленіе философствующихъ брахмановъ: оно было, вѣроятно, укоренено среди всего народа, и въ основаніи его лежало физическое наблюденіе надъ свойствами луны. Каковы же эти свойства? Человѣкъ уже рано старался выяснитъ себѣ фактъ постепеннаго ущерба и нарастанія мѣсяца, и самымъ простымъ, младенческимъ объясненіемъ было конечно то, что его кто-то съѣдаетъ, и затѣмъ онъ снова нарождается. Свѣтлый полукругъ мѣсяца представлялся чашей, наполненною пищею: эта чаша

¹⁾ Ср. Ind. Stud., V, 178; Muir, V, 271.

²⁾ Такъ въ R. V., X, 116, 3. различаются *divyaḥ somaḥ*: небесный сома (мѣсяцъ) и тотъ, *yaḥ siyate parthivān*, который выжимается у земныхъ людей.

то полна, то пуста, и смѣна того и другаго состоянія замѣчается съ совершенною правильностью въ природѣ ¹⁾. Представляя себѣ боговъ съ человѣческими потребностями, человѣкъ легко приходилъ къ мысли, что мѣсяцъ служитъ имъ пищей и притомъ пищей безсмертною (*amṛta*), не умаляющеюся. Такъ, въ самой древней изъ брахманъ, въ *Ṣat. brāh.* XI, 1, 4, 4, мы читаемъ: „Этотъ царь Сома, который есть мѣсяцъ—пища боговъ (*daśanam annam*)“²⁾, и это убѣжденіе имѣетъ признаки глубокой древности.

Но было еще другое наблюденіе, которое уже въ глубокой древности могъ сдѣлать человѣкъ надъ луною. Просыпаясь раннимъ утромъ послѣ обильной росой ночи, онъ замѣчалъ, на сколько за ночь подросли растенія, распустились почки, и какою свѣжестью дышетъ весь растительный міръ. Днемъ ему не удавались подобныя наблюденія, и потому естественно, что онъ приводилъ весь растительный процессъ въ извѣстную связь съ дѣйствіемъ мѣсяца, царя ночи. То мѣсяцъ становится царемъ растений (*virudham patiḥ*). Не только у Индусовъ, но и у многихъ другихъ народовъ существуетъ убѣжденіе, что произрастаніе находится въ связи съ ущербомъ и прибылью луны ²⁾, что отъ этого же явленія происходитъ перемѣна въ погодѣ,

¹⁾ Не касаясь подобныхъ представленій у иноземныхъ народовъ, напомнимъ только наши народныя. Мѣсяцъ въ русскихъ загадкахъ представляется то короваемъ, то краюшкой хлѣба, то чашей съ молокомъ, то котломъ. «Полна печь пироговъ, посреди коровой (звѣзды и мѣсяцъ). Надъ бабушкиной избушкой виситъ хлѣба краюшка (мѣсяцъ). Надъ дворомъ, дворомъ стоитъ чаша съ молокомъ (то же). Шель я мимо, видѣлъ диво — виситъ котелъ въ девяносто ведръ (то же). См. Пословицы *Даль*, стр. 1061. Въ юго-западной части Томской губерніи народъ думаетъ, что мѣсяцъ изъ киселя — оттого онъ ежемѣсячно истекаетъ: когда молодой мѣсяцъ на рогу стоитъ (слѣдовательно, когда чаша опрокинута), то называется *текунъ* и предвѣщаетъ дождливую погоду (*Этнографич. Сборникъ*, VI, 1864, стр. 117). У Латышей есть загадка про мѣсяцъ: коробка съ масломъ въ озеръ, см. *Стромиса*, Памятники Латыш. народ. творчества, стр. 318.

²⁾ Между классическими указаніями находимъ слѣдующія: класть яйца подъ наѣдку въ новолуніе, а деревья сажать—когда мѣсяцъ идетъ на ущербъ и послѣ полудня. Литовское правило: отнимать отъ груди мальчиковъ во время прибыли луны, а дѣвочекъ въ ущербъ, совершенно подходитъ къ тому, что Оркнейскіе островитяне сопротивляются бракамъ въ другое время, кромѣ прибыли луны. См. *Тэйлоръ*, Первоб. Культ., I, 122 и II, 347. Только то, что нарастаетъ снова, говоритъ Варронъ о земледѣліи, можно срѣзывать при новолуніи, все же прочее должно срѣзывать при ущербѣ. Новолуніе считалось у Нѣмцевъ лучшимъ временемъ для приплода скота. Соблюдалось правило, плоды растущіе надъ землею снать въ новолуніе, а корнеплодыя растенія—въ ущербъ мѣсяца. Русскія

имѣющая огромное значеніе для растительнаго міра. Саяна въ комментаріи къ гимну Ригъ-Веды, I, 181, посвященному Асвинамъ, видитъ въ одномъ изъ нихъ солнце, въ другомъ мѣсяцъ и говоритъ, что мѣсяцъ поддерживаетъ міръ „ибо при восходѣ его произрастаютъ растенія и деревья. Итакъ, эпитетъ *virudham patih* (RV, I, 91, 8; VI 75, 18; VIII, 48, 7, 8 etc), который прилагается къ сомѣ, вполне понятенъ, если подъ сомой мы разумѣемъ мѣсяцъ.

Третье, также младенческое наблюденіе роли мѣсяца ночью повело къ мифамъ объ отношеніи его къ свѣтилу дня. Эти отношенія рисовались различнымъ образомъ: то оба свѣтила — братъ и сестра, то — мужъ и жена, то они преслѣдуютъ другъ друга, то мѣсяцъ, помощникъ солнца, ищетъ его всю ночь и находитъ на разсвѣтѣ. Последнее въ индусской мифологіи распространено всего болѣе, какъ видно изъ гимновъ къ Индрѣ и Сомѣ или Пушану и Сомѣ.

Приложимъ теперь всѣ эти факты къ объясненію культа Сома.

Культъ мѣсяца, какъ извѣстно, распространенъ въ мифологіяхъ всѣхъ индоевропейскихъ народовъ на ряду съ культомъ солнца. Но просматривая ведійскіе гимны, мы замѣчамъ съ удивленіемъ, что среди прочихъ космическихъ боговъ мѣсяцъ, какъ таковой, играетъ незначительную роль. Это тѣмъ болѣе странно, если мы вспомнимъ о климатѣ Индіи, о невыносимо жаркихъ дняхъ и прохладныхъ ночахъ, освѣщаемыхъ роскошнымъ луннымъ блескомъ, воспѣваемымъ въ самыхъ поэтическихъ чертахъ позднѣйшими поэтами. Но это забвеніе царя ночи основано на недоразумѣніи. Цѣлая книга (9-я) Ригъ-Веды исключительно посвящена культу бога, котораго имя совпадаетъ съ названіемъ мѣсяца, именно *raçamāna soma*. Не вполне ли естественно предположить, что сильное развитіе этого культа было основано на древнемъ культѣ луны и свидѣтельствуетъ о его первоначальной силѣ?

Это предположеніе не противорѣчитъ общему характеру гимновъ Ригъ-Веды. Мы не утверждаемъ, что тотъ Сомъ, который воспѣвается въ гимнахъ, есть *мѣсяцъ*; мы только полагаемъ, что культъ растенія былъ приведенъ въ связь съ древнѣйшимъ культомъ мѣсяца, и сим-

примѣты: посѣвъ на молодую луну — къ урожаю; въ новолуніе свѣтъ червь поѣсть; лень свѣтъ въ послѣднюю четверть; ячмень на свѣжеть навозъ въ полнолуніе; см. *Ж. М. Н. Пр.* 1863, июль. По убяженію древнихъ Грековъ нарастающій мѣсяцъ даетъ легкіе, а убывающій трудные роды; *Roscher*, *Studien zur vergleich. Mythologie*, II, 41. По индусскимъ понятіямъ, бракъ долженъ совершаться при нарастаніи мѣсяца; *Weber*, *Naxatra*, II, стр. 311. и т. д.

воля до такой степени отдѣлился отъ оригинала, что этотъ оригиналъ какъ бы забыть. Много было говорено всѣми ведистами о необыкновенной первобытности религиозныхъ вѣрованій Индусовъ ведійскаго періода. Въ гимнахъ находятъ самыя яркія олицетворенія природы, самыя первобытныя понятія о божествахъ физическихъ. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробный анализъ этого общепринятаго взгляда: скажемъ одно, что ведійская культура далеко нѣ кажется намъ первобытною, и что божества ведійскаго Олимпа уже значительно удалены отъ физическихъ явленій, лежащихъ въ ихъ основаніи. Если мы хотимъ въ краткихъ чертахъ характеризовать міеологію ведійскихъ гимновъ, можно вообще сказать, что всего болѣе былъ въ этомъ періодѣ распространѣнъ культъ трехъ божествъ — Агни, Индры и Сомы (прочіе, какъ уже видно изъ числа ихъ гимновъ, отступили на задній планъ), и всѣ эти три бога значительно отдѣлены отъ физическихъ явленій. Индра то является громоверждемъ, то солнцемъ, то міровымъ богомъ вообще, Агни — то земнымъ жертвеннымъ огнемъ, то небесной молніею, наконецъ и въ параллель съ ними Сома — то мѣсяцемъ, то опьяняющимъ сокомъ, смѣшаннымъ съ молокомъ и медомъ. Индусы уже въ началѣ ведійской эпохи начали отдѣлять божества отъ физическихъ явленій и обобщать эти явленія между собою. Небеснымъ богамъ искали символовъ на землѣ, и эти символы впоследствии стали пользоваться культомъ, который принадлежалъ въ началѣ небеснымъ тѣламъ. Небесный огонь — солнце и молнія, былъ скоро замѣненъ земнымъ Агни, откуда объясняется обширная и разносторонняя роль этого бога. Но и для мѣсяца нашелся символъ. Какъ изобрѣтеніе орудія для зажиганія огня связано съ міеологіей, такъ и другое, не менѣе радостное для человѣка изображеніе, именно — умѣнье добывать наркотическій и опьяняющій сокъ растений, и какъ первое входитъ главною и существенною частью въ жертвенный ритуаль, такъ и второе занимаетъ въ немъ не менѣе почетное мѣсто. Можно сказать, что ведійскій ритуаль заключается главнымъ образомъ въ двухъ дѣйствіяхъ — въ добываніи огня посредствомъ тренія агани и въ приготовленіи сомы, посредствомъ прессовыхъ камней. И такъ, оба культа идутъ рука объ руку, и какъ первый служитъ прообразомъ небеснаго огня, (солнца и молніи) такъ второй есть земная замѣна небеснаго сомы то-есть, мѣсяца, пици боговъ. Для древнихъ брахмановъ это значеніе культа было ясно: въ Satap. brah. I, 6, 3, 24, дѣлается слѣдующее сопоставленіе: *smiguah eva agneuah sandramah saumya* то-есть, „Сурья — (солнце) огненной природы, мѣсяцъ — сомической“, и намъ

не зачѣмъ искать лучшаго подтвержденія мысли о связи сомы (сока) съ сомой (мѣсяцемъ).

Итакъ, происхожденіе культа сомы представляется намъ слѣдующимъ образомъ: Уже рано Индусы, отдѣляя боговъ своихъ отъ физическихъ явленій, низводя ихъ съ неба на землю, пытались сдѣлать ихъ болѣе близкими себѣ, болѣе осязательными. Въ силу этого процесса низведенія боговъ, и мѣсяць былъ низведенъ на землю, когда фантазія нашла для него земное воплощеніе; найти это воплощеніе было не трудно, потому что въ очень раннюю эпоху мѣсяць представлялся пищей боговъ. Конечно, самая естественная аналогія заставила выбрать для воплощенія мѣсяца какую-нибудь земную, но вмѣстѣ съ тѣмъ чудотворную пищу людей. Такая пища, или вѣрнѣе, такое питье представилъ опьяняющій сокъ растенія. Когда было найдено средство готовить этотъ сокъ, когда человѣкъ испыталъ на себѣ его увеселяющее, подкрѣпляющее дѣйствіе, словомъ, когда онъ напился пьянъ, въ немъ легко явилась мысль, что, не смотря на земное происхожденіе и приготовленіе, этотъ сокъ — дивный небесный даръ, что онъ въ ближайшемъ родствѣ съ небесною пищей — мѣсяцемъ, или что онъ — земное воплощеніе этой пищи. Земной прообразъ небеснаго бога былъ найденъ и сталъ пользоваться тѣми почестями, которыя прежде принадлежали мѣсяцу. Какъ мѣсяць стоитъ во главѣ растительнаго царства, такъ сома сталъ царемъ растеній; какъ мѣсяць однороденъ съ высшими свѣтлыми богами Индрой и Солнцемъ, такъ и земной Сома сталъ ихъ союзникомъ и Индра, который пьетъ мѣсяць на небѣ, приглашается пить Сому на землѣ.

Мало по малу земной прообразъ замѣнилъ въ культѣ космическаго бога, и къ этому періоду относится большинство гимновъ Ригъ-Веды. Но кое-гдѣ сохранилась еще память о небесномъ Сомѣ-мѣсяцѣ, и это проглядываетъ въ нѣкоторыхъ эпитетахъ и представленіяхъ земнаго сомы, на которые мы указали выше. Вѣроятно жрецы, руководившіе какъ вездѣ и всегда, религіозными мнѣніями народа, особенно покровительствовали этому низведенію бога на землю. Культъ осязательнаго земнаго бога въ видѣ опьяняющаго напитка былъ въ ихъ рукахъ, и конечно, при подобныхъ жертвахъ они не могли сказать: по устамъ текло, а въ ротъ не попало. Это предположеніе напрашивается само собою, хотя мы далеки отъ теоріи Крейцера о могущественномъ вліяніи жреческаго сословія на религіозныя вѣрованія.

Но быть можетъ, противъ нашего объясненія говорить само имя Soma. Его производятъ, какъ извѣстно, отъ корня su выжимать, и часть CLXXXV, отд. 2.

слѣдовательно, оно должно было сначала принадлежать *соку*, а затѣмъ было перенесено на мѣсяцъ.

На это можно отвѣтить слѣдующее:

Этимологическое образование слова *Soma* не совсѣмъ ясно: вѣроятно, оно происходитъ отъ корня *su*, но еслибъ имѣлся въ виду экстрактъ, какъ нѣчто выжатое, то скорѣе можно было бы ожидать образованія отъ причастной формы, то-есть, *suta* (выжатый) Это причастіе дѣйствительно постоянно сопровождаетъ слово *Soma*, когда поэтъ обращается къ богамъ и говоритъ, что имъ *сома выжать* (*samañ suto*, см. гимны *passim*). Изъ этого, а также изъ суффикса *ша*, можно заключить, что едва-ли слова *Soma* значило нѣчто выжатое. Вовторыхъ, въ санскритѣ, какъ извѣстно, три корня *su*: *su* — выжимать, *su* — рождать, *su* — двигать, возбуждать (*Savita grāsavit*), посылать. Вѣроятно, первые два корня нѣкогда составляли одинъ, ибо процессъ физическаго рожденія съ его потугами могъ быть названъ выжиманіемъ плода. Можетъ быть, и третье, довольно неопредѣленное *su* — *двигать, возбуждать, подгонять, толкать*, есть только дальнѣйшее развитіе перваго *su* — *жать*. Отъ котораго же изъ этихъ корней произведено *Soma*? Обыкновенно думаютъ, что изъ перваго, такъ какъ въ *Сомѣ* видятъ только экстрактъ. Но можно предположить, что слово *Soma* относится къ тому періоду, когда одинъ корень *su* еще не развѣтвился на *три* специальныя значенія, и въ пользу этого предположенія говорить древность слова *Soma*. Какъ извѣстно, оно принадлежитъ еще индо-эранскому періоду (зенд. *haoma*) и уже въ то время было словомъ религіознымъ, то-есть, древнимъ. Отсюда можно вывести, что *Soma* — слишкомъ древнее слово, чтобы можно было, не колеблясь, выводить его отъ специально эрано-индускаго глагола. Втретьихъ, замѣтимъ, что отъ корня *su* происходитъ и другое названіе въ ведійской мѣологии — именно солнечнаго бога¹⁾ *Савитара* ¹⁾. Оно является уже въ древнѣйшихъ гимнахъ, и можно думать, что также древне, какъ имя *Сомы*. Какъ здѣсь является параллелизмъ въ названіи солнца и мѣсяца (*Savitar* и *Soma*), такъ въ двухъ другихъ словахъ: *Indra*, часто олицетвореніе солнечнаго бога, и *Indu* — мѣсяцъ; послѣднее слово въ этомъ значеніи упоминается уже въ *Ригъ-Ведѣ* ²⁾, хотя *Grassmann* ³⁾ утверждаетъ, что *indu* означаетъ только *Сому* (*Somatropfen*).

¹⁾ В. R. производятъ его отъ 2-го *su* — *in Bevegung setzen* etc.

²⁾ Ср. напр. гимнъ къ *Vastospati*, VII, 54.

³⁾ См. *Wörterbuch zum Rig-Veda*, s. v.

Принимая въ разчетъ эти соображенія, намъ кажется слишкомъ преждевременнымъ считать положительнымъ фактомъ, что названіе сока растенія было впоследствии перенесено на мѣсяць, хотя и обратное перенесеніе также имѣетъ мало за себя. Все, что мы можемъ сказать теперь, заключается лишь въ скудномъ фактѣ, что мѣсяць, какъ пища боговъ, и сома, какъ пища людей, уже въ глубокой древности носили одно названіе. Сліянiе небеснаго бога и его земнаго представителя произошло какъ въ культѣ, такъ и въ названіи, притомъ, вѣроятно, *искусственно*, и первоначальный смыслъ слова *Soma* утратился уже въ ведійскомъ періодѣ. Впрочемъ, если мы даже допустимъ, какъ всѣ ведисты, что мѣсяць названъ былъ *сокомъ*, это нисколько не устраняетъ нашего объясненія, что мѣсяць и его культъ лежатъ въ основѣ культа этого сока; а эту мысль намъ только и хотѣлось обставить нѣкоторыми доказательствами и соображеніями. Замѣтимъ въ заключеніе, что слѣды прилаживанія сока сомы къ олицетворенію мѣсяца, видны, можетъ быть, въ томъ, что *сома* постоянно смѣшивается съ молокомъ, вѣроятно, съ цѣлью сообщить ему цвѣтъ, подходящій къ бѣловатому цвѣту луны, и что выжиманіе этого сока совершалось по полнолуніямъ (см. *Weber, Naхата, II, стр. 283*).

III.

Что касается текста *Агауака-samhita*, то какъ само изданіе, такъ и переводъ съ подробнымъ комментариемъ показываютъ, что г. Фортунатовъ глубоко изучилъ свой предметъ и сдѣлалъ все, что зависѣло отъ него, для уясненія *арамьяки*. Не его вина если текстъ дошелъ до насъ кое-гдѣ въ значительно искаженномъ состояніи и не представляетъ поэтому важнаго приобрѣтенія для изученія ведійскаго нарѣчія. Чтобы дать понятіе о состояніи текста, мы коснемся нѣкоторыхъ стиховъ, сравнимъ ихъ съ вариантами Ригъ-Веды и разберемъ комментарий и переводъ г. Фортунатова. Этотъ разборъ нисколько не уменьшитъ ученыхъ заслугъ автора; напротивъ, онъ покажетъ, съ какими трудностями ему приходилось бороться, и какъ счастливо онъ умѣетъ иногда, не смотря на всѣ трудности, добиться сноснаго смысла въ испорченномъ текстѣ.

Начнемъ съ перваго стиха первой декады:

Ag. S. Indra *gyésthām na ā bhara ógisthām pupuri çrávah.*

yat didhr kśema vagra-hasta rodasi (iti) ā ubhé (iti) suçipra paprāh.

R. V. VI, 46,5: Indra *gyésthām na ā bhara ā ógisthām pāpuri çrávah.*
yénemé citra vagrahastā ródasi óbhé suçipra pṛāh.

Переводъ г. Фортунатова: „О Индра, принеси намъ навеличайшую, наисильнѣйшую, обильнѣйшую славу, которую мы желали бы утвердить“.

„О перунодержецъ, въ небѣ и землѣ, обоихъ мірахъ, о прекраснотанитный, щедрый!“

Перев. Р. В. 2-й половины: „которою (слагоу) ты, о лучезарный перунодержецъ! наполнялись ¹⁾ эти оба міра“.

Сравнивая текстъ Ригъ-Веды съ этимъ стихомъ, мы замѣчаемъ, что первый вполне ясенъ, между тѣмъ какъ въ послѣднемъ мы немедленно наталкиваемся на значительныя затрудненія. Изъ слова *pargāh* (соотвѣтствующаго по мѣсту въ стихѣ глаголу *rgāh* въ R. V.) приходится волей-неволей сдѣлать прилагательное, и г. Фортунатовъ, не находя его въ словарѣ, даетъ ему значеніе „щедрый“, сближая его, съ одной стороны, съ вед. *pargī*, щедрый, съ другой—съ корнемъ *rgā* (наполняющій), являющимся въ сложныхъ словахъ *antarikṣargā* (наполняющій воздухъ), *śarṣapirgā* (наполняющій людей).

Допускаемъ, что другаго объясненія и не могло бы быть, если *pargā* прилагательное, но въ послѣднемъ-то и можно сомнѣваться. Прилагательныя, образованныя отъ удвояющихся корней, ослабляютъ гласную корня *a* въ *i*, напримѣръ, *pargī*—щедрый, *pargī*—спасающій, отъ 2-го *par*, *parī*—пьющій, *dadī*, дающій, *dadhī*—дарующій (Vdha см. R. V., X, 46, 1), и потому на сколько понятна форма *pargī* отъ *par*, на столько непонятна форма *pargā*, притомъ произносимая здѣсь *pargāah*. На то, что корень *rgā* сохранился безъ ослабленія въ *сложениі* (*antarikṣargā*), конечно, нельзя ссылаться, ибо тамъ онъ имѣетъ чисто глагольный характеръ, и притомъ не имѣетъ удвоенія, которое представляетъ причину паденія гласной *a* въ *i* въ словахъ *pargī*, *parī* и т. п.

Затѣмъ, не менѣе подозрительною кажется глаг. форма *didhṛkṣema* (по переводу г. Фортунатова: *мы желали бы утвердить*), желательное наклоненіе деизидератива отъ *darh*. Глаголь *darh* (*dṛnh*) чаще употребляется въ Ведахъ съ объектомъ не отвлеченнымъ, а матеріальнымъ, напримѣръ: дѣлать твердыми или крѣпкими горы, города, землю, перунъ (*varṣa*) и т. п., и ко всѣмъ этимъ предметамъ употребляется прилагательное *dṛdhā* (крѣпкій, твердый) въ видѣ эпитета; здѣсь же мы находимъ перенесеніе на предметъ не матеріальный—славу. Но и само пожеланіе, выражающееся въ желательномъ наклоненіи, по малой

¹⁾ Собств. 2 sg. conj., но какъ часто неудобное для передачи при переводѣ.

мѣръ странно: человекъ желаетъ соперничать съ богами и утвердить свою славу не только на землѣ, но и на небѣ. На сколько въ Ведахъ стереотипно выраженіе (какъ въ вариантѣ R. V. къ этому стиху), что Индра наполняетъ оба міра славой своихъ подвиговъ, на столько неестественно подобное желаніе человека. Наконецъ, если мы вмѣстѣ съ г. Fortunатовымъ отнесемъ *gadasiā* къ *didṛkṣema*, какъ прямой объектъ, то погрѣшимъ противъ самаго обыкновеннаго синтаксическаго правила санскрита, требующаго послѣ глагола съ подобнымъ значеніемъ, какъ *grīh*, не винительнаго, а мѣстнаго падежа: ставить, класть, утверждать въ чемъ, нибудь, а не *во что*, нибудь. Ср. между прочимъ нѣсколько ниже *Ar. III 1. dividyam iva dr̥ghatu*.

Итакъ, первый стихъ по тексту *An* не представляетъ ничего удовлетворительнаго ни по смыслу, ни по формѣ. Варианты, которые онъ содержитъ, сильно походятъ на искаженіе, противорѣча правиламъ этимологіи и синтаксиса, и даже вариантъ *purugi* вмѣсто *rurugi* есть, вѣроятно только испорченное слово, въ которомъ первое *и* явилось при быстромъ произношеніи подѣ влияніемъ втораго.

Ст. 2-й

Indraḥ, raga gāgatah carśānīnam ādhi kṣama viçvānṛam yāt asya, tātaḥ dadati daçūse vāsuni śodāt radhaḥ ūpastutam ěit arvak.

Второй стихъ не представляетъ значительныхъ вариантовъ, измѣняющихъ смыслъ (*ksāmi* и *kṣama*, *viçvānṛam* и *viṣunṛam*, *upastutam* и *upastutas*). Остановимся только на послѣднемъ словѣ: г. Fortunатовъ относитъ нарѣчіе *arvāk* (вмѣстѣ съ Грассманомъ) къ причастію (отъ глагола *śud*) *śodat* и переводитъ *быстро принося*; затѣмъ оба винительные падежа *radhas* и *upastutam* онъ понимаетъ такъ, что *upastutam* есть прямое дополненіе къ *śodat*, то есть, *быстро принося все, о чемъ его молятъ*, а *radhas* есть опредѣленіе къ *upastutam*, то есть, *въ милостивый даръ* или *какъ милостивый даръ*. Намъ кажется, что противъ такого перевода говорить значеніе формы *upastuta*. *Upastuta* не значитъ *вымоленный*, а *прославленный*, *воспѣтый*. Словарь не даетъ глаголу *upastu* значеніе *flehen*, *bitten*, и дѣйствительно, изъ всѣхъ мѣстъ, приводимыхъ имъ, можно вывести только значеніе *воспѣвать*, *прославлять* (ср. R. V, I 22, 6; V, 42, 7 и 15; VI, 53, 4; VII, 2, 2; VIII, 75, 2). Причастіе страдательное *upastuta* вездѣ употребляется какъ эпитетъ лица, прославленнаго бога (I, 181, 7; II 32, 1; V, 76, 2; X 60, 1), а не предмета, и значеніе *вымоленное*, которое вытекаетъ изъ перевода г. Fortunатова, не основано на другихъ мѣстахъ, кромѣ

этого. Но хотя нельзя принять перевода г. Фортунатова, однако довольно трудно предложить другой, потому что можно колебаться между тремя: 1) *upastutam* какъ эпитетъ *gadhas* (принося даже (*cid*) прославленный, то-есть, достойный восхваленія даръ); 2) *upastuta* эпитетъ *Готара* (см. В. R. s. v. ура - stu); 3) *upastutam*—винит. падежъ отъ темы *upastut*, восхваленіе быстро принося на (человѣческое) прославленіе милостивый даръ.

Ст. 3-й.

yasya idam ā-rāgaḥ yūgaḥ tuge gāne vānam svār (iti), indrasya rāntyam brhāt. Переводъ г. Фортунатова: „которому (то-есть, этому) Индрѣ, пособнику продолженія рода, принадлежитъ на небѣ это чудное, великое сіяніе, доходящее до облачнаго пространства“.

3-й стихъ, по замѣчанію г. Фортунатова, представляетъ значительныя трудности для пониманія. Переводчикъ прибѣгнулъ къ нѣкоторымъ предположеніямъ, которыя отчасти облегчаютъ затрудненія. Такъ, мы совершенно согласны съ объясненіемъ слова *yūgas*, которое г. Фортунатовъ считаетъ родительнымъ падежемъ, не смотря на акцентъ кореннаго слога. Допустивъ это толкованіе, мы отчасти разъясняемъ загадочность конструціи начала стиха (*yasya (Indrasya) yūgaḥ tuge gane*); но остается еще не менѣе загадочное *ā-rāgaḥ*, и здѣсь мы уже не можемъ согласиться съ толкованіемъ автора. Г. Фортунатовъ считаетъ *ā-rāgas* (не смотря на чтеніе *Attharvavedy ā-rāgas*) за одно слово, за *composit. bahuvrīhi* и переводитъ: „доходящій до облачнаго пространства“.

На это можно возразить слѣдующее: хотя языкъ Ведъ представляетъ множество *composita* съ *ā*, однако мы едва ли найдемъ аналогію для *ā-rāgas* со значеніемъ, придаваемымъ ему авторомъ. Въ большинствѣ именъ (существ. и прилаг.) съ *ā*, этотъ предлогъ имѣетъ то же значеніе, какъ и сложеніе съ глагольными корнями; ср. *ākāra*— тотъ кто даруетъ (а *krnōti*), *akūti*— намѣреніе (отъ *ā + kī*— смотрѣть); *agati*—приходъ (отъ *ā + gam*), *akṣit*—живущій (отъ *ā + kṣit*), *āsaṅga*—прибытіе (отъ *ā + saṅ*), *āyagi*—доставляющій (отъ *ā + yaḡ*) и т. д. Эти *composita* также древни какъ употребленіе предлога *ā* въ сложеніи съ глаголами, прѣ чемъ *ā* (къ) указываетъ направленіе дѣйствія, выражаемаго глаголомъ. Но очевидно, что не въ нихъ нужно искать аналогіи для *ā-rāgas*, ибо это слово не находится въ связи съ глаголомъ *raḡ*, съ предлогомъ *ā*, а состоитъ изъ готовыхъ словъ *ā + ra-gas* (къ и при + воздушное пространство). По нашему пониманію,

трудно представить себѣ, чтобъ $a + gaḡas$ получило значеніе прилагательнаго, которое необходимо для г. Фортунатова; трудно допустить, чтобъ одинъ предлогъ a , сложенный не съ глаголомъ, а съ готовымъ именемъ со значеніемъ *облачнаго пространства*, могъ выражать: „*доходящій* до облачнаго пространства“.

Аналогіи для подобнаго сложенія нельзя найти въ Ведахъ, и г. Фортунатовъ не приводитъ ея. Руководясь примѣрами, нужно бы ожидать, для того, чтобы получить *прилагательное*, не $agaḡas$, а нѣчто другое. Аналогію можетъ представить слово $gaḡas$ —старость. Чтобы составить прилагательное „доходящій до старости“, Индусъ сдѣлалъ изъ темы as тему $a gaḡasa$, что придало дѣйствительно этому сложенію характеръ настоящаго прилагательнаго съ тремя окончаніями. Подобнымъ же образомъ можно было бы составить и $agaḡasa$. Вотъ-рыхъ, противъ предположенія г. Фортунатова акцентъ, и $sarḡáthas$ не можетъ служить аналогіей въ виду, напримѣръ, $adeva$ —благочестивый. Вторыхъ, принятіе $agaḡas$ за прилагательное не облегчаетъ пониманія стиха: намъ, по крайней мѣрѣ, непонятны слова поэта, когда онъ говоритъ, что Индрѣ принадлежитъ великое сіяніе, доходящее (только?) до облачнаго пространства. Подъ сіяніемъ, конечно, разумѣется только свѣтъ солнца, и потому странна картина природы, въ которой этотъ *свѣтъ* доходитъ до облаковъ; одно изъ двухъ: или облака свѣтлыя и не скрываютъ лазури неба—тогда солнечный свѣтъ позади и придаетъ имъ свѣтлый видъ; или облака темныя и покрываютъ все небо—тогда не видать и солнечнаго свѣта. Кажется, вѣрнѣе относить a къ $idam$ какъ усилительную частицу и считать $gaḡas$ существительнымъ въ именительномъ падежѣ: которому (Индрѣ) пособнику продолженія рода принадлежитъ и это облачное пространство, и $vapamsvaḡ$. Со значеніемъ сіянія или свѣтлаго неба для слова $vapam$ можно согласиться на основаніи примѣровъ, приводимыхъ г. Фортунатовымъ. Такимъ образомъ во всемъ стихѣ мы получили бы ту мысль, что Индрѣ принадлежитъ и облачное пространство, и свѣтлое небо, лежащее позади облаковъ. Отсутствіе союза не можетъ быть помѣхой этому толкованію для всякаго, кто наблюдалъ подобныя обороты въ ведійскомъ нарѣчій.

Ст. 4-й.

Четвертый стихъ заключаетъ въ себѣ только небольшую перестановку словъ, сравнительно съ соответствующимъ стихомъ Ригведы. Онъ вообще ясенъ, за исключеніемъ значенія $Aḍitaye$, вопросъ о ко-

торой еще не можетъ быть окончательно рѣшенъ въ настоящее время.

Ст. 5-й.

Переводъ: „Твоимъ пособіемъ, о Сома свѣтлотекущій, будемъ мы всегда дѣлить добытое въ битвѣ! Это да даруютъ намъ Митра, Варуна, Адити, Рѣка (=Индъ), земля и небо“.

Пятый стихъ особенно интересенъ. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ мало еще изслѣдователи Ведъ условились между собою въ передачѣ нѣкоторыхъ ведійскихъ словъ и понятій. При всей простотѣ конструкціи, онъ содержитъ нѣсколько названій божествъ, повторяемыхъ стереотипно—кавъ-то Адити, Синдху—божествъ, которыя, конечно, были ясны творцу этого стиха, но далеко не ясны для насъ, удаленныхъ отъ ведійскаго періода нѣсколькими тысячелѣтіями. Особенно важно условиться въ пониманіи словъ Aditi и Sindhu въ этомъ стихѣ, потому что онъ составляетъ refrain многихъ гимновъ. Вопросъ о подобныхъ *притвазахъ* имѣетъ несомнѣнное значеніе для критики текста, для рѣшенія труднаго вопроса объ относительной хронологіи гимновъ и ихъ принадлежности отдѣльнымъ брахманическимъ родамъ. Просматривая эти refrains, мы можемъ иногда наблюдать, что ими руководились составители *Анукрамантики*, когда приписывали извѣстный гимнъ извѣстному поэту. Пояснимъ это нѣсколькими примѣрами.

Слова *tanpo mitro* и т. д. встрѣчаются въ извѣстной намъ редакціи Ригъ-Веды впервые какъ окончаніе гимна I, 94 и затѣмъ продолжаются съ небольшими перерывами вплоть до 116-й гимна той же книги, оканчивая 19 гимновъ изъ 22-хъ. Въ 97-мъ этого припѣва нѣтъ, такъ какъ гимнъ сложенъ метромъ *gayātrī tristubh'*омъ, въ 99 также, такъ какъ гимнъ содержитъ лишь одинъ стихъ, въ 104-мъ по неизвѣстной намъ причинѣ. Если мы взглянемъ въ *Анукраманнику*, то увидимъ, что почти всѣ гимны, содержащіе это окончаніе, приписаны ришю Кутсѣ, который въ другихъ гимнахъ играетъ роль помощника Индры. Исключеніе составляютъ только гимнъ 99-й, приписываемый Кашьяпѣ, но не содержащій refrain: *tan po mitro* и т. д., и 100-й, въ которомъ упоминаются *Varṣāgiras* (*Rigrāsva*, *Ambarīṣa*, *Sahadeva*, *Bhayamāna* и *Suradas*, ст. 17-й), и который поэтому *Анукраманника* приписываетъ этимъ личностямъ. Итакъ, можно сказать, что рассматриваемый нами припѣвъ составляетъ для *Анукраманики* основаніе, въ силу котораго, извѣстное число гимновъ, содержащихъ его приписываютъ одному лицу.

Мы немедленно убѣдимся, что это такъ, если заглянемъ въ списокъ *ришиевъ* и посмотримъ, какіе стихи приписываются Кутсѣ въ другихъ книгахъ. Мы найдемъ, что въ 9-й книгѣ въ длинномъ гимнѣ 97-мъ приписаны ему стихи 45-й—58-й, и что послѣдній, 58-й стихъ этого гимна снова содержитъ древнія слова: *tap no mitro* и т. д. Очевидно, что ихъ присутствіе побудило составителей *Амукраманки* снова привлечь сюда Кутсу, который является авторомъ только въ 1-й книгѣ.

То же наблюденіе можно сдѣлать надъ другими припѣвами. Такъ, въ той же первой книгѣ, гимномъ отъ 165-го до конца мандалы, то есть, до 191-го, оканчиваются словами: *viduṣmeṣam vrgaṇam gīṛāda-piṣṣ*. *Амукраманка* приписываетъ ихъ ришю Агастѣ, также являющемуся авторомъ только въ первой книгѣ.

Вторая книга Ригъ-Веды приписывается (за исключеніемъ гимновъ 4 — 7) ришю Гритсамадѣ (*Gṛtsamada*) и его потомкамъ. И дѣйствительно, въ большей половинѣ этихъ *Гритсамадовыхъ* гимновъ, послѣдній стихъ содержитъ одинъ и тотъ же refrain, начинающійся съ 1-го гимна: *bṛhad vadema vidathe suvīṅā*.

Кромѣ этихъ гимновъ, Гритсамадѣ присваиваетъ *Амукраманка* еще только три стиха въ 9-й книгѣ, заключительные 86-го гимна; и мы тотчасъ поймемъ причину, ибо и здѣсь находимъ тотъ же refrain.

То же однообразіе конечныхъ стиховъ является въ третьей книгѣ, содержащей гимны, приписываемые большою частью *Viśvāmitra*. Начальные гимны *Аgni* кончаются стихомъ: *īlam agni rīaudaṁṣam* и т. д. Затѣмъ идутъ гимны *Иन्द्रѣ* и ихъ припѣвъ съ 30-го гимна: *sipam hūvema maḡhavaṇam indṛam* и т. д.

Въ четвертой книгѣ гимны *Иन्द्रѣ* большою частью исходятъ также на одинъ и тотъ же стихъ (см. гимнъ 16-й, стр. 21). Въ седьмой пространенъ припѣвъ: *yuṣam pata svastibhīḥ sada paḥ* и т. д.

Итакъ стихъ *Atan. Sanh.* переведенный г. Фортунатовымъ, являясь уже стереотипнымъ исходомъ древнихъ гимновъ Кутсы, заслуживаетъ особеннаго вниманія относительно содержащихся въ немъ мифологическихъ представленій. Въ противоположность *Роту* и *М. Мюллеру*, г. Фортунатовъ считаетъ *Sindhu* извѣстною рѣкою *Индомъ*, не находя никакихъ основаній принять значеніе „море“ (стр. 91). Нѣтъ сомнѣнія, что *Ротъ* и *Максъ Мюллеръ* руководились тѣми мифологическими именами, которыя въ нашемъ стихѣ окружаютъ *Sindhu*: *sindhu* призывается въ обществѣ *Индры*, *Варуны*, *Адити*, земли и неба. Въ этихъ божественныхъ потенціяхъ для поэта заключались

всѣ элементы видимаго міра, и испрашивая ихъ благосклонность, онъ испрашивалъ ее отъ всей природы. Трудно думать, чтобы на ряду съ верховными божествами дня и ночи (Митрой и Варуной), съ землей и небомъ, наконецъ, съ матерью боговъ, безконечною Aditi, на равныхъ правахъ была упомянута рѣка, каково бы ни было ея значеніе. Едва ли рѣка составляетъ существенный элементъ той видимой природы, которую имѣеть въ виду расположить въ себѣ поэтъ. Гораздо понятнѣе упоминаніе Sindhu въ значеніи моря: оно также безпредѣльно, какъ безпредѣльно Aditi, упоминаемая рядомъ съ нимъ. Что море было извѣстно уже въ ведійскомъ періодѣ, это не подлежитъ сомнѣнію, не смотря на старанія современныхъ миеологовъ видѣть во всѣхъ упоминаніяхъ моря не земное, а небесное antarikṣam. Всего дальше въ этомъ перенесеніи земли на небо идетъ Зонне¹⁾ въ своемъ комментарий въ Ригъ-Ведѣ, I, 50. У него на небо возносятся, на примѣръ, три корабля, каждый въ 100 весель, и Асвины носятъ на нихъ Bhṛguṣi вдоль и поперекъ по небесному морю, благополучно доставивъ его, наконецъ, на тотъ берегъ (?) этого моря.

Мы хотимъ этимъ сказать не то, чтобы samudra не значило въ Ригъ-Ведѣ иногда воздушное море, но только то, что современные сравнительные миеологи придаютъ слишкомъ мало значенія вопросамъ культуры и исторіи и часто, на основаніи теоріи перенесенія, отсылаютъ въ область фантазіи такіе факты, которые имѣютъ несомнѣнную реальную подкладку и содержатъ важныя указанія для исторіи культуры. Миеологи исходятъ изъ мысли, что древнимъ Индусамъ, когда они жили еще въ Пятирѣчьи (Пенджабѣ), не могло быть извѣстно море, вслѣдствіе ихъ континентальнаго положенія. Поэтому, если въ гимнахъ является названіе моря samudra, названіе кораблей и весель и т. п., то всѣ эти свидѣтельства должно понимать миеологически и считать море — воздушнымъ моремъ, а корабли — облаками. Только впоследствии, когда Индусы познакомились съ земнымъ моремъ — Индѣйскимъ океаномъ, оно получило по аналогіи названіе samudra, при чемъ совершилось перенесеніе съ неба на землю. Не вдаваясь въ подробный разборъ этого и другихъ перенесеній, мы можемъ сказать, что перенесеніе произошло, но совершенно обратнымъ путемъ. Человѣку нужно было сначала имѣть понятіе о земномъ бе з

¹⁾ См. его статьи въ *Zeitschrift f. vergl. Sprachforschung*: Sprachliche und mythol. Untersuchungen, angeknüpft an Rigveda I, 50 (Bd. XIV, 1-33, 321—342; Bd. XV, p. 81—140, 367—387, 433—442).

предѣльномъ морѣ и о корабляхъ, которые бродятъ по немъ, для того, чтобы поэтическимъ взмахомъ фантазіи усматривать то же явленіе надъ своею головою, въ безпредѣльной лазури неба, бороздимой облаками, подобными кораблямъ. Обратное перенесеніе для насъ совершенно непонятно. Samudgam уже по корню своему (ud) означало собственно земное водное пространство и только посредствомъ метафоры могло означать воздушное море. Слово Sindhu имѣетъ широкое значеніе: оно означаетъ и рѣку, и извѣстную рѣку *Индъ*, и море, и вообще *вату*, какъ одну изъ стихій природы. Въ послѣднемъ значеніи оно является въ эпитетѣ Асвиновъ — *sindhuma tarau* (I, 46; 2), которые приводятся въ связь съ элементомъ *вату*. Подобное же неопредѣленное значеніе имѣетъ это слово и въ нашемъ стихѣ, составляя такой же элементъ природы, какъ земля, небо и т. д. Слѣдовательно, географическое значеніе намъ кажется немислимо. Но къ еще болѣе близкому опредѣленію Sindhu можетъ служить предшествующее ему Aditi, и потому скажемъ и о ней нѣсколько словъ. Наблюдая употребленіе этого имени въ гимнахъ, можно замѣтить, что всѣ случаи распадаются на двѣ главныя категоріи. Въ однихъ Aditi имѣетъ характеръ имени прилагательнаго, обозначая нѣчто безконечное, безпредѣльное во времени, пространствѣ, могуществомъ и т. п.; въ другихъ Aditi является женскимъ олицетвореніемъ какой-то потенціи, имѣющей свойства безконечности, первоначальности и т. п. Она является матерью древнѣйшихъ и высшихъ боговъ и нравственнымъ принципомъ, управляющимъ природою. Но не нужно думать, что уже въ древнѣйшемъ періодѣ Aditi есть метафизическая безконечность, изъ которой философскій умъ выводитъ все конечное. Нѣтъ, Aditi имѣла реальную основу, и понятіе о ней составилось путемъ наблюденія физическихъ явленій видимаго міра. Всего чаще она является съ *dya-v prthivi*—небомъ и землею, какъ нѣчто третье, и отсюда можно понять ея первоначальное значеніе. Человѣкъ вѣчно видитъ надъ собою сводъ неба, а подъ собою—площадь земли, ограниченную этимъ сводомъ. Это два постоянныя, неизмѣнныя явленія. Но изъ-за предѣловъ, доступныхъ человѣческому наблюденію, выходитъ солнце на небесный сводъ, выплываетъ луна. Откуда являются эти дивныя предметы—это сокрыто для человѣка предѣлами видимаго ему міра. Отсюда естественно складывается мысль, что за видимымъ міромъ скрывается нѣчто другое, безконечное Aditi, откуда являются всѣ божества дня и ночи. Какъ лоно, которое порождаетъ видимыхъ свѣтлыхъ боговъ, солнце и луну, Aditi становится женскою потенціей,

матерью всего сущаго, матерью Адитьевъ. Таково было, по нашему мнѣнію, первоначальное понятіе Aditi, понятіе, доступное даже младенческому уму. Впослѣдствіи, при большей зрѣлости мысли, Aditi стала метафизическимъ и нравственнымъ началомъ, но едва ли она была такова въ представленіи древнѣйшихъ Индусовъ. Естественно, что уже по самому существу своему понятіе Aditi должно быть очень неопредѣленно и могло получить въ разныхъ представленіяхъ разные оттѣнки. Являясь безпрестанно въ гимнахъ Ригъ-Веды, это понятіе все-таки не на столько обособилось, чтобы стать личнымъ божествомъ въ той же мѣрѣ, какъ дѣти Адити—Митра и Варуна; поэтому нѣтъ гимновъ, посвященныхъ ей одной, хотя она и отождествляется со всѣми богами (напримѣръ, въ I, 89, 10). Въ нашемъ стихѣ Aditi можетъ быть принята именно въ этомъ физическомъ значеніи *безконечности*, лежащей за предѣлами видимаго міра. Она такой же существенный элементъ природы, какъ небо и земля и Sindhu, влага (и море, какъ влага *κὰτ' ἀφοχῆν*).

Но объ Aditi въ нашемъ стихѣ можно сдѣлать еще нѣкоторыя предположенія. Выше мы замѣтили, что въ другой категоріи случаевъ Aditi является именемъ прилагательнымъ и употребляется какъ эпитетъ боговъ, напримѣръ, Агни, Савитара, Сомы и друг. ¹⁾ Не употреблено ли это слово такимъ же образомъ въ нашемъ стихѣ? Въ такомъ случаѣ надо переводить: это да даруютъ намъ Митра, Варуна, безконечность=море (какъ въ нашихъ пѣсняхъ море=окіанъ) земля и небо. Повторимъ, не стоитъ ли Aditi въ связи съ моремъ? Изъ-за моря выходитъ солнце и луна, день и ночь, Митра и Варуна, такъ что и море могло бы назваться ихъ матерью. Море безпредѣльно, какъ безпредѣльно Aditi, оно мать семи рѣкъ, какъ Адити—мать семи Адитьевъ; Варуна, главный сынъ Адити, уже въ Ведахъ тѣсно связанъ съ моремъ. Наконецъ, есть одинъ стихъ Р. В., VII, 18, 8, который, быть можетъ, подтверждаетъ такое значеніе Адити: *duradhyo aditīm srevayanto' cetaso vi gagrbbhre ragūñīim*. Здѣсь говорится о рѣкѣ Парушни, которую, по видимому, запрудили враги: злонамѣренныя, глуше перехватили Парушни, (какъ бы) отводя Адити. Максъ Мюллеръ и Грассманъ ²⁾ принимаютъ здѣсь Aditi какъ эпитетъ рѣки Парушни, но столь высокой эпитетъ рѣки кажется неумѣстнымъ.

¹⁾ См. Словари Бетлинга-Рота и Грассмана s. v.

²⁾ *Max Müller: divided the resistless river Paruṣṇi Rig—V. translated, I, стр. 251.*

Подъ Aditi, можетъ быть, разумѣется безконечность, неистощимость влаги, и непріатели называются глупцами, такъ какъ они надѣялись высушить эту безконечную влагу, какъ бы вычерпать море.

Высказывая эти соображенія, мы все же повторяемъ то, что сказали выше: личность Aditi еще не можетъ быть вполне выяснена, какъ и личности нѣкоторыхъ другихъ ведійскихъ боговъ, при современномъ состояніи ведійской филологіи. Скажемъ болѣе: можетъ возникнуть вопросъ, создана ли эта личность исключительно индусскимъ народомъ, безъ всякаго посторонняго вліянія. На возможность иноземнаго вліянія на ведійскую міеологію до сихъ поръ не было никакъ указано. Но неужели оно такъ невѣроятно, неужели Индусы составляли исключеніе среди всѣхъ прочихъ арійскихъ народовъ, сохранивъ одни въ первобытной чистотѣ древнія міеологическія вѣрованія? Вспомнимъ о вліяніи восточныхъ культовъ (Малой Азіи, Финикіи, Египта) на міеологію Грековъ, о вліяніи греческихъ поселеній на міеологію Римлянъ, о вліяніи эравскихъ культовъ на Славянъ (Хорсъ), о сильномъ смѣшеніи арійскихъ и семитскихъ воззрѣній въ религіи Заратустры и т. д. Вспомнимъ, наконецъ, мысль, все болѣе и болѣе подтверждаемую исторіей, что всюду, гдѣ возникаетъ историческая цивилизація, замѣчается смѣшеніе разнородныхъ національностей, и что Индусы, завоевавъ Индію и водворившись среди чуждаго племени, не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія изъ общаго правила. Неужели они составляютъ исключеніе только въ своей религіи, не воспринявъ въ нее никакихъ инородныхъ элементовъ? Признаемся, что для насъ въ принципѣ немислима такая неприкосновенность индусскихъ вѣрованій, хотя отъ принципа до его проведенія такой шагъ, который мы не въ состояніи теперь сдѣлать. Мы указываемъ лишь на то, что съ этой стороны изслѣдователи не касались ведійской міеологіи, хотя мы увѣрены, что такого рода изслѣдованіе привело бы къ важнымъ результатамъ. Если нити, связывавшія міеологію Арійцевъ съ иноземными (авгадійско-халдейскою), теперь не представляются осязательными, то болѣе глубокое изслѣдованіе, быть можетъ, привело бы къ неожиданнымъ результатамъ и во всякомъ случаѣ доказало, что чѣмъ глубже мы уходимъ въ древній міръ, тѣмъ далѣе и далѣе отдалается отъ насъ такъ называемый „первобытный“ періодъ. Гимны Ведъ восходятъ, по соображеніямъ болѣе осторожныхъ изслѣдователей, не далѣе какъ къ XIV столѣтію до Р. Х.; въ нихъ находятъ самыя первобытныя представленія арійскаго

племени. Но что это за древность, въ сравненіи съ цивилизаціей халдейско-вавилонскою, которую открыли науѣ труды современныхъ ассиріологовъ Раулинсона, Опперта, Норриса, Ленормана, Смита? Религія Вавилона переживала уже поздній періодъ систематизаціи, соотвѣтствующій брахманическому у Индусовъ, за 2000 лѣтъ до нашей эры ¹⁾, а начала этой религіи лежатъ еще далѣе этого времени. Исслѣдователь слѣдитъ за этими началами, спускается все далѣе и далѣе въ старину и все не открываетъ „первобытной“ эпохи, все находитъ, что божества ужь удалены отъ явленій природы, носятъ отвлеченный характеръ, что народъ, создавшій ихъ, уже пережилъ періодъ фетишизма, въ которомъ до сихъ поръ живутъ нѣкоторые дикія племена. Къ такимъ же результатамъ приходятъ и египтологи, спускаясь въ глубь вѣковъ еще ниже ассиріологовъ. Неужели одни ведисты открыли первобытную эпоху, нашли такія понятія о богахъ, которыя имѣли первобытный человѣкъ, нашли, наконецъ, источникъ мифологическихъ представленій всего индоевропейскаго племени? Отвѣтъ на всѣ вопросы, являющіеся невольно изслѣдователю ведійской мифологіи, не можетъ быть данъ въ настоящее время; но мысль о возможности иноземнаго вліянія не такова, чтобы быть забракованною а priori. Предоставляя себѣ воротиться къ ней впоследствии и обставить ее доказательствами, мы здѣсь упомянемъ только, что въ халдейской мифологіи находимъ среди мужскихъ боговъ одну древнюю женскую личность, которая живо напоминаетъ ведійскую Адити. Мы говоримъ о богинѣ Белить (Beltis, Mylitta), культъ которой былъ широко распространенъ всюду, куда проникало вліяніе Вавилона. Для характеристики ея приведемъ слова Ленормана о ней, предоставляя всякому судить о сходствѣ ея съ Адити: „Belit est le principe féminin de la Nature, la matière *humide*, passive et féconde dans le sein de laquelle se produit la génération des dieux et des êtres. Une inscription de Sargon II, l'Assyrien, dit „qu'elle triture comme le fard les éléments du monde“. Ses principales qualifications sont celles de „*déesse souveraine dame de l'abîme d'en bas, mère des dieux, reine de la terre, reine de la fécondité*“. Comme l'humidité primordiale d'où tout est sorti, elle est Tamti, la mer“, etc. ²⁾.

¹⁾ *Maspero*, Histoire ancienne des peuples de l'Orient, 1875, стр. 149; *Lenormant*, La Magie chez les Chaldéens, 1874, стр. 114.

²⁾ *Lenormant*, La Magie ect., p. 106; *Maspero*, Histoire Ancienne, стр. 250.

IV.

Вторая декада.

Ст. 1-й: Tvám etát adharayaḥ kṛṣṇāsu góhīniṣu śa, páruṣniṣu gúṣat páyaḥ. „Ты держалъ въ *небесныхъ* коровахъ, черныхъ и красныхъ, это блестящее молоко“.

Слово *paruṣni* (пестрая), принимаемое Петербургскимъ словаремъ и Грассманомъ за такой же эпитетъ коровы, какъ *kṛṣṇā* или *gohini*, г. Фортунатовъ переводитъ просто *корова*, безъ намека на цвѣтъ, полагая, что съ теченіемъ времени *paruṣni*, какъ существительное, утратило то значеніе цвѣта, которое ему принадлежало (стр. 98). Съ этимъ едва ли можно согласиться. Аналогія съ *amā* ничего не доказываетъ, потому что и въ этомъ эпитетѣ коровы всегда проглядываетъ первоначальный смыслъ (*cruda*); напротивъ, употребленіе того же прилагат. (*paruṣa*) въ муж. родѣ при словахъ *go* (быкъ, корова) или *ukṣan* — быкъ (наприм. VI, 56, 3, *paruṣe govī* или V, 27, 5, *śatam paruṣāḥ ukṣanaḥ* — сто пестрыхъ быковъ) ясно показываетъ, что и въ женск. родѣ понятіе цвѣта еще не забыто. Ср. литовск. *palvas yautis*.

Ст. 2-й.

Въ этомъ стихѣ, въ передачѣ эпитета быка *vāḍaṇu* словомъ *молочный*, г. Фортунатовъ стеръ безъ достаточнаго основанія картину, рисуемую поэтомъ. *Vāḍaṇu* значить собственно стремящійся къ добычѣ, желающій пищи, и здѣсь этотъ эпитетъ вполне уместенъ, такъ какъ изображается раннее утро, и быкъ мычитъ, проголодавшись за ночь и порываясь на пастбище. *Vāḍaṇu* относится къ многочисленному классу именъ прилагательныхъ, въ которыхъ суффиксъ *yú* выражаетъ стремленіе или желаніе того предмета, который выражается въ корнѣ: *gavayú* — желающій быковъ, *asvayú* — лошадей, *avasyú* — помощи, *vasuyú* — богатства, *indrayú* — стремящійся къ Индрѣ, *vroṣyú* — стремящійся оказать помощь, *uvavayú* — *korn wünschend*, *yuvayú* — стремящійся къ вамъ обоимъ, *tvayú* — къ тебѣ, *duravayú* — къ дому, *duvoayú* — *zuschenken bigierig*, *ṛtavayú* — къ битвѣ (воинственный), *madhyayú* — къ меду, *madhyayú* — къ серединѣ, *gathayú* — желающій колесницъ и т. п. Что въ *vāḍaṇu* въ нѣкоторыхъ случаяхъ проглядываетъ подобное же значеніе суффикса *yú* видно изъ VII, 31, 3, гдѣ оно употреблено рядомъ съ другими подобными же образованиями: *tvám* на Indra *vāḍayúṣ tvám gavayúḥ*, *tvám hiraṇ y ayúḥ* и т. д., то есть: „Ты, о Индра! для насъ стремишься къ добычѣ, къ коровамъ, къ золоту“ и т. д.

Ст. 3-й.

Здѣсь опять мы должны взять подъ свою защиту общепринятое толкованіе *vaśouyug*, эпитета колесницы и коней въ значеніи: запрягаемый словами, противъ перевода г. Фортунатова: „колесницу, запрягаемую словами стиха или молитвы“. Аналогія, приводимая г. Фортунатовымъ, намъ кажется несостоятельною. Только на томъ основаніи, что существуетъ въ Ведахъ эпитетъ *brahmayug*, *запрягаемый молитвою*, г. Фортунатовъ придаетъ значеніе молитвы и слову *vasouyug* и *manouyug*. Но конечно, поэтъ могъ придавать различныя эпитеты колесницамъ и конямъ боговъ: иногда онъ изображаетъ ихъ запрягающимися по одному слову (*vaśouyug*), иногда самими собою (*svayukti* I, 113, 4; I, 50, 9), иногда коней, *направляющимися безъ возницы* (*svayata*, эпитетъ коней Марутовъ, I, 166, 4), иногда *быстрыми, какъ мысль* (*manodugās*) и т. п., и едва ли мы имѣемъ какое-нибудь право подводить къ одному знаменателю всѣ эти представленія. Миеологическіе кони у всѣхъ народовъ имѣютъ чудесныя свойства: какъ въ нашихъ сказкахъ какой-нибудь сивка-бурка, вѣщая каурка. является къ богатырю по одному его слову или по его мысли, такъ у Индусовъ, употреблявшихъ въ ведійскомъ періодѣ коней только въ запряжѣ, эти вѣщія кони запрягаются сами собою или по одному слову, мысли или молитвѣ своихъ господъ. Если *manas* и означаетъ молитву, то едва ли въ такихъ выраженіяхъ, какъ въ *manoguvān gatham* (I, 119, 1, *manoguvān marutas* I, 854 или въ I, 181, 2), гдѣ говорится про Аśвиновъ *avam aśvāsañ çuśayān... vātāraṇhaso divyaśo atyāñ manoguvāno... vāhanto*. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, а ихъ число довольно значительное, *manas*, безъ сомнѣнія, означаетъ не молитву, а мысль, ибо сравненіе съ быстротой молитвы было бы неумѣстно (ср. также I, 117, 2, *yo vām aśvina manaso gaviyān gathāñ etc.* или I, 118, 1; I, 181, 3). Подобныя примѣры яснаго значенія *manas* должны были бы побудить г. Фортунатова отличать *manayug* отъ *brahmayug*, а если *manouyug* имѣетъ иное значеніе, чѣмъ *brahmayug*, то нѣтъ основанія не видѣть третьяго значенія и въ *vaśouyug*. Словомъ, нужно допустить, что у поэтовъ ведійскаго періода на ряду съ представленіемъ о томъ, что коней боговъ можно запретъ благочестивою молитвою, было и другое, раздѣляемое ими съ представленіями, распространенными въ эпосѣ всѣхъ народовъ, что кони боговъ запрягаются сами собою, по одному желанію, мысли или слову своихъ господъ.

Vatouyga мы вмѣстѣ съ г. Фортунатовымъ считаемъ творит. пад. съ подразумѣвающимся gathena, хотя предпочли бы переходъ, который онъ самъ считаетъ возможнымъ на стр. 96: „Индра съ обоими свѣтложелтыми конями да придетъ сюда (а) на колесницѣ, запрягаемой словомъ“ и т. д.

Ст. 4-й.

Переводя этотъ стихъ: „*помогай намъ въ состязаніяхъ и на войнахъ съ тысячею битвами*“, — г. Фортунатовъ вводитъ въ свой переводъ понятіе, совершенно чуждое ведійскому періоду. Индусы того времени не имѣли представленія о *войнѣ* въ нашемъ смыслѣ, то-есть, о непріязненныхъ дѣйствіяхъ, продолжавшихся нѣкоторое время и затѣмъ прекращавшихся мирнымъ договоромъ. Такія войны, которыя ведутся между правильно организованными государствами, еще не существовали: ихъ мѣсто заступали безпрестанныя стычки, набѣги съ цѣлью добычи, при чемъ не могло быть вопроса о перемиріи или договорахъ. Такое состояніе вещей отразилось и въ языкѣ: хотя ведійскій санскритъ представляетъ множество словъ, соотвѣтствующихъ нашимъ: бой, битва, сраженіе, въ немъ нѣтъ ни одного, которое могло бы передать наше *война*. Ср. напримѣръ: yudh, agi, gaviṣṭi, gaveśana, samad, samitha, samaga, samagano, samiti, tarus, dhana, mithati, mrdh и т. п. ¹⁾

Г. Фортунатовъ считаетъ sahasrapradhaneṣu эпитетомъ подразумѣваемаго vageṣu и потому вставляетъ: *въ войнахъ, имѣющихъ 1000 битвъ*; но при этомъ переводѣ слова sahasrapradhana онъ руководится, такъ какъ это слово встрѣчается только въ этомъ мѣстѣ, эпитетомъ sahasramīdha, прилагающимся къ слову agi въ стихѣ R. V. I, 112, 10. Но слово *mīdha* въ этомъ эпитетѣ не менѣе темно, нежели pradhana въ sahasrapradhana. Г. Фортунатовъ почему-то убѣжденъ, что оно означаетъ *битву*, а не добычу, между тѣмъ какъ дѣло это далеко не рѣшено. Въ прилагательныхъ, происходящихъ отъ того же корня, проглядываетъ первоначальное значеніе: такъ mīdhuṣmat—благой и mīdhoas, какъ эпитеты боговъ, не говорятъ о ихъ воинственности, а о щедрости въ дарованіи земныхъ благъ, которыя они какъ бы дождятъ (mih) съ неба. Sahasramīdha agau въ I, 112, 10, можно понимать такъ, что Асвины помогли Вишвалѣ въ *тысячедобычномъ бою* и подобнымъ же образомъ толковать svarmīdhe agā въ I, 63, 6

¹⁾ Позднѣйшее слово vīgraha—война не встрѣчается въ Ведахъ.

(„тебя, Индра, люди призываютъ въ бою, котораго добычей является небо“). Найглантука даетъ *śiḍha* тоже значеніе *dhana*—добыча, богатство, и вѣроятно, подобное значеніе имѣетъ *śiḍha* въ сложныхъ личныхъ именахъ: *ṛiḡśiḍha* (=ṛiḡudhana); *devamśiḍha* (божье благо имѣющій, а не богобитвенный), *śuśiḍha* (хорошее благо имѣющій). Собственные имена лицъ часто, какъ извѣстно, содержатъ понятіе *богатства, довольства, земныхъ благъ*.

Ст. 7-й.

По поводу имени *Vṛtra* въ этомъ стихѣ г. Фортунатовъ дѣлаетъ интересный экскурсъ о производствѣ и первоначальномъ значеніи этого имени. Справедливо не соглашаясь съ обыкновеннымъ производствомъ отъ корня *var*—„отвращать“, г. Фортунатовъ принимаетъ корень *vrt*, но не *vrt* въ значеніи вертѣть, а новый, доселѣ не открытый *vrt-vart*—рубить, рѣзать, убивать. Въ виду новизны этого объясненія имени *Vṛtra* мы позволимъ себѣ остановиться на немъ подробнѣе. Мы согласны съ тѣмъ, что *vṛtra* произведено отъ корня *vrt* съ суф. *rá*, подобно массѣ другихъ образований: *ārd-rá*, *rud-rá*, *śand-rá*, *tam-rá*, *trṛá*, *dabhrá*, *dasrá*, *dhī-rá*, *dhvasrá*, *paṃ-rá*, *rag-rá*, *bhad-rá*, *mand-rá*, *miç-rá*, *mud-rá*, *mṛdh-rá*, *gadhrá* и т. п., но далеко не убѣждены въ существованіи особеннаго корня *vrt* въ значеніи рубить. Нельзя же смотрѣть какъ на доказательство существованія этого корня, на указываемый г. Фортунатовымъ корень *vardh* (наше ссл. *връдѣти*), яко бы имѣвший параллельную форму *vart*, или на слово *vartana*, имѣющее въ *Śabda-kalpadrumē*, между прочимъ, значеніе растиранія, или *vartaka*, упоминаемаго въ значеніи *ковыта* въ *Амаракошѣ*. Болѣе существенныхъ доказательствъ г. Фортунатову не удалось привести, хотя онъ не теряетъ надежду, „что, можетъ быть, корень *vart* будетъ открытъ со временемъ“ (104). Исвать новый корень *vart*, очевидно, побуждаетъ г. Фортунатова не подходящее для имени *Вритры* значеніе общеизвѣстнаго корня *vrt*—вертѣть (103); но дѣйствительно ли это значеніе такъ далеко отъ *vṛtra*, что нѣтъ надежды подвести названіе мифическаго змѣя подъ этотъ корень? Для отвѣта на этотъ вопросъ нужно рассмотреть значеніе и употребленіе слова *vṛtra*.

Всѣ случаи употребленія этого имени въ *имнахъ* *Ригъ-Веды* можно раздѣлить на двѣ категоріи. Въ первой, представляющей огромное, подавляющее большинство мѣстъ, *Vṛtra* употребляется какъ имя демона, змѣя *Ahi*, съ которымъ борется *Индра*. Роль *Вритры* состоитъ

въ томъ, что онъ поглощаетъ и держитъ въ себѣ воду, и Индра, убивъ его, источаетъ потокъ воды на землю. Основываясь на этихъ случаяхъ, составители С.-Петербургскаго словаря производятъ *vṛtra* отъ корня *vaṅ*—запирать, видя въ немъ демона, запирающаго воду. Ко второй категоріи относится незначительное число случаевъ, въ которыхъ это слово является въ среднемъ родѣ, и притомъ во множ. числѣ ¹⁾. Здѣсь оно должно имѣть уже нѣсколько другое значеніе, и Петербургскій словарь останавливается на значеніяхъ *Feind*, *Bedränger*, *feindliches Heer*. Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ второй категоріи подходит одно изъ этихъ трехъ значеній, но на основаніи другихъ, можно, по видимому, принять еще одно значеніе, не упоминаемое Ротомъ. Напримѣръ, въ IV, 41, 2, говорится про челоуѣка, пользующагося дружбой Индры и Варуны: *Ṣa hanti vṛtra samithēṣu śatrap*: онъ убиваетъ Вритровъ въ бояхъ враговъ; отсюда можно, кажется, вывести, что *śatrapas* — непріятель на войнѣ отличался отъ *vṛtra*. Далѣе, въ VI, 23, 6, стоятъ рядомъ *vṛtra* и *dasyavas* (*evahigato asamatyogaḥ puruṣa vṛtra hepati ni dasyun*). Въ той же книгѣ, 33, 1, стоятъ рядомъ *vṛtra* и *amitraṇ*, а въ третьемъ стихѣ различаются двоякіе *amitraḥ* — непріятель: *вритры* варварскіе (дасійскіе) и арійскіе (*tvam tan indrobhayan amitran dasa vṛtanu arya śa śuro vadhir*) и т. д. То же противоположеніе дасійскихъ *вритръ* арійскимъ находимъ въ VII, 83, 1. Но особенно интересенъ кажется намъ стихъ VII, 92, 4, гдѣ поэтъ высказываетъ слѣдующее пожеланіе: „(мы, то-есть, благочестивые) да будемъ убивающими *вритръ* чрезъ жертвоподателей и одолеваящими непріятелей въ бою чрезъ мужей богатырей“ (*ghnanto vṛtrani suribhiḥ śyama śasahvanso yuddha nrbhir amitran*). Здѣсь, какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, дѣлается какъ бы различіе между непріятелями (*amitrās*) и вритрами и первыхъ поражаютъ войскомъ богатырей, а вторыхъ — жертвоприносителями.

Нельзя ли изъ этихъ случаевъ вывести, что *vṛtra* не простой непріятель, а врагъ другаго рода, демонъ, злой духъ. Къ этому, можетъ быть, болѣе подходитъ употребленіе въ средн. р. множ. числа (какъ, напримѣръ, *rakṣānsi*), которое выражаетъ это множество злыхъ силъ, и притомъ безличныхъ, ибо оно въ средн. родѣ.

Если это враги-люди, то нѣсколько странно употребленіе средн. рода; ср. мужск. родъ *śatru amitra*. На этомъ основаніи мы склонны

¹⁾ Стихи RV. VII, 48, 2 и VIII 9, 4 могутъ быть отнесены къ первой категоріи.

думать, что *vṛta* не значило первоначально *врагъ*, но было искони мифическимъ названіемъ демона, злаго духа, змѣвиднаго противника Индры, а затѣмъ могло употребляться и въ множ. числѣ средн. рода со значеніемъ силы, толпы, множества этихъ злыхъ духовъ. Отъ собственнаго имени, выражавшаго, вѣроятно, признакъ демона, *vṛta* могло съ теченіемъ времени перейти къ значенію *врага* вообще, то есть, совершить такой же переходъ отъ собственнаго имени къ нарицательному, какой мы находимъ, напримѣръ, въ нашемъ Щудъ (Чудъ), Сполинь, во франц. bougre (изъ bulgar) и мн. др. Этому предположенію не противорѣчатъ и зендскія слова *verethragan* и *verethraghna*, въ которыхъ, съ измѣненіемъ первоначальныхъ вѣрованій, имя *varethra* уже утратило значеніе демона Вритры.

Итакъ, мы позволяемъ себѣ думать, что значеніе *vṛta* во множ. то же, что и въ единственномъ, что оно въ обоихъ случаяхъ названіе какого-то демоническаго существа, съ которымъ борется и Индра перуномъ, и люди молитвами. Это существо уже въ древѣйшихъ представленіяхъ не только всѣхъ арійскихъ народовъ, но и у Кушитовъ, и Семитовъ искони представлялось змѣемъ, какъ вообще змѣй считался олицетвореніемъ всего злаго. Если же *vṛta* змѣй, то нужно искать и въ его названіи такой черты, которая намекала бы на его образъ; а такую черту для змѣя, безъ сомнѣнія, легко найти въ корнѣ *vrt* — *вертѣть*, *извиваться*. Но какъ ни наглядна кажется мысль взять для выраженія извилистаго, вертляваго хода змѣя корень *vrt*, эта мысль требуетъ болѣе существенныхъ доказательствъ, и здѣсь мы сгруппируемъ тѣ, которыя намъ удалось найти.

1. Змѣй *Вритра* носитъ иногда въ гимнахъ эпитеты, сложенные, по нашему мнѣнію, съ корнемъ *vrt* въ его обыкновенномъ значеніи: таковы эпитеты *agnovrt* и *nadivrt*. II, 19, 2 *azyu mandano madhoo vagra hasto him indra agnovrtam vi vr̥ṣat*. Опьяненный этимъ медомъ, перунодержецъ разсѣкъ змѣя, крутящаго воды, или I, 52, 2, *indro yad vṛtramavadhīn nadivrtand* — когда Индра убилъ Вритру, крутящаго рѣки. Проф. Ротъ (См. слов. s. v. *vrt*) и Грасманъ, основываясь на выставляемой ими этимологій *vṛta* отъ *var*, считаютъ и это *vrt* въ сложеніи съ *agnovrt* производными отъ того же корня и переводятъ „die Fluth einschliessend“. Но едва ли эти два случая сложенія можно отдѣлить отъ многихъ другихъ, въ которыхъ также является во второй половинѣ слова *vrt* гдѣ эти ученые сами видятъ уже корень *vrt*, а не *var*. Таковы слова *trivrt* — соб. трижды свернутый, затѣмъ вообще тройной, напримѣръ, RV.

IX, 86, 22 *tantum tanvanas trivrtam* — протягивая трижды свернутую (скрученную) веревку; *pancavrt* — пять разъ свернутый, *ekavrt*, *puruvrt*, *visuvrt* (то есть, *visuvrt*) — сохраняющій равновѣсіе, ровно-катящаяся колесница (II, 40, 3, гдѣ Сома и Пушамъ катятъ *visuvrtam tanasa yugyamānam gathand* — равнокатящуюся, мыслью запрягаемую колесницу), *svvrt* = *σῦτροχος* (напримѣръ, I, 47, 7, гдѣ Ашвины приглашаются пріѣхать на хорошо-катящейся колесницѣ вмѣстѣ съ лучами солнца — *ato gathina svvrtā na ā gatam sākam smyasya gaśmi-bhiḥ*), *hradurivrt* — *Hagelwetterherunwälzend* (Grassmann s. v.) эпитетъ Марутовъ. Думаемъ, что нѣтъ основанія отдѣлять всѣ эти слова, сложенные съ *vrt* отъ обоихъ эпитетовъ Вритры *agnovrt* и *padivrt*: въ тѣхъ и другихъ *vrt* имѣетъ значеніе, близкое къ корню, хотя для двухъ послѣднихъ это значеніе требуетъ нѣкотораго поясненія. Но прежде чѣмъ предложить его, обратимъ вниманіе на другія аналогиі, поясняющія употребленіе корня *vrt* для названія змѣя.

2. Названіе *vrtra* (art. отъ *vrt*) собств. *свернутый* является въ *Mahabharat'*ѣ (I, 1555 по бомбейскому изданію), какъ собственное имя змѣевиднаго демона; другой такой же демонъ тутъ же называется *samvartaka* — *свертыватель*. Итакъ, корень *vrt* здѣсь ясно былъ выбранъ для выраженія извѣстныхъ свойствъ змѣя. Названіе дороги, которая тянется и извиается какъ змѣя, также производится отъ нашего корня; ср. ведійск. слова *vartman*, *vartis* (Rundweg), *vartani*. *Vrtra* толкуется въ Naigh. I, 10, какъ облако (*megha*), и подобное же названіе для облака упоминается въ *Ṣab. Kalp. Dr. samvarta* (по BR eine geballte, regenschwangere Wolke = *megha* сл. слов. s. v.). Замѣтимъ кстати, что одно изъ ведійскихъ названій змѣи слово *abhoga* (VII, 94, 12) отъ *ā+bhug* — гнуть, изгибать, а словомъ *bhoga* выражается *извивъ* змѣи (VI, 75, 14, *ahir iva bhogaiḥ pary eti bahum etc.* будто змѣй обвиваетъ руку извивами). Другое названіе змѣи *hvara* (I, 141, 7; 180, 3) происходитъ отъ глагольнаго корня *hvr* — гнуть, сгибать.

Вспомнимъ ¹⁾ и объ извѣстномъ индусскомъ преданіи о мѣшеніи моря, гдѣ змѣй *ananta* или *vasuki* служить ремнемъ, обвивающимъ мутовку (гору Мандару) и приводящимъ ее во вращательное движе-

¹⁾ Въ Ригъ-Ведѣ, X, 46, 1, говорится, что Агни сидитъ въ лонѣ водъ (*aram prasthe*). Сама-Веда представляетъ замѣчательный вариантъ — *aram vivarte*, гдѣ *vivarta*, несомнѣнно происходящее отъ корня *vrt*, значитъ *водоворотъ*, стремнина (*Strudel*).

ніе. Эти и подобныя представленія, число которыхъ можно значительно умножить, заставляютъ насъ думать, что корень *vrt* въ значеніи: крутить, вертѣть, извиваться, весьма удобенъ для обозначенія характеристическаго признака змѣя Вритры. Но для окончательнаго рѣшенія нашего вопроса нужно еще спросить себя, какія представленія могли быть соединяемы съ эпитетами Вритры *padivrt* и *agnovrt*, и вообще какое явленіе природы было издревле олицетворяемо въ видѣ громаднаго водянаго змѣя?

3. Занимаясь специально міеологическими представленіями Индусовъ въ связи съ такими же представленіями другихъ народовъ, намъ случалось часто въ разборѣ міеовъ останавливаться на образѣ демоническаго змѣя, противника свѣтлаго божества, и всегда приходилось у всѣхъ изслѣдователей находить одно объясненіе: змѣй—это дождевая туча, разбиваемая молніей. Съ этимъ объясненіемъ нужно было волей-неволей мириться за неимѣніемъ лучшаго. Но общее свойство представленій природы въ первобытныхъ міеологіяхъ отличается обыкновенно ясностью, наглядностью и осязательностью: всѣ черты своего быта, всѣ нехитрыя представленія о земныхъ отношеніяхъ человѣкъ переносилъ на небо, и потому, чѣмъ больше мы изучаемъ древнѣйшій бытъ человечества въ пластахъ земли, въ вещественныхъ памятникахъ, въ современномъ быту дикарей или въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ, тѣмъ легче и нагляднѣе объясняются намъ картины неба, олицетворенныя въ міеахъ. Такой ясности въ представленіи громоносной тучи змѣемъ мы не находимъ. Сколько мы ни смотримъ на небо, покрытое тучею, мы не можемъ усмотрѣть тамъ змѣя, какъ бы ни напрягали своей фантазіи. Однакоже, нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствительно въ тучѣ древніе видѣли змѣя, и потому намъ нужно искать картины природы, которая могла бы объяснить происхожденіе этого образа. Такую картину представляетъ явленіе, извѣстное у насъ подъ именемъ смерча (нѣм. *Wasserhose*): облако, остановившись надъ моремъ или вообще водянымъ пространствомъ, опускаетъ изъ себя длинный отростокъ, какъ бы шею; этотъ отростокъ, въ которомъ замѣчаются свойства насоса, сосетъ въ себя воду, приводя ее во вращательное движеніе; затѣмъ туча уходитъ и разливаетъ поглощенную воду въ другомъ мѣстѣ. Это явленіе, по моему мнѣнію, лежитъ въ основѣ представленія о гигантскомъ змѣѣ, поглощающемъ воду. Смерчъ былъ объясняемъ такимъ образомъ не одними Аріицами (вспомнимъ о нашемъ *смокъ*, который смочетъ воду), но и многими другими народами (см. *Тэйлоръ*, Первобыт. культ.,

I, 269 ¹⁾; II, и 288 слѣд., 293 и слѣд.). Дѣйствительно, для младенческаго понятія облако при этомъ явленіи легко представляется живымъ, голоднымъ существомъ, которое вытягиваетъ шею на далекое разстояніе, подобно змѣю, и сосетъ воду. Въ этотъ моментъ оно становится змѣею Вритрой, который *крутитъ* и всасываетъ рѣки и волны подобно водовороту (*Vrtra agnovrt* и *padivrt*). Вритра не простая, неизвѣстно откуда явившаяся туча, но туча въ моментъ ея происхожденія крутящая воду, извивающаяся подобно змѣю и жадно пьющая влагу. Водянаго змѣя не видать — онъ сидитъ въ тучѣ, но высовываетъ изъ нея по временамъ далеко внизъ голову, одѣтую тучей, и питается водою. При такомъ представленіи Вритры, конечно, такъ же естественно названіе его отъ корня *vrt*, вращать, вертѣть, крутить (*vrt*), какъ названіе *водоворота* *vortex*, *vertax* отъ того же корня, и нѣтъ никакого основанія искать новаго корня *vart*, который долженъ былъ бы значить рубить, бить.

Резюмируемъ вкратцѣ все, въ чемъ мы сходимся и въ чемъ расходимся съ г. Fortunatovымъ въ объясненіи слово *vrtra*: 1) вмѣстѣ съ г. Fortunatovымъ и въ противоположность общепринятой этимологии мы производимъ *vrtra* отъ корня *vrt*, а не отъ *var*. 2) Расходясь съ г. Fortunatovымъ и Петербургскимъ словаремъ, мы пред-

¹⁾ Такъ, напримѣръ, водяные смерчи, такъ часто появляющіеся у береговъ Японіи, мѣстными жителями считаются длиннохвостыми драконами, которые вылетаютъ на воздухъ плавнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, стремительнымъ движеніемъ, вслѣдствіе чего они называютъ ихъ *tatsmani*—брызгающіе драконы. Китайцы полагаютъ, что водяной смерчь производится дракономъ, который поднимается и опускается надъ водой; и хотя вслѣдствіе тучъ никому не удавалось видѣть одновременно его голову и хвостъ, моряки и прибрежные жители тѣмъ не менше увѣрены, что видать это чудовище, когда оно поднимается изъ моря и опять опускается въ него. Въ средневѣковой хроникѣ Іоанна Бромтонскаго упоминается о чудѣ, которое совершается приблизительно разъ въ мѣсяцъ въ Саталийскомъ заливѣ, на Пампильскомъ берегу. Въ облакахъ появляется какъ будто большой черный драконъ, который опускаетъ голову въ волны, тогда какъ хвостъ его кажется прирѣпленнымъ къ небу; драконъ этотъ втягиваетъ въ себя волны съ такою силою, что можетъ приподнять вмѣстѣ съ ними и нагруженный корабль, и во избѣжаніе этой опасности, экипажъ принужденъ кричать и производить шумъ, чтобъ отогнать дракона... Одинъ изъ вождей племени Ваника (въ восточной Африкѣ) разказывалъ доктору Крапу о большой змѣѣ, которая иногда выступаетъ изъ моря, достигаетъ до самаго неба и появляется преимущественно во время сильныхъ дождей. «Я говорилъ имъ», прибавляетъ миссіонеръ, — «что это не змѣя, а водяной смерчь»; см. *Тэйлоръ*, Первобытная культура, I, 2, 70.

полагаемъ, что *vṛta* была искони собственнымъ именемъ змѣевиднаго дракона и затѣмъ могло обозначать демоновъ вообще и враговъ. 3) Расходясь съ г. Фортунатовымъ, мы не признаемъ существованія корня *vṛt* въ значеніи рубить etc., а произволимъ *vṛta* отъ *vṛt*—вращать, крутить, считая этотъ корень вполне умѣстнымъ для обозначенія змѣй вообще. 4) Пытаемся объяснить мифологическое представленіе Вритры *agniṅvṛt* и *padīṅvṛt*, то-есть, о змѣѣ, крутящемъ и поглощающемъ воду, изъ явленія природы, извѣстнаго подъ названіемъ смерча.

V.

Третья декада.

Ст. 2-й. „Да соединятся съ тобою сила, быстрота, мощь побѣждающаго противниковъ! О, Сомѣ, выбродившій для міра безсмертныхъ (*āruṇaṁānaḥ amṛtāya*), теки на небо на самую высъ“ (*divi śṛavansi uttamāni dhiṣva*).

Второй и третій стихъ этой декады соотвѣтствуютъ 18-му и 22-му стихамъ RV. I, 91, то-есть, гимну, посвященному Сомѣ и притомъ (съ чѣмъ согласенъ и Петербургскій словарь, см. s. v. Soma) небесному Сомѣ, лунному богу. Едва ли г. Фортунатовъ имѣлъ это въ виду; по крайней мѣрѣ, въ его переводѣ Сомѣ представляется не луннымъ Сомой, а извѣстнымъ напиткомъ. Эпитетъ *āruṇaṁānaḥ* г. Фортунатовъ переводитъ не совсемъ понятнымъ для насъ словомъ „*выбродившій*“, вѣрнѣе было бы передать его словомъ *тучнѣющій, наполняющійся, нарастающій, прибывающій* (ср. прибывъ луны); этимъ терминомъ именно въ санскритѣ обозначается прибывъ луны, на примѣръ, Мапу, IX, 314: *kāyū śāruṇyitāḥ somaḥ Amṛtāya* можетъ быть дат. цѣли и выражаетъ состояніе безсмертія (мѣсяць), нарастающій къ безсмертію, то есть, такъ, что становится безсмертнымъ.

Не думаемъ также, чтобы слова: *divi śṛavansi uttamāni dhiṣva* были вѣрно переданы: „теки на небо на самую высъ“. Г. Фортунатовъ принимаетъ, вмѣстѣ съ Бетлинггомъ-Ротомъ, *śṛavas* не въ значеніи *славы*, а въ смыслѣ *теченія, быстро движенія*. Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ первое значеніе, и мы переводимъ: *утверди (получи) на небѣ себя высшую славу*. Но отступая отъ такого авторитета, какъ Ротъ, мы должны провести болѣе или менѣе ясныя подтверженія нашего взгляда.

Уже съ перваго взгляда кажется нѣсколько страннымъ такое сочтеніе понятій какъ *śṛavas* (*cursus*) и *dhā* (*ponere*): въ выраженіи

статье бгъ намъ представляетъ какая-то логическая несообразность, именно въ соединеніи двухъ понятій, изъ коихъ одно выражаетъ покой, а другое — движеніе. И дѣйствительно, рассматривая употребленіе *ṣavāṣ* съ глаголомъ *dha*, мы найдемъ множество случаевъ, въ которыхъ *dha* соединено съ *ṣavāṣ* слава, и ни одного, держащаго критику, въ которомъ *dha* было бы соединено съ объектомъ *ṣavāṣ*—*бгъ*. Глаголь *dha* съ объектомъ *ṣavāṣ* (слава) *ṣavāṣ tavīṣi* (сила, крѣпость) и др. встрѣчается часто и во всѣхъ случаяхъ говорится объ утвержденіи или дарованіи славы, могущества, силы и т. д.

I, 9, 8 *asme dhehi ṣravo brhad dyumnam* утверди въ насъ (даруй намъ) высокую блестящую славу., *Teṇogṛaṇe mahīni mahi ṣavāḥ*.

I, 160,5 *kṣātram dyāvaprthivī dhasatho* (2 *duas. conj. aoristi*) *brhat*—воспѣваемая нами, о великія земли и небо! даруйте великую славу и владычество.

Употребляясь въ *medium'ѣ*, *dha* получаетъ значеніе приобретать, получать себѣ и т. п. VI, 43,4 *yaśyo mendano andhaso magho nam dadhiṣe ṣavāḥ ayam sa soma indra te sutah rībo*—коимъ собою омыленный (успокоившись), ты получаешь мощь Магравана, этотъ сома, о Индра, выжать для тебя, пей его.

I, 57, 6 *setraṁiṣvam dodhiṣi kevasam sahañ*—ты одинъ приобрѣлъ (то есть, имѣешь) всякую мощь во вѣки.

Повелительное наклоненіе *dhiṣva* имѣетъ исключительно медиальное значеніе; *возьми себѣ* II 11, 18, *dhiṣvaṣavāḥ ṣira xena vrtram avabhinad dāpum aurnavabham*—*возьми* силу, о богатырь, которою ты разсѣлъ Вритру и т. д. .

VI, 18, 9 *dhiṣva vagram hasta e dakṣinatṛā etc.*—*возьми* перуны въ правую руку (собственно положи себѣ въ правой рукѣ).

Ср. VI 45,18 *dhiṣva vagram gabhastyah etc.* VIII 33, 15 *osmakam adys antamam stomani dhiṣva*.

Но рѣшительнѣе такіе примѣры, какъ I, 73, 7 или X, 28, 12, въ которыхъ встрѣчаются всѣ три слова нашего стиха, *divi* (loc) *dha* въ *med* и *éavāṣ* въ значеніи славы.

I, 73,7 *tve agne sumatim bhikṣamañ* (р. *nāñ*) *divi ṣravo dadhiṣe yaḍnīkasañ*—испрашивая твоего благословенія, о Агни, *приобрѣли себѣ на небѣ славу* досточтимые.

X, 28, 12 *prvad vadann urano māñ vāḍan divi ṣravo dadhiṣe pama vīḡaḥ*—говоря какъ подобаетъ мужу, удѣляй намъ добычу, ты какъ богатырь имѣешь на небѣ славу и имя (то есть, славное имя).

Эти примѣры не составляютъ сомнѣнія въ значенія разбираемаго нами стиха: вообще довольно трудно различить оба слова *ḡavas* (*κλέος* и *ρέος*) въ гимнахъ, но кажется всё мѣста, гдѣ *ḡavas* является объектомъ *dā*, относятся къ *ḡavas*—слава. Кромѣ нашего стиха, въ которомъ Ротъ толкуеть *ḡavas*—*ρέος*, мы относимъ къ *ḡavas* (слава) еще слѣдующіе, помѣщенные въ Петербургскомъ словарѣ при *ḡavas*—*ρέος*. I, 51, 10; I, 92, 8; I, 165, 12; III, 19, 5 и VI 1, 11.

Въ сочетаніи съ *dā* слово *ḡavas* (бѣгъ) приводится только въ трехъ мѣстахъ (I, 91, 18; I, 165, 12; III, 19, 5) въ Петерб. словарѣ; изъ этихъ мѣстъ одно наше (I, 91, 181, два другія могутъ быть истолкованы иначе. М. Мюллеръ переводитъ I, 165, 12 Trulz: there they are, shining towards me, assuming Nameless glory, assuming vigour—(*ḡavaḥ a išah dadhanah*); а въ стихѣ III, 19, 5, дѣло идетъ объ Агни, и жрецъ проситъ его: какъ таковой, о Агни! будь намъ здѣсь помощникомъ и облеку наши особы славою (*adhi ḡavaṁsi dhehinas tapāsu*). Едва ли здѣсь умѣстно думать о бѣгѣ Агни.

Возвращаясь послѣ этого экскурса къ нашему стиху, мы не видимъ никакихъ затрудненій передать его слѣдующимъ образомъ: „на-ростая къ безсмертію, о Сома (мѣсяцъ)! приобрѣти себѣ на небѣ высочайшій почетъ“.

Ст. 5, 6-й.

Въ пятомъ стихѣ является извѣстное олицетвореніе зорь (или облаковъ) въ родѣ коровъ. Стихъ очень теменъ, потому что весь вопросъ о *коровахъ* въ гимнахъ еще не вполне выясненъ, и не вина г. Фортунатова, если и его комментарий мало разъясняетъ дѣло. Въ стихѣ шестомъ, соответствующемъ R. V. II 35, 3, гимну, посвященному *aram parat'y*, намъ не вполне ясенъ переводъ: „одни потоки идутъ вмѣстѣ, другой подлѣ“ (*sam yanti* и *ura yanti*). Дѣло идетъ здѣсь о стеченіи водъ изъ разныхъ мѣстъ въ общее вмѣстилище, и потому мы переводимъ: „одни потоки стекаются (отсюда), другіе при-текаютъ“ (оттуда).

Ст. 7-й.

Въ седьмомъ стихѣ мы не вполне увѣрены въ томъ, что подлѣ *bhadra yuvati* (блестящая юница) разумѣется ночь. Можетъ быть, въ этомъ стихѣ охарактеризована въ первой половинѣ зоря, а во второй—ночь, успокоительница всего живаго міра. Къ зорѣ, очевидно, весьма подходитъ эпитетъ *yuvata*, такъ какъ она обыкновенно является молодою, прекрасною дѣвой. Съ другой стороны, и *sam irtsati* (дези-

деративъ отъ *zam + rdh*) по переводу г. Фортунатова требовало бы твор. падежа (см. Grass. S. V.) *овладѣть* чѣмъ-нибудь. Внимательный *ketan* указываетъ на другое значеніе; по Грассману: *etwas fördern, gelingen lassend*. Мы переводимъ: „Сюда пришла благая дѣва (заря), она стремится устроить сіяніе дня, а (прежде) была (abhit да и прошла) благая ночь, уснокоительница“ и т. д.

Ст. 8-й.

Восьмой стихъ сравнительно съ соотвѣтствующимъ изъ Ригъ-Веды (VI 8, 1) представляетъ, по нашему мнѣнію, рядъ искаженій, хотя г. Фортунатовъ и находитъ въ нихъ варианты, достойные вниманія. вмѣсто совершенно понятной глагольной формы *rga vocam* (я стану прославлять) стоитъ предлогъ *rga* и существительное *vośaś* (слово). Чтобы ввести какой-нибудь смыслъ г. Фортунатовъ предполагаетъ, что при *rga* сильный эллипсисъ, который нужно надолжить подразумевающимся глаголомъ „да прославить“.

Просматривая случаи употребленія префикса *rga* безъ глагола, мы однако едва ли найдемъ случаи аналогичные нашему. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глаголь долженъ быть подразумеваемъ, но никогда не можетъ быть сомнѣнія, какой это глаголь, ибо обыкновенно онъ стоитъ въ другой половинѣ того же стиха. Но едва ли даже въ ведійскомъ санскритѣ, отличающемся замѣчательной смѣлостью оборотовъ, можно найти фразу, въ родѣ *rga paś vaśaś* — (нашъ стихъ про)—при чемъ предоставляется всякому дополнить мысленно какой угодно глаголь. Дат. *gātavedase*, по мнѣнію самого г. Фортунатова, неумѣстенъ, и онъ прибавляетъ въ сноскѣ: должно читать: *gātavedasaś*; *paśaś* вмѣсто *saśaś* Ригъ-Веды объясняется сходствомъ начертаній *pa* и *sa*. Форма *rgakṣa* (*rgakṣasya vrśnaś*) вм. *rkṣasya* въ Ригъ-Ведѣ на взглядъ г. Фортунатова имѣетъ большую древность, нежели послѣдняя. Но едва ли можно вывести это на основаніи нашего стиха, наполненнаго искаженіями. *Rgakṣa* не встрѣчается ни разу въ гимнахъ Ригъ-Веды, и можно думать, что это не болѣе какъ искаженіе непятого *rkṣa*, тѣмъ болѣе, что текстъ *roda* самъ доказываетъ свое непониманіе дѣленіемъ *rga-kṣasya*. Словомъ, едва ли достигнуть цѣли всѣ старанія исцѣлить испорченный стихъ: каковъ онъ былъ—указываетъ соотвѣтствующій изъ Ригъ-Веды.

Ст. 9-й.

Слова *uagṇam* этого стиха соотвѣтствуетъ слову *uagṇiṃś* Ригъ-Веды (VI 52, 14). Этотъ гимнъ Ригъ-Веды сложенъ *триштубһомъ* за исклю-

ченіемъ 5-ти стиховъ (gaurātri). Нашъ стихъ единственный въ гимнѣ, считается за *gagati*, хотя подъ этотъ размѣръ онъ подходитъ правильно только первую половиною 1-го полустишія. Чтобы возстановить *триштубъ*, нужно читать въ первыхъ *yaḡnaḥ* (вмѣсто *yaḡniyaḥ*) вмѣстѣ съ С. Ведой и *Ag. Saṅh*; вовторныхъ, какъ предлагаетъ М. Мюллеръ (Tranal. Preface el): *ūbhe godasy ārat nārassā mānā*; въ третьихъ, въ третьей надѣ по М. Мюллеру (ib. С. X, bi X): *ma vo vācānsi pāricāksyāni vobām*.

При этихъ довольно насильственныхъ условіяхъ трудно думать, что стихъ когда нибудь составлялъ правильный триштубъ, хотя во всякомъ случаѣ онъ скорѣе подходитъ къ этому метру, нежели къ *yaḡati*. Можетъ быть, желаніемъ сдѣлать изъ него *триштубъ* объясняется и вариантъ *yaḡnaḥ* вмѣсто *yaḡniyaḥ*, хотя, по нашему мнѣнію, *yaḡniyaḥ* древнѣе и болѣе умѣстно. Если принять *yaḡnaḥ*, то у глагола *ṣṛvantu* оказывается два объекта — *yaḡnaḥ* и *shanta*, не соединенные одинъ съ другимъ никакимъ союзомъ: (слово въ слово: всѣ боги мое да слышать славословіе, Небо и земля и сынъ водъ—моленіе). Затѣмъ получается сочетаніе глагола *ṣṛi* съ объектомъ *yaḡna*, а для подобнаго сочетанія мы, по крайней мѣрѣ, не припомнимъ примѣровъ. *Yaḡna* обыкновенно означаетъ въ совокупности все священнодѣйствіе, въ которомъ жертва, призываніе (*hava*) и восхваленіе боговъ (*stuti eti*) составляютъ отдѣльныя части. Глаг. *ṣṛi* обыкновенно употребляется съ объектами: гимнъ, зовъ, прославленіе и т. п. Лучшій смыслъ даетъ, кажется, чтеніе *yaḡniḡaḥ*—эпитетъ боговъ: да слышать всѣ боги досточтимые и т. д.

Ст. 13-й.

Этотъ стихъ сопровождается у г. Фортунатова интереснымъ экскурсомъ о словахъ *dīp*, *gīp* и *gūr* въ значеніи: вѣтки, прута, при чемъ можно вполне согласиться съ этимологіей, предложенною авторомъ. Другой вопросъ, какъ понимать слова: „Агни охраняетъ верхушку вѣтки, мѣстопребываніе птицы“. Разумѣется ли здѣсь простая птица или миеическая въ роды *ṣуена*, который приноситъ сому, простая вѣтвь, или вѣтвь облачнаго дерева? Мѣста, въ которыхъ упоминается *padamveḥ* (мѣстопребываніе птицы) въ связи съ *agṛaḥ vīraḥ* (*gīraḥ*), принадлежатъ къ самымъ загадочнымъ, представляя полный просторъ всякимъ миеологическимъ догадкамъ и соображеніямъ. Стараясь по возможности избѣгать миеологическихъ толкованій тамъ, гдѣ есть возможность для реальныхъ, замѣтимъ, что параллель нашему стиху (R. V.

III, 5, 5) представляет, по видимому, слѣдующій (то-есть, 6) стихъ того-же гимна: *sasasya śapta ghr̥tavat raḍam ves tad id agni rakṣaty arḡaḡuṣṣan*; здѣсь Агни также охраняетъ мѣстопребываніе птицы, но это *raḍam veḥ*—уже не верхушка вѣтви, а маслообильная, *śapta sasasya*. Грассманъ (S. V. śapta) переводитъ: *Decke des Ruhehissens*, принимая, слѣдовательно, *śava* въ значеніи *барисовой* постилки: эта постилка, покрытая кожей, составляетъ, по его мнѣнію, мѣстопребываніе птицы. Мнѣніе Грассмана—только догадка, ибо всѣ мѣста, гдѣ упоминается *sasasya śapta*, одинаково темны; но если мы примемъ эту догадку, намъ придется отказаться отъ реальнаго объясненія мѣстопребыванія птицы, которая то сидитъ на верхушкѣ вѣтви, то на покрытомъ кожей баргисѣ, мѣстѣ боговъ.

Можетъ быть, къ выясненію мѣстопребыванія птицы послужитъ общій характеръ гимна, въ которомъ оно упоминается. Гимнъ принадлежитъ къ числу такихъ, гдѣ много намековъ на древность культа Агни, на процессъ открытія огня, на его принесеніе Матарисваномъ (ст. 10) потомкамъ *R̥ḡgu*, на его разведеніе посредствомъ травъ и питаніе масломъ (7 и 8). Въ связи со всѣмъ этимъ говорится, что Агни помѣстился на обильномъ масломъ лонѣ (ст. 7-й) и охраняетъ верхушку вѣтви и маслообильную кожу травы (*sasasya*). Отсюда естественно вытекаетъ предположеніе, не упоминается ли здѣсь о какихъ-нибудь первобытныхъ приспособленіяхъ къ сохраненію огня. Мы знаемъ какую роль въ гимнахъ играетъ первобытный инструментъ—*aganī*, посредствомъ котораго добывали огонь треніемъ. Изобрѣтеніе подобнаго инструмента составляло эпоху въ культурѣ, эпоху, быть можетъ, болѣе важную по послѣдствіямъ, чѣмъ, напимѣръ, эпоха прижнненія пара къ движенію ¹⁾). Но изъ описанія быта дикарей, умѣющихъ добывать огонь треніемъ, можно видѣть, что этимъ способомъ добывать его очень трудно и не всегда удобно; поэтому, разъ добывши огонь, они старательно поддерживаютъ его различными способами, при чемъ эта работа возлагается обыкновенно на женщинъ. Въ гимнахъ, описывающихъ добываніе огня, часто упоминается о растеніяхъ, травахъ и маслѣ, служащемъ огню пищей. Если Индусамъ было извѣстно, что масло поддерживаетъ горѣніе, то вѣроятно, были у нихъ и какіе-нибудь инструменты въ родѣ лампъ или чего-нибудь подобнаго, посредствомъ которыхъ поддерживали огонь съ наименьшею затратой матеріала и съ болѣшимъ удобствомъ. Въ вышеприведенномъ гимнѣ

¹⁾ Ср. *Le Normant*, L'homme fassile, 33.

говорится, что Агни помѣстился въ маслообильномъ логѣ (а uopin agniḥ gṛtavantam asthāt), и вѣроятно, это нужно понимать такъ, что огонь горитъ въ маслѣ. Но въ этомъ же гимнѣ сказано, что Агни хранить конецъ прута, и если мы посмотримъ на этотъ пруть какъ на простой пруть, а не на какой-нибудь мифологическій, намъ будетъ непонятно, что огонь можетъ хранить его. Но если мы предположимъ, что и здѣсь намекъ на какой-нибудь снарядъ, то легко представить себѣ такой пруть, который хотя горитъ, но не сгораетъ, ибо сгораетъ то масляное лono, въ которомъ сидитъ Агни. Словомъ, можетъ быть, здѣсь упоминается нѣчто въ родѣ свѣтильни, густо пропитанной масломъ; подтверждаетъ это предположеніе слѣдующій стихъ, гдѣ съ эпитетомъ *radam vel* является уже не пруть, а ушаченная кора (шелуха)? какой-то травы (*sasa*). Итакъ какъ концы вѣтвей на деревѣ или высокая трава служатъ обыкновенно мѣстопробываніемъ для птицъ, такъ здѣсь, когда вѣтви и стебли травъ употреблены для поддержанія огня, этою птицей является самъ Агни. Онъ помѣщается на концѣ прута, облигаго масломъ, и хранить его, потому что пруть не сгораетъ. Въ этомъ же стихѣ говорится далѣе, что Агни охраняетъ у алтаря *saptaśigālam*. Г. Фортунатовъ, на основаніи двухъ мѣстъ, гдѣ этотъ эпитетъ прилагается къ *arka*—гимнъ и *dhi*—молитва, полагаетъ, что и здѣсь разумѣется семиголовый стихъ, то-есть, состоящій изъ семи стиховъ.

Въ подтвержденіе этому предположенію можно привести фактъ, что дѣйствительно въ Ригъ-Ведѣ довольно такихъ гимновъ Агни, обыкновенно приштубническаго размѣра, состоящихъ изъ семи стиховъ, напимѣръ: III, 24, 14, 15, VI, 5, 6, 7, 8, 9, 10, VII, 6, 7, 8, X, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7. Порядокъ, въ которомъ идутъ такіе гимны и принадлежность ихъ обыкновенно одному лицу по анукраманиѣ (напимѣръ, въ десятой книгѣ всѣ семь гимновъ Агни, имѣющіе по семи стиховъ, приписываются Тритѣ, а 8-й, не имѣющій этого числа,—другому ришю) заставляютъ думать, что число семи стиховъ явилось не случайно, а входило въ соображенія ихъ автора. Конечно, намъ неизвѣстно, почему число семь было приведено въ связь съ богомъ Агни, но что это дѣйствительно такъ, видно изъ нѣкоторыхъ его ведійскихъ и позднѣйшихъ эпитетовъ, какъ-то: *saptaśigāhva*—семязычный, *saptagvala*—семипламенный, *saptadīdhiti*—семилучій, *saptamantra*—семимантровый, *saptamānuṣa*—питаемый семью родами людей, *saptaraśmi* съ семью лучами (или язычками), *saptahotar*—имѣющій 7 готаровъ, *saptarāis*—съ семью лучами. Итакъ, подъ храненіемъ семиголового, кажется, можно подразумѣвать,

что, Агни, посоль и *ютарь* боговъ, называется покровителемъ посвященнаго ему состоящаго изъ семи стиховъ (триштубническаго?) гимна.

VI.

Четвертая декада.

Четвертая декада содержитъ нѣсколько стиховъ изъ *puruṣasūktam*, гимна поздняго характера, воспѣвающаго мировую душу *Puruṣa*. Этотъ гимнъ (RV, X, 90) былъ нѣсколько разъ переведенъ и комментированъ (*Colebrooke*, Miscabl. Essays, I, 167 и слѣд., 309 и слѣд., *Burnouf* въ предисловіи къ первому тому *Bhagavata Purāna* р. СХХІV—СХХХІV, *Muir*, Sanscr. Texts, 2 edit. V, 367 и слѣд. и *Weber*, Ind. Stud. IX, 5 и слѣд.), но до сихъ поръ еще очень темень, потому что заключаетъ смѣсь физическихъ и метафизическихъ представлений, которыя съ теченіемъ времени подвергались разнымъ приспособленіямъ, вмѣстѣ съ постепенно измѣнявшимися теософическими воззрѣніями.

Какъ мало было уже въ древности понимаемо значеніе Пуруши, видно, напримѣръ, изъ того, что этотъ гимнъ былъ употребляемъ въ ритуалѣ при посвященіи богамъ человѣческой жертвы, привязанной къ жертвенному столбу: выборъ палъ на *Puruṣasūktam* на томъ основаніи, что въ немъ сообщается древнее космогоническое преданіе о происхожденіи частей вселенной изъ мирового тѣла *Puruṣa*, преданіе, какъ извѣстно, общее у Индусовъ съ другими индо-европейскими народами.

Ст. 3-й по переводу г. Фортунатова: „тысячу головъ имѣеть Пуруша, тысячу глазъ, тысячу ногъ. Онъ, обхвативъ со всѣхъ сторонъ землю, высился на десять пальцевъ“.

Замѣтимъ, что *Atharva-Veda* содержитъ въ своей редакціи того же гимна интересный вариантъ: *тысячерукій* вмѣсто *тысячелововій* (*śahasraçirśah*). Переводъ г. Фортунатова: „высится на десять пальцевъ“ (*atyatiśṭhad dasaṅgulam*) намъ не совсѣмъ ясенъ. *Dasāṅgula* (въ послѣдствіи *vitasti*) извѣстная мѣра пространства—ширина десяти рядовъ отсчитанныхъ пальцевъ, слѣдовательно, приблизительно $\frac{1}{4}$ аршина. Что же значить, что Пуруша высился на четверть аршина? Очевидно, что авторъ гимна хочетъ рѣзко выставить противоположность между объемомъ міра, окруженнаго Пурушей со всѣхъ сторонъ, и ничтожнымъ объемомъ его самого, то - есть, Пуруши. Въ томъ и проявляются чудесныя свойства этого существа, что самъ онъ вели-

чиною въ 10 пальцевъ, а между тѣмъ обхватываетъ землю со всѣхъ сторонъ. Такъ понимаетъ эту мысль и профессоръ Веберъ: „Ueberall die Erde durchdringend nimmt ein er nur zehn Finger-Raum“, и въ примѣчаніи спрашиваетъ: „den Raum des Herzens? wo die Seele ruhend gedacht wird“. Мы увидимъ далѣе, что хотя переводъ Вебера вѣренъ, но едва ли авторъ гимна разумѣлъ подъ *das angulam* пространство, занимаемое сердцемъ въ человѣческомъ тѣлѣ. Соответствующее мѣсто въ *Bhāgav. Pur.* II, 6, 15 представляетъ парафразу нашего стиха: *tenedam avrtam viçvam vitastim adhitisthati* — по Muir'у: *By him this universe is enveloped, and yet he occupies but a span.*

Четвертый стихъ содержитъ дальнѣйшую характеристику Пуруши: тремя шагами поднялся онъ вверхъ — одна нога оставалась здѣсь (на землѣ). Что эпитетъ Пуруши *tripāt* значитъ *три шага дѣлающій*, а не трехногій, какъ толкуетъ Веберъ, въ этомъ мы согласны съ г. Фортунатовымъ и съ мотивами, побуждающими его видѣть въ *tripāt* такой же эпитетъ, какъ позднѣйшій эпитетъ бога Вишну *trivikrama*. Далѣе въ томъ же стихѣ говорится, что *Puruṣa visvam vi akṛāmat asana—apasane abhi*; г. Фортунатовъ понимаетъ здѣсь глаголъ *vi akāmat* въ значеніи *раздѣлился*, хотя вѣрнѣе удержать здѣсь первоначальный коренной смыслъ — *разошелся*; *asapāsane* (здѣсь и въ *Athar. V.*) представляетъ только незначительный вариантъ слову *saçapāsane* въ соответствующемъ стихѣ Ригъ-Веды, и мы не видимъ причины не соглашаться съ толкованіемъ Рота: *was ist und nicht ist*, хотя другой вопросъ, разумѣется ли въ этой антитегѣ одушевленный и не одушевленный міръ, или, какъ полагаетъ Ротъ, земныя и небесныя существа. Намъ кажется естественнѣе первое толкованіе, потому что *непденіе* едва ли можетъ быть характеристикой небесныхъ существъ въ періодъ сложенія нашего гимна, такъ какъ въ немъ божества рисуются слишкомъ человѣкообразно, разсѣкая тѣло Пуруши и принося первую жертву¹⁾.

Итакъ, смыслъ второй половины стиха тотъ, что Пуруша разошелся во всѣ стороны въ существамъ ѣдящимъ (одушевленнымъ) и не ѣдящимъ (не одушевленнымъ).

Стихъ 7-й.

„Отъ него родилась Вирадждь, отъ Вираджди человѣкъ. Этотъ, рож-

¹⁾ Ср. ст. 6-й, гдѣ тотъ же Пуруша описывается властвующимъ надъ безсмертіемъ, такъ какъ онъ возрастаетъ отъ пищи (*yat annena atirohati*).

денный, одолѣлъ землю (= получилъ господство надъ землею) и сзади и спереди“.

Въ переводѣ и толкованіи этого стиха мы не можемъ вполне согласиться съ г. Фортунатовымъ. Перевода слово *ṛigūṣa* — человекъ, онъ, по нашему мнѣнію, вкладывается въ стихъ смыслъ, который стихъ не имѣетъ. Другіе ведисты (Бенфей, Грассманнъ) видятъ въ Пурушѣ; рожденномъ отъ Вираджи, того же Пурушу, который упоминается въ прочихъ стихахъ, и потому смыслъ стиха получается совсѣмъ иной. Чтобы выяснитъ, которое изъ обоихъ толкованій болѣе вѣроятно, намъ нужно условиться въ пониманіи Пуруши, и здѣсь мы вполне согласны съ г. Фортунатовымъ, когда онъ предполагаетъ, что *Ṛigūṣa* въ основѣ своей — солнце (стр. 129). Дѣйствительно, какъ ни затемненъ первоначальный характеръ Пуруши позднѣйшими теософическими соображеніями, этотъ характеръ вполне ясенъ, если мы спросимъ себя, кто такой Пуруша на основаніи первыхъ пяти стиховъ гимна R. V., X, 90, въ которыхъ онъ охарактеризованъ. Это какое-то существо съ тысячею ногами и руками (см. выше), существо, охватывающее землю со всѣхъ сторонъ и не превышающее между тѣмъ объема десяти пальцевъ. Здѣсь ясно, что руки и ноги Пуруши — безчисленные лучи солнца, обнимающіе землю, а ширина 10 пальцевъ — ясный намекъ на кажущуюся величину солнечнаго диска. Затѣмъ мы узнаемъ (ст. 3-й), что Пуруша идетъ вверхъ тремя шагами, и немедленно вспоминаемъ о трехъ шагахъ Вишну, солнечнаго бога; Пуруша (солнце) идетъ во всѣ стороны, освѣщая одушевленное и неодушевленное; его жилище на небѣ въ три шага, то-есть, небесный сводъ, а три шага — три пункта на немъ: восходъ, зенитъ и закатъ. Изъ этихъ подробностей не трудно видѣть, что подъ душой всего міра первоначально разумѣлось солнце, которое каждое утро оживляетъ спящій міръ своимъ восходомъ. Вслѣдъ за этими чертами говорится въ 5-мъ ст. R. V. X, 90 и въ 7-мъ *Ag. Sanh.* 4-й декады, что отъ него родилась Вирадждь, а отъ Вирадджи *ṛigūṣaḥ*.

Руководясь позднѣйшимъ воззрѣніемъ, по которому Вирадждь (мужскаго рода) считался отцомъ Ману, г. Фортунатовъ полагаетъ, что и въ этомъ стихѣ говорится о созданіи человека и о распространеніи его на землѣ. Но позднѣйшія воззрѣнія, когда и Пуруша, и Вирадждь понимались иначе, нежели въ древнѣйшихъ, едва ли могутъ служить здѣсь указаніемъ. Трудно допустить, что гимнъ противорѣчитъ самъ себѣ, говоря въ 5-мъ стихѣ, что человекъ былъ рожденъ Ви-
часть CLXXXV, отд. 2.

раджей, а въ 11-мъ, что онъ произошелъ, какъ прочія созданія, изъ тѣла Пуруши, при чемъ ротъ Пуруши сдѣлался брахманомъ, руки—кшатріемъ, бедра—Вайсьемъ, ноги—Судрой. Производя части изъ частей тѣла Пуруши, авторъ гимна едва ли могъ сказать, что чело-вѣкъ произошелъ отъ Вираджи. Итакъ, мы не въ правѣ принимать слова *riguṣa* въ нашемъ стихѣ въ значеніи *человѣкъ*, а должны понимать весь стихъ à la lettre, то-есть, что Пуруша произвелъ Вираджь (существо женскаго рода), а она снова произвела Пурушу.

Какъ понимаетъ Вираджь г. Фортунатовъ — намъ неизвѣстно, потому что онъ не дѣлаетъ замѣчанія объ этой личности. Веберъ (*Ind. Stud.*, IX, 5) толкуетъ ее обстрактно: *die als substrat der materiellen Leiblichkeit dienen Emanation*. Ротъ (Слов. — s. v.) воздерживается отъ всякаго предположенія о ея сущности и первоначальномъ значеніи. Дѣйствительно, въ Ригъ-Ведѣ она является такъ рѣдко и такъ скудно характеризуется, что трудно прійти къ какому-нибудь положительному выводу. Впрочемъ, едва ли когда-нибудь ея личность была такъ ясна, какъ личности мужскихъ божествъ въ Ведахъ. Она принадлежитъ къ категоріи божественныхъ матерей въ родѣ *Aditi* или *Nistigri* (матери Индры, X, 101, 12) или *Ekāteka* (*Athar. V.* III, 10, 12) или позднѣйшей *Dakṣayamī* (*M. Bh. Adip.* 3136) также отождествленной съ Адити. Можно думать, что Вираджь олицетвореніе элемента, изъ котораго родится по утру солнце, и въ который оно скрывается вечеромъ. Болѣе точное опредѣленіе зависитъ отъ представленія, которое связано съ происхожденіемъ солнца: если солнце представляется выходящимъ изъ ночной тьмы, то Вираджь — ночь или заря; если оно выходитъ изъ предѣловъ безконечнаго пространства, то Вираджь = *Aditi*; если, наконецъ, оно выходитъ изъ воды, то Вираджь — олицетвореніе безпредѣльнаго моря.

Названіе по этимологіи (*vi-gāg* — царствующая, повелительница) подходитъ къ любому изъ этихъ представленій. За недостаткомъ доказательствъ, мы не рѣшимся остановиться на какомъ-нибудь изъ этихъ толкованій, но все же думаемъ, что характеръ Вираджи вполне соответствуетъ личности самаго Пуруши, то-есть, если послѣдній носитъ признаки солнечнаго существа, то и производимая имъ и производящая его Вираджь была первоначально не отвлеченнымъ созданіемъ, а олицетвореніемъ какого-нибудь состоянія природы. Это состояніе наступаетъ вечеромъ послѣ заката солнца, а по утру Пуруша солнце родится изъ него. Комментарій къ *Vāgas Sanh.*, гдѣ также существуетъ гимнъ Пуруша, объясняетъ взаимное рожденіе Вираджи

отъ Пуруша и Пуруша отъ Вираджи тѣмъ, что Вирадждь въ видѣ міроваго яйца произошла отъ Adiruga (начальнаго Пуруша), который затѣмъ вошелъ въ это яйцо, ожививъ его жизненнымъ духомъ или божественнымъ началомъ (см. *Muir, Sans. Texts, V, 369, примѣч.*). Подобный же процессъ, хотя безъ всякихъ деталей, вѣроятно, имѣется въ виду въ разбираемомъ стихѣ, и потому мы не можемъ согласиться съ г. Фортунатовымъ въ передачѣ втораго Пуруша понятіемъ чело-вѣка. Противъ этого объясненія говорить и вторая половина стиха: этотъ (то-есть, ruga) родившись одолѣлъ землю и сзади, и спереди. Г. Фортунатовъ имѣетъ въ виду избитое у насъ понятіе о господствѣ чело-вѣка на всей землѣ, но существовало ли такое, возвышающее чело-вѣческую личность, понятіе уже въ ведійскомъ періодѣ? Далѣе, что выражаютъ слова: господство и сзади, и спереди надъ землей? Мы полагаемъ, что слова: онъ родившись превзошелъ (у В. R. *ati gi-hinter sich lassen, hinausreichen über*) землю впереди и на-зади—относятся къ солнцу, окружающему лучами землю, въ своемъ движеніи съ востока на западъ и составляютъ параллель третьему стиху (Ar. Sanh 4-я дек.): *saḥ bhīmim sarvataḥ vrtva etc.*—онъ ото-всюду окруженъ землею и т. д.

Пятая декада.

Изъ стиховъ этой декады обратимъ вниманіе только на третій: „взошло свѣтлое лицо боговъ, глазъ Митры, Варуны и Агни. Небо, землю и воздухъ наполнило *солнце душа міра движущаяся и неподвижная*“. Этотъ стихъ подтверждаетъ, что *міровая душа Пуруши* предыдущей декады есть олицетвореніе солнца. Въ переводѣ дальнѣйшихъ стиховъ мы не имѣемъ повода не соглашаться съ г. Фортунатовымъ. Между ними восемь соотвѣтствуютъ восьми стихамъ изъ 50-го гимна 1-й книги Ригъ-Веды, который былъ подвергнутъ пространному лингвистическому и мнѣологическому анализу нѣмецкимъ ученымъ Зонне (см. выше). Въ концѣ пятой, то-есть, послѣдней декады приложенъ небольшой отдѣлъ стиховъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Mahāpāṇḍī, которыхъ значеніе и метрической составъ подробно разсматриваетъ г. Фортунатовъ на стр. 147.—164. Если и то, и другое не вполне ясно, и переводъ кое-гдѣ сомнителенъ, должно совнаться, что издатель сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, для уясненія смысла этихъ загадочныхъ стиховъ.

В. Миллеръ.

ОПЫТЫ ПО ИСТОРИИ РАЗВИТІЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЛЕГЕНДЫ ¹⁾.

IV.

Сказаніе о 12-ти пятницах²⁾.

(Посвящено Джузеппе Питрэ).

Если „чествованіе воскресенья воздержаніемъ отъ работы вмѣнялось подѣ страхомъ наказанія уже старо-германскими кодексами и синодами“ ²⁾, то соблюденіе пятницы также внушалось издавна. Въ то время, какъ эдиктъ Константина (Cod. Theod.) говоритъ только о die dominica, Евсевіева жизнь Константина (I. I, IV, с. 18) присоединяетъ къ ней и пятницу ³⁾.

Апокрифическіе тексты, въ родѣ эпистоли о недѣлѣ, распространившись въ народѣ съ мистическими толками, дали уваженію, которымъ окружались священные дни недѣли, суевѣрный оттънокъ и усложнили ихъ, въ началѣ простой, символизмъ. Приведенные выше тексты эпистоли указали намъ, какія знаменательныя событія ветхой и ново-завѣтной исторіи начали приурочиваться къ воскресному дню, увеличивая его знаменательность въ глазахъ вѣрующихъ. Массманъ ⁴⁾,

¹⁾ См. апрѣльскую книжку *Журнала Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

²⁾ *Reitberg, Kirchengeschichte Deutschlands*, II, 793.

³⁾ Τῆς κυριακῆς τὴν ἡμέραν καὶ παρασκευῆς νομοθεσία. τιμᾶν... ἅπασι σχολὴν ἄγειν ταῖς ἐπονύμοις τοῦ Σωτῆρος ἡμέραις ἐνουθεῖται, ὁμοίως δὲ καὶ τὰς τοῦ σαββάτου τιμᾶν, μνήμης ἕνεκα μοι δοκεῖν τῶν ἐν ταύταις τῷ κοινῷ Σωτῆρι πεπράχθαι μνημονευομένων.—Валевій думаетъ, что необходимо читать: τὰς πρὸ τοῦ σαββάτου, какъ очевидно читалъ тотъ, кто надписывалъ содержаніе главы. Сверхъ того, у Созомена (Н., I. I, 8) прямо говорится о днѣ передъ субботой: τὴν δε κυριακὴν λεγομένην ἡμέραν, ἣν ἕβραιοὶ πρώτην τῆς ἑβδομάδος ὀνομάζουσι, Ἕλληνες δὲ ἡλίφ ἀνατιθέασι, καὶ τὴν πρὸ τῆς ἑβδόμης ἐνομοθέτησε δικαστηρίων καὶ τῶν ἄλλων σχολὴν ἄγειν πάντας καὶ ἐν εὐχαῖς καὶ λιταῖς τὸ θεῖον θεραπεύειν.

⁴⁾ *Massmann, Denkmäler deutsch. Sprache u. Liter. etc.*, I (München 1828) pp. 8—9, прим. 3.

собрали нѣсколько подобныхъ указаній изъ нѣкоторыхъ старонѣмецкихъ памятниковъ. Тѣ и другіе, вмѣстѣ взятые, позволили мнѣ составить слѣдующій перечень событій, приуроченныхъ къ воскресенью ¹⁾.

- 1) Въ воскресенье сотворенъ былъ свѣтъ (*Fabr.*, чешск., *Luc.*, *Fritz.*, *Schwab.*; *Ном.*) ²⁾.
- 2) " сотворены ангелы (чешск., *Ном.*)
- 3) " сотворенъ Адамъ (*Fabr.*, *Тух.*, дух. стихъ у *Безс.*, VI, № 568).
- 4) " Господь почилъ (*Am.*, *Нов.*, *Рер.*).
- 5) " прекратился потопъ (чешск., *Ном.*).
- 6) " Господь посѣтилъ Авраама (*Тух.*).
- 7) " Господь явился въ купинѣ Моисею (*Тух.*).
- 7¹⁾ " In die dominica pluit dominus manna filiis Israel (*Ном.*).
- 8) " Евреи перешли черезъ Черное море (*Fritz.*, *Ном.*).
- 8¹⁾ " In die dominica percussit Moyses petram in heremo (*Ном.*).
- 9) " совершилось Благовѣщеніе (*Тух.*, *Пит.*, чешск., *Fritz.*, *Kschr.*, *Schwab.*).
- 10) " совершилось Рожденіе Спасителя (*Нов.*, *Kschr.*, *Ном.*) ³⁾.
- 11) " совершилось поклоненіе волхвовъ (*Рер.*, *Luc.*).
- 12) " " Крещеніе Спасителя (*Тух.*, *Пит.*, чешск., *Рер.*, *Ном.*).
- 13) " " усѣновеніе главы Іоанна Крестителя (чешск.).
- 14) " " кормленіе 5-ю хлѣбами и 2-мя рыбами (чешск.).

¹⁾ Далѣе употреблены въ текстъ слѣдующія сокращенія: *Fabr.* (текстъ Фабриція); *Am.* (текстъ Amaducci); *Нов.* (*Noveden*); *Clos.* (*Clovenep*); *Чешск.* (чешская эпистола); *Тух.* (текстъ Тихоуравова); *Пит.* (текстъ Пыпина); *Рер.* (приписка на послѣднемъ листѣ Реггау'ской хроники, XIII—XIV в., у Массмана l. c.); *Luc.* (*Lucidarius* ib.); *Fritz.* (*Hermann von Fritzlar.*, ib.); *Kschr.* (*Kaiserchronik*, ib.); *Schwab.* (*Schwabenspiegel*, ib.); *Ном.* (*Old english Homilies*, ed. R. Morris, 1-st Series, part II, № XIV).

²⁾ «В недѣлю сотвори Богъ небо и землю, день и ночь и всю вселенную» *Тихоуравова*, Пам., II: Вопросы отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ, № III, стр. 448.

³⁾ *Моне*, Lat. Нумн., I, 69—70: *Edicto die dominica—Nascitur nocte media etc.*

- 15) Въ воскресенье совершилось претвореніе воды въ вино (чешск.).
 16) " " " воскресеніе Лазаря (чешск.).
 17) " " " въѣздъ въ Іерусалимъ (*Rep.*).
 18) " " " смерть на крестѣ (*Fabr., Frits.*)¹⁾.
 19) " " " воскресеніе Спасителя (*Fabr., Am., Пчп., чешск., Rep., Kschr., Nov., Hom.*).
 19¹⁾ " " " In die dominica... venit (Christus) ad discipulos per clausas januas (*Hom.*).
 20) " " " сошествіе Святаго Духа (*Rep., Kschr., Nov., Hom.*).
 21) " " " мученіе св. Іакова (чешск.).
 22) " " " освобожденіе св. Петра изъ оковъ (чешск.).
 23) " " совершится страшный судъ (*Тух., чешск., Hom., Rep.: Des sunnentages suln wi rirsten an deme jungsten Tage; также въ Luc., Frits.: unt uffe disen tac sal de werlt zurgen; Schwab.: Der sunnentag was der erste tag, der je wart und wirt och der jungste tag).*

Очень вѣроятно, что другіе памятники дадутъ другія приуроченія, и что, наоборотъ, изъ сообщенныхъ нами, инны окажутся поздними и мѣстными.

Совершенно такимъ же символизмомъ, и несомнѣнно по тѣмъ же побужденіямъ, обставилось и чествованіе пятницы — съ тою разницею, что различныя приуроченія, которымъ она подвергалась, не являются разбѣянными по различнымъ текстамъ, вызывая въ изслѣдователѣ попытку свода, а довольно рано были сведены въ одинъ законченный текстъ, видоизмѣнявшійся по мѣстнымъ религіознымъ требованіямъ, не выходя впрочемъ изъ указанной рамки. Эту рамку давало *Сказаніе о 12-ти пятницахъ*, обыкновенно приписываемое св. Клименту. Оно сохранилось въ нѣсколькихъ разноязычныхъ пересказахъ. Французское сказаніе находится въ рукописи XIV вѣка; сербская рукопись, по которой Новаковичъ издалъ сказаніе о .vi.-хъ

¹⁾ Schwabenspiegel: Des Tages (т. е. въ воскресенье) wurden wir versenet umb Adams missethat die er tet in dem Paradis. Впрочемъ тамъ же о пятницѣ: Des fritages gechnof Got den ersten Menschen und wart och gemartrot des fritages dur den Menschen.

петцѣхъ элевтерьевскаго извода, относится имъ къ первой половинѣ XIV в., и можетъ быть, принадлежить еще болѣе раннему времени; къ XIV—XV вѣкамъ можно отнести и парижскую редакцію легенды, приписанную къ рукописи XIII вѣка. Это даетъ намъ приблизительный terminus a quo происхожденія самой легенды и позволяетъ устранить мнѣніе кардинала Питра, усматривавшаго въ изданномъ имъ греческомъ текстѣ о 12-ти пятницахъ incultam vesaniam XV столѣтія.

Начну съ сообщенія этого текста ¹⁾.

Κάτω Κλήμης πάπα Ῥώμης ἀνέμαθ' ἐκ τῶν θεῶν γραφῶν ὅτι εἰσὶ δώδεκα παρασκευαὶ τοῦ ἐνιαυτοῦ, ἄστινας ἐάν φυλάξῃ ὁ χριστιανὸς μετὰ εὐλαβίαν καρδίας ἐξαγορεύσας τὰ αὐτοῦ ἁμαρτήματα καὶ νηστεύσας ἄχρις ἑσπέρας ἐν ἄρτῳ καὶ ὕδατι, οὐ μεινήσεται Κύριος τῶν ἁμαρτιῶν αὐτοῦ, ἀλλὰ γινωσκέτω, ὅτι ἐν τῇ τελευτῇ αὐτοῦ οἱ ἄγγελοι τοῦ θεοῦ παραλαβοῦσι τὴν ψυχὴν αὐτοῦ καὶ ἐποροῦσι τὴν ψυχὴν αὐτοῦ ἐν τῇ τρυφῇ τοῦ παραδείσου

- τῇ ᾧ παρασκευῇ τοῦ μαρτίου
- τῇ ᾧ τοῦ ἐναγγελισμοῦ
- τῇ μεγάλῃ παρασκευῇ
- τῇ ᾧ τῆς ἀναλήψεως
- τῇ ᾧ τῆς πεντηκοστῆς
- τῇ ᾧ τῆς γεννήσεως τοῦ προδρόμου
- τῇ ᾧ τῶν ἁγίων ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου
- τῇ ᾧ τοῦ σепτεμβρίου
- τῇ ᾧ τῆς γεννήσεως τῆς θεοτόκου
- τῇ ᾧ τῆς Χριστοῦ γεννήσεως
- τῇ ᾧ τῆς βαπτίσεως
- καὶ τῇ τῆς ὑπαπάντης

Латинскихъ текстовъ климентовскихъ пятницъ у меня нѣтъ подъ руками. Одинъ изъ нихъ встрѣтился мнѣ въ рукописи XIV вѣка (Palat. st. 21, sc. 2, cod. 218, f. 160 v.). Я выписалъ себѣ лишь начальную строку, служащую введеніемъ къ статьѣ: Clemens episcopus servorum Dei Romanorum dixit quod invenerat in actibus, и т. д. Можетъ быть, разнорѣчія слѣдующихъ далѣе вульгарныхъ текстовъ перечня ведутъ свое начало отъ такихъ же разнорѣчій латинской редакціи, изъ которой они вытекли.

За сообщеніе слѣдующаго нѣмецкаго текста той же статьи, извѣстной мнѣ дотогдѣ лишь по цитатѣ Шмеллера ²⁾, приношу мою благодарность г. директору Мюнхенской королевской бібліотеки, д-ру Карлу Гальму.

¹⁾ Juris ecclesiastici Graecorum Historia et Monumenta etc. (ed. Pitra), t. I (Romae, 1864) p. 301.

²⁾ Schmeller, Bayer. Wb. s. v. Freytag.

Die zwelf aus genommen freitag.—Daz sint die zwelf freitage die sant Clemens der pabst waz ze Rome von sant Peter sinem maister vernam und von ander seinen junger. Swer siu vastet ze brot und wazzer, der chumpt nimmer in chain not, im helf got dar auz und lözet ouch die sel von nöten.

Der erst freitage ist der erst in dem Merczen
 der ander vor sant Marien mizze in der vasten
 der dritte an dem charfreitage
 der vierde vor der auffart
 der fünft vor der phingsten
 der sechste in der phingste wochen
 der sibent vor sunwenten
 der achte vor sant Peters tage
 der neunt der necst dar nach
 der zehent so september sich an hebet
 der ainleift in december
 (der ander freitage) der zwelft der necst vor weichen nachten¹⁾.

Приводимый дагѣ провансальскій текстъ заимствованъ мною изъ сборника XVII в. Неаполитанской публичной библіотеки²⁾. Онъ не носитъ имени Климента, но принадлежность его къ циклу сказанія о 12-ти пятницахъ несомнѣнна.

Aussi son los XII divendres de l'an que l'on deu dejunar, home e frema, ad honor del payre et del fils et del sant Esperit e de madona sancta Maria et ad honor dels XII sans apostres per un an (?) en pan et en haugua; et que sia veray penedent el sabra de sa vida per l'angel, et lo diable ny neguna mala (край листа вѣсколько обрѣзанъ) causa non aura poder sobre luy ny sobre sars (? Край листа обрѣзанъ: s'arma?)

Lo premier divendres de Mars
 lo segond es apres (davant?) nostra Dona de Mars
 lo III-e es lo divendres sant
 lo IV-e es davant Rohasons
 lo V-e es davant Pendecoste
 lo VI-e es devant Pendecoste (apres? либо весь № повторень по ошибкѣ)
 lo VII-e es devant sant Juan Batista
 lo VIII-e es devant la festa de sant Pierre et st Pa(ulo: обрѣз. листъ).
 lo IX-e es devant la festa de sant Pierre d'aoust
 lo X-e es al dejunes de las IV temporas
 lo XI-e es davant sant Andrieu
 lo XII-e es davant Nadal. Amen.

¹⁾ Cod. lat. Monac. 7021 quondam Fürstenf. 121 f. 171 b.

²⁾ Сборникъ этотъ заключаетъ между прочимъ: lo roman de St. Tropheme и стихотворный разказъ о дѣтствѣ Христа, основанный на апокрифахъ. Первый переписанъ съ этой рукописи проф. Штенгелемъ; второй, отличающійся въ подробностяхъ отъ текста, изданнаго Барчемъ, — мною.

Италянская статья о 12-ти пятницах напечатана была *Амати* ¹⁾, по тексту котораго и приводится, съ указаніемъ на отмѣны по рукописямъ ²⁾.

Questi sono i dodici venerdì, i quali trovò papa Chimento. Chi gli digiuna in pane e in acqua, non vede mai le pene del ninferno.

Io Chimenti papa trovai negli atti (laur. nella lezione) degli apostoli che Iddio disse a Piero di questi venerdì, gli quali tutti i cristiani deono digiunare in pane e in acqua insino a vespro (laur. e dire XII paternostri); perchè dodici sono gli apostolie dodici sono i venerdì.

Lo primo si è il primo venerdì di Marzo

Il secondo quello che è innanzi alla inunziata (laur. alla anunziatione di santa Maria)

Il terzo si è il venerdì santo (laur. della settimana santa)

Il quarto quello che è innanzi alla cessione (laur. l'Asensione di Cristo)

Il quinto si è innanzi alla pentecosta

Il sesto si è per le digiuna quattro tempora dopo la pentecosta (laur. недостаеть)

Lo settimo si è innanzi la festa di san Giovanni

L'ottavo si è innanzi la festa di san Piero e di san Pagolo

Lo nono si è dopo la loro festa (laur. il primo venerdì di Settembre)

Lo decimo è il primo venerdì di Settembre (laur. il secondo venerdì di Settembre)

L'undecimo si è dinnanzi a santo Andrea

Lo duodecimo si è innanzi alla natività di Cristo.

Вторая половина итальянскаго текста впервые знакомитъ насъ съ характеромъ историческихъ приуроченій, которыми возвышалось значеніе пятницы, какъ многозначительнаго дня:

Questo vi sia manifesto, frati carissimi, che questi venerdì sono da digiunare e da guardare da vino e da cotto, e dalla propria moglie chi l'ha. E chi questi venerdì digiunerà divota mente al modo sopra detto, in paradiso n'andrà alla sua fine, e le pene dello inferno mai non vedrà; però che

In venerdì Adamo fu fatto (laur. plasmato; Pal. creato) in venerdì peccò

In venerdì Caino uccise il suo fratello (laur. Pal. Abello, Abele)

In venerdì venne il diluvio sopra alla terra

In venerdì uccise Davit Golia

¹⁾ *Amati*, Ubbie, ciancioni e ciarpe del secolo XIV въ Scelta di Curiosità letterarie, 1866, p. 5—7.

²⁾ Я пользовался однимъ спискомъ, находящимся въ Лауренціанѣ, и отрывками текста, напечатанными у *Palermo*, I Manoscritti Palatini, I, cl. I, ord. II, cod. XIX. Изъ описанія рукописи (XV в.) на стр. 25 видно, что I dodici venerdì слѣдуютъ въ ней за Allegazioni e testimonianze di più profeti per confondere li Ebrei. На стр. 232 помѣщено извлеченіе изъ нашего сказанія, отвѣчающее второй его половинѣ.

In venerdì uccise per il peccato Elia ventiquattro migliaia d'uomini (laur. CXLIV migliaia)

(laur. Erode uccise in venerdì CXLIV migliaia di fanciulli)

In venerdì fu dicollato santo Giovanni Battista

In venerdì fu annunziata la vergine Maria (laur. Pal. нѣтъ)

In venerdì fu crucifisso Cristo

In venerdì santa Maria n'andò in cielo (Pal. id.; въ laur. помѣщено позже)

In venerdì fu morto san Piero e san Pagolo (laur. Pal. dicollato)

In venerdì fu lapidato santo Stefano

In venerdì pugnerà Antecristo il mondo con Elia ed Enochche (laur. con Elia e con tribus filiis Isdrael; Pal. con Noe et con tutti li figliuoli d'Israel)

In venerdì verrà Cristo a giudicare il mondo (laur. Pal. нѣтъ)

E però vedete quante cose sono state in venerdì (laur. E molte altre grandissime cose sono a venire in venerdì). Chi gli digiunerà, averà il sopradetto merito alla fine sua da Cristo.

Другаго характера приуроченія въ слѣдующемъ англійскомъ текстѣ пятницъ, носящемъ заглавіе: The golden Fridays of the year ¹⁾.

Whosoever fasteth on the golden Fridays, and eats but one meal of bread and water each Friday, and prays devoutly on each of them days as followeth, shall have five gifts.

First, he shall not die a sudden death, nor he shall not die without the holy rites of the church; nor the devil will have power over him. He shall see the glorious Virgin Mary with his own corporeal eyes before his death; he shall see our Lord Jesus Christ on the cross forty days before his death.

1. The Friday after the first sunday in Lent to fast and say three Pater Nosters, in honour of the Holy Trinity.

2. The Friday before the Annunciation of the Blessed Lady, which is the 25-th of March, and to say twelve PNS. in honour of the twelve Apostles.

3. On good Friday to say fifty two PNS. in honour of the crown of Thorns.

4. The Friday before Ascension Day to say forty PNS. in honour of the forty days that our Saviour fasted.

5. The Friday before Pentecoste to say thirty PNS. in honour of the Holy Ghost

6. The Fr. after Pentecost to say twelve PNS. in honour of the twelve Apostles

7. The Fr. before St. John the Baptist to say thirty three PNS. in honour of our Lord's Passion.

¹⁾ Сообщено Maurice Lenihan'омъ (Limerick) изъ «an old irisch manuscript volume» въ Notes and Queries, 4-th series, vol. II, London, 1868, p. 330. Предлагаемая выписка сообщена мнѣ одновременно гг. Келеромъ и Н. И. Стороженкомъ.

8. The Fr. before SS. Peter and Paul to say fifty three PNS. in honour of Jesus Christ.

9. The Fr. before the first day in harvest to say four PNS. in honour of our Saviour's hands and feet.

10. The Fr. before the second Lady-day, in harvest, to say five PNS. in honour of the five wounds of our Saviour.

11. The Fr. before All Saints five PNS. in honour of five Apparitions of our Saviour after his Resurrection.

12. The Fr. before Christmas to say 4) PN. in honour of the Tokens that will come before Doomday.

Въ описаніи французскихъ рукописей королевской (нынѣ національной) бібліотеки, П. Парисъ ²⁾ напечаталъ первыя строки французскаго текста, въ которыхъ я призналъ пересказъ статьи о 12-ти пятницахъ. Приношу благодарность г. Гастону Парису за сообщеніе ея въ полномъ видѣ.

Je Climens, qui fui apostoles de Rome, fac savoir que nous trovons en escrit qu'il a XII vendredis en l'an que li apostre getnerent en lor tans en pein et en eve; et quiconques les getneroit en pein et en eve, il savroit à la fin la fin de sa vie par l'anoncion de l'angele.

Li premiers vendredis si est li premiers vendredis de qaresme.

> secons vendredis si est li vendredis devant mi qaresme.

> tiers vendredis si est li vendredis aores

> qars vendredis si est li vendredis devant l'ascention

> quins vendredis si est li vendredis des foires de pentecoste

> VI > > > > empres le pentecoste

> VII > > > > devant la seint Jehan

> VIII > > > > > la seint Piere

> IX > > > > > la mi aoust

> X > > > > > la septembresche

> XI > > > > > la toussains

> XII > > > > > Noël ³⁾

Au jour dou vendredi ocist Chayn Abel son frère

> > > > entrèrent li fil Israel en terre de promision

> > > > fu mors Moyses li prophetes el mont de Albaron ²⁾

¹⁾ Количество Отче нашъ не означено. R. Köhler предлагаетъ читать 15, такъ какъ слѣдующій намекъ на знаменія передъ страшнымъ судомъ, очевидно, относится къ известной апокрифической статьѣ о «XV Signa ante judicium». О ней см. С. Michaelis въ *Jahrbuch f. d. Studium d. neueren Sprachen*, v. 46 (1870).

²⁾ P. Paris, *Les Mss. français de la bibliothèque du Roi*.

³⁾ Съ слѣдующею затѣмъ въ текстѣ росписью событій, приуроченныхъ къ пятницѣ, необходимо сличить такую же, присоединяющуюся иногда къ стариннымъ календарямъ. Она напечатана въ *Curiosités théologiques*. Par un bibliophile (Paris. Ad. Delahays. 1861, p. 314, 315) и сребрена мнѣ Келеромъ.

⁴⁾ Въ *Curiosités: Alburon*.

Au jour dou vendredi fu mors David li prophetes	
» » » »	decola Elyes les faus prophetes CCC et XL ¹⁾
» » » »	fu seins Jehans baptistres decoles ²⁾
» » » »	fu seins Estievenes lapides
» » » »	annonça ³⁾ seint Gabriel l'incarnation nostre dame (sic) et l'incarnation nostre seigneur Jesu Crist
» » » »	fu nostre sires crucifies
» » » »	trespassa nostre Dame
» » » »	fu sein Pieres (sic) decoles ⁴⁾
» » » »	fu seins Peres crucefies.

Et par ces raisons devons nos estre en abstinence et plus constreindre nostre char au jor dou venredi que nul des autres jors de la semaine.

Славянорусскія статьи о 12-и пятницахъ были не разъ изданы, въ двухъ различныхъ редакціяхъ, изъ которыхъ одна извѣстна до сихъ поръ лишь въ славянскихъ пересказахъ: я разумѣю ту разновидность статьи, которая внесена въ легенду о преніи Элевѣрія съ Тарасіемъ и можетъ быть названа *Элевѣрьевскою*. Ко второй редакціи относятся тѣ перечни завѣтныхъ пятницъ, которыя носятъ имя Климента, близко отвѣчая приведеннымъ выше европейскимъ. Сюда жъ относятся и народные пересказы этого мотива въ русскихъ духовныхъ стихахъ. Это редакція *Климентовская*.

1. *Элевѣрьевскія пятницы*. Легенда о преніи христіанина Элевѣрія съ Евреемъ Тарасіемъ напечатана была по разнымъ рукописямъ Порфирьевымъ (П), Тихонравовымъ (въ двухъ текстахъ: Т¹ и Т²), Ягичемъ (Я), Миличевичемъ (М) и Новаковичемъ (N) ⁵⁾ Кромѣ того,

¹⁾ Въ *Curiosités* добавлена послѣ этой пятницы еще одна: Au jour du vendredi David tua Goliath.

²⁾ Въ *Curiosités* вставлено между этою и слѣдующею пятницей: Au jour du vendredi le roi Hérode fit massacrer les innocents au nombre de cent quarante et trois mille.

³⁾ *Curiosités*: commença?

⁴⁾ St. Paul?

⁵⁾ *Православный Собесѣдникъ* 1859 г., февраль: Почитаніе среды и пятницы въ древнемъ русскомъ народѣ, стр. 190—195: *Сказаніе отъ обрѣтениа Елефтеріа о вѣ-хъ петлихъ*, изд. Порфирьевымъ (=П) по ркп. проф. Григоровича «Рукопись сербской редакціи и весьма древняя». — Въ Памятникахъ Отреч. русск. лит. II (1863) г. Тихонравовымъ напечатаны два текста: первый (=Т¹) стр. 323—27: *Сказаніе Елоуферьево ѡ вѣ пятницъ*, по ркп. XV в. Новг. Соѡ. библ.; второй (=Т²) стр. 327—335: *Обрѣтение ѡ вѣ пятницихъ свѣтаю Елеферіа*, по ркп. XVI в. Москов. синод. библ. — Редакція Jagić'a, Prilozi k historije knjizevnosti naroda hrvatskoga i srbskoga (1868) стр. 55—7, по ркп. 1520 г.: *Сказаніе*

я имѣлъ подѣ руками списки той же статьи изъ рукописей Ундольскаго ¹⁾ и Парижской ²⁾: Унд. и Пар.—Содержаніе и видоизмѣненія этой легенды разсмотрѣны будутъ особо; здѣсь она можетъ интересоватъ насъ лишь на столько, на сколько она дала у себя мѣсто занимающему насъ сказанію, которое и является въ ней предметомъ спора христіанина съ евреемъ.

Извѣстныя мнѣ елзеверьевскія сказанія распадаются на двѣ группы А и В; во главѣ первой стоитъ парижскій текстъ (XIV—XV? вѣка); во главѣ второй—редакція, издаваемая Новаковичемъ, восходящая къ первой половинѣ XIV вѣка, и можетъ быть, ранѣе. Отличія обѣихъ группъ состоятъ въ различномъ распорядкѣ чествуемыхъ пятницъ и въ нѣкоторыхъ особенностяхъ изложенія. Къ группѣ А относятся тексты: Пар. T¹ и Унд.; къ В.—П, N, T² и J. Къ указаннымъ выше особенностямъ, связывающимъ Унд. и T¹ въ одну группу слѣдуетъ присоединить и то обстоятельство, что городъ, гдѣ происходитъ споръ о пятницахъ, названъ въ нихъ одинаково — въ отличіе отъ всѣхъ другихъ пересказовъ: въ T¹: Шентаиль, въ Унд. Щпаль.

Далѣе я сообщаю перечень 12-и пятницъ по текстамъ А.

Пар. Первая пятница Мартовская, въ которую Адамъ, преступивъ заповѣдь Божію, изгнанъ былъ изъ райа.—*m¹* Пер'ваа пѣт'ница мар'та въ .Ṣ. день в'нюже Адамъ преступи заповѣдь Божію, из'гнанъ бысть изъ райа. — *Унд.*: .ā. пятница мѣсяца марта .ā. день, в'ню-же преступи Адамъ заповѣдь Божію, изгнанъ бысть изъ райу въ .Ṣ. часъ дни ³⁾.

ωд ωв: петака, како заповидие господинь блаженому Петру и Павлу да саблуду ωваи ωв: петка (=J).—*Гласник српског ученог друштва*, кѣбига V, свеска XXII старога реда (1867): *Живот срба сельака* (статья *Миличевича*) стр. 90—93: поздній текстъ «*о обрѣтенију 12 пјатков великихъ (=M).*» — *Starine*, knjiga IV (1872): *Dvapaest petaka, zamјetka Новаковича*, на стр. 25—28: *Сказаниѣ ω ω-ихъ петцихъ како подобаѣтъ дрѣжати к постомъ (=N).*

¹⁾ Ркп. Ундольскаго № 1,254 (Обрѣтение философа Елзеерія ω двоюнадесѣт пѣтницю). За сообщеніе этого текста приношу мою благодарность К. С. Некрасовой. См. также ту же статью въ ркп. XVI в. Румянц. Муз. № 436.

²⁾ Описана, въ *Les Manuscrits slaves de la bibliothèque impériale de Paris* par le p. *Martinof* (1868). Ркп. № 10 (Апс. n° 3537), относящаяся къ XIII в. описана на стр. 45 и слѣд.; статьёй о пятницахъ, внесенною въ рукопись позднѣе (VIV. ā.?), я могъ пользоваться въ копіи отца Мартынова, доставленной мнѣ г. Штендеманомъ. За доставленіе этого текста, который сообщаю въ приложеніи, приношу мою искреннюю благодарность отцу Мартынову.

³⁾ Славянскія сказанія Елзеверьевской редакціи сходятся въ приуроченіи къ 1-й пятницѣ грѣхопаденія и изгнанія Адама. Апокрифическіе вопросы: отъ

Пар. Вторая пятница передъ Благовѣщеніемъ (25 марта): Каинъ убилъ брата своего Авеля, въ 3-мъ часу. Это былъ первый мертвецъ на землѣ. Т¹: .Б. пятница предъ Благовѣщеніемъ в'ню-же Каинъ оубилъ Авеля брата своего зависти ради. Се бысть пер'выи мертвецъ на земли. Унд. тоже, съ отличіемъ: уби К. А. брата своего .Г. и часъ дни.

Пар. Третья пятница страстная: распятіе Господа нашего, въ 9-мъ часу.—Т¹: третья пятница страстная в'нюже распятъ Христосъ Богъ нашъ въ .Ф. часъ дни по обѣтованію разыскати заблуждшихъ.—Унд., то же, съ отличіемъ: по обѣтованію разыскати хотя овчате погибшаго ¹)

Пар. Четвертая пятница передъ Вознесеніемъ: гибель Содома и Гоморры и другихъ городовъ, въ первомъ часу.—Т¹: четверта пятница предъ вознесеніемъ Господнимъ, в'нюже потопленъ бысть Содомъ и Гоморъ і инии три града въ .А. (часъ) дни.—Унд.: тоже.

Пар. Пятая пятница передъ русаліями (Пятидесятницей): вторженіе Агарянъ, опустошившихъ города и расплотившихся на островахъ. Они ѣли верблюжье мясо ²) и пили козью кровь. — Т¹: пята

сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ (*Тихомировъ* Пам., II, № 3, стр. 448) называютъ пятницу, согласно съ мусульманскимъ преданіемъ и италіанскою (кLEMENTOV-скою) легендой—днемъ созданія Адама: «въ пѣтокъ сотвори Адама рукою своею».

¹) Старофранц. романъ о Ланцелотѣ (пар. рkp., апс. fonds 6772, XV в.) символически связываетъ событія, приуроченныя ко 2-й (убіеніе Авеля Каиномъ) и 3-й (крестная смерть) пятницамъ: f. 673 r. col. 2. «Ainsi fu Abel engendreit dessous l'arbre de vie a vendredi»; f. 673 v. col. 1: «Ainsi receut Abel mort per la main de son desloial frere Kaym, et en celui lieu meisme ou il avoit esté conceü le jor d'ung vendredi per cil tesmoing meisme. Et la mort que Abel soustint à celui temps qu'ilz n'estoient encor que III hommes en terre, significa la mort du vrai crucifix. Car per Abel fut-il signifie et per Kaym Judas per qui il receut mort. Et tout ainsi comme Kaym salua Abel son frere, tout ensi salua Judas son seigneur et si avoit sa mort pourchacié. Ainsi s'acorderent bien les II mors ensemblez, non pas de haultesse, mais de signifiante. Car ensi comme Kaym occist Abel a vendredi, ainsi ocist Judas son seigneur a vendredi, non pas per sa main, mais per sa langue» Авель—Христосъ, Каинъ—Юда; древо жизни (подъ которымъ былъ зачатъ и убитъ Авель)—распятіе: это знакомый намъ символизмъ легенды о крестномъ древѣ. См. Вопросы, отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ, I. с., стр. 452—453: *Вопросъ*: что ради великий пятокъ по великхъ днь? *Отвѣтъ*: понеже всѣхъ дньей въ пѣтокъ распѣша Господа нашего Іисуса Христа. Тогда виде сьлнце и стоя три часы на единемъ мѣстѣ. Также и въ великий пѣтокъ всегда стоятъ того ради. И есть день паче всѣхъ дньей.

²) У *Мартинова* Manuscrits и т. д. во франц. переводѣ статьи: ces gens montaient des chameaux.

пѣтница предъ шестъвѣмъ свѣтаго Доуха, въ нюже Агарѣны многы страны плениша и изгна ихъ (Гедеонъ?) въ кратковъ островъ, и ядоху велблудіе мѣсо, козью кровь пѣху и ту сѣ расплодишасѣ въ островъ.—*Унд.* то же (и загна я Аредовъ островъ).

Пар. Шестая пѣтница, мѣсяца іюня: взятіе Іерусалима Халдеями, во 2-мъ часу, при пророкѣ Іереміи.—*Т¹* Шестѣя пѣтница преже мѣсопуста, въ нюже плененъ бысть Іерусалимъ отъ Халдѣй въ (тоже) время Еремѣя пророка въ .Ѣ. часъ. Се же есть великое плененіе. Тогда стоялъ есть (проп.: Іерусалимъ опустѣвъ?) лѣтъ .ḡ. и .ḡ. Тогда И. (израильтине?) сѣдоша на рѣцѣ вавилонстїи и плакавшесѣ, обѣсѣвше органы свои. Тогда всъпросиша ихъ пленивши: воспойте намъ отъ пѣсней сионскихъ и отъ сыновъ Іаѣвъ. Они же ркоша: Ни буди намъ пѣти отъ пѣсней и пѣти, дондеже сѣдемъ на землі своей. И сего ради Латынѣне [не] поютъ аллилугіа, ни славу отцю и сыну недѣлю преже нашего мѣсопуста, то(и)же до велика дни великия субботы .ḡ. и .ḡ. дни. *Сижѣ бываетъ пѣтница въ .Ѣ. іюня* (реп. іюля), *тоже временная.*—*Унд.:* .ḡ. пѣтница мѣсяца іюня, въ .Ѣ. (часъ), въ нюже плѣненъ бысть Іерусалимъ отъ Халдеи, въ лѣта Іеремѣя пророка, въ .Ѣ. (реп. .Ѣ.) часъ дни. Се есть великое плѣненіе. Тогда стоя запусеніи (Іерусалимъ) .ḡ. лѣтъ и .ḡ. Тогда прос[иша] плѣнная отъ пѣсней Сионскихъ отъ сыновъ Іаѣвъ. Они-же рекоша: Не буд[и] намъ пѣ[снь] пѣти, дондеже сѣдемъ на земли свое[й]. Сего ради Латынине [не] поютъ аллилуіа, ни слава Отцю недѣлю предъ нашимъ мясопостомъ, то же и до великия субботы .ḡ. и три дня. *Сижѣ есть пѣтница временная.*

Пар. Седьмая пѣтница: передъ Петровымъ днемъ (29-го іюня): десять казней египетскихъ, превращеніе воды въ кровь, въ 5-мъ часу.—*Т¹:* Семѣя пѣтница предъ Петровымъ днемъ, въ нюже посла Господь десять казней на землю египетскую рукою Моисѣю и Аронею, преврати рѣки ихъ въ кровь въ .ḡ. часъ дни.—*Унд.* (то же, сокращеннѣе).

Пар. Восьмая пѣтница: передъ Успеніемъ (15-го августа): нашествіе Измаильтянъ, которые властвуютъ въ теченіи 60-ти лѣтъ.—*Т¹:* Осмаѣ пѣтница предъ оуспеніемъ свѣтѣя Богородица, въ нюже вѣзшасѣ Измаѣлѣтѣни крилати по морю, и плениша множество люди и странъ, и до великаго Рима владѣша и до западной странѣ лѣтъ .ḡ. и .ḡ. изидоша на лице всея землі повелѣніемъ Божіимъ.—*Унд.* то же; въ концѣ: посланіемъ Божіимъ Гедеонъ загна я во островы.

Пар. Девятая пѣтница: передъ Ускновеніемъ главы Іоанна Предтечи (29-го августа), въ 5-мъ часу.—*Т¹:* девѣтаѣ пѣтница предъ

оусѣ новеніемъ главы Іоанна Крестителя, въ нюже оуби Иродъ Предтечу въ .І. часъ дни.—Унд=Т¹.

Пар. Десятая пятница: передъ Воздвиженіемъ креста (14-е сентября): Моисей раздѣлил воды Чернаго моря, поглотившія его враговъ, въ 4-мъ часу.—Т¹: десятая пятница по въздвиженіи чьстнаго вѣста, въ нюже раздѣли Моисѣй море жезломъ, проведе Израилъ врагы его покры море въ .А. часъ дни. *Тоже времен'наа.* — Унд., тоже, что и въ Т¹: „въ А—й часъ дни“; нѣтъ упоминанія о временной Пятницѣ.

Пар. Одинадцатая пятница передъ Андреевымъ днемъ (30-го ноября): пророкъ Іеремія взятъ ангеломъ, и огненное облако покрыло его до втораго пришествія Господня ¹⁾ — Т¹: Пер'ваа на десятъ пятница предъ Ан'дрѣевымъ днемъ апостола, въ нюже знамена кивотъ Еремѣи пророка, изъ вратъ вз'атъ ангеломъ и поставленъ бысть между двѣма стол'пома горама, въ .Ф. часъ дни, егоже покрыть облакъ огненъ и до втораго пришествія.—Унд.: =Т¹ („передъ Андреевымъ апостоловымъ днемъ, ноября“; „между двѣма горама въ .А.І. часъ“).

Пар. Дьнадцатая пятница: по Рождествѣ Христовѣ: избіеніе младенцевъ Иродомъ.—Т¹: вторааднадесать пятница по Рождествѣ Христовѣ въ нюже Иродъ царъ избіи младен'ци, *тоже временная.* — Унд.: =Т¹ (сокращеннѣе).

Къ группѣ А необходимо отнести и напечатанное у г. Тихонова (по сербской ркп. XV в.): „Начело вѣ. петкомъ вѣликомъ, како подобае чести сихъ вѣ. петъ, поститисе, варено не ясты, Бога молити непрѣстанно“ ²⁾. Оно (=Т³) не вставлено въ легенду объ Элеверіи, какъ другія, но несомнѣнно извлечено изъ сказанія того же типа, какъ и предыдущія, вполне воспроизводя разновидность А, какъ въ распредѣленія, такъ и въ хронологіи пятницъ. Такъ четвертая приходится передъ Вознесеніемъ, пятая передъ сошествіемъ Святаго Духа, или, какъ сказано въ текстѣ (согласно съ Пар.): „прѣдъ русальми“; шестая: мѣсяца іюня.

Группа В элеверьевскихъ сказаній отличается отъ А тою особенностью, что, сходясь съ нею въ распорядкѣ и приуроченіи первыхъ 4-хъ и послѣднихъ 2-хъ (11-й и 12-й) пятницъ, въ остальныхъ разнствуетъ отъ нея въ томъ и другомъ отношеніяхъ. Прежде чѣмъ

¹⁾ У *Мартынова*, во французскомъ переводѣ статьи Ілія вм. Іереміи: Le prophète Élie se sanctifia et disparut dans un nuage de feu, pour ne reparaitre qu'au second avènement du Christ.

²⁾ *Тихонова*, Пам., II, стр. 335—336.

указать на общій характеръ этихъ отличій, остановимся на нѣкоторыхъ частныхъ разногласіяхъ текстовъ группы В.

Скажемъ напередѣ, что за исключеніемъ текста N (группы В) всѣ элеверьевскія статьи той и другой группы начинаютъ годичный перечень пятницъ—съ *мартовской*, согласно съ древнимъ гражданскимъ лѣтосчисленіемъ и христіанскою символическою, отнесшею къ марту мѣсяцу и начало міра ¹⁾. Западныя редакціи климентовской статьи подтверждаютъ древность этого счета: въ пятницу созданъ былъ и согрѣшилъ Адамъ, говоритъ италіанскій текстъ; къ пятницѣ марта относятъ и славянскія редакціи грѣхопаденія Адама.—Пересказчикъ N (либо его непосредственный источникъ ?) измѣнилъ этому порядку, очевидно, изъ желанія приурочить роспись пятницъ къ сентябрьскому, церковному счету года. Оттого у него первая пятница—сентябрьская. Но слѣды стараго оригинала уцѣлѣли въ его перестановленномъ текстѣ, ясно свидѣтельствуя, что этотъ оригиналъ начиналъ свое счисленіе съ марта. Такъ пятница мартовская, 1-ая въ T² (какъ и во всѣхъ другихъ текстахъ, кромѣ N), названа тамъ *первовременной*: „сниже пѣт̄ .д̄. временная“: въ N. она приходится на пятомъ мѣстѣ, но старое названіе за ней удержано: „си есть петькъ прьвоврѣменьны“. На оборотъ, пятница по Рождествѣ Христовѣ приходится въ T²(и во всѣхъ другихъ текстахъ, за исключеніемъ N)—двѣнадцатою: „сиже пѣт̄ .д̄.я. временная“; то же въ N („си есть петькъ четворокъ врѣменьны“), гдѣ эта пятница приходится четвертою. Ясно, что въ подлинникѣ N счетъ начинался съ марта. Если перестановить текстъ N по нормѣ, указанной всѣми редакціями сказанія, то онъ представится въ полномъ соотвѣтствіи съ другими пересказами группы В.

Затѣмъ всѣ редакціи этой группы, отличаются отъ А сплошною перестановкой 4-й—10-й пятницъ, какъ легко будетъ усмотрѣть изъ слѣдующей таблицы:

А.

4-я пятница: *передъ Вознесеньемъ*:
гибель Содома и Гоморры.

В.

T²: *передъ Сочестіемъ св. Духа*:
Агаряне плѣнили многія страны, ѣли верблюжье мясо и пили козью кровь.
[N, I: *передъ Марковымъ днемъ 25 апр.*: то же приуроченіе; II.: *по святомъ Георгіи, 23 апр.*: то же приуроченіе].

¹⁾ Если церковь воспоминаетъ объ изгнаніи Адама изъ рая (*Вершинскій*, Мѣсяцословъ православно-каатолической церкви. СПб. 1856, стр. 301) на сыропустной недѣлѣ, то вѣроятно, этотъ символизмъ установился, когда послѣдняя падала на первую недѣлю марта (ib. p. 224).

5-я пятница: *передъ сошествіемъ св. Духа*: Агарине пѣвнѣли многія страны, ѣли верблюжье мясо и т. д.

6-я пятница: *передъ Петровымъ днемъ*: десять казней египетскихъ.

8-я пятница: *передъ Успеніемъ*: Измаилтяне «крылати по морю».

9-я пятница: *передъ усткновеніемъ главы Іоанна Предтечи*: тоже воспоминаніе.

10-я пятница: *передъ Воздвиженіемъ честнаго креста* (такъ въ Пар. и въ текстѣ *Гласника*; въ Т¹ и Унд.: по Воздвиженіи): Моисей проводитъ Израильтянъ черезъ Черное море.

Не предрѣшая вопроса, какой изъ двухъ сообщенныхъ нами перечней—первоначальный, какой подвергся искаженію, скажу лишь нѣсколько словъ въ объясненіе предложенной таблицы. Текстъ А. представляетъ подъ 10-ю пятницу нѣкоторое колебаніе: древнѣйшій парижскій текстъ помѣчаетъ ее: *передъ* Воздвиженіемъ, и въ этомъ случаѣ находитъ поддержку въ текстѣ *Гласника* (М): „*пред* воздвиженіе честнаго креста“; наоборотъ, пересказы Т и Унд., принадлежащіе къ той же группѣ, говорятъ согласно: *по* Воздвиженіи. Текстъ В, принявъ, по видимому, то и другое приуроченіе (пятницы 9-ая и 10-ая): но такъ какъ приуроченій явилось болѣе, чѣмъ пятницъ, то однимъ пришлось пожертвовать. *Всѣ* тексты В. *пожертвовали* пятницей вознесенскою, то-есть, 4-ю въ А, подвинувъ на ея мѣсто 5-ю А (=4-ая В) и т. д. до 9-й пятницы, такъ что соотвѣтствіе приуроченій представляется слѣдующее:

$$5 \text{ A} = 4 \text{ B}$$

$$6 \text{ A} = 5 \text{ B}$$

Т²: *мѣсяца іюля*: взятіе Іерусалима Халдеями [N, J: *передъ* Сошествіемъ св. Духа: взятіе Іерусалима Халдеями. П.: *прежде* всѣхъ святыхъ и *передъ* сошествіемъ св. Духа: тоже приуроченіе].

Т²: *передъ Успеніемъ пресв. Богородицы*: явленіе Измаилтянъ «яко крылати въ галѣямъ по морю» [NJ П.: мѣсяца августа *передъ* успеніемъ св. Богородицы: тоже приуроченіе].

Т²: *передъ усткновеніемъ главы Іоанна Предтечи*: усткновеніе главы Іоанна Предтечи. NJП=id.

Т²: *передъ Воздвиженіемъ честнаго креста*: Моисей проводитъ Израильтянъ черезъ Черное море [ПJ: *передъ* воздвиженіемъ честнаго креста: гибель Содома и Гоморры. N: *петъкъ* .ā. мѣсяца Сек. *прѣдъ* въздвиженіемъ чьстнаго крста: тоже приуроченіе].

Т²: *по Воздвиженіи честнаго креста*: гибель Содома и Гоморры [PNJ: *по* въздвиженіи честнаго креста: Моисей проводитъ Израильтянъ черезъ Черное море].

7. А = 6 В

8. А = 7 В

9. А = 8 В

10. А = 9 В (*передъ Воздвиженіемъ*).

Свою десятую пятницу В могло теперь приурочить: по *Воздвиженію*, и такъ какъ надо было ознаменовать ее какимъ-нибудь выдающимся событіемъ, то на нее перенесли приуроченіе отброшенной вознесенской: гибель Содома и Гоморры.

Такой ходъ дѣла я считаю наиболѣе естественнымъ, и потому принялъ текстъ Т² за норму группы В—N, J и П. представляютъ здѣсь то отличіе, что перенесли на 9-ю пятницу (*передъ Воздвиженіемъ*) гибель Содома и Гоморры, и наоборотъ, на 10-ю (по *Воздвиженію*) Моисея, проводящаго Израильтянъ. Я считаю такую перестановку случайною, хотя совершившеюся уже въ древнее время, въ прототипѣ NJП=X. Что тексты, подобные нашимъ перечнямъ, естественно подвергались такимъ случайностямъ, перестановкамъ, внесенію новыхъ приуроченій, выключенію старыхъ праздниковъ и т. п.—достаточно явствуетъ изъ сказаннаго нами о соотношеніяхъ группъ А и В. Климентовскія редакціи дадутъ намъ поводъ къ подобнымъ же замѣчаніямъ. Пока укажемъ для примѣра на поздній текстъ *Гласника* (М), который въ 4-й и 5-й пятницахъ сходенъ съ А, въ 6-й съ В; въ 7-й повторяетъ событіе, приуроченное къ этому дню въ 6-й А=5-й В (взятіе Иерусалима Халдеями), но съ особою помѣткою, съ которою мы встрѣтимся въ нашихъ климентовскихъ перечняхъ: *передъ Преображеніемъ*. Въ остальныхъ 8-й—10-й пятницахъ сходно съ А.

Что искаженіе произошло именно въ указанномъ мною направленіи, отъ А къ В, и что А древнѣе В, тому доказательства слѣдующія: 1) согласіе группы А съ климентовскими росписями (восходящими къ XIV вѣку, и можетъ быть, далѣе) въ сохраненіи Вознесенской пятницы; 2) колебаніе въ приуроченіяхъ В именно при Вознесенской пятницѣ: удаливъ ее, тексты В поставили на ея мѣсто 5 А, но не всё одинаково: одинъ Т² помѣтилъ свою 4-ю пятницу: *передъ Сшествіемъ Святаго Духа*, какъ 5 А, и на нее же перенесъ приуроченіе послѣдней (Агаряне и т. д.); NJП оставили за свою 5-ю пятницей старое опредѣленіе А (*передъ Сшествіемъ Св. Духа*), перенесъ на свою 4-ю лишь событіе, приуроченное къ 5-й А (Агаряне), и колеблятся въ обозначеніи своей четвертой: NJ помѣщаютъ ее *передъ Марковымъ днемъ*, П—по святомъ Георгіи.

Мнѣ остается лишь собрать варианты, представляемые текстами В, сопоставленіе которыхъ позволитъ, быть можетъ, еще тѣснѣе связать ихъ въ одну общую группу. Въ распредѣленіи ихъ я слѣдую порядку А.

1. П. изгнанъ бысть изъ рая въ $\bar{5}$ часъ дне.—N: въ $\bar{5}$. часъ дьне. *си кестъ петкъ привовертмьны, тою ради велитъ крѣстианиноу поститисе.*—T²: изгнанъ бысть изъ рая в' шестый днь и часъ. Снже п $\bar{4}$ * \bar{A} . временная, и тоя дѣлѣ поститисѣ въ понедѣл'никъ и в среду и въ п $\bar{4}$ *, и причтетсѣ ко аврамовымъ \bar{A} 1. родомъ.—J. вzagнанъ изъ рая на .г. часъ дне.

2. П. оуби... въ $\bar{1}$ часъ дне... первый мертвецъ на земли, сынъ Адамовъ.—N. id.—T² пер'выи м \bar{r} твецъ на земли (сынъ) Адамль. — J. тои бы први мртаць на земли, на .г. часъ дне.

3. П.: въ онъже распетсе Господь нашъ I. Хр. и духъ свой испусти въ $\bar{6}$ часъ дне.—N распеть се възискати (хотѣ) швчете погыбшааго, и доухъ свои исп. въ .о. ч. д.—T² в нюже пакы ятъ бысть Христосъ въ $\bar{6}$ -й часъ дни по шбѣтованью штю и въсхотѣ възискати швчати погыб'шаго.—J. унъ би распеть Исукреть, нскаше бо душе погыбше, и духъ испусти на .о. ч. д.

4. П. потопленъ бысть Содома и Гоморъ и Еванитъ и Саванитъ и езыи и грады тмъз. \bar{A} 1. потопѣнии быше въ \bar{N} . часъ ноши. — N: Содомъ и Гоморъ, Ксанитъ и Савитъ и кѣзикъ гради \bar{A} 1. потоплени быше въ \bar{A} . ч. н.—T²: Содомъ и Гоморъ и иныи гради въ \bar{A} . часъ дни.—J. у-нъ би потопленъ Содомъ и Гоморъ и Еванитъ и Савитъ и \bar{A} 1. езыи.

5. П.: въ онъже плѣнише Агарѣне многыѣ страны и измаше акриди въ \bar{E} . часъ ноши; си-же ядѣху велбоуджаа мяса и кровь козию и т. д. N: тоже (изгнаше акриди).—T²: въ ноже при Нои потога бысть, и въ то времѣ стоя вода на земли $\bar{1}$ 1. мѣсѣцъ; и причтетсѣ въ тоже времѣ, въ ту же плѣтницу, плѣниша А. многы страны въ \bar{N} . чѣсъ дни, сиже ядѣху и т. д. J. у-нъ плѣнише многе стране и пола, .о. часъ ноши.

6. П.: плѣнише Агарѣне Иерусалимъ съ Навоуходоноремъ царемъ въ лѣто пророка Иереміи въ \bar{N} часъ дне. Тогда бысть велико плѣненіе Иерусалимовъ. Тогда рѣше Халдѣане сыномъ Израилевымъ: воспойте намъ отъ пѣсвий сиюньскихъ. Рече же святый Ананіе: не боуди намъ пѣти пѣсний сиюньскихъ на земли чуждей, ниже творити поспленія предъ царемъ нечестивымъ дондеже не боудемъ въ земли своѣй. Тогда водѣху ихъ въ единомъ оужи по остроу каменію же и тернію и набадахоусе; елици же набадахоусе, пакы възрацахоу изъ. О семъ Давидъ пророчествоваше глаголе: възвратихсе на страсть, егда оуне ми тернъ. Сего ради не поютъ жидове (sic) аллилугіа.—N. П. Агарѣне светы Іероусалимъ съ Навоуходоноремъ царѣмъ въ лѣта пророка Іереміе въ [\bar{N} .] часъ дьне. Сми бысть велико плѣненіе Іероусалимовъ, тогда стоя Іероусалимъ шпоустѣвъ $\bar{2}$. лѣтъ. Тогда рекоше Халдѣяне сыномъ Израилѣвомъ: воспойте намъ отъ пѣсний сиюньскихъ. И рече имъ светы Ананія: не боуди намъ пѣти пѣсний Сивонскихъ на земли чуждей, ни пакы творити поспленія предъ нечестивымъ царемъ, донъ дѣже боудемъ на своѣй земли. Тогда водѣхоу къ въ единомъ мѣ оужи прво по остроу каменію и по трнцію, и когда кудино .р. набодѣше се на остроу каме-

ниѣ, а петь (? всплѣть?) ихъ възрашаху (се) не быше такоуѣ страсти при-
 Кси. **У** томъ пророкъ Давидъ пророчествоваше млаоле: възвратихъ се на
 страсть, ꙗкогда ѡмъзе ми трынь. Сего ради не поють алылоуица, ни слова ѡтщюу
 и сымоу и светомоу доухоу. Си Ксти петьхъ двѡвѣртемныи, того ради велить
 крстыянскоу постыти се. **Т**²: плѣненъ бысть Иерусалимъ ѡтъ Хаг'дѣи въ
 .Ѣ. члѣсъ днии, въ лѣто Еремѣа пророка. Сеже есть великое плененье: стоя
 тогда Ерусалимъ (и) ѡпустѣвъ .ѡ. лѣтъ и .Г. И рекоша Хаг'дѣи плѣншимъ
 (sic) сыномъ Извраніевымъ, оукарлющи ихъ: и въспойте намъ ѡтъ пѣсни Си-
 онскыхъ. **И** рече имъ святыи Ананіа: не боуди намъ пѣсни пѣти сионскыхъ
 и паки творить предъ нечестивыми, донелѣже сѣдемъ своей земли. **И** тогда
 ветъже ноужемо ꙗдъ въ одноу оужици по тер'нию и по остроумоу камению; а што
 сѣл ихъ набодѣше на тер'нѣ, то въслъхъ възрашаху. **Того** дѣла а быша такоуже
 страсть прияли. **И** ѡ томъ пророкъ рече: егда възвратѣтсѣ на страсть,
 оунъзе ии тер'нѣ. Сего ради Латини не поють ал(и)лоуица недѣлю предъ нашимъ
 мѣсопоустомъ и до великыа суботы. **И** есть тѣхъ дни .ѡ. и .Г. Си плѣтница
 Ѣ-я времѣн'ная, и тоя дѣла плѣ (sic: велѣтъ?) поститисѣ мѣсѣца Июна Ѣ.
 недѣли, въ понедѣльникѣ, въ среду, въ плѣтницу, и причеститисѣ къ Дави-
 довомъ .Д. родомъ.—**Ж**: пленени нечастиви Наваходоносоръ царь Ерусалимъ и
 обогати Вавилонъ ва лѣто Еремие пророка, и ста Ерусалимъ пустъ .ѡ. лѣта.

7. П.: десеть казни на землю египетскую роукою Моисеовою и Ароніюу,
 и нападоше на ꙗ пѣсѣ, моухи и гоусенице, и превратилъше воды ихъ въ кровь
 въ .Е. часъ дне.—**И**. id.: и превратилъше се въ кровь рѣки ихъ въ .З. часъ дне
Т²: (и Ароню), и въскипѣ землѣ ихъ жабами, и нападоша на нѣл пѣсѣл мухи,
 прузи и гоусиница, и превратилъше воды ихъ въ кровь въ Е (часъ) дни.
Ж: посла господиъ на землю .І. наказни и велику грдсть, и приврати руеке
 на крвь, на .Е. часъ дне.

8. П.: Изыдоше Измаиліте, яко крваліте птице въ кораблѣхъ по морю, и
 плѣнише многы страны повѣленіемъ Божиимъ. **И** изыдоше на лице ѡсее землѣ
 князи Тарсисции Гѣвалъ и Аммонъ и Амаликъ и Оривъ, и Зиѣвъ и Зевей и Салмана,
 и воеваше до великаго Рима, и обладаше въсею землѣю лѣтъ .ѡ. **И** разиоръ-
 дѣвшесъ придоше на Иерусалимъ. **Господь** же не бѣ ихъ тамо послалъ. **И** повелъ
Господь Гедеоу и избитъ ихъ на Асафатовъ доль въ .З. часъ ноци, токмо съ .Г.
 воины и соудіи израильскомъ; прочіихъ же заима ѡ поустыню Етривъ. **Въ** по-
 слѣдніе же времена паки Ксти имъ изити и воевати лѣтъ .МВ. **Н.**: вѣставше изъ-
 машлѣтѣне яко крваліте птице въ голияхъ по морю и плѣнише многыѣ страны,
 и изыдоше на лице въсеѣ землѣ повелѣніемъ божиимъ князи Варъсийскии Гевалъ
 и Аммонъ и Амаликъ, Зиво и Зевелъ и Сальмонъ, и воѣваше до великаго Рима
 и владаше въсею землѣю .ѡГ. лѣта, и разиордѣше и ідоше на Иѣроусалимъ, а
Господь ихъ не бѣ послалъ тамо, и повелъ Гедеоу избити ꙗ. **Изъби** ꙗ Гедеоу
 на Асафатовъ доль въ .З. часъ ноци, а прочіѣ заима въ поустыню, млаолемоу Мео-
 ривъ, и ѡ послѣдніе врѣме изити имъ Ксти и паки владати имъ .М. и .В.
 лѣтъ.—**Т**²: възлѣшасѣ Измаїлѣне яко крваліти въ га(ле)дѣяхъ по морю, и плѣ-
 нивша многы страны ѡтъ востока сьнца и до запада и до великаго Рима, изы-
 доша на лице всея землѣ посланиемъ Божиимъ, и предъ ними ходѣше звѣзда

хвостатая и возаше я. И владѣша всеми землѣми $\bar{2}$ и $\bar{1}$. лѣта тарьстии кнѣзи Геванъ, Амонъ, Амаликъ, Зивъ, Зивия и Салъмонъ и всѣ кнѣзи ихъ. И възбоудѣшесѣ придоща на Иерусалимъ безъ Божія повелѣнія, и избѣ я Гедешъ, нападе на нѣ пощю, на Сафатовъ оудомъ, въ $\bar{3}$. чѣсъ пощю, а прочіихъ заѣ на въ поустыню, малолемоую Етривъ. И въ последнее время выити имъ и владѣти имъ землѣми .А. и полтора лѣтъ.—J: излетнеше Измагнѣ по мору у галнахъ яко криластѣе пѣтице, и пленнеше многе стране и извидоше на све земле повеленіемъ божнемъ.

9. Въ текстахъ В почти также, какъ въ А.—N: оусѣбноу Иѣродъ царь Івана въ .В. часъ дѣне.—Липъ въ Т² развито: егда въсхотѣ царь Иродъ понѣти собѣ братнѣю дщерь Филиповоу, Иванъ же възбранѣше емоу. Царь же того ради повелѣ всадити въ темнѣицоу. День же рождѣства Иродовоу въспрѣхоу и плѣсѣ Иродѣда, филипова дѣщи, и оугоди царю. Царь-же клѣсѣ дати ей до полу царства своего; ѡнаже въсхотѣ быти за царемъ, прашаше главоу Ивана оусекноути ѡскорѣбѣже царь, вѣднѣ-же Ивана моужа свѣта и праведна; на царско слово западнее бываеъ: повелѣ оусѣбноути въ .1. часъ дни.

10. П: раздѣли Моисій Чръное море.... покры море въ .П. часъ дѣне.—N=П съ припиской: си Кѣтъ пѣтъхъ троворѣмѣны, тою ради велитъ хръстияниноу постити се—Т²: раздрази чернѣное море жезломъ въ .А. часъ дни.... сижѣ плѣтница $\bar{1}$ - $\bar{2}$ временная и тог дѣлѣ плѣт (? вѣлѣтъ) поститисѣ $\bar{1}$. еѣ недѣли въ понедѣльникъ, въ среду, въ плѣтницу и прич(аст)итисѣ къ .А1. родомъ, иже по преселенѣ вавилоньстѣмъ—J: раздѣли господимъ чрно море и преведе Израиля яко по сузу, а Паравона цара потопа и све негове войске.

11. П.: въ онѣже знамена пророкъ Іереміе кивотъ свѣтнѣ Господнѣ, и взетъ бытъ ангеломъ и несенъ и поставлѣнъ между двѣма горама въ $\bar{1}$ часъ дѣне, и покры Кго облакъ огневъ до втораго пришествія. — N. = П. — Т²: и поставленъ бытъ между двема кожарами на Шбладѣхъ въ $\bar{1}$ часъ дѣни. — J.: межу .в. горами (короткѣй пересказъ).

12. П.: въ онѣже избіени бывше младенци—Тогда-же оубіенъ бытъ и пророкъ Захарія между церковію и олтаремъ въ $\bar{1}$. часъ дѣне.—N.=П, съ припиской: си Кѣтъ пѣтъхъ четворовѣрѣмѣны, тою ради велитъ хръстияниноу постити се срѣдоу, понедѣльникъ, пѣтъхъ и причестити се къ аврамовѣмъ дѣнемъ. (?).—Т²: избіени быша [младенци] отъ Ирода царѣ (пропусеъ: послѣ этого въ подлинникѣ рукописа, очевидно, говорилось объ убіеніи Захаріи, какъ ясно изъ слѣдующаго) и сосѣдѣтъ кровѣ еѣо камнѣ. Сижѣ плѣтница .А.—я временная, и тоя дѣлѣ плѣтницы поститисѣ мѣсѣца Декабрѣ .А.—я недѣли, въ понедѣ среду, въ плѣтницю, и прич[ас]титисѣ къ Христовоу Рожѣству.— J.: избіеніе младенцевъ и убіеніе Захаріи.

Собранные здѣсь варианты показываютъ, что текстъ J представляетъ сравнительно съ другими текстами группы В болѣе сокращенную редакцію. Во всѣхъ остальныхъ изложеніе болѣе развито, чѣмъ въ пересказахъ А. Иныя лишнія статьи—частнаго характера, и въ-

роятно, повднлаго происхожденія: таковъ разказъ Т² объ Иродіадѣ въ 9-й пятницу¹). Другія статьи, общія Т²НП, прійдется вмѣнить болѣе древнему времени. Я уважу лишь на то развитіе, какое получила въ 8-й пятницу легенда объ Измаильянахъ, летающихъ по морю на галерахъ, словно крылатыя птицы. Источникомъ этой амплификации былъ памятникъ, который въ то же время далъ матеріалъ сказанію, помѣщенному подъ 5-ю пятницу: объ Агарянахъ, питающихся верблюжьимъ мясомъ, и т. д. Въ самомъ дѣлѣ: сопоставьте разказы, приуроченные къ этимъ пятницамъ, и сравните ихъ съ слѣдующимъ отрывкомъ слова Меоодія Патарскаго²):

«(Съиде Санксъ Севарьскыи отъ востока... изыде до пустыни Савѣ и събѣче плѣкъ члѣдъ *измаилецкъ*, сына Агары Егуптѣнныи, рабы Сарры, жены Авраамѣ), и *отбыошии отъ поустыни и взидошии въ Ееріегъ*, и по семь възидоши въ вселеннѣи землѣ и брашисѣ съ цѣми азъцьскыми, и побийши и поплѣнниши ихъ, и обладаши ими въ земли обѣтованнѣи. И наплънисѣ землѣ отъ нихъ: бѣхѣ бо яки прѣзи и хождѣхѣ назѣ, и *ядѣхѣ мѣсо конское и камиліе, и пѣхѣхѣ кровъ скотіи и мѣко*. Тогда поиши сынове Измаилеви всѣи землѣ и шпоустниши грады и *творѣхѣхѣ себѣ кораблѣи ѿ, яко птиции възсѣдающе на нѣи, мѣтахѣ по водахъ. И възидоши на страны западныи до великагоу Рима и до Драча и Гигита и до Солоунѣ и Сѣра, яже сѣтъ окръсть Рима, и обладаши землей гѣтъ 3, и створиши на ней елика възсѣхѣши. По седморѣпахѣ же осемъ и половинѣи оусиліа ихъ, иже прѣвѣшии всѣи цѣтвіа азъцькѣ, прѣвъвесесѣ срьдце ихъ и възсѣхѣши обладати всѣми. Въ тоже врѣмѣи родишисѣ имъ чѣтыри воеводы, ихже имена сѣтъ си: *Ориегъ, Зиегъ, Зевегъ и Салмана* иже и брашисѣ съ Израилемъ; и иже образомъ створи Богъ и избави ихъ изъ рѣкоу Егуптѣвѣ погубленіемъ оугодника своего, тацѣмъже образомъ створи милость съ ними, и избави ѣи отъ нихъ *Гедешномъ*. И свободисѣ Израилѣ отъ работы сынове Измаилевѣхъ. Сѣи бо Гедешонъ събѣче плѣны ихъ и отѣгна ихъ отъ вселенныи *въ поустынии Ееріегскѣи*, изъ неѣже бѣхѣ. И оставше вѣи колѣнѣи, обѣты створиши къ Израилѣтѣномъ и изыдоши въ поустынии вънѣтрнѣи колѣвна .ѣ. *Хотѣхѣже единой изыти и шпоустити всѣи землѣ, прѣвѣти же и страны всѣи*».*

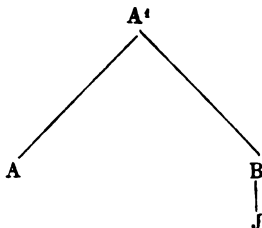
Я не касаюсь вопроса, откуда почерпнуты другія легендарныя черты, отличающія тексты НПТ² отъ редакціи А.—Объ убіеніи пророка Захаріи повѣствуетъ протоевангеліе Іакова³).

¹) Сл. впрочемъ въ Т² подъ пятою (4-ю В) пятницей упоминаніе о Ноевомъ потопѣ, о чемъ не знаютъ другія алевоеерьевскія сказанія — и знаетъ италянское климентовское: In venerdi venne il diluvio sopra alla terra.

²) *Тихонравовъ*, Пам., II, № 1 (стр. 215—16); сл. ib. № 2, стр. 230—1; № 3, стр. 253—5, особенно № 4, стр. 271.

³) Protoevangelium Jacobi. Сл. Матѣ. XXIII, 35 и прим. *Фабриція*, Cod. апрог. (1703) къ изд. Protoev. Jac.—*Tischendorf*, Evang. Апрог. р. 43 seqq.

То обстоятельство, что легенда объ Агарянахъ, поѣдающихъ верблюжье мясо, общая въ А и В, заимствована изъ того же источника, изъ котораго одинъ В взялъ разказъ объ Измаильянахъ, летящихъ по морю (8-я пятница),—это обстоятельство побуждаетъ меня предложить слѣдующую схему, долженствующую объяснить отношенія группъ А и В къ ихъ первичному источнику. Такимъ я предполагаю А¹, въ которомъ распорядокъ пятницъ былъ какъ въ А, разказъ развитъ, какъ въ В. Изъ этого А¹ пошло, съ одной стороны, А, удержавшее первичное распредѣленіе пятницъ, но сократившее многія подробности изложенія; съ другой—В, которое, на оборотъ, удержало развитый разказъ подлинника, но перемѣстило пятницы въ порядкѣ, намъ уже извѣстномъ. Текстъ J относится къ другимъ текстамъ В (НПТ²), какъ А къ А¹: удерживаетъ распорядокъ, но сокращаетъ изложеніе. Такимъ образомъ:

II. Слѣдующей группѣ пятничныхъ сказаній можно дать общее отличительное названіе: *Климентовской*, по имени св. Климента, которому это поученіе приписано и въ западныхъ редакціяхъ, указанныхъ выше, и въ русскихъ:

Приидите, братія, послушайте
 Писанія Божія, поученія
 Святаго Климента, папы Римскаго
 Про двѣдцать великія пятницы ¹⁾.

Послѣднихъ извѣстно нѣсколько, частью прозаическихъ ²⁾, частью

¹⁾ *Безсоновъ*, Калѣки, VI, № 579; ib. № 583; Климанта; 584: Клима; № 585: Климента; № 586: Климента. Слич. Климентовскій прозаическій текстъ у *Тихонравова*, I. с. (=Т⁴).

²⁾ У *Тихонравова*, Пам. II, № IV (=Т⁴) стр. 337—8; у *Безсонова* Кал. VI, №№ 587—590; у *Буслаева*, очерки I, стр. 503—4; у *Драгоманова*, Сборникъ стр. 144—145; въ одной рукописи. тетрадь новаго письма, содержащей, вромѣ того, смѣшанный текстъ Сна Богородицы и епистолиі (сообщ. мнѣ Л. Н. Майковымъ). Нерѣдко въ ркп.; такъ напримѣръ, въ ркп. Кіевской духовн. акад. №№ 0¹/₃ 83 и 0, 8, 51.

стихотворныхъ, въ видѣ духовныхъ стиховъ ¹⁾. — Первые дошли до насъ въ очень позднихъ спискахъ, иногда чрезвычайно искаженныхъ, какъ напр. №№ 588 (гдѣ Богоявленская пятница является на мѣсто Благовѣщенской, Благовѣщенская на мѣсто Рождественской, Рождественская, вмѣсто Богоявленской и т. п.) и 590 Безсоновъ (вмѣсто Вознесенской пятницы — Воздвиженская, вмѣсто пятницы передъ Рождествомъ Іоанна Крестителя, 24-я іюня—пятница передъ усѣбновеніемъ его главы, 29-я августа; илинская, 20-я іюля, помѣщена послѣ Успенія, 15-я августа и т. п.). Народные стихи по неволѣ отражали въ себѣ вліяніе новыхъ, мѣстныхъ приуроченій. Западные редакціи извѣстны мнѣ, въ сожалѣнію, лишь въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, что затрудняетъ попытку полного свода, который даль-бы возможность точно опредѣлить отношенія Климентовской группы къ предъидущей. Въ общихъ чертахъ эти отношенія представляются мнѣ слѣдующими. Мы видѣли, что древнѣйшая редакція Элеверьевскаго перечня *знаетъ вознесенскую пятницу* (Пар. Т¹, Унд., сл. Т³ и М). Всѣ тексты Климентовской статьи, русскіе и западные, сходятся въ признаніи Вознесенской пятницы, такъ что, за однимъ исключеніемъ, полное согласіе существуетъ между ними и группой А элеверьевскихъ легендъ — для первыхъ *пяти* пятницъ:

- 1-я пятница Мартовская (въ русск. на первой недѣлѣ великаго поста.)
- 2-я „ противъ Благовѣщенія
- 3-я „ Страстная
- 4-я „ противъ Вознесенія (№ 583 *Безс.*: противъ Троицы, согласно съ Т²; № 590 *Безс.* ошибочно передъ Воздвиженіемъ вм. Вознесенія)
- 5-я „ противъ Троицы.

Съ шестой пятницы начинается колебаніе и введеніе новыхъ праздниковъ, которые въ различныхъ текстахъ распредѣляются различно. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я имѣю въ виду главнымъ образомъ русскіе тексты.

- 6-я пятница: *противъ Рождества Іоанна Предтечи*. Такъ въ греч. текстѣ, въ Т⁴, *Безс.* №№ 587, 588, 590 (по опискѣ: усѣбновеніе главы вм. рождества Іоанна

¹⁾ *Безсоновъ* I. с. №№ 579 — 586; *Этнограф. Сборн.*, изд. Импер. Географ. Общ. вып. V (1862 г.); *Записки юго-западн. отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, II, стр. 116—119.

Предтечи). Другіе пересказы приурочиваютъ иначе: передъ Ильинымъ днемъ: *Безс.* 579 — 586, 588; *Этногр. Сборн.*

- 7-я пятница: *противъ Преображенія.* Такъ у *Безс.* 579—587; *Этн. Сборн.* и въ текстѣ *Гласника.*—Т⁴ и *Безс.* 589: передъ Ильинымъ днемъ; № 588 и 590 *Безс.* (на ихъ испорченность указано выше): передъ Успеніемъ.
- 8-я „ „ *передъ Успеніемъ* (15 авг.): Т⁴, *Безс.* №№ 579—89, *Этн. Сборн.*—*Безс.* № 588: передъ усѣновеніемъ главы; 590 *ib.*: противъ Ильи.
- 9-я „ „ *противъ усѣновенія главы Іоанна Крестителя* (29 авг.) *Безс.* 579—86, *Этн. сборн.* (противъ Іоанна „постителя“).—Т⁴, *Безс.* 583, 587—90: противъ Козьмы и Дамьяна.
- 10-я „ „ *противъ Михаила Архангела* (28 окт.): Т⁴, *Безс.* 579—83, 587—90.—№№ 585—6 *ib.*: противъ Козьмы и Дамьяна; *Этн. сборн. id.*—№ 584 *Безс.* соединяетъ оба показанія: противъ Мих. арх. и Козьмы—Демьяна Безтребника (17 Окт.?).
- 11-я „ „ *противъ Рождества:* Т⁴, *Безс.* №№ 579—587, 590, *Этн. сборн.*—№ 588 *Безс.* ошибочно: передъ Благовѣщеніемъ; 589 *ibid.*: передъ Рождествомъ Богородицы.
- 12-я „ „ *передъ Крещеніемъ.* *Безс.* 579 — 87, 590; *Этнограф. сборн.*—№№ 588—9 *Безс.* ошибочно: передъ Рождествомъ; Т⁴: передъ Срѣтеніемъ.

Отличія № 589 *Безс.* въ 11-й пятницу (Рождество Богородицы, и Т⁴ въ 12-й (Срѣтеніе) находятъ себѣ параллель въ греческомъ текстѣ, гдѣ послѣднія четыре пятницы слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: 9-ая *передъ Рождествомъ Богородицы*, 10-ая *противъ Рождества* I. X.; 11-ая *передъ Крещеніемъ*, 12-ая *передъ Срѣтеніемъ.* — Интересно, что провансальскій и италіанскій тексты сохранили въ 11-й пятницу полное согласіе съ сказаніями первой, элеверьевской редакціи, помѣстивъ ее *передъ Андреевымъ днемъ.*—Седьмая пятница греч. и 8-ая прованс., итал., англ., франц. и нѣм. текстовъ помѣчены: *передъ Петровымъ днемъ*, какъ 7-ая пятница въ А; русскія сказанія климентовской группы это опредѣленіе опустили, за исключеніемъ одной

росписи 12-й пятницы у *Каравелова* ¹⁾ о которой остается неизвѣстнымъ, отвѣчаетъ ли она какой-либо цѣльной редакціи сказанія. Она представляетъ въ своихъ хронологическихъ показаніяхъ какое-то смѣшеніе элеверьевскаго перечня съ климентовскимъ.

Замѣтимъ еще одну *общую* черту Климентовской статьи, отличающую её отъ элеверьевской: послѣдняя знаетъ пятницу *по Рождеству*; это ея 12-я; первая не знаетъ этого опредѣленія, и наоборотъ, большинству ея пересказовъ, какъ западныхъ, такъ и русскихъ, извѣстно другое: пятница *передъ* Рождествомъ, обыкновенно одиннадцатая.

Если сличить обѣ группы сказаній элеверьевскую и климентовскую, со стороны матеріала, изъ котораго тѣ и другія почерпаютъ свои историческія приуроченія, то разница представится слѣдующая. Въ элеверьевской группѣ неоспоримо преобладаютъ воспоминанія ветхозавѣтныя; изъ климентовскихъ лишь италіанское и французское сказаніе сохранили ихъ въ немногихъ случаяхъ; русскіе прозаическіе тексты, равно какъ провансальскій, нѣмецкій и греческій, совершенно обошлись безъ нихъ, тогда какъ русскіе духовные стихи развили, на мѣсто старыхъ, новыя приуроченія, заимствованныя уже изъ евангельской и вообще христіанской исторіи. Изъ ветхозавѣтныхъ воспо-

¹⁾ *Каравеловъ*, Пам. народн. быта Болгарь 264; *Петрушевичъ*, Общерусскій дневникъ церковныхъ, народныхъ семейныхъ праздниковъ (Львовъ, 1865 г.), стр. 76. Вотъ эта роспись: 1) временная (на 1-й недѣлѣ великаго поста); 2) передъ Благовѣщеніемъ; 3) Пятница Страстная; 4) по святомъ Георгіи или передъ Пришествіемъ Св. Духа, или передъ Вознесеніемъ; 5) прежде Всѣхъ Святыхъ или передъ Сошествіемъ Св. Духа; 6) *передъ Петровымъ днемъ* или передъ Рождествомъ Іоанна Предтечи; 7) предъ Успеніемъ или передъ Ильею пророкомъ; 8) предъ Усвѣновіемъ главы Іоанна Крестителя или предъ Успеніемъ; 9) предъ Воздвиженіемъ, или же св. безсребренниковъ Козьмы и Даміана; 10) по Воздвиженіи и предъ архангеломъ Михаиломъ; 11) *предъ Андреевымъ днемъ* или передъ Рождествомъ Христовымъ; 12) по Рождествѣ Христовѣ или передъ Богоявленіемъ Господнимъ. — См. также роспись у Аванасьева, Поэт. Возврѣн. I, 231—2: 1) передъ Благовѣщеніемъ; 2) первая и 3) десятая послѣ Воскресенья Христова; 4) передъ Троицей; 5) Успеніемъ Богородицы; 6) Ильинымъ днемъ; 7) праздникомъ Усвѣновіи главы Іоанна Предтечи; 8) Воздвиженіемъ; 9) Покровомъ; 10) Введеніемъ во храмъ Пресвятой Богородицы; 11) Рождествомъ и 12) Крещеніемъ. — Значимъ, что рядомъ съ этой росписью 12 — и пятницъ существуетъ въ простомъ народѣ еще другая, насчитывающая ихъ всего 9: *обжорная* на 3-й недѣлѣ великаго поста, *страстная*, *спасовая*, *временная*, *разгульная*, *молебная*, *кающаяся*, *праздничная* (въ день св. Параскевіи), и *девятая* пятницы. См. *Терещенко*, Бытъ русск. народа, VI, 60.

минаній оставлено въ нихъ лишь одно, и то неправильно перенесенное на 1-ю пятницу: убіеніе Авеля (сл. *Безс.* № 579—81, 584—6); итальянскій и французскій (климентовскіе) тексты согласны въ этомъ случаѣ съ элевтерьевскими, относя къ 1-й пятницу созданіе и прегрѣшеніе Адама, и лишь ко 2-й убійство Авеля. Затѣмъ приуроченія слѣдующія:

2-я пятница передъ Благовѣщеніемъ:

Въ тую великую пятницу

Воплотился самъ Исусъ Христось.

(См. *Безс.* № № 580—582, 584—586).

3-я пятница страстная: крестная смерть І. Христа

4-я пятница передъ Вознесеніемъ:

Въ тые Пятницу вознесся Христось на небеса.

(*Безс.* № 580; сл. № 579, 581—582, 584—586).

5-я пятница передъ Троицей:

Въ тые Пятницу сходилъ Господь на землю,

Пуцалъ Господь святой Духъ по всей землѣ.

(*Безс.* № 580; сл. № 579, 581—582, 584—586; въ № 583 эта пятница приходится четвертою).

6-я пятница передъ Ильинимъ днемъ. Такъ во всѣхъ духовныхъ стихахъ (*Безс.* № 579—586), въ отличіе отъ русскихъ прозаическихъ пересказовъ, представляющихъ и другое приуроченіе: передъ Рождествомъ Предтечи (Сл. греч. текстъ). Чествованіе Ильина дня въ русскомъ народѣ сказалось въ этой общій чертѣ: Стихи поминаютъ:

Въ тую великую Пятницу

Взять Ілія пророкъ на небеса

(*Безс.* № 579, 580 и pass: на колесницѣ огненной; или Ілья и Энохъ въ № 585—586. Итальян. и франц. поминаютъ другое событіе: въ пятницу Ілья избилъ 140 (144) тысячъ человѣкъ).

7-я пятница передъ Преображеніемъ. Такъ во всѣхъ духовныхъ стихахъ. *Безс.* № 579—586:

Въ тую великую Пятницу

Преобразился самъ Исусъ-Христось, № 579 (на горѣ Фаворской № 580 и pass.).

8-я пятница передъ Успеніемъ, во всѣхъ духовныхъ стихахъ, № 579—586:

Въ тую великую пятницу

Преставилась пресвятая Богородица № 579, 584: *стла*; за престоломъ предсталась, № 585; *приустла* за престолъ, № 586. Сл. въ Снѣ Богородицы, на отношенія котораго къ апокрифическому Dormitorium Mariae указано выше, образъ Богородицы, *уснувшей за престоломъ, или на престолъ.*

6-я пятница передъ усѣченіемъ главы Іоанна Крестителя, у *Безс.*
№№ 579—582, 584—586:

Въ тую великую пятницу

Царь Иродъ Іоанну главу отсѣвъ, № 579.

10-я пятница противъ Михаила архангела *Безс.* 579—583:

Въ тую великую пятницу

Сама Пятница Прасковья мучилась № 579; № 580: у царя Максима; № 581: Въ ту пятницу *народилась* Нарисаемая Параскева Пятница, Она мучилась отъ царя, отъ Марсея отъ невѣрнаго; № 582 упоминаетъ лишь о мученіи Параскевы Пятницы; въ 583 нѣтъ этого упоминанія.— № 585 и 586: 10-я пятница „противъ Космы-Дамьяна Безсребренниковъ“ и также говорится о мученіи св. Параскевы у Максимильяна (№ 583) или Максимиана царя.—№ 584 соединяетъ оба опредѣленія:

Супроти Михайлы Архангела
Козьмы-Демьяна Безсребника.

(Мученіе Прасковіи, нареченной Пятницы, отъ Максима). Въ № 583 девятая пятница приходится противъ Козьмы и Демьяна (безъ упоминанія Параскевы); въ № 581 она помѣчена, согласно съ другими №№, передъ отсѣченіемъ главы, но названіе Ирода: *Максей*, (Марсей, Максимъ и т. п.)—имя легендарнаго мучителя Парасковіи, показываетъ, что пѣвцу извѣстна была редакція стиха, въ которой мученіе Параскевы падало на 9-ю пятницу.—Что приуроченіе мученій св. Параскевы возможно единственно передъ днемъ св. аристратига Михаила, показываетъ календарь: архистр. Михаила 8-го ноября; св. великомученицы Параскевы 28-го октября; Козьмы и Демьяна 17-го октября.

11-я пятница передъ Рождествомъ, (*Безс.* № 579—587):

Первую на десять великую пятницу

Народился самъ Іисусъ Христосъ, (*Безс.* № 579 и pass.).

12-я пятница передъ Крещеніемъ (*Безс.* № 579—586);

Въ тую великую пятницу

Окрестился самъ Иисусъ Христосъ (№ 579 и *pass.*; № 580:

въ тоѣ пятницу самъ Христосъ *народился?*)

Какъ видно, процессъ приуроченія незамысловатый: онъ состоитъ въ томъ, что на каждую пятницу перенесены событія праздника, которому она предшествуетъ, такъ что на пятницу падаетъ Рожденіе, Крещеніе, Преображеніе Спасителя и т. п.—и мы могли бы составить такую же роспись событій, символически приуроченныхъ къ пятому дню недѣли, каковую выше составили для воскресенія. Одинъ только стихъ *Безс.* № 583 воздержался отъ такого перенесенія, почему и долженъ быть поставленъ особо—и, собственно говоря, одно лишь приуроченіе можетъ быть названо вполне новымъ: это—память, утвердившаяся за десятой пятницей о рожденіи (ср. № 581: такъ и въ житіи) и мученіи св. Параскевы. Но о немъ рѣчь впереди.

Русскія редакціи Климентовскаго сказанія представляютъ ту особенность, что соблюденіе пятницъ, распределенныхъ по главнымъ годовымъ праздникамъ, связано для каждой изъ нихъ обѣщаніемъ вѣрующему особыхъ преимуществъ. Эти преимущества либо обобщены изъ содержанія праздника, которому предшествуетъ та или другая пятница, либо заимствованы изъ области народныхъ примѣтъ и суевѣрій, привязавшихся къ тому или другому дню или времени года¹⁾ И въ этомъ отношеніи, какъ въ распределеніи пятницъ, замѣчается нѣкоторое колебаніе, объясняющееся въ обоихъ случаяхъ искаженіями редакцій и обусловленной этимъ обстоятельствомъ неустойчивостью приуроченій.—Первая мартовская пятница соединилась съ памятью объ убійствѣ Авеля—и вотъ соблюдающимъ ее обѣщано сохраненіе отъ напраснаго убійства (*Безс.*, 579—81, 584—6), отъ смерти запойныя (583), отъ внезапной смерти (587 Т⁴) и т. п.—Третья пятница, страстная, соединена съ обѣщаніемъ уберечь человека отъ напраснаго кровопролитія (579—81, 584), отъ враговъ супостатныхъ и силы непріятельской (583, 585—9, Т⁴). Интересно, что съ соблюденіемъ пятницы Вознесенской (4-й) чаще всего соеди-

¹⁾ Андреевъ день напр. былъ днемъ гаданій (*Чубинскій*, Народн. Дни. подъ 30-го ноября). Не потому ли чествовалась у насъ и на западѣ предшествовавшая ему пятница? Ср. сард. Santu Andria—ноябрь, szent Andras' hava мадьяр.—октябрь и ноябрь; sant Andreismaint итм. по нижнему Рейну—ноябрь и декабрь; сев. еврѣе или χ'Ινδρε алб.—декабрь; Undrea валаш.—декабрь.

нено обѣщаніе сохранить *отъ потопа* (№ 579, 582, 585—7, 589, Т⁴; 583)¹⁾: это очевидно память объ элевѣрьевскомъ сказаніи, гдѣ въ Т² помѣчено въ пятницу передъ Сшествіемъ св. Духа: *при Новъ потопъ бысть*; слич. также италіанскій климентовскій перечень.—Ильинская пятница (6-я, иногда 7-я либо 8-я) сопровождается обѣщаніемъ охранить человѣка, соблюдающаго ее, отъ огня, пламени и грома (Безс. 579—82, 584—6, 588): очевидно, народъ помнитъ главнымъ образомъ Илью-громовника, а не взятіе его на небо (пріуроченное въ русскихъ сказаніяхъ къ пятницѣ передъ Ильинымъ днемъ).—Постъ въ пятницу на Успенье (8-я пятница; иногда 7-я либо 9-я) спасаетъ отъ головной болѣзни, отъ зубной ломоты (581), отъ падучаго и отъ *присыпу* (582), отъ трясавицы (583: 8-я пятница; Т⁴ id.; 588 и 590: 7-я пятница), отъ напрасной (579), скоропостижной смерти (584): болѣзни и напасти, символически выведенныя изъ содержанія либо изъ этимологіи слѣдующаго праздника (*Успеніе: присыпъ*).—Тотъ же самый процессъ объясняетъ символизмъ, выработавшійся для пятницы передъ усѣченіемъ *лавы* Іоанна Крестителя: вѣрующій будетъ избавленъ отъ безсонной *лавной* боли (579), отъ зубной, головной боли (582, 584—586), либо отъ меча и порѣза (580—2). Русскіе крестьяне до сихъ поръ молятся Іоанну Предтечѣ (29-го августа) отъ головной боли²⁾.—Празднованіе рождественской пятницы сохраняетъ отъ знобленой смерти, отъ морозу (581—584); при смерти вѣрующаго Богородица возьметъ на руки его душу (579), его имя будетъ записано въ книгѣ животной (580), или онъ узритъ при смерти Богородицу (583—7, 589) и т. п.

Въ заключеніи каждаго духовнаго стиха всѣ эти отдѣльныя увѣщанія сводятся въ одно общее, повторяющееся всюду, въ одномъ и томъ же составѣ, съ небольшими отличіями выраженій. Такъ въ № 581:

Кто эти пятницы почтетъ постомъ—молитвами,
Земными низкими поклонами,
Тотъ человѣче во Христа имя записавъ будетъ и т. д.

Кто эти пятницы не станетъ постить

¹⁾ Въ редакціи № 583 праздникъ Вознесенія опущенъ, и на его мѣсто подвинуто празднованіе Троицы; но память о прежнемъ пріуроченіи осталась въ обѣщаніи сохраненія отъ потопа. Наоборотъ, въ № 588 Троица стоитъ на своемъ мѣстѣ (пятая пятница)—но обѣщаніе то же: отъ потопа сохраненъ будетъ.

²⁾ *Терещенко*, Быть русск. народа, VI, 71—2; *Петрушевичъ*, I. с., стр. 69.

И постомъ, и молитвами,
 Ежели вовъ тѣ пятницы
 Мужъ женѣ приближенъ будетъ,
 Зародятся отъ нихъ дѣтнице недоброе,
 Либо воръ, либо плутъ, либо пьяница.
 Клеветникъ, еретникъ или душамъ пагубникъ ¹⁾.

Элеверьевская группа сказаній не ограничивается этимъ общимъ увѣщаніемъ, развивая запреты подробнѣе. Такъ въ текстѣ N.: „Сихъ же петъкъ .Ѣі. подобаетъ крѣстьяноу съблюсти к ю постомъ и молитвою, единоу дньемъ хлѣба и воде вѣкоушающе; аще ли вѣзможно есть, то и милост(ы)ню давати, а отъ плѣтские похоти хранисе: ащели що въ сикъ петъке зачьнетъ се, или дѣте или і ино что, и едѣи родить се, не здравъ боудеть, любо бѣсно, любо хромо, любо слѣпо или инакою какоюу болѣзнью“ ²⁾. Текстъ П. предлагаетъ, послѣ упоминанія о милостынѣ, еще слѣдующее: „и отъ свверныхъ помышлений и отъ нечистыхъ похогій соблюдатисе, и за сіе мзду принѣти отъ Христа Бога. И сеже боуди вѣдомо, яко въ тыи дни *ничто же подобаетъ творити, ни путьшествовати, ни садити, ни градити, ни куповати, ни продаати; ащели что съ тые дни сѣтворитсе, ничтоже добро полезно боудеть*, нь на пакость превратитса, нь и зачетое въ тые дни и рожденное ничтоже здраво боудеть“ и т. п.

Запретъ „творить“ чтобы то ни было по пятницамъ касается, какъ видно, мірскихъ дѣлъ и начинаній—не подвиговъ милостыни и благочестія. Русскій обычай и присловья ³⁾ показываютъ это съ достаточной ясностью. „*Десятую* пятницу отъ воскресенья Христова чествуй“; „*У десятую* пѣятницу послі великоднѣя не можно прясти и шить“ ⁴⁾; „этотъ грѣхъ — и всего-то три пятницы молоко не хлебать“ и т. п. „По пятницамъ мужики не папуть, бабы не прядуть“; „не прясть въ пѣтокъ, потому что въ этотъ день Спаситель претерпѣлъ оплеваніе, а на прѣжу нельзя не плевать“, или потому что, „кто въ пятницу прядеть, свя-

¹⁾ Сл. *Безсоновъ* 579—86; 588—589; Т⁴. (въ началѣ и концѣ).

²⁾ Сходно въ Т¹, Т²; въ J этого послѣсловія вѣтъ.

³⁾ *Далѣ* Толковый Словарь а. в. пять.

⁴⁾ *Труды Этнограф. Статист. Экспедиціи въ западно-русскій край*. Матеріалы и изслѣдованія собран. *Чубинскимъ*, т. I, вып. I, стр. 217. — Въ граматѣ патріарха Іереміа (1586 г.) говорится, что южно-русскій народъ празднуетъ день пятницы, поставляя воскресенье въ рядъ обыкновенныхъ дней. «Третій обычай какого-то празднованія *десятой пятницы* уничтожаемъ и въ употребленіи оный имѣтъ запрещаемъ»; см. *Труды Кіевск. Дух. Акад.* 1872, № 6, *Петрова*, О вліяніи западно-европейской литературы на древне русскую, стр. 478.

тымъ родителямъ кострыкой глаза запорашиваетъ". Прежде даже писались заповѣдныя записи въ томъ, чтобы по воскресеньямъ и пятницамъ „работы не работати, дѣла не дѣлати никакого чернаго; ни угоды, ни бѣлки, ни лѣсоважи, ни рыбы ловить, ни ягодъ, ни губней не носить“¹⁾.—Въ Малороссіи нѣкоторыя женщины даютъ обѣтъ не работать въ пятницу; въ продолженіи февраля никто изъ мужчинъ не работаетъ въ пятницу въ полѣ, а женщины не прядутъ. Если мужчина будетъ что нибудь дѣлать волами, то или вольт скоропостижно падеть, или же самому крестьянину „усохне“ рука или нога. Все остальное работать можно²⁾.—Въ Болгаріи женщины не работаютъ вечеромъ наканунѣ среды и пятка и три дня въ недѣлю (вторникъ, четвергъ и пятница)“ не излегвать за на чужина“³⁾; одно болгарское сказаніе говоритъ о двухъ знахаркахъ, бабѣ Друсѣ и Горогледѣ Петкѣ: „тія две баби празнували 12 пѣтци на година. Доиде баба Друса и рече попу Торну да напишешь тія 12 празници, защо попь Торно беше книженъ: баба Друса казоваше, а попь Торно писуваше“. А „Горогледѣ петка рече попу Мигну, да напишема Мартини суботы, и четвертци, а волческіи празници, и русалискіи, и горѣшлаци, и стія Германь, и жени да не предуть у пятокъ; и некои [в]торници написа попь Мигно“; послѣ чего онъ и попь Торно „облекѣхасе ва одежди, безаконици, и поставиха законъ, некои да не работи на тія празници“⁴⁾. — Въ русскихъ духовныхъ стихахъ о страшномъ судѣ, какъ соблюденіе среды и пятницы отворяетъ райскія двери (*Безс.*, Кал., V, № 490), такъ пренебреженіе къ нимъ уготовляетъ адскія муки (ib. № 487, варианты на стр. 164; №№ 504—505, 507, 509—512; *Варенцовъ*, стр. 159—60). Стихъ на „прощанье души съ тѣломъ“ (*Чтен. Общ. Ист. и Древн.* № 9, стихъ XXIV; *Якуш-*

¹⁾ Терещенко, I, с., VI, 58.

²⁾ Чубинскій, Труды, Народн. Дневн. 256, 257. Сл. *Голосъ* 1874 г., № 213: «Русскимъ Вѣдомостямъ пишутъ съ Рвшетниковской станціи Николаевской желѣзной дороги, что у крестьянъ многихъ окрестныхъ селеній существуетъ странный предрасудокъ, что съ Пасхи до Успенья не слѣдуетъ работать по пятницамъ; въ случаѣ, если кто изъ нихъ примется въ эти дни за какую-нибудь работу, волостное правленіе наказываетъ ихъ не въ зачетъ подводой или какимъ другимъ налогомъ... Такое повѣрье существуетъ встарѣ въ память избавленія отъ саранчи или отъ холеры, либо отъ сильнаго града, какъ говорятъ другіе. Въ воскресенье работаютъ, какъ въ будни».

³⁾ *Миладиновъ*, Български народн. пѣсни, стр. 525.

⁴⁾ *Буслаевъ*, Истор. Очерки, I, 118.

кимъ, Русск. пѣсни, № X) поясняетъ, что въ этомъ случаѣ въ грѣхъ вмѣнялось, между прочимъ, невоздержаніе отъ мірскаго труда:

Что какъ жили мы были на вольномъ свѣту,

Не имѣли мы ни сѣреды, ни пятницы,

Ни Великаго поста, понедѣльничку,

Ни трѣхъ деннаго Воскресенья;

Мы по сѣредамъ, по пятницамъ платье золовали

Платья золовали, мы прядывали,

Изъ чужихъ мы коровъ молоко выдавали,

Мы изъ хлѣба спорыню вынимвали.

Точно также въ одной моравской пѣсни, *Susil*, № 38) Христось жалуется матери на грѣшныхъ людей:

V pátek hnoje vozívajú,

и:

V pátek ľaty zvaľávajú.

Въ галицкой народной пѣснѣ ¹⁾ Христось, не смотря на просьбы Богородицы, не пускаетъ въ рай грѣшную душу:

Бо въ пятницу танцѣвала,

Въ субботу ся не вмывала,

А въ недѣлю поспѣдала:

или:

Тилько теі не пустимо

Що въ пятницу пісьню піла,

А въ субботу не вмывалась,

А въ недѣлю рано іла ²⁾.

Какъ день, освященный крестною смертью Спасителя, слѣдовало проводить въ благоговѣніи и ничего не творить мірскаго, такъ далѣе сложилось убѣжденіе, что все начатое въ пятницу не будетъ спориться, или, по пословицѣ, будетъ „пятиться“. „Въ пятокъ курицу на яйца не сажаютъ, цыплята не живутъ“; изъ ребенка зачатого въ этотъ день, выйдетъ дѣтище недоброе: такъ въ духовныхъ стихахъ о 12 пятницахъ—и въ причитаньяхъ ³⁾, гдѣ вдова плачется сосѣдкѣ на свою горькую долю:

Мы съ тобою да свѣтъ спорядная сосѣдушка

Во безчастный день въ пятницу засіяны,

Въ безталанный день во среду вспорожены.

¹⁾ *Чтенія Общ. Ист. и Древн.* 1863 (окт.-дек.), стр. 236.

²⁾ *Чубинскій, Труды Народн. Дневн.*, 444.

³⁾ *Барсовъ, Причитанія сѣверн. края*, I, стр. 10.

Такимъ образомъ совершенно послѣдовательно могло выработаться понятіе о *пятницѣ*, какъ *несчастливомъ днѣ*, то-есть, въ смыслѣ житейскихъ предпріятій, несогласныхъ съ достоинствомъ праздника. Кажется, это представленіе стало у насъ преобладающимъ, хотя рядомъ съ нимъ могъ развиться, выходя изъ тѣхъ же идей святости, знаменательности, противоположный взглядъ на пятницу, какъ на день *счастливей*. „Вторникъ да пятница легкіе дни“ говоритъ пословица (*Даль*, I. с.); въ Малороссіи зачинаютъ преимущественно въ среду и пятницу ¹⁾. Наконецъ, какъ день, освященный постомъ и молитвою и великими воспоминаніями церкви, пятница перешла съ тѣми же чертами въ народное *суевѣріе*: только церковно-христіанскій критерій святости замѣнился народнымъ, реальнымъ: пятница явилась таинственнымъ днемъ, къ которому привязались всякія символическія отношенія, примѣты и повѣрья, всякое вѣщее, стало-быть, *не мірское* начинаніе. Пятница исцѣляетъ отъ лихорадки, зубной и головной боли ²⁾.

Западные, особенно нѣмецкія повѣрья ³⁾ дадутъ намъ богатый матеріалъ для провѣрки этихъ взглядовъ на значеніе пятницы, одинаково развившихся по приемамъ народной логики изъ одного и того же представленія о *пятницѣ*, какъ днѣ особенно чувствуемомъ церковью. Замѣтимъ напередъ, что въ католическихъ странахъ, какъ и у насъ, преобладаетъ представленіе о ней, какъ о днѣ несчастномъ; представленіе несомнѣнно древнее въ исторіи христіанскаго суевѣрія, опредѣлявшееся главнымъ образомъ памятью о пятницѣ, какъ о днѣ крестной смерти Спасителя, который надлежало проводить въ мо-

¹⁾ *Чубинскій*, Труды, Народн. Дневн., 224.

²⁾ *Петрушевичъ*, I. с. 76.

³⁾ См. особенно *Wuttke*, Der deutsche Volksaberglaube 2-te Bearb. (Berlin, 1869); см. Register a. v. Freitag. — *Rochholz*, Deutscher Glaube und Brauch II: Freitag, p. 50—55. — *Birlinger*, Aus Schwaben, I, 379, 385—7. — *Strackerjan*, Aberglaube u. Sagen aus d. Herzogthum Oldenburg II, p. 24, 41—42. — *Zingerle*, Sitten, Bräuche u. Meinungen d. Tiroler Volkes (2-te Aufl.) 4, 19, 122—123, 148—149. — См. также *Rochholz*, Naturmythen, 155, 267; *Schmidt*, Das Jahr u. seine Tage in Meinung u. Brauch d. Rumänen Siebenbürgens 8, 19; *Collin de Plancy*, Légendes du calendrier, p. 45 — 7; *Liebrecht*, къ Otia Imperialia: Französischer Aberglaube 218 — 260 passim; *Wolf*, Beiträge zu der Myth. I: Gebräuche u. Aberglauben p. 205—261 passim. — *V. Reinsberg-Düringsfeld*, Traditions et légendes de la Belgique t. I. (1870) p. 234—236 и др. Я пользовался также статьей *Пумпа*: Пятница въ народныхъ италянскихъ повѣрьяхъ, въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1876 года, № 1.

литвѣ, сокрушеніи и постѣ. Сардинское названіе для пятницы: *she-nábuga*, *she-náuga*, *senabaga*—соена руга, еще продолжаетъ указывать на такое именно пониманіе дня ¹⁾.—Наоборотъ, въ странахъ съ протестантскимъ и реформатскимъ населеніемъ, это, скорѣе, день счастливый. Я предполагаю, что въ этой противоположности толкованія отразился протестъ новаго ученія противъ массы суевѣрій, накопившихся вокругъ пятницы, какъ несчастнаго дня. День крестной смерти — не только день печали, но и день нашего искупленія, надежды; съ этой точки зрѣнія самый смыслъ пятницы понять былъ иначе, и окружившій её символизмъ получилъ новую, болѣе свѣтлую окраску ²⁾.

1. *Пятница — несчастный день* (въ пятницу или среду — повѣсился Иуда). Въ пятницу не слѣдуетъ работать и вообще заниматься какимъ бы то ни было мірскимъ дѣломъ; ни смѣяться, ни рядиться, чтобы не оскорбить божества (*Pitrè*). Сдѣлки, заключенныя въ этотъ день—къ убытку (*Pitrè*). У Румынъ (*Schott*, *Walachische Märchen*, 299; *Sohmit*, *Das Jahr und seine Tage* etc., 19), у которыхъ пятница особенно чествуется женщинами и многими ставится даже выше воскресенья, въ этотъ день не сѣютъ льна, не работаютъ никакимъ острымъ орудіемъ, даже не пекутъ хлѣба. Пятница считается у нихъ несчастнымъ днемъ, наравнѣ съ средою, къ которой и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, привязались тѣ же суевѣрія — вслѣдствіе сход-

¹⁾ *V. Reinsberg-Düringsfeld*, *Volksthümliche Benennungen v. Monaten u. Tagen b. d. Romanen* l. c. 369; *Roesler*, *Ueber d. Namen d. Wochentage*, p. 18: «*Parascseven*, *coenam puram* Judaei latine usitatus apud nos vocant. *Coena pura* nempe, quod ex aridis tantum cibus constabat». S. August. tract. in Johannem 7, 6.

²⁾ Иначе объясняютъ себя взаимныя отношенія католическаго и протестантскаго суевѣрія *Wuttke* и *Rochholz*. *Wuttke*, l. c., § 71, p. 59: «*Der verhängnissvollste Wochentag ist der Freitag; je nachdem aber die heidnische oder die christliche Ueberlieferung überwiegt, gilt er als der glücklichste oder, aber seltener, als der unglücklichste Tag*. Сл. впрочемъ далѣе: *Wo dagegen, bes. in katholischen Ländern, die christliche Beziehung auf den Leidenstag vorwaltet, da ist der Freitag der unglücklichste Tag; — auch heidnische Beziehungen mögen da mitwirken*. — *Rochholz*, l. c., p. 53: «*Dorten (въ реформатскихъ земляхъ) sieht man in der heidnischen Tradition (о пятницѣ, какъ о днѣ счастливомъ) kaum etwas gefährliches mehr; hier (у католиковъ) wird sie noch mit kirchlicher Eifersucht verfolgt und verächtigt*». Исходная точка обоихъ исследователей—та, что пятница—день Френ; католичество преслѣдовало языческаго воспоминанія, оттого оно и признало этотъ день роковымъ, несчастнымъ. Но какъ объяснить себѣ развитіе того же представленія (о пятницѣ, какъ *dies nefastus*) у насъ? Замѣтимъ, что у мусульманъ пятница—день счастливый: въ этотъ день созданъ былъ Адамъ, въ тотъ же день изгнанъ изъ рая; въ пятницу же будетъ кончина міру.

ныхъ отношеній въ страдавіямъ Спасителя (въ среду: совѣтъ жидовскій).—Въ пятницу не годится купать дѣтей, сажать курицу на яйца (Évang. d. Quenouilles, V, 13), молотить рожь (*Collin de Plancy*); не слѣдуетъ предпринимать ничего важнаго (*Wolf*, Beitr., I, Gebräuche und Aberglauben, № 438 и прим., 437), потому что ничто не удастся: ни отправляться въ путь (повсюду въ Италиі — *Pitrè*; сл. *Liebrecht* въ Ot. Imper. № 175: Ne pas entrer chez soi le vendredi, en revenant d'un voyage, parceque c'est un signe de malheur), ни перебираться на новую квартиру: въ этотъ день жилецъ боится принять отъ хозяина ключъ отъ квартиры, имъ нанятой, да и самъ хозяинъ неохотно отдаетъ его (*Pitrè*). Не должно ни нанимать прислугу ни наниматься; ни печь хлѣба, потому что его напечется немного, либо произойдетъ ссора; ни снимать плодовъ съ дерева, иначе на слѣдующій годъ оно ничего не принесетъ; ни мыться, ни полоскать бѣлья въ ручьѣ, не то будетъ наводненіе; ни давать займы, ни вывозить навозъ, ни выгонять въ первый разъ скотину въ поле; ни говорить о вѣдьмахъ, потому что онѣ услышатъ и станутъ мстить.—Не мотать нитокъ (*Joh. Pauli Schimpf u. Ernst*, ed. *Oesterley*, № 193); „On Friday it is too late to begin to spin“; „They that wash on Friday—wash for their need“ (*Denham*, Collect. of proverbs and popular sayings p. 15 и 16). Голландскіе (и сицилианскіе: *Pitrè*) моряки въ этотъ день не выѣзжаютъ въ море, потому что въ пятницу Спаситель принесъ себя въ жертву, и морской царь также потребуетъ себѣ человѣческой жертвы; въ другихъ мѣстахъ считается опаснымъ для плаванія весь мѣсяцъ, въ которомъ новолуніе падаетъ на пятницу (*Strarkerjan*, II, 25).—Въ этотъ день не слѣдуетъ начинать косьбу или жнитво (*Köhler*, Volksbrauch, Aberglauben, Sagen etc. im Voigtlande p. 359) и наоборотъ, говорятъ, что если начать жать въ пятницу, мыши не заведутся въ хлѣбѣ (*Strackerjan*, II, 25; сл. сходный малорусскій обычай). Въ католическихъ земляхъ вѣрятъ, что по пятницамъ не слѣдуетъ чесаться, иначе заведется въ волосахъ нечистота. Въ Славоніи даютъ обѣтъ не чесаться въ извѣстныя пятницы (*Plü*, 85—86); „ne pas tailler ni coudre des chemises les vendredis, parcequ'elles attirent les roux (сл. венец. и сицил. повѣрье у *Pitrè*: не кроить платья, потому что его испортишь или оно будетъ непрочно);“ ne pas se peigner les memes jours pour la même raison; ne pas vouloir couper les ongles le vendredi, ni semer, ni planter, ni labourer, ni faire voile, ni couper du bois, ni rémuer du blé dans les greniers, ni faire des con-

tracts à certains jours" (*Liebrecht* въ *Otia Imp.* 228, *Franz. Aberglaube* № 107, 156, 171). — Si l'on prend une chemise le vendredi, on moutra dedans (въ Нормандіи; См. *Wolf*, *Beitr.*, l. c., 237, прим. 437; сл. № 623). — Въ прежнее время въ Луцернѣ не топили даже бань — единственно по пятницамъ. — Въ протестантскомъ и реформатскомъ населеніи, согласно съ преобладающимъ тамъ взглядомъ на пятницу, гигиеническія требованія другія: полезно надѣвать чистую рубашку, это предохраняетъ отъ рѣзы въ животѣ; хорошо стричь волосы, особенно при молодомъ мѣсяцѣ, волосы растутъ; обрѣзать ногти на рукахъ и ногахъ — полезно противъ зубной боли (сл. *Collin de Plancy*: въ *Люттихѣ* и *Брабантѣ*) — и къ богатству. — Средство противъ зубной боли: въ пятницу передъ восходомъ солнца зарыть обрѣзки волосъ и ногтей — женщинѣ, подъ грушей, мужчинѣ — подъ яблоней. Для этого ногти обрѣзаются особымъ образомъ ¹⁾. Наоборотъ, *Albert Conlin* учитъ въ своемъ *Abergläubischen Narren*, что въ пятницу не хорошо обрѣзать ногти, въ субботу пить, въ воскресенье „böses flechten, krämpeln und auszopfen“ ²⁾ A man had better ne'er been born — As have his nails on a Sunday shorn.... Cut them on Friday, cut them for sorrow.... Cut them on Sunday, cut them for evil; — For all the week long will be with you the Devil ³⁾. — Пятница не хороша для свадбъ (повсюду въ Италіи: *Pitrè*); бракъ, заключенный въ этотъ день, бываетъ несчастный и бездѣтный; въ пятницу женятся лишь вшивые. Молодыхъ, сочетавшихся бракомъ въ четвергъ, родители не должны отпускать въ пятницу на новое жилье (*Strackerjan*, II, 25). Дѣти,

¹⁾ *Köhler*, *Volksbrauch* etc. im *Voigtlande*, 359; *Panzer*, l. c., I, 386: о страстной пятницѣ; сл. *Zingerle*, *Sitten* etc. 122.

²⁾ *Birlinger*, l. c., 379: «Nägel dürfen an keinem Tage geschnitten werden, dessen Namen r hat». См. *Hocker*, *Bauernregeln* und *Aberglauben* aus d. *Montagne Noire* (*Cevennen*), въ *Ztschr. f. d. Myth.* II, 419.

³⁾ *Denham*, *A collection of proverbs and popular sayings*, p. 12, 13. См. ib. примѣчаніе: «To cut nails upon a Friday, or a Sunday, is accounted unlucky amongst the common people in many places. The set and statary times, says Sir Thomas Browne, of paring nail and cutting hair is thought by many a point of consideration, which is perhaps but the continuation of an ancient superstition. To the Romans it was piacular to pare their nails upon the *nundinae*, observed every ninth day, and was also feared by others on certain days of the week, according to that of *Ausonius*: «Ungues Mercurio, barbam Jove, Cypride crines». *Brand's Pop. Ant.* ed. by Sir *Hen. Ellis*, v. III, p. 92. The Jews, however (superstitiously, says *mr. Addison*, in his *Present state of the common People*, p. 129) pare their nails on a Friday.

рожденные въ этотъ день, много испытають въ жизни горя; если дитя остается не крещеннымъ въ теченіе двухъ пятницъ, оно будетъ духовидцемъ; теленокъ, родившійся въ пятницу (либо въ страстную п.) не годенъ на племя (*Zur Aufzucht*; сл. *Wolf*, Beitr. I, Gebr. u. Abergl. № 338); наоборотъ, по пятницамъ хорошо отучать телятъ отъ матки (*Birlinger*, l. c, 390).—Kdo se v pátek roznemûže, Tomu žádný ne pomûže, говоритъ моравская пѣсня (*Susil*, № 13, p. 16); то же въ Италіи: если въ этотъ день кто хоронитъ покойника или только отнесетъ крестъ въ домъ умершаго, то три человѣка изъ того семейства умрутъ въ теченіи года непременно (*Pitrè*); мѣсяцъ, начинающійся въ пятницу, считается несчастнымъ (ib.)

2. *Пятница—счастливыи день*—для свадебъ; если молодая вступить въ мужнинъ домъ не въ пятницу — бракъ будетъ сварливый; чтобы укротить сварливаго супруга, она должна ему сварить похлебку на водѣ отъ дождя, что шель въ пятницу. — Пятница счастливый день для рожденій: для родильницы и для родившагося. Въ Сициліи такихъ людей зовутъ венеріанами (*vinnigiu*): имъ всё удастся, они могутъ брать въ руки ядовитыхъ змѣй безъ вреда для себя; выходятъ невредимы изъ всякаго опаснаго предпріятія; прозрѣвають вещи, скрытыя отъ глаза простаго смертнаго; духи не имѣютъ надъ ними силы (*Pitrè*).—Все, начатое въ этотъ, день удастся, особенно симпатическія леченія, заговоры, игра въ лотерею и въ карты (въ Тосканѣ и Венеціи: *Pitrè*); запрягать въ первый разъ лошадь и начинать жатву слѣдуетъ въ пятницу. Дѣти, рожденныя въ этотъ день и крещенныя въ воскресенье, также счастливы, какъ и рожденныя въ воскресенье.—Стричь волосы и ногти слѣдуетъ въ пятницу, иначе то и другое будетъ наростать въ горѣ (*Strackerjan*, II, 24). Вѣдьмы не смѣютъ по пятницамъ трогать масло; масло слѣдуетъ бить въ три первыя пятницы мѣсяца, тогда вѣдьмы его не касаются, и его будетъ больше, чѣмъ если бить въ другіе дни (*Wolf*, Beitr., I, Gebr. u. Abergl., № 176). Яйца, снесенныя въ пятницу, помогаютъ отъ пожара¹⁾.—Заговоръ противъ коросты (струпа? Raude) надо произно-

¹⁾ *Wolf*, l. c., Gebr. u. Abergl. № 333. «Qui ova quae gallinae pariunt die parasceves toto asservant anno, quia credunt eam vim habere ad extinguenda incendia, si in ignem injiciantur. Сл. *Majoli*, Dies Caniculares, 572—573: (одни не хотятъ обрѣзывать ногтей въ пятницу или мыться въ банѣ въ субботу), другіе цѣлый годъ берегутъ яйца, которыя снесли куры въ день Параскевы, потому что вѣрятъ, что тѣ яйца обладаютъ силою тушить пожары, будучи брошены въ огонь. — Въ Пиемонтѣ говорятъ: che le uova, nate il giovedì o venerdì santo

силь надъ скотомъ въ пятницу утромъ; по пятницамъ освобождаются заговоренные духи; умершіе въ этотъ день минуютъ чистище и прямо входятъ въ царствіе Божіе, если его сподобились.— Кто гуляетъ въ полѣ въ пятницу до восхода солнца, излѣчивается отъ подагры либо предупреждаетъ ее (*Coll. de Pl.*) — Remplir d'eau les tonneaux de cidre le vendredi, afin que le cidre ne perde point sa force, *Liebrecht* въ *Ot. Imp. Franz. Aberg.* № 166).

3. *Суевѣрія, связанная съ пятницей.* Нѣкоторыя примѣты, опредѣляющія различное отношеніе къ пятницѣ, какъ несчастному, либо легкому дню, приведены были выше. Здѣсь собраны нѣкоторыя другія, не представляющія опредѣленныхъ указаній въ данномъ смыслѣ, а вообще характеризующія пятницу, какъ день таинственный и вѣщій. — Пятничный сонъ сбудется въ Воскресенье; „Friday night's dreams on saturday told—Are sure to come true, be they never so old (*Denham, ib., p. 11*). Кто смѣется въ пятницу, будетъ плавать въ воскресенье (или въ субботу; *Pitrè*); какъ пятница такъ и воскресенье (*Zingerle, l. c., 123*); какая погода въ первый день, такая будетъ и до конца недѣли; въ пятницу погода мѣняется. Сицил. пословица говоритъ: *Lu Vennari di natura, Comu agghiorna, accussi scura (Pitrè)*.—Въ этотъ день копаютъ мандрагору (Адамово яблоко), *Katzen pföthen* (*Himelfahrts-blümchen, Gnaphalium dioicum, Antennaria dioica*) и дикій цикорій (*Wegvarte*), волшебныя средства—извѣстныя знахарямъ. Кто въ теченіи 9 дней будетъ носить подъ пазухой первое яйцо, снесенное черною курицей въ пятницу, и во все это время не будетъ ни мыться, ни чесаться, ни стричь волосъ и ногтей, не ходить въ церковь и не молиться, тому вылупится изъ яйца служебный духъ-Сотекъ (чешско-моравское повѣрье).—Въ этотъ день полезно предпринимать всякое врачеваніе (*Wolf, Beitr, l. c., № 514*) и т. п. Въ нѣкоторыхъ коммунахъ Лигуріи вѣрятъ, что у родильницы, которая пойдетъ въ церковь за благословеніемъ—въ пятницу, никогда не будетъ болѣть поясница (*mal di reni*). Извѣстныя молитвы, сказанныя въ пятницу, освобождаютъ души изъ мукъ чистища. *Pitrè* приводитъ образчики такихъ молитвъ на тему—крестной смерти Спасителя. Одна изъ нихъ кончается обѣщаніемъ: кто эту молитву трижды въ пятницу скажетъ, не причастенъ будетъ адскихъ мукъ;

all'ora degli uffizi, sono un ecseleante preservatifo contra gli incendi. См. *Woeste, Varia*, въ *Zeitschr. f. Deutsche Myth.*, III., 51 (назъ *Opinione* 1852 11 apr.). Сл. *Reinsb. Dür.*, l. c., 236.

а кто велитъ трѣжды сказать ее въ пятницу, не умереть злою смертію (*Pitrè*). Нѣкоторыя пятницы выдаются передъ другими, какъ болѣе знаменательныя. Таковы пятницы *мартовскія*, когда поднимаются влады и совѣтуютъ пересыпать жито—въ надеждѣ на обильный урожай. Заяцъ, убитый въ первую пятницу марта, полезенъ противъ всякихъ болѣваней; если носить на себѣ его высушенный глазъ, то это помогаетъ отъ слѣпоты.—Въ Марсалѣ (въ Сициліи) въ мартовскія пятницы ходятъ ловить ехиднѣ, чтобы дѣлать изъ нихъ такъ называемый *Lazzu di la schinassia*, помогающій противъ горловой боли (*Pitrè*). Сициліанцы знаютъ кромѣ того *хромую пятницу* (*Ven-pari Zuppidu*), то есть, пятницу, предшествующую масляной (*ib*).—Наканунѣ *первой пятницы* и воскресенья (иногда вторника) *послѣ новолунья* дѣвушки въ Сремѣ гадаютъ о своихъ суженыхъ (*Караиш*, Живот и обычаи народа сръскаго ст. 323 — 227 №№ I, II, V, VII, VIII).—Но особеннымъ почетомъ окружена *пятница на страстной недѣль*. Въ этотъ день не слѣдуетъ ни охотиться, ни играть; твачи, кузнецы и плотники не должны работать, потому что когда собирались распинать Христа, и плотникъ и кузнецъ отказали палачамъ въ своей помощи, они взяли станокъ (*Weberbaum*) и обратили его въ крестъ, а веретена (? *Bolzen an dem Weberstuhl*) употребили вмѣсто гвоздей: оттого въ страстную пятницу эти три ремесла не должны дѣйствовать (*Strackerjan*, II, 41—42).—Въ страстную пятницу солнце не свѣтитъ, потому что въ этотъ день распять былъ Христосъ (*Zingerle*, 148); ни одинъ разбойникъ не осмѣлится грабить или убивать: оттого путешествовать въ этотъ день безопасно (*Pitrè*).—Вода, почерпнутая въ страстную пятницу до восхода солнца, куцанье въ эту пору—цѣлебны; дѣти, рожденныя въ страстную пятницу, впослѣдствіи *повѣсятъ* либо умрутъ *насильственной смертію*; яйца, снесенныя въ этотъ день, не гниютъ и обладаютъ столь крѣпкою скорлупою, что при катаньи яицъ разбиваютъ другія; они спасаютъ отъ лавинъ, отъ переломовъ, даютъ человѣку большую силу; куры, вышедшія изъ нихъ, мѣняють ежегодно цвѣтъ перьевъ. Трапанскія женщины въ Палермо, сохраняютъ такія яйца въ теченіе цѣлаго года (*Pitrè*).—Дождь, падающій въ страстную пятницу „въ гробницу Спасителя“, не напаяетъ землю и въ теченіе всего года не будетъ ей на пользу (существуетъ и противоположная примѣта); если же въ ту пору „Иисусу Христу бываетъ холодно въ могилѣ“, то будетъ еще 40 ночей мороза, хотя растенія и не замерзнутъ. Если въ страстную пятницу какая нибудь могила останется незакрытой, кто

нибудь умереть въ скоромъ времени (*Birlinger*, I, 386); также, если будетъ вывѣшено въ это время бѣлье на просушку (*Strackerjan*, II, 41). — Не слѣдуетъ ходить въ огородъ, иначе заведутся гусеницы; не чесаться, иначе куры стануть копаться въ саду; не слѣдуетъ копаться въ землѣ, потому что въ ней покоится Господь (*Coll. de Pl.; Reinsb. Dür.*). Не надо ничего поднимать съ улицы, потому что въ это время блуждаютъ вѣдьмы: это онѣ роняютъ. Оттого и дѣтей не выпускаютъ на улицу и не принимаютъ никакого подарка. Не слѣдуетъ продавать молока, иначе околѣбеть корова; не ѣсть гороха и чечевицы, не то пойдутъ нарывы; иначе: бобы и чечевица, употребленные въ пищу въ страстную пятницу, обращаются въ деньги; горохъ, посѣянный въ этотъ день, не стануть клевать птицы (*Strackerjan*, II, 41): онѣ также постятся (*Pitrè*). — Въ Тиролѣ осыпаютъ распятіе, выставленное въ этотъ день на поклоненіе вѣрующимъ, различными родами жита, которое потомъ разбираютъ, бросая горстями въ закрома, въ надеждѣ на хорошей урожай (*Zingerle*, 148). — Не пить воды до вечера, не то весь годъ будетъ жажда и стануть кусать комары; кто не пьетъ въ этотъ день, можетъ пить въ теченіе года, никогда не пьянѣя. — Насѣкомыя и вредныя животныя лучше всего изгоняются въ эту пору. Домашнія животныя должны поститься, иначе они захирѣютъ; людямъ также полагается постъ. Въ Тиролѣ старики не ѣдятъ до звѣзды (*Zingerle*, 148); въ западной Фландріи крестьянина, разговѣвагося личницей, постигла внезапная смерть (*Reinsb. Dür.*). — Хлѣбъ, испеченный въ этотъ день, хранить до слѣдующаго года, онъ не портится и приноситъ счастье. Въ страстную запрещается стирать бѣлье, но позволено печь хлѣбы:

Maudite la femme qui lave
Bénite la femme qui cuit, —

говорятъ въ Динанѣ, и подтвержденіемъ служить такая легенда: Однажды Богородица странствовала и въ страстную пятницу, подойдя къ женщинамъ, мывшимъ бѣлье, попросила у нихъ напиться. Онѣ не только не дали ей этого, но еще забрызгали ее помоями, отчего платье ея смогло. Богородица удалилась и далѣе встрѣтила женщинъ, занятыхъ печеніемъ хлѣба, которыхъ просить позволить ей высушить мокрую одежду. Тѣ согласились, и Богородица ихъ благословила, а прачекъ проклинала (*Reinsb. Dür.*). Сицилійская легенда (*у Pitrè*) известная впрочемъ и въ другихъ частяхъ Италіи, разказываетъ нѣчто подобное: Когда Иисусъ Христосъ странствовалъ по свѣту

со своими апостолами, онъ съѣлъ отдохнуть и попросилъ напиться у одной женщины, расчесывавшей въ ту пору волосы. Она грубо отказала ему, послѣ чего Спаситель сказалъ; да будутъ прокляты косы, которыя расчесываютъ по пятницамъ. Пойдя далѣе, онъ встрѣтилъ женщину, мѣсившую тѣсто для хлѣба, и обратился къ ней съ тою же просьбой: та напоила его, и Учитель сказалъ: Да будетъ благословенъ тотъ хлѣбъ, что мѣсится по пятницамъ. — Въ Vouvigne и въ некоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Намюра въ страстную пятницу не бьютъ скота (*Reinsb. Dür.*); въ этотъ день ребенка, вышедшаго изъ пеленокъ, въ первый разъ одѣваютъ (ib.).—На Маасѣ ночь на страстную пятницу считается опасною: въ эту ночь, по народному повѣрью, вѣдьмы пляшутъ вокругъ дерева св. Анны, на высотѣ противъ замка Sanson (ib.).—Три столѣтiя тому назадъ вѣдьмы и нечистые духи собирались по пятницамъ вокругъ знаменитаго орѣховаго дерева подъ Беневентомъ и предавались нечистой плясѣ (*Pitrè*)¹⁾—какъ вообще пятница и среда считаются днями, удобными для вѣдьмъ—въ Венеци (Pitrè) и въ Шварцвальдѣ (*Birlinger, Aus Schwaben I, 409*). Въ страстную пятницу можно узнавать вѣдьмъ (*Strackerjan, II, 41*). Самый день полезенъ для чаръ: если въ великую пятницу соскоблить тупой стороной топора прахъ съ дерева, пораженнаго молніей, и зарядить имъ ружье, оно не дастъ промаху (*Liebrecht, I. c., № 141; сл. Birlinger, I. c., I, 387*).

Повѣрiй и примѣтъ, подобныхъ приведеннымъ, можно было бы собрать еще большее количество; существенно новаго онѣ едва ли приносятъ, во всякомъ случаѣ, не измѣнять главныхъ выводовъ, на которые даетъ право сообщенный нами материалъ. Строго внушаемое церковью соблюденіе пятницы, какъ знаменательнаго дня, оставилось въ народѣ цѣлымъ рядомъ суевѣрiй и легендъ, которыя, при всемъ своемъ разнообразiи, не выходятъ изъ церковнаго типа. Пят-

¹⁾ Сл. *Pitrè Fiabe etc.*, v. IV, p. 432—4-е прим. къ № LXIV. Въ трактатѣ Pietro Piperno: De nuce maga Beneventana, p. 71—74 разказывается о какомъ-то Lambertus Alutarius, съ которымъ злобно подшутили демоны беневентскаго дуба. Онъ возвращался домой in vigilia sanctissimi Corporis Jesu Christi sero humida lucente luna; демоны представились ему въ видѣ толпы женщинъ и мужчинъ «saltantium et cantantium: ben venga il Giovedì e'l Venerdì». Сл. такой же разказъ въ Бретани (*Le Men, Traditions et superstitions de la Basse Bretagne, въ Rev. Celt. № II (1870), p. 234 seqq.*; припѣвъ демоновъ карликовъ: Dimanche, Lundi, Mardi et Mercredi, Jeudi et Vendredi. — Сл. *C-e D'A... Légendes bretonnes, p. 50 seqq.* (то же).

ница — день крестной смерти, день скорби, но и день искупления, день исполненный великой тайны; возможность этихъ различныхъ толкованій естественно обусловило разнообразіе повѣрій и примѣтъ, которыя далѣе еще дифференцировались подъ вліяніемъ мѣстныхъ, областныхъ пріуроченій. Въ развитіи этого христіанско-легендарнаго цикла участвовала та особенная дѣятельность ума, психическое значеніе которой еще недостаточно изслѣдовано. Я назвалъ бы ее *пластическою*; ея объясняется *самозарожденіе мѣлологий*. Предположить, что въ развитіи разсмотрѣнныхъ нами христіанскихъ суевѣрій участвовали элементы древнихъ религій, остатки незабытаго язычества—нѣтъ особой надобности, хотя такое предположеніе и возможно. Такъ, нѣмецкіе и русскіе ученые сближали культъ пятницы съ культомъ Фрей.

Въ XI столѣтіи въ греческой церкви возникли сильныя споры о томъ, слѣдуетъ ли соблюдать постъ въ среды и пятницы, когда въ эти дни случаются великіе праздники. Въ XII вѣкѣ этотъ споръ проникъ и въ Россію, гдѣ произвелъ столь сильныя волненія, что вызвалъ соборъ 1168 г. Это дало бѣольшую пищу суевѣрію; къ этому времени относится, можетъ быть, распространеніе у насъ элевѣрьевской легенды, о которой говорено выше ¹⁾. Почитаніе пятницы не ограничилось одними *временными* или *именными*, то есть, тѣми, которыя приходились передъ главными годовыми праздниками и перечислены въ легендѣ. Къ нимъ присоединились *обѣтныя*—когда „по случаю какихъ либо несчастій, напримѣръ, неурожая хлѣба, падежа скота, тяжкихъ болѣзней, предки наши давали *обѣтъ* не только держать строгій постъ по нѣкоторымъ пятницамъ, но и проводить ихъ какъ дни праздничныя“ ²⁾. Стеченіе деревенскаго и городскаго люда къ церквямъ по пятницамъ было, вѣроятно, причиною того, что пятница

¹⁾ *Порфирьевъ*, Почитаніе среды и пятницы и т. д., I. с., стр. 182—183. Въ Московскомъ архивѣ минист. иностр. дѣлъ хранится «указъ о 12-ти пятницахъ» XVII в., который, къ сожалѣнію, я не могъ видѣть.

²⁾ «Въ давнія времена, разказываютъ Мазилковцы,—въ Ильинскую пятницу народъ не работалъ; но въ одно изъ дождливыхъ лѣтъ, какъ нарочно, пятница выдалась такая-то сухая да солнечная, что міромъ рѣшились работать, косить и сѣно съ луга убирать. И вдругъ, откуда ни возмись — такой поднялся вихрь, что цѣлые стога сѣна съ воевъ понесло прямо въ Москву-рѣку.... Съ тѣхъ поръ и порѣшили Мазилковцы Ильинскую пятницу чтить какъ праздникъ, и ни за какую работу въ этотъ день не принимаются»; *Голосъ* 1875 г. 29-го іюня (Московскія замѣтки).

являлась торговымъ днемъ; въ старину „для такихъ собраній служили особенно десять пятницъ въ продолженіе десяти недѣль послѣ Пасхи, которыя и были извѣстны подѣ именемъ десяти *торговыхъ пятницъ*“¹⁾.

Александръ Веселовскій.

¹⁾ *Порфирьевъ*, 1. с., 187 — 188.

РУССКО-ВИЗАНТІЙСКІЕ ОТРЫВКИ ¹⁾.

IV.

Записка греческаго топарха.

1.

Документъ, которому мы посвящаемъ настоящее изслѣдованіе, открытъ и напечатанъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ и давно занимаетъ русскихъ изслѣдователей, но внѣ круга специалистовъ онъ остается до сихъ поръ все-таки мало извѣстнымъ, а по своему содержанию—довольно загадочнымъ для самихъ ученыхъ. Мы желаемъ облегчить возможность ближайшаго знакомства съ нимъ для всякаго, кто занимается или только интересуется русскою исторіей, и сдѣлать съ своей стороны новую попытку для объясненія его содержанія.

Знаменитый французскій византинистъ (Нѣмецъ по происхожденію), К. Б. Газе, издавая по порученію русскаго канцлера графа Николая Петровича Румянцева, историческое сочиненіе Льва Діакона, помѣстивъ, въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ къ тексту этого писателя, обширную безыменную записку, которая, по мнѣнію издателя, могла служить дополненіемъ къ краткому извѣстію историка о взятіи Херсона (Корсуна) Русскими при Владимірѣ Святѣмъ и была составлена ближайшимъ участникомъ событія. Эту записку Газе нашелъ въ одномъ изъ многочисленныхъ рукописныхъ греческихъ сборниковъ, которые были въ его рукахъ и вообще дали ему богатую жатву новыхъ никому дотолѣ неизвѣстныхъ матеріаловъ для исторіи Византіи при Никифорѣ Фоѣмъ и Цимисхіи. Но по видимому, тотъ сборникъ или кодексъ, въ которомъ отысканъ былъ любопытный документъ, не принадлежалъ къ постояннымъ сокровищамъ знаменитаго французскаго книгохранилища, а былъ только временнымъ приобрѣте-

¹⁾ См. мартовскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1876 годъ.

ніемъ эпохи революціонныхъ и наполеоновскихъ побѣдъ и контрибуцій, и вслѣдствіе трактатовъ 1814 и 1815 годовъ, вмѣстѣ съ другими рукописями, составлявшими до 4,000 томовъ, былъ возвращенъ — не извѣстно куда. Въ своемъ изданіи Льва Діакона, вышедшемъ (но большею частію погибшемъ) въ 1818 году, Газе выражался уже въ томъ смыслѣ, что принадлежность кодекса „королевской бібліотекѣ“ была въ области прошедшаго (qui Bibliothecae regiae fuit).

Исчезнувшій такимъ образомъ съ ученыхъ глазъ кодексъ содержалъ, по сообщенію Газе, разные письма св. Василія Великаго, Фаларида и св. Григорія Назіанзинна, а по почерку относился къ исходу X столѣтія. Нѣсколько страницъ въ этомъ кодексѣ, но не подъ рядъ, а въ разныхъ мѣстахъ, оставались первоначально пустыми и потомъ были исписаны другою рукою, почеркъ которой, впрочемъ, такому большому знатоку рукописей, какимъ былъ Газе, представлялся все-таки *немного* младшимъ противъ первой главной руки, хотя также могъ быть относимъ къ концу X вѣка. Уже по внѣшнему виду вновь исписанныя въ кодексѣ страницы не были похожи на простую копію чужаго готоваго, только переписаннаго, сочиненія; онѣ были испещрены поправками: многія слова зачеркнуты, написаны наверху, замѣнены другими. Для Газе не было никакого сомнѣнія, что авторъ этихъ страницъ былъ владѣтель кодекса, и что сборникъ писемъ св. Василія и Григорія, по внѣшнему объему ничуть не тяжелый, сопровождалъ своего ховяина въ тѣхъ путешествіяхъ и походахъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ автографѣ. Но для кого предназначались потомъ замѣтки—угадать, конечно, нельзя: можетъ быть, это былъ проектъ письма или донесенія, имѣющаго быть отправленнымъ въ столицу—высшимъ властямъ; можетъ быть, это былъ только матеріалъ для задуманнаго небольшого литературно-историческаго произведенія; можетъ быть, это были просто замѣтки для себя, для собственной памяти, или даже просто вызванныя потребностію писать и записывать пережитое. Въ сущности цѣнность написаннаго для насъ во всякомъ случаѣ одинакова: такъ какъ написанное прямо идетъ отъ самого участника или даже виновника событій, о которыхъ тамъ говорится, то это почти равняется документу или историческому акту. Пожалѣть приходится только о неполнотѣ нашего документа. Онъ не представляетъ сплошнаго, связнаго и непрерывнаго изложенія, но состоитъ изъ трехъ отрывковъ, изъ коихъ первый не имѣетъ начала, а по видимому, также и конца. Какъ уже замѣчено, страницы, занятыя запиской, не находятся рядомъ одна за другою; но между ними существуютъ проме-

жутки: между первымъ и вторымъ промежутокъ въ сорокъ листовъ, между вторымъ и третьимъ—гораздо менѣе значительный. Существованіе этихъ промежутковъ легко объяснимо, такъ какъ авторъ нашего документа могъ воспользоваться только тѣми мѣстами въ кодексѣ, гдѣ для этого оставалось не занятое мѣсто. Труднѣе объяснить себѣ отрывочность и неполноту изложенія въ трехъ фрагментахъ, очевидно, одного и того же цѣлага. Можно даже предполагать, что Газе *не успѣлъ* вполне изучить кодекса, который былъ только временнымъ гостемъ въ Парижѣ, и что на другихъ страницахъ находились другіе отрывки, восполняющіе пробѣлы въ содержаніи и порядкѣ разказа, или по крайней мѣрѣ, немногія строки, не замѣченныя Газе. Уважаемый академикъ А. А. Куникъ, отъ вниманія котораго, конечно, не могло ускользнуть значеніе любопытнаго документа для русской исторіи, старался отыскать слѣды его подлинника, обращался въ Парижъ, и получивъ оттуда отвѣтъ, что рукописи уже не имѣются въ Национальной библіотекѣ, указывалъ потомъ на Ватиканскую библіотеку, совѣтуя, въ случаѣ находки, снять увеличенную фотографическую копію съ интересовавшихъ его страницъ рукописи. Въ настоящее время можно утверждать, что и не въ Ватиканѣ слѣдуетъ искать слѣдовъ потеряннаго изъ виду кодекса, и что если онъ не совсѣмъ пропалъ, то долженъ находиться въ Венеціи, Мюнхенѣ, Гейдельбергѣ и т. д.

Излагаемъ далѣе исторію изученія, предметомъ котораго слѣдъ были изданные въ 1818 году греческіе отрывки, и дѣлаемъ это при помощи данныхъ, сообщенныхъ въ изслѣдованіи А. А. Куника (О запискѣ готскаго топарха въ *Запискахъ Академіи Наукъ* 1874 г.).

Что отрывки имѣютъ близкое отношеніе къ русской исторіи, это съ перваго раза бросалось въ глаза, такъ какъ въ нихъ описывается переправа черезъ Днѣпръ самого автора записки, и говорится далѣе о сильномъ и воинственномъ государѣ на сѣверѣ Дуная. Сверхъ того, въ отрывкахъ—второмъ и третьемъ—упоминаются Климаты (τὰ Κλίματα), какъ область, находившаяся подъ властію автора. Эти Климаты уже самимъ Газе были отождествлены съ крымскими Климатами, извѣстными по сочиненіямъ Константина Багрянороднаго; такъ какъ они часто сопоставляются съ Херсономъ (Корсунемъ), то Газе и отнесъ всѣ событія, о которыхъ идетъ рѣчь въ отрывкахъ, въ Крымъ, и именно къ завоеванію Владиміромъ Корсуна въ 988 году. Что рѣчь идетъ здѣсь о Крымѣ, въ этомъ никто изъ русскихъ ученыхъ, принимавшихся потомъ за объясненіе документа, до сихъ поръ не

сомнѣвался. Разногласія образовались только относительно времени и личности того (Русскаго) князя, которому, какъ видно изъ документа, поверились Климаты вмѣстѣ со своимъ правителемъ. Для хронологическаго порядка помѣщаемъ на первомъ мѣстѣ Д. П. Попова, который перевелъ на русскій языкъ не только самую исторію Льва Діакона, но и главнѣйшія приложения къ ней, находящіяся въ изданіи Газе. Переводъ, явившійся вскорѣ послѣ напечатанія подлинника, вообще обличаетъ хорошаго знатока въ языкѣ древне-греческомъ, но какъ мы уже имѣли случай замѣтить, доказываетъ полное незнаніе съ византійскимъ словоупотребленіемъ. Что касается въ частности нашихъ отрывковъ, то они представлены скорѣе въ вольномъ изложеніи, чѣмъ въ настоящемъ переводѣ—со многими пропусками и отступленіями отъ точнаго смысла въ подлинникѣ. Отъ себя переводчикъ не прибавилъ никакихъ соображеній относительно историческаго содержанія переведенныхъ имъ отрывковъ. Только въ 1846 году, вслѣдствіе указанія, сдѣланнаго ему лично А. А. Куникомъ, обратилъ вниманіе на приведенные уже Поповымъ отрывки д-ръ Б. фонъ-Кёне (Köhne), служившій въ Императорскомъ армітажѣ и занимавшійся исторіей и археологіей Херсониса Таврическаго. Въ своемъ сочиненіи „Beiträge zur Geschichte und Archeologie von Chersonesus von Taurien (S.-Petersburg, 1848) г. Кёне не представилъ полнаго и самостоятельнаго объясненія указаваемаго ему документа, а лишь сдѣлалъ замѣчаніе, что онъ не можетъ относиться ко времени Владиміра, ибо въ немъ нѣтъ никакого указанія на подробности, извѣстныя по разказу Нестора, и притомъ изъ всего разказа видно, что городъ еще остался во власти Греческаго императора (?). Последнее замѣчаніе не отличалось ясностію мысли, а слѣдующее затѣмъ изложеніе содержанія отрывковъ наполнено невѣрностями (*unter Anführung des anonymen Schreibers dieser Bruchstücke, erhob sich allgemeiner Aufstand gegen die Bedränger, p. 204—205 и т. п.*), и даже курьезами (*die Einwohner des Landes wurden — an den Händen verstümmelt = χερσῶν ἔργον ἀτέροντο manibus obtruncabantur*). По мнѣнію г. Кёне, отрывки все-таки относились къ Крыму, и подъ варварами, которые опустошали окрестности Корсуна, разумѣлись, вѣроятно, Русскіе, но только это было ранѣе Владиміра, можетъ быть—во время Цимискія. Когда же именно? На этотъ вопросъ съ большею ясностію и рѣшительностію отвѣчалъ С. А. Геденовъ въ своихъ извѣстныхъ „Отрывкахъ о Варяжскомъ вопросѣ“. По его объясненію, въ отрывкахъ Газе рѣчь идетъ о Святославѣ, о Киевской и Черноморской Руси;

предполагается неизвѣстный изъ какихъ-либо другихъ источниковъ походъ Святослава на Крымскій берегъ, падающій, вѣроятно, на промежутокъ между первой и второю Болгарскою войною. Домысль о Святославѣ мы признаемъ совершенно основательнымъ: онъ свидѣтельствуешь объ извѣстной всѣмъ проицательности ученаго и остроумнаго критика сомнительныхъ теорій,—но мы думаемъ, что онъ самъ отчасти остановился здѣсь на полдорогѣ, отчасти зашелъ слишкомъ далеко. Въ примѣчаніяхъ къ „Отрывкамъ о Варяжскомъ вопросѣ“, напечатаннымъ въ *Запискахъ Академіи Наукъ* (годъ 1862), А. А. Куніевъ высказалъ свое полное согласіе относительно Святослава, но не хотѣлъ видѣть въ греческой запискѣ прямаго указанія на русскія черноморскія колоніи. Вслѣдъ за г. Геденовымъ предпринялъ историческое разъясненіе записки, изданной Газе, извѣстный своими трудами по начальной русской исторіи Н. П. Ламбинъ. Онъ также оставался въ Крыму, въ авторѣ записки видѣлъ Корсунскаго стратига, въ его подчиненныхъ (просѣхонтес), которые заставили его покориться Русскому князю, первый угадывалъ Готовъ, жившихъ на южномъ берегу Крыма, а въ самомъ Русскомъ князѣ предположилъ Олега, покорившаго сѣверное Черноморье отъ Днѣпра до Прута и нижняго Дуная (О Тмутароканской Руси, *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1874 годъ). Объясненіе сдѣлано при помощи весьма основательнаго изученія русскихъ и византійскихъ источниковъ, но заключаетъ въ себѣ уже на первой взглядъ одну крайне уязвимую точку. Документъ, по теоріи Н. П. Ламбина, оказывается писаннымъ въ самомъ началѣ X столѣтія; между тѣмъ, по свидѣтельству Газе, который имѣлъ въ рукахъ самый автографъ и обратилъ вниманіе на его палеографическіе признаки, записка - документъ можетъ относиться или къ началу XI вѣка, или же къ концу X, и *немногимъ моложе* самого Кодекса. Мы имѣемъ всѣ основанія довѣрять сообщеніямъ Газе; даже разница въ 20 лѣтъ между временемъ Святослава и Владиміра (970 годъ — 988 годъ) можетъ возбуждать нѣкоторое сомнѣніе, а такое большое отступленіе, какое позволяетъ себѣ Н. П. Ламбинъ, есть уже рѣшительный произволь. Профессоръ Ф. К. Брунъ, лучший знатокъ древней географіи и археологіи южной Россіи, поступалъ, конечно, осторожнѣе, стараясь подтвердить другими доводами первоначальную догадку Газе объ отношеніи отрывковъ къ исторіи Владиміра Святаго (*Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей*, V, 125); но точно также, то-есть, съ тою же осторожностію, онъ не считалъ нужнымъ настаивать на своемъ мнѣніи въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ (Чер-

номорскіе Готы и слѣди долгаго ихъ пребыванія въ южной Россіи, въ *Запискахъ Академіи Наукъ* 1874 г., стр. 30 и сл.). Намъ кажется, что почтенный ученый слишкомъ подчиняется всѣмъ, конечно, уважаемому авторитету А. А. Куника и напрасно ищетъ другаго Маврокастропа помимо того, съ которымъ онъ же самъ болѣе всѣхъ знакомъ, и съ которымъ самъ же болѣе всѣхъ другихъ познакомилъ русскихъ ученыхъ. А. А. Куникъ въ послѣднее время высказался два раза о документѣ, который уже давно интересовалъ его: сначала въ краткой запискѣ объ изслѣдованіяхъ Н. П. Ламбина и потомъ въ подробномъ изслѣдованіи „О Запискѣ греческаго топарха“, помѣщенномъ рядомъ съ вышеуказанною статью г. Бруна. Какъ намекаетъ уже самое заглавіе, нашъ уважаемый академикъ видитъ въ авторѣ записки уже не Корсунскаго стратига или намѣстника, а топарха Готскихъ Климатовъ или областей на югѣ Крымскаго полуострова, существованіе которыхъ давно было извѣстно, но вполнѣ разъяснилось только вслѣдствіе трудовъ его самого и профессора Бруна. Названіе топарха, означающее собственно правителя какой-нибудь небольшой области, мы удержали въ заглавіи собственнаго изслѣдованія. Далѣе, въ непріятеляхъ, которые опустошали со-сѣдственныя съ готскими поселеніями области Тавриды, А. А. Куникъ видитъ Хазаръ, но въ князѣ, которому покорились, или лучше сказать, котораго протекторатъ признали надъ собою угрожаемые Хазарами Готы, онъ все-таки признаетъ Русскаго князя, и всего скорѣе именно Владиміра. Въ своемъ изслѣдованіи А. А. Куникъ высказалъ желаніе, чтобы кто-нибудь взялся за болѣе точный и полный переводъ изданныхъ Газе отрывковъ. Это и послужило поводомъ къ тому, что мы сочли возможнымъ взяться за изученіе любопытнаго документа, не смотря на появленіе такого подробнаго изслѣдованія, какъ трудъ почтеннаго академика. Къ обзорѣнью предыдущихъ трудовъ мы должны еще прибавить указаніе на мнѣніе уважаемаго противника нашего Д. И. Иловайскаго. Вслѣдъ за своими предшественниками, въ Климатахъ онъ узнаетъ греческую область въ южной части Крыма, не думая однако называть ее Готскою; въ князѣ варваровъ признаетъ, какъ и всѣ, Русскаго князя, а на вопросъ—какого именно? отвѣчаетъ, что предположеніе о Владимірѣ не вѣроятно, ибо анонимъ говоритъ, только объ осадѣ какой-то второстепенной греческой крѣпости въ Крыму (въ Климатахъ), а походъ Владиміра въ Тавриду окончился взятіемъ Корсуна и крещеніемъ князя, на что нѣтъ и намека въ запискѣ. Замѣчаніе это мы охотно признаемъ вполнѣ осно-

вательнымъ. За Святославомъ Д. И. Иловайскій оставляетъ по отноше-
 нію къ отрывкамъ только нѣкоторую вѣроятность, а думаетъ, что
 еще съ большею вѣроятностію разказанное въ нихъ событіе можетъ
 быть отнесено къ дѣятельности Игоря. Сбоображенія, на которыя
 основано такое предположеніе, находятся отчасти въ связи съ осо-
 бенными личными воззрѣніями автора на первоначальную русскую
 исторію, излагаемыми въ той самой статьѣ, гдѣ посвящено нѣсколько
 страницъ и нашему вопросу (Болгаре и Русь на Азовскомъ Поморьѣ,
 въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, февраль, 1875, стр. 373 и сл.), и во-
 обще представляются намъ мало убѣдительными.

Изъ этого обозрѣнія видно, что литература вопроса никакъ не
 можетъ быть названа слишкомъ богатою. Нельзя также утверждать,
 чтобы для изученія нашего документа было сдѣлано все нужное и
 даже на первый разъ необходимое. Мы уже сослались на заявле-
 ніе одного изъ ученыхъ, болѣе другихъ занимавшихся вопросомъ, о
 необходимости имѣть болѣе точный переводъ отрывковъ, изданныхъ
 Газе, и филологическо-историческій комментарий къ нимъ, такъ какъ
 только при этомъ вполне выяснятся инны темныя выраженія. Это и
 будетъ составлять нашу первую и главную задачу; сначала слѣ-
 дуетъ въ нашей статьѣ переводъ съ посильными объясненіями къ
 нему. Но такъ какъ изученіе отрывковъ привело насъ къ нѣкото-
 рымъ собственнымъ предположеніямъ о ихъ дѣйствительномъ отно-
 шеніи къ русской исторіи, то мы рѣшились также высказать и эти по-
 слѣднія. За переводомъ и комментариемъ слѣдуютъ двѣ главы; въ одной
 мы стараемся опредѣлить мѣсто и время, къ которымъ относятся со-
 бытія, описываемыя въ запискѣ топарха, а въ другой и послѣдней—
 пытаемся дать ей общее историческое объясненіе на основаніи
 приобретенныхъ результатовъ.—Присоединяемъ здѣсь замѣчаніе, ко-
 торое слѣдовало сдѣлать уже нѣсколько выше. Мы сказали, что руко-
 писи, бывшей въ рукахъ Газе, то-есть, кодекса X вѣка съ пись-
 мами Василія Великаго, Фаларида и т. д., едва ли теперь слѣдуетъ
 искать въ Ватиканской библіотекѣ. Мы имѣли при этомъ въ виду
 любопытное письмо знаменитаго Газе къ Э. Миллеру (Miller), извѣст-
 ному французскому эллинисту, обогатившему древнюю и византий-
 скую литературу цѣлымъ рядомъ блистательныхъ открытій въ библіо-
 текахъ Запада и Востока. Оно напечатано въ статьѣ Э. Миллера:
Le cabinet des manuscrits (въ *Journal des savants*, février 1876).
 Здѣсь Газе сообщаетъ Миллеру, находившемуся въ декабрѣ 1848 г. въ
 Римѣ, списокъ тѣхъ Ватиканскихъ кодексовъ, которые нѣкогда го-

стали въ Парижѣ, и вторично Газе нѣкогда составилъ каталогъ (последній теперь хранится въ Cabinet des manuscrits). Судя по этому списку, кодекса съ важными для насъ отрывками, не было въ числѣ рукописей, поступившихъ въ Национальную бібліотеку въ видѣ контрибуціи римской. Конецъ письма содержитъ пикантную, хотя со стороны Газе, малоозвучающую щедротами русскаго вельможи и при его помощи составившаго себѣ славу изданіемъ Льва Діакона, не со всѣмъ умѣстную выводу, противъ русскихъ ученыхъ ¹⁾.— При переводѣ отрывковъ, мы обращаемъ вниманіе какъ на первую, такъ и на вторую редакцію, то-есть, не оставляемъ безъ перевода и зачеркнутыя либо замѣненные другими слова и предложенія, не только отмѣчаемъ ихъ квадратными скобками. При объясненіи значенія и смысла отдѣльныхъ выраженій, будемъ обращаться, вромѣ Льва Діакона, преимущественно къ исторіи Агапія (цитую его по изданію *Дандорфа: Historici graeci minores, t. II*), такъ какъ Газе доказалъ, что именно этотъ писатель былъ особенно изучаемъ въ X вѣкѣ и служилъ, на ряду съ Библией въ переводѣ семидесяти и съ Гомеромъ, истонникомъ и образцемъ фразеологіи.

2.

Первый отрывокъ и объясненія къ нему.

1. Они съ трудомъ приставали хотя каждое изъ нихъ не вмѣщало на себѣ болѣе трехъ человекъ: такъ они были мизерны. Но даже и такія (небольшія суда) все-таки не находили себѣ свободнаго пространства на поверхности теченія; ибо многія изъ нихъ попадали

¹⁾ «J'ai reçu, il y a peu de jours, une lettre de M. Kunik, membre de l'Académie Imperiale de S. Pétersbourg. Il demande des nouvelles du Psellus, et en regrettant beaucoup que votre mémoire sur les Vandales ne soit pas imprimé, il nous annonce pour l'année prochaine l'envoi d'un ouvrage dans lequel, à ce qu'il dit, il discute les origines de ce même peuple. J'ai répondu à M. Kunik, que vous étiez à Rome pour cet hiver; que la publication de votre catalogue des manuscrits de l'Escurial vous avait empêché, jusqu'au présent, de vous occuper sérieusement de Psellus, mais que, dans vos travaux à la Bibliothèque du Vatican, vous ne perdiez pas cet auteur de vue. Il serait bon, en effet, si vous pouviez diriger vos recherches de ce côté. Notre bibliothèque, à Paris, est une mine épuisée, tandis que la Vaticane semble presque intacte. Léon Allatius y a trouvé bien des *ἀνέκδοτα* relatifs à la Byzantine, quel bonheur si vous pouviez y découvrir quelque fragment inédit où il s'agirait des Tauroscythes, des Petschénegues (Πατσινάται), des peuplades slaves au Nord du Pont-Euxin, car ces messieurs pétropolitains ne s'intéressent qu'aux
ῥῶς».

между двумя величайшими льдинами и начинали тонуть. Всякой разъ, какъ это случалось, люди, находившіеся на суднѣ, выскакивали изъ него, садились на льдину и ѣхали на ней какъ на плоту. А нѣкоторые изъ нихъ (судовъ) разбились и были поглощены водою, такъ какъ *Днѣпръ* былъ въ сильномъ волненіи. Мы, съ своей стороны, оставались тутъ въ досадѣ и слишкомъ долгомъ ожиданіи и какъ будто сердились на него за то, что онъ не замерзъ. Однако, спустя немного дней, вода вездѣ стала и превратилась въ такую твердую поверхность, что и пѣшкомъ, и на коняхъ можно было безъ страха идти по рѣкѣ и состязаться здѣсь бодро въ бояхъ, какъ будто на равнинѣ. Такимъ образомъ *Днѣпръ* показалъ намъ себя какъ будто какимъ чудесникомъ; прежде онъ воздымался гнѣвный и бурный, чуть-ли не наводя страхъ даже на всякаго, кто только глядѣлъ на него, — а затѣмъ, спустя короткое время, присмирѣлъ и до такой степени притихъ, что всякій могъ забавляться надъ нимъ и понирать его ногами; а онъ представлялся какъ будто запрятавшимся подъ землю, засѣвшимъ гдѣ-то въ темномъ углу. Уже не въ видѣ просто текущихъ водъ являлась намъ его поверхность, но въ видѣ какихъ-то суровыхъ и окаменѣлыхъ горъ; а то, что двигалось внизу подъ ними, развѣ представляло какое сходство или подобіе съ водою?

2. Теперь наше уныніе превратилось въ радость; выразивъ ее достаточными рукоплесканіями, мы подошли ближе и конные вступили на рѣку. Совершивъ переправу безпрепятственно и прибывъ въ селеніе *Боріонъ*, мы занялись ѣдой и уходомъ за лошадьми, такъ какъ и онѣ терпѣли до сихъ поръ недостатковъ и были утомлены въ высшей степени. Проведя здѣсь такую часть дня, сколько требовалось для восстановленія своихъ силъ, мы стали собираться въ путь, чтобъ идти по направленію къ *Маврокастроу*. Когда у насъ все было готово и не представлялось никакого препятствія, то около самой полуночи, (тогда какъ намъ слѣдовало пуститься въ дорогу ранѣе того), подулъ самый тяжкій сѣверный вѣтеръ, и разразилась такая жесточайшая вьюга, что нельзя было думать, чтобы какіе-либо пути остались доступными, чтобы кто-либо былъ въ состояніи вынести пребываніе на открытомъ воздухѣ, и чтобы возможно было оставившему спасительный кровъ сохранить свою жизнь; напуганные этимъ, мы рѣшили остановиться и не трогаться съ мѣста. Я (первый) сказалъ это своимъ сотрапезникамъ, что намъ нельзя (будетъ) выйти изъ дому и перебраться на ночлегъ въ другое мѣсто, [и что мнѣ по звѣздамъ показалось], тогда какъ первая изъ звѣздъ была уже въ вечернемъ

фазисѣ, и [сообразно съ ея природою] сообразно съ нею измѣнялось состояніе воздуха [по природѣ являясь холодною и снѣжною],—называемая Сатурномъ. Ибо она именно тогда проходила около началъ Водолея, между тѣмъ какъ солнце пробѣгало зимніе знаки. Итакъ, вьюга начавшись становилась все свирѣпѣе, и то, что прежде намъ казалось страшнымъ, теперь намъ представлялось шуткою въ сравненіи съ тѣмъ, что за симъ послѣдовало; такъ бурно распространилась во всѣ стороны вьюга. Прошло достаточное количество дней, прежде чѣмъ могла наконецъ прійти на умъ какая-нибудь мысль о *возвращеніи во свояси*, и прежде чѣмъ воздухъ оказался нѣсколько болѣе благоприятнымъ.

3. И вотъ мы вышли, торжественно провожаемые туземцами, при чемъ всѣ они рукоплескали мнѣ одобрительно и смотрѣли на меня каждый какъ на близкаго себѣ и напутствовали наилучшими пожеланіями. И тогда (въ этотъ первый день) мы едва оставили позади себя семьдесятъ неполныхъ стадій (около 12 верстѣ), не смотря на то, что *другіе* прошли впереди насъ и разчистили гдѣ было много снѣга. На слѣдующій день мы съ самаго начала могли двигаться только съ величайшимъ трудомъ, какъ будто среди моря борясь противъ снѣга. Казалось, что это совсѣмъ не была земля, ни даже обыкновенный снѣгъ; лошади исчезали по самую шею, а *вьючныя животныя*, хотя они и слѣдовали за нами позади, совсѣмъ падали (оковѣвали), такъ что ихъ много осталось тамъ на дорогѣ. Говорили, что снѣгъ лежалъ на четыре локтя и представлялъ большія трудности для проложенія пути. Многие изъ *проводниковъ* воротились домой, сочтя обстоятельства превышающими человѣческія силы. Дѣйствительно тягость нашего положенія не была какою-либо изъ обычныхъ, такъ какъ затрудненія наступали на насъ со всѣхъ сторонъ; снизу глубокой и густой снѣгъ, а сверху дули рѣзкіе вѣтры. И ни откуда не ожидалось какой-либо перемѣны къ лучшему, ибо все въ этомъ бѣдственномъ положеніи оказывалось бесполезнымъ и непригоднымъ; нельзя было развести огня, и снѣгъ не давалъ намъ возможности отдохнуть хотя на короткое время.

4. Постелями служили намъ ночью щиты; они блистательнѣйшимъ образомъ шли у насъ и вмѣсто кровати, и вмѣсто всякихъ покрововъ. На нихъ мы отдыхали, грѣясь тѣломъ при огнѣ, хотя и не очень яркомъ. Сонъ и бывающія въ сновидѣніяхъ мечтанія были далеки отъ насъ, какъ будто и они были испуганы. Ни о комъ нельзя было сказать, чтобъ онъ выдерживалъ лучше другаго [напротивъ, тѣ,

которые вчера казались ярѣче и ободряли другихъ, сегодня были вялыми и унылыми; при общемъ для всѣхъ бѣдствіи, тѣлесное и душевное настроеніе у всѣхъ было одинаково. Иной говорилъ о завидной долѣ умершихъ, которые уже освободились и отъ заботы, и отъ трудовъ; другой сожалѣлъ о будущемъ поколѣніи, съ какими-то еще бѣдствіями и ему придется проходить свою жизнь. Наши развѣдчики также утомлены, побѣжденные множествомъ золь, и не имѣли силы идти впереди, наобумъ и даромъ блуждая по снѣгу. Но самое большее бѣдствіе заключалось въ томъ, что мы шли по *неприятельской землѣ*, и уже вслѣдствіе этого наше положеніе не было безопасно; напротивъ зло грозило намъ одинаково какъ отъ зимы, такъ и отъ враговъ.

Они (то-есть, суда, τὰ πλοῖα) *съ трудомъ приставали*: δυσχερῶς κατηγάγετο, difficiliter applicabant Untres. Изъ дальнѣйшаго совершенно ясно, что описывается чья-то переправа черезъ Днѣпръ. Иъ-которны суда хотя съ трудомъ, но все-таки приставали, то-есть, достигали противоположнаго берега, а самъ авторъ со своими спутниками былъ зрителемъ и не рѣшился на трудную и опасную переправу, тѣмъ болѣе, что его отрядъ или караванъ былъ конный и имѣлъ при себѣ обозъ, или по крайней мѣрѣ, вьючныхъ животныхъ (τὰ ὑποζύγια)

Высказывамъ изъ нея: Ἐκπηδῶντες τοῦ πλοίου. Плоія нужно понимать, какъ σκάφη, μονόξυλα, лодки или однодеревки. Ср. Cedren. 11,551: πλοίοις ἐγχαρίοις τοῖς λεγομένοις μονόξυλοις. Zonar. IV, 168 (Dindorf). πλοῖα, ἃ παρ' αὐτοῖς μονόξυλα λέγονται. О тѣхъ же самыхъ лодьяхъ Пселлъ употребляетъ выраженіе: σκάφη ῥωσικά (pag. 148).

Мы подошли ближе и конные вступили на рѣку: Προσιεμεν, κατὰ πέλαγος ἰππασάμενοι. = Proxime accessimus, per aequior equitantes. Пέλαγος здѣсь просто значить вода или рѣка, какъ это обычно у другихъ Византийцевъ. Предлогъ κατὰ имѣеть то же значеніе, какъ и въ слѣдующемъ предложеніи.

Приблизъ въ селеніе Боріонъ: κατὰ τὴν χώραν γινόμενοι τὴν Βορίων. Гдѣ именно было селеніе Боріонъ или Воріонъ, положительно сказать невозможно. У Плинія и у Амміана Марцеллина одно изъ сѣверныхъ устьевъ Дуная называется Borionstoma. Известно также одно придунайское укрѣпленіе, называемое Bireo (Itinerar. Anton., pag. 225), Βερόη (Simocatta), Bireo (Not. or. pag. 99), Biraton, Bireon (Ravenn. 4, 6, 7), Vereo (Tabula Peutinger). На его мѣстѣ найдена надпись,

изъ которой видно, что укрѣпленіе построено было Константиномъ Великимъ въ 320 году, послѣ побѣды надъ Готами: *Imp. Caes. Fl. Valerius Constantinus Victor maximus triumphator pius felix semper Augustus in Illyrico victis superatisque Gothis... hunc burgum tempore felici ter quinquennialiorum (a fundamentis) ob defensionem rei publicae extruxit.* и т. д. См. С. I. L, III, № 6159: ср. Анон. Vales., 21, Zosim., 2, 21. Но это придунайское укрѣпленіе можетъ только служить новымъ доказательствомъ, что одни и тѣ же названія повторяются въ разныхъ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Понту. Предполагая, что греческое названіе села на Днѣпрѣ есть искаженное русское, мы могли бы думать о мѣстечкѣ *Боровомъ* (Боровой или Боровѣ), находившемся на правой сторонѣ Днѣпра. Лѣтопись по Ипатьевскому списку (стр. 450; годъ 1190): „Половци—всѣдоша на коня: и ѣхавше извѣхаша городъ *Чюрняевъ*, и острогъ взяша, и дворъ зажгоша—; и ѣхавше и легоша по Висемъ (Висемью), и ту перепочивше конемъ своимъ, и ѣхаша во *Боровому*, и слышавше Ростислава въ *Торчскомъ*, и возвратишася къ ватагамъ своимъ“.—Очень вѣроятно, что Боровой есть село Боровица въ Чигиринскомъ уѣздѣ, на правой сторонѣ Днѣпра, и въ такомъ случаѣ не одно и то же съ урочищемъ Борокъ (между Треполею и Киевомъ). Но мы никакъ не рѣшаемся утверждать, что именно это мѣстечко слѣдуетъ разумѣть въ нашемъ отрывкѣ. Всего скорѣе селенія Боріонъ нужно искать при нижнемъ теченіи рѣки Днѣпра, гдѣ можно предполагать какія-либо греческія, въ частности корсунскія, владѣнія или же поселенія и факторіи для торговли, для рыбной ловли. Послѣ оказывается, что путешественники, и во главѣ ихъ нашъ топархъ, были приняты въ Боріонѣ какъ свои люди и были напутствуемы самими горячими благожеланіями. По Игореву договору Руси запрещалось зимовать въ устьѣ Днѣпра, и обезпечивалась свобода корсунскихъ рыболововъ. Послѣ для гречниковъ важнымъ пунктомъ было Олешье. Сверхъ того, самое названіе селенія не есть, по видимому, переводное съ русскаго языка, по крайней мѣрѣ не выдается намъ за такое (не прибавлено слова *τὴν λεγομένην-χώρην* или что-либо подобное).

Мы стали собираться въ путь, чтобъ идти по направленію къ *Маврокастроу*: *ὡς πρὸς τὸ Μαυρόκαστρον χωρεῖν ἢ πετιόμενα*: *Assingebamus nos Maurocastrum profecturi*. Авторъ хочетъ только обозначить направленіе пути, а не ближайшій пунктъ, котораго можно было достигнуть. На это указываетъ какъ самое построеніе фразы, такъ и

дальнѣйшій ходъ разказа. Послѣ оказывается, что до Маврокастропа было вовсе не такъ близко.

Когда у насъ все было готово и т. д. Слѣдующій затѣмъ періодъ изложенъ нѣсколько запутанно въ самомъ подлинникѣ, что осталось и въ нашемъ переводѣ. Смыслъ, по видимому, тотъ, что караванъ хотѣлъ пуститься въ дальнѣйшій путь ранѣ полуночи, вечеромъ (πρωίτερον), но уже тогда предводитель его замѣтилъ неблагоприятное положеніе неба и предсказалъ наступленіе бури; къ полуночи эта буря дѣйствительно разыгралась—и проч.

Я сказалъ это своимъ сотрапезникамъ: ἐμοῦ τοῦτο τοῖς συσσίτοις εἰπόντος. Въ словѣ сотрапезники (συσσίτοι) не заключается никакого спеціальнаго или техническаго указанія, а просто имѣется въ виду обѣдъ или столъ (σὺσχία), за которымъ спутники съобща поддѣрпали свои силы.

И какъ мнѣ по звездамъ показалось и т. д. Греческій текстъ здѣсь представляетъ цѣлый рядъ исправленій, сдѣланныхъ самимъ авторомъ и вызванныхъ, очевидно, одними стилистическими соображеніями. Возстановляемъ, по замѣчаніямъ Газе, первоначальный видъ рукописи, отмѣчая зачеркнутыя слова скобками: [καὶ ὡς ἐκ τῶν ἀστρῶν ἐμοὶ δέδειχται] τοῦ πρώτου τῶν ἀστρῶν ἐσπερίων φάσιν ἤδη ποιούντος, καὶ πρὸς [τὴν ἑαυτοῦ φύσιν] αὐτὸν ἔχεινον μετατρέπομένου τοῦ περιέχοντος [φύσει ψυχρότατος καὶ χιωνώδης (sic) δοκῶν] Κρόνου δὴ καλούμενου. Зачеркнутыя слова не требуютъ объясненія; ясно, что они относятся все къ той же первой звѣздѣ, и что эта первая звѣзда есть Сатурнъ. Слова: Κρόνου δὴ καλούμενου, очевидно, очутились не на своемъ мѣстѣ вслѣдствіе поправокъ въ текстѣ; имъ слѣдовало стоять въ такомъ порядкѣ: τοῦ πρώτου τῶν ἀστρῶν, Κρόνου δὴ καλούμενου—когда первая изъ звѣздъ, именно называемая Сатурномъ. Кронъ или Сатурнъ есть именно первая изъ подвижныхъ звѣздъ по обычному порядку перечисленія ихъ у древнихъ и средневѣковыхъ астрономическихъ писателей, и притомъ звѣзда холодная по природѣ. См. сколии къ Germanici Caesaris Aratea, ed. *Breysig*, pag. 183: Summum igitur planetarum Saturni sidus est colore candidum, natura gelidum и т. д. pag. 226: Septem errantes stellae, id est Saturnus Iouis Mars Sol Venus Mercurius Luna; pag. 221: Saturni Stellus—*frigida* et sterilis, infecunda terris и т. д.; *Pselli* de omnifaria doctrina: *Migne*, Patrolog. Graeca, CXXII, 748: Οἱ δὲ ἑπτὰ πλανῆται, ὧν πρῶτός ἐστιν ὁ τοῦ Κρόνου λεγόμενος ἀστῆρ; ср. оглавленіе не изданнаго астрономическаго со-

чиненія Метохиты: *Sathas, Biblioth. Graeca, I, 116. Κρόνου, Ζητός, Ἄρεως* и т. д. Впрочемъ у Гигина (*Astronomica, ed. Bunte. 1876*)—другой порядокъ (см. pag. 79).

Ибо она именно тогда проходила около началъ Водолея, между тьмъ какъ солнце пробывало зимніе знаки: Καὶ γὰρ ἔτοχε παρὶ τὰς ἀρχὰς διῶν ὀδροχόου, ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος. Transibat enim tunc Saturnus circa initia Aquarii, sole brumalia signa permeante. Подъ Водолеемъ нужно, конечно, разумѣть созвѣздіе Водолей, а не знакъ Водолея, такъ какъ замѣчаніе автора основано на непосредственномъ наблюденіи: „какъ мнѣ по звѣздамъ показалось“. Извѣстно, что Сатурнъ совершаетъ свое обращеніе между созвѣздіями въ продолженіе 10759, 22 дней (29 лѣтъ, 174 дня) и остается въ одномъ и томъ же созвѣздіи около двухъ съ половиною лѣтъ. Итакъ, мы имѣемъ точныя данныя для ближайшаго опредѣленія времени описываемыхъ здѣсь событій.

Мысль о возвращеніи во свояси: τῆς πρὸς τὰ οἰκίαι μνήμη τις ἐκαυόδοο. Итакъ, путешественники, переправляясь черезъ Днѣпръ, и направляя свое тяжелое странствованіе къ Маврокастроу, возвращались туда, откуда они пришли. Отсюда ясно, что описываемое путешествіе не было какимъ-либо переселеніемъ изъ одного мѣста на другое; напимѣръ, изъ разоренной области въ Крыму или за Днѣпромъ на Дунай, или наоборотъ, а возвращеніемъ либо изъ посольства, либо изъ военной экспедиціи. Но это указаніе даетъ намъ только весьма неопредѣленный намекъ и на исходный пунктъ, и на конечный предѣлъ путешествія. Если принять, что подъ Маврокастрономъ разумѣется тотъ городъ, который становится послѣ извѣстнымъ подъ этимъ названіемъ, то авторъ нашей записки и предводитель отряда шелъ къ Днѣстру, и можетъ быть, къ Дунаю.

И вотъ мы вышли, торжественно провожаемы туземцами, причемъ всѣ они рукоплескали мнѣ одобрительно, смотрѣли на меня каждый какъ на близкаго себѣ и напутствовали наилучшими пожеланіями: Καὶ δὴ ἐξίτημεν, δоруφορούμενοι παρὰ τῶν ἐγχωρίων διαφανῶς, πάντων εἰς ἐμὲ τὰς χεῖρας ἀνακροτούντων, καὶ βλέπόντων ὡς πρὸς οἰκεῖον αὐτοῦ ἕκαστος καὶ τὰ μέγιστα εὐχόμενων. По всѣмъ признакамъ туземцы не были варварами, а, напротивъ, именно Греками. Ничего, напимѣръ, русскаго не заключаютъ въ себѣ проводы съ рукоплесканіями, съ театральной обстановкой. *Χεῖρες ἀνακροτεῖν εἰς τινα* = хлопать поднятыми вверхъ руками въ знакъ одобренія кому-нибудь или въ знакъ удовольствія: такъ рукоплескалъ нѣкогда Аѳинскій демось Аристофановскому кол-

баснику. Сверхъ того, туземцы или же мѣстные жители имѣли какую-то причину смотрѣть на топарха какъ на *своего* или же на *близкаго* человѣка. Усердіе ихъ было такъ велико, что многіе изъ нихъ, не смотря на трудный путь, сопровождали своего земляка или же соплеменника довольно далеко и только по необходимости вернулись назадъ. Упоминаемые ниже спутники или же проводники (τῶν ἀκολούθων)—безъ сомнѣнія, эти самые жители селенія Βορίωνα. Но за то нельзя сказать съ увѣренностію, кто были тѣ *другіе* люди, которые прошли впереди нашего каравана и разметали снѣгъ (πρὸ ἡμῶν ἄλλων διαβατηρότων): были ли это прежніе товарищи топарха, переправившіеся черезъ Днѣпръ еще въ лодкахъ, или же обычные случайные пѣшеходы?

И ни откуда не ожидалось перемѣны къ лучшему: Ἀναχωτῆς οὐδαμόθεν προσδοκώμενης. Отмѣчаемъ только выраженіе, часто встрѣчающееся у Агаѳи: pag. 290 ἀναχωτῆ τῶν δεσπῶν; pag. 356: ἀναχωτῆ τοῦ κινδόνου; ср. pag. 363 (ἀναχωτῆς τινος μεταδόσα).

Отдохнуть хотя на короткое время: ἀναπαύσαι πρὸς ἁχαρεῖ χώραν. Вмѣсто послѣдняго слова на верху было написано χρόνον, но потомъ поправка, не представляющая особой нужды, зачеркнута. Выраженіе встрѣчается у Агаѳи: ἐν ἁχαρεῖ χρόνου (pag. 322), у Льва Діакона: ἐν ἁχαρεῖ (pag. 68).

Сонъ и—сновидѣнія—были далеки отъ насъ: Ὑπνος δὲ καὶ τὰ εἰς ὄνειρων φαντάσματα, ὥσπερ φοβηθέντα κἀκείνα, πάντα ἀπέστησαν. Газе безъ всякой нужды исправляетъ чтеніе рукописи „ὑπνος“ въ „ὑπνον“ и ради того глаголь ἀπέστησαν переводить fugaverant (аог. 1): то-есть, сновидѣнія прогнали всякой сонъ...

Иной говорилъ о завидной долѣ умершихъ: Ἐραχάρισέ τις τοὺς τεθνηκότας. Рѣчь идетъ вообще объ умершихъ, а не о какихъ-либо погибшихъ во время похода или путешествія товарищахъ: это ясно изъ сопоставленія умершихъ съ имѣющими родиться (κατὰ τῶν ἐσομένων), съ будущими поколѣніями. Отрывокъ не въ одномъ только этомъ мѣстѣ отзывается сильно риторикой.

*Развѣдчики—οἱ πρόσκοποι—*быть можетъ, тѣ изъ туземцевъ, которые не оставили каравана вслѣдствіе трудностей пути.

Мы шли по непріятельской землѣ — зло грозило намъ одинаково какъ отъ зимы, такъ и отъ враговъ: Διὰ πολεμίας ἐπορευόμεθα γῆς—ἐν ὁμοίῳ τό, τε τοῦ χειμῶνος καὶ τὸ τῶν πολεμίων ὑφωρᾶτο κακόν.

3.

Второй отрывокъ и объясненіе къ нему.

1. [Именно ради этого и сѣверныя берега Дуная]. Только тогда мы рѣшились начать войну съ варварами, или если уже слѣдуетъ сказать сущую правду, мы отступили (передъ ними) изъ опасенія, чтобъ они, предупредивъ, не истребили насъ (не покончили съ нами), и мы разсудили (за лучшее) противостоятъ имъ (здѣсь) сколько возможно, между тѣмъ какъ они самымъ безчеловѣчнымъ образомъ разоряли и губили всѣхъ, подобно нѣкоторымъ дикимъ звѣрямъ, вездѣ проявляющимъ свою ярость. Имъ не была доступна какая-либо пощада даже въ отношеніи къ *самымъ близкимъ*, и они не считали нужнымъ совершать убійство съ какимъ-либо разборомъ или вниманіемъ къ справедливости; напротивъ, злымъ и бесполезнымъ образомъ задумали они слѣлать изъ [*нашей*] *ихъ земли*—какъ говорится — *добычу Мисья*. Рушилась прежняя ихъ справедливость и законность,—тогда какъ сперва они оказывали къ нимъ наибольшее уваженіе, и вслѣдствіе того, сами они достигли величайшихъ трофеевъ, а города и народы добровольно приступали къ нимъ (присоединялись къ нимъ). А теперь, какъ будто наоборотъ, имъ сопутствовала несправедливость и безправіе въ отношеніи къ *подданнымъ*. Въмѣсто того, чтобы заботиться о благѣ подвластныхъ городовъ и къ собственной выгодѣ управлять ими въ добромъ порядкѣ, они положили поработить и разорить ихъ. Жалуясь на своихъ *властителей* и ясно доказывая, что они ни въ чемъ не повинны, эти люди (то есть, подданные) добивались только того, чтобы они были оставляемы въ живыхъ. Похоже было на то, какъ будто разразился какой сильный злой порывъ, такъ что для человѣчества казалось наступилъ потопъ, и грозило самое страшное разрушеніе какъ бы вслѣдствіе землетрясенія или какой неожиданной и роковой (открывшейся) бездны. *Болше десяти городовъ* лишились своего населенія, не менѣе *пяти сотъ селеній* превратились въ пустыню: словомъ, вся *сосѣдственная и близкая* къ нимъ область какъ будто послѣ бури лежала въ развалинахъ; люди, ни въ чемъ не повинные, *подъ предлогомъ* (нарушенной) *клятвы*, слѣлались добычею насилія и меча.

2. Жестокая судьба привела наконецъ и къ *моей области* ту заразу, которая злымъ образомъ губила всѣхъ и ужъ обошла (вкругомъ) моихъ несчастныхъ *сосѣдей*. Я *заранне ожидаю* этого прежде, и уже принималъ всякія мѣры предосторожности, чтобъ она не захватил

насъ въ распахъ, или чтобы внезапнымъ тайнымъ появленіемъ не нанесла намъ гибели. Когда жь опасность на яву пришла къ намъ, и когда всѣ ясно сознали, что дѣло идетъ теперь о нашей жизни, то я *тогдашнюю язву* отвратилъ наиболѣе мудрымъ способомъ, какъ только умѣлъ, хотя при этомъ я самъ едва *не подвергся послѣдней опасности* (едва не рисковалъ своею жизнію). А что *касается времени, затѣмъ послѣдовавшаго*, то у насъ съ варварами безъ всякаго (предварительнаго) объявленія началась война, при чемъ они уже не вступали съ нами въ сношенія, хотя я тысячи разъ посылалъ къ нимъ предложенія о перемиріи, и уже между нами дѣло *не обходилось безъ оружія*. И вотъ война *тотчасъ началась*, и наступленіе зимы было близко, ибо солнце находилось недалеко отъ *зимняго поворота*. Между тѣмъ варвары, собравшись большими силами, вторгнулись *въ нашу землю* съ коннымъ и пѣшимъ войскомъ, думая захватить насъ при первомъ нападеніи и разчитывая на слабость нашей страны и на нашу оробѣлость. Ихъ предположенія были довольно основательны, такъ какъ мы имѣли мѣстопробываніе въ городѣ совершенно разрушенномъ и дѣлали вылазки скорѣе изъ (открытаго) селенія, чѣмъ изъ настоящаго города. [Но потерявъ многихъ изъ своихъ и подвергшись посрамленію, къ вечеру они ушли, побоявшись (поопасшись) утра. Ибо противъ пѣхоты и я самъ противопоставилъ стрѣлковъ изъ лука, а противъ конницы—конницу, раздѣливъ войско на двѣ части]. Потому что эта земля ранѣе того была уже разорена самими варварами и превращена въ совершенную пустыню, при чемъ они разрушали до основанія и стѣны; и только тогда я первый пришелъ къ мысли *снова поселиться въ Климатахъ*. Итакъ, изъ находящикся на лицо матеріаловъ я выстроилъ подлѣ него сперва одну крѣпостцу, имѣя въ виду, что отсюда легко будетъ населить (занять) и весь остальной городъ.

Именно ради этого и сѣверные берега Дуная: kai diá тоѣо γάρ kai tá Βόρεια τοῦ Ἰστροῦ. Слова эти, хотя и зачеркнутыя, весьма важны для объясненія отрывковъ. Они указываютъ на мѣсто, гдѣ совершаются событія, непосредственно затѣмъ описываемыя. Мы видимъ изъ нихъ, что, приступая къ изложенію враждебныхъ отношеній своихъ къ варварамъ, авторъ имѣлъ прежде всего въ своей мысли сѣверъ Дуная, его сѣверные берега или же страны. Нужно думать, что зачеркнутыя слова зачеркнуты только потому, что затрудняли дальнѣйшее настроеніе фразы, а не потому, чтобы мысль автора приняла другое направленіе, перескочила отъ Дуная къ сѣвернымъ бе-

регамъ Крыма. Другіе случаи такого же рода, то есть, исключенія и вымарыванія первоначальныхъ фразъ и рѣченій, говорятъ въ пользу того предположенія, что только требованія стили или ясности заставили автора измѣнить фразу, которая ему представлялась при первомъ замахѣ, но потомъ показалась неловкою или неудовлетворительною для выраженія мысли.

Мы отступили: ἀπέστημεν, recessimus ab illis (Hase); мы отдѣлились отъ нихъ (Поповъ). Н. П. Ламбинъ, согласно съ русскимъ вольнымъ изложеніемъ, переводитъ эти слова „отстали отъ нея“, объясняя ихъ такъ, что Херсонцы со своимъ правителемъ были сначала въ связяхъ, въ сношеніяхъ, въ союзѣ съ варварами, то-есть, съ Русью а потомъ отстали отъ союза, увидѣвъ его невыгоду для себя. Гораздо проще понимать выраженіе ἀπέστημεν въ его первоначальномъ физическомъ значеніи: „стали вдали, удалились, отступили“. Авторъ хочетъ сказать, что собственно онъ не могъ вести наступательной войны (πολεμεῖν), идти впередъ на враговъ, а долженъ былъ ограничиться болѣе скромнымъ образомъ дѣйствій, то-есть, оборонительною войною, и для этого отступилъ, остановился вдали отъ варваровъ. Только при такомъ объясненіи будетъ понятна оговорка, сдѣланная къ слову „воевать, начать войну“ и заключающаяся во фразѣ: ἦ, εἰ δὲ τι τὰ ληθῆ φαίναι—ἀπέστημεν (или, если слѣдуетъ сказать правду, отступили), а также и ближайшій мотивъ дѣйствія, обозначеннаго словомъ ἀπέστημεν, — мотивъ, выраженный придаточнымъ предложениемъ: δεισάντες τὸ μὴ φθῆναι ὅπ αὐτῶν ἀναρρέοντες (опасаясь, чтобы они, предупредивъ, не истребили насъ). Это гораздо больше, чѣмъ убѣжденіе въ невыгодѣ союза. Глаголь ἀφίστημι встрѣчается два раза уже въ первомъ отрывкѣ: ἔκνος—καὶ τὰ ἐξ ὀνειρών φαντάσματα—ἀπέστησαν (удалились, оставили насъ); τοῦ φροντίζειν καὶ τοῦ ποιεῖν ἀποστάντες (удалившись, освободившись отъ заботъ и трудовъ).

Имъ не была доступна какая-либо пощада даже въ отношеніи къ самымъ близкимъ: Οὐδὲ γὰρ τῶν οἰκιστῶν φειδῶ τις εἰσέει αὐτοῖς; nulla his inerat vel evga conjunctissimios continentia (Hase); они не дѣлали никакой пощады даже и близкимъ своимъ союзникамъ (Поповъ). А. А. Кунигъ замѣчаетъ, что на древне-греческомъ языкѣ οἱ οἰκιστῶται суть принадлежащіе къ семейству, домочадцы, и затѣмъ въ болѣе обширномъ смыслѣ, соплеменники, сродичи. На этомъ основаніи онъ полагаетъ, что и нападающіе свирѣпствующіе варвары, и страдавшіе отъ нихъ жители городовъ и вообще страны были *единоплеменники*, то-есть, по его толкованію, Хазары (О запискѣ топарха, стр. 116).

Образцомъ византійскаго словоупотребленія лучше всего можетъ служить именно Агаѳія, сочиненія котораго такъ ревностно изучались въ концѣ X вѣка. Царь Колхиды, Губазъ, вѣроломно убитый римскими генералами императора Юстиніана, и его подданные Грузины (οἱ Κολχοί), не были одноплеменны съ Греко-Римлянами, а между тѣмъ отношенія ихъ къ имперіи постоянно обозначаются терминомъ οἰ κείτοι, οἰ οἰκειότατοι. Такъ, въ своей обвинительной рѣчи, произносимой предъ судебною императорскою комиссіею, Колхи, стараясь доказать, что безнаказанность злодѣйства вредно подбѣиваетъ на расположеніе *въсѣхъ союзниковъ* (ἅπαν συμμαχικόν), говорятъ: „Не разорвутъ ли они договора, если подумаютъ, что вы были участниками злодѣянія? Не расудятъ ли, что если вамъ совсѣмъ непричастна пощада и справедливость даже въ *самыхъ близкихъ*..... то едва ли вы останетесь надежными для чужеземниковъ и постороннихъ“: Δοχιζόμενοι ὡς εἴ γε πρὸς τοὺς οἰκειοτάτους ὄμιν καὶ ξυνηθεὶς φειδοῦς ἤκιστα μέτεσσι καὶ δικαιοσύνης, σχολῆ γε ἂν βέβαιοι διαμνεῖσθε πρὸς τοὺς ἄλλογενεῖς καὶ ὀθνείους (Historici graeci minores, ed. Dindorf, II, 297). Впрочемъ здѣсь построение фразы еще какъ будто указываетъ на противоположеніе: τοῦ οἰκειοτάτοι τῷ ἄλλογενεῖς, и она скорѣе можетъ быть интересна по ея крайне замѣтному родству съ выраженіемъ нашего топарха. Дальнѣйшіе примѣры: наказавъ преступниковъ, Римляне доважутъ, что они не суть *предатели своихъ* (союзниковъ) (προδοῦναι τῶν οἰκείων, pag. 298). Убийцы Губаза сдѣлали все, чтобы вооружить противъ Римлянъ тѣхъ, которые прежде наиболѣе къ нимъ были близки—τοὺς πρῆν οἰκειοτάτους. Здѣсь οἰ κείοτατοι противопоставляются уже чуждымъ и еще незнакомымъ народамъ (τὰ ξένα καὶ ὀπλο γνῶριμα τῶν ἐθνῶν; pag. 300). Въ другихъ мѣстахъ у того же Агаѳія: pag. 212: ἐπὶ τῇ τῶν οἰκείων προδοσίᾳ—объ измѣнникахъ, передающихъ врагамъ извѣстія изъ *своей* арміи; pag. 213 въ началѣ: παρὰ τοῖς οἰκειοτάτοις,=τοῖς φιλάτοις (нѣсколько выше) о лицахъ, сопровождающихъ персидскаго генерала въ походѣ, но не живущихъ съ нимъ, по видимому, вмѣстѣ; просто въ значеніи *самыхъ близкихъ* друзей pag. 251: τὴν εὐνοίαν πρὸς τὸ οἰκεῖον καὶ ἔνσπονδον—въ смыслѣ союзниковъ; pag. 294 (опять о Губазѣ, но здѣсь не въ личномъ значеніи): φίλον καὶ ξυνηθεὶς καὶ ἔμμαχον καὶ ὁμοδίαιτον καὶ ὁμόσπονδον — — — καὶ τί δέ οὐχὶ τῶν οἰκειοτάτων κηκτημένον; pag. 340: ἐκ δὲ ἰκέτου καὶ ξένου κηδεστής βασιλέως καὶ οἰκειότατος: въ противоположности къ ξένος, чужой=близкій, а здѣсь, пожалуй, и родственнѣй. Предпоследній примѣръ ясно показываетъ, что можно быть οἰκεῖος и даже

οἰκειότατος кому-нибудь по различнымъ отношеніямъ: по дружбѣ, по союзу, по образу жизни, по договору и т. д. Οἰκειότατος значитъ вообще самый близкій въ какомъ бы то ни было отношеніи; въ нашемъ отрывкѣ, гдѣ рѣчь идетъ о союзникахъ, оно означаетъ самыхъ лучшихъ союзниковъ или самыхъ вѣрныхъ союзниковъ.

Задумали сдѣлать изъ ихъ [нашей] земли—какъ говорится, *добычу Мисьянъ*: Ἀλλὰ τὴν Μισῶν λεῖαν καλουμένην θέσθαι τὴν αὐτῶν [ἡμῶν] γῆν—μεμελετήθεσαν.—Замѣчательно, во первыхъ, то обстоятельство, что земля, опустошаемая варварами и населенная ближайшими ихъ союзниками, первоначально была названа нашею, то-есть, греческою страной, и только одумавшись авторъ счелъ за лучшее призвать ее принадлежащею имъ, то-есть, варварамъ: какъ будто дѣло идетъ о такой странѣ, на которую права владѣнія были нѣсколько сомнительны или спорны. Αὐτῶν не относится къ οἰκειοτάτων (союзникамъ), а именно къ самимъ варварамъ: они опустошали такимъ образомъ свою землю. Что касается до выраженія добыча *Мисьянъ*, то конечно, авторъ Отрывковъ о варяжскомъ вопросѣ (А. С. Гедеоновъ) сдѣлалъ ошибку, увидѣвъ въ немъ прямое указаніе на Болгарію, точно такъ какъ эту же ошибку, но только при гораздо менѣе смягчающихъ обстоятельствахъ сдѣлалъ и византинистъ Лебо (*Le Beau*, Histoire du Bas-empire, XIV, 433; ср. *Hase*, Notae in Leon Diac., pag. 409). Уже Газе указалъ, хотя и по другому поводу, но въ томъ же самомъ изданіи, въ которомъ читаются отрывки, что *λεῖα Μισῶν* есть просто греческая поговорка, proverbium, и сообщилъ при этомъ ссылки на сборники греческихъ пословицъ: Zenobii Centur., V, Proverb. 118; Diogeniani, Centur. VI, 232. Къ этому слѣдуетъ прибавить Georgii Cyprj Proverbia: *Migne*, t. 142. Ошибка г. Гедеонова указана Н. П. Ламбиннымъ и А. А. Куникомъ. Но если „добыча Мисьянъ“ и не есть еще добыча Болгарь, не смотря на обычное именованіе Болгарь Мисьянами у Византійцевъ, все-таки страна, изъ которой варвары хотѣли сдѣлать добычу Мисьянъ, можетъ быть признана Болгаріей на основаніи другихъ, болѣе положительныхъ соображеній.

Рушилась прежняя ихъ справедливость и законность, тогда какъ сперва они оказывали къ нимъ наибольшее уваженіе, и вслѣдствіе того, они сами достигли величайшихъ трофеевъ, а города и народы *добровольно* приступали къ нимъ: Ἀνατέτραπτο γὰρ τὸ πρὶν αὐτοῖς ἴσον καὶ δίκαιον· ἃ δὴ περὶ κλειστότου τιμῶντες, τὸ πρότερον τρόπαιά τε τὰ μέγιστα κατωρθώθεσαν, καὶ πόλεις καὶ ἔθνη αὐτεπαγγέλτως προσήεσαν αὐτοῖς. Evanuerat superior eorum aequitas et justitia: quas praecipue

colentes tropaea antehac maxima statuerant, adeo ut civitates et gentes ultro accederent illis.—Слова въ высшей степени замѣчательныя, если даже въ нихъ и не заключается того иностраннаго и почти современнаго свидѣтельства о признаніи Вараговъ-Руси Новгородскими Славянами, которое находилъ здѣсь Н. П. Ламбинъ. Мы согласны съ замѣчаніемъ А. А. Куника, что такой въ высшей степени почетный отзывъ уже никакъ не могъ быть примѣненъ къ дикарямъ Печенѣгамъ (die wilden Pesnaege Нибелунговъ), какъ это предположилъ было Д. И. Иловайскій. Но точно также мы не находимъ убѣдительными соображенія, по которымъ лестный отзывъ долженъ относиться къ Хазарамъ. Нигдѣ не найдемъ мы у Византійцевъ подобнаго отзыва о Хазарахъ, между тѣмъ какъ именно о *Русскихъ* Византійцы послѣдней четверти X столѣтія высказываютъ мнѣніе, очень близкое къ смыслу вышеприведенныхъ словъ. По крайней мѣрѣ Левъ Діаконъ, современникъ или почти современникъ нашего топарха, заставляетъ Русскаго князя Святослава въ своей Доростольской рѣчи къ сподвижникамъ говорить слѣдующее: „Изчезнетъ слава, до сихъ поръ слѣдовавшая за русскимъ оружіемъ, которому *безъ труда покорялись соседственныя народы, и безъ кровопролитія подчинялись чуждыя страны*, если мы теперь безславно уступимъ Римлянамъ“: Οἴχεται τὸ κλέος, ὃ τῇ Ῥωσικῇ πανοπλίᾳ συνείπετο, τὰ πρόσοικα καταστροφώμανῃ ἔθνῃ ἀκονητῇ, καὶ χάρας ὄλας ἀνδραποδιζομένη ἀναίψασι, εἰ νῦν ἀκλεῶς Ῥωμαῖοις ὑπέιθεμεν (pag. 151).—Сравни также pag. 140: οἱ (Ῥῶς) δόξαν παρὰ τῶν προσοικῶν ἔθνῶν ἔχοντες ἐν ταῖς μάχασι ἀπὸ τῶν ἀντιπάλων κρατεῖν, и pag. 150: Ταυροσκόδαи—ἔθνος—πᾶσι τοῖς ὀμόροις ἐπιτιθέμενον ἔθνεσι. „Народы подчинялись добровольно“ или же: „были покоряемы безъ труда и кровопролитія“—это, конечно, одно и то же, и помимо всякихъ другихъ соображеній, ужъ этотъ параллелизмъ выраженій Льва Діакона и нашего автора склоняютъ насъ въ пользу общепринятаго мнѣнія, что въ отрывкѣ идетъ рѣчь о Русскихъ. Но не слѣдуетъ находить въ немъ больше того, что въ немъ дѣйствительно заключается. Н. П. Ламбинъ наираетъ на выраженіе αὐτεπαγγέλτως, которое, по его объясненію, можетъ быть передано русскимъ нарѣчіемъ *самовозвѣстительно*, и которое указываетъ, что общины и племена *сами по своей доброй воли, возвыщенной чрезъ посольство*, подчинялись призваннымъ князьямъ. Соображеніе остроумное, но уже слишкомъ утонченное. Слово αὐτεπαγγέλτως есть, конечно, сложное, составное слово, и вторая его половина напоминаетъ существительное ἄγγελος, вѣстникъ; но производныя и сложныя слова рѣдко

удерживаютъ конкретность значенія, заключающагося въ коренныхъ и первообразныхъ словахъ. Уже глаголь ἐπαγγέλλομαι, находящійся въ ближайшемъ родствѣ съ интереснымъ нарѣчіемъ, просто значитъ „вызываюсь что-либо сдѣлать, обѣщаюсь“ и не заключаетъ въ себѣ непремѣнной идеи о посольствѣ. Сообразно съ этимъ, αὐτεπαγγέλτως значитъ добровольно и даже своевольно. Въ такомъ смыслѣ оно встрѣчается у Агаѳіи, и въ такомъ же смыслѣ и тамъ же нѣсколько разъ употребляется соотвѣтствующее ему прилагательное; см. Agath., pag. 298 (IV, cap. 5): καὶ τὰναντία τῶν εὐ διατεταγμένω αὐτεπαγγέλτως ἐξεργασμένοι (своевольно); *ibid.* pag. 254: ἐς συμμαχίαν αὐτεπάγγελτον προσλαμβάνοντες (добровольный); *ср.* pag. 258: εἰς αὐτεπάγγελτον ἤλασαν καχοδαμιονίαν (своевольный), и т. д. Отмѣчаемъ, сверхъ того, другія сходныя выраженія у Агаѳіи: pag. 220: Πέρσαις τὰ μὲν πρότερα ἔθη — ἀνατέτραπται; pag. 339: κατὰ βαρβάρων τῶν προσοικούντων ἔστησε τρόπαια; pag. 374: κατὰ Βανδύλων καὶ Γότθων ἀνεστήσατο τρόπαια. Какіе именно города и народы добровольно покорились (Русскимъ) варварамъ, на это (русская) исторія можетъ дать не одинъ, а нѣсколько отвѣтовъ; угадать, кого именно разумѣлъ авторъ записки, было бы слишкомъ трудною задачею, да едва ли и необходимою для объясненія нашихъ отрывковъ.

Несправедливость и безправіе въ отношеніи къ подданнымъ: ἀδικία καὶ ἀμετρία κατὰ τῶν ὑπηκόων; injustitia et intemperantia adversus subditos. *Подданные* и далѣ „подвластные имъ города“ (καὶ πόλεις ὑπηκόους)—выраженія сами по себѣ совершенно простыя и не требующія особаго объясненія, особенно въ виду дальнѣйшихъ намековъ самого автора записки. Изъ его словъ, сейчасъ же затѣмъ слѣдующихъ, видно, что положеніе этихъ „подданныхъ“ было нѣчто среднее между самостоятельностью и порабощеніемъ (ἀνδραποδίζεσθαι), и что, управляя въ добромъ порядкѣ, завоеватели или властители могли извлекать себѣ изъ этого выгоды: Καὶ πόλεις ὑπηκόους, ἀντὶ τοῦ θαραπεύειν καὶ συμφερόντως εὐνομεῖν, ἀνδραποδίζειν καὶ διαφθεῖρειν ξυνέθεντο. Газе переводить: neque ornare et ex re ipsarum administrare civitates dedititias, sed redigere in servitutem et excindere constituerant. Едва ли этотъ переводъ во всемъ вѣренъ. Авторъ записки настаиваетъ на томъ, что властители или завоеватели дѣйствовали именно безразсудно и безъ разбора, безъ соблюденія собственныхъ своихъ выгодъ: κατῶς καὶ ἀσυνφόρως, какъ онъ выразился выше. Власть разумѣется не какая-либо отвлеченная, идеальная либо далекая, а напротивъ, весьма реальная и присутствующая на лицѣ. Она далѣ обозна-

чается терминомъ „игемоніи“. Въ словахъ „жалуясь на своихъ властителей“ (συχελιάζοντες κατὰ τῶν ἡγεμόνων, conquerentes de dominis), подъ властителями разумѣются не какіе-либо начальники отдѣльныхъ грабительскихъ отрядовъ, а вообще *властвующій народъ*; ср. Agath., pag. 292 (IV, cap. 2): τῆ Γουβάζῃ—καταπροεμένῃ τοὺς—ἀνέχασεν ἡγεμόνας, τοὺς Ῥωμαίους φάμεν, а также pag. 266, пришлое господствующее населеніе или же дружина завоевателя. Первоначально власть эта была довольно дружелюбною и справедливою, но затѣмъ произошелъ рѣзкій поворотъ къ самой свирѣпой и варварской жестокости. Намъ авторъ не объясняетъ причины этой перемѣны, представляетъ ее слѣдствіемъ какаго-то неразумнаго стихійнаго и слѣпнаго порыва. Но съ точки зрѣнія варваровъ, по видимому, было не такъ: ихъ прежніе союзники или подданные какъ будто въ чемъ-то оправдывались, а они ихъ въ чемъ-то обвиняли или подозрѣвали. Сюда относятся слѣдующія выраженія: ὡς οὐκ ἀδικοῦεν βεβαίως δεικνόντες οἱ ἄνθρωποι (seque nihil mali commisisse liquido demonstrantes), и ниже: ἄνθρωποι τε, ἡδικοῦσας μηδὲν, προβληθέντες ἐπ' ὁμωσίᾳ, χειρῶν ἔργον καὶ εἴφους ἐγένοντο (incolae innocentes *pactis juratis traditi*, manibus obtruncabantur gladiisque hostilibus; у Попова подчеркнутыя слова оставлены безъ перевода). Выраженіе „προβληθέντες ἐπ' ὁμωσίᾳ“ не отличается ни правильностію, ни ясностію. Самое слово ὁμωσία не встрѣчается у классическихъ писателей и не можетъ быть отыскано въ словаряхъ (его нѣтъ въ Thesaurus linguae graecae). Но легко догадаться, что оно означаетъ клятву и стоитъ, вѣроятно, вмѣсто ὄρκ-ωμοσία (въ Новомъ Заветѣ), ὄρκος или ὄρκια. Гае перевелъ выраженіе ἐπ' ὁμωσίᾳ—*pactis juratis*, понимая его какъ условіе, на которомъ были *передаваемы или сдаваемы* жители городовъ и селъ, разоренныхъ варварами. Въ такомъ случаѣ нужно будетъ признаться, что и глаголь *προβάλλομαι* употребленъ нашимъ писателемъ въ весьма необычномъ значеніи. Намъ кажется, что будетъ проще придавать ему значеніе, требуемое и самою связью рѣчи, значеніе: обвинять: *προβληθέντες* значить обвиненные (*προβληθέντες ἀπέθανον*, Polyb., IX, 17). Тогда выраженіе ἐπ' ὁμωσίᾳ будетъ выражать причину или основаніе обвиненія, и ὁμωσία должно замѣнять или слово ἐπιорхία—нарушенную клятву, или же *ξυωμοσία*—заговоръ. По видимому, авторъ записки хотѣлъ избѣжать неловкаго выраженія „ἐπ' ἐπιорхία“ и только ради этого употребилъ совсѣмъ неизвѣстное слово. Итакъ, подданные варваровъ (Русскихъ) были заподозрѣны или только обвиняемы своими властителями въ нарушеніи клятвы

или присяги. Но въ самомъ значеніи глагола *προβάλλομαι* заключается указаніе на то, что обвиненіе не было справедливо, а служило только предлогомъ; такъ, по крайней мѣрѣ, хочеть представить дѣло авторъ.

2) *Жестокая судьба привела наконецъ и къ моей области.* — Въ первой главѣ втораго отрывка описывались бѣдствія, которыя обрушились на сосѣдей топарха — *τὰ γείτονα ἡμῶν καὶ πλησιόχωρα* = *τοῖς ταλαιπώροις ἡμῶν ἀστογείτοσι* (*vicinitates et confinia nostra* = *infelices conterminos nostros*). Во второй говорится объ опасностяхъ, которыя отъ тѣхъ же варваровъ грозили самой области топарха (*πρὸς τὴν ἡμῶν ἀρχήν*). Употребленіе слова *ἀρχή* въ смыслѣ государства, имперіи, области, находящейся подъ чьею-либо властію, очень обыкновенно (= *δύναμις καὶ χώρα*). Безъ особенной нужды Газе переводить по латини — *ad praesidium meum*, въ моему посту, лагерю, укрѣпленію, защитѣ; далѣе слово *ἀρχή* замѣнено словомъ *γῆ*, земля (*ἐσέβαλον εἰς τὴν γῆν ἡμῶν*, *in regionem nostram*, вторгнулись въ нашу землю).

Я ожидалъ этого и прежде... *ὑφορῶμενον μὲν ἐμοὶ καὶ πρότερον.* *Quam quia iam antehac egram veritus.* Не смотря на сходство выраженій, едва ли здѣсь идетъ рѣчь о тѣхъ же самыхъ опасеніяхъ, которыя чувствовалъ авторъ во время путешествія послѣ переправы черезъ Днѣпръ. Тамъ было сказано: *τὸ τῶν πολεμίων ὑφορᾶτο κακόν*, зло было ожидаемо, *προζήμιον* намъ отъ враговъ. Хотя враги могутъ быть одни и тѣ же, но моменты, по видимому, различны, какъ различны мѣста, въ когорыхъ находился авторъ тогда и теперь. Тогда онъ былъ въ непріятельской землѣ, теперь говорить объ опасеніяхъ за свою область и представляетъ себя въ ней находящимся.

Отвратилъ наиболее мудрымъ образомъ, какъ только умѣлъ, хотя при этомъ я самъ едва не подвергся послѣдней опасности: *Σοφώτατ' ὡς εἶχον ἀπεχρυσάμην, ἐμοῦ καίπερ τὰ ἔσχματα παρὰ μικρὸν κινδυνεύσαντος.* *Quam aptissima poteram repuli, quamvis in extremum raene periculum adductus.* „Какъ скоро оно (бѣдствіе) приблизилось къ намъ и жизнь наша была въ крайности, то я отразилъ его, не смотря ни на какую опасность“ (Поповъ). Слова „хотя я самъ при этомъ подвергался послѣдней опасности“ — могутъ, по видимому, относиться къ тѣмъ крайнимъ опасностямъ, которыя описаны были въ первомъ отрывкѣ; тогда нашъ авторъ дѣйствительно рисковалъ своею жизнію. Но едва ли изъ этого слѣдуетъ заключать, что непріатели въ первый уже разъ были отражены силою, и что, слѣдовательно, въ первомъ отрывкѣ описана военная экспедиція. При глаголѣ *ἀπεχρυσάμην*,

отразилъ стоитъ выраженіе σοφῶτατ' ὡς εἶχον, а не ἀνδρείοτατα, мудрымъ образомъ, а не мужественно, храбро; такъ что мы можемъ догадываться, что опасность была отвращена какимъ-либо дипломатическимъ способомъ, то-есть, сношеніемъ, переговорами либо съ повелителемъ самихъ варваровъ, грозившихъ нападеніемъ, либо съ какимъ-либо другимъ народомъ, способнымъ остановить „варваровъ“ или помѣшать имъ.

А что касается времени затѣмъ послѣдовавшю: Τὸ δὲ ἀπὸ τοῦτου (verum inde). Отсюда видно, что отраженіе, устраненіе опасности *предшествовало* тѣмъ событіямъ, тѣмъ прямымъ столкновениямъ съ варварами, которыя должны описываться далѣе, и которыя соотвѣтствуютъ прямой, открытой войнѣ, упомянутой уже въ началѣ второго отрывка. Вообще порядокъ изложенія у нашего автора представляется на первый взглядъ нѣсколько запутаннымъ и требуетъ особеннаго вниманія. Уже во второмъ отрывкѣ онъ три, или по крайней мѣрѣ, два раза возвѣщаетъ наступленіе одного и того же событія, то-есть, открытой войны съ варварами, и всякій разъ отклоняется отъ разказа о ней желаніемъ сдѣлать тѣ или другія объясненія. Въ началѣ отрывка сказано: „только тогда мы рѣшились воевать съ варварами“, а затѣмъ описывается поведеніе варваровъ, вслѣдствіе котораго столкновение сдѣлалось неизбежнымъ:

1) Они свирѣпствовали противъ своихъ собственныхъ подданныхъ, находящихся въ сосѣдствѣ съ (греческою) областію топарха.

2) Они уже грозили и самой его области, хотя на первый разъ ихъ нападеніе и было отвращено. Такимъ образомъ дѣйствіе, обозначенное словами: „я отвратилъ тогдашнюю язву и подвергся при этомъ послѣдней опасности“, въ самомъ дѣлѣ выходитъ изъ порядка событій, начинающихся объявленіемъ войны со стороны самого топарха, и можетъ быть считаемо тѣмъ путешествіемъ, которое описано въ первомъ отрывкѣ.

Между нами началась война безъ (предварительнаго) объявленія, при чемъ они уже не вступали съ нами въ сношенія: Πόλεμος ἀκηροχτι — — — ἐγένετο, ἐν ᾧ οὔτε ἐπεμίγνυον ἔτι παρ' ἡμῖν. Внѣшнимъ образомъ выраженія напоминаютъ слова Фукидида въ концѣ первой, а также въ началѣ второй книги, которыми онъ характеризуетъ отношеніе между Афинянами и Спартанцами предъ началомъ Пелопоннесской войны: Ἐπεμίγνυοντο δὲ ὁμῶς—καὶ παρ' ἀλλήλους ἐφοίτων, ἀκηρόχτως μὲν, ἀνοπόχτως δὲ οὐ (I, 146); Ἄρχεται ὁ πόλεμος ἐνθενδε ἤδη — — —, ἐν ᾧ οὔτε ἐπεμίγνυοντο ἔτι ἀκηροχτι παρ' ἀλλήλους (II, 1).

Здѣсь ἀκήροχτι означаетъ такое положеніе двухъ сторонъ, когда, не смотря на ихъ глухія враждебныя отношенія, на ссору (διαφοραὶ—πρὸ τοῦ πολέμου), обычныя связи еще не прерваны, и взаимныя сношенія совершаются безъ соблюденія формальностей, соблюдаемыхъ во время войны, то-есть, безъ посредства герольда и его жезла (ἀνεὺ κήροχαίου). Но фразеологія нашего автора, заимствованная у Фукидида, конечно, путемъ школьнаго преданія и школьнаго образованія, не имѣетъ, очевидно, надлежащаго точнаго смысла. Далѣе сказано, что, по крайней мѣрѣ съ одной стороны *всякія сношенія* были прерваны; а затѣмъ, когда идетъ рѣчь о другой сторонѣ, весьма неловко въ стилистическомъ отношеніи послѣ ἀκήροχτι=безъ герольдовъ, поставлено ἐκκλήροχτων (посылалъ *герольдовъ*)=съ герольдами. Слово ἀκήροχτι можетъ также обозначать такое положеніе воюющихъ сторонъ, когда уже не допускаются никакія сношенія, не принимаются никакія мирныя предложенія, даже дѣлаемыя чрезъ герольдовъ, однимъ словомъ—войну непримиримую (πόλεμος ἄσπονδος καὶ ἀκήροχτος). Такой смыслъ имѣетъ фраза у Льва Діакона (pag. 29): ἀκήροχτον ἔφερε πόλεμον. Но и это значеніе не идетъ къ нашему отрывку; изъ дальнѣйшихъ словъ слѣдуетъ, что пока не было еще непримиримой войны, и положеніе точнѣе обозначалось мирными попытками съ одной стороны, перерывомъ сношеній съ другой, и только нѣкоторыми враждебными столкновеніями (=ἀμαχητὶ ἦμεν, nec sine praeliis mutuis res gesta est, между нами дѣло не обходилось безъ оружія), при чемъ варвары еще и не вторгались собственно въ область топарха. Мы рѣшились, поэтому, перевести слово ἀκήροχτι ближе къ его первоначальному простому этимологическому значенію: „безъ возвѣщенія, безъ предварительнаго объявленія“, тѣмъ болѣе, что и въ классическомъ языкѣ такое значеніе имѣетъ себѣ аналогію (у Геродота, V, 81), и у образцоваго византійскаго писателя, то-есть, у Агаѳіи, встрѣчается нѣчто подобное: II, с. 18, pag. 209: ἐσβολὰς ἀκλήροχτος въ противоположность ἐμφανεῖς παρτάσεις, слѣдовательно, болѣе тайныя неожиданныя набѣги въ противоположность открытымъ, правильнымъ сраженіямъ. И Зонара въ разказѣ о нашествіи Русскихъ въ 1043 г. употребилъ выраженіе: „ἀκήροχτον ἐπέσειε πόλεμον“ въ подобномъ же значеніи (=ἀπροφάσιστον πόλεμον Пселла). Итакъ, греческій топархъ имѣлъ дѣло съ такими варварами, отъ которыхъ можно было ожидать соблюденія извѣстныхъ международныхъ обычаевъ, или съ такимъ ихъ предводителемъ, который какъ будто долженъ былъ сказать „иду на васъ“. Во всякомъ случаѣ, въ объясненныхъ нами предложеніяхъ, нашъ ав-

торъ имѣлъ намѣреніе обозначить нѣкоторый промежутокъ между приближеніемъ первой опасности, устраненной какимъ-то мудрымъ способомъ, и наступленіемъ явной открытой войны: это былъ промежутокъ недружелюбныхъ, враждебныхъ отношеній, военныхъ случайныхъ столкновеній, но еще не прямой, заявленной или непримиримой войны. Скоро, однако, глухая борьба, неоткрытая война превратилась въ явную войну.

И вотъ война тотчасъ началась: καὶ ὁ μὲν πόλεμος εὐθὺς ἤρξατο. Членъ стоитъ здѣсь при словѣ „война“ или потому, что эта война разсматривается какъ прямое продолженіе сейчасъ описанныхъ враждебныхъ отношеній (обозначенныхъ просто словомъ „πόλεμος“, безъ члена), или же скорѣе потому, что авторъ, послѣ отступленія, сдѣланнаго для объясненія предшествовавшихъ обстоятельствъ, снова пришелъ къ тому пункту, которымъ началъ свой второй отрывокъ, то-есть, къ войнѣ, которую онъ рѣшилъ вести, или лучше сказать, встрѣтить: *эта война* и началась. Итакъ: πόλεμαῖν ἔγνωμεν (bellum inferre decrevimus)..... καὶ ὁ μὲν πόλεμος εὐθὺς ἤρξατο (ita bellum continuo exarsit),—вотъ два прямо связанные, непосредственно одинъ за другимъ слѣдующіе момента. Эта связь, очевидно, остается, если даже примемъ въ расчетъ и πόλεμος ἀκροῦχτι=враждебныя дѣйствія, предшествовавшія открытой войнѣ. Отсюда опять слѣдуетъ, что устраненіе первой опасности было достигнуто не путемъ *военныхъ* дѣйствій противъ варваровъ. Война началась, какъ сказано далѣе, при началѣ зимы, когда солнце было уже не далеко отъ зимняго поворота. Въ текстѣ своить χειρῶν, но очевидно, читать слѣдуетъ χειμεριῶν (то-есть, τροπῶν), какъ это и предложилъ Газе. Затѣмъ, это слово выстѣ съ предыдущими было зачеркнуто, опять написано и снова зачеркнуто.

Вторгнулись въ нашу землю съ коннымъ и тышимъ войскомъ: Ἐσεβάλοιν εἰς τὴν γῆν ἡμῶν, ἰππικῶ τε ἄρα καὶ πεζῶ. Уже выше было замѣчено, что „наша земля“ есть то же самое, что и „моя область“ (ἡ ἐμὴ ἀρχή), упомянутая выше. Но сверхъ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и земля, принадлежащая сосѣдямъ, въ которой ранѣе свирѣствовали варвары, могла быть названа тоже „нашею землею“, то-есть, конечно, греческою: по крайней мѣрѣ, такъ выразился было нашъ авторъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ „*конное и тышее*“ войско. Мы ужъ обнаружили свою склонность подъ „варварами“, которые покорили себѣ много городовъ и странъ, а потомъ стали свирѣствовать противъ своихъ подданныхъ,—разумѣть Рус-

скихъ. Нужно предвидѣть противъ этого такое возраженіе, что ни Славяне, которые съ давняго времени жили въ нынѣшней Россіи, ни варяжскіе мореходы не были *конниками*. О послѣднихъ говорится, что „они верхомъ ѣздить не умѣли“. А что касается Славянъ, то еще Тацитъ сказалъ о Вenedахъ, сосѣдахъ Финновъ, что они *pedum usu et pernecitate gaudent* и тѣмъ отличаются отъ Сарматовъ, *in plaustro equoque viventibus*. То же самое повторяетъ—чуть не черезъ пятьсотъ лѣтъ послѣ—и Прокопій объ Антахъ и Славянахъ: *κεῖν ἔεις τοὺς πολεμίους—ἴασιν* (*pedibus tendunt in hostem*). Слуста четыре вѣка съ половиною, Левъ Діаконъ снова говоритъ о Скивахъ, то-есть, о Руси Святослава, что они пѣхотинцы, и сражаться на лошади для нихъ дѣло непривычное, потому что они въ этомъ не упражняются (pag. 134). То же самое повторено у него еще разъ прямо о Руси: „народъ, сражающійся пѣшкомъ и совсѣмъ не умѣющій ѣздить на конѣ“ (pag. 140, см. еще pag. 150). Этого достаточно, чтобы признать предпочтеніе къ пѣшему бою совершенно серьезнымъ и прочнымъ признакомъ Славянъ и Русскихъ, достаточно вполне для обличенія несостоятельности фантастической роксоланской теоріи¹⁾.

¹⁾ *Роксоланы*, по словамъ того же самаго Тацита, который рѣзко отдѣляетъ Венедовъ (Славянъ) отъ Сарматъ, суть *Sarmatica gens*; въ вторыхъ, они исключительно *конники*. По поводу ихъ вторженія въ Мезію, въ количествѣ девяти тысячъ *всадниковъ*, Тацитъ сообщаетъ намъ весьма отчетливую характеристику ихъ: *Namque mirum dictu, ut sit omnis Sarmatarum virtus velut extra ipsos. Nil ad pedestrem pugnam tam ignavum: ubi per turmas advenere, vix ulla acies obstiterit*; третьихъ, Венеды тѣмъ имѣютъ сходство съ Германцами, что *domos figunt et scuta gestant* (Germ.), а Роксоланы и вообще Сарматы—кочевники и легваго вооруженія и щитовъ не употребляютъ: *neque enim scuto defendi mos est*; см. Taciti Histor., I, 79. Послѣ этого считать Роксоланъ Славянами и предками Русскихъ Славянъ—просто нелѣпо. Венеды Тацита суть позднѣйшіе Анты и Славяны Прокопія и другихъ Византійцевъ: это ужъ обнаруживается изъ сходства быта и считается общепризнанною истиной. Утверждать, что Анты и Славяны не суть Венеды (Venedi), а прежніе Роксоланы, совершенно непохожіе на Венедовъ или Славянъ, значить—вносить въ исторію никому не нужную путаницу и совершенно незаконный произволъ, которому равняется только забавное превращеніе Роксоланъ въ Росс-алановъ. Ссылаться на Певтингерову карту въ доказательство того, что Роксоланы не исчезли изъ исторіи до VI в., значить—не имѣть никакого понятія о происхожденіи карты. Въ послѣднее время Дежардэнъ, ея издатель, показалъ, что она не была составлена вдругъ и за одинъ разъ, а напротивъ элементы, изъ которыхъ она образовалась, принадлежатъ различнымъ эпохамъ: времени Августа, царствованію Траяна, половинѣ IV вѣка, царствованію Юстиніана, наконецъ—кое-что прибавлено въ XIII вѣкѣ: Италия,

Но это нисколько не может помѣшать намъ видѣть Русскихъ въ лицѣ „варваровъ“ нашего отрывка. Пѣшій народъ все-таки скорѣе способенъ сдѣлаться коннымъ, чѣмъ стеной наѣздникъ—превратиться въ пѣхотинца. Левъ Діаконъ принимается ровно четыре раза говорить о неспособности Русскихъ въ конному бою; но по крайней мѣрѣ, одинъ разъ онъ уже дѣлаетъ ограниченіе. Во время Доростольской осады Синои (разумѣется—Русскіе) сдѣлали вылазку на лошадахъ, и по этому случаю Левъ Діаконъ замѣчаетъ, что здѣсь *въ первый разъ они явились въ такомъ видѣ, то-есть, конными*, а вообще имѣютъ привычку сражаться всегда пѣшкомъ и такъ далѣе (pag. 143). Впрочемъ, возраженіе, нами предполагаемое, еще легче можетъ быть устранено указаніемъ на обычай Русскихъ князей нанимать конницу у Туркскихъ степныхъ народовъ. Въ войнѣ Святослава съ Греками его союзниками были Печенѣги и Угры.

Мы имѣли *мѣстопребываніе въ городѣ совершенно разрушенномъ*: Ἐπὶ χητεσχαρμένῃ πόλει τὴν οἰκησιν. ποιοῦμένων ἡμῶν. Выше было сказано, что варвары могли разчитывать на *слабость стѣны*, которая защищала топарха; далѣе разрушенный городъ сравнивается съ открытымъ селеніемъ, на которое онъ болѣе походилъ. Все это просто, хотя и не лишено значенія. Совершенно вѣрно замѣчаніе А. А. Куника, что тутъ не можетъ идти рѣчь о Корсуніи. Но особеннаго вниманія требуетъ то, что слѣдуетъ далѣе. Впервые, авторъ записки здѣсь же написалъ было о нападеніи и отраженіи варваровъ. Затѣмъ онъ написанное и обозначенное въ нашемъ переводѣ скобками зачеркнулъ, но только для того, чтобы перенести тѣ же самыя слова—даже съ тѣми же грамматическими ошибками (ἀποβάλλοντες вмѣсто ἀποβαλόντες)—на другое мѣсто (въ началѣ третьяго отрывка). Причина, почему онъ сдѣлалъ это, совершенно очевидна. Онъ опять почувствовалъ потребность воротиться назадъ, сообщить нѣкоторыя объясненія, заимствованныя изъ прошедшаго. Мы находились въ разрушенномъ городѣ,—скорѣе въ селеніи, чѣмъ въ городѣ: далѣе идетъ рѣчь о томъ, какъ это случилось, то есть, кѣмъ былъ разрушенъ городъ, и какъ въ него попали осажденные... Од-

напримѣръ, изображена такъ, какъ она дѣлилась при Августѣ, Дакія—такую, какъ она была при Троянѣ, и т. д. Это не значить, что «Певтингеровы таблицы обнимаютъ время отъ Августа до Юстиніана *включительно*» (?!). Именно полное отсутствіе именъ, сдѣлавшихся известными въ вѣкъ Юстиніана, доказываетъ, что придунайскія области (Дакія) изображены на картѣ не въ томъ видѣ, какъ онѣ были въ VI вѣкѣ, а гораздо ранѣе.

нимъ словомъ, все то, что будетъ слѣдовать до новаго повторенія словъ, заключенныхъ здѣсь, все это будетъ относиться къ предидущему времени. Но и внутри этого промежуточнаго вставочнаго мѣста должны быть отличаемы два или три различные момента: 1) территория, гдѣ находилась крѣпость, была разрушена тѣми же самыми варварами; 2) послѣ авторъ записки избралъ здѣсь мѣсто для поселенія, рѣшился возстановить городъ и началъ строить пока крѣпостцу; 3) когда крѣпостца была выстроена, и весь городъ сталъ населяться, тогда началась война... Послѣдній моментъ указывается уже въ третьемъ отрывкѣ, который сейчасъ слѣдуетъ. Тамъ снова, еще разъ, повторена будетъ фраза о началѣ войны: καὶ ὁ πόλεμος ἤρξατο. Слѣдовательно, крѣпостца строилась, и городъ возстановлялся въ то время, когда варвары свирѣпствовали по сосѣдству надъ своими союзниками и подданными, или вообще когда они тамъ утвердились. А опустошеніе территоріи и разрушеніе старыхъ городскихъ стѣнъ относится ко времени болѣе раннему, вѣроятно, ко времени перваго появленія варваровъ въ подразумеваемыхъ мѣстахъ. Былъ ли здѣсь авторъ нашихъ отрывковъ во время этого опустошенія? Принадлежала ли вообще эта территорія Грекамъ, и была ли въ ихъ рукахъ тогда, когда здѣсь хозяйничали прежде варвары? Яснаго отвѣта на эти вопросы нѣтъ. Но судя по равнодушному тону замѣчанія о разореніи территоріи тѣми же самыми варварами, можно думать, что это мало касалось нашего топарха и вообще интересовъ его верховнаго правительства. Прибавимъ, что, быть можетъ, глаголь ἀπέστημεν (отступили) въ началѣ объясняемаго отрывка относится къ избранію авторомъ новаго пункта для своего поселенія (именно въ прежде разрушенномъ городѣ).

Эта область (земля) ранѣе того была уже разорена самими варварами. Ἡ γῆ γάρ προκατέσκαπτο παρ' αὐτῶν τῶν βαρβάρων. Vastata enim prius fuerat ab ipsis barbaris regio. Ἡ γῆ—прежде говорилось ἡ γῆ ἡμῶν, наша земля. Авторъ до такой степени любитъ повторять одни и тѣ же обороты и слова, что, быть можетъ, опущеніе слова „ἡμῶν“ (наша) не лишено значенія...

При чемъ они разрушали до основанія стѣны: Ἐκ βάθρων αὐτῶν καταβαλλόντων τὰ τείχη. Muris solo aequatis. Почему сказано разрушали, а не разрушили (καταβαλλόντων)? Были ли еще другіе города и другія стѣны въ этой территоріи или области (γῆ), разоренной варварами? Или же здѣсь такая же ошибка въ правописаніи, какая сдѣлана авторомъ еще два раза въ рукописи (ἀποβαλλόντες) вмѣсто

ἀποβαλόντες: примѣчаніе Газе на стр. 501 и 503)? Намъ кажется вѣроятнымъ послѣднее.

И только тогда я первый пришелъ къ мысли поселиться въ Климатахъ: Καὶ τότε ἀρχὴν ἐμοῦ πρώτου πάλιν οἰκῆσαι τὰ κλήματα διανοησαμένου. Ego autem tunc demum habitare denuo Clemata primus constitueram. Поповъ: „Тогда я рѣшился поселиться въ Климатахъ“. — Тότε ἀρχὴν (tunc demum ἀρχὴν—ἐξ ἀρχῆς съ начала) то есть, послѣ того, какъ область была разорена, и стѣны города были разрушены. Ἐμοῦ πρώτου: итакъ, до разоренія города варварами ни самъ топархъ, ни его предшественники не имѣли въ немъ своего мѣстопробыванія, какъ мы это и выше предполагали, но тѣмъ не менѣе городъ былъ населенъ. Въмѣсто οἰκῆσαι (habitare) самъ Газе предлагаетъ поправку οἰκίσαι (instaurare): поправка совсѣмъ не нужная. А. А. Куникъ, принимая ее, указываетъ на заключительное слово разбираемаго отрывка (οἰκισθήσεσθαι); но тамъ глаголь οἰκίζω—instaurare—совершенно на мѣстѣ, потому что идетъ уже рѣчь о *возстановленіи* разрушенныхъ стѣнъ, а здѣсь идетъ рѣчь о рѣшеніи *поселиться* въ данномъ мѣстѣ. Οἰκῆσαι = οἰκησιν ποιήσεσθαι, выраженіе, употребленное двумя строками выше. Въ третьемъ отрывкѣ опять стоять: φηκεῖτο γὰρ ἡ πόλις. У Льва Діакона точно также употребляется глаголь οἰκέω въ видѣ глагола дѣйствительнаго (transit): ἀπελαθέντα πρὸς τῶν Σκοθῶν, αὐθις Θεσσαλίαν οἰκῆσαι (pag. 150 объ Ахиллесѣ). У другихъ Византийцевъ: δε (о св. Платонѣ) καὶ τὸν Ὀλυμπὸν ἐκ νεοῦ οἰκῶν (Vita Theodori Studitae: *Migne*, p. 121). Καὶ ἐξελθὼν ἀπὸ Ῥώμης οἰκησεν τὴν Ῥάβενναν (о Теодорикѣ готскомъ *Chron. Paschale* I, 327) и т. д. Итакъ, топархъ первый изъ представителей (греческой) власти *поселился* въ Климатахъ. *Климаты* — *Κλήματα* — это, очевидно, тотъ *городъ* (πόλις), стѣны котораго нѣкогда были разрушены варварами до основанія, и который, вслѣдствіе разрушенія, имѣлъ болѣе видъ селенія (κώμη), чѣмъ города. Существовалъ ли когда-нибудь въ Крыму *городъ* Климаты, объ этомъ мы разсуждаемъ далѣе. Но здѣсь же мы замѣтимъ, что невнимательность къ значенію, въ которомъ употребляется въ нашихъ отрывкахъ слово *Κλήματα*, было главною причиною невѣрнаго объясненія любопытнаго документа.

Второй отрывокъ кончается словами: Τοίγαρτοι φρούριον μὲν τὸ πρῶτον ἐκ τῶν ἐνόντων ἐξωκοδόμησα παρ' αὐτὴν, ὡς ἐκ τούτου ράδιως καὶ τὴν ἄλλην ἅπασαν πόλιν οἰκισθήσεσθαι. Quare in principio iuxta or-

pidum *pro facultatibus* feceram castellum, quod inde facile reliquam quoque civitatem instaurari posse.

Ἐκ τῶν ἐνόντων Газе переводить *pro facultatibus* (по возможности), но здѣсь, кажется, τὰ ἐνόντα имѣть болѣе конкретный смыслъ— то, что тутъ было, находящіяся на лицо матеріалы. Παρ αὐτῆν то-есть, πόλιν, хотя собственно мѣстоименіе относится къ τὰ κλήματα (согласованіе по смыслу). Далѣе же—τὰ κλήματα—прямо получаетъ титулъ *города* (ἄλλην—πόλιν).

5.

Третій отрывокъ и объясненія къ нему.

И она (крѣпость) была выстроена съ большою поспѣшностію и ограждена была рвомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ... началась война. Крѣпость была раздѣлена между отдѣльными семьями, и въ ней было положено на сохраненіе все наиболѣе цѣнное; а то, что затѣмъ оставалось, было помѣщено внѣ ея, въ другой оградѣ города. Ибо ужь и весь городъ сталъ населяться; а крѣпость приготовлена была для того, чтобы спасти насъ въ большой опасности [сохранялось]. Но варвары, потерявъ тогда многихъ и подвергшись посрамленію, къ ночи ушли, поопасись утра; а я вмѣстѣ съ зарею вывелъ войско съ намѣреніемъ вступить въ бой. У меня было тогда немногимъ болѣе ста всадниковъ, а пращниковъ и лучниковъ не болѣе трехъ сотъ. Не вида нигдѣ варваровъ, я занялся тѣмъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ было полезно, воздвигая *старую стѣну* и научая своихъ лучше приготовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я разослалъ гонцовъ къ тѣмъ, *которые держались насъ*, приглашая ихъ къ себѣ (и при этомъ) имѣя въ виду принять окончательное рѣшеніе. [Но боясь, чтобы опять съ большею силою не при.... И съ болѣшимъ войскомъ не пришли, когда же составилось вѣче, о томъ, что я тогда сказалъ...]. Когда они пришли со всѣхъ сторонъ, и составилось вѣче изъ лучшихъ людей, то я держалъ рѣчь, въ которой объяснялъ, какихъ *господъ* (властителей) болѣе нужно желать, и какихъ, получивъ какую пользу, нужно стараться извлекать изъ нихъ и вообще что теперь слѣдуетъ дѣлать: о чемъ я говорилъ тогда и все то, что я сказалъ, было бы слишкомъ длинно излагать здѣсь по порядку, еслибы даже я и цѣнилъ это (свою рѣчь) болѣе всего.

Но или потому, что они никогда будто бы не воспользовались благорасположеніемъ императорскимъ и не заботятся болѣе о еллинскихъ обычаяхъ, а прежде всего стремятся къ независимости, или

потому что они сосѣдять съ тѣми, кто царствуетъ на сѣверѣ Дуная, и вмѣстѣ съ тѣми, могучь большимъ войскомъ и надмевается силою въ бояхъ, и (потому наконецъ, что) не отличаются по обычаямъ отъ тамошнихъ (жителей) въ своемъ собственномъ быту (такъ или иначе, но) они рѣшили заключить съ нимъ миръ и передаться ему, и сообщая всѣ подали голосъ, что и я долженъ сдѣлать то же самое. И такъ, дабы наши владѣнія остались сохранными, я отправился къ нему и былъ принятъ имъ наилучшимъ образомъ, какъ только всякій могъ для себя пожелать. По возможности въ краткой бесѣдѣ я порѣшилъ съ нимъ обо всемъ; и онъ счелъ это дѣло болѣе всего важнымъ, охотно далъ мнѣ опять всю власть надъ Климатами и присоединилъ къ этому цѣлую сатрапію, а сверхъ того, подарилъ въ своей землѣ достаточные ежегодные доходы.

Третій отрывокъ, очевидно, составляетъ непосредственное продолженіе втораго. Крѣпостца, о которой было выше сказано, здѣсь представляется выстроенною. Когда началась война: καὶ ἄρα τούτων... καὶ ὁ πόλεμος ἤρξατο (una cum his... bellum quoque inserit). На мѣстѣ, означенномъ точками, стояло еще какое-то слово, но оно зачеркнуто такъ, что невозможно было разобрать его. Война, которая началась, есть та самая война, которая уже нѣсколько разъ возвѣщается была нашимъ авторомъ во второмъ отрывкѣ (см. выше).

Городъ населялся: φηεῖτο γὰρ ἡδὴ καὶ ἡ πόλις ἅπασα (habitabatur enim tunc urbs iam tota): Выше объяснено, какой городъ разумѣется: это городъ, называемый *Климатъ*. Ὁμικεῖτο imperfectum въ смыслѣ inchoativ.

Сохранялось ἐτηρεῖτο,—слово, которымъ должно было начинаться какое-то новое предложеніе, вѣроятно, относящееся къ сохраненію имущества или же къ средствамъ охраненія крѣпости и мѣръ наблюденія за врагами. Но предложеніе не было докончено авторомъ, а первое слово его осталось не зачеркнутымъ вслѣдствіе забывчивости.

Ἄλλ' οἱ μὲν βάρβαροι τότε αὐτῶν ἀποβάλλοντες καὶ κατασχοῦνθῆντες ἀπήσαν πρὸς νόκτα... Слова эти разъ уже были написаны авторомъ — во второмъ отрывкѣ, но зачеркнуты тамъ — по известной намъ причинѣ (см. выше). Тамъ и здѣсь авторъ написалъ: ἀποβάλλοντες вмѣсто ἀποβαίνοντες; это, конечно, неправильно, но любопытно то, что, по видимому, подобная же ошибка встрѣчается въ текстѣ Льва Діакона (см. pag. 59, lin. 20: ἀποβάλλοντες и примѣч. Hase, Fort. ἀποβαίνοντες). Далѣе: въ первый разъ было написано κατασχοῦνθέντες, что правильно, а во второй — κατασχοῦνθηθέντες, что уже представля-

еть грамматическую ошибку; πρὸς ἐσπέραν первой редакціи замѣнено здѣсь словомъ πρὸς νόκτα.

Поопасишь утра = φυλάτταντες τὸ περίορθρον (у Газа: servato diliculo?).

Воздвигаю старую стѣну: τεῖχος μὲν τὸ παλαιὸν ἀνεγείρων; то есть, стѣну города „Климаты“, разрушенную варварами при прежнемъ ихъ нашествіи на территорию этого города. Παλαιόν = ἐκ τῶν ἐνότων.

Я разослалъ гонцовъ къ тѣмъ, которые держались насъ: Πρὸς τοὺς ἡμῖν προσέχοντας δρόμῳ κήρυκας ἔπεμπον. Eos autem qui ditionis nostrae erant, nunciis cursim missis accessivi. Поповъ: „Я разослалъ къ моимъ союзникамъ вѣстниковъ съ приглашеніемъ.“ — Мы думаемъ, что нашъ болѣе буквальный переводъ точнѣе передаетъ смыслъ подлинника; ср. Agath., pag. 252 (III, 10): τοῦτοις οὖν, εἴπερ εὐφρονοῦμαι, οὐ προσεχτέον οἷς οὔτε τὰ τῆς γνώμης ἀρίστα ἐρύχεται и т. д. — такъ говорится въ рѣчи, въ которой союзники Римлянъ склоняются къ отпаденію отъ нихъ (слѣдовательно: не нужно *держаться тѣхъ*, которые не отличаются наилучшимъ образомъ мыслей). Удареніе въ приведенной фразѣ лежитъ на словѣ „намъ“ (ἡμῖν). Мы уже знаемъ изъ втораго отрывка, что „сосѣдственная и близкая область“ (τὰ γέτονα καὶ πλησιόχωρα ἡμῖν) находилась во власти или же союзѣ варваровъ, хотя она могла считаться также принадлежащею Грекамъ (см. выше — объясненіе словъ: ихъ [нашей] земли). Оставались однако, вблизи Климатовъ такіе обитатели, которые еще не перешли на сторону варваровъ, а продолжали быть вѣрными другой власти. Видно, что ихъ было не очень много, если они могли быть созваны такъ скоро посредствомъ пѣшихъ гонцовъ (δρόμῳ κήρυκας). Видно, что они не участвовали въ оборонѣ крѣпости и города Климатовъ и не были въ числѣ тѣхъ „своихъ“ (= τοὺς ἐμούς) людей топарха, которыхъ онъ только что наставлялъ приготовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Итакъ, гарнизонъ крѣпости и его начальникъ, нашъ топархъ, были здѣсь людьми чуждыми, пришлыми, какъ это и оказывается далѣе съ болѣею ясностію. Наконецъ, и тѣ, которые „держались“ топарха и его земляковъ, не были особенно крѣпко привязаны къ нему и уже готовы были передаться вслѣдъ за другими той же варварской власти.

Составилось вѣче изъ лучшихъ людей: ἐκκλησίας ἐκ τῶν ἀρίστων γενομένης. Вѣче изъ лучшихъ людей, конечно, не есть вѣче (ἐκκλησία) въ настоящемъ смыслѣ этого слова. А что касается „лучшихъ“ людей, то нѣтъ общества или народа, среди котораго такіе лучшіе люди не могли бы быть отысканы. Такъ, Русскій князь Святославъ, замѣтивъ,

что *Бомары* стали склоняться на сторону Грековъ, собралъ тѣхъ изъ нихъ, которые отличались *родомъ и значеніемъ*. Такъ какъ число явившихся на приглашеніе простиралось до 300 человекъ, то такое собраніе тоже могло быть названо вѣчемъ, хотя оно въ дѣйствительности и кончилось вѣроломнымъ избіеніемъ болгарской аристократіи. См. Leonis Dias. Histor., pag. 139: ὁρῶν δὲ Μουσούς τῆς ἐκείνου μὲν ἐταρίας ἀφηνιάζοντας, τῇ δὲ βασιλεῖ προσχωροῦντας, — τοὺς γένει καὶ δυναστεία διαφέροντας συνειλοχῶς τῶν Μουσῶν, εἰς τριακοσίους ἀριθμουμένους и т. д.

То я держалъ рѣчь.—Содержаніе этой рѣчи изложено слишкомъ въ общихъ чертахъ и притомъ нѣсколько запутанно: ἃ μὲν εἶπον ἐγὼ τότε, καὶ ὡς οἶων δεσποτῶν μᾶλλον ἀντιποιεῖσθαι προσήκει, καὶ πρὸς οἷους ἐλθόντας τίνα ὠφέλειαν πειρᾶσθαι ἀπ' αὐτῶν εὐρίσκειν, καὶ τί ποιητέον ἐστί, καὶ τᾶλλα πάντα, ὅσα τότε εἶπον ἐγὼ, ἃ καὶ παντὸς μᾶλλον τιμησαίμην, μακρὸν ἂν εἴη πάντα ἐφεξῆς λέγειν βούλεσθαι. Quos tunc ego sermones habuerim, qui domini potius essent expetendi, ad quos venire quamque commoditatem conari oporteret ab illis percipere, quid denique faciendum esset, et cetera universa a me dicta, quae ipse quoque reliquis omnibus praestabilia duxissem, longum est singula ordine dicere velle.— Построеніе періода здѣсь слѣдующее: 1) ἃ μὲν εἶπον ἐγὼ — καὶ τᾶλλα πάντα, ὅσα, τότε εἶπον ἐγὼ—μακρὸν ἂν εἴη πάντα ἐφεξῆς λέγειν βούλεσθαι: было бы слишкомъ длинно, еслибъ я захотѣлъ по порядку излагать то, о чемъ я тогда говорилъ, и все то, что я именно сказалъ тогда; 2) еслибъ я даже и цѣнилъ это (то-есть, свою рѣчь) болѣе всего (ἃ καὶ παντὸς μᾶλλον τιμησαίμην); 3) тѣмъ не менѣе краткія указанія на то, о чемъ говорилъ (содержаніе рѣчи: ἃ εἶπον), сдѣланы авторомъ въ слѣдующихъ вставочныхъ предложеніяхъ:

- a) οἶων δεσποτῶν μᾶλλον ἀντιποιεῖσθαι προσήκει (какихъ господъ нужно желать себѣ);
- b) πρὸς οἷους ἐλθόντας (къ какимъ господамъ они пришли).
- c) τίνα ὠφέλειαν πειρᾶσθαι ἀπ' αὐτῶν εὐρίσκειν (какую пользу они могутъ изъ нихъ извлечь);
- d) τί ποιητέον ἐστί—(что слѣдуетъ дѣлать).

Отсюда видно, что рѣчь нашего топарха была построена по всѣмъ правиламъ риторики, и конечно, имѣла большое сходство съ другими образцами византійскаго краснорѣчія: извѣстно, что это наследіе древней свободной Эллады имѣло все-таки большое приложеніе въ публичной жизни Ромэевъ. За приступомъ слѣдовало общее изложеніе темы: какихъ господъ или властителей долженъ желать себѣ каждый

народъ или же всякое общество. Здѣсь, разумѣется, дѣлалось различіе между варварами и Римлянами-Греками, между христіанскою имперіей и чуждымъ ей міромъ. О варварахъ весьма кстати было сказать, что они дерзки и наглъ въ отношеніи къ подданнымъ: *θαρραλεώτεροι πρὸς τοὺς ὑπείχοντας καὶ ὑπερφρονεῖν εἰδιζμένοι τὸ θαρραλεῶν*; что они непо- стоянны и измѣнчивы въ своемъ расположеніи: *ταῖς μεταβολαῖς τῶν αἰῶν παρόντων ἠδόμενοι*; что отъ нихъ безъ всякой причины, а только вслѣдствіе прирожденной варварамъ жестокости и кровожадности, по- страдали жесточайшимъ образомъ города и области, покорившіеся имъ добровольно и находящіеся въ сосѣдствѣ: *πεπορόθηται πρὸς αὐτῶν οὔτε ἀδικήματος ἄρξαντες οὔτε τινὸς ἔχθους συμβάντος, ἀλλ' ὅποιας πρότερον εἶχοντο ξυνηθείας, τῆς αὐτῆς ἔχουθαι δοκοῦντες, πεπράχασιν ὁμῶς τὰ πάντων ἀνοσιώτατα, ὡς περ αὐθαρῶν ἀναπληθεῖντες ὠμότητος καὶ μανίας καὶ μίσους καὶ πάντων ὁμοῦ τῶν τοιῶνδε*. Затѣмъ слѣдовала *вторая* часть рѣчи, гдѣ аргументація начиналась à contrario. Она должна была начи- наться словами, что не *таковы* *обычаи Римлянъ*: *ἀλλ' οὐ τὰ Ῥωμαίων ἦθη τοιάδα, πολλοῦ γε καὶ δεῖ*; они вѣрны и тверды въ своей привязан- ности къ приобрѣтѣннымъ разъ друзьямъ: *φίλους τε γάρ, οὓς ἂν ἐξ ἀρχῆς κτήσαιντο, βεβαιότατα στέργειν περῶνται καὶ τὴν ὀργῆν πρὸς τὸ ἀντίπαλον διατηροῦσιν ἐστ' ἂν ἀντίπαλον ἦ*. Лучше всего приступить къ тѣмъ (*προσχερεῖν*) или держаться тѣхъ (*προσέχειν*) господъ, которые отли- чаются умѣренностію и неизмѣнною любовью къ своимъ подданнымъ: *τοῖς ἐμφρονεστέροις καὶ τὴν εὐνοίαν πρὸς τὸ οἰκῆιον καὶ ἐνσπόνδον ἐν τῇ ἀτρέπτῳ παρεχομένοις* и т. д. Намъ слѣдуетъ прибавить только еще одно замѣчаніе: топархъ характеризовалъ „владыгъ или господъ“, къ которымъ *прими* его слушатели (*πρὸς οἷος ἐλθόντας*),—въ какомъ смыслѣ употреблено отмѣченное слово, и къ кому оно относилось — къ членамъ ли только вѣча, *пришедшимъ* къ топарху на собраніе, или же ко всему народу, *поступившему* подъ власть того правитель- ства, представителемъ котораго былъ ораторъ? Для насъ кажется очевиднымъ послѣднее, между прочимъ потому, что ниже топархъ упоминаетъ объ императорѣ, о расположеніи императора, которымъ могли пользоваться его слушатели: онъ не могъ, слѣдовательно, на- зывать владыкою себя, когда владыкою собственно была гораздо бо- лѣе высокая и священная особа, а власть этой особы простиралась, конечно, не на одно только случайное собраніе. Притомъ рѣчь идетъ о тѣхъ, которые уже „держались“ (*προσέχοντας*) стороны, представля- емой топархомъ. Итакъ, глаголъ *ἐλθεῖν* употребленъ здѣсь въ смыслѣ *προσχερεῖν*, а слово *δεσποτῶν*, хотя и не относится прямо къ импе- ратору.

раторамъ (которыхъ слѣдовало бы предполагать двухъ или болѣе, что бывало много разъ въ Византіи), но все-таки этотъ терминъ избранъ не безъ причины, а въ виду императорскаго титула. Именно императоры второй половины X вѣка (Романъ, Никифоръ и Іоаннъ) называются на монетахъ деспотами. Когда рѣчь шла о власти варваровъ надъ союзниками, то употреблено было выраженіе „ἡγεμόνων“; другое возможное здѣсь выраженіе было бы „ἀρχόντων“. Во всякомъ случаѣ, ораторъ былъ представителемъ не какой-либо мѣстной или же туземной власти, но власти собственно чуждой и отдаленной, которая могла быть признаваема, или же не признаваема; слѣдовательно, и самъ онъ былъ всего скорѣе чуждымъ здѣсь пришлымъ. За лестною и похвальною характеристикю „владыкъ“ слѣдовало указаніе выгодъ, которыя сопряжены были съ подчиненіемъ ихъ власти. Общее развитіе этого аргумента могло заключаться въ обѣщаніи благосклонности императора, его защиты противъ варваровъ: στέρφουσι ὑμᾶς εἰκότως καὶ ὑπερμαχοῦνται, χρηστοὶ τε ὄντες καὶ μεγαλόφρονες и т. д. Заключение рѣчи (τί ποιητέον ἐστὶ) само собою понятно: μὴ τοίνυν ἕτερόν τι παρὰ ταῦτα διανοεῖσθε, ἀλλ' εὐθὺς ἐπιχειρεῖν τοῖς πράγμασι καὶ τὸ μελετηθὲν ἀναχαλύπτειν, — не думайте ни о чемъ другомъ, но сейчасъ же приступайте къ дѣлу, то есть, къ борьбѣ съ варварами; οὕτω γὰρ ἂν εὐκλειαν μεγίστην ἀροῖσθε, ὅσα τε δρῶντες καὶ δίκαια καὶ πρὸς τὸ ξυνοῖσον ἐξευρημένα, — такъ вы приобретете большую славу, исполнивъ свой долгъ, и въ то же время изберете то, что для васъ самихъ выгодно. Все это, конечно, были довольно общія мѣста, хорошо развитыя въ тѣхъ образцовыхъ писателяхъ, которыхъ изучалъ въ школѣ нашъ ораторъ (преимущественно въ сочиненіи ритора Агаѳи: см. pag. 251 и слѣд.). Нѣкоторыя спеціальныя приложенія къ обстоятельствамъ, безъ сомнѣнія, были слѣваны, и они могутъ быть угаданы изъ дальнѣйшаго разказа самого топарха. Между прочимъ рѣчь касалась, по видимому, и религіозныхъ отношеній, что могло служить обильнымъ источникомъ для развитія темы о пользѣ союза съ единоувѣрцами.

Речь топарха не показалась слушателямъ убедительною, и они приняли рѣшеніе, совершенно противоположное его совѣтамъ. Мотивы, руководившіе собраніемъ лучшихъ людей, указаны въ слѣдующемъ періодѣ: „Οἱ δὲ, εἶτε ὡς μηδέποτε βασιλικῆς εὐνοίας ἀπολελαυκότες, μηδ' Ἑλληνικωτέρων τρόπων ἐπιμελούμενοι, αὐτονόμων δὲ μάλιστα ἔργων ἀντιποιοῦμενοι, εἶτε ὄμοροι ὄντες πρὸς τὸν κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ βασιλεύοντα, μετὰ τοῦ στρατῶ ἰσχύειν πολλῶ καὶ δυνάμει μάχης ἐπαίρεσθαι,

ἤθεσι τε τοῖς ἐκεῖ τὰ παρὰ σφῶν αὐτῶν οὐκ ἀποδιαφέροντες, ἐκείνων καὶ σπαίασθαι καὶ παραδῶσειν σφᾶς ξυνέθεντο. Illi, seu quod nunquam benevolentiae imperatoriae fructum ullum cepissent, seu quod, Graecanicam vitae rationem parum curantes, instituta ad arbitrium ipsorum facta maxime requirerent, sive quod regi ad septentrionem Istri dominanti conterminantes, praeterquam quod ille exercitu magno valeret vique bellica efferret sese, ab illius vitae ratione propriis moribus non differrent, idcirco statuerunt pacisci cum illis...—Поповъ: „Но или не имѣя никакого понятія о царской милости, или не зная греческихъ правовъ и любя болѣе всего независимость, или наконецъ, будучи сосѣдями сильнаго сѣвернаго царя, обитавшаго на рѣкѣ Истрѣ, ко-его народъ одинакіе съ ними имѣеть обычаи,—они рѣшились къ нему присоединиться“. Здѣсь каждое почти слово требуетъ вниманія; между тѣмъ не только вольное изложеніе русскаго переводчика, но и латинскій переводъ ученаго Газе недостаточны для точнаго объясненія и пониманія этой наиболѣе важной части нашего текста.

Ὡς μηδέποτε βασιλικῆς εὐνοίας ἀπολελαυχότες: *потому что они никогда будто бы не воспользовались расположеніемъ императорскимъ.* Что подъ императоромъ или императорами здѣсь могутъ разумѣться только Византійскіе императоры,—это ясно само собою. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что нашъ авторъ не выдаетъ это отсутствіе царской милости за дѣйствительный фактъ, а напротивъ, хочетъ указать на субъективность такого основанія (= союзъ ὅς), бросаетъ нѣкоторую тѣнь на неблагодарныхъ подданныхъ. Самъ онъ въ своей рѣчи, конечно, говорилъ о царскихъ благодѣяніяхъ.

Μη δ' Ἑλληνικῶν τέρπων τρόπων ἐπιμελούμενοι: *не заботятся о болѣе еллинскихъ обычаяхъ.* Для правильнаго пониманія этой фразы нужно прежде всего вспомнить, что Византійцы ни въ литературной, ни въ разговорной народной рѣчи не называли себя Еллинами, а усвоили имя Римлянъ — Ῥωμαῖοι, или именовали себя Греками (Γραικοί). Только въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ войнѣ за независимость, имя Еллиновъ снова было принято ихъ не очень-то бесспорными потомками и въ такомъ смыслѣ встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ этого періода. Имя Ромеевъ = Римлянъ усвоено было древними Еллинами со времени обращенія ихъ къ христіанству, римской государственной религіи. Только тѣ, которые упорствовали въ своей старой вѣрѣ, удерживали старое имя; отсюда произошло то, что Ἑλληνъ въ среднихъ вѣкахъ стало употребляться какъ синонимъ язычника, идолопоклонника: εἰδωλόατρης, ἔθνικός. Въ старин-

ныхъ пѣсняхъ Трапезунтскихъ Грековъ на это можно найти не мало примѣровъ. До сихъ поръ у Геговъ въ Албаніи ἐλίνη есть обычное выраженіе для обозначенія язычника. Въ самой Греціи новое національное имя не усвоено еще вполне сельскимъ населеніемъ, и Еллины представляются крестьянину больше какими-то старинными великанами и вовсе уже не христіанами; отсюда поговорка: εἶνη σῶχος σὸν ἔλληνας (= силенъ, какъ исполинъ). Что касается византійской литературы, то достаточно будетъ привести только нѣсколько примѣровъ обычнаго словоупотребленія. У одного Византійца Еллиномъ называется Персидскій, то-есть, Сассанидскій царь (Simocatta). Патриархъ Фотій въ извѣстномъ окружномъ посланіи говоритъ, что народъ Русь (Ῥῶς) обратился къ христіанской религіи отъ *еллинской* безбожной вѣры (τῆς ἐλληνικῆς καὶ ἀθεοῦ δόξης). Левъ Діаконъ (pag. 149, 150) въ выраженіяхъ, напоминающихъ слова разбираемаго нами документа, описываетъ еллинскіе обряды Тавроскиевовъ, то-есть, Русскихъ, и *еллинскій обычай* ихъ погребальныхъ жертвоприношеній и возліаній (λέγεται γὰρ ἐλληνικοῖς ὀργίοις κατόχους ὄντας, τὸν ἐλληνικὸν τρόπον θυσίας καὶ χοῆς τοῖς ἀποχομένοις τελεῖν). Слѣдуетъ ли послѣ этого понимать здѣсь выраженіе „еллинскіе обычаи“ (οἱ ἐλληνικοὶ τρόποι) какъ-нибудь иначе и относить ихъ не къ варварамъ-язычникамъ, а къ Грекамъ? Не смотря на авторитетъ Газе, не смотря на интересныя соображенія, дѣлаемые по этому поводу новѣйшими учеными (даже Англичаниномъ Фрименомъ въ статьѣ о „Единствѣ исторіи“), мы сильно въ томъ сомнѣваемся. Когда еще въ слушателяхъ рѣчи топарха находили Корсунянъ, то все-таки было больше основанія подразумѣвать подъ еллинскими обычаями собственно греческіе. Но о Корсуні самые авторитетные изслѣдователи переставутъ теперь думать при чтеніи записки топарха; и мы полагаемъ, что это отступленіе отъ первоначальнаго толкованія, сдѣланнаго издателемъ ихъ, совершенно необходимо. *Еллинскіе* обычаи суть языческіе *варварскіе* обычаи, именно—*русскіе*, какъ у Льва Діакона. Выраженіе: μὴ ἐπιμελούμενοι, „не заботясь“, „не обращая вниманія“ (= ἀμελούμενον) — не заключаетъ въ себѣ идеи о приобрѣтеніи того, чего недостаетъ слушателямъ топарха, а только указываетъ на ихъ малое вниманіе къ тому качеству, которое было присуще другимъ и собственно должно было отвращать, отталкивать отъ варваровъ. Участники вѣча готовы были предаться варварамъ, не смотря на то, что это были *язычники*. За то, самымъ оборотомъ своей фразы авторъ записки бросаетъ нѣкоторую легкую тѣнь на своихъ нетвердыхъ

друзей, отчасти заподозрѣваетъ чистоту ихъ христіанства и допускаетъ въ нихъ самихъ долю едлинизма, то есть, язычества, неправославія. Такъ объясняется сравнительная степень μηδ' ἑλληνικωτέρων τρόπων ἐπιμελούμενοι=μηδ' ἐπιμελούμενοι τρόπων ἑλληνικωτέρων αὐτῶν=ἢ αὐτῶν, scilicet. τρόποι (или же просто: ἢ τὸ θεόν, τοῦ θεόντος).

Прежде всего стремились къ самостоятельности: αὐτόνομον δὲ μάλιστα ἔργων ἀντιποιοῦμενοι. Αὐτόνομα ἔργα=αὐτονομία. Нужно, однако, замѣтить, что не смотря на свое стремленіе къ автономіи, а по объясненію нашего автора, именно вслѣдствіе этого стремленія, союзники его рѣшили передаться властителю сѣверныхъ странъ Дуная.

Или потому что они сосѣдятъ съ тѣмъ, кто царствуетъ на сѣверѣ Дуная: εἶτα ἄλλοι οὗτως πρὸς τὸν κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ βασιλεύοντα. Итакъ, дѣйствіе происходитъ въ странѣ, сосѣдственной съ Дунаемъ: вотъ прямой и необходимый выводъ изъ приведенныхъ словъ, какъ бы мы ихъ ни объясняли. Значить ли здѣсь ἄλλοι, сопредѣльный (= ἄλλοι-ορος), пограничный, что оно собственно должно значить, или же только сосѣдственный, *близкій* = (въ послѣднемъ смыслѣ, повидимому, у Льва Діакона: φρούρια, ὅσα Ῥωμαίοις ἄλλοι ἦν, εἶλεν ἐξ ἐπιδρομῆς, pag. 62): различія большаго это не дѣлаетъ. Въ выраженіи „κατὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ“ можетъ остановить вниманіе предлогъ κατὰ, поставленный тамъ, гдѣ можно было ожидать ἐν; но это очень обычное сочетаніе у Византійцевъ и особенно у Льва Діакона: τοῖς κατὰ τὴν Ἀσίαν στασιάζουσι pag. 108=rebellantibus in Asia (ср. *Nase*, praefatio, pag. XX). Въ глаголѣ βασιλεύοντα не заключается, конечно, формальнаго присвоенія царскаго, императорскаго титула тому, кто властвуетъ на сѣверѣ Дуная: и мы говоримъ: „царствующій король, царствующій великій герцогъ“, не присвоая тѣмъ высшаго, не принадлежащаго титула разумѣемымъ государямъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подъ царствующимъ на сѣверѣ Дуная можетъ быть разумѣемъ только Русскій князь: въ этомъ согласны, кажется, всѣ ученые, занимавшіеся объясненіемъ нашихъ отрывковъ. О Печенѣгахъ не можетъ быть и рѣчи — какъ потому, что эти кочевники въ X столѣтіи были раздѣлены на семь колѣнъ, и каждое колѣно имѣло своего хана (см. Constant. Porphyrog. De administr. imp.), такъ и потому, что ни одинъ Византіецъ никогда не вздумалъ бы приписывать этимъ дикарямъ понятія о политическомъ правѣ (ἴσον καὶ δίκαιον) и притомъ утверждать, что, вслѣдствіе ихъ уваженія въ справедливости, имъ *добровольно* подчинялись какіе-то небывалые города и народы. Всѣ мелкія подробности также

не идутъ совѣмъ къ Печенѣгамъ (пѣхота, предполагаемый способъ управленія покоренной страной и т. д.). Но если подъ царствующимъ на *сѣверъ Дуная* разумѣется князь Русскій, то спрашивается: гдѣ же та страна, которая лежитъ въ сопредѣльности съ Русью, и притомъ на югъ? А А. Куникъ, хотя онъ и принимаетъ вслѣдъ за Газе, что событія, описываемыя въ отрывкахъ, происходятъ въ Крыму, замѣтилъ все-таки ту несообразность, что житель Тавриды, обладавшій, какъ нашъ топархъ, нѣкоторыми астрономическими познаніями, и притомъ самъ бывавшій у великаго князя Русскаго въ Кіевѣ или въ другомъ его мѣстопробываніи, называетъ этого государя царствующимъ на *сѣверъ отъ Дуная* и еще своимъ сосѣдомъ: „Такъ не можетъ выразиться человекъ, живущій около Киммерійскаго Востора“. Силу этого замѣчанія мы вполне признаемъ и думаемъ, что затрудненіе не можетъ быть устранено такимъ предположеніемъ, что авторъ записки, нашъ топархъ, хотѣлъ поставить себя на точку зрѣнія жителя византійской столицы, такъ какъ записка назначалась для Константинополя. Скорѣе и съ большимъ правомъ можно сказать, что здѣсь авторъ записки становится на точку зрѣнія своихъ союзниковъ: изложивъ кратко содержаніе *своей* рѣчи, онъ затѣмъ указываетъ причины, по которымъ слушатели приняли собственное и притомъ противоположное рѣшеніе; *ихъ побужденіе*, ихъ точка зрѣнія—вотъ что выставляется на видъ. При первой части періода даже стоитъ впереди союзъ *ὡς*, означающій, что приведенное основаніе не имѣетъ объективнаго значенія, а только существовало въ умѣ тѣхъ лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Правда, этотъ союзъ не повторенъ тамъ, гдѣ какъ будто начинается другой рядъ соображеній, и гдѣ вторично стоитъ союзъ *εἴτε*; но едва-ли такое обстоятельство имѣетъ большое значеніе. Все-таки остается яснымъ и очевиднымъ, что мысль автора крѣпко держится самаго театра событій, какъ это видно изъ послѣдующей фразы; сверхъ того, мы знаемъ, что и ранѣе, въ началѣ втораго отрывка, первыя слова, которыя топархъ написалъ, были „сѣверъ Дуная“. Не въ Крыму, а въ Болгаріи нужно искать ту область, покоренную варварами, съ которою по сосѣдству жилъ и нашъ топархъ. Дальнѣйшая замѣтка о многочисленности войска, которымъ располагалъ сѣверный государь, и о его военной гордости, конечно, намекаетъ на того Русскаго князя, который наибольшую славу прибрѣлъ именно въ Болгаріи. Левъ Діаконъ (pag. 105) говоритъ о Святославѣ: ταῖς κατὰ τὸν Μωσὼν νίχαις ἐπὶ μέγα αἰρόμενος καὶ τῇ βαρβαρικῇ αὐδαδαία ὑπέ-

ροπλα βρενθόμενος, — слѣдовательно, употребляетъ очень сходныя выраженія съ Запискою топарха.

Не отличалась по обычаямъ отъ тамошнихъ (жителей) въ собственномъ быту: ἤθεσι τοῖς ἔχει τὰ παρὰ σφῶν αὐτῶν οὐκ ἀποδιαφέροντας. Ab illius vitae ratione propriis moribus non differrent, — отъ тамошнихъ жителей (τοῖς ἔχει), то-есть, очевидно жителей страны, находящейся на сѣверъ отъ Дуная, отъ подданныхъ того государя, который властвуетъ на сѣверѣ Дуная. Опять очень трудно допустить, чтобы такъ могъ выражаться какой-либо греческій намѣстникъ, обитающій и правящій на югѣ Крымскаго полуострова, въ Готскихъ Климатахъ; точкою дѣленія между народами, ему подвластными и неподвластными, не могла быть для него рѣка Дунай. Что касается самаго сходства въ обычаяхъ между подданными сѣверно-дунайскаго государя и жителями Болгаріи, то вовсе не нужно прибѣгать къ какимъ-либо соображеніямъ для объясненія этого указанія: тамъ и здѣсь было славянское населеніе, говорившее очень близкими нарѣчіями. Еслибы даже была какая-нибудь необходимость искать здѣсь косвеннаго свидѣтельства въ пользу норманскаго происхожденія Кіевскихъ князей (хотя рѣчь идетъ не о княжескомъ, а о народномъ бытѣ), то и въ такомъ случаѣ на Дунаѣ можно было бы найти для X столѣтія точно такихъ же Готовъ, какіе были въ Крыму. Еще въ IX столѣтіи готскій языкъ употреблялся въ странахъ при-Дунайскихъ. Валафридъ Страбо, современникъ Карла Великаго и Людовика Благочестиваго (умершій въ 849 году), сообщаетъ объ этомъ совершенно положительныя и вполне достовѣрныя свѣдѣнія. Какъ аббатъ монастыря Рейхенаускаго, одного изъ главныхъ центровъ просвѣщенія тогдашняго времени, какъ товарищъ по монастырю тѣхъ монаховъ, которые, въ 811 году, правили посольство Карла Великаго въ Константинополь, Валафридъ могъ имѣть точныя свѣдѣнія о церковныхъ дѣлахъ въ областяхъ Дунайскихъ; онъ даже ссылается на сообщенія своихъ собратій по монастырю, то-есть, по видимому, монаховъ Гайтона и Ерлебода (см. *Wattenbach*, *Geschichtquellen*, p. 206 3-го изд.), посѣтившихъ Византію. Въ своемъ сочиненіи „*De ecclesiasticarum regum exordiis et incrementis*“ (*Migne*, t. 115), Валафридъ объясняетъ, какимъ путемъ проникли въ нѣмецкій языкъ, которыми онъ самъ говорилъ, слова греческаго и латинскаго происхожденія, (какъ *kirche* отъ *κῆρος*, *Heer* отъ *heros*, *kelch* отъ *κόλιξ* и т. д.). Онъ указываетъ на то, что съ одной стороны, варвары служили въ Римской имперіи, а съ другой — проповѣдниками христіанства у нихъ были

люди, знакомые съ греческимъ и латинскимъ языками; особенно чрезъ посредство Готовъ, которые были обращены въ христіанство во время своего жительства въ римскихъ провинціяхъ и говорили тогда „нашимъ, то-есть, нѣмецкимъ языкомъ“ (*nostrum, id est theotiscum sermonem habuerint*), соплеменники автора научились многому полезному. *Et, ut historici testantur, post modum studiosi illius gentis* (то есть, Готовъ) *divinos libros in suae locutionis proprietatem transtulerint, quorum adhuc monumenta apud nonnullos habentur. Et fidelium fratrum relatione didicimus, apud quasdam Scytharum gentes maxime Tomitanos eadem locutione divina hactenus celebrari officia* (I. c., pag. 297; приведено также у Ф. К. Бруна, Черноморскіе Готы, стр. 17). Итакъ, въ первой половинѣ IX вѣка богослуженіе на готскомъ языкѣ совершалось у нѣкоторыхъ „скинскихъ“ народовъ, и преимущественно у тѣхъ, кои жили около города Томи (теперь Кюстенджи). Рѣчь идетъ тутъ прежде всего о такъ-называемой Малой Скиѣи (*Scythia Minor*) или Добруджѣ и о тѣхъ Готахъ (*Gothi Minorum*), которые поселились здѣсь еще при Констанціи, въ 348 году, вмѣстѣ съ своимъ епископомъ Улфилою, спасаясь отъ гоненія, воздвигнутаго на христіанъ на прежней ихъ родинѣ, между Вестготами. У этихъ Готовъ во времена Златоуста былъ епископомъ извѣстный Θεотимъ, „управлявшій церковью города Томи и всей Скиѣи“ (*Sozom. VII, 26; ср. Socrat., VI, 12; Thierry, Saintz Jean-Chrysostome, p. 487*). Какъ извѣстно, Готы Ульфилы не участвовали въ возстаніи противъ римской власти ихъ соплеменниковъ, переселившихся за Дунай въ 376 году, и остались тогда на своихъ мѣстахъ. Въ 386 году мы находимъ ихъ по прежнему въ окрестностяхъ Томи (*Zosim., p. 221*). Очень вѣроятно, что и дальнѣйшія вѣсть-готскія передвиженія не могли увлечь ихъ за собою. Да и вообще не слѣдуетъ преувеличивать способности народовъ къ переселенію и думать, что другіе отдѣлы Готскаго племени, оставляя Дунайскія страны, не оставляли послѣ себя никакихъ остатковъ. Тѣ же самые Готы Ульфилы, по словамъ Иордана, жили около Никополя ¹⁾: о нихъ мы имѣемъ полное право предполагать то же самое, что намъ положительно извѣстно о Готахъ Добруджи. Что же касается Остъ-Готовъ, то мы знаемъ, что далеко не всѣ они ушли съ Теодорихомъ въ

¹⁾ По словамъ Авксентія, ученика Ульфилы, его Готы, въ 348 году, поселились въ горахъ; по словамъ Филосторгія—въ Мезіи и Фракіи, гдѣ кто хотѣлъ; по словамъ Иордана—въ Гемимонтѣ около Никополя.

Италію, а напротивъ, многіе остались во Фракіи въ видѣ мирныхъ земледѣльцевъ или не состоящихъ на Римской службѣ воиновъ. О такихъ Готахъ не разъ говоритъ Прокопій, I, 39: Γότθων οὐκ ἐπισπομένων Θεοδορίῳ εἰς Ἰταλίαν ἐκ Θράκης ἰόντι. II, 81: Ὅδ᾽ Βέσσαις οὗτος Γότθος μὲν ἦν γένος τῶν ἐκ παλαιοῦ ἐν Θράκῃ φηγμένων, Θεοδορίῳ τε οὐκ ἐπισπομένων ср. De aedific, pag. 262. Такъ какъ Ость-Готы Теодориха жили не въ одной собственной Фракіи, но и въ Мезіи, около города Новае, гдѣ нѣкоторое время была его столица (между Осмой и Янтрой, не далеко отъ древняго Никополя), а также около городовъ Ниша и Ульпианы, то слѣды готскихъ поселеній могли долго оставаться и въ Мезіи, ближе къ Дунаю, тѣмъ болѣе, что тутъ же не подалеку, около Сингидона (Бѣлграда) и Сирмія (Срѣма) долго держались Гепиды, также готское племя, въ VII столѣтіи упоминаемые въ исторіи славянскихъ набѣговъ на Византію, (Просор., II, 313; Simocatta, 257 и др.), и слѣдовательно, несомнѣнно уничтоженные Лонгобардами. Воспоминаніе о пребываніи Готовъ долго сохранялось въ при-Дунайскихъ областяхъ. Матвѣй Эдесскій, армянскій писатель XII вѣка, называетъ Болгарію страню Готовъ (Chronique, trad. pag. Dubautrier, pag. 72, Бруна, Черноморскіе Готы, стр. 18). По словамъ византійскаго поэта Тпеды (во второй половинѣ XII вѣка) даже за Дунаемъ еще живутъ Готы: Πέραν Δανουβίου δὲ τῶν Γότθων ἔθνος; ed. Kiessling., pag. 437. Можетъ быть, гораздо важнѣе и знаменательнѣе то, что въ позднѣйшихъ сербскихъ памятникахъ удержалось имя Готовъ, какъ названіе для известной части Болгарь: „Отъ тогожде племени Гоина, рекомаго Болгарскаго“ (житіе св. Симеона, написанное Стефаномъ Первовѣнчаннымъ) „Бѣ и тѣ Гоини“ (Доментіана житіе). „О ононы полы рѣки Дунава живущихъ Готѣ“ (Гласникъ, XI, 71): Даничичъ, Рѣчникъ, I, 228. Изъ всего этого слѣдуетъ только то, что, еслибъ оказалось невозможнымъ въ нашемъ топархѣ, очевидно, выдѣляющемъ себя и свою землю изъ среды мѣстнаго (при-Дунайскаго) населенія, видѣть просто Византійскаго Грека, то можно будетъ предположить въ немъ и въ его немногочисленныхъ подчиненныхъ и друзьяхъ остатокъ прежнихъ готскихъ поселеній на Дунаѣ, въ Добруджѣ или около Никополя.

Согласились примириться съ нимъ и передаваться ему и събщиа всѣ рѣшили, что и я долженъ съплатъ тоже самое: Ἐχειῶν καὶ σπείσασθαι καὶ παραδῶσειν σφᾶς εὐνέθεντο, καὶ τὰ τοιαῦτα πράξεν κοινῇ πάντες ἐπέψφισάντο.—Ἐχειῶν, конечно, есть ошибка, и читать нужно ἔχεινφ.—Σπείσασθαι можетъ значить и „заключить договоръ“ (безъ

предварительной войны), и „заключить миръ“ (которымъ оканчивается война). Здѣсь, по видимому, нужно понимать въ въ послѣднемъ смыслѣ. Опасность, которою грозили вышеупомянутые варвары, была такъ близка и настоятельна, что не было возможности искать защиты отъ нихъ гдѣ-либо вдали; согласно съ этимъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи хода дѣлъ слѣдуетъ непосредственно путешествіе нашего топарха къ властителю при-Дунайскаго сѣвера и свиданіе съ нимъ: все это разказано такъ, какъ будто подразумеваемый государь былъ не далеко. Отсюда мы заключаемъ, что варвары, опустошавшіе сосѣднія области и угрожавшіе владѣнію топарха, были именно подданные или же подчиненные союзники того государя, къ которому теперь рѣшено обратиться. Тѣмъ болѣе мы имѣемъ право такъ думать, что именно варварамъ, о которыхъ была рѣчь во второмъ отрывкѣ, принадлежитъ лестная характеристика относительно ихъ прежняго поведенія, и что именно къ нимъ ужъ и прежде обращался нашъ авторъ съ предложеніями о мирѣ или перемиріи (*περί σπονδῶν ἐκηρύχουον*). Предполагать, что враги топарха были одно (=Хазары), а народъ, подчиненный государю, которому рѣшено покориться, — другое (=Русскіе), — по нашему мнѣнію, нѣтъ основанія; а напротивъ, въ такомъ объясненіи было бы слишкомъ много искусственности и произвола.

Заключительныя слова по гречески читаются такъ:

Ἐμοὶ δὲ τὴν τῶν Κλημάτων ἀρχὴν αὐθις ἀσμένως πᾶσαν ἔδοτο, καὶ προσέθηκεν καὶ σατραπείαν ἕλλην, ἐν τε γῆ τῇ αὐτοῦ προσόδου ἐπετείουσ ἰκανὰς ἐδωρήσατο. — Здѣсь опять дѣло представляется такимъ образомъ, что отъ одной только воли (*ἀσμένως*) за-Дунайскаго государя зависѣло возстановить (*αὐθις*) власть монарха въ прежнихъ его владѣніяхъ, и что для этого не нужно было какаго-либо военнаго вмѣшательства противъ какихъ-либо постороннихъ „враговъ“. Далѣе: слова „τὴν τῶν Κλημάτων ἀρχὴν πᾶσαν“ слѣдуетъ переводить „всю власть надъ Климатами“ (какъ у Газе: *Clematum imperium omne*), а не „всю область Климатовъ“, потому что сама по себѣ область Климатовъ была весьма незначительна и равнялась территоріи одного городка; почему затѣмъ и слѣдуетъ выраженіе: *σατραπείαν ἕλλην*, *црпую* сатрапію, — неловкое и неумѣстное въ томъ случаѣ, еслибъ уже и *πᾶσα ἀρχή* было сказано въ смыслѣ територіальнаго объема. „Вся сатрапія“ или цѣлая сатрапія есть, конечно, та самая область, подчиненная топарху, о которой рѣчь была во второмъ отрывкѣ: въ словахъ „эту язву — судьба привела и къ

моей области“—πρὸς τὴν ἐμὴν ἀρχήν, а также „варвары вторгнулись въ нашу землю — εἰς τὴν γῆν ἡμῶν. Городъ или крѣпостца Климаты составляли естественно только часть этой области, и въ нихъ поселился топархъ уже послѣ того, какъ прочая его область была раззорена варварами. Теперь Русскій князь не только оставляетъ за топархомъ власть надъ небольшимъ городомъ Климатами, но и возвращаетъ ему всю прежнюю его область, изъ которой онъ принужденъ былъ удалиться (ἀπέστημεν въ началѣ втораго отрывка). Терминъ „сатрапія“, хотя и заимствованъ съ востока, но не былъ совершенно чуждъ греческому официальному языку; онъ могъ быть употребляемъ для обозначенія небольшой области. Въ 31-й новеллѣ Юстиніана (объ административномъ устройствѣ четырехъ Армений) говорится: Συνεστήσαμεθα δὲ καὶ τετάρτην Ἀρμενίαν, ἣ πρότερον οὐκ εἰς ἐπαρχίας συνεῖχετο σχῆμα, ἀλλὰ τῶν τε ἐθνῶν ἦν, καὶ ἐκ διαφόρων συνεῖλετο βαρβαρικῶν ὀνομάτων, Τζοφανηγή τε καὶ Ἀνζητηγή, ἣ Τζοφανή καὶ Ἀσθιακηγή, ἣ καὶ Βαλαβιτηγή καλουμένη, καὶ ὑπὸ σατράπαις οὖσα. Ἀρχῆς δὲ ὄνομα τοῦτο ἦν οὐδὲ Ῥωμαϊκόν, οὐδὲ τῶν ἡμετέρων προγόνων, ἀλλ’ ἐξ ἐτέρας πολιτείας εἰσενηγεγμένον (Justiniani Novellae, ed. Scrimgeri, 1558, pag. 132; ср. Basilica, ed. Heimbach, t. I, pag. 200). Изъ повднѣйшихъ писателей Никита Акоминатъ называетъ *сатрапомъ* сербскаго жупана (pag. 132) и подобнымъ же образомъ королевскую власть короля Венгерскаго *сатрапией* (σατράπειος, pag. 166). Примѣровъ такого словоупотребленія можно-бы отыскать гораздо больше, но едва ли въ этомъ предстоить надобность. Можно удовольствоваться тѣмъ предположеніемъ, что въ запискѣ нашего топарха слово сатрапія употреблено только въ смыслѣ области, не имѣющей настоящаго греческаго устройства.—Что, наконецъ, касается ежегодныхъ доходовъ, данныхъ топарху въ землѣ самого государя, властвующаго на сѣверѣ Дуная, то нѣтъ никакой необходимости подъ этою землей (γῆ ἢ αὐτοῦ) разумѣть слишкомъ отдаленныя страны; всего скорѣе это та самая страна *ихъ*, то-есть, варваровъ, изъ которой они сдѣлали добычу Мисянъ, и которая могла быть названа представителемъ греческой власти также и „нашею“ странюю (τὴν αὐτῶν [ἡμῶν] γῆν втораго отрывка). Свиданіемъ съ Русскимъ государемъ кончаются наши отрывки; оно, дѣйствительно, составляло естественную и окончательную развязку предшествовавшихъ событій. Совершенно напрасно Газе высказалъ предположеніе, усвоенное потомъ другими, что первый (по мѣсту, занимаемому въ кодексѣ) отрывокъ долженъ собственно въ порядкѣ событій занимать послѣднее мѣсто, и что путешествіе, опи-

санное въ этомъ первомъ = послѣднемъ отрывкѣ, есть возвратный путь топарха послѣ свиданія съ княземъ. Мы уже замѣтили, что по ходу и тону разказа нельзя предполагать труднаго и длиннаго пути къ князю; еслибъ этотъ путь былъ такъ длиненъ и труденъ, какъ онъ оказался при возвращеніи, то естественно и необходимо было бы сказать хотя нѣсколько словъ сначала о путешествіи туда, къ князю, и уже затѣмъ о возвращеніи оттуда и о *результатахъ путешествія*. Говоря другими словами, возвратное путешествіе отъ Днѣпра чрезъ Маврокастронъ предполагаетъ совершенно иное и болѣе затруднительное путешествіе къ Днѣпру, чѣмъ какое разумѣется въ третьемъ отрывкѣ. Сверхъ того, уже во второмъ отрывкѣ, тѣсно и непосредственно связанномъ съ послѣднимъ, говорится о „зимнемъ солнцехоротѣ“, то-есть, разумѣется самый конецъ ноября или начало декабря. Предположимъ ли мы, что исходнымъ пунктомъ путешествія былъ южный берегъ Крыма, или, какъ мы готовы предположить, при-Дунайская область,—во всякомъ случаѣ на путешествіе до Кіева или просто до Днѣпра, для отдыха, для переговоровъ съ княземъ понадобилось бы, конечно, болѣе двухъ недѣль, и едва-ли бы тогда нашъ топархъ на возвратномъ пути нашелъ Днѣпръ еще не замерзшимъ. Онъ замерзаетъ въ ноябрѣ и не позже начала декабря. Нужно согласиться, что хронологическое затрудненіе останется и въ томъ случаѣ, если мы оставимъ отрывки въ порядкѣ, въ какомъ они находятся въ кодексѣ: въ первомъ зима съ замерзаніемъ рѣки Днѣпра, во второмъ—наступленіе зимы съ близостію зимняго солнцеворота. Промежутокъ слишкомъ малъ для находящихся по срединѣ событій. Затрудненіе можетъ быть устранено только тогда, когда мы признаемъ, что здѣсь рѣчь идетъ о двухъ различныхъ зимахъ, и что между возвратнымъ путешествіемъ топарха чрезъ Маврокастронъ и новымъ его путешествіемъ къ князю прошло цѣлое лѣто. Никакихъ препятствій къ такому толкованію текстъ не представляетъ; напротивъ, недовольченность перваго отрывка можетъ скрывать за собою именно часть этого промежутка. Впрочемъ, о хронологіи рѣчь будетъ еще идти въ слѣдующей главѣ.

5.

Мѣсто и время событій, описываемыхъ въ трехъ отрывкахъ.

Не касаясь прямыхъ географическихъ данныхъ, заключающихся въ указаніяхъ на Боріонъ, Маврокастронъ и Климаты, мы уже приходили въ своихъ предыдущихъ объясненіяхъ къ тому заключенію,

что событія, описываемыя во второмъ и третьемъ отрывкахъ, совершаются на Дунаѣ и всего скорѣе въ Болгаріи. Основаніемъ для такого толкованія служили намъ два мѣста, гдѣ были упомянуты Дунай, и нѣкоторые намеки, всего ближе идущіе къ дѣйствіямъ князя Русскаго Святослава въ Болгаріи. Теперь представляется вопросъ, можетъ ли такое толкованіе быть согласнымъ съ наличною географическою номенклатурой.

По нашему убѣжденію, не только можетъ быть согласно, но именно Маврокастронъ и Климаты дѣлаютъ наше объясненіе единственно возможнымъ.

Что касается *de Boriona* (Βορίων), то онъ остается для насъ почти столь же темнымъ, какъ онъ былъ темнымъ и неизвѣстнымъ для всѣхъ другихъ. Ни Ф. К. Брунъ, ни А. А. Кунинъ не нашли ничего подходящаго на правой сторонѣ Днѣпра, хотя, повидимому, представлялась возможность думать объ Олешѣ, находя въ греческомъ названіи славянскій корень „боръ“, а въ русскомъ — „лѣсъ“. Впрочемъ, въ настоящее время лѣвобережность Олешья сдѣлалась также сомнительною, какъ и его тождество съ городомъ Алешками Таврической губерніи. Исслѣдованія г. Бурачкова („Замѣтки по древней географіи Новороссійскаго края“ — въ *Извѣстіяхъ русскаго географическаго общества* за 1875 годъ) довольно убѣдительно опровергаютъ мнѣніе, котораго держались всѣ авторитетные знатоки древней географіи (Н. И. Надеждинъ, Ф. К. Брунъ). По этимъ исслѣдованіямъ оказывается, что Олешье находилось ниже, но вблизи пороговъ и рѣчки Хортицы, и притомъ на правой сторонѣ Днѣпра. Такъ какъ Олешье служило въ XI и XII вѣкахъ пристанищемъ для гречниковъ, такъ какъ здѣсь останавливались послы императорскіе и митрополиты, присылаемые изъ Византіи (Ипатьевск. лѣтоп. подъ 1164 годомъ), то довольно естественно было бы предположить здѣсь переправу нашего топарха (хотя и не въ бродъ — вслѣдствіе осени). Но съ филологической точки зрѣнія, конечно, ближе будетъ къ Боріону *Боровой* или Боровица, находящейся выше пороговъ, близъ Канева и древняго Заруба, гдѣ также была переправа черезъ Днѣпръ. Если жъ это будетъ слишкомъ далеко на сѣверъ, то остается еще переправа черезъ Днѣпръ, о которой есть извѣстіе изъ позднѣйшаго времени; она также находится ниже пороговъ, и при ней есть названіе, опять-таки напоминающее Боріонъ. Это переправа Тягинская или Бургунская, въ 40 верстахъ выше Алешекъ (см. статью *Бурачкова*), гдѣ, по словамъ Боплана, нужно было „переходить три

глубокіе и широкіе протока — Конскія воды и два раза глубокой Днѣпръ“ (стр. 58). Въ описаніи рѣки Днѣпра, составленномъ въ 1697 году, на Чигиринской сторонѣ рѣки отмѣчается рѣчка Боргунка Верхняя и рѣчка Боргунка Нижняя, впадающія въ Казакское рѣчище, а затѣмъ — „скеля *Бурунъ* противъ Хруловаго острова, на которомъ *городище* есть“ (*Записки Одесскаго общества*, III, 576). На этомъ мы можемъ остановиться, довольствуясь тѣмъ результатомъ, что есть полная возможность принимать переправу съ лѣваго берега Днѣпра на правый, и притомъ ближе къ Лиману, гдѣ, конечно, нашъ путешественникъ могъ найти греческихъ поселенцевъ или торговыхъ людей.

Что же касается *Маврокастро*на, къ которому имѣли въ виду направить свою дорогу путешественники послѣ переправы черезъ Днѣпръ, то въ средніе вѣка существовалъ очень извѣстный городъ съ такимъ названіемъ, и находился онъ при устьѣ рѣки Днѣстра. Это былъ центръ хлѣбной торговли въ періодъ генуэзскихъ поселеній въ Крыму и южной Россіи, не уступавшій по своему значенію Родосто, Кафѣ и Анхіалу. Флорентинецъ Пеголотти, агентъ одного богатаго дома (Bardi), имѣвшаго торговья связи на востокъ, въ двадцатыхъ или тридцатыхъ годахъ XIV столѣтія упоминаетъ о немъ въ своемъ сочиненіи (*Della pratica della mercatura*) на тѣхъ любопытныхъ страницахъ, которыя посвящены торговлѣ Константинополя и Перы. Лучшій хлѣбъ, привозимый въ Константинополь, есть тотъ, который приходитъ и въ Родосто; онъ продается дороже, чѣмъ хлѣбъ, привозимый изъ Кафы; хлѣбъ кафинскій есть лучшій изъ хлѣбовъ Чернаго моря и Хазаріи; хлѣбъ изъ Анхіала продается по одной цѣнѣ съ кафинскимъ, а хлѣбъ *Маврокастро*на слѣдуетъ за анхіальскимъ, и хотя онъ не лучше анхіальскаго, но идетъ лучше въ продажѣ, потому что лучше сохраняется при перевозкѣ, и т. д. ¹⁾ Сред-

¹⁾ Отрывокъ изъ Пеголотти, приведенъ въ приложеніяхъ къ сочиненію: *Suoli*, Della colonia dei Genovesi in Galata, t. II, pag. 243: «Avisamento dello svario, che ha da una ragione de grano a un'altra in Constantinopoli, e in Pera, e quanto è migliore l'una ragione di grano dall'altra. Grano di *Rudistio*, si è grano che nasce nella Grecia di Constantinopoli, ed è il migliore grano di Romania, e sempre si vende più caro lir. 6 in 8 il moggio, che quello di *Caffa*: sicche grano di Caffa viene presso a quello di Rudisto. Grano di *Caffa* è il migliore grano che sia nel mare maggiore, e in Gazeria e vale più che non vale grano di Lifetti del mare maggiore. Lire 2 in 4 il moggio, sicche tutto grano del mare maggiore vale quanto quello di Caffa, salvo quello di Lifetti, che non è si buono grano come

невіковья карты не оставляютъ никакого сомнѣнія, что Маврокастронъ есть нынѣшній Аккерманъ. Всѣ эти карты помѣщаютъ его на правой сторонѣ Днѣстра на мѣстѣ Аккермана. Такъ на картѣ Висконти 1318 года: *Mauro-castro*; на картѣ Пицигани 1367 года: *Muncastro*; на Каталанской *Mapa mundi* 1375 года: *Maucastro*; на картѣ Пассквалини 1408 года: *Maurocastro* и т. д. (см. *Periplus Ponti Euxini octuplus* у *Табеля* при изданіи: *Constantini Porphyrogeniti de provinciis regni Byzantini*; карта Каталанская приложена въ сочиненіи князя П. П. *Вяземскаго*: Замѣчанія къ слову о плѣку Игоревѣ). Ясно само собою, что названіе Маврокастронъ, означающее на греческомъ языкѣ Черный городъ, не могло быть дано вѣмъ-либо другимъ, кромѣ Грековъ, и слѣдовательно, существовало гораздо ранѣе XIV столѣтія. Имъ было замѣнено гораздо болѣе древнее и гораздо болѣе громкое имя почтенной милетской колоніи *Тираса*, стоявшей также на мѣстѣ нынѣшняго Аккермана и уже въ древности извѣстной своею цвѣтущею торговлею, между прочимъ, именно хлѣбомъ, какъ объ этомъ можно судить по тиритскимъ монетамъ съ головою Цереры въ вѣнкѣ изъ колосьевъ и т. п. Страннымъ можетъ представляться только то, что „Черный городъ“ византійской эпохи былъ переименованъ Русскими въ Бѣлгородъ („на усть Днѣстра надъ моремъ Бѣлгородъ“) въ Спискѣ градомъ Русскимъ, Румынами—въ Четате Альба и Татарами—въ Аккерманъ, что опять значитъ Бѣлый городъ. Хотя люди также часто называютъ черное бѣлымъ, какъ и бѣлое чернымъ, но дѣлаютъ это обыкновенно по какимъ-либо побужденіямъ. Быть можетъ, мѣсто находенія знаменитой надписи, содержащей грамоту императоровъ Септимія Севера и Каракаллы Тиритамъ, можетъ служить къ объясненію указаннаго превращенія. Камень, на которомъ начертана надпись 201 года, найденъ былъ въ селѣ Коротномъ (Тираспольскаго уѣзда), на лѣвомъ берегу Днѣстра, стоящимъ надъ пьедесталомъ, подъ которымъ были слѣды угля; слѣдовательно, онъ не былъ перенесенъ съ противопо-

quello di Caffa, e degli altri porti del mare maggiore. Grano *del'Asilo* vale quasi a uno pregio come quello di Caffa, e non ha quasi di svario dall'uno all'altro, ma sempre si troverebbe comperatore piuttosto di quello di Caffa che di quello dall'Asilo. Grano da *Maocastro* è appressò all'Asilo, e va quasi a un pregio, benchè quello dell'Asilo non sia migliore, pure è piu vendereccio, e conservasi meglio a navigarlo. Затѣмъ слѣдуетъ—grano di Varna, della Zaorra, di Vezina, di Sinopoli. Asilo есть, конечно, Анхіалъ; на средневѣковыхъ картахъ: Axello, Lassillo, Lassello, Axillo и Asilo=Axіоло и Анхіалъ.

ложнаго берега, а стоялъ такъ съ самаго начала, какъ это справедливо доказывалъ проф. Ф. К. Брунъ, вопреки мнѣнію П. В. Беккера. Но едва ли отсюда слѣдовало заключать, вопреки яснымъ указаніямъ древнихъ, о лѣвобережности самаго древняго Тираса; удовлетворительнымъ объясненіемъ будетъ то, что территория Тиритовъ простиралась и на лѣвый берегъ Днѣстра, и что, быть можетъ, при теперешнемъ селѣ Коротномъ была ихъ пристань (В. И. Григоровичъ). Итакъ, на этой территоріи могли существовать два тиритскіе укрѣпленія, два *града* (*хастров*) Бѣлый и Черный; тотъ и другой могли послужить въ замѣнѣ, конечно, упавшаго и разрушеннаго варварами собственнаго города Тираса. Есть основаніе думать, что сами Византійцы на мѣстѣ древняго Тираса, нынѣшняго Аккермана, знали не только Черный, но и Бѣлый городъ ("Аспрохастров"); а съ другой стороны, до сихъ поръ, недалеко отъ Коротнаго, существуетъ селеніе Граденица, въ которомъ почтенный русскій ученый филологъ или активаръ, какъ онъ себя называетъ, не безъ основанія находитъ городъ *Чернь* „Списка градомъ Русскимъ“. Но уже въ началѣ XV вѣка рыцарь и путешественникъ Гильберъ де-Лануа могъ выражаться о Тирасѣ-Аккерманѣ, что это укрѣпленный городъ, называемый Чернымъ или Бѣлымъ: *une ville fermée et port sur la ditte mer Majour* (Черное море) *posmée Mancastre ou Bellegard* — то есть, Маврокастронъ или Бѣлгородъ ¹⁾. Искать какого-либо другаго Маврокастропа помимо того, который стоялъ на Днѣстрѣ, тѣмъ менѣе предстоить надобности, что такіе поиски оказываются напрасными. Замокъ или крѣпость „Нигрополи“, обозначаемый на нѣкоторыхъ позднѣйшихъ картахъ въ сѣверу отъ Нерекопскаго залива, происходитъ, очевидно, отъ грече-

¹⁾ Объ *Аккерманѣ* см. статью проф. Бруна: «Les noms de la ville d'Aekerman (Journal d'Odessa 1852, № 42), и потомъ въ другихъ его сочиненіяхъ (было бы весьма желательно полное ихъ собраніе въ одномъ изданіи). О Тирасѣ—его же статья въ *Запискахъ Одесскаго общества*, т. III, стр. 47 и сл. Подпись 201 года въ первый разъ напечатана Беккеромъ въ т. II *Записокъ Одесскаго общества*; была объясняема г. Бруномъ и потомъ *Можисеномъ*, которому нѣкоторые нужныя свидѣнія были сообщены нашимъ ученымъ; см. *Congrus Inscript. latin.*, t. III, 147, № 781 и *Addimenta*; pag. 1009. Въ высшей степени любопытныя и важныя замѣтки В. И. Григоровича можно читать въ двухъ его брошюрахъ «Записки антиквара» (Одесса, 1874) и «Записка объ археологическомъ изслѣдованіи Днѣстровскаго побережья». Въ послѣдней замѣчаніе объ «Аспрохастровъ», которое нужно сравнить съ тѣмъ, что писано по этому предмету г. Бруномъ въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ—въ комментаріяхъ къ переводу отрывковъ изъ де-Лануа (*Записки Одесскаго общ.*, т. III, 152).

скаго τὰ Νεχροπόλα, какъ этотъ заливъ назывался у Грековъ, и слѣдовательно, никакъ нельзя думать, что Нигрополи есть италянскій переводъ Маврокастропа. Мнѣніе, что Нигрополи есть позднѣйшій Очаковъ, называемый по турецки Кара-Керманъ (Черный городъ), едва ли основательно (*Brunn*, Notices sur les colonies Ital. en Gazarie, pag. 69), хотя мы и могли бы съ нимъ легко помириться. Ни Мангупъ, ни Карасу-базаръ не имѣютъ точно также никакихъ особыхъ правъ присвоивать себѣ чужое имя; первый назывался по гречески въ византійскую эпоху οἱ Θεόδωροι (Castello Teodoro) или просто Δορός; послѣдній, хотя и заключаетъ въ себѣ указаніе на Черную воду (=Кара-су), за то едва ли даже существовалъ въ средніе вѣка.

Профессору Ф. К. Бруну и академикъ А. А. Кунику, конечно, было хорошо извѣстно существованіе Маврокастропа на мѣстѣ нынѣшняго Аккермана: если они считали нужнымъ искать его въ другомъ мѣстѣ, то въ этомъ виноваты „Климаты“, то есть, одно слово, читаемое въ концѣ втораго отрывка и повторенное въ концѣ третьяго. Это названіе заставляло думать, что мѣсто дѣйствія во второмъ и третьемъ отрывкахъ есть несомнѣнно южный берегъ Крыма, и что, слѣдовательно, возвращеніе нашего автора „отъ Днѣпра во свояси“ было возвращеніе въ Тавриду, что заставляеть предполагать путешествіе по лѣвой сторонѣ Днѣпра, а не по правой. Газе первый указаль, при изданіи отрывковъ, на крымскіе Климаты, извѣстные изъ сочиненій Константина Багрянороднаго: *gem in Chersoneso Taurica geri declarat mentio Clematum*; а за нимъ пошли всѣ русскіе изслѣдователи, не смотря на большую или меньшую самостоятельность своихъ другихъ объясненій. „Климаты“ несомнѣнно существовали въ Крыму; даже болѣе того: слово „Климаты“ всего чаще примѣняется у византійскихъ писателей именно къ крымскимъ областямъ. Тѣмъ не менѣе мы находимъ, что до сихъ поръ былъ опускаемъ изъ виду самый простой, самый первоначальный вопросъ; именно: употреблено ли въ нашихъ отрывкахъ слово Климаты въ томъ же самомъ смыслѣ и значеніи, въ какомъ оно прилагается къ крымскимъ областямъ и въ какомъ вообще употребляется въ другихъ мѣстахъ, у другихъ писателей?

Мы полагаемъ, что на этотъ вопросъ придется отвѣчать отрицательно.

Κλίμα (отъ κλίω и поэтому собственно должно бы быть κλίμα, но въ греческомъ съ короткимъ ι, и только въ латинскомъ clima ι долгое), или какъ часто пишется у Византійцевъ κλίμα (вѣроятно, часть CLXXXV, отд. 2.

вслѣдствіе латинскаго вліянія — для обозначенія долготы) этимологически значить *склонъ, покатость*:

1) Склонъ, наклоненіе неба въ полюсу — и страну свѣта, подъ нимъ находящуюся. Греческіе, а за ними и арабскіе географы принимали собственно семь странъ или семь климатовъ. Нѣтъ нужды повторять примѣровъ, приводимыхъ въ словаряхъ; отмѣчаемъ только одно любопытное мѣсто, читаемое въ нѣкоторыхъ спискахъ Пасхальной хроники: τὸ δὲ ἑβδομὸν κλίμα ἐστὶ τὸ διὰ Βορροσθένους, καὶ τοῦ Δάννουβε καὶ τῶν βορειωτέρων, ὅπου κατοικοῦσιν Φράγγοι καὶ Χάζαροι ἐγγίζοντες τῷ Ὠκεανῷ (I, 36). Впрочемъ у Агаѳіи (pag. 350) говорится о „восьмомъ климатѣ, который получилъ свое названіе отъ Евксинскаго Понта (?): Ἐν τῷ κλίματι τῷ ὀγδόῳ — ὅπερ, οἶμαι, ἐκ τοῦ Εὐξεινου πόντου παρὰ τοῖς ταῦτα σοφοῖς ἐπικέκληται.

2) Вообще всякую *страну*, провинцію или область, какъ большую, такъ и малую. Въ сколіяхъ юридическихъ Οἱ βικάριοι τοῦ Ποντικῆ, ἢ ἐτέρου τινὸς ὄλου κλίματος. — Отсюда областеначальникъ у Теофилакта Симокатты часто называется κλιματάρχης. Σουρήνην κλιματάρχην ὑπὸ τοῦ Περσῶν βασιλέως τῆς Ἀρμενίας γενόμενον (pag. 133, Вонп.; ср. pag. 147: ἐν τοῖς κλίμασι τῆς Ἀρμενίας). Ἐλθὲ πρὸς ἡμᾶς, καὶ κλιματάρχης τῆς Περσικῆς πολιτείας παραυτίκα γενήσῃ (pag. 174); по латыни совершенно вѣрно объяснено въ переводѣ: climatarcha Persidis (hoc est, tractus alicujus terrarum seu regionis praefectus). Вмѣсто κλίμα Симокатта употребляетъ иногда выраженіе κλίτος (что въ другихъ случаяхъ у него значить часть, крыло войска (pagg. 176, 224): ἐπὶ τὸ κλίτος τῆς Δαρδανίας (pag. 322) точно такъ, какъ въ другомъ мѣстѣ: Ρωμαῖοι καὶ Πέρσαι προσβάλλουσι κλίματι Χναιθᾶς λεγομένῃ (pag. 219). Ни здѣсь, ни равнымъ образомъ у Менандра Кліμα не значить градъ или замокъ (castrum или castellum), какъ это на основаніи Менандра утверждалъ Тафель (въ экскурсѣ въ опыту изданія Теофана: epimetrum tertium de climatibus Chersonesi Taurici). Τὴν ὁδοπορίαν διανύσας διὰ τοῦ λεγομένου Ἀρρεστων κλίματος καὶ τοῦ Μαρεπτικῶν (Menand. ed. Dindorf., pag. 79—80) Ἐν τῷ κλίματι Μακραβανδῶν καὶ Ταρανῶν, pag. 81). Во второмъ мѣстѣ, очевидно, разумѣются провинціи Багревандъ (Bagrevand) и Таронъ, такъ какъ путь царя Персидскаго былъ направленъ къ Θεοδοσιῶ-ποлю (Ерзеруму): городовъ или крѣпостей соотвѣтствующаго имени эти провинціи совсѣмъ не имѣли, и названіе ихъ заимствовано отъ племени, населявшаго ихъ. То же самое слѣдуетъ думать и о климатахъ, упомянутыхъ у Менандра выше. Вообще терминъ κλίμα упо-

треблялся для обозначенія многихъ армянскихъ областей, во главѣ которыхъ не было ни города (πόλις), ни крѣпости или замка (κάστρον); это видно изъ одного древнѣйшаго списка христіанскихъ епархій (*Rhally*, V, 470, 471).

3) Въ частности и специально, κλίμα, согласно съ своимъ первоначальнымъ этимологическимъ значеніемъ, указываетъ, повидимому, область поватую, низменную, будетъ ли она находиться при морѣ или между горами. Такъ уже въ посланіи ап. Павла къ Галатамъ: ἦλθον εἰς τὰ κλίματα τῆς Συρίας καὶ τῆς Κιλικίας (I, 1, 21). Въ 28-й новеллѣ Юстиніана: Восемь городовъ составляютъ (провинцію) Еленопонтъ, Амасія, Ивора, Евхаита, Зила, Андрапа — καὶ αἴγε πρὸς τοῖς κλίμασι χεῖμεναι, Συνώπη τε καὶ Ἀμισός (ср. *Heimbach*, *Basilica*, I, 192). Также у Георгія Псиды и у Теофана: τὸ Πόντιον, κλίμα (var. κλήμα), и у Никиты Хониата: τὰ Πόντια Κλίματα (*Sathas*, *Biblioth. medii aevi*, I, 119).

4) Наконецъ, κλίμα означало, судя по нѣкоторымъ примѣрамъ опредѣленную административную единицу, гораздо меньшую, чѣмъ провинція или тема, при чемъ въ основѣ дѣленія лежали, повидимому, финансовыя или податныя отношенія. Οὐ τοῖς ἀρμοδίους τῶν χωρῶν ἐπιστάταις (οὗς καλοῦσι τρακτεῦτάς ἀντὶ τοῦ κληματ — οὐρχας) ἢ διαψηφισταῖς ἐδίδου — τὰ πραττόμενα πρὸς πλήρωσιν (*Johannis Lydi de magistrat.*, pag. 262, Bonn). Но tracteutae = tractatores, chartularii суть финансовыя чиновники, scrinarii, qui ananons publicas computant et tractant. Συνέβη πάντας τοὺς τὴν ἐπαρχίαν τοῦ πόντου διοικοῦντας, τρακτεῦτάς φημι καὶ ἀνοὰς τῶν δημοσίων (*Vita S. Eutychii Patr. C. P.*, *Migne*, t. 86, pag. 2352; ср. новеллы Юстин., 28, 30, 128 — 129, 147 и т. д. Въ этомъ отношеніи Clima соотвѣтствуетъ вполнѣ латинскому regio, такъ какъ и дѣленіе, напримѣръ, Италіи на XI regiones имѣло первоначально финансовое или податное значеніе. Согласно съ этимъ, въ глоссахъ, приводимыхъ у *Дюканжа*, κλίμα и Κλίματα объясняется какъ мѣръ (части); а съ другой стороны, κλίμα, подобно латинскому regio, употребляется для обозначенія частей города или кварталовъ (многочисленные примѣры собраны у *Дюканжа*). Прибавимъ здѣсь τὰ Θρακῶα κλίματα у Льва Діакона (pag. 104), и выраженіе κλιματάρχης, употребляемое Манассіемъ (XII в.) параллельно χωράρχης. — Κλήμα Μεντικόν (leg. Μοστικόν) во Фракіи (у Константина Багрянор. de thematibus и въ *Synecdemus Hieroclis*) есть область, лежащая на рѣкѣ Мстѣ (Νέστος на монетахъ Μέστος); см. *Wesseling*, *Commentar in Hier. Synecd.*, и одинъ позднѣйшій

хрисовуль въ Biblioth. medii aevi, I, pag. 237 (πέρα τοῦ Μέρτου). Девять Климатовъ Хазарскихъ (τὰ ἐννέα κλίματα Χαζαρίας), о которыхъ говорится въ другомъ сочиненіи Константина (de administr. imperio, cap. 10), не могутъ также возбуждать ни какого недоумѣнія.

Какъ уже выше было замѣчено, выраженіе „Климаты“ особенно часто употребляется для обозначенія южныхъ крымскихъ областей, и какъ будто въ отношеніи къ нимъ изъ нарицательнаго имени превратилось въ собственное. Почти всѣ сюда относящіяся мѣста собраны въ изслѣдованіи А. А. Кунива (О запискѣ Готскаго топарха, стр. 74 и сл.). Но ни одинъ изъ этихъ примѣровъ не доказываетъ того, чтобы κλίμα когда-нибудь значило „укрѣпленное мѣсто“, какъ это предполагаетъ ученый изслѣдователь согласно съ Тафелемъ. Въ послѣдней главѣ сочиненія „О темахъ“ (провинціяхъ), Константинъ говоритъ, что Корсунъ въ старину не былъ римскою провинціей, но что влстители Киммерійскаго Воспора владѣли также *Корсунью и прочими Климатами* (ἐξράτου καὶ Χερσῶνος αὐτῆς καὶ τῶν λοιπῶν κλιμάτων): разумѣется Корсунъ съ его территоріей, какъ городская община, и другія области въ Крыму. Въ сочиненіи De admin. imper. нѣсколько разъ упоминается о Климатахъ въ связи съ Херсономъ: Гл. I: Та часть Печенѣговъ, которая сосѣдитъ съ областью Корсунскою (τῆ μέρει τῆς Χερσῶνος), когда имѣетъ враждебные замыслы противъ Византійцевъ, легко можетъ напасть и на Корсунъ, и на такъ называемыя *Климаты* и разорить ихъ (χορσεύειν καὶ ληΐζεσθαι αὐτὴν τε τὴν Χερσῶνα καὶ τὰ λεγόμενα κλήματα). Гл. II: Такъ какъ правитель Аланіи не находитъ въ мирѣ съ Хазарами, а предпочитаетъ дружбу Римскаго императора, то онъ можетъ дѣлать много вреда Хазарамъ, когда они идутъ къ Саркелу, Климатамъ и Корсуню (ἐν τῷ διέρχεσθαι πρὸς τε τὸ Σάρκελ καὶ τὰ κλήματα καὶ τὴν Χερσῶνα). Если онъ захочетъ серьезно помѣшатель имъ, то Корсуню и *Климатамъ* обезпеченъ глубокій миръ (μεγάλης καὶ βαθείας εἰρήνης μετέχουσιν ἢτε Χερσῶν καὶ τὰ κλήματα), и т. д. Въ надписаніи 42-й главы того же сочиненія читается: Χερσῶνος ὁμοῦ καὶ Восπόρου, ἐν οἷς τὰ κάστρα τῶν κλιμάτων εἰσὶν; а въ текстѣ этой главы говорится, что между Херсономъ и Воспоромъ находятся *грады Климатовъ* (ἀπὸ δὲ Χερσῶνος μέχρι Восπόρου εἰσὶ τὰ κάστρα τῶν κλιμάτων). Нѣсколько выше Петронъ говоритъ императору Теофилу: „Если хочешь дѣйствительно властвовать надъ градомъ Херсономъ и принадлежащими къ нему областями, то пошли туда своего стратига“ (εἰ θέλης ὄλως τὸ τῆς Χερσῶνος κάστρον καὶ τοὺς ἐν αὐτῇ τόπους (=κλήματα?) χορίως ἐξουσιάζαι). Здѣсь же разказывается, что въ древ-

ности былъ прорытъ ровъ (σοῦδα) отъ Понта до Азовскаго моря (черезъ Перекопскій перешеекъ), и такимъ образомъ область Корсунская, *Климаты* и земля Керченская были совершенно заперты отъ враговъ. Но во время Константина ровъ заросъ лѣсомъ, среди котораго существовали только два пути, служившіе для печенѣжскихъ набѣговъ на Корсунь, Керчь и Климаты.

Въ другихъ византійскихъ источникахъ также нерѣдко упоминается о климатахъ Крымскихъ. Можно отмѣтить слѣдующія мѣста: У Теофана подъ 6229 (776) годомъ разказывается, что императоръ Левъ Хазаръ сослалъ своего брата Никифора и его сообщниковъ въ *Херсонскіе Климаты* (εἰς Χερσῶνος τὰ κλίματα). Другія подобныя мѣста въ лѣтописи Теофана см. у *Табеля* и *Куника*. Въ подробной редакціи житія св. Теодора Студита говорится (*Μαί, Nova Patrum Biblioth, VI, 308*), что, когда этотъ святой возсталъ противъ незаконнаго брака императора Константина, сына Ирины (около 795 г.), то примѣръ его нашель себѣ сочувствіе и подражаніе у епископовъ и пресвитеровъ въ областяхъ Херсона и Воспора (Керчи): οἱ γάρ ἐν τοῖς κλίμασι τῆς κατὰ Χερσῶνα καὶ Βόσπορον παροικίας ἐπίσκοποι καὶ πρεσβύτεροι — — ζηλοῦσιν ἐν καλῇ τῆν αὐτοῦ παρρησίαν. Выше (pag. 307) было указано, что незаконному примѣру Византійскаго императора послѣдовали король Лонгобардіи, *властитель Готіи*, а также топархъ Керченскій (οὕτως ὁ τῆς Γοτθίας, οὕτως ὁ τῆς Βοσπόρου τοπάρχης); теперь духовныя лица областей Херсонской и Воспорской, по примѣру Теодора, отвергли всякое общеніе съ нарушителями церковнаго преданія, то-есть, очевидно съ топархами *Готіи* и *Керчи*. Ужъ изъ этого сопоставленія дѣлается яснымъ, что подъ Климатами Херсона разумѣется между прочимъ Готія, то-есть, извѣстныя готскія поселенія между Балаклавой и Сурожемъ или Судакомъ, Сугдаею. Въ житіи св. Стефана Новаго (около 775 г.), написанномъ его соименникомъ діакономъ Константинопольскимъ Стефаномъ въ 809 году, говорится о времени Константина Копронима, что тогда въ трехъ только мѣстахъ можно было найдти убѣжище отъ гоненія, такъ какъ вездѣ почти суесловіе дракона не встрѣчало болѣе сопротивленія. Изъ этихъ трехъ мѣстъ первое — при-Понтійскія области, затѣмъ острова Архипелага и втретьихъ, Италия. Въ при-Понтійскихъ областяхъ въ частности отмѣчается Корсунь, Керчь и Готія впаляя: ἀπό τε Βοσπόρου, Χερσῶνος, Νικόψεως καὶ τὰ πρὸς τὴν Γότθιον κοίλην (αἱ Γοτθίαν κοίλην) ἀπαντώντα. Эта Готія впаляя или же низменная есть синонимъ слова κλίματα (Γοτθίας) и, быть можетъ, объясняетъ намъ,

почему этотъ послѣдній терминъ получилъ такое специальное приложение къ южному побережью Крыма; — онъ вполне приличествовалъ самому характеру мѣстности. — Въ гораздо позднѣйшихъ дѣяніяхъ св. Евгенія Трапезунтскаго уже прямо говорится о Корсунѣ и находящихся тамъ *κλιματαὶ Γοτθῶν* (τῆς Χερσῶνος καὶ τῶν ἐκεῖσε κλημάτων Γοτθίας). Вѣроятно, эти же самыя Готскіе Климаты разумѣются далѣе и подъ выраженіями: τὰς χώρας αὐτῆς то есть Χερσῶνος, а также τὰ κλίματα Χερσῶνος. (См. у А. А. Куника, Записка Готскаго топарха, стр. 75).

Мы не имѣемъ нужды разбирать вопроса о томъ, вполне ли совпадало пространство Готіи съ Климатами, и не составляла ли Готія только часть Климатовъ; вообще любопытный, но достаточно разъясненный вопросъ о Крымскихъ Готахъ и судьбѣ ихъ мы оставляемъ въ сторонѣ. Для насъ имѣеть важное значеніе только самый смыслъ термина, и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить только то, что ужь одна Готія сама по себѣ заключала въ себѣ нѣсколько городовъ или замковъ, и что ни одинъ изъ этихъ градовъ (*καστρα*) не носилъ названіе „Климаты“ или просто „κλίμα“. Болѣе важный городъ Готіи Δορός или Θεόδωρῶ (= Θεόδωρος), считаемый часто за главный городъ; другіе города: Ускутъ (Scuti), Алушта, Ламбать, Партенигъ, Урсуфъ, Ялта и пр. Итакъ, были въ Крыму Климаты, были въ этихъ Климатахъ грады, τὰ καστρα, но не было града, τὸ κάστρον, который назывался бы Климатами. Всѣ города въ Климатахъ были такъ мало значительны, такъ мало шли въ сравненіе съ Корсунемъ и Керчью, что ни одинъ изъ нихъ не могъ сообщать своего имени территоріи, ни одинъ изъ нихъ не былъ городомъ (πόλις, civitas) въ греко-римскомъ смыслѣ. Отъ этого за территоріей между Воспоромъ и Херсономъ, въ частности за южнымъ ея берегомъ, осталось названіе „склоновъ, округовъ, областей“, первоначально нарицательное, потомъ какъ будто собственное. Эти округа находились всегда или почти всегда въ зависимости отъ Корсуны: и въ этомъ заключалось, быть можетъ, другое основаніе къ закрѣпленію за ними термина Климаты или даже „Херсонскіе Климаты“, то есть, въ смыслѣ маленькихъ округовъ, составляющихъ часть провинціи или темы Корсунской или же только причисляемыхъ къ ней. Однимъ словомъ, κλίματα въ Крыму всегда значить regiones, tractus, какъ и въ другихъ мѣстахъ.

Между тѣмъ всякій, кто рѣшится читать фрагменты Газе внимательно и безъ предубѣжденія, долженъ убѣдиться, что здѣсь Климаты есть названіе единичнаго, отдѣльнаго города, притомъ очень

небольшаго, который былъ разрушенъ и запустѣлъ, а потомъ стараніемъ нашего топарха отчасти возстановленъ и снова сталъ населяться. Слѣдовательно, рѣчь идетъ вовсе не о Готскихъ „селонахъ“, не о южно-крымскихъ областяхъ, в дѣя объясненія нашихъ отрывковъ мы не только имѣемъ право, но и обязаны искать въ древнихъ источникахъ какого-либо другаго города или мѣстечка, который носилъ бы названіе, близкое къ „Климатамъ“. Еслибы, помимо Климатовъ, были другія болѣе прочныя и несомнѣнныя основанія приурочивать мѣсто дѣйствія фрагментовъ именно къ Крыму, еслибы такое приурочиваніе не основывалось единственно на отождествленіи города или селенія Климаты съ тѣ κλίματα Константина Багрянороднаго и другихъ Византійцевъ, то конечно, все-таки оставалась бы возможность и въ самомъ Крыму отыскать названіе, если не тождественное, то очень близкое къ тѣ κλίματα (или тѣ κλήματα). Мы указываемъ,—но только для другихъ, а не для себя,—на Каламиту (Salamita, Salami и т. д.), городокъ или селеніе, обозначаемое на средневѣковыхъ картахъ рядомъ съ Корсунемъ, слѣдовательно, находящееся въ ближайшемъ—къ сѣверу—разстояніи отъ него. Но сами мы не можемъ остановиться на такъ легко представляющемся объясненіи. При этомъ намъ пришлось бы опять странствовать въ сѣверныхъ частяхъ Крыма или около Перекопа, отыскивая тамъ Мавроастронъ, пришлось бы допустить существованіе такой средневѣковой географіи, по которой Русь представлялась бы изъ Крыма лежащею какъ разъ на сѣверъ—не отъ Крыма, а отъ Дуная, что совсѣмъ не похоже даже на арабскую карту Едриси (XIII ст.). Однимъ словомъ, освободившись отъ Готскихъ Климатовъ, мы должны освободиться и отъ другихъ противорѣчій и затрудненій, порожденныхъ ими. Мы думаемъ, что подь *Климатами* въ нашихъ отрывкахъ разумѣется какое-либо укрѣпленіе или городокъ, находившійся на Дунаѣ, потому что другія данныя, заключающіяся въ текстѣ, ведутъ именно къ Дунаю, а не въ Крымъ.

Въ настоящее время изъ надписей, еще далеко неполнѣ собранныхъ, изъ множества древнихъ развалинъ, еще далеко не описанныхъ въ подробности, изъ разказовъ путешественниковъ, изъ которыхъ далеко не всѣ относятся со вниманіемъ къ остаткамъ исторической древности, болѣе и болѣе раскрывается благосостояніе и густая населенность Дунайскихъ областей въ римское время, въ частности—древней Мезіи, нынѣшней Сербіи и Болгаріи. Можно сказать, что почти на каждомъ шагѣ мы встрѣчаемъ здѣсь развалины старин-

ныхъ городовъ или укрѣпленій, самыя названія которыхъ для насъ часто остаются неизвѣстными. Не было бы ничего удивительнаго, еслибы Климаты были однимъ изъ такихъ городовъ или мѣстечекъ, о которыхъ историческая память совсѣмъ заглохла и не дошла до насъ. Историки и изыскатели часто съ изумленіемъ останавливаются надъ длиннымъ спискомъ при-Дунайскихъ городовъ и укрѣпленій, возстановленныхъ Юстиніаномъ и перечисленныхъ секретаремъ Велизарія, Прокопіемъ. Бѣлая часть ихъ до сихъ поръ остается неприуроченною къ извѣстной мѣстности, то-есть, совсѣмъ не оставила никакихъ слѣдовъ въ позднѣйшей номенклатурѣ городовъ и селъ. Тѣмъ не менѣе мы сдѣлаемъ попытку отыскать у Прокопія какое-либо указаніе на наши Климаты, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что разстояніе между временемъ, когда Прокопій писалъ свое сочиненіе De aedificiis, и временемъ, когда жилъ авторъ Записки топарха, было не такъ значительно, какъ разстояніе между X вѣкомъ и XIX. Само собою разумѣется, что наши поиски будутъ направлены на ту мѣстность, которая представляется намъ подходящею, то-есть, соотвѣтствующею другимъ даннымъ.

„Въ области Аквесійской Юстиніанъ вновь выстроилъ Тимаѳіумъ, и возобновилъ слѣдующія укрѣпленія“ (Ἐν χώρᾳ Ἀκουσίᾳ νέον-μὲν Τιμαθοχιῶν· τὰ δὲ ἀνωθεντα.) И затѣмъ слѣдуетъ 36 названій, изъ которыхъ мы сообщаемъ начальныя и послѣднія:

Πετέρες	Peteres.
Σκουλοβοῦργο	Sculcoburgo.
Βινδιμίολα	Vindimiola.
Βραίολα	Braiola.
Ἄργανόκιλον	Arganocilum.
Καστελλόνοβο	Castellonovo.
Φλωρεντιάνα	Florentiana.
Ῥωμολιάνα	Romyliana.
Σχεπετεκάσας	Sceptecasas.
Ἄργενταρες	Argentares.
Αὐριλιάνα	Auriliana.
Γέμβρο	Gembro.
Κλέμαδες	Clemades.
Τουρρίβας	Turribas.
— — —	— — —
— — —	— — —
Μώτρες	Motrees.

Βικάνοβο	Vicanovo.
— — —	— — —
Πόντζας	Pontzas.
Závας	Zanes.

Уже порядокъ, котораго держится Прокопій при описаніи построекъ Юстиніана, даетъ намъ понять, что область Аквесійская находится близъ Дуная: ей предшествуетъ область извѣстной Ремесіаны, а за нею слѣдуетъ описаніе укрѣпленій на самомъ Дунаѣ. Аквесійская область есть область, названная такъ по имени города Aquae, о которомъ рѣчь идетъ и у Прокопія нѣсколько ниже: πολίχμιον—Ακυεσ δνομα (pag. 289); названный вслѣдъ затѣмъ городъ Дортикъ (Δορτικόν), то-есть, нынѣшняя Раковица, при впаденіи Тимока въ Дунай (на правой сторонѣ того и другаго), несомнѣнно указываетъ, что подразумѣваются тѣ самые Aquae, которые обозначены также рядомъ съ Dortico на картѣ Певтингеровой (ad Aquas) и въ дорожникѣ Антонина (Aquis. Dortico), слѣдовательно — городъ, лежавшій на лѣвой сторонѣ Тимока въ нынѣшней Сербіи, въ древней Береговой Дакии (Dacia ripensis). Самый Тимаеохіумъ, вновь построенный Юстиніаномъ, напоминаетъ рѣву Тимокъ. Мы не имѣемъ нужды, да и не были бы въ состояніи точно опредѣлить положеніе всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстечекъ, находящихся въ приведенномъ нами спискѣ Прокопія. Но Castellonovo есть, конечно, Castris novis Певтингеровой карты, тѣмъ болѣе, что на разстояніи 13 миль отъ нихъ на этой картѣ обозначена Romula, соотвѣтствующая, конечно, Ромуліанѣ Прокопіева списка. Та и другая мѣстность, судя по римской картѣ, находились, правда, на сѣверъ отъ Дуная (въ Валахіи, между Ольтой и Шиломъ); но есть много другихъ признаковъ, что списки Прокопія не всегда слѣдуютъ строгой системѣ, и что Римляне во времена Юстиніана еще могли держаться на лѣвой сторонѣ Дуная, имѣть тамъ укрѣпленія — въ этомъ не будетъ ничего удивительнаго. Флорентіана, не обозначенная на картѣ Певтингеровой, но извѣстная изъ другаго источника (Notitia imper.: *Forbiger*, III, 1093), есть, по всей вѣроятности, нынѣшнее болгарское село *Флорентинъ* не подалеку отъ Видина (Вопоніа), гдѣ одинъ изъ новѣйшихъ, знакомыхъ съ древностію, путешественниковъ нашелъ слѣды римскихъ укрѣпленій (см. *Kanitz*, *Donau-Bulgarien*, I, 278). Гѣмбро—если это есть то же самое, чтѣ и упомянутый у Прокопія ниже Κεβρός (Sebro Notit. dignit. и Itiner. Anton., Κεβρός Птолемея), то въ немъ можно узнать нынѣшнюю Джибра-Пеланку (Zibru) противъ впаденія Джибрицы (Sebras) въ

Дунай. Во всякомъ случаѣ то-есть, и тогда, если Γέμβρο = Cimbriana (Notitia dign.), это мѣстечко находилось въ сѣверо-западной Болгаріи (см. I t., Comm. *Vöecking*, pag. 466). Далѣе слѣдуютъ Κλίμαδες, въ которыхъ есть полная возможность признать Κλίματα или Κλήματα, такъ какъ различіе и само по себѣ не велико и еще уменьшается несущественностію латинскаго окончанія, придаваемаго Прокопіемъ многимъ городамъ (даже Αχούες). Нѣсколько дальнѣйшихъ указаній могутъ служить къ подкрѣпленію предыдущихъ приурочиваній. Τουρρίβας, конечно, не есть Тирасъ (Аккерманъ), какъ полагалъ проф. Брунъ, а городъ придунайскій: безъ сомнѣнія, онъ же разумѣется подъ Τοῦρρις, о которомъ говорится въ другомъ сочиненіи Прокопія, какъ о городѣ, лежащемъ надъ Дунаемъ (Bell. Gothic., p. 336). Μοτρες напоминаетъ теперешнюю рѣчку Мотру (Motru) въ Валахіи, латинскую *Amutria*, городъ помѣщаемый при впаденіи ея въ Шилъ. Ποντζας = Pontes (Мостъ Траяновъ) близъ Орсовы, и Ζάνες тамъ же (см. Procop. De Aedif., pag. 288). Такъ или иначе, но кажется, мы можемъ считать доказаннымъ существованіе Климатовъ въ восточной Болгаріи, притомъ—именно въ такомъ видѣ, какой вполне соотвѣтствуетъ описанію ихъ въ Запискѣ топарха — въ видѣ небольшого городка съ укрѣпленными стѣнами. Этого для насъ достаточно.

Что касается времени, къ которому относятся событія, описанныя въ Запискѣ топарха, то мы уже выше указали данныя, служащія для опредѣленія эпохи. *Приблизительное* опредѣленіе получается изъ указаній Газе на почеркъ автографа, принадлежащій ко второй половинѣ X вѣка или къ началу XI вѣка. Всякій, кто хотя немного знакомъ съ греческою палеографіей, не усумнится повѣрить въ возможность довольно точнаго опредѣленія древности той или другой рукописи по ея признакамъ, особенно со стороны такого знатока рукописей, какимъ былъ Газе, и какимъ онъ является въ своихъ комментаріяхъ къ исторіи Льва Діакона. Слишкомъ далеко отступать отъ времени Владиміра, къ которому, по мнѣнію Газе, относились отрывки, мы не имѣемъ права. Болѣе *точное опредѣленіе* эпохи и года заключается въ указаніи на положеніе Сатурна въ знакѣ Водолея, замѣченное топархомъ послѣ переправы черезъ Днѣпръ при наступленіи той бурной ночи, которую онъ провелъ въ Боріонѣ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ достаточно знаній и средствъ, чтобы воспользоваться замѣченнымъ нами мерцаніемъ планеты для полнаго и несомнѣннаго освѣщенія исторіи и хронологіи. Мы въ состояніи были извлечь отсюда только слѣдующія соображенія: Такъ какъ

Сатурнъ совершаетъ свое обращеніе между созвѣздіями въ періодъ 10759. 22 дней (29 лѣтъ, 174 дня), и слѣдовательно, въ одномъ и томъ же созвѣздіи видимъ бываетъ въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ, то мы будемъ имѣть только два или три такіе періода (для второй половины X вѣка и начала XI), которые могутъ быть приняты въ расчетъ; внутри этихъ (29-ти-лѣтнихъ) періодовъ должны быть отысканы опредѣленные годы, когда Сатурнъ могъ быть наблюдаемъ нашимъ топархомъ въ знакѣ Водолея. По справкамъ оказывается, что Сатурнъ будетъ видимъ въ знакѣ Водолея въ будущемъ 1877 году и въ слѣдующихъ за нимъ ближайшихъ годахъ. Идя назадъ и послѣдовательно вычитая (изъ 1877 г. по 10759 дней), мы прійдемъ къ 993—996 гг. и далѣе къ 964—967. Изъ этого слѣдовало бы, что время Владиміра никакъ не идетъ для объясненія фрагментовъ, такъ какъ въ подлежащихъ годахъ мы не можемъ допустить непріязненныхъ отношеній Руси съ Греками—ни въ Крыму, ни въ Болгаріи, и что, напротивъ, путешествіе топарха изъ-за Днѣпра весьма близко къ первому походу Святослава въ Болгарію. Если мы останавливаемся на послѣднемъ объясненіи, то конечно, не потому, чтобы слишкомъ много довѣряли своему астрономическому расчету, сдѣланному безъ всякой помощи астрономіи, и можно опасаться, даже съ нарушеніемъ ея законовъ. Намъ соблазняетъ только то, что такой расчетъ вполне сходится со всѣми историческими и географическими соображеніями, которыя нами высказаны выше, съ содержаніемъ и смысломъ отрывковъ, какъ мы понимаемъ это содержаніе; а мы его понимаемъ такъ, что событія, о которыхъ идетъ рѣчь въ отрывкахъ, могутъ только относиться къ дѣйствіямъ Святослава въ Болгаріи, на Дунаѣ.

Во всякомъ случаѣ самое заблужденіе свое мы будемъ считать заслугой, если кто-нибудь обратитъ вниманіе на соображенія наши и повѣритъ ихъ строгимъ и научнымъ астрономическимъ вычисленіемъ.

6.

Историческое объясненіе.

Итакъ, мы знаемъ приблизительно мѣсто и время событій, къ которымъ относится документъ, доселѣ объясняемый нами изъ себя самого. Въ первомъ изъ отрывковъ идетъ рѣчь о возвращеніи автора изъ-за Днѣпра по направленіи къ Дунаю—во-своаяси; во второмъ и третьемъ—о столкновеніи со врагами гдѣ-то въ сѣверо-западной

Болгаріи и о рѣшеніи покориться Русскому князю Святославу; однимъ словомъ рѣчь идетъ о событіяхъ Русско-Болгарской войны. Остаются подробности, болѣе или менѣе отчетливо выступающія на видъ при изученіи фрагментовъ, и вопросъ о томъ, въ какой степени онѣ согласны съ извѣстными намъ изъ другихъ источниковъ ходомъ Русско-Болгарской войны, и могутъ ли онѣ быть вставлены въ общую раму ея основныхъ фактовъ. Мы не надѣемся, чтобы мы были въ состояніи дать вполне удовлетворительный отвѣтъ на эти вопросы: отрывочность объясняемаго документа, недостаточная полнота и отчетливость извѣстій, сообщаемыхъ Львомъ Діакономъ и Кедринимъ, о дѣйствіяхъ Святослава въ Болгаріи, сомнительная достоверность русской лѣтописи и еще большая легендарность лѣтописи венгерской могутъ служить намъ оправданіемъ. Мы попытаемся, однако, отвѣчать на самые существенные вопросы, какіе, по нашимъ соображеніямъ, могутъ быть намъ поставлены, избирая притомъ порядокъ, соответствующій нашимъ комментаріямъ и болѣе для насъ удобный.

Прежде всего — кто былъ авторъ нашихъ отрывковъ? По всѣмъ признакамъ, это былъ Грекъ, такъ какъ трудно предполагать, чтобы какой-нибудь Болгаринъ, Сербъ или Готинъ до такой степени усвоилъ себѣ плоды обычнаго византійскаго школьнаго образованія, какъ это обнаруживается въ языкѣ и слогѣ записки. Но если это былъ Грекъ, то представляется вопросъ — какимъ образомъ онъ очутился правителемъ какой-то хотя и небольшой при-Дунайской области? Дунай вѣдь не принадлежалъ Греческой имперіи предъ началомъ Русско-Болгарской войны, и Болгарія при Петрѣ Симеоновичѣ была самостоятельнымъ государствомъ?

На это мы можемъ предложить только гадательный отвѣтъ и слѣдующія соображенія: Предъ первымъ походомъ Святослава дунайская граница, на которую Римляне, а вслѣдъ за ними и Ромѣи всегда — до XII вѣка — смотрѣли какъ на естественную границу имперіи, дѣйствительно не была въ рукахъ византійскихъ, но самый союзъ Никифора Фоки съ Русскимъ княземъ Святославомъ вызванъ желаніемъ возстановить эту границу. Старыя преданія имперіи, которыя послѣ одушевляли даже Анну Комнину и затѣмъ Мануила, были живы и пробудились съ особенною силою послѣ блистательныхъ успѣховъ Никифора Фоки на Востоке. Византія сверхъ того имѣла нѣкоторое право жаловаться, что союзное съ нею болгарское правительство или не умѣетъ, или не хочетъ исполнять обязанности, лежащей на немъ по отношенію къ имперіи, въ смыслѣ строгаго охраненія дунайской

переправы. Требованіе, съ которымъ обратился Фока къ Болгарскому царю — преградить Венграмъ, вторгавшимся во Фракію и опустошавшимъ греческія провинціи, доступъ въ предѣлы собственной имперіи и впредь строго оберегать дунайскую границу, было не пустымъ предлогомъ и отрываетъ намъ истинную причину, а также и необходимость разрыва Византіи съ Болгарами. Отвѣтъ болгарскаго правительства, который передаетъ намъ одинъ изъ нашихъ источниковъ (Zonar., IV, 87), былъ или просто отговоркой, или признаніемъ собственной безсилія.

Святославъ явился на Дунаѣ первоначально какъ союзникъ Византіи, и нѣкоторое время казалось, что онъ дѣлаетъ завоеванія въ пользу имперіи. Даже договоръ его съ Калокиромъ, который—любопытная черта—заключилъ съ русскимъ язычникомъ, союзъ названнаго братства (побратимства), то - есть, договоръ, направленный противъ имперіи и императора, едва-ли состоялся ранѣе смерти Никифора Фоки. Кедринъ и Зонара говорятъ о намѣреніи Калокира сдѣлаться императоромъ при помощи Святослава и о готовности уступить Русскому князю Болгарію—болѣе на мѣстѣ, чѣмъ это дѣлаетъ Левъ Діаконъ. Очень вѣроятно, что дѣятельное византійское правительство воспользовалось благопріятнымъ моментомъ для того, чтобы восстановить, хотя отчасти, свою власть на Дунаѣ, тѣмъ болѣе, что оно располагало значительнымъ флотомъ. Очень возможно также, что послѣ разрушенія Болгарскаго царства Святославомъ власть Византіи была охотно признана многими болгарскими властелями или династами, а можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ здѣсь еще сохранились остатки самобытной готской народности, напримѣръ, около Никополя, и въ такомъ случаѣ, тѣмъ удобнѣе и легче было найти Византійцамъ точку опоры для восстановленія своего положенія на Дунаѣ. Природный ли Грекъ, или Болгаринъ, либо Готѣинъ, выросшій въ столицѣ и получившій греческое образованіе, но во всякомъ случаѣ—представитель имперской власти явился на Дунаѣ съ небольшою свитой, съ небольшимъ гарнизономъ. Онъ былъ потомъ близкимъ свидѣтелемъ дальнѣйшихъ перворотовъ въ ходѣ политики и войны. Наступило время, когда онъ не зналъ болѣе, кому принадлежитъ въ самомъ дѣлѣ Болгарія—Грекамъ или Русскимъ, слѣдуетъ ли о ней говорить „наша земля“ или „ихъ земля“. Русская власть въ Болгаріи, первоначально довольно кроткая и мягкая или казавшаяся такою греческому топарку, пока Святославъ дѣйствовалъ отъ имени императора, сдѣлалась жестокою и свирѣпою. Въ византійскихъ источникахъ мы имѣемъ очень ясныя

указанія на то, когда и почему совершился этотъ поворотъ. Уже Никифоръ Фока убѣдился, что Святославъ не уйдетъ добровольно изъ Болгаріи и вовсе не намѣренъ отдать другимъ свое завоеваніе. Византійское правительство вступило въ союзъ съ царемъ Петромъ, начало возбуждать Болгаръ противъ русской власти. Понятно, что это должно было вызвать реакцію съ противоположной стороны. Левъ Діаконъ (pag. 79, 109; ср. pag. 139) говоритъ о томъ, что Святославъ старался навести страхъ на своихъ противниковъ и исполнѣй подчинить себѣ Болгаръ—именно въ такой связи, какая и сама по себѣ естественна и соотвѣтствуетъ нашимъ объясненіямъ. Вотъ тогда-то „варвары“ забыли справедливость“ и пощаду и безъ разбора начали истреблять всѣхъ своихъ „подданныхъ“. Они обвиняли ихъ въ измѣнѣ, въ нарушеніи клятвы, то-есть, въ союзѣ съ Греками, въ готовности передаться имъ или же своему прирожденному царю.

Нашъ авторъ слѣдилъ за бѣдствіями, которыя разразились надъ его несчастными сосѣдами. Но опасность скоро достигла и его убѣжища. Конечно, мы не имѣемъ указаній на то, чтобы русскія завоеванія и даже русскіе набѣги простирались такъ далеко на западъ, какъ далеко мы должны предполагать мѣстопребываніе нашего топарха, и какъ далеко на западъ были Климаты, но не слѣдуетъ опускать изъ виду союзниковъ Святослава—Венгровъ. Ихъ собственныя сказанія объ участіи въ Болгарской войнѣ, правда, любопытны только какъ образецъ того, какой легендарный характеръ принимаютъ историческія событія у народовъ, долго не имѣвшихъ современныхъ историческихъ записей, — то-есть, въ данномъ случаѣ представляютъ весьма подходящее сравненіе для русской лѣтописи. Однако участіе Венгровъ въ походахъ Святослава несомнѣнно — даже помимо византійскихъ источниковъ. Въ 969 году они явились во Фракіи, отряды ихъ доходили до Солуни, являлись въ виду Константинополя и были причиною замедленія для Лиутпранда, сторавшаго желаніемъ воротиться на родину (Liutpr. leg., с. 45). Потомъ они признали водительство Святослава и подъ его начальствомъ сражались въ рѣшительной битвѣ при Аркадіуполѣ. Такъ какъ они приходили изъ Панноніи, то именно они-то и были тѣми варварами, которые разорили область, гдѣ былъ городъ Климаты, прежде чѣмъ здѣсь утвердился топархъ. Очень естественно, что нашъ авторъ не отличаетъ ясно однихъ варваровъ, находившихся подъ рукою Святослава, отъ другихъ, признававшихъ ту же

самую власть. Нужно, впрочемъ, помнить, что авторъ нашей записки сначала находился ближе къ центру русскихъ операцій въ Болгаріи, то-есть къ Доростолу и Переяславцу, и только потомъ перешель въ Климаты, угрожаемый близостію варварскихъ набѣговъ (ἀπειρήμεν). Были ли враги, которые ему здѣсь снова угрожали, опять Венгры, или же Русскіе, либо Печенѣжскіе загоны—все одно; то-есть, въ томъ и другомъ случаѣ естественно было мѣстнымъ жителямъ, доселѣ „державшимся“ топарха, искать спасенія въ признаніи верховной власти Русскаго князя, ибо онъ дѣйствительно имѣлъ царственное положеніе на сѣверѣ Дуная, и отъ него зависѣли и Печенѣги, и Венгры, участвовавшіе въ его походахъ.

Остается вопросъ: когда и зачѣмъ топархъ совершилъ путешествіе къ Днѣпру или даже за Днѣпръ. На этотъ вопросъ съ нѣкоторою увѣренностію можно будетъ отвѣчать только тогда, когда точнѣе будетъ опредѣленъ, по указаннымъ нами признакамъ, годъ этого путешествія. Очень возможно, что нашъ топархъ былъ спутникомъ Калокира въ его посольствѣ къ Святославу; не будетъ противорѣчія нашимъ соображеніямъ, если мы предположимъ, что онъ былъ главою или участникомъ одного изъ слѣдующихъ посольствъ, о которыхъ говорится у Льва Діакона (pag. 103: πρέσβεις ὡς αὐτὸν ἐκλήμει; pag. 105: αὐτὸς τοῖς πρωσταλέμοις ἀμείβεται τότε и т. д.), и которыя—то или другое—могли падать на время пребыванія Святослава въ Кіевѣ, въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ походомъ. Наконецъ, возможно, что посольство, описанное въ первомъ отрывкѣ, возвращалось вовсе не изъ Кіева, а отъ Печенѣговъ. Извѣстно значеніе, которое Печенѣги имѣли для византійской политики по отношенію къ Руси. „Договоры съ Печенѣгами слѣдуетъ заключать въ томъ смыслѣ“, пишетъ Константинъ Багрянородный,—“чтобъ они обязывались нести службу противъ Руси, Болгаръ и Венгровъ, когда это нужно будетъ императору“. Императорскимъ посланцамъ нѣтъ необходимости, говорится далѣе,—отправляться на Корсунь, чтобы вести переговоры съ Печенѣгами; къ нимъ можно ѣхать прямо на хеландіяхъ и отыскать ихъ при устьяхъ Днѣстра и Днѣпра. Когда читаешь восьмую главу сочиненія „Объ управленіи имперіей“, то невольно приходится на умъ, что нападеніе Печенѣговъ на Кіевъ, принудившее Святослава на время оставить Болгарію, вызвано какимъ-нибудь „царскимъ мужемъ“ (βασιλικός), пріѣзжавшимъ съ подарками въ хеландіяхъ. Еслибъ это былъ авторъ нашей записки, то конечно, не было бы трудно найти объясненіе для того, почему ему пришлось возвращаться сушей. То, что Печенѣги являются союзниками Свя-

тослава во время борьбы съ Цимисхіемъ, нисколько не противорѣчило бы нашему предположенію. Дикіе кочевники не имѣли одной общей власти, и связь между улусами, разсѣянными между Дономъ и Дунаемъ, не была крѣпка, такъ что варвары часто переходили съ одной стороны на другую, а иногда и сражались на обѣихъ сторонахъ.

Византійцы (Scyliz.=Cedren., II, 501) сообщаютъ намъ слѣдующій въ высшей степени интересный и важный фактъ: „Когда Цимисхій держалъ Доростоль въ осадѣ, въ греческій лагерь прибыли послы изъ Константиі (ἐκ Κωνσταντείας) и другихъ крѣпостей, находящихся на той сторонѣ Дуная, и прося прощенія за зло, предавали себя въ руки вмѣстѣ съ укрѣпленіями“. Мы хорошо знаемъ, гдѣ находилась эта Константиі. По словамъ Приска (*Dindorf, Histor. Min. I, 277*) городъ Мезіи Маргъ (Μάργος) лежалъ на рѣкѣ Истрѣ противъ крѣпости Константиі (Κωνσταντείας φρουρίον), находящейся на противоположномъ берегу. Симокатта (pag. 289) говоритъ о Константиолѣ, находившейся вблизи Сингидона, то-есть, теперешней столицы Сербскаго княжества, Бѣлграда. Что касается Марга, то слѣды его находятся у нынѣшняго Костолаца (castellum? См. *Böcking, Notit. dignit., I, 484*). Отсюда мы видимъ, какъ далеко на западъ заходили волны движенія, во главѣ котораго стоялъ Святославъ, ибо обратное движеніе на лѣвомъ берегу Дуная, простиравшееся едва не до Тисы, предполагаетъ также далеко достигавшее завоевательное движеніе съ начала—и конечно, сколько на сѣверной, столько же и на южной сторонѣ Дуная. Преданіе русской лѣтописи о 80 городахъ по Дунаю, завоеванныхъ Святославомъ, имѣетъ за себя большую достовѣрность, чѣмъ дальнѣйшія легендарныя или же наивно-хвастливыя разказы о его борьбѣ съ Цимисхіемъ, идущіе, можетъ быть, изъ источника, не одинаковаго съ прочими лѣтописными отмѣтками. Указанный фактъ сильно подрываетъ основательность нѣкоторыхъ мнѣній, высказанныхъ новѣйшими изслѣдователями. Но для насъ здѣсь важно только то, что онъ даетъ намъ новое право предполагать крѣпость Клемады, находившуюся, очевидно, ближе къ Орсовѣ, чѣмъ къ Доростолу, въ числѣ тѣхъ 80 городовъ, въ которыхъ Святославъ взымалъ дань „на Грыцѣхъ“. Можетъ быть, въ числѣ пословъ, пришедшихъ въ Доростольскій лагерь Цимисхія съ изъявленіемъ раскаянія и покорности, находился и посланецъ нашего топарха.

В. Васильевскій.

О ПРАКТИЧЕСКИХЪ УПРАЖНЕНІЯХЪ ПРИ ПРЕПОДАВАНІИ НОВОЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ ВЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

Въ 1869 году въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (октябрь) появилась статья профессора Дройзена о значеніи практическихъ упражненій студентовъ при изученіи исторіи. Авторъ этой статьи ограничился изложеніемъ общихъ началъ вопроса, не сообщая подробностей приемовъ при организаціи такъ называемыхъ семинарскихъ работъ студентовъ. По поводу этой статьи, немногимъ позже, въ декабрьской книжкѣ того же журнала явилась статья И. И. Срезневскаго, въ которой указывалось на многіе примѣры устройства практическихъ упражненій по разнымъ предметамъ и въ русскихъ университетахъ, на неудовлетворительность рѣшенія этого вопроса запискою г. Дройзена, объяснявшаго лишь то, что ясно и безъ объясненій, то-есть, излагавшаго свой коренной взглядъ на предметъ, а не самую технику дѣла. Нѣсколькими мѣсяцами позже, а именно въ іюльской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1870 годъ, этотъ же вопросъ былъ затронутъ въ статьѣ г. Варадинова: „Необходимость реформы въ нашемъ университетскомъ преподаваніи“, основная мысль которой заключалась въ предложеніи отиѣнить совершенно чтеніе лекцій и замѣнить оныя руководствомъ со стороны профессоровъ при изученіи студентами учебниковъ, соответствующихъ изучаемой наукѣ и составляемыхъ профессорами. Наконецъ, въ декабрьской книжкѣ этого же журнала за 1870 годъ была напечатана моя статья: „О такъ-называемыхъ историческихъ семинаріяхъ при университетахъ Германіи“, въ которой излагалось нѣсколько подробнѣе положеніе дѣла въ нѣмецкихъ университетахъ, указывалось на различные разряды историческихъ семинарій, на технические приемы, на способъ устройства и веденія студенческихъ работъ, и выражалось сожалѣніе о томъ, что весьма лишь рѣдко въ

часть СLXXXV, отд. 3.

печати сообщаются данныя, относящіяся къ столь важному предмету университетскаго быта.

Вотъ что было сказано въ этомъ отношеніи и И. И. Срезневскимъ въ заключеніи упомянутой его статьи: „Позволю себѣ при этомъ выразить желаніе, чтобы наши преподаватели сообщали печатно свѣдѣнія о приѣмахъ научныхъ работъ, которые они считаютъ нужными для передачи молодымъ труженикамъ науки, а равно и тѣ приемы, которые они или сами употребляютъ для веденія работъ своихъ слушателей, или употреблялись и употребляются другими и ими одобряются для этого дѣла. Желательны были бы также и подробныя извѣстія о ходѣ работъ въ университетскихъ рабочихъ, въ зданіяхъ университетовъ и на домахъ преподавателей по разнымъ предметамъ — отъ самихъ тѣхъ, которые въ нихъ занимались. Полная гласность въ этомъ дѣлѣ едва ли менѣе важна и необходима, чѣмъ во всякомъ другомъ“.

О приѣмахъ употребляемыхъ другими, а именно профессорами нѣмецкихъ университетовъ, я сообщилъ подробныя данныя въ вышеупомянутой статьѣ, въ концѣ которой я выразилъ намѣреніе ранѣе или позже сообщить и нѣкоторые результаты собственнаго опыта. Не раньше, однако, какъ нынѣ, послѣ опытовъ и наблюденій, сдѣланныхъ въ извѣстномъ направленіи въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, нахожу возможнымъ привести въ исполненіе это намѣреніе.

Направленіе, въ которомъ я, при преподаваніи русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ, помимо лекцій, устраивалъ практическія занятія студентовъ, опредѣлялось цѣлью создать нѣчто среднее между чтеніемъ лекцій и такъ-называемыми семинарскими работами студентовъ въ томъ родѣ, какъ онѣ происходятъ въ университетахъ Германіи.

Уже въ 1870 году, излагая разныя формы историческихъ семинарій въ Германіи, я выразилъ удивленіе тому, что хотя, двѣ трети всѣхъ профессоровъ и доцентовъ исторіи въ германскихъ университетахъ, не довольствуясь чтеніемъ лекцій, руководятъ практическими занятіями студентовъ, но эти занятія лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ состоятъ въ связи съ читаемымъ въ то самое время профессоромъ или доцентомъ курсомъ. Предметомъ семинарскихъ работъ служатъ почти исключительно спеціальныя вопросы, не входящіе въ составъ лекцій и требующіе самостоятельной монографической разработки. Почти вовсе не встрѣчаются случаи, въ которыхъ занятія помимо лекцій служили бы, такъ сказать, приложеніемъ къ читаемому курсу, важнымъ

дополненіемъ къ нему, объясненіемъ его въ томъ видѣ, въ какомъ преподаваніе естественныхъ наукъ сопровождается демонстраціями и экспериментами, работами съ микроскопомъ или въ химической лабораторіи. Задачи, рѣшаемыя студентами въ историческихъ семинаріяхъ, въ большей части случаевъ не отличаются отъ темъ для диссертациіи. Заниматься же такимъ образомъ самостоятельно, монографически можно лишь послѣ приобрѣтенія множества разныхъ свѣдѣній, послѣ усвоенія разныхъ приемовъ научной техники. Поэтому въ такихъ работахъ участвуютъ болѣею частью только старшіе студенты; менѣе же опытные по необходимости устраняются отъ нихъ. Число слушателей лекцій далеко превосходитъ число участвующихъ въ семинарскихъ работахъ, которыя, какъ видно изъ этого обстоятельства, имѣютъ характеръ чего-то случайнаго, не состоящаго въ органической связи съ изученіемъ предмета вообще. Между тѣмъ какъ ни одинъ студентъ физики не можетъ не присутствовать при опытахъ, и ни одинъ студентъ ботаники не можетъ не изучать техническихъ приемовъ при наблюденіяхъ посредствомъ микроскопа—студентъ исторіи, какъ кажется, въ виду вышеприведеннаго факта, не столько нуждается въ участіи въ семинарскихъ работахъ, именно потому, что онъ въ болѣею части случаевъ не состоитъ въ связи съ лекціями и иногда скорѣе имѣютъ характеръ ученаго общества, члены котораго читаютъ составленныя ими монографіи, чѣмъ характеръ аудиторіи или лабораторіи, въ которой профессоръ руководитъ занятіями учащихся.

Между лекціями и семинаріями оказывается такимъ образомъ пробѣлъ, который, какъ мнѣ кажется, заключаетъ въ себѣ существенный недостатокъ въ преподаваніи исторіи въ университетахъ. Шагъ изъ аудиторіи, въ которой читается лекція, въ семинарію слишкомъ великъ, слишкомъ труденъ, такъ что многіе студенты, изучающіе исторію, вовсе не рѣшаются на попытку сдѣлать этотъ шагъ. Такимъ образомъ большинство студентовъ исторіи довольствуется, такъ сказать, пассивнымъ трудомъ слушанія лекцій, а меньшинство ихъ, иногда даже весьма незначительное, занимается какою-либо спеціальностью, пишетъ ученыя монографіи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже находитъ возможнымъ обогащать науку результатами самостоятельныхъ изслѣдованій. Въ одномъ случаѣ студенты, ограничивающіеся посѣщеніемъ лекцій, и при этомъ даже болѣею частью не записывая оныя, относятся къ профессору такъ, какъ публика относится къ ученому или къ художнику, то-есть, критикуя характеръ

и содержаніе лекціи съ точки зрѣнія обыкновеннаго дилеттантизма; въ другомъ случаѣ студенты-спеціалисты оказываются довольно часто не столько учениками, сколько уже сотрудниками профессора, весьма часто превосходящими послѣдняго въ знаніи того спеціальнаго предмета, по которому пишется въ данномъ случаѣ ученая монографія. И то, и другое, разумѣется, для профессора не можетъ считаться особеннымъ неудобствомъ. Читающій лекціи знаетъ, что всѣ частности содержанія лекцій, всѣ его приемы при группировкѣ предмета и проч., должны подлежать болѣе или менѣе строгой критикѣ; спеціалисты же, особенно историки, въ предметѣ которыхъ фактическая сторона его, количественный трудъ, играютъ столь важную роль, также хорошо знаютъ, что каждый студентъ, хотя сколько-нибудь умѣющій заниматься, въ весьма короткое время можетъ собрать матеріалъ, часть котораго не была извѣстна и не могла быть извѣстною ученому, не занимавшемуся изученіемъ того же самого мелкаго вопроса.

За то для большинства студентовъ ограниченіе слушаніемъ лекцій и то обстоятельство, что весьма лишь немногіе, такъ сказать привилегированные студенты-спеціалисты составляютъ ученые труды, остается безъ особенной пользы. Отношеніе студентовъ къ преподавателю при однихъ лекціяхъ, которыя не превращаются въ бесѣду, остается болѣе официальнымъ; профессоръ не можетъ составить себѣ точнаго понятія о томъ, въ какой мѣрѣ студенты приготовлены для слушанія лекцій, иногда касающихся болѣе или менѣе спеціальныхъ предметовъ, не преподававшихся вовсе въ гимназій, въ какой мѣрѣ они въ состояніи слѣдить за курсомъ, въ какой мѣрѣ ихъ вниманіе останавливается преимущественно на той или другой части предмета, въ изученіи какой вспомогательной науки они нуждаются особенно. и т. п. Студенты не имѣютъ столь частаго случая, какъ это необходимо, обращаться въ профессору съ вопросами, замѣчаніями, съ просьбой объяснить то или другое подробнѣе. Число студентовъ, рѣшающихся посѣтить профессора въ его квартирѣ по поводу такихъ вопросовъ, не велико. Весьма многіе въ продолженіе всего времени пребыванія въ университетѣ не имѣютъ случая бесѣдовать съ профессоромъ. Таково не должно быть отношеніе преподавателя къ учащимся. И менѣе смѣлые, менѣе способные или менѣе хорошо приготовленные должны быть привлечены къ болѣе дѣятельному участію въ изученіи предмета, должны вступить въ болѣе близкое отношеніе къ личности преподавателя. Только такимъ образомъ для большин-

ства студентовъ оказывается возможнымъ болѣе специальное, основательное, научное изученіе предмета.

Г. Варадиновъ въ вышеупомянутой статьѣ предлагалъ совершенно отмѣнить чтеніе лекцій въ университетахъ, такъ какъ слушаніе ихъ отнимаетъ у студента, какъ полагаетъ г. Варадиновъ, совершенно бесполезно большую часть времени пребыванія въ университетѣ. Г. Варадиновъ предлагалъ замѣнить слушаніе лекцій домашними занятіями по учебнику даннаго предмета и не сомнѣвается въ томъ, что наука выиграла бы весьма много, еслибы профессора вмѣсто чтенія лекцій, обрабатывали и печатали свои курсы. Несостоятельность взглядовъ г. Варадинова очевидна, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ университетскому преподаванію исторіи. Число часовъ, посвящаемыхъ студентами на слушаніе лекцій, составляетъ гораздо менѣ половины, да едва ли и третью часть рабочаго времени студента; далѣе парадоксальность тезиса о бесполезности лекцій бросается въ глаза въ виду того, что трудъ профессора, представителя науки, специалиста, употребляющаго не мало времени не только на составленіе вообще курса, но и на приготовленіе къ каждой лекціи, не можетъ же быть дѣломъ совершенно пустымъ, нецѣлесообразнымъ, лишнимъ; предложеніе, чтобы каждому профессору было вмѣнено въ обязанность обработать и издать печатный курсъ по всему предмету, проходимому въ университетѣ, по всѣмъ частямъ его, — предложеніе основанное на томъ предположеніи, что только тотъ профессоръ имѣетъ право быть профессоромъ, который въ состояніи явиться предъ судомъ науки съ книгой, обнимающею весь предметъ, обнаруживаетъ полнѣйшее непониманіе разницы, которая по необходимости бываетъ и должна существовать, по крайней мѣрѣ по предмету исторіи, между обработкою предмета для лекцій и печатною литературою.

Не странно ли однако, что, сколько мнѣ извѣстно, пока нигдѣ не было сдѣлано попытки строгаго опредѣленія разницы между лекціями и книгами? Или такая разница вовсе не существуетъ, и въ такомъ случаѣ г. Варадиновъ правъ, предлагая отмѣнить чтеніе лекцій; или же лекціи существенно отличаются отъ книгъ, и въ такомъ случаѣ оказывается невозможнымъ замѣнить лекціи книгами.

Скажемъ нѣсколько словъ о такомъ различіи между печатною литературою и университетскими курсами, по крайней мѣрѣ по предмету исторіи. Этотъ предметъ до того обширенъ, даже въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ объ исторіи одной лишь страны, напримѣръ,

объ исторіи Россіи, что нельзя требовать отъ преподавателя этого предмета одинаково основательнаго и полнаго знанія всѣхъ частей его. Между тѣмъ какъ чтеніе лекцій по всѣмъ частямъ исторіи возможно и при неравномѣрномъ обладаніи всѣми источниками и проч. всѣхъ частей предмета, печатаніе книги требуетъ большей основательности, а главное большей самостоятельности со стороны автора. Между тѣмъ какъ лекціи уже достигаютъ цѣли, если заключаютъ въ себѣ данныя о современномъ состояніи науки по главнымъ ея вопросамъ, книги должны заключать въ себѣ прибавленіе чего-либо новаго къ добытымъ до того результатамъ науки. Такіе новые результаты, составляющіе предметъ научной исторической литературы, нерѣдко относятся къ столь спеціальнымъ вопросамъ науки, что ихъ значеніе въ обширномъ курсѣ, въ сравненіи съ прочимъ содержаніемъ его, оказывается весьма часто ничтожнымъ. Профессора исторіи сообщаютъ на лекціяхъ о результатахъ монографическихъ изслѣдованій, о своихъ собственныхъ изысканіяхъ обыкновенно весьма кратко, иногда даже немногими словами. Въ большей части случаевъ иное отношеніе къ дѣлу со стороны профессора могло бы считаться весьма крупною ошибкою преподавателя, нарушающаго такимъ образомъ нѣкоторую необходимую при преподаваніи симметрію въ построеніи предмета. Чѣмъ чаще профессоръ имѣетъ случай въ продолженіе курса сообщать результаты собственнаго наблюденія и изслѣдованія, чѣмъ болѣе самостоятельно онъ относится къ предмету, тѣмъ полезнѣе, разумнѣе, должны быть и его лекціи. Требовать же отъ всего содержанія лекцій, какъ и въ отношеніи къ заключающимся въ нихъ частностямъ, той законченности, которую можно и должно требовать отъ печатнаго изданія, было бы совершенно несправедливо и невозможно. Такимъ образомъ лекціи заключаютъ въ себѣ нѣкоторымъ образомъ менѣе чѣмъ книги. Съ другой же стороны лекціи бывають въ большей части случаевъ гораздо богаче содержаніемъ чѣмъ книги, такъ какъ въ нихъ указывается на пробѣлы въ печатной литературѣ по данному предмету, такъ какъ въ нихъ сообщаются разнаго рода сомнѣнія, сужденія о всевозможныхъ вопросахъ, еще не рѣшенныхъ наукой, а лишь мало по малу рѣшаемыхъ. Чѣмъ богаче лекціи критическими замѣчаніями, вопросительными знаками въ научномъ смыслѣ, указаніями на ближайшія и важнѣйшія задачи науки, мимоходными замѣтками о методѣ относительно техники при рѣшеніи такихъ задачъ, о научныхъ приемахъ, употребляемыхъ и другими учеными, и самимъ преподавателемъ, даже гипотезами, однимъ словомъ

такими элементами, которые въ самыхъ лишь рѣдкихъ случаяхъ соотвѣтствуютъ какой-либо необходимости печатнаго публикованія, тѣмъ полезнѣе будетъ чтеніе лекцій. Чѣмъ болѣе, однимъ словомъ, лекціи представляютъ, вмѣсто какой-либо законченности предмета, постепенное развитіе науки, борьбу съ затрудненіями, встрѣчающимися при рѣшеніи научныхъ задачъ, при пополненіи пробѣловъ науки, чѣмъ болѣе лекціи представляютъ науку не какъ нѣчто готовое, а какъ нѣчто готовящееся, тѣмъ менѣе онѣ будутъ походить на книги, тѣмъ болѣе онѣ будутъ цѣлесообразными, поощряющими слушателей къ научнымъ занятіямъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что лекціи не могутъ быть замѣнены книгами, а также и то, что книги нельзя замѣнить лекціями. Превращеніе лекцій въ печатный составленный профессоромъ учебникъ, изученіе котораго составляетъ единственную задачу студента, — дѣло не статочное и въ той самой мѣрѣ лишнее и даже нѣкоторымъ образомъ вредное, какъ литографированіе курсовъ съ цѣлью облегченія приготовленія студентовъ къ испытаніямъ. Цѣлью лекцій должно считать привлеченіе студентовъ къ научнымъ занятіямъ. Цѣлью пребыванія студентовъ въ университетахъ не должно считать слушаніе лекцій и заучиваніе „записокъ“ или составленнаго профессоромъ данной науки печатнаго учебника, а занятія наукою. Лекціи же должны служить средствомъ введенія въ таковыя занятія. Нѣкоторое ознакомленіе съ наукою вообще, съ разными частями ея, съ характеромъ соотвѣтствующихъ ей приемовъ должно отчасти предшествовать болѣе или менѣе самостоятельнымъ занятіямъ студентовъ, отчасти идти рука объ руку съ такими занятіями. Такъ, напримѣръ, обзоръ главныхъ группъ матеріаловъ для разработки исторіи, общее источниковѣдѣніе, столь мало разработанное въ печатной литературѣ, и разработка котораго, въ законченныхъ печатныхъ трудахъ, требуетъ множества предварительныхъ работъ и сопряжена съ чрезвычайными затрудненіями, должно составлять весьма важную, чуть ли не самую существенную и нивагь незамѣнимую какинъ-либо „учебникомъ“ часть историческихъ лекцій, именно ту часть, которая легче и непосредственнѣе всего можетъ повести студентовъ къ занятіямъ помимо слушанія лекцій.

Эти занятія, какъ мы видѣли, въ большей части случаевъ въ такъ называемыхъ семинаріяхъ при германскихъ университетахъ имѣющіе характеръ ученыхъ работъ, то-есть, состоящіи въ монографическомъ изслѣдованіи специальныхъ вопросовъ, въ сочиненіи монографій, могутъ заключаться въ разныхъ другихъ упражненіяхъ, которыя должны

имѣть цѣлю ознакомленіе студентовъ - историковъ съ важнѣйшими приемами научной техники. Болѣе сложнымъ задачамъ, рѣшеніе которыхъ можетъ заключать въ себѣ обогащеніе науки новыми результатами, должны предшествовать менѣе сложныя, служащія, прежде всего какъ-бы дополненіемъ къ лекціямъ. Между тѣмъ какъ лекціи знакомятъ слушателя съ общимъ взглядомъ профессора на науку, съ архитектурой или систематикою предмета, съ его объемомъ гораздо болѣе, тѣмъ со многими частностями, занятія помимо лекцій должны представлять собою случаи ознакомленія съ теоріей предмета въ частностяхъ и съ техническими приемами его. Въ лекціяхъ сообщаются результаты науки; въ упражненіяхъ указывается путь для достиженія результатовъ. Въ гораздо большей степени, говоритъ Бокль, тѣ ученые могутъ считаться благодѣтелями челоуѣчества, которые опредѣляютъ способъ, какимъ вообще можно дѣлать открытія, чѣмъ тѣ, которые дѣлаютъ открытія. Соответственно этому услуга, оказанная профессоромъ студенту-историку при руководствѣ практическими упражненіями послѣдняго стоитъ гораздо выше услуги, оказанной студенту-историку чрезъ чтеніе лекцій. Вопросы методологій, разумѣется, могутъ быть затрогиваемы весьма часто и въ лекціяхъ, но въ упражненіяхъ такіе вопросы по необходимости будутъ встрѣчаться на каждомъ шагѣ и постоянно находиться на первомъ планѣ.

Изъ моей статьи видно, что въ историческихъ семинаріяхъ при германскихъ университетахъ нерѣдко встрѣчается нѣкоторая спеціализація этихъ учрежденій смотря по тому, какому званію желаютъ посвятить себя занимающіеся въ такихъ учрежденіяхъ. Для готовящихся къ званію учителя исторіи существуютъ особыя семинарскія отдѣленія; для готовящихся къ званію архиваріусовъ—также особыя семинарія и т. п. Этимъ спеціальнымъ упражненіямъ непремѣнно должны предшествовать болѣе общія занятія, которыя имѣли бы цѣлю воспитывать вообще историковъ, развитъ обще-историческое энциклопедическое образованіе, независимо отъ дальнѣйшей карьеры учащагося. Для полученія хотя бы нѣсколько болѣе полнаго историческаго образованія нельзя довольствоваться обыкновеннымъ чтеніемъ историческихъ книгъ или слушаніемъ лекцій. Профессоръ исторіи, ограничивающійся чтеніемъ лекцій, можетъ быть сравненъ съ архитекторомъ, который показываетъ своимъ ученикамъ лишь одинъ фасадъ зданія, или съ скульпторомъ, который вмѣсто того, чтобы пригласить своихъ учениковъ въ свою мастерскую довольствуется хожденіемъ съ ними по галереямъ, гдѣ выставлены готовыя произведенія ваянія. Анатомъ

указываетъ своимъ ученикамъ не только на трупъ, но и на технические приемы при приготовленіи препарата; ботаникъ не довольствуется ни чтеніемъ лекцій, ни даже обыкновенными демонстраціями, но учитъ также, какъ должно обращаться съ микроскопомъ, какъ должно готовить микроскопическіе объекты и пр.

Совершенно сообразно со всѣмъ этимъ и профессоръ-историкъ по возможности чаще долженъ сходить съ кафедры, на которой читалась лекція, и указывать при помощи разныхъ видовъ матеріала на способъ составленія историческихъ книгъ, на научные приемы исторической критики, на разные виды историческаго толкованія, на преимущества и недостатки важнѣйшихъ произведеній исторической литературы, общихъ и специальныхъ соглашеній, сборниковъ, періодическихъ изданій, пособій, учебниковъ и т. д. Такимъ образомъ студентъ-историкъ имѣетъ возможность взглянуть болѣе или менѣе подробно въ мастерскую того или другаго историка, сочиненіе котораго подвергается строгому разбору, а главное въ мастерскую самаго профессора.

Задача профессора руководить такими занятіями требуетъ поэтому гораздо большаго знанія предмета, чѣмъ чтеніе лекцій, гораздо большей опытности и въ техническихъ приемахъ науки, гораздо болѣе широкаго энциклопедическаго образованія. Монологъ профессора на кафедрѣ при чтеніи лекціи доставляетъ ему возможность ограничиваться обращеніемъ вниманія или по преимуществу, или исключительно на тѣ части и вопросы науки, съ которыми онъ самъ хорошо знакомъ. Задача профессора, читающаго лекцію, довольно опредѣленна и ограничена. Пробѣлы въ знаніяхъ профессора не замѣчаются, не обнаруживаются. Авторитетность профессора, какъ представителя науки, гораздо легче обезпечена однимъ чтеніемъ лекцій. Профессоръ, и вполнѣ основательно знакомый со всѣми частностями предмета, во многихъ случаяхъ будетъ въ состояніи прочесть болѣе или менѣе хорошій курсъ; несамостоятельное отношеніе его къ предмету даже не всегда будетъ особенною бѣдою, лишь бы общее научное образованіе профессора, его научный и литературный тактъ доставляли ему возможность составить удачную компіляцію, сдѣлать сводъ результатовъ данной научной литературы, останавливаться при выборѣ пособій для составленія курса на самыхъ капитальныхъ трудахъ.

Всего этого недостаточно при руководствѣ практическими занятіями студентовъ. Тутъ каждую минуту представляются сужденія о всевозможныхъ специальностяхъ, указанія на разные отрасли литературы

по данному предмету, намеки на различные приемы техники, всякаго рода справки, вопросы, сомнѣнія, недоумѣнія и пр. Поэтому, между тѣмъ какъ лекцію можно сравнить съ весьма легкою задачею, то-есть, напимѣрь, съ заданныхъ урокомъ — *sit venia verbo*, — практическія упражненія профессора могутъ считаться для послѣдняго тѣмъ-то въ родѣ испытанія по цѣлому преподаваемому имъ предмету, или по крайней мѣрѣ, по значительной части даннаго предмета. Не мудро по-этому, что въ бѣльшей части случаевъ молодые, менѣе опытные преподаватели, лишь поступившіе на поприще университетское, чтеніе лекцій предпочитаютъ руководству практическими упражненіями. Для послѣднихъ нужно быть специалистомъ въ полномъ смыслѣ слова; сдѣлаться же специалистомъ можно лишь путемъ продолжительныхъ монографическихъ занятій предметомъ. Обладать наукою, быть въ ней, такъ сказать, ховянною, чувствовать себя въ ней дома, можно лишь путемъ многолѣтняго житія въ ея зданіи.

Занимавшись въ продолженіе пятнадцати лѣтъ преподаваніемъ исторіи въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, я не ранѣе какъ въ послѣднее время, а именно, въ продолженіе четырехлѣтняго преподаванія исторіи Россіи въ Дерптскомъ университетѣ, могъ въ отношеніи къ вопросу о практическихъ упражненіяхъ прійти къ извѣстнымъ результатамъ, то-есть, составить себѣ путемъ многолѣтняго опыта болѣе точное и ясное понятіе о достигаемой путемъ такого рода университетскаго преподаванія цѣли и о средствахъ для достиженія цѣли. Вотъ почему я не ранѣе какъ въ настоящее время могу считать своимъ долгомъ исполнить свое обѣщаніе, сдѣланное въ концѣ моей статьи объ историческихъ семинаріяхъ въ Германіи въ 1870 году, и вмѣстѣ съ тѣмъ отозваться на высказанное въ 1869 году нашимъ почтеннымъ ученымъ И. И. Срезневскимъ желаніе: „чтобы наши преподаватели сообщали печатно свѣдѣнія о приемахъ научныхъ работъ, которые они считаютъ нужными для передачи молодымъ труженикамъ науки“. Приступая къ изложенію главныхъ началъ моей практики въ этомъ отношеніи, я не могу не выразить сожалѣнія, что пока, сколько мнѣ извѣстно, желаніе, высказанное г. Срезневскимъ, не было исполнено ни однимъ изъ нашихъ профессоровъ этого предмета. Краткія замѣтки на этотъ счетъ въ университетскихъ отчетахъ, разумѣется, не могутъ считаться удовлетвореніемъ выраженной г. Срезневскимъ потребности. То, что заключается въ отношеніи къ этому вопросу въ университетскихъ отчетахъ, напротивъ заставляеть думать, что практическія занятія студентовъ

подъ руководствомъ профессора по предмету исторіи еще далеко не столь развиты и распространены, какъ слѣдовало бы желать въ интересѣ университетскаго быта вообще и въ интересѣ нашей науки въ особенности.

Въ продолженіе четырехъ лѣтъ мною было употреблено на преподаваніе русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ немного болѣе 600 часовъ ¹⁾. Половина этого времени была посвящена лекціямъ, а другая половина была употреблена на приблизительно 150 двух-часовыхъ засѣданій. Около двухъ третей этихъ засѣданій имѣли цѣлью чтеніе источниковъ и демонстраціи въ видѣ приложенія къ читаемому въ данное время курсу; одна треть, то-есть, около 50 засѣданій, была посвящена разбору монографически изслѣдуемыхъ или мною самимъ или студентами специальныхъ вопросовъ, независимо отъ читавшихся въ данное время лекцій; около половины монографическихъ изслѣдованій или разсужденій были читаны мною, около половины — студентами.

Позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ разныхъ видовъ таковыхъ устраиваемыхъ мною практическихъ упражненій, ограничиваясь при этомъ исторіей Россіи въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ.

Чтеніе источниковъ съ видъ приложенія къ лекціямъ происходило двоякимъ образомъ: или цѣлью засѣданія было ознакомленіе слушателей съ однимъ изъ источниковъ исторіи данной эпохи вообще, или же цѣлью засѣданія былъ разборъ нѣкоторыхъ источниковъ, относящихся къ какому-либо событію.

Засѣданія, въ которыхъ читались отдѣльные источники, имѣли содержаніемъ чтеніе между прочимъ слѣдующихъ матеріаловъ:

1505—1605 гг. Герберштейна „*Regum Moscovit. Commentarii*“ (въ двухъ засѣданіяхъ); при этомъ монографія Аделунга о Герберштейнѣ. Записки Павла Ювія о Россіи по разказамъ русскаго толмача Димитрія Герасимова; при этомъ сказанное объ этомъ писателѣ въ сочиненіи Аделунга „*Uebersicht der Reisenden in Russland*“ и въ монографіи Ранке „*Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber (Leipzig und Berlin, 1824, стр. 68—79)*“. Сочиненіе князя А. М. Курбскаго „*Исторія Вел. Кн. Московскаго о дѣлахъ, яже слышхомъ у достовѣрныхъ*

¹⁾ Кроме того, мною въ продолженіе всего этого времени были читаны лекціи по разнымъ предметамъ всеобщей исторіи, а дагѣ по энциклопедіи и методологіи исторіи.

музей и яже видѣхомъ очима нашими“, изданія Устрялова; при этомъ указаніе на біографію Курбскаго, составленную г. С. Горскимъ, и на изданіе актовъ подъ заглавіемъ: „Жизнь Курбскаго въ Литвѣ и Волыни“. Сочиненіе Таубе и Крузе „Zur Iwan der Grausame. Sendschreiben an Gotthard Kettler, Herzog zu Kurland etc.“ въ сборникѣ Эверса и Энгельгардта: „Beiträge zur Kenntniss Russland's“. Отъзвы въ Псковской летописи о Василиѣ и Іоаннѣ Грозномъ. Сборникъ Тургенева „Historica Russiae monumenta“. Нѣсколько актовъ, относящихся къ Василию и Іоанну Грозному. Записки Флетчера. Особое сказаніе о вятин Казани въ IV т. Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, вмѣстѣ съ разказомъ Курбскаго объ этомъ событіи въ изданіи Устрялова. Кромѣ того, прочитаны были, между прочимъ, письма Василя къ Еленѣ въ „Актахъ западной Россіи“, глава изъ сочиненія Рихтера „Geschichte der Medicin in Russland“ о болѣзни и кончинѣ царя Василя, отъзвы Юрія Крижанича и Петра объ Іоаннѣ Грозномъ и т. п.

1605 — 1613. Указано на нѣсколько сборниковъ актовъ и дѣловыхъ бумагъ и читано нѣсколько документовъ изъ таковыхъ коллекцій, какъ-то: изъ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, изъ сборника Тургенева: „Historica Russiae monumenta“ и изъ „Актовъ Историческихъ“. Чтеніе изданій Устрялова („Сказанія Современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ“) и Муханова, а именно: Записки Георга Паерле. Дневникъ Марины. Дневникъ польскихъ пословъ. Дневникъ Маскѣвича. Записки Маржерета. Записки Буссова, безъ основанія приписываемы Бэру. Рукопись Филарета. Записки Жолкѣвскаго. Кромѣ того, были читаны нѣкоторыя выдержки изъ сочиненія „La légende de la vie et de la mort de Demetrius l'Imposteur“ (изд. вн. Оболенскаго) и изъ письма Пожарскаго къ императору Матію (изд. Аделунга).

1613 — 1725. Котошихинъ, О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Выходы царей. Статейные списки Чемоданова, Лихачева и пр. въ X-мъ томѣ Памятниковъ Дипломатическихъ Сношеній. Сочиненіе Петра „Historien und Bericht von dem Grosfürstenthum Muschkow“. Сочиненіе Оларія о его путешествіи въ Московское и Персидское царства. Дневникъ Патрика Гордона. Сочиненіе Посселята о Фравцѣ Лефортѣ, изъ котораго читались главнымъ образомъ письма Лефорта къ его родственникамъ. Записки Желябужскаго. Сочиненіе Штраленберга „Das nord und östliche Theil von Europa und Asien“. Записки Джона Перри. Записки Фокеродта. Автобіографія

Неплюева. Письма Петра Великаго въ разныхъ изданіяхъ. Записка о путешествіи Шереметева.

1725—1796. Третья часть сочиненія Вебера „Das neuveränderte Russland“, съ особеннымъ обращеніемъ вниманія на проектъ воспитанія Петра II, составленный Остерманомъ. Окончаніе дневника Бергольца. Записки дюка де-Лирія и его депеши во II т. сборника *Осьмнадцатый вѣкъ*. Письма леди Рондо. Записки Миниха „Ebauche pour donner une idée sur la forme du gouvernement en Russie“. Записки Мипниха, сына фельдмаршала. Записки Шаховскаго. Записки Нащокина. „О поврежденіи нравовъ“ князя М. Щербатова. Записки Манштейна. Дневникъ Храповицкаго. Нѣкоторыя выдержки изъ протоколовъ засѣданій собранія депутатовъ 1768 года въ *Сборникъ Русскаго Историческаго Общества*. Письма и бумаги Екатерины. изд. Вычковымъ. Briefwechsel Joseph's II mit Katharina von Russland, и пр.

Цѣль нѣсколько болѣе подробнаго ознакомленія слушателей съ каждымъ изъ этихъ источниковъ въ продолженіе одного или двухъ засѣданій достигается не иначе какъ при довольно тщательномъ приготовленіи источника, такъ сказать, въ видѣ хрестоматіи для чтенія. Въ началѣ засѣданія сообщается вкратцѣ біографія автора записокъ, чтеніе которыхъ служитъ предметомъ засѣданія. Особенно легкимъ и благодарнымъ оказывается рѣшеніе такой задачи въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ существуютъ особыя монографіи о составителяхъ записокъ. Такъ, напримѣръ, сочиненія Аделунга о Герберштейнѣ и о Майербергѣ, біографическія замѣтки къ изданіямъ писемъ леди Рондо и къ запискамъ дюка де-Лирія (подъ редакціей г. Шубинскаго), составленныя К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, біографія Храповицкаго въ изданіи дневника его, сдѣланномъ г. Барсуковымъ, и пр., служатъ весьма удобнымъ пособіемъ при сообщеніи, прежде чтенія источника, біографическихъ данныхъ объ авторѣ записокъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ о личности автора приходится говорить нѣсколько подробнѣе. Такъ, напримѣръ, при чтеніи хроники Буссова оказалось необходимымъ сопоставить замѣтки Устрялова во введеніи къ изученію этого источника, приписываемаго имъ Бэру, съ замѣтками на этотъ счетъ въ изданіи Аделунга „Uebersicht der Reisenden in Russland“, а особенно же съ прекрасною монографіей по этому предмету академика Куніка въ VIII-мъ томѣ *Bulletin de la classe des sciences historiques*. Иногда приходится останавливаться на вопросѣ объ опредѣленіи времени составленія источника, представляется, напримѣръ, доказательство, что Фокеродтъ составилъ свои записки въ 1737 году, что Щер-

батовъ свою записку о поврежденіи нравовъ писалъ въ 1788 — 1789 годахъ, и т. п. Въ другихъ случаяхъ обсуждается вопросъ объ авторствѣ, напримѣръ, указывается на всѣ тѣ мѣста въ „Ebauche“ графа Б. Миниха, изъ которыхъ можно заключить, что никто иной какъ онъ былъ авторомъ этой записки.

Далѣе сообщаются, прежде чтенія источника, еще библиографическія данныя объ источникѣ. Такъ, напримѣръ, доказывалась несостоятельность положенія Аделунга о появленіи записокъ Джона Перри уже въ 1698 году; въ другомъ случаѣ сообщалось нѣсколько данныхъ о разныхъ изданіяхъ и переводахъ, напримѣръ, записокъ Манштейна, Фокеродта, Майерберга и пр.

Нѣсколько подробнѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ говорилось о способѣ издавать разнаго рода памятники и записи, указывалось на преимущества и недостатки различныхъ изданій. Такъ, напримѣръ, подвергались разбору техническіе приемы при изданіи такъ называемой „Рукописи Филарета“, и вообще указывалось на научный тактъ, обнаруживающійся въ изданіяхъ Муханова; притомъ приходилось при чтеніи этихъ записокъ Жюльѣвскаго нѣсколько подробнѣе разсматривать приложенія къ изданію этого источника, въ которыхъ предлагаются изслѣдованія о нѣкоторыхъ специальныхъ вопросахъ. Болѣе основательныя разсужденія о вопросахъ методологій и техники при изданіи историческихъ памятниковъ составляютъ весьма важную часть этихъ занятій. Такъ, выставлялись на видъ существенныя недостатки разныхъ изданій, напримѣръ, „Памятниковъ Дипломатическихъ Сношеній“, „Отеческаго завѣщанія къ сыну“ Ивана Посошкова, записокъ Фокеродта, дневника Храповицкаго, а съ другой стороны указывалось на умѣніе относиться къ издаваемому матеріалу со стороны такихъ ученыхъ, каковы г. Гротъ, Пекарскій и др. Сравненіе, напримѣръ, приемовъ при изданіи переписки Екатетерины II съ Іосифомъ II съ изданіемъ Писемъ и бумагъ Екатерины II, хранящихся въ Императорской Публичной Библиотекѣ повело къ предпочтенію способа работы г. Арнета въ Вѣнѣ приемамъ г. Бычкова.

Далѣе обсуждался вопросъ о комментаріяхъ, объяснительныхъ указателяхъ и т. д. при изданіяхъ подобнаго рода памятниковъ, при чемъ, къ сожалѣнію, результатомъ таковыхъ изысканій было заключеніе, сдѣланное на основаніи сравненія различныхъ изданій, что въ настоящее время хорошія комментаріи бываютъ весьма рѣдкимъ исключеніемъ, и что, напримѣръ, замѣчанія, которыми покойный Устряловъ обыкновенно сопровождалъ свои изданія, имѣютъ гораздо болѣе

научный характеръ приложений, указателей, комментариевъ къ нѣкоторымъ изданіямъ, вышедшимъ въ послѣднее время, напримѣръ, къ запискамъ Миниха или къ дневнику Храповицкаго. Какъ на образецъ комментарія указывалось на превосходное изданіе сочиненій Державина, Я. К. Грота.

Приготовленіе источника для хрестоматическаго чтенія въ засѣданіи заключалось въ составленіи краткихъ выписокъ въ видѣ подробнаго оглавленія содержанія его; нѣкоторыя мѣста сообщались устно, другія читались дословно или мною, или студентами. Значительный выигрышь времени заключается въ предварительномъ точномъ опредѣленіи тѣхъ мѣстъ, которыя непременно должны быть прочитаны цѣликомъ, мѣстъ, характеризующихъ значеніе памятника, рисующихъ личный взглядъ автора или заключающихъ въ себѣ особенно важный матеріалъ для объясненія какого-либо историческаго факта. Устное воспроизведеніе большей части содержанія какого-либо одного изъ вышепомянутыхъ источниковъ и чтеніе около десятка или двухъ десятковъ мѣстъ обыкновенно требуютъ около половины засѣданія, послѣ того какъ первая половина засѣданія посвящена замѣчаніямъ о свойствѣ памятника, о біографіи автора записокъ, о приемахъ при изданіи такого рода источниковъ и т. п. Самое чтеніе и объясненіе содержанія памятника прерывается весьма часто замѣчаніями и вопросами студентовъ; засѣданіе не имѣетъ характера лекціи, но состоитъ въ бесѣдѣ, въ которой всѣ участвующіе, или по крайней мѣрѣ большая часть присутствующихъ, принимаютъ дѣятельное участіе. Въ возбужденіи такого участія, въ поощреніи говорить, дѣлать замѣчанія, собирать соображенія, выражать сомнѣнія, предлагать профессору вопросы заключается, какъ мнѣ кажется, значительная часть задачи таковыхъ упражненій. Такимъ образомъ весьма часто рождается въ студентѣ желаніе прочесть какое-либо сочиненіе или даже заняться изслѣдованіемъ какого-либо вопроса. Тутъ именно предлагаются мимоходомъ разныя темы для работъ, для кандидатскихъ диссертаций и пр., о частностяхъ которыхъ, впрочемъ, разумѣется, профессоръ объясняется подробно съ предпринимающимъ что-либо въ томъ родѣ студентомъ у себя на дому. То обстоятельство, что такого рода засѣданія служатъ средствомъ для личнаго сближенія профессора со студентами и болѣе или менѣе частаго посѣщенія перваго послѣдними, мнѣ кажется весьма важнымъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ источникъ, который разсматривался въ засѣданіи, уже предварительно находился, въ одномъ или въ нѣсколь-

кихъ экземплярахъ, въ рукахъ того или другаго изъ студентовъ. Иногда — и это случалось весьма часто — послѣ окончанія засѣданія студенты изъявляли желаніе получить источникъ на домъ для подробнаго прочтенія или разбора. По возможности должно имѣть въ такихъ засѣданіяхъ болѣе одного экземпляра источника. Такъ, напримѣръ, при чтеніи записокъ Джона Перри, въ рукахъ участвовавшихъ находилось не менѣе четырехъ экземпляровъ этого источника, а именно переводы: французскій, голландскій, нѣмецкій и русскій. При чтеніи записокъ Манштейна мы имѣли экземпляры: русскій, французскій и нѣмецкій и т. п. То обстоятельство, что у насъ такъ часто историки для своихъ работъ пользуются не подлинниками, а переводами, заставляло меня по возможности чаще указывать на погрѣшности въ переводахъ, на различіе изданій, напримѣръ, на ошибки во французскомъ изданіи сочиненія Майерберга „*Iter in Moscuoviam*“, на различіе между изданіемъ хроникъ Буссова Устрялова и изданіемъ нѣмецкаго текста въ сборникѣ: „*Regum Rossicarum scriptores exteri*“ и т. п.

Засѣданія этого рода происходили или у меня на дому, или въ библиотекѣ университета, или въ особенномъ помѣщеніи, назначенномъ въ послѣднее время для таковыхъ засѣданій по разнымъ предметамъ историко-филологическаго факультета, или же и въ аудиторіи, гдѣ однако для этой цѣли былъ поставленъ особенный столъ. Устройство засѣданія на квартирѣ у профессора или въ университетской библиотекѣ представляетъ ту весьма важную выгоду, что въ каждую минуту, во время засѣданія, при случаѣ, можно дѣлать справки въ разныхъ книгахъ и другихъ, учебныхъ пособіяхъ. При устройствѣ таковыхъ засѣданій въ аудиторіи, мнѣ кажется достойнымъ вниманія правило, чтобы профессоръ не находился на кафедрѣ. Этимъ обуславливается большая смѣлость студентовъ говорить и спрашивать. Все сказанное профессоромъ на кафедрѣ легко получаетъ характеръ лекціи, характеръ, котораго не должны имѣть эти засѣданія.

Нѣсколько засѣданій были посвящены *демонстраціямъ* въ слѣдующемъ видѣ. Въ одномъ засѣданіи рассматривались рисунки къ сочиненію Аделунга о Майербергѣ, при чемъ читались отчасти объясненія рисунковъ, составленныхъ самимъ Майербергомъ. Въ другомъ засѣданіи происходило рассматриваніе разныхъ географическихъ картъ Россіи и Азіи, въ особенности же Каспійскаго моря, встрѣчающихся въ сочиненіяхъ Олеарія, Витсена „*Noord en Oest-Tatarije*“, Штраленберга, при чемъ служило пособіемъ прекрасное сочиненіе К. М. Бэра

„Peters des Grossen Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kenntnisse“. Нѣсколько засѣданій были посвящены объясненію изображеній въ изданіи „Русскія древности“. Въ одномъ засѣданіи разсматривались и объяснялись карты, планы и снимки къ Исторіи царствованія Петра Великаго, Устрялова. Далѣе были разсматриваемы во всѣхъ томахъ „Русскихъ древностей“ тѣ изображенія разныхъ предметовъ, которыя относятся къ исторіи эпохи Петра Великаго и т. п.

Такого рода занятія, требующія впрочемъ особеннаго, иногда довольно сложнаго приготовленія со стороны профессора, оказываются чрезвычайно полезными и привлекательными. Для усиленія и развитія этого вида преподаванія отечественной исторіи было бы необходимо составленіе учебныхъ коллекцій или самихъ предметовъ бытовой исторіи, или же изображеній и факсимиле таковыхъ предметовъ. Нельзя не желать, чтобы каждый студентъ, занимающійся исторіей имѣлъ по возможности болѣе случая видѣть и изучать свойства памятниковъ вещественныхъ, знакомиться съ нумизматическими коллекціями, палеографическими снимками и пр. Коллекціи этого рода, существующія при университетахъ, почти никогда не служатъ пособіемъ при преподаваніи и требуютъ коренной реорганизаціи. Этотъ вопросъ былъ поднятъ мною на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ, и я намѣренъ посвятить ему болѣе подробное изложеніе въ особой статьѣ. При нынѣшнемъ же положеніи дѣла, то-есть при отсутствіи коллекцій *учебныхъ* пособій при университетахъ, задача профессора, желающаго примѣнить и этотъ видъ преподаванія исторіи, оказывается весьма сложною и трудною. Существованіе полнаго, удачнаго и систематически составленнаго прибора учебныхъ пособій (Lehrapparat) для преподаванія отечественной исторіи въ университетахъ было бы значительнымъ облегченіемъ для профессора и мощнымъ орудіемъ поощренія къ серьезнымъ занятіямъ, какъ профессора, такъ и студентовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что успѣхъ преподаванія другихъ наукъ въ университетахъ, а именно естественныхъ, значительною долей обусловливался развитіемъ таковыхъ коллекцій учебныхъ пособій и способа нагляднаго обученія, заставляющаго профессора не ограничиваться чтеніемъ лекцій, а также руководить разнаго рода занятіями учащихъся. Вопросъ о таковыхъ учебныхъ коллекціяхъ по предмету исторіи Россіи въ университетахъ, поднятый мною въ Кіевѣ въ 1874 году, будетъ, надѣюсь, предметомъ обсужденія на ближайшемъ съѣздѣ, имѣющемъ быть въ Казани въ 1877 году.

Рѣшеніе его можетъ имѣть большое значеніе для практики и технии преподаванія исторіи въ нашихъ университетахъ.

Чтеніе нѣсколькихъ источниковъ и сравненіе ихъ между собою для изученія какого-либо событія служило, такъ сказать, звеномъ между занятіемъ однимъ какимъ-либо источникомъ и монографическимъ изслѣдованіемъ какого-либо вопроса. Вотъ нѣкоторые примѣры засѣданій, въ которыхъ читалось нѣсколько источниковъ.

Въ двухъ засѣданіяхъ читались разные источники, относящіеся къ стрѣльцкому бунту 1682 года. Прежде всего при этомъ случаѣ указывалось на нѣкоторые источники, изданные Сахаровымъ въ его „Запискахъ Русскихъ людей“, а именно—читались выдержки изъ записокъ Медвѣдева и Матвѣева. Далѣе, читались нѣкоторыя выдержки изъ донесенія датскаго резидента Бутенанта фонъ-Розенбуша, которое помѣщено въ приложеніяхъ къ первому тому сочиненія Устрялова о Петрѣ Великомъ. Затѣмъ указывалось на разказъ объ этихъ событіяхъ въ тринадцатомъ томѣ изданія „Theatrum Europaeum“. Кромѣ того, отчасти на лекціяхъ, отчасти въ засѣданіяхъ указывалось на подробный разборъ источниковъ исторіи 1682 года въ сочиненіи Аристовъ о царевнѣ Софіи ¹⁾. При этомъ случаѣ было много поводовъ къ разнымъ замѣчаніямъ о томъ, въ какой мѣрѣ осторожно должно пользоваться различными источниками, и какимъ образомъ можно объяснить противорѣчія между ними. При чтеніи современной брошюры „Kurtze und gründliche Relation, wie die vornehmste Moscovitische Herren in der Stadt Mosscow, Anno 1682, jämmerlich seyn niedergehawen“ и пр. обсуждался вопросъ, находился ли авторъ въ 1682 г. въ Москвѣ или нѣтъ, и писано все это повѣствованіе въ 1682 г. или позже, то есть, въ 1686 г., въ томъ самомъ, когда эта любопытная брошюра была напечатана? Особенно подробно говорилось о характерѣ записокъ Медвѣдева, далѣе указывалось на сходство повѣствованія Бутенанта фонъ-Розенбуша и разказа въ „Theatrum europaeum“, при чемъ, однако, обнаружилось и нѣкоторое различіе между этими источниками, и пр.

Другимъ предметомъ, представившимъ случай для чтенія и сравненія нѣкоторыхъ источниковъ, относящихся къ одному и тому же событію, служили походы князя В. В. Голицына въ 1687 и 1689 годахъ, а также азовскіе походы Петра Великаго. Читались разные приложе-

¹⁾ Съ тѣхъ поръ Погодинъ подвергнулъ особенно тщательному разбору источники 1682 года въ своемъ последнемъ сочиненіи.

нія въ сочиненіи Устрялова, дневникъ Гордона, разсматривались планы и т. п.

Вопросъ о вступленіи на престолъ Екатерины I былъ разсматриваемъ по слѣдующимъ источникамъ: записки Бассевича (сборникъ Бюшинга, т. IX), дневникъ Бергольца (сборникъ Бюшинга, т. XXII), депеши Лефорта въ сборникъ Германна „Beiträge“ и пр., депеши Френсдорфа въ сочиненіи Германна „Geschichte des Russischen Staats“ и нѣкоторые матеріалы въ драгоценномъ сочиненіи Шмидтъ-Физельдека объ исторіи Россіи въ XVIII вѣкѣ.

Подробнѣе мы занимались исторіей вступленія на престолъ императрицы Анны Іоанновны. Тутъ было прежде всего указано, на матеріалы, относящіеся къ этому событію и встрѣчающіеся въ запискахъ Вебера, Минниха сына, Манштейна, дюка Лирійскаго и пр. Особенное вниманіе было обращено на различіе редакцій „кондицій“ въ различныхъ источникахъ. Цѣликомъ при этомъ случаѣ читались депеши Маньяна въ изданіи „La cour de la Russie il y a cent ans“, нѣкоторые матеріалы въ сборникѣ, изданномъ Кашпиревымъ: „Памятники новой русской исторіи“, въ сочиненіи Шмидтъ-Физельдека и т. п.

Такой тщательный разборъ нѣкоторыхъ источниковъ, относящихся къ одному и тому же событію, весьма легко даетъ поводъ къ домашнимъ занятіямъ студентовъ, которые, въ подобныхъ случаяхъ, нерѣдко рѣшаются заняться изслѣдованіемъ какого-либо частнаго вопроса. Сначала они подвергаютъ чтенію и разбору одинъ источникъ въ отношеніи къ какому-либо вопросу, а затѣмъ приступаютъ къ сравненію нѣсколькихъ источниковъ по тому же предмету, и наконецъ производятъ научное изслѣдованіе всего вопроса по всѣмъ матеріаламъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе нашихъ занятій студентами были представлены болѣе или менѣе обширныя, болѣе или менѣе самостоятельныя работы. Эти работы отчасти заключались въ составленіи выписокъ.

Работы студентовъ менѣе сложныя заключались, между прочимъ, въ рѣшеніи слѣдующихъ задачъ. В. и Ф. составили по Котошихину очерки административнаго быта при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; Ш. извлекъ изъ записокъ Храповицкаго все то, что относится къ Франціи и французской революціи; П. сообщилъ замѣтку о самозванцахъ 1788 года по матеріаламъ, напечатаннымъ въ *Русскомъ Архивѣ*.

Болѣе сложными задачами были: составленіе студентомъ М. очерка исторіи чумы въ Москвѣ 1771 года; студентъ Э. подвергнулъ весьма тщательному разбору вопросъ объ убіеніи дипломатическаго

агента Синклера въ 1739 году; студентъ П. изслѣдовалъ вопросъ о томъ, былъ ли князь Василій Васильевичъ Голицынъ подкупленъ Татарами въ 1689 г., или нѣтъ? Студентъ П. представилъ весьма полную біографію Михаила Глинскаго. Студентъ Гассельблаттъ составилъ очеркъ жизни австрійскаго резидента Плейера. Трудъ этотъ въ нѣсколько дополненномъ видѣ служилъ впоследствии кандидатскою диссертациею и былъ напечатанъ въ журналѣ *Russische Revue* (въ томѣ VII). Тщательная разработка всѣхъ печатныхъ матеріаловъ для біографіи Плейера можетъ считаться нѣкоторою заслугою, потому что въ нашей литературѣ, не смотря на богатый матеріалъ, собранный Устряловымъ, главнымъ образомъ, въ Вѣнскомъ архивѣ, еще не существовало пока монографіи по этому предмету. За границею же личность Плейера, австрійскаго дипломата, такъ мало извѣстна, что г. Геррманнъ, по поводу изданія одной до тѣхъ поръ неизвѣстной реляціи Плейера, не могъ собрать почти никакихъ данныхъ для біографіи этого государственнаго человѣка.

Разумѣется, при выборѣ такихъ специальныхъ темъ для работъ студентовъ большое вліяніе оказываютъ спеціальныя работы профессора. Но именно въ томъ и заключается польза для молодыхъ людей, желающихъ учиться работать, что они могутъ, такъ сказать, находиться въ мастерской профессора и слѣдить за его работами. Поэтому я считалъ своею обязанностью, въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ, сообщать молодымъ людямъ результатъ моихъ частныхъ занятій, при чемъ представлялось множество случаевъ указывать на методъ, на техническіе приемы такихъ работъ, на значеніе той или другой вспомогательной науки, и на различныя отрасли исторической литературы.

Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, рѣдкихъ случаяхъ я сообщалъ въ нашихъ засѣданіяхъ результаты прежнихъ своихъ работъ, относящихся къ исторіи денежной системы въ Россіи, исторіи шведской войны при Екатеринѣ, второй турецкой войны, останавливаясь на такихъ вопросахъ, которыхъ постановка и рѣшеніе представляли собою нѣкоторую законченность. Такъ, напримѣръ, мы разбирали событіе при Пумалазундѣ въ началѣ войны 1788 года и разказъ о томъ, что Густавъ III нарядилъ шведскихъ солдатъ въ русскіе мундиры и заставилъ ихъ сдѣлать нападеніе на шведскую границу въ Финляндіи, чтобы тѣмъ самымъ получить поводъ къ разглашенію, будто не Швеція начала войну, а Россія. Въ другой разъ я возвратился къ занимавшему меня когда-то вопросу о комедіи „Горе-Богатырь“ по слѣдующему поводу: въ *Русской Старинѣ* нѣкто „Собиратель“ выставилъ на видъ, что

Екатерина вовсе не желала осмѣять шведскаго короля въ этой пьесѣ, и что она писала на великаго князя Павла Петровича; я по этому случаю въ особомъ засѣданіи прочиталъ со своими слушателями всю оперу „Горе-Богатырь“, указалъ на результаты моей статьи объ этомъ предметѣ (въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1870, декабрь) и доказалъ несостоятельность такого, ни на чемъ не основаннаго, предположенія г. Собиратаеля ¹⁾).

По случаю появленія новыхъ книгъ, которыя я подвергалъ болѣе подробному разбору, я сообщалъ иногда въ особенныхъ засѣданіяхъ результаты моихъ наблюденій. Такъ, напримѣръ, предварительно давъ студентамъ прочесть сочиненіе г. Е. Карновича „О частныхъ богатствахъ въ Россіи“, я сообщилъ имъ свои соображенія по этому предмету, которыя впоследствии были напечатаны въ *Жур. Мин. Нар. Пр.* въ ноябрьской книжкѣ 1874 г. Въ другомъ засѣданіи была подвергнута разбору книжка Зибицка „Die Brautreise Katharinas“. До напечатанія моей статьи о запискахъ Фокеродта (въ *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1874, январь), я сообщилъ своимъ слушателямъ результаты моихъ изысканій по этому предмету, при чемъ одинъ изъ молодыхъ людей, по моимъ указаніямъ, занялся тщательнымъ сравненіемъ приложения (Supplément) къ запискамъ Манштейна съ записками Фокеродта, а другой впоследствии обратилъ мое вниманіе на случайно найденную имъ біографическую замѣтку о Фокеродтѣ въ *Sammlung Russ. Geschichte*. Послѣ появленія брошюры г. Геррманна „S. G. Vockerodt und der Professor für russ. Gesch. zu Dorpat, A. Brückner“, я прочелъ съ моими студентами эту брошюру, а затѣмъ появилась въ печати моя статья о Фокеродтѣ на нѣмецкомъ языкѣ (въ журналѣ *Russische Revue* въ февральской книжкѣ 1875 года).

По поводу появленія третьяго изданія дневника А. В. Храповицкаго (СПб. 1874), я указалъ на недостатки этого изданія и приложеннаго къ нему объяснительнаго указателя, при чемъ замѣтилъ, что новый издатель не обратилъ вниманія на прежнія изданія того же памятника. Мои соображенія на этотъ счетъ были напечатаны въ журналѣ *Russische Revue* (августъ и сентябрь, 1875 г.), а затѣмъ по поводу замѣтки г. Барсукова въ *Русскомъ Архивѣ*, 1875 г., ноябрь),

¹⁾ Съ тѣхъ поръ г. Безсоновъ на счетъ этой оперы выразилъ убѣжденіе, что Екатерина написала эту оперу не на Густава III, а на Потемкина. Несостоятельность этой гипотезы доказана Я. К. Гротомъ въ *Братской Помочи*. СПб., 1876, стр. 185 и слѣд.

я напечаталъ особую брошюру „Объ изданіи дневника Храповицкаго“ (Дерптъ, 1876) ¹⁾.

По поводу появленія вновь открытаго сочиненія Посошкова „Отеческаго завѣщанія къ сыну“ (Москва, 1873), я занялся нѣкоторыми вопросами, относящимися къ Посошкову и къ изданіямъ его сочиненій. Въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ я сообщилъ молодымъ людямъ свои соображенія по этимъ вопросамъ. Предметомъ обсуждения, въ которомъ студенты принимали дѣятельное участіе, было именно слѣдующее. Можно ли согласиться съ доводами г. А. Попова относительно времени составленія „Отеческаго Завѣщанія“? Можно ли считать изданное Погодинымъ письмо къ сыну въ Голландіи сочиненіемъ Посошкова? Можно ли согласиться съ мнѣніемъ Погодина, что приписанная имъ сначала Посошкову, а затѣмъ оказавшаяся сочиненіемъ Аврамова религіозно-экономическая записка относится къ 1725 году? На всѣ эти вопросы мы отвѣчали отрицательно. Результаты моихъ изысканій были затѣмъ напечатаны въ статьѣ „О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ Ивану Посошкову“, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1874 года. Далѣе я сообщилъ въ одномъ засѣданіи результаты моихъ работъ относительно катастрофы Іоанна Антоновича, въ Шлюссельбургѣ, въ 1764 году, которыя были напечатаны въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1874 г.; а въ другомъ засѣданіи мы занимались чтеніемъ брошюры XVIII вѣка „Юности честное зеркало“ и Духовной Татищева, составленной для его сына Евграфа и пр., о которыхъ мною было написано разсужденіе „Zur Geschichte der didaktischen Litteratur in Russland“, помѣщенное въ журналѣ *Russische Revue* 1876 г.

Упражненія по исторіи хозяйства въ Россіи были устраиваемы мною въ продолженіе двухъ семестровъ. Въ нихъ участвовали не только студенты-историки, но также и студенты-экономисты. Эти упражненія заключались въ чтеніи или мною, или студентами, разсужденій о разныхъ предметахъ исторіи хозяйства, въ разборѣ экономическо-историческихъ матеріаловъ и т. п. Въ одномъ засѣданіи, напримѣръ, мы читали челобитную русскихъ купцовъ 1646 года (напечатанную въ Актахъ Археогр. Экспедиціи, т. IV, № 13). Въ другомъ — студентъ Ф. представилъ извлеченіе изъ сочиненія Шторха „Historisch-Statistisches Gemälde von Russland“, относительно исторіи торговли въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Въ двухъ засѣданіяхъ я

¹⁾ Возраженіе г. Барсукова по поводу этой брошюры напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1876 г., № 5.

Примѣч. ред.

сообщилъ результаты своихъ изысканій о расходной книгѣ Нивона (моя статья была затѣмъ напечатана въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за апрѣль 1875 г. Студентъ В. Штида занимался подъ моимъ руководствомъ исторіей торговли въ Россіи; эти занятія имѣли результатомъ его кандидатскую диссертацию о меркантилизмѣ при Петрѣ Великомъ, трудъ, напечатанный подъ заглавіемъ „Peter der Grosse als Mercantilist“ въ журналѣ *Russische Revue* (томъ IV). Занимаясь изслѣдованіемъ сочиненій Ивана Посошкова какъ экономиста, я, между прочимъ, однажды посвятилъ одно засѣданіе разбору вопроса о соляной регалии при Петрѣ Великомъ. Въ другомъ засѣданіи я подвергнулъ разбору вопросъ о расходахъ по случаю поѣздки Шереметева за границу въ 1697—1698 годахъ; этому вопросу посвящена одна глава моего сочиненія о русскихъ дипломатахъ-туристахъ въ Италіи въ XVII столѣтіи, которое будетъ напечатано въ сборникѣ *Древняя и новая Россія*. Студентъ К. (экономистъ) составилъ извлеченіе изъ записки Татищева о сельскомъ хозяйствѣ (*Временникъ*, т. XIII) и приложилъ къ этому извлеченію разныя замѣчанія изъ области исторіи сельскаго хозяйства вообще. Студентъ Ф. (экономистъ) изучалъ исторію административныхъ и законодательныхъ мѣръ императрицы Екатерины въ отношеніи къ хлѣбной торговлѣ и былъ занятъ составленіемъ кандидатской диссертациі по этому предмету. Въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ я сообщалъ и объяснялъ экономическія воззрѣнія Юрія Крижанича, сочиненія котораго представляютъ собою самый драгоцѣнный матеріалъ для исторіи хозяйства въ Россіи и для исторіи политико-экономическихъ теорій вообще.

Изъ этихъ замѣчаній видно, что мои спеціальныя занятія весьма часто состояли въ самой тѣсной связи съ моею преподавательскою дѣятельностью въ университетѣ. Этимъ самымъ, какъ мнѣ кажется, обуславливался въ значительной мѣрѣ успѣхъ устраиваемыхъ мною практическихъ упражненій. Давая всѣмъ слушателямъ, чрезъ вышензложенное хрестоматическое чтеніе источниковъ, возможность вникнуть гораздо глубже въ самую сущность предмета, чѣмъ это возможно посредствомъ слушанія лекцій, или какъ предлагаетъ г. Варадиновъ, чтенія учебниковъ, я старался вовлечь болѣе опытныхъ и предприимчивыхъ студентовъ въ болѣе или менѣ спеціальныя работы. Для меня самого и для успѣшнаго хода моихъ работъ эти засѣданія были чрезвычайно полезны. Всестороннее обсужденіе какаго-либо научнаго вопроса въ бесѣдахъ, особенно когда въ нихъ участвуютъ болѣе опытные и дѣльно приготовленные къ таковымъ

занятіямъ студенты, можетъ считаться и контролемъ знанія и занятій профессора, и мощнымъ орудіемъ поощренія къ дальнѣйшимъ занятіямъ.

Личное сближеніе профессора со студентами должно быть для нихъ дѣломъ первой важности. Студенты, пользующіеся случаемъ участвовать въ подобныхъ упражненіяхъ, едва ли когда-нибудь станутъ затрудняться въ выборѣ темы для кандидатской диссертациі. Къ сожалѣнію, въ нашихъ университетахъ еще очень часто случается, что студентъ, окончившій удачно испытаніе на степень кандидата, только послѣ экзамена приступаетъ къ выбору темы для диссертациі, иногда даже не имѣя возможности долѣе пребывать въ университетѣ, пользоваться совѣтами профессора и университетскою бібліотекою. Въ этомъ заключается большое неудобство, имѣющее во многихъ случаяхъ слѣдствіемъ то, что кандидатская диссертациія, начатая такъ поздно и при столь неблагоприятной обстановкѣ, не оканчивается вовсе. „Дѣйствительный студентъ“, встрѣчающій необходимость давать уроки, занять мѣсто учителя и т. п. и притомъ въ мѣстности, гдѣ нѣтъ хорошей бібліотеки, едва ли легко представить какой-либо трудъ для полученія кандидатской степени.

Мнѣ кажется, что личное сближеніе профессора съ студентами помимо лекцій, въ такихъ вышеописанныхъ засѣданіяхъ и т. п., должно повести къ тому, чтобы студенты занялись болѣе или менѣе самостоятельно нѣкоторыми вопросами науки и еще будучи въ университетѣ, подготовили себѣ матеріалъ для кандидатской диссертациі.

Однако составленіе такихъ трудовъ студентами должно быть, такъ сказать, послѣднею ступеню или высшею формою практическихъ упражненій, устраиваемыхъ подъ руководствомъ профессора исторіи. До занятія какимъ-либо спеціально-научнымъ вопросомъ студентъ долженъ вообще составить себѣ болѣе точное понятіе о разныхъ видахъ историческаго матеріала, о разныхъ приѣмахъ исторической критики. Вотъ почему между слушаніемъ лекцій и составленіемъ монографій должно считать необходимымъ участіе въ вышеописанныхъ занятіяхъ, заключающихся въ источниковѣдѣніи. Какъ видно изъ моей статьи объ историческихъ семинаріяхъ при германскихъ университетахъ, тамъ обращается слишкомъ одностороннее, какъ мнѣ кажется, вниманіе на ученныя работы членовъ таковыхъ семинарій и почти вовсе не встрѣчается упражненій, въ которыхъ сообщались бы матеріалы въ видѣ приложенія къ лекціямъ.

Цѣлью преподаванія исторіи въ университетахъ должно считать не только образованіе ученыхъ историковъ, которые по окончаніи курса ограничивались бы спеціальнымъ изслѣдованіемъ разныхъ вопросовъ науки, сочиненіемъ ученыхъ историческихъ книгъ. Оставляющіе университетъ студенты исторіи могутъ посвятить себя и другой дѣятельности: значительная часть ихъ посвящаетъ себя педагогической карьерѣ. Упражненія, исключительно имѣющія видъ составленія ученыхъ трудовъ, для послѣднихъ едва ли могли бы считаться цѣлесообразными. Для каждаго историка вообще, а для учителя исторіи въ особенности, гораздо важнѣе пріобрѣсти многостороннее историческое образованіе, нежели быть лучшимъ экспертомъ въ какой-либо мелочной спеціальности. Разумѣется, въ полнѣйшемъ обладаніи какою-либо, хотя самую мелочную спеціальностью заключается чрезвычайно важная выгода, такъ сказать, нѣкоторое нравственное преимущество для молодаго человѣка ¹⁾, но съ другой стороны — нельзя отрицать, что въ чрезмѣрно спеціальныхъ научныхъ занятіяхъ студентовъ можетъ заключаться опасность нѣкоторой односторонности и чрезмѣрной траты времени на составленіе монографіи въ ущербъ общему образованію. Такъ, напримѣръ, представители школы Вайца, обращающіе слишкомъ одностороннее вниманіе на частные вопросы средневѣковой исторіи Германіи, отличаются иногда недостаткомъ общаго историческаго образованія, что, разумѣется, оказывается, весьма существеннымъ неудобствомъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда эти историки, вполне основательно изучавшіе исторію какого-либо одного крестоваго похода или царствованіе кого-либо изъ Гогенштауфеновъ, а другими предметами весьма мало занимавшіеся, становятся учителями исторіи въ гимназіи. Слишкомъ рано вовлекая студента въ изученіе какого-либо спеціальнаго вопроса, требующаго значительнаго пожертвованія времени и труда и иногда даже не допускающаго по недостатку матеріала удовлетворительнаго рѣшенія, профессоръ легко можетъ оказать молодому человѣку медвѣжью услугу. При выборѣ темъ, предлагаемыхъ профессоромъ студентамъ, должно всегда самымъ точнымъ образомъ сообразоваться съ силами и степенью предварительнаго образованія учащихся, должно, по крайней мѣрѣ приблизительно, знать напередъ, сколько времени нужно будетъ употребить для рѣ-

¹⁾ Краснорѣчиво объ этой чертѣ германскихъ историческихъ семинарій выразился въ бесѣдѣ со мною профессоръ Зибель въ Боннѣ въ 1872 году.

шенія данной задачи. Главная цѣль всѣхъ подобныхъ упражненій не должна заключаться въ обогащеніи науки новыми результатами, а въ развитіи научныхъ способностей студентовъ.

Я старался, какъ изложено выше, по крайней мѣрѣ, въ области новой исторіи Россіи соединять нѣкоторымъ образомъ различные способы устройства практическихъ упражненій. При этомъ въ продолженіе четырехъ-лѣтняго преподаванія исторіи Россіи въ Дерптскомъ университетѣ, я убѣдился особенно въ необходимости развитія той формы упражненій, которая, сколько мнѣ извѣстна, менѣе всего встрѣчается въ ряду этихъ явленій университетскаго быта, а именно въ созданіи чего-то средняго между лекціями и настоящими семинарскими работами. Весьма многое еще остается сдѣлать на этотъ счетъ. Мы нуждаемся для существеннаго облегченія и поощренія этой формы университетскаго преподаванія, прежде всего, въ учебныхъ пособіяхъ, въ источниковѣдѣніи, въ разныхъ коллекціяхъ предметовъ, служащихъ пособіемъ при преподаваніи исторіи Россіи въ нашихъ университетахъ.

Предоставляя себѣ другой разъ поговорить объ этомъ послѣднемъ предметѣ, я въ заключеніе не могу не выразить желанія, чтобъ и другіе преподаватели исторіи сообщили данныя о своихъ опытахъ и наблюденіяхъ по этому важному вопросу.

А. Брикнеръ.

Дерптъ, апрѣль, 1876 года.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ университета св. Владиміра въ 1875 году: личный составъ преподавателей; вакантныя кафедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; темы на соисканіе наградъ медалями; ученые труды преподавателей; испытанія на ученые степени и званія; командировки съ ученою цѣлію; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащихся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; состояніе и дѣятельность состоящихъ при университетѣ общества естествоиспытателей и центрального архива актовъ книгъ.—Предложенныя юридическимъ факультетомъ университета Св. Владиміра мѣры къ усвоенію студентами достаточнаго знанія одного изъ новыхъ языковъ и къ исправному посѣщенію лекцій.

Въ университетѣ св. Владиміра къ 1-му января 1876 года состояло на лицо штатныхъ преподавателей: по историко-филологическому факультету: ординарныхъ профессоровъ—4, доцентовъ—8, лекторовъ—2; по физико-математическому: ординарныхъ профессоровъ—11, экстраординарныхъ—1, доцентовъ—3, лаборантовъ—4, хранителей кабинетовъ—3; по юридическому: ординарныхъ профессоровъ—8, экстраординарныхъ—1, доцентъ—1; по медицинскому: ординарныхъ профессоровъ—11, экстраординарныхъ—3, доцентовъ—10, прозекторовъ—2, помощниковъ прозектора—3, ординаторовъ—6, лаборантовъ—2. Сверхъ того состоялъ ординарный профессоръ православнаго богословія. Всего въ университетѣ штатныхъ преподавателей имѣлось: ординарныхъ профессоровъ (въ томъ числѣ профессоръ богословія)—35, экстраординарныхъ—5, доцентовъ—22, лекторовъ—2, прозекторовъ—2, помощниковъ прозектора—3, ординаторовъ—6, лаборантовъ—6, хранителей кабинетовъ—3. Сверхъ штата состояли:

два ординарные профессора по кафедрамъ русской словесности и философіи и два ординатора. Приватъ-доцентовъ при университетѣ было 8, по слѣдующимъ предметамъ: теоретической физики, междунаrodnаго права, гражданского права, офталмологіи, частной патологіи, наkoжныхъ болѣзней, акушерства и дѣтскихъ болѣзней. Изъ положенныхъ по уставу кафедръ оставались вакантными: по историко-филологическому факультету — сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ и церковной исторіи; по физико-математическому — физической географіи и геогнозіи и палеонтологіи; по юридическому — энциклопедіи права, исторіи славянскихъ законодательствъ и церковнаго законовѣдѣнія. По нѣкоторымъ изъ сихъ кафедръ преподаваніе поручено преподавателямъ университета, именно: церковной исторіи — доценту Терновскому, физической географіи — преподавателю физики, геогнозіи и палеонтологіи — преподавателю минералогіи, энциклопедіи права — профессору иностранныхъ законодательствъ Ренненкампу, церковнаго законовѣдѣнія — профессору богословія Фаворову.

Въ 1875 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій — 15, физико-математическій — 14, юридическій — 22 и медицинскій — 14. Для привлеченія студентовъ къ научнымъ занятіямъ внѣ лекцій, въ факультетахъ историко-филологическомъ и юридическомъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, требовалось отъ студентовъ представленіе сочиненій на одобренныя факультетами темы, по одному отъ каждаго студента предъ полукурсовымъ и по одному предъ окончательнымъ испытаніемъ; а на медицинскомъ факультетѣ эти обязательныя сочиненія замѣнялись изложеніемъ исторіи болѣзней при занятіяхъ въ клиникахъ. Независимо отъ сего, на историко-филологическомъ факультетѣ были установлены по нѣкоторымъ предметамъ практическія занятія со студентами. Такъ, въ первую половину 1875 года на практическихъ занятіяхъ по римской словесности студенты IV курса читали по частямъ сочиненія свои на латинскомъ языкѣ, писанныя на заданныя, или ими самими избранныя, темы: Степанъ *Бехъ* — о Персіѣ и преимущественно о заслугахъ Казобона по отношенію къ Персію и успѣхахъ филологіи по изданію и толкованію Персіа со временъ Казобона до Отто Яна; Станиславъ *Савицкій* — о Горациѣ, какъ лирическомъ поэтѣ, при чемъ были подвергнуты особенному разбору четыре оды 1-й книги; Николай *Лопатинскій* — о Лукреціѣ, гдѣ онъ обратилъ особенное вниманіе на сочиненіе поэмы Лукреція съ сохранившимися отрывками одного сочиненія Эпикура; Сергій *Стрибульскій* — о Тибуллѣ; Александръ *Пуч-*

ковскій—о берлинскихъ и вативанскихъ листахъ одного изъ древнѣйшихъ кодексовъ *Виргилія*; *Михаилъ Тылминскій* — о Цицеронѣ, какъ ораторѣ. Во вторую половину 1875 года практическія занятія по римской словесности состояли въ чтеніи латинскихъ надписей по изданію Вильмана. По русской исторіи, у профессора Ивонникова, въ теченіе года, были слѣдующіе рефераты студентовъ, читанные на практическихъ упражненіяхъ: *Ивана Жукова* — разборъ повѣстей о созданіи и взятіи Константинополя, существующихъ въ древней русской письменности; *Василія Жуковскаго* — разборъ дѣтописнаго сказанія объ *Изяславѣ Мстиславичѣ*; *Фрмакова* — „Сильвестръ Медвѣдевъ, какъ авторъ записокъ“; *Михаила Соловьева* — „Очерки изъ борьбы Московскаго государства съ Казанскимъ царствомъ“, *Адама Марцинковскаго* — „Сказанія о нашествіи Батя“; *Августа Ясинскаго* — разборъ мнѣній и источниковъ о земскихъ соборахъ; *Николая Домова* — „Дипломатическія отношенія Россіи предъ семилѣтнею войною“; *Андрея Даниленка* — „Записки Рунича, какъ матеріалъ для исторіи Пугачевскаго бунта“. По исторіи русской исторіи, у профессора Селина, были слѣдующіе рефераты студентовъ, читанные на практическихъ упражненіяхъ: *Николая Красовскаго* — критическій разборъ „Героя нашего времени“, *Петра Горчійскаго* — о томъ же, *Ивана Рахманькова* — „о *Даніилѣ Паломникѣ*“. Кромѣ общихъ по университету мѣръ къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ, состоящихъ въ экзаменахъ, освобожденіи отъ платы за ученіе по занятіямъ, выдачѣ вспомошествованій за особые успѣхи въ наукахъ, раздачѣ наградъ медалями за сочиненія и т. п., физико-математическій факультетъ въ особенности старался привлечь студентовъ къ занятіямъ въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ факультета. Выходя изъ той мысли, что постоянныя прилежныя занятія въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ болѣе всего могутъ способствовать къ развитію самостоятельной научной дѣятельности въ учащихся и возбудить въ нихъ любовь къ наукѣ, факультетъ постоянно заботился о расширеніи и улучшеніи своихъ кабинетовъ, лабораторій, обсерваторій и прочихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій и, благодаря предоставленнымъ для нихъ средствамъ, учрежденія эти приведены въ настоящее время въ такое положеніе, что могутъ служить для самой усиленной учебной дѣятельности учащихся, въ особенности при томъ необширномъ числѣ студентовъ, которое нынѣ посвящаетъ себя изученію физико-математическихъ наукъ. По юридическому факультету мѣры для привлеченія студентовъ къ научнымъ занятіямъ внѣ лекцій заключались въ

слѣдующемъ: студенты II и IV курсовъ писали сочиненія на темы, одобренныя факультетомъ, что было для нихъ обязательно; непредставившіе сочиненій студенты II курса — не допускались къ полукурсовому испытанію, IV курса — къ окончательному. Студенты I и III курсовъ въ концѣ каждаго полугодія устно излагали нѣкоторые отдѣлы, по назначенію профессоровъ, изъ прослушанныхъ ими курсовъ, руководствуясь лекціями профессоровъ и собственнымъ изученіемъ соответственныхъ источниковъ и пособій; за уклоненія отъ этого, студенты также не допускались къ испытаніямъ. По нѣкоторымъ предметамъ, именно политической экономіи, полицейскому праву, международному праву происходили практическія упражненія студентовъ, заключавшіяся въ слѣдующемъ: по политической экономіи, студенты первыхъ двухъ курсовъ, по 1½ часа въ недѣлю, занимались изученіемъ теоретическихъ началъ этой науки такимъ образомъ: одинъ изъ студентовъ обыкновенно читалъ рефератъ, составленный на основаніи „Началъ политической экономіи“ Джона-Стюарта Милля, дополняя мнѣнія Милля взглядами другихъ экономистовъ на соответственныя части предмета; другой, также приготовившись къ тому заблаговременно, дѣлалъ возраженія и толкованія; послѣ чего начиналась, подъ руководствомъ преподавателя, общая бесѣда о выслушанномъ; по полицейскому праву практическія занятія, по 2 часа въ недѣлю, состояли въ приготовленіи студентами III и IV курсовъ рефератовъ на заданныя темы, которыя выбирались по предметамъ, находящимся въ извѣстной связи между собою. Отъ референтовъ требовалось по возможности свободное устное изложеніе и постановка положеній, которыя и составляли предметъ обсужденія послѣ окончанія чтенія. Въ обсужденіи прочитаннаго принимали участіе всѣ желающіе, представляя референту возраженія и требуя отъ него объясненій; преніями руководилъ преподаватель. Нѣкоторые изъ рефератовъ составлены были по нѣсколькимъ источникамъ и выслушивались съ большимъ интересомъ. По международному праву, въ первомъ полугодіи студенты III курса занимались по одному часу въ недѣлю, подъ руководствомъ преподавателя, сравнительнымъ разборомъ постановленій французскаго и итальянскаго законодательства о подданныхъ. Въ медицинскомъ факультетѣ студенты первыхъ четырехъ семестровъ занимались приготовленіемъ препаратовъ изъ разныхъ частей человѣческаго тѣла, и приготовленные препараты демонстрировали профессору или провектору анатоміи; сверхъ того, они занимались: въ гистологической лабораторіи — изученіемъ элементарнаго строенія человѣческаго тѣла,

сначала подъ непосредственнымъ наблюдениемъ и руководствомъ профессора, а впослѣдствіи, по ознакомленіи съ употребленіемъ микроскопа и важнѣйшими методами изслѣдованія, — самостоятельно; въ химической лабораторіи и въ лабораторіи при кафедрѣ медицинской химіи—качественнымъ и количественнымъ анализомъ и повтореніемъ важнѣйшихъ опытовъ и реакцій; сверхъ того, студенты III и IV семестровъ, съ особаго разрѣшенія профессора, занималась въ физиологической лабораторіи практическимъ изученіемъ физиологическихъ процессовъ на животныхъ, подъ руководствомъ профессора и его помощника. Студенты V и VI семестровъ занимались: въ лабораторіи при кафедрѣ патологической анатоміи—микроскопическимъ изслѣдованіемъ патологическихъ органовъ и тканей подъ руководствомъ профессора и его помощника; при кафедрѣ общей патологіи—изученіемъ патологической гистологіи; въ фармакологической лабораторіи—производили, съ особаго разрѣшенія профессора, опыты надъ вліяніемъ лекарственныхъ веществъ на животныхъ. Студенты VII и VIII семестровъ, кромѣ обязательныхъ занятій въ факультетскихъ клиникахъ, присутствуютъ въ амбулаторной, діагностируя въ присутствіи профессора приходящихъ больныхъ; во время теченія болѣзни наблюдаютъ поручаемыхъ ихъ надзору больныхъ, примѣняя практически различные методы изслѣдованія больного организма и, кромѣ того, занимаются химическимъ и микроскопическимъ анализомъ болѣзненныхъ продуктовъ въ находящихся для этой цѣли при клиникахъ лабораторіяхъ; въ присутствіи профессора патологической анатоміи производятъ патолого-анатомическія вскрытія умершихъ въ факультетскихъ клиникахъ. Студенты IX и X семестровъ упражняются, подъ руководствомъ профессоровъ, въ распознаваніи болѣзненныхъ случаевъ, указывая методы ихъ леченія и составляя исторіи болѣзни клиническихъ больныхъ; производятъ химическія и микроскопическія изслѣдованія разныхъ болѣзненныхъ продуктовъ, а въ судебно-медицинскомъ отдѣленіи госпиталя упражняются въ изслѣдованіи воинскихъ чиновъ, подлежащихъ освидѣтельствуванію. Независимо отъ вышесказаннаго, въ медицинскомъ факультетѣ назначаются ежегодно по нѣскольку темъ для соисканія наградъ медалями.

Для соисканія наградъ медалями предложены были, на 18⁷⁴/75 академической годъ, слѣдующія темы: отъ историко-филологическаго факультета — одна тема по предмету всеобщей новой исторіи, подъ заглавіемъ „Марниксъ-де-Сентъ-Альдегондъ (1538—1598), какъ политическій писатель“, причемъ требовалось обратить вниманіе: а) на

литературу вопроса и разобрать существующія мнѣнія относительно характера Нидерландской революціи XVI вѣка (сочиненія Моейея, Гольцварта, Жюста, Борнье, Кине и друг.), б) показать отношеніе политическихъ доктринъ Сентъ-Альдегонда къ современнымъ ему политическимъ мнѣніямъ какъ католическихъ, такъ и протестантскихъ писателей, в) разобрать состояніе и отношенія политико-религиозныхъ партій, формировавшихся въ Нидерландахъ, и положеніе Марникса-де-Сентъ-Альдегонда по отношенію къ этимъ партіямъ; отъ физико-математическаго факультета — одна тема по механикѣ, подъ заглавіемъ „Теорія потенціала и потенциальной функціи, изложенныя въ связи съ основными началами механики“; отъ юридическаго — три темы, подъ заглавіемъ: „Значеніе преторскаго эдикта въ исторіи римскаго права“, „О такъ называемыхъ естественныхъ обязательствахъ (obligationes naturalis) въ системѣ римскаго гражданскаго права“ и „Экономическое отношеніе между земледѣльческою и промышленною полосами Россіи“; отъ медицинскаго — одна тема подъ заглавіемъ „Иннервація малаго круга кровообращенія“. На 18^{75/76} годъ предложены съ тою же цѣлю слѣдующія темы: отъ историко-филологическаго факультета — двѣ темы: по предмету всеобщей новой исторіи — та же тема „Марниксъ-де-Сентъ-Альдегондъ (1538—1598), какъ политическій писатель“ и по греческой словесности — „Сдѣлать переводъ съ граматическими толкованіями 22-й книги Илиады“; отъ физико-математическаго — двѣ темы: по механикѣ — „Теорія потенціала и потенциальной функціи, изложенныя въ связи съ основными началами механики“, и по химіи — „Собравъ имѣющіяся въ химической литературѣ данныя относительно случаевъ ихъ образованія и ихъ свойствъ, сдѣлать общую ихъ характеристику и изложить существующія въ наукѣ относительно ихъ теоретическія воззрѣнія“; отъ юридическаго — четыре темы: „Русское боярство до XIV вѣка“, „Монтескьё и Руссо, ихъ ученіе и вліаніе на развитіе политическихъ идей“, „Эдмондъ Боркъ, анализъ его „Размышленій о французской революціи“ и опредѣленіе вліанія идей его на политическія ученія реакціи и реставраціи“ и „Экономическое отношеніе между земледѣльческою и промышленною полосами Россіи“; отъ медицинскаго — двѣ темы: по предмету медицинской физики — „Объ удѣльномъ вѣсѣ жидкостей съ мелкими суспендированными твердыми тѣлами“ и по предмету фізіологіи — „Объ иннерваціи сосудовъ малаго кровообращенія“.

Въ 1875 году преподаватели университета св. Владиміра напеча-

тали и приготовили къ выпуску въ свѣтъ слѣдующіе учено-литературные труды: профессоры: *Н. А. Оворовъ* — печаталъ четвертымъ, исправленнымъ и пополненнымъ изданіемъ „Очерки нравственнаго православно-христіанскаго исповѣданія“ и помѣстилъ въ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ нѣсколько проповѣдей; *С. С. Гогоцкій* — окончилъ печатаніе Философскаго словаря, и помѣстилъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ мелкія статьи: „О необходимости русскаго языка въ элементарныхъ школахъ западныхъ губерній“, „О преподаваніи классическихъ языковъ и общемъ умственномъ образованіи въ гимназіяхъ“, и „Новгородъ-Сѣверскъ“; *В. И. Модестовъ* — помѣстилъ въ университетскихъ извѣстіяхъ статью „Три греческихъ надписи, принадлежащія музею древностей университета св. Владимира, съ изданіемъ самыхъ надписей“ и въ трудахъ 3-го археологическаго съѣзда — рефератъ подъ заглавіемъ „Объ одномъ славянскомъ имени въ помпейскихъ надписяхъ“; *В. С. Иконниковъ* — напечаталъ: въ Древней и Новой Россіи — „Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій. Критическо-біографическое изслѣдованіе“, въ Университетскихъ извѣстіяхъ — „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ при Екаторинѣ II. Рецензія сочиненія г. Незеленова“, „Обзоръ литературы русскоѣ исторіи за 1874 годъ“ тамъ же, въ Сборникѣ государственныхъ знаній — рецензію сочиненія Котляревскаго „Балтійскіе славяне“ и въ Университетскихъ извѣстіяхъ — библиографическія замѣтки о новыхъ вѣпгахъ; *С. М. Ходетскій* — составилъ для вольнаго экономическаго общества отвѣты о состояніи шелководства въ юго-западномъ краѣ; *К. М. Феодулактъ* — напечаталъ въ Трудахъ Харьковскаго общества естествоиспытателей нѣсколько статей по геологіи Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи; *П. П. Алексѣевъ* — напечаталъ въ Университетскихъ извѣстіяхъ: Обзоръ русскоѣ химической литературы за 1874-й годъ и замѣтку о послѣднемъ сочиненіи Германа Коппа; *М. Е. Ващенко-Захарченко* — началъ печатать въ Университетскихъ извѣстіяхъ „Теорію опредѣлителей“; *М. Ѡ. Хандриковъ* — напечаталъ второй томъ трактата подъ заглавіемъ „Система астрономіи“; *Н. А. Бунге* — напечаталъ: въ журналѣ русскаго химическаго общества — „Электролизъ водныхъ растворовъ щавелевой кислоты“, въ Университетскихъ извѣстіяхъ — обзоръ книжной литературы по химической технологіи за 1874-й годъ, редактировалъ: „Обзоръ литературы по технической части и свеклосахарнаго производства“, помѣщенный въ Запискахъ Кіевскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества за 1875-й годъ, и „Указатель русскоѣ литературы за 1874-й годъ“.

издаваемый Киевскимъ обществомъ естествоиспытателей; *Г. Д. Сидоренко* — помѣстилъ въ Сборникѣ государственныхъ знаній (т. II) рецензію на сочиненіе Л. Штейна „Die Lehre vom Herrwissen, als Theil der Staatswissenschaft“; *А. Ѡ. Кистляковскій*—окончилъ печатаніемъ и издалъ 2-й томъ элементарнаго учебника общаго уголовного права, началъ изданіе свода законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, составленнаго по повелѣнію императрицы Елисаветы, отпечатавъ этого свода 13 листовъ съ предисловіемъ; напечаталъ: въ журналѣ гражданскаго и уголовного права — рецензію на сочиненіе магистра Тарасова „О личномъ задержаніи, какъ полицейской мѣрѣ безопасности“, въ Судебномъ вѣстникѣ — „О преступленіи: недозволенное оставленіе отечества“ и „Къ вопросу о способѣ опредѣленія личности свидѣтеля и отношеній его къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ“; *А. В. Романовичъ-Славатинскій*—издалъ, по порученію совѣта университета св. Владимира, сочиненіе Н. Д. Иванищева; *М. Ф. Владимірскій-Будановъ* — издалъ 3-й выпускъ хрестоматіи по исторіи русскаго права во Временникѣ Демидовскаго юридическаго лицея, напечаталъ въ Университетскихъ извѣстіяхъ рецензію на сочиненіе Сергѣевича „Земскіе соборы“, и тамъ же началъ печатаніе втораго изданія 1-го выпуска хрестоматіи исторіи русскаго права; *В. Г. Демченко*—напечаталъ: въ Юридическомъ Вѣстникѣ — „Объ универсальномъ и сингулярномъ наслѣдованіи“ и въ Университетскихъ извѣстіяхъ — „О призваніи къ наслѣдованію по закону“; *Ѡ. Ѡ. Эрхардтъ*—напечаталъ въ Современной Медицинѣ случай судебно-медицинскаго изслѣдованія: „Кража вслѣдствіе принудительныхъ представленій“; *В. А. Субботинъ* — напечаталъ въ Сборникѣ сочиненій по судебной медицинѣ, общей гигиенѣ и проч. статью „Международный медицинскій конгрессъ въ Вѣнѣ въ 1873 году“; *А. С. Шклярескій*—напечаталъ въ Вѣстникѣ Европы статью: „Что думать о спиритизмѣ“; *П. П. Сушинскій*—приготовилъ къ печатанію для Университетскихъ извѣстій: а) рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ „Новѣйшія пріобрѣтенія фармакологіи“ и б) Замѣтку о судорожной формѣ хроническаго отравленія спорыньею (по собственнымъ наблюденіямъ надъ эндеміею эрготизма, въ Остерскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи) и сверхъ того приготовилъ къ печати „Руководство къ назначенію лекарствъ (по Walldenburg'у и Simon'у) въ примѣненіи къ Россійской Фармакопеей. Сочиненіе это будетъ состоять изъ трехъ выпусковъ: 1-й выпускъ—средства, вошедшія въ составъ Россійской Фармакопеи, 2-й выпускъ—употребительнѣйшія изъ средствъ, не вошедшихъ въ со-

ставъ Россійской Фармакопей, и 3-й выпускъ—общая часть; доценты: *В. Б. Сентюговъ* — помѣстилъ: въ Трудахъ 2-го археологическаго съѣзда статью „О курганахъ юго-западнаго края“ и въ Архивѣ юго-западной Россіи—„Исслѣдованіе о гайдамачествѣ“; *И. П. Хрущевъ*—напечаталъ: въ журналѣ Древностей и новой Россіи—статью „Князь иннокъ Вассіанъ Патригѣвъ“ и въ Университетскихъ извѣстіяхъ — а) отчетъ о засѣданіяхъ общества Нестора лѣтописца и б) отзывъ о книгѣ князя Вяземскаго: „Замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ“; *Ө. А. Терновскій* — помѣстилъ въ Трудахъ 3-го археологическаго съѣзда рефератъ, читанный на съѣздѣ: „О происхожденіи обычая вѣшать въ храмахъ княжескія одежды“, и въ Университетскихъ извѣстіяхъ—нѣсколько статей подъ заглавіемъ „Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси“; *П. И. Аландскій* — напечаталъ 1-ю часть своего труда „Поэзія какъ предметъ науки“; *И. В. Лучинскій*—напечаталъ: въ Bulletin de la société de l'histoire du protestantisme français — „Procès verbaux des assemblées politiques des réformés“, въ Университетскихъ извѣстіяхъ — а) разборъ книги Фишера объ исторіи политическихъ отношеній между европейскими государствами въ XVI вѣкѣ, и б) Töllin'a Luther und Servet, и отдѣльно—„Documents inédits pour servir à l'histoire de la réforme et de la Ligue“; *О. М. Паульсонъ*—напечаталъ: въ Запискахъ Кіевскаго общества естествоиспытателей — „Карцинологическія замѣтки“ и отдѣльной книгой—Исслѣдованія ракообразныхъ Краснаго моря“; *Н. И. Зиберъ* — напечаталъ въ Университетскихъ извѣстіяхъ статью „Цѣна труда“, критическій разборъ двухъ статей статистики Энгеля; *Н. Ф. Толочимовъ*—началъ печатать „Обзоръ успѣховъ акушерства въ 1874-мъ году“; лекторъ *В. В. Даніель* — помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Синтаксисъ англійскаго языка“. — Публичныя лекціи въ 1875 году читались только по химіи доцентомъ Базаровымъ. Лекціи эти сопровождались необходимыми опытами и были излагаемы въ аудиторіи при химической лабораторіи.

Совѣтъ университета св. Владиміра имѣлъ въ теченіе 1875 года 19 засѣданій. Утверждены въ степени доктора медицины: младшій врачъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка Леонтій *Ремизскій* и младшій врачъ 10-го гренадерскаго Малороссійскаго полка Шепша *Берковичъ*; въ степени магистра: кандидатъ Иванъ *Тарасовъ*—полицейскаго права и Михаилъ *Затяркинъ* — государственнаго права. Въ степени кандидата и въ званіи дѣйствительнаго студента утверждено: кандидата — 53, въ томъ числѣ по историко-филологическому факультету —

24, по физико-математическому—2, по юридическому — 27; дѣйстви-
 тельнаго студента — 51, именно: по физико-математическому факультету—1, по юридическому—50. Утверждено въ медицинскихъ степе-
 няхъ и званіяхъ: лекаря — 72, уѣзднаго врача — 3, инспектора вра-
 чебной управы—1, оператора какъ члена врачебной управы—1, про-
 визора—11, аптекарскаго помощника — 48, зубнаго врача—1, повив-
 вальной бабки—84, акушера какъ члена врачебной управы—1. Всего
 удостоено ученыхъ степеней и званій—331, въ томъ числѣ: по исто-
 рико-филологическому факультету—24, по физико-математическому—
 3, по юридическому—79 и по медицинскому—225.—Для приготовле-
 нія къ профессорскому званію состояли стипендіатами при универ-
 ситетѣ: кандидаты: Степанъ *Бель* — по римской словесности, Левъ
Дундъ — по технической химіи, Александръ *Назимовъ* — по государ-
 ственному праву, Николай *Дашкевичъ*—по исторіи всеобщей литера-
 туры, Михайлъ *Захарченко* — по философіи, Дмитрій *Пихно*—по по-
 лицейскому праву, Евгений *Шостакъ*—по уголовному праву, и лекаря:
 Евгений *Вербицкій* — по общей патологіи и Кондратій *Румишевичъ* —
 по гистологіи и эмбриологіи.

Командированы были съ ученою цѣлю за границу: профессеры —
 Авенариусъ, Хандриковъ, Эргардтъ и Вець, доценты—Аванасьевъ,
 Мищенко, Гейбель и Драгомановъ и прозекторъ Кистяновскій, а до-
 центъ по каедрѣ русской исторіи Антоновичъ командированъ былъ,
 съ ученою же цѣлю, въ С.-Петербургъ и въ Москву на 8 мѣсяцевъ.

По финансовой смѣтѣ въ отпуску изъ государственнаго казначей-
 ства на содержаніе университета св. Владимира ассигновано было: на
 личный составъ—205.414 р. 67 к. на учебныя пособия, хозяйственныя и
 другіе расходы—85.266 руб. 65 коп., на стипендіи и пособия студен-
 тамъ—25.260 руб., всего 315.941 руб. 32 коп. Сумма эта, вслѣдствіе
 оказавшейся надобности и съ разрѣшенія г. министра народнаго
 просвѣщенія, израсходована была слѣдующимъ образомъ: на содер-
 жаніе личнаго состава университета—192.653 руб. 79 коп., на учебныя
 пособия, хозяйственныя и другіе расходы—75.483 руб. 89 коп., на
 стипендіи и пособия студентамъ—23.975 руб. 27 коп. Изъ специаль-
 ныхъ средствъ университета, состоящихъ изъ процентовъ универси-
 тетскихъ капиталовъ и сбора за слушаніе лекцій, израсходовано: изъ
 перваго источника—47.932 руб. 95 коп., изъ втораго—14.000 руб.
 Главнѣйшія статьи расхода были слѣдующія: на плату привать-доцен-
 тамъ—1.813 руб. 32 коп., на добавочное содержаніе и плату раз-
 нымъ лицамъ—3.180 руб. 18 коп., на вознагражденіе профессоровъ

за чтение особнхъ курсовъ—5650 руб., на командировки и подъемныя—5.650 руб., на типографскіе расходы и печатаніе Университетскихъ Извѣстій—6.358 руб. 36 коп., на приобрѣтеніе медалей для наградъ студентамъ за сочиненія—383 руб. 33 коп., на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учреждений—5.754 руб. 5 коп., на приобрѣтеніе книгъ для студентскаго отдѣла библіотеки—860 руб. 94 коп., на пособія служителямъ по разнымъ случаямъ—2.017 руб., на хозяйственныя, строительныя и другія надобности—4.901 руб. 4 коп., на стипендіи и пособія студентамъ—4.682 руб. 79 коп.

Студентовъ къ 1-му января 1875 года состояло на лицо—671; въ теченіе года вновь поступило—272 (изъ гимназій съ аттестатомъ зрѣлости—160, изъ гимназій съ свидѣтельствомъ зрѣлости—7, изъ гимназій по аттестатамъ до 1873 года—1, изъ духовныхъ семинарій—23, бывшихъ студентовъ университета св. Владиміра—39, бывшихъ студентовъ другихъ университетовъ—32, бывшихъ студентовъ медицинско-хирургической академіи—6, изъ института инженеровъ путей сообщенія—3, изъ технологическаго института—1); выбыло—297, въ томъ числѣ до окончанія курса—80, по окончаніи курса—217; затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось—661, которые распредѣлены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ—62, на физико-математическомъ—72 (по разряду естественныхъ наукъ—27, по разряду математическихъ наукъ—45), на юридическомъ—120, на медицинскомъ—412. Постороннихъ слушателей было: въ 1-му января 1875 г.—78, къ 1-му января 1876 г.—66. Изъ общаго числа студентовъ въ обоихъ полугодіяхъ 1875 года (въ 1-мъ—703, во 2-мъ—724) получали стипендіи, съ освобожденіемъ отъ платы за ученіе: въ 1-мъ полугодіи—69, во 2-мъ—52; стипендіатовъ, вносившихъ плату: въ 1-мъ полугодіи—25, во 2-мъ—22; получили пособія съ освобожденіемъ отъ платы: въ 1-мъ полугодіи—95, во 2-мъ—64; освобождены были отъ платы: въ 1-мъ полугодіи—193, во 2-мъ—154; уплатившихъ деньги за ученіе въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и потому не платившихъ въ университетѣ—5. Всего въ 1875 году назначено было 125 стипендій, въ размѣрѣ отъ 115 до 600 руб. включительно, на сумму 24.487 руб. 46 коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія университета св. Владиміра къ 1-му января 1876 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ университетской библіотекѣ: книгъ русскихъ и иностранныхъ—76.705 названій въ 129.535 томахъ, на сумму 242.114 руб., периодическихъ изданій русскихъ и иностранныхъ—695 названій на 49.624

руб., рукописей русских и иностранных—643 тетради, плановъ гравюръ, астамповъ и рисунковъ—153 названія, на 1.594 руб. 81³/₄ коп. Въ студентской библиотекѣ: книгъ русских и иностранных—7.194 названія въ 14.239 томахъ на сумму 24.570 руб. 90 коп., періодическихъ изданій русских и иностранных—91 названіе на 5.132 руб. Въ астрономической обсерваторіи: книгъ, журналовъ и атласовъ—722 нумера, инструментовъ и снарядовъ—57 номеровъ, всего на 27.427 руб. 95 коп., разной мебели—35 номеровъ на 791 руб. Въ метеорологической обсерваторіи—снарядовъ и инструментовъ 12 номеровъ на 1.032 руб. Въ кабинетѣ практической механики: собраніе геодезическихъ инструментовъ, моделей, машинъ и пособій для преподаванія начертательной геометріи—165 номеровъ, собраніе элементовъ машинъ—4 нумера, чертежей по предмету начертательной геометріи—3 связки, рисунковъ для преподаванія практической механики—34 нумера, книгъ 5 названій въ 7 томахъ, періодическихъ изданій—4 нумера, всего въ кабинетѣ на 4.000 руб. Въ физическомъ кабинетѣ и лабораторіи: книгъ русских и иностранных—83 названія въ 135 экземплярахъ на сумму 517 руб. 55 коп., періодическихъ изданій иностранных—5 названій на 138 руб., рукописей, плановъ, гравюръ, эстамповъ, рисунковъ и глобусовъ—10 экземпляровъ на 115 руб., снарядовъ и инструментовъ—727 номеровъ на 30.228 руб. 57 коп. Въ химической лабораторіи и кабинетѣ: книгъ русских и иностранных—191 названіе въ 613 томахъ на 2.040 руб. 20 коп., инструментовъ, аппаратовъ, мебели и проч.—4.529, препаратовъ—2.228, разной посуды—14.329 номеровъ, всего на 25.862 руб. 7 коп. Въ минералогическомъ кабинетѣ: книгъ русских и иностранных—175 названій въ 241 томѣ томѣ на 2.048 руб. 12 коп., періодическихъ изданій иностранных 13 названій въ 163 томахъ на 1.017 руб. 69 коп., минераловъ, горныхъ породъ и окаменѣлостей—25.361 номеръ на 18.759 руб. 30 коп., инструментовъ и приборовъ—74 нумера на 1.529 руб. 15 коп., картъ, плановъ и проч.—30 экземпляровъ на 442 руб. 25 коп. Въ ботаническомъ кабинетѣ и университетскомъ гербаріи: сухихъ растений—333 нумера въ 67.850 экземплярахъ, инструментовъ и приборовъ—88 номеровъ въ 227 экземплярахъ на 852 руб. 53 коп., коллекцій, моделей и препаратовъ—5 номеровъ въ 5 экземплярахъ на 110 руб. 59 коп., книгъ русских и иностранных—368 названій въ 701 томѣ, періодическихъ изданій русских и иностранных—9 названій въ 153 томахъ и тетрадахъ, всего на 1.765 руб. 1 коп. Въ ботаническомъ садѣ: оранжерейныхъ растений—

1.237 номеровъ въ 5.028 экземплярахъ на 6.500 руб., фруктовыхъ деревьевъ и кустарниковъ—132 номера въ 272 экземплярахъ на 272 руб., грунтовыхъ травъ—4.662 номера въ 14.907 экземплярахъ на 2.524 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ и лабораторіи: зоологическихъ препаратовъ—4.495 номеровъ въ 41.174 экземплярахъ на 10.090 руб. 91 коп., книгъ—398 названій въ 769 томахъ на 2.738 руб. 76 коп., инструментовъ, аппаратовъ и мебели—112 номеровъ въ 274 экземплярахъ на 1.239 руб. 80 коп., диаграммъ—70 номеровъ на 140 руб. Въ зоотомическомъ кабинетѣ и лабораторіи: препаратовъ въ спиртѣ—867 номеровъ на 106 руб. 40 коп., сухихъ—1.161 номеръ на 2.000 руб., восковыхъ—141 номеръ на 500 руб., изъ папье-маше—11 номеровъ на 400 руб., книгъ—196 названій въ 316 томахъ на 1.446 р. 31 к., инструментовъ и аппаратовъ—104 номера въ 257 экземплярахъ на 1.648 руб. 14 коп., диаграммъ—30 номеровъ на 55 руб. 23 коп. Въ технической лабораторіи: книгъ—197 названій въ 629 томахъ на 1.641 руб. 30 коп., рисунковъ—157 экземпляровъ на 537 руб., моделей—37 номеровъ на 496 руб., приборовъ, инструментовъ, машинъ и посуды—757 номеровъ на 11.192 руб. 19 коп., препаратовъ—920 номеровъ на 1.156 руб. 34 коп., мебели—53 номера на 1.611 руб. Въ физиологической лабораторіи: аппаратовъ, инструментовъ, мебели и другихъ приспособленій—705 номеровъ на 5.873 руб. 62 коп., разныхъ сочиненій и брошюръ—85 названій, періодическихъ изданій—31 названіе, рисунковъ и атласовъ—3 номера, всего на 552 руб. 78 коп. Въ анатомическомъ театрѣ: препаратовъ въ анатомическомъ музеѣ—3.980 номеровъ въ 4.050 экземплярахъ на 1.280 руб., инструментовъ, снарядовъ и приборовъ—387 номеровъ въ 715 экземплярахъ на 1.569 руб. 49 коп., книгъ и періодическихъ изданій—383 названія въ 447 томахъ на 775 руб. 67½ коп. Въ агрономическомъ кабинетѣ: моделей, земледѣльческихъ орудій и машинъ, образцовъ сѣмянъ, сухихъ растений, древесныхъ породъ, фруктовъ въ слѣпкахъ—1.115 номеровъ въ 1.389 экземплярахъ на 3.729 руб. 45¾ коп., книгъ, атласовъ, таблицъ, рисунковъ и брошюръ—243 номера въ 522 экземплярахъ на 1.893 руб. 42½ коп. Въ музеѣ патологической анатоміи и лабораторіи: препаратовъ патологико-анатомическихъ—1.559 номеровъ, мебели, микроскоповъ и разныхъ снарядовъ—20 номеровъ на 3.157 руб. 12 коп., рабочихъ инструментовъ, разной посуды и проч.—68 номеровъ на 2.175 руб. 37 коп., книгъ и журналовъ—119 названій на 830 руб. 84 коп. Въ фармакологической лабораторіи съ кабинетомъ: аппаратовъ и инструмен-

товъ—231 номеръ въ 427 экземплярахъ на 2.273 руб. 60 коп., мебели—28 номеровъ въ 43 экземплярахъ на 333 руб. 50 коп., книгъ—180 названій на 834 руб. 96 коп. Въ фармацевтической лабораторіи: разныхъ приборовъ и аппаратовъ—1.031 номеръ въ 4.055 экземплярахъ на 6.121 руб. 92 коп., книгъ—228 сочиненій въ 309 томахъ на 1.206 руб. 98 коп. Въ кабинетъ судебной медицины: аппаратовъ и инструментовъ—121 номеръ, книгъ—11 названій. Въ музей древностей и художествъ: книгъ русскихъ и иностранныхъ—114 названій въ 216 томахъ на 1.210 руб., периодическихъ изданій русскихъ—2 названія на 50 руб. 50 коп., рукописей, плановъ и рисунковъ—328 экземпляровъ на 73 руб., предметовъ собственно принадлежащихъ къ искусствамъ и древностямъ—1.493 номера въ 4.918 экземплярахъ на 10.616 руб. 50 коп. Въ кабинетъ собранія монетъ и медалей: книгъ русскихъ и иностранныхъ—54 названія въ 109 томахъ на 499 руб. 60 коп., периодическихъ изданій иностранныхъ—3 экземпляра на 58 руб. 90 коп., картъ и плановъ—102 экземпляра на 55 руб. 50 коп., медалей и монетъ—31.076 названій на 29.575 руб. 32 коп. Въ лабораторіи медицинской химіи: книгъ—91 названіе въ 183 томахъ на 847 руб., инструментовъ, аппаратовъ, мебели и проч.—91 номеръ въ 234 экземплярахъ на 5.445 руб., стеклянной, фарфоровой и глиняной посуды—3.045 экземпляровъ на 1.717 руб., препаратовъ животно-химическихъ и химическихъ—300 номеровъ въ 490 экземплярахъ. Въ лабораторіи при кафедрѣ гистологии и эмбриологии: книгъ—38 названій въ 130 томахъ на 340 руб., микроскоповъ—24 номера на 2.123 руб., инструментовъ, аппаратовъ и мебели—310 номеровъ на 1.294 руб., стеклянной, фарфоровой и глиняной посуды—1.610 экземпляровъ на 417 руб., препаратовъ микро- и макроскопическихъ—78 номеровъ на 185 руб. Въ лабораторіи при кафедрѣ общей патологіи: книгъ—89 названій на 143 руб. 80³/₄ коп., аппаратовъ, инструментовъ и посуды—139 номеровъ на 4.963 руб. 89 коп. Въ кабинетъ при хирургической факультетской клиникѣ: книгъ русскихъ и иностранныхъ—117 названій въ 157 томахъ на 916 руб. 48¹/₂ коп., инструментовъ и аппаратовъ—727 номеровъ на 6.804 руб. 77¹/₂ коп. Въ кабинетъ при акушерской факультетской клиникѣ: аппаратовъ и инструментовъ—1.359 номеровъ, книгъ русскихъ—2 названія, всего на 2.997 руб. 79¹/₂ коп. Въ кабинетъ при терапевтической факультетской клиникѣ: книгъ—9 названій, снарядовъ и инструментовъ—300 номеровъ, всего на 1.120 руб. Въ кабинетъ при терапевтической госпитальной клиникѣ: аппаратовъ, инструментовъ

и приборовъ — 88 номеровъ въ 143 экземплярахъ на 1.353 руб. 32 коп., разнаго рода посуды—10 номеровъ въ 96 экземплярахъ на 71 руб. 80 коп., мебели—11 номеровъ въ 38 экземплярахъ на 425 руб., препаратовъ—35 номеровъ. Въ кабинетѣ при хирургической госпитальной клиникѣ: книгъ—250 названій на 955 руб. 76³/₄ коп., инструментовъ, аппаратовъ и моделей—70 номеровъ въ 393 экземплярахъ на 4.193 руб. 13 коп., препаратовъ анатомическихкихъ и гипсовыхъ моделей—44 экземпляра на 200 руб. Въ дерматологической клиникѣ университета, учрежденной въ Киевскомъ военномъ госпиталѣ: снарядовъ, приборовъ и инструментовъ—97 номеровъ, стеклянной посуды—27 экземпляровъ, мебели—13 номеровъ, книгъ и періодическихкихъ сочиненій—15 названій въ 19 томахъ, всего на сумму 818 руб. Въ кабинетѣ при глазной факультетской клиникѣ: снарядовъ и инструментовъ—102 номера на 2.368 руб. 61 коп., книгъ—2 названія въ 3 томахъ на 13 руб. 20 коп., стеклянной посуды—465 экземпляровъ на 75 руб.

Состоящее при университетѣ св. Владиміра общество естествоиспытателей составляли 9 почетныхъ членовъ, 56 дѣйствительныхъ членовъ и 1 членъ сотрудникъ. Общество имѣло 5 очередныхъ собраний и 1 экстренное, въ которыхъ присутствовали не менѣе 11 и не болѣе 17 членовъ. Собранія эти были посвящены: а) сообщеніямъ о результатахъ научныхъ изслѣдованій, именно: *Армашевскимъ*—о фосфоритахъ, встрѣчающихся въ Черниговской губерніи, *Бобречкинымъ*—объ эмбриологіи головоногихъ, *Борщовымъ*—о наблюденіяхъ надъ студенистымъ осадкомъ, появляющимся въ свекловичныхъ растворахъ, такъ-называемымъ клекомъ, *Клоссовскимъ*—о ходѣ метеорологическихкихъ элементовъ въ Киевѣ, *Кричагиннымъ*—о сродствѣ фауны Чернаго моря и о прѣсноводной фаунѣ окрестностей Кіева, *Лундомъ*—о превращеніи сахарныхъ растворовъ при нагрѣваніи, *Роговичемъ*—о растеніяхъ, встрѣчающихся въ буромъ углѣ Киевской губерніи, и объ остаткахъ ископаемыхъ китообразныхъ животныхъ, найденныхъ въ той же губерніи, *Алекстевымъ*—о содержаніи статьи профессора духовной академіи Розова „Объ опасности, угрожающей пчеловодству въ Сосницкомъ уѣздѣ“; б) разработкѣ утвержденной впоследствии инструкціи устраивающемуся при обществѣ комитету пчеловодства съ назначеніемъ ему единовременнаго пособия; в) профессоръ Ходецкий доставилъ обществу свѣдѣнія о современномъ состояніи пчеловодства въ губерніяхъ Киевскаго учебнаго округа и о средствахъ къ развитію этой отрасли хозяйства, каковыя свѣдѣнія

своевременно отосланы въ Императорское вольное экономическое общество. Съ научною цѣлю командированы были члены общества: *Армашевскій* — для геологическихъ изслѣдованій въ Черниговской губерніи, *Кричагинъ* — для изслѣдованія фауны Кіевской губерніи и *Роговичъ* — для изслѣдованій фармаціи бурого угля и обнаженій по линіи Ростовской желѣзной дороги. Изъ нихъ Кричагинъ представилъ обществу сообщеніе о прѣсноводной фаунѣ окрестностей Кіева; сверхъ того командированный обществомъ въ 1874 году членъ Ставровскій представилъ статью „Лабрадоръ, шперешенитъ, лабрадоритъ, бурый желѣзнякъ, горная желѣзная руда и луговая окрестностей села Яхонденки, Житомирскаго уѣзда“ и коллекціи собранныхъ имъ въ окрестностяхъ Житомира минераловъ. Состоящій при обществѣ лекціонный комитетъ продолжалъ, въ 1-мъ полугодіи 1875 года, чтеніе лекцій по гигиенѣ—3 часа, по зоологій—3 часа, по математической и физической географіи—1 часъ, и по физикѣ—1 часъ въ недѣлю. Билетовъ на слушаніе этихъ лекцій было разобрано 241, на сумму 141 руб. Въ 1875 году обществомъ изданы: а) подъ редакцію Т. И. Лоначевскаго-Петрушеки—2 выпуска IV (1) тома и 2 выпуска IV (2) тома Записокъ общества, въ которые вошли протоколы собраній общества 1873, 1874 и первыхъ четырехъ собраній 1875 года и статьи членовъ общества: Армашевскаго, Клоссовскаго, Лунда, Паульсона, Роговича, Ровова, Савинскаго и Ставровскаго, и б) подъ редакцію Н. А. Бунге и П. В. Гвоздика—„Указатель русской литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ, медицинѣ и ветеринаріи за 1874 годъ“. Въ 1875 году общество обмѣнивалось своими изданіями съ 92 разными обществами, учрежденіями и редакціями и 59 статистическими комитетами. Благодаря этому обмѣну и пожертвованіямъ разныхъ лицъ, въ бібліотеку общества поступили: 88 названій разныхъ періодическихъ изданій, 88 названій трудовъ статистическихъ комитетовъ, 100 названій книгъ и брошюръ, пожертвованныхъ разными лицами. Финансовыя средства общества представляются въ слѣдующемъ видѣ: къ 1-му января 1875 года состояло—2.901 руб. 84 коп. въ теченіе года поступило—3.034 руб. 45 коп., израсходовано—3.026 руб. 37 коп., въ томъ числѣ: на печатаніе Записокъ—611 руб. 88 коп., на составленіе указателя русской литературы за 1874 годъ—347 руб., на экскурсіи—1.450 руб., на зоологическую станцію въ Севастополѣ, въ видѣ субсидіи—150 руб., на содержаніе бібліотеки и коллекцій, находящихся въ распоряженіи общества—130 руб., на мелочныя расходы—162 руб. 49 коп.,

на содержаніе служителя—145 руб.; затѣмъ къ 1-му января 1876 года оставалось—2.909 руб. 92 коп., и процентовъ на капиталъ—98 руб. 77 коп., всего—3.008 руб. 69 коп.

Состояніе и дѣятельность Кіевскаго центрального архива для храненія актовыхъ книгъ при университетѣ св. Владиміра за 1875 годъ представляются въ слѣдующемъ видѣ. Къ 1-му января 1876 года числится въ архивѣ: актовыхъ книгъ—5.582, отдѣльныхъ документовъ—454.979. Краткихъ описей къ началу 1875 года составлено было—21 къ 21 актовой книгѣ, содержащей въ себѣ 7.787 документовъ; въ теченіе года вновь составлено 4 описи къ 4 актовымъ книгамъ, заключающимъ 1.223 документа; затѣмъ къ 1-му января 1876 года всѣхъ описей было—25 къ 25 актовымъ книгамъ, содержащимъ 9.010 документовъ. Изъ означеннаго количества описей: 11—отпечатаны и, за исключеніемъ одной, разосланы во всѣ судебныя мѣста и депутатскія собранія девяти западныхъ губерній, а также профессорамъ и другимъ ученымъ лицамъ и учрежденіямъ, и 5—разрѣшены правленіемъ университета къ напечатанію и изъ нихъ двѣ описи уже печатаются. Къ январю 1875 года не исполненныхъ архивомъ требованій оставалось—одно; въ теченіе года вновь поступило 15 требованій—о выдачѣ и освидѣтельствovanіи 28 документовъ; къ 1-му января 1876 года, по независѣвшимъ отъ архива причинамъ, осталось не исполненнымъ одно требованіе о трехъ документахъ. Пошлинныхъ денегъ за посвидѣтельствованіе и выдачу документовъ поступило 25 руб. 50 коп.—Въ послѣдне-полученной книжкѣ издаваемыхъ университетомъ св. Владиміра Университетскихъ Извѣстій находимъ слѣдующія два предположенія юридическаго факультета, представленныя совѣту университета:

1) Принимая во вниманіе важность знанія иностранныхъ языковъ для успѣшнаго занятія факультетскими науками, факультетъ опредѣлил: удостовѣряться въ достаточномъ знаніи студентами, имѣющими въ виду пріобрѣтеніе степени кандидата, одного изъ новыхъ иностранныхъ языковъ, уже при полукурсовомъ испытаніи, и обнаружившихъ при этомъ достаточныя свѣдѣнія, не подвергать новой повѣркѣ при окончательномъ испытаніи; тѣмъ же, которые окажутся слабыми, поставять на видъ, что при окончательномъ испытаніи будетъ обращено особенное вниманіе на это обстоятельство, и что они ни въ какомъ случаѣ не будутъ удостоены степени кандидата, если не озаботятся достаточнымъ усвоеніемъ одного изъ новыхъ языковъ.

Совѣтъ опредѣлилъ: на приведеніе изложенной мѣры въ исполненіе испросить разрѣшеніе попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

2) По §§ 145 и 151 правилъ университета св. Владимира, освобожденіемъ отъ платы за ученіе и пособіями могутъ пользоваться только студенты одобрительнаго поведенія, не замѣченные въ нарушеніи университетскихъ правилъ и удовлетворительно занимающіеся науками. Такъ какъ по § 248 тѣхъ же правилъ „исправное посѣщеніе лекцій вмѣняется въ обязанность каждому студенту“, а посѣщеніемъ лекцій условливаются удовлетворительныя занятія студентовъ, то отсюда слѣдуетъ, что исправное посѣщеніе лекцій студентами должно считаться однимъ изъ главныхъ условій при освобожденіи студентовъ отъ платы за ученіе и при назначеніи имъ пособій. Между тѣмъ условіе это положительно не выражено въ соответственныхъ отдѣлахъ правилъ и, какъ показываетъ опытъ, нерѣдко выпускается студентами изъ виду. Поэтому факультетъ представилъ совѣту университета о дополненіи правилъ университета слѣдующимъ примѣчаніемъ къ § 145: „студенты, замѣченные въ неисправномъ посѣщеніи лекцій, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть освобождаемы отъ платы за слушаніе лекцій“, а равно и ссылою на это примѣчаніе при § 151. Совѣтъ университета опредѣлилъ просить разрѣшенія попечителя Кіевскаго учебнаго округа о приведеніи въ исполненіе изложеннаго представленія юридическаго факультета.

ОТДѢЛЪ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДРЕВНЯЯ МЕТРИКА И РАЗРАБОТКА ЕЯ НОВѢЙШИМИ ФИЛОЛОГАМИ.

Изъ всѣхъ отраслей классической филологіи метрика до новѣйшихъ временъ была всегда менѣ всего разрабатываема. Лишь съ недавняго времени стали процвѣтать метрическія изслѣдованія, вслѣдствіе чего они и достигли нѣкоторой законченности. Причина запущенности метрики заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что сочиненія древнихъ о метрикѣ или затерались совершенно, или же сохранились только въ незначительныхъ отрывкахъ. Итакъ, съ самаго начала не доставало исходнаго пункта, на основаніи котораго возможно было бы вѣрно построить систему метрики по понятіямъ древнихъ. Вторая причина, быть можетъ, заключалась въ томъ, что для основательнаго пониманія древней метрики требуется все-таки нѣкоторое пониманіе музыки или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторый природный ритмическій тактъ, двѣ вещи, которыя въ общемъ не присущи филологамъ и о которыхъ послѣдніе въ прежнія времена рѣшительно не имѣли никакого понятія.

Такимъ образомъ, мы находимъ не только въ древнихъ рукописяхъ трагиковъ безконечную путаницу относительно метрическаго распредѣленія хора, но эта неясность продолжалась вообще даже до начала нынѣшняго столѣтія.

Такъ, напримѣръ, древнѣйшіе издатели Эсхила еще не имѣютъ никакого понятія объ антистрофическомъ параллелизмѣ хоромъ, что, вѣдь, какъ всякому извѣстно, составляетъ основаніе всей метрической критики въ хорахъ и что изъ внѣшнихъ средствъ наиболѣе способствуетъ распознаванію испорченности текста посредствомъ точнаго сравненія строфы съ антистрофой относительно метрики. *Кантеръ* впервые въ своемъ изданіи Эсхила (1580 г.) указалъ на соотношеніе строфъ и антистрофъ. Но не только въ области греческой трагедіи мы находимъ въ средніе вѣка безпредѣльную неясность каса-

тельно точнаго пониманія метрики; такое же незнаніе встрѣчается и въ каждой другой отрасли филологіи, какъ скоро отрасль эта имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ метригѣ. Такимъ образомъ пришли къ невѣроятному нынѣ мнѣнію, будто *Теренцій* и *Платъ* написаны не стихами, а прозой.

Однако, оставимъ теперь въ сторонѣ эти древнія времена и обратимся къ нынѣшнимъ. Это неопровержимый фактъ, что сколь бы ни были значительны сочиненія по метригѣ, появившіяся въ послѣдніе годы, тѣмъ не менѣе на лекціи о метригѣ, особливо въ вѣмецкихъ университетахъ, не вездѣ обращаютъ надлежащее вниманіе. Вообще, въ Германіи мало такихъ университетовъ, въ которыхъ эта важная отрасль филологіи изучалась бы съ должной правильностью, а также нельзя отрицать того, что эта отрасль филологіи встрѣчаетъ не слишкомъ большой интересъ и со стороны учащихся. Можетъ быть, тому причиной — рѣзко противорѣчащія другъ другу теоріи главныхъ метриковъ. Для преподавателей чрезвычайно трудно твердо и неуклонно держаться какой-либо опредѣленной точки зрѣнія, а для учащихся затрудненіе это часто еще значительнѣе, такъ какъ они только въ очень рѣдкихъ случаяхъ могутъ самостоятельно составить себѣ какое-либо законченное сужденіе о томъ, вѣрна ли преподаваемая имъ теорія или заслуживаютъ предпочтенія системы, изложенныя въ существующихъ руководствахъ, — системы, которыя вполне противорѣчатъ, можетъ быть, теоріямъ преподающихъ въ университетахъ профессоровъ. Вслѣдствіе этого не лишне будетъ въ этомъ журналѣ вкратцѣ обсудить вопросъ этотъ, тѣмъ болѣе, что въ предыдущемъ году именно появилось новое значительное сочиненіе о метригѣ, которое, главнымъ образомъ, должно побудить каждаго филолога составить себѣ самостоятельное сужденіе о метригѣ. Заглавіе сочиненія этого слѣдующее:

W. Christ, Metrik der Griechen und Römer, Leipzig, Druck und Verlag von B. G. Teubner. 1874 (8. стр. 684).

Но все-таки же прежде, чѣмъ заняться обсужденіемъ новѣйшихъ метрическихъ теорій, мы должны сперва обратить вниманіе на сужденіе древнихъ о метригѣ.

Метрическое искусство въ собственно классическое время музыкальныхъ искусствъ, то есть, главнымъ образомъ, во времена персидскихъ войнъ, передавалось не посредствомъ руководствъ или отдѣльныхъ сочиненій, но посредствомъ устнаго преданія, переходившаго отъ учителей къ ученикамъ. Такимъ образомъ, съ именемъ *Тер-*

пандра связаны цѣлый рядъ именъ Терпандридовъ, которые, подобно Гомеридамъ, составляли живую цѣпь преданія. Такъ Софокль, напримеръ, былъ ученикъ *Лампра*, *Пиндаръ*—ученикъ *Лаза* и т. д.

Лишь во времена упадка, то есть, въ царствованіе Александра Великаго начали устанавливать правила древней метрики въ особо для сего предназначенныхъ сочиненіяхъ.

Предпринявшій это человѣкъ — былъ *Аристоксенъ*, сынъ *Спинора*. Послѣдній когда-то въ Афинахъ былъ знакомъ съ *Сократомъ* и, кажется, также и съ *Архимомъ*, знаменитымъ *Пиэагорейцемъ*. Ученія этихъ великихъ мужей, устно передаваемые отцомъ молодому *Аристоксену*, не мало повліяли на развитіе послѣдняго. Послѣ долгаго странствованія, *Аристоксенъ* применуль, наконецъ, къ *Аристотелю* и сдѣлался *Перипатетикомъ*. Стремленіе *Аристоксена* было направлено на то, чтобы противоудѣйствовать наступавшему безвкусію того времени и изложить въ своихъ сочиненіяхъ древнеклассическое метрическое искусство съ цѣлью по возможности поставить предѣлъ упадку. Подобныя же стремленія руководили также и *Аристотелемъ*. Такимъ же образомъ старался для древнеклассической трагедіи и знаменитый комикъ *Аристофанъ*. Вполнѣ новыхъ ученій *Аристоксенъ*, понятно, не приводилъ въ своихъ сочиненіяхъ. Само собою разумѣется, что послѣднія систематично заключали въ себѣ ученія прежнихъ классическихъ мастеровъ. Свидѣтельство о дѣятельности его сохранилось въ упрекѣ *Адраста* у *Прокла ad Plat. Tim. 3*: *ὅτι οὐ πάντο τὸ εἶδος ἀνὴρ ἐκεῖνος μουσικός, ἀλλ' ὅπως αὖ δόξῃ τι καὶνὸν λέγειν πεφροντικῶς.*

Это обстоятельство при общей оцѣнкѣ *Аристоксена* очень важно. Его противники въ новѣйшее время хотѣли его именно выставить какъ человѣка, который относительно древнеклассической метрики находился въ такомъ же положеніи, какъ и мы.

Что же касается метриковъ, слѣдовавшихъ послѣ временъ *Аристоксена*, то и между послѣдними не было недостатка въ противникахъ его и, главнымъ образомъ, возникъ споръ между *Пиэагорейцами* и приверженцами *Аристоксена*. Хотя *Аристоксенъ* въ послѣдствіи и былъ превзойденъ по части акустики, науки, которую въ царствованіе *Марка Аврелія* закончилъ *Птоломей*, тѣмъ не менѣе, не смотря на длинный рядъ метриковъ временъ императоровъ и Византійцевъ, *Аристоксенъ* все-таки же болѣе или менѣе составляетъ фундаментъ, на которомъ они основывали свои сочиненія, отчасти дошедшія до насъ въ отрывкахъ, отчасти же извѣстныя намъ только по отдѣль-

нимъ замѣткамъ. Такъ, напримѣръ, *Аристидъ*, не смотря на самое существенное различіе, основывается на ученіи *Аристоксена*; такъ, метрика въ вѣкъ *грамматиковъ*, начиная со временъ *Александрійцевъ*, ведетъ начало отъ древнихъ временъ и гармонируетъ съ Аристоксеномъ и т. д. Также и тѣ, которые, подобно *Гефестіону*, сами самостоятельно дѣлаютъ изслѣдованія надъ древними поэтами и мало заботятся о ритмиѣ, въ концѣ концовъ, имѣютъ также общіе ритмическіе фундаментальные принципы, которые опять-таки въ послѣдней инстанціи сводятся къ ученію Аристоксена. Да и могло ли быть иначе, несмотря на всѣ старанія быть самостоятельнымъ, такъ какъ вѣдь Аристоксенъ былъ отецъ научной метрики и такъ какъ по этой части, кромѣ его сочиненій, ничего инаго не имѣлось? Кто желаетъ прослѣдить поподробнѣе всѣ эти обстоятельства, можетъ обратиться къ *R. Westphal, Griechische Rhythmik und Harmonik*, 2-е изданіе, Лейпцигъ, 1867 г., стр. 70 и сл.

Теперь достаточно лишь обратить вниманіе на всеобщее отношеніе, изъ котораго ясно и несомнѣнно видно, что и намъ ничего иного не остается дѣлать, какъ стараться по возможности глубже изслѣдовать теоріи *Аристоксена*, если мы вздумаемъ изучать древнюю метрику. Какъ возстановленіе текста Гомера нынѣ въ главныхъ чертахъ совпадаетъ съ возстановленіемъ рецензій *Аристарха*, такъ и возстановленіе теоріи метрическаго искусства въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось во времена классиковъ и въ какомъ соблюдали его великіе лирики и трагики, въ главныхъ чертахъ совпадаетъ съ возстановленіемъ и съ пониманіемъ системы *Аристоксена*. Это все, примѣра ради, можетъ быть сравнено съ рукописями какого-нибудь древняго писателя. Та рукопись, въ общемъ, будетъ намъ дороже, цѣннѣе, которая стоитъ ближе къ времени извѣстнаго писателя, хотя случается, что и болѣе молодыя рукописи при случаѣ приносятъ тоже кой-какую пользу или что болѣе древнія рукописи заключаютъ въ себѣ ошибки. Итакъ, *Аристоксенъ* есть фундаментъ для древней метрики; но и другіе метрики тоже, судя по заслугамъ ихъ, должны быть при этомъ приняты въ соображеніе. Кто это отрицаетъ, тотъ грѣшитъ противъ правилъ методической критики.

Но какъ относятся новѣйшіе метрики къ правиламъ этимъ? Понятно, дѣло идетъ здѣсь лишь объ метрикахъ этого столѣтія, на которыхъ должно смотрѣть какъ на людей, въ дѣйствительности проложившихъ въ области метрики путь для всѣхъ временъ, послѣ того, какъ *Бенглей* въ Англій въ началѣ и серединѣ прошлаго столѣтія

и для метрики положил основанія, главнымъ образомъ, посредствомъ своего „*Schisma de metris Terentianis*“, какъ и посредствомъ своей критической методы вообще. На первомъ планѣ является здѣсь знаменитый липцигскій филологъ *Готфридъ Германнъ*, который сдѣлался регераторомъ метрической науки, кромѣ другихъ своихъ сочиненій, авнымъ образомъ, благодаря своимъ *Elementa doctrinae metricae*, книга, къ которой примыкаетъ прежде бывшая въ большомъ употребленіи *Epitome*, самимъ *Германномъ* разработанная. *Германнъ* утверждаетъ, правда, что если бы мы могли пользоваться однимъ изъ ритическихъ сочиненій греческой древности, какъ сочиненіями *Аристотеля*, на примѣръ, то это дѣйствительно было бы настоящимъ источникомъ для нашихъ познаній по древней метрикѣ. Но такъ какъ такого сочиненія древности по метрикѣ болѣе не имѣется, то *Германнъ* не видитъ иного исхода, какъ, подражая метрикамъ временъ императоровъ, пользоваться сочиненіями самихъ поэтовъ и расчленять сочиненія эти, соображаясь съ нашимъ собственнымъ ритическимъ тактомъ. Такимъ образомъ *Германнъ* (какъ это и замѣчается въ свойствѣ его принципа) выработалъ совершенно субъективную метрическую систему, которая, не будучи вѣрнымъ отраженіемъ древней метрики, можетъ быть разсматриваема исключительно только какъ система *Германна*, хотя, конечно, въ системѣ его безчисленное множество вещей въ отдѣльности останется на всегда вѣрно или, по крайней мѣрѣ, полезно.

Мы укажемъ только вератцѣ на основныя начала *Германна*, которыя даже и мало опытному человѣку должны немедленно выяснить чисто отвлеченную и субъективную конструкцію его системы. *Германнъ* самый простой ритмъ видитъ въ колебаніяхъ маятника. Этотъ ритмъ изъ-за однообразія своего негоденъ для искусства. Искусство нуждается въ такомъ ритмѣ, въ которомъ одна или нѣсколько частей подвергается повышенію, то есть, имѣетъ *ictus*. По понятіямъ *Германна*, слогъ, носящій на себѣ *ictus*, обладаетъ силой привлекать къ себѣ еще одинъ или нѣсколько слоговъ безъ *ictus'a*, особливо однородные слоги. Такимъ образомъ изъ короткаго слога съ *ictus* образуется, на примѣръ, *Pyrrhichius* (◡ ◡) и *Tribrachys* (◡ ◡ ◡), также какъ и изъ долгого слога съ *ictus* образуется *Spondeus* (◡ —) или *Molossus* (— — —). Впрочемъ, иногда долгій слогъ съ *ictus*, такъ сказать, не употребляетъ всей своей полной силы для притягиванія слоговъ безъ *ictus'a*. Такимъ образомъ, образуется, на примѣръ, *Trochaeus* (◡ ◡) и *Dactylus* (◡ ◡ ◡) и т. д. Каждому должно бро-

ситься въ глаза, что при такой системѣ за изъ наиболѣе встрѣчающихся ритмовъ, а именно *ямбъ* (— —) и *тестъ* (— — —) вовсе не имѣютъ надлежащаго мѣста, ибо они вѣдче имѣютъ *долгаго слога съ ictus*, который обнаруживалъ бы свою силу производящую силу *послѣ себя*, такъ какъ только что названн^ы метры имѣютъ свои *краткіе слоги безъ ictus'a* впереди,—направле^не, въ которомъ производная сила *долгаго слога съ ictus*, по ученію *Германна*, простирается не можетъ.

Но что же это за система, въ которой самы обыкновенные размѣры не находятъ должнаго мѣста! *Германнъ*, впрочемъ, придумалъ здѣсь исходъ, раздѣливъ эти размѣры на двѣ част^и. А именно онъ выдаетъ короткіе слоги безъ ictus'a, предшествующе *долгому слогу*, за короткіе слоги, произведенные *долгимъ слогомъ*, второй слѣдуетъ лишь подразумѣвать, такъ что *ямбическій* ритмъ, собственно говоря, есть не полный *трохаическій*, а *анапестическій* ритмъ—естъ собственно не полный *дактилическій*, что ясно изъ слѣдующей хемы:

(—) — — и (—) — — — —

Хотя, такимъ образомъ, и получили въ системѣ свое мѣсто названные метры, тѣмъ не менѣе трудно понять, какимъ образомъ система эта согласуется съ допущеннымъ со стороны *Германна* положеніемъ, будто сохранившееся изъ древняго греческаго времени ритмическое сочиненіе было бы настоящимъ источникомъ для нашего знанія древней метрики. Рѣшительно непонятно, какъ согласуется выше названное утвержденіе съ слѣдующимъ мѣстомъ изъ *ῥοδμικὰ στοιχεῖα* *Аристоксена* (у *Вестфала*, I, Supplement, стр. 11, 30): γένει δὲ ὅταν οἱ λόγοι διαφέρωσιν ἀλλήλων οἱ τῶν ποδῶν, οἷον ὅταν ὁ μὲν τὸν τοῦ ἴσου λόγον ἔχη, ὁ δὲ τὸν τοῦ διπλασίου, ὁ δ' ἄλλον τινὰ τῶν ἐνθρώπων χρόνων, потому что γένος διπλασίου предполагаетъ равное значеніе *ямба* и *трохея* (долгій слогъ каждый разъ образуетъ двойное слѣдующаго или предыдущаго короткаго), а γένος ἴσου предполагаетъ совершенно равное значеніе *дактиля* и *анапеста* (долгій слогъ каждый разъ равенъ двумъ слѣдующимъ или предыдущимъ короткимъ).

Послѣ *Германна* наука метрики двинулась значительно впередъ, благодаря трудамъ *Бѣка*, изложившаго свои знаменитыя изслѣдованія во 2-й части 1-го тома изданія *Пиндара*. И послѣдній не придерживается теорій древнихъ метриковъ. Хотя онъ допускаетъ, что *Аристоксенъ* хорошо былъ знакомъ съ ритмическими законами, соблюдаемыми древними поэтами, однако, на все остальное онъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія и, по его мнѣнію, дошедшее до насъ

метрическое преданіе не содержитъ въ себѣ ничего древняго и вѣрнаго. Странно лишь, что самая главная заслуга Бѣка заключается въ томъ именно, что онъ въ одномъ пунктѣ отступилъ отъ этого возрѣнія, принявъ переданное *Гефестіономъ* правило, что конецъ стиха непремѣнно долженъ совпадать съ концомъ слова (*τελεία λέξις*).

Вслѣдствіе принятія этого вѣрнаго взгляда, путаница въ распредѣленіи метровъ у древнихъ поэтовъ была значительно разъяснена и былъ положенъ конецъ необузданному произволу, оскорблявшему всякій здравый ритмическій тактъ. Что же касается всего остальнаго, то Бѣкъ придерживается неудовлетворительной точки зрѣнія *Германна*.

Совершенно новое направленіе, приведшее, наконецъ, метрику къ нѣкотораго рода законченности, началось только лишь въ послѣдніе годы. Эта величайшая заслуга принадлежитъ двумъ ученымъ—*Россбаху* и *Вестфалу*, которые сперва сообща (*Россбахъ*, впрочемъ, въ меньшей мѣрѣ) предприняли разработку обширнаго сочиненія о древней греческой метрикѣ по тремъ ея частямъ *гармоникъ*, *метрику* и *ритмикъ*, — сочиненіе, которое, однако, было совершенно затемнено вторымъ изданіемъ, разработаннымъ однимъ *Вестфалемъ* и которое одно теперь слѣдуетъ употреблять: *R. Westphal, B. I, Griechische Rhythmik und Harmonik nebst Geschichte der drei musischen Disciplinen. Leipzig, bei V. G. Teubner 1867 und B. II. Griechische Metrik, ibidem. 1868.*

Система, выработанная *Вестфалемъ* подъ руководствомъ древнихъ метриковъ и ритмиковъ, можетъ быть здѣсь сообщена, конечно, лишь только въ главныхъ чертахъ, на сколько послѣднія преимущественно касаются практической стороны. Главнымъ образомъ, мы должны отказать здѣсь отъ болѣе точной характеристики пространныхъ изслѣдованій по части гармоникъ, которыя и безъ того трудно доступны и понятны не понимающимъ музыки.

Тѣмъ болѣе очевидна для всѣхъ мыслящихъ людей главная заслуга *Вестфала*, состоящая въ томъ, что онъ, вмѣсто, откровенно говоря, безалаберной путаницы отдѣльныхъ стопъ, открываетъ передъ глазами нашими ритмическое систематическое цѣлое, испытывая свои теоріи на сложныхъ хоровыхъ пѣсняхъ древнихъ Грековъ. Исходной точкой для *Вестфала* служитъ сперва тактъ, то есть, та часть стиха, которая древними называлась *ποῦς*. Какъ въ новѣйшей музыкѣ каждое музыкальное произведеніе имѣетъ свой извѣстный тактъ ($\frac{4}{4}$, $\frac{3}{4}$, $\frac{6}{8}$ и т. д.), такъ и метрическія сочиненія древнихъ сложены по извѣстному однородному такту.

Древніе различали четыре основныхъ формы такта:

I. Прѣтотъ $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, обнимающіи собой тѣ стопы, которыя были $\tau\rho\acute{\iota}\sigma\eta\mu\omicron\iota$, то есть, равнялись *тремъ* короткимъ слогамъ ($\chi\rho\acute{o}\nu\omicron\iota$ $\pi\rho\acute{o}\tau\omicron\iota$, тогда е); ибо краткій слогъ составляетъ единицу такта въ древней метричѣ, также какъ и четверть ноты въ тактѣ въ $\frac{4}{4}$ и осьмая ноты въ тактѣ въ $\frac{6}{8}$. Къ этому $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ принадлежатъ: трохей и ямбы; ибо оба послѣдніе $\text{—} \overline{\text{—}} \text{—}$ и $\overline{\text{—}} \text{—}$ равняются тремъ краткимъ слогамъ.

II. Дактаротъ $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, которое есть $\tau\epsilon\tau\rho\acute{\alpha}\sigma\eta\mu\omicron\upsilon\omicron\iota$, то есть, содержитъ въ себѣ стопы, обнимающія четыре короткихъ слога. Сюда принадлежатъ дактили и анапесты $\overline{\text{—}} \text{—} \text{—}$ и $\text{—} \text{—} \overline{\text{—}}$.

III. Трѣтотъ $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, которое есть $\epsilon\acute{\xi}\acute{\alpha}\sigma\eta\mu\omicron\upsilon\omicron\iota$, то есть, заключаетъ въ себѣ шесть короткихъ слоговъ. Сюда принадлежатъ Iоніи $\text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—}$, $\text{—} \text{—} \text{—} \text{—}$ и Choriambi $\text{—} \text{—} \text{—} \text{—}$.

IV. Тетартотъ $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, которое есть $\kappa\epsilon\tau\tau\acute{\alpha}\sigma\eta\mu\omicron\upsilon\omicron\iota$, то есть, обнимаетъ собою Раеоніи $\text{—} \text{—} \overline{\text{—}} \text{—}$ и т. д.).

Каждая пространная пѣсня можетъ быть составлена по одному только $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ (мѣтровъ $\kappa\alpha\theta\acute{\alpha}\rho\omicron\upsilon\omicron\iota$) или же въ такой пѣснѣ сперва одна часть можетъ быть написана по одному $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, а другая часть можетъ принадлежать къ другому $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ (мѣтровъ $\epsilon\pi\iota\sigma\mu\iota\upsilon\theta\epsilon\tau\omicron\upsilon\omicron\iota$) или, наконецъ, отдѣльныя $\gamma\acute{\epsilon}\nu\eta$ бывають смѣшаны, такъ что происходитъ полное взаимное скрещиваніе и невозможно болѣе раздѣленіе на отдѣльныя части, которыя принадлежали бы къ различнымъ $\gamma\acute{\epsilon}\nu\eta$, въ остальномъ же были бы однородны, то есть, принадлежали бы къ тому же самому $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$.

Этотъ послѣдній родъ именно тотъ самый, который, главнымъ образомъ, употребляется у трагиковъ и обнимаетъ въ особенности $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ I и II.

Однако очевидно, что должно было произойти какое-либо уравниваніе между ритмами, состоящими изъ *трехъ и четырехъ темповъ*, ибо если мы имѣемъ, на примѣръ, такіе стихи:

$\text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—}$

или

$\text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—} \text{—}$,

которыя относятся къ $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ $\mu\iota\chi\tau\omicron\upsilon\omicron\iota$, то, такъ какъ дактиль и анапестъ заключаютъ въ себѣ четыре темпа, а трохей и ямбы — три темпа, въ концѣ концовъ произошло бы одно не ритмическое цѣлое, соответствующее, пожалуй, какому-нибудь музыкальному произведенію, которое было бы написано въ тактахъ то въ $\frac{3}{4}$, то въ $\frac{4}{4}$. Вслѣдствіе этого мы все-таки же существенно ничего не выиграли бы въ

продолжается далѣе, то слѣдуетъ предполагать *протяжение* (τονή) долгаго слога, который въ такомъ случаѣ, подобно нотѣ съ точкой, заключаетъ въ себѣ одинъ или нѣсколько выпущенныхъ темновъ (χρόνοι), какъ на примѣръ:

$$\cup \cup \cup \cup \cup \cup \cup = \cup \cup \cup (\cup), \cup \cup \cup \cup,$$

или

$$\cup \cup \cup \cup \cup \cup \cup = \cup \cup \cup \cup (\cup) \cup \cup \cup (\cup),$$

или съ протяженіемъ долгаго слога

$$\cup \cup \cup (\cup \cup) \cup \cup \cup \cup,$$

въ числахъ = 1, $\frac{2}{3}$, 3 (= $1\frac{1}{3} + 1 + \frac{2}{3}$) и т. д. и съ протяженіемъ долгаго слога

$$\cup \cup \cup \cup (\cup) \cup \cup \cup \cup,$$

въ числахъ = $1\frac{1}{3}$, $\frac{2}{3}$, 1; 3 (= 2+1) и т. д.

Другой важный моментъ, который Вестфаль первый представилъ въ надлежащемъ свѣтѣ, это счисленіе отдѣльныхъ стиховъ по тактамъ или стопамъ, счисленіе, которое очень часто въ асинартетическихкихъ стихахъ совпадаетъ съ счисленіемъ по базисамъ, когда короткіе слоги выпущены. Посредствомъ этого мы достигаемъ очень ясныхъ и простыхъ отношеній, что можетъ доказать, на примѣръ, слѣдующая схема изъ Aeschyl. Agam. 1348 sqq.:

- 1) φῶ, τίς ἄν ἐν τάχει μὴ περιώδυνος, μηδὲ δεμνιοτήρης,
 - 2) μόλοι τὸν αἰὶ φέρουσι' ἐν ἡμῖν
 - 3) Μοῖρ' ἀτάλευτον ὕπνον, δαμέντος
 - 4) φύλακος εὐμενεστάτου,
 - 5) πολέα τλάντος γυναῖ | κὸς διαί· πρὸς γυναικὸς δ' ἀπέφθισεν βίον.
- 1) $\frac{1}{\cup} \frac{2}{\cup} \frac{3}{\cup} | \frac{1}{\cup} \frac{2}{\cup} \frac{3}{\cup} | \frac{1}{\cup} \frac{2}{\cup} \frac{3}{\cup} = 3 + 3 + 3.$
 - 2) $\frac{1}{\cup} \frac{2}{\cup} \frac{3}{\cup} | \frac{4}{\cup} \frac{5}{\cup} \frac{6}{\cup} | = 6 (= 3 + 3).$
 - 3) $\frac{1}{\cup} \frac{2}{\cup} \frac{3}{\cup} \frac{4}{\cup} | = 4.$
 - 4) $\frac{1}{\cup} \frac{2}{\cup} \frac{3}{\cup} \frac{4}{\cup} = 4.$
 - 5) $\frac{1}{\cup} \frac{2}{\cup} \frac{3}{\cup} \frac{4}{\cup} | \frac{1}{\cup} \frac{2}{\cup} \frac{3}{\cup} \frac{4}{\cup} | \frac{1}{\cup} \frac{2}{\cup} \frac{3}{\cup} \frac{4}{\cup} | = 4 + 4 + 4.$

Итакъ, судя по тактамъ, мы узнаемъ слѣдующую ритмическую фигуру:

3 + 3

3

3 + 3

4 + 4

4

4 + 4

Эти симметрическія фигуры (что до сей поры еще никогда не было выяснено) возникли рѣшительно вслѣдствіе движеній, которыя хоръ исполнялъ танцуя подъ пѣсни. Когда онъ въ одну сторону дѣлалъ движеніе, требовавшее около трехъ тактовъ и оставался въ этомъ новомъ положеніи одинаковый промежутокъ времени, то, чтобы не нарушать спокойной равномѣрности, ему необходимо было, разумѣется, опять-таки три такта, чтобы возвратиться къ своему первоначальному положенію; а врядъ можно сомнѣваться въ томъ, что въ концѣ пѣсни или при большей паузѣ въ послѣдней хоръ находился въ такомъ же положеніи какъ и въ началѣ пѣсни. То же самое бываетъ вѣдь также и въ нынѣшнее время во всѣхъ танцахъ, походящихъ на менуэты.

Естественно, что позднѣе ритмика хорового пѣнія развивалась самостоятельно и употреблялась въ болѣе сложномъ видѣ во всѣхъ лирическихъ пѣсняхъ, такъ что пропорціи не всегда бывають такъ просты, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ.

Впрочемъ, совершенно достаточно уже высказаннаго для того, чтобы опредѣлить въ главныхъ пунктахъ открытія Вестфала, относящіяся особливо въ практическому пониманію метровъ и ритмовъ.

Было же необходимо охарактеризовать столь подробно эту точку зрѣнія не потому только, что она есть самая важная и вѣрная въ новѣйшей наукѣ метрики, но потому что только при подобной характеристикѣ возможно произнести ясное сужденіе о томъ, чего достигли другіе до Вестфала и послѣ него.

Точку зрѣнія Вестфала развилъ далѣе *Генрихъ Шмидтъ* въ чрезвычайно пространномъ сочиненіи, носящемъ общее заглавіе:

Die Kunstformen der Alten:

1. B. Die Eurhythmie.
2. B. Die antike Compositionslehre.
3. B. Die Monodien und Wechselgesänge der attischen Tragödie.
4. B. Griechische Metrik.

На этомъ пространномъ сочиненіи основывается другое: *Leitfaden der Rhythmik und Metrik der classischen Sprachen für Schulen*, сочиненіе, которое даетъ короткое извлеченіе изъ вышеупомянутыхъ томовъ. Всѣ труды Шмидта направлены въ тому, чтобы далѣе разработать систему Вестфала или при случаѣ исправить ее.

Но при этомъ онъ очень часто углубляется въ совершенно субъективныя разсужденія. Сочиненіе Шмидта, не смотря на обширный объемъ,

нельзя назвать важнымъ; напротивъ того, можно даже сказать, что эти толстые томы сдѣлались вполнѣ не нужными вслѣдствіе втораго изданія сочиненія Вестфала. Въ новѣйшее время *Вильгельмъ Брамбахъ* пытался посредствомъ сочиненія: *Rhythmische und metrische Untersuchungen* (Leipzig, Teubner, 1871), поддержать нѣкоторымъ образомъ древнее воззрѣніе. Сперва *Брамбахъ* непонятнымъ образомъ отрицаетъ возможность выраженія древняго ритма посредствомъ нашихъ современныхъ нотъ или нашихъ тактовъ. Онъ снова воскрешаетъ прежнее психологически не оправдываемое утвержденіе, будто древніе Греки имѣли иное ритмическое чувство, чѣмъ мы, и, по его мнѣнію, чувство это заключало въ себѣ будто бы какія то неосязаемыя особенности.

Но при этомъ онъ упускаетъ изъ вида, что это утвержденіе *a priori* не возможно допустить, такъ какъ вслѣдствіе этого оспаривается существованіе всеобщаго принципа, лежащаго въ основаніи общаго музыкальнаго искусства; однимъ словомъ, музыкальное искусство лишается своего психологическаго основанія. А что *Брамбахъ*, такимъ образомъ, опять долженъ отказаться во многихъ отношеніяхъ отъ столь яснаго и съ помощью древнихъ ритмиковъ столь убѣдительно доказаннаго единства древнихъ лирическихъ пѣсень относительно ритма — это не требуетъ дальнѣйшаго комментарія.

И довольно странно, что онъ въ распредѣленіи хоровыхъ пѣсень древнихъ, главнымъ образомъ Софокла и Эскила, о которыхъ онъ въ особенности распространяется, опирается на древній *codex Laurentianus*, въ которомъ Софоклъ лучше всего сохранился, и старается посредствомъ сохранившихся здѣсь отдѣловъ достигнуть вѣрныхъ результатовъ. Это можетъ быть названо филологическимъ, но никоимъ образомъ не можетъ быть вѣрно, не смотря на инныя интересныя сообщенія изъ рукописи относительно числа стиховъ древнихъ трагедій, не согласующагося съ числомъ стиховъ кодекса и не смотря на попытку съ помощью этихъ данныхъ возстановить первоначальное число стиховъ хоровыхъ частей Софокла. По вышеприведеннымъ разсужденіямъ всякій легко можетъ убѣдиться въ томъ, что подобныя попытки не могли достигнуть существенныхъ результатовъ.

Теперь намъ не будетъ трудно обсудить новѣйшій трудъ по части метрики. Это—*Handbuch der Metrik der Griechen und Römer von Christ, Leipzig, Teubner, 1874.*

Вообще нельзя не признать, что такое руководство по метрикѣ, какое намъ старается дать Христъ, крайне необходимо, а съ другой

стороны нельзя отрицать также и трудность, заключающуюся въ установленіи краткихъ всѣми признанныхъ правилъ и законовъ, требуемыхъ руководствомъ въ такое время какъ нынѣшнее, въ которое принципъ метрики подлежитъ еще столь различнымъ сужденіямъ и въ которое прежнія опредѣленія Германна все снова и снова возникаютъ.

Конечно, эта книга не такъ подробно какъ книга Вестфала обсуждаетъ теорію композиціи лирическихъ пѣсень древнихъ Грековъ, но трактуетъ болѣе о техникахъ отдѣльныхъ стопъ, ямбовъ, анапестовъ, дактиловъ и т. д., касательно которыхъ появился цѣлый рядъ специальныхъ изслѣдованій. Но не смотря на это послѣднее обстоятельство и здѣсь мы встрѣчаемъ еще много недоконченнаго, такъ какъ для греческой поэзіи не достаётъ такой книги, каковая имѣется о латинской поэзіи послѣ Плавта и Теренція въ извѣстномъ сочиненіи „De re metrica“ Люціана Мюллера.

Но съ другой стороны въ латинской поэзіи чувствуется недостатокъ также въ общепризнанномъ предварительномъ изслѣдованіи о Плавтѣ и Теренціѣ, такомъ изслѣдованіи, которое было бы признано также и величайшимъ знатокомъ Плавта—*Фр. Ричлемъ*.

Такимъ образомъ и съ этой стороны шатка та основа, на которой должно стоять руководство. Всѣ эти неблагоприятныя обстоятельства отражаются въ полемическомъ характерѣ, обнаруживающемся во многихъ мѣстахъ всей книги, характерѣ, который однако долженъ быть чуждъ руководству и приличествуетъ развѣ въ крайнемъ случаѣ лишь примѣчаніямъ.

Далѣе мы не должны умолчать о томъ, что *Христъ* непонятнымъ образомъ снова возвращается къ-прежнему, Германномъ придуманному, объясненію асинартетическихъ стиховъ, о которыхъ мы говорили выше какъ объ удачно устраненной фикціи. Изъ этого ясно, что для составленія руководства по метрикѣ, кажется, еще не настало время.

Тѣмъ не менѣе, книга *Христа* въ главныхъ пунктахъ вридерживающагося Вестфала (не смотря на только что упомянутое уклоненіе), можетъ быть рекомендована всѣмъ начинающимъ, такъ какъ съ помощью ея нынѣ во всякомъ случаѣ легче всего можно познакомиться съ метрикой. Но все-таки же всюду должно справляться съ книгой Вестфала и не должно слишкомъ слѣпо довѣрять *Христу*; то же самое можно сказать и о частяхъ, относящихся къ латинской метрикѣ; слѣдуетъ также не упускать изъ вида и самостоятельныхъ наблюденій, такъ какъ, въ общемъ, *Христъ* и здѣсь часто судить слишкомъ субъективно.

ЕЩЕ ПО ПОВОДУ СЛАВЯНСКАГО ИМЕНИ ВЪ ПОМПЕЙСКИХЪ НАДПИСЯХЪ.

Отвѣтъ г. Верту.

Въ мартовской книгѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* (отдѣлъ класс. фил., стр. 39—45), г. Вертъ посвятилъ нѣсколько страницъ моему реферату, читанному на кievскомъ археологическомъ съѣздѣ и напечатанномъ подъ заглавіемъ: „Объ одномъ славянскомъ имени въ помпейскихъ надписяхъ“. Изданіе, въ которомъ мой рефератъ напечатанъ, въ свѣтъ еще не появлялось и, слѣдовательно, самый рефератъ, разбираемый въ статьѣ г. Верта, еще не извѣстенъ публикѣ, которая, такимъ образомъ, не можетъ отнестись съ какимъ-нибудь контролемъ къ тому, что излагаетъ рецензентъ на мой счетъ, и не имѣеть никакой гарантіи въ томъ, что мои мысли и выраженія не искажены, хотя бы не умышленно, въ рецензій. Эта необыкновенная послѣдствіе, съ какою г. Вертъ старался заявить—и при томъ въ такой категорической формѣ—несогласіе съ выводами моего реферата, тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что она высказалась не по поводу какого-либо большаго, или имѣющаго общественную важность, сочиненія, а по поводу коротенькой замѣтки (менѣе 6-ти страницъ in 4°), прочтенной на археологическомъ съѣздѣ въ провинціальномъ городѣ, не появившейся еще въ печати на своемъ мѣстѣ и могущей имѣть интересъ лишь для самаго ограниченнаго круга читателей. Чѣмъ объяснить такое неожиданное вниманіе?.. Но, впрочемъ, не въ этомъ дѣло.

Г. Вертъ приводитъ, повидимому, цѣлый рядъ доказательствъ клонящихся къ тому, чтобы сбить съ позиціи моего славянскаго *Ярина* въ помпейскихъ надписяхъ. Но это только *повидимому*: на самомъ же дѣлѣ это доказательства мнимыя и ничего не доказывающія, кромѣ неосмотрительности моего противника. Вся аргументація, какою онъ вооружился противъ меня, направлена къ тому, чтобы

доказать, что Jarinus помпейскихъ надписей есть греческое имя, тождественное съ Εἰάρινος или Ἐάρινος, встрѣчающихся въ двухъ греческихъ надписяхъ (С. I. G. II, №№ 1957^b и 3774, ed. В.), разъ у Діона Кассія, разъ въ одной изъ эпиграммъ Марціала и два раза у Стація. Это тожество представляется ему до такой степени неподлежащимъ сомнѣнію, что онъ рѣшительно недоумѣваетъ, какимъ образомъ оно мнѣ не пришло въ голову.

Путь, какимъ я пришелъ къ выводу о славянскомъ происхожденіи имени Ярина, былъ такой:

1) Греческое имя Ἐάρινος (въ іонической формѣ Εἰάρινος), будучи безспорно одного корня съ славянскимъ корнемъ *яр* (*ѣар*, весна = *варп.* jaī = лат. *ver*), имѣетъ *несомнѣнно* короткое *ι* предпоследняго слога, что явствуетъ и изъ ударенія, съ какимъ является прилагательное *ἔαρινος* (въ лат. *vernus* это *ι* даже совсѣмъ выпало), воспроизведеніемъ котораго и служитъ это греческое имя, и изъ пентаметра греческой надписи (№ 1957^b, II, В.), и изъ стиха Марціала (Epigr. IX, 11, 13) — въ чемъ, впрочемъ, г. Вертъ ни мало не сомнѣвается.

2) Но, тогда какъ въ греческомъ имени *ι* *несомнѣнно* короткое, въ латинскомъ оно *несомнѣнно* долгое. Для г. Верта эта несомнѣнность кажется недоказанною, и два раза выраженное посредствомъ длиннаго *I*, употреблявшагося *обыкновенно* для обозначенія долготы *масной*, оно ему представляется скорѣе короткимъ — на томъ основаніи, что въ надписяхъ нерѣдко ошибочно эта длинная форма *ι* (*I*) употребляется и для обозначенія короткой гласной (хотя ошибка, повторенная дважды для одного имени, нѣсколько странна). Забывая, что между *Εἰάρινος*, *Ἐάρινος*, *Earinus* съ одной стороны, и *Jarinus* съ другой, есть очевидная разница, которую, прежде всего, слѣдовало бы ему объяснить, и не видя, что форма *Jarinus* во всякомъ случаѣ не греческая, онъ упустилъ изъ виду еще то явленіе, что въ собственныхъ именахъ какъ существительнаго, такъ и прилагательнаго значенія, окончаніе *inus* (если только оно не принадлежитъ слову, очевидно, греческому) въ латинскомъ языкѣ имѣетъ *неуклонно* долгое *i*, какъ *Justinus*, *Latinus*, *Sabinus*, *Venusinus*, *Tiberinus* и т. п. ¹⁾

¹⁾ Стремленіе доказать греческое происхожденіе имени Ярина приводитъ иногда г. Верта къ непростительнымъ промахамъ. «Развѣ нельзя было бы», говорить онъ (стр. 42), — «предполагать, что Римляне, подъ вліяніемъ аналогіи другихъ собственныхъ именъ (ср. *Antoninus*, *Longinus*, *Severinus*, *Marcellinus*, *Plotinus* etc.) легко могли произносить такъ, какъ обыкновенно произносили имена, оканчивающіяся на *inus*?» Впервые, къ чему тутъ рѣчь о произношеніи? А главное

3) Если имя *Jaginus* имѣетъ несомнѣнно долгое *i*, то уже одно это мѣшаетъ ему быть тождественнымъ съ греческимъ *Ἰάρινος*, гдѣ *i* несомнѣнно короткое, не говоря объ очевидной разницѣ въ началѣ слова, съ которою справиться защитникамъ тождественности совсѣмъ не такъ легко, какъ это можетъ показаться г. Верту, ее даже не замѣтившему.

4) Не будучи греческимъ именемъ, *Jaginus* не можетъ быть и латинскимъ, такъ какъ латинскій языкъ ни самъ по себѣ, ни въ родственныхъ ему италійскихъ нарѣчіяхъ, не даетъ для такого слова ни малѣйшаго объясненія.

5) Не объясняясь латинскимъ и родственными ему италійскими нарѣчіями и будучи не греческимъ, имя это какъ нельзя лучше объясняется *славянскими* нарѣчіями, гдѣ сохранилось огромное количество словъ отъ корня *яр*, получившаго развитіе въ разныхъ направленіяхъ и давшаго въ тому же цѣлый рядъ простыхъ и сложныхъ именъ, мужскихъ и женскихъ, какъ: Ярунь, Ярышь, Ярославъ, Яроміръ, Яра, Ярена, Яруша и мн. др. Ни одинъ изъ другихъ языковъ индо-европейской семьи не представляетъ *ничего подобнаго* тѣмъ обширнымъ средствамъ, какими располагаютъ славянскіе языки для объясненія этого имени.

Вотъ путь, каковымъ я пришелъ къ выводу о славянскомъ происхожденіи имени Ярина. Но не смотря на всю его естественность и филологическую правильность, я ни мало не сомнѣвался въ томъ, что мой выводъ встрѣтитъ возраженія уже потому одному, что выводъ этотъ есть нѣчто новое, къ чему люди не привыкли, равно какъ и потому, что многимъ, особенно такимъ ученымъ, которые не могутъ рассуждать иначе, какъ по извѣстной указѣ, онъ покажется черезъ-чуръ смѣльнымъ. Тѣмъ не менѣе я рѣшился предложить его вниманію ученыхъ, въ средѣ которыхъ были люди съ сильнымъ голосомъ въ славянской наукѣ и способные дать мнѣ нужныя разъясненія изъ ихъ области. Но возраженій, сверхъ ожиданія, на сѣздѣ я не встрѣтилъ: тотъ ученый, который попросилъ у предсѣдателя слова по поводу моего реферата, Я. О. Головацкій, старался, напротивъ, поддержать мой выводъ зая-

дѣло вотъ въ чемъ: до сихъ поръ была извѣстна въ наукѣ долгота по природѣ, и долгота по положенію; г. Вертъ вывезъ откуда-то еще долготу по *аналогии*. Не дурно! Развѣ латинскій языкъ, за исключеніемъ словъ, сложенныхъ съ энклитиками, допускалъ удареніе на предпоследнемъ слогѣ (въ трехсложныхъ словахъ) безъ долготы его?

влениемъ, что во Львовскомъ университетѣ не такъ давно былъ профессоръ, по прозванію *Ярина*.

Нѣтъ, однако, сомнѣнія въ томъ, что мой выводъ можетъ подлежать возраженіямъ. Эти возраженія для меня въ высшей степени желательны въ интересѣ разъясненія дѣла, въ глазахъ русскаго филолога далеко не ничтожнаго. Но чтобъ эти возраженія имѣли какую-нибудь силу, для этого мало сказать, что *Ἐάρινος* и *Jarinus* одно и то же, для этого нужно не только показать переходъ короткой гласной *i* въ долгую, но и представить примѣры перехода въ другихъ именахъ, или по крайней мѣрѣ въ другихъ словахъ греческаго *εα* или *ea* въ латинскій языкъ въ видѣ *ja* въ корняхъ словъ; до тѣхъ же поръ, покуда это не сдѣлано, отождествленіе *Ἐάρινος* и *Jarinus* произвольно и нисколько не научно. Приходило ли г. Верту подобное соображеніе въ голову? Если приходило, то по силамъ ли ему такая работа?

Но пойдѣмъ дальше.

Г. Вертъ обращаетъ мое вниманіе на то, что въ сборникѣ латинскихъ надписей Грутера есть двѣ надписи съ женскимъ именемъ, соотвѣтствующимъ мужскому *Jarinus*. Къ сожалѣнію, самъ онъ этихъ надписей не видалъ, а знаетъ о нихъ только по ссылкѣ на нихъ Бентли въ примѣчаніи къ *Not. Scip. II, 8, 2*. Сборникъ Грутера у меня предъ глазами. Дѣйствительно на стр. 460,9 находится надпись, гдѣ между прочимъ значитъ: *Atiliae Jarinae concubinae*. Надпись эта, происходящая изъ кампанскаго города *Allifae*, находится во многихъ старинныхъ сборникахъ и, какъ подлинная, воспроизведена и у Моммзена въ *Inscr. Regni Neapol.* подъ № 4784; что же касается до другой грутеровской надписи, указываемой г. Вертомъ по Бентли, то въ указываемомъ мѣстѣ (стр. 1099,8) есть надгробная надпись не съ именемъ *Jarine*, какъ это значитъ у Верта и у Бентли, а съ именемъ *Iarene*. Надпись эта довольно темнаго происхожденія: Грутеръ взялъ ее изъ записокъ Сирмонди, какъ римскую надгробную надпись; повѣрка же ея въ новѣйшее время мнѣ неизвѣстна. Но что изъ этихъ надписей выходитъ въ пользу г. Верта? Ровно ничего. Выходитъ-ли, что имя конкубины Атилии Ярины изъ Алифъ (нын. *Alife*) есть имя греческое? Нисколько; для этого нѣтъ ни малѣйшихъ основаній. Между тѣмъ, для г. Верта это ясно, какъ день; а по поводу 2-й указанной надписи у Грутера, гдѣ вмѣсто ея *Jarine* стоитъ *IARENE*, онъ безъ всякихъ церемоній разсуждаетъ такъ (стр. 46, прим. 4): „Окончаніе слова *Jarine*—*Ἐάρινῆ* не оставляетъ никакого сомнѣнія (!) въ томъ, что *Jarine* имя греческое, по-

чему и Jarinus имя греческое.“ Такимъ легкимъ способомъ можно рѣшить безъ особенныхъ затрудненій всякіе вопросы: слѣдуетъ только утверждать, не заботясь о доказательствахъ, или г. Верту кажется, что подобныя заявленія не нуждаются въ разъясненіяхъ? Но что доказательства и разъясненія тутъ были бы не лишни, это доказываетъ существованіемъ у Моравовъ имени *Iarene* (какъ разъ въ той формѣ, какъ она является въ надписи у Грутера), а у Чеховъ—*Iarena*, которое съ *Iarene*, очевидно, составляетъ одно и тоже имя (за неимѣніемъ подъ руками ни Миклошича, ни другихъ славянскихъ ученыхъ, писавшихъ по этому предмету, отсылаю читателя къ „Славянскому именованію“ *Морошкина*, гдѣ списокъ славянскихъ именъ приводится съ указаніемъ на источники). Сверхъ этихъ двухъ женскихъ именъ, которыя г. Вертъ призналъ безъ дальнихъ разговоровъ за греческія, но которыя существовали въ древнее время у Славянъ, какъ это подтверждается автами, онъ, также по Бентли, указываетъ и на третье *Iarilia*, находящееся у Грутера на стр. 746,3 въ слѣдующей надписи: Venoniae (Viennoniae, - Castr.) Iariliae (Iarilliae, Castr.) M. Sergius Octavius matri sanctissimae. Надпись эта принадлежитъ одному изъ древнѣйшихъ городовъ Нарбоннской Галліи, Вьеннѣ (Vienna, нын. Vienne) и сообщена была Грутеру Скалигеромъ (Иосифомъ), бывшимъ вообще главнымъ двигателемъ и душою изданія латинскихъ надписей, предпринятаго Грутеромъ. Имя *Ярили* мы встрѣчаемъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что Помпейское имя Ярина перестаетъ быть одинокимъ, а обставляется женской семьей, не только въ лицѣ Ярины и Ярены (что должно быть въ сущности одно и тоже), но и Ярили, показывающей распространеніе въ древнѣйшее время корня *яр* въ собственныхъ именахъ не только на *им*, но и на *ил*, какъ это именно имѣетъ мѣсто въ славянскихъ языкахъ, напр. въ словѣ *Ярило* или *Ярила*, имени одного изъ древнѣйшихъ славянскихъ божествъ, сохранившихся до сихъ поръ въ устахъ народа. Пусть г. Вертъ не играетъ этими женскими именами, съ его греческими *Εἰάρινος*, *Ἐάρινος*, *Earinus* и *Earina*. Онъ здѣсь не много сдѣлаетъ. Достоинно вниманія то обстоятельство, что имя *Ἐάρινος* (*Εἰάρινος*) = *Earinus* вездѣ является какъ несомнѣнно греческое, т. е. принадлежащее Грекамъ, точно также какъ и женская вѣтвь его *Earina*, попадающаяся на стр. 830,10 у Грутера, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что оно принадлежало Гречанкѣ, ибо надпись эта гласитъ: ELPIDI EARINAE. Между тѣмъ имена Ярины, Ярены и Ярили встрѣчаются не иначе, какъ въ со-

провожденіи главнымъ именемъ (nomen) латинскимъ: Atilia, Quintilia, Venonia. А такъ какъ несомнѣнно, что словъ съ корнемъ *jar* въ латинскомъ и другихъ италійскихъ языкахъ¹⁾ не существуетъ, то для объясненія этимологии этихъ именъ необходимо приходится прибѣгнуть къ другимъ языкамъ. Къ какимъ же?

Всего естественнѣе было бы обратиться къ греческому языку: но, какъ мы говорили, греческій языкъ въ данномъ случаѣ оказывается несостоятельнымъ не только по краткости предпоследняго слога, но и по трудности (удержусь покуда отъ слова невозможность) подтвердить примѣрами измѣненіе въ корневой части *ea* или *ea* въ *ja* латинскаго произношенія. Несостоятельность греческаго языка еще болѣе оказывается въ виду женскаго имени *Iarilia*, не имѣющаго въ немъ уже ровно никакой аналогіи. За греческимъ языкомъ прежде всего стоитъ по своей географической и племенной близости къ италійскимъ народамъ и нарѣчіямъ языкъ кельтскій, но онъ, по недостатку матеріала, вообще очень мало разработанъ и я лично не могу имъ пользоваться. Г. Вертъ находитъ, что въ случаѣ несостоятельности греческаго языка къ объясненію имени Ярина „было бы гораздо вѣроятнѣе (!) предполагать *Германское происхождение*, во 1-хъ, потому, что сношенія Римлянъ съ Германцами нерѣдко упоминаются у древнихъ авторовъ, и во 2-хъ, потому, что корень *jar* съ удлинненіемъ *jâri* встрѣчается во всѣхъ германскихъ нарѣчіяхъ.“ Но г. Верту, быть можетъ, извѣстно, что въ древности былъ народъ подъ названіемъ Венеты, Венеды, Энеты (*Heneti*), о которомъ древніе писатели, какъ латинскіе, такъ и греческіе, упоминаютъ несравненно чаще, чѣмъ о Германцахъ и съ которыми у Римлянъ были сношенія гораздо раньше, чѣмъ они начались съ Германцами. Этотъ народъ, Венеты, является (чтобъ не говорить объ Азіи) намъ и на Адриатическомъ морѣ въ эпоху, предшествовавшую построенію Рима (*Liv. I, 1*), и въ западной Галліи (*Caes. B. G. II, 34; III, 8—9; Strab. IV, p. 194; Ptol. II, 8, 6; Dio Cass. 39, 40*) и въ

¹⁾ Извѣстный древній лексикографъ, Гезихій, приводитъ, какъ Италійское, слово *Ἰαροχρεῖα* и вслѣдъ за нимъ—*Ἰαροχρεός*, означающее, по его мнѣнію, *χαθάρως*: но эти слова, равно какъ *Ἰαροπότῃς*, означающее по нему *αἰμοτότῃς*, никто, конечно, не сочтетъ за италійскія въ собственномъ смыслѣ. Сать лексикографъ разумѣлъ подъ *Ἰταλοί*, безъ сомнѣнія, Грековъ такъ называемой Великой Греціи. Но что первая половина приведенныхъ словъ—*ιαρο*—не греческая, а принадлежитъ тѣмъ языкамъ, гдѣ есть слова *яр-ый*, *яр-ий*, *Яро-подкъ*, *Яро-славъ* и т. п., это само собой бросается въ глаза. Но объ этомъ въ другой разъ.

странахъ Балтійскаго моря въ области Вислы (Plin. N. H. IV, 97; Ptol. III, 5, 19; Tac. Germ. 46). Древніе не знали происхожденія этого народа и считали Венетовъ кто Троянцами, кто Бельтами, кто Мидянами, кто Пелазгами (у Гомера они Пафлагонцы). Но занимающимся славянскою наукою извѣстно, что подъ этимъ именемъ выступили въ исторіи Славяне, прежде чѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ ихъ настоящее имя. Мой годось въ этихъ вопросахъ значить очень мало, но я не могу не замѣтить, что напрасно нѣмецкіе ученые закрываютъ глаза на отношенія Венетовъ къ послѣдующимъ Славянамъ; а закрываютъ они до такой степени, что мнѣ не случалось еще видѣть, чтобы какой нибудь комментаторъ Ливія изъ Нѣмцевъ обратилъ вниманіе на мнѣніе Шафарика и другихъ славянскихъ ученыхъ о Венетахъ, поселившихся въ доисторическое время на сѣверномъ и сѣверозападномъ побережьи Адриатическаго моря и основавшихъ городъ Патавіи (нын. Падуя). Конечно, отъ людей, которые готовы всякую минуту отнять у Поляковъ Коперника, у Чеховъ Гуса и тому подобныхъ историческихъ дѣятелей, странно было бы требовать вниманія къ трудамъ славянскихъ ученыхъ, доказывающихъ славянское происхожденіе какихъ-нибудь Венетовъ; тѣмъ не менѣе, это фактъ печальный и заслуживающій порицанія, Г. Вертъ принадлежитъ, повидимому, именно къ этой категоріи нѣмецкихъ ученыхъ, не хотящихъ слышать о Славянахъ. Съ своимъ крайне точнымъ словаремъ нѣмецкихъ словъ, происходящихъ отъ корня *jar*¹⁾, словъ, которыя, въ добавокъ, за исключеніемъ одного междометія (*jāgā, jāgiā, jāgājā*), всѣ до одного относятся къ понятію *юда* (*Jahr*²⁾), онъ нимало не колеблется вступить въ состязаніе съ славянскими языками, гдѣ однихъ личныхъ именъ этого корня *сорокъ четыре* (см. Морошкина) и гдѣ развѣтвленіе корня въ существительныхъ, прилагательныхъ, нарѣчійхъ и глаголахъ представляется въ роскошнѣйшемъ видѣ: тутъ есть и *jar* — весна, *яръ* — жарь, *jarина* — лѣтніе плоды (у Сербовъ), *яровой* хлѣбъ, *ярый* — сердитый, *ярунь*, *Ярило* — имя бога оплодотворенія, *ярится* и т. д. Пусть же онъ, наконецъ, пойметъ, что у насъ съ нимъ оружіе далеко не одинаковое.

¹⁾ Г. Вертъ ссылается на Курціуса (Grundz. der gr. Etym. p. 319 2-го изд.) въ доказательство существованія корня *jar* во всѣхъ германскихъ нарѣчійхъ. Но Курціусъ въ указанномъ мѣстѣ представляетъ всего два слова: »Goth. jēr ētos, ahd. jāg». Гдѣ же тутъ всѣ германскія нарѣчія?

²⁾ Говорю это на основаніи «Altdeutsches Wörterbuch» Шаде, — книги, которую рекомендуютъ, какъ важную въ этой области.

Съ доказательствами г. Верта я покончилъ. Но кромѣ доказательства у него есть еще особый родъ аргументовъ, называемыхъ у насъ *выходками*. Необходимо сказать нѣсколько словъ и объ этихъ послѣднихъ.

На стр. 44 онъ говоритъ: „Не смѣшиваетъ ли при этомъ г. Модестовъ два понятія, а именно *удареніе и количество слога*?“ Изъ перваго моего примѣчанія читатель легко замѣтитъ, что просодическія понятія у г. Верта дѣйствительно не совсѣмъ тверды, ибо онъ считаетъ возможнымъ въ латинскомъ языкѣ удареніе на предпослѣднемъ *короткомъ* слогѣ трехсложнаго слова *по аналогіи* съ словами, имѣющими этотъ слогъ долгимъ: но гдѣ же я-то подалъ поводъ дѣлать предположеніе о возможности для меня смѣшивать удареніе съ количествомъ? Я замѣтилъ въ своемъ рефератѣ, между прочимъ, о томъ, что слогъ въ словѣ *Iagnus*, вслѣдствіе своей долготы, „носитъ на себѣ удареніе, какъ и въ словахъ *Ярילו, ярится* и т. п.“ Можно ли сказать, что предположеніе г. Верта сдѣлано *bona fide*?

На стр. 40 и въ другихъ мѣстахъ г. Вертъ приводитъ въ ковычкахъ, то есть, какъ бы мои, слова „филологическое доказательство“, съ явнымъ намѣреніемъ указать читателю на неправильное употребленіе терминологіи. Ему вѣроятно хотѣлось бы видѣть здѣсь „просодическое доказательство“. Но, вопервыхъ, выраженія „филологическое доказательство“ у меня нѣтъ, а есть выраженіе — *филологическія доказательства*, которымъ я, обращаясь къ людямъ, занимающимся археологіей и исторіей, изъ какихъ состоялъ почти весь наличный составъ археологическаго съѣзда, хотѣлъ указать на родъ доказательствъ, употребляемыхъ филологами, разумѣя здѣсь и этимологію, и просодію, и вообще все то, чѣмъ отличается способъ доказательствъ филологическихъ отъ доказательствъ археологическихъ и историческихъ. Я полагаю, что рецензентъ, увлеченный споромъ, можетъ выразиться иногда рѣзко; но *искажать* чужую мысль не позволительно ни въ какомъ случаѣ.

Въ заключеніе г. Вертъ замѣчаетъ, что онъ могъ бы „вообще возразить очень много противъ метода, которымъ руководствуется г. Модестовъ“. Не знаю, что могъ бы онъ мнѣ возразить, но я съ своей стороны замѣчу одно: всякое дѣльное возраженіе я готовъ встрѣтить съ благодарностью, хотя и желалъ бы, чтобы на будущій разъ мнѣ пришлось имѣть дѣло съ болѣе серьезнымъ противникомъ.

В. Модестовъ.

СОДЕРЖАНІЕ

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ПЯТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1874 годъ.

43

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

1. 3-ю февраля 1876 года. Объ отнесеніи евангелическо-лютеранскихъ семинарій къ III разряду, а волостныхъ и приходскихъ школъ Прибалтійскаго края къ IV разряду учебныхъ заведеній по отбыванію воинской повинности 3
2. 17-ю февраля 1876 года. О преобразованіи четырехклассной Шуйской прогимназіи въ шестиклассную 5
3. 17-ю февраля 1876 года. Объ учрежденіи въ г. Троицко-савскѣ реальнаго училища —
4. 23-ю февраля 1876 года. Объ учрежденіи стипендій при Варшавскомъ университетѣ 6
5. 23-ю февраля 1876 года. О принятіи Корочанской шестиклассной прогимназіи подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича и о присвоеніи оной наименованія „Александровской“ 7

6. 23-го февраля 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи при Казанской первой гимназіи	7
7. 23-го февраля 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи въ мужскомъ училищѣ, находящемся въ Павловскомъ посадѣ	8
8. 23-го февраля 1876 года. О формѣ учениковъ Одесскаго коммерческаго училища	—
9. 23-го февраля 1876 года. О дозволеніи опредѣлять при городскихъ училищахъ особыхъ врачей и о правахъ ихъ на службѣ	9
10. 23-го февраля 1876 года. О переводѣ управленія Дерптскаго учебнаго округа изъ Риги въ Дерпт	—
11. 23-го февраля 1876 года. О наименованіи Севастопольскаго реальнаго училища „Константиновскимъ“	10
12. 23-го февраля 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи при Таганрогской гимназіи	—
13. 23-го февраля 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи при Θεодосійской женской гимназіи	11
14. 23-го февраля 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи при Томской мужской гимназіи	—
15. 23-го февраля 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи при Омской женской гимназіи	12
16. 23-го февраля 1876 года. О допущеніи производства испытаній на первый классный чинъ въ городскихъ училищахъ	—
17. 23-го февраля 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи при Томской Маріинской женской гимназіи	—
18. 23-го февраля 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ и при Елецкой мужской гимназіи	13
19. 23-го февраля 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи при Рижской Александровской гимназіи	—
20. 23-го февраля 1876 года. О наименованіи учрежденной въ постѣ Карсакова, на островѣ Сахалинѣ, первой русской школы Алексіевскою, и о принятіи оной подѣ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества, Государя Великаго Князя Алексія Александровича	14
21. 16-го марта 1876 года. Обь учрежденіи въ г. Вѣлевѣ четырехклассной мужской прогимназіи	68
22. 9-го апрѣля 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи имени статскаго совѣтника Козловскаго	69

23. 9-го апрѣля 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи при Екатеринославской гимназіи	69
24. 9-го апрѣля 1876 года. Обь учрежденіи стипендій при Новочеркасской мужской и Маріинской Донской женской гим- назіяхъ	70
25. 9-го апрѣля 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи при Кронштадтской женской гимназіи	—
26. 9-го апрѣля 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ	71
27. 9-го апрѣля 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи имени Софіи Семеновны Савиной	—
28. 9-го апрѣля 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи при пансіонѣ Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища	—
29. 9-го апрѣля 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи при С.-Петербургскомъ университетѣ	72
30. 9-го апрѣля 1876 года. Обь учрежденіи стипендіи въ Острогской (Воронежской губ.) женской прогимназіи	—

Высочайшіе приказы.

23-го февраля 1876 года (№ 3)	14
9-го апрѣля 1876 года (№ 4)	62

Высочайшія награды.

9-го апрѣля 1876 года	15
26-го апрѣля 1876 года	74

Министерскія распоряженія.

1. 26-го февраля 1876 года. Правила о стипендіяхъ имени Коперника при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ	15
2. 28-го февраля 1876 года. Циркулярное предложеніе гг. помечителямъ учебныхъ округовъ о предоставленіи лицамъ, окончившимъ курсъ ученія въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, званія учителя народнаго училища безъ особаго на то испытанія	16
3. 6-го марта 1876 года. Инструкція совѣту инспекціи на- родныхъ училищъ въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской Волин- ской	17
4. 6-го марта 1876 года. Инструкція инспекторамъ народ- ныхъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волинской	18

5. 13-го марта 1876 года. Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ увеличеніи числа существующихъ нынѣ при университетахъ медицинскихъ стипендій . . .	31
6. 22-го ноября 1875 года. Учебный планъ Лифляндской общественной гимназіи, въ городѣ Феллиѣ	75
7. 10-го апрѣля 1876 года. Лазаретныя правила историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ . . .	85
8. 10-го апрѣля 1876 года. Правила для студентовъ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ.	86
9. 17-го апрѣля 1876 года. Положеніе о стипендіяхъ имени статскаго совѣтника Юрія Юрьевича Козловскаго	92
10. 8-го мая 1876 года. Дополненіе къ ст. 19-й правилъ о подробностяхъ учебнаго дѣла въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія	95

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

14-го февраля 1876 года (№ 3)	32
6-го марта 1876 года (№ 4)	35
13-го марта 1876 года (№ 5)	37
20-го марта 1876 года (№ 6)	39
27-го марта 1876 года (№ 7)	96
10-го апрѣля 1876 года (№ 8)	98

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕБНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгахъ: а) В. А. Беккеръ. Харикль. Сцены изъ жизни древнихъ Грековъ. б) В. А. Беккеръ. Галль. Сцены изъ римской жизни временъ Августа	40
О книгѣ: Учебникъ всеобщей географіи. Составилъ А. Пуляковскій. Изд. 2-е.	—
О книгѣ: Сборникъ ариметическихъ задачъ. Составилъ Д. Назаровъ, инспекторъ Московской 5-й гимназіи	100
О книгѣ: Природа. Популярный естественно-историческій сборникъ. Книга I, съ 6 таблицами и 130 политипажами въ текстѣ	—
О книгѣ: Этимологіи древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго. Е. Бѣлявскій, преподавателя 5-й Московской гимназіи.	—

О книгѣ: „Поэзія, лекціи, читанныя въ Сорбонѣ П. Альберомъ“, переведенныя ученицами Ставропольской гимназіи и изданныя подъ редакціею *М. Краснова*. 104

Изданія С.-Петербургскаго отдѣла славянскаго благотворительнаго комитета: а) „Славянскій сборникъ“, т. I. б) „Этнографическая карта славянскихъ народностей“, *М. Θ. Марковича*, съ статистическими таблицами распредѣленія Славянъ по государствамъ и народностямъ, по вѣроисповѣданіямъ, азбукамъ и литературнымъ языкамъ, съ объяснительною запискою *А. С. Будиловича*. —

Изданныя редакціею журнала *Здоровье* книги: „Здоровье“. Научно-популярный гигиеническій журналъ. Т. I, годъ первый. —

„Очеркъ основъ санитарной дѣятельности“ *А. Добросламина*, адъюнктъ-профессора Императорской медико-хирургической академіи. —

О книгахъ, подъ заглавіями: „Простая, двойная, англійская и другія старыя системы счетоводствъ банковаго, комиссіоннаго, заграничнаго и внутренняго, оптоваго, мелочнаго и мѣноваго торгова“. Составилъ *Θ. Езерскій*. Полная наглядная практика въ двухъ сводахъ: вѣрномъ и утаечномъ. Двѣ части, въ одномъ томѣ. —

„Историческія и поэтическія сказанія о русской землѣ въ хронологическомъ порядкѣ событій“. Пособіе при изученіи отечественнаго языка и исторіи. Составилъ *Θ. Глярога*, преподаватель 3-го военнаго Александровскаго училища. —

Составленныя учителемъ нѣмецкаго языка при училищѣ св. Анны въ С.-Петербургѣ *Артуромъ Бреле* книги: а) „Нѣмецкая грамматика для русскихъ гимназій и реальныхъ училищъ“. б) „Elementargrammatik der deutschen Sprache für untere Classen deutschen Schulen in Russland“. в) „Grammatik der deutschen Sprache für obere Classen deutschen Schulen in Russland“. 102

О книгѣ: „Синтаксисъ нѣмецкаго языка для реальныхъ училищъ и гимназій“. Составилъ примѣнительно къ новой программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія, *К. Клоосе*, преподаватель нѣмецкаго языка при Новгородской гимназіи. —

О книгѣ: „Начальная алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ“. Составилъ *А. Лева*. Въ 2-хъ частяхъ. Ч. I, курсъ алгебры, ч. II, собраніе алгебраическихъ задачъ. Четвертое изданіе, значительно передѣланное. —

- Составленные *И. Гавриловым*, наставникомъ - руководителемъ при гимназiи Императорскаго историко-филологическаго института книги: „Письменные упражненiя“. Руководство въ веденiю и составленiю ученическихъ сочиненiй въ среднихъ учебныхъ заведенiяхъ. Второе исправленное изданiе. 102
- „Стилистическiя задачи для четырехъ высшихъ классовъ“. Разказы, описанiя, сравненiя и переводы. Изданiе второе, исправленное и значительно дополненное —
- „Примѣненiе стилистическихъ задачъ въ связи съ преподаванiемъ грамматики и чтенiемъ хрестоматiи“ —
- Темы, расположенiе и материалы для сочиненiй въ старшихъ классахъ“. Выпускъ первый. —
- О книгѣ: „Пособiя при практическихъ занятiяхъ при первоначальномъ изученiи русскаго языка въ гимназiяхъ“. Книга 3-я, составилъ *М. Николетко*. Изданiе 2-е 103
- О книгѣ: „Начала начертательной геометрiи“. Руководство для реальныхъ училищъ. Составилъ *К. Мамшевъ*. Изданiе 2-е. (съ таблицами чертежей) —
- ОПРЕДЕЛЕНIЯ ОСОВАГО ОУДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНIЯ.**
- О составленныхъ *Д. Тихонравовымъ* книгахъ: 1) „Букварь для совмѣстнаго обученiя чтенiю и письму“. Изданiе 3-е. 2) „Руководство для учащихся по букварю для совмѣстнаго обученiя чтенiю и письму“. Изданiе 3-е. 41
- Брошюры подъ заглавiемъ: „Нашъ котъ Васяка“ и „Быль“. —
- Журналъ „Воскресные разказы“. Чтенiе для народа и дѣтей. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ. Годъ 2-й, № 1—12. —
- Изданныя постоянною комиссiею по устройству народныхъ чтенiй въ С.-Петербургѣ брошюры подъ общимъ заглавiемъ: „Народныя чтенiя“. 1) „Александръ I Благословенный“, съ 10 раскрашенными картинками. 2) „Отечественная война“. Чтенiе первое. „Бородино“, съ 8 раскрашенными картинками. 3) „Отечественная война“. Чтенiе второе. „Бѣгство Французовъ“, съ 7 раскрашенными картинками 103
- Составленную *Н. Соловьевымъ-Несмеловымъ* и *А. Волковымъ* книгу: „Хрестоматiя“. Сборникъ для чтенiя. Часть II. По родному языку, съ материаломъ для внѣклассныхъ занятiй. Изданiе исправленное —

Брошюры: „Купецъ Иголкинъ и его подвигъ“ (Историческая быль временъ Петра I-го), съ 4 картинами. *Мижневича* . . . 103 ✓
 „Куликовская битва“. *Рождественскою* (съ 5 картинами) . . . 105 ✓
 Официальныя извѣщенія. 41 и 104 ✓
 О третьемъ присужденіи премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія. . . . 105 ✓
 Отзывъ особой комиссіи, разсматривавшей сочиненіе Я. Е. Гуревича, удостоенное преміи Императора Петра Великаго, при третьемъ присужденіи ея въ 1876 году. 107 ✓

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Первыя страницы русской исторіи. *Д. Θ. Щелова* . . . 1 и 163
 Индѣйскія сказки. *И. П. Минаева* 69
 Иванъ Посошковъ какъ экономистъ. *А. Г. Брикнера* 97 ✓
 Объ условіяхъ поступленія на государственную гражданскую службу въ европейскихъ государствахъ. *Вл. П. Безобразова*. . . 152
 Торговля и мирныя сношенія русскихъ княжествъ съ Ливоніей въ XIII вѣкѣ. *И. Тихомирова* 163
 Городское населеніе Новгородской области въ XVI вѣкѣ. *А. Ильинскаго*. 210
 Ведійскіе этюды. *В. Θ. Миллера*. 279
 Опыты по исторіи развитія христіанской легенды. IV. *А. Н. Веселовскаго*. 326
 Русско-византійскіе отрывки. IV. *В. Г. Васильевскаго*. . . . 369 ✓

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Catalog der hebräischen Bibelhandschriften der Kaiserlichen öffentlichen Bibliothek in St.-Petersburg. Von *A. Harkavy* und *H. L. Strack*. (Описаніе еврейскихъ Библейскихъ рукописей, хранящихся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, составленное *А. Гаркави* и *Г. М. Стракомъ*). *Г. М. Страка* 175 ✓
 Еврейская грамматика В. Гезеніуса. Переводъ профессора *К. Косовича* 153
 Еврейская хрестоматія съ ссылками на грамматику Гезеніуса и глоссаріемъ еврейско-русскимъ, составленная профессоромъ *К. Косовичемъ*. *Г. М. Страка* —
 Краткій очеркъ англійскихъ владѣній въ Азіи. Составилъ *М. Венюковъ*. *И. П. Минаева* 157

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Учебники и книги для чтенія	1.
О практическихъ упражненіяхъ при преподаваніи новой русской исторіи въ университетахъ. <i>А. Г. Брикнера</i>	17 ✓

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Списокъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, какъ существовавшихъ до 1866 года, такъ и учрежденныхъ въ теченіе 1866—1876 гг., съ повязаніемъ, на какія изъ этихъ учебныхъ заведеній и въ какомъ количествѣ отпускаются суммы изъ городскихъ доходовъ и земскихъ сборовъ	1.
--	----

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: университеты и низшія училища	24 и 59 ✓
--	-----------

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

De Vergilii Aeneidos I, 390—401. <i>Lucianus Mueller</i>	3
Г. Модестовъ, какъ критикъ и ученый. <i>Э. Верта</i>	7
Сравненіе изъ Энеиды Вергилія. <i>Ив. Боровиковскаго</i>	40 ✓
Древняя метрика и разработка ея новѣйшими филологами. <i>Л. Г.</i>	77
Еще по поводу славянскаго имени въ помпейскихъ надписяхъ. Отвѣтъ г. Верту. <i>В. И. Модестова</i>	89 ✓

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Карта (на двухъ листахъ) учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Древняя метрика и разработка ея новѣйшими филологами Л. І.

Еще по поводу славянскаго имени въ помпейскихъ надписяхъ В. И. Модестова.

Редакторъ Е. Семеновъ.

(Вышла 1-го июня)

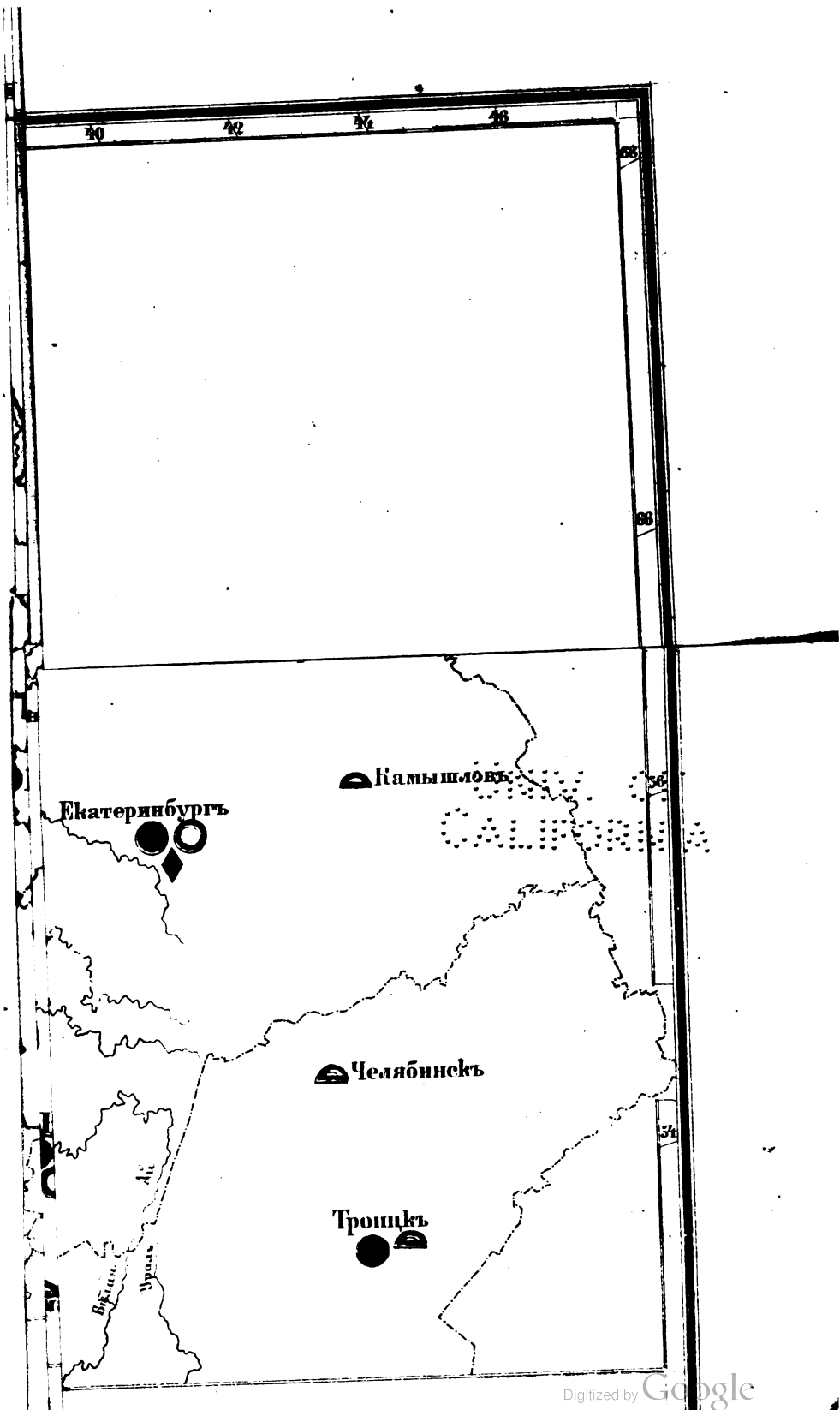
ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич. и наукъ, критики и библиографіи, и современную летопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того желающіе могутъ прибрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875-й (последній съ Мартовской книжки) платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

Екатеринбургъ

Камышовскъ

Челябинскъ

Троицкъ

Уралъ
Бѣлая

YD 2265

854554

W 451
A 1
51185

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

